

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

~~147~~
93

$$A 16453 = \frac{125}{4m}$$

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY

РУССКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1870.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ЗАПИСКИ

АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ:

ЧАСТИ I—VII.

STANFORD LIBRARY
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. Головина

Владимірская. л. № 15

1870.

DK
36
v 1

343619

VIA 9801 1104M472

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ

ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

1788 — 1793.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ I ТОМУ ИЗД. „РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 Г.

*Точное изображеніе,
Мой комнаты и мѣста, гдѣ писана
Ся книга . въ 1789. и 1790. году . въ обгородкѣ.*

рис. А. Т. Болотовъ. 1789 г.

грав. Л. А. Сѣряковъ.

А. Т. БОЛОТОВЪ.

род. 7 Октября 1738 г. ум. 7 Октября 1833 г.

Записки Андрея Тимофеевича Болотова составляют одно изъ драгоценнѣйшихъ достояній нашей исторической литературы. Обнимающій внутренній бытъ русскаго общества за все XVIII столѣтiе, а именно съ царствованiя Петра Великаго по 1793 годъ включительно—онѣ касаются самыхъ разнообразныхъ его сторонъ. Такимъ образомъ, въ этомъ историко-литературномъ памятникѣ заключаются живѣйшія подробности о домашнемъ и общественномъ воспитанiи русскихъ дворянъ прошлаго вѣка, ихъ домашней же и общественной жизни, также о прохожденiи ими военной и гражданской службы; о жизни нашихъ предковъ въ деревнѣ, въ провинціальныхъ городахъ и въ столицахъ, о состоянiи сельскаго хозяйства, о состоянiи въ томъ вѣкѣ русской литературы, науки и книжной торговли; о военныхъ дѣйствiяхъ XVIII вѣка—въ особенности объ участiи Россiи въ войнѣ съ Фридрихомъ II и о войнахъ Екатерины II съ турками, поляками и шведами. Въ-стѣ съ симъ записки представляютъ послѣдовательный рассказъ о разныхъ распоряженiяхъ правительствъ—восьми царствованiй, съ Петра I по царств. Екатерины II включительно; здѣсь же находится довольно много подробностей о русскомъ дворѣ эпохи Елисаветы, Петра III и Екатерины II; тутъ же разсыяно множество драгоценнѣйшихъ подробностей для биогра-

фiй государственныхъ, военныхъ и вообще общественныхъ русскихъ дѣятелей—за время преимущественно съ 1740 по 1793 годъ включительно; наконецъ почтенный авторъ этихъ записокъ, повѣствуя о дворянскомъ сословiи по преимуществу и подымаясь иногда въ высшіе слои его, не забываетъ и народъ. Фигуры русскаго крестьянина, русскаго солдата, русскаго священника выпукло выдѣляются въ полномъ жизни и правды—рассказъ Болотова.

Лучшія стороны этого рассказа составляютъ необыкновенная искренность автора, любовь къ правдѣ и къ дорогому отечеству. Болотовъ есть полный представитель лучшихъ русскихъ людей прошлаго столѣтiя. Большія природныя дарованiя онъ развилъ упорнымъ изученiемъ наукъ и литературы какъ отечественной, такъ и иностранной, въ особенности нѣмецкой. Независимо отъ этого, это былъ человекъ прекраснѣйшихъ душевныхъ качествъ: въ запискахъ его какъ въ зеркалѣ—отражается его чистое, прекрасное сердце. Отсюда эта теплота рассказа, эта правдивость, этотъ добродушнѣйшій юморъ.

Обширную начитанностью Болотова объясняется замѣчательная легкость и живость изложенiя его рассказа. Мѣстами онъ до того увлекателенъ, что невольно забываешь, что это пишетъ человекъ, родившійся въ царствованiе Анны

Иоанновны и первоначально обучавшія чуть еще ни у дѣдушекъ— знаменитыхъ російскихъ педагоговъ: «Кутейкина», «Цыфиркина» и «Вральмана».

Вотъ главнѣйшіе факты жизни Болотова.

Андрей Тимоѣевичъ родился въ Тульской губерніи 7 октября 1738 г.; десяти лѣтъ онъ зачисленъ кадетармусомъ въ армейскомъ полку, командуемомъ его отцемъ; на двѣнадцатомъ году Болотовъ теряетъ отца, а два года спустя умираетъ его мать. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, по происхожденію своему изъ дворянъ средней руки и при томъ весьма недостаточный,— начинаетъ самъ прокладывать себѣ дорогу. Въ 1755 году Болотовъ, волею неволею, вступаетъ, въ дѣйствительную службу сержантомъ въ Архангелогородской полкъ, девятнадцатилѣтнимъ офицеромъ—принимаетъ участіе въ кровавыхъ битвахъ русскихъ съ пруссаками и затѣмъ, пробывъ въ дѣйствующихъ войскахъ съ 1756 по 1762 годъ, онъ, однимъ изъ первыхъ, — спѣшитъ воспользоваться свободою, представленною російскому дворянству манифестомъ 18 февраля 1762 года. Добродушный, тихій нравъ и любовь къ умственнымъ занятіямъ— чтенію, письму, рисованью, а также къ сельскому хозяйству влекли Болотова изъ среды военнаго міра. Онъ оставляетъ полкъ, радуется, что судьба спасла его отъ участія въ событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II, ни мало не сожалѣетъ о чинахъ и почестяхъ, которыми готовы были его осыпать его друзья, сторонники новой государыни, еслибы онъ принялъ участіе въ ихъ дѣйствіяхъ, — женится и окончательно поселяется въ родовомъ своемъ селцѣ Дворяниновѣ, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи,

гдѣ и проводитъ 70 лѣтъ въ трудахъ ученыхъ и литературныхъ. Живя въ уединеніи, Болотовъ, не упуская ни малѣйшей бытовой черты той жизни, которая его охватила, сталъ заносить въ свою автобіографію все, что относилось до тогдашней какъ государственной, такъ и общественной жизни Россіи, что, при установившихся его сношеніяхъ съ Н. И. Новиковымъ и другими образованнѣйшими общественными дѣятелями Москвы, а также и при его страсти къ чтенію книгъ, газетъ и журналовъ, представлялось дѣломъ довольно легкимъ.

Болотовъ умеръ 7 октября 1833 года, 96 лѣтъ отъ роду.

Здѣсь-то, въ деревнѣ, въ возрастѣ уже пожиломъ, Болотовъ начинаетъ свой многотомный трудъ, нынѣ предлагаемый читателямъ и пишеть его съ поразительнымъ постоянствомъ около тридцати лѣтъ. А именно, начавъ первый томъ въ 1789 году, Болотовъ двадцать девятую его часть оканчиваетъ въ 1816 году *).

*) Кроме записокъ, Болотовъ оставилъ нѣсколько ученыхъ и литературныхъ трудовъ, изъ которыхъ при жизни его были напечатаны: 1) Дѣтская философія, или правоучительные разговоры между одною госпожею и ея дѣтьми, сочиненные для поспѣшествованія истинной пользы молодыхъ людей, 2 части, Москва, 1776—1779 г.; 2) Экономическій Магазинъ или собраніе всякихъ экономическихъ извѣстій, опытовъ, открытій, примѣчаній, наставленій, записокъ и совѣтовъ, относящихся до земледѣлія, скотоводства, до садовъ и огородовъ, до луговъ, лѣсовъ, прудовъ, разныхъ продуктовъ, до деревенскихъ строеній, домашнихъ лекарствъ, врачебныхъ травъ и до другихъ всякихъ нужныхъ и не бесполезныхъ городскихъ и деревенскимъ жителямъ вещей, въ пользу російскихъ домостроителей, 40 частей, Москва, 1780—1789 г. Магазинъ

Громадный труд Болотова есть, безспорно, одинъ изъ наиглавнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи русскаго общества восемнадцатаго столѣтія. Внѣшняя сторона рукописи также не безъинтересна. Она разбивается на двадцать девять томиковъ, въ одинокый малый, восьмидольный форматъ и почти одинаковаго объема: 400 съ небольшимъ страницъ въ каждомъ томикѣ. Всѣ 29 частей писаны рукой Болотова почти безъ малѣйшихъ помарокъ. Последнее обстоятельство объясняется тѣмъ, что каждый томикъ предварительно написывался авторомъ вчернѣ и затѣмъ имъ же самимъ переписывался. И какъ переписывался! Никакой искусный каллиграфъ того времени не положилъ бы столько старанія и труда при этомъ, какіе употребилъ Болотовъ. Почеркъ его четокъ, ясенъ, красивъ, — на каждой

этотъ издавался листами при «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; 3) «Братія, на опытахъ основаннаго замѣчанія о электрицизми и о способности электрическихъ машинъ помогатию отъ разныхъ болѣзней, съ изображеніемъ и описаніемъ наипростѣйшаго рода машинъ и разныхъ способовъ, употребляемыхъ при врачеваніи ими болѣзней». Спб. 1803 г. съ фигурами. — Кроме того, Болотовъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» и, вслѣдствіе этого въ первые десяти годы существованія этого журнала онъ помѣстилъ въ немъ много своихъ статей по сельскому хозяйству. Познанія Болотова въ этой отрасли науки были громадны и это едва ли не самый замѣчательный русскій агрономъ XVIII столѣтія.

Краткая біографія А. Т. Болотова напечатана С. А. Масловымъ въ «Земледѣльческомъ журналѣ» 1838 года, кн. 8. Г. Масловъ отдалъ полную дань уваженія достопамятному русскому агроному и по-

страницъ одинаковое число строкъ, чуть не одинаковое число буквъ; каждое письмо къ фантастическому пріятелю (записки вмѣсто главъ разбиваются на письма) имѣетъ особое заглавіе; въ первыхъ томикахъ находятся фигурныя буквы, затѣмъ виньетки и заставки, и все это рисовано перомъ самимъ авторомъ довольно красиво и отчетливо. Смѣло можно сказать, что въ нашей литературѣ историческихъ записокъ XVIII вѣка нѣтъ другой такой рукописи, которая бы такъ была любопытна и съ внѣшней своей стороны. Не довольствуясь мелкими рисунками, авторъ приложилъ нѣсколько картинокъ, сдѣланныхъ имъ водяными красками, а къ первому томику приложилъ свой собственный портретъ.

При всѣхъ этихъ и внутреннихъ, и внѣшнихъ достоинствахъ, многолѣтнему и многотомному труду Болотова не посчастливилось въ русской литературѣ.

Долго хранились записки его въ неизвѣстности, въ семейномъ архивѣ его потомковъ. Въ 1839 году въ «Сынѣ Отечества» (кн. VIII и IX) появляются первые небольшіе отрывки изъ записокъ Болотова — самымъ безцеремоннымъ образомъ противъ подлинника передѣланные и исправленные. Въ 1850 году записки эти начинаютъ дѣлаться извѣстными русскому обществу въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1850 года, а именно въ томахъ: LXIX, LXX; LXXI и LXXII помѣщены первыя четыре части записокъ Болотова; въ 1851 году въ томъ же журналѣ (томъ: LXXIV, LXXV и LXXIV) напечатаны пятая и шестая части. Но любопытно обратить вниманіе на то, какъ напечатана эта пятая лишь доля автобіографіи Болотова. Мы взяли на

себя трудъ самымъ тщательнымъ образомъ сличить текстъ печатный съ подлинникомъ и не нашли сряду десятка строкъ, которыя не были бы исковерканы тѣми лицами, которыя сообщили рукопись редакціи. Не говоря уже о томъ, что весь строй разсказа Болотова, вся его форма — передѣланы, слогъ исправленъ, большая часть его разсужденій, ярко рисующихъ нравственный обликъ разсказчика, выброшены, пострадала и фактическая сторона записокъ. Въ доказательство отмѣтимъ особенно крупныя сокращенія, сдѣланныя въ подлинникѣ записокъ Болотова при напечатаніи первыхъ шести его частей.

Въ I части, въ 3-мъ письмѣ въ печати мы не находимъ, между прочимъ, предсказанія, сдѣланнаго однимъ странникомъ-монахомъ бабкѣ Андрея Тимоѣевича Болотова.

Въ 4-мъ письмѣ въ печати нѣтъ въ высшей степени простодушнаго разсказа о первомъ днѣ рожденія Андрея Тимоѣевича и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ этотъ фактъ.

Въ 10-мъ письмѣ въ печати довольно большой пропускъ тѣхъ страницъ рукописи, на которыхъ трактуется о нѣкоторомъ курляндскомъ дворянинѣ Корфѣ.

Во II части, въ письмѣ 15-мъ, находится довольно много пропусковъ въ разсказѣ о сельскомъ духовенствѣ, разсказѣ весьма невиннаго свойства, но довольно характеристичнаго для знакомства съ положеніемъ въ средѣ дворянскихъ семей, того времени, духовенства и для обрисовки отношеній лицъ этого сословія между собой. Въ 16-мъ письмѣ той же части значительныя выпуски подробностей, относящихся до злоупотребленій тогдашнихъ воеводъ.

Въ 18-мъ письмѣ сдѣланъ гро-

мадный пропускъ въ чрезвычайно характеристичной сценѣ изъ учебнаго быта Андрея Тимоѣевича Болотова.

Въ письмѣ 19-мъ опять большой пропускъ въ разсказѣ о тогдашнихъ суевѣріяхъ.

Въ 23-мъ письмѣ выброшенъ довольно характеристичный разсказъ изъ сельской жизни автора.

Въ III части записокъ встрѣчается много пропусковъ, преимущественно тѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ дозволяетъ себѣ характеризовать нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе высшихъ, военныхъ дѣятелей своего времени; такого рода пропуски особенно часты въ письмахъ 27, 28 и 29-мъ.

Вообще всякаго рода злоупотребленія въ тогдашней военной службѣ, откровенно и незлобно передаваемые Андреемъ Тимоѣевичемъ въ его запискахъ, не были воспроизведены въ печатномъ изданіи или правильнѣе сказать, извлеченіи изъ первыхъ шести частей его записокъ. Равнымъ образомъ, не переданы весьма интересныя подробности русскаго солдатскаго быта прошлаго столѣтія, о которомъ, кетати сказать, мы крайне мало знаемъ, и тѣмъ, казалось бы, слѣдовало болѣе дорожить тѣми данными, которыя мы встрѣчаемъ у нашихъ правдивыхъ и обстоятельныхъ писателей, каковъ Болотовъ. Достойно замѣчанія, что выпуски и искаженія при печатаніи первыхъ томиковъ его труда коснулись даже тѣхъ мѣстъ его простодушнаго разсказа, въ которыхъ повѣствуется о его любовныхъ шапняхъ. Такого рода пропуски въ письмѣ 34-мъ и др.

Чтобы нагляднѣе судить, до чего доходило, не далѣе какъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, искаженіе историческихъ памятниковъ при напечатаніи ихъ, мы при-

ведемъ на удачу нѣсколько выдержекъ изъ печатнаго текста Болотовыхъ записокъ—составивъ ихъ

Часть IV, письмо 40, стр. 128 по рукописи:

Наконецъ 15-го числа пришли мы къ польскому мѣстечку Вербалову, которое было самое почти послѣднее до прусской земли, и какъ мы симъ образомъ къ неприятельской землѣ совсѣмъ почти уже приближились, то поставленъ былъ лагерь всей арміи опять вмѣстѣ и баталіонъ кареимъ. Также употребляемы были уже предосторожности. Передъ фрунтомъ закинуты были у насъ рогатки, власно такъ какъ бы пруссаки были турки и татары, были у насъ уже на носу и могли насъ всѣхъ перерубить и искрошить въ мелкія части, еслибъ не взяли сей смѣшной предосторожности, хотя они были отъ насъ и весьма еще далеко. Но сего было еще не довольно. За рогатки сія на всякую ночь обводились еще превеликіе бекеты при пушкахъ и гаубицахъ, и ничто намъ такъ не досадно было, какъ сія проклятые бекеты, въ которыхъ принуждены мы были ночевать въ ружьѣ и безъ палатки, которая предосторожность была совсѣмъ еще не нужна и служила только къ приученію насъ къ военнымъ трудамъ, а того болѣе къ напрасному отягощенію.

Въ семь мѣстѣ и не входя еще въ прусскія границы стояла армія опять цѣлую недѣлю, отчасти дожидаясь назадъ еще идущей нашей кавалеріи, отчасти бравъ время для развѣданія о неприятелѣ и о мѣстахъ, куда намъ идти надлежало, въ которое время на другой день прибылъ къ намъ дѣйствительно генералъ-маіоръ гр. Петръ Александровичъ Румянцевъ со всею кавалеріею и кирасирскими полками, съ которыми онъ изъ Россіи шелъ черезъ Польшу совсѣмъ иной дорогой.

Въ послѣдующій день, т. е. 17 іюля, пойманъ былъ уже прусскій шпионъ, развѣзжающій подъ видомъ польскаго шляхтича съ собаками. Я думаю, онъ хотѣлъ, увидѣвъ нашу трусоватость и излишнія предосторожности. Его поймали наши казаки и провезли мимо насъ къ фельдмаршалу. Говорили тогда, будто бы онъ былъ прусскій поручикъ съ двумя солдатами. Черезъ сіе узнали мы, что и неприятель съ своей

съ соответственными мѣстами подлинника.

Вотъ образчики:

Въ печатномъ изданіи От. Зап. 1850 г. т. IXXII стр. 262—263.

«Наконецъ 15-го числа пришли мы къ польскому мѣстечку Вербалову, которое было самое почти послѣднее до прусской земли. Такъ какъ мы симъ образомъ къ неприятельской землѣ совсѣмъ почти уже приближились, то поставленъ былъ лагерь всей арміи опять вмѣстѣ и баталіонъ кареимъ; также употребляемы были уже все предосторожности. Передъ фронтомъ закинуты были у насъ рогатки, какъ будто пруссаки были турки и татары и находились у насъ уже на носу и безъ сей предосторожности могли насъ всѣхъ перерубить и искрошить въ мелкія части, хотя они были отъ насъ и весьма еще далеко. Но сего было еще не довольно; за рогатки сія на всякую ночь выводились еще превеликіе бекеты при пушкахъ и гаубицахъ. Ничто такъ насъ не досадовало, какъ сія бекеты, въ которыхъ принуждены мы были ночевать въ ружьѣ и безъ палатокъ, которая предосторожность была совсѣмъ еще не нужна и служила только къ приученію насъ къ военнымъ трудамъ.

Въ семь мѣстѣ, и не входя еще въ прусскія границы, стояла армія опять цѣлую недѣлю, отчасти дожидаясь назадъ еще идущей нашей кавалеріи, отчасти бравъ время для развѣданія о неприятелѣ и о мѣстахъ, куда намъ идти надлежало. На другой день прибылъ къ намъ дѣйствительно генералъ-маіоръ гр. Петръ Александровичъ Румянцевъ со всею кавалеріею и кирасирскими полками, съ которыми онъ изъ Россіи шелъ черезъ Польшу совсѣмъ иной дорогой.

Въ послѣдующій день, т. е. 17 іюля пойманъ былъ уже прусскій шпионъ, развѣзжавшій подъ видомъ польскаго шляхтича съ собаками. Я думаю, онъ увидѣлся, увидѣвъ наши предосторожности. Его поймали наши казаки, и провезли мимо насъ къ фельдмаршалу. Говорили тогда, будто бы онъ былъ прусскій поручикъ съ двумя солдатами. Черезъ сіе узнали мы, что и неприятель, съ своей стороны, былъ не безъ дѣла, но бравъ равноумно нѣкоторыя и существенныя предосторожности.

сторонам былъ не безъ дѣла, но бразъ равнодѣрно и некоторымъ, однако существеннѣйшимъ предосторожности.

18-го числа сдѣланы были въ арміи нашей опять новыя распоряженія между полками. Некоторые полки назначены были въ авангардный корпусъ, которому бы идти всегда впередъ, и команда надъ нимъ поручена была генералъ-поручику Ливену, который у насъ въ арміи почитался искуснѣйшимъ и разумнѣйшимъ генераломъ, а другіе полки переведены были изъ бригады въ бригаду. Отъ насъ отняли тогда также Нарвскій и Выборгскій полки, а на мѣсто ихъ опредѣлили въ бригаду, Бѣлозерскій и Бутырскій. Богу известно, на что происходила тогда такая тасовка.

Синъ кончился тогда весь нашъ походъ черезъ Польшу и дружескія земли, и нашъ съ сего времени начался въ непріятельской, то дозволяете мнѣ, любезный пріятель, синъ письмомъ сіе кончить и проч.

Часть IV, письмо 44 стр. 231 подлинной рукописи:

Первая тревога.

Любезный пріятель, теперь приближился уже и къ важнѣйшему пункту времени изъ всей тогдашней нашей кампаніи, или до прямыхъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, ибо упомянутое до сего состояло по большей части только въ единыхъ стычкахъ или маленькихъ и неважныхъ сраженіяхъ, кои, какъ известно, не бываютъ никогда рѣшительны и обращаются только обыкновенно обвинъ арміямъ въ безпокойство, отягощеніе и въ пустую растерю людей. Или, короче сказать, теперь по порядку пришлось мнѣ вамъ рассказывать о нашей Анраксинской баталіи, о которой слышались вы довольно, но подлинныхъ, притомъ бывшихъ происшествій вѣрно не знаете. Но можно ли вамъ и знать, когда вы сами при томъ не были, а по однимъ слухамъ подлинно всезнать ни коимъ образомъ не можно. Собственные примѣры мнѣ сіе довольно доказали.

Совсѣмъ тѣмъ не дожидаетесь того, чтобъ и вамъ сообщилъ въ подробности всѣ, при томъ бывшія обстоятельства, но я напередъ вамъ при-

18 числа сдѣлано было въ нашей арміи опять новое распоряженіе между полками. Некоторые полки назначены были въ авангардный корпусъ, которому бы идти всегда впередъ, и команда надъ нимъ поручена была генералъ-поручику Ливену, который у насъ въ арміи почитался искуснѣйшимъ и разумнѣйшимъ генераломъ, а другіе полки переведены были изъ бригады въ бригаду. Отъ насъ отняли тогда также Нарвскій и Выборгскій полки, а на мѣсто ихъ опредѣлили Бѣлозерскій и Бутырскій.

Часть IV, записокъ Волотова въ печатномъ изданіи въ Отеч. Запискахъ т. LXII, стр. 285.

Первая тревога.

Теперь приближился уже и къ важнѣйшему пункту времени изъ всей тогдашней нашей кампаніи, или касаясь до прямыхъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля; ибо все, доселѣ мной описанное, состояло большею частью только въ единыхъ стычкахъ или маленькихъ и неважныхъ сраженіяхъ, кои, какъ известно, не бываютъ никогда рѣшительны, и обращаются только обвинъ арміямъ въ безпокойство, отягощеніе и въ пустую трату людей; короче сказать, теперь по порядку пришлось мнѣ рассказывать о нашей анраксинской баталіи, о которой вслѣдъ довольно слышался, но подлинныхъ, бывшихъ происшествій навѣрное не знаетъ. Совсѣмъ тѣмъ, не ожидайте того, чтобъ я сообщилъ вамъ въ подробности всѣ притомъ бывшія обстоятельства. Я напередъ признаюсь, что мнѣ самому въ подробности они неизвѣстны, несмотря на то, что я дѣйствительно самъ притомъ былъ и все своими глазами видѣлъ. Да и можно ли такому маленькому человѣку, какинъ я тогда былъ, знать въ подробности происходившее въ арміи, въ такое время, когда все находилось въ превеликомъ замѣшательствѣ, и

знаюсъ, что мнѣ самому всё подробности оной не извѣстны, несмотря на то, хотя и дѣйствительно самъ при томъ былъ и все своими глазами видѣлъ, да и можно ли такому маленькому человѣку, каковъ я былъ тогда, знать всё подробности, происходившія въ арміи въ такое время, когда все находилось въ превеликомъ замѣшательствѣ и когда мнѣ, бывшему тогда по случаю ротнымъ командиромъ, отъ мѣста и отъ роты своей ни на шагъ отлучиться было нигде не можно. Итакъ, не иное что остается, какъ сообщить вамъ то, что мнѣ можно было самому видѣть и что дошло до моего свѣдѣнія. Армію въ походѣ не знало, какъ съ великимъ и многолюднымъ городомъ сравнить можно, въ которомъ человѣку, находящемуся въ одномъ углу конечно всего того въ подробности знать не можно, что на другомъ краю дѣлается и происходитъ, и я не надѣюсь, чтобъ кто-нибудь, не исключая и самихъ предводителей, могъ всё подробности при баталіи въ самой точности знать. Общее смятеніе и замѣшательство, шумъ, воняи, пыль, густота дыма, а наче всего и всемѣстная опасность и тысяча другихъ обстоятельствъ тому препятствовать могутъ. При такихъ обстоятельствахъ иное ли что остается, какъ сообщить вамъ только то, что случай допустилъ мнѣ самому видѣть или о чемъ съ достоверностью могъ я тогда слышать. Но какъ сія баталія была тогда одна, которую мнѣ самому видѣть случилось, то въ изображеніе недостатна въ прочемъ, постараюсь по крайней мѣрѣ изобразить все, видѣнное мной, живѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ, дабы вы могли всё видѣнное мной происшествія вообразить себѣ несовершеннѣйшимъ образомъ и получить объ нихъ такое понятіе, какъ бы вы сами оное видѣли.

Но прежде приступленія къ собственному повѣствованію о баталіи и т. д. >

Приведенныхъ нами выписокъ, какъ кажется, достаточно, чтобы имѣть понятіе о тѣхъ искаженіяхъ, которымъ подверглась почти каждая страница первыхъ шести частей подлинныхъ записокъ Болотова при напечатаніи ихъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Восемь лѣтъ спустя по-

года мнѣ, бывшему тогда ротнымъ командиромъ, отъ мѣста и роты своей ни на шагъ отлучиться было не можно. Итакъ, не иное что остается, какъ сообщить то, что мнѣ можно было самому видѣть и что дошло до моего свѣдѣнія.

Армію въ походѣ не иначе, какъ съ великимъ и многолюднымъ городомъ сравнить можно, въ коемъ человѣку, находящемуся въ одномъ углу, конечно, всего того въ подробности знать не можно, что на другомъ краю дѣлается и происходитъ, и я не надѣюсь, чтобъ кто-нибудь, не исключая и самихъ предводителей, могъ всё подробности при баталіи въ самой точности знать. Общее смятеніе и замѣшательство, шумъ, пыль, густота дыма и тысяча другихъ обстоятельствъ, тому препятствовать могутъ. При такихъ обстоятельствахъ не иное что остается, какъ сообщить только то, что случай допустилъ мнѣ самому видѣть, или о чемъ съ достоверностью могъ я тогда узнать».

слѣ первой попытки кое-что напечатать изъ записокъ Болотова — сдѣлана была вторая попытка въ этомъ же родѣ: въ 1858 году въ «Библиотекѣ для Чтенія» въ т. CXLVIII, CL и CLII, и наконецъ въ томъ же журналѣ въ 1860 году, въ т. CLVIII напечатаны части 7, 8

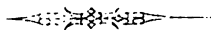
и 9 записокъ; но и при этомъ— явилась лишь выборка отдѣльныхъ эпизодовъ, причемъ, впрочемъ, искаженій собственно языка подлинника мало, но пропуски въ печати противъ подлинной рукописи встрѣчаются десятками страницъ, и это въ описаніи событий въ высшей степени интересныхъ въ 1760—1762 годахъ.

Просвѣщенной любви къ литературѣ отечественной исторіи — Павла Алексѣевича и Владиміра Алексѣевича Болотовыхъ, — родныхъ правнуковъ Андрея Тимофеевича, — «Русская Старина» обязана тому, что получила возможность, съ перваго же своего выпуска, начать печатаніе драгоценныхъ записокъ. Въ виду неоспоримыхъ достоинствъ и важности труда А. Т. Болотова, объемъ его не пугаетъ редакцію «Русской Старины»; но чтобы читатели въ возможно скорѣйшемъ времени получили полный экземпляръ этихъ записокъ, мы печатаемъ ихъ въ возможно компактномъ видѣ, въ два столбца и мелкимъ, хотя, какъ могутъ замѣтить, вполне четкимъ шрифтомъ. Въ тѣхъ же видахъ, мы не сочли возможнымъ обставлять эти записки какими бы то ни было примѣчаніями: въ против-

номъ случаѣ это чрезвычайно отдалило бы время окончательнаго отпечатанія всѣхъ частей записокъ Болотова. Впрочемъ; въ случаѣ, если представится то удобнымъ, «Русская Старина» не замедлитъ, начиная съ одной изъ послѣдующихъ частей записокъ Болотова, печатать ихъ, въ этомъ же форматѣ и тѣмъ же шрифтомъ, совершенно отдѣльными отъ журнала выпусками, именно для того, чтобы этотъ драгоценный историко-литературный памятникъ скорѣе явился во всемъ своемъ объемѣ въ свѣтъ, и въ такомъ случаѣ собственно при журналѣ, взаимнѣ автобіографіи Болотова, явятся мемуары другихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей; собраніемъ записокъ и воспоминаній которыхъ редакція «Русской Старины» весьма богата.

Въ заключеніе скажемъ, что записки Болотова являются въ нашемъ изданіи безъ малѣйшихъ пропусковъ или тѣмъ болѣе искаженій. Но печатая ихъ дословно, мы не нашли нужнымъ воспроизводить орѳографію подлинника, такъ какъ она, безъ всякой пользы для дѣла, затрудняла бы чтеніе.

М. Семевскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предъувѣдомленіе.

Не тщеславіе, и не иныя какія намѣренія побудили меня написать сію исторію моей жизни; въ ней нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ и такихъ достопамятныхъ и важныхъ происшествій, которыя-бы достойны были переданы быть свѣту, а слѣдующее обстоятельство было тому причиною.

Мнѣ во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были такъ нерадивы, что не оставили послѣ себя ни малѣйшихъ письменныхъ о себѣ извѣстій, и чрезъ то лишили насъ, потомковъ своихъ, того пріятнаго удовольствія, чтобъ имѣть о нихъ, и о томъ какъ они жили, и что съ ними въ жизни ихъ случалось и происходило, хотя нѣкоторое небольшое свѣдѣніе и понятіе. Я тысячу разъ сожалѣлъ о томъ, и дорого бы заплатилъ за каждый лоскутокъ бумажки съ таковыми извѣстіями, еслибы только могъ отыскать что-нибудь тому подобное. Я винилъ предковъ моихъ за таковое небреженіе, и не хотя и самъ сдѣлать подобную ихъ и непростительную погрѣшность, и таковыя же жалобы навлекъ со временемъ и на себя отъ моихъ потомковъ, разсудилъ употребить нѣкоторые праздные и отъ прочихъ дѣлъ остающіеся часы, на описаніе всего того, что случилось со мною во все время продолженія моей жизни; равно какъ и того, что мнѣ о предкахъ моихъ по преданіямъ отъ престарѣлыхъ родственниковъ моихъ, которыхъ я засталъ при жизни, и по нѣкоторымъ не многимъ за-

пискамъ отца моего и дяди, дошедшихъ до моихъ рукъ, было извѣстно, дабы сохранить, по крайней мѣрѣ, и сіе немного отъ забвенія всегдашняго, а о себѣ оставить потомкамъ моимъ незабвенную память.

При описаніи семъ старался я не пропускать ни единого происшествія, до котораго достигала только моя память и не смотрѣлъ, хотя бы нынѣ были изъ нихъ и самыя маловажныя, случившіяся еще въ нѣжнѣйшія лѣта моего младенчества. Сіе послѣднее дѣлалъ я наиболѣе для того, что напоминаніе и прочитываніе происшествій бывшихъ во время младенчества, и въ нѣжныя лѣта нашего возраста, причиняетъ и самимъ намъ нѣкоторое пріятное удовольствіе. А какъ я писалъ сіе не въ томъ намѣреніи, чтобъ издать въ свѣтъ посредствомъ печати, а единственно для удовольствованія любопытства моихъ дѣтей, и тѣхъ изъ моихъ родственниковъ и будущихъ потомковъ, которые похотятъ обо мнѣ имѣть свѣдѣніе: то и не заботился я о томъ, что сочиненіе сіе будетъ нѣсколько пространно и велико; а старался только, чтобы чего не было пропущено, почему въ случаѣ если кому изъ постороннихъ случится читать сіе прямо на-бѣло писанное сочиненіе, то и прошу меня въ томъ и въ ошибкахъ благосклонно извинить. Наконецъ, что принадлежитъ до расположенія описанія сего образомъ писемъ, то сіе учинено для того, чтобъ мнѣ тѣмъ удобнѣе и вольнѣе было рассказывать иногда что-нибудь и смѣшное.

ИСТОРИЯ МОИХЪ ПРЕДКОВЪ И ПЕРВЫЙШИХЪ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Письмо 1-е.

Любезный пріятель!

Наконецъ рѣшился я предпріять тотъ трудъ, который давно уже былъ у меня на умѣ, и который вамъ съ толикою нетерпѣливостію видѣть хотѣлось, а именно, сочинить исторію моей жизни, или описать все то, что случилось со мною во все теченіе моей жизни; я посылаю къ вамъ теперь начало сего труда, предпріятого не менѣе для удовольствованія и вашего любопытства, сколько и для пользы и любопытнаго свѣдѣнія обо мнѣ, моимъ будущимъ потомкамъ. Если трудъ сей будетъ имъ угоденъ, то должны они благодарить нѣсколько и васъ за оный, ибо еслибъ вы не побудили меня къ тому, то можетъ бы не собрался я никогда къ дѣйствительному приступленію къ сему давно уже замышляемому дѣлу. Вы уничтожили нерѣшимость мою и разсѣяли тѣ сумнительства, кои удерживали меня до сего отъ предпріятія теперешняго и нашли способъ, удостовѣрить меня, что обстоятельство, что жизнь моя не такова славна, чтобъ стояла описанія и что въ теченіе оной не случилось со мною никакихъ чрезвычайныхъ, рѣдкихъ и особливаго примѣчанія достойныхъ происшествій, ни мало не мѣшаетъ описать мнѣ жизнь свою. Вы уговорили и увѣрили меня, что въ происшествіяхъ, бывшихъ со мною и безъ того много кой-чего такого найдется, о чемъ можно писать и рассказывать, и о чемъ какъ вамъ, такъ и потомкамъ моимъ можно будетъ не безъ удовольствія и любопытства читать и слушать. Но я не знаю, не ошибаетесь ли въ томъ, любезный пріятель! Я исполню ваше желаніе; но буде послѣдующее описаніе жизни моей не будетъ для васъ таково любопытно, весело и пріятно, какъ вы себѣ воображаете, то нитевъ уже сами себя, а не меня; ибо

мнѣ не достанется другого дѣлать, какъ пересказывать вамъ только то, что дѣйствительно со мною случилось и вы сами того вѣрно не похотѣлибъ, чтобъ я для украшенія моего сочиненія, или для пріданія ему болѣе пріятности сталъ выдумывать небывицы, или затѣвать и прибавлять что-нибудь лишнее, къ бывшимъ дѣйствительно приключеніямъ.

Теперь, прежде приступленія къ дѣйствительному началу моей исторіи, надобно васъ попросить о двухъ вещахъ. Во-первыхъ, чтобъ вы дозволили мнѣ начало учинить краткимъ описаніемъ всего того, что извѣстно мнѣ о моихъ предкахъ, дабы чрезъ то сохранить память объ нихъ моимъ потомкамъ, и чтобъ не поскучали вы, если описаніе сіе, слѣдовательно, самое начало сочиненія моего будетъ нѣсколько сухо и скучновато. Во-вторыхъ, чтобъ не поскучали уже и тѣмъ, что я послѣдующую затѣмъ исторію мою начну съ самаго моего младенчества и буду рассказывать и все то, что помню еще я изъ случившагося со мною въ сіе нѣжнѣйшее и можно сказать наипрѣятнѣйшее для насъ время жизни. Я располагаюсь дѣлать сіе для того, что напомниманіе сихъ происшествій производитъ самому мнѣ нѣкоторое увеселеніе, ибо человекъ приводя себѣ на память все то, что случилось съ нимъ въ младенчествѣ и въ малолѣтствѣ, власно какъ возвращается на то время въ тогдашній возрастъ и сладость тогдашней жизни, чувствуетъ вновь и при самой своей старости. Сверхъ того, описаніе сихъ въ самомъ дѣлѣ, хотя сущихъ бездѣлицъ, можетъ быть придасть сколько-нибудь и всему сочиненію болѣе пріятности, и сдѣлаетъ его для чтенія не таковымъ скучнымъ.

Итакъ, приступая теперь къ самому дѣлу, прежде всего скажу вамъ, любезный пріятель, что я природы татарской! Вотъ какое странное начало, однако вы тому

не дивитесь Я говорю самую правду и ни мало не стыжусь тѣмъ; ибо подобныхъ мнѣ между російскими дворянами очень много; нѣкоторые и многие изъ нихъ нынѣ гораздо меня знатнѣе и лучше, но всѣмъ тѣмъ такой же природы какъ и я. Ибо сіе ничто иное значитъ какъ то, что первые наши предки были татары, и выѣхали въ Россію изъ Золотой Орды, сего славнаго въ древности восточнаго и великаго царства, владѣвшаго нѣкогда многіе годы всѣмъ Россійскимъ государствомъ.

Кто таковъ именно первый основатель нашей фамиліи былъ? Въ которое время и при которомъ государѣ въ Россію выѣхалъ, и гдѣ сперва поселился — того всего я подлинно не знаю. Небреженіе ли моихъ предковъ, невѣжество ли тогдашнихъ временъ, или иной какой случай, не могу вамъ вѣрно сказать, лишилъ меня сего удовольствія; однимъ словомъ, родословная наша весьма мала, и порядочной мы и по сіе время не имѣемъ. Покойный дядя мой, родной братъ отцу моему оставилъ только мнѣ небольшой реестръ, или краткую повогѣнную роспись нашимъ предкамъ, которыхъ могъ онъ собрать изъ книгъ и дѣлъ въ разныхъ приказахъ.

Помянутый дядя мой рассказывалъ мнѣ, что онъ не могъ далѣе дойти какъ до Василья Романова сына: а чей сынъ былъ Романъ того уже онъ не знаетъ. Можетъ быть сей Романъ былъ и первой тотъ, который выѣхалъ и принялъ святое крещеніе, что нѣкоторымъ образомъ и вѣроятно, по счисленію глѣтъ: ибо я смѣлаясь находилъ, что жилъ онъ около временъ царя Іоанна Васильевича или прежде за нѣсколько времени. А въ сіе время, какъ извѣстно, многія татарскія фамиліи къ намъ выѣхали и въ здѣшнихъ мѣстахъ поселившись, приобщены были къ російскому дворянству и натурализированы. Какой онъ человекъ былъ, всего того не знаю: а сказывала мнѣ одна только старушка, ближняя моя родственница, которую засталъ я еще въ живыхъ, что слышала она отъ своего дѣда, что самые выѣзжіе предки наши были знат-

ной татарской и княжеской породы, да и здѣсь не служилъ никто изъ нихъ низкимъ чиномъ, но бывали всегда чиновными людьми, и хаживали съ царями на войну. Правда ли все сіе или нѣтъ, въ томъ не ручаюсь, по крайней мѣрѣ, то достовѣрно, что мы нынѣ на ряду съ прочими російскими дворянами, и имѣемъ всѣ тѣ же преимущества, какія они имѣютъ.

У упомянутаго Василья былъ одинъ только сынъ Гаврило, прозвищемъ Горяинъ, а у сего Горяина было два сына: Ерофей и Еремѣй. О семъ Еремѣѣ расскажу я вамъ послѣ обстоятельнѣе, а что касается до Ерофея, то отъ него раздѣлилась фамилія наша на четверо, ибо у него было четыре сына: Осипъ, Кирила, Ерофей и Дорофей; но повогѣніе сихъ послѣднихъ двухъ, уже давно, а третьяго недавно и при мнѣ уже пресѣлось. Я и мой двоюродный братъ происходимъ отъ повогѣнія Осипова, а домъ за нѣсколько глѣтъ умершаго сосѣда моего, послѣ котораго находится нынѣ въ живыхъ одна только дочь, происходитъ отъ повогѣнія Кирилова.

Если хотите далѣе знать, кто таковы обонхъ сихъ колѣнъ ближайшіе къ намъ предки были, то вкратцѣ теперь скажу, что отъ Кирилы былъ сынъ Матвѣй, отъ Матвѣя Никита, отъ Никиты же недавно умершій Матвѣй; а въ разсужденіи нашего повогѣнія отъ Осипа былъ Ларіонъ, отъ Ларіона Петръ, отъ Петра Тимофей и Матвѣй. Первый былъ отецъ мой, а послѣдній моего двоюроднаго брата.

Изъ сего видите, что весь нашъ родъ очень не великъ, и Провидѣнію небесъ не угодно было сдѣлать его многожизненнымъ. Нынѣ вся наша фамилія состоитъ въ четырехъ особахъ: двухъ старыхъ, и двухъ молодыхъ, и я съ братомъ и обоими нашими сыновьями, составляемъ всю оную. О мѣстѣ, гдѣ жили предки наши, мы подлиннаго знанія не имѣемъ. Сказывали только мнѣ, что до сего жили они хотя въ томъ же Каширскомъ уѣздѣ, но верстъ съ двадцать отъ

нынѣшняго жилища, а именно на рѣкѣ Безпутѣ. Но какъ бы то ни было, но то достоверно, что они не въ тѣхъ мѣстахъ жили, гдѣ нынѣ мы живемъ, ибо видно по книгамъ и письмамъ, что имѣли тутъ совсѣмъ другіе люди жительство и владѣніе. Въ одномъ принадлежащемъ намъ теперь мѣстѣ жилъ нѣкоя князь Шестуновъ, почему находящійся послѣ сего мѣста глѣсъ, и понынѣ еще называютъ Шестунохою. А въ другомъ, а именно въ пустоши Шаховой, жилъ князь Гундоровъ, въ которыхъ урочищахъ и самыя мѣста, гдѣ были ихъ жительства, видны и по нынѣ. Овицныя и погребныя ямы доказываютъ гдѣ ихъ дворы стояли, а части оставшіяся отъ плотинъ, гдѣ ихъ пруды были. Черезъ какой случай сіе селенія опустѣли, неизвѣстно, но чаятельно черезъ свирѣпствующее въ тогдашнія времена моровое повѣтріе, а можетъ быть разорены они и во время войны татарской. Но какъ бы то ни было, но сіи опустѣвшія мѣста даны потомъ за службы нашимъ предкамъ, кои около сихъ мѣстъ имѣли уже поселеніе свое на рѣкѣ Скнигѣ и въ другой, въ близости того мѣста бывшей деревни, носящей и по нынѣ еще имя ихъ фамилій. Кирила и Ерофей, жили уже въ здѣшнихъ мѣстахъ и имѣли дачи и владѣніе на рѣкѣ Скнигѣ, которыми владѣемъ мы и по нынѣ.

Что касается до исторіи и до дѣлъ нашихъ предковъ, то равномѣрно имѣю я о томъ очень малое и недостаточное свѣдѣніе. Невѣжество тогдашнихъ временъ было тому причиною, что они не старались оставить потомкамъ своимъ о томъ какого-нибудь свѣдѣнія, хотя бы то было для насъ нынѣ весьма пріятно и я дорого бы заплатилъ, еслибы могъ только отыскать и достать какія-нибудь письменныя объ ихъ породѣ, ихъ жизни и приключеніяхъ извѣстія. Итакъ, все извѣстное объ нихъ состоитъ только въ нѣкоторыхъ словесныхъ преданіяхъ, да и то очень несовершенныхъ и темныхъ. Знатныхъ и отиѣнно прославившихся людей не было между ими. Не хочу я тѣмъ хвастать, а негодно было также судьбѣ

одарить ихъ и знаменитыми достатками, и преподать имъ случай по примѣру прочихъ пріобрѣсть себѣ богатство, но они были дворяне недостаточные и не знаменитые. При случающихся войнахъ хаживали они на войну съ царями нашими, и важивали съ собою по нѣскольку человекъ собственныхъ своихъ людей, по тогдашнему обыкновенію. Когда же въ новѣйшія времена введено въ войскѣ нашемъ регулярство, то служили они въ полкахъ офицерами. Однако выше штабскаго чина никого почти не было изъ старыхъ.

Объ одномъ только изъ нашихъ старинныхъ предковъ, а именно о Еремѣѣ сынѣ Гаврилинѣ, а внуцѣ Василя Романовича, передана мнѣ повѣсть, которая по особености своей достойна внесена быть въ сіе описаніе, но какъ она довольно пространна, то дозвольте мнѣ, любезный пріятель, разсказаніе оной отложить до послѣдующаго за симъ второго письма, а между тѣмъ, будьте довольны симъ первымъ, и не взыщите, что наполнилъ его столь сухою матеріею, будущее можетъ быть будетъ уже для васъ любопытнѣе, и не таково скучно. И окончу оное сказавъ, что я есмь, и прочее.

ИСТОРИЯ ЕРЕМЬЯ ГАВРИЛОВИЧА.

Письмо 2-е.

Любезный пріятель!

Обѣщавъ вамъ въ предъидущемъ моемъ письмѣ разсказать вамъ повѣсть, преданную мнѣ объ одномъ изъ моихъ предковъ, хочу теперь обѣщаніе мое исполнить и надѣюсь, что вы не поскучаете ея чтеніемъ, но будете ею довольны.

Предокъ сей, какъ прежде мною уже упомянуто, назывался Еремѣемъ; онъ былъ сынъ Гаврилы прозваннаго Горянонъ и жилъ въ упомянутой недалеко отъ насъ находившейся и на рѣкѣ Гвоздевѣ сядицей деревнѣ, которая по немъ стала называться Болотово, между тѣмъ какъ братъ его родной Ерофей поселился на

берегахъ рѣки Скниги и въ самомъ томъ мѣстѣ гдѣ мы нынѣ живемъ. У сего Еремея было два сына и двѣ дочери. Одна изъ сихъ послѣднихъ выдана была замужъ за сосѣднаго дворянина Ладыженскаго, а другая находилась въ дѣвкахъ.

Какъ около тогдашняго времени случилось нашимъ государямъ имѣть войну съ крымскими татарами, и все дворянство по тогдашнему обыкновенію имѣло въ томъ участіе, то принужденъ былъ и поминутый Еремей, оставивъ жену и дочь въ дѣвкахъ, идти на оную съ обоими своими сыновьями и лучшими людьми. Но сія война была ему крайне злополучна. При глазахъ его пораженъ были оба его сыновья и пали мертвы въ ногамъ своего родителя. Сіе такъ тронуло сего несчастнаго старика, что онъ въ безпамятствѣ почти бросался на непріятелей, желая отмстить за смерть дѣтей своихъ, но тѣмъ лишь только свое несчастіе усугубилъ. Будучи отхваченъ отъ своихъ, хотя и долго оборонялся онъ отъ окружившихъ его непріятелей, но наконецъ принужденъ былъ уступить силѣ и дать себя взять въ плѣнъ и отвезти въ жестокую неволю.

Какъ въ семь плѣну препроводилъ онъ долгое время, и о немъ въ Россіи никакого слуха и извѣстія не было, то считали его всѣ погибшимъ; жена и дочь были о лишеніи его неутѣшны, но небо въ особенности изліло гнѣвъ свой на сей несчастный домъ, и присовокупило новыя бѣдствія и напасти. Немногіе годы спустя, ночнымъ временемъ напали разбойники на домъ сей госпожи; они ограбили оный весь и самое ее измучивъ, тираническимъ образомъ лишили жизни. Бѣдной дочери ея удалось уйти босикомъ и со всѣмъ почти обнаженною. Къ несчастію, устранившая болязнію, чтобы ее не напли и не догнали, воспріяла она бѣжать въ ближнюю и самую ту деревню, гдѣ мы нынѣ обитаемъ, и гдѣ тогда жили двоюродные ея братья Кирила и Ерофей, искать у нихъ спасенія и прибѣжища. Но когда разгнѣванное небо похочетъ кого гнать, то можно-ли найти гдѣ спасе-

ніа и укрытія отъ его гнѣва. Самый сей побѣгъ, свободившій ее отъ рукъ и варварства злодѣевъ, обратился ей въ вѣщее несчастіе. Какъ случилось сіе въ зимнее время и въ жесточайшіе морозы, то она, бѣжавъ около трехъ верстъ до нашей деревни босая по снѣгу, отзнобила ноги и пришедъ въ домъ родственниковъ своихъ пала безъ памяти. Страхъ, печаль, простуда и самая боль ногъ въ короткое время низвели ее во гробъ. А какъ за короткое предъ тѣмъ время и замужняя ея сестра умерла бездѣтно, то пресѣлось чрезъ то все ихъ поколѣніе, и имѣнію ихъ остались наслѣдниками помннутые ея родственники, то-есть наши предки Кирила съ своими братьями, въ которое они поступили спокойно во владѣніе.

Всѣ думали тогда, что отца ея, настоящаго владѣльца сего имѣнія, не было въ живыхъ, ибо нѣсколько уже лѣтъ прошло какъ онъ безъ вѣсти пропалъ и не было о немъ ни малѣйшаго слуха. Совсѣмъ тѣмъ онъ былъ живъ и претерпѣвалъ всѣ суровости плѣна; слишкомъ двадцать лѣтъ принужденъ онъ былъ, удаленнымъ отъ отечества, отъ дома и родныхъ своихъ, стонать подъ игомъ жесточайшей неволи, быть рабомъ у многихъ перемѣнныхъ и немилосердныхъ господъ, и отправлять всѣ должности раба и невольника. Многажды покушался онъ уйтись, но всѣ его покушенія были тщетны и произвели только то, что содержать его стали жесточее, а для отвращенія отъ побѣга, по варварскому своему обыкновенію, взрѣзали ему пяты, и насыпавъ рубленныхъ лошадиныхъ волосъ, заростили оныя въ нихъ, дабы не способенъ былъ къ долговременной ходьбѣ.

Наконецъ судьба соединила его съ однимъ землякомъ, такимъ же дворяниномъ, каковъ былъ онъ, и который былъ нетолько ему знакомъ, но и нѣсколько съродни. Сей несчастный былъ фамиліи Писаревыхъ, и будучи взятъ тогдаже въ полонъ, претерпѣвалъ такую-жъ неволю и рабство. Хотя сей столько-же мало могъ подать ему помощи, сколько онъ ему, однако обоимъ имъ приносило соединеніе

сіе великую уже отраду. По крайней мѣрѣ могли они совокуплять всѣ слезы и жалобы на суровость своего жребія, и напоминая свою родину, говорить другъ съ другомъ и утѣшать себя взаимно.

Нѣсколько времени препроводили они вмѣстѣ, служа одному татарскому господину. Наконецъ убѣжденъ былъ мой предокъ товарищемъ своимъ къ испытанію еще разъ своего счастья въ побѣгѣ. Близость тогдашняго ихъ пребыванія отъ предѣловъ и границъ російскихъ и явившійся удобный къ тому случай подавалъ имъ къ сему поводъ — но и въ сей разъ не были они счастливѣе прежняго. Они ушли, но ихъ догнали и наказали жесточайшимъ образомъ.

Сіе прогнало въ нихъ охоту къ предпріятію впредь тому подобнаго. Однако въ самое то время, когда они всего меньше о томъ думали, и когда лишились уже на вѣкъ надежды видѣть когда-нибудь любимое свое отечество, явился неожиданный и новый благопріятствующій имъ случай. Одна старушка, раба того-жъ господина, сжалилась на ихъ несчастіе. Благопріятствуя имъ во всякое время, не могла она безъ соболѣзнованія смотрѣть на раны ими претерпѣваемыя. Она утѣшала ихъ и говорила, что имъ никогда не уйтись, если непохотятъ они пользоваться ея помощію, при ея-жъ вспоможеніи они вѣрно отечество свое увидѣть могутъ. Легко можно заключить, что не надобно было имъ сіе два раза предлагать. Они пали къ ея ногамъ и просили, чтобы помогла, если только можетъ. Татарка обѣщала имъ сіе сдѣлать и велѣла дожидаться, покуда найдетъ она къ тому удобное время.

Черезъ нѣсколько дней она и исполнила свое обѣщаніе: «добро!», сказала она пришедъ въ одинъ день съ поспѣшностію къ нимъ: «мнѣ надобно сдержать свое обѣщаніе, не могу болѣе видѣть вашихъ слезъ и горести, — добродушіе и постоянство ваше меня тронуло — вотъ возьмите сіе, и не теряя времени бѣгите и будьте счастливы. Богъ да поможетъ вамъ увидѣть вашу землю и родныхъ вашихъ». Въ са-

мое то время отдала она имъ связку и напоминала, чтобы они въ нужномъ случаѣ хоть-бы все кинули, но не бросали-бы, а берегли маленькій узелокъ, завязанный въ связкѣ. Они не знали, что это значитъ, однако, поблагодаря старушку и простившись съ ней, отправились того часа въ путь свой.

Цѣлую ночь бѣжали они неоглядкой въ ту сторону, которую указала имъ старушка, и дошедъ до одного назначеннаго ею мѣста, спрятались въ камышъ для отдохновенія и препровожденія въ ономъ всего дня того.

Тутъ имѣли они время осмотрѣть все, что находилось въ связкѣ. Они увидѣли, что добросердечная старушка снабдила ихъ всѣмъ нужнымъ къ продолженію пути ихъ. Находилось тутъ нѣсколько денегъ, и столько съѣстныхъ припасовъ, что имъ можно было ими до пришествія въ свое отечество пропитаться; но что привело ихъ въ великое удивленіе, то былъ поманутый узелокъ, о береженіи котораго старушка неоднократно имъ дѣлала подтвержденіе; въ ономъ не нашли они ничего, кромѣ двухъ небольшихъ пучковъ незнакомой имъ травы; хотя они и не знали, что это значило, однако положили свято хранить старушкино завѣщаніе, и для лучшаго сохраненія взяли оба по пучку, и спрятали въ безопаснѣйшее мѣсто.

Но не успѣли они скарбъ свой опять связавши нѣсколько отдохнуть, какъ услышали уже въ дали крикъ и вопль татаръ, скачущихъ по пространнымъ степямъ и другъ другу голосъ подающихъ. Не трудно было имъ заключить, что то была за ними погоня. Они ужаснулись отъ близости предстоящаго имъ бѣдствія, и пали ницъ въ густомъ камышѣ, прося Бога о помилованіи ихъ и о защищеніи отъ гонителей. Слухъ и топотъ отъ скачущихъ лошадей приближался отчасу ближе, и страхъ ихъ былъ неописанный, какъ татары, гнавшіе за ними и ихъ повсюду искавшіе, прискакали къ самому тому болоту и камышу и въ ономъ повсюду искать ихъ начали. Но небо похотѣло тогда конецъ положить ихъ страданіямъ:

татары не нашли ихъ, хотя нѣсколько разъ и въ такой близости отъ нихъ ѣздили, что одному изъ нихъ едва-было головы лошадыми не раздавили. Они спаслись, — и возблагодаривъ Бога, пролежали тутъ весь день, и не прежде пошли въ дальнѣйшій путь, какъ по наступленіи опять ночи.

Симъ образомъ, идучи всегда по ночамъ, препроводили они нѣсколько сутокъ въ безпрестанномъ страхѣ и боязни, покуда не дошли благополучно до предѣловъ російскихъ и не достигли до любезнаго своего отечества. Тутъ отдохнули они по желанію и благословляли Бога, что вывелъ ихъ благополучно наконецъ изъ долговременной и жестокой неволи, и далъ еще прежде смерти увидѣть свое милое отечество.

Совсѣмъ тѣмъ мѣсто ихъ родины отстояло оттуда еще далеко, и имъ предстоялъ путь гораздо дальнѣйшій. Но какъ бы то ни было, но продолжали они оный охотно, пытаясь мірскимъ подалніемъ, ибо собственнаго ничего болѣе у себя не имѣли. Надежда вскорѣ увидѣть свои дома и родныхъ увеселяла ихъ духъ, и облегчала трудности путешествія. Но сколь мало зналъ мой предокъ, какія печальныя вѣсти его тамъ дождаются, гдѣ онъ веселье найти надѣялся!

По приближеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ уже неподалеку ихъ обоихъ жилища были, спросошались они другъ съ другомъ наннѣжнѣйшимъ образомъ и каждый спѣшилъ къ своему дому и обиталищу. Съ какими чувствами приближался нашъ старикъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ родился, воспитанъ и препроводилъ большую часть вѣка своего живучи въ покоѣ, и отъ коихъ толь долгое время былъ отлученъ и не имѣлъ надежды никогда видѣть, сіе всякому себѣ вообразить, нежели мнѣ описать удобнѣе. Трепетало сердце его и наполнялось наисладчайшею радостію, какъ начали уже появляться тѣ мѣста, которыя ему съ малолѣтства были знакомы, и встрѣчаться съ нимъ всѣ тѣ положенія мѣстъ, тѣ рѣчки, ручьи, вершины и бугорки, которыхъ и званія не

приволокнута въ „русской старинѣ“. 1870 г.

могло изъ памяти его истребить толь долговременное отсутствіе. Переходя оные называлъ онъ каждый изъ нихъ знакомымъ ему еще именемъ, и каждое привѣтствовалъ. Всѣ они были ему милы и казались глазамъ его имѣющими въ себѣ нѣчто пріятное и прелестное, а многія мѣста не могъ уже онъ и узнавать совсѣмъ, а особливо лѣса и рощи. Во время толь многихъ годовъ его отсутствія многія совсѣмъ иной видъ воспріали. Тамъ, гдѣ при отшествіи его на войну были лѣса, находилъ уже онъ пашни и поля, а гдѣ низкіе кустарники и чепыжи были, тамъ высокія и большія рощи и заказы стояли. Однимъ словомъ, все ему казалось ново, мило и пріятно, но не зная, что въ домѣ его происходило, и кого онъ найдетъ, находился онъ между страхомъ и надеждою.

Передъ вечеромъ было то, какъ нашъ старикъ, изнемогшій отъ трудовъ и долговременнаго путешествія, въ пыли, въ поту, въ разодранномъ рубищѣ, съ котомкою за плечами, и съ посошкомъ въ рукахъ добрелъ до своихъ полей и тѣхъ мѣстъ, откуда хотя вдаль, но могъ даже онъ свое жилище видѣть. Вострепетало сердце его при узрѣніи сего селенія, и вся душа взволновалась въ немъ. Онъ удвоилъ остатки своихъ силъ и спѣшилъ добратъся до одного знакомаго ему еще бугорка, съ котораго можно было ему свой домъ видѣть и съ котораго, идучи на войну, онъ въ послѣдній разъ съ нимъ прощался. Онъ доходитъ туда. Но, увы! какое зрѣлище представляется его зрѣнію! Нигдѣ, нигдѣ не видитъ онъ своего дома и хоровъ, и глаза его тщетно ищутъ сего обиталища, которое ему до сего столь мило было, и которое онъ съ толикимъ вождѣніемъ видѣть желалъ. Отъ сердца его власно какъ оторвалось тогда что-нибудь! Вся кровь взволновалась въ немъ при семъ печальномъ предвозвѣстіи и онъ едва-было на самомъ томъ мѣстѣ не упалъ, обезсилѣвъ. Однако нѣкоторый остатокъ надежды подерѣплялъ еще его: «можетъ быть», говорилъ онъ самъ себѣ: «жена моя перенесла хоромы въ другое мѣсто;— можетъ-быть новый домъ и на другомъ

мѣстѣ построила!—Лѣтъ не мало прошло съ того времени, какъ я отлучился!—Поспѣшу вонъ на этотъ пригорокъ!... Оттуда уже явственнѣе все увижу и всю деревню обозрю!» Сказавъ сіе, и собравъ остатки силъ, поспѣшалъ сей, сѣдинами покрытый мужъ добраться до пригорка возделѣннаго. Ноги его едва служили ему могли, колѣни его согбались противъ хотѣнія и никогда не былъ ему посомокъ его такъ нуженъ, какъ въ то время. Наконецъ достигаетъ онъ и до того пригорка и съ страхомъ и надеждою восходить на него и обозрѣваетъ вновь всю деревню. Но, увн! онъ и тутъ ничего не видитъ. Онъ ищетъ темнѣющими глазами своихъ хоромъ, но и слѣда хоромъ и дворянскаго дома не находитъ. Повсюду видны были только мужичьи хижинны и дворы, а на мѣстѣ гдѣ онъ живалъ, былъ уже огородъ и росли конопли. Онъ и мѣста не узналъ-бм, если-бъ нѣкоторыя деревья, оставшіяся отъ бывшаго его и любезнаго ему садика, не дѣлали его примѣтнымъ. Однимъ словомъ, онъ не могъ болѣе никакъ сомнѣваться и все доказывало дома и жилища его совершенное уничтоженіе.

Тогда не могли уже ноги его болѣе на себѣ держать. Колѣна его подломилась и онъ, изнемогши, ринулся на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и слезы какъ градъ покатылись изъ очей его. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ тутъ опершись на посомокъ и орошая оный слезами, и не былъ въ силахъ встать и продолжать путь свой.

Наконецъ пришло ему въ мысли, что можетъ-быть жена его умерла, и дочь вышла замужъ, или и она еще жива, но живетъ съ замужнею дочерью. Сія мысль ободрила его нѣсколько, и подала новый лучъ надежды и отрады... Въ сихъ помышленіяхъ видитъ онъ вдали человѣка приближающагося къ себѣ и возвращающагося въ домъ свой съ поля съ хлѣбопашеннымъ своимъ орудіемъ. «Подожду», сказалъ онъ тогда, «сего земледѣльца я къ себѣ, и услышу отъ него о судьбѣ моего дома и моихъ домашнихъ. Нельзя ему не знать, что съ нимъ и съ живущими

въ немъ учинилось и какимъ случаемъ онъ совсѣмъ уничтожился».

По приближеніи сего человѣка показались ему черты и признаки его лица знакомы. Старикъ то былъ сѣдинами покрытый и хотя двадцатилѣтнее время много видъ его перемѣнило, но онъ вскорѣ призналъ, что сей человѣкъ принадлежалъ прежде ему и былъ самый тотъ, который при отъѣздѣ его изъ дома былъ старостою. Обрадовался нашъ старикъ, узнавъ и увидѣвъ сего знакомаго человѣка, однако имѣлъ столько терпѣнія и духа, что не открылъ тотчасъ о себѣ, но хотѣлъ видѣть узнаеть-ли онъ его, и пользуясь неузнаніемъ, готовился распрովѣдывать у него обо всемъ, и потому хотя съ нетерпѣливостію, но дожидался его къ себѣ.

Земледѣлецъ поровнялся противъ его и вида дряхлаго и престарѣлаго человѣка, неннаво его счелъ какъ нищимъ, а будучи добросердечнымъ человѣкомъ, не могъ его пройтить мимо. «Старинушка!» сказалъ онъ ему: «небось ты, бѣдненькій, усталъ и сегодня еще не обѣдалъ?... Добреди, дружокъ, до моего двора и переночуй у насъ, мы тебя напоимъ и накормимъ». — «Спасибо, мой другъ!» отвѣтствовалъ опечаленный старикъ, и сказавъ сіе началъ собирать свои силы и вставать. Добродушный крестьянинъ, видя его дряхлость и изнеможеніе, подошедъ къ нему и помогши подняться, не хотѣлъ его покинуть, но самъ восхотѣлъ довести его до двора.

На дорогѣ спрашивалъ онъ его, откуда и изъ какихъ мѣстъ онъ. — «Изда лека, добрый человѣкъ!» отвѣтствовалъ нашъ старикъ «и болѣе двадцати лѣтъ въ здѣшнихъ мѣстахъ не бывалъ. И куда какъ у васъ всѣ мѣста здѣсь перемѣнились! И не узнаешь уже ихъ!.. Вотъ здѣсь, помнится мнѣ, стояли хоромы и былъ домъ господскій, а теперь и слѣда его нѣтъ! — «Да, старинушка! тутъ былъ домъ нашего прежняго боярина... Покойникъ-свѣтъ, дай Богъ ему царство небесное! бояринъ былъ добрый и мы его очень любили.» — «А нынѣ чья же вы, добрый человѣкъ», спросилъ его нашъ путешествен-

никъ. «Племянниковъ его, старинушка! которые живутъ вонъ въ этой деревнѣ». — «Племянниковъ его, подхватилъ изумившійся старикъ: но развѣ не осталось у него дѣтей? Мнѣ помнится, что они у него были... Я какъ теперь ихъ вижу». — «Такъ, старинушка! Дѣти были, но всѣ на томъ свѣтѣ!.. Сынвья его побиты на войнѣ, самъ онъ тамъ же безъ вѣсти пропалъ, а бѣдную боярыню нашу разбойники разбили и до смерти замучили. А изъ дочерей его одна была замужемъ и умерла, а другая ноги отзнобила, бѣжавши отъ разбойниковъ, и оттого также на томъ свѣтѣ!.. И какъ никого не осталось, то такъ и перевелся этотъ домокъ и мы достались его племянникамъ».

Легко можно заключить, что немногія сіи слова поразили несчастнаго старца, власно какъ громовымъ ударомъ. Не въ силахъ онъ былъ выслушивать далѣе хотящаго говорить добросердечнаго крестьянина. Колѣни его подломились и онъ воскликнулъ только: «О, Боже милосердный!» безъ памяти ринулся на землю, и не въ состояніи былъ говорить болѣе; слезы какъ градъ покатались изъ очей его и вздохи послѣдовали за стѣнанными. Таковое явленіе удивило простодушнаго крестьянина. Онъ оробѣлъ сочтя, что старикъ опасно занемогъ, и стоялъ надъ нимъ въ изумленіи. «Что тебѣ, старинушка, сдѣлалось?» сказалъ онъ потомъ, примѣтя, что онъ нѣсколько опаматовался: «о чемъ ты, дружокъ, такъ плачешь и горюешь? — «О мой другъ! есть о чемъ мнѣ плакать и горевать», отвѣтствовалъ вздыхая и всхлипывая старикъ: Куда мнѣ теперь приклонить свою голову? всего того уже нѣтъ, чѣмъ бы могъ я веселиться — всей надежды я теперь лишился!»

Слова сіи невразумительны были для крестьянина, но онъ вскорѣ его вывелъ изъ сумленія сказавъ, чтобъ онъ посмотрѣлъ пристальнѣе на него и не узнастъ ли онъ въ немъ своего прежняго боярыня? — «Ахъ батюшка Еремѣй Гавриловичъ! закричалъ узнавъ его крестьянинъ, и упалъ къ нему въ ноги, — въ живыхъ ли тебя, государя нашего, видѣть!.. Откуда

ты это къ намъ взялся? Мы тебя, государь, давно уже поминаемъ и думали, что ты давно на томъ свѣтѣ! Какъ это тебя Богъ спасъ и на святую Русь вынесъ? Пожалуй, батюшка, поцѣловать мнѣ свою ручку». — Старикъ не могъ тогда удержаться, чтобъ не удвоить своихъ слезъ и чтобъ не обнять своего стариннаго подданнаго; онъ облобызалъ его и обмочивъ вкупѣ лице его слезами, изъявляя радость, что нашелъ хотя его еще въ живыхъ и его незабываемаго.

Приключеніе сіе въ такое замѣшательство привело добросердечнаго сего крестьянина, что онъ не зналъ, что тогда ему съ господиномъ его дѣлать: и въ деревню бѣжать, и повозку для отвоза его къ себѣ въ домъ привести ему хотѣлось, но не хотѣлось и утружденнаго и крайне опечаленнаго старика оставить одного на полѣ, не находящагося въ состояніи идти далѣе. Онъ озирался кругомъ, не увидитъ ли кого иного, но не вида никого, усердіе превозмогло наконецъ. Онъ упрямилъ его, чтобъ онъ на минуту посидѣлъ и отдохнулъ на томъ мѣстѣ, а самъ бросился въ деревню, и схвата первую телегу попавшуюся ему въ глаза, спѣшилъ обратно на помощь къ своему господину.

Между тѣмъ какъ сіе происходило и покуда они до деревни ѣхали, успѣлъ развестись о приключеніи этомъ слухъ по всей деревнѣ. Семья того мужика разсыпалась по всѣмъ дворамъ, и встревожила всѣхъ жителей. Со всѣхъ сторонъ бѣжалъ и стекался народъ, и собирался ко двору того крестьянина, и множество было тогда сбѣжавшихся, какъ приѣхали они въ деревню. Всякій спѣшилъ отчасти изъ усердія, отчасти изъ любопытства видѣть прежняго своего господина, и многіе отъ нетерпѣливости бѣжали ему на встрѣчу, и кланяясь изъявляли свою радость. А не успѣлъ онъ приѣхать, какъ многіе наперерывъ бросались его вынимать и цѣловать у него руки. Сколь старикъ ни былъ печалію отягощенъ, но не могъ чтобъ не чувствовать тогда дѣлоторой отрады. Онъ соединялъ тогда слезы горести съ слезами радости

и удовольствія, и не оставилъ никого изъ всѣхъ, кого бы не облобызалъ онъ и не обмочилъ слезами. Всѣ отъ мала до велика принуждены были къ нему подходить и всѣхъ старался онъ приласкать, колико было ему тогда можно. Многихъ засталъ онъ еще живыхъ, которыхъ зналъ, но большая часть была незнакомыхъ; отчасти родившихся послѣ его, отчасти таковыхъ, коихъ оставилъ онъ еще въ малолѣтствѣ, но всѣ до единого были ему рады, и не могли на него насмотрѣться.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, бѣгалъ хозяинъ почти безъ памяти взадъ и впередъ, и суетился о скорѣйшемъ приуготовленіи милому своему гостю ужина. Все, что достатокъ крестьянскій лучшаго могъ снискать, сносимо и приуготовляемо было бабами, понуждаемыми то и дѣло вѣропочувшимся старикомъ-хозяиномъ, а по изготвленіи, что могли въ скорости усилъ, приглашаютъ они утружденнаго старца, сажаютъ почти насильно ѣсть нехотящаго за столъ, окружаютъ оный толпами и просятъ, чтобы покушалъ и не прогнѣвался на худую пищу.

Сколько мало и имѣлъ старикъ охоты къ пищѣ, но принужденъ былъ сдѣлать имъ удовольствіе, а между тѣмъ суетился ужъ самъ хозяинъ о приуготовленіи ему мѣста для отдохновенія. Хозяйки принуждены были сломя голову бѣгать и готовить все, что къ тому было потребно. Уже все было готово, и уже начали приглашать старика, чтобы онъ далъ утружденнымъ членамъ своимъ отдохновеніе, какъ появились его племянники и тогдашніе владѣльцы его имѣнія. Нечаянный и власно какъ нарочный случай, доставилъ до нихъ слухъ о возвращеніи ихъ дяди изъ полону, скорѣй нежели могъ кто думать. Одинъ ихъ человекъ, случившійся въ самое то время тутъ въ деревнѣ, какъ его привезли, бросился опрометью съ извѣстіемъ о томъ къ своимъ господамъ; а они не успѣли услышать и въ томъ удостовѣриться, какъ бросились на лошадей и поскакали опрометью къ своему дядѣ, котораго съ младенчества еще любили и почитали.

Свиданіе ихъ съ нимъ было нѣжно и таково, которое не можетъ никакъ описано быть. Слезы съ обѣихъ сторонъ имѣли наивеличайшее участіе въ ономъ. Они не могли съ нимъ довольно наговориться и не хотѣли никакъ допустить, чтобы онъ остался ночевать въ крестьянскомъ домѣ. Коляска по повелѣнію ихъ пріѣхала вскорѣ за ними, и хотя утружденному и къ трудамъ и худой постели привыкшему уже старцу, пріятнѣе бы было остаться и взять скорѣе покой тутъ, но не могъ онъ отказать на усиленную просьбу и лишше удовольствія семьи и домашнихъ племянниковъ своихъ, чтобы видѣть себя еще въ тотъ же вечеръ.

Тутъ принужденъ онъ былъ опять вновь плакать и принужденно соотвѣтствовать тѣмъ, которые его съ радостными слезами встрѣчали и были ему какъ отцу рады. Сіе много помогло ему перенести съ великодушіемъ печаль, которую имѣлъ онъ о потеряннн жены и обѣихъ дочерей своихъ. Онъ благодарилъ Бога, что не всѣхъ еще родныхъ лишился, но видѣть столь многихъ столькоже ему радующихся, какъ дѣтей отцу своему.

На другой день извинялись племянники его предъ нимъ въ томъ, что во владѣніе его имѣніемъ вступили, и что не чая его быть въ живыхъ, перевезли домъ и строеніе его въ свое жилище и тамъ дворъ его уничтожили. Но онъ никогда не почиталъ ихъ въ томъ виноватыми, но давно уже оправдалъ ихъ въ своемъ сердцѣ, и доволенъ былъ тѣмъ, что они крестьянъ его не разорили, но заставили себя также любить, какъ они его любили. Но какъ стали они съ великою охотою возвращать его имѣніе и усиленно просить, чтобы онъ по прежнему вступилъ во владѣніе своей деревни и выбралъ для жилища своего любое жилие въ ихъ дворѣ, которое хотѣли они перевести и гдѣ прикажетъ онъ поставить, то онъ поступилъ далѣе и будучи ласковымъ пріязнню ихъ доволенъ, имъ сказалъ: «Не хочу я сего и никакъ не соглашусь на вашу просьбу... вѣкъ мой уже коротокъ и жить мнѣ на свѣтѣ осталось уже не

долго! къ чему мнѣ вступать въ такія хлопоты и поднимать труды, силамъ моимъ несоразмѣрныя!. Проводивъ столько лѣтъ въ неволѣ и въ рабствѣ, позабылъ уже я какъ и управлять другимъ. Мнѣ теперь всему учиться надобно. Но кому мнѣ прочтѣ и для кого трудиться?.. Кто остался у меня на свѣтѣ, кромѣ васъ, друзей моихъ?.. Всевышнему угодно было лишити меня жены и дѣтей и дозволити вамъ заступити ихъ мѣсто, будьте же вы оными въ самомъ дѣлѣ. Не хочу отнимать у васъ то, что даровало вамъ небо, но не хочу и оставить васъ и дѣтей вашихъ. Сіе утѣшеніе осталось мнѣ въ жизни. Хочу окончити жизнь мою у васъ, не мѣшая ни мало вамъ въ правленіи моими деревнями; владѣйте ими, мои други, а меня кормите и пойте, покуда буду жить и погребете кости мои, когда умру и переселюсь въ вѣчность. А до тѣхъ поръ можетъ найдется праздный уголокъ въ вашемъ домѣ, гдѣ-бъ я могъ изнемогшимъ членамъ моимъ давать отдохновеніе и принести молитвы мои Господу. *Можетъ бытъ, не помѣшаю я вамъ ни мало и не наскучу».

Излишнее будетъ, если мнѣ описывать теперь тѣ чувства, какія имѣли тогда его племянники и мои предки; они были неудобъ изобразимыя перомъ, и преисполнены нанѣжнѣйшею благодарностію. Они и подлинно соотвѣтствовали таковой воступкѣ стариковой достойнымъ образомъ и не только кормили, поили, покровили и одѣвали его до смерти, но не иначе почитали и любили его, какъ отца, и имѣли о немъ попеченіе. Онъ прожилъ у нихъ нѣсколько лѣтъ въ совершеннѣйшемъ спокойствіи, и окончилъ жизнь благодаря Бога, что онъ при концѣ оной допустилъ его наслаждаться покоемъ и лишивъ его родныхъ даровалъ другимъ дѣтей, отъ которыхъ онъ не могъ лучшей и совершеннѣе той любви и почтенія требовать, какое они ему оказывали.

Вотъ, любезный пріятель, повѣсть, которая передана мнѣ помянутою старуш-

кою, моею родственницею *). Она, доживъ до глубочайшей старости, запомнила еще того честнаго старика, и была тогда ребенкомъ, когда онъ возвратился и у нихъ жилъ въ домѣ, и рассказывала мнѣ все сіе происхожденіе неоднократно.

Теперь не знаю, не наскучилъ ли я вамъ, любезный пріятель, своимъ болтаніемъ; письмо мое слишкомъ велико, но мнѣ не хотѣлось прервать повѣсть, но какъ теперь она уже вся, то окончивъ остаюсь,
и прочая.

ИСТОРИЯ БЛИЗНИХЪ ПРЕДКОВЪ.

Письмо 3-е.

Любезный пріятель!

И для прочтенія сего письма нужно вамъ небольшое терпѣніе, ибо и въ ономъ не начну еще я рассказывать вамъ собственную мою исторію, а наполню все оное краткимъ повѣствованіемъ о прочихъ моихъ и ближайшихъ предкахъ, которое хотя и не таково любопытно будетъ какъ предсгдующее: но вы уже должны быть онымъ довольными, ибо мнѣ не выдумать-стать любопытныя и такія исторіи, которыя-бы читать было пріятно, если таковыхъ въ самомъ дѣлѣ не происходило! Сего я думаю и сами вы не потребуете.

Итакъ, возвращаясь къ моимъ предкамъ, скажу, что о прапрадѣдѣ моемъ, Осипѣ Ерофѣевичѣ Болотовѣ, не имѣю я почти никакого свѣдѣнія. А то только знаю, что умеръ онъ въ молодыхъ лѣтахъ и съ вышеупомянутыми братьями его, Кириломъ и Ерофѣемъ, жилъ уже въ одно время оставшіи послѣ его сынъ, а мой прадѣдъ, Ларіонъ Осиповичъ, а ихъ родной племянникъ.

О семь прадѣдѣ моемъ также ничего мнѣ болѣе неизвѣстно, кромѣ того, что

*) Она называлась Варварою Матѣвскою, бывшая замужемъ за Темиризовымъ, и дочь Матвѣя Кирилловича Болотова.

онъ жилъ уже особо отъ дядей своихъ и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ я живу; также, что былъ онъ великій дѣлецъ по приказнымъ дѣламъ, имѣлъ пословицу, реку и хаживалъ еще въ бородачѣ. Впрочемъ сказываютъ, былъ онъ человекъ неуступчивый и не скоро себя давалъ въ обиду. Почему и въ тогдашнее еще время было между обонми нашими домами, то есть домою прадѣда моего и Кирила Ерофѣевича временемъ не очень согласно. Далѣе, имѣемъ мы отъ сего прадѣда моего и понынѣ еще одну антику, доказывающую вкусъ тогдашнихъ временъ и вкусъ раченіе его о церкви, ибо рѣзныя и вызолоченныя царскія двери въ нашей приходской церкви, въ селѣ Русятинѣ были его построены, какъ то изъ надписи на нихъ и понынѣ еще видно.

Обонмъ снмъ старикамъ наслѣдовали дѣти ихъ. Послѣ Кирилы остался сынъ Матвѣй, а послѣ Ларіона дѣдъ мой Петръ Ларіоновичъ, а Матвѣевъ двоюродный племянникъ, но съ тою-жъ опять разницею, что дѣдъ мой остался послѣ прадѣда моего очень молодъ и еще въ самомъ младенчествѣ, а Матвѣй Кириловичъ былъ уже на возрастѣ. Натура раздѣлила оба сія дома чуднымъ образомъ, снабдивъ ихъ весьма разными свойствами. Потомки Осиповы были немногочисленны и не долговѣчны, но добродѣтельныя и лучшихъ свойствъ и качествъ душевныхъ, а потомки Кирилыны гораздо долговѣчнѣе и многочисленнѣе, но при томъ далеко не такихъ свойствъ были. Однимъ словомъ, нравы обонхъ сихъ домовъ изстари были несогласны между собой. Наши предки были добродушны, откровеннѣе, чистосердечнѣе, дружелюбнѣе, а тѣ скромнѣе или прямѣе сказать, лукавѣе и неприступнѣе, почему и самое господствующее иногда между ими согласіе было только наружное и притворное, по которой причинѣ нашимъ не безъ обидъ съ той стороны иногда бывало.

Не успѣлъ дѣдъ мой Петръ Ларіоновичъ придти въ возрастъ, какъ началось въ войскѣ нашемъ регулярство, слѣдовательно, и онъ служилъ уже въ регуляр-

ныхъ войскахъ и былъ офицеромъ. Онъ женился на одной дворянской дѣвушкѣ фамиліи Бабинныхъ, и взялъ въ приданое за нею двѣ деревнишки, которыя были хотя очень не велики, однако по тогдашнимъ обстоятельствамъ очень важны, а особливо потому, что самъ дѣдъ мой былъ человекъ не богатый. Все его имѣніе состояло въ нѣсколькихъ крестьянахъ, жившихъ въ той деревнѣ, гдѣ мы нынѣ живемъ, да въ нѣсколькихъ крестьянахъ, доставшихся на его долю изъ владѣнія помянутаго несчастнаго старика Еремѣя Гавриловича, въ деревнѣ Болотоиѣ, въ которыхъ обонхъ мѣстахъ не думаю чтобъ душъ 50 за нимъ было. Изъ сихъ взятыхъ за женою своею въ приданое деревень, одна была въ Каширскомъ уѣздѣ и называлась Бурцово, которая дошла до рукъ моихъ, и я ее перевелъ уже въ другое и лучшее мѣсто; а другая въ Елифанскомъ уѣздѣ и называется и понынѣ Бабинкою, и которою я и по днесъ владѣю.

Бабка моя, а его жена называлась Екатерина Григорьевна и объ ней слышалъ чудное повѣствованіе. Было ихъ у отца три дочери, сія Екатерина, другая Лукерья, выданная за Арсеньева, а третья Афімья, бывшая въ замужствѣ за Тутолминнымъ, дѣдомъ нынѣшняго Архангелогородскаго намѣстника. Нѣкогда, какъ бабка моя была еще въ дѣвкахъ, случилось приттить къ нимъ одному монаху, странствующему и собирающему милостыню изъ земли обѣтованной. Любопытству подвержены были люди во всѣ времена. Бабка моя, бывшая тогда еще въ дѣвкахъ, показывала ему руку и требовала предсказанія, ибо онъ угадывалъ многимъ и былъ хиромантикъ. Вопросъ влопился болѣе къ тому, долго-ли жить, и быть-ли замужемъ? Старецъ, посмотрѣвъ, сказалъ ей удивительное предсказаніе, а именно, что ежели хочеть она долго жить, то не ходила-бъ замужъ, буде же пойдетъ, то жизнь ея только пять лѣтъ продлится.

Послѣдствіе доказало, что предсказаніе сіе было очень справедливо. Какъ онъ сказалъ, такъ и сдѣлалось. Не выдали еще въ тотъ самый годъ замужъ, и она

съ нимъ дѣйствительно пять дѣтъ
ла только двухъ сыновей, которые
лись живы. Одинъ изъ нихъ былъ
ей и самый тотъ, которому я рож-
ь моиъ обязанъ, а другой Матвѣй,
пйся послѣ матери самымъ младен-
и еще у груди. Дѣдъ мой находил-
да въ службѣ какъ она умерла,
взяла дядю моего къ себѣ тетка
ея сестра Лукерья Григорьевна,
я уже замужемъ, и воспитала сво-
дью. Изрядный примѣръ бывшаго
сестрами сими согласія и любви
енной.

нѣ дѣда моего продолжалась также
ю. Онъ дослужился майорскаго ран-
меръ наконецъ въ Ригѣ, и погре-
рь церкви Алексѣя челоуѣка Божія;
го были тогда при немъ и отецъ
лтъ уже записанъ въ службу и едва
э не офицеромъ. Какъ около сихъ
тъ отечество наше, подѣ премуд-
правленіемъ славнѣйшаго въ свѣтѣ
ра Петра Великаго, начало изъ
го невѣжества выходить, и часъ
су просвѣщаться, то и дѣдъ мой
алъ дѣтей своихъ не по примѣру
предковъ, но гораздо лучше; онъ
ихъ въ Ригѣ въ нѣмецкую школу,
илъ ариметикѣ и нѣмецкому язы-
) послѣ отцу моему служило въ
ю пользу.

юнчинѣ отца своего продолжалъ
мой военную службу. Братъ его
овалъ ему въ томъ же, да инако
данія времена было и не можно,
ѣ дворяне должны были служить,
вступили въ то же время и дѣти
я Кириловича въ службу, которыхъ
етверо: Семень, Богданъ, Никита
ѣй. Они служили всѣ въ разныхъ
ь, а не вмѣстѣ, и всѣ подвержены
разнымъ жребіямъ. Изъ помяну-
четырехъ братьевъ, внучатныхъ
ь отцу моему, одинъ только остал-
ь, а трое прочіе лишились разны-
аями жизни. И Никита былъ тотъ,
му судьба назначила прожить до
ой старости и быть отцу моему, а
ь и мнѣ современникомъ.

Что касается до моего отца, то слу-
жилъ онъ въ гренадерскомъ Лессіевомъ
полку, который послѣ переименованъ Бѣ-
лозерскимъ, подпоручникомъ. Изъ сего
полка, при случаѣ сочиненія третьяго
гвардейскаго полка взятъ былъ тѣмъ же
чиномъ въ Измайловскій полкъ, въ кото-
ромъ служилъ онъ до 1740 года, и почти
до самаго того времени, какъ я родился.

Во время сей своей службы бывалъ онъ
во многихъ посылкахъ и походахъ, а
особливо въ турецкихъ съ фельдмарша-
ломъ Минихомъ, и дослужился наконецъ
въ гвардіи до капитанскаго чина. Одинъ
изъ славныхъ нашихъ Бироновъ любилъ
его особливимъ образомъ, и онъ былъ у
него въ милости. Впрочемъ служба его
счастливо продолжалась. Онъ не навелъ
себѣ никакого нареканія, былъ всѣми
любимъ и почитаемъ и не бывалъ никог-
да въ штрафахъ и подѣ судами.

Одну изъ его посылокъ почитаю я всѣхъ
достопамятнѣе, ибо досталась мнѣ отъ
того вещь для меня весьма драгоцѣнная.
Не подумайте, чтобъ онъ что-нибудь во
время сей посылки нажилъ. Нѣтъ, лю-
безный пріятель! отецъ мой не таковъ
былъ сродства, чтобъ неправеднымъ об-
разомъ что-нибудь себѣ наживать. Вся
достопамятность состоитъ только въ томъ,
что я нашелъ одинъ ордеръ данный отцу
моему отъ Петра Великаго, сего славнаго
и безпримѣрнаго въ свѣтѣ монарха, под-
писанный собственною его рукою. Мой
отецъ былъ въ то время еще армейскимъ
подпоручникомъ и посланъ былъ изъ Риги
отъ самаго Государя, для отвоза жне-
цовъ нѣмецкихъ въ наши степныя мѣста.
И сіе-то писъцецо почитаю я тою дра-
гоцѣнною для меня вещью, хотя она въ
самомъ дѣлѣ ничего не стоитъ.

Вся сія долговременная служба не при-
несла отцу моему много прибыли. Онъ
принужденъ былъ жить однимъ почти
жалованьемъ, ибо отъ малыхъ своихъ де-
ревень, полученныхъ въ наслѣдіе послѣ
отца своего, а моего дѣда, не могъ онъ
получать знатныхъ доходовъ; а сверхъ
того не имѣлъ никогда и случая жить
въ нихъ, а пріѣзжалъ временно и на са-

мое короткое время въ деревню, слѣдовательно не имѣлъ способа о приведеніи оныхъ въ лучшее состояніе стараться. Вся прибавка состояла только въ томъ, что онъ взялъ за женою свою, а моею матерью, небольшую деревнишку, или прѣмѣе сказать одинъ только дворъ въ Чернскомъ уѣздѣ въ приданое, да сдѣлалъ основаніе маленькой деревеньки въ Шацкомъ уѣздѣ.

Мать моя была фамиліи Бакѣвыхъ, внука живущаго неподалеку отъ насъ одного каширскаго дворянина. Отецъ ея назывался Степанъ Гаврилычъ и служилъ въ Ингерманландскомъ пѣхотномъ полку майоромъ, а послѣ въ рижскомъ гарнизонѣ полковникомъ и прославился при одномъ случаѣ, во время шведской войны, а именно при взятіи 4-хъ фрегатъ, въ которое морское сраженіе, будучи съ полкомъ своимъ на галерахъ, взялъ онъ шведскаго Шутбенахта въ полонъ своими руками. За сіе пожалована была ему отъ государя Петра Великаго золотая медаль съ дѣлѣю, и записано было имя его въ журналѣ сего великаго монарха.

Какъ былъ онъ всегда въ службѣ, то жила дочь его, которая называлась Маврою, съ своей матерью у его отца Гаврилы Прокофьевича Бакѣва, въ деревнѣ, который и выдалъ ее безъ отца за моего родителя. Приданое ея было по тогдашнимъ временамъ очень не велико, но надежда та была, что она была одна у отца дочь, слѣдовательно, всему имѣнію наследница, что послѣ и сдѣлалось, ибо какъ дѣдъ мой Степанъ Гавриловичъ умеръ, то получилъ отецъ мой во владѣніе свое то сальцо Калитино, гдѣ былъ ихъ домъ, да другую деревню Туленно, лежащую по близости къ нашей деревнѣ и весьма намъ подручную.

Какъ деревни отца моего симъ образомъ съ одной стороны приумножались, такъ убавилось потомъ нѣсколько ихъ по другому случаю. Я уже упомянулъ, что у отца моего былъ родной братъ Матвѣй Петровичъ. Сей жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ и будучи уже великъ,

женился на дѣвушкѣ изъ фамиліи Резанцовыхъ. Желаніе ихъ было раздѣлить между собою отцовское наследство, но сего учинить не можно было по тогдашнимъ законамъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ пунктовъ, и по силѣ которыхъ старшій братъ долженствовалъ быть одинъ наследникомъ. Но какъ въ самое то время сіи пункты отмѣнены и дозволено было дѣлиться, то отецъ мой первый подалъ о томъ челобитную и просилъ о раздѣлѣ не для какой ссоры, а единственно для любви къ брату и для убѣжденія отъ несогласія, что и учинилось въ самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ раздѣлился домъ нашъ на-двое, и пошло особливое поколѣніе. Дядя мой построился шаговъ со сто отъ насъ въ особливомъ мѣстѣ, а отецъ мой остался въ старомъ домѣ. Деревня же и люди отцовскіе раздѣлены были во всѣхъ мѣстахъ пополамъ.

Дѣтьми былъ отецъ мой не гораздо счастливъ. Онъ имѣлъ хотя многихъ, но не имѣлъ того, чего желалъ, то-есть живого сына. Изъ дочерей его осталось двѣ живущихъ. Одну и старшую мою сестру звали Прасковьею, а другую Мареею. Но небо даровало ему наконецъ сына, и назначивъ меня жить, восхотѣло сдѣлать ему при старости утѣшеніе.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, начало моей исторіи, или паче начало исполненія вашего желанія. Довольны ли вы тѣмъ будете? — Въ сихъ письмахъ описалъ я все, что нашель упомянуть о происхожденіи нашей фамиліи, о моихъ предкахъ, и о бывшихъ до меня происшествіяхъ и обстоятельствахъ, а въ будущемъ начну уже рассказывать собственную мою исторію, со дня моего рожденія; а между тѣмъ остаюсь,

и прочая.

ИСТОРИЯ МОЕГО МЛАДЕНЧЕСТВА.

Письмо 4-е.

Любезный пріятель!

Вотъ теперь дошелъ я и до собственной своей исторіи. Я начну оную съ са-

мага дня моего рожденія, дня достопамятнаго въ моей исторіи и ознаменованнаго однимъ рѣдкимъ и примѣчанія достойнымъ происшествіемъ; однако надобно примолвить, что не на небѣ и не во всемъ свѣтѣ, а въ господской только нашей вотчинѣ, маленькой деревушкѣ Дворяниновѣ или лучше сказать, въ одной спальнѣ моей матери. Происшествіемъ не столько удивительнымъ, сколько страннымъ и столь смѣшнымъ, что оное заставило мать мою, въ самыя опасныя минуты своихъ родовъ, и несмотря на всю свою болѣзнь, смѣяться, и которое власно какъ служило нѣкоторымъ предвозвѣстіемъ тому, что я въ теченіи жизни моей не столько печальныхъ, горестныхъ и скучныхъ, сколько спокойныхъ, веселыхъ и радостныхъ минутъ имѣть буду!.. И буде это такъ, то я очень обязанъ за то моей бабушкѣ-повитушкѣ, которая ко всему тому подала поводъ и мать мою разсмѣшила.

«Какъ это такъ! скажете вы; конечно была она какаля-нибудь проказа?»—Нѣтъ! право нѣтъ! любезный пріятель! Она была старуха добрая; старуха богомольная, старуха честная; старуха большая; старуха толстая *); однимъ словомъ, старуха всѣмъ хороша и я ее, будучи маленькой, очень любилъ и часто объ ней плакивалъ, потому что она была моя мамка, а что она проказу сдѣлала, тому не она, а полъ виновата. Ибо виновата ли она, что полъ разохся и ея крестъ увязъ въ трещинѣ?—«Какъ это?»—спросите вы, — а вотъ какимъ образомъ.

Какъ случилось мнѣ родиться ночью послѣ полуночи, то не было никого въ той комнатѣ, кромѣ одной сей бабушки старушки да моей матери. Мать моя сидѣла на постелѣ, а старушка молилась Богу и клала земные поклоны. Вы вѣдаете, какъ старухи обыкновенно молятся. Гдѣ-то руку заведетъ, гдѣ-то на плечо положить; гдѣ-то на другое, гдѣ-то нагнетъ, гдѣ-то наклонится; и гдѣ-то нач-

*) Она называлась Соломонидою и была мать прикащика моего Григорія Ожнина, у котораго былъ сынъ Абрамъ, бывшій со мною въ походѣ.

нетъ подниматься съ полу и гдѣ-то встаетъ; однимъ словомъ, въ одномъ поклонѣ болѣе минуты пройдетъ. Но представьте себѣ, какой странный случай тогда сдѣлался!—Въ самую ту минуту, какъ назначено было мнѣ свѣтъ увидѣть, бабушка отправляла свой поклонъ и была нагнувшись, и въ самый тотъ моментъ попади крестъ ея въ щель на полу между разохшихся досокъ и тамъ перевернись ребромъ, что его ей вытащить никакъ было не можно. — Мать моя начала кричать и звать ее къ себѣ, а она «постой, матушка» говорить, «погоди немножко! крестъ зацѣпилъ, не вытащить». — И между тѣмъ барахталась на полу головою и руками. Вытянуть его было не можно, перервать также; — гайтанъ не рвется, крѣпокъ; — вздумала его скидывать съ головы. — Но чтожь, еще того хуже сдѣлала. Голова не прошла, а только увязла и привязалась къ полу! — что оставалось тогда дѣлать, и не смѣшное ли приключеніе? Мать моя рассказывала потомъ часто, что она не могла отъ смѣха удержаться вида сію проказу, и слыша усиленныя ея просьбы, чтобъ немного погодила, ибо въ ея ли власти было погодить.

Ежели спросите, какимъ же образомъ она освободилась, то скажу, что на крикъ ихъ проснулась и прибѣжала еще баба и гайтанъ принуждена была разрѣзать. И по счастью, успѣла бабка къ исправленію своей должности.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, первое смѣшное приключеніе, случившееся еще при самыхъ моихъ родахъ. Но теперь возвращусь я къ порядку моей исторіи.— Я родился въ 1738 г. октября въ 7 день, что случилось тогда въ субботу. Мѣсто моего рожденія есть самое то, гдѣ я нынѣ живу.—Отца моего въ то время не было дома, какъ я родился. Онъ находился въ Нѣжинѣ, одномъ украинскомъ городкѣ, гдѣ тогда полки по возвращеніи изъ турецкаго похода стояли *). Онъ былъ очень радъ получивъ извѣстіе сіе чрезъ полто-

*) Откуда и мать моя въ преднедавнее время и беременная мною домой отъ него прибѣжала.

ра мѣсяца. Крестины мои отправлялись обыкновеннымъ у насъ въ деревняхъ образомъ. У меня было два отца и двѣ матери крестныхъ,—всѣ родственники и пріатели моихъ родителей. Одинъ изъ нихъ былъ господинъ Раевскій, по имени Иванъ Артемьевичъ, а другой господинъ Ладженскій, по имени Иванъ Леонтьевичъ. Кумъ же двѣ старушки наши родственницы и мнѣ баби: Арина Савична и Авдотья Борисовна, жена сосѣда нашего Матвія Кириловича Болотова.

О самомъ первомъ періодѣ моей жизни или о времени первого моего младенчества много говоритъ мнѣ о себѣ нечего, ибо со мною не происходило ничего особеннаго, и сказать развѣ только то, что воспитывали меня съ особеннымъ стараніемъ и берегли какъ порохъ въ глазахъ, но тому и дивится не можно. — Мать моя была уже негораздо молода, и дѣтей болѣе родить уже не надѣялась, а сына не одного еще живого не имѣла. Всѣ бывшіе до меня умирали въ самомъ еще младенствѣ, слѣдовательно, имѣла она причину опасаться, чтобы и со мною того же не сдѣлалось, а особливо потому, что я съ самаго младенчества подверженъ былъ многимъ болѣзненнымъ припадкамъ, почему легко можно заключить, что жизнь моя была обоемъ родителямъ моимъ гораздо нужна и драгоценна. Но могли-ль бы они всѣми трудами и всѣми стараніями своими оную сохранить, еслибъ небо того не похотѣло? Но сіе назначило меня къ тому, чтобы жить и потому сохранило отъ всѣхъ опасностей, которымъ мы въ младенствѣ своемъ ежеминутно бываемъ подвержены.

Года два послѣ рожденія моего жила мать моя со мною и съ обѣими моими сестрами дома, ибо родитель мой былъ въ сіе время во многихъ отлучкахъ. Въ послѣдующій 1739 годъ ходили они въ послѣдній турецкій походъ, гдѣ марта 5-го пожалованъ онъ былъ гвардіи старшимъ капитаномъ, а августа 17 дня былъ онъ на случившемся въ Молдавіи на рѣчкѣ Шуланцѣ сраженіи и при взятіи города Хотина, гдѣ благополучно сохранился.

Какъ сей походъ былъ послѣдній въ тогдашнюю турецкую войну, то возвратилась армія въ Россію и отецъ мой прибылъ зимою съ гвардейскимъ баталіономъ въ Петербургъ, заѣхавъ напередъ въ деревню и побывъ въ ней самое короткое время.

Не успѣлъ онъ въ помянутый столичный городъ возвратиться, какъ объявленъ былъ заключенный миръ съ турецкимъ государствомъ и отецъ мой отправленъ былъ съ объявленіемъ о томъ въ нѣкоторыя отдаленныя провинціи нашего государства, лежащія въ сторону къ Сибири. Сія посылка была ему не убыточна, ибо извѣстно то обыкновеніе, что присылаемые съ такимъ радостнымъ извѣстіемъ получаютъ отъ жителей тѣхъ мѣстъ многіе подарки и приносы, и я имѣю и помню нѣкоторыя, а особливо фарфоровыя вещи, привезенныя имъ изъ Соликамска, гдѣ ему тогда быть случилось.

Вскорѣ послѣ возвращенія отца моего оттуда, а именно октября 17 дня 1740 г. воспослѣдовала кончина императрицы Анны Іоанновны. Я не буду упоминать о тѣхъ замѣшательствахъ, которыя тогда при избраніи наследниковъ у насъ въ государствѣ происходили, ибо мнѣ о томъ знать было не можно, къ тому жъ ихъ весь свѣтъ довольно знаетъ. При возшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны находился отецъ мой уже въ полевыхъ полкахъ, ибо его выпустили между тѣмъ изъ гвардіи, пожаловали полковникомъ и дали ему Архангелогородскій пѣхотный полкъ.

Сія перемена привела обстоятельства наши въ иное состояніе; отецъ мой находился съ того времени почти безпрестанно при полку, а и мы жили также по большей части при немъ.

Такимъ образомъ началъ мой отецъ мало-по-малу приходить въ честь. Онъ и дѣйствительно чрезъ хорошіе свои поступки и умное поведеніе сдѣлался извѣстнымъ. Однимъ словомъ, его почитали человекомъ должностъ свою довольно знающимъ, и заведенныя имъ въ полку порядки доказывали его способность. Еще

съ въ гвардіи нажилъ онъ себѣ въ хорошихъ пріятелей, а особливо въ великой дружбѣ съ однимъ рнымъ генераломъ господиномъ Шемъ. Однимъ словомъ, всѣ знатные му благосклонны, а между оними и почиталъ его и самъ командуягда армією фельдмаршалъ Лессій. принуждены были слѣдовать поза отцемъ моимъ и я, размышляя часто, самъ тому дивился, что денія моего никогда долгое время омъ мѣстѣ не жила. Не успѣлъ мой полкъ принять, какъ взялъ съ въ себѣ въ полкъ, стоявшій неподалеку отъ Нарвы, въ селеніи ежомъ Наровскъ. Вскорѣ послѣ ошелъ онъ съ полкомъ въ другое и мы принуждены были слѣдовать ъ, — а симъ образомъ съ мѣста на переходя, нигдѣ онъ долгое время омъ мѣстѣ не стоялъ, что причлило, что и мы съ нимъ всюду и гаскались.

Куду тѣмъ, бывали мы съ матерью ѣсколько разъ и въ домѣ нашемъ, пшво какъ вскорѣ потомъ началась война съ Шведами, и отецъ мой, въ походѣ съ полкомъ своимъ на съ, принужденъ былъ отпустить въ деревню изъ Эстляндіи. Мнѣ тогда уже пятый годъ, а большой стрѣ семнадцатый, а другой третий, ибо первая родилась въ 1725, а въ 1730 году. Я былъ самый и дѣйствительно послѣдній.

касается до начала воспитанія по отнятій отъ кормилицы, то было жковенное. Превеликая нѣга слѣсегда за любовью, которую матери ѣ своимъ дѣтямъ. Мать моя меня любила, и не оставляла всабразомъ нѣжить, чрезъ что допукорениться во мнѣ многимъ худымъ камъ. Упрямство было первое, коогда корень свой и пустило, умалпрочихъ. Блаженны дѣти, о коихъ ги ихъ въ самомъ младенчествѣ о ежутся, и о исправленіи ихъ враараніе прилагаютъ.

Что касается до того пункта времени, съ котораго началъ я самъ себя познавать и сколько-нибудь помнить, то не могу оный въ точности означить, а только то знаю, что до 1744 г. память моя была еще мала и беспорядочна. Я хотя и помню много кой-чего бывшаго до сего времени, но безъ всякой связи и все ключами, и только то, чему случилось тверже впечатлѣться въ мою память, какъ, напримѣръ, памятую я, какъ съвозъ сонъ, какъ мы съ полкомъ стояли въ Наровскѣ и какъ я ѣзжалъ тутъ въ салазкахъ на козлѣ для приниманія будто отъ комисара жалованья, и получалъ по нѣсколько копѣекъ; также какъ мы съ меньшою моею сестрою однажды въ отсутствіе родителя забрались въ его комнату и возжелали посмотрѣть, какъ идутъ карманные часы его, но была столь неосторожны, что оныя уронивъ разбили на нихъ стекло, и какъ сестра моя за то принуждена была терпѣть наказаніе, да и меня едва было не высѣли. Также памятно мнѣ, какъ мы стояли въ Эстляндскомъ мѣстечкѣ Гапсалѣ въ одномъ каменномъ домѣ, котораго образъ и фигуру какъ теперь вижу, и какъ случилось мнѣ тутъ быть въ одной пустой нѣмецкой киркѣ и видѣть несогнившее тѣло одного человѣка, погребеннаго лѣтъ за сто, и о которомъ говорили тогда, якобъ онъ былъ провлять. Далѣе, какъ я тутъ зимою съ родителями ѣзжалъ по городу кой-куда въ саняхъ въ гости, и сматривалъ на бывшую тогда на небѣ звѣзду съ хвостомъ или комету и проч., но когда что было, и что за чѣмъ слѣдовало, того никакъ въ памяти моей сообразить не могу.

Наконецъ, вскорѣ по возвращеніи полка нашего изъ шведскаго похода, и по заключеніи съ короною шведскою мира, воспослѣдовала въ государствѣ нашемъ вторичная всему народу перепись, или вторая ревизія. При семъ случаѣ отца моего опредѣлили ревизовать Псковскую провинцію. Итакъ, принужденъ онъ былъ оставить полкъ и во Псковѣ отправиться, куда ѣзъ нему и мы изъ деревни приѣхали.

Но какъ съ самаго сего времени началась моя память и я уже помню все происходившее порядочно, а не такъ какъ прежде ключками, то окончивъ опять мое письмо, сдѣлаю чрезъ то нѣкоторое отдѣленіе и пожелавъ вамъ всѣхъ благъ, остаюсь
и прочая.

ПРИ РЕВИЗИИ ВО ПСКОВѢ.

Письмо 5-е.

Любезный пріятель!

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что отецъ мой опредѣленъ былъ ревизоромъ во Псковъ, и что мы къ нему туда изъ деревни пріѣхали. Теперь продолжая повѣствованіе мое скажу, что во время сего пребыванія нашего во Псковѣ у ревизіи, происходили съ нами многія и разныя приключенія. Не успѣли мы изъ деревни пріѣхать, что случилось въ 1744 году, какъ однимъ нечаяннымъ случаемъ лишился - было я моей матери. Она была очень слаба головою, особливо въ случаѣ угара, а тутъ въ каменной нашей квартирѣ такъ она однажды угорѣла, что упала безъ чувствъ и безъ памяти, и всѣ почитали ее уже умершею. Плачь, крикъ, стонъ и вопль поднялся тогда во всемъ нашемъ домѣ, особливо отъ сестеръ моихъ: ее вынесли и положили на снѣгъ, и къ великому обрадованію нашему, хотя съ великимъ трудомъ, но оттерли, наконецъ, снѣгомъ. Каковъ для меня былъ сей случай по тогдашнему малолѣтству, всякому легко вообразить себѣ можно.

Вскорѣ послѣ того принужденъ я былъ переходить важную и опасную переправу человѣческой жизни, то-есть лежать въ оспѣ. По счастью была она хороша и я освободился отъ ея свирѣпства, съ которымъ она такъ великое множество бѣдныхъ дѣтей пожираетъ. Товарищъ ея корь не преминулъ такъ-же меня посѣтить, и я принужденъ былъ и его вытерпѣть.

Не успѣлъ я сіи болѣзни перенести, какъ началъ мой отецъ помышлять объ обученіи меня грамотѣ. Мнѣ шелъ уже тогда шестой годъ, слѣдовательно, былъ я мальчишъ на смыслу и могъ уже принимать буквы. 17-го числа іюня, помнутаго 1744 года, былъ тотъ день, въ который меня учить начали, и я долженъ былъ ходить въ домъ къ одному старнику малорослянину и учиться со многими другими. Съ какимъ успѣхомъ я учился, того не могу вамъ сказать, ибо того не помню, слышалъ только послѣ, что понятіемъ моимъ были всѣ довольны, какъ напротивъ того не довольны моимъ упрямствомъ. Сіе пристрастіе въ маленкомъ во мнѣ было такъ велико, что великаго труда стоило его преодолевать; но таковыя бывають почти всѣ дѣти, которыхъ въ малолѣтствѣ нѣжать, отчего и произошло, что ученіе мое болѣе года продолжалось. Изъ всего оваго помню я въ особенности то, что первое обрадованіе родителямъ моимъ произвелъ я выученіемъ почти наизусть одного Апостола изъ посланія къ Коринѣянамъ, начинающагося сими словами: «Облецытеся убо яко избранніи Божіа», и проч., и прочтеніемъ предъ ними и какъ сіе случилось скоро послѣ началія ученія моего, то родитель мой такъ былъ тѣмъ доволенъ, что пожаловалъ мнѣ нѣсколько денегъ на лакомство.

Между тѣмъ, большая моя сестра была уже совершенная невѣста, ей шелъ уже тогда девятнадцатой или двадцатой годъ, слѣдовательно, и выдавать замужъ ее было уже время. Родители мои начинали уже о томъ заботиться и не столько отецъ, сколько мать. Имѣя двухъ дочерей, а приданое за ними очень малое, не могла она, чтобъ не безпокоиться, и тѣмъ не тревожить завсегда духъ моего родителя. Сей имѣя надежду и упованіе на Бога, отзывался только тѣмъ: что когда Богъ ихъ далъ, то непреминетъ и приставитъ ихъ къ мѣсту, въ которой надеждѣ онъ и не обманулся, какъ то изъ нижеслѣдующаго усмотрится.

Комиссію, которая поручена была отцу, моему отправлялъ онъ такимъ успѣхомъ и столь порадочно, что заслужилъ отъ всѣхъ похвалу и благодареніе; сверхъ того, за хорошіе свои поступки и благоразумное поведеніе сдѣлался онъ любимъ и почитаемъ во всемъ городѣ и уѣздѣ. Всѣ дворяне и лучшіе въ городѣ люди, въ короткое время сдѣлались ему друзьями, а сіе самое служило ему основаніемъ счастью сестры моей и важной пользы всей нашей фамиліи.

Мы не успѣли полгода прожить въ семь городѣ, какъ начали уже многіе за сестру мою свататься; хорошій ея нравъ и несвоевольное, а порядочное воспитаніе, какое имѣла она въ домѣ родителей моихъ, дѣлали ее завидною невѣстою и она была во всемъ уѣздѣ знаема. Въ самое сіе время случилось пріѣхать въ сей уѣздъ одному тутошнему молодому и богатому дворянину, онъ выпросился изъ полка на короткое время, чтобъ побывать въ домѣ, въ которомъ не былъ онъ почти ниоднажды послѣ смерти отца своего. Не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ родственники начали его принуждать, чтобъ онъ женился, и предлагали въ невѣсты сестру мою. Они представляли ему, что хотя сестра моя не богата, но дочь хорошихъ родителей и имѣетъ нравъ изрядный; а болѣе всего хотѣлось имъ, чтобъ она поправила его состояніе и хозяйство, которое по молодости его и по долговременной отлучкѣ, очень разстроено и упущено было. Таковыя представленія убѣдили наконецъ сего молодого дворянина. Онъ согласился на ихъ желаніе и началъ искать случая видѣть сестру мою. Онъ скоро его нашелъ, и она ему понравилась, и для того началъ тотчасъ сватаніе, не требуя никакого приданого. Легко можно заключить, что такое предложеніе не могло противно быть отцу моему. Онъ хотя и находилъ нѣкоторыя затрудненія въ разсужденіи низкаго чина, въ которомъ сей молодой дворянинъ служилъ въ Рижскомъ гарнизонѣ находился, а паче того въ разсужденіи нѣкоторыхъ повѣствованій о его тамошней

жизни, однако первое почиталъ не за великую важность, а послѣднему вѣрилъ и не вѣрилъ, ибо зналъ, что никакое сватаніе безъ опорочиванья не проходитъ; да хотя бы все сказанное и справедливо было, такъ можно было бы приписывать то молодости, почему и надѣялся его исправить, переведа его въ свой полкъ и имѣя всегда при себѣ, и для того безъ труда на требованіе его согласился.

Такимъ образомъ просватана, сговорена и выдана была сестра моя замужъ. Свадьба была тутъ же въ городѣ, гдѣ зять мой имѣлъ у себя небольшой каменный домъ. Сіе происходило въ августѣ мѣсяцѣ 1744 года, и отецъ мой въ своей надеждѣ не обманулся. Онъ получилъ себѣ достойнаго зятя и былъ симъ случаемъ очень доволенъ. Однимъ словомъ, сестра моя замужествомъ своимъ была счастлива и получила мужа, который былъ не глупъ, хорошаго нрава, имѣлъ чѣмъ жить, а что всего лучше, любилъ ее, какъ надобно, и она не могла ни въ чемъ на него жаловаться. Мы дали за нею небольшое приданое, которое состояло только въ нѣсколькихъ семьяхъ людей, и въ нѣсколькихъ стахъ наличныхъ денегъ, ибо деревень имѣлъ зять мой и своихъ довольно, почему не столько приданое, сколько человѣкъ ему былъ нуженъ. Онъ былъ изъ фамиліи Неклюдовыхъ и назывался Васильемъ Савиновичемъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ свадьбы сестры моей, сдѣлалось-было съ нами весьма несчастное приключеніе. Мы лишились-было совсѣмъ отца моего, при случаѣ приключившейся ему жестокой и опасной горячкѣ, которою занемогъ онъ мая 6 дня 1745 года, и пролежалъ дѣльныхъ пять недѣль. Болѣзнь сія столь жестоко надъ нимъ свирѣпствовала, что никто уже не имѣлъ надежды о его исцѣленіи, и его совсѣмъ отчаяли. Однако небо не восхотѣло еще его у насъ отнять и свиспослало облегченіе, въ самое то время, какъ соборовали его масломъ и читали надъ нимъ евангеліе.

Легко можно заключить, въ сколь великую печаль когду

въ россіи нашъ

домъ во время его болезни я сшил мно-
ги запреты для брадобра. Внутренне
задумалъ и дальнѣйше исполненіи его
жизни. Мать моя продолжала внешне ин-
дустно жить, да стала во спрашеніи
отца разсудить, но я началъ съ гнѣву тре-
бовать за ружьемъ у ней исполненія того
же сама дочь. Мать не могла и слыть въ
такой мѣрѣ. Вострый быкъ еще
всегда рѣшилъ и требовалъ уже не жес-
ткого, а нуждался на любовь сватрѣтъ.
Да я востановилъ свѣтъ его въ оставшее
время прожилъ-бы во время отсут-
ствия въ нѣкую землю, свѣтъ, а
вотъ бы больше дѣлалъ бы я третъ свѣтъ,
ибо востановилъ мое быль-бы уже востановилъ
не такъ. Какое оно въ самомъ дѣлѣ
было.

Мы прожили въ сѣвѣ городѣ почти
два года, ибо прежде того свѣтъ мой не
могъ кончить своей окончить, въ кото-
рое время началъ онъ вѣроятно рать въ
деревню эту мою, между отъ го-
рода вереть за 4). Впрочемъ не могли
никогда обидѣтъ приключеній, крокъ
одного обидѣнно до меня приналь-жа-
намъ, и какъ въ томъ было вѣроятно
свѣтъ, то разсказу свое теперь.

Кувель, котораго въ дождѣ ни столикъ
нигдѣ водѣ само садъ, и въ нѣтъ са-
желку. Въ сей садъ тажнвалъ я часто
гулять, или пріятно сказать, въ гуднее
время рѣшилъ. Дѣти холена нашего
дѣлали нѣтъ въ томъ колчанѣ. Одну
двѣтъ, какъ имъ съ мной въ этотъ садъ
играли, пришли имъ къ помянутой са-
желкѣ, и я не знаю уже, для чего было
въ ней вѣроятно досокъ по водѣ пла-
валиннхъ. На снхъ доскахъ хотѣлось мнѣ
давно по сажелкѣ воздѣтъ, и сіе про-
сходило отъ вѣселаго рода любовну-
ства, ибо могу сказать, что любовнтенъ
былъ съ самымъ младенчества. Учасъ въ
то время гранотѣ, слышался я о Фа-
раонѣ, обь морѣ и корабляхъ на оныхъ
плавалиннхъ, почему я часто, будучи
иногда одинъ въ саду, прихаживалъ къ
той сажелкѣ, сравнивалъ ее съ мо-
ремъ и представлялъ себѣ въ мысляхъ,
какъ Фараонъ въ морѣ погибъ, и какъ

во время корабля плавать, а для того
вытаскивалъ снхъ вѣроятно на во-
дѣ вѣроятно. Давно во счастіи во
тоу времени не вѣроятно, но воста-
ннхъ свѣтъ быкъ въ томъ замученнхъ
ннхъ. Востановилъ мою востановилъ
самъ предпріятъ не востановилъ воста-
ннхъ и востановилъ только востановилъ, что
востановилъ не востановилъ востановилъ востановилъ
ннхъ. Будучи ннхъ предпріятно въ томъ
востановилъ востановилъ въ томъ востановилъ, что
востановилъ востановилъ въ томъ востановилъ, что
самодѣльно востановилъ въ томъ съ самымъ
ребячества, то востановилъ ннхъ предъ мной
востановилъ, востановилъ свое востановилъ и
для того востановилъ ннхъ востановилъ. «Вотъ въ
брашна, гуднъ я востановилъ востановилъ, укъ
востановилъ во водѣ востановилъ. Чего востановилъ
Востановилъ-ка какъ я востановилъ? И воста-
ннхъ востановилъ на одну востановилъ доску,
востановилъ отъ берега. Но не успѣлъ я
на сажелкѣ отъ берега, какъ все востановилъ
востановилъ. Господинъ востановилъ
былъ востановилъ и востановилъ востановилъ съ
самымъ востановилъ. Товарищи мои востановилъ ннхъ
востановилъ. И востановилъ ее востановилъ и востановилъ
все дѣло востановилъ доска моя востановилъ
востановилъ, и не успѣлъ я востановилъ въ
воду, и едва было не востановилъ во востановилъ
Фараона. Въ востановилъ моему востановилъ,
сажелка въ томъ востановилъ была не востановилъ
глубока, и я хотя чуть-было не востановилъ
востановилъ, но востановилъ и востановилъ востановилъ,
востановилъ востановилъ до дна, и вода была ннхъ
только во шею. Не успѣлъ сего востановилъ
востановилъ, какъ товарищи мои востановилъ воста-
ннхъ востановилъ, и востановилъ востановилъ ху-
дой востановилъ моего востановилъ, востановилъ
того что въ сдѣлать ннхъ какое востановилъ.
Сіе было востановилъ, что я востановилъ востановилъ
объ востановилъ, въ востановилъ востановилъ.
Ибо востановилъ знать, что сажелка была
къ тому берегу востановилъ глубже, а востановилъ
того я такъ въ гнѣву востановилъ, что не могъ
ни одной ноги востановилъ. И я не востановилъ,
что въ сдѣлалось со мной, если въ сажелкѣ въ са-
мое то время не востановилъ востановилъ за мной
въ садъ востановилъ, моя мама, и востановилъ
меня не востановилъ въ воду, и на востановилъ

меня не вынесла. Она встрянулась меня и услышавъ, что я въ саду, шла искать равно какъ зная, что я подвергнусь опасности и что мнѣ ея вспоможеніе будетъ надобно.

Чѣмъ происшествіе сіе кончилось, всякому нетрудно угадать. Скрыть сего ни какимъ образомъ было не можно. Я весь обмокъ и обрызнулся, и принужденъ былъ поневогѣ слѣдовать за моею мамою, которая прямо повела меня къ моей матери. Тутъ не помогли мнѣ всѣ оправданія, которыхъ дорогою я знатное число выдумалъ. Мнѣ не повѣрили, что товарищи мои меня спихнули въ воду, но находили богѣе вѣроятности въ ихъ объясненіи. Однако и они правы не остались, насъ всѣхъ пересѣкли и мнѣ запрещено было болѣе ходить въ садъ играть съ ними. По счастью былъ отецъ мой въ то время въ уѣздѣ, а то досталось бы мнѣ еще того больше.

Сіе приключеніе хотя не инако, какъ бездѣлкою почесть можно, однако въ разсужденіи меня почитаю я его довольно важнымъ, ибо, во-первыхъ, находился я въ великой опасности, ибо такъ легко могло-бы статься, чтобъ я захлебнулся и утонулъ, особливо еслибъ предпріялъ сіе, когда-нибудь будучи одинъ въ саду, слѣдовательно, самъ Богъ хотѣлъ меня сохранить отъ сего бѣдствія; во-вторыхъ, примѣчанія достойно, что сей случай такъ меня настрадалъ, что съ того времени навсегда уже я боялся по водамъ ѣздить, который страхъ не весь еще и понынѣ изъ меня истребился, ибо признаюсь, что и понынѣ нѣсколько потрушиваю, когда случится зимою ѣхать по рѣкамъ, а особливо ледъ не гораздо крѣпокъ и надеженъ, что можетъ быть имѣетъ и свою пользу.

Въ другой разъ нечаяннымъ образомъ настрашавъ я былъ чрезвычайно пушечною пальбою, бывшею при случаѣ нѣкоего большого торжества, отправляемаго моимъ родителемъ. Ибо онъ хотя и большую часть времени своего препроводилъ въ уѣздѣ, гдѣ переѣзжая съ мѣ-

лей, однако не рѣдко случалось, что онъ по нѣскольку недѣль жилавъ и въ городѣ, и тогда ежели случались какіе-нибудь вѣкторіальныя дни и знаменитыя господскіе праздники, то имѣлъ онъ обыкновеніе дѣлать у себя обѣды и съзывать къ себѣ воеводу и всѣхъ лучшихъ людей въ городѣ, въ особенности-жъ тамошняго архіерея, съ которымъ жилъ онъ въ особенной пріязни и дружествѣ; а потому, не рѣдко случалось и мнѣ видѣть сего первосвященника, равно какъ бывать у самого его вмѣстѣ съ отцемъ моимъ, при каковыхъ случаяхъ получалъ я обыкновенно отъ него себѣ въ подарокъ какую-нибудь маленькую духовную книжку.

Наконецъ, въ началѣ 1746 года окончилъ отецъ мой благополучно свою комиссію, и принужденъ былъ возвратиться къ полку своему, который находился тогда въ Эстляндіи. Чего ради, отпустивъ мать мою съ нами въ свою деревню, въ которой мы во все сіе время слѣдовательно давно уже не были, отправился самъ къ полку. И стоялъ съ онимъ въ сіе лѣто на рѣкѣ Залѣ близъ Пернова, въ Эстляндіи, между которымъ временемъ перевелъ онъ зятя моего изъ Рижскаго гарнизона къ себѣ въ полкъ, и стараніемъ своимъ произвелъ его въ офицеры.

Симъ окончу я мое теперешнее и довольно уже увеличившееся письмо, и увѣривъ васъ о непремѣнности моего къ вамъ дружества и почтенія, остаюсь и проч.

ДОМЪ УДРИХЪ И ЛАЙ МЫЗА.

Письмо 6-е.

Любезный пріятель!

Проводивъ отца моего въ путь и распрощавшись съ сестрою, отправился мы съ матерью моею въ деревню. Путь сей былъ для насъ не ближній, ибо деревня наша была еще 120 верстъ за Московою и намъ надлежало долгое время ѣхать. Но какъ бы то ни было, но мы пріѣхали

туда благополучно и пробыви тутъ почти все лѣто. Поелику мнѣ шель тогда еще восьмой годъ и я былъ сущій еще ребенокъ, то не могу я ничего о томъ сказать, что мы тогда дома дѣлали и за чѣмъ наиболѣе приѣхали; а изъ всѣхъ бывшихъ тогда съ нами происшествій впечатлѣлось въ память мою только то обстоятельство, что я, будучи въ сей разъ въ деревнѣ, доучивался русской грамотѣ и училъ псалтырь подъ присмотромъ моего дядьки.

Кромѣ сего, помню я изъ сего періода времени, что ѣздили мы въ Калитино наше праздновать праздниѣ. Это была приданая деревня моей матери, лежащая отъ насъ верстъ съ 12, въ томъ же уѣздѣ. Тутъ стояли тогда еще изрядныя хоромы, былъ господскій домъ и старинный садъ, въ которомъ было великое множество сливъ и высокихъ грушъ, усыпанныхъ плодами, и какъ осенью сентября 8 дня былъ тутъ храмовой праздниѣ, то имѣла мать моя всегда обыкновеніе приѣхать въ сіе время въ сей родительскій ея домъ и находящіяся въ ономъ еще дѣдовскія иконы почтить служеніемъ и окропленіемъ святою водою, а всѣхъ тамошнихъ сосѣдей угощать праздничнымъ пиршествомъ. Что-жъ касается до меня и до сестры моей, то наилучшее наше утѣшеніе составлялъ садъ, наполненный тогда множествомъ плодовъ. Въ самое то время надлежало его обивать и наше наипрѣятнѣйшее упражненіе было подбирать отрясенныя яблоки и груши, которыхъ послѣднихъ такое было тогда множество, что я никогда съ того времени ихъ столько не видывалъ.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, и мы помянутымъ образомъ все лѣто жили дома, отецъ мой находился съ полкомъ въ лагерь. По наступленіи-жъ осени назначено было полку сему зимовать въ Эстляндіи и мы получили письма, чтобы намъ туда приѣхать по первому зимнему пути.

Такимъ образомъ, не успѣла настать зима, какъ собравшись отправились мы изъ своей деревни и препроводивъ не-

дѣли двѣ въ дорогѣ, приѣхали благополучно сперва во Псковъ, а потомъ въ деревню къ сестрѣ моей большой; ибо мы положили къ ней заѣхать и пробывать у ней нѣсколько дней для отдохновенія.

Время сіе, каково ни коротко было, однако со мною случилось опять происшествіе, достойное замѣчанія потому, что при случаѣ семъ подверженъ я былъ опять не малой опасности. Хоромы у сестры моей были уже совсѣмъ не тѣ, въ какихъ мы прежде бывали, но совсѣмъ иныя. Въ небытность нашу перестроился зятъ мой и снабдилъ себя уже домикономъ лучше прежняго. Итакъ, по любопытству моему надобно мнѣ было всѣ ихъ исходить и все пересмотрѣть, что въ нихъ было. Къ сему избралъ я ни то на другой, ни то на третій день нашего приѣзда, послѣобѣднѣйшее время, въ которое всѣ спали. Какъ у всѣхъ псковскихъ помѣщиковъ обыкновеніе есть строить и располагать хоромы особымъ образомъ, и такъ, чтобы всегда было двѣ половины, одна жилая, а другая для гостей чрезъ сѣни, порожня, и всегда чистая и прибранная, то расположены были хоромы и у зятя моего точно такимъ же образомъ. Въ сію-то гостинную и порожную половину забравшись одинъ, началъ я все пересматривать и перебирать что въ ней было. Тутъ къ несчастію попалось мнѣ на глаза ружье, стоявшее въ уголку за стульями, и какъ думать надобно, поставленное тутъ нарочно для того, чтобы никто его не трогалъ, ибо было заряжено для стрѣлянія по птицамъ. Но никто того не воображалъ себѣ, что я пойду сюда одинъ и буду такъ любопытенъ, что похочу неотмѣнно его и все устройство его замка видѣть. Однако сіе любопытство чуть-было не лишило меня жизни. Какимъ образомъ сіе произошло и что я съ нимъ тутъ дѣлалъ, того истинно уже не помню, а только то знаю, что оно вдругъ въ рукахъ у меня выстрѣлило и я получилъ такой толчекъ, что я упалъ безъ памяти и безъ чувствъ на полъ; ружье подлѣ меня, а по всей горницѣ посыпалась дробь и куски большого зер-

ь которое прямо я выстрѣлилъ и въ его въ нѣсколько сотъ частей. выстрѣла разбудилъ всѣхъ спящихъ: привлечь множество людей ко ея нашла безъ памяти лежащую только сперва испужались, столько или потомъ на мою рѣзвость и ивость, которая вѣрно-бы также пла мнѣ даромъ, если-бы сестра, ая меня чрезвычайно, не упростила мою сию вину мнѣ отпустить и въ ея меня за то не наказывать. стивъ нѣсколько дней у сестры и щавшись съ нею, продолжали мы тѣ далѣе и приѣхали наконецъ къ ему благополучно.

нашли его стоящаго съ полкомъ на зимнихъ квартирахъ въ Эст-и онъ имѣлъ квартиру на мызѣ *) , и довольно покойную. Домъ былъ зрелый, но не тѣсный и обитри ткаными гарусными обоями равный въ прочемъ изрядно. Полцерковъ поставлена была тутъ же уѣ въ одной службѣ.

въ сей разъ увидѣлъ я еще еполковую жизнь, находясь въ таѣтахъ, что могъ уже нѣсколько и чувствовать, то была она для о коликну новая, по толику и при-

Ежедневное бѣненіе зори въ мно-барабановъ и всякій день дву-в играніе подъ окномъ полковой , и множество офицеровъ, бываю-всегда у моего отца, и честь по-ему воздаваемая, были для меня и и плѣняющіе предметы, кото-долго время не могъ я довольно ваться, въ особенности же пріятно шѣ то, что всѣ полковые офице-я моего отца ласкались и ко мнѣ. ѣздъ нашъ въ сіе мѣсто воспослѣ-около начала 1747 г., который до-ятень для нашего дома тѣмъ, что и родители мои выдали и другую цочь, а мою сестру, замужъ, и

изами называются въ Лифляндіи и Эст-кія селенія, въ которыхъ есть дворянскіе

остался на рукахъ у нихъ одинъ только я. Сіе воспослѣдовало вскорѣ послѣ приѣзда нашего къ полку, а именно февраля 20 дня. Женихъ для ней нашлся въ томъ же полку, въ которомъ служилъ отецъ мой, и былъ тогда хотя не болѣе какъ сержантомъ, однако не убогой дворянинъ, имѣвшій жительство въ Кашинскомъ уѣздѣ. Его звали Андреемъ Федоровымъ сномъ Травиннымъ. И онъ былъ человекъ еще молодой и не имѣвшій, также какъ и большой мой зять, ни отца ни матери. Нѣкоторые офицеры нашего полка рекомендовали его моему отцу и сосватали сию свадьбу. А какъ онъ имѣлъ достаточекъ изрядный и не требовалъ многого за мою сестрою, а былъ доволенъ тѣмъ, что мы давали, то родители мои и не имѣли причины пропускать толь удобнаго случая къ замужеству сестры моей и были тѣмъ довольнѣе, что не принуждено было имъ за сею дочерью давать болѣе того, сколько дали они за моею большою сестрою.

Такимъ образомъ, по милости Господней пристроены были обѣ мои сестры къ мѣсту, и небольшой недостатокъ родителей моихъ не претерпѣлъ отъ того знатнаго ущерба. Они лишились немногихъ только семействъ людей, а изъ деревень ни одной не потеряли; а сверхъ того и самаго движимаго приданаго дано было весьма умѣренное количество. Времена были тогда совсѣмъ не такія, какъ нынѣ, и цѣлыя тысячи не терялись при подобныхъ тому случаяхъ на сущіе и ничего незначущіе вздоры и бездѣлки, служащія только обѣимъ сторонамъ въ отягощеніе а нерѣдко и въ сущее разореніе; почему и не удивительно, что всѣ сборы и приготовления къ свадьбѣ происходили не долго, но все дѣло въ немногіе дни было окончано.

Изъ прочихъ приключеній, происходившихъ во время пребыванія нашего въ семь мѣстѣ, памятно мнѣ только то, что я тутъ учился писать, и что помогалъ мнѣ въ томъ маленькій писарь по прозванью Красиковъ, умѣвшій рисовать корабли; родившись въ Кронштадтѣ, на-

смотрѣлся онъ симъ огромнымъ зданіямъ и умѣлъ изображать ихъ довольно хорошо перомъ на бумагѣ. Мнѣ, по малолѣтству моему, казались они тогда изящными картинами, и я не могъ ими довольно налюбоваться. Но каковую бездѣлку сію корабли ни составляли, однако они вперили въ меня первѣйшую склонность и охоту къ рисованію и положили первое основаніе охотѣ къ сему невинному и пріятному художеству, которому я за безчисленное множество пріятныхъ минутъ въ жизни моей обязанъ, и которую имѣю и повинѣнъ.

Кромѣ сего помню я еще то, что мнѣ случилось тутъ съ сестрою моею крестить одного большого татарина, и какъ было сіе зимою, то принуждено было производить сіе дѣйствіе на прудѣ, и онъ, вмѣсто куцѣли, долженъ былъ погружаться три раза въ большую пролубь.

Еще памятно мнѣ очень и то, что наши тутъ какимъ-то образомъ въ разрытомъ колодезѣ или родникѣ безчисленное множество маленькихъ лягушечекъ, сбившихся въ кучу и сидѣвшихъ тутъ между камней. Мы всѣ приходили сію рѣдкость смотрѣть, и не могли довольно тому надивиться.

Кромѣ сихъ трехъ происшествій, не помню я ничего болѣе, а только придти мнѣ въ память, что предъ окончаніемъ зимы и на самой вербной недѣлѣ, переѣхали мы на другую мызу, которая называлась Лайшлось, по причинѣ, что находился тутъ древній развалившійся замокъ; но того уже не знаю, далеко ли она отъ прежней отстояла или не далеко, и вѣрно ли было тутъ поле и штабъ перевести, или зависѣло то отъ произволенія моего отца; но только то знаю, что тутъ получили мы для квартированія домъ уже гораздо просторнѣйшій, такъ что не только могли мы помѣститься въ немъ со всѣмъ нашимъ увеличившимся семействомъ, но около сего времени пріѣхалъ къ намъ и большой зять съ сестрою, но поставлена была тутъ же въ особыхъ комнатахъ и полковая церковь.

Не успѣли мы въ сіе мѣсто пере-

браться, какъ подверженъ я былъ опять величайшей опасности въ свѣтѣ. Полу нашего адъютанту Мармилеву вздумалось какъ-то подарить меня маленькою лошадкою. Я, по ребячеству своему, былъ сему очень радъ, по лошадка сія чуть-было не лишила меня жизни. Случилось сіе слѣдующимъ образомъ: какъ до сего времени никогда я еще на лошадяхъ не ѣзживалъ, то получивъ тогда въ собственность себѣ лошадь, получилъ я вкупѣ охоту и учиться на лошадяхъ ѣздить. Меня посадили на оную и водили понемногу, а какъ нѣсколько я къ тому приобрѣлъ, то перестали придерживать и можетъ быть по собственной моей просьбѣ дали волю самому править; но не успѣли сіе сдѣлать, какъ проклятая лошадь, почувствовавъ легкость всадника, а можетъ быть и неумѣнье управить ею, не долго шла тихою ступою, но выбравшись за хоромы, пошла часть отъ часу скорѣе, а потомъ пустилась во всю прыть, такъ что ее уже и поймать и удержать не было способа. Я не вспомнилъ тогда самъ себя, и ухватившись за гриву и за сѣдло, кричалъ только во все горло, а она отъ того еще болѣе разъярилась и поскакала со мною во весь опоръ и къ вящему несчастію вдоль по плотинѣ превеликаго пруда, бывшаго тутъ подлѣ развалинъ замка. Люди хотя бѣжали за мною, но ни догнать, ни остановить ее не было способа, и я не знаю, чтобъ со мною было и куда-бъ она меня занесла, если не пришло мнѣ въ голову соскочить съ оной. Къ сему побудило меня наиболѣе то, что скакала она со мною прямо къ прудовому спуску, гдѣ, по случаю бывшей тогда погоды, вода ревѣла во весь спускъ и производила шумъ превеликій. Мнѣ казалось, что испужавшись сего шума, она вѣрно меня съ себя собьетъ и низринетъ въ бучило; итакъ, не допуская до того, рассудилъ я спрыгнуть съ нея долой. Но въ семь случаевъ, бѣжавъ отъ волка, чуть было не попалъ я на медвѣдя: прыжокъ мой былъ хотя довольно удаченъ, но размѣръ взять былъ такъ худо, что я попалъ на самый край плотины, такъ

что не могли никакъ удержаться, покатылся кубаремъ подь оный и не доставало очень малаго, что не попалъ въ самое бучило. Однимъ словомъ, самъ Богъ хотѣлъ меня спасти и я уже не знаю, какимъ образомъ и за что и какъ я ухватился и до тѣхъ поръ удержался и не упалъ въ воду, покуда не прибѣжали бѣгущіе вслѣдъ за мною люди и меня оттуда не вытащили.

Родители мои перетревожены были чрезвычайно симъ приключеніемъ, и лошадь моя сдѣлалась имъ, а особливо матери моей такъ ненавистною, что велѣли ее тотчасъ отдать обратно, и о чемъ и самъ я не тужилъ, ибо случай сей такъ меня настрашалъ, что я долгое время послѣ того не могъ отважиться сѣсть на лошадь: и почему знать, можетъ быть самый тотъ же случай положилъ нѣкоторое основаніе и тому, что я во всю жизнь мою не былъ и не могъ быть никакъ охотникъ до лошадей.

Вскорѣ послѣ того случилась тутъ же надо мною другая напасть, однако не столь опасная, а болѣе смѣшная. Наступалъ день Пасхи и святая недѣля. У отца моего обыкновеніе было, всегда, когда ни случалось ему въ полку праздновать сей праздникъ, приказывать во время заутрени и обѣдни стрѣлять изъ пушекъ, въ этомъ находилъ онъ особенное удовольствіе, почему приказано было отъ него и въ сей разъ сдѣлать всѣ нужныя къ тому приуготовленія. Но для меня утѣха сія была не весьма пріятна, будучи въ младенчествѣ стрѣльбою изъ пушекъ нечаянно настрашенъ, боялся я съ того времени оной чрезвычайнымъ образомъ. Было сіе еще въ то время, когда отецъ мой находился во Псковѣ для ревизіи, и когда я былъ еще сущимъ ребенкомъ. Ему случилось праздновать какой-то большой праздникъ и дѣлать для всѣхъ лучшихъ въ томъ городѣ людей у себя пиръ. Что-то вздумалось ему придать пиру сему болѣе пышности пушевою пальбою, и-какъ было небольшихъ пушекъ нѣсколько у тамошняго воеводы, то выпросилъ онъ ихъ на сей случай и

приказалъ поставить на улицѣ за воротами, чтобъ стрѣлять изъ нихъ во время питья здоровьевъ. Мы ничего о томъ не знали и не вѣдали, тѣмъ паче, что и мѣста сего, гдѣ онѣ поставлены, за строеніемъ изъ дома не видать было, а узнали уже во время самага обѣда. Какъ мнѣ до сего времени отъ роду моего пушекъ вблизи видать никогда еще не случалось, то весьма любопытенъ я былъ ихъ видѣть: почему, не успѣлъ услышать, что пушки привезены и стоятъ на улицѣ, какъ вмигъ очутился я уже у воротъ, чтобъ видѣть сіи орудія. Но къ несчастію моему такъ случись, что въ самое то время, какъ только высунулся я изъ калитки на улицу, надобно было по данному сигналу начать стрѣлять, а что того еще вяще, то изъ самой той пушки, которая стояла подлѣ той калитки и не далѣе отъ меня какъ на сажень. Громкость выстрѣла, учиненнаго ею, и никогда мною въ такой близости не слыханнаго и самое зрѣлище необыкновенное для меня до того времени, такъ меня испугавъ поразило, что я вмигъ очутился лежащимъ на землѣ безъ памяти. Весь скопившійся тутъ народъ перетревожился симъ зрѣлищемъ, ибо всѣ подумали, что меня какимъ-нибудь образомъ убило выстрѣломъ. Поднимается превеликій шумъ, дѣлается въ стрѣльбѣ остановка, бѣгутъ сказывать о семъ въ палаты; люди наши, занимавшіеся услугою при столѣ, перетревоживаются, отыскиваютъ старуху, мою маму; сія безъ памяти бѣжитъ ко мнѣ на улицу, а скорѣ за ней приходитъ и сама моя мать, испужавшаяся до безконечности; она примѣтила перешептываніе и бѣганіе людей и догадываясь тотчасъ, что вѣрно что-нибудь особенное произошло, допытывается у оныхъ. Утанти долго было не можно. Сердце обмираетъ у ней какъ услышала, что со мною что-то сдѣлалось, она позабываетъ всю благопристойность, вскакиваетъ изъ за стола, бѣжитъ безъ памяти сама на улицу, нѣкоторые изъ гостей послѣдуютъ за нею, и всѣ встрѣчаютъ меня препровождая

въ палаты и обгрязлившагося объ грязь при упаденіи на улицѣ, ибо со мною не сдѣлалось ничего, кромѣ того, что я испугался до чрезвычайности. Я былъ еще и тогда поблѣднѣвшимъ, какъ мертвый и старался обѣими руками затыкать уши, чтобъ болѣе стрѣльбы не слышать.

Испуганная до безконечности и иѣжно меня любящая мать, обрадовалась не описанно, увидѣвъ меня цѣлымъ и здоровымъ. Стрѣлять велѣли тотчасъ перестать и меня повели, власно какъ въ торжествѣ, въ палаты, но тамъ принужденъ я былъ отъ отца моего вытерпѣть великую гонку за мою рѣзвость и бѣганье на улицу и смѣхъ надъ собою за мою трусость. Онъ хотѣлъ-было приказать продолжать стрѣлять и меня вести туда опять, чтобъ приучить къ стрѣльбѣ, однако гости упростили уже, чтобъ сего не дѣлать. Но старухѣ моей мамѣ досталось довольно за то, что она упустила меня одного бѣгать на улицу.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе происшествіе, но послѣдствіемъ отъ того было то, что я нѣсколько лѣтъ послѣ того всякой стрѣльбы, а особливо пушечной смертельно боялся, хотя послѣ, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, страхъ сей не только миновался, но я до стрѣльбы сдѣлался еще особливымъ охотникомъ.

Но какъ въ тогдашнее время, какъ стояли мы въ помянутой мизѣ Лайпозь, страхъ мой еще продолжался, то сердце у меня обмерло, какъ увидѣлъ я полковые пушки, устанавливаемыя предъ нашкою квартирою. Онѣ казались мнѣ ужасными громадами предъ тѣмъ, которыя настращали меня во Псковѣ, и я не зналъ, что со мною тогда будетъ, когда изъ сихъ начнутъ стрѣлять; со всѣмъ тѣмъ боясь, чтобъ опять не было мнѣ за трусость мою отъ отца гонки, скрывалъ я всю боязнь мою во глубинѣ сердца, и помышлялъ только о томъ, чѣмъ бы себѣ сколько-нибудь пособить; пособить было можно, и вотъ что я выдумалъ и сдѣлалъ.

Церковь полковая поставлена у насъ

была въ самомъ томъ же домѣ, гдѣ мы жили, ибо хоромы были преогромны и покоевъ множество. Я распровѣдалъ, что стрѣлять стануть въ то время, когда запоютъ впервые «Христось во скресе», и стануть входить съ образами въ церковь. Дождавшись сего времени разсудилъ за лучшее куда-нибудь уйти и скрыться, а чтобъ удобнѣе сіе сдѣлать, то разсудилъ воспользоваться стѣсненіемъ народнымъ, когда выходить стануть изъ церкви съ образами. Сіе и учинилъ я съ такимъ искусствомъ, что никто не видѣлъ, какъ я скрылся и ушелъ. Далече бѣжать мнѣ было некогда, но я ушелъ въ отдаленнѣйшіе покои того же дома, и въ самой задней комнатѣ нашедши кровать, легъ на онаю и укрылся подушками и одѣялами такъ, что меня совсѣмъ было не видать, и пушечные выстрѣлы едва были слышны. Отъ каждаго выстрѣла трепетало у меня сердце, но по счастью было ихъ немного и число оныхъ было мнѣ извѣстно.

Между тѣмъ, какъ я такимъ образомъ закутавшись лежалъ и трепещущи считалъ выстрѣлы, въ церкви происходила уже тревога, родители мои меня встрепенулись и всездѣ меня спрашивали и искали. Но какъ никто не могъ ничего обо мнѣ сказать, то припавъ въ недоумѣніе и разослалъ повсюду людей меня искать.

Нѣкоторые изъ нихъ приходили въ самую ту комнату, однако ни сколь меня не примѣтили, и вѣрно бы и никто не пашель, еслибъ по окончаніи стрѣльбы я самъ уже не вошелъ и не явился въ церковь.

Тутъ начались тотчасъ спросы и распросы, и какъ утаитъ истины не было способа, я принужденъ былъ признаться, то, посмѣявшись тому, въ наказаніе за мое плутовство, опредѣлено было, во время обѣди держать меня въ церкви уже подъ честнымъ арестомъ. Покойный родитель мой поставилъ меня уже предъ собою на скамейку, и я во время стрѣлянія изъ пушекъ, при читаніи Евангелія хотъ со всякимъ выстрѣломъ присѣдалъ, но принужденъ былъ выдерживать

все оное, не зажимая даже и уши. Не успѣла пройти святая недѣля, какъ старанія отца моего обо мнѣ стали простирались отъ часу далѣе. Ему не хотѣлось, чтобъ я выросъ у него неучью и болваномъ, и онъ судилъ, что уже время отнять меня изъ рукъ жепскихъ и учить чему-нибудь дальнѣйшему, кромѣ грамоты русской. Паче всего хотѣлось ему, чтобъ я зналъ также нѣмецкій языкъ, которыми онъ самъ умѣлъ говорить, и кончъ онъ въ жизнь свою очень много пользовался, также и ариѳметики. Учители нѣмцы и французы не были еще тогда въ нашемъ отечествѣ таковы многочисленны, какъ нынѣ, ихъ было очень мало, а сверхъ того и достатокъ отца моего не такъ былъ великъ, чтобъ могъ онъ, и особливо въ тогдашнее время, нанимать и содержать у себя въ домѣ учителя нарочнаго, въ отдачѣ же нъ люди былъ я еще слишкомъ малъ; итакъ, другого не оставалось какъ искать какого-нибудь иного способа, и къ удовольствію его таковой скоро и нашлся.

Въ полку его было не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ множество нѣмцевъ: изъ сихъ послѣднихъ вздумалось ему отыскать какого-нибудь поспособнѣе и приставить ко мнѣ для наученія нѣмецкому языку. Но какъ большая часть сихъ нѣмцевъ состояла изъ лифляндскихъ и эстляндскихъ дворянъ, и наиболѣе изъ небогатыхъ, всего же меньше учившихся въ молодости своей какъ книжъ - нибудь наукамъ и разумѣющихъ что-нибудь порядочное, то трудно было и между ими отыскать человѣка, и по долгомъ исканіи иного не оставалось, какъ взять прибѣжище и обратить вниманіе свое на одного унтеръ-офицера родомъ изъ Германіи и прибѣжавшаго за немногіе годы до того изъ Любека для принятія нашей службы. Прозвище ему было Миллеръ, а впрочемъ названъ онъ уже былъ у насъ въ службѣ Яковомъ Яковлевичемъ, поелику у насъ всѣмъ иностранцамъ даютъ тотчасъ имена и отчества. Богу извѣстно, какого былъ онъ рода, но только то мнѣ извѣстно, что

онъ никакимъ наукамъ не умѣлъ, кромѣ одной ариѳметики, которую зналъ твердо, да умѣлъ также читать и писать очень хорошо по-нѣмецки, почему заключаю, что надобно быть ему какому - нибудь купеческому сыну, и притомъ весьма не богатому, и воспитанному въ простой городской школѣ, и весьма просто и низко.

Но какъ говорится въ пословицѣ, что «на безлюдье и сиди въ честь», то въ недостаткѣ лучшаго былъ отецъ мой и сему уже радъ, ибо для перваго случая довольно уже было и его знаній, потому что читать и писать могъ и онъ уже меня научить, равно какъ и ариѳметикѣ.

Такимъ образомъ назначенъ былъ сей иностранецъ мнѣ въ учителя, взять въ нашъ домъ и я препорученъ ему на руки. Для насъ съ нимъ отведенъ былъ особый уединенный покоецъ и онъ началъ меня учить всему, что зналъ, вдругъ, то-есть читать, писать по-нѣмецки и самой ариѳметикѣ понемногу.

Мнѣ шелъ въ сіе время хотя девятый еще годъ, однако родители мои и самъ учитель былъ понятіемъ моимъ довольны. И очень скоро научился читать, а и писать учиться мнѣ не мудрено было, но не столько я доволенъ былъ своимъ учителемъ. Человѣкъ онъ былъ особеннаго характера, нравъ имѣлъ строптивый и своеправный, не могъ терпѣть никакихъ шутокъ, сердился и досадовалъ на всѣхъ за сіе, а сіе и побуждало другихъ еще болѣе надъ нимъ смѣяться, и тѣмъ паче, что и собою былъ онъ очень дурень и губастъ. Со мною обходился онъ не такъ, какъ хорошему учителю должно, но такъ какъ отъ неуча и грубаго воспитанія человѣка ожидать можно, и не рѣдко принужденъ я былъ претерпѣвать отъ него лихо и проливать слезы.

Со всѣмъ тѣмъ и каковъ онъ ни былъ, по я за первое основаніе своего нѣмецкаго языка и ариѳметики обязанъ сему иностранцу; онъ научилъ меня читать и писать, но говорить научить былъ не въ состояніи, а мучилъ меня только вокабулами.

Мы простояли въ семь мѣстѣ не дол-

го, ибо какъ скоро наступила весна и трава выросла, то нелѣно было итти полку нашему подъ Ригу, и тамъ сіе лѣто стоять лагеремъ. Итакъ, все наше стояніе тутъ не продолжилось и трехъ мѣсяцевъ. Богу извѣстно, на что производимы были полкамъ такіе марши и контръ-марши, изъ одного мѣста перебивка въ другое. Но какъ бы то ни было, но мы принужденны были повелѣнію сему повиноваться. и въ повелѣнное мѣсто въ походъ съ полкомъ въ непродолжительномъ времени и выступить.

Во время сего лѣтняго похода, который въ первый еще разъ мнѣ случилось видѣть, разстался я впервые и съ моею матерью, ибо какъ отцу моему съ собою ее взять и въ лагерьъ при себѣ держать не годилось, то отпустилъ онъ ее вмѣстѣ съ большою моею сестрою въ деревню ея мужа во Псковъ, а меньшую мою сестру съ мужемъ въ ихъ кашинскую деревню, меня же, какъ начавшаго уже учиться, взялъ съ собою, и какъ съ сего времени начинается новый періодъ моей жизни, то я симъ письмомъ сіе и кончу сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ВЪ ЛАГЕРЬ И ВО ПСКОВЪ.

Письмо 7-е.

Любезный пріятель!

Первое разставаніе съ моею матерью и со всѣми родными моими, съ которыми отъ самаго рожденія жилъ я неразлучно, и притомъ въ столь нѣжныхъ молодыхъ лѣтахъ, было мнѣ какъ существу еще ребенку весьма горестно и чувствительно.—Было сіе въ Эстляндскомъ городѣ Дерптѣ или Юрьевѣ, ибо оттуда поѣхала мать моя во Псковъ, а я съ покойнымъ родителемъ моимъ въ походъ подъ Ригу. Не могу и повинъ забыть того, въ какой разстройкѣ находился тогда духъ мой, когда часть разлуки нашей началъ приближаться и какую грустью и тоскою преисполнилось сердце мое. Мнѣ казалось, что всѣ стихіи тогда иной видъ воспринимали и все перемѣнилось въ свѣтѣ. Колико слезъ про-

лито было мною въ сей день! колико вздоховъ испущено, и сколько разъ оглядывался я назадъ, въ ту сторону, въ которую поѣхали мои родныя. Съ какими вожделѣніемъ желалъ я пробить съ ними хоть еще нѣсколько мигутокъ вмѣстѣ и видѣть ихъ еще однажды.

Такимъ образомъ вступивъ въ новый родъ жизни началъ я часть отъ часу далѣе и съ множайшимъ прилежаніемъ продолжать свою науку, и какъ я наиболѣе занять былъ оною, то и не могъ я знать все, что тогда происходило, а помню только то, что лагерьъ назначенъ намъ былъ нѣсколько верстъ отъ Риги, что стояли мы тутъ все лѣто, жили въ палаткахъ, и что пріѣхалъ къ намъ туда и большой мой зять изъ деревни.

Во все сіе время продолжалъ я учиться и упражнялся болѣе въ писаніи. Походная жизнь и стояніе въ лагерѣ было для меня совсѣмъ новое: частыя полковыя строи, и смотры генеральскіе, и ежедневныя перемѣны и ученья и вся военная жизнь и происхожденія были такими предметами, какихъ я до сего не видывалъ и которыя меня и удивляли и веселили; почему она мнѣ довольно и полюбилась. Между прочимъ, помню я еще и то, что однажды пріѣхалъ смотрѣть нашъ полкъ и самъ старикъ фельдмаршалъ Лессій, жившій тогда въ Ригѣ, и что отецъ мой возилъ однажды меня съ собою къ нему въ Ригу, ибо онъ его считалъ себѣ милостивцомъ и пріятелемъ. Случай сей для меня, ничего подобнаго тому еще, невиданнаго, былъ весьма поразителенъ; какъ въ городѣ Ригѣ, такъ и въ замкѣ у фельдмаршала не могъ я всему довольно насмотрѣться.

По наступленіи осени велѣно было полку нашему итти на зимнія квартиры въ столичный нашъ городъ Петербургъ; и какъ маршрутъ назначенъ былъ чрезъ Псковъ, то отцу моему былъ наудобнѣйшій случай заѣхать къ моему зятю и свидѣться съ своими родными. Тутъ имѣлъ я неописанное удовольствіе увидѣть опять мою мать и сестеръ, которыхъ любилъ я чрезвычайно.

цѣпляла за пенья и каряги. Въ таковой крайности находясь другого не оставалось, какъ искать по прежнему спасенія своего въ прыганьѣ. По крайней мѣрѣ думалъ я, что тутъ нѣтъ никакой вершины и буерака и убится мнѣ будетъ не можно. И такъ не долго думая и улучивъ такое мѣсто, гдѣ пенья были порѣже и не таковы часты какъ въ другихъ мѣстахъ, прыгъ я съ лошади долой; но надобно было, чтобы и сіе не къ спасенію моему, но къ вящему еще приумноженію моей опасности послужило. Разсудокъ мой былъ не такъ еще великъ, чтобы взять предосторожность въ разсужденіи ногъ моихъ: одну изъ нихъ я изъ стремя освободилъ, а о другой и позабылъ вовсе, а она благополучно и просунулась сквозь стремя и я упалъ на землю, повисъ одною ногою на стремѣ.

Всякому можно теперь разсудить, ни на единой ли волосъ или не на пядень ли я былъ отъ смерти? упасть на всемъ скаку лошади между пеньевъ и повиснуть на стремѣ! долго ли было убитъ лошади меня ногою, либо раздребезжить о пенья и каряги. Однако ни того ни другого не воспослѣдовало. Но Провидѣнію, бдѣвшему о цѣлости моей жизни и назначившему мнѣ жить многіе годы на свѣтѣ, угодно было распорядить инако, и сдѣлать то, чтобы самый сей повидимому бѣдственный и наипаснѣйшій случай не только не послужилъ мнѣ ни къ малѣйшему вреду, но обратился еще мнѣ въ существенную пользу. Лошади надобно было паденіемое почувствовать, а въ самое тожь время заступитъ ногою за поводъ, и отъ самага того тотчасъ остановиться, а самое сіе и спасло меня отъ смерти. Я успѣлъ ногу свою изъ стремя высвободить и отъ лошади откатиться прочь; и какъ паденіе было не совершенное, то и не убится я ни мало, но былъ цѣлъ и невредимъ; польза же произошла та, что сей случай и родителя моего и самого меня такъ настрашалъ, что онъ съ сего времени не сталъ уже меня никогда брать съ собою на охоту, а я никогда не помышлялъ уже и проситься, но получилъ въ ней совершенное отвращеніе,

что спасло меня отъ того, что я не могъ въ молодости своей къ сей пагубной охотѣ пристраститься, но во все продолженіе жизни моей не находилъ въ ней никакого удовольствія, и не потерялъ на нее ни единого часа времени, но былъ всегдашнимъ ея ненавистникомъ.

Что касается до другого приключенія, то оно не составляло никакой дальней важности, и я упомяну о немъ только для того, чтобы изъяснить чрезъ то одну черту характера моего учителя. Было то уже на походѣ и въ самомъ городѣ Псковѣ, куда мы изъ зятинной деревни приѣхали и нашли полкъ нашъ тутъ ожидающимъ. Во все продолженіе сего похода отводима была обыкновенно, мнѣ съ учителемъ моимъ нѣмцемъ, особливая квартира, ибо какъ я учиться непрерывно у него продолжалъ, то дабы намъ никто въ томъ не мѣшалъ и приказано было квартирмейстру назначать намъ всегда особую избу. По обыкновенію сему получили мы и въ семъ городѣ особый домикъ. Тутъ учась однажды послѣ обѣда, чѣмъ-то такимъ не угодилъ я своему учителю. Я уже сказывалъ, что человекъ онъ былъ мудренаго нрава и не угодить ему всего легче и скорѣе и всѣмъ было можно, и не рѣдко за самую бездѣлицу и ничего не стоящее дѣло не только сердился, бранился и ярился нѣсколько часовъ сряду, но и бивалъ и сѣкалъ меня немилосерднымъ иногда образомъ, и чрезъ то произвелъ то, что я его не столько любилъ, сколько боялся и страшился.

Итакъ, не успѣлъ я ему не угодить и примѣтить, что начинается онъ сердиться, какъ вострепенатъ душою и сердцемъ, слезы покатались у меня изъ глазъ, и я просилъ его, чтобы онъ отпустилъ мнѣ мой проступокъ. Но не такого нрава и расположенія былъ мой учитель, чтобы ему тронуться моими слезами и признаніемъ что я виноватъ; онъ возъярился еще болѣе и желая умышленно напестъ мнѣ болѣе страха и боязни, схватилъ стоявшее тутъ у стѣны по случаю ружье, зарядилъ оное и собирався выстрѣлить въ

окно на улицу, вѣдая что мнѣ стрѣльба всего была страшнѣе. Я вострепетагъ сіе увидѣвъ, просилъ его сколько могъ, чтобъ онъ сего не дѣлалъ и меня не стращалъ; но какъ увидѣлъ, что всѣ мои просьбы были тщетны и онъ имъ только насмѣхался и меня дразнилъ, то дѣйствіе страха и боязни столь близкой стрѣльбы до того меня довело, что я вскочилъ, упалъ ему въ ноги и со слезами просилъ лучше меня сколько угодно ему выстрѣчь, но только не стрѣлять. — Но упряма сего ни слезы, ни обниманія его ногъ, ни всѣ жалостныя умаливанія не могли тронуть, но онъ выстрѣлялъ и находилъ удовольствіе въ томъ, что я на смерть перестращался.

Но судьба не оставила его за такое жестокосердіе безъ наказанія: ружье отдавши назадъ произвело ему такой толчокъ въ плечо, что онъ, пасилу на погахъ устоялъ, и у него оно недѣли двѣ болѣло. Однако и сего было еще не довольно, но скоро увидѣлъ онъ, что его и разорвало. Сіе явленіе произвело тогда сущую комедию: учитель мой примѣтивъ сіе столькожъ испужался тогда сколько самъ я настрашанъ былъ до того времени. Ружье было хорошее и принадлежало квартирмистру. Онъ легко могъ заключить, что какъ сіе дѣло откроется, и узнаютъ все происходившее, то для него будетъ весьма трудно отвѣчать; онъ радовался хотя что отдѣлался самъ цѣль, и что ружье хотя разорвало, но не совсѣмъ испортило, а только въ одномъ боку раздуло, и что можно еще было поврежденное мѣсто чѣмъ-нибудь замазать, и тѣмъ все дѣло на время скрыть; однако мнѣніе, что я не премину обовсемъ томъ рассказать, устранило его несказаннымъ образомъ. Сіе обстоятельство превратило его изъ прежняго лютаго звѣря въ наисмирнѣйшаго агнца. Низкогъ духа его была такъ велика, что онъ сталъ меня просить, чтобъ я никому сего не сказывалъ, и вслѣски улащать, чтобъ я ему сіе угожденіе сдѣлалъ, обѣдая самъ мнѣ то замѣнить и не наказывать меня за вины мои. Я сколько ни огорченъ и ни раздосадованъ на него

ни былъ, но чего не согласится ученикъ для учителя и для учителя такового сдѣлать. Посмѣявшись внутренно его трусости, и помучивъ нѣсколько своимъ молчаніемъ, согласился я наконецъ на его просьбу, и обонмъ намъ удалось такъ хорошо скрыть сіе дѣло, что никто не узналъ истины, чѣмъ дѣло сіе и кончилось.

Изъ дальнѣйшихъ происшествій бывшихъ во время сего похода, ничего особеннаго я не помню кромѣ того, что мы шли чрезъ городъ Гдовъ, и приѣхали въ Петербургъ уже по-зазимью.

Видъ сего нашего города и столицы былъ мнѣ поразителенъ. Я никогда еще его до тогдашняго времени не видывалъ, а только слышался довольно, и потому нетерпѣливо хотѣлъ видѣть. Желаніе мое и удовольствовано было съ избыткомъ. Я при самомъ вѣздѣ растерялъ уже глаза на прекрасные дома и раскрашенные повсюду заборы и рѣшетки, и только что сядучи съ покойною матерью въ коляскѣ восклицалъ: ну! Петербургъ! прямо Петербургъ! Когда-жъ увидѣлъ дворецъ и прочія огромныя зданія, то не зналъ какъ и изобразить свое удивленіе.

Квартиры для нашего полка назначены были тогда на Петербургской сторонѣ и были довольно изрядныя. Намъ случилось получить домъ подлѣ самой церкви Введенія Богородицы, и мы были квартирою своей очень довольны.

Не успѣли мы по симъ квартирамъ расположиться, какъ случилось въ Петербургѣ нарочито великое наводненіе. Явленіе сіе было для меня также новое. Всѣ улицы вокругъ нашего дома поняты были водою, и люди принуждены были ѣздить на лодкахъ и на воротахъ. Но по счастью продолжалось сіе наводненіе не долго и не произвело никакого дальняго вреда.

Вскорѣ послѣ насъ приѣхала къ намъ старшая сестра съ мужемъ... сей былъ тогда уже аудиторомъ. Отцу моему хотя хотѣлось доставить и меньшому зятю офицерскій чинъ, по тогда производство было очень туго, и сдѣлать сіе не таково

было скоро. Но по счастью поспѣшествовалъ къ тому особый и нечаянный случай. Въ полку нашемъ былъ тогда адъютантомъ алексинскій дворянинъ Дмитрій Васильевичъ Арсеневъ, самый тотъ, который послѣ дослужился до генеральскаго чина. Высокій его ростъ и красивый станъ полюбилися при Дворѣ. Его взяли отъ насъ изъ полку въ лейбъ-компанію и какъ его мѣсто опросталось, то и произведенъ былъ на сію ваканцію мой старшій, а на его мѣсто мой младшій зять господинъ Травинъ въ аудиторы. Что касается до меня, то какъ я былъ еще сущимъ ребенкомъ, то по тогдашнимъ временамъ ничего еще со мною учинить было не можно, а все что я помню, то родитель мой учинилъ только то, что взялъ меня однажды съ собою во дворецъ, желая показать мнѣ сіе пынное императорское жилище.

Я не могу изобразить, съ какимъ удивленіемъ и подобострастіемъ взиралъ на тогдашній огромный домъ царей нашихъ. Онъ былъ тогда хотя сущая малость противъ нынѣшняго и немногимъ чѣмъ лучше нынѣшнихъ домовъ знатныхъ бояръ, но для меня казалось все велико и удивительно. Въ особенности же поразился я его внутренности, мнѣ показался онъ сущимъ раемъ, и я не зналъ на что смотреть и чему удивляться больше. Все казалось мнѣ величественно и великолѣпно, а паче всего утѣшали меня зеркальныя стѣны въ галереѣ, на которыхъ я не могъ довольно налюбоваться. Впрочемъ ходилъ я за отцомъ моимъ ни живъ ни мертвъ отъ подобострастія, и боялся прикоснуться самыхъ стѣнъ сихъ священныхъ чертоговъ нашихъ монарховъ.

Со всѣмъ тѣмъ самую Императрицу сколько я ни желалъ, но не удалось мнѣ тогда видѣть. А отецъ мой представлялъ меня только гофъ-маршалу Дмитрію Андреевичу Шепелеву, котораго считалъ онъ себѣ милостивцемъ и другомъ.

Другой же знакомецъ и пріятель былъ у него гвардіи Измайловскаго полку майоръ Гаврило Андреевичъ Рахмановъ. Сего я также видѣлъ, но какъ я былъ ребен-

комъ, то и не удостоенъ я отъ нихъ никакого уваженія.

Другое и также для меня удивительное зрѣлище составлялъ бывшій, не помню въ какой день, фейерверкъ, но какъ я все еще боялся стрѣльбы, то видѣлъ я его не совершенно, и только издали верхніе огни и ракеты, которыя не могу изобразить какъ показались мнѣ удивительными.

Впрочемъ, препровождалъ я время свое въ продолженіи моихъ наукъ, и былъ безотлучно отъ учителя. Онъ жилъ у насъ же въ домѣ въ особой пристройкѣ и тамъ сидѣли мы съ нимъ отъ утра до вечера. Сколько мнѣ помнится, то умѣлъ уже я около сего времени изряднехонько писать по нѣмецки, а въ прочемъ училъ уже грамматику нѣмецкую, но судя по теперешнему знанію все мое ученіе было пребѣднѣйшее. Ибо какъ учитель мой самъ не зналъ ни аза въ глаза, о томъ, какъ учать люди по грамматикѣ, то все ученіе его состояло въ томъ, что выписывалъ онъ всѣ слова и вокабулы и заставлялъ меня вытверживать ихъ нанзустъ; до глаголовъ и до прочихъ частей намъ съ нимъ и дѣла не было, и потому можно сказать, что все ученіе его было прямо топорной работы, почему и не удивительно, что не было оттого и дальняго успѣха, ибо память моя отягощаема была только множествомъ вокабулъ, но которыя я стольже скоро опять по молодости своей позабывать могъ, какъ и выучивался, пользы же отъ того было очень мало.

Предъ приближеніемъ новаго года, вздумалось учителю моему у сочинить поздравительное письмо родителю моему отъ имени моего съ новымъ годомъ, и заставить его меня переписать на бѣлой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Въ работѣ сей упражнялся я нѣсколько времени, ибо становилъ всякое слово съ превеликою осторожностію и боязнію, чтобъ не испортить. Бумага сія почитаема была власно какъ нѣкакою святостію и я трепеталъ писавши оную, и нынѣ весьма дорого-бы заплатилъ, если-бы кто могъ отыскать мнѣ оную. Я надѣлся со смѣха

тогдашнему моему писанью, а не столько писанію сколко русскому переводу, который вздумалось учителю моему приобщить на другой страницѣ, и который, какъ теперь помню, былъ наиглупѣйшій и вздорнѣйшій и содержалъ такую нескладную галиматью, чтобъ тому довольно нахототаться было неможно. Но, къ сожалѣнію, время похитило у меня сію грамоту и монументъ глупости моего учителя.

Кромѣ сего продолжалъ я учиться ариметики, и около сего времени былъ уже далеко въ оной, ибо за понятіемъ моимъ не было ни малѣйшей остановки. Я понималъ все хорошо и довольно скоро, а не доставало только порядка въ ученіи и хорошаго учителя.

Какъ въ доказательство тому, такъ и въ дальнѣйшее изображеніе страннаго характера моего учителя, расскажу я теперь одинъ случай и происшествіе со мною, бывшее около сего времени.

Однажды, обучая меня ариметики, вздумалось учителю моему мнѣ сказать, что въ послѣдующій за тѣмъ день задастъ онъ мнѣ такую задачу, надъ которою я довольно посижу и едвали сдѣлать буду въ состояніи. Я каковъ ни малъ былъ, но какъ самъ о себѣ вѣдалъ, что ариметика была мнѣ довольно знакома, то тронуло сіе мое честолюбіе, я любопытень былъ узнать, что за такая мудреная была та задача, о которой онъ съ превеликою надменностію о своемъ знаніи говорилъ, и почему-бъ такому сомнѣвался онъ, что я ее не сдѣлаю. Побуждаемъ симъ любопытствомъ просилъ я его, чтобъ онъ мнѣ сказалъ, существо задачи, и по несчастію моему онъ сіе и исполнилъ.

Задача въ самомъ дѣлѣ была для меня нова и такая, какою я до того времени не дѣливалъ. Она принадлежала къ фальшивымъ правиламъ и всѣмъ ариметикамъ довольно извѣстная, а именно касающаяся до стада гусей и повстрѣчавшемуся съ нимъ одного гуся.

Не успѣлъ я услышать и узнать въ чемъ состояла задача, какъ не хотя по-

ставить себя въ стыдѣ, началъ я еще тогда же мысленно доискиваться, какому-жъ числу надлежало быть, если положивъ оное еще разъ да половину, да четверть того числа, да еще одного гуся, пришло бы ровно сто. И какъ любопытство, такъ и желаніе до того добратся было такъ велико, что я легши спать до полуночи не спалъ, а все думалъ, и прежде не уснулъ, повуда не добрался, что число гусей было 36. Сей случай былъ первый, при которомъ разумъ мой оказалъ свою способность и принужденъ былъ дѣйствовать собою. Я несказанно обрадовался добравшись до дѣлаемаго и заснулъ въ мечтательныхъ воображеніяхъ отъ удивленія и удовольствія. какое будетъ имѣть мой учитель при скоромъ моемъ рѣшеніи его задачи, и съ нетерпѣливостію дожидался того времени, какъ мнѣ она дана будетъ. Сколь я ни малъ былъ, но разсудилъ, что дурно будетъ, если сдѣлаю я ее слишкомъ скоро, а потому и положилъ притвориться и напередъ минуту другую цифровъ пописать, а потомъ уже сдѣлать, что и исполнилъ я въ самой точности.

Но что жъ воспослѣдовало и сколь много обманулся я въ моемъ чаяніи и ожиданіи и сколь худо заплачено было за мое усердіе и труды. Не успѣлъ я извѣстное мнѣ число на доскѣ написать и задачу сдѣлать, какъ вмѣсто всѣхъ ожидаемыхъ за то похвалъ, учитель мой вздурился. Обстоятельство, что онъ въ ожиданіи своемъ обманулся, и ему не удалось меня помучить, такъ его взбѣсило, что напалъ на меня какъ лютый звѣрь и насильно требовалъ, чтобъ я признался, что я у него число сіе, написанное на аспидной доскѣ, повѣшенной на стѣнѣ, подсмотрѣлъ, а не самъ собою доискался. И, вѣдая его бѣшеный нравъ, вострепеталъ сіе увидѣвъ. Я клялся ему небомъ и землею, что того не вѣдалъ, что у него задача сія была написана на доскѣ, и призывалъ всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что цѣлую почти ночь не спалъ и доискался

не менѣе достопамятенъ былъ бывшими со мною разными приключеніями.

Полеъ нашъ простоялъ въ Петербургѣ недолго, ибо не успѣло наступившаго новаго года пройти одного мѣсяца, какъ вдругъ и совсѣмъ нечаяннымъ образомъ сказанъ былъ намъ опять походъ, и велѣно было немедленно итти въ Курляндію. Причиною движенію сему была горѣвшая около сего времени въ Европѣ война и намѣреніе нашего двора отпратить въ Германію къ Цесаревѣ вспомогабельный корпусъ. Неожиданность сія насъ не менѣе удивила, сколько и поразстроила: но какъ бы то ни было, но мы должны были повиноваться и выступить въ походъ еще въ началѣ февраля мѣсяца.

Походъ сей, продолжасмый зимнимъ путемъ, былъ мнѣ сколько пріятенъ тѣмъ, что мы получали вездѣ прекрасныя квартиры, ибо оныя отцу моему отводимы были обыкновенно на почтовыхъ дворахъ, изъ коихъ въ каждомъ находили особыя и отличныя отъ другихъ украшенія и убранства, сколько досаденъ тѣмъ, что учитель мой и во время самой дороги заставлявалъ меня учить наизусть и твердить вокабулы, и требовалъ, чтобъ я изъ многихъ тысячъ выученныхъ наизусть словъ не позабылъ ни единого. Но какъ сіе составляло сущую невозможность, то и принужденъ я былъ терпѣть отъ него за то превеликое зло и лихо. Всѣ обѣщанія его меня не сѣчь были позабыты и я не рѣдко принужденъ былъ страдать отъ сего жестокосердаго; но никогда онъ такъ много меня не сѣкалъ, какъ при одномъ случаѣ во время сего путешествія. Какъ теперъ подумаю, то кажется, что онъ сущестительно находилъ увеселеніе и утѣшеніе въ томъ, чтобъ меня терзать и мучить. Въ сіе время затѣялъ онъ однажды всѣ вокабулы, сколько я ихъ въ разныя времена ни выучилъ, прослушать, и давъ мнѣ только сутки времени протвердить, напередъ сказалъ, что онъ за каждое позабытое мною слово неотгмѣнно влѣпнѣтъ мнѣ по три удара розгою въ спину. Я удосто-

вѣренъ былъ, что онъ сіе дѣйствительно исполнить, и сіе нагнало на меня такой страхъ и привело мысли мои въ такую разстройку, что я множество и такихъ словъ позабылъ, которыя дѣйствительно помнилъ, а особливо тогда, когда онъ началъ меня прослушивать и всѣ забытыя слова считать и радоваться, что будетъ ему случай насытить свою лютость и хорошенько меня помучить. Розги приготовлены уже были превеликія и лежали на столѣ, и сіе зрѣлище привело меня въ такую робость, что я и на самыя извѣстнѣйшіе вопросы не могъ ему ничего отвѣтствовать. Наконецъ кончилось прослушваніе и онъ насчиталъ всѣхъ позабытыхъ словъ болѣе двухсотъ и съ звѣрскимъ хохотомъ возвѣщалъ мнѣ, что я получу 600 ударовъ. Я обмеръ и испужался увидѣвъ, что онъ дѣйствительно сіе исполнить предпріялъ, и не зналъ что дѣлать. Къ несчастію случилось сіе въ одномъ селѣ на особой и отдаленной квартирѣ, въ которой никого не было кромѣ одной хозяйки; я упалъ ему въ ноги и облившись слезами просилъ о помилованіи; но всѣ мои умоливанія были тщетны, прощать не его было свойство, и я принужденъ былъ шествовать на дворъ, гдѣ вознамѣрился онъ произвести надо мною сію экзекуцію и собственно для того, чтобъ тѣмъ меньше можно было кому-нибудь мой вопль слышать. Тутъ ущемивъ меня между ногъ, началъ онъ меня тиранить и дѣйствительно считать всѣ разы; я кричалъ, вопилъ, а наконецъ и вопить уже болѣе не могъ и уже не зналъ, чтобъ со мною было еслибъ не сжалилась со мною хозяйка и не избавила меня отъ сего мучителя. Уже насчиталъ онъ двѣсти разъ и началъ считать третью сотню, и я уже осипъ отъ кричанія, какъ выбѣжала на дворъ сія добросердечная женщина, и прибѣвши къ намъ силою отняла меня отъ него и оттолкнувъ его прочь сказала: «и что ты за лукавый! вѣдь ты ребенка-то до смерти засѣчь! и если тебѣ Богъ?— Бусурманъ проклятый!» Онъ-было вздумалъ противиться и отнять меня у ней

опять. Однако она такъ его отъ себя толкнула, что онъ чуть было не упалъ, и повела меня прямо со двора, чтобъ вестъ къ моей матери. Но самая сія выдумка усмирила моего мучителя, онъ побожился ей, что не станетъ болѣе съчь: и она послушалась и оставила.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ въ сей разъ было уже слишкомъ несносно, то я не преминулъ уже форменно на него матери своей пожаловаться, и рассказавъ все, показать сколь жестоко я изсѣченъ, и сіе такъ много воздѣйствовало, что ему отъ родителей моихъ досталась не только превеликая гонка, но и формально запрещено впредь безъ ихъ вѣдома меня наказывать. Исъ сего времени сдѣлался учитель мой уже гораздо смирнѣе, и я не помню уже ни однажды, чтобъ онъ меня такъ сильно сбѣгалъ.

Мы препроводили въ семь походѣ не малое время, ибо надлежало проходить всю Ингрію, Эстляндію и Лифляндію, а полки, какъ извѣстно, ходять не скоро, и при томъ все съ растахами, посему и не могли прежде въ Курляндію приттить, какъ въ Мартѣ мѣсяцѣ. Для стоянія нашему полку назначено было мѣстечко или городокъ Бовскъ съ его окрестностями, куда пришедъ мы и расположились.

Мѣстечко сіе было изрядное, лежащее при рѣкѣ Немонѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Муха. Подлѣ самаго устья сей послѣдней рѣки находилась старинный каменный, но на половину развалившійся замокъ съ полверсты отъ нынѣшняго жила. Въ нынѣшнемъ-же городкѣ были многіе изрядные домики, и для отца моего отведена была изрядная квартира и учителю моему прямо насупротивъ у одного пекаря, куда я къ нему и хаживалъ учиться.

Не успѣли мы тутъ расположиться и основать свое жилище, какъ наступила святая недѣля. Мы праздновали день Пасхи въ поставленной въ домѣ полковой церкви, и отецъ мой имѣлъ при семъ случаѣ ту досаду, что во время стрѣлянія изъ пушекъ оторвало одному канониру руку.

По наступленіи весны выведенъ былъ

весь полкъ въ лагерь, но какъ расположенъ онъ былъ въ близости подлѣ самаго города, то мы остались стоять на прежней своей квартирѣ въ городѣ.

Полкъ нашъ простоялъ въ семь мѣстѣ во все сіе лѣто, и стоять было ему тутъ не дурно. Отецъ мой, пользуясь знаніемъ своимъ нѣмецкаго языка, спознакомился тотчасъ съ живущими тутъ по близости дворянами, и будучи всѣми ими облаканъ и всячиною обсылаемъ, имѣлъ не рѣдко съ ними свиданія, ѣзжая съ ними въ деревни и угощая самъ у себя оныхъ.

Изъ сихъ выѣздовъ его къ сосѣдственнымъ дворянамъ памятенъ мнѣ въ особливости одинъ, потому что и мнѣ случилось при томъ быть, и произошло при случаѣ семь пѣчто смѣшное и такое, изъ чего можно нѣкоторымъ образомъ видѣть образъ жизни дворянъ курляндскихъ.

Одному изъ нихъ, версть пять отъ города живущему, вздумалось позвать отца моего съ лучшими офицерами къ себѣ обѣдать. Отецъ мой на то охотно и согласился и взялъ съ собою моего старшаго зятя и человѣкъ трехъ изъ лучшихъ капитановъ, также и меня туда, и поѣхали. Мызникъ былъ намъ очень радъ, и по ласковому его приему думали всѣ мы, что онъ угоститъ насъ изящнымъ образомъ. Но чтожь воспослѣдовало?

Пришелъ двѣнадцатый часъ, подали по маленькой рюмочкѣ водки и вмѣстѣ съ нею на тарелкѣ по маленькому сухарику бѣлаго хлѣба для закуски. Родитель мой тѣмъ былъ и доволенъ, ибо онъ не жаловалъ никогда пить мною. Но господамъ нашимъ русакамъ гренадерскимъ капитанамъ было сіе уже первое не повутру. Для нихъ лучше было по хорошей красаулѣ и для закуски чего-нибудь такого, чего-бъ можно-бъ было въ полсыта наѣсться. Однако какъ приѣхали они всѣ въ первый разъ къ сему дворянину и при томъ не одни, а съ своими полковникомъ, то принуждены они были уже тѣмъ довольствоваться, ласкаясь по крайней мѣрѣ тою надеждою, что скоро ступать обѣдать, и что за обѣдомъ награ-

дятъ они уже сей недостатокъ. Выпивши по сей рюмочки, усѣлись они опять по своимъ мѣстамъ, и начали слушать неразумѣемые ни кѣмъ изъ нихъ нѣмецкіе разговоры у отца моего съ хозяиномъ. Сидятъ они и ждутъ обѣда часъ, сидятъ и другой, но обѣда по завѣтѣ нѣтъ. Прошло двѣнадцать, пробило часъ за полдни, миновала уже и второго половина, но не слышно было, чтобъ и тарелками гремѣли «Господи помилуй! думаютъ они, и шепчутъ между собою, когда это обѣдъ будетъ»?!...

Однако нечего дѣлать, принуждены сидѣть и зѣвая дожидаться. Проходитъ наконецъ и вторая половина часа, бьетъ два часа за полдни, но на столъ и собирать не помышляли. Тогда проняло уже ихъ не путемъ: не привыкли никогда такъ долго говѣть, бѣсилась они и досадовали всѣ на хозяина. Они моргали моему родителю, давая знать свое удивленіе и нетерпѣливость, но сей, будучи весьма скромный человѣкъ, терпѣлъ хотя самъ голодъ, но не хотѣлъ нарушить благопристойность, и просить хозяина о скорѣйшемъ ихъ накормленіи, а удивляясь не меньше самъ тому, какъ и они, шепнулъ одному изъ нихъ, что сжели имъ скучно, такъ вышли-бъ они на дворъ или пошли въ садъ и погуляли, а между тѣмъ распроевѣдали и о причинѣ. Они сего только и дожидались, ибо, наскучивъ статуями сидѣть, почти уже дремали.

Итакъ, покинувъ отца моего съ мизникомъ въ разговорахъ, вышли мы всѣ на дворъ, и тогда-то бы послушать надобно было всѣхъ ихъ благословеній мизнику. Всякъ наперывъ старался его ругать и бранить, и всякій ругалъ за то, что морить голодомъ, но ругательства и брани ему не такіа пошли, какъ узнали причину. Всѣ они до того думали, что конечно онъ позабылъ, что звалъ насъ въ сей день обѣдать, и заключали, что вѣрно онъ тогда только велѣлъ готовить кушать, какъ мы приѣхали. Однако было совсѣмъ не то; а вышло наконецъ, что онъ ни мало не позабылъ и насъ къ себѣ

ждали, а за тѣмъ только на столъ не собираетъ, что жаренаго нѣтъ, и что не возвратился еще съ поля егеръ, посланный стрѣлять дичь всякую. И! дьяволъ бы тебя проклятаго взялъ! закричали они всѣ, сіе услышавъ, — и со своею дичью. Неужели нѣтъ у тебя никакого куска зажарить, и стоитъ-ли того, чтобъ для этого одного насъ такъ долго морить? Однако какъ они ни сердились и ни бранились, но принуждены были еще съ цѣлой часъ поговѣть для двухъ маленькихъ куличковъ, которыхъ и обоихъ для одного человѣка было мало. Но за то и дали же они ему, возвращаясь назадъ, изрядное благословеніе, и всю дорогу о томъ продосадовали и прохохотали.

Между тѣмъ какъ мы симъ образомъ тутъ стояли, продолжалъ я по прежнему учиться нѣмецкому языку и ариметики, и какъ я былъ уже нѣсколько постарѣе и попонятнѣе, то ученье мнѣ было уже не таково скучно; и тѣмъ паче, что и учитель былъ уже смиреннѣе, сверхъ того и труды мои услаждаемы были частыми отпусканіями меня гулять, да и сверхъ того особыми удовольствіями, ибо, во-первыхъ, угодно было родителю моему въ сію несну записать меня въ военную службу, и помѣстити въ полкъ свой въ число солдатъ, а чрезъ мѣсяцъ произвестъ въ капралы. Определеніе въ службу малолѣтнихъ было тогда не таково легко, какъ нынѣ, и родителю моему самого сего бездѣльнаго дѣла не можно-бъ было сдѣлать, если-бъ на тотъ разъ не находились мы за границей и внѣ своего отечества, ибо Курляндія и тогда намъ не принадлежала. Сверхъ того помогло къ тому много и то, что имѣлъ онъ фельд-маршала себѣ пріятелемъ.

Но какъ бы то ни было, но для меня имя солдата обращалось въ превеликое удовольствіе, а какъ сдѣлали мнѣ маленькой мундиръ, и нашили капральской позументъ, то я уже не зналъ отъ радости что дѣлать.

Вступивъ симъ образомъ въ военную службу, былъ я хотя по десятому году, но началъ помышлять уже о военномъ

и въ праздное время и утѣшать себя такими забавами, которыя къ тому были приличны. Я спознакомился со многими мѣщанскими дѣтьми сего мѣстечка, уговорилъ и набралъ изъ нихъ цѣлое капральство и человекѣтъ до тридцати выбралъ изъ нихъ ефрейторовъ и барабанщиковъ, снабдилъ ихъ всѣхъ деревянными ружьями, а барабанщиковъ маленькими барабанами. Потомъ, научившись самъ я бить въ барабанъ, и метать ружьемъ артикуль, переучилъ и ихъ всѣхъ тому-же, и наилучшая моя забава состояла въ томъ, чтобъ съ ними порядочно маршировать и екзерцироваться ружьями; но не могу и по нынѣ надивиться тому, какъ я могъ тогда довести ихъ себѣ до совершеннаго послушанія, и до того что я могъ съ ними дѣлать что хотѣлъ. Всякой разъ когда надобно мнѣ было ихъ собрать, такъ нужно было только послать ефрейтора, какъ всѣ безотговорочно являлись.

Обыкновенное наше ученіе было въ праздничные и воскресные дни; тутъ собравшись маршировали мы порядочно взводами чрезъ весь городъ. Выхаживали въ поле и дѣлали разныя екзерци, а нерѣдко прохаживали до выше помянутаго стариннаго замка, и раздѣляя на-двое, нѣкоторые приступали къ оному, а другіе, засѣвъ въ ономъ и вскарабкавшись на стѣны и въ проломы, оборонялись. Но дивиться надобно было, какъ не случилось намъ тутъ никогда другъ друга перебить. Вокругъ всего сего на половину развалившася замка лежало еще множество чугунныхъ пушекъ съ отрубленными ушами и между ими и мусоромъ валялось множество большихъ и малыхъ ядеръ, а всего болѣе пушечныхъ картечей. Я не понимаю и дивлюсь еще и по нынѣ, какимъ образомъ они уцѣлѣли тутъ отъ древности и не растасканы были посялками. Но какъ бы то ни было, но всякій разъ какъ мы къ симъ развалинамъ ни прихаживали, наилучшее наше утѣшеніе состояло въ томъ, чтобъ собирать и выкапывать изъ мусора сія ядра и картечи и ими швыряться при дѣлаемыхъ нами приступахъ и оборонахъ. И

самъ Богъ насъ охранялъ, что мы никому изъ насъ не проломилъ ими голову.

Изъ сихъ дѣтскихъ игрушекъ явствуетъ, что я съ малолѣтства имѣлъ великую склонность къ военному дѣлу, и можетъ-быть выпелъ-бы изъ меня и воинъ, если-бы судьбѣ угодно было расположить обстоятельства мои иначе, но Провидѣніе назначило, меня не къ тому чтобъ мнѣ быть генераломъ, а совсѣмъ къ иному. Но я возвращусь къ исторіи.

Препровождая въ таковыхъ воинскихъ игрушкахъ нерѣдко свое время, угодилъ я тѣмъ весьма много моему родителю и сдѣлалъ то, что онъ хотя и скутъ былъ на раздачу чиновъ, а особливо мнѣ, однако по неотступной просьбѣ офицеровъ, которые всѣ меня любили, произвелъ меня въ подпрапорщики, а потомъ въ каптенармусы и далъ мнѣ другой позументъ.

Сіе было опять мнѣ причиною къ великой радости. Я начиналъ уже мечтать о себѣ, что я уже нѣчто составляю, и какъ чинъ мой ни малъ былъ, но я гордился уже онымъ. Я приумножилъ еще болѣе мою военную команду, и перенимая все какъ маленькая обезьяна у старыхъ, восхотѣлъ завести и такую строгую дисциплину, какая наблюдалась въ полкахъ, и не только учить ихъ екзерциціи, но и ослушныхъ наказывать по военному, не предвидя того, что самое сіе въ состояніи было всѣмъ нашимъ забавамъ конецъ положить и все дѣло испортить.

Одинъ негодный мальчишка былъ тому причиною. Будучи нѣсколько разъ браненъ за ослушаніе команды, и за неприходъ въ повелѣнное время, и не хотя исправиться, побудилъ онъ насъ всѣхъ сдѣлать общій совѣтъ, чѣмъ-бы намъ его за то наказать. И всѣ мы были такъ глупы, что осудили по общему приговору высѣчь его предъ фронтомъ порядочнымъ образомъ батожьями. Сіе и učinили мы во всей формѣ, и бѣдняка сего разложивъ порядочно выпороли. Но бездѣльникъ сей и разрушилъ всѣ наши забавы и утѣшенія. (

и разжаловался мнѣ съ

своему мужу и подошла итти просить. И такъ дошла просьба о томъ моему родителю, и слѣдствіемъ отъ того было то, что все общество наше было разрушено, корпусъ кассированъ, а мнѣ учинена преславная гонка.

Однако забавамъ симъ и безъ того не можно-бъ было долго продолжиться, ибо покойный родитель мой, видя меня часъ отъ часу возрастающаго и примѣтивъ, что способности во мнѣ во всему отъ часу оказывались болѣе, давно уже помышлялъ о дальнѣйшемъ послѣшествованіи моимъ наукамъ. О тогдашнемъ моемъ ученіи могъ онъ уже самъ усмотрѣть, что изовсего онаго мало прока выйдетъ. Ибо я хотя и зналъ нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ словъ, но говорить былъ вовсе не въ состояніи, ибо учитель мой вовсе не такъ меня училъ какъ надобно, или прямо сказать, не умѣлъ какъ учить, и я думаю, что хотябъ я проучился у него еще 3 года, но и тогда говорить бы былъ не въ состояніи, а особливо потому, что я живучи дома имѣлъ всегда случай говорить по-русски. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, и хотѣлось родителю моему уже давно отдать меня куда-нибудь въ лучшую школу, или къ лучшему учителю, и какъ онъ узналъ, что у одного сосѣдственнаго курляндскаго дворянина содержался въ домѣ для обученія дѣтей учитель, то, сведя съ нимъ знакомство, и отдалъ меня къ нему учителю.

И какъ съ сего времени начинается новый періодъ моей жизни, и начало самаго ученія, то я предоставляю говорить о томъ въ предбудущемъ письмѣ, а се симъ кончу и остаюсь вашъ и прочая.

ВЪ МЫЗѢ ПАЦЪ.

Письмо 9-е.

Любезный пріятель!

Тотъ курляндскій дворянинъ, къ которому въ домъ меня отдали учиться, назывался господиномъ Нетельгорстомъ, и жилъ отъ мѣстечка Бовска верстъ съ 16, или около 20, на самой польской границѣ.

Онъ былъ не убогой человѣкъ, имѣлъ въ мызѣ Пацъ изрядный у себя домъ и подлѣ его прекрасный регулярный садъ, украшенный множествомъ статуй. Самъ онъ былъ уже старикъ, и старикъ угрюмый и несговорчивый, но жену имѣлъ молодую, боярыню бойкую и прекрасную. Она была ему уже вторая жена, а отъ первой имѣлъ онъ двухъ сыновей, уже довольно взрослыхъ. Одного изъ нихъ звали Эрнстомъ и который нынѣ заступилъ мѣсто отца своего и владѣетъ сею мызою, а другого Оттою или Отономъ. Сей находится нынѣ въ Дерптѣ, комендантомъ или плацъ-маіоромъ. Отъ помянутой же второй жены, имѣлъ онъ только одну дочь, и ту еще маленькую. Сыновья же его были несравненно меня больше, и такими, какихъ нынѣ у насъ болѣе уже никто не учитъ. Но у курляндцевъ такого глупаго обыкновенія не было, чтобъ оставлять дѣтей полубученными и сущими еще ребятками пускать въ службу, — но они и тогда еще продолжали учиться, хотябъ большого время было и женить. Для обученія ихъ содержалъ сей дворянинъ не такого француза вѣтра, какіе бывають у насъ, а порядочнаго и ученаго чловѣка родомъ изъ Саксоніи и прозваніемъ Чааха. У сего не столько учились, сколько студировали они философію на латинскомъ языкѣ, ибо языкамъ и прочимъ прелиминарнымъ наукамъ они давно уже выучились.

Учитель сей былъ весьма степенный и важный и порядочной жизни чловѣкъ, онъ студировалъ въ лейпцигской академіи или университетѣ, и кромѣ прочихъ наукъ умѣлъ довольно изрядно рисовать. Для спокойнѣйшаго ученія сдѣланъ былъ для него на дворѣ и окошками въ садъ особый домикъ, гдѣ онъ и жилъ съ сыновьями господина Нетельгорста.

Сему-то чловѣку поручень я былъ на руки, съ тѣмъ, чтобъ меня не только доучивать по-нѣмецки, но начать учить и по-французски, также и рисовать. А господинъ Нетельгорстъ былъ столько къ отцу моему благосклоненъ, что взялся содержать меня при своемъ столѣ безъ

заплатно. Меня привезъ туда самъ покойный родитель, и оставилъ меня тутъ, приславъ мнѣ только одного моего прежняго дядьку, для одѣванія меня и раздѣванія. Мнѣ отвели мѣсто въ томъ же маленькомъ домикѣ, гдѣ жили сыновья господина Нетельгорста.

Такимъ образомъ, вступилъ я совсѣмъ для меня въ новый родъ жизни. До сего времени никогда еще не отлучаемъ я былъ изъ дому моихъ родителей, и это случилось еще въ первый разъ. Но отлученіе сіе и отданіе меня въ чужой домъ, а особливо такой, каковъ былъ сей, послужило мнѣ въ безконечную пользу, такъ что я и по нынѣ еще благословляю священный для меня прахъ моего родителя за то, что онъ сіе сдѣлалъ, ибо тутъ не только въ полгода я гораздо множайшему, а нѣмецкому языку столько научился, сколько не выучилъ во все время у прежняго учителя, но и вся моя натура и все поведеніе совсѣмъ перемѣнилось и въ меня впечатлѣлось столько начатковъ къ хорошему, что плоды простирали изъ того на всю жизнь мою.

Обстоятельство, что во всемъ этомъ домѣ не умѣлъ никто по-русски говорить ни единого слова, весьма много поспособствовало къ тому, что я весьма скоро началъ уже порядочно говорить по-нѣмецки, и научился сопрятать слова нечувствительно. Ибо какъ дядьку моего видѣлъ я только по утрамъ и по вечерамъ, а все прочее время принужденъ былъ препроводять и говорить съ нѣмцами, то самая неволя заставила меня перенимать и учиться съ ними говорить ихъ языкомъ. За тихое мое поведеніе, переничивость и охоту къ наукамъ, меня скоро какъ учитель, такъ и всѣ полюбили. А хозяйка сего дома содержала меня именно какъ своего сына, и не только вскаки навозможнѣйшимъ образомъ, но и старалась поправлять мои поступки и поведеніе, однако не строгостью и не бранями, а все ласкою и благопріятствомъ. Во все время моего у нихъ пребыванія не слыжалъ я отъ нихъ ни единого браннаго слова, а ласки ихъ и по-

печеніе обо мнѣ было такъ велико, что я и по нынѣ еще благословляю прахъ ихъ, и за всѣ ихъ благодѣянія чувствую благодарность. Самъ учитель мой такъ меня любилъ и столько понятіемъ моимъ былъ доволенъ, что я ни однажды не только не терпѣлъ отъ него такихъ пытокъ, какъ отъ прежняго, но и легкаго сѣченія, и сколько помню, то однажды только погрозился и хотѣлъ-было меня высѣчь розгами, да и то за какую-то непростительную шалость, такъ что я самъ себя признавалъ того достойнымъ. Что касается до моихъ соучениковъ, то какъ они были меня старѣе, то и не можно было мнѣ имѣть съ ними компанію дѣтскую и рѣзвиться. Они содержаны были очень строго и въ совершенномъ повиновеніи у родителей, не смѣли предпринимать ничего худого, воспитываны были очень хорошо, были хорошаго поведенія и имѣли охоту къ наукамъ; а сіе много помогло къ тому, что я и отъ нихъ не могъ перенимать ничего худого, а напротивъ того, перенималъ все хорошее, и нечувствительно получилъ склонность какъ къ наукамъ, такъ и къ рисованью.

Словомъ, жить мнѣ было тутъ такъ хорошо, весело и пріятно, что я не только тогда очень скоро позабылъ домъ родителей моихъ, но и по нынѣ напоминаю тогдашній періодъ жизни, чувствую въ душѣ моей нѣкое удовольствіе и почитаю оный наилучшимъ и пріятнѣйшимъ временемъ моего младенчества. Мы учились всякій день до обѣда и послѣ обѣда, и я учился когда читать, когда по-французски, когда писать и рисовать, а между прочимъ получалъ начальныя понятія и о географіи. Каждый часъ приносилъ мнѣ пользы, и не только учебный, но и всего прочаго времени. Обѣдать и ужинать хаживали мы обыкновенно въ большія хоромы къ старику, а послѣ обѣда важивалъ меня нерѣдко учитель съ собою гулять по саду, а въ иное праздное время, а особливо по вечерамъ бывали мы въ хоромахъ и я принужденъ былъ вести себя кротко, благочинно и

порядочно. Въ праздники же и въ воскресные дни нерѣдко отпускали меня къ моимъ родителямъ въ мѣстечко Бовскъ, а иногда старикъ самъ меня туда вазивалъ; а иногда приѣзжалъ и покойный родитель къ намъ.

Въ семь-то мѣстѣ и въ сіе-то время впечатлѣлись въ меня первѣйшія склонности къ наукамъ, искусствамъ и художествамъ, продолжавшіяся потомъ во всю мою жизнь, и производившія мнѣ толь безчисленные и пріятные часы и минуты въ жизни. Всему хорошему что есть во мнѣ начало положилось тутъ, а сверхъ того имѣлъ я и ту пользу, что живучи въ такомъ порядочномъ домѣ, имѣлъ я первый случай узнать и получить понятіе о жизни нѣмецкихъ дворянъ и полюбить оную.

Я жилъ и учился тутъ во все то время, покуда полкъ нашъ стоялъ въ Курляндіи, что продолжилось болѣе года. Въ сіе время нерѣдко видался я съ моими родителями; они жили сначала все въ томъ же мѣстечкѣ, куда приѣхала потомъ и большая моя сестра съ мужемъ. Для сего свиданія обыкновенно ѣзжалъ я къ родителямъ моимъ съ моимъ дядькою, гѣтомъ верхомъ или въ одноколкѣ, а зимою въ пошевенкахъ, и пробывъ у нихъ воскресенье, возвращался обратно къ понедеѣльнику на свою мызу.

Самые сіи недалніе, но частые переѣзды и путешествія и подали случай къ нѣкоторымъ особливимъ и хотя не важнымъ, однако такимъ со мною около сего времени приключеніямъ, которыя такъ впечатлѣлись въ мою память, что я и по нынѣ ихъ забыть не могу, и къ коимъ наиболѣе характеръ дядьки моего былъ поводомъ.

Симъ дядькою, у меня былъ одинъ изъ служителей нашего дома, по имени Артамонъ. Онъ былъ сынъ старухи, бывшей у покойной родительницы моей еще нянею, и человекъ не глупый, умѣющій грамотѣ, ходившій за мною довольно изрядно, но подверженный той проклятой слабости, которой такъ многіе наши рабы подвержены бывають: то-есть, лю-

билъ иногда испивать. Другой порокъ въ немъ былъ тотъ, что онъ чрезвычайно любилъ курить табакъ; впрочемъ же былъ лучшій у насъ слуга, и любилъ меня какъ должно; что-жъ касается до меня, то я любилъ его чрезвычайно, но это и не удивительно, потому что онъ всегда за мною ходилъ, а тогда и жилъ только одинъ со мною въ чужихъ людяхъ. Одно изъ вышеупомянутыхъ приключеній было слѣдующее.

Нѣкогда, побывавъ у родителей моихъ, случилось мнѣ съ нимъ изъ Бовска поѣхать обратно на мызу, въ одноколкѣ. Было то гѣтомъ, и не рано, а часа за полтора или за два до вечера. Одноколка была у насъ съ нимъ легонькая мызничья, въ одну лошадь, и я обыкновенно саживалъ въ ней, а онъ у меня позади и правилъ. Симъ образомъ бывало мы съ нимъ одни и ѣдемъ, и дорогою обыкновенно о чемъ-нибудь разговариваемъ. Онъ читывалъ довольно нашихъ церковныхъ книгъ, и часто рассказывалъ мнѣ все, что зналъ о сотвореніи міра, о потопѣ и о прочемъ, относящемся до библейской исторіи, которая была ему нарочито свѣдома. И я могу то въ похвалу ему сказать, что первѣйшими понятіями о созданіи міра, а отчасти и о законѣ обязанъ я ему, а потому и слушивалъ я всегда его съ удовольствіемъ, и мнѣ съ нимъ помянутымъ образомъ ѣздить никогда было не скучно.

Но въ сей разъ случилось совсѣмъ тому противное. Предъ самымъ отъѣздомъ, какому-то пріятелю захотѣлось его поподчивать и вкатить въ него рюмки двѣ-три лишнихъ. Мы не знаемъ того не вѣдаемъ, и ни мнѣ и никому иному и въ умъ не приходило запримѣтить, что дядька мой былъ и въ то уже время на девятомъ взводѣ, какъ я сажился въ одноколку. Но не успѣлъ я съ нимъ выѣхать, какъ его такъ начало разнимать, что я, каковъ ни малъ былъ, но могъ уже примѣтить, что дядька мой пьянъ. Вскорѣ послѣ выѣзда надлежало намъ переѣзжать рѣку Муху, и спускаться подлѣ развалинъ замка, подъ гору; уже и тутъ

онъ меня напужалъ, будучи не въ состояніи довольно сильно держать лошадь, которая чуть-было насъ съ нимъ не опрокинула. Однако какъ бы то ни было, но мы рѣку благополучно перѣѣхали, и поднялись на гору. Тутъ къ несчастію моему случился корчма; дядька мой не успѣлъ ее увидѣть, какъ захотѣлось ему выпить вина еще. Онъ сталъ меня уговаривать, чтобъ я подержалъ на минуту лошадь, а онъ пойдетъ на часокъ въ корчму и раскурить свою трубку. Я хотя и догадывался, что у него не трубка на умѣ, и хотя старался его уговаривать, чтобъ не ходилъ, однако просьбы мои остались тщетны. Онъ пошелъ себѣ въ корчму и я принужденъ былъ нѣ хотя стоять и его дожидаться. Что онъ тамъ дѣлалъ, того уже не знаю, но послѣ нѣсколькихъ минутъ возвратился съ трубою во рту, но при томъ гораздо уже предъ прежнимъ пьянѣе, и такъ, что почти на ногахъ стоять не могъ. Обмеръ я, испужался сіе увидѣвъ, и не зналъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать; ѣхать еще было очень далеко, а легко могъ заключить, что править лошады былъ онъ совсѣмъ не въ состояніи. Назадъ возвращаться было также уже версты три и при томъ перѣѣзжать опять рѣку и страшную гору. Сверхъ того не хотѣлось мнѣ и на гнѣвъ привести моихъ родителей, и дядьку своего наказанію подвергнуть. Сколько мнѣ ни горестно и ни досадно на него было, однако при всемъ томъ было его жаль. Въ сей крайности находясь, рѣшился наконецъ я посадить его съ собою въ одноколку, и предавшись въ волю судьбы, продолжать путь далѣе и править уже лошады самому. Время тогда было хорошее, дорога гладкая и мнѣ довольно знакомая, а и вечеръ еще былъ не слишкомъ близокъ, и такъ, думалъ я, поѣду себѣ потихоньку, авось-либо какъ-нибудь доѣду и его доведу. Но тутъ великаго труда мнѣ стоило склонить его къ тому, чтобъ онъ сѣлъ рядомъ со мною. Пьяные обыкновенно много о себѣ и о силѣ своей думаютъ, и такъ насилу-насилу я его уговорилъ

и посадилъ съ собою, но что-жъ воспо- слѣдовало?

Не успѣли мы еще версты отѣхать, какъ дядьку моего уже не путемъ и такъ розняло, что онъ не въ состояніи былъ и одного слова порядочно выговорить, а болѣе мычалъ, нежели говорилъ. Отъ вихлянья и качанья его во все стороны я приходилъ ежеминутно въ страхъ и трепетъ, того и смотрѣлъ, что онъ у мѣня полетитъ чрезъ голову изъ одноколки. Я подерживалъ его сколько было силы, но какъ выбился изъ силъ, а притомъ примѣтилъ, что онъ дремлетъ, то уговорилъ его, чтобъ онъ къ одному углу прилечь и себѣ заснуть. Онъ тому и радъ былъ, а мнѣ хотя и тѣсно было уже сидѣть, но я также радъ былъ уже тому, что онъ заснулъ и захрапѣлъ какъ боровъ, и я не имѣлъ нужды его держать.

Симъ образомъ продолжая путь потихоньку, доѣхали мы съ нимъ благополучно до одного большого и густого лѣса, который находился уже неподалеку отъ пашей мызы, простирался версты на три длиною и сквозь который надлежало намъ необходимо проѣхать, и притомъ узкою, дурною и колесистою дорогою. До сего мѣста ѣхали мы все-таки хорошо, дорога была гладкая, лошадь смиренная, ѣхали мы все полями и лугами и притомъ днемъ и еще засвѣтло; но какъ предъ вѣздомъ въ сей лѣсъ уже начало смеркаться, то сталъ я уже и заботиться о томъ, какъ бы скорѣе проѣхать лѣсъ, а притомъ гораздо уже и потрушивать. Густота высокаго лѣса темноту вечернюю умножала еще больше, и нагоняла на меня тѣмъ паче ужасъ, что мнѣ никогда еще не случалось бывать одному въ такомъ лѣсу, и еще одному, ибо дядька мой что былъ, что нѣтъ, все равно, онъ храпѣлъ только и спалъ наиспокойнѣйшимъ образомъ, какъ убитый. Къ вящему несчастію пришло мнѣ на память, что я слышалъ, что въ семъ лѣсу водилось множество волковъ. Сіе еще меня пуще смутило и озаботило; я не зналъ, что дѣлать и разсудилъ испробовать, не могу ли я разбудить моего спутника; но онъ такъ

крѣпко почивалъ, что всѣ кликанья, трясенья и толканья ни малаго не производили дѣйствія: онъ вовсе ихъ не чувствовалъ и только что спалъ. Тогда перетрусился я еще того больше, ибо до того все-таки надѣялся, что его разбужу и мнѣ съ нимъ съ несоннымъ не таково страшно будетъ ѣхать.

Между тѣмъ ночь приближалась уже скорыми шагами. Сумерки уже оканчивались и становилось уже совсѣмъ темно, а мы еще и половины лѣса не проѣхали, а только добрались до самой его густоты и дурнѣйшаго мѣста. Тутъ хотѣлось мнѣ еще разъ испытать его побудить, я собралъ всѣ свои силы сколько ихъ ни было, и не пронявшись трясеніемъ и толканіемъ, началъ его приподнимать, но самымъ тѣмъ все дѣло еще хуже испортилъ. Несчастіе мое хотѣло, чтобъ въ самое то время, когда я съ нимъ симъ образомъ возился, вошло одно колесо одноколки моей въ преглубокую колею, и одноколку мою отъ того въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ, такъ качнуло, что онъ полетѣлъ какъ чурбанъ чрезъ колесо и прямо въ грязь. Не могу вспомнить, какъ я тогда испужался, и надивиться тому, какъ онъ и меня съ собою не утащилъ. Но какъ бы то ни было, но я остался почти висющимъ на одноколкѣ и столько еще имѣлъ памяти, чтобъ остановить лошадь. По особливому счастью сія была весьма смиренная скотина, и тотчасъ велѣнію моему повиновалась. Я сошелъ тогда съ одноколки, старался еще всячески разбудить моего товарища и спутника: но онъ такъ былъ пьянъ и такъ спалъ крѣпко, что и самое паденіе не могло его разстрогать. Онъ лежалъ себѣ въ грязи, какъ на мягкой постели, и ни о чемъ не помышлялъ, только всхрапывалъ. Тогда потребенъ былъ для меня хорошей совѣтъ: но къ несчастію мнѣ дать было его некому, а самъ я былъ еще слишкомъ къ тому малъ, чтобъ могъ придумать, что-бы мнѣ въ такомъ случаѣ сдѣлать было лучше. Правда, мнѣ и пришло-было на мысль, чтобъ, оставя его тутъ, сѣсть опять въ одноколку и ѣхать од-

ному до мызы, и оттуда прислать за нимъ, что-бъ и лучшее было средство. Но статочное дѣло, чтобъ я могъ тогда на сіе отважиться и рѣшиться. Любовь къ дядкѣ моему не такъ была мала, чтобъ я могъ оставить его одного, и въ такомъ состояніи въ лѣсу: я не инакъ заключилъ, что его сѣдять тутъ волки и потому тотчасъ сію мысль откинулъ, а приступилъ къ дѣлу самому дѣтскому, совсѣмъ невозможному и силы мои превосходящему, а именно, я началъ его совсѣмъ безчувственнаго тащить ближе къ отѣхавшей на нѣсколько шаговъ одноколкѣ, и возмечталъ себѣ, что я могу его какъ-нибудь поднять и положить въ оную. Но всякому можно разсудить, въ силахъ ли я былъ сіе сдѣлать и не тщетно ли мое было предпріятіе. Но какъ бы то ни было, однако я приступилъ къ сему дѣлу, и не зная даже, страхъ ли, или самая крайность нужды, силы мои столько подтвердила, что я хотя съ превеликимъ трудомъ, однако кое-какъ дотащилъ его до одноколки, и приподнявъ верхнюю половину тѣла, прислонилъ уже къ оной. Легко можно разсудить, что сей необъятный для меня трудъ меня крайне изнурилъ, я запыхался на смерть и сдѣлавъ сіе, принужденъ былъ отдыхать и собирать вновь силы, чтобъ докончить желаемое предпріятіе. Но я сколько бы ни старался, но вѣрно бы его не исполнилъ, ибо на одноколку поднять не было уже никакой для меня возможности, и я истинно не знаю, чѣмъ бы кончился мой тщетный трудъ, если-бъ въ самое то время, какъ только началъ я съ дядкою моимъ вновь ворочаться, новый нечаянный случай всего намѣренія моего не разрушилъ, и смятенія моего и страха еще больше не умножилъ. Откуда ни возьмись и порхнулъ изъ-за куста какая-то большая птица, и думать надобно, что сова: лошадь моя, стоявшая до того какъ вкопаная, какова была ни смирна, но нечаяннымъ шухомъ и широкою симъ такъ была испужана, что вдругъ шархнула и что ни есть мочи съ одноколкою поскакала и оставила меня одного съ упав-

нимъ опять въ грязь и спящимъ моимъ дядькою.

Теперь вообрази себѣ всякъ, каково было мнѣ тогда, будучи десятилѣтнимъ ребенкомъ, остаться одному посреди большого густого и въ самомъ дѣлѣ страшнаго лѣса, и притомъ еще ночью, и съ однимъ только опьянившимся до безчувства человѣкомъ! Состояніе, въ которомъ я тогда находился, было дѣйствительно таково, что я его изобразить никакъ не въ состояніи. Внезапность и неожиданность сего происшествія такъ меня поразила, что я лишился и послѣдняго ума и разсудка. Когда дѣйствовала до сего во мнѣ единая боязнь, такъ постигло меня тогда уже совершенное отчаяніе. Въ единый мигъ вообразилась мнѣ тогда вся великость опасности, въ которой я тогда находился, я не иначе полагалъ, что меня съѣдятъ тутъ волки и что я за вѣрное въ ту ночь погибнуть буду долженъ: вообрази-же теперь всякъ, каково ребенку быть въ такихъ помысленіяхъ и готовиться къ смерти! Боязнь моя превратилась въ сущее отчаяніе, я такъ оробѣлъ и въ такое пришелъ малодушіе, что залился слезами, поднялъ превеликій вопль и крикъ, бѣгалъ и метался, какъ сумасшедшій и не зналъ что дѣлать. Нѣсколько разъ предпринималъ я бѣжать вслѣдъ за ушедшею моею лошадейю, и нѣсколько разъ, будучи не въ состояніи ее догнать, опять назадъ возвращался. Не успѣю отбѣжать нѣсколько сажень и забѣжать за кусты, почувствовать, что я одинъ, какъ страхъ такъ меня обметъ, что я опрометью побѣгу назадъ къ моему безчувственному спутнику. Сей сколь ни слабую составлялъ мнѣ тогда подпорку, и сколь ни мало мнѣ могъ служить защитою и обороною, но я въ отчаяніи своимъ радъ уже былъ тому, что хоть онъ со мною остался. Надежда, что авось-либо онъ какъ-нибудь проснется и сколько-нибудь опаматается, подкрѣпляла меня въ моемъ страхѣ и отчаяніи.

Я позабылъ уже тогда всю мою на него досаду, прилѣпился къ нему какъ къ единой моей защитѣ и оборонѣ, бу-

дилъ, просилъ, умолялъ, обливалъ его слезами, и всѣмъ тѣмъ добился только до того, что онъ однажды промычалъ, но сіе въ состояніи уже было меня невѣдомо какъ обрадовать, и подѣйствовало столько, что я пришелъ сколько-нибудь опять въ разсудокъ, и могъ уже разсудить, что я крикомъ и воплемъ своимъ ничего себѣ не помогу, а въ состояніи только буду скорѣе волковъ къ себѣ приманить. Сія мысль столько подѣйствовала, что я тотчасъ плакать и шумѣть пересталъ, а вытащивъ кое-какъ дядьку моего изъ грязи на травку, сѣлъ подлѣ него и прижавшись къ нему наплотнѣйшимъ образомъ, сидѣлъ молча ни живъ ни мертвъ, дожидаясь его пробужденія или того, что судьбѣ со мною учинить будетъ угодно.

Но сія и сжалилась, наконецъ, надъ моимъ состояніемъ. Приведа меня нечаянностію въ отчаянный страхъ и дѣйствительную опасность, восхотѣла она таковою же нечаянностію и освободить меня изъ онаго. Одному мужику, принадлежащему господину Неттельгорсту и работавшему во весь тотъ день у насъ на мызѣ, власно какъ нарочно вѣдно было не прежде домой ѣхать, какъ по окончаніи одного порученнаго ему дѣла, и за самымъ тѣмъ замѣшкаться до самой ночи. Онъ возвращался тогда въ свою деревню, и какъ ему сквозь самый сей лѣсъ ѣхать было надобно, то не успѣлъ онъ къ нему подѣхать, какъ повстрѣчался съ моею лошадейю и пустою одноколкою. Хотя былъ онъ латышъ, однако легко могъ заключить, что это не даровое, и что лошадь людей конечно выпрокинула и сбила; а какъ случилось къ тому такъ, что ему и самая лошадь и одноколка, какъ принадлежащая господину его, была знакома, а и то было вѣдомо, что я на ней ѣзжалъ, то легко онъ могъ догадаться, что ѣхалъ на ней я. А поелику сему добросердечному крестьянину было и то извѣстно, сколь любили меня господа его, то все сіе такъ его встревожило, что онъ бросился тотчасъ и перехватилъ мою лошадейю, привязавъ своей телѣгѣ, поскакалъ по дорогѣ

намъ и чтобъ ему насъ не пробхать, сталъ то и дѣло аукать и кричать, чтобъ мы услышали.

Слухъ вричанья сего весьма скоро и достигъ до насъ, и тутъ я уже не знаю, какъ изобразить мнѣ ту радость, которую почувствовалъ я, сей крикъ и называніе самаго моего имени услышавъ. Я думаю, что если бы былъ то гласъ и самаго ангела, то не больше бы ему обрадовался. Съ превеликимъ восхищеніемъ вскочилъ я и, забывъ всю горестъ, побѣждалъ на встрѣчу добродушному мужичку, меня призывающему, и ведущему за телѣгою своею мою лошадь съ одноколкою, и не зналъ какъ возблагодарить ему за его одолженіе. Онъ удивился, нашедъ меня одного въ лѣсу, а того больше еще, какъ я довелъ его до моего спутника и показалъ ему онаго. Съ негодованіемъ и бранью поднялъ онъ его и, бросивъ въ свою телѣгу, былъ столь добродушенъ, что самъ сѣлъ со мною въ одноколку, а телѣгу привязалъ сзади и довелъ меня до мызы.

Симъ образомъ кончилось сіе происшествіе, и дядкѣ моему надлежало-бы получить за то пажесточайшее наказаніе; но какъ поспавшись сталъ онъ у испѣхъ валяться въ ногахъ и просить, чтобъ его тутъ наказали, а родителю моему сего не сказывали, а особливо валяясь у ногъ просилъ о томъ меня, то и отдѣлался онъ небольшимъ за то наказаніемъ отъ мызника.

Въ другой разъ самый тотъ же мой дядька, и на таковомъ же путешествіи, но уже и не пьяный, да и днемъ, стравилъ-было меня дѣйствительно волгами. Было сіе слѣдующимъ образомъ.

Однажды случилось намъ съ нимъ ѣхать, но не лѣтомъ, а зимою, въ саняхъ изъ помянутой мызы Пацъ въ мѣстечко Говскъ, къ моему родителю. Обыкновенно ѣзжали мы съ нимъ въ пошевняхъ, я, окутавшись, въ нихъ сиживалъ, а онъ у меня правливалъ. Въ сей разъ поѣхали мы поутру и спѣшили поспѣть къ обѣду. Но не успѣли мы выпсупомянутый большой лѣсъ пробхать, какъ увидѣлъ дядька мой въ сторонѣ небольшую де-

ревеньку, отстоящую отъ дороги не болѣе какъ сажень на сто. Видѣ оной возбудилъ въ немъ охоту раскурить трубку его съ табакомъ, до чего былъ онъ, какъ я уже упоминалъ, превеликій охотникъ. Но какъ огнива съ нимъ не случилось, то захотѣлось ему сбѣгать въ сію деревню и раскурить тамъ оную. «Постойте, батюшка, здѣсь», говоритъ онъ мнѣ, «а я на минуточку сбѣгаю въ сію деревушку и раскурю трубку». Мнѣ и не весьма хотѣлось его отпустить отъ себя и остаться одному, однако онъ убѣдилъ и уластилъ меня своими просьбами: «и день-то теперь, и бояться нечего, и жило близко, и опасности никакой быть не можетъ, и лошадь онъ завернетъ, и она уйдетъ не можетъ», коротко, онъ столько мнѣ наговорилъ и такъ меня уластилъ, что я и склонился на его просьбу и сбѣгать туда дозволилъ. Но надобно же было какъ нарочно случиться такъ, что не успѣлъ онъ уйтись у меня изъ глазъ и вбѣжать въ деревню, какъ гдѣ ни возмись не одинъ, а цѣлое стадо волковъ, и не далѣе отъ меня впереди какъ сажень на тридцать. Я обмеръ, испужался ихъ увидѣвъ, ибо такого большого стада волковъ не случалось мнѣ никогда видывать, и какъ считалъ я себя уже погибшимъ, то кровь леденѣла отъ ужаса въ моихъ жилахъ, и я не зналъ что мнѣ дѣлать, и сидѣлъ ни живъ ни мертвъ, прижавшись въ уголокъ моихъ санокъ. Однако страхъ мой былъ по пустому. У волковъ и на умѣ не было на меня нападать, но они около сего времени ходились и шли вереницею одинъ за другимъ, вслѣдъ за волчицею. Было ихъ волковъ съ двадцать, однако всѣ они, перешедъ дорогу, прошли спокойнѣйшимъ образомъ далѣе въ лѣсъ. А между тѣмъ приближалъ и мой дядька, и на смерть испужался, какъ услышалъ, что безъ него со мною случилось. Тутъ пошли опять просьбы и умаливанія, чтобъ я и о семъ приключеніи отцу моему не сказывалъ, и какъ страхъ мой былъ кратковременный, то я наконецъ, любя и жалѣя его, на то и склонился.

Изъ прочихъ происшествій, бывшихъ въ теченіи сего 1748 года, памятно мнѣ только то, что однажды приѣзжали мы съ старикомъ господиномъ Нетельгорстомъ, къ покойному родителю моему, въ какой-то большой праздникъ обѣдать, и что я при семъ случаѣ надѣлалъ смѣхъ и проказу. Такъ случилось, что приѣхавъ въ Бовскъ довольно еще рано, не застали мы покойнаго родителя моего дома, который въ самое то время находился еще въ лагерѣ для слушанія обѣдн и молебна, и оттуда еще не возвратился. Какъ лагерь нашего полку не далѣе отстоялъ отъ города, какъ на версту, то приди старику моему охота ѣхать туда, отчасти чтобъ посмотрѣть лагерь, а отчасти чтобъ видѣть нашу божественную службу, которой онъ никогда еще не видывалъ, почему и велѣлъ онъ кучеру туда ѣхать. Но что-жъ воспользовалось? Не успѣли мы подѣхать къ шатру, въ которомъ поставлена была церковь, какъ вдругъ увидѣлъ я разставленныхъ подлѣ нея моихъ злодѣевъ пушекъ, и канонировъ подлѣ нихъ съ курящимися фитилями. Я и не зналъ о томъ, не вѣдалъ, что въ тотъ день произойдетъ будетъ толь страшная для меня палба изъ пушекъ, почему неожиданное сіе зрѣлище такъ меня поразило, что я поблѣднѣлъ и вся кровь во мнѣ изволновалась отъ ужаса. И какъ мы остановились подлѣ самыхъ пушекъ и я со всякою минутою ожидалъ стрѣлянья, то чтожъ я сдѣлалъ?... Таки не долго думая, сизъ изъ кареты въ опущенное съ моей стороны окно, и дай Богъ ноги! побѣжалъ куды зря, и на прорѣзъ сквозъ весь лагерь и даже за обозъ и до тѣхъ норъ неоглядкою какъ стрѣла летѣлъ, кокуда только бѣжать могъ и кокуда не остановило меня болото, въ которое вбѣжалъ я по кочкамъ по волѣно.

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ безъ памяти бѣжалъ, происходила у церкви сущая комедія. Такъ случилось, что свачка и бѣгства моего никто ни прикинулъ. Старикъ мызникъ въ самое то время выходилъ изъ кареты и былъ ко

мнѣ спиною, слѣдовательно ему видѣть было не можно; а лакей, которой одинъ только у насъ позади и былъ, упражнялся тогда въ придерживаніи старика, своего господина, и помоганіи выходить ему изъ кареты, а потому за нимъ и ему примѣтить бѣгства моего было не можно. Кучеръ нашъ и фореитеръ, вылупя глаза, смотрѣли на церковь и на пушки, а всѣхъ прочихъ случившихся тутъ людей глаза обращены были на выходящаго изъ кареты мызника, и всѣмъ и не ума было взглянуть, что дѣлалось позади кареты и въ той сторонѣ, куда я воспріялъ бѣгство; къ томужъ, какъ тутъ въ близости стояли ящики и солдатскія палатки, то я въ одинъ мигъ за нихъ забѣжалъ и отъ глазъ ихъ скрылся. Словомъ, такъ случилось не нарочно, что бѣгство мое было совсѣмъ не примѣтно.

Но теперь вообрази себѣ всякъ, въ какое изумленіе пришолъ нашъ лакей, когда, выпустя мызника, хотѣлъ помогать изъ кареты выходить мнѣ, и вдругъ увидѣлъ, что въ каретѣ никого нѣтъ! Онъ глядъ туда, глядъ въ другую сторону, глядитъ позади кареты обѣгая кругомъ, но столько же видитъ. «Господи помилуй! говоритъ онъ, да гдѣ-жъ маленькой бояринъ, куда онъ дѣвался?»—кричитъ, зоветъ меня по имени, но никто ему не отвѣчаетъ! «Батюшки мои! говоритъ онъ, продолжая бѣгать кругомъ кареты и соваться какъ угорѣлая кошка,—да гдѣ-жъ это онъ?» Спрашиваетъ у кучера, спрашиваетъ у фореитера, но тѣ говорятъ, что не знаютъ и что не видалъ никто меня, и хотять съ каретою отъѣзжать, но слуга кричитъ: «стой и погоди» и продолжаетъ искать меня далѣе. Между тѣмъ старикъ, не оглянувшись, отошелъ нѣсколько шаговъ отъ насъ, и подходитъ уже къ самой церкви и къ тѣснотѣ народной. Но тутъ вздумалось ему оглянуться назадъ, дабы меня взять за руку и провестъ: но какъ изумился онъ, когда позади себя ни меня, ни своего лакея не увидѣлъ. Онъ остановился и сталъ насъ поджидать, но какъ увидѣлъ, что оба мы не показываемся еще и въ ограду

церковную, которая была по обыкновенію плетневая и превысокая, то удивленіе его умножалось съ каждою минутою и наконецъ, придя въ нетерпѣливость, принудило его итти назадъ и насъ кликать. Но сколь изумился онъ, когда увидѣлъ лакея своего помянутымъ образомъ бѣгающаго только около кареты и меня ищущаго.

«Что вы тамъ стали, закричалъ онъ на него, и что нейдете?»—«Да чего, сударь, итти, я не найду молодого боярина.— «Какъ это не найдешь, онъ тутъ былъ, дуракъ! и со мною сидѣлъ въ каретѣ.»— «Я самъ знаю, что онъ тутъ былъ, и съ вами приѣхалъ, но воля ваша, его нѣтъ и я не наполь его ни въ каретѣ, ни за каретою.»—«Врешь ты дуракъ, какъ это не найтись, куда ему дѣться. Опъ былъ въ каретѣ какъ я выходилъ, развѣ ты не видалъ, какъ онъ вышелъ и не уполь ли впередъ?»—«Какое, сударь, въ каретѣ, въ ней-то его и не было, какъ вы выходить изволили; тому-то я и дивлюсь и не понимаю куда онъ дѣлся.» — «Что ты врешь! какъ это! онъ былъ со мною — нельзя статься... куда ему дѣться?»—«Да воля ваша, а его не было, и я готовъ присягнуть въ томъ, что его въ каретѣ не было а вы одни вышли. — «Господи помилуй! что это? либо ты пьянъ, либо я себя не помню. Я кажется самъ съ себя не сколюеъ, и знаю всего хуже вѣрше, что оно остался въ каретѣ, какъ я пошолъ изъ оной.» — «Ну! что ни извольте говорить, а его не было, и дверцы другія заперты, какъ были и никто ихъ ни растворять, а въ тѣ, въ котормя вы вышли, я готовъ умереть въ томъ, что онъ не выходилъ.»

Таковыя увѣренія смутили моего старика и привели его въ такое изумленіе, что онъ не зналъ что думать и заключить; въ самое то время закричали изъ церкви, чтобъ начинали стрѣлять. И тотчасъ изъ пушки бухъ! Лошади въ каретѣ шархнулись и начали прыгать. Кучеръ силится держать, кричить форейтеру; тотъ не удержитъ. Изъ пушки еще разъ бухъ! лошади кавай бѣситься, заку-

сили удила и понесли карету куда зря; народъ бросился за нею, поднялся крикъ и вопль: лакей бѣжить за нею, мизникъ за нимъ; одинъ кричить «стой! стой!» другой «держи! держи!» мизникъ охаетъ: «эхъ! разобьетъ и исковеркаетъ карету. Экое горе! экая бѣда!» Шумъ увеличивается, и распространяется до церкви, весь народъ перетревоживается и бѣжить изъ церкви; одинъ говоритъ то, другой другое, а все не знаютъ истинной причины. За народомъ выходитъ и покойный родитель мой со всѣми офицерами, спрашиваетъ, что такое? не убило-ли опять канонира?—никто не знаетъ и не отвѣчаетъ. Наконецъ усматриваетъ моего мизника: «Ба! ба! ба! Господинъ Нетельгорстъ! откуда это вы взялись и давно-ль приѣхали сюда, къ намъ?» — «Сей только часть, господинъ полковникъ. Но чего, сударь, лошади мои перепугались вашей стрѣльбы, и помчали теперь и коверкаютъ карету, и я думаю, что всю ее въ дребезги расщелкаютъ.»—«Но мальчишка-то мой ужъ не въ ней-ли?» спросилъ, встревожившійся отецъ мой. — «Нѣтъ! нѣтъ, ваше высокоблагородіе, въ ней-то его нѣтъ но... но... но...»—«Что но...?» подхватилъ испугавшійся мой родитель и недалъ ему далѣе выговорить. «Ужъ не убили-ли его, господинъ Нетельгорстъ? Да гдѣ-жъ онъ, я не вижу его, а вы хотѣли привезти его съ собою.»—«Я привезъ его, господинъ полковникъ, но такая диковинка! истинно не знаю самъ, что сказать....»

Легко можно всякому себѣ вообразить, что слова сіи еще пуще родителя моего смутили и встревожили, его съ ногъ до головы какъ морозомъ подрало.—«Батюшка ты мой! возопилъ онъ: сказывайте, ради Бога, скорѣй, что съ нимъ сдѣлалось и гдѣ-жъ онъ, когда вы его привезли? Конечно онъ тамъ же въ каретѣ, и вы мнѣ только не сказываете. Государи мои, обратясь онъ къ офицерамъ закричалъ, бѣгите ради Бога и велите какъ-нибудь остановить и удержать, и спасайте мнѣ ребенка, у меня онъ одинъ только и есть! Ахъ, господинъ Нетельгорстъ, что вы со мною сдѣлали? ну-ка

его убьютъ!...» — «Нѣтъ! нѣтъ! господинъ полковникъ, этому быть не можно, право не можно, не извольте тревожиться, его ей-ей нѣтъ тамъ». — «Но гдѣ-жъ онъ?»

На сей вопросъ паки не зналъ старичокъ мой, что сказать и опять замаялся и остановился; но какъ началъ покойный родитель мой уже не путнымъ дѣломъ приставать, то принужденъ онъ былъ наконецъ сказать: — «Чего, господинъ полковникъ, онъ приѣхалъ со мною до самаго сего мѣста благополучно, но, между тѣмъ, какъ я выходилъ изъ кареты, онъ оставшись въ ней, такая диковина, въ одну минуту сгибъ у насъ и пропалъ, и мы оба съ слугою не знаемъ, не вѣдаемъ, куда онъ дѣлся: выходить не выходилъ, а въ каретѣ ужъ его, и за каретою нигдѣ не нашли, и нигдѣ его нѣтъ, сколько ни искали».

Симъ слова не уменьшили, а умножили еще смущеніе моего родителя и его недоувѣрчивость. — «Умилосердитесь! сказалъ онъ, господинъ Нетельгорсть. Можно-ли сему повѣрить? куда ему дѣться, еслибъ онъ привезенъ сюда былъ? Нѣтъ, нѣтъ, а конечно есть что-нибудь иное?» Но какъ онъ началъ влястися и божиться, что говоритъ правду, а и пришедшій слуга подтверждалъ тоже, то не только родитель мой, но и всѣ офицеры впади въ великое недоумѣніе, не знали что обо мнѣ заключить, и разославъ повсюду солдатъ и людей меня искать и спрашивать, сами только сему странному случаю дивились.

Что касается до меня, то я, между тѣмъ, какъ у нихъ все сіе тутъ подлѣ церкви происходило, стоялъ по колѣно въ болотѣ и считалъ только пушечные выстрѣлы, и какъ стрѣльба пресѣклась, то выдравшись изъ грязи, пошелъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывалъ, прямо чрезъ обозъ и чрезъ лагерь къ церкви. Тутъ увидѣлъ я уже многихъ людей, бѣгающихъ и ищущихъ меня и обрадовавшихся, когда меня увидѣли. Они взяли молодца подъ руки и привели къ родителю моему, которой нечаянному явленію моему такъ обрадовался, что, вмѣсто брани за мою трусость, расдѣловалъ меня и въ

глаза и въ щѣки. Не могу вспомнить, какой смѣхъ тогда у всѣхъ поднялся и какъ начали нынѣ хвалить мое проворство, когда узнали, какимъ образомъ я скрылся и какъ въ окно изъ кареты выскочилъ; однако послѣ не прошло безъ хорошей мнѣ за то гонки.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе происшествіе, а какъ вскорѣ послѣ меня привели и карету съ лошадьми, ничѣмъ почти не поврежденную, то поѣхали мы всѣ въ Бовскъ, и погостивъ у покойнаго родителя, возвратились въ свою мызу.

Нѣсколько времени спустя, случилось мнѣ опять быть въ Бовскѣ. Въ сіе время приѣхалъ какой-то генералъ для смотрѣнія полку нашего, и былъ покойнымъ отцомъ моимъ угощаемъ. И при семъ случаѣ пожалованъ былъ симъ генераломъ въ сержанты, ибо самъ покойный родитель мой не хотѣлъ никакъ на то согласиться, чтобъ меня произвестъ въ сей чинъ, совѣстясь, чтобъ его тѣмъ не упрекали. Но какъ сему гостю я отменно полюбился за то, что будучи ребенкомъ умѣлъ порядочно бить въ два барабана вмѣсто литавръ при играніи на трубахъ, то взявъ сіе въ предлогъ, сдѣлалъ онъ сіе учтивство въ знакъ благодарности за угощеніе хозяину.

Я не могу довольно изобразить, какъ обрадованъ я былъ симъ произшествіемъ и какъ милъ мнѣ былъ третій позументъ, нашитый на обшлага мои. Я думалъ тогда о себѣ, что я превеликій человекъ и сталъ дѣйствительно оттого учиться ревностиѣе и прилежнѣе. А какъ между симъ кончился и 1748 годъ, то окошчу и я свое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ПОХОДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Письмо 10-е.

Любезный пріятель! Изъ бывшихъ въ началѣ 1749 года происшествій не помню я никакого такого, которое бы стоило повѣствованія; а то только памятно мнѣ, что предъ окончаніемъ зимы, неизвѣстно для какихъ

причинъ, штабъ нашего полку изъ мѣстечка Бовска выведенъ и родителю моему отведена была квартира на одной, за нѣсколько верстъ отъ Бовска лежащей, дворянской небольшой мызѣ, называемой Клейнъ Мемельгофъ, и что онъ подъ конецъ зимы стоялъ уже въ оной и я къ нему уже туда принужденъ былъ ѣздить. Также памятно мнѣ то, что сія мыза принадлежала одному несчастному курляндскому дворянину Корфу, заколотому незадолго до того на поединкѣ другимъ дворяниномъ, по имени Шепингомъ и что поединокъ сей, происходившій во время стоянія нашего въ Бовсѣ, былъ столь славенъ, и мы такъ слышались объ обстоятельствахъ онаго, что она даже и теперь мнѣ памятна; и какъ онъ не недостойны замѣчанія, то и перескажу я она.

У помянутаго Шепинга была жена молодая и красавица; но сколь хороша была она, столь дурень, малъ и невзраченъ былъ помянутый мужъ ея. Что касается до Корфа, то жилъ онъ у него въ недалекомъ сосѣдствѣ и былъ холостой, малой молодой, высокой и взрачный собой, прекрасный, ловкій, но и азартный. Съ Шепингомъ были они знакомы и друзья, но говорили тогда, якобы Корфъ влюбился въ его жену и та будто-бы ему нѣсколько и отвѣтствовала, но имѣя мужа строгаго и весьма проворнаго, принуждена была скрывать тайное свое съ Корфомъ согласіе; однако, какъ они ни таились, но отъ мужа не могло сіе сокрыться: онъ узналъ и, приревновавъ къ женѣ, сталъ ее содержать строже. Самое сіе, какъ говорили тогда, было истинною причиною сей дуели, а наружнымъ поводомъ и предлогомъ къ тому была небольшая обида, оказанная Корфомъ Шепингу. Сей Корфъ, надѣясь на взрачность, силу и на умѣнье свое стрѣлять и драться на шпагахъ, искалъ самъ случай посориться съ Шепингомъ, ибо не сомнѣвался въ томъ, что онъ его либо застрѣлитъ, либо заколетъ, и чрезъ то можетъ современемъ получить жену его за себя. Какъ вознамѣрился, такъ и

сдѣлалъ. Бывши однажды на охотѣ, заѣхалъ онъ умышленно въ одну деревню, принадлежащую Шепингу и подъ предлогомъ спрашиванія у мужика его пить, велѣлъ искать силою пива и нацѣдить, а между тѣмъ умышленно выпустить всю бочку у хозяина. Мужикъ принесъ жалобу о томъ своему господину. Сему показалось сіе слишкомъ обидно; онъ послалъ съ выговоромъ о томъ къ Корфу и съ требованіемъ, чтобъ онъ мужика удовольствовалъ. Сей того только и ждалъ, и сочтя требованіе его для себя слишкомъ грубымъ и обиднымъ, предложилъ ему, для удовлетворенія мнимой обиды, поединокъ, вѣдая, что Шепингу, по тамошнему обыкновенію нельзя будетъ отказать, въ чемъ и не обманулся. Шепингъ хотя и не хотѣлъ, но принужденъ былъ на то согласиться и назначить къ тому день и мѣсто.

Поелику поединки въ Курляндіи были тогда въ великомъ обыкновеніи и равно какъ дозволенными, то оба они не имѣли причины таиться, но оба положили сдѣлать его публичнымъ; а потому не успѣли они объ ономъ условиться, какъ вся Курляндія объ ономъ свѣдала, и всѣ начали говорить объ ономъ и съ нетерпѣливостію ожидать, чѣмъ дѣло сіе кончится. До насъ самихъ дошла тотчасъ о томъ молва, почему самому и помню я, что тогда о семъ дѣлѣ говорили и разсуждали. Всѣ винили Корфа, и сожалѣли Шепинга, почитая за вѣрное, что сей послѣдній лишится жизни, ибо никакъ не думали, чтобъ онъ могъ одолѣть Корфа, который былъ самый величень и сущій головорѣзъ, и при томъ славный стрѣлокъ изъ пистолета. Но не только прочіе, но и самъ Шепингъ заключалъ самое то же, и потому готовился къ поединку сему, какъ на извѣстную смерть, и никакъ не думалъ остаться въ живыхъ. Почему, отправляясь съ секундантами своими на оный, не только распрощался на вѣкъ съ своими родственниками, но повезъ съ собою даже и гробъ для себя. Что-жъ касается до Корфа, то ѣхалъ онъ съ превеликою

ишностию и въ несумѣнной надеждѣ побѣдить, почему самому и не внималъ никакимъ уговариваніямъ друзей своихъ, старающихся примирить его съ Шепингомъ, полюбовно и безъ драки. Всѣмъ намъ извѣстенъ былъ не только день, но и часъ, въ который они драться стануть, и который, противъ чаянія всѣхъ, сдѣлался бѣдственнымъ Корфу. Несчастіе его состояло въ томъ, что Шепингъ не согласился драться на пистолетахъ, а предложилъ, не утрущаясь величины Корфовой шпаги. Сіе онъ всего меньше ожидалъ; но какъ выборъ оружія зависѣлъ отъ вызваннаго на поединокъ, то нельзя было ему уже того и перемѣнить. Кромѣ сего сдѣлалъ Корфъ и другую погрѣшность, состоящую въ томъ, что онъ пошелъ на Шепинга съ излишнимъ и непомѣрнымъ азартомъ, а особливо какъ его сначала онъ поранилъ и просить сталъ, чтобъ перестать и помириться. Ибо какъ для него слишкомъ было обидно и несносно быть отъ малорослаго Шепинга побѣжденнымъ, то закричалъ: «нѣтъ, каналья, либо ты умри, либо я», пустился онъ на него съ толикою яростію, что самъ почти набѣжалъ на шпагу своего противника и въ тотъ же мигъ испустилъ духъ свой, будучи имъ проколотъ насквозь.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе славное дѣло, и всѣ были рады, что Корфъ лишился жизни, ибо онъ надобѣлъ уже многимъ своимъ нахальствомъ и озорничествомъ. Мы, стоявши потомъ въ самомъ его домѣ, видѣли многія пули, сидѣція въ стѣнахъ, которыя разстрѣлялъ онъ наканунѣ того дня, стрѣляя все по заженной свѣчѣ, и стараясь пулею только съ ней снять, и огня не потушить. Однако не такъ сдѣлалось, какъ онъ думалъ, а такъ, какъ угодно было Провидѣнію, восхотѣвшему наказати сего высокоумнаго человѣка.

Между тѣмъ, какъ покойный родитель мой въ семь мѣстѣ стоялъ, а жилъ въ помянутой мызѣ Пацъ и продолжалъ учиться по прежнему; однако, къ сожалѣнію, не долго удалось мнѣ симъ пре-

краснымъ и полезнымъ для меня случаемъ пользоваться. Не успѣла весна вскрыться и наступить дѣто, какъ полку нашему сказанъ былъ походъ и велѣно было итти въ Финляндію. И какъ отцу моему одного меня и въ такихъ дѣтахъ и въ такой отдаленности оставить было никакъ не можно, то принужденъ былъ нехотя взять меня съ собою.

Такимъ образомъ, принужденъ я былъ оставить то мѣсто, которое сдѣлалось мнѣ такъ мило и пріятно, что я и понынѣ еще напоминаю оно съ нѣвакимъ удовольствіемъ. Самъ старикъ мызникъ, жена и дѣти его провожали меня какъ родного, а учитель столь меня полюбилъ, что у него слезы даже на глазахъ навернулись, когда онъ со мною прощаться началъ. Отецъ мой, приѣхавшій самъ за мною, былъ столько тронутъ всѣмъ явленіемъ симъ, что не могъ довольно словъ найти къ возблагодаренію имъ за всѣ ласки и благопріятствы, оказанныя ими ко мнѣ и одолженіе, ему сдѣланное.

Польза, полученная мною во время пребыванія моего на сей мызѣ, состояла наиболѣе въ томъ, что я научился порядочно говорить по-нѣмецки, что для покойнаго родителя моего всего было пріятнѣе. Онъ, любя сей языкъ, не могъ довольно тѣмъ навеселиться и радоваться по крайней мѣрѣ тому, что онъ успѣлъ сіе сдѣлать; а сверхъ того, и то служило ему къ великому удовольствію, что я и французскому языку сдѣлалъ уже хорошее начало, также получилъ охоту къ рисованью, а что всего лучше, во всѣхъ поступкахъ и поведеніяхъ моихъ несравненно предъ прежнимъ поправился, и изъ прежняго прерѣзваго баловня сдѣлался постояннымъ мальчикомъ, обѣщающимъ собою многое.

Шествіе наше или походъ простирался самымъ же тѣмъ путемъ, которымъ мы шли въ Курляндію, а именно чрезъ Ригу, Дерптъ, Нарву и въ Петербургъ. Во время сего путешествія не помню я ничего особливаго и достойнаго, кромѣ того, что по приходѣ къ пограничному городу Ригѣ, полку нашему велѣно было

иттить чрезъ городъ церемонію, и я въ первый разъ отъ роду былъ въ строю и въ сержантскомъ мундирѣ и съ маленькимъ ружьишкомъ велъ свой взводъ. Боже мой! какое было для меня тогда удовольствие! Мнѣ казалось, что на меня весь городъ тогда смотритъ, какъ и дѣйствительно видѣлъ я очень многихъ на меня указывающихъ и говорящихъ: «ахъ, какой маленькій сержантъ!» — въ тогдашнія времена и дѣйствительно было сіе въ диковинку и въ великую рѣдкость.

Мы дошли до Нарвы благополучно; но тутъ у покойнаго родителя моего произошла какая-то ссора съ нарвскимъ комендантомъ Штейномъ, за шестіе чрезъ городъ церемонію: вѣмецъ комендантъ вздумалъ-было строить капризы и требовалъ чего-то многаго, а родителю моему не хотѣлось удовлетворить издешняго его честолюбія. Тотъ заперъ ворота и не пускалъ чрезъ крѣпость, а сей, почти за обиду, вошелъ въ письменныя командѣ представленія, и такъ произошла у нихъ вражда; но чѣмъ дѣло сіе кончилось, и кто изъ нихъ остался правъ, кто виновать — не знаю, а извѣстно мнѣ, что было только много переписки, и что мы вскорѣ послѣ того пришли въ Петербургъ.

Въ семъ столичномъ городѣ стоялъ полкъ въ сей разъ не долго, ибо ему назначено было иттить къ Выборгу, и такъ простоялъ онъ тутъ только нѣскольکو дней. Но въ нашемъ домѣ и съ семействомъ произошла въ немногіе сіи дни великая перемѣна. Родитель мой рѣшился мать мою съ меньшою замужемъ сестрою, которая была съ нами, отпустить изъ сего мѣста въ деревню за Москву съ тѣмъ, чтобъ она заѣхала въ деревню къ сестрѣ моей, гдѣ она еще не бывала, а болѣе для того, что она была беременна и почти на сносѣхъ, а меня расположилъ оставить въ Петербургѣ и отдать въ какой-нибудь пансіонъ учиться французскому языку. Онъ имѣлъ у себя близкаго родственника, живущаго тогда въ Петербургѣ и служившаго въ конной гвардіи ротмистромъ. Былъ то господинъ Арсеневъ, по имени Тарасъ Ивановичъ.

Онъ былъ двоюродной братъ отцу моему и въ малолѣтствѣ своемъ живалъ у него и воспитывался. Они любили другъ друга очень, и потому вознамѣрился онъ поручить ему меня на руки. При вспоможеніи его тотчасъ былъ присланъ пансіонъ и учитель, и тотчасъ съ нимъ обо всемъ нужномъ условленось и договоренось. Наилучшимъ пансіономъ почитался тогда въ Петербургѣ тотъ, который содержалъ у себя кадетскій учитель старикъ Феррѣ, жившій подлѣ самаго кадетскаго корпуса и въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ оному; въ сей-то пансіонъ меня и отдал.

Легко можно вообразить себѣ, что какъ я тогда принужденъ былъ разлучиться вдругъ и съ отцомъ и матерью, и въ первый разъ остаться однимъ и находиться отъ обоихъ ихъ въ удаленіи, то сей пунктъ времени былъ для меня весьма тягостенъ и что прощаніе съ моими родителями было весьма трогательно и плачевно. Меня отвезли на Васильевской островъ, а въ тотъ же часъ и родитель мой съ моею матерью, которая съ сего времени его уже болѣе и не видала, ибо судьбѣ было угодно, чтобы прощаніе ихъ другъ съ другомъ было въ сей разъ послѣднее. Какое счастье для смертныхъ, что они не знаютъ ничего изъ будущаго! Какими слезами не преисполнено-было сіе разставаніе, еслибы было извѣстно, что оно послѣднее въ жизни!

Поелику жизнь моя съ сего времени получила новой образъ и видъ, то окончу я симъ и письмо мое, сказавъ вамъ, что я навсегда пребуду вашъ... и прочее.

ЖИЗНЬ ВЪ ПАНСІОНѢ.

Письмо 11-е.

Любезный пріятель! Итакъ, по отъѣздѣ матери моей въ деревню, а родителя съ полкомъ въ Финляндію, остался я одинъ въ Петербургѣ, посреди людей, совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ и власно какъ въ лѣсу. Не могу никакъ забыть того дня, въ который привезли меня въ домъ къ учителю и оста-

вили одного. Мнѣ казалось, что я находился совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, и дышалъ другимъ воздухомъ; все было для меня тутъ дико, все ново, и все необыкновенно. Я принужденъ былъ начать вести совсѣмъ новаго рода жизнь, и совсѣмъ для меня необыкновенную. Не могъ я уже ласкаться, чтобъ могъ пользоваться тою нѣгою, какою наслаждался въ родительскомъ домѣ. Маленькая постелька и сундучокъ съ платьемъ составляли весь мой багажъ, а дядька мой Артамонъ былъ одинъ только мой знакомый. Прочіе же всѣ были незнакомы и я долженствовалъ со всѣми ознакамливаться и спознаваться, а особливо съ тѣми, которые тутъ также по примѣру моему жили. Учениковъ было тогда у учителя моего человекъ съ двѣнадцать или съ пятнадцать; нѣкоторые были на его содержаніи, а другіе прихаживали только всякой день учиться, а обѣдать и ночевать хаживали домой. Изъ числа первыхъ и знаменитѣйшій изъ всѣхъ былъ нѣкто господинъ Нелюбохтинъ, сынъ одного полковника гарнизоннаго, да двое господъ Голубовыхъ, которые были дѣти одного сенатскаго секретаря. Сии жили вмѣстѣ со мною и каждому изъ насъ отведена была особливая конторочка въ томъ же покоѣ, гдѣ мы учились, досками отгороженная. Мнѣ, какъ новичку и притомъ полковничьему сыну, отведена была наилучшенькая вмѣстѣ съ господиномъ Нелюбохтинымъ, который былъ мальчикъ нарочито уже взрослый и притомъ тихаго и хорошаго характера, и потому я скоро съ нимъ спознакомился и сдружился. Голубовы были также меня старѣе, ибо мнѣ было только 10 лѣтъ отъ роду, однако уже не таковы, какъ Нелюбохтинъ. Одного изъ нихъ звали Александромъ, а другого позабылъ. Я познакомился скоро и съ ними, ибо были они не изъ числа дурныхъ дѣтей. Чтожъ касается до приходящихъ къ намъ учиться, то были они разные и между прочими одна нарочитаго уже возраста дѣвушка, дочь какой-то маюрши; по прошествіи долгаго вре-

мени позабылъ я, какъ ее звали, только то помню, что она при мнѣ не долго училась, а и прочіе изъ приходящихъ часто перемѣнялись и то прибывали, то убывали. Какъ мнѣ никто изъ нихъ не былъ слишкомъ коротокъ, то и не помню я изъ нихъ почти ни одного, что и не удивительно по моему возрасту.

Учитель мой былъ человекъ старый, тихій и весьма добрый; онъ и жена его, такая же старушка, любили меня отменно отъ прочихъ. Онъ самъ насъ мало учивалъ, потому что по обязанности своей долженъ былъ всякій день ходить въ классы въ кадетскій корпусъ, и учить кадетовъ, и такъ, доставалось ему самому насъ учить двѣнадцатый часъ, да въ вечеръ еще одинъ часъ. Прочее время училъ насъ старшій изъ его сыновей, которыхъ было у него двое. Одного звали Александромъ, и онъ былъ нарочито уже велнѣе и могъ уже по нуждѣ обучать и былъ малый изрядный, а другой еще маленькой, по имени Фридрихъ, и малой огненный, рѣзвый и дурной. За рѣзвость и бѣшенство его мы всѣ не любили.

Что касается до содержанія и стола для насъ, то былъ онъ обыкновенно пансионный, то-есть, очень очень умѣренный; наилучшій и пріятнѣйшій кусокъ составляли булки, приносимыя къ намъ по утрамъ, и которыми насъ каждого одѣляли. Сии были по счастью отменно хороши, и хлѣбникъ, пекущій оныя, умѣлъ ихъ такъ хорошо печь, что мнѣ хорошій вкусъ ихъ и понынѣ еще памятенъ. Обѣды же были очень очень тощи и въ самые скоромные дни, а въ постные и того хуже. Но привычка чего не можетъ сдѣлать! — сколько сначала ни были мнѣ такіе тощіе обѣды маловкусны, однако я наконецъ привыкъ и довольно бывалъ сытъ, а особливо когда поутру либо лишнюю булочку, либо скоромный прекрасный кренделекъ купишь и съѣшь, которыя такъ намъ казались вкусными, что подберешь и крошечки. Не рѣдко же случалось, что иногда и ложка другая третья хорошихъ щей съ говядиною, варимыхъ для себя слугою моимъ, в

гали обѣду, и которыя не рѣдко казались мнѣ вкуснѣе и сытнѣе всего обѣда.

Какъ я ученю французскаго языка начало сдѣлалъ еще въ Курляндіи, и тутъ стоило только продолжать оный, то успѣхъ ученія моего былъ весьма хорошій. Я столь былъ понятенъ и прилеженъ, что менѣе нежели въ полгода обогналъ всѣхъ моихъ сотоварищей и сдѣлался первенствующимъ въ школѣ, и каковъ былъ ни малъ, но могъ всѣмъ указывать и за всѣми поправлять. Ученіе наше состояло наиболѣе въ переводахъ съ русскаго на французскій языкъ Езоповыхъ басней и газетъ русскихъ; и метода сія не дурна, мы чрезъ самое то спознакомливались отъ часу больше съ французскимъ языкомъ, а переводя газеты, и съ политическимъ и историческимъ штилемъ и съ званіями государствъ и городовъ въ свѣтѣ.

Какъ обѣщано было, чтобъ выучить меня и географіи, то чрезъ нѣсколько времени принялъ учитель нашъ или пригласилъ какого-то нѣмца, чтобъ приходилъ къ намъ и училъ насъ часа два послѣ обѣда сей науки. Для меня была она въ особенности пріятна и любопытна. Я пожиралъ такъ-сказать всѣ говоренныя учителемъ слова, и мнѣ не было нужды два раза пересказывать. Европейская карта, которую онъ одну намъ только и трактовалъ, впечатлѣлась такъ твердо въ умъ моему, что я могъ всю ее пересказать по пальцамъ; но жаль, что ученіе сіе не долго продолжалось: не знаю и не помню, что тому причиною было, что онъ ходилъ къ намъ не очень долго, по сему и ученіе было весьма слабое и короткое. Со всѣмъ тѣмъ получилъ я чрезъ сей случай нарочитое о географіи понятіе, но что болѣе моею удобопопятности, охотѣ и любопытству приписывать должно; а судя по ученію, то оное не принесло-бъ мнѣ дальней пользы, такъ какъ прочимъ пользовало оно очень мало.

Что принадлежитъ до исторіи, то сей наукѣ въ пансіонѣ нашемъ не было обыкновенія учить. Но сіе едва было и не лучше, нежели учить такимъ образомъ, какъ учатъ нынѣ (1789 г.) въ пансіонахъ,

гдѣ теряется только на то время, а пользы никакой не производится, ибо заставляютъ дѣтей учить обѣ сіи науки наизусть на французскомъ языкѣ, и они ничего не понимаютъ.

Но недостатокъ сей наградила я нѣ-которымъ образомъ собственнымъ своимъ любопытствомъ, и чрезвычайною охотою къ чтанію книгъ, полученною около сего времени. За охоту къ тому обязанъ я книгѣ «Похожденія Телемака». Не могу довольно изобразить, сколь великую произвела она мнѣ пользу! Учитель нашъ заставлялъ меня иногда читать ее у себя въ спальнѣ для науки, но я ее мало разумѣлъ по-французски, а покрайней мѣрѣ узналъ, что она такое, и доставъ не помню отъ кого-то русскую, не могъ довольно ей начитаться. Сладкій піитическій слогъ плѣнилъ мое сердце и мысли и влилъ въ меня вкусъ къ сочиненіямъ сего рода, и вперилъ любопытство къ чтенію и узнанію дальнѣйшаго. Я получилъ чрезъ нее понятіе о митологіи, о древнихъ войнахъ и обыкновеніяхъ, о троянской войнѣ, и мнѣ она такъ полюблилась, что у меня старинныя брони, латы, шлемы, щиты и прочее мечтались безпрерывно въ головѣ, къ чему много помогали и картинки, въ книгѣ находившіяся. Словомъ, книга сія служила первымъ камнемъ, положеннымъ въ фундаментъ всей моей будущей учености, и куда жаль, что у насъ въ Россіи было тогда еще такъ мало русскихъ книгъ, что въ домахъ нигдѣ не было не только библіотекъ, но ни малѣйшихъ собраній, а у французскихъ учителей того меньше. Литература у насъ тогда только-что начиналась, слѣдовательно не можно было мнѣ, будучи ребенкомъ, нигдѣ получить книгъ для чтанія.

Но ни однимъ симъ я, живучи въ семъ пансіонѣ, воспользовался: я уже упоминалъ прежде, что я съ самаго малолѣтства получилъ великую склонность къ рисованью и маранью красками. Еще въ то время, какъ я учился писать по-русски, то писарышка, учитель мой, вперилъ въ меня первую охоту рисованіемъ своихъ кораблей, церквей, колоколенъ и прочаго;

дядька мой также умѣлъ гваздать колокольни и чернецовъ, и я насмотрѣлся у него. Охота сія возросла еще того болѣе въ Курляндіи, когда учитель мой Чаахъ научилъ меня держать кисть въ рукахъ и бездѣлныи ими мазать красками. Словомъ, склонность моя къ сему искусству была такъ велика, что въ то время, когда вѣхали имъ изъ Курляндіи въ Петербургъ, почиталъ я наибольшаимъ благополучіемъ въ свѣтѣ, когда могъ я имѣть котель съ краями вокругъ, такой, чтобъ изъ каждаго врана текла мнѣ изъ него разная краска и какой бы я отвернулъ, такая бы и потекла. Но тутъ жилъ я, окруженъ будучи вокругъ рисовальными мастерами и имѣлъ наибольшаго интереса случай насмотрѣться, какъ они рисуютъ и какъ составляютъ разныя краски, и получить ближайшее понятіе о семъ искусствѣ; меня оно столь прельщало, что я досадовалъ, для чего меня не учать и писаль къ родителю моему, чтобъ онъ сдѣлалъ милость, и велѣлъ меня учить. Онъ и сдѣлалъ мнѣ сіе удовольствіе: живущій съ нами объ стѣну рисовальной мастеръ Дангауеръ нанятъ и приговоренъ былъ меня учить, и такъ началъ я къ нему ходить и по нѣскольку часовъ учиться. Но какая досада была для меня, что учить меня начали не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, красками, а карандашемъ и рисовать все фигуры. Въ этомъ прошло все время, и мнѣ не удалось поучиться рисовать красками и любимые свои ландшафты, которые мнѣ всего были милѣе, но крайней мѣрѣ имѣлъ я тутъ случай насмотрѣться и узнать многое. Самъ учитель рисовалъ очень хорошо, и наиболѣе яичи гусиныя красками, а же научился у него изрядно рисовать карандашами.

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ живучи тутъ, учился французскому языку, географіи и рисованью, не оставляя я въ праздное время, а особливо въ праздники ходить къ дядѣ моему господину Арсеньеву. Благопріятствомъ и ласками его и тетьки, жены его, былъ я очень доволенъ, они принимали меня весьма какъ близкаго родственника и дѣла

очень за тихое и скромное мое поведеніе. Они имѣли у себя другаго племянника, жившаго въ кадетскомъ корпусѣ и записаннаго въ ономъ. Онъ былъ и мнѣ вначатный братъ, звали его Тимошеемъ Ивановичемъ Тутолминнымъ и онъ самой тотъ, которой нынѣ намѣстникомъ въ городѣ Архангельскомъ. Судьбѣ угодно было проишествіе его далеко предомною, но тогда имѣлъ я преимущество предъ нимъ и дядя любилъ меня болѣе нежели его, ибо онъ былъ рѣзвъ и вертополовой. Мы всегда почти бывали съ нимъ вмѣстѣ у дяди и всегда почевывали, ибо ходить должно было чрезъ весь Петербургъ, и были друзья между собою.

Въ сихъ происшествіяхъ кончился 1749 и начался 1750 годъ. Бываемыя около сего времени и въ другіе торжественныя дни увеселенія, а особливо иллюминаціи изъ разныхъ фонарей, прельщали меня до безконечности, для меня были они новымъ зрѣлищемъ, и я не могъ ихъ довольно насмотрѣться. Ко всему любопытному былъ я съ малолѣтства склоненъ. Такимъ же образомъ угѣшали меня чрезвычайно кадетскіе строи и ихъ ученія, бывшія дѣломъ: всегда, когда они ни бывали хаживали мы смотрѣть, ибо парадное мѣсто было подлѣ самыхъ насъ.

Предъ приближеніемъ масляницы восхотѣлось родителю моему меня видѣть. Онъ прислалъ за мною повозку и лошадей и просилъ учителя, что онъ недѣли на двѣ меня къ нему отпустилъ. Учитель не только на то охотно согласился, но поступилъ еще далѣе и отпустилъ со мною и старшаго своего сына. — И такъ, ѣздили мы къ моему родителю въ полкъ и гостили у него недѣли двѣ. Онъ стоялъ тогда съ полкомъ между Выборгомъ и Петербургомъ, на винтеръ-квартирахъ и имѣлъ квартиру свою въ селѣ называемомъ Краснымъ; хоромцы были самыя маленькія, но въ такой странѣ, какова Финляндія, и требовать было лучше не можно. Родитель мой былъ намъ очень радъ и о успѣхѣхъ ученія моего изъявлялъ свое удовольствіе. Все время нашего пребыванія у него препроводили мы весело

и пріятно: онъ биралъ насъ съ собою, когда случалось ѣздить ему куда въ гости. Всѣ полковые офицеры ласкались ко мнѣ непрерывъ и всѣ хвалили за мою прилежность и охоту къ учению; въ сіе время выпросилъ я у родителя моего прежде упомянутое дозволеніе учиться рисовать: онъ охотно на то согласился и велѣлъ купить для меня рисовальную книгу и все нужное.

Здоровье родителя моего начало около сего времени гораздо слабѣть; онъ уже давно жаловался ногами, но въ сіе время чувствовалъ и во всемъ себѣ слабость. Какъ теперь помню, однажды идучи вмѣстѣ съ нами къ церкви, которая была не подалеку отъ хоромъ, обратившись онъ къ идущимъ позадь его офицерамъ, сказалъ: «Нѣтъ, государи мои, недолго уже мнѣ жить, чувствую одышку и отиѣвную слабость во всемъ моемъ тѣлѣ, которая меня очень устрашаетъ». Всѣ утѣшали его говоря, что лѣты его еще не такъ велики, чтобъ скорой смерти опасаться было можно; однако онъ оставался при своемъ мнѣніи.

Другое, что мнѣ изъ сего періода времени памятно, было то, что родитель мой, издѣвками своими вогналъ меня однажды въ превеликія слезы.—Идучи однажды въ баню, угодно ему было взять меня съ собою. Не успѣли мы раздѣться, какъ вздумалось ему надо мною пошутить: «ну! братъ Андрюша, сказалъ онъ мнѣ, ты у меня теперь уже женихъ, и пора уже тебя женить». Меня сіе такъ поразило, что слезы у меня какъ градъ покатались, ибо природная застѣнчивость моя противъ женскаго пола была такъ велика, что я не могъ разсудить, что это была одна шутка; и можно ли быть правдѣ, когда я тогда не болѣе какъ по одиннадцатому году былъ, женють-ли кого въ такіе лѣты!

Погостивши у родителя моего недѣли двѣ три, и на первой недѣли великаго поста исповѣдовавшись и причастившись, возвратился я опять въ Петербургъ и сталъ продолжать свои науки и жить по прежнему у моего учителя. Съ сего вре-

мени, сколько я помню, упражнялся я въ переводѣ какой-то французской книжки. Мнѣ и понинѣ жаль, что у меня пропалъ сей переводъ. Безъ всякаго сомнѣнія, былъ онъ весьма еще не совершенъ и недостаточенъ. Нѣкто господинъ Барыковъ нашего полку выпросилъ у меня его прочесть и увезъ.

Симъ образомъ продолжалъ я тутъ жить и учиться во весь остатокъ зимы, во всю весну и лѣто; а между тѣмъ родитель мой перешолъ съ полкомъ своимъ въ самый городъ Выборгъ, ибо полку его велѣно стоять тутъ во все лѣто лагеремъ. Желалъ бы онъ охотно, чтобъ я прожилъ у учителя моего еще годъ, но усиливающаяся его слабость и болѣзненное состояніе принудили его прервать, противъ хотѣнія своего, мое ученіе и взять меня къ себѣ изъ Петербурга. Онъ прислалъ за мною нарочныхъ лошадей, и я принужденъ былъ оставить Петербургъ и всѣ свои науки, и къ нему въ Выборгъ ѣхать.

Симъ окончу я сіе письмо, предоставляя въ послѣдующемъ разсказать дальнѣйшее, что со мною случилось; а между тѣмъ, при увѣреніи о моей непремѣнной дружбѣ, остаюсь и прочее.

ВЪ ВЫБОРГѢ.

Письмо 12-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, не продолжалось ученіе мое въ Петербургѣ болѣе одного года, и заплачено за меня съ небольшимъ только сто рублей. Но сіи сто рублей принесли мнѣ великую пользу. Лѣты мои, сколь ни были еще нѣжны и малы, однако я тутъ многому набрался не столько учася, сколько наглядною. Что-жъ принадлежитъ до французскаго языка, то оному, судя по лѣтамъ моимъ, я довольно выучился и не только могъ говорить, но и переводить по нуждѣ. Напротивъ того, нѣмецкій языкъ я совсѣмъ почти позабылъ, ибо какъ во всей нашей школѣ ни одинъ человекъ не разумѣлъ и не говорилъ по-нѣмецки, то не имѣя случая

цѣлый годъ ни съ кѣмъ ни единого слова промолвить и разучился я оному такъ, что не умѣлъ и пикнуть. Вотъ что дѣлается отвычка и неупотребленіе! Однако читать и писать, и разумѣть я все-таки еще могъ.

По приѣздѣ моемъ въ Выборгъ, нашель я родителя моего стоящаго на маленькой квартиркѣ, по ту сторону города и подлѣ самаго поля по конецъ всего форштага, гдѣ неподалеку стоялъ и полкъ его лагеремъ. Онъ лежалъ уже въ постели и врачуемъ былъ полковымъ нашимъ лекаремъ. Большой мой зять находился тогда въ отпуску, а меньшей былъ въ полку, однако стоялъ на другой квартирѣ.

Родитель мой не преминулъ меня прокзаменоватъ во всѣхъ моихъ знаніяхъ. Онъ доволенъ былъ, что я по-французски сколько-нибудь научился, любовался моими рисунками, а паче всего мило ему было, что я имѣлъ уже нѣкоторое понятіе о географіи. Онъ самъ любилъ и зналъ сію науку, и не могъ довольному знанію моему нарадоваться, а не менѣе и я радъ былъ, что нашель у него цѣлый атласъ съ ландкартами и могъ любопытство свое по желанію удовлетворить. Одно только родителю моему было не весьма приятно, что я за французскимъ языкомъ совсѣмъ нѣмецкій позабылъ. Чтобъ пособить сему сколько-нибудь, то заставилъ онъ прежняго учителя моего Миллера, который у него въ домѣ жилъ, по нѣскольку часовъ въ день возобновлять мнѣ языкъ сей. Я принужденъ былъ ходить къ нему въ сарай, гдѣ онъ имѣлъ свое жилище и тамъ препровождать съ нимъ по нѣскольку часовъ, въ читаньи и говореньи; однако хотъ продолжалось сіе болѣе мѣсяца, но пользы отъ него я получалъ мало, ибо онъ совсѣмъ неспособенъ былъ къ ученію.

Сію скуку замѣнилъ я въ праздное время дружными и пріятнѣйшими для меня упражненіями. Я узналъ, что у родителя моего былъ цѣлый ящикъ съ книгами; я добрался до онаго, какъ до нѣкоего сокровища, но къ несчастію не нашель я

въ нихъ для себя годныхъ кромѣ двухъ, а именно: Курасова сокращенія исторіи, и исторіи принца Евгенія. Не могу однако довольно изобразить, сколько сіи немногія книги принесли мнѣ пользы и удовольствія. Первую я нѣсколько разъ прочиталъ и получилъ чрезъ нее первѣйшее понятіе объ исторіи, а вторую не могъ довольно начптать: она мнѣ очень полюбилась и я получилъ чрезъ нее понятіе о нынѣшнихъ войнахъ, объ осадахъ крѣпостей и о многомъ, до новой исторіи относящемся. Пуще всего было мнѣ пріятно и полезно, что въ книгѣ сей находились планы баталіямъ и крѣпостямъ. Я скоро научился ихъ разбирать и получилъ такую охоту къ военному дѣлу, что у меня одни только крѣпости, батареи, траншеи, ретраншементы и прочія укрѣпленія па умѣ были. Не рѣдко просиживалъ я по нѣскольку часовъ, читая сію для меня милую книгу и разсматривая чертежи и рисунки. И читаніе сіе подало однажды поводъ къ особливому произшествію: какъ однажды я ее симъ образомъ читалъ, то вздумалось родителю моему, лежащему въ комнаткѣ, отгороженной отъ того покоя, гдѣ я читалъ, спросить меня что я дѣлаю: «читаю, батюшка, книгу», сказалъ я; «а какую, мой другъ?» «Принца Евгенія». — «О мой другъ!» сказалъ родитель мой, сіе услышавъ, «книгу сію читать тебѣ еще рано». — «Но почему же?» спросилъ я, «я ее довольно понимаю и разумѣю и мнѣ она очень полюбилась». — «Ну, хорошо, мой другъ», сказалъ родитель мой «если такъ, то пожалуй себѣ читай»; а услышавъ, что я ее уже въ другой разъ читаю, а Кураса три раза прочоль, похвалилъ меня за охоту мою къ чтенію и за мое любопытство особенное.

Другое и весьма пріятное для меня упражненіе было въ хожденіи смотрѣть, какъ артиллеристы учились стрѣлять изъ пушекъ въ цѣль. Учебная батарея ихъ была подлѣ самой нашей квартиры, и какъ я около сего времени давно уже пересталъ бояться стрѣльбы, по паче получилъ къ ней особливую охоту и склон-

ность, то не пропускалъ я ни единого случая, чтобъ не быть на батарее, когда стрѣляли, и не рѣдко имѣлъ удовольствіе самъ зажигать нацѣленные пушки. Но никогда я самъ собою такъ доволенъ не былъ, какъ при одномъ случаѣ. Артиллеристамъ симъ вздумалось однажды, не знаю для чего, кинуть изъ мортиры одну начиненную бомбу, съ тѣмъ, чтобъ ее разорвало на воздухъ. Какъ офицеръ артиллерійскій былъ мнѣ уже знакомъ, то выпросилъ я дозволеніе, что мнѣ ее бросить, то-есть зажечь мортиру. Сперва не хотѣли-было мнѣ на то позволить, боясь, чтобъ меня не оглушило; однако я убѣдилъ ихъ моею просьбою и удовольствіе мое было неописанное, когда увидѣлъ я брошенную мною бомбу къверху разрывающеюся; день былъ тогда прекрасный, бомба разсѣлась въ самой высотѣ и произвела наипрїятнѣйшее зрѣлище своимъ сперва маленькимъ, и на облачко похожимъ дымомъ, а потомъ своимъ громомъ.

Другое, но еще вящее удовольствіе имѣлъ я при слѣдующемъ случаѣ. Извѣстное то дѣло, что полки во всякое дѣло не только учатся, но наконецъ всѣ солдаты стрѣляютъ и въ цѣль — пулями въ нарисованныхъ на щитахъ людей; каждый солдатъ долженъ выстрѣлить три раза, и всякій разъ записывается кто и во что попалъ. Сей обрядъ долженъ былъ производиться около сего времени и нашъ полкъ. Я, какъ сержантъ, находившійся въ дѣйствительной службѣ, долженъ былъ находиться также въ строю. Правда, никто бы не взыскалъ, еслибъ я и не былъ, но мнѣ самому того хотѣлось, ружье было у меня маленькое и по моей силѣ, и мнѣ восхотѣлось также съ прочими стрѣлять. Сіе было въ первый разъ отъ роду, что я стрѣлялъ изъ ружья моего пулю, и какое неописанное удовольствіе мое было, когда изъ всѣхъ трехъ пулъ не потерялъ я ни одной, но всѣми попалъ въ щитъ и одною прямо въ сердце, что почиталось за превеликую рѣдкость. Похвалы загремѣли мнѣ отсюду; и я не вспомнилъ самъ себя отъ радости; хотя дѣло само по себѣ не составляло ника-

кой важности, но для ребенка все было мило и прїятно.

Далѣе, нерѣдко хаживалъ я въ самую крѣпость и городъ Выборгъ; многіе изъ офицеровъ нашихъ имѣли тамъ свои квартиры, и какъ они всѣ меня любили, то хаживалъ я къ нимъ иногда въ гости. При семъ случаѣ, имѣлъ я довольно время насмотрѣться сего города и крѣпости, построенными почти на одномъ камнѣ. Онъ раздѣляется на двѣ части; одну и большую часть составляетъ старинная крѣпость, наполненная довольно изряднымъ нѣмецкимъ каменнымъ строеніемъ и имѣющая внутри себя нѣсколько епарокъ и церквей. Одна наизнаменитѣйшая изъ нихъ превращена была въ нашу церковь и была соборная. Другую часть составляла новая пристройка, которой укрѣпленія и тогда не совсѣмъ еще были отдѣланы, ибо какъ кряжъ, на которомъ вся сія и нарочитаго пространства часть города была построена, составлялъ единый и цѣльный дикій камень, и какъ ровъ около укрѣпленіевъ копать было никакъ не можно, то принуждено было дикій камень сверлить и порохомъ рвать. На сію работу, производимую съ великимъ трудомъ, не однажды я сматривалъ, и видѣлъ какъ рвало камня и бросало на воздухъ; чтобъ не могли они кого убить, то назначалось къ тому особенное время, и по данному сигналу, всѣ удалялись прочь и подъ защиту, а тогда вдругъ всѣ сверлы и запалились. Боже мой! какое начиналось тогда тресканье и лопатня и какое летаніе на воздухъ привеликихъ глыбъ каменныхъ! Но по счастію летали они не далече въ стороны и городскимъ жителямъ не было отъ нихъ ни малѣйшей опасности.

Сіа новая и недостроенная еще часть города отдѣлена была отъ стараго города нарочитою ширины морскимъ рукавомъ или узкимъ заливомъ, простирающимся внутрь земли на знатное разстояніе. Для коммуникаціи между обѣими частями сдѣланъ былъ чрезъ рукавъ сей предлинный мостъ, а противъ середины онаго, на случившемся природномъ посреди ру-

кава каменномъ островѣ, воздвигнута была превьсочайшая башня, окруженная внизу весьма крѣпкими укрѣпленіями и снабженная множествомъ пушекъ. Нѣкоторыя изъ нихъ и самыя величайшія были на самой башнѣ и могли очищать всѣ окрестности города: все сіе укрѣпленіе называется Шлоссомъ или замкомъ.

Въ сихъ-то и подобныхъ сему упражненіяхъ препровождалъ я свое тогдашнее время, и оно было мнѣ приятно и весело. Но, увы! приятное сіе время не долго продолжалось. Судьбѣ угодно было положить предѣлъ днямъ моего родителя, и произвестъ чрезъ то во всѣхъ обстоятельствахъ моихъ великую и весьма важную перемѣну.

Лѣта родителя моего были хотя весьма еще не многочисленны, но болѣзнь, чувствуемая имъ за нѣсколько уже лѣтъ до того въ ногахъ, а потомъ и во всемъ тѣлѣ, свела его во гробъ и лишила его той жизни, которая для меня весьма еще была нужна и надобна, ибо я былъ сущій еще ребенокъ. Недѣли за двѣ до кончины его, болѣзнь такъ усилилась, что всѣ старанія полковаго нашего искуснаго лекаря не могли подать ему ни малѣйшаго облегченія, но онъ, напротивъ того, со всякимъ днемъ приходилъ въ вѣщую слабость. Тогда не только всѣ окружающіе его, но и самъ родитель мой предвидѣлъ, что конецъ его жизни приближается. Онъ требовалъ самъ, чтобъ приготовили его къ кончинѣ по долгу христіанскому; и такъ исповѣдали его и приобщили святыхъ тайнъ, а потомъ особоровали елеемъ.

При производствѣ сихъ церковныхъ обрядовъ, сердце мое поражено было наибольшаго тоскою. вмѣсто прежнихъ удовольствій текли изъ глазъ моихъ слезы; меня хотя старались всѣ утѣшать и льстили надеждою, что авось-либо родителю моему полегчаетъ и онъ отъ болѣзни своей свободится, но изображающаяся на лицахъ у всѣхъ печаль и господствующее во всемъ домѣ уныніе и печальное молчаніе не то мнѣ предвозвѣщало. Я ходилъ повѣся голову и утиралъ только текущія изъ глазъ слезы.

Поелику родитель мой былъ до самаго конца своей жизни въ совершенной памяти и разсудкѣ, то и не упустилъ онъ сдѣлать все, что должно. Онъ написалъ духовную и поручилъ попеченіе обо мнѣ и о моей матери наилучшему своему другу, Ивану Михайловичу Дурнову, одному сосѣдственному по деревнямъ нашимъ дворянину; но сія духовная осталась потомъ безъ всякаго дѣйствія. Потомъ распрощался онъ со всѣми нами и домашними. Всѣ домашніе обмывали руки его своими слезами и наполняли воздухъ своими рыданіями. Что касается до прощанія со мною, то было наитрогательнѣйшее и для меня наипечальнѣйшее.

Онъ подозвалъ меня къ себѣ и, собравъ послѣднія свои силы, обнявъ меня залился слезами, и прерывающимъ голосомъ, сколько помню, говорилъ слѣдующія слова: «Смерть моя, мой другъ, приближается, — вижу я самъ уже, что мнѣ умереть.... Небу не угодно было, чтобъ дни мои до того времени продлились, чтобъ могъ я имѣть удовольствіе видѣть тебя въ совершенномъ возрастѣ.... Я оставляю тебя ребенкомъ и сиротою....» Слезы покатылись у него при семь словъ и тяжкій вздохъ излетѣлъ на небо. — «Но что дѣлать», продолжалъ онъ державъ меня за руку стоящаго почти внѣ себя, «угодно такъ всемогущему Богу. Его святая воля и буди! Онъ будетъ тебѣ вмѣсто меня отцомъ. Я поручаю тебя Его покровительству и не сомнѣваюсь, что Онъ милостію своею тебя не оставитъ.... Но слушай, мой другъ, и не позабывай никогда послѣдняго приказанія отца твоего.... Помни, что онъ приказывалъ тебѣ сіе при послѣднемъ своемъ издыханіи.... Старайся во всю жизнь твою и всего паче бояться, любить и почитать сего всемогущаго Бога и Творца нашего, и во всемъ на него полагаться. Никогда ты въ томъ не раскаешься, онъ во всѣхъ нуждахъ будетъ твоимъ покровителемъ и помощникомъ. Будь къ нему прибрѣженъ съ самыхъ теперешнихъ твоихъ лѣтъ, и всегда возлагай надежду и упованіе свое на него. Ты счастливъ будешь, ежели сіе исполнишь»....

Слабость воспрепятствовала ему далѣе говорить; однако онъ, отдохнувъ нѣскольکو и собравшись съ духомъ, продолжалъ тако:

«Не грусти обо мнѣ и не плачь, ты остаешься теперь съ матерью; люби ее и почитай, покуда жизнь ея продлится, она тебя родила и воспитала и проливала о тебѣ много слезъ, ты долженъ утѣшать ее при старости своимъ поведеніемъ; живи, мой другъ, порядочно и постоянно. Будешь хорошо жить, и тебѣ самому хорошо будетъ, а худо себя поведешь, будетъ и тебѣ худо. Помни это твердо и никогда не забывай. Люби и почитай обѣихъ своихъ сестръ и ихъ мужей, они о тебѣ оба будутъ теперь попечителями и тебя не оставятъ; а паче всего еще напоминаю тебѣ, люби и почитай Бога, его милость и покровительство тебѣ всего нужнѣе, молись къ нему всегда и проси, чтобъ Онъ къ тебѣ былъ милостивъ, и не лишилъ тебя любви своей. Я поручаю тебя Ему и Его святое благословеніе и купи мое грѣшное, буди надъ тобою!»

Сказавъ сіе, не могъ онъ болѣе отъ удручавшей болѣзни и горести говорить, но, поцѣловавъ меня и смочивъ щеки мои своими слезами, приказалъ мнѣ вытти вонъ и затворить въ комнатѣ двери; я обливался тогда слезами, но принужденъ былъ повиноваться его повелѣнію.

Сіе было въ послѣдній разъ, что я его видѣлъ, ибо съ сего времени не велѣлъ онъ пускать никого къ себѣ, кромѣ отца своего духовнаго, да и началъ почти съ самаго сего часа страдать къ смерти. Въ семь страданія препроводилъ онъ не болѣе однихъ сутокъ, и наконецъ, 26 сентября былъ тотъ несчастный для насъ день, въ которой затворилъ онъ на вѣки свои очи и переселился въ вѣчность.

Самую кончину его мнѣ не удалось видѣть, воспослѣдовала она по утру очень рано и покуда я еще спалъ. Не успѣлъ я проснуться, какъ необыкновенная тишина въ домѣ, ладонный запахъ и слезы у всѣхъ на глазахъ меня поразили. Сердце у меня затрепетало, я сиѣвши спра-

шивать у всѣхъ: живъ-ли батюшка? и не скончался-ли? но никто не хотѣлъ мнѣ отвѣтствовать, наконецъ принуждены были мнѣ сказать, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Я завылъ тогда и зарыдалъ, облившись слезами, но множество офицеровъ и зять мой, вошедши въ самое то время, не дали мнѣ болѣе надрываться; они велѣли меня силою отвезти на квартиру зятя моего и тамъ оставить, приказавъ не выпускать никуда со двора. Тутъ принужденъ я былъ пробывать до самаго того времени, какъ изготовилось все нужное къ печальной церемоніи его погребенія.

Попеченіе о семъ и всѣ нужныя къ тому распоряженія воспріять на себя полку нашего подполковникъ, господинъ Шредеръ. Человѣкъ сей былъ весьма хорошій и благоразумный. Онъ любилъ покойнаго родителя моего и потому восхотѣлъ ему отдать послѣдній долгъ сей. Но сего еще не довольно: но онъ восхотѣлъ и далѣе воспріять на себя трудъ и постараться о томъ, чтобъ во время сутормы и перваго замѣшательства въ домѣ, не могло ничего распродаться изъ пожитковъ отца моего, оставшихся послѣ онаго. Тотчасъ было все собрано и на первый случай опечатано, а потомъ при присутствіи зятя моего все порядочно переписано. Но все издивеніе отца моего не составляло дальней важности, ибо какъ жилъ онъ однимъ только почти жалованьемъ, и тогдашнія времена не такіа были, чтобъ можно было полковникамъ отъ полку наживаться, то не откудѣ взяться было сокровищамъ. И денегъ наличныхъ отыскалось очень мало, да и тѣ состояли въ небольшомъ только количествѣ червонцевъ, которые покойный родитель мой берегъ для всякаго случая, и число оныхъ было такъ не велико, что едва стало ихъ на погребеніе.

Поелику кончина отца моего воспослѣдовала при полку и въ городѣ, почти иностранномъ, гдѣ два генерала имѣли тогда свое пребываніе; то всѣ обстоятельства требовать, чтобъ сдѣлали по-

гребеніе ему порядочное и съ достоинствомъ по чину его церемоніею. Такое погребеніе по многокшности своей хотя и несоразмѣрно было съ нашимъ достаткомъ и оставшимъ капиталомъ, но нечего было дѣлать. Зять мой, г. Травинъ, тогдашній мой опекунъ и попечитель, принужденъ былъ на все согласиться, и давать деньги на закупку всего нужнаго и на прочія издержки при семъ печальномъ обрядѣ.

Погребеніе и въ самомъ дѣлѣ произведено было съ пышною церемоніею; весь полкъ былъ въ парадѣ, а знатный дѣташаментъ послѣдовалъ за гробницею отъ моего отъ самой квартиры до соборной церкви, гдѣ назначено было его положить. Гробъ обитъ былъ сукномъ, украшенъ золотымъ галуномъ и позлащенными скобами. Онъ везенъ былъ пугомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ; нѣсколько сотъ аршинъ крецу и другихъ черныхъ матерій употреблено было на обвязку офицерскихъ шляпъ, рукъ и шпагъ, покрытіе барабановъ и на тысячу другихъ излишностей, затѣваемыхъ тѣми, кому чужихъ денегъ не жаль, и которые готовы сорить ими на что ни вздумается. Я одѣтъ былъ въ глубочайшій трауръ и долженъ былъ итти за гробницею. По обѣимъ сторонамъ меня шли помянутые генералы: одинъ изъ нихъ былъ генералъ-поручикъ Салтыковъ, по имени Иванъ Алексѣевичъ, а другой генералъ-маіоръ Михаилъ Семеновичъ Хрущовъ; оба они восхотѣли сами честь сдѣлать родителю моему и препроводить тѣло его до церкви, несмотря хотя разстояніе было нарочито велико и шествіе простиралось болѣе версты. Полкъ поставленъ былъ въ два ряда по улицѣ подлѣ собора, и по приближеніи тѣла, отдана была оному всѣмъ полкомъ послѣдняя честь, съ барабаннымъ глухимъ тономъ и печальною музыкою. Въ церковь внесли оное на себѣ нѣкоторые офицеры полку нашего, отменно любившіе отца моего и обливающіеся слезами; слезы сіи не одни, а весьма многіе проливали. Покойный родитель мой любимъ былъ такъ всѣмъ полкомъ, что

не осталось солдата, который бы не плакалъ или по крайней мѣрѣ не тужилъ и не сожалѣлъ объ ономъ. По внесеніи въ церковь, поставили меня съ правой стороны подлѣ гроба, гдѣ принужденъ я былъ стоять во все продолженіе обѣдни и отпѣванія. Легко можно всякому себѣ вообразить, каковы были для меня сіи минуты и въ какомъ состояніи я тогда находился! Я походилъ болѣе на истукана, нежели на печальнаго ребенка. Взоры мои устремлены были безпрерывно на лежащее тѣло моего родителя, которое я тогда впервые еще увидѣлъ безодушевленное; я воображалъ себѣ, что вижу оное въ послѣдній разъ въ моей жизни, и что скоро оное погребутъ и зароютъ въ землю; и мысль сія поразила сердце мое наивеличайшею грустію и тоскою, и выгоняла новыя слезы изъ глазъ моихъ, отъ которыхъ во всю обѣдню лицо мое не обсыхало.

Какъ пришло время уже опускать гробницу въ землю, то велѣли мнѣ въ послѣдній разъ облобызать тѣло произведшаго меня на свѣтъ и проститься съ онымъ. Я учинилъ сіе и смочилъ руки родителя моего слезами, и имѣю по крайней мѣрѣ нынѣ то удовольствіе, что слезы мои погребены вмѣстѣ съ нимъ въ землю и составляли единую малую мзду за всѣ труды и старанія, употребленныя имъ на мое воспитаніе. Меня оттащили отъ гроба силою и спрятали въ тѣсноту народа, дабы я не видѣлъ дальнѣйшаго происхожденія. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, услышалъ только я звукъ пальбы пушечной и трескъ бѣглаго ружейнаго огня, производимаго полкомъ нашимъ, что доказало мнѣ, что тѣло опущено уже было въ гробницу и предано землѣ. Могила выкопана была внутри самой сей соборной церкви, подлѣ самаго второго среднего столба, въ лѣвой сторонѣ находящагося. Сіе обстоятельство замѣчаю я для того, чтобъ въ случаѣ, если судьбѣ будетъ угодно завести въ сей городъ кого-нибудь изъ дѣтей или потомковъ моихъ, могли бы они безошибочно отыскать то мѣсто, гдѣ покоятся

кости и прахъ сего ихъ предка, достойнаго того, чтобъ оросили они оное своими слезами.

По окончаніи сей печальной церемоніи и по распущеніи полка въ свой лагерь, приглашены были всѣ штабъ- и оберъ-офицеры, какъ нашего, такъ и другихъ полковъ, присутствующіе при погребеніи, на погребальный обѣдъ. Для сего отысканъ былъ наипросторнѣйшій домъ въ самомъ городѣ и всѣ трактованы были столомъ, а потомъ по обыкновению одарены были золотыми кольцами.

Симъ кончилась вся сія печальная церемонія, которая хотя и стоила намъ весьма многого, но по крайней мѣрѣ имѣю я то удовольствіе, что никто еще изъ предковъ и сородичевъ моихъ не удостоился погребенъ быть съ толикою честью и славой, какъ покойный родитель мой, который по справедливости и достоинствъ былъ оказанія ему таковой почести.

Можно безъ любославія, но безпристрастно сказать, что изъ всѣхъ тогдашняго времени полковниковъ, а особливо стариковъ, былъ онъ едвали не самолучшій. По крайней мѣрѣ всѣ почитали его наипорядочнѣйшимъ, степеннѣйшимъ и важнѣйшимъ. Вездѣ гдѣ ни случалось ему съ полкомъ своимъ быть, приобреталъ онъ почтеніе и любовь. Никогда не случалось ему отъ главныхъ командировъ получать за что-нибудь выговоры и репреманты. Онъ всегда исправно наблюдалъ свою должность и зналъ свое дѣло. Во все продолженіе военной своей службы, въ которой онъ родился, воспитанъ, препроводилъ всю свою жизнь и умеръ, имѣлъ онъ время всему относящемуся до военной службы научиться и узнать оную изъ основанія, почему и не удивительно, что онъ былъ во всемъ исправенъ. Полкъ его былъ въ тогдашнее время изъ наилучшихъ и исправнѣйшихъ. Правда, хотя и не было въ немъ такой чистоты и щегольства, какія заводимы были уже въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ молодыми полковниками, но за то солдаты были родителями моихъ довольны, и всѣ его

не нраво какъ своимъ отцомъ почитали. Любовь ихъ сохранилъ онъ многіе годы и по своей кончинѣ. Не однажды и многіе годы спустя, имѣлъ я удовольствіе слышать отъ всѣхъ старыхъ и при немъ служившихъ солдатъ наилестнѣйшіе объ немъ отзывы. Всякій не нраво говорилъ объ немъ, какъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, и отзывался, что это былъ не полковникъ, а отецъ нашъ.

Службу свою продолжалъ онъ съ самаго малолѣтства, сперва въ пѣхотныхъ полкахъ, потомъ, какъ начали составлять Измайловскій гвардейскій полкъ, то взятъ былъ въ оный, въ которомъ дослужился до капитановъ, и былъ въ походахъ съ Минихомъ, противъ турокъ и на приступѣ очаковскомъ; а какъ выпустили его въ сей полкъ въ полковники, то ходилъ онъ во время шведской войны съ Кейтомъ на галерахъ.

Что касается до наружнаго его образа и личныхъ его свойствъ и характера, то былъ онъ роста высокаго и собою плотенъ, лицомъ былъ смугловатъ и круглъ, волосы имѣлъ черные, глаза большіе темно-каріе и наполненные нѣкоею благопріятностію, привлекающею къ нему съ перваго взгляда любовь ото всѣхъ. Видъ имѣлъ онъ осанистый, былъ собою взраченъ, и могъ однимъ своимъ видомъ привлекать къ себѣ почтеніе; голосъ имѣлъ важный и степенный, но въ произношеніи словъ немного картавъ, однако такъ, что почти было не примѣтно.

Что принадлежитъ до душевныхъ его свойствъ, то разумъ имѣлъ онъ острый и довольно просвѣщенный. Говорилъ весьма хорошо по-нѣмецки, которому языку обученъ онъ былъ еще въ малолѣтствѣ, зналъ ариметику и географію, и могъ переводить съ нѣмецкаго языка довольно изрядно. Мнѣ достались нѣкоторыя остатки трудовъ его, состоящихъ въ переводѣ Лифляндской экономіи, и сего жевняжества исторіи, но были то единныя отрывки. По-русски писалъ онъ свободно, скоро и мелко; въ писемъ его была та особливостъ, что онъ литеру Д, писывалъ превратнымъ и слѣдующимъ образомъ

L

Имя же свое подписывалъ онъ наиболѣе снѣмъ образомъ:

М. Волоховъ.

Что касается до расположенія его души, то было оно начестнѣйшее въ свѣтѣ. Онъ не любилъ никакой неправды и не терпѣлъ обмановъ. Обхожденіе его было откровенно и дружественно; всякое лукавство и притворство было отъ него удалено; онъ не разумѣлъ вынѣшней зловредной политики, не умѣлъ притворно льстить, ласкаться, гнутья и согнаться на подобіе змѣи, и потомъ жалить и язвить, или, по примѣру кошекъ, спереди ласкаться и виться около души, а позади вредить и царапать, но онъ обходился со всякимъ просто, чистосердечно и говорилъ прямо то, что у него на сердцѣ. Онъ не любилъ дальнихъ церемоніаловъ и ненавидѣлъ всякое коварство, шильничество и митарство, а буде случалось, что кто предпринималъ что-нибудь противъ его чести, достоинства и справедливости, то былъ неуступчивъ, но любилъ защищать свою честь и правду. Сіе заводило его иногда въ нѣкоторыя небольшія ссоры съ таковыми бездѣльниками и негодными людьми, несмотря хотя-бы были они и выше его чиномъ. Однако непріятелей и враговъ не имѣлъ онъ у себя никакихъ важныхъ, но умѣлъ поступками своими ихъ злобу преодолѣвать, и заставлялъ имѣть къ себѣ почтеніе. По причинѣ любленія справедливости и всегдашняго хорошаго поведенія, кроткаго, тихаго и миролюбиваго своего нрава, былъ онъ всѣми добрыми и честными людьми любимъ, а бездѣльники и негодные люди рѣдко такихъ людей любятъ.

Нрава былъ онъ не угрюмаго и не слишкомъ веселаго. Онъ любилъ съ людьми обходиться, но компаніи его были всегда небольшія и степенныя; частыхъ банкетовъ и пиршествъ онъ не заводилъ, можетъ быть не дозволялъ ему того и достатокъ, но за столомъ его всегда бывало по нѣсколько человѣкъ посторон-

нихъ: ибо угостить онъ всякаго любилъ, и былъ гостепріимчивъ. Въ особенности же любилъ онъ обходиться съ нѣмцами, а особливо разумнѣйшими изъ оныхъ, ибо любилъ съ ними говорить и разсуждать по-нѣмецки, да можно сказать, что и они его за то отнѣнно любили.

Къ закону имѣлъ онъ должное почтеніе, и не будучи ханжею и суевѣромъ, былъ довольно набоженъ и прибѣженъ къ церкви. Онъ имѣлъ о украшеніи оной особое попеченіе, и будучи охотникомъ до музыки, завелъ въ полку прекрасный хоръ пѣвчихъ.

Что принадлежитъ до склонностей его, то имѣлъ онъ небольшую склонность къ псовой охотѣ, однако умѣренную и весьма благоразумную. Онъ не держивалъ у себя никогда болѣе двухъ или трехъ борзыхъ собакъ и ѣзживалъ въ поле болѣе для компаніи съ другими, и то весьма рѣдко. Любимая его собака въ мою бытность называлась Дегерби, прозванная по одному шведскому мѣстечку, гдѣ онъ ее досталъ будучи въ походѣ на галерахъ. Къ лошадямъ имѣлъ онъ также, но небольшую охоту. Любимая его лошадь, на которой онъ всегда ѣзжалъ, называлась Шелма, и была небольшая, лифляндской породы, и карая шерстью. До игры карточной и азартной не былъ онъ охотникъ, но въ ломберъ по самой маленькой цѣнѣ игрывалъ охотно. Къ музыкѣ онъ имѣлъ особливую охоту, и игрывалъ самъ довольно хорошо на флейтузѣ. Стараніемъ его была у насъ полковая музыка очень изрядная, и онъ умножилъ ее другимъ хоромъ, составивъ оный изъ маленькихъ солдатскихъ дѣтей, которые веупѣ были и пѣвчими, а прочими пѣвчими были у насъ писара, которыхъ всѣхъ вывелъ онъ въ люди, пережаловавъ чинами. Впрочемъ, любя играть на флейтузѣ, произвелъ онъ цѣлый хоръ изъ флейтузовъ съ фаготами. Сею музыкою онъ увеселялъ архіереевъ и, по тихости оной, называлъ ее монашескою.

Къ щегольству и пышности не имѣлъ онъ ни малѣйшей склонности и на убраніе волосъ не терялъ многого времени,

какъ тогда и не было еще сіе въ дальной модѣ. Наилучшая уборка волосъ состояла въ завиваніи на верху головы маленькой плетенки и въ плетени ея въ косы, а пучки тогда были развѣвѣющіяся и завиваемыя на концѣ тупенькими щипцами. Платье любилъ онъ хотя чистое и опрятное, но не пышное и не богатое, а хотѣлъ, чтобъ было оно хорошо, но ему спокойно и тепло. Кромѣ обыкновенныхъ мундировъ, не было у него никакого иного: но тогда и не было обыкновенія носить штатское. Самымъ экипажемъ онъ никогда не щеголялъ, и какъ варить тогда еще не было въ дальнемъ употребленіи, а особливо въ полкахъ, то довольствовался онъ небольшою четвероимѣстною колясочкою, да и то сдѣланною въ полку своими мастерами, ибо онъ, любя мастерство и художество, завелъ ихъ въ полку своемъ всякаго рода.

Впрочемъ былъ онъ весьма воздержнаго житія. Компаніи бывали у него хотя нерѣдко, но никогда не помню я, чтобъ видѣлъ его подгулявшимъ, несмотря въ какой бы ему компаніи быть ни случилось; а таковую-жъ воздержность наблюдалъ онъ и въ прочемъ; всякихъ дебошей былъ онъ чуждъ и мнѣ неизвѣстно ни одного порока, которому бы онъ былъ въ особливости подверженъ. Не было въ немъ ни запальчивости, ни дальней склонности къ гнѣву, лютости и жестокости; люди и домашніе его не могли приносить въ томъ на него жалобу и не стесали отъ жестокости, какъ у прочихъ. Ему не трудно было всякому угодить, а потому они его и любили. Наилучшій и вѣрнѣйшій у него слуга былъ Андрей, по прозвищу Клестъ, отецъ нынѣшняго ткача моего Федора, который вкупѣ былъ у него и ключникомъ, и казначеемъ и славнымъ поваромъ; другой поваръ назывался Дроздъ, а камердинеромъ былъ у него и любимый слуга Косой, бывшій у меня послѣ того садовникомъ, помогавшій мнѣ разводить сады мои. Съ симъ служителемъ своимъ, которому, кромѣ вина, могъ онъ все ввѣривать, нерѣдко ссоривался онъ за то, что доставалъ хищническимъ

образомъ изъ погреба его глотокъ себѣ вина. Онъ узнавалъ тотчасъ по глазамъ, какъ скоро хоть нѣсколько онъ выпилъ, и любимая его проба и обличіе состояла въ томъ, что онъ заставлялъ пройти его въ комнату по одной дощечкѣ, такъ какъ покойной король прусскій дѣлывалъ то послѣ съ однимъ своимъ слугою.

Съ покойною родительницею моею жилъ онъ во всю свою жизнь согласно и мирно, несмотря хотя была она не совсемъ согласнаго съ нимъ нрава; она нерѣдко надѣдала и наскучивала ему своими доуками, жалобами и излишнимъ говореньемъ, но онъ наиболѣе отходилъ отъ нея и отдѣлывался молчаніемъ. Со всѣмъ тѣмъ любили они другъ друга чистосердечно и жили, какъ надлежитъ вѣрнымъ и честнымъ супругамъ.

Что принадлежитъ до насъ, дѣтей его, то любилъ онъ насъ потопику, сколько отцу дѣтей своихъ любить должно, но безъ дальняго чадолюбія и гнѣи. Онъ сохранилъ отъ всѣхъ дѣтей своихъ къ себѣ любовь, однако и страхъ и почтеніе. Самые зятя мои его побаивались и не смѣли ничего предпріять худо и безразсуднаго; тотчасъ бывала за то имъ гонка. Покуда сестры мои были еще въ дѣвкахъ, то не имѣлъ онъ о чрестроеніи ихъ къ мѣсту дальняго попеченія, и такихъ заботъ какими иные мучатся, но возлагалъ упованіе свое на Бога, говоря, что Онъ ему ихъ далъ, Онъ постарается уже и пристроить ихъ къ мѣсту и всякую надѣлать ея долею. Упованіе сіе и не было тщетно, онъ и видѣлъ надежду свою совершившеюся. Что касается до меня, то по малолѣтству моему не можно еще ему было ничего со мною учинить, въ тогдашнія времена не таково легко или паче вовсе невозможно было производить съ малолѣтними дѣтьми такихъ игрушекъ и переворотовъ, какіе производятся нынѣ съ оными къ стыду нашихъ временъ и къ удивленію потомковъ; однако, еслибъ жизнь его продлилась долѣе, то не оставилъ бы онъ, конечно, постараться какъ объ обученіи моемъ множайшимъ наукамъ, такъ и о скорѣйшемъ доставленіи

офицерскаго чина. Полковникомъ онъ уже давно, и ему чрезъ годъ ось бы по линіи въ генералъ-маіоры да бы могъ онъ взять меня къ себѣ ъштанта; но небу было сіе не угодно. ть слабыя и непогія черты характера покойнаго родителя. Отпустите побезный пріятель, что я, изображая касался иногда самыхъ мелочей и юкъ. Я дѣлалъ сіе не безъ причины. ы сіи назначиваются мною не для ть васъ, но вкупѣ и для дѣтей моихъ ошвовъ; мнѣ хотѣлось сохранить и ихъ память какъ о себѣ, такъ и о предкахъ; а какъ для насъ, потом-

ковъ, мила и любопытна и самая малѣйшая черта изъ жизни нашихъ предковъ, то и разсудилъ я замѣтить все, что я могъ только помнить.

Симъ окончу я теперешнее мое длинное письмо, а въ послѣдующихъ разскажу вамъ, какъ я, оставшись одинъ и сиротою, началъ далѣе жить и горе мыкать; а между тѣмъ, увѣривъ васъ о непремѣнности моего дружества, остаюсь вашъ и прочая.

Конецъ
первой части. •

ЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ II.

(1789).

ИСТОРИЯ МОЕГО МАЛОЛѢТСТВА.

Письмо 13-е.

безный пріятель! Смерть отца произвела во всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся до нашего дома, а шво до меня, великую переѣну. тался отъ него малолѣтень, на чужоронѣ, одинъ и безъ всякаго почти вительства и защиты. Мать моя насъ въ сіе время въ деревнѣ завою и въ великой отъ насъ отдасти. Большой мой зять былъ въ оти былъ также въ псковскихъ своихъ нахъ, а при полку находился только юй мой зять, г. Травинъ; но сей не весьма обстоятеленъ, а болѣе нъ и ненадеженъ. Однако для меня было уже великимъ счастіемъ, что

онъ случился на ту пору при полку. Безъ него и того бы еще хуже было, и я, будучи ребенкомъ, не зналъ бы что дѣлать и что начать съ собою и съ оставшимъ послѣ отца моего стяжаніемъ. А тотъ, каковъ онъ ни былъ, но все уже могъ сколько-нибудь обо мнѣ и о прочемъ приложить труды и постараться.

Наиглавнѣйшій былъ тогда вопросъ, что со мною дѣлать? Обстоятельство, что я не только записанъ былъ въ службу, но и дѣйствительно въ оной считался сержантомъ, наводило не только на зятя моего, но и на всѣхъ знакомцевъ отца моего, которые наиболѣе къ нашему дому были привязаны, великое сумнѣніе и заботу. Остаться при полку и нести дѣйствительную службу, по молодости и по

гѣтамъ моимъ, было мнѣ никакъ не можно, а изъ полку въ домъ къ матери моей, и на долгое время, отпустить никто не могъ, и не отваживался. Отпуски въ дома были какъ-то около сего времени очень туги, такъ-что сами генералы не могли отваживаться отпускать на нѣсколько мѣсяцевъ. Къ тому-жъ хотя бы я и отпущенъ былъ, но какъ можно было мнѣ одному и въ такой дальній путь, а притомъ съ такимъ тяжелымъ и большимъ обозомъ, отправиться, каковъ былъ нашъ? Но какъ время не терпѣло и чѣмъ-нибудь вопросъ сей рѣшить было надобно, то всѣ наши друзья и знакомые за необходимое считали, чтобъ зятю моему постараться какъ-нибудь о томъ, чтобъ отпустили и его, и чтобъ онъ взялъ на себя трудъ и отвезъ меня со всѣми оставшими пожитками къ моей матери.

Но тутъ было опять нѣкоторое сомнѣнiе: просить сего увольненiя надлежало отъ тогдашняго нашего дивизионнаго командира, генерала-поручика Салтыкова. Но всѣмъ извѣстно было, что онъ имѣлъ съ покойнымъ родителемъ моимъ, незадолго до его кончины, нѣкоторую суспiciю. Не могу знать, о чемъ и за что она была, но только мнѣ памятно, что всѣ обвиняли болѣе сего генерала, нежели моего родителя въ семь дѣлъ. Но какъ бы то ни было, но всѣ опасались, чтобъ сей генералъ, котораго характеръ не принадлежалъ къ числу изящныхъ, не сталъ мстить и не сдѣлалъ въ дѣлѣ нашемъ остановку.

Но, по счастью, мы въ семь пунктѣ обманулись. Съ смертію отца моего пресѣклась и вся злоба на него сего гордаго генерала. Какъ пришли мы къ нему съ моимъ зятемъ и я, по совѣту его, повергъ себя къ его ногамъ, то принялъ онъ насъ довольно благопріятно. Можетъ быть, польстило сіе его гордости и высокоумію, а статья можетъ, что и сиротство мое и малолѣтство его тронуло. Но какъ бы то ни было, но онъ, выслушавъ нашу просьбу, сказалъ намъ, что онъ весьма охотно-бъ исполнилъ все нами требуемое, но строгія запрещенiя отъ глав-

ной команды ему то возбраняють; словомъ, что онъ ни меня, ни зятя надолго отпустить никакъ не можетъ, а отпустить насъ на 29 дней въ Петербургъ, а тамъ просили-бъ мы о должайшемъ отпускѣ главную команду.

Обстоятельства наши были таковы, что мы и сему уже были рады, ибо не сомнѣвались почти, что въ Петербургѣ нѣкоторые прiатели отца моего помогутъ намъ сдѣлать то, чтобъ насъ отпустили на должайшее время. Въ сей надеждѣ отблагодарили мы господина Салтыкова и, получивъ отъ него пашпорты, начали спѣшить собираться въ путь свой и готовить все нужное къ отъѣзду.

Въ сихъ сборахъ и приутовленiяхъ прошло нѣсколько времени. Пожитковъ отца моего было хотя не слишкомъ много, но набралось всякой рухляди столько, что потребно было нѣсколько повозокъ и болѣе лошадей, нежели сколько у насъ тогда было. Необстоятельность и вѣтренность зятя моего и излишняя его уже поспѣшность, а особливо обстоятельство, что у насъ послѣ погребенiя не осталось ничего наличныхъ денегъ и не было чѣмъ не только въ деревню, но и до Петербурга доѣхать, было причиною, что многія вещи были тогда разбросаны, а другія за безцѣнокъ распроданы, ибо денегъ получить инакъ было не откуда, и не можно. Все наилучшее отца моего платье, полковничій его золотой шарфъ и весьма многія другія вещи превращены были въ деньги и выручена на томъ довольная сумма. Но на которой вещи такъ мнѣ не жаль, какъ настольныхъ часовъ, бывшихъ у отца моего. Они были особливаго устройства, очень невелики и уютны и представляли собою небольшой продолговатый пьедесталъ, наверху котораго лежалъ бронзовый и вызолоченный мопсикъ, гамкающій при всякомъ ударенiи часовъ и представляющій весьма хорошую и смѣшную фигуру. Вещица сія была такова, что мнѣ и понинѣ ее жаль, и тѣмъ паче, что мнѣ подобной ей уже нигдѣ съ того времени видѣть не случилось. Но зятю моему что-то вздумалось и ее сжечь съ рукъ, хотя

не было уже никакой дальней нужды и можно было и безъ продажи сихъ часовъ обойтись. Онъ продалъ ихъ нашему подполковнику, и за весьма умѣренную цѣну.

Симъ образомъ, снабдивъ себя довольнымъ и множайшимъ числомъ денегъ, нежели сколько намъ было надобно, началъ мой зять крутить и юрить нашимъ отъѣздомъ. Тотчасъ куплены были лошади и повозки недостающія, и тотчасъ все нужное къ отъѣзду изготовлено, а чего не можно было съ собою взять, отчасти разбросано, отчасти раздарено кому ни по пало.

Наконецъ, собравшись совсѣмъ и распрощавшись со всѣми нашими знакомцами, отправились мы въ путь свой. Было сіе уже около половины октября мѣсяца, и въ Петербургъ доѣхали мы очень скоро, хотя обозъ нашъ и состоялъ во многихъ повозкахъ.

По приѣздѣ нашемъ въ сей столичный городъ, напервѣйшее дѣло наше было отыскать всѣхъ пріятелей и друзей отца моего. Ихъ было тутъ немного. Дяди моего, прежде упоминаемаго, конной гвардіи ротмистра г. Арсеньева, на тотъ разъ въ Петербургѣ не случилось. Онъ находился въ отпуску; слѣдовательно, его вспоможеніемъ не могли мы воспользоваться. Другой знакомецъ и, можно сказать, другъ отца моего былъ тогда въ Измайловскомъ полку майоромъ, по имени Гаврила Андреевичъ Рахмановъ; мы его тотчасъ отыскали и имѣли удовольствіе видѣть, что онъ съ пролітіемъ слезъ услышалъ отъ насъ извѣстіе о кончинѣ родителя моего и охотно хотѣлъ употребить все, что состояло въ его силахъ къ вспоможенію нашему. Однако человекъ сей былъ хотя и генераль, но не изъ сильныхъ и не могущихъ ничего дальняго сдѣлать. Все, что онъ для пользы нашей сдѣлать могъ, состояло почти въ одномъ только, что онъ отвезъ насъ и представилъ къ третьему и наизящнейшему отцу моего знакомцу и другу, обер-гофмаршалу Дмитрію Андреевичу Шепелеву, на котораго мы и полагали наибольшую свою надежду.

Сей любезный и орденами обвѣщенный старичокъ принялъ насъ отменно ласково и не могъ довольно о родителяхъ моихъ натужиться. Онъ любилъ его какъ друга, и услышавъ о кончинѣ его, не однажды утиралъ глаза свои, орошаемые слезами, а меня нѣсколько разъ удостоилъ своими облобызаніями. Съ превеликою охотою брался онъ употребить все, что только ему можно было, къ услугамъ нашимъ. Но жаль, что онъ, будучи придворный человекъ и притомъ отправляя такую должность, которая съ прочими не имѣла дальней связи, не въ силахъ также былъ произвестъ что-нибудь важное. Однако намъ не можно было на него никакъ жаловаться. Онъ учинилъ все, что только могъ, къ споспѣшествованію нашего намѣренія и, можетъ-быть, учинилъ бы и больше, еслибъ мы ему дали волю и сами съ своей стороны ему препонъ въ томъ не полагали.

Еще въ самый тотъ же день, какъ мы у него въ первый разъ съ господиномъ Рахмановымъ были, не преминулъ онъ обо мнѣ съ нимъ говорить и разсуждать, что-бъ можно было имъ обоимъ учинить въ мою пользу. Оба сія почтенные старички, и вкупѣ друзья между собою и пріятели отцу моему, долго о семъ дѣлѣ думали, говорили и разсуждали. Обоимъ имъ усердно хотѣлось оказать мнѣ существенную услугу, извлечь меня изъ полку и проложить мнѣ удобнѣйшій путь къ дальнѣйшему счастью, нежели какое могъ я найти въ службѣ въ полевыхъ полкахъ и въ такомъ низкомъ чинѣ. Но малолѣтство мое дѣлало имъ въ томъ превеликое помѣшательство. Обстоятельства тогдашнихъ временъ были совсѣмъ не таковы, какъ нынѣшнія. (1789 г.) Въ тогдашнія времена и не производили съ малолѣтними дѣтьми такихъ кукольныхъ комедій и сущихъ дѣтскихъ игрушекъ, какъ нынѣ; тогда трудно было и самимъ наизящнейшимъ людямъ что-нибудь особое въ пользу ихъ сдѣлать. Въ нынѣшнія времена таковымъ людямъ какъ они, не великаго-бъ труда стоило, при помощи пріятелей своихъ, доставить мнѣ офицерскій чинъ;

но въ тогдашнія и помыслить о томъ было не можно. Единое средство для доставленія мнѣ офицерскаго чина находилъ господинъ Шепелевъ то, чтобъ перевести меня изъ полевыхъ пѣхотныхъ полковъ въ украинскія ландмилиціи. По велику корпусъ сей достоинствомъ своимъ былъ ниже полевыхъ полковъ, то какимъ-то образомъ была возможность выпустить меня туда въ офицеры, и господинъ Шепелевъ брался сіе уже сдѣлать, если мы на то будемъ согласны и на то рѣшимся. Если-жъ нѣтъ, то находилъ онъ другое для меня выгодное мѣсто и говорилъ, не соглашусь-ли я переимѣнить мою военную службу на придворную. Въ семъ случаѣ хотѣлъ онъ опредѣлить меня ко двору въ пажы, что ему всего легче учинить было можно, потому-что онъ былъ надъ ними главнымъ командиромъ. Что-жъ касается до господина Рахманова, то онъ со своей стороны предлагалъ, что буде не будемъ мы согласны на то, то не хочу ли я перейти въ гвардію, и буде хочу, то въ семъ случаѣ беретъ онъ на себя сдѣлать то, что примутъ меня въ нее капраломъ. Богѣ сего сдѣлать было не можно, ибо въ тогдашнее время унтер-офицерскіе и сержантскіе чины въ гвардіи были великой важности, и ими такъ не швырялись какъ нынѣ.

Какъ всѣ сіи предложенія были совсѣмъ для насъ неожиданныя и такія, о которыхъ надлежало подумать, то и не знали мы, что сказать и на что рѣшиться. Старикамъ не трудно было примѣтить наше нестроеніе и нерѣшимость, и они охотно насъ въ томъ извиняли. Но какъ приходило время господину Шепелю уже со двора ѣхать, то, обратясь онъ къ зятю моему, сказалъ: «Ну, дорогой мой (такая у него была пословица), подумайте-жъ о семъ хорошенько и побывайте у меня опять и скажите, что для васъ лучше». Силь кончилось тогда первое наше свиданіе. Оба старика поѣхали тогда вмѣстѣ во дворецъ, а мы возвратились въ свою квартиру, бывшую въ Ямской-Слободѣ у одного каретника.

Пришедши туда, началъ меня зять

мой спрашивать, какъ я думаю, примать-ли сіи предложенія или нѣтъ, и буде принимать, то которое кажется для меня лучше, и куда-бы я хотѣлъ охотнѣе: въ ландмилицію-ли, ко двору, или въ гвардію. Но чего можно было тогда отъ меня, толь мало еще смыслащаго, ожидать? У меня всѣ мысли заняты были тѣмъ, какъ-бы скорѣй домой и къ моей матери приѣхать, а предложенія сіи всѣ были не по моему вкусу, ибо въ случаѣ принятія перваго, надлежало въ превеликую отдаленность, и Богъ знаетъ куда въ Украину ѣхать, и тамъ быть одному безъ всякихъ родныхъ и знакомыхъ; а въ случаѣ принятія послѣднихъ, надлежало также одному и безъ всякихъ родныхъ въ Петербургѣ оставаться, и буде опредѣлится въ гвардію, то нести еще службу капральскую, къ которой я ни мало еще не былъ способнымъ. Словомъ, мнѣ никуда не хотѣлось, но что въ разсужденіи меня и неудавительно, ибо я былъ ребенокъ, а надлежало хорошенько о томъ подумать моему зятю, что для меня было полезнѣе, и на томъ рѣшиться.

Но у него не то на умѣ было. Онъ помышлялъ только о томъ, какъ-бы скорѣе изъ Петербурга вырваться, ибо ему еще богѣ моего хотѣлось въ свою деревню, въ которую онъ былъ намѣренъ заѣхать. Итакъ, онъ тому и радъ былъ, что мнѣ никуда не хотѣлось. Въ сходствіе чего, съ общаго согласія, положили мы отъ всѣхъ сихъ предложеній учтивымъ образомъ отказаться, а просить господина Шепелена, чтобъ онъ сдѣлалъ милость и исходатайствовалъ намъ отъпускъ въ деревню отъ тогдашняго главнаго войска финляндскихъ командира, Александра Борисовича Бутурлина.

Какъ положено было, такъ и сдѣлано. Зять мой, будучи весьма скороспѣшнаго нрава, не долго думалъ, но на утро-жъ, взявъ меня съ собою, поѣхалъ къ г. Шепелю.

«Ну, что мои дорогіе!» сказалъ сей почтенный старичокъ, насъ завидя: «думали-ли вы, и рѣшились-ли на чемъ-ни-

будь?» — Думали, ваше высокопревосходительство. Но одно обстоятельство мѣшаетъ намъ теперь и не допускаетъ насъ совершенно рѣшиться ни на которое изъ милостивыхъ вашихъ предложеній. — «А какое?» спросилъ скоро Шепелевъ моего зятя. — Послѣ покойнаго тестя моего, отвѣтствовалъ онъ: — осталась еще жена, а моя теща, а сему ребенку мать; безъ ея воли и соизволенія не отваживаюсь я поступить ни на что, ибо не знаю, будетъ-ли ей то угодно или нѣтъ. Мы теперь ѣдемъ къ ней со всѣмъ оставшимъ послѣ покойника экипажемъ, и не угодно-ли будетъ вашему высокопревосходительству, чтобъ я отобралъ напередъ у тещи моей согласіе, и тогда-бы уже милостию своею не оставили. — «Хорошо, хорошо, дорогой мой!» сказалъ на сіе г. Шепелевъ: — «и это дѣло. Вправду, какъ еще матери будетъ угодно, и куда она лучше захочетъ. Поѣзжай же, мой другъ, и отвези къ ней сего сироту; пускай онъ съ нею повидается, а отъ меня скажи ей, что я охотно ей желаю услужить и буде рѣшится она на томъ, чтобъ опредѣлить его въ пажи, то увѣрь ее, что я буду ему вмѣсто отца, и тогда привози-жь ты мнѣ его скорѣе опять назадъ, такъ дѣло тотчасъ будетъ сдѣлано. Мнѣ Александръ Борисовичъ пріятель, и я его сегодня-жь увижу во дворцѣ и попрошу. Напиши, мой дорогой, записку, куда и насколько вамъ надобно и дай мнѣ съ собою». Зять мой хотѣлъ-было выйтить вонъ и искать чернилъ и бумаги, но онъ его остановилъ: — «Куда тебѣ, говорилъ онъ, далече ходить, вотъ, сядь здѣсь: вотъ чернила, перо и бумага».

Зять мой исполнилъ тотчасъ его приказаніе и написалъ въ запискѣ, что оба

мы желаемъ отпущены быть на годъ, ему подавъ, а онъ, не посмотрѣвъ ея, положилъ въ карманъ и, сказавъ намъ, чтобъ мы на утро у него побывали, поѣхалъ во дворець.

Въ послѣдующій день не преминули мы повелѣнное исполнить и къ нему явиться рано. Онъ встрѣтилъ насъ изъявленіемъ сожалѣнія свѣего, что не могъ всего желаемого нами исполнить. — «Что дѣлать, дорогіе мои!» сказалъ онъ намъ: «не отпускаютъ никакъ на годъ и говорятъ, что сего сдѣлать по нынѣшнимъ обстоятельствамъ никакъ не можно. А все, что я могъ сдѣлать, то Александръ Борисовичъ отпускаетъ васъ до мая мѣсяца, да и то говорить, что только для меня это дѣлаетъ, а то бы ни для кого не отпустилъ. Явись къ нему, дорогой мой, сегодня-же и скажи, что я тебя прислалъ; я просилъ, чтобъ онъ не задержалъ васъ».

Въ недостаткѣ лучшаго, благодарили мы г. Шепелева и за сію милость, и, раскланявшись съ нимъ, поѣхали прямо искать г. Бутурлина. Онъ, услышавъ, что мы присланы отъ Дмитрія Андреевича, тотчасъ вспомнилъ и призвавъ тогда-же правителя своей канцеляріи, приказалъ заготовить для насъ пашпорты и обязать наивстрѣжайшими реверсами, чтобъ мы къ сроку при полку явились. Однако сіе дѣло въ канцеляріи его не такъ скоро произведено, какъ было приказано и мы надѣялись. Зять мой принужденъ былъ для три за тѣмъ хлопотать и мы насилу-насилу добились своихъ пашпортовъ.

Не успѣли мы пашпорты получить въ руки, какъ зять мой закутилъ и заюрнулъ нашимъ отъѣздомъ, такъ-что мы въ тотъ-же еще день въ вечеру выѣхали изъ Петербурга; но, правду сказать, для дороговизны корма и жить въ немъ долѣе безъ дѣла было убыточно.

Симъ образомъ кончилось тогдашнее наше въ семъ столичномъ городѣ пребываніе. Теперь одному Богу извѣстно, любили ли или хуже мы сдѣлали, что не приняли ни одного изъ дѣланныхъ намъ предложеній. Изъ всѣхъ оныхъ, опредѣленіе

въ пажь казалось бы всѣхъ прочихъ для меня было выгоднѣе: я былъ-бы при дворѣ, могъ бы всему насмотрѣться; но что всего лучше, могъ бы продолжать свои науки, ибо извѣстно, что пажей и языкамъ и всему учать, а, сверхъ всего того, можетъ быть, могъ бы скорѣе и въ люди выйтить. Однако и то еще сказать можно, что, можетъ быть, я бы тутъ, по извѣстной рѣзвости и безпутству пажей, избаловался и сдѣлался негодяемъ. Самая льстящая болѣе всего надежда, что находится-бы я сталъ подъ покровительствомъ г. Шепелева, была обманчива, ибо послѣ услышали мы, что сей почтенный старичокъ въ тотъ же еще годъ умеръ, а вскорѣ за нимъ переселился въ вѣчность и г. Рахмановъ; слѣдовательно, и въ гвардейской службѣ была-бы мнѣ не находка. Я могъ-бы закоснѣть въ оной въ низкихъ чинахъ и потерялъ-бы болѣе, нежели нашель. Словомъ, судьбы Господни неисповѣдимы, и можетъ быть, самой судьбѣ угодно было отвлечь меня отъ сихъ обѣихъ службъ и вести совсѣмъ инымъ путемъ и дорогою.

Симъ кончу я сіе мое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь навсегда вамъ вѣрный другъ остаюсь, и прочая.

Ъ 3 А А.

Письмо 14-е.

Любезный пріятель! Теперешнее мое письмо къ вамъ наполню я описаніемъ путешествія нашего въ деревню. О, сколько нужды и безпокойства претерпѣли мы во время сей дороги! Обозъ былъ у насъ превеликій и тяжелый, а выѣхали мы изъ Петербурга въ самую глубокую осень, которая, къ несчастію нашему, была въ тотъ годъ мочливая и грязная. Не успѣли мы выѣхать изъ Петербурга и пуститься по мостовымъ, какъ и начало то то, то другое ломаться и портиться и то за тѣмъ, то за другимъ дѣлаться остановка. Никому такъ все сіе досадно не было, какъ моему зятю. Онъ горѣлъ какъ на огнѣ отъ желанія скорѣе домой пріѣхать, и потому всякая малѣйшая

остановка приводила его въ сердце и въ досаду. Онъ бранился, дрался, сердился, кричалъ и тѣмъ пуще приводилъ всѣхъ въ замѣшательство. Къ вашему несчастію, какъ онъ насъ вытурилъ почти въ сумерки, то принуждены мы были всѣ тридцать верстъ до первой станціи ѣхать въ самую темнѣйшую осеннюю и притомъ дождливую и ненастную ночь. Не осталось почти ни на комъ ни единой нитки сухой; всѣ перемокли и перезябли. Не прежде, какъ въ самую полночь пріѣхали мы на станцію. Тутъ досада еще увеличилась: стояла въ семь мѣстъ какая-то застава и пьяный часовой сей зазорилъ о чемъ-то съ людьми нашими, и чуть-было съ караульными не сдѣлалась превеликая драка. Тревога ужасная. Не только я, но и самъ зять мой на-смерть перепугался. Онъ выскочилъ изъ коляски, въ которой со мною ѣхалъ, побѣжалъ туда самъ и насилу-насилу укротилъ весь шумъ, тамъ бывшій. Грязь была почти по колѣни въ томъ селеніи, гдѣ мы тогда были. Темно такъ, что хотъ глазъ выколи. Приѣхали мы не въ голосъ и уже за полночь; надобно было искать квартиры; никто не пускаетъ — вездѣ было занято. Горе на насъ превеликое, а на меня всѣхъ больше. Наконецъ какими-то судьбами съискали намъ избенку. Мы рады уже были и послѣдней лачужкѣ, только-бы было въ ней тепло. Всѣ безпокоились и перезябли до безконечности. По счастью, попалась намъ избушка теплая; мы вошли въ нее какъ въ рай, хотя была она весьма-весьма плоховесовата и походила болѣе на чухонскій рей, нежели на русскую избу. Не успѣли мы нѣсколько обогрѣться, какъ голодъ принуждалъ насъ помышлять объ ужинѣ. Ъсть намъ всѣмъ, а особливо мнѣ, ужасно какъ хотѣлось. Обѣдъ былъ у насъ самый легкій. Зять, отъ вѣтренности и излишней поспѣшности своей, не далъ мнѣ порядочно и пообѣдать, а что того хуже, то за сборами и укладываніемъ всего скоро на-скоро, не успѣли мы никакой провизіею запастись на дорогу. Спрашиваемъ у хозяина, нѣтъ-ли у него чего варе-

и не надѣмся ничего найти, ибо мло уже за полночь. Но какъ обра-сь ми услышавъ, что у него есть еще цѣлый говяжій языкъ, варенный гкъ и горячій. — „Давай, братецъ, !> закричали мы. Этотъ языкъ на-ь мнѣ былъ во всю мою жизнь. Ни то ѣствительно былъ хорошъ, ни то ѣ-голова такъ показалось, но я не , чтобъ я въ жизнь мою ѣдалъ такъ сладко, какъ въ сіе время; гъ, онъ показался намъ неоцѣнен-и мы заплатили за него охотно его ни потребовалъ съ насъ хо-

свавъ въ семь мѣстѣ, продолжали гѣе свой путь и тащились кое-какъ ескверной и дурной дорогѣ. Нѣ-ю дней принуждены мы были пре-цить въ семь скучномъ путешествіи, ь доѣхали до Новгорода. Въ про-іе онаго, не помню я ничего, что-бливаго со мной случилось, кромѣ вещей. Первое было то, что я до-у скуку прогонялъ наиболее ла-ь варенымъ имбиремъ. Цѣлая банка у меня онаго, оставшаяся еще отъ наго родителя. Лекаря выписывали для леченія имѣ его, но ничего не гили. Я поприбралъ ее къ себѣ, и ргодилась мнѣ тогда очень кстати. и-дѣло доставалъ по кусочку и его многу отъ скуки жустирилъ, ибо ѣ самаго малолѣтства великій охот-до лакомства. Другое произшествіе то, что я у карманныхъ часовъ ь, доставшихся мнѣ послѣ родителя, залъ пружину. Догадало меня до-ихъ заводить; но я не зналъ, что го надобно останавливаться, и что скорѣй можно испортить часы, заводить ихъ ѣдучи: пружина того та можетъ лопнуть, какъ тогда со случилось.

онецъ, кое-какъ и всѣми неправ-доѣхали мы до Новгорода. Зятю таковое медленное и скучное путе-іе до безконечности надоѣло. Не по-ь ему уже и его трубка, которую онъ га не выпускалъ. Онъ проклиналъ

и дорогу, и все; но пособить было нѣ-чѣмъ. Наконецъ, натура, власно какъ для приумноженія его досады, произвела въ погодѣ великую пережѣну. Сдѣлался мо-розъ, но не столь сильный, чтобъ вся грязь могла отъ него замерзнуть и под-нять тяжелыя повозки. Выпалъ малень-кій снѣжокъ, и путь сдѣлался еще того хуже. Не можно было ни на саняхъ, ни на колесахъ ѣхать. Боже мой, какъ сіе вздурило моего зятя! Онъ рвался досадою и только что всѣхъ ругалъ и бранилъ; ни-кто не смѣлъ къ нему приступить и промолвить одного слова. Наконецъ, отъ превеликой досады и отъ неукротимаго желанія скорѣе домой приѣхать, чтѣ же онъ сдѣлалъ? Таки-бросилъ совсѣмъ обозъ, сказавъ людямъ: <чортъ васъ побери, какъ хотите себѣ поѣзжайте!> послалъ самъ въ ямскую и, нанявъ двѣ тройки лошадей съ легкими на саняхъ вибитками, и въ одну сѣвъ самъ, а въ другую посадивъ меня, поскакалъ напередъ въ деревню. Мнѣ сего хотя и не хотѣлось, но я принужденъ былъ безпрекословно повиноваться его волѣ, и насилу успѣлъ уприсить его взять хоть на нѣсколько часовъ терпѣнія и распорядить, кому весь обозъ вѣдать, и кому и какъ препроводить оный до его кашинской деревни, которая нашимъ лю-дямъ была неизвѣстна.

По сдѣланіи всѣхъ нужныхъ распоря-женій, и снабдивъ обозныхъ деньгами, пустились мы съ нимъ въ путь, и не ѣха-ли, а летѣли. Отъ-роду моего еще я такъ скоро не ѣзжалъ. Меня въ вибиткѣ моей метало только изъ стороны въ сторону, и я принужденъ былъ лежать закуса гу-бы и почти самъ себя не помнилъ. Ка-кихъ страховъ не набрался я въ семь путешествія! Не было у насъ разбора, хороша-ли дорога или дурна, свѣтло-ли или темно, опасно-ли или неопасно, а только и знай, что скачи и гони, поку-да въ лошадяхъ есть мочь и сила. Од-нажды онъ меня чистехонько было-уто-пилъ. Было сіе неподалеку отъ Новго-рода и въ первую еще ночь, какъ мы по-ѣхали. Зять мой, ѣхавшій напередъ, при-скакалъ къ одной нарочитой. >

рѣкъ. Въ лѣтнее время хаживалъ чрезъ нее плоть, и тогда она только-что застыла, и ни одна еще душа не отваживалась переходить чрезъ оную: столь тонокъ и опасенъ былъ еще ледъ. Ямщикъ было-остановился и пошелъ стучать по льду и пробовать. Но статочно ли дѣло, чтобъ ему дать много затѣмъ гузаты! «Ступай!» кричалъ только зять изъ кибитки: «чего смотрѣть? видишь ледъ; чего бояться?» Ямщикъ принужденъ былъ повиноваться его волѣ и приударивъ лошадей, пустился чрезъ рѣку. Я обмеръ тогда и испужался, услышавъ, какъ подъ нимъ трещалъ ледъ, и увидѣвъ, что весь онъ гнулся подъ нимъ люлькою и вода изъ полыни, которая подлѣ самаго того мѣста была, гдѣ они ѣхали, лилась цѣлою рѣкою на ледъ и я истинно не знаю, какъ они переѣхали и припряжная лошадь не попала въ полыню. Но страхъ мой еще увеличился, когда, переѣхавъ, начали они кричать, чтобъ ѣхали и мы и держались болѣе влѣво, также, чтобъ погоняли сильнѣе лошадей. Боже мой! какая напади на меня робость и малодушіе, но чему и дивиться не можно: я какъ-то отъ природы, или паче отъ самаго малолѣтства былъ весьма трусливъ къ водѣ, а тогда, видя такую опасность, какъ можно было не вструситься? Но всѣ мои просьбы и умоленія, чтобъ не ѣхать, не помогли. Зять мой только и зналъ, что кричалъ, чтобъ мы ѣхали, чтобъ на меня не смотрѣли, и что мнѣ не оставаться-жъ за рѣкою. Чтò было тогда дѣлать? Я видѣлъ самъ необходимость, принуждающую насъ ѣхать, и принужденъ было наконецъ согласиться. Въѣзжая на рѣку, отчаялъ я совсѣмъ свою жизнь и только и зналъ, что крестился и просилъ Бога, чтобъ насъ помиловалъ. Не успѣли мы поровняться противъ полыни, какъ вода еще болѣе изъ нея полилась, и влилось ее столько на ледъ, что достала она до нижнихъ налестокъ саней. Увидѣвъ сіе и услышавъ въ самое то время превеликій трескъ отъ льда, не вспомнилъ я самъ себя отъ страха, ибо не иначе считалъ, что мы

погружаемся уже ко дну, и только безъ памяти кричалъ: «ахъ! ахъ!» Но судьбѣ угодно было сохранить мою жизнь. Лошади выдержали насъ изъ сей дѣйствительной опасности, и мы переѣхали благополучно.

Колико великъ былъ мой страхъ и ужасъ, толико неописанна была радость, которую чувствовалъ я по въѣздѣ на берегъ. Я обѣими почти руками крестился и благодарилъ Бога, что перенесъ онъ насъ чрезъ рѣку сію. Мы въ тотъ-же еще день услышали, что нѣкто-ѣхавшій вскорѣ послѣ насъ въ самомъ семъ мѣстѣ, проломился и утонулъ. Вотъ сколь велика была опасность, которая намъ тѣмъ болѣе еще казалась, что было тогда темно и на берегахъ не было ни живой души, которая-бъ могла намъ помочь, еслибъ мы проломились. ●

Вскорѣ послѣ того доѣхали мы до другой и гораздо величайшей рѣки, а именно Мсты, подъ селомъ Бронницею. Сія также только-что стала и никто еще не отваживался по льду ѣхать. Тутъ зять мой, каковъ ни былъ отваженъ, но пуститься не отважился, но дождался, покуда жители села Бронницъ покляли по льду чрезъ всю рѣку доски и насъ съ повозками на себѣ перевезли по онимъ, но за что и заплатитъ мы принужденны были имъ очень дорого. Я и при семъ случаѣ набрался невѣдомо сколько страху.

Въ продолженіе путешествія нашего, не помню я ничего особливаго, а только намятно мнѣ, что ѣхали мы очень скоро и почти денно и ночью, и что, по счастью нашему, не сдѣлалось никакой оттепели, но морозы продолжались; выпало еще довольно количество снѣга, и зима стала совершенная.

Доѣхавъ до Твери, своротили мы съ большой дороги влѣво на Капинъ, и ѣхали наиболѣе все лѣсами и узкими дорогами. Какъ стали подъѣзжать уже близко къ затняной деревнѣ и оставалось ѣхать только верстѣ съ тридцать, то нетерпѣливость его быть скорѣе дома была такъ велика, что онъ не захотѣлъ ночевать съ нами, но нанявъ свѣжихъ

лошадей и оставивъ меня одного, пустился въ ночь, и я приѣхалъ уже на другой день по его приѣздѣ.

Сестра встрѣтила меня обливаясь слезами, отчасти о кончинѣ нашего родителя, отчасти отъ удовольствія, что меня видятъ. Всѣ ласки, какія только могутъ быть, изъясляла она мнѣ и старалась угостить меня наивозможнѣйшимъ образомъ. Я не бывалъ еще до того никогда въ ихъ деревнѣ. Они имѣли тутъ село, называемое Веденскимъ, и въ немъ домикъ довольно изрядный. Нѣсколько имъ же принадлежащихъ деревень окружали оное. У сестры моей было тогда двѣ маленькыя дочери, рожденныхъ ею въ одно время, одну звали Надеждою, а другую Любовью, и она жила тутъ хорошею эконолкою и поридочно.

Я принужденъ былъ прожить въ деревнѣ у нихъ болѣе недѣли до самыхъ тѣхъ поръ, покуда нашъ обозъ изъ Новгорода притащился, но дни сіи препровождены были мною безъ скуки. Сестра ласкалась ко мнѣ до безконечности и употребляла все, что могло служить только къ моему удовольствію. Лакомства и закуски не сходили почти со стола, а и обо всемъ прочемъ было не позабыто. Словомъ, я такъ былъ доволенъ, что согласился-бы прожить у нихъ и долго.

Но какъ обозъ уже пришелъ, то надлежало помышлять объ отъѣздѣ. Я думалъ, что зять мой поѣдетъ со мною и доведетъ меня до моей матери; однако въ томъ обманулъ, но ему не захотѣлось такъ скоро разстаться съ своимъ домомъ. Сестра моя сколько ни просила и ни умоляла его, чтобъ онъ поѣхалъ со мною, однако онъ никакъ не согласился, а рѣшился на томъ, чтобъ мнѣ тогда ѣхать одному съ обозомъ, а самъ хотѣлъ приѣхать къ намъ въ деревню послѣ и съ сестрою моею и пробытъ у насъ нѣскольکو времени.

Такимъ образомъ принужденъ я былъ достальное путешествіе предпріять одинъ, и сей случай былъ первый еще въ моей жизни, что я одинъ и въ довольно дальнюю дорогу пустился, ибо отъ зятя до

насъ было еще верстъ болѣе 300. Сестра напекла и наготовила мнѣ всего и всего на дорогу и проводила меня со слезами отъ себя.

Во время путешествія сего не случилось со мною ничего особливаго, кромѣ того, что въ первые дни ѣзды моей принужденъ я былъ чрезвычайно мучиться отъ чирьевъ. Сей болѣзни подверженъ я былъ съ малолѣтства и довольно часто, но такой бѣды никогда со мною не бывало, какъ тогда. Легко-ли, семьдесятъ большихъ и малыхъ чирьевъ было тогда вдругъ на моемъ тѣлѣ? Причиною тому была невиннымъ образомъ сестра моя. Ей невѣдомо какъ хотѣлось съ дороги меня вымыть и выпарить, но, въ несчастію моему, въ банѣ у нихъ печь тогда обвалилась и была не исправлена; итакъ, вздумалось ей уговорить меня дать себя выпарить въ печи. Я долго не соглашался никакъ на сей особый родъ паренья, который былъ мнѣ неизвѣстенъ, но принужденъ былъ наконецъ ее послушаться, и, вмѣсто здоровья, получилъ вышеупомянутое множество чирьевъ.

По счастію, прошли они у меня скоро, такъ что я только дня три ими мучился. Мы приѣхали въ Москву благополучно, и какъ мнѣ въ семъ городѣ жить долго было незачѣмъ, то я на другой же день пустился опять въ путь и, наконецъ, приѣхалъ въ деревню свою благополучно.

Свиданіе съ покойною родительницею моею было трогательно и плачевно. Она хотя и знала уже о кончинѣ моего родителя, но смочила меня всего слезами, какъ я приѣхалъ. Но скоро заступила мѣсто печали радость; она не могла на меня довольно насмотрѣться и изъясляла ко мнѣ всѣ ласки, какія только оказать ей было можно.

Симъ образомъ окончилъ я мое длинное путешествіе, а какъ съ того времени принужденъ я былъ паки вести новый родъ жизни, то окончу симъ и теперешнее письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

Письмо 15-е.

Любезный пріятель! Жизнь, которую я по приѣздѣ моемъ въ деревню принужденъ былъ вести, была совсѣмъ отъиная отъ той, какую я велъ до того времени. До того жилъ я все съ мужчинами и посреди всегдашняго многолюдства, а тутъ долженъ былъ жить съ одними женщинами и болѣе старушками, и дни свои препровождать въ совершенномъ почти уединеніи. Родительница моя была человѣкъ уже не молодой; но не столько удручала ее старость, сколько слабое состояніе и частые болѣзненные припадки, отъ которыхъ не сходила она почти съ постели, но большую часть времени своего препровождала на оной. Сверхъ того, какъ она была госпожа не свѣтская, а болѣе стариннаго вѣка, и притомъ набожная и благочестивая, а притомъ и достатокъ нашъ былъ такъ не великъ, что не позволялъ ей жить никакъ открытымъ образомъ, хотя-бъ она и хотѣла, то и препровождала она въ деревнѣ жизнь совсѣмъ почти уединенную. Никто почти изъ лучшенькихъ сосѣдей нашихъ къ ней и она ни къ кому не ѣзжала. Но, правду сказать, и околотокъ нашъ былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ и не было. Тогдашнія времена были не таковы, какъ нынѣшнія. Такого великаго множества дворянскихъ домовъ, повсюду съ живущими въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, тогда нигдѣ не было. Все дворянство находилось тогда въ военной службѣ, и въ деревняхъ жилали одни только престарѣлые старики, немогущіе болѣе нести службу или за болѣзнями и дряхлостью, по какому-нибудь особливому случаю оставленные, и всѣхъ такихъ было не много. Въ другихъ домахъ жилали также однѣ только старушки съ женами служащихъ въ войскѣ дворянъ, и вели также уединенную жизнь. И такъ, и знакомиться было не съ кѣмъ. Въ самомъ нашемъ селеніи были хотя три господскихъ дома, но одинъ изъ нихъ стоялъ пустъ, потому что всѣ хозяева

были въ службѣ, а въ другомъ хотя и жилъ тогда отставной отъ службы мой дядя, родной братъ покойному родителю моему, и сей дядя хотя и всѣхъ къ намъ былъ ближе и только чрезъ садъ: но я не знаю уже за что, и чтобъ тому была истинная причина, что родительница моя никакъ не могла терпѣть онаго и во весь вѣкъ свой была съ нимъ несогласна. Правду сказать, что и характеры ихъ были весьма между собою несогласны. Родительница моя была женщина хотя добросердечная, но правная и неуступчивая; а дядя былъ человѣкъ чрезвычайно скупой и завистливый, и любилъ отъиною жить въ уединеніи и хозяйничать. Словомъ, они оба не могли терпѣть другъ друга, а маленькія и ничего незначущія по сосѣдству распри и мнимыя обиды поддерживали ихъ несогласіе; а люди и служители, находящіе нѣкоторое удовольствіе въ томъ, что господа между собою ссорятся, старались всегда съ обѣихъ сторонъ поддувать огонь вражды между обоими домами. Но все сіе причиною тому было, что они между собою не знали и другъ къ другу не ходили, а при таковыхъ обстоятельствахъ не можно было и мнѣ ходить къ моему дядѣ. Я одинъ только разъ, и то съ приѣзда, получилъ дозволеніе къ нему сходить, да и то на одну только минуту. Единое знакомство и кой-когда свиданіе имѣла мать моя съ немногими своими, съ отцовской стороны, родственниками, которые всѣ были наибѣднѣйшіе дворяне и простѣйшіе старички, жившіе отъ насъ верстъ за 10 и за 15. Кромѣ сихъ, составлялъ весьма важную особу попъ нашъ приходскій, и ея отецъ духовный. Сія духовная особа была совсѣмъ отъиного характера, нежели прочіе деревенскіе попы и имѣла великія предъ ними преимущества. Отецъ Иларіонъ (такъ его называли) былъ не только умнѣ сотни другихъ поповъ, но и велъ себя степенно, важно, осанисто и такъ, что не можно было не имѣть къ нему почтенія. При всемъ томъ былъ онъ превеликій рассказъ и говорилъ сладко, такъ что не устанешь, бывало, слу-

нать предлинныя его повѣствованія о его приказныхъ дѣлахъ и хлопотахъ, въ какихъ препровождаетъ онъ цѣлый свой вѣкъ, по причинѣ вѣчной и непримиримой ссоры и вражды со своимъ товарищемъ, другимъ попомъ, котораго звали Иваномъ. Чудное по истинѣ было дѣло! Цѣлый свой вѣкъ старались они другъ друга погубить, но никто не могъ ничего другому сдѣлать и вся польза отъ ихъ вѣчной тяжбы была та, что они оба обдѣнѣли, ибо обоимъ ихъ въ консисторіи только обирали, а безъ того были-бъ они оба богатые люди, ибо приходъ былъ хорошій.

Сія-то духовная и престарѣлая уже особа играла въ тогдашнее время знаменитую въ домѣ нашемъ роль. Отчасти остроумъ своего разума, отчасти хитрости, а болѣе всего пользуясь отъиною родительницы моея склонностію къ небожному житію, умѣлъ отецъ Иларіонъ такъ вкратствѣ въ мать мою, что она воздавала ему превеликое почтеніе, не оставляла его во всѣхъ его нуждахъ, старалась во всемъ ему угождать, и онъ былъ у ней наилучшимъ совѣтникомъ и наставникомъ во всѣхъ случающихся дѣлахъ. Онъ хаживалъ къ намъ всѣхъ прочихъ чаще, и сколько для служенія завтреней и молебновъ, которые бывали у насъ очень часто, но и такъ, заживая изъ прихода, и сиживалъ иногда по нѣскольку часовъ, рассказывая свои повѣсти и тяжбы. Словомъ, онъ обладалъ почти нравомъ и душевнымъ расположеніемъ моея матери, и я и по нынѣ не могу еще позабыть одной хитрости, употребленной имъ во время тогдашняго моего пребыванія въ домѣ, для поддержанія своего владычества. Нѣкогда случилось, что родительница моя не знала чѣмъ, неисполненіемъ-ли какой-нибудь его просьбы или инымъ чѣмъ его поразсердила. Онъ, будучи таковъ же внутренно золъ и любомстительнъ, koliko наружно благочестивъ и набоженъ, сокрылъ тогда досаду свою во глубинѣ своего сердца; но какъ нѣсколько времени потомъ случилось родительницѣ моей прихворнуть и она вздумала испо-

вѣдаться, какъ то нерѣдко она дѣлывала, то чтожъ онъ сдѣлалъ? — Онъ, зная коротко расположеніе ея ко всему суетврному, вздумалъ ей при семъ случаѣ мстить свою мнимую обиду, но чѣмъ же? — Такъ-называемымъ связаніемъ на духу, о важности котораго постарался онъ уже издавна вперить въ нее страшныя мысли. Мать моя сочла сіе невѣдомо за что, и сіе связаніе нагнало на нее таковой страхъ и ужасъ, что она считала себя не иначе какъ погибшею, ежели паки разрѣшена не будетъ. Нѣсколько недѣль препроводила она въ превеликомъ смущеніи и впадало отъ того въ сущую меланхолію, и тѣмъ паче, что погъ пересталъ вовсе къ намъ ходить и открыто уже изъявилъ всю свою злобу, скрывавшуюся до того въ его сердцѣ. Нечего было дѣлать, принуждены были засылать къ попу и ходить за нимъ и уговаривать. Онъ спѣсится и гордится, и на силу его какъ-то уговорили и довели до того, что онъ мать мою разрѣшилъ. Вотъ каковы были тогда времена и обстоятельства!

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія. Теперь, возвращаясь, скажу, что мать моя приѣздомъ моимъ чрезвычайно была обрадована, и какъ она меня уже давно не видала, и я между тѣмъ нѣсколько поболѣе выросъ, а притомъ, понаучившись кой-чему, сдѣлался предъ прежнимъ и поумнѣе, то не могла она на меня довольно насмотрѣться и мною налюбоваться. Желала-бъ она охотно узнать, чему и чему я выучился въ Петербургѣ; но какъ она ни объ иностранныхъ языкахъ, ни о наукахъ никакого свѣдѣнія не имѣла, то не могла въ томъ себя удовольствовать. Недостатокъ сей я старался замѣнить показаніемъ искусства своего въ рисованіи. На другой-же день приѣзда своего, разобравшись съ своими красками, нарисовалъ я ей на цѣломъ листѣ Бову-королевича или древняго рыцаря на конѣ, въ полномъ его вооруженіи и воинскихъ доспѣхахъ. Рисунокъ сей былъ хотя весьма и весьма посредственъ, или, лучше сказать, ни въ

чему не годился, потому что для вящаго оказанія своего искусства дѣлалъ его отъ руки; но для старушки моей былъ онъ въ превеличайшую диковинку. Всѣмъ-то былъ онъ показываемъ, всѣмъ-то расхваливанъ, всякое мое слово замѣчаемо, подтверждаемо, и я отъ всѣхъ осыпаемъ былъ похвалами и ласками.

Но не однимъ симъ угодилъ я моей родительницѣ; но чтобъ доказать, что я не люблю праздности и не хочу забыть того, что я училъ, разобралъ я и всѣ мои французскія и нѣмецкія учебныя книги, и по нѣскольку часовъ въ день сталъ препровождать въ чтаніи и выписываніи кой-чего изъ оныхъ для тверженія того, что я выучилъ. Сіе было для матери моей всего пріятнѣе, она то и дѣло сама твердила мнѣ, чтобъ я старался выученнаго не позабыть и была прилежностью моею весьма довольна. Но бѣдное было сіе ученіе самого себя, а особливо въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ былъ я, и притомъ при немѣнни никакихъ историческихъ иностранныхъ книгъ, которыя-бъ я читать могъ и каковое-бъ чтеніе могло мнѣ всего болѣе пользоваться.

Симъ образомъ, раздѣляя время свое между чтаніемъ, писаніемъ и рисованіемъ, а временемъ и гуляніемъ, началъ я жить при родительницѣ моей. Всѣ сіи учебныя и увеселительныя работы производилъ я при глазахъ моей матери, на большомъ и предлинномъ дубовомъ столѣ, стоящемъ у насъ въ переднемъ углу той комнаты, гдѣ мать моя жила и почивала. Что касается до моей спальни, то была она въ маленькомъ чуланчикѣ, отгороженномъ досками отъ комнаты, бывшей подлѣ спальни матери моей; въ сихъ обѣихъ комнатахъ состояли всѣ наши жилые покои. Происходило сіе не отъ того, чтобъ хоромы наши были маленькія: онѣ были превеликія, но обыкновеніе тогдашнихъ временъ приносило то съ собою, что состояли онѣ по большей части въ пустыхъ и незилыхъ покояхъ. Напримѣръ, было въ нихъ двое превеликихъ сѣней, изъ которыхъ переднія такъ были велики, что я, чрезъ нѣсколько лѣтъ

послѣ того, сдѣлалъ изъ нихъ двѣ прекрасныя комнаты; а я заднія сѣни умѣстили-бъ въ себѣ также покойца два; но вмѣсто того были переднія совсѣмъ пусты, а и въ заднихъ былъ только одинъ ходъ на верхъ, занимающій мѣсто цѣлой комнаты. Изъ сѣней сихъ былъ входъ въ переднюю, или по нынѣшнему, залу. Пространная комната сія была отъ начала построения хоромъ холодная, и все украшеніе ея состояло въ образахъ простыхъ и въ кивотахъ, коими весь передній уголъ и цѣлая стѣна была наполнена, ибо обыкновенія, чтобы комнаты подитукатуривать и обоями обивать, не было тогда и въ завѣтъ. Мебели же всѣ состояли въ лавкахъ кругомъ стѣнъ и въ длинномъ столѣ, поставленномъ въ переднемъ углу и ковромъ покрытомъ. Какъ окошки были небольшія, а стѣны и потолокъ отъ долговременности даже потемнѣлъ и сдѣлался кофейнаго цвѣта, а дубовый стычной полъ еще того былъ темнѣе, то царствовала въ сей комнатѣ суццая темнота, и въ ней никто и никогда не жила, а наполнялась она единожды въ годъ народомъ, то-есть въ святую недѣлю, когда съ образами приходили и въ ней молебень служивали. За сею слѣдовала другая угольная и самая та комната, которая была у матери моей и гостиной, и столовою, и спальнею и жилою; три маленькія окна съ одной, и одно двойное, съ другой стороны впускали въ нее свѣтъ, и превеликая, складенная изъ узорчатыхъ разноцвѣтныхъ кафлей печь снабжала тепломъ оную. Печь сія расположена была особымъ и такимъ образомомъ, какъ въ людяхъ не водится: не скоро можно было найти и добраться, откуда она топилась; подлежала лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачивать направо и искать устья, ибо оно сдѣлано было отъ стѣны и совсѣмъ въ темнотѣ. Тапливали ее обыкновенно дворовыя бабы поочередно и таскивали всякій день превеликія похи хвороста и съ нимъ залѣзши къ устью, прятывались и завѣшивались тамъ, власно какъ въ конурѣ. Совсѣмъ тѣмъ печь сія была теп-

ла и неугарна, да и самая комната довольно свѣтла и весела.

Что касается до украшеній сей важнѣйшей въ домѣ комнаты, то она состояла также только въ однихъ образахъ, разставленныхъ въ переднемъ углу. Внизу сдѣланъ былъ маленькій угольничекъ, и тутъ предъ крестомъ со крестомъ, съ мощами, горѣла неугасная лампада, а вверху сдѣлана была предлинная полка, а на ней наставленъ цѣлый рядъ образовъ разныхъ. Стѣны въ комнатѣ сей были также ничѣмъ не обиты, но стѣнной дубовый полъ отъ частаго мытья нѣсколько поблѣде. Что касается до потолка, то онъ былъ неровный, но чрезъ доску одна ниже, а другая выше, и отъ долговременности весьма изрядно закоптившимъ.

Что принадлежитъ до мебели, то нѣжныхъ софъ, канapé, кресель, тамбуровъ, комодовъ, ломберныхъ и другихъ разноманерныхъ столиковъ и прочаго тому подобнаго не было тогда еще въ обыкновеніи. Гладенькія и чистенькія лавочки кругомъ стѣнъ и много-много полдюжники старинныхъ стульцевъ должны были отвѣтствовать вмѣсто всѣхъ кресель и канapé, а длинный дубовый столъ и какой-нибудь маленькій складной вмѣсто всѣхъ столиковъ. Итакъ, въ переднемъ углу стоялъ вышеупомянутый длинный столъ, въ другомъ была матери моей кровать, въ третьемъ, прежде упоминаемая печь и подлѣ нея широкая скамья, а въ четвертомъ стоялъ на лавкахъ, трехъ денегъ нестоющій и такъ почернѣвшій шкафчикъ, что надлежало развѣ скоблить ножомъ, чтобъ узнать, что онъ былъ нѣкогда крашенъ красками. Вотъ изображеніе наилучшей и первѣйшей комнаты.

Вправо и сбоку подлѣ нея находился другой терлой покой или прежде-упоминаемая комнатка. Она составляла вкупѣ и дѣвичью, и лакейскую и дѣтскую, и была самая та, въ которой я родился. Незадолго до моего приѣзда перегороджена она была на-двое досками, и сія отгородка была тогда моею спальнею и комнатою.

Наконецъ, кромѣ сихъ трехъ комнатъ было еще два покойца холодныхъ, чрезъ стѣны и всторону къ саду. Но оба они были нежилые, а служили кладовыми. Одинъ запятъ былъ мелочными съветными припасами, а другой сундуками и былъ темный.

Вотъ все расположеніе старинныхъ хоровъ нашихъ, въ которыхъ жилали наши предки, и въ коихъ я родился, женился и жилъ самъ потомъ нѣсколько лѣтъ, пока опостроилъ себѣ новыя и лучшія.

Для любопытства потомковъ моихъ не за излишнее почелъ я изобразить оныя какъ спереди, такъ и сзади, въ перспективическомъ видѣ и вкупѣ съ бывшею подлѣ нихъ черною горницею, которая служила тогда и кухнею, и приспѣшною и людскою.

Какъ были хоромы, таково было и мѣсто, на которомъ онѣ стояли. Не извѣстно уже мнѣ, кто изъ предковъ моихъ выбралъ впервые оное, только то знаю, что оно было худшее изъ всей усадьбы, а наилучшія мѣста заняты были огородами и скотными дворами; но сему и дивиться не можно: встарину было у насъ и обмененіе такое, чтобъ дома нарочно прятать и становить ихъ въ такихъ мѣстахъ, чтобъ изъ нихъ никуда въ даль было не видно, а все зрѣніе простиралось на одни только житны, ковшюшны, скотные дворы и сараи. А точно въ такомъ мѣстѣ поставлены были и наши хоромы.

Но вотъ я, опять заговорившись о побочномъ, удалился отъ продолженія исторіи моей. Теперь, возвращаясь къ оной, скажу, что, нѣсколько дней спустя послѣ моего приѣзда, наступилъ нашъ храмовой праздникъ святого Николая. Мать моя имѣла обыкновеніе оный колико можно лучше праздновать. Она пригласила къ себѣ къ оному всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, какъихъ только она имѣла. Они приѣхали всѣ къ ней, и я имѣлъ тутъ случай всѣхъ ихъ узнать и со всѣми ими познакомиться.

Но о! какое это прекрасное общество и какая милая и любезная компанія! Первую особу составлялъ одинъ высокорослый старичекъ, по имени Яковъ Васильевичъ Писаревъ. Онъ былъ матери моей двоюродный братъ и человѣкъ недалекой бойкости. Онъ служилъ въ войскѣ низкимъ чиномъ и поелику онъ не умѣлъ и грамотѣ, то и отставленъ такимъ же. Жилъ онъ отъ насъ верстѣ десять, имѣлъ самый малый достатокъ, и мать моя, сколько по родству, столько и за то любила, что онъ былъ веселаго и шутливого нрава и въ компаніи не ску-

ченъ. А впрочемъ ничего дальняго отъ него требовать было не можно. Жена его была старушка самая шлющечка и человѣкъ претпростой, но дочь имѣлъ онъ презрѣдную и предорогую дѣвицу; ее звали Агаѣею Яковлевною, и она была совершенная уже невѣста. Мать моя, по любви своей къ нимъ и по бѣдности ихъ, взяла ее жить къ себѣ, и она у насъ жила, какъ я приѣхалъ, и дѣлала намъ компанію. Но сыномъ, котораго онъ имѣлъ, былъ онъ не таковъ счастливъ: была самая неугомонная, вѣтренная и такая голова, что не рѣдко онъ его на цѣпь приковывалъ.

Другую особу составлялъ также весьма небогатый дворянинъ и матери моей родственникъ же, но не столь близкій, по имени Сила Борисевичъ Бакѣевъ. Онъ жилъ верстѣ 15 отъ насъ, и въ самой той деревнѣ, гдѣ мать моя родилась и воспитана, ибо она была фамиліи Бакѣевыхъ. Онъ служилъ также въ гвардіи и отставленъ офицерскимъ чиномъ. Мать моя его не только любила, но и почитала, потому что онъ былъ всѣхъ прочихъ умнѣе и притомъ знатокъ по гражданскимъ дѣламъ, и могъ въ нужныхъ случаяхъ подавать совѣты. Словомъ, онъ во всемъ тогдашнемъ нашемъ обществѣ почитался философомъ и наипразумнѣйшимъ человекомъ, хотя, въ-самомъ-дѣлѣ, былъ онъ весьма и весьма посредственнаго знанія. Жена его была старушка смиреннѣяя и простенькая.

Третью особу составлялъ также весьма бѣдный дворянинъ, по имени Максимъ Ивановичъ Картинъ. Мать моя въ особенности была дружна съ его женой, которая была родная сестра вышеупомянутому г. Бакѣеву, и называли ее Федосьею Борисовною. Она и достойна была ея любви, ибо была всѣхъ прочихъ госпожъ и умнѣе и бойчѣе, и мать мою сама любила. Что касается до ея мужа, то былъ онъ наипростѣйшій старичекъ и суцая курочка. Онъ служилъ въ гвардіи солдатомъ и отставленъ капраломъ, и помнилъ еще самую старинную службу. Мать моя любила его за простосердечіе и тихій

нравъ, и была тѣмъ довольна, что они къ ней часто приѣзжали и у нея по нѣсколькѣ дней отъ скуки гащивали.

Въ снѣхъ-то трехъ семействахъ состояли тогда почти всѣ наши гости. Старинныя, странныя и простыя ихъ одѣянiя и уборы, въ какихъ они къ намъ приѣхали, показались мнѣ сначала весьма странны и удивительны. Я, привыкнувши быть по-срединѣ свѣтскихъ людей, не могъ довольно надвинуться долгоголымъ ихъ кафтанамъ, ужасной величины обшлагамъ и всему прочему. Они показались мнѣ сущими почти шутами. Однако, какъ увидѣлъ послѣ, что они были не безъ разума, а что одна бѣдность тому причиною, что они такъ были одѣты, а паче всего, что они всѣ были по-мнѣ, и я во многихъ вещахъ былъ всѣхъ ихъ знающѣе и умнѣе, и, сверхъ-того, какъ они всѣ ко мнѣ ласкались и осмыслили меня похвалами, то и я ихъ всѣхъ полюбилъ и всегда былъ очень радъ, когда они къ намъ приѣзжали.

Тогдашнiй праздникъ празднованъ былъ точно такъ, какъ праздновали праздники въ деревняхъ наши старики и вѣдди: за обѣдами и за ужинами гуляли чарочки, рюмки и стаканы, а нерѣдко гуляли они по рукамъ и въ прочее время; старички наши вставали оттого изъ-за стола подгулявши; и они праздновали у насъ два съ три и болѣе. Мать моя любила гостей угашивать, и всѣ гости во все сіе время были веселы и довольны. По утрамъ бывали у насъ обыкновенно праздничныя завтраки; тамъ обѣды и за ними подчиванiе; тамъ закуски и заѣдки; послѣ того чай, а тамъ ужины. Спали всѣ на землѣ повалкою, а поутру, проснувшись, принимались опять за ѣду и прочее тому подобное.

Недѣли двѣ спустя по отъѣздѣ снѣхъ гостей, и къ самому Рождеству, приѣхали къ намъ другіе, и гораздо-пріятнѣйшіе гости, а именно, зять мой, г. Травинъ, съ моею сестрою. Они сдержали свое обѣщанiе, и мать моя была имъ чрезвычайно рада. Какъ зять мой никогда еще въ домъ у насъ не бывалъ, то заботилась мать моя, какъ-бы его лучше

угостить и всѣмъ удовольствовать, и тѣмъ паче, что извѣстно ей было, что онъ былъ человѣкъ нравный и горячій. Все, что только можно было выдумать, употреблено было къ его угощенiю, и сколько казалось, то былъ онъ всѣми угощенiями ея и ласками доволенъ.

Какъ наступило Рождество и святки, то неприминула мать моя созвать опять всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Число ихъ приумножила еще одна милая, разумная и почтенная старушка, по имени Матрена Ивановна Аникеева, родная сестра дяди моего, Тараса Ивановича Арсеньева, которому поручень я былъ въ Петербургъ. Разумную и веселую старушку сію мы чрезвычайно любили; но она того и стояла. Она жила отъ насъ верстѣ сорокъ и приѣхала сама, какъ скоро услышала, что къ намъ приѣхалъ зять нашъ. Итакъ, компанiя и общество было у насъ превеликое и пріятное. Зятю моему оказывали они всѣ отиѣнное почтенiе, и какъ онъ любилъ повеселиться, то заводимы были всякія святочныя игры и деревенскія увеселенiя, и онъ гостями нашими былъ доволенъ.

Они для удовольствiя зятя моего прогостили у насъ нѣсколько дней сряду. Вѣтченiе оныхъ мать моя не однажды предпринимала, какъ съ зятемъ моимъ, такъ и со всѣми ими, общій совѣтъ, чтѣ бы лучше и выгоднѣе со мною дѣлать и начинать. Отпущень я былъ, какъ упомянуто, до мая мѣсяца; слѣдовательно, если ничего не сдѣлать, то по первому лѣтнему пути надобно будетъ меня отправлять къ полку. Но какъ можно было мнѣ, столь малолѣтнему, нести службу? Зять мой разсказывалъ всѣмъ дѣланнiя намъ предложенiя, но ни матери моей и никому изъ всѣхъ не были они угодны. Всѣ говорили, что хорошо-бы, если-бъ только я не таковъ малъ былъ; что-жъ касается до матери моей, то ей и слышать не хотѣлось, что-бы отлучить тогда меня отъ себя, а она желала, чтобъ мнѣ получить какемъ-нибудь образомъ отсрочку и, когда не на долго, такъ по-крайней-мѣрѣ на годъ, дабы я сколько-нибудь повозмужать могъ.

Долго о семъ говорено было и совѣтовано, но наконецъ всѣхъ мнѣнія согласны были на томъ, чтобъ намъ заблаговременно послать въ Петербургъ человѣка съ челобитною въ самую Военную Коллегію и, прописавъ въ ней мое малолѣтство и начатое ученіе наукамъ, просить у ней мнѣ для окончанія наукъ на своемъ коштѣ увольненія до совершеннаго возраста. Госпожа Аникеева совѣтовала намъ поручить стараніе о томъ ея брату, о которомъ сказывали, что онъ побѣхалъ недавно опять въ Петербургъ, и увѣрила, что онъ помочь намъ въ томъ можетъ. Мы и сами на него болѣе всѣхъ надѣялись, ибо увѣрены были о его къ намъ благорасположеніи и любви.

Рѣшившись на семъ и назначивъ для исправленія сей важной комиссіи дядьку моего, Артамона, какъ умнѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ служителей, также проводивъ нашихъ гостей, не сталъ и самъ зять мой долѣе у насъ медлить, но, распрощавшись съ нами, побѣхалъ обратно домой. Мать моя провожала ихъ, а особливо сестру мою, со слезами, ровно какъ предчувствуя, что она ее въ послѣдній разъ видитъ, ибо съ того времени не удалось уже ни зятю, ни сестрѣ быть у насъ въ домѣ при жизни нашей родительницы.

Симъ кончился тогдашній 1750 годъ, который, для множества случившихся въ оный переѣвъ, былъ довольно достопамятенъ въ моей исторіи, а всходствіе сего окончу я теперешнее мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь, и прочее.

Письмо 16-е.

Любезный пріятель! Проводивъ моего зятя и отпраздновавъ святки, начали мы спѣшить отправленіемъ комиссіонера нашего въ Петербургъ. По собраніи его въ сей дальній путь, снабдили мы его челобитною и кой къ кому нужными письмами. Въ-особливости же просили мы о неоставленіи его и вспоможеніи намъ дядю моего, господина Арсеньева. Ему же поручили возможнѣйшимъ образомъ объ отпускѣ меня стараться, а буде дѣло не

пойдетъ на ладъ, то спѣшилъ-бы онъ къ намъ возвратиться, дабы намъ заблаговременно о томъ знать и въ полкъ ѣхать собраться успѣть было можно.

По отъѣздѣ его начали мы по-прежнему препровождать въ уединеніи своемъ тихую и спокойную жизнь. Я продолжалъ свои прежнія упражненія, и какъ тогда было зимнее и холодное время и мнѣ не можно было никуда ходить, бѣгать и рѣзвиться, то тѣмъ охотнѣе сидѣлъ я на одномъ мѣстѣ и что-нибудь дѣлалъ. Назнатнѣйшую часть тогдашнихъ моихъ упражненій составляло рисованье, яко работа гораздо пріятнѣйшая и веселѣйшая, нежели скучное чтаніе учебныхъ книгъ и выписываніе и тверженіе. Я, какъ теперь помню, нарисовалъ цѣлый фронтъ столицъ въ ружьѣ солдатъ и предъ ними офицера съ распущеннымъ знаменемъ и барабанщика съ барабаномъ; и какъ всѣ сіи фигуры нарочито были велики, то вырѣзавъ всѣхъ ихъ, пригнѣпилъ фронтомъ на стѣнѣ подлѣ самаго того мѣста, гдѣ сидѣлъ я. Боже мой! Какая это была диковинка для моей старушки! Она расхвалила ихъ до безконечности. Другое дѣло, въ которомъ я тогда чаще упражнялся, состояло въ ученіи географіи. Атласъ съ ландкартами былъ у меня изрядный, а между книгами, оставшими послѣ родителя моего, нашелъ я изрядную и полную нѣмецкую географію, по которой можно было мнѣ продолжать сію науку. Я и дѣйствительно много изъ ней въ сіе время научился; я прискивалъ на ландкартахъ описанные города, выписывалъ ихъ въ особливныя тетрадки, переводя съ нѣмецкаго все, что объ нихъ упоминалось въ географіи. Относительно же до языковъ, то твердилъ я только грамматикѣ и выписывалъ изъ нихъ слова.

Между сими упражненіями наступила масляница. Мать моя приказала для увеселенія моего сдѣлать на дворѣ гору, на которой можно-бы было мнѣ кататься. Для меня не противна была сія забава, и я воспользовался довольно симъ дозволеніемъ. Вышеупомянутые старички и старушки опять насъ въ сію недѣлю по-

, и я очень былъ радъ ихъ при- наступленіемъ великаго поста на- у насъ богомолиа и ежедневная . Я принужденъ былъ наблюдать рогость поста и потомъ исповѣды- и приобщался святыхъ таинъ въ на- шкодской церкви.

ю половины сего поста начали мы гъ и возвращенія слуги нашего, Ар- , изъ Петербурга. По счету нашему сь, что было ему довольно времени гъ туда, тамъ пробить нѣсколько ии и надлежало уже назадъ возвра- . Однако онъ не ѣхалъ, и мы не объ немъ ни слуха, ни духа, ни по- ція. Тогдашнія времена были не та- сь какъ нынѣшнія, и почты были весь- справны. Не можно было чрезъ нихъ писать, да и получать намъ въ де- лисьма было неспособно. Чѣмъ бли- зья приближался весна и половодье, увеличивалось наше ожиданіе; но нъ все еще не ѣхалъ, то начинало ь мою уже нѣсколько и озабочивать юковывать. Она приказала ему какъ стараться возвратиться тогдаш- нинимъ путемъ, и потому и ожидала ии окончаніи онаго. Уже настала и шестая недѣля, уже началъ снѣгъ и сходить, уже разлились рѣки и всь совершенная половодь, но Ар- , нашего все еще не было. Мать юль часто ни высылала смотрѣть, гъ ли ея Артамонъ, но всѣ спра- ія и высыланія ея были тщетны. было и въ завѣтъ, и мы всѣ только и, что твердили: «Господи помилуй! о такое, что онъ не ѣдетъ. Не сдѣ- ли чего съ нимъ?» и такъ далѣе.

ионецъ сошла уже и полая вода и вачинала открываться и украшать своею зеленью, приближалась уже недѣля; но объ Артамонѣ на- ие было ни слуху, ни духу, ни по- ція. Мать мою сіе озабочивало уже звычайности. Она во все сіе время какъ на огнѣ и была на ка- По свойственному всѣмъ старуш- иагодушію, насчитала она ему уже

тысячу смертей: и убить-то онъ на до- рогѣ разбойниками, и утопъ-то въ рѣкахъ, и занемогъ-то и лежитъ боленъ, и умеръ, и такъ далѣе. Не однажды было то, что проливала о немъ и слезы, а безпокой- ство и сомнѣніе были такъ велики, что она почти съ ума сходила. Все красно- рѣчіе отца Илларіона ни мало ея не под- крѣпляло. Она въ превеликой горести и печали своей не внимала никакимъ пред- ставленіямъ и была совершенно неутѣш- ною.

Но, правду сказать, и было о чемъ ей тужить и горевать. Со вскрытіемъ весны приближался и срокъ мой, и былъ такъ уже недалекъ, что надлежало меня въ скорости и отправлять, а у насъ не сдѣ- лано было къ тому никакихъ приуготов- лений: къ тому-жъ и не было еще слуги, съ которымъ-бы мнѣ ѣхать, ибо у насъ на одного его была и надежда, и Богу извѣстно, чѣмъ съ нимъ сдѣлалось.

Наконецъ наступила уже и страстная суббота. Поелику приходская церковь была отъ насъ не близко, версты двѣ и притомъ за рѣкою, то издревле было у нашихъ предковъ обыкновеніе ѣздить къ церкви наканунѣ еще праздника и ночь сію ночевать тамъ у поповъ, дабы избѣ- жать безпокойства ѣхать ночью и испѣ- вать къ заутрени. Мы поѣхали туда не съ радостными сердцами, и самый празд- никъ терялъ всѣ свои для насъ прелест- ности. Мы взяли квартиру себѣ въ домѣ отца Илларіона, и мать моя не преминула еще и въ сей вечеръ поплакать и пого- ревать.

Въ таковомъ же безпокойствіи душев- номъ были мы и во все продолженіе служе- нія на праздникъ заутрени. По окончаніи оной возвратились мы на свою квартиру и легли уснуть еще нѣсколько, до обѣд- ни. Но не успѣли мы заснуть, какъ при- бѣжали къ намъ насъ будить и сообщили намъ радостное извѣстіе, что Артамонъ нашъ приѣхалъ. Боже мой! какая нача- лась у всѣхъ у насъ тогда радость и какія благодаренія Богу! Я отъ-роду моего не помню, чтобъ когда-нибудь просыпался я съ такою радостью и восхищеніемъ снѣ-

дечнымъ, какъ въ тогдашнее утро. Я бѣжалъ къ матери моей, а она меня искала и отъ радости плакала: «Ну, слава Богу!» повторяла она сто разъ, и не могла порядочно ни о чемъ приѣзжаго распрашивать. Наша радость и удовольствіе увеличились еще больше, когда услышали отъ него, что ѣзда его была не попустому, что комиссію, порученную ему, исправилъ онъ съ вождѣннѣйшимъ успѣхомъ, что по долговременнымъ хлопотамъ и многимъ трудамъ удалось ему, наконецъ, Военную Коллегію упросить, чтобъ меня для окончанія наукъ отпустили до шестнадцати-лѣтняго возраста, и что, наконецъ, привезъ онъ съ собою и указъ, данный мнѣ о томъ.

Таковымъ неожиданнымъ успѣхомъ мать моя довольно заплачена была за всѣ свои горести и печали. Она рада была до безконечности, что я на столько времени былъ уволенъ и не знала, какъ и чѣмъ возблагодарить слугу за его труды и стараніе.

Сіе происшествіе сдѣлало намъ всю святую недѣлю вдвое радостнѣйшею и веселѣйшею. Вышеупомянутые старички, родственники наши, не преминули къ родительницѣ моей съѣхаться и раздѣлить съ нею ея радость; чтѣ касается до меня, то была недѣля сія въ особенности мнѣ весела. Катаніе красныхъ яицъ и качаніе на качеляхъ, а притомъ и возможность ходить уже всюду и всюду и предпринимать съ ребятишками разныя игры и рѣзвости, меня до крайности утѣшало и веселило. Петербургскій мой дядя, г. Арсеневъ, помогшій много намъ въ семъ дѣлѣ, хотя и писалъ къ матери моей, что какъ я отпущенъ для окончанія наукъ, то не держала-бъ она меня при себѣ, но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, присылала-бъ къ нему, и что онъ мѣсто для продолженія наукъ мнѣ сыщеть. Однако мать моя никакъ не хотѣла меня прежде отъ себя отпустить, какъ на предбудущую зиму, и какъ я къ деревенской жизни уже попривыкъ, то намѣреніе ея было мнѣ въ особенности пріятно.

Не успѣли первыя чувствованія радо-

сти пройти и мы нѣсколько недѣль препроводить въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, какъ новая буря встревожила покой всего нашего дома и погрузила опять мать мою въ новую бездну горестей и печалей. Нѣкто изъ сосѣдей нашихъ воздвигъ оную на насъ и подалъ поводъ матери моей пролить тысячи токовъ слезъ по сему дѣлу. Онъ подалъ на насъ искovouю челобитную и отыскивалъ одну бѣглую свою бабу, живущую у насъ въ Шацкой нашей и отдаленнѣйшей изъ всѣхъ деревнѣ, и бывшую уже многіе годы замужемъ за однимъ мужикомъ нашимъ. Обстоятельства сего мать моя не знала до самаго того времени, какъ подана сія челобитная; ибо какъ произошло сіе въ такое время, когда родители мои находились при полку, и мужикъ женился самъ собою и за многіе уже годъ, въ деревнѣ же сей родителямъ моимъ никогда бывать не случилось, то и не знали они о томъ ничего и не вѣдали. Но сосѣду нашему было все сіе извѣстно, и покуда родитель мой былъ живъ, то не отваживался онъ тогда просить; но какъ онъ скончался, мать-же моя была слаба, а я малъ и безгласенъ, то и вздумалъ онъ сими обстоятельствами воспользоваться и напасть на насъ наисуровѣйшимъ образомъ.

Матери моей тѣмъ несноснѣе было сіе дѣло, что человекъ сей былъ родителемъ моимъ до безконечности одолженъ. Родъ былъ онъ подъяческаго, и какимъ-то образомъ попалъ въ такую бѣду, что надлежало его кнутомъ высѣчь и сослать на каторгу, чтѣ и учинено-бъ было тогда, если-бъ родителю моему не удалось какимъ-то образомъ отъ того его избавить. Итакъ, не смѣя при жизни его, отъ зазіранія совѣсти, ничего предпринимать, вздумалъ тогда, въ благодарность за такое благодѣаніе, напасть на оставшую его беззащитную вдову и на оскротѣшаго и малолѣтняго сына, и стараться безсовѣстнѣйшимъ образомъ разорить ихъ до основанія.

Неблагодарнаго и гнуснаго человека сего звали Васильемъ Васильевичемъ

говнымъ. Онъ имѣлъ тогда въ самой
тѣхъ отъ насъ небольшую деревень-
пленную имъ какимъ-то образомъ,
стѣе въ самыхъ нашихъ дачахъ. Бу-
весь почти свой вѣкъ подъячимъ,
онъ всѣ приказныя дѣла изъ осно-
и ставившись съ воеводою нашего
а, подалъ на насъ самую ябедниче-
вскую челобитную, и искалъ на
превеликаго иска.

могу вспомнить съ спокойнымъ ду-
того случая, какъ прѣѣхала къ намъ
рода послыка съ призывомъ матери
къ отвѣту въ городъ. Неожидан-
и печальность такового происше-
поразила ее власно какъ громовымъ
мъ. Она не знала, что дѣлать и что
и при дѣлѣ только ей необыкновен-
погрузилась не только въ преве-
горестъ, но и самое малодушіе.

одясь въ наибольшаго нестрое-
привала она нашего Артамона и
мла его совѣта. Но сей хотя и
вѣкъ довольно грамоту, но, не упраж-
исъ никогда въ такихъ дѣлахъ сего
не зналъ и самъ, что присовѣто-
не къ кому было тогда иному взять
жизня, какъ къ отцу Иларіону. Тотъ-
управленъ былъ къ нему нарочный.

пришедъ, подкрѣпилъ сколько-ни-
вать мою, сказавъ, что послыка сія
гавляетъ еще дальней важности, что
ю дожидаться второй и третьей, а
тѣмъ послать въ городъ человека
маться списать челобитную, чтобъ
все дѣло обстоятельнѣе. Какъ онъ
валъ, такъ было и сдѣлано; Арта-
манъ на другой же день поѣхалъ
ширу и чрезъ нѣсколько дней при-
къ намъ челобитную.

а созванъ былъ матерью моею об-
иный совѣтъ. Отецъ Иларіонъ, вы-
илннутый родственникъ ея, Сила-
евичъ Бакѣевъ, яко человекъ зна-
дательно законы, и Артамонъ, про-
иный тогда въ стряпчіе и повѣрен-
или членами сего совѣта; всѣ они
и разсматривали челобитную и
дали объ оной очень долго. Нако-
сѣ единогласно сказали, что дѣло

наше дурно, что челобитчикъ имѣеть съ
своей стороны требованіе справедливей-
шее, и что намъ ничѣмъ себя оправдать
и просьбу его оспорить не можно, и что
если допустить до суда, то мы вѣрно
потеряемъ и принуждены будемъ запла-
тить ему весь его страшный искъ.

Такое изреченіе сего совѣта не слу-
жило матери моей къ отрадѣ, но повергло
ее еще въ вѣдущую печаль. Наконецъ,
при вопрошеніи, что-жь-бы при тако-
выхъ обстоятельствахъ дѣлать, и чѣмъ
себѣ сколько-нибудь помочь, всѣ едино-
гласно говорили, что другого не остается,
какъ стараться дѣло сіе сколько-нибудь
продлить, а между тѣмъ испытать, не
можно ли соперника нашего преклонить
къ полюбовному въ семь дѣлѣ съ нами
примиренію, и не удастся ли убѣдить
его взять сколько-нибудь съ насъ мень-
ше, нежели сколько онъ требовалъ.

Между тѣмъ, какъ сіе тутъ происхо-
дило, соперникъ нашъ работалъ въ Ка-
ширѣ и старался кутить и юрить самъ
дѣломъ. Не только воевода, но и всѣ
подъячіе были ему друзья и братья. Всѣхъ
онъ закупили и задобрили, и всѣ дер-
жали его сторону; онъ тотчасъ выпро-
силъ другую за нами, а вскорѣ потомъ
и третью послыку.

Таковая поспѣшность и нежданіе намъ
покая привела мать мою еще въ пушную
разстройку. Надлежало что-нибудь дѣ-
лать, и, буде мириться, то къ сопернику
кого-нибудь засылать; но она не знала,
къ кому въ семь случаѣ и прѣбѣжше
взять. О! сколько слезъ пролито было по
сему дѣлу, и сколько вздоховъ испущено
на небо! Наконецъ присовѣтовали ей
самой ѣхать въ Каширу и просить вое-
воду, чтобъ взялъ сколько-нибудь терпѣ-
ніе. Чтѣ было дѣлать! она хотя слаба
была здоровьемъ, но, несмотря на всю
слабость, принуждена была туда со мною
ѣхать. Мы заѣзжали по дорогѣ къ со-
вѣтнику нашему, г. Бакѣеву. Тутъ нача-
лись опять совѣты, но, къ-несчастію, дѣло
было такъ дурно, что всѣ законы были
противъ насъ, и ничего присовѣтовать
было не можно. По-крайней-мѣрѣ упро-

силы мы его, чтобъ онъ поѣхалъ съ нами. Воевода, державшій почти въявь сторону нашего соперника, принялъ насъ весьма гордо и несговорчиво. Матери моей было сіе несносно, однако она принуждена была повиноваться времени. Нѣкоторые подарки, отосланные къ сему градоначальнику, сдѣлали его нѣсколько благосклоннѣйшимъ. Онъ общалъ не только продлить дѣло, что ему всего легче учинить было можно, но и постараться превклонить соперника нашего къ миру. Но сіе не такъ могло скоро сдѣлаться, какъ мы думали и уповали. Мы принуждены были прожить въ Каширѣ болѣе недѣли. Въ сіе время, въ превеликому огорченію нашему, узнали мы, что соперникъ нашъ еще кичился и гордился, и объ мирѣ слышать не хотѣлъ, или, по-крайней-мѣрѣ, хотѣлъ, чтобъ мы заплатили ему огромную сумму. Подозрѣвали, что самъ воевода вмѣстѣ съ нимъ шильничалъ и его научалъ, дабы ему самому тѣмъ болѣе отъ насъ и отъ него поживиться было можно. Сказали матери моей, что есть нѣкто изъ живущихъ неподалеку отъ Каширы дворянъ, по имени Иванъ Алексѣевичъ Ильинъ, человекъ сопернику нашему знакомый, но весьма добрый и хорошій, и совѣтовали съѣздить къ нему и упросить его, чтобъ онъ вступилъ въ посредники и миротворители. Дворянинъ сей былъ намъ совсѣмъ незнакомъ; но что дѣлать! мать моя, утѣсняема будучи крайностью, принуждена была къ нему со мною ѣхать. Г. Ильинъ принялъ насъ нарочито холодно; однако, по умоленію матери моей, общался вступить въ средство и уговаривать нашего соперника. Однако какъ все сіе не могло скоро совершиться, то мы принуждены были, ничего не сдѣлавъ, возвратиться въ деревню, и оставили только стараться и хлопотать по сему дѣлу нашего повѣреннаго.

Горестное сіе для насъ дѣло продлилось большую половину лѣта и почти по самую осень. Сколько это было вздъ и впередъ посылковъ и переѣздовъ, и сколько пролито слезъ! Но наконецъ кончи-

лось дѣйствительно миротвореніемъ. Соперника нашего кое-какъ уговорили помириться, и мы принуждены были согласиться отдать ему не только его бѣглую жонку, но вкупѣ съ ея мужемъ и со всѣми дѣтьми и дворомъ, въ которомъ она жила, и перевезть его на своемъ коштѣ въ его деревню, а сверхъ того заплатить ему еще 800 рублей деньгами. Убытокъ сей былъ для насъ хотя весьма чувствителенъ, а особливо потому, что толкаго числа денегъ мать моя въ личности не имѣла, но принуждена была для вырученія оныхъ распродать и послѣдніе пожитки и вещи отца моего, а нѣкоторое количество еще и призанять; но мать моя, сколько ей все сіе несносно было, рада была, по-крайней-мѣрѣ, тому, что отъ врага своего избавилась. Для заключенія сего мира принуждена была еще разъ со мною въ Каширу ѣздить и еще разъ мучиться. Но какъ бы то ни было, но дѣло сіе наконецъ кончено, и мы, удовольствовавъ своего злодѣя, возвратились въ деревню и начали жить, по-прежнему, въ тишинѣ и спокойствіи.

Теперь, не ходя далѣе, надобно мнѣ замѣтить, что сопернику нашему не пошли въ прокъ наши деньги и люди. На него самого случились вскорѣ потомъ какія-то напасти, а что всего паче, то судьба поразила его тяжелою и долговременною болѣзнію, и онъ въ достальныя годы своей жизни влачилъ дни свои въ жалкомъ состояніи. Наконецъ, не имѣя дѣтей мужескаго пола, лишился онъ и своей деревнишки. Она перешла изъ рукъ въ руки, и досталась нынѣ г. Агаркову, а его имя и память погибли совсѣмъ съ шумомъ изъ предѣловъ нашихъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, продолжалъ я прежнія мои упражненія. Однако съ наступленія лѣта прилежность моя была далеко уже не такова велика, какъ прежде. Частыя выхожденія въ сады, на дворъ, въ роши и на пруды, отвлекали меня отъ ученія, а сообщество съ одними только ребятишками поразвратило гораздо прежнее мое постоянство и благонравіе. Они приучили меня

ко всякимъ играмъ, бѣганью и рѣзвостямъ, изъ которыхъ были нынѣ ни мало съ прежнимъ моимъ характеромъ несообразныя и подвергающія меня иногда самымъ опасностямъ. Всѣ сии безпутныя упражненія скоро я такъ полюбилъ, что за ними мало-по-малу началъ отставать отъ своихъ прежнихъ дѣлъ и занимался ими большую часть времени.

Сіе не могло укрыться отъ глазъ моей родительницы. Она любила меня хотя чрезвычайно и охотно позволяла мнѣ иногда погулять и порѣзвиться, однако неузнѣнность въ томъ и тераніе на то слишкомъ много времени, было ей весьма неприятно и подавало нерѣдко поводъ ей къ неудовольствіямъ и досадамъ на меня. Скоро исчезли уже всѣ прежнія мнѣ похвалы и всѣмъ моимъ дѣламъ одобренія, но она начала меня уже и побранивать и неволею заставлятъ сидѣть и учиться. Нерѣдко стало случаться, что она, поставивъ меня въ ногахъ у своей кровати, предпринимала меня всячески тазать и продолжала иногда тазанье таковое съ цѣлымъ часъ времени. Все сіе, а особливо тазанія ея, были мнѣ весьма неприятны. Я хотѣлъ-бы лучше выскочить быть розгами, нежели выслушивать таковыя ея предики и нравоученія; но что было дѣлать, я принужденъ былъ повиноваться ея волѣ и переносилъ гнѣвъ ея терпѣливо, ибо признаться надобно, что сколько я ее любилъ, столько и боялся. Человѣкъ была она очень нравный, могла легко подвигнута быть на гнѣвъ, и въ семь случаевъ должны были всѣ молчать и повиноваться ея волѣ.

Со всѣмъ тѣмъ всѣ ея тазанія не великое производили во мнѣ дѣйствіе. Привыкнувши однажды къ рѣзвостямъ и полюбивши въ нихъ вкусъ, не такъ легко могъ я отстать отъ оныхъ. Я продолжалъ оныя, но старался болѣе уже утаивать и скрывать отъ матери мои шалости. Но много и скрыть было не можно, какъ, наприимѣръ, однажды, какъ не лежала она на своей постелѣ, а была въ моей комнатѣ и молилась Богу, игралъ и рѣзвился я на ея постелѣ съ любимую ея

кошкою. Тутъ пришло мнѣ въ голову спрятать ее подъ одѣяло, чтобъ повеселиться ея подъ нимъ ворчаньемъ, а потомъ предпріялъ я еще того глупѣйшее дѣло: я, схвата претолстую палку и хотя ее тѣмъ испужать, ударилъ по одѣялу. Но несчастіе мое хотѣло, чтобъ я ударомъ симъ ошибся; вмѣсто того, чтобъ по намѣренію моему ударить подлѣ самой ея и въ пустое мѣсто, попади я прямо въ нее по самой головѣ оной. Бѣдная кошка подняла преужасный крикъ и чрезъ минуту отъ того околѣла. Господи помилуй! Какая поднялась тогда на меня гроза и буря отъ моей матушки. Мнѣ кошки сей было хотя столько-жъ жаль, сколько ей, ибо любилъ и я ее не меньше, какъ и она, и дѣло сіе произошло хотя отъ нечаянности, и я самъ по кошкѣ плавалъ, но статочное-ли дѣло, чтобъ принять что-нибудь въ уваженіе. Я принужденъ былъ съ битый часъ вытерпывать ея брани и тазанія и пребыть дня съ три подъ ея гнѣвомъ.

Въ другой разъ довелъ я рѣзвостями своими ее до того, что чуть-было она меня совсѣмъ не высѣкла. Но, правду сказать, было и за что. Находился у насъ въ домѣ взятый на воспитаніе одинъ солдатскій сынъ, пребѣгая и пребойканъ особа. Онъ былъ наилучшій мой въ рѣзвостяхъ сотоварищъ, и всему злу заводчикъ и производитель. Вышедши однажды за ворота на улицу, увидѣлъ я сего вертопрашнаго малаго, стоящаго подлѣ пруда, на самомъ краю возвышеннаго и крутого берега и ко мнѣ спиною. И тогда приди мнѣ что-то въ голову подкрасться къ нему и столкнуть его съ берега въ воду. Хотѣлось мнѣ его только обмочить и посмѣяться, ибо вѣдалъ, что онъ, по умѣнью своему плавать, утонуть никакъ не могъ; но что-жъ воспослѣдовало? Не успѣлъ я къ нему подкрасться и, собравъ всѣ силы, толкнуть, какъ проклятый онъ, по проворству своему, отвернулся, а я съ размаха полетѣлъ съ берега самъ въ воду. Не умѣя совсѣмъ плавать, и по глубинѣ сего мѣста въ прудѣ, чистехонько могъ-бы я тогда уто-

нуть, ибо я весь окунулся, и поплыла только моя шляпа, еслибъ сама судьба не захотѣла и на сей разъ спасти жизнь мою, и власно какъ нарочно сдѣлала то, что на самый тотъ разъ случилось въ самой близости отъ того мѣста нѣсколько бабъ, моющихъ на примосткѣ платье. Опѣ, увидѣвъ сіе, бросились и вытащили меня изъ воды.

Не успѣлъ я отъ страха и испуга, учиненнаго симъ паденіемъ, опаматоваться и придти въ себя, какъ напало на меня превеликое горе. Вода текла съ меня ручьями, не осталось ни одной сухой нитки на всемъ моемъ платьѣ. Что было дѣлать? Какъ итти въ такомъ нарядѣ домой и показаться къ моей матери? Чего и чего не долженъ я ожидать за сіе отъ ея строптивнаго нрава? Наконецъ присовѣтовали мнѣ бабы послать скорѣе за другимъ и сухимъ платьемъ и переодѣться, и чрезъ самое скрыть происшествіе сіе отъ моей родительницы. Совѣтъ былъ благъ. Я его тотчасъ исполнилъ; но мнѣ не удалось воспользоваться его плодами. Мать моя прежде о томъ свѣдала, нежели я думалъ и ожидалъ. Бездѣльница одна маленькая дѣвчонка, случившаяся тогда на улицѣ, какъ я упалъ въ воду, увидѣвъ сіе, благимъ матомъ побѣжала въ хоромы и рассказала все дѣло находящимся тамъ женщинамъ и старушкамъ. Мать моя вслушалась нечаянно въ разговоръ ихъ и принудила запирающихся ихъ въ томъ пересказать себѣ все дѣвчонкою имъ сказанное, и услышавъ, что я упалъ въ прудъ, обмерла и испужалась, ибо сочла меня уже погибшимъ и утонувшимъ. Въ отчаяніи, не зная она что дѣлать и, неудовольствуясь тѣмъ, что отправила не только пословъ одного за другимъ, для точнѣйшаго обо мнѣ разпрѣдованія, встала сама съ постели и хотѣла идти на прудъ, но, по счастью, вышедшую ее уже изъ хоромъ первые посланные останавливаютъ и, обрадовавъ увѣдомленіемъ, что я живъ, рассказываютъ въ подробности все происшествіе. Тогда страхъ и отчаяніе ея перемѣнились въ превеликій на меня гнѣвъ и до-

саду. Она положила неотмѣнно меня за сіе высѣчь, и велѣла принести и приготовить хорошія уже розги.

Вскорѣ потомъ привели и меня, раба божія, къ ней. Я обмеръ и испужался, какъ услышалъ, что мать моя обо всемъ уже вѣдала, и завѣрное полагалъ, что меня высѣкутъ. «Поди-ка сюда! поди дружокъ!» закричала мать моя, меня увидѣвъ; но я, не давъ ей болѣе говорить, повалился ей прямо въ ноги и говорилъ только: «Виновать, матушка! что хотите, со мной дѣлайте, случилось сіе нечаянно, и я самъ тому не радъ». Она, не внимая моимъ словамъ, схватила уже розги и хотѣла сѣчь, но я, схвативъ ея руку, цѣловалъ оную и обливалъ слезами, прося объ отпущеніи вины моей и о помилованіи, заклиная себя, что впредь того дѣлать не стану. Все сіе умягчило наконецъ гнѣвъ ея. Она не стала меня сѣчь, но предку принужденъ я былъ вытерпѣть преужасную, а сверхъ того не дозволено мнѣ было нѣсколько дней сходить съ мѣста, и я долженъ былъ безпрестанно учиться, повуда, наконецъ, сжалилась она надо мною, и дозволила сама опять выходить на дворъ, взявъ только съ меня клятву, чтобъ я всѣ таковыя безпутства оставилъ.

Нѣсколько недѣль послѣ того, случилась со мною третья бѣдущка, но отъ которой, противъ чаянія моего, я удачно отдѣлался. Былъ у меня нарочно сдѣланъ маленькій и преострый топорикъ. Имъ рубилъ и тесывалъ я, во время рѣзвостей моихъ, что ни попало. Ходючи однажды съ нимъ и вышедъ на улицу, увидѣлъ я, что плотники у насъ рубили срубъ на избу. Легкомысліе мое внушило мнѣ охоту пойти къ нимъ и помогать имъ рубить своимъ топорикомъ. Но какъ сидѣли они на срубѣ высоко и мнѣ къ нимъ взлѣзть было не можно, то увидѣвъ лежащій подлѣ сруба на землѣ одинъ обрубокъ отъ бревна, началъ я надъ нимъ посвоему плотничать. Нѣсколько минутъ рубилъ я все хорошо и порядочно, но одинъ ударъ топоромъ былъ весьма неудаченъ. Топоръ какимъ-

то образомъ съ конца обрубка, который я сглаживалъ, соскользнулся и попалъ мнѣ прямо въ правую ногу, въ самое то мѣсто, гдѣ пускаютъ обыкновенно кровь изъ ноги. Весь узгъ топора ушелъ у меня въ башмакъ и произвелъ рану въ полвершка величиною, и я истинно не знаю, какъ не пересѣкъ я жилы и не испортилъ тѣмъ совсѣмъ ноги. Но видно, что судьба хотѣла меня и въ семь случаѣ спасти: ударъ пришелся вдоль по жиламъ и между оныхъ и не повредилъ ни жилы, ни кости. Но мое великое счастье было то, что рубилъ я въ сей разъ одною, а не обѣими руками и не въ-разнахъ.

Но какъ бы то ни было, но учинивъ сіе, обмеръ я и испужался. По счастью, не видалъ сего никто; плотники сидѣли на срубѣ и продолжали свою работу. Я, примѣтивъ сіе, положилъ возможнѣйшимъ образомъ стараться сокрыть сіе дѣло и какъ можно не допустить до свѣдѣнія моей матери. Чего ради, удержавшись отъ крика и вопля, схватилъ я съ находившейся подлѣ самаго того мѣста дорожки нѣсколько густой грязи и замазавъ ею все просвѣщенное на башмакъ мѣсто, побѣжалъ въ хоромы. Но кровь, сиявшая изъ раны, на половинѣ дорожки отбилась всю мою замазку. Я, примѣтивъ сіе, пустился прямо мимо хоромъ на огородъ. Тутъ, не будучи никѣмъ видимъ, загнѣпилъ и умазалъ я вновь свой башмакъ, какъ хотѣлъ, землею, и какъ увидѣлъ, что кровь не стала болѣе отбивать землю, то пошелъ въ хоромы, сѣлъ за свои книги и не сходилъ до самаго вечера уже съ мѣста. До сего времени ни одна жадная душа не вѣдала о семъ происшествіи; но какъ наступилъ вечеръ и надобно было мнѣ раздѣваться, то по необходимости долженъ я былъ открыться моему камердинеру. Былъ тогда онымъ у меня малый, по имени Дмитрій, и самый тотъ, который нынѣ у насъ портнымъ. Я взялъ съ него клятву, чтобъ онъ никому не сказывалъ, и рассказалъ котомъ свое несчастіе. Тогда оба мы начали заботиться о томъ, какъ намъ снѣ-

нуть башмакъ и чулокъ съ ноги. Мы не инако думали, что нога моя опухла. Однако, сколь велико удивленіе мое было, когда, при скидываніи башмака и чулка, не чувствовалъ я почти никакой боли. А того еще больше удивился я, когда увидѣлъ, что рана моя была хотя пре-великая, но вся наполнена власно какъ новымъ тѣломъ. Сколь я тогда еще ни малъ былъ, но, увидѣвъ такое странное явленіе, заключалъ, что, конечно, произвела сіе дѣйствіе земля и грязь, которою я безъ всякаго умысла рану свою замазывалъ, и послѣ открылось, что я въ мнѣніи своемъ ни мало не обманулся; ибо, какъ замѣтивъ сіе тогда-жъ, началъ я въ послѣдующее время пробовать лечить всякія свѣжія раны землею, то увидѣлъ и чрезъ безчисленные опыты надъ собою и надъ другими удостовѣрился, что земля залечиваетъ всѣ свѣжія раны лучше и скорѣе всѣхъ пластырей на свѣтѣ, а нужно только, чтобъ она была не сухая, а смоченая и смятая на подобіе тѣста.

На другой день, вставши и надѣвъ башмакъ, хотя и чувствовалъ я небольшую боль, принуждавшую меня нѣсколько хромать, однако боль сія была такъ мала, что хроманіе мое было почти вовсе непримѣтно. Однако, боясь, чтобъ какимъ-нибудь образомъ мать моя онаго не примѣтила, рѣшился я весь тотъ день сидѣть и, не сходя съ мѣста, упражняться въ чтаніи и писаніи. Сначала было матери моей сіе совсѣмъ непримѣтно; но какъ я такимъ же образомъ и весь послѣдующій, а тамъ и третій день сидѣлъ безпрестанно за книгами, то показалось матери моей сіе странно и удивительно. — «Что ты, Андрюшенька», говорила она мнѣ, «вдругъ таковъ прилеженъ сталъ и который уже день никуда не выйдешь погулять-себѣ?» — Не хочется что-то, матушка, отвѣтствовалъ я: а къ тому-жъ давно не твердилъ своихъ наукъ и боюсь, чтобъ не позабытъ оныхъ. — «Это очень-хорошо, дитя мое», сказала она на сіе: «однако все погулять-бы сколько-нибудь можно». Чтô было тог-

да дѣлать? Я принужденъ былъ встать и идти въ сады. Но, по счастью, рана моя въ сѣн три дня совсѣмъ почти зажила, и я могъ уже ходить тогда не хромячи.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе происшествіе, и родительница моя не узнала объ ономъ по свою кончину.

Что касается до прочихъ, въ сіе лѣто бывшихъ, происшествій, то помню я только два, нѣкотораго замѣчанія достойныхъ. Первое состояло въ томъ, что мать моя однажды ѣздила со мною для богомолья за Серпуховъ къ Рышковской Богородицѣ, въ которомъ путешествіи сопутствовалъ и отецъ Илларионъ верхомъ на своемъ конѣ. А второе гораздо было важнѣе и состояло въ томъ, что родительница моя печальнымъ образомъ вывихнула у себя ногу въ самой нижней щиколкѣ, и такъ, что ее исправить было никакъ не можно.

Случилось сіе при особливомъ случаѣ. Какимъ-то образомъ и не помню уже зачѣмъ, вздумалось живущему подлѣ насъ дядѣ моему родному удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ. Мать моя на самую ту пору сошла только съ своей кровати и хотѣла войти въ мою спальню. Но лишь только переступила она одною ногою чрезъ порогъ, какъ приближали къ ней безъ души сказать, что идетъ Матвѣй Петровичъ и уже входитъ въ хоромы. Неожиданность такого извѣстія и обстоятельство, что была она совсѣмъ неодѣта, такъ ее потревожили, что она въ-торопяхъ какъ-то вдругъ и скоро обернулась назадъ, спѣша придти скорѣе на кровать, и въ самую сію несчастную секунду повредила себѣ ногу.

Какъ сначала боль была не велика и сносна, то думали, что сіе пройдетъ само собою. Однако въ мѣнѣи семъ всѣ обманулись, боль начала со дня на день увеличиваться и мать мою обезпоковывать отчасу больше. Принуждены были ее править, но какъ и сіе не помогало, то лечить всѣмъ, что кто зналъ; но сколько ни лечили, но не произвели никакой пользы; а окончилось сіе тѣмъ, что родительницѣ моей не можно уже было по самую кон-

чину свою одѣвать на ту ногу башмакъ, но она принуждена была приказать шить изъ войлока нѣкоторый родъ просторной туфли, и въ оной уже хаживала, когда ей съ постели своей сходить надлежало.

Между всѣми сими происшествіями прошло, наконецъ, лѣто. Наступила осень и приближалась зима. Матери моей сколько ни не хотѣлось, по болѣзни своей, меня отъ себя отлучить, однако она заключала, что я живучи при ней со всѣмъ изшалоюсь и избалуясь и не только не выучу ничего вновь, но и все выученное позабуду, имѣла столько духу, что рѣшилась отправить меня въ Петербургъ, какъ скоро зимній путь настанетъ, и потому заблаговременно уже дѣлала всѣ нужныя къ тому приуготовленія. Сопутниками мнѣ назначены были дядька мой, Артамонъ, и еще одинъ молодой малый, по имени Яковъ. Лошадей же велѣно было нанять изъ Москвы до Петербурга.

Какъ скоро зимній путь насталъ, то родительница моя не стала медлить ни одного дня, но собравъ меня совсѣмъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ на дорогу и для петербургскаго житія, собрала всѣхъ своихъ родственниковъ и, предавъ покровительству небесъ, меня въ путь мой отпустила.

Разставаніе у насъ съ нею было нанѣжнѣйшее. Она обливала меня слезами и цѣловала въ лобъ, глаза, щеки и губы; я плакалъ не меньше оной и цѣловалъ у нея обѣ руки. Всѣ бывшіе при томъ присоединяли слезы свои къ нашимъ, ибо никто не могъ утерпѣть, чтобы не плакать; наконецъ, благословивъ меня образомъ и надававъ тысячу благословеній и еще разъ меня расцѣловавъ и обмочивъ своими слезами, простилась она и отпустила. Увы! сіе было въ послѣдній разъ, что она меня, а я ее видѣлъ. Минута сія только мнѣ памятна, что и понынѣ нанѣживѣйшимъ образомъ впечатлѣнъ въ умѣ моемъ ея образъ и тогдашнее разставанье.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ разскажу о своемъ путешествіи и петербургскую жизнь: я есмь и прочее.

Письмо 17-е.

Любезный пріятель! Приступая къ описанію путешествія моего и петербургской жизни, о первомъ скажу, что мнѣ все оное почти двумя словами описать можно. Мы пріѣхали въ Москву благополучно; а тутъ, отпустивъ своихъ лошадей въ деревню, а сами нанявъ ямскихъ, пустились далѣе, и какъ дорога была хорошая и можно было верстъ по 80 на день ѣхать, то доѣхали мы до Петербурга скоро и благополучно. Не было съ нами во всю дорогу ни одного такого приключенія, которое бы достойно замѣчено быть, а стараніемъ дядьки моего былъ и я всѣмъ доволенъ.

Что принадлежитъ до второй, то-есть до петербургской жизни, то найдется многое кой-что, о чемъ пересказать вамъ можно.

Какъ мы адресованы были къ дядѣ моему, Тарасу Ивановичу Арсеньеву, служившему еще и тогда ротмистромъ въ конной гвардіи и жившему сего полку въ свѣтлицахъ, то и пріѣхали мы прямо къ нему. Дядя мой меня уже давно дождался, ибо писалъ уже нѣсколько разъ къ матери моей, чтобъ меня прислала, и что у него есть уже мѣсто на примѣтѣ, гдѣ-бъ мнѣ учиться. «Насялу, насялу прислала тебя мать!» сказалъ онъ меня увидѣвъ. «Давно бы, мой другъ, пора! Небось ты, живучи съ цѣлымъ годъ въ деревнѣ, все выученное позабылъ.»—Нивкакъ, дядюшка! отвѣтствовалъ я:—а я все старался твердить.—«Ужъ знаемъ мы!» сказалъ онъ на сіе: «каково бываетъ ваше тверженье. Но, добро, добро, хорошо, что невѣстка тебя прислала.» Сказавъ сіе, приказалъ онъ выбираться изъ повозокъ и мнѣ одѣться получше, ибо я былъ въ дорожномъ платьѣ.

На другой день повезъ онъ меня съ собою въ коляскѣ въ тотъ знакомый ему домъ, въ которомъ надлежало мнѣ учиться и гдѣ имъ приговоренъ уже былъ учитель. Домъ сей отстоялъ отъ насъ не близко и гораздо болѣе версты, и принадлежалъ одному при строеніяхъ дворцовыхъ опредѣленному старичку-генералу,

по имени Якову Андреевичу Маслову, самому тому, который, въ послѣдующія времена будучи генерал-аншефомъ, постригся въ монахи и нѣсколько лѣтъ препроводилъ въ духовномъ чинѣ и былъ сперва іеромонахомъ, потомъ игуменомъ, а наконецъ архимандритомъ. Дядѣ моему знакомъ былъ сей человекъ потому, что былъ онъ сосѣдъ ему по деревнямъ, а сверхъ того и любилъ его. Въ домѣ у него жилъ тогда учитель французъ для обученія дѣтей генеральскихъ; и съ симъ-то учителемъ, съ дозволенія господина Маслова, условился дядя мой, чтобъ ему меня учить, и мнѣ бы всякій день поутру и послѣ обѣда приходилъ въ сей домъ для ученія. Я представленъ былъ и учителю, и господину Маслову; дѣло было въ единый мигъ кончено, и положено, чтобы я въ послѣдующій же день учинилъ начало.

Между тѣмъ, какъ мы туда ѣздили, дядькѣ моему поручено было съискать для другого моего слуги какое-нибудь мѣсто и работу, чтобъ не было нужды кормить его по-пустому. Дядька мой и нашелъ ему работу на канатномъ дворѣ столь выгодную, что онъ не только могъ самъ себя пропитать, но выручаемыхъ денегъ довольно оставалось и на заплату за меня учителю моему: итакъ, оно мнѣ ничего почти не стоило. Дядя былъ симъ очень доволенъ и приказалъ въ тотъ-же день отправить его на фабрику.

Домъ, въ которомъ жилъ дядя мой, былъ хотя нарочито великъ, но ему ассигнована была только одна половина онаго, а въ другой жилъ другой офицеръ. Половина сія содержала въ себѣ только четыре просторныя комнаты. Первая составляла переднюю или залу, отправляющая также должность столовой, вторая—дяди моего спальню, и оба сіи покоя были обиты обоями и порядочно убраны; а изъ другихъ двухъ заднихъ одна была дѣтскою, а другая и лакейскою и дѣвичьею. Мнѣ ассигновано было мѣсто спать въ залѣ, гдѣ подлѣ печки поставлена была моя кровать.

Дядя мой, будучи порядочный и сѣ

ный человекъ, жилъ, какъ говорится въ пословицѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Мотать онъ не моталъ, жилъ не слишкомъ роскошно, и въ домѣ у него все было хорошо и порядочно. Онъ имѣлъ у себя молодую тогда и вторую жену и маленькаго на рукахъ еще сына. Катерина Петровна—такъ звали его жену—была боярыня молодая и модная и великая щеголиха. Онъ любилъ ее чрезвычайно; однако она должна была во всемъ повиноваться его волѣ и ничего лишняго не затѣвать. Нѣсколько человекъ отборныхъ друзей, живущихъ такимъ же образомъ, какъ онъ, составляли наиболѣе ихъ компанію и дѣлили съ ними свое время. Въ особенности же друженъ съ нимъ былъ тогдашней конной-гвардіи секретарь, Дмитрій Михайловичъ Буткевичъ. Поелику и у сего офицера была также жена и притомъ такихъ же почти лѣтъ и свойствъ, какъ моя тетка, то обѣ сіи дамы связаны были неразрывною любовью и ѣзжали очень часто другъ къ другу. Во время сихъ сѣздовъ препровождали онѣ время свое наиболѣе въ играни въ карты, ибо тогда зло сіе начало входить уже въ обыкновеніе, равно какъ и вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получала свое основаніе и начало. Все что хорошею жизнію нынѣ называется, тогда только-что заводилось, равно какъ входилъ въ народѣ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была неспускаема.

Совсѣмъ тѣмъ, карточная игра не была еще въ такомъ ужасномъ употребленіи, какъ нынѣ, и не сиживали за картами и до обѣда и послѣ обѣда и во всю почти ночь не вставаючи. Нынѣшнихъ вистовъ тогда еще не было, а ломберъ и тресетъ были тогда наилучшія игры, да и въ тѣ

игрывали только по вечерамъ. Въ прочее-жъ время упражнялись въ разныхъ и важныхъ разговорахъ. Въ сихъ разговорахъ обыкновеніе тогда было упражняться въ-особливости за ужинами и за обѣдами. По цѣлому иногда часу и болѣе сидѣли они наѣвшись и ничего иного не дѣлая, кромѣ, что упражняясь въ разговорахъ.

Для меня сей родъ жизни былъ совсѣмъ новъ и необыкновененъ, но я принужденъ былъ съ онимъ сообразоваться и могу сказать, что привыкъ къ нему очень скоро. Я велъ себя тутъ очень степенно, а правду сказать, причиною тому было то, что, съ одной стороны, боялся я очень дяди, оговаривающаго меня тотчасъ, какъ скоро я что-нибудь непристойное дѣлывалъ, а съ другой, не было въ домѣ никакого мнѣ сверстника, съ которымъ-бы мнѣ можно было рѣзвиться; итакъ, поневолѣ долженъ я былъ быть тихимъ, кроткимъ и степеннымъ. Днемъ хаживалъ я обыкновенно въ домъ къ господину Маслову учиться, а въ вечеру препровождалъ время свое не въ людской и не съ людьми, а въ спальнѣ дяди моего, со всѣми гостями и, сидючи за стуломъ, смотрѣвъ, какъ они игрывали, и слушать ихъ разговоры. Но никогда разговоры ихъ не были мнѣ такъ скучны, какъ за ужиномъ: нерѣдко случалось, что, уставши днемъ отъ ходьбы, а вечеромъ отъ стоянія смерть спать хочется; но я принужденъ былъ вытѣсть съ прочими часа два просидѣть за ужиномъ и слушать разговоры, ибо, къ-несчастію, кровать моя стояла въ сей комнатѣ и мнѣ вытѣть и лечь было не можно.

Симъ образомъ, и не бранью и не жестокостью, а все ласками и оговариваніями, въ короткое время дядя такъ меня вышколилъ, что я сталъ совсѣмъ другой ребенокъ и во всемъ моемъ поведеніи такъ перемѣнился, что скоро, какъ дядя, такъ и тетка, а не менѣе и приѣзжавшіе къ намъ гости начали меня удостаивать своими похвалами и дѣлать мнѣ болѣе уваженія, нежели прежде. Оно приобщали меня даже къ своимъ увеселеніямъ, научили меня играть въ тресетъ и я дол-

женъ былъ иногда дѣлать компанію боярынямъ. Когда же ознакомился уже болѣе, то случалось, что когда заводили они танцы, то и я долженъ былъ танцовать вмѣстѣ съ ними, или, по крайней мѣрѣ, въ контратанцахъ помогать дѣлать фигуру. Случалось-ли когда выѣзжать имъ цѣлою компанією гулять, на-примѣръ въ лѣтнее время на Каменный-Островъ, или въ иное мѣсто, то бирали меня съ собою, и т. д.

Все сіе было для меня пріятно, и я скоро получилъ вкусъ въ жизни сего рода, и могу сказать, что какъ домъ господина Маслова былъ мнѣ училищемъ для наукъ, такъ домъ дяди моего былъ для меня училищемъ свѣтской жизни и хорошему поведенію. Съ сей стороны я много обязанъ сему любившему меня родственнику, а не менѣе и теткѣ, его жень. Она не менѣе старалась меня исправлять, какъ и онъ, и я попеченіемъ и стараніемъ ея обо мнѣ былъ очень доволенъ и имѣлъ къ ней искреннее почтеніе, и потому охотно исполнялъ поручаемыя ею мнѣ комиссіи. Она, узнавъ, что я умѣю рисовать, заставляла меня иногда дѣлать для себя нѣкоторые рисунки; но ничѣмъ я ей такъ не угодилъ, какъ разрисованіемъ одного ларчика: я употребилъ къ тому все мое искусство, и она была работою моею очень довольна.

Не менѣе также доволенъ я былъ однимъ, бывающимъ почти всякій день у дяди моего, гостемъ. Былъ онъ того-жъ полка офицеръ, по фамиліи Лихаревъ, но находился подъ какимъ-то слѣдствіемъ, и потому хаживалъ обыкновенно все въ тулупѣ. Поелику былъ онъ человекъ весьма разумный и въ компаніи веселый и шутивый, то любилъ его мой дядя, и онъ хаживалъ къ намъ почти всякій вечеръ. Сей человекъ, узнавъ, что я имѣю склонность къ наукамъ и чтанію книгъ, отгнѣнно меня за то полюбилъ и нерѣдко разговаривалъ со мною о разныхъ матеріяхъ. Онъ принесъ ко мнѣ однажды рукописную книгу и, отдавая для прочтенія, сказалъ, что онъ обо всемъ будетъ меня спрашивать, и чтобъ я читалъ со вниманіемъ. Но таковое напоминаніе бы-

ло для меня не нужно. Книга сія была для меня очень любопытна, и какъ я сего рода книгъ никогда еще не читывалъ, то въ немногіе дни промолотъ я ее всю, а не удовольствуясь однимъ разомъ, прочелъ и въ другой разъ и могъ ему пересказать все по пальцамъ. Г. Лихаревъ удивился, услышавъ о томъ, что я ее въ такое короткое время прочелъ уже два раза, и былъ охотою и вниманіемъ моимъ такъ доволенъ, что подарилъ меня сею книгою. Я обрадовался тому до чрезвычайности и не зналъ какъ возблагодарить ему за оную. Составляла она переводъ одного французскаго и прямо можно сказать любовнаго романа подъ заглавіемъ «Энаменондъ и Целеріана» и произвела во мнѣ то дѣйствіе, что я получилъ понятіе о любовной страсти, но со стороны весьма нѣжной и прямо романтической, что послѣ послужило мнѣ въ немалую пользу.

Симъ образомъ препровождать я жизнь въ домѣ у моего дяди и столь порядочно, что не помню, чтобъ я однажды сдѣлалъ какую шалость и подальше поведъ дядѣ моему бранить меня за то. Словомъ, весь домъ былъ мною доволенъ, и всѣ любили меня и хвалили.

Но теперь время рассказать мнѣ вамъ и о домѣ г. Маслова и о томъ, какъ я учился въ ономъ. Отстоялъ онъ отъ насъ, какъ выше упомянуто, не близко, ибо находился неподалеку отъ церкви Сергія Чудотворца и за Литейнымъ-Дворомъ и ходить мнѣ было въ оный нарочито далеко, однако, по ребячеству своему, я скоро къ тому привыкъ; иногда хаживалъ я туда одинъ, а иногда провожалъ меня дядька, и путь сей, а особливо въ лѣтнее время, былъ мнѣ очень пріятенъ, а нерѣдко и сокращалъ я оный, купивъ на дорогѣ себѣ изюма и лакомясь имъ по дороге. Лавочникъ, сидящій на дорогѣ въ лавочкѣ, уже такъ къ тому привыкъ, что отвѣшивалъ обыкновенные мои четверть фунта заблаговременно и меня только завидѣвъ: изюмъ былъ тогда въ Петербургѣ очень дешевъ, и на порцію мою въ день исходило только три денежки, ибо фунтъ продавался по 6 копѣекъ.

Домъ у господина Маслова былъ хотя превеликій, но какъ онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ коихъ старшій, по имени Михаилъ, былъ уже капитаномъ, а средній, по имени Степанъ, гвардіи сержантомъ, и оба они были большіе, то цѣлая половина дома содержала въ себѣ комнаты, въ которыхъ жили его дѣти, такъ что намъ съ обоими его младшими дѣтьми, Иваномъ и Андреемъ, не оставалось во всей сей половинѣ мѣста для ученія, и мы принуждены были учиться у самого генерала въ передспальнѣ. Оба мои товарища были нѣсколько меня постарше, и оба были очень рѣзвы и въ ученію тупы, а особливо меньшей самѣй. Что-жъ касается до другого, то былъ онъ хотя пылкаго и горячаго темперамента и малый весьма вѣтренный и бойкій, но въ ученію былъ также непрілеженъ.

Съ обоими ими свелъ я скоро дружбу и знакомство. Для насъ поставлялся обыкновенно ломберный століекъ посреди передспальни, и тутъ должны мы были сидѣть и учиться, наблюдая возможнѣйшую тишину и благопристойность.

Что принадлежитъ до учителя нашего, то былъ онъ родомъ французъ и человекъ еще очень нестарый. Звали его г. Лаписъ и наивеличайшій недостатокъ его состоялъ въ томъ, что онъ не умѣлъ ни одного слова по-русски, а столь-же малое понятіе имѣлъ онъ и о нѣмецкомъ языкѣ. Сіе обстоятельство причиною тому было, что и въ сей разъ нѣмецкій мой языкъ принужденъ былъ спать, и я чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе позабывалъ оный. Но тогдашнее ученіе мое и французскому языку было самое бѣдное и весьма-весьма недостаточное. Великое счастье было еще то, что я сколько-нибудь умѣлъ уже по-французски, а то истинно не знаю, какъ-бы онъ сталъ меня учить, не умѣя по-русски ничего растолковать и изъяснить. Не понимаю я и понинѣ, какъ таковые учителя учатъ дѣтей въ домахъ многихъ господъ, а особливо сначала и покуда ученики ничего еще не знаютъ. Господинъ Лаписъ былъ хотя и ученый человекъ, что можно было заключить по без-

престанному его читанію французскихъ книгъ, но и тотъ не зналъ, что ему съ нами дѣлать и какъ учить. Онъ мучилъ насъ только списываніемъ статей изъ большого французскаго словаря, изданнаго французскою академіею, и въ которомъ находились только о каждомъ французскомъ словѣ изъясненіе и толкованіе на французскомъ же языкѣ; слѣдовательно, были на большую часть намъ невразумительны. Сіи статьи, и по большей части такіа, до которыхъ намъ ни малѣйшей не было нужды, должны мы были списывать, а потомъ вытверживать наизусть безъ малѣйшей для насъ пользы. Тогда принуждены мы были повиноваться волѣ учителя нашего, и все то дѣлать, что онъ приказывалъ. Но нынѣ надсѣдаюсь я со смѣха, вспоминая сей родъ ученія, и какъ бездѣльники французы не учатъ, а мучатъ нашихъ дѣтей сущими пустяками и бездѣлицами, стараясь чѣмъ-нибудь да провести время.

Словомъ, еслибъ не пользовало насъ то, что мы, какъ съ учителемъ, такъ и между собою говорили всякій день по-французски и чрезъ то не твердили языкъ сей отчасу больше, то не знаю, какую-бъ пользу могъ я получить отъ тогдашняго ученія. Не упражнялся я ни въ чтеніи книгъ, ни въ переводахъ, которые-бъ всего нужнѣе мнѣ были, а особливо съ русскаго на французскій. Учитель нашъ не въ состояніи былъ помогать намъ въ семъ случаѣ, да и вообще не прилагалъ онъ дальняго объ насъ старанія, а только и все его дѣло было, что заставлялъ насъ писать и учить наизусть. Прочее-жъ время упражнялся онъ все въ чтеніи.

Такимъ образомъ не получилъ-бы я въ семъ мѣстѣ дальней пользы, если-бъ не случилось одного побочнаго обстоятельства, которое нечаянно послужило мнѣ въ особливую пользу и подало поводъ выучиться цѣлой иной наукѣ, которой я во все не ученъ былъ. — Какъ оба сотоварища мои записаны были въ артиллерію и были сержантами въ оной, то восхотѣлось старику-генералу выучить ихъ ариметикѣ и геометріи, какъ таинмъ наукамъ,

которые были имъ необходимо надобны. Приговоренъ былъ для сего одинъ артиллерійскій капрагъ, и положено, чтобъ ходить ему въ домъ сей послѣ обѣда въ каждый день и учить дѣтей генеральскихъ. Что касается до третьяго и середняго сына, то сей упражнялся тогда въ черченіи фортификаціи, въ своихъ комнатахъ, и для обученія его жилъ тутъ въ домѣ инженерный кондукторъ г. Пучковъ.

По особливому счастью моему, оба товарища мои были крайне безтолковы и непонятны, и учитель бился съ ними какъ съ крайними невѣждами. Онъ принужденъ былъ всякую вещь имъ раза по три и по четыре перетолковывать и насильно вбивать въ голову. Какъ сидѣли они со мной за однимъ столикомъ и я все сіе видѣлъ и слышалъ, то смѣшное изъ сего вышло: ихъ учили, но они не выучились, а меня хотя не учили, но я выучился совершенно. Помогла къ тому много собственная моя охота, ибо мнѣ науки сіи такъ полюбились, что я, приходя въ вечеру домой, все то записывалъ, что я днемъ слышалъ. Я досталъ себѣ циркуль, рейсфедеръ и транспортиръ, и безъ всякаго указательства, начертилъ и написалъ себѣ всю полную геометрію и понималъ ее довольно совершенно. Хотѣлось было мнѣ такимъ-же образомъ получить понятие и о фортификаціи, которой учился средній генеральскій сынъ, Степанъ; но какъ мы въ покой его рѣдко хаживали и при насъ учитель ему ничего не толковалъ, то и не можно было мнѣ въ желаніи моемъ имѣть дальняго успѣха. Однако я старался волюю можно ходить туда чаще и сматривать, какъ они чертятъ планы, и получилъ по крайней мѣрѣ о сихъ довольно понятие.

Симъ образомъ продолжалъ я ученіе мое не только всю зиму, но и половину тогдашняго лѣта, и къ жизни сего рода такъ уже привыкъ, что она мнѣ сдѣлалась весела и пріятна. Но спокойствіе моего духа нарушено было въ іюнь полученіемъ нечаяннаго извѣстія изъ Москвы, что родительница моя въ деревнѣ скончалась. Первое извѣстіе о семъ пе-

чальномъ приключеніи сообщилъ мнѣ мой дядька, оно поразило меня, какъ громовымъ ударомъ. Однажды послѣ обѣда, пошедъ меня провожать въ школу, сталъ онъ мнѣ говорить на дорогѣ, что есть изъ Москвы письмо, что матушка моя очень больна. Сердце мое затрепеталось при семъ словѣ и пронзилось, власно, какъ ножомъ. «Ахъ, Артамовушка, голубчикъ!» подхватилъ я скоро его слово: «ужъ не скончалась-ли она? скажи мнѣ, ради Бога!» Тогда сказалъ онъ мнѣ, что еще апрѣля 23-го числа былъ тотъ несчастный день, въ который преселилась она въ вѣчность. Боже мой, какою горестію и печалью поразило тогда мое сердце! Я стоналъ, рыдалъ и плакалъ и съ цѣлою четверть часа не могъ сойти съ мѣста. Казалось, что всѣ стихи для меня перемѣнились. Всѣ уговариванія дядьки моего не помогали; но наконецъ принужденъ я былъ дать себя уговорить продолжать путь свой далѣе. Однако худое ученіе было уже въ тотъ день; я и тамъ нѣсколько разъ принимался плакать.

Такимъ образомъ лишился я и моеи родительницы и осталася совершеннымъ уже сиротою на четырнадцатомъ году моего возраста. Я узналъ послѣ, что она съ самаго моего отъѣзда начала часъ отъ часу слабѣть болѣе и, наконецъ, по вскрытіи весны, сама примѣтила уже приближающуюся свою кончину и приготовилась къ оной по христіанскому долгу. Она скончалась въ совершенной памяти и погребена была въ приходской нашей церкви, подъ самымъ правымъ клиросомъ. Дядя мой примирился съ нею предъ ея кончиною и имѣлъ попеченіе о ея погребеніи, а окончивъ сію печальную церемонію, взялъ на себя попеченіе о нашемъ домѣ и управленіи деревнями до моего приѣзда.

Пронесшество сіе произвело паки во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ великую перемѣну. Я сдѣлался тогда совершеннымъ властелиномъ надъ всѣмъ нашимъ имѣніемъ и деревнями, но властелиномъ весьма еще къ правленію оными неспособнымъ.

Что со мною случилось далѣе, о томъ разскажу вамъ, любезный пріятель, въ послѣдующемъ письмѣ, а сіе окончивъ снѣмъ остаюсь и прочее.

Письмо 18-ое.

Любезный пріятель! Теперешнее письмо расположило я наполнить почти сухими пустяками и бездѣлками и разсказать вамъ въ ономъ иѣчто смѣшное.— Но напередъ разскажу вамъ нѣсколько и дѣла. Извѣстіе о кончинѣ матери моей произвело во мнѣ великую перемену. Мнѣ казалось, что тогда могу уже я дѣлать что хочу и быть поступковъ своихъ совершеннымъ господиномъ. Къ дядѣ моему я хотя прежде высокопочитанія не потерялъ, однако разсуждалъ, что съ такимъ подобострастіемъ его бояться какъ прежде мнѣ уже не годилось и было бы излишнимъ. Голова моя стала наполняться тогда уже иными замыслами, и охота жить долѣе въ Петербургѣ и по прежнему учиться мало-по-малу исчезать стала. Дядька мой поддувалъ меня ежедневно. Онъ то и дѣло мнѣ напоминалъ, что теперь помышлять мнѣ надобно уже и о домѣ, что тамъ все безъ меня разорится, а особливо если я скоро домой не приѣду, и такъ далѣе. Въ самомъ же дѣлѣ ему самому нетерпѣливо хотѣлось скорѣй домой ѣхать, онъ имѣлъ тамъ жену и дѣтей, да и впрочемъ не думалъ, чтобъ ему тамъ худо было. Онъ не сомнѣвался, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ будетъ онъ при мнѣ первымъ человекомъ, и потому имѣть иногда случай ловить въ мутной водѣ рыбу. Но какъ бы то ни было, но мнѣ представленія его были непротивны, и мы начали совокупно оба стараться искать удобнаго средства къ нашему отъѣзду и къ скорѣйшему освобожденію себя изъ-подъ власти дядиной. Однако всѣ наши замыслы долго уничтожаемы были твердымъ предпріятіемъ дяди моего удержатъ меня въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ до зимы, дабы мнѣ сколько-нибудь понаучиться болѣе было можно. Всѣ первыя представленія мои объ от-

пускѣ меня домой были отвергнуты, и я нѣхотя принужденъ былъ продолжать науки и ходить по прежнему въ домъ къ господину Маслову.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ дожидаться до зимы казалось намъ слишкомъ долго, то дядька мой не преминулъ выдумывать всевозможнѣйшія средства къ сокращенію сего термина и убѣдилъ меня, наконецъ, употребить самый бездѣльный обманъ противъ моего дяди. Онъ присовѣтовалъ мнѣ отписать тайнымъ образомъ къ болѣешей моей сестрѣ во Псковъ и, увѣдомивъ ее о кончинѣ матери нашей, просить, чтобъ она прислала за мною лошадей и коляску, а между тѣмъ и около того времени, какъ быть коляскѣ, вслѣдовать на генерала Маслова, что онъ хочетъ ѣхать въ Москву и взять съ собою дѣтей и учителя. И какъ ему не трудно было меня ко всему уговорить, то постарался онъ найтти и случай къ пересылкѣ письма во Псковъ. Я исполнилъ по его хотѣнію и, отправивъ письмо, сталъ съ спокойнѣйшимъ духомъ ходить для продолженія наукъ своихъ.

И тогда-то случилось со мною то смѣшное происшествіе, о которомъ общалъ я вамъ разсказать.—Состояло оно въ томъ, что меня не думано не гадаю въ домѣ у господина Маслова высѣкли.—Это, скажите вы, не смѣшное а печальное. Но постоитъ, любезный пріятель! дайте мнѣ выговорить. Сѣкли меня больно, да и очень больно, и досталось и рукамъ и головъ, и кафтану и плечамъ.— Но чтожь далѣе? а вотъ то далѣе, что вы не угадаете, что я тогда во время сѣченія сего дѣлалъ.— Что иное дѣлать, скажите вы, какъ плакать или кричать.—Но того-то и не бывало, но я вмѣсто того со смѣха надсѣдался и чѣмъ болѣе меня сѣкли, тѣмъ болѣе я смѣялся.—Что за диковинка, скажите вы: это ненатурально.—Я не знаю, натурально-ли сіе или не натурально было, и вы называйте какъ хотите, а сіе въ самомъ дѣлѣ было и я разскажу вамъ теперъ сію странную комедію.

Однажды сидѣли мы съ товарищами моими и учились. Вы знаете, что языкамъ

по большей части учатся тихомолкою, а особенно когда затверживаютъ что-нибудь наизусть, а тогда въ самомъ томъ мы и упражнялись. Учитель нашъ, задавъ намъ уроки, сѣлъ подлѣ окошка и читалъ французскую книгу. Изрядная хворостина лежала подлѣ него, которую для всякаго случая, а особенно для рѣзвыхъ моихъ товарищей, носилъ онъ всегда съ собою и нерѣдко случалось, что онъ ихъ за шумѣнье и рѣзвости по рукамъ ея стегивалъ. Обстоятельство, чтобъ намъ не шумѣть, а сидѣть тихо, а особенно когда генералъ, отецъ ихъ, бывалъ дома и вполнѣ свободнѣе время, въ побочной подлѣ насъ своей спальнѣ отдыхалъ, было намъ навѣрно запрещено, и въ такое время должны были мы сидѣть весьма тихо и вслухъ ничего не говорить.

Тогда случай былъ точно такой. Дѣло было вскорѣ послѣ обѣда и генералъ только-что заснулъ въ спальнѣ, и къ несчастію, намъ особенно еще подтвердилъ, чтобъ мы не шумѣли. Мы и сидѣли нѣскольکو времени какъ въ воду опущенные. Но вдругъ нелегкая догадай одного и рѣзвѣйшаго изъ моихъ товарищей, посмотрѣвъ изъ подолба, что учитель нашъ дѣлаетъ, а увидѣвъ, что онъ углубился въ чтеніе книги, захотѣлось ему надъ нимъ пошутить. Онъ, оборота голову свою къ нему и вытянувъ губы, ну ими играть пальцемъ и тѣмъ дразнить учителя. Сіе брату его такъ смѣшно показалось, что онъ тотчасъ закуркалъ, ибо вслухъ смѣяться и хохотать было ему не можно. Говорятъ, что всякое запрещенное намъ охотнѣе дѣлать хочется, и сіе подлинно справедливо, а особенно было сіе при тогдашнемъ случаѣ. И я не знаю, что тогда на насъ на всѣхъ особенное нашло. Кажется все сіе и негораздо смѣшно было. Или хотя-бъ немного тому и по-смѣяться, но послѣ и перестать бы можно было: но мы власно тогда какъ весь свой рассудокъ потеряли. Оба мои товарищи, надрываясь, смѣялись и до слезъ куркали. Я, совсѣмъ не зная чему они смѣются, но увидѣвъ ихъ надрывающихся со смѣху, послѣдовалъ ихъ примѣру и хохоталъ не

вѣдалъ самъ чему. Сперва смѣялись и куркали мы все еще тихо и умѣренно; но мало-по-малу началъ нашъ смѣхъ громче становиться. Учитель нашъ услышавъ то, и боясь, чтобъ мы не разбудили генерала, кричалъ намъ, — Ne! messieurs que faites vous (Эй, господа, что это вы дѣлаете), но мы того не слушали. Онъ спрашивалъ, чему мы смѣемся, но ни одинъ изъ насъ не могъ ему за смѣхомъ отвѣтствовать. Наконецъ приступилъ онъ къ одному изъ моихъ товарищей и съ сердцемъ уже требовалъ, чтобъ онъ сказалъ, чему мы смѣемся. Сей, вставъ передъ нимъ и куркая съ полчаса, хотѣлъ-было выговорить слово, но вмѣсто того вслухъ и во все горло захохоталъ и слюнами всего его забрызгалъ.

Намъ чрезъ то власно какъ сигналъ былъ данъ. Терпя, терпя, захохотали тогда и мы во все горло; ибо намъ сіе еще того смѣшнѣе показалось. И тогда загорѣлся огонь и поломя. Учитель нашъ вздурился, сіе увидѣвъ. Сперва уговаривалъ онъ насъ ласвою и убѣждалъ резонами; но увидя, что мы только пуще смѣялись, принялся за насильныя средства, и тутъ началась истинная комедія. Онъ, схватя розгу, ну насъ ею по рукамъ стегать, но мы пуще, не успѣвъ кого ударить, какъ тотъ только «ха! ха! ха!» и насъ подожжетъ тѣмъ только больше. Не пронявшисъ тѣмъ, ну насъ по головамъ розгою. Но мы пуще; онъ насъ съчтетъ, а мы «ха! ха! ха!» и отъ смѣха только плачемъ.—Взбѣсился тогда нашъ учитель и по горницѣ вспрыгался. Розгу свою онъ объ насъ всю уже изломалъ. Побѣжалъ за другою, но, по несчастію, другой не находилъ. Сіе показалось намъ еще того смѣшнѣе: когда человекъ примется хорошенько смѣяться, тогда ему все смѣшно кажется. Мы опять за то же да за то. Учитель насъ бранить, ругаетъ, бѣситя, а мы хохочемъ; наконецъ нѣчѣмъ ему уже насъ пронять. Совался, бѣгалъ, искалъ, шарилъ, но не нашедъ ничего, чѣмъ бы насъ ударить, ну въ насъ швыремъ книгами; но сіе пуще только нашъ смѣхъ умножило. Одну, бросивъ неосторожно, ра-

зодраль, у другой перегнулъ и испортилъ доску, третья, отскочивъ отъ насъ, попала въ чернильницу и проливши чернила, замарала столъ и наши бумаги. Боже мой, что тогда поднялось! Мы не въ состояніи уже тогда были ни мало умѣривать свой смѣхъ и не хохотали, но ревѣли уже во все горло все сіе увидѣвъ. И я не знаю, чѣмъ бы кончилась сія комедія, если-бы шумомъ и хохотаніемъ своимъ мы наконецъ генерала не разбудили. Онъ кликнулъ камердинера своего, и мы, услышавъ сіе, начали переставать смѣяться. Потомъ вышелъ онъ къ намъ и учитель приносилъ ему на насъ жалобы, и былъ такъ взбѣшенъ, что не хотѣлъ болѣе жить ни одного дня тутъ въ домѣ. Мы просили прощенья, и признались, что такой бѣды надъ нами никогда не бывало, и что на насъ нашла такая паша, которой мы сами были не рады.

Да и въ самомъ дѣлѣ я не помню, чтобъ во всю жизнь мою когда-нибудь подобный сему другой случай со мною былъ. И чудныя по истинѣ со мною происшествія въ семь домѣ были! — Въ другой разъ и гораздо сего прежде, я цѣлый день, самъ истинно не зная о чемъ, проплакалъ. Но сіе было нѣкоторый родъ предъощущенія душевнаго, ибо около самаго того времени скончалась въ деревнѣ моя родительница.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, истинная пустошь, о которой и упоминать по справедливости труда не стоило; если-бы вы не любили смѣшного, а исходствіе того расскажу вамъ теперь и другое, бывшее со мною въ сіе же лѣто въ Петербургѣ происшествіе, которое, можетъ быть, также васъ усмѣхнутъ заставить.

За короткое уже время до отбытія моего отъ сего учителя, попался-было я, любезный пріятель, въ превеликія хлопоты. Молодца совсѣмъ-было подъ караулъ подтащали, и быть было мнѣ въ хорошемъ мѣстѣ, а именно въ госпожѣ-Сѣзжей, или гдѣ-нибудь еще хуже. Однако не думайте, пожалуйте, чтобъ то за какую-нибудь великую продерзость было. Лѣта мое не были еще такія, чтобъ я могъ на зло-

что-нибудь отважиться, а всему была причиною милая и дорогая незрѣлость разума и одна только неосторожность.

Было сіе уже подъ осень и въ началѣ сентября. Вамъ извѣстно, что пятое число сего мѣсяца было въ тогдашнее время отмѣнное, ибо въ сей день было тезоименитство царствовавшей тогда государыни Елисаветы Петровны и празднованъ былъ оный съ великимъ великолѣпіемъ, и потому дѣланы были къ торжеству сему заблаговременно нѣкоторыя приуготовленія. Какъ г. Масловъ былъ генералъ отъ строевія, то и провѣдали мы, что предъ Лѣтнимъ дворцомъ будетъ въ сей день огромная и великолѣпная иллюминація. Будучи ребенкомъ, можно-ли пропустить, чтобъ на оной не быть и не посмотретьъ рѣдкаго такого и пріятнаго зрѣлища? Я испросилъ дозволеніе на то отъ дяди и получилъ оное.

Иллюминація была въ самомъ дѣлѣ достойная зрѣнія, и я глаза свои растерялъ смотря и любясь на оную. Она сдѣлана была изъ разноцвѣтныхъ фонарей, которые толкими-же разными огнями быть казались. По обимъ краямъ представлено было два храма, а посрединѣ въ превеликомъ возвышеніи превеликая картина, изображающая родоскаго колосса, стоящаго ногами своими на двухъ краяхъ гавани, простирающейся въ перспективическомъ видѣ отъ онаго до самыхъ храмовъ и прикасающейся другими концами къ онымъ. Сей родъ иллюминаціи былъ мнѣ хотя уже извѣстенъ, однако такой огромной и великолѣпной я не видывалъ, и потому смотрѣлъ на оную съ великимъ восхищеніемъ.

Впрочемъ, надобно вамъ сказать, что я ходилъ смотрѣть сію иллюминацію не одинъ; по одинъ живущій въ домѣ у генерала Маслова его племянникъ, г. Тороповъ. лѣтами меня нѣсколько постарѣе, былъ моимъ товарищемъ и предводителемъ. Дядька мой, Артамонъ, также за нами слѣдовалъ. Насмотрѣвшись довольно на иллюминацію, повелъ меня г. Тороповъ на крыльцо самаго дворца и продрался со мною до самыхъ стеклянныхъ дверей

зала, въ которой продолжался тогда балъ и гремѣла огромная музыка. Тутъ представилось зрѣнію моему новое, никогда мною невиданное и не менѣе прелестное зрѣлище. Вся зала наполнена была придворными, знатными господами и госпожами; всѣ они были въ наилучшихъ убранствахъ и упражнялись въ танцованіи. Безчисленное множество свѣчь, горящихъ въ люстрахъ и въ простѣнкахъ освѣщали сію залу. Зрѣлище толико великолѣпное: безчисленное множество брильянтовъ, блистающихъ на головахъ у дамъ придворныхъ, сладкое согласіе музыки и всѣ прочіе предметы, приводили всѣ чувства мои въ восхищеніе. Я не могъ всему сему довольно насмотрѣться, и мнѣ казалось, что въ мѣстѣ семь былъ сущій тогда рай. Г. Тороповъ, давъ мнѣ зрѣніемъ симъ довольно навеселиться, восхотѣлъ потомъ сдѣлать мнѣ еще одно удовольствіе и показать мнѣ дворцовый садъ, наполненный тогда великимъ множествомъ гуляющаго народа... Но какъ было тогда очень темно, то товарищъ мой, будучи въ артиллерійской службѣ, досталъ тотчасъ нѣсколько факелъ; артиллеристы не запрещали ему брать изъ валяющихся предъ иллюминаціею множества оныхъ. Итакъ, зажегши по факелу, пошли мы гулять по саду по примѣру прочихъ, а принуждены были только оставить нашего лакея, т. е. моего дядьку, котораго туда съ нами не пропустили. Тамъ гуляли мы нѣсколько времени благополучно, и я не могъ довольно налюбоваться, видя весь садъ наполненный людьми и народомъ и во многихъ мѣстахъ иллюминированный множествомъ плашекъ. Но, возвратившись оттуда, не нашли мы Артамона моего на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставили: онъ не исполнилъ нашего приказанія и, отлучась отъ того мѣста, замѣшался между народомъ. Итакъ, принуждены мы были искать его между онымъ. Однако, какъ мы ни старались, но отыскать его не могли, а чуть-было и другъ друга не потеряли. Наконецъ положили мы дожидаться, покуда большая часть народа разоидется, надѣясь тогда лучше найтись

онаго, но сія надежда насъ обманула. Мы промедлили чрезъ то только за полночь, и хотя весь народъ уже разошелся, котораго было около дворца превеликое множество, но дядьки моего нигдѣ не было.

Горе тогда напало на меня превеликое. Я почиталъ его не инако, какъ погибшимъ, и едва только не плакалъ. Но товарищъ мой уговаривалъ меня и не сомнѣвался въ томъ, что онъ ушелъ домой. Въ семь миѣнн онъ и не обманулся, ибо дядька мой, въ несчастію нашему, предъ самымъ только тѣмъ временемъ, какъ намъ выходить изъ сада, отвернулся на нѣсколько минутъ въ сторону и тотчасъ потомъ къ дверямъ сада возвратился, и думая, что мы еще въ саду, дождался очень долго; намъ же и не ума было опять приттись ко входу. Наконецъ, увидѣвъ онъ, что было уже поздно и весь народъ изъ сада вышелъ, а мы неидемъ, заключилъ, что мы вѣрно вышли и, конечно, ушли домой. Итакъ, поискавъ насъ немного между народомъ въ темнотѣ, бросился онъ домой; но, не найдя насъ тамъ, пришелъ въ превеликое замѣшательство и побѣждалъ опять искать насъ, и такимъ образомъ пробѣгалъ и проискалъ насъ почти до свѣта.

Между тѣмъ грусть и тоска переѣла почти насъ до моего сердца. Я за стыдомъ только не плакалъ и, горюя, не зная, какъ намъ домой однимъ и такую даль итти и притомъ въ такую темноту и глужую полночь, ибо разстояніе отъ дворца до насъ было превеликое. Но товарищъ мой былъ меня смѣлѣе и говорилъ мнѣ: «Какъ, братецъ, тебѣ не стыдно? чего бояться? Дорогу я знаю, а и въ темнотѣ мы не заблудимся, зажжемъ себѣ по факелѣ и пойдемъ». Я далъ себя ему уговорить. Итакъ, запаслись мы довольнымъ числомъ факелъ и, зажегши двѣ, отправились въ свой путь.

Нѣсколько улицъ прошли мы съ нимъ благополучно и безъ всякаго помѣшательства; факелы наши горѣли изрядно, и мы, по ребячеству своему, тѣмъ веселились. Мы играли ими, верта кругомъ и от-

брасывая отрывающіеся куски обгорѣлой факалы; но самыя сія игрушки довели-было насъ до бѣды. Не успѣли мы нѣсколько улицъ пройти и были уже недалече отъ дома генеральскаго, идучи безъ всякой опасности, какъ вдругъ пренелкій мужичина схватилъ обоихъ насъ сзади и во все горло заревѣлъ: «О! о! попался! Што за люди? зачѣмъ ходите съ огнемъ? Што за игра онимъ?» Мы оцѣпенѣли тогда оба и не знали со страха, что дѣлать, ибо намъ и въ голову никакой опасности не входило и мы почитали себя уже почти дома, а того, что съ голымъ огнемъ въ самую полночь по улицамъ ходить и по-нашему огонекъ расшвыривать было очень худо и неловко, того ни одному изъ насъ и на мысль не приходило. Совсѣмъ тѣмъ, товарищъ мой не такъ оробѣлъ, какъ я, и имѣлъ еще столько смѣлости, что съ важнымъ видомъ спрашивалъ схватившаго насъ мужичину, чтобъ онъ за человѣкъ былъ? и говорилъ ему, чтобъ онъ шелъ прочь и оставилъ насъ съ покоемъ, а въ противномъ случаѣ онъ факалою его въ рожу съѣздитъ. Но храбрость сія не долго продолжалась. Мужичина не успѣлъ сего услышать, какъ еще меньше учтивства употребляетъ съ нами началъ. — «А, вотъ я те покажу, што я за человѣкъ!» заревѣлъ онъ опять: — «пойдемъ-ка въ будку-та со мной — упрыгаешься!» и въ самое время выхватилъ изъ рукъ у него факолу и потащилъ обоихъ насъ въ свою караульню. Тогда легко могли мы заключить, что это былъ караульщикъ у рогатки, и что дѣло доходитъ до худого. Я трепеталъ тогда отъ страха и умолялъ его всячески. — «Голубчикъ ты мой!» говорилъ я ему: «мы право не знали, что съ огнемъ ходить не велѣно; пожалуй, отпусти». — О, о, не знали! отвѣтствовалъ бородачъ. Вотъ я васъ проучу; у меня будете знать; а то вы очень бадры. Пойдемъ-ка сюда. — Товарищъ мой, вида, что онъ начинаетъ насъ въ-правду тащить, забылъ тогда болѣе хоробриться и говорилъ ему уже помирнѣе: — «Слушай, братъ, не заводь шума; мы дѣти гене-

ральскія и домъ нашъ вотъ на этой улицѣ; не трогай насъ и покинь». — Экая-на! велика мнѣ нужда, што ты сынъ генеральской, хошь бы фелмаршалской былъ! пошелъ-ка, слышь, пошелъ!... А увидѣвъ, что онъ началъ у него изъ руки вырваться, закричалъ: — «Постой! не уйдешь-ста», и ткнулъ его уже непорядочнымъ образомъ. Совсѣмъ тѣмъ былъ онъ мертвецки пьянъ и не могъ удержать г. Торопова: онъ вырвался у него и далъ тагу. Я старался вырваться также, но, по несчастью моему, попался я ему въ правую руку, а притомъ и не имѣлъ столько силы. А какъ товарищъ мой вырвался, то онъ, взбѣсясь еще пуще, схватилъ меня уже обѣими руками. Я обмеръ тогда и испужался и считалъ уже себя совсѣмъ погибшимъ. Я умолялъ его всѣми святыми, но ничто не помогало: филистанинъ мой потрясалъ только бородою и рыгалъ изъ себя и отдувался. Наконецъ, вида такую бѣду, началъ и я напирать всѣ мои силы и изъ рукъ у него рваться. Но не было никакой возможности изъ когтей его освободиться, и я не знаю, что бы со мною онъ сдѣлалъ, еслибъ нечаянный случай мнѣ не помогъ. Мужикъ, вида, что я и руками и ногами упираюсь и неиду къ нему въ караульню, рассудилъ, что ему одному со мною не сладить и сталъ будить своего товарища и кричалъ во все горло: «Ванька, а Ванька! вставай, братъ!» Но любезный его Ванька не лучше его былъ, но, зная, еще побольше накушавшись, почивалъ-себѣ, какъ надобно, и только что-то промурчалъ. Тогда осердился мой врагъ и кричалъ: «Экой чортъ! слышишь, пошелъ сюда!» Но какъ Ванька ему ничего болѣе не отвѣчалъ, то, по счастью моему, вздумалось ему поить его разбудить. Но онъ не успѣлъ одною рукою меня освободить, чтобъ растворить двери въ будку какъ рванулъ я у него изо всей мочи и, вырвавшись, давай Богъ ноги — и онъ до тѣхъ поръ меня и видѣлъ.

Но тутъ-то бы, любезный пріятель, посмотрѣть, въ какомъ неописанномъ бѣжалъ я страхъ! Повѣрите ли, безъ смѣха

и теперь не могу вспомнить тогдашней моей трусости. Я бѣжалъ безъ ума, безъ памяти и призывалъ всѣхъ святыхъ себѣ на помощь, а особливо святого Сергія, мимо котораго церкви мнѣ бѣжать случилось. «Батюшка ты мой Сергій чудотворецъ, говорилъ я тогда, избавь ты меня отъ врага окаяннаго! Цѣлыхъ два молебна тебѣ отслужу и гривенную свѣчу поставлю, сохрани только и помилуй!». Сими образомъ, самъ не зная что говорить, продолжалъ я неоглядкою бѣжать и, сколько помнится, началъ уже третій молебенъ сузить, какъ нечаянно оглянувшись, позади себя въ нѣкоторомъ разстояніи идущаго съ фонаремъ человѣка увидѣлъ. Мнѣ въ первомъ ужасѣ онъ незнако, какъ караульщикомъ показался, и малодушіе мое было столь велико, что я тутъ-было не упалъ на мѣстѣ, но, опамтывавшись, увидѣлъ, что то былъ посторонній. Итакъ, отдохнулъ я нѣсколько отъ своего страха и достигъ потомъ благополучно до генеральскаго дома, откуда я уже не пошелъ одинъ домой, но вочевалъ тутъ съ г. Тороповымъ, несмотря, что-бъ обо мнѣ дядя мой ни подумалъ. Сей и въ самомъ дѣлѣ былъ въ сумнѣніи, чтобъ со мною чего не сдѣлалось, и послалъ нѣсколько людей меня исвать; поутру же, какъ я пришелъ, далъ мнѣ изрядную погоню.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, мое приключеніе. Болѣе сего не случилось со мною ничего, въ-особливости примѣчанія достойнаго, чего ради, возвратясь опять къ дѣлу, расскажу вамъ остальное о тогдашнемъ моемъ пребываніи въ Петербургѣ.

Между-тѣмъ, какъ все сіе происходило и я вышеупомянутымъ образомъ ходилъ попрежнему учиться всякій день къ г. Маслову, считали мы съ дядькою почти всѣ дни и минуты, и горѣли нетерпѣливостію дожидаться скорѣе лошадей изъ Пскова отъ сестры моей. Уже наступилъ сентябрь мѣсяцъ, и намъ казалось, что уже время бы имъ быть, но какъ онѣ не ѣхали, то сіе начинало уже насъ и озабочивать. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы ласкали себя все

еще вѣрною надеждою, что онѣ будутъ, то усугубилъ я мои просьбы и представленія, что мнѣ необходимо надобно скорѣй домой ѣхать и просилъ дядю объ отпущеніи меня, упоминая между тѣмъ и о генералѣ Масловѣ, а именно будто во всемъ домѣ его говорятъ, что онъ скоро въ Москву поѣдетъ. Сии просьбы и представленія довели, наконецъ, дядю моего до того, что онъ, наскучивши ими, началъ уже почти на то соглашаться.

Въ самое сіе время, къ великому обрадованію нашему, приѣхала за нами и столь давно ожидаемая коляска. Сестра моя, получивъ мое письмо и возжелавъ съ великою нетерпѣливостію меня у себя видѣть, съ охотою исполнила мою просьбу. При отправленіи оной писала она къ дядѣ, благодарила за содержаніе меня у себя и просила о скорѣйшемъ меня отпущеніи. Сіе показалось ему очень странно и удивительно, и онъ догадывался, что это дѣлалось по моимъ прояскамъ; однако я въ томъ заперся, да и сестра, по счастью моему, не упомянула о томъ ни единымъ словомъ.

При такихъ обстоятельствахъ вымышленное нами отбытіе генерала въ Москву имѣло желаемое дѣйствіе. Дядѣ моему было сіе хоть невѣроятно, однако онъ казался тому вѣрить, и, не хотя при томъ отослать сестринныхъ людей назадъ порожнихъ, рѣшился наконецъ меня отъ себя отпустить. О, какая была для меня тогда радость! Я вспрыгался, услышавъ о томъ отъ дяди, и побѣжалъ сообщать дядькѣ моему сіе извѣстіе. Но радость сія, по справедливости, была ребяческая и основанная на глупости.

По изготовленіи всего къ отъѣзду, поѣхали мы съ дядею моимъ къ генералу, для объясненія ему, что мнѣ необходимо надлежало въ домъ отправиться и чтобъ принести ему за оказанное имъ намъ благодѣяніе должное благодареніе. Вы не повѣрите, любезный пріятель, сколько мучитъ меня и понинѣ совѣсть при воспоминаніи сего случая. Я обманулъ тогда родственника, **стада** гѣ какъ о сынѣ и ; **ь**

все возможное въ мою пользу. Но тогда казалось мнѣ все сіе бездѣлицею, и я безчувственно смотрѣлъ на тотъ стыдъ, который дядя мой принужденъ былъ вытерпѣвать въ бытность свою у генерала, и чего оба мы съ дядькою не могли предвидѣть, ибо дядя мой тотчасъ въ разговорахъ упомянулъ, что беретъ меня отъ учителя болѣе для того, что его превосходительство намѣренъ вскорѣ отправиться въ Москву. Сіе привело генерала въ немалое удивленіе, и онъ не могъ отъ смѣха удержаться; дядя же мой краснѣлъ и не зналъ, что сказать, когда услышалъ, что того никогда и на умѣ у генерала не бывало. Какъ бы то ни было, но дядѣ казалось уже неприлично перемѣнить свое намѣреніе, почему, поблагодаривъ и распрощавшись, поѣхали мы назадъ въ квартиру, гдѣ принужденъ я былъ вытерпѣть отъ дяди моего превеличайшую гонку. Но я достоинъ былъ розогъ, а дядька мой плетей, и я тужу и понынѣ, что онъ меня за то хорошенько не высѣлъ.

Такимъ образомъ отбылъ я и отъ сего послѣдняго моего учителя; ибо послѣ него уже я не имѣлъ никакого и окончилъ свое ученіе слишкомъ рано. Въ нѣмецкомъ языкѣ, живучи и въ сей разъ въ Петербургѣ, я ничего не поправился, но паче еще больше позабылъ изъ онаго, а и французскій не совершенно выучилъ. Самую геометрію, къ которой я великую охоту получилъ, не могъ я, за отбытіемъ моимъ, окончить. Итакъ, видите изъ сего, любезный пріятель, что я формальнымъ образомъ весьма немногому въ малолѣтствѣ учень былъ, и что сіе немалое ученіе весьма бы не въ состояніи было приобрѣсти мнѣ потомъ имя ученаго человѣка, еслибъ послѣ того не способствовала много къ тому врожденная во мнѣ склонность къ наукамъ и нѣкоторыя другія обстоятельства. Ибо хотя бы положить, что я помянутымъ обоимъ языкамъ, также ариметикѣ и геометріи и совершенно былъ выученъ, но все сіе единственнымъ только преддверіемъ къ прамымъ наукамъ почестся можетъ; и

тѣ крайне обманываются, которые въ томъ всю уже ученость полагаютъ, и знающаго по-нѣмецки и по-французски уже ученымъ человѣкомъ называютъ, хотя такой человѣкъ весьма еще отдаленъ отъ того, чтобъ могъ по справедливости носить имя ученаго человѣка.

Вскорѣ послѣ того, распрощавшись съ дядею моимъ и принеся ему за всѣ милости его достоюжное благодареніе, отправился я изъ Петербурга и поѣхалъ къ сестрѣ моей. А какъ снѣгъ кончился вся моя подвластная жизнь, то окончу и я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и проч.

Письмо 19-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, сдѣлавшись надъ поступками своими совершеннымъ властелиномъ и отправившись въ путь, продолжалъ я путешествіе свое не безъ скуки, а особливо по причинѣ тогдашней осенней погоды и наступающей уже стужи, ибо было сіе уже въ началѣ октября мѣсяца. Привыкнувъ уже нѣкоторымъ образомъ къ многолюдству, скучно мнѣ было тогда одному, и потому препровождалъ я время свое въ распѣваніи и тананаканіи любовныхъ пѣсенокъ, выученныхъ и затверженныхъ мною въ Петербургѣ и въ читаніи печатной трагедіи «Артистона», которая, не помню по какому случаю, мнѣ досталась и была первая, которую я въ жизнь мою читывалъ; впрочемъ ѣхалъ я съ наполненною самолюбіемъ головою. Я уже упоминалъ, что, живучи въ Петербургѣ, навывкъ я нѣсколько свѣтскому обхожденію и лишился многихъ деревенскихъ грубостей. Сіе исправленіе было мнѣ свѣдомо, но я увеличивалъ оно уже слишкомъ много въ моихъ мысляхъ и почиталъ себя уже совершенно свѣтскимъ и обхожденіе знающимъ человѣкомъ и думалъ тѣмъ удивить весь сестринъ околотокъ. Однако, въ самомъ дѣлѣ я слишкомъ много обманывался, и былъ еще не что иное, какъ застѣнчивый и стыдливый ребенокъ, имѣющій о свѣтскомъ обхожденіи первѣй-

шія только понятія. Но какъ бы то ни было, но чрезъ нѣсколько дней приѣхалъ я благополучно въ Новгородъ, а оттуда во Псковъ, а потомъ, 12-го октября, и въ домъ къ моему зятю, г. Неклюдову, отстоящему отъ Пскова верстъ за 80.

Хотя приѣзда моего тутъ и ожидали, и онъ былъ не нечаянный, однако радость была не меньше, какъ и при неожиданномъ: сестра и зять мой приняли меня чрезвычайно пріятно, а особливо первая была очень рада. Я могу сказать, что сія сестра любила меня во всю жизнь очень горячо и по смерти моей матери была мнѣ вмѣсто опоры. Она, увидѣвъ меня тогда впервые по кончинѣ нашихъ родителей, не могла безъ слезъ меня встрѣтить. Мужемъ ея, а моимъ зятемъ, былъ я не менѣе доволенъ. Онъ былъ совсѣмъ отчужденнаго сложенія, нежели меньшій мой зять и, имѣя несравненно лучшій нравъ, почитался всѣми тихимъ, смиреннымъ, добронравнымъ и дружелюбнымъ человекомъ. Онъ, любя сестру мою и живучи съ нею въ совершеннѣйшемъ согласіи, принималъ и меня всегда такъ, какъ надобно толь близкаго родственника.

Я нашегъ ихъ прямо благополучную деревенскую жизнь препровождающихъ. Все у нихъ было хорошо и все порядочно. Домикъ изрядный, сосѣдство довольное и ихъ любящее, достатокъ хорошій, всѣмъ они были довольны и всѣмъ изобильны. Одного только имъ недоставало, а именно дѣтей. Всѣ бывшія до того помирали въ самомъ еще младенчествѣ, и судьбѣ не угодно было утѣшить ихъ симъ даромъ. Правда, въ тогдѣшнее время былъ у нихъ одинъ мальчикъ, но сестра моя никакъ не думала, чтобъ и сей остался въ живыхъ. Она родила его за нѣсколько времени предъ моимъ приѣздомъ и его звали Михаиломъ.

По свойственному всѣмъ женщинамъ суевѣрью, чего и чего она не дѣлала для мнимаго сохраненія дѣтей въ живыхъ: и образа-то по мѣрѣ съ рождѣннаго писывала, и четыре-то рождества на одной иконѣ изображала, и крестить-то заставляла первыхъ встрѣтившихся и прочее

тому подобное, но все не помогало. Наконецъ сказали ей, что надобно въ отцы и матери крестныя такихъ людей съискать, которыя бы точно такихъ именъ были, какъ отецъ и мать родные, и точно тѣхъ ангеловъ. Сіе постаралась она сдѣлать при крещеніи сего сына и потому крестили его одинъ изъ ихъ лакеевъ, который по случаю имѣлъ точное имя зятя моего, а въ кумы насилу отыскивали одну маленькую крестьянскую дѣвчонку. Вотъ до какихъ глупостей доводитъ насъ иногда суевѣріе и какими вздорами хотимъ мы власно какъ насильно приневолить Творца сдѣлать то, что намъ хочется! Совсѣмъ тѣмъ мальчикъ сей остался живъ и сдѣлался потомъ единственнымъ ихъ наследникомъ — обстоятельство, происшедшее вѣрно не отъ того, аотъ воли небесъ, но могущее многихъ женщинъ утвердить въ семъ суевѣрїи.

Не успѣлъ я, приѣхавши къ нимъ, еще осмотрѣться, какъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ ними готовиться къ одному знаменитому торжеству. Случилось такъ, что чрезъ день послѣ того была сестра моя именинницею. Зять мой, будучи по тамошнему мѣсту небогій дворянинъ, имѣлъ обыкновеніе всѣ такіе дни праздновать отличнымъ образомъ, и потому засталъ я ихъ дѣлающихъ къ тому всѣ нужныя приуготовленія. Какъ мнѣ сказали, что у нихъ въ сей день множество гостей будетъ, то, мечтая въ умѣ своемъ, что мнѣ при семъ случаѣ можно будетъ себя показать, велѣлъ и я разбираться и приготовить для себя наилучшее мое платье. Дядя приказалъ сшить мнѣ оное предъ самымъ почти моимъ отъѣздомъ, и оно было тогда самое модное и довольно богатое. О! еслибъ нынѣ убрать кого-нибудь въ таковое, какимъ-бы шуткомъ онъ намъ показался! Было оно синее, суконное, съ бѣлыми большими разбѣзными обшлагами и бѣлыми суконнымъ же камзоломъ и исподнимъ платьемъ. Пуговицы повсюду гладкія, золотыя, а петли по всѣмъ мѣстамъ обшиты широкими золотыми битными багетами. Зять и сестра расхвалили оное въ прахъ, и не

въ-особливости рада, что ей не стыдно будетъ показать меня гостямъ своимъ.

Торжество было и въ самомъ дѣлѣ нарочито-великое. Сколько ни было въ ближнемъ сосѣдствѣ дворянъ, всѣ присутствовали на ономъ, и пробыли не только весь день, но и другого половину. Наизнаменитѣйшій изъ всѣхъ гостей былъ нѣкто г. Сумороцкій, по имени Петръ Михайловичъ. Господинъ сей былъ богатый дворянинъ по городу Пскову и имѣлъ полковничій чинъ. Настоящій его домъ былъ неподалеку отъ города, а тутъ имѣлъ онъ другой, куда предъ недавнимъ временемъ онъ на осень приѣхалъ. Зять мой имѣлъ къ нему особое почтеніе и считалъ его себѣ хорошимъ другомъ, чего онъ по разуму и добродушію своему былъ и достоинъ; впрочемъ, былъ онъ человекъ ласковый, благопріятный и въ компаніяхъ веселый. Онъ былъ тогда у насъ съ женою своею, также боярынею весьма разумною и почтенія достойною и меньшою своею дочерью, которая одна при немъ тогда и была, дѣвочкою моихъ почти лѣтъ, весьма разумною и воспитанною весьма порядочно.

Другимъ гостемъ былъ самый ближайшій сосѣдъ зятя моего, по фамиліи также Сумороцкій, а по имени Василій Степановичъ, дворянинъ не весьма богатый, мужичочка маленькій, тоненькій, черненькій, съ навислыми надъ глазами превеликими бровями, и имѣющій жену претолстую и предородную и превеликое семейство, состоящее изъ однѣхъ дочерей, изъ коихъ инныя были уже нарочито-велики, а инныя еще малы. Съ нимъ было тогда три. Впрочемъ же былъ онъ человекъ ласковый и предобрый.

Третій гость былъ нѣкто г. Брылкинъ, дворянинъ, имѣющій довольно достатокъ и имѣющій жену, боярыню бойкую и небольшую еще дочь. Самъ же былъ онъ изъ простаковъ, любившій отъменно курить табакъ и выпить иногда лишнюю рюмку вина; впрочемъ въ обхожденіи довольно изрядный и ласковый.

Кромѣ сихъ трехъ фамилій, которыя были мнѣ всѣхъ прочихъ памятнае, было

еще нѣсколько другихъ, но которыхъ я уже и позабылъ. Зять мой и сестра старались всѣхъ ихъ угостить наивозможнѣйшимъ образомъ. Всѣ они ласкались ко мнѣ, какъ къ новоприѣзжему, и всякій рекомендовалъ себя въ любовь и знакомство. Но ни чѣмъ ласками я такъ доволенъ не былъ, какъ г. Сумороцкаго П. М. Онъ тотчасъ ко мнѣ адресовался, сказавъ мнѣ, что онъ весьма знакомъ былъ моему родителю и считалъ его себѣ другомъ; просилъ, чтобъ я его любилъ...; потомъ расспрашивалъ о Петербургѣ и о томъ, гдѣ я, у кого и долго-ли и чему учился, и былъ всѣми моими отвѣтами доволенъ; словомъ, я имѣлъ счастье какъ ему, такъ и всѣмъ гостямъ полюбоваться; а сверхъ того и для сестры моей, которую они всѣ любили, изъявляли они мнѣ наперывъ другъ предъ другомъ свои ласки.

Обѣдъ былъ подлинно праздничный, и хоть бы и не въ деревнѣ, и продолжался нѣсколько часовъ. Псковскіе дворяне любили тогда быть веселы и заставляли въ компаніяхъ нерѣдко разносить рюмки. Понабравшись немного за столомъ, захотѣлось имъ послѣ онаго повеселиться еще далѣе. У г. Сумороцкаго была своя музыка; зять мой постарался о томъ, чтобъ онъ привезъ ее съ собою. Музыки не были тогда такія огромныя, какъ нынѣ; ежели скрипички двѣ-три и умѣли играть польскіе и миноветы и контратанцы, такъ и довольно. Немногіе сіи инструменты можно было возить съ собою въ коляскахъ, а музыкантамъ отправлять должность лакеевъ. Таковаго рода музыка была и у г. Сумороцкаго; ее заставили тотчасъ послѣ обѣда играть и господа заѣхали деревенскіе танцы. Я, увидѣвъ сіе, трепеталъ, чтобъ не заставили меня открывать балъ, и чего я опасался, то и сдѣлалось. Какъ изъ всѣхъ я былъ моложе, то хотѣли, чтобъ я началъ танцы. Къ вѣщему моему нестроенію, не было никакихъ иныхъ мнѣ сверстниковъ и товарищей, а я еще въ первый день сестрѣ проболтался, что я танцовать умѣю. Горе на меня тогда было превеликое. Танцовать я въ Петербургѣ хотя и тан-

ковывалъ, но, не учась никогда порядочно сему искусству, не имѣлъ о порядочномъ танцованіи ни малѣйшаго еще понятія, а тутъ надлежало танцовать одному, предъ всѣмъ обществомъ и власно какъ на театрѣ, и притомъ еще миноветь. Какъ можно было на сіе отважиться и пуститься, а особливо въ такомъ обществѣ, которому сабтское обхожденіе не менѣе было закономъ, какъ и петербургскимъ жителямъ? Все мое высокое мнѣніе о себѣ исчезло въ единый мигъ, какъ-скоро я всѣхъ нашихъ гостей увидѣлъ; но сего было еще не довольно. Я одурачилъ даже себя предъ всѣми гостями, начавъ сперва отплевываться отъ танцевъ и извиняться неузнаніемъ, а потомъ такъ зартачившись, что не могли произвестъ ничего всѣ просьбы и убѣжденія моей сестры и зятя, и доведя наконецъ до того, что г. Сумороцкій заставилъ дочь свою подойтить ко мнѣ и звать танцовать съ собою.

Я сгорѣлъ тогда отъ стыда, а особливо увидя, какъ послушлива была дочь г. Сумороцкаго. Одного шепнутаго отцомъ ей слова довольно было къ тому, чтобъ ей пойтить, а меня не могли убѣдить всѣ просьбы и ласковыя уговариванія. Нечего тогда мнѣ было дѣлать, я принужденъ былъ итти и, не помня самъ себя, танцовать миноветь первый. Совсѣмъ тѣмъ меня похвалили, а сіе меня такъ ободрило, что я съ того часа сдѣлался смѣлѣе и во весь день и вечеръ протанцовалъ со всѣми барышнями, безъ всякаго приневоливанія; ибо могу сказать, что сіе упражненіе было мнѣ всегда приятно, и я во всю мою жизнь былъ охотникъ до танцевъ.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ упражнялись въ танцахъ, боярны занимались карточною игрою. Любимая у всѣхъ и лучшая игра была тутъ намфалъ. Что-жъ касается до господъ, то сіи упражнялись, держа въ рукахъ то-и-дѣло подносимыя рюмки, въ разговорахъ, а какъ подгуляли, то захотѣли и они танцами повеселиться. Мушкетеръ должна была играть то, что имъ было угодно, и по большей части русскія власовыя пѣсни, дабы подъ нихъ плясать

было можно. Не успѣли сего начать, какъ принуждены были и боярны покинуть свои карты и дѣлать имъ компанію. Къ музыкѣ присовокуплены были потомъ и дѣвки съ своими пѣснями; а на смѣну имъ, наконецъ, созваны умѣющіе пѣсни пѣть лакеи; и такъ, попеременно, то тѣ, то другіе утѣшали подгулявшихъ господъ, до самаго ужина. Но никто изъ гостей такъ мнѣ въ сей вечеръ не надоѣлъ, какъ помянутый господинъ Брылкинъ. Человѣкъ онъ былъ самый неуклюжій, но шутивый. Во весь вечеръ все сваталъ мнѣ и рекомендовалъ невѣстъ и совѣтовалъ жениться у нихъ во Псковщинѣ; а какъ ничѣмъ меня, какъ застѣчиваго ребенка, такъ скоро въ стыдъ и смущеніе привести было не можно, какъ симъ пунктомъ, то надоѣлъ онъ мнѣ какъ горькая рѣдка, и я принужденъ былъ отъ него даже бѣгать и скрываться.

Гости всѣ у насъ ночевали и на другой день обѣдали, и не прежде разѣхались какъ уже передъ вечеромъ. Для меня торжества сего рода были до того времени совсѣмъ необыкновенны, ибо въ нашихъ мѣстахъ подобныхъ тому я никогда еще не видалъ, и они мнѣ полюбились.

Черезъ день послѣ того, званы мы на такой же обѣдъ къ маленькому г. Сумороцкому, живущему отъ зятя моего версты только четыре. Я охотно поѣхалъ туда вмѣстѣ съ сестрою и зятемъ. Тутъ были всѣ тѣ же гости, которые были у насъ, и была опять музыка и танцованье; а чрезъ нѣсколько дней послѣ того звалъ насъ всѣхъ г. Брылкинъ, и какъ онъ жилъ нѣсколько подалѣе, то мы не только у него обѣдали, но также и ночевали. А не успѣло нѣсколько дней пройти, какъ приѣхали звать также отъ старика г. Сумороцкаго. Сей хотѣлъ также всѣхъ сосѣдей угостить, и, можно сказать, что удовольствовалъ всѣхъ до избытка.

Въ сихъ торжествахъ, сѣздахъ и увеселеніяхъ, нечувствительно протекло недѣли двѣ времени. Я столько занятъ былъ оними, что и не видалъ, какъ онѣ прошли. Наконецъ вспомнилъ я, что мнѣ время помышлять уже и объ отъѣздѣ въ

домъ. Но не успѣлъ я упомянуть о семь, какъ сестра мнѣ и говорить не дала: — «И, статочно ли дѣло, братецъ! чтобъ я тебя прежде зимы домой отпустила! И не говори-таки мнѣ о томъ.» А зять подхватилъ: — «Поживи, братецъ, у насъ и повеселись съ нами; что тебѣ одному дома дѣлать, а у насъ не скучно. Вотъ на сихъ дняхъ начнется у насъ звѣрняя ловля тенетами; ты не видывалъ оной и тебѣ забава сія полюбится. Мы условились уже, чтобъ съѣзжаться намъ послѣзавтрева для начала. Ну, какъ не быть тебѣ съ нами? Пожалуй, сударь, погости у насъ. Мы тебѣ очень рады, а и всѣ сосѣди наши тебя полюбили.»

Что мнѣ тогда было дѣлать и какъ можно было не согласиться? Помянутое увеселеніе въ самомъ дѣлѣ началось вскорѣ и мнѣ столько полюбилося, что я никогда не скучалъ ѣзжать съ ними вмѣстѣ на сію охоту. Производится она тамъ особливимъ образомъ. Поелику мѣстатамъ наиболѣе лѣсистыя, то охотники выбираютъ нѣкоторую часть лѣса, о которой надѣются, что въ ней звѣрей довольно, окидываютъ оную съ одной стороны множествомъ тенетъ полуциркулемъ или дугою, а потомъ главный ловчій набираетъ колюю можно болѣе людей и ребятишекъ съ трещотками и обстановкаиваетъ ими всѣ прочія стороны назначенной части лѣса, становя ихъ не на далекое другъ отъ друга разстояніе и такъ, чтобъ всѣ они съ тенетами составили превеликій и обширный кругъ и захватили множества лѣса. Все сіе производитъ онъ съ превеликимъ молчаніемъ и безъ всякаго шума, и всякому человѣку даетъ наставленіе, въ которую сторону ему потомъ итти, самъ же становится посрединѣ оныхъ. Между тѣмъ другой разстановкаиваетъ такимъ же образомъ господъ за тенетами внутри охваченнаго круга и сажень на пять отъ тенетъ, а сажень на 20 другъ отъ друга. Каждого становитъ онъ лицомъ къ тенетамъ и для cadaго выбираетъ такое мѣсто, чтобъ онъ сзади прикрытъ былъ какимъ-нибудь кустарникомъ.

Потомъ даетъ каждому наставленіе, что ему дѣлать, а именно—чтобъ стоять тихо и смирно и отнюдь не шумѣть и, увидѣвъ звѣря, прежде не кричать, покуда онъ его не пробѣжитъ уже мимо и между имъ и тенетами находится будетъ. По учиненіи сего всего, подаетъ главный ловчій сигналъ, и тогда вдругъ всѣ разстаповленные съ трещотками люди поднимаютъ превеликій вопль и крикъ и трещать въ свои трещотки и, выпугивая звѣрей изъ всѣхъ кустовъ и труповъ, мало-по-малу начинаютъ итти въ сторону къ тенетамъ и между собою сближаться такъ, чтобъ всѣмъ имъ вдругъ приттти къ тенетамъ. Звѣри, услышавъ вдругъ такой крикъ и шумъ, натурально перетревоживаются и бѣгутъ въ ту сторону, гдѣ нѣтъ крика, не зная, что тамъ дождаются ихъ тенеты и самые ловцы. Они бѣгутъ безъ всякаго опасенія и столь спокойно, что иногда меньше нежели на сажень пробѣгаютъ мимо стоящихъ за кустами охотниковъ; но тогда сіи вдругъ на нихъ ахаютъ и кричатъ и тѣмъ такъ ихъ перепугиваютъ, что они безъ памяти бросаются прямо въ тенета и запутываются въ оныхъ. Тутъ прибѣгаетъ къ нимъ охотникъ и беретъ его либо живьемъ, либо прикалываетъ.

Мнѣ случалось самому становить сямъ образомъ позади тенетъ, и нерѣдко имѣть удовольствіе видѣть пробѣгающихъ мимо себя зайцевъ и вгонять ихъ въ тенета. Съ какимъ удовольствіемъ слушаешь, бывало, начавшійся вдали и вдругъ и въ разныхъ сторонахъ, и часъ-отъ-часу ближе приближающійся крикъ и трещаніе трещотокъ! Вся величина охваченнаго круга и части лѣса сдѣлается тогда ощутительна для всякаго. Но какимъ нѣжнымъ трепетомъ начинается у cadaго трепетать сердце, когда трещотки начнутъ приближаться и приходитъ время звѣрямъ бѣжать! Стоишь, бывало, ни кунешь и, сжавъ сердце, смотришь на бѣгущихъ иногда подлѣ самого тебя звѣрей, и, завидѣвъ тенета, ушотребляющихъ иногда всякія хитрости къ спасенію себя отъ нихъ. И какое удовольствіе бывало

тогда, какъ вдругъ крикомъ испугаешь звѣря и вгонишь въ тенета! Никогда не случалось того, чтобъ мы, выѣхавъ на сію ловлю, не наловили и не привезли съ собою къ боярнякамъ множества звѣрей. Сіи съѣзжались обыкновенно къ вечеру въ тотъ домъ, который случался ближе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ у насъ производилась ловля, и тогда тутъ и препровождали мы тотъ вечеръ въ разныхъ увеселеніяхъ и ужинывали.

Въ сикъ и подобныхъ сему и безпрерывныхъ увеселеніяхъ, прошла у насъ непримѣтно вся достоянная осень; а что было далѣе, упомяну въ письмѣ послѣдующемъ, сказавъ вамъ между-тѣмъ, что я емь, и прочая.

Письмо 20-е.

Любезный пріятель! Наконецъ наступили морозы и выпалъ снѣжокъ. Какъ сіе, такъ и отъѣздъ г. Сумороцкаго изъ тамошнихъ предѣловъ въ настоящее свое жилище, прервалъ нѣсколько наши прежнія увеселенія. Однако, вмѣсто того, начались у насъ новыя упражненія и забавы. Зять мой былъ превеликій охотникъ до рыбной ловли. Наилучшую изъ всего года рыбную ловлю производили у него по первому и самому еще тонкому льду; и сего времени дождался уже онъ съ великою нетерпѣливостью. Верстъ за двадцать отъ него находилось одно нарочитой величины озеро. Было оно хотя не въ его дачахъ, однако онъ имѣлъ дозволеніе ловить въ ономъ рыбу. Не успѣло озеро сіе замерзнуть и ледъ такъ толстъ сдѣлаться, что могъ поднимать человѣка, какъ зять мой со мною тотчасъ туда на нѣсколько дней отправился. Неводъ у него былъ превеликій и сажень въ триста. Мнѣ отъ-роду не случалось видать ловленіе рыбы такою большою снастью, и потому зрѣлище сіе было для меня и ново, и любопытно, и увеселительно. Великое множество людей упражнялось въ сей работѣ. Тоня захвачена была превеличайшая. Иные прорубали большія и малыя пролубы, иные

пропускали шесты и протягивали подъ льдомъ веревки, иные тянули оныя воротами, ибо по величинѣ невода инако было не можно. Я хотя набрался сначала ѣздючи съ зятемъ въ маленькихъ саняхъ по тонкому и трещащему еще льду, множества страха, но заплаченъ былъ съ лихвою за то неописаннымъ удовольствіемъ при смотрѣніи того, какъ рыба бѣжитъ и отъ невода себя спасти старается. Прорубили для сего маленькую пролубочку за нѣсколько десятковъ сажень впереди отъ главной и той пролубы, въ которую надлежало вытаскивать неводъ. На сію пролубку положили меня и, приказавъ мнѣ смотрѣть въ нее въ воду, покрыли меня епанчою. И что же я тогда увидѣлъ? Безчисленное множество большихъ и среднихъ и малыхъ рыбъ бѣжало тогда взапуски одна предъ другою, стараясь уйтись отъ влекомаго невода. Мнѣ ихъ всѣхъ видѣть и въ точности рассмотреть было можно. Темнота, производимая сверху епанчою, дѣлала то, что въ водѣ было такъ свѣтло, какъ въ горницѣ, и можно было все до самаго дна видѣть и малѣйшую рыбку рассмотреть. Зрѣлище таковое меня поразило. Я смотрѣлъ съ восхищеніемъ на все въ водѣ происходящее и не могъ разнovidности, скорости и проворству рыбъ въ бѣганы надивиться; и какъ онѣ всѣ бѣжали отъ невода и нѣкоторыя только имѣя навстрѣчу, то сожалѣлъ я, что всѣ онѣ уйдутъ и не попадутъ въ неводъ. Однако меня увѣрили о противномъ, сказавъ, что впереди закинуты сѣти и другіе невода, и что рыбѣ никуда уйтись не можно. А сіе и совершилось дѣйствительно. Я во всю жизнь мою, ни прежде, ни послѣ, не видывалъ въ кучѣ такого великаго множества живыхъ рыбъ, какое вытаснено было тогда сими неводомъ. Всю корму на ледъ вытасить не было никакой возможности: и неводъ бы прорвался и ледъ обломился бы отъ тягости. Принуждены были такъ изъ кормы и черпать ее черпалками и сыпать въ подвозимыя сани. Нѣсколько десятковъ возовъ насыпали и нагрузили оною, и досталось довольно

ея и господину и на часть ловцамъ и рыболовамъ.

Я въ-прахъ иззябъ, смотря и любуясь симъ новымъ и невиданнымъ никогда мною зрѣлищемъ, и какъ намъ притомъ ѣсть хотѣлось, то вышли мы съ зятемъ на ближній берегъ. Тутъ дожидались уже насъ раскладенные многіе огни и поварь, приутоворяющій намъ изъ пойманныхъ рыбъ обѣдъ. Во всю жизнь мою не ѣдалъ я рыбу съ такимъ аппетитомъ, какъ проголодавшись тогда, ибо обѣдали мы уже передъ вечеромъ; въ-особливости же вкусны для меня были превеликіе въ поларшина окуни, прямо изъ воды распластанные и по уснаніи солью на угольяхъ печенные. Словомъ, удовольствіе наше было совершенное.

Неподалеку отъ сего мѣста жилъ одинъ богатый псковской дворянинъ, по имени Иванъ Ивановичъ Темашовъ. Какъ зятю моему былъ онъ знакомецъ и другъ, то расположились мы ѣхать къ нему ночевать и привезть съ собою цѣлый возъ наилучшей рыбы въ гостинець. Господинъ Темашовъ, бывшій тогда всю осень не очень здоровымъ, былъ вамъ чрезвычайно радъ. Онъ расположился тотчасъ сдѣлать для насъ торжество, и на другой день къ обѣду съѣхалось къ нему все ближнее дворянство, и въ томъ числѣ нѣкоторые и изъ нашихъ, ближе къ нему живущихъ. У г. Темашова было превеликое семейство, состоящее изъ однихъ дочерей, а поелику была также и музыка, то послѣ обѣда завели и танцы, и мы прогостили у него сутки двое и были угощеніемъ его очень довольны. Между тѣмъ готовили на озерѣ другія тони. Мы заѣзжали на оное въ самое то время, когда вытаскивать было надобно, и имѣли удовольствіе видѣть еще множайшее количество рыбъ пойманныхъ, такъ что мы возвратились къ сестрѣ моей съ богатой добычею. Рыбы не только на весь постъ довольно было всему двору, но и великое множество оной еще и продано и раздарено сосѣдямъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ сего краткаго путешествія выпалъ большой снѣгъ и сдѣлалась совершенная зима. Дядька

мой отдуху мнѣ не давалъ, чтобъ я послѣшалъ домой ѣхать; но мнѣ уже не таково усиленно туда ѣхать хотѣлось. Я привыкъ къ тутошнимъ увеселеніямъ и забавамъ, и мнѣ жить у сестры было ни мало не скучно; совсѣмъ тѣмъ не преминулъ я однажды упомянуть, что мнѣ время бы и домой ѣхать. Но сестра и зять мой, привыкнувши ко мнѣ и будучи сообществомъ моимъ довольны, не только старались отъѣздъ мой еще оттянуть, но и уговаривать всячески, чтобъ я прожилъ у нихъ всю зиму и дождался весны и лѣта. Они употребили все, что можно было къ преклоненію меня къ сему ихъ желанію: они представляли мнѣ, что и ѣхать зимою холодно, и жить мнѣ въ деревнѣ зиму одному будетъ скучно, и дѣлать мнѣ тамъ вовсе нечего, и такъ далѣе. Словомъ, они насказали мнѣ столько резонновъ и присоветовали къ тому столько ласкъ и убѣдительныхъ просьбъ, что я, наконецъ, согласился и далъ имъ слово пробить у нихъ до весны, чѣмъ сестра моя чрезвычайно была обрадована и меня въ-прахъ за то разцѣловала.

Такимъ образомъ расположившись остаться у нихъ до весны, началъ я препроводять зиму въ разныхъ упражненіяхъ. Какъ въ сіе время съѣзды и свиданія съ сосѣдами и деревенскія увеселенія хотя и продолжались, по не такъ часто, какъ прежде, то я прочее время дѣлилъ наиболѣе съ зятемъ и сотовариществовалъ ему во всѣхъ его упражненіяхъ. Зять мой хотя не имѣлъ склонности къ наукамъ и въ молодости своей, кромѣ грамоты, ничему ученъ не былъ, но за то имѣлъ онъ природную склонность и охоту ко всякимъ мастерствамъ, руководѣніямъ и художествамъ, и потому имѣлъ въ домѣ у себя разныхъ мастеровыхъ и художниковъ. Были у него столяры и токари, былъ изрядный рѣзчикъ, кузнецъ, слесарь, сѣдельникъ, нѣсколько человекъ ткачей, портныхъ, сапожниковъ и другихъ подобныхъ тому мастеровыхъ и руководѣльныхъ людей. Словомъ, онъ любилъ, чтобъ у него всѣ люди были въ упражненіи и не праздно хлѣбъ ѣли, а нерѣдко и самъ кое въ чемъ

изъ мелочей упражнялся и что-нибудь пишлягъ, мастерилъ и дѣлалъ. У него были цѣлые ящики всякаго рода собственныхъ своихъ инструментовъ и часто случалось, что онъ по нѣскольку часовъ просиживалъ, либо обтачивая что-нибудь, либо согнбая, и прочее тому подобное; въ-особливости же былъ онъ великій мастеръ дѣлать изъ яголь рыболовные крючки съ зазубрами, которые были ему и надобны, по причинѣ, что онъ превеликій охотникъ былъ до ужениа удами рыбы.

Какъ аять мой, по сей склонности и охотѣ своей къ художествамъ, имѣлъ обыкновеніе почти всякій день ходить и осматривать упражненія и работы своихъ мастеровыхъ, то хаживалъ и я вмѣстѣ съ онымъ. Сія частыя посѣщенія оныхъ не только меня увеселяли, но послужили мнѣ въ особливую и такую пользу, какой я нимаю не ожидалъ. Я не только узналъ всѣ сіи до того мною невиданныя работы и мастерства, и не только получилъ о нихъ понятіе, но нечувствительнымъ образомъ къ дѣлоторымъ изъ нихъ получилъ и самъ склонность и охоту; въ-особливости же полюбилось мнѣ токарное и рѣзное художества. Случилось, власно какъ нарочно для моей пользы, такъ, что у зятя моего въ домѣ дѣлали богатый въ церковь иконостасъ, украшенный мною рѣзбою, и употреблены были къ тому не только свои, но и многіе нанятые посторонніе и хорошіе мастера. Я не могъ довольно налюбоваться проворствомъ ихъ работы и хаживалъ почти всякій день смотрѣть оную; временно биралъ я и самъ ихъ долоты и на негодныхъ досчеткахъ испытывалъ подражать ихъ искусству. Таковую же охоту произвело во мнѣ къ себѣ и токарное художество. У зятя моего, хотя простой, но изрядный токаръ. Онъ утѣшалъ меня нерѣдко, вытачивая мнѣ разныя бездѣлушки и, производя работу сію при мнѣ, впередъ въ меня и въ самого охоту къ сему ремеслу. Я выпрашивалъ у него иногда долоты и рѣзцы, и при руководствѣ его испытывалъ и самъ точить, и въ короткое время научился и самъ кое-что вытачивать.

Но ни которая работа и мастерство

такъ мнѣ не полюбилась, какъ одна особливая, производимая однимъ постороннимъ человѣкомъ, случившимся тогда, не помню по какому случаю, у моего зятя. Сей человѣкъ дѣлывалъ изъ простой бересты табакерки, стаканчики кружечки, и круглыя стамушки съ такимъ искусствомъ и умѣлъ такъ хорошо наружности оныхъ украшать особливаго рода чеканною работою, что я довольно надивиться не могъ, какъ и всѣ тогда сей работѣ его дивились и еехвалили. Мнѣ она такъ по курьезности своей полюбилась, что я возгорѣлъ желаніемъ оной самъ научиться. Мы уговорили съ зятемъ мастера, чтобъ онъ намъ открылъ свое мастерство, и онъ на то согласился.

Производится оно особливымъ образомъ: всякая такая посудинка дѣлается толщиною въ три бересты, двѣ полагаются поперечно, а третья и средняя стойма, для отвращенія, чтобъ тѣ не коробились. Для внутренней употребляется береста цѣльная и не разрѣзная, судя по величинѣ судна какое дѣлать предпринимается, и потому сколь толсту и широкую бытъ ему надобно, выбирается такой величины и толстоты обрубокъ сырого березоваго дерева, имѣющаго на себѣ гладкую и хорошую бересту. Сія береста съ него не сдирается, но снимается цѣльною трубкою, чтб не инако произвестъ можно, какъ выкалываніемъ изъ нутри обрубка всего дерева, такъ чтобъ береста одна осталась цѣлою. Цѣлость внутренности надобна для того, чтобъ не могло ничего вытекать изъ судна жидкое. Для верхней же оболочки выбирается береста самая лучшая и гладкая и вычеканивается разными узорами. Сія чеканная работа производится маленькими жимлостными палочками, у коихъ на концахъ вырѣзаны разныя фигуры, какъ напримѣръ: полуциркули, треугольнички, звѣздки и прочія тому подобныя и расположенныя такъ, чтобъ при наставленіи палочки на бересту и при удареніи въ другой конецъ ея молоткомъ, выпечатывалась на берестѣ довольно возвышенная фигурка. Разнообразныхъ таковыхъ и маленькихъ и большихъ палоч-

чекъ надѣлано превеликое множество, дабы тѣмъ лучше можно было употребить разныя фигуры, и ими выводить разныя коймы и разводы; наконецъ все достальное пустое мѣсто между фигуръ и разводовъ натывается тремя вмѣстѣ связанными игловками, и какъ сіе навальваніе производится сплошь и очень часто, то сіе самое и придаетъ видъ чеканной работы. По изготовленіи сей верхней бересты вкладываются всѣ три вмѣстѣ и сшиваются очень искусно самыми тонкими расколотыми и оскобленными сосновыми корешками, въ особености же обрѣзы и края берестъ обшиваются сплошь оними и такъ искусно, что за ними оныхъ вовсе не видать; а похожимъ на сіе образомъ дѣлаются и крышки. Чтожь касается до донышковъ, то онны дѣлаются изъ тонкихъ липовыхъ дощечекъ и вставляются въ разваренныя въ горячей водѣ края суднышка, дабы тѣмъ крѣпче онѣ сидѣли.

Удобопонятность и любопытство мое помогло мнѣ перенять искусство сіе очень скоро, такъ что я чрезъ короткое время могъ всякій бездѣлушки дѣлать изъ бересты ничѣмъ не хуже мастера, и многія вещицы и фигуры еще самъ выдумалъ и присокупилъ отъ себя, чѣмъ учитель мой былъ такъ доволенъ, что подарилъ меня всѣми своими чеканами и инструментами, что служило къ великому моему удовольствію и привело меня въ состояніе предпринимать дѣло сіе всегда, когда мнѣ было угодно и онимъ на досугѣ забавляться.

Кромѣ сего получилъ я тутъ начальный вкусъ и охоту къ музыкѣ. Столяръ зятя моего умѣлъ брянчать на гусляхъ, но гусляхъ такого рода, какыхъ я нигдѣ послѣ уже не видалъ. Они были только девятиструнныя, маленькія и особливаго сложенія; и хотя по гуслямъ была и игра, т.-е. весьма-весьма посредственная, однако она мнѣ полюбилась, и тѣмъ паче, что казалось мнѣ нетрудно ее перенять было. Я и дѣйствительно ее перенялъ и учитель мой былъ такъ удобопонятіемъ монимъ доволенъ, что сдѣлалъ для меня новенькія и съ лучшими украшеніями гусельки, нежели каковыя его были.

Вотъ въ чемъ и въ какихъ упражненіяхъ препровождалъ я праздничное и досужное зимнее время. По особливому распоряженію судьбы и неожиданному стеченію обстоятельствъ, случилось такъ, что домъ зятя моего сдѣлался для меня такимъ же училищемъ руководѣній и художествъ, какимъ былъ Петербургъ для науки; и я могу сказать, что сколь ни мало было все то, что я заимствовалъ тутъ изъ художествъ, но и сіе немного послужило мнѣ потомъ въ великую пользу, и захотило упражняться въ томъ далѣе и приводить знанія мои въ лучшее совершенство.

Кромѣ сего любопытное для меня зрѣлище тутъ было трепаніе и приуготовленіе льна на продажу. Известно, что псковскіе дворяне наилучшіе свои доходы получаютъ отъ продажи своихъ льновъ, которые они доставляютъ наиболѣе въ Нарву для отпуса за море. Поелику зять мой имѣлъ изрядныя деревни, и льну не только самъ множество сѣялъ, но и скупалъ онимъ у своихъ и у сосѣдственныхъ крестьянъ, то въ сіе осеннее время день сей у него наемные мастера трепали, перечищали и въ тѣ опрятные и прехрасные тюки вязали, въ коихъ онъ отвозится въ Нарву и отправляется за море. Близна и чистота сего длиннаго и хорошаго льна, разборъ онаго на разныя руки и искусство вязанія въ бунты и тюки достойно, по справедливости, любопытнаго зрѣнія, и мы хаживали всякій день смотрѣть оное.

Наконецъ, наилучшее изъ всѣхъ и пріятнѣйшее для меня упражненіе доставила мнѣ одна книга, которую напелъ я у моего зятя. Было то описаніе Квинтомъ Курціемъ жизни Александра Македонскаго. Я не могъ устать ее читая и прочесть ее раза три на досугѣ между прочихъ дѣлъ, и получилъ многія понятія чрезъ то о войнахъ древнихъ грековъ и тогдашнихъ временахъ.

Между сими разными упражненіями и не видали мы, какъ прошелъ весь филипповъ постъ и наступили святки съ новымъ годомъ (1753).

По наступленіи сихъ, возобновились опять наши съѣзды и компаніи, то въ томъ

домѣ, то въ другомъ, и вездѣ, гдѣ ни случалось быть собраніямъ, препровождаемы были вечера въ разныхъ святочныхъ играхъ, пѣніи пѣсенъ, загадываніяхъ, играхъ въ фанты, плясаніи и тому подобномъ. Къ тому присовокупляемы были маленькія зрѣлища, обыкновенныя въ тамошнихъ предѣлахъ. Наряжаются люди иные журавлями, другіе козю съ разными украшеніями и погрешками; таковую козю съ превеликою свитою водятъ по всѣмъ дворамъ, заставляютъ ее прыгать и скакать и припѣваютъ пѣсни: зрѣлище хотя самое вздорное и глупое, но для тамошнихъ деревенскихъ жителей довольно смѣшное и пріятное.

Съѣзды сіи продолжались гораздо и за святки и почти до самой масляницы, а тутъ начались увеселенія масляничныя; съ великимъ же постомъ принялись мы за богомолье, а потомъ за мастерство и рукодѣлія и за прежнія наши упражненія; и въ томъ и не видали, какъ прошелъ и онъ.

Наконецъ наступила святая недѣля, и стала приближаться весна. Праздники сіи препроводить привуждены мы были одни, потому что случившаяся въ самое то время половодъ и разлитіе рѣкъ воспрепятствовали намъ видаться съ нашими сосѣдами. Мы старались уже недостатокъ сей наградить домашними и святой недѣлѣ свойственными увеселеніями.

Одно только обстоятельство было для меня весьма досадно, а именно, что церковники поютъ въ сихъ мѣстахъ „Христосъ воскресъ“ и прочее совѣтъ на иной и весьма дурной голосъ и какъ-то не ловко, такъ что праздникъ сей и служба мнѣ и въ половину не таковъ былъ веселье, какъ въ другихъ мѣстахъ.

По слитіи полои воды и вскорѣ послѣ святой недѣли подверженъ я былъ нечаянно одной великой опасности. Собрались мы однажды ѣхать въ гости къ ближнему сосѣду и мнѣ приди охота ѣхать верхомъ, а что того хуже, на зятинномъ стояломъ жеребцѣ, о которомъ увѣрили меня, что онъ пресмирная скотина. Но оттого ли, что онъ

во всю зиму стоялъ и тогда впервые на волѣ себя увидѣлъ, или оттого, что я былъ слишкомъ легокъ и малосиленъ къ удержанію его, или такъ уже мое несчастье хотѣло, что не успѣлъ я на немъ изъ деревни выѣхать, какъ онъ и взялъ волю, и усилился такъ, что я никакъ уже съ нимъ сладить не могъ. Онъ закусилъ удила и понесъ меня изво всей силы. Сестра, ѣхавшая позади меня съ зятемъ въ коляскѣ, обмерла и испужалась, какъ сіе увидѣла. Она подняла ужасный вопль; но сіе еще пуще жеребца моего подстрекнуло. Я самъ ни живъ, ни мертвъ былъ отъ страха, но по-крайней-мѣрѣ имѣлъ столько понятія и разсудка, что не выпустилъ повода изъ рукъ и держался на немъ волку можно крѣпче кобънами. Но все бы не помогло, и онъ сблизъ бы меня съ себя, еслибъ по особливому моему счастью не случилось скакать ему симъ образомъ по прямой и огражденной съ обѣихъ сторонъ пряслами перспективной дорогѣ, ведущей прямо къ зятинной мельницѣ, построенной на рѣкѣ и довольно хорошей. Сіе обстоятельство причиною тому было, что не могла она никуда свернуть въ сторону, но принуждена была скакать прямо къ мельницѣ, а тутъ я имѣлъ столько духа, что управилъ ее прямо на узкій и съ обѣихъ сторонъ перилами огражденный отлогій помостъ, по которому въѣзжали въ верхній этажъ мельницы, такъ что она, вскакавъ на сей помостъ, остановилась сама какъ въ стойлѣ и не могла ни направо, ни налѣво повернуться; а тогда подбѣжали тотчасъ случившіеся на мельницѣ люди и ее схватили.

Симъ образомъ кончилась сія комедія, наведшая на всѣхъ на насъ превеликій страхъ и ужась, и я не имѣлъ болѣе никакого вреда, кромѣ одного испуга. Кромѣ сего случая не помню я, чтобъ иное что дурное въ тогдашнее мое пребываніе случилось со мною.

По наступленіи весны началъ я, мало-по-малу, готовиться къ отъѣзду, или паче сестра собирать меня въ мое дальнее путешествіе; однако то за тѣмъ, то за симъ отъѣздъ мой не такъ скоро воспослѣдо-

валъ, какъ мы думали, но я прожигъ у сестры моей не только всю весну, но захватилъ и частичку лѣта.

Сіе достальное время препроводилъ я наиболѣе въ надворныхъ увеселеніяхъ и забавахъ. Не успѣла весна вскрыться и снѣгъ сойти, какъ выпросилъ я у зятя моего дозволеніе съѣздить съ охотниками его въ лѣсъ и испытать новыя его тетета, вывезенныя только въ ту зиму. Зять мой, будучи тогда самъ не очень здоровъ, охотно мнѣ то позволилъ. Ловля наша была нарочито-удачна: мы поймали нѣсколько зайцевъ; но я безъ умысла навлекъ на себя при семъ случаѣ отъ зятя моего досаду. Догадало меня перваго зайца, котораго самому мнѣ удалось вогнать въ тетету, взять живьемъ. Мнѣ незахотѣлось его какъ-то въ ту минуту приколотъ, и я думалъ, что сдѣлаю домашнимъ нашимъ тѣмъ болѣе удовольствія, что привезу его живого; но вмѣсто того зятю моему было сіе крайне досадно. Онъ говорилъ, что я тѣмъ испортилъ его всѣ тететы, ибо у нихъ ни подъ какимъ видомъ перваго зайца живьемъ не берутъ, но новыя тетета стараются скорѣе обогрѣть звѣриною кровью.

—«Ну! не зналъ же я того, сказалъ я: и начтожь вы меня въ семъ случаѣ не предостерегли и напередъ того не сказали?»

Въ другой разъ подговорили меня стрѣлки и охотники его идти въ лѣсъ стрѣлять дичину. Но сіе препровожденіе времени мнѣ какъ-то не полюбилось — можетъ-быть, оттого, что охота наша была не слишкомъ удачна. Мы съ утра до вечера проходили по лѣсамъ, измучились и устали въ-прахъ и не нашли ни одного тетерева и ни одной птички, и намъ принуждено-было съ пустыми руками идти домой, еслибъ наконецъ не наткнулся самъ на меня одинъ заяцъ. Мнѣ дано было уже отъ охотниковъ наставленіе, какъ его стрѣлять, буде случится увидѣть, и я столь исправно исполнилъ оное, что положилъ его тотчасъ на мѣстѣ. Сіе меня нѣсколько обрадовало; однако сіе было въ первый и въ послѣдній разъ въ моей

жизни, что я застрѣлилъ дикаго звѣря, ибо какъ мнѣ симъ образомъ по лѣсамъ ходить показалось слишкомъ скучно, то я съ того времени никогда болѣе съ ружьемъ стрѣлять не хаживалъ.

Напротивъ того, лучше и пріятнѣе упражненіе находилъ я въ рыбной ловлѣ. Зять мой былъ превеличайшій охотникъ до оной, а особливо до ловленія удамы. Къ сей, можно сказать, былъ онъ совершенно страстенъ, и я не видавалъ никого, кто-бы могъ имѣть столько терпѣнія и самопроизвольно переносить столько безпокойства и трудовъ, сколько онъ. Цѣлыя ночи напролетъ просиживалъ онъ на маленькомъ челночкѣ посреди рѣки и по нѣскольку иногда часовъ дождался, покуда язь или иная какая-нибудь большая рыба придетъ и хватить его уду. Одинъ только небольшой малый сотовариществовалъ ему обыкновенно въ сихъ ночныхъ его путешествіяхъ и переѣздахъ на челночкѣ своемъ съ мѣста на мѣсто по рѣкѣ; но и сей сидѣлъ и ходилъ по берегу и приготавливалъ ему очищенныя шепталцы раковъ, которыми онъ вмѣсто червей свою рыбу лавливалъ. Сперва расквашивая всячески сію ночную ловлю, старался онъ и меня къ тому же заохотить, однако я не могъ никакъ найти въ томъ вкусъ и имѣть столько терпѣнія, а для меня пріятнѣе было ловить днемъ маленькихъ то-и-дѣло хватающихъ рыбокъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за удовольствіе просидѣть всю ночь одному на водѣ, а потомъ весь день спать и не пользоваться пріятною вѣшнею погодою, а что всего досаднѣе, дожидаться иногда съ цѣлымъ часомъ, покуда клюнетъ уду рыба. Воленъ Богъ и съ его большою рыбою и съ довольнымъ количествомъ оной, какое иногда онъ по утрамъ принашивалъ съ собою! Однако случалось перѣдко, что возвращался онъ и съ пустыми почти руками, и тогда ложился онъ уже съ досады скорѣе спать и спалъ до самаго обѣда, а потомъ принимался опять за тожь до самаго вечера. Словомъ, мы въ сіе время его почти и не видали.

Между тѣмъ, какъ онъ симъ образомъ

занимался своимъ уженіемъ, предоставляя о домашней экономіи хлопотать и заботиться одной моей сестрѣ, упражнялся по большой части я въ томъ же, но инымъ только образомъ. Зять мой снабдилъ меня крючками и удами и всѣми прочими мелкими рыболовными снастями, которыя у него, какъ у отличнаго охотника, были самыя щегольскія. Имѣлъ я также свой собственный и прекрасный челночекъ, поднимавшій только одного человѣка, и чрезвычайно легкій. Ребятишекъ для услугъ моихъ могъ я брать сколько хотѣлъ, и съ ними всюду ходить. Рѣка Лжа, на которой сидѣло его селеніе, была самая прекрасная и весьма рыбная. Она была нарочито широка и, обтекая селеніе, производила теченіемъ своимъ превеликій полуциркуль, простирающійся до самой его прекрасной мельницы. Итакъ, наилучшее утѣшеніе мое было разбѣзжать и разгуливать по сей части рѣки на моемъ челночкѣ и, приставая въ заводяхъ и въ другихъ мѣстахъ, уживать рыбу. Однако все сіе уженіе не такъ много меня утѣшало, какъ ловленіе щукъ инымъ образомъ и такъ-называемою „дорогою“. Дѣлается нарочитой величины и толстоты желѣзный крюкъ съ зазуброю, и приковывается тупымъ концомъ къ небольшой продолговатой и жолубкомъ нѣсколько выгнутой бляшкѣ, сдѣланной изъ желтой мѣди; а въ томъ мѣстѣ, гдѣ край бляшки соединяется съ крючкомъ, привязывается маленькій лоскутокъ аленькаго суконца, а къ другому концу бляхи прикрѣпляется предлинный и крѣпкій шнуръ, взмотанный на вертящуюся шпулю такъ, какъ бывають у плотниковъ шнуры ихъ. Вотъ инструментъ, которымъ производится сія ловля. Надобно ѣхать на челнокъ вверхъ рѣки и, пустивъ крюкъ въ воду, спустить весь шнуръ, а потомъ другой конецъ онаго ухватить крѣпко въ зубы и такъ плыть. Во время сего плаванія на челнокѣ, крюкъ, будучи тѣщимъ шнуромъ, въ водѣ вертится и представляетъ точно бѣгущую скоро въ водѣ плотичку или рыбку. Щука, завидѣвъ ее и сочтя ее рыбкою, хватаетъ на бѣгу, но сама попадаетъ тотчасъ на крюкъ, отъ

чего рыболовъ чувствуетъ въ самый тотъ моментъ въ зубахъ у себя маленькій ударъ. Сіе доказываетъ ему, что на крючокъ его попала рыба, и тогда останавливается онъ, начинаетъ свой шнуръ взматывать на шпулю и притаскиваетъ щуку къ самому челночку и тутъ ее бережно сачкомъ подхватываетъ и вытаскиваетъ вонъ. Сямъ образомъ лавливалъ я часто и нерѣдко приваживалъ съ собою по нѣскольку щукъ.

Въ сихъ и подобныхъ сему упражненіяхъ протекло у насъ нечувствительно время; но наконецъ настало и то, въ которое мнѣ домой ѣхать надлежало. Зять и сестра снабдили меня своими лошадьми и повозками и дали мнѣ двухъ человѣкъ для препровожденія меня въ домъ. Они отпустили меня не инако, какъ съ крайнимъ сожалѣніемъ. Они такъ ко мнѣ привыкли, что имъ не хотѣлось со мною уже разстаться. Сестрѣ моей отбѣздъ мой стоилъ многихъ слезъ; она любила меня чрезвычайно и снабдила меня на дорогу и деньгами и всѣми нужнымъ. Я и самъ плакалъ, разставаясь съ нею, ибо къ мѣстамъ ихъ такъ привыкъ и всѣми ласками ихъ былъ такъ доволенъ, и пребываніе у нихъ было мнѣ такъ приятно и весело, что предѣлы ихъ мнѣ навсегда сдѣлались милы и любезны и я понынѣ не могу вспомнить оныя и тогдашнюю жизнь безъ нѣкотораго удовольствія.

Такимъ образомъ, распрощавшись съ зятемъ и сестрою, отправился я въ свой путь, который былъ хотя длиненъ и продолился недѣли двѣ, однако былъ для меня довольно веселъ. Время было тогда наилучшее въ году, жары еще не наступили, лѣса и поля покрыты зеленью, трава повсюду подъ ногами. Мы ѣхали-себѣ какъ хотѣли, не имѣли нужды слишкомъ поспѣшать, становились кормить лошадей и ночевать наиболѣе на поляхъ и подъ лѣсочками, и приѣхали наконецъ благополучно въ Москву, а потомъ и въ мою деревню, и я не помню, чтобы со мною во время путешествія сего что-нибудь особенное случилось.

Симъ окончу я, любезный пріятель, тепе-

решнее мое письмо, а въ будущемъ разскажу вамъ о томъ, какъ я жилъ въ деревнѣ и въ чемъ препровождалъ свое время; а между тѣмъ, увѣривъ васъ, что я емь навсегда васъ почитающій другъ, остаюсь и прочее.

Письмо 21-е.

Любезный пріятель! Теперь опишу я вамъ такой періодъ времени, который былъ весьма критическимъ въ моей жизни. Приѣхалъ я тогда жить въ деревню, будучи уже никому не подвластнымъ, а совершеннымъ властелиномъ надъ всѣмъ своимъ поведеніемъ и поступками, а вкупѣ и имѣніемъ, доставшимся мнѣ послѣ покойныхъ моихъ родителей; никому не обязанъ я былъ давать во всѣхъ моихъ дѣлахъ отчеты, слѣдовательно могъ дѣлать и предпринимать все, что мнѣ было угодно. Мальчикъ былъ я уже на возрастѣ и довольно высокаго роста, мнѣ шло тогда пятнадцатой уже годъ и приближался къ окончанію. Ребята такъ-выхъ глѣть уже что-нибудь смыслятъ, и живучи на волѣ легко могутъ имѣть ко всему худому пополуноченію. Коль легко могъ бы я въ сей періодъ времени испортиться, избаловаться и сдѣлаться на всю жизнь мою шалуномъ и негодяемъ, еслибы не бѣло надо мною Провидѣніе и безконечная благость Создателя моего не сохранила меня отъ всѣхъ золъ и пороковъ, въ которыя я всего легче могъ погрузиться, расположивъ всѣ случаи и обстоятельства малолѣтства моего такъ, что мнѣ самая врожденная въ меня склонности и охоты служили мнѣ великою преградою къ тому, а вкупѣ и поспѣшествованіемъ къ посѣянію въ сердцѣ моемъ первѣйшихъ сѣмянъ благочестія того, которое послѣ въ продолженіи жизни моей мнѣ только полезно было и толь много помогало въ исکانіи истиннаго благополучія и въ свискиваніи безчисленныхъ неприятнѣйшихъ минутъ въ жизни. Не могу и попытъ вспомнить милостей, оказанныхъ тогда мнѣ небесамъ, не чувствовалъ глубочайшей къ нимъ за то

благодарности, и не воздавъ хвалы имени безконечнаго моего производителя. По истинѣ могу сказать, что Онъ былъ тогда моимъ отцомъ и матерью, и толькое имѣлъ обо мнѣ попеченіе, какого не въ состояніи были-бы имѣть и самые мои родители. Но я удалился уже отъ моего повѣствованія, и теперь время уже возвратиться къ оному.

По приѣздѣ моемъ въ домъ наипервѣйшія минуты моего пребыванія въ ономъ были горестны и печальны. Напоминаніе о смерти моей родительницы и воззрѣніе на всѣ тѣ мѣста, гдѣ она жила, гдѣ стояла ея кровать и все прочее, приводило сердце мое въ вѣкое горестное движеніе и вынуждало слезы изъ очей моихъ. Сбѣжавшіеся дворовые люди и женщины, поспѣшавшіе наперерывъ другъ предъ другомъ дѣловать у меня руку и поздравить съ приѣздомъ, помѣшали мнѣ упражняться дагѣ въ моихъ печальныхъ размышленіяхъ. Я долженъ былъ со всѣми говорить и привѣтствіямъ ихъ соответствовать моими ласками.

Не успѣли изъ повозокъ выбраться и я нѣсколько поосмотрѣлся, какъ за первый собѣ долгъ пошелъ я сходить къ живущему подлѣ меня дядѣ моему, Матвѣю Петровичу Болотову, и поблагодарить его, какъ за воспріятыя труды при погребеніи моей родительницы, такъ и за попеченіе о домѣ и деревняхъ моихъ во время моего отсутствія, а притомъ просить о содержаніи меня въ своей любви и милости. Дядя мой принялъ меня весьма благосклонно и, позабывъ всю вражду, бывшую между имъ и покойною моею родительницею, ласкалъ меня вслѣдственно и просилъ, чтобъ я его не обѣгалъ, но видался съ нимъ чаще. Словомъ, пріемомъ его былъ я весьма доволенъ, и какъ онъ былъ одинъ у меня ближній родственникъ, то общавъ ему то, и дѣйствительно вознамѣрился ходить къ нему чаще и о приобрѣтеніи его къ себѣ дружбы и благопріятства прилагать стараніе.

Онъ былъ тогда уже вдовъ и жилъ одинъ съ дѣтьми своими. По отъѣзду

своей скупости препровождалъ онъ жизнь прямо уединенную; ни съ кѣмъ не имѣлъ онъ короткаго и дружескаго знакомства, и не ѣзжалъ никуда почти со двора, а потому и къ нему никто почти не ѣздилъ. Словомъ, онъ одичалъ почти въ деревнѣ, неизнашивалъ въ нѣсколько лѣтъ одного кафтана, а ходилъ въ наипростѣйшемъ деревенскомъ платьѣ, жилъ не только весьма, но и слишкомъ уже умѣренно и воздержно. Отъ излишней склонности къ собиранию себѣ достатка отнималъ онъ, такъ-сказать, у самого себя лучшій кусокъ отъ рта и превращалъ въ деньги. Столы были у него весьма-весьма умѣренны и плохи, а сходственпо съ тѣмъ и все прочее въ домѣ, какъ - то: уборы, посуда, экипажи и прочее пахло единоу неумѣренною скупостью, къ которой сдѣлалъ онъ привычку еще въ службѣ, въ которой препроводилъ онъ многіе годы и отставленъ секунд-майоромъ. Совсѣмъ тѣмъ, будучи нѣсколько ученъ въ малолѣтствѣ, былъ онъ весьма неглупъ, имѣлъ хорошее понятіе о математическихъ наукахъ, былъ хорошій ариметикъ, зналъ геометрію и фортификацію, и былъ превеликій чтець и охотникъ писать, а наконецъ, живучи въ деревнѣ, сдѣлался и великимъ юристомъ: всѣ наши гражданскіе законы были ему свѣдомы, и всѣ указы могъ онъ пересчитывать по пальцамъ. Но всѣ сіи хорошія качества помрачаемы были вышеупомянутою его чрезмѣрною склонностью къ сребролюбію и скупости, которая нерѣдко доводила его до дѣлъ невеликой похвалы достойныхъ, какъ на-примѣръ, къ ябедническимъ предпріятіямъ, къ ссорамъ съ сосѣдями, къ зависти, недобротству, неуступчивости и прочему тому подобному.

Вотъ какаго характера съ человѣкомъ долженъ и былъ тогда имѣть дѣло и всегдашнее обхожденіе, и я не знаю, молодость ли моя или стараніе во всемъ къ праву и характеру его приравниваться, или всегдашнее почтеніе, оказываемое мною ему и уваженіе его старости причиною тому было, что онъ чрезъ короткое время меня очень полюбилъ, и

старался, во всемъ, въ чемъ ему только можно было, быть мнѣ полезнымъ. Почему и не видалъ я отъ него никогда никакого зла и худа и былъ поступками его противъ меня весьма доволенъ.

Что касается до дѣтей его, то имѣлъ онъ двухъ сыновей: меньшого звали Гаврииломъ, и сей былъ тогда еще сущимъ ребенкомъ и у него фаворитомъ, ибо онъ любилъ его чрезвычайно, а старшаго звали Михаиломъ. Сей былъ только однимъ годомъ меня моложе, слѣдовательно, мнѣ сверстникъ. Но разница между мною и имъ была чрезвычайная; я, живучи, такъ-сказать, въ свѣтѣ и скитаясь по людямъ, сколько-нибудь понаблужившись и много кое-чего зная, а онъ, родившись и воспитанъ будучи въ такомъ совершенномъ уединеніи, не имѣлъ ни о чемъ свѣдѣнія и понятія и былъ не только деревенскимъ простымъ, но и совсѣмъ одичалымъ ребенкомъ. Отець его хотя и старался его кое-чему изъ того учить, что онъ самъ зналъ, но какаго успѣха можно было ожидать отъ ученія такового, когда ребенокъ не столько помышлялъ объ ономъ, сколько о бѣганіи и рѣзвостяхъ съ ребятишками и не былъ отъ того никакою строгостію воздерживаемъ? Ибо дядя мой имѣлъ за собою тотъ порокъ, что давалъ дѣтямъ своимъ слишкомъ много воли, не употреблялъ противъ нихъ ни малѣйшей строгости, а оттого и воспитаніе ихъ было очень дурно; а по всему тому и было соговарищество съ его старшимъ сыномъ мнѣ не столько выгодно, сколько вредно, какъ о томъ упомянется ниже обстоятельнѣе, а теперь возвращусь я къ порядку моего повѣствованія.

Побывавъ симъ образомъ у дяди и сведя съ нимъ первое знакомство, началъ я осматриваться въ моемъ домѣ и располагать, гдѣ и какъ мнѣ и въ которыхъ комнатахъ жить и какиихъ людей избрать для своихъ прислугъ и какъ распорядить мое домоводство, ибо я положилъ намѣреніе никуда уже до наступленія срока моего не ѣхать, но прожить все оставшее время въ д

Сперва расположился-было я жить въ самыхъ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила покойная родительница, но не могъ и однихъ сутокъ вынести; печальныя напоминанія, величина и пустота дома и всѣхъ комнатъ нагнали на меня нѣкоторый родъ унынія и ужаса и совершенно меня оттуда выгнали. Я рѣшился поприбрать для себя ту пустую и нежилую комнату, которая была у насъ чрезъ сѣни въ сторону къ саду, и заключалъ, что по одиночеству моему довольно будетъ на первый случай и одного сего покоя, и по-крайней-мѣрѣ, до зимы. Обстоятельство, что имѣла она одно окошко на дворъ, а другое въ садъ, мнѣ въ-особливости нравилось. Итакъ, велѣлъ я опустать, вымыть и прибрать и основалъ первое мое жилище въ оной. Для прислуги своей взялъ я къ себѣ прежняго моего камердинера, Дмитрія, и нѣсколькихъ другихъ мальчишекъ: дядька мой жилъ въ черной горницѣ и былъ моимъ совѣтникомъ, секретаремъ и всѣмъ, чѣмъ называть изволишь. Жена его отправляла должность поварихи, каковую несла она и при жизни родительницы, а мать его, одну престарѣлую старушку, бывшую еще у покойной моей родительницы няней, выписалъ я изъ другой деревни, гдѣ она жила, и велѣлъ ей жить при себѣ вмѣсто домосодержательницы, ибо мнѣ казалось, что весьма нужно имѣть въ домѣ стараго человѣка, которая могла-бъ присматривать за бѣльемъ и за прочимъ, и наблюдать во всемъ порядокъ.

Что касается до протчаго домосодержательства и деревенской экономіи, то удивленія достойно, что я тогда не сдѣлалъ въ оной ни малѣйшихъ перемѣнъ и не прозвелъ ничего новаго. Былъ у насъ тогда въ домѣ старикъ, по имени Григорій Грибанъ, служившій еще при покойномъ родителѣ моемъ кучеромъ, и онъ управлялъ тогда домою и деревнями. Я оставилъ его продолжать попрежнему свое дѣло и, либо по молодости своей и по ненадѣянью на свои силы и знаніе, либо по дѣйствительному еще незнапію всѣхъ деревенскихъ обыкновеній, и работу, не

мѣшался самъ, а особливо сначала, ни во что, но далъ всему прежнее свое теченіе, и потому всѣ строенія, сады, пруды и прочія вещи въ домѣ остались на прежнихъ мѣстахъ и въ прежнемъ состояніи. Я, власно какъ изъ нѣкотораго рода почтенія къ старинѣ и ко всему сдѣланному покойною родительницею моею, не смѣлъ и не отваживался желать никакой перемѣны и сіе простиралось даже до того, что я въ самыхъ комнатахъ хороми не имѣлъ отвѣги ничего дальняго перемѣнить и сдѣлать ихъ для себя покойнѣйшими; а все, что я сдѣлалъ, состояло только въ томъ, что я прежнюю комнату, гдѣ была моя спальня, разгородилъ и сдѣлавъ чрезъ то просторнѣйшею, обратилъ ее къ зимѣ въ мою жилую комнату и вкупѣ въ спальню, а большую угольную, гдѣ жила покойная родительница, сдѣлалъ гостиною, и все сіе поприбралъ нѣсколько лучше. Мнѣ вздумалось ее выбѣлить и по примѣру затѣянныхъ хороми всѣ стѣны расписать красками. Но дьявольская была между ними разнища. У того домъ отдѣланъ былъ порядочно и всѣ стѣны обиты были холстомъ и по оному расписаны были масляными красками, а я залѣпилъ только у своихъ тряпичками пазы, а потомъ, выбѣливъ все известью, размазалъ по ней масляными красками и такимъ десенемъ, какой мнѣ казался лучше. Я раздѣлилъ нарисованными столбами стѣны на нѣсколько отдѣленіевъ и между каждымъ отдѣленіемъ намазалъ изображенія въ полный человѣческій ростъ людей, гдѣ солдата, гдѣ гренадера, гдѣ генерала, и такъ далѣе. Но какъ о малеваньи масляными красками не имѣлъ я и понятія, а видѣлъ только однажды, какъ расписывали или кареты и коляски въ Петербургѣ, и притомъ и мазалъ я красками сими по извести, то легко можно всякому разсудить, сколь глупа и несовершенна была тогдашняя моя работа; но мнѣ казалась она тогда преузорочною. Но нынѣ не могу я безъ смѣха вспомнить оную, также и того, съ какимъ рвеніемъ и усердіемъ я тогда трудился и работалъ производи

оую. Поманутая и почти отъ меня неодоливая старушка-няня, которую и я привыкъ называть тѣмъ же званіемъ, была единою у меня въ семь случаѣ совѣтницею и одобрительницею. Бывало, мажу, мажу и, уставъ стоячи, отбѣгаю прочь, и говорю: «Посмотри-ка, нянюшка, хорошо-ли?» — «Хорошо батюшка!» отвѣтствуетъ она мнѣ; а я, тѣмъ поостраше, пушусь опять мазать и не столько загадаю стѣны, сколько замазывать и загадаюсь самъ. Но какая до того нужда! Было бы только исполнено желаніе и размазанъ стѣны.

Сію работу произвелъ я еще въ то же гѣто, какъ приѣхалъ. Какова дурна она ни была, но удивила всѣхъ простаковъ деревенскихъ жителей и вперила имъ объ искусствѣ моемъ и дарованіяхъ весьма выгодныя для меня и хорошія мнѣнія, а к самому мнѣ была она не безъ пользы: она заняла много времени и, вмѣстѣ съ прочимъ рисованіемъ и чтаніемъ книгъ, помогла мнѣ препроводить первое время моей деревенской жизни съ удовольствіемъ и безъ скуки, а безъ того стало-было оно мнѣ весьма и скучно становиться. Привыкнувъ до того непрерывно быть между людей, и всегда въ обществѣ, а тогда принужденъ будучи жить одинъ безъ всякаго сотоварищества, долго не могъ я никакъ къ тому привыкнуть. Къ явшему несчастью, не было никого и въ ближнемъ сосѣдствѣ, съ кѣмъ бы я могъ имѣть знакомство и компанію. Самые прежде упоминаемые родственники моей матери, всѣ почти во время пребыванія моего въ Петербургѣ и у сестры, померли. Господинъ Писарева и Картина не было уже на свѣтѣ, остался одинъ г. Бакъевъ; но и тотъ жилъ тогда въ степной своей деревнѣ. Но хотя-бъ старики сіи и живы были, но какую компанію могли бы они имѣть съ ребенкомъ? Итакъ, было только одинъ мой дядя, къ которому имѣлъ я свой частѣйшій выходъ; но и сей мучилъ меня наиболѣе только разсказываніями своими о приказныхъ и вѣдническихъ дѣлахъ, которыя мнѣ въ голову не глѣзли. Я уже радъ-радъ

бывалъ, когда приходило ему въ мысль разсказывать про свою военную службу и бывшія съ нимъ во время оной происшествія; на примѣръ: какъ бывалъ онъ въ миниховскихъ походахъ противъ турковъ; какъ опредѣленъ былъ для строенія усть-самарскаго ретраншапента; какъ онъ его строилъ; какъ приѣзжалъ Минихъ смотрѣть оный и съ нимъ говаривалъ, и прочее тому подобное; все сіе умѣлъ онъ какъ-то хорошо и складно разсказывать, и я слушивалъ его съ удовольствіемъ; но наконецъ и сіи повѣствованія, отъ частаго повторенія, мнѣ прискучили. Что-жъ касается до его сына, то онъ долго не могъ со мною связаться и сдружиться.

Что касается до бывавшихъ у меня гостей, то всего чаще хаживали ко мнѣ попы, какъ свои приходскіе, такъ и посторонніе. Отецъ Иларіонъ не преминулъ ко мнѣ съ братомъ своимъ, дьякономъ, на другой еще день моего приѣзда явиться. Къ сей духовной особѣ привыкъ я уже съ малолѣтства имѣть почтеніе, и какъ онъ того былъ по справедливости и достоинъ, то продолжалъ я оное и принималъ его всегда съ уваженіемъ. Онъ хаживалъ ко мнѣ нерѣдко, обѣдывалъ со мною и просиживалъ по нѣскольку часовъ, разговаривая о разныхъ матеріяхъ. Мнѣ никогда собесѣдованія и разговоры его не были скучны, но напротивъ того, могу я ему ту честь отдать, что онъ давалъ мнѣ въ тогдашнее время весьма хорошіе совѣты и наставленія: какъ мнѣ жить, и вести себя порядочно, и заслуживать себѣ хорошую славу, и я могу сказать, что я съ сей стороны ему много обязанъ. Что касается до дьякона, его брата, то былъ онъ его простѣе, но человекъ весьма добрый, и я любилъ его за его веселый и шуточный нравъ. Кромѣ сихъ хаживали ко мнѣ и многіе другіе попы; но изъ тѣхъ не находилъ я никого достойнаго и такого человека, съ которымъ можно-бъ было поговорить.

Разрисовавши или, лучше сказать, распестривши свою комнату, разсудилъ я ее и прибрать получше. Въ другой — деревнѣ, неподалеку отъ сей,

Калитниѣ, стояли еще у насъ старинныя матушкины хоромцы, самыя тѣ, въ которыхъ она воспитывалась и въ конхъ жилъ ея дѣдъ, а мой прадѣдъ, Гаврила Прокофьевичъ Бакѣевъ. Какъ хоромы сіи были уже ветхи и мнѣ совѣтовали ихъ продать одному тамошнему сосѣду, то поѣхалъ я туда для забранія бывшихъ въ оныхъ еще мебели. Состояли они въ нѣсколькихъ картинахъ, изображающихъ святыхъ, нѣсколькихъ изряднаго письма образахъ, столахъ, стульяхъ и нѣкоторыхъ другихъ вещахъ. Покойная мать моя не трогала въ нихъ оныхъ, ибо любила сію деревню и ѣздила въ нее часто. Наилучшую картину составлялъ образъ Сосца Богородицы, которая и понинѣ еще у меня цѣла. Я забралъ всѣ оныя оттуда, и убралъ ими мою разрисованную комнату, сломавъ прежнія полки и уголки.

Въ сію бытность мою въ Калитниѣ возобновилъ я знакомство съ одною живущею тутъ старушкою фамиліи Бакѣевыхъ, а по имени Марею Маркеловною, и бывшею матери моею недалею родственницею. Старушка была мнѣ очень рада; но я былъ болѣе еще радъ, что нашелъ у ней сына одинакихъ почти со мною лѣтъ и имѣвшаго также нѣкоторую охоту къ рисованію. Я познакомился тотчасъ съ нимъ и радъ былъ, что нашелъ хоть одного себѣ товарища. Его звали Дмитріемъ Максимовичемъ, и онъ самый тотъ, который живетъ и понинѣ въ Калитниѣ.

Какъ скоро поспѣла совсѣмъ моя комната, то сдѣлалъ я въ ней нѣкоторый родъ новоселья и позвалъ къ себѣ на обѣдъ дядю, вышеупомянутую старушку съ сыномъ, поповъ и еще кое-кого изъ знакомыхъ и старался угостить всѣхъ. Они всѣ были довольны моимъ угощеніемъ и хвалили мою работу, хотя она всего меньше похвалы была достойна, но правду сказать, и они знатоки были весьма посредственныя.

Симъ образомъ мало-по-малу началъ я привыкать къ деревенской уединенной жизни. Въ лѣтнее время была она мнѣ

все еще сноснѣе; не успѣлъ я приѣхать, какъ начали поспѣвать ягоды за ягодами, плоды за плодами. Хожденіе по садамъ, собраніе оныхъ, заготовленіе впрокъ, и самое вареніе оныхъ въ меду—занимало и увеселяло меня ежедневно, и я не видалъ, какъ проходило время; но какъ начала приближаться осень и длинныя скучныя вечера, то сдѣлалась она мнѣ чувствительнѣе, и я со скуки бы пропасть, еслибъ не помогла мнѣ склонность моя къ наукамъ и охота къ чтанію книгъ.

Несчастіе мое только было, что книгъ для сего чтенія взять было негдѣ. Въ тогдашнее время такихъ книжныхъ лавокъ, какъ нынѣ, въ Москвѣ не было, почему хотя-бъ я хотѣлъ себѣ и купить, но было негдѣ. У дяди моего чтобъ книги были, того и требовать и ожидать было не можно; однако противъ всякаго чаянія узналъ я, что у него есть одна большая духовная книга, извѣстная подъ названіемъ «Камень Вѣры». Онъ хранилъ ее какъ нѣкое сокровище и не давалъ никому въ руки. Въ недостаткѣ лучшихъ и множайшихъ, радъ я былъ уже и той, и дядя столь меня любилъ, что ссудилъ меня оною для прочтенія. Я прочиталъ ее въ короткое время съ начала до конца, и получилъ чрезъ нее столь многія понятія о догматахъ нашей вѣры, что я сдѣлался почти полубогословомъ и могъ удивлять нашихъ деревенскихъ поповъ своими разсказами и разсужденіями почерпнутыми изъ сей книги. Дядя мой весьма доволенъ былъ моею охотою къ чтенію и какъ онъ, такъ и отецъ Иларионъ, не могли довольно надивиться моему понятію и остротѣ разума. Послѣдній, узнавъ мою превеликую охоту къ чтенію, постарался достать мнѣ такимъ же образомъ для прочтенія житія святыхъ, описанныя въ «Четьихъ-Минеяхъ». Божемой! какая была для меня радость, когда получилъ я первую часть сей огромной книги. Какъ она была болѣе историческая, слѣдовательно для чтенія веселѣе и пріятнѣе, то я изъ рукъ ее почти не выпускалъ, покуда прочелъ всю оную, а такимъ же

образомъ поступилъ и съ прочими. Чтеніе сіе было мнѣ сколько увеселительно, столько-жъ и полезно. Оно посѣяло въ сердцѣ моемъ первая сѣмена любви и почтенія къ Богу и уваженія къ христіанскому закону, и я, прочитавъ книгу сію, сдѣлался гораздо набожнѣе противъ прежняго. А знанія мои столько распространились, что вскорѣ начали обо мнѣ вездѣ говорить съ великою похвалою, деревенскіе же попи почитали меня уже наученѣйшимъ человекомъ; но что и неудивительно, потому что они сами ничего не знали и не въ состояніи были судить о томъ, что было, что черно; я же всякій разъ, когда ни случалось мнѣ ихъ видать, замучивалъ ихъ вопросами и парочно старался приводить ихъ въ нестроеніе и замѣшательство, дабы они обо мнѣ и о знаніяхъ моихъ получили высокое мнѣніе.

Однако чтеніе было не одно, въ чемъ я упражнялся въ осеннее и въ зимнее потомъ время. У дяди моего нашелъ я также и нѣсколько математическихъ книгъ печатныхъ и скорописныхъ, а особливо была у него прекрасная геометрія и фортификація, писанная и черченая самимъ имъ въ молодости, когда онъ учился наукамъ симъ у Ганнибала. Я вострепеталъ, увидѣвъ оныя, и до тѣхъ поръ не далъ отдыха дядѣ моему, покуда не отдалъ онъ мнѣ ихъ для списанія и счерченія, ибо къ наукамъ симъ имѣлъ я особливую склонность. Не успѣлъ я оныя получить, какъ тотчасъ началъ списывать и всѣ фигуры, разбирая, счерчивать и чрезъ самое то учиться симъ наукамъ. Дядя мой обѣщалъ мнѣ въ нужныхъ случаяхъ помогать и то мнѣ изъяснять, чего я самъ понять и разобрать не могъ; но до сего не доходила почти никогда надобность: удобопонятіе мое было не такъ мало, чтобъ нужны мнѣ были указанія. Я могъ разбирать все самъ, и стараніе мое объ изученіи сихъ наукъ было столь велико, что я чрезъ годъ сдѣлался въ нихъ еще знающѣе, нежели каковъ самъ мой дядя былъ. Я написалъ и начертилъ епиги, которыя и понынѣ еще у меня цѣлы, и украсилъ ихъ возможнѣйшими, хотя со-

всѣмъ излишними и такими украшеніями, которыя изъясляютъ очевидно тогдашній мой ребяческой и весьма еще неосновательной вкусъ.

Третье упражненіе мое состояло въ писаніи. Съ самаго малолѣтства имѣлъ я уже къ тому нѣкоторую охоту, и всегда, бывало, что-нибудь маралъ и списывалъ; а тогда склонность сія возрасла уже до знатнаго градуса и сдѣлала меня на весь мой вѣкъ охотникомъ до писанія. Я находилъ какъ-то особенное удовольствіе въ сей работѣ, и она была мнѣ не только не трудна, но еще увеселительна. Наибольшее мое писаніе было въ зимнее время по утрамъ, въ которые вставалъ я очень рано и за нѣсколько еще часовъ до свѣта. Но что-жъ я списывалъ? Не имѣя ничего лутчаго, списалъ я цѣлаго «Телемака» съ печатнаго, которую книгу удалось мнѣ негдѣ достать. Я велѣлъ ее переплести, и переплетъ былъ хотя самый скверный, въ доскахъ, и по манеру церковныхъ книгъ съ застѣжками, однако я не могъ ею довольно налюбоваться, и книга сія была мнѣ такъ мила, что я взялъ ее съ собою, когда поѣхалъ на службу; но, къ сожалѣнію моему, пропала она у меня съ нѣкоторыми другими книгами.

Вотъ въ какихъ упражненіяхъ я проводилъ я все глубокое и скучное осеннее время и первую половину зимы. Правда, меня люды мои хотя и старались приучить къ псовой охотѣ, и съ первозимья доставъ гдѣ-то нѣсколько борзыхъ собакъ, уговорили меня выѣхать верхомъ для ловленія зайцевъ по порошѣ, однако мнѣ охота сія нивакъ не полюбилась. Я иззябъ въ-прахъ, ѣздючи верхомъ по снѣгу по полямъ, разклялъ самъ себя, что поѣхалъ и, возвратясь домой, расклялся съ сею охотою и приказалъ, чтобъ собакъ болѣе не было и на дворѣ моемъ, но чтобъ отдали ихъ тѣмъ, отъ кого взяли. Маленькій чижечекъ, сидящій у меня въ клеткѣ съ колесомъ, которую я самъ сдѣлалъ, и гремящій позвонкомъ, дѣлалъ мнѣ тысячу разъ болѣе удовольствія, нежели всѣ борзья собаки въ свѣтѣ я въ всякій день, смотри, я

лесу бѣгалъ я, вертя оное, гремѣлъ колокольчикомъ. Однако не могу сказать, чтобы я и къ маленькимъ птичкамъ имѣлъ страстную охоту: у меня ихъ хоть и было нѣсколько, однако я не былъ къ нимъ охотникомъ.

Между сими разными упражненіями окончился тысяча-семь-сотъ-пятьдесятъ-третій годъ и начался четвертый, который былъ послѣдній, который мнѣ дома жить оставалось.

Симъ окончу и я мое теперешнее письмо, сказавъ вамъ, что я емь и протчая.

Письмо 22-е.

Любезный пріятель! Какимъ образомъ препроводилъ я первую половину зимы, такъ точно препровождена и вторая. Списываніе книгъ и тетрадей, писаніе и черченіе геометріи и чтаніе «Четыхъ-Миней» и даже списываніе изъ нихъ наилучшихъ и любопытнѣйшихъ житіевъ нѣкоторыхъ святыхъ въ особую и нарочно сдѣланную для того книгу, составляло наглавнѣйшее мое упражненіе. Книга сія и понынѣ еще у меня цѣла, и я храню ее для достопамятности, чтобы видѣть, какъ я тогда писывалъ. Трудолюбіе мое и охота къ писанію была такъ велика, что я просиживалъ иногда цѣлыя почти ночи за письмомъ, и старушка-няня, дѣлающая мнѣ всегда одна почти компанію и уставающая отъ сидѣнія въ уголкѣ подлѣ печи за своимъ гребнемъ, нерѣдко принуждена бывала мнѣ напоминать, что время уже ужинать и что давно уже за полночь. Когда же дни стали становиться болѣе, то къ симъ упражненіямъ присовокуплялъ я и рисованье. Я нашелъ у дяди моего десятка два печатныхъ и разрисованныхъ картинокъ, изображавшихъ страданія Христовы. Нѣмецкіе сіи и изрядные эстампы прибиты были у него гвоздиками къ стѣнѣ подъ самымъ почти потолкомъ рядышкомъ, и отъ долготы времени и отъ мухъ такъ потемнѣли, что почти ничего не видать было, что на нихъ написано и изображено. Я до-
садовалъ, что были они въ такомъ не-

бреженіи, и мнѣ захотѣлось ихъ всѣ для себя срисовать. Я выпросилъ ихъ у дяди трудился надъ срисовываніемъ оныхъ весь почти великій постъ, и имѣлъ потомъ великое удовольствіе видѣть спальню мою украшенную ими. Склонность и охота моя къ рисованію была такъ велика, что я и дѣтомъ болѣшую часть времени препровождалъ въ ономъ и нарисовалъ нѣсколько сотъ картинъ для украшенія моей залы. Во всѣхъ картунахъ географическаго атласа моего не осталось ни единого человѣческаго изображенія и фигуры, которую-бъ я не нарисовалъ въ увеличенномъ видѣ на особливомъ листѣ бумаги и не помѣстилъ наряду съ прочими. Самая сія украшаемая картинами зала составляла въ дѣтнее время и рисовальную мою комнату, и весь столъ въ оной укладенъ былъ раковинами съ красками. Но признаться надобно, что все сіе безчисленное множество картинъ не стоило и одной хорошей, а составляло не что иное, какъ единое гвазданье.

Кромѣ сего было у меня симъ дѣтомъ и другое дѣло и упражненіе. Прочертывъ зимою всю геометрію, чертилъ я около сего времени фортификацію. Наука сія, паучающая строить, оборонять и брать крѣпости и города, въ особенности мнѣ полюбилась и была для меня очень весела. Склонность моя къ ней такъ была велика, что я, не удовольствуясь однимъ черченіемъ, захотѣлъ видѣть и въ самой практикѣ и натурѣ всѣ крѣпостныя зданія и военныя укрѣпленія. Я сдѣлалъ себѣ маленькую сажень и футъ, и выбравъ въ саду ровненькое мѣсто, предпринялъ построить въ миньютурѣ маленькую земляную регулярную крѣпостцу. И о! сколько трудовъ, хлопотъ, гвазданья, маранья, скобленья и рѣзанья не было при сей работѣ. Я располагалъ и отдѣлывалъ все по увеличенному масштабу, и не прежде какъ чрезъ нѣсколько недѣль имѣлъ удовольствіе видѣть крѣпость мою отдѣланною и окруженною ровомъ, покрытымъ путемъ и полисадникомъ, и могу сказать, что чрезъ сію игрушку получилъ я многія такія понятія, которыхъ не имѣлъ прежде.

Вотъ въ какихъ дѣлахъ и упражненіяхъ упражнялся я въ теченіе сего года. Изъ нихъ хотя большая часть составляла не что иное, какъ дѣтскія игрушки, однако по-крайней-мѣрѣ произошла отъ нихъ та польза, что я не былъ никогда въ праздности, но занятъ былъ большую часть времени дѣлами; слѣдовательно, и оставалось его тѣмъ меньше на рѣзвости и другія свойственныя моему возрасту увеселенія. Ибо надобно знать, что сколь я помянутымъ образомъ ни былъ трудолюбивъ и къ наукамъ прилеженъ и рачителенъ, и сколь ни велъ себя тихо, скромно и постоянно, однако не должно себѣ воображать, чтобъ я былъ и совершеннымъ уже философомъ и чтобъ не было во мнѣ ничего уже ребяческаго; но вопреки тому, при всѣхъ моихъ хорошихъ и похвальныхъ упражненіяхъ, не проходило безъ того, чтобъ временемъ иногда, а особливо вечеркомъ и на досугѣ, не порѣзвиться и чего-нибудь глупаго и непохвальнаго не сдѣлать.

Во всѣмъ сими рѣзвостямъ и глупымъ упражненіямъ приучилъ меня наиболѣе мой двоюродной братъ, то-есть старшій сынъ дяди моего. Я уже упоминалъ, что онъ былъ совсѣмъ противнаго со мною сложенія, и вмѣсто наукъ и трудолюбія имѣлъ только склонность къ однѣмъ рѣзвостямъ. Самое сіе причиною было, что онъ весьма долго со мною коротко не познакомился и не сдружился, ибо какъ онъ слышалъ, что я все сижу за дѣлами, и либо книгу читаю, либо пишу, либо рисую, то и бѣгалъ онъ отъ меня какъ отъ огня и не сводилъ со мною никакъ короткаго знакомства.

Сими образомъ прошло у насъ все первое лѣто жителства моего въ деревнѣ, и все наше свиданіе бывало только тогда, когда либо я приду къ дядѣ, либо онъ ко мнѣ, но и тутъ, бывало, онъ только-что покажется и повернется, а тамъ опять и слѣдъ его уже простылъ. Наконецъ печальный случай, и не прежде какъ по наступленіи уже первой зимы, насъ съ нимъ сдружилъ и познакомилъ. Случилось какъ-то мнѣ увидѣть, что ребяташки на

дворѣ играли въ такъ-называемую «килку». Мнѣ игра сія полюбилась чрезвычайно, и болѣе потому, что она имѣла нѣкоторое подобіе войны. Всѣ играющіе раздѣлялись на двѣ партіи, и одна партія старалась килку, или маленькій и кругленькій отрубочекъ отъ деревяннаго кола, гнать въ одну сторону и догонять до конца двора или до уреченнаго какого-нибудь мѣста, а другая партія старалась ей въ томъ воспрепятствовать и гнать килку въ другую сторону двора и также до какого-нибудь уреченнаго мѣста, и которой партіи удастся прежде до своего желанія достигнуть, та и выигрываетъ. Чтобъ удобнѣе можно было сію килку гнать, то каждый человекъ имѣетъ палку съ кочерешкою на концѣ, дабы сею кочерешкою можно ему было килку и совать и по землѣ гнать, а ежели случится на просторѣ, то и ударять, чтобъ летѣла далѣе и могли ее подхватить и гнать далѣе его товарищи. Словомъ, игра сія самая задорная, наполненная огня, рвенія, усердія и играющіе должны употреблять невозможнѣйшее проворство и скороспѣшнѣйшее бѣганіе за килкою для успѣванія скорѣй ее ударить и прогнать, и притомъ наблюдается въ ней нѣкоторый порядокъ. Люди разстанавляются сперва вдоль по всему двору въ два ряда и человекъ противъ человека, а потомъ одинъ изъ побѣдителей, положивъ килку на какую-нибудь чурку, ударяетъ по ней изъ всей мочи свою кочерешкою и такъ, чтобъ полетѣла она нѣсколько вверху и упала сверху посреди обоихъ рядовъ, и тогда ближніе люди бросаются къ ней и начинаютъ свое дѣло, то-есть, гнать въ ту сторону, куда кому надобно.

Впрочемъ, была игра сія у насъ въ деревнѣ въ такомъ тогда обыкновеніи, что въ зимнее досужное вечернее время играли въ нее не только ребяташки, но и самыя старыя и взрослые люди вмѣстѣ съ ними. Всякій выбиралъ другого такого-жъ себѣ въ соперники, и всѣ не меньше бѣгали и проворили, какъ и ребяташки, и веселились до крайности, когда случится побѣдить и заставить себя побѣж-

денному перенести за плечами чрезъ весь дворъ или отъ одного уреченнаго мѣста до другого.

Всѣ сіи обстоятельства и возбудили во мнѣ желаніе испытать поиграть вмѣстѣ съ ними, и какъ она мнѣ чрезъ то еще больше полюбилась, то, примѣтя единую ту опасность, сопряженную съ сею игрою, что деревянная палка, попавъ въ челоуѣка, можетъ зашибить, велѣлъ я вмѣсто оной спать кожаный мячъ и употреблять при игрѣ сей, а людей собрать какъ можно болѣе, дабы она была тѣмъ неселѣе.

Сдѣлавъ сію перемѣну, не успѣли мы начать играть, какъ, поглядимъ, катить на дворъ нашъ Михайло Матвѣеничъ съ цѣлою толпою своихъ прислужниковъ и ребятишекъ. Въ другое время звать бы его не дозволялся, а тутъ прилетѣлъ самъ, какъ соколъ ясной.—«Братецъ! мнѣ сказали, что вы здѣсь играете сами: не позволите ли и мнѣ съ вами поиграть?» «Очень хорошо, братецъ, сколько угодно.»

Мы проиграли тогда цѣлый вечеръ вмѣстѣ, и нарѣзались и навеселились до-сыта. Братцу моему сіе такъ понравилось, что онъ обѣщалъ и на-утріе придти, если у насъ игра будетъ. Я принужденъ былъ, для приласканія его къ себѣ, и на другой день то же затѣять, и съ того времени пересталъ мой братецъ меня дичиться, но сталъ ходить ко мнѣ часто, а все болѣе для того, чтобъ ему тутъ вольнѣе было рѣзвиться, нежели дома.

Но вѣдалъ бы я, то лучше-бъ никогда ходить его къ себѣ не заохочивалъ, ибо скоро дошло до того, что онъ сталъ мнѣ уже и мѣшать въ моихъ упражненіяхъ. Часто случалось, что иногда дѣлаешь что-нибудь нужное и спѣшишь скорѣй кончить, а не успѣетъ онъ приттять, какъ покидай все дѣло, и въ удовольствіе его ступай съ нимъ либо въ килку играть, либо на крестьянскихъ лошадяхъ кататься, либо иное что глупое и ребяческое дѣлать. Къ вѣщему несчастію, не успѣлъ онъ начать ко мнѣ ходить, какъ и самъ отецъ его сталъ его къ тому поощрять и побуждать ходить ко мнѣ чаще, ибо

онъ, вѣдая мои хорошія упражненія, ласкался надеждою, что отъ меня и къ сину его что-нибудь пристанеть, и что и онъ что-нибудь у меня перейметъ и къ чему-нибудь приохотится. Но у нашего молодца всего меньше на умѣ было, чтобъ перенимать что-нибудь. Книги для насъ хоть бы не были на свѣтѣ, писаніе ненавистно, а рисованіе въ голову дѣтѣ не хотѣло, а весь умъ и разумъ нашъ помышлялъ объ однихъ только рѣзвостяхъ и вся голова набита была одними пустяками и глупостями.

Такимъ образомъ, приманивъ къ себѣ братца, скоро и не радъ я тому уже былъ; но какъ дѣло сіе было уже невозвратно и отучить ходить къ себѣ было труднѣе, то принужденъ уже я былъ кое-какъ съ нимъ перебиваться; иногда отговаривался уже недосугами, иногда вслепанныю на себя головою болѣзнію, иногда стужою и тому подобнымъ, но сіе все мало помогало. Пристанеть, бывало, такъ, что никакъ не отдѣлаешься, и поневогѣ почти дѣлаешь то, чего бы и не хотѣлось. Напримѣръ, какъ пришло Рождество и наступили святки, то у меня и на умѣ не было заводить игрищи; но по его усиленной и неотступной просьбѣ долженъ я былъ велѣть собирать и дѣлать сіи наглупѣйшія деревенскія игрищи, въ коихъ не только не было ни малѣйшаго вкуса, но комъ, по сквернословію, употребляемому на нихъ играющими, были гнусны, отвратительны и презрѣнія достойны. Но братецъ мой восхищался оными и находилъ невѣдомо-сколько удовольствія.

По приближеніи мяслиницы приказалъ я, не столько для себя, сколько для него, сдѣлать на дворѣ гору и себѣ собственныя маленькія салазочки. Но онъ мало на ней катывался, а для него пріятнѣе было ходить внизъ подъ гору и чрезъ рѣку въ деревню, и тамъ съ маленькаго бугорка кататься вмѣстѣ съ крестьянами и крестьянскими бабами и ребятишками,—а для чего? Для того, что у насъ на дворѣ наблюдалась сколько-нибудь благопристойность и порядокъ, а

тамъ была такая безпорядица, всякая неглицида и вздоръ; напрямѣръ, каты-вались не столько на салазкахъ, сколько навалившись по нѣскольку человѣкъ другъ на друга на дровняхъ или на дубкахъ, и притомъ не столько днемъ, сколько ночью. А! какъ это для братца моего было утѣшно и весело. Онъ уговорилъ и меня сдѣлать ему однажды компанію и сходить туда же; но для меня катанье сего рода никакъ не полюбилось, но показалось слишкомъ безпорядочно, глупо и водло. Къ тому-жъ, какъ я тутъ едва-было очень больно не зашибся, то въ другой разъ не заманилъ онъ меня уже никакъ туда, а для меня мнѣе было кататься на своей горѣ и порядочно на своихъ весьма ловкихъ салазкахъ, безъ шума, безъ крика и безъ всякихъ неглицидъ и вздора, и къ какому катанію я такъ тогда привыкъ, что любилъ упражненіе сіе во все теченіе моей жизни.

Во время продолженія великаго поста, при частыхъ его меня посѣщеніяхъ, старался-было я братца моего приучить сколько-нибудь къ рисованью, въ которомъ я тогда наиболѣе упражнялся, и тѣмъ паче, что и самъ дядя меня о томъ просилъ. Но статочное ли дѣло, чтобъ намъ послушаться и чтобъ приняты за какое-нибудь дѣльцо. Нѣтъ! для насъ всё они были скучны и неприятны, и всякое заставляло тотчасъ зѣвать. «А лутче сходимъ-ка, братецъ, на гумно и посмотримъ, какъ у васъ молотятъ». Я сперва не зналъ, что это значить, и согласился охотно съ нимъ туда итти; но что-жъ вышло, наконецъ, и зачѣмъ предпринимаема была сія ходьба на гумно?.. Надобно тайкомъ увести крестьянскихъ тутъ находящихся лошадей съ санями, надобно на нихъ насажаться съ ребятишками, надобно скакать, что есть поры-мочи, по улицамъ, по рошамъ и по дорогамъ, и во все горло орать самыя глупѣйшія и вздорнѣйшія крестьянскія пѣсни, и потомъ гдѣ-нибудь извалиться, полетѣть стремглавъ, перегваздаться и перемараться всѣмъ въ слѣгу, и всему тому похотать; не все ли глупое, неглизное и

вздорное? Но совсѣмъ тѣмъ братцу моему было все сіе крайне мило и утѣшно. Онъ радъ бы хотѣ всякій бы день сіе повторять, однако скоро я и отъ сей забавы отказался. Однажды извалившись и едва не переломивъ руки, откланялся я ей и оставилъ ее одному своему братцу.

Предъ наступленіемъ святой недѣли, увидѣвъ братецъ мой, что я не всегда и не на всё его предложенія и затѣи соглашаюсь, а привыкнувъ въ домѣ у меня съ множайшею вольностію рѣзвиться, не жели дома, гдѣ иногда отецъ на него покрикивалъ, вздумалъ прискаты себѣ еще товарища, съ которымъ бы ему болѣе можно было рѣзвиться, и уговорилъ меня, чтобъ я выпросилъ у одного нашего сосѣда и дальняго родственника, по имени Степана Петровича Челищева, одного изъ его сыновей, и взялъ его погостить къ себѣ. Онъ увѣрялъ меня, что онъ одного, по имени Михайлу, знаетъ, что онъ дѣлами почти намъ ровестникъ, что мальчикъ весьма хорошій, и что намъ съ нимъ будетъ нескучно. — «И, братецъ!» сказалъ я, сіе услышавъ, — «что ты мнѣ сего давно не скажешь? а бы давно его къ себѣ взялъ. Пускай бы онъ у меня жилъ и дѣлалъ мнѣ компанію». Словомъ, братецъ мой такъ меня имъ прельстилъ, что я на другой же день къ Степану Петровичу для испрошенія его къ себѣ поѣхалъ. Дворянинъ сей былъ весьма небогатый человѣкъ, жилъ отъ насъ верстъ за десять, имѣлъ многихъ сыновей, и слышавшись довольно о моей постоянной и хорошей жизни и поведеніи, съ великою охотою согласился отпустить ко мнѣ своего сына и дозволить держать его у себя столько, сколько мнѣ угодно будетъ. Обрадуясь сему, взялъ я его тогда же съ собою, и привезя домой, послалъ тотчасъ за братцемъ, и показывая ему его, сказалъ: «вотъ тебѣ и Михайла Степановичъ; такой ли надобенъ?..» Онъ обрадовался ему чрезвычайно и тотчасъ возобновилъ съ нимъ прежнее свое знакомство и свелъ дружбу.

Сотовариществомъ мальчика, а особенно въ играхъ въ онъ еще

не оборкался, а все нѣсколько дичился, и покуда продолжался еще постъ, былъ я весьма доволенъ. Онъ показался мнѣ довольно смиреннымъ и хотя ничего совсѣмъ незнающимъ, но имѣющимъ нѣсколько любопытства. Когда я работывалъ, то онъ сиживалъ подлѣ меня, сматривалъ мою работу и разспрашивалъ то о томъ, то о другомъ. Все сіе ласкало меня надеждою, что авось-либо удастся мнѣ что-нибудь нужное и хорошее вперить въ сего мальчика и приучить его со временемъ къ какому-нибудь упражненію, и я мечталъ уже невѣдомо что объ немъ. Но сколь сильно обманулся я во всѣхъ моихъ мнѣніяхъ и надеждахъ! Святая недѣля показала мнѣ совсѣмъ иное.

Не успѣла сія настать, какъ начались у насъ съ братцемъ моимъ ежедневныя свиданія и всѣ недѣлѣ сей свойственныя увеселенія. Мы были почти неразлучны между собою и онъ почти не выходилъ отъ меня. Катаніе яницъ, которыхъ было у меня превеликое множество, составляло наше первое упражненіе. Я снабдилъ довольномъ количествомъ оныхъ и моего сотоварища и гостя. Братъ мой былъ чрезвычайнымъ охотникомъ до сего катанія, и притомъ очень вздорливъ и неугомоненъ. Челищевъ былъ ничѣмъ не лутче, а еще не хуже ли онаго. Всякій день начались у нихъ съ нимъ за яйца крики, споры, ссоры и вражда, и очень часто доаживало даже и до стрѣлянья другъ въ друга яйцами и катками, и я принужденъ былъ ихъ унимать, мирить и возстановлять прежнее согласіе. Сіе явленіе было первое, показавшее мнѣ уже отчасти истинный характеръ моего гостя, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усматривалъ я, что въ заключеніяхъ моихъ объ немъ весьма обманулся.

Другое увеселеніе наше составляло катаніе на качеляхъ. У меня сдѣланы были онѣ на дворѣ прекрасныя. Братецъ мой съ г. Челищевымъ не сходили почти съ оныхъ. У него была съ нимъ всякій день по нѣскольку разъ и ссора и миръ, и опять дружба, и какъ оба они были ребята очень несмирныя, то происходила у

нихъ и на качеляхъ всякая всячина. Однажды чуть-было братецъ мой не ушибъ до смерти моего гостя, вскинувъ его съ ребятами такъ высоко, что онъ соскочилъ съ доски и повисъ на веревкахъ. Я обмеръ и спужался, увидѣвъ сіе издали, и наконецъ безпутныя ихъ рѣзвости мнѣ такъ надоѣли, что я велѣлъ закинуть веревки и запретилъ, чтобъ никто безъ меня не качался.

Не въ одномъ семъ упражненіи мы въ святую недѣлю; но какъ она была въ тотъ годъ поздно, и не только не было нигдѣ уже снѣга, но и обсохло, то не оставили мы ни одной почти игры, въ которую-бъ не играли и не рѣзвились. И въ мячъ-то, и въ городки, и въ кляку, и въ веревку, и въ стрякотки-блякотки, и въ ладышки и во вся и вся! Всѣми симъ играмъ наглавнѣйшій заводчикъ и затѣйщикъ былъ братъ мой, а г. Челищевъ былъ ему споспѣшникъ и сотоварищъ.

Въ сіе-то время имѣлъ я случай узнать короче моего гостя и удостовѣриться въ томъ, что онъ былъ прерѣзвая особа, неимѣющая въ голоу своей ничего добраго. Склонность его къ рѣзвостямъ, бѣшенству, ко всякимъ шалостямъ и ко всему, что только безпутствомъ названо быть можетъ, была такъ велика, что онъ далеко въ томъ превосходилъ и самого моего брата, а сверхъ того и умъ его былъ не изъ самыхъ лучшихъ. Все сіе заставляло меня уже нѣкоторымъ образомъ и раскаяваться въ томъ, что я его къ себѣ взялъ. Однако, какъ при всемъ томъ былъ онъ веселаго нрава, а что всего лучше — не только переносилъ всякія дѣлаемые съ нимъ шутки, но и охотно еще и самъ давалъ надъ собою шутить, то сіе было причиною тому, что я его удержалъ при себѣ; а сверхъ того имѣлъ я отъ него и ту выгоду, что братъ мнѣ не дѣлалъ уже столько въ дѣлахъ и упражненіяхъ моихъ помѣшательства, какъ прежде, и я всякій почти разъ, когда онъ ко мнѣ приаживалъ, адресовалъ уже его къ моему Михайлѣ Степановичу, дабы онъ съ нимъ шелъ, и что хотѣлъ, то и дѣлалъ, а

меня бы оставилъ при моемъ дѣлѣ и съ покоемъ.

Однако нельзя было, чтобъ временемъ и я не дѣлалъ имъ компаніи. Лѣта мои требовали того, чтобъ иногда и мнѣ порѣзвиться. И какихъ-какихъ проказъ не дѣлали мы иногда надъ нашимъ гостемъ и сотоварищемъ, а особливо братъ мой. Однажды онъ чистехонько-было его уморилъ. Была у меня какая-то настойка съ ягодами и виномъ. Поутру въ тотъ день сливали у меня ее, и такъ случилось, что ягоды, напоенныя еще виномъ и спиртомъ, поставлены были въ чашѣ въ передней комнатѣ. Братъ мой, пришедши послѣ обѣда ко мнѣ, какъ-то ихъ увидѣлъ, и отвѣдавъ ихъ, узналъ, что онѣ довольно еще были сладки; тотчасъ приди ему въ голову подшутить надъ г. Челищевымъ. Онъ заваля его туда, и вѣдая, что нужно было только о чемъ-нибудь заспорить, какъ ко всему его убѣдить и преклонить можно, отыскалъ какую-то нарочитой величины чашу и спросилъ его, могъ ли бы онъ, напримѣръ, съѣсть чашку сію, вверхъ, сихъ ягодъ. «А для чего не съѣсть?»—отвѣтствовалъ Челищевъ, отвѣдавъ напередъ ягоды и нашедъ ихъ довольно вкусными. — «Пустяки!» сказалъ на то братъ, — «можно ли тебѣ съѣсть? ты и третьей доли не съѣшь!» — «Если такъ, то сей же часъ изволь», отвѣтствовалъ г. Челищевъ, и тотчасъ насыпавъ чашку вверхъ, и началъ убирать. Я сидѣлъ тогда въ другой горницѣ и рисовалъ, и ничего не знаю и не вѣдаю, что у нихъ тутъ происходило. Но не успѣло пройти съ полчаса, какъ ягоды и разобрали нашего Михайлу Степановича. Онъ началъ шумѣть и бурлить, какъ сумасшедшій, и всѣхъ насъ бранить и ругать немилосерднымъ образомъ. Я удивился, сіе увидѣвъ, и не понималъ, что-бы это значило, и что-бы такое подѣлалось надъ моимъ гостемъ. Но какъ онъ часъ отъ часу болѣе бурлить и барабошить сталъ, и схватя палку, за людьми гоняться, то началъ я уже и потрушивать и иного не заключалъ, что онъ съ ума сошелъ и взбѣсился. — «Батюшки мои! что это съ нимъ

сдѣлалось?» говорилъ я только всѣмъ, и горевалъ, не зная что мнѣ съ нимъ дѣлать и начать. Словомъ, я бы впрахъ настрадался и перетрусился, если бы въ самое то время не вошелъ въ комнату мою мой братъ, ходившій между тѣмъ домой, и увидѣвъ проказы г. Челищева не покатылся бы со смѣха. Меня сіе удивило еще больше. — «Чему, братецъ, смѣяться?» говорю я ему, — «человѣкъ съ ума сошелъ и взбѣсился, и я не знаю, что съ нимъ дѣлать?» Но онъ, услышавъ сіе, захохоталъ еще пуще и катается-таки со смѣха! — «Господи, помилуй!» говорилъ я тогда, удивляясь отъ часу больше и не понимая, что-бы это все значило, — «или всѣ люди нынѣ съ ума сошли? Да скажи, братецъ, ради Христа, чему такому ты смѣешься, и что въ томъ смѣшного, что человекъ взбѣсился?» Братъ мой хотѣлъ было сказать слово, но отъ смѣха никакъ не могъ; наконецъ, насилу-насилу и коскакъ промовилъ: «Какое съ ума сошелъ? это не что иное, какъ ягоды!» — «Кавіи ягоды?» спросилъ я. И тогда рассказала онъ мнѣ всю исторію, и увѣрялъ, что онъ не что иное, какъ пьянъ. Тогда исчезъ весь мой страхъ, и мы совокупно начали надъ нимъ шутить и хохотать. Но смѣхи и хохотанье наше скоро переимѣнилось въ дѣйствительный страхъ и опасеніе. Г. Челищевъ, побурливъ-побурливъ, началъ наконецъ пошатываться, глаза у него переимѣнились и сдѣлались страшные, языкъ началъ съ нуждою ворочаться и едва произносилъ слова: «Охъ, тошно! охъ, смерть моя!» а немного погодя, не могъ онъ болѣе стоять на ногахъ, повалился, гдѣ стоялъ, на полъ. Глаза подкатились у него подъ лобъ, изъ рта начала бить клубомъ пѣна, и онъ сдѣлался безъ ума, безъ памяти и лишился почти чувствъ всѣхъ; мы оба съ братомъ обмерли и служались, все сіе увидѣвъ, и не знали, что съ нимъ начать и дѣлать. Я только что твердилъ брату: «Бога ты, сударь, не боишься! какъ тебѣ, братъ, не стыдно! какую сдѣлалъ съ нимъ проказу! нелегкая тебя догадала кормить его тамъ ягодами! Что ты изволишь тогда дѣлать, если онъ умретъ? Я прямо,

вѣдь, на тебя скажу, и ты какъ хочешь, такъ и отвѣтствуй!» Братъ мой стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не говоря ни слова, а только что блѣднѣлъ и краснѣлъ. Тотчасъ послали мы за дядькой моимъ, Артамономъ; спрашиваемъ у него, чѣмъ товарищу нашему пособить? Дядька мой самъ не знаетъ. Наконецъ присовѣтовали намъ лить на него воду. Мы тотчасъ сіе сдѣлали: всего его замочили, но пользы отъ того не было. Горе на насъ превеликое! боимся, чтобъ дѣйствительно не умеръ. Напоследокъ присовѣтовали намъ влить въ него ложку коноплянаго масла; насилу разжали ему ротъ и влили оное: и оттого ли, или не оттого, ему стошнило и его вырвало. Сіе сдѣлало ему нѣкоторое облегченіе, онъ уснулъ, и къ великому нашему удовольствію, къ вечеру проспался и оправился.

Въ другой разъ заспорили мы также съ нимъ, что не можно никакъ голому человѣку пробѣжать сквозь превеликую и широкую кулигу крапивы, которую наши мы гуляючи въ одномъ мѣстѣ подлѣ пруда. — «Для чего не пробѣжать?» сказалъ онъ, — «великая эта диковинка! тутъ не будетъ и десяти сажень!» Мы оспаривали его, что не можно, а онъ утверждалъ, что можно, и говорилъ брату моему: «Коли не вѣришь, давай объ закладъ—объ гривнѣ, а самъ пробѣгу». Я моргнулъ брату моему, чтобъ онъ бился, ибо признаюсь, что въ этомъ грѣхѣ былъ и я соучастникомъ, и онъ не успѣлъ съ нимъ ударить по рукамъ, какъ г. Челищевъ въ одинъ мигъ сорвалъ съ себя все платье долой и пустился, и пробѣжавъ закричалъ: «Великая диковинка! Ежели хотите, я и назадъ пробѣгу». — «Ну, ну! братецъ, ужъ такъ и бытъ! то будетъ и честь, и слава молодцу». Онъ исполнилъ и сіе. Но какое же мученіе и страданіе принужденъ былъ онъ вытерпѣть! Сгоряча онъ не слышалъ и не чувствовалъ ничего. Но какъ крапива была превысокая и густая, и обстрекала его всего съ головы до ногъ, то не успѣло минутъ двухъ пройти, какъ взбѣленился нашъ малый и даже взвылъ отъ превеликой боли и

мученія, такъ что мы сколько хотали сперва, столько и сжалились надъ нимъ и обѣщанную гривну съ охотою ему дали.

Нѣсколько времени спустя послѣ того, проломили-было мы ему чисто голову, играючи въ кляку, которая случилась на ту пору деревянная. Рѣзвому братцу моему вздумалось съ умысла ударить ее такъ, чтобъ она ему по спинѣ попала; но кляка была такъ неосторожна, что попала ему прямо въ голову. Г. Челищевъ не могъ даже устоять на ногахъ оттого и насилу очнулся, и голова у него очень долго болѣла.

Наконецъ, однажды, тотъ-же братецъ мой совершенно-было утопилъ его на прудѣ. Было то при случаѣ купанья. До сего купанья были мы превеликіе охотники, и братецъ мой такъ меня къ сему приучилъ, что въ жары мы съ нимъ по нѣскольку разъ купывались, и однажды, какъ теперь помню, дошло до того, что мы цѣлыхъ семь разъ въ одинъ дѣнь купались. Какъ г. Челищевъ всегда бывалъ съ нами и не весьма еще плавать умѣлъ, то рѣзвому братцу моему вздумалось однажды вмѣстѣ съ нимъ, голымъ, поплавать по пруду въ камягѣ, которая была у меня на прудѣ. Не успѣлъ онъ отбѣхать на средину, какъ, желая пострадать г. Челищева, сталъ онъ камягу качать то въ ту, то въ другую сторону, и веселиться тѣмъ, что тотъ кричалъ и боялся; но однажды качнулъ такъ неосторожно, что и самъ полетѣлъ въ воду, и его выпрокинулъ, и тогда чуть-было онъ не захлебнулся совсѣмъ. На-силу, на-силу уже подплылъ и его съ глубокаго мѣста ста-нулъ за собою на мелкое.

Вотъ какія разныя проказы мы съ нимъ дѣлали; но конца-бы не было, если-бы всё оныя и всё наши рѣзвости пересказывать, а довольно и сихъ, для доказательства вамъ, что всё мы были молодцы изрядные. Чѣмъ прекратя, остаюсь и протчалъ.

Письмо 23-е.

Любезный пріятель! Въ теперешнемъ моемъ письмѣ опишу я вамъ до-

стальное мое пребываніе въ деревнѣ. Изъ обонхъ предслѣдующихъ писемъ могли вы усмотрѣть, что сколько жизнь моя, въ сей разъ, въ деревнѣ ни была хороша и порядочна, однако было въ ней нѣчто и дурное, и видѣли причину, подавшую къ тому поводъ. Ежели по справедливости судить, то сіе немного дурное было, въ разсужденіи глѣтъ моихъ, нѣсколько для меня и извинительно. Мнѣ шель хотя шестнадцатый годъ, но какія это еще глѣта и можно-ли требовать и ожидать въ нихъ совершенной зрѣлости разума и дальняго постоянства? Далѣе, ежели принять въ разсужденіе, что все сіе дурное состояло въ единныхъ только дѣтскихъ рѣзвостяхъ, и что я, живучи на совершенной волѣ и совершеннымъ властелиномъ надъ всѣми своими дѣлами и поступками, весьма легко могъ-бы послануть на что-нибудь дальнѣйшее и худшее, то великое для меня было еще счастье, что я отъ всего того избавился и сохранилъ себя въ сіе столь критическое время моей жизни въ совершенной непорочности. Привычка ко всегдашнимъ и непрерывнымъ упражненіямъ, частое и многое чтаніе духовныхъ книгъ, нерѣдкія свиданія и разговоры съ понами и другими духовными людьми о вещахъ до закона и вѣры касающихся, а наконецъ и самое списываніе житіевъ святыхъ, упражнявшее мысли мои хорошими и набожными помысленіями, поспѣствовало много къ тому, что я не погружился въ какіе-нибудь такіе пороки, какіе не рѣдко такому возрасту бывають свойственны, въ какомъ я тогда находился; а лучше сказать, не что иное, какъ самое Провидѣніе и особливая милость небесъ меня отъ того сохранила.

Возвращаясь теперь къ повѣствованію моему, скажу, что изъ прочихъ происшествій, случившихся со мною въ тогдашнее пребываніе мое въ деревнѣ, не помню я никакихъ такихъ, которыя-бъ достойны были въ-особливости замѣчены быть, кромѣ слѣдующихъ трехъ, не составляющихъ дальней важности.

Первое было то, что я однажды на

смерть перепуганъ былъ ужами. Сихъ ядовитыхъ гадинъ было какъ-то въ нашей деревнѣ превеликое множество въ тогдашнее время. Наилучшее ихъ жилище было подъ плотиною въ томъ хворостѣ, которымъ пруды изстари были запружены. Тутъ имѣли они свои норы и лазей, изъ которыхъ выгвзая въ жаркое время, леживали они противъ солнца цѣлыми кучами свившись другъ съ другомъ. Кромѣ сего ползвали они вездѣ и вездѣ и живали даже въ самыхъ лучшихъ избахъ. Поелику гадины сіи не напрасливы и очень смиры, ежели кто ихъ не трогаетъ и не раздражаетъ: то люди наши такъ къ нимъ привыкли, что никакъ ихъ не боялись. Не рѣдко, какъ рассказывали мнѣ, случалось, что они вспазывали на самыя кровати спящихъ людей, однако ни мало ихъ не вредили, хотя на смерть перепугивали при просыпаніи и узрѣніи оныхъ. А однажды, какъ увѣрили меня, случилось въ домѣ нашемъ весьма странное и удивительное приключеніе. Одна женщина, посадивъ маленькихъ дѣтей своихъ на землю въ сѣняхъ, дала имъ горшокъ молока для хлебанія. Во время хлебанія сего гдѣ ни возмись превеликій ужъ, и приползъ къ ребятишкамъ, всунулъ голову свою чрезъ край въ горшокъ. Повсюду есть молва, что ужи великіе охотники до молока, и что будто не рѣдко выиссываютъ изъ коровъ все молоко, но чему однако трудно повѣрить. Но какъ бы то ни было, но маленькіе ребятишки ужа сего не только ни мало не испужались, но били его еще по головѣ своими ложками, не давая ѣсть молока. Въ самое то время вошла въ сѣни опять ихъ мать и обмерла и спужалась, увидѣвъ сіе зрѣлище. Она не знала что дѣлать, но ужъ не успѣлъ ее увидѣть какъ поползъ прочь и ушелъ въ свою нору.

Вотъ исторія, о которой увѣрили меня, что она случилась нѣкогда въ нашемъ домѣ, однако я худо тому вѣрю и почитаю болѣе народною басенкою.

Что касается до моего съ ними происшествія, то случилось оно во время

купанія въ прудѣ. Я выше упоминалъ уже, что у меня была на семь прудѣ камяга или наипростѣйшая выдолбленная изъ одного дерева лодка. Я досталъ ее для развѣзжанія по пруду и увеселенія себя на оной плаваніемъ, по привычкѣ, учиненной къ тому еще во Псковщинѣ; когда же научился я при частомъ купаньи плавать и нырять, то наилучшее было у насъ обыкновеніе, съѣхавши на камягѣ сей на самое глубокое въ пруду мѣсто, прыгать съ нея въ воду и опустясь на дно выскакивать опять на поверхность воды и влѣзать опять въ лодку. Но чтожъ случилось со мною однажды при такомъ прыжкѣ въ воду. Не успѣлъ я дойти до дна и ногами своими коснуться до земли, чтобъ дать ими толчекъ объ оную для скорѣйшаго возвращенія на поверхность воды, какъ почувствовалъ я подъ ногами нѣчто чрезвычайнѣе и какъ ледъ холодное; но какимъ неописаннымъ ужасомъ поразило сердце мое, когда, вынырнувши изъ воды увидѣлъ я, что вслѣдъ за мною вынырнуло изъ воды и два превеликихъ ужа, и одинъ не болѣе какъ на аршинъ, а другой аршина на два отъ меня. Я оцѣпенѣлъ весь тогда отъ ужаса и не зная уже не вѣдая, какимъ образомъ догребъ я до лодки и ускользнулъ въ оную, а того меньше, какъ меня сіи ужы не ужалили: видно самой судьбѣ угодно было меня спасти отъ оныхъ, ибо оба они, вынырнувъ и поднявъ головы съ превеликимъ шипѣніемъ, яко знакомъ ихъ раздраженія, поплыли прочь и чрезъ весь почти прудъ къ берегу.—Съ того времени полно мнѣ не только прыгать попрежнему съ лодки въ воду, но я пересталъ и купаться въ семъ прудѣ.

Въ другой разъ и вскорѣ послѣ того, идучи мимо плотины, увидѣлъ я нѣсколькихъ ребятшекъ на плотинѣ, мечущихъ камушками и палочками въ лежащаго посреди дороги на плотинѣ превеликаго ужа, и раздражающаго онаго. Я закричалъ на нихъ, чтобъ они перестали, что хотя они и учинили, но ужъ былъ уже раздраженъ и погнался въ слѣдъ за од-

нимъ изъ нихъ, побѣгшимъ прямо въ ту сторону гдѣ я стоялъ. Боже мой! какъ я тогда испужался, а особливо увидѣвъ въ первый разъ отъ роду, какъ ужы раздраженные ползають. Они, извиваясь кольцомъ, не ползають, а даже сигаютъ, и очень скоро и далеко. Мнѣ не никакъ казалось, что онъ не только мальчишку, но и самого меня ужалитъ, и я побѣжалъ тогда такою опрометью прочь, что самъ себя не вспомнилъ.

Оба сіи случая такъ меня настрашали, что я всѣмъ людямъ и крестьянамъ накрѣпко приказалъ съ того времени битъ ужей вездѣ, гдѣ они ихъ ни завидятъ и не знаю, отъ того ли или нѣтъ, но съ того времени количество ихъ знатно уменьшилось и дошло до того, что нынѣ въ цѣлый годъ рѣдко кому удастся и одного ужа увидѣть.

Другое приключеніе было смѣшное, но наведшее на меня также нѣкоторое опасеніе. Состояло оно въ томъ, что я отъ одной глупой привычки чуть было луна-тикомъ не сдѣлался. Въ комнатѣ той, въ которой я спалъ, была кирпичная голландская печь, но имѣющая предъ самимъ устьемъ своимъ приступокъ, на которомъ сидѣть было можно. На семъ приступкѣ стоячи и растворивъ дверцы, чтобъ шогъ духъ, повадилса я, ложась спать и раздѣвшись уже совсѣмъ, въ одной рубахѣ грѣться. Зимняя стужа подала мнѣ къ тому первый поводъ: нагрѣвшись бывало досыта и ложусь я прямо въ постелю. Но чтожъ меня отъ сей довольно долго продолжавшейся и ежедневно повторяемой привычки отъучило?—Однажды нагрѣвшись симъ образомъ, легъ я по обыкновенію спать и заснулъ скоро, но въ самую полночь пробудившись, вдругъ увидѣлъ себя стоящаго на помянутомъ приступкѣ у печки и грѣющагося. Господи помилуй! перекрестясь сказалъ я тогда самъ себѣ: какимъ это образомъ я сюда зашолъ?—Ужасъ превеликій напалъ тогда на меня; я раскивалъ и перебудилъ всѣхъ спящихъ со мною людей, и съ того времени полно мнѣ по вечерамъ у печки моей надъ душкомъ грѣться; и вотъ ка-

Истvie можетъ производить при-
въ чловѣкѣ.

ье приключеніе было странное и
на тогда весьма удивительное. Нѣ-
въ лѣтнее время передъ вечеромъ
лось мнѣ вытти одному въ ниж-
ий садъ прогуляться. Садъ сей уда-
ль нѣсколько отъ всего двора и
а косогорѣ къ рѣкѣ и къ вершинѣ.
шь я притти въ оный и взойти
ую средину онаго и самое то мѣ-
і вынѣ предъ хоромами моими по-
рѣтница стоятъ стриженные пи-
ли елки, какъ услышала я вдругъ
, кличущій меня по имени и по
гу и голосъ довольно громкій и
акъ бы изъ близи происходящій.
ась отътствовалъ «ась», но на мое
воспослѣдовало никакого отвѣ-
меня удивило. И тотчасъ закри-
сто меня кликалъ?» по и на сіе столь
ю отвѣта получилъ, какъ и на пер-
повторилъ еще разъ, но не тутъ-
о.—Я смотрѣть въ ту, я смотрѣть
гую сторону, но никого не вижу;
ать еще «кто меня кликалъ? кому
бень?» но не было ни отъ кого ни
ни духа ни послушанія, по господ-
іа повсюду тишина и совершенное
іе. «Господи помилуй! говорилъ я
дивляючись, что за диковинка? Кто
и кликалъ?» по все мое удивленіе
щетно. Не удовольствуясь кричань-
галъ я бѣгать по всему саду, пе-
шь всѣ его углы и закоулки, а
ю въ той сторонѣ, откуда мнѣ го-
ослышался, смотрѣлъ въ вершинѣ,
ину въ рощу, въ чужой садъ, кри-
ще нѣсколько разъ «кто меня кли-
Но нигдѣ не было и слѣдовъ че-
скихъ и никто мнѣ не отътство-
Ужась тогда напалъ на меня. Я
ль опростелью домой и тутъ со-
сѣхъ людей спрашивалъ, не былъ ли
нижнемъ саду или не шелъ ли ми-
е кликалъ ли меня, но всѣ кля-
божились, что никогда въ саду и
подлѣ сада въ то время не было
о меня не кликалъ. Словомъ, я
ь никакъ отыскать и не знаю и

рѣложеніе въ „русской старинѣ“, 1870 г.

понимѣ, какъ это случилось и кто меня
тогда кликалъ, а то только знаю, что го-
лось былъ подобный во всемъ чловѣче-
скому и произпосимъ былъ не далече отъ
меня.

Кромѣ сихъ трехъ происшествій не пом-
ню я никакихъ иныхъ. Что-жъ прина-
длежитъ до моихъ выѣздовъ со двора, то
во все мое тогдашнее полугорогодичное
жительство въ деревнѣ были они очень
рѣдки. У самой вышеупомянутой ста-
рушки, госпожи Бакѣевой, у которой былъ
сынъ, умѣющій рисовать, бывалъ я очень
рѣдко и болѣе потому, что она сына свое-
го ко мнѣ никогда почти одного не отпу-
скала, а сіе было причиною, что я не
могъ сотовариществомъ его пользоваться.
Кромѣ сей, была тогда еще одна старуш-
ка, по имени Варвара Матѣевна Те-
миряева, къ которой я временно ѣжи-
валъ. Она происходила изъ нашей фамиліи
и была сестра родственнику моему, Ники-
тѣ Матѣевичу Волотову, имѣвшему тре-
тій домъ въ нашей деревнѣ, но бывшему
тогда на службѣ и служившаго въ Кіев-
скомъ полку полковникомъ. Старушка
сія была всѣхъ старѣе въ нашемъ родѣ
и самая та, которая запомнила еще того
Еремѣя Гавриловича, котораго исторію со-
общилъ я въ началѣ первой части моей
исторіи и отъ которой я ее слышалъ.
Къ сей старушкѣ ѣзжалъ я также вре-
менно и любилъ слушать отъ нея
разныя повѣствованія о старинѣ. Также
случалось мнѣ однажды ѣздить съ дядею
моимъ и къ тому Ивану Михайловичу
Дурнову, который былъ отцу моему наи-
лучшій другъ и котораго въ духовной
своей сдѣлалъ онъ душеприкащикомъ.
Однако я нашель его добренькимъ, но
ничего почти незначащимъ старичкомъ.
Онъ принялъ меня ласково, но былъ очень
удаленъ, чтобъ входить въ какія-нибудь
до меня относящіяся обстоятельства.

Кромѣ сихъ, была еще одна очень по-
чтенная старушка, жившая въ Калитинѣ,
по имени Авдотья Игнатевна Пущина,
бывшая покойному родителю моему въ
нѣкоторомъ свойствѣ и имѣвшая двухъ
дѣтей: одного сына на возрастѣ и дочь,

превеликую красавицу. Сію единствен-но за красоту взялъ за себя нѣкто пре-великій богачъ г. Докторовъ, а какъ онъ, приживъ одного сына, скоро умеръ, то предъстидся красотою ея одинъ изъ князей Долгоруковыхъ, по имени Иванъ Алек-сѣевичъ, и на ней женился, и такъ она вошла въ родню знатную и большую. Что же принадлежитъ до ея сына, то съ нимъ случился особенный казусъ. Вздумалось ему однажды застрѣлить прилетѣвшую на дворъ ворону; онъ, прицѣлившись съ крыльца, хлопъ; но на ружьѣ схватило только съ полки, а оно какъ-то не раз-рядилось; онъ какъ то восхотѣлъ продуть въ дуло ружья, для узнанія заряжено ли оно, но не успѣлъ онъ начать дуть, какъ ружье разрядилось и всѣмъ зарядомъ вы-стрѣлило ему прямо въ ротъ, и тѣмъ умерт-вило его въ ту-жъ минуту. Приключеніе сіе тогда во всѣхъ нашихъ окрестностяхъ было очень громко, и всѣ сожалѣли о немъ и тѣмъ паче, что онъ у матери былъ одинъ только сынъ и смертію его весь ихъ родъ пресѣлся. У сей старушки я также нѣсколько разъ бывалъ.

А всего чаще ѣздилъ я къ церкви; въ сей не пропускалъ я почти ни одного праздника и воскресенья, чтобъ не быть у обѣдни. Ёздивалъ же я всюду наибо-лѣе верхомъ, ибо ѣзда на дрожкахъ была тогда еще не въ обыкновеніи и никто еще не зналъ сего удобнаго и дешеваго эки-пажа.

Къ выѣздамъ же моимъ со двора мож-но присовокупить и то, что въ лѣтнее вре-мя нерѣдко ѣзжалъ я въ поля увеселять-ся ястребиною ловлею перепеловъ. Ста-рикъ приващикъ мой былъ до оной охот-никъ и кармилъ меня всегда перепел-ками, и я ѣзжалъ съ нимъ иногда для смотрѣнія. Сія ловля птицъ была для ме-ня довольно утѣшна, однако я и до нея не сдѣлался охотникомъ; важнѣйшія уп-ражнения не допускали меня до того.

Итакъ, наиболѣе частый выѣздъ и выходъ мой былъ къ моему дядѣ. Въ послѣднее лѣто я такъ къ нему, а онъ ко мнѣ при-выкъ, что мы видались всякій божій день, и онъ не считалъ меня уже гостемъ. Обы-

кновенно хаживалъ я къ нему послѣ обѣ-да часу въ четвертомъ или въ пятомъ, и какъ онъ обѣдывалъ очень рано, а въ сіе время имѣлъ обыкновеніе полудновать, то унималъ онъ меня всегда вмѣстѣ съ собою полудничать. Полуднованья сіи были почти точно такія-жъ, какъ обѣды, и состояли обыкновенно изъ трехъ или четырехъ блюдъ. Первое изъ оныхъ было съ кускомъ ржавой ветчины, или съ ок-рошкой; второе, съ наипростѣйшими, и, что всего страннѣе, безъ соли вареными зелеными или капустными щами. Береж-ливость дяди моего простиралась даже до того, что онъ не ввѣрялъ соли страп-чимъ, но салывалъ щи самъ на столѣ; а третье, составлялъ горшокъ либо съ греч-невою, либо со пшенной густою кашею, приправляемою на столѣ коровинымъ топ-ленымъ масломъ, ибо сливочнаго и соле-наго тогда и въ завѣтъ нигдѣ не важи-валось. Итакъ, столы сіи были хотя не очень сладкіе, и у меня дома готавливали гораздо лучшее кушанье, но привычка че-го не дѣлаетъ, я понежнему привыкъ, и поддичанья сіи были для меня нако-нецъ очень вкусны и, сколько думаю, от-того, что ѣдалъ тутъ въ компаніи, а не такъ, какъ одинъ дома.

Сколь рѣдки выѣзды мои были со дво-ра, столь рѣдки были и приѣзды ко мнѣ гостей, ибо кому было ко мнѣ, какъ къ настоящему еще ребенку, ѣздить? На-илучшіе и частѣйшіе мои гости были наши приходскіе и сосѣдственные попы и нѣкоторые изъ живущихъ на заводахъ нѣмцевъ. Сей родъ людей былъ у насъ въ сосѣдствѣ совсѣмъ особенный. Они носили только на себѣ имя нѣмцевъ, бы-ли собственно мастеровые при прежде бывшихъ тутъ желѣзныхъ заводахъ и, жи-вали прежде весьма хорошо; но тогда единую тѣнь прежней жизни имѣли и питались болѣе винною продажею и кор-чемствомъ. Изъ нихъ были нѣкоторые изрядные и неглупые люди, и я всегда посѣщеніемъ ихъ бывалъ доволенъ.

Въ таковыхъ-то упражненіяхъ и симъ образомъ препровождалъ я свои тогдашніе дни. Жизнь моя была хотя прямо уеди-

ненная и отъ сообщенія съ прочимъ свѣтомъ совсѣмъ удаленная, но я такъ къ ней привыкъ, что она сдѣлалась мнѣ веселая и такъ пріятна, что я и понынѣ не могу вспомнить ее безъ чувстваванія нѣкоего особливаго удовольствія.

Наконецъ, стала наступать уже осень и съ нею приближаться то время, въ которое надлежало мнѣ явиться къ полку своему. Уже надобно было помышлять и объ отъѣздѣ своемъ на службу и поневоле къ тому готовиться. Отпущенъ я былъ глухо—до шестнадцати-лѣтняго возраста, безъ точнаго означенія года, мѣсяца и числа, въ которое мнѣ явиться къ полку надлежало. Итакъ, хотя помянутыя шестнадцать лѣтъ имѣли совершиться октября 17-го дня сего года, однако думалъ я, что мнѣ прежде нельзя хватъ, какъ по первому зимнему пути и что не великая будетъ важность, ежели нѣсколько и просрочу. Мнѣніе, что въ полку точнаго дня моего рожденія неизвѣстно, утверждало меня въ сей надеждѣ.

Но чѣмъ ближе сіе время приближалось, тѣмъ болѣе началъ я озабочиваться тѣмъ, что въ теченіе сихъ полутора годовъ, которые прожилъ я въ деревнѣ, оба мои выученные иностранные языки, то-есть нѣмецкій и французскій, были мною опять совершенно почти забыты. Обстоятельство, что я съ самаго отъѣзда моего изъ Петербурга не имѣлъ ни единого случая съ кѣмъ бы могъ хоть единое слово промолвить по-французски, а въ разговорѣ нѣмецкимъ языкомъ не имѣлъ даже съ самаго отъѣзда изъ Бовска и почти дѣлалъ шесть лѣтъ ни малѣйшаго упражненія, было тому причиною, что я при окончаніи сего года не умѣлъ обоими этими языками ни одного слова вынуть. Вотъ что можетъ произвесть отвычка и долгое время неупражненіе въ разговорахъ. Но что касается до разумѣнія сихъ языковъ, то я не совсѣмъ онаго лишился: я умѣлъ ими писать и читать, и разумѣлъ много изъ читаемаго, и мое несчастье было, что я не имѣлъ никакихъ у себя нѣмецкихъ и французскихъ тако-

го рода книгъ, которыя бы я могъ читать съ любопытствомъ, на примѣръ, историческихъ или романовъ. Черезъ сіе чтеніе могъ бы я не только оба сіи языки не позабыть, но привести ихъ еще въ лучшее совершенство, ибо извѣстно, что ни черезъ что не можно имъ такъ научиться, какъ чрезъ любопытное чтеніе. Но тогда таковыхъ книгъ и въ Россіи у насъ было мало, а мнѣ и подавно взять было негдѣ: вся моя иностранная бібліотека состояла только въ нѣсколькихъ учебныхъ книгахъ, а именно въ двухъ лексиконахъ, двухъ грамматикахъ и нѣмецкой географіи; а всѣ сіи удобны ли къ такому чтенію и не скорѣ ли наскучить, нежели заохотить могутъ? Точно такъ случилось и со мною. Я хотя кой-когда и бралъ ихъ въ руки, но другія и любопытнѣйшія упражненія вырвали у меня оныя опять изъ рукъ и заставляли лежать ихъ съ покоемъ.

Такимъ образомъ, забвеніе сихъ языковъ меня очень озабочивало. Я встрянулъ, но уже поздно, что то дурно, ибо не сомнѣвался, что по приѣздѣ къ полку велико будетъ меня экзаменовать, ибо я съ тѣмъ условіемъ и отпущенъ былъ, чтобъ сіи языки и геометрію и фортификацію выучить. Что касается до сихъ послѣднихъ наукъ, то въ разсужденіи сихъ надѣялся я на себя и не боялся экзамена, но языки меня крайне смущали.

Во время самаго сего нестроенія случилось мнѣ однажды быть въ гостяхъ у праздника, у одной своей родственницы, вышеупомянутой старушки госпожи Темиряевой. Тутъ вышелъ я приѣхавшаго также въ гости одного старичка, знающаго нѣмецкій языкъ и нѣкоторыя другія науки. Каковой собственно былъ онъ человекъ, того не могу теперь сказать; по прошествіи многихъ съ того времени лѣтъ позабылъ я сіе совершенно, а только то отчасти помню, что онъ разсказывалъ о себѣ, якобы былъ онъ дворянской породы, находился множество лѣтъ гдѣ-то въ полону, и возвратясь оттуда и не имѣя нигдѣ пристанища, проживалъ въ дворянскихъ домахъ и учивалъ дѣтей ихъ

наукамъ. Старичекъ сей показался мнѣ очень разуменъ, а что всего для меня было пріятнѣе, былъ великій читатель книгъ. Онъ разговаривалъ со мною о книгахъ и о другихъ разныхъ вещахъ, рекомендовалъ мнѣ въ-особливости одну вновь вышедшую тогда книгу «Аргениду». Сію книгу превозносилъ онъ безчисленными похвалами и говорилъ, что въ ней все можно найти—и политику, и нравоученіе и пріятность, и все, и все. Потомъ говорили мы съ нимъ и по-нѣмецки. Забвеніе мое сего языка оказалось при семъ случаѣ наияспѣйшимъ образомъ. Сродники мои, примѣтивъ сіе, совѣтовали мнѣ взять сего старичка къ себѣ и постараться хотя въ малое достальное время, которое мнѣ дома жить еще осталось, подѣ смотрѣніемъ его, подтвердить иностранные языки. Предложеніемъ симъ я очень былъ доволенъ, а по счастью и старичокъ не имѣлъ тогда нигдѣ мѣста и охотно на то склонился. Итакъ, согласились мы въ томъ, и онъ общалъ чрезъ нѣсколько дней приттвить ко мнѣ жить, что и дѣйствительно исполнилъ.

Такимъ образомъ получилъ я себѣ товарища и учителя. Онъ прожилъ у меня нѣсколько мѣсяцевъ и до самаго моего изъ деревни отъѣзда; однако пользы отъ него не получилъ я ни малѣйшей. Языки забыты были не такъ мало, чтобъ ихъ въ столь короткое время опять вытвердить можно было, а къ тому же учитель мой и самъ ими не многимъ чѣмъ лучше моего говорилъ, или, лучше сказать, такъ же позабылъ. Для меня полезнѣе бы былъ какой-нибудь природный нѣмецъ или французъ, съ которымъ бы я непрерывно говорить могъ, а сему учителю разговоры на иностранныхъ языкахъ были столько жъ отяготительны, сколько и мнѣ. Одну ариметику зналъ онъ въ совершенствѣ, и въ томъ состояло наилучшее его качество. Еще-жъ хвасталъ онъ, что разумѣетъ хиромантію, и можетъ по рукамъ узнавать все будущее. Но послѣ оказалось, что онъ едва-ли и о сей наукѣ имѣлъ какое-нибудь свѣдѣніе.

Но какъ бы все сіе ни было, однако училъ онъ меня, или, по-крайней-мѣрѣ, дѣлалъ ту славу. Въ самомъ же дѣлѣ нужна ему была чарка вина; ибо надобно сказать, что до вина былъ онъ смертельный охотникъ, а что того еще хуже, то пьяный былъ весьма неутомненъ. У меня могъ онъ имъ довольствоваться сколько душа его хотѣла, и я въ первыя недѣли не жалѣлъ для него сего напитка. Однако скоро узналъ, что въ разсужденіи сего пункта надлежало брать инныя мѣры и осторожность. Однажды, будучи пьяный, перепугалъ онъ насъ немилосердымъ образомъ. Онъ требовалъ бо-лѣе вина, а какъ ему не стали давать, то сдѣлался онъ власно какъ бѣшеный, поднялъ великій вопль, кричалъ на насъ слово и дѣло, грозилъ свозить насъ всѣхъ въ тайную и прочій такой вздоръ. По младоумію своему перестрадался я тогда ужаснымъ образомъ; но послѣ узналъ, что сей порокъ былъ въ немъ обыкновенный, и что за самое сіе никто не имѣлъ охоты держать его у себя въ домѣ. Сими кончу я сіе письмо и сказавъ вамъ, что я емъ и прочая.

Письмо 24-е.

Любезный пріятель! Ну, теперь расскажу вамъ о моихъ сборахъ и объ отъѣздѣ моемъ на службу, и тѣмъ всю исторію о моемъ малолѣтствѣ кончу. Ежели наскучилъ я вамъ оною, то вините сами себя, а не меня, ибо я рассказываніемъ всего и всего исполнялъ ваше хотѣніе.

Между тѣмъ, какъ все прежде-упомянутое происходило, безпокоился я частью-часу больше приближающимся моимъ срокомъ. Многие совѣтовали мнѣ просить еще объ отсрочкѣ, и болѣе для того, чтобъ я успѣлъ сколько-нибудь протвердить забытые мною языки, а сверхъ того говорили, что и дѣта и возрастъ мой все еще малъ и неспособенъ къ дѣйствительному несенію военной службы. Въ числѣ сихъ подавателей совѣта былъ и самый мой дядя. Для меня не могло ничего пріят-

нѣ быть сего предложенія. Я къ деревенской жизни такъ уже привыкъ и домъ мой сдѣлался мнѣ такъ милъ и пріятель, что я желалъ бы въ немъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, или, лучше сказать, никогда не выѣзжать изъ онаго. И такъ, съ радостью согласился я на оное предложеніе, и, по общему согласію, отправленъ былъ тотчасъ дядька мой, Артамонъ, въ Москву, просить о томъ въ пребывающей во всякое время тутъ военной конторѣ.

Прежде-упомянутая и живущая въ Калитинѣ родственница моя, госпожа Пущина, имѣя знатную родню, общала мнѣ вспомоствовать въ томъ своею просьбою и писать къ нѣкоторымъ ей знакомымъ генераламъ. Она и дѣйствительно послала съ челоуѣкомъ къ нѣсколькимъ изъ нихъ просительныя письма, и по сему обстоятельству мы почти не сомнѣвались нъ полученіи желаемого.

Я дождался извѣстій изъ Москвы съ крайнею нетерпѣливостью. Однако, дядька мой, чрезъ нѣсколько недѣль, прислалъ ко мнѣ печальное увѣдомленіе, что всѣ труды и старанія его были безплодны, и что и самыя просьбы генераловъ, родственникововъ помянутой старушки, не могли произвести никакого дѣйствія, а военная контора на отрѣзъ отказала, объявивъ, что она мнѣ отсрочить никакъ не смѣетъ, а если я хочу, то просилъ бы я о томъ въ Петербургѣ, въ самой Военной Коллегіи, отъ которой я отпущенъ былъ.

Сіе неожиданное извѣстіе привело меня въ великую разстройку мыслей. Понадѣявшись на вышеупомянутыя письма и просьбы, не сталъ-было я слишкомъ и поспѣшать моими сборами; но тогда увидѣлъ, что не можно было мнѣ уже никакъ ласкаться надеждою получить отсрочку, и что необходимо надобно было уже къ полку ѣхать.

При такихъ обстоятельствахъ другого не оставалось, какъ начинать собираться уже правскимъ дѣломъ и все нужное къ отъѣзду моему готовить и поспѣшать всѣмъ тѣмъ наипаче, что зима уже наступала. Но бѣдныя были сіи сборы и

весьма недостаточныя. Надобно было новое бѣлье, надобно было дорожное и носильное платье, надобно было запасъ и харчевое, и, наконецъ, надобны были деньги! Но кому было обо всемъ томъ постараться? Не было у меня ни матери, ни тѣтки, никакой такой вблизи родственницы, которая бы мнѣ во всемъ томъ сколько-нибудь помочь или, крайней-мѣрѣ, присовѣтовать могла. А какъ и отъ дяди я всего меньше того ожидать могъ, то и принужденъ былъ уже самъ кое-какъ себя собирать, и все нужное готовить. Въ разсужденіи бѣлья возложилъ я комиссію на Алену, жену дядьки моего, какъ женщину, живавшую при моей родительницѣ и дѣло сіе сколько-нибудь смыслящую. Но какъ она давно уже отъ того отстала, то хотя она и употребила все, что могла, однако все сшито и приготовлено было не по-людскому, а прямо по-деревенскому, и все принуждено было послѣ перешивать и переставлять. Для заготовленія дорожнаго и носильнаго платья созвалъ я всѣхъ портныхъ, сколько у меня ни было ихъ между крестьянами, насажалъ ихъ цѣлый столъ и надавалъ имъ самъ разныя работы. Но чего можно было ожидать отъ глупыхъ и неумѣющихъ мужиковъ, да и отъ самого такого распорядителя, каковъ былъ я, всего меньше дѣло сіе смыслящаго? Правда, изъ портныхъ моихъ былъ одинъ старикъ, разумѣющій сколько-нибудь портное художество; но что все его умѣнье, когда моего знанія не доставало? почему и неудивительно, что все сшито было на чортовъ клинъ, все скверно, все дурно и многое слишкомъ уже бѣдно и подло. Когда вспомню, какая шуба сшита мнѣ тогда была на дорогу, то стыдно мнѣ даже и понынѣ, что я не умѣлъ велѣть сшить для себя лучшей и пристойнѣйшей. Что принадлежитъ до запасу, то стараніе о семъ возложилъ я на моего возвратившагося изъ Москвы дядьку. И въ ономъ не было у насъ недостатка. Наконецъ, потребны были деньги, и вопросъ, гдѣ ихъ взять, составлялъ великую важность. Доходы съ деревень были

тогда чрезвычайно малы, и мнѣ съ нуждою доставало ихъ на мое содержаніе, а о приумноженіи оныхъ я нимало не старался, но, какъ прежде упоминалъ, оставилъ все на прежнемъ основаніи и порядкѣ. Итакъ, что прикащикъ самъ собою могъ приобрести и доставить, тѣмъ я былъ и доволенъ. Но по счастью, въ тотъ годъ хлѣбъ родился хорошій, я велѣлъ сколько можно наготовить и намолотить его болѣе и отвезть въ Москву на продажу, и вручилъ на томъ довольное количество денегъ.

Слѣдъ образомъ мало-по-малу я собрался. Между тѣмъ нѣкоторые, и въ томъ числѣ наиболѣе мой учитель, совѣтовалъ мнѣ ѣхать не въ полкъ, а въ Петербургъ, и просить неотмѣнно объ отсрочкѣ. По хиромантической своей наукѣ увѣрялъ онъ меня и заклинался тяжкими вѣтвами, что ѣзда моя не продлится болѣе двухъ мѣсяцевъ, и что я, конечно получу желаемое. Для лучшаго увѣренія меня въ томъ, нарисовалъ онъ обѣ мои руки и описалъ всѣ линіи, и какихъ благополучій не предсказывалъ онъ мнѣ тогда! Но послѣ того, какъ я самъ сію науку узналъ и помянутые рисунки разсматривалъ, то нашелъ, что онъ и самъ ни объ одной линіи прямо не зналъ, что она значила. Но какъ бы то ни было, однако тогда не смѣлъ я не вѣрить его увѣреніямъ, но паче желая самъ того, что онъ предсказывалъ, былъ такъ глупъ, что повѣрилъ тому безъ всякаго сомнѣнія, а особливо всему, касающемуся до скорого возвращенія въ домъ свой, и въ сходствіе того и сбирался изъ дома не такъ, какъ бы надлежало, отъѣзжая на службу и на неизвѣстное число лѣтъ отъ дома, но такъ какъ-бы только на нѣсколько недѣль отлучаясь.

Наконецъ, собравшись совсѣмъ и ожидавшись совершеннаго зимняго пути, поручилъ я смотрѣніе надъ домою и деревнями своему прикащику, а главное попеченіе и надзираніе надъ всѣмъ моему дядѣ, и, распрощавшись со всѣми моими родственниками и знакомцами, разстался я съ любезнымъ моимъ Дво-

рянниковымъ и отправился въ путь свой въ исходѣ семьсотъ-пятьдесятъ-четвертаго года.

По приѣздѣ моемъ въ Москву услышалъ я, что находился въ ней полку нашего офицеръ, присланный для приѣма аммуниціи. Мнѣ неотмѣнно захотѣлось его видѣть и разспросить обо всѣхъ до полку нашего касающихся обстоятельствахъ. Дядька мой тотчасъ отыскалъ его квартиру и обрадовалъ меня, сказавъ, что то нашъ довольно знакомый человѣкъ, и именно Осипъ Максимовичъ Колобовъ. Сего офицера въ малолѣтствѣ своемъ любилъ я болѣе всѣхъ прочихъ, да и самъ онъ былъ ко мнѣ тогда чрезвычайно ласковъ. Я полетѣлъ къ нему, какъ скоро услышалъ, и онъ не менѣе обрадовался, меня увидѣвъ, и принялъ меня очень ласково и благопріятно. Тутъ увѣдомилъ онъ меня о многихъ нужныхъ обстоятельствахъ, а особливо о мѣстѣ, гдѣ тогда нашъ полкъ находился, о новомъ нашемъ полковникѣ, о его свойствахъ и характерѣ, объ офицерахъ, которые есть еще старые въ полку, равно какъ и о новыхъ, а наконецъ кончилъ тѣмъ, что пора уже мнѣ въ полкъ ѣхать и что тамъ давно уже меня ожидаютъ. Я не преминулъ посовѣтоваться съ нимъ о предпринимаемомъ мною намѣреніи ѣхать въ Петербургъ и просить объ отсрочкѣ; но господинъ Колобовъ не приговаривалъ мнѣ туда забиваться, представляя мнѣ, что онъ имѣетъ причину сомнѣваться въ томъ, чтобъ мнѣ еще отсрочили, а совѣтовалъ лучше ѣхать прямо къ полку, въ Лифляндію.

Совѣтъ сей, сколько ни былъ благоразуменъ и основателенъ, однако мнѣ тогда не полюбілся, потому что онъ не согласенъ былъ съ моими желаніями, и потому я его не принялъ, а положилъ слѣдовать прежнему своему намѣренію—ѣхать въ Петербургъ.

Но какъ для нѣкоторыхъ надобностей, а особливо для отдачи камердинера моего, Дмитрія, учиться въ портные, надлежало мнѣ пребыть дня съ три въ Москвѣ, то употребилъ я сіе время на

осмотрѣніе соборовъ и другихъ достопамятностей въ семь столичномъ, старинномъ городѣ, который мнѣ до того видѣть не случалось, ибо я хотя и бывалъ въ Москвѣ, но все еще будучи ребенкомъ, а тогда былъ уже я поболѣе въ разумѣ и болѣе имѣлъ любопытства. Дядька мой предводительствовалъ мнѣ всюду. Онъ водилъ меня по всѣмъ соборамъ, рассказывалъ, что зналъ, заставлялъ прикладываться къ мощамъ и показывалъ все примѣчанія достойное. Потомъ ходили мы по всему кремлевскому дворцу, а наконецъ захотѣлось мнѣ взойти на самый верхъ Ивановской колокольни. Дядька мой и въ томъ удовольствіи мнѣ сдѣлалъ, и это было въ первый и въ послѣдній разъ, что я былъ на Иванъ-Великомъ. Но, о! сколь многого страха набрался я, всходя на оный! По причинѣ случившагося тогда вѣтра, казалось мнѣ, что вся колокольня сія шатается и готовится упасть вмѣстѣ съ нами. Но какъ взошелъ на самый верхъ, то за претерпѣнный страхъ довольно заплаченъ былъ неописаннымъ удовольствіемъ, которое имѣлъ я при возвращеніи съ высоты на все пространство Москвы, въ-особливости же не могъ я надивиться тому, сколь малы казались намъ оттуда люди, ходившіе по землѣ и по городу.

Осмотрѣвъ все нужное и исправивъ всѣ наши нужды, отправились мы далѣе въ свой путь. Я поѣхалъ хотя по намѣренію моему въ Петербургъ и совѣта г. Колобова не послушалъ, однако онъ не выходилъ у меня изъ головы и памяти, и потому, отѣхавъ нѣсколько отъ Москвы, началъ я еще разъ съ дядькой моимъ о томъ говорить и совѣтоваться. Сей прежній мой наставникъ и надзиратель хотя самъ не меньше моего имѣлъ охоту и желаніе скорѣе возвратиться въ домъ, однако признавался, что представленія г. Колобова справедливы и основательны, и что онъ самъ объ успѣхѣ нашей ѣзды сомнѣвается и худую надежду имѣеть, а особливо слышавшись отъ многихъ въ Москвѣ, что отпущенныя вовсе уничтожены и не вслѣдъ бо-

лѣе никого и ни подъ какимъ видомъ отпущать.

Не успѣлъ я сего услышать, а притомъ отъ нѣкоторыхъ профѣзающихъ изъ Петербурга получить въ томъ подтвержденіе, какъ началъ колебаться мыслями и самъ въ себѣ думать, что вся хиромантическая наука моего учителя легко можетъ быть и обманчива, и что я весьма глупо сдѣлаю, если, положась на одну ее, по пустякамъ забудусь въ Петербургъ и потеряю только время и понесу напрасные убытки, а ничего тамъ не сдѣлаю, по принужденъ буду нѣсколько сотъ верстъ излишнихъ ѣхать. Въ помысленіяхъ таковыхъ занимался я во всю дорогу отъ Москвы до Твери, и нѣсколько разъ раскаивался уже въ томъ, что не взялъ съ собою всего своего обоза и запаса; но какъ были еще съ нами деревенскіе подвозчики съ кормомъ до Твери, то радовался я, что пособить тому еще нѣкоторымъ образомъ можно. Почему, приѣхавъ въ Тверь, началъ я опять совѣтовать съ моимъ дядькою: — «Что, Артамонъ», говорилъ я ему: «ужь ѣхать ли намъ въ Петербургъ? ужь не ѣхать ли прямо къ полку?» — «Чуть ли не такъ, батюшка!» отвѣтствовалъ онъ мнѣ: «а то забудемся мы въ превеликую даль, а выйдетъ дѣло по пустому.» — «Но какъ же мы», сказалъ я ему: «обоза-то и запаса съ собою не взяли?» — «Это ни что, сударь», отвѣчалъ онъ: «этому пособить еще можно. ѣхать намъ въ полкъ чрезъ Псковъ; извольте заѣхать къ сестрицѣ, а между тѣмъ извольте съ мужиками отписать домой, чтобъ запасъ и коляску везли за нами вслѣдъ къ сестрицѣ, гдѣ мы ихъ и дождемся.» — «И быть такъ!» сказалъ я, и тотчасъ по совѣту его все и сдѣлалъ. Я отписалъ къ дядѣ о перемѣнѣ своего намѣренія и просилъ о скорѣйшемъ отправленіи вслѣдъ за мною моего обоза.

Такимъ-образомъ, перемѣнивъ намѣреніе свое, продолжали мы далѣе свой путь чрезъ Торжокъ, Вышній-Волочекъ и далѣе петербургскою дорогою; и не доѣзжая за нѣсколько верстъ до Новгорода,

поворотили влѣво чрезъ озеро Ильмень, дабы намъ, не захватывая Новагорода, выѣхать прямо на псковскую дорогу и чрезъ то нѣсколько десятковъ верстъ выкинуть. Въ сей разъ случилось мнѣ впервые съ примѣчаніемъ чрезъ сіе славное наше озеро ѣхать. Переѣздъ чрезъ него въ семь мѣстѣ былъ верстъ на сорокъ, и я, ѣдучи чрезъ него, трепеталъ отъ страха, чтобъ не продомиться. Однако ледъ былъ довольно уже толстъ, и опасаться сего было не можно. По переѣздѣ на средину, не могъ я довольно надивиться той превеликой трещинѣ, которая вдоль всего сего озера простиралась. Она была шириною тогда болѣе аршина, и мы принуждены были переѣзжать черезъ нее по сдѣланному мосточку. Намъ сказывали, что дѣлается она отъ прибыли воды въ озерѣ и бываетъ временемъ шире, другимъ ѣже, а когда болѣе воды убудетъ, то вовсе сходится. Если-жъ случится знатная убыль, то въ семь мѣстѣ обламываются самые края трещины превеликими льдинами и становятся стоймя, и тогда дѣлается вдоль всего озера власно какъ ледяная стѣна, и что для проѣзда принуждены бываютъ прорубать сквозъ нее ворота.

Переѣхавъ сіе озеро благополучно, продолжали мы далѣе свой путь и чрезъ нѣсколько дней, безъ всякихъ особенныхъ приключеній, доѣхали до Пскова, а потомъ и до деревни моего зятя, которая мнѣ такъ была еще мила, что я, подѣзжая къ оной, не могъ нарадоваться духомъ и насытиться зрѣніемъ на всѣ знакомые мнѣ мѣста и виды.

Къ превеликому моему удовольствію засталъ я не только сестру, но и самого зятя дома. Онъ находился тогда въ отпуску отъ полку на нѣсколько мѣсяцевъ, и мое удовольствіе усугубилось, когда я услышалъ, что и ему въ деревнѣ жить оставалось уже короткое время и также скоро къ полку ѣхать надобно было. Онъ предлагалъ мнѣ, чтобъ я у него до того времени прожилъ, и чтобъ вмѣстѣ съ нимъ къ полку отправился. Предложеніе такое не могло иначе быть, какъ

весьма для меня пріятно. Говорится въ пословицѣ: «къ такому празднику люди пѣшкомъ ходятъ»; а мнѣ для-чего было не согласиться? Мнѣ прожить у него и безъ того нѣсколько времени было надобно, для ожиданія моего запаса, а сверхъ того, не лучше ли было со всѣхъ сторонъ ѣхать къ полку вмѣстѣ съ зятемъ и подъ его руководительствомъ явиться, нежели одному? Словомъ, я былъ очень радъ сему случаю и съ превеликою охотою далъ на то мое слово.

Радость, которую чувствовала моя сестра при моемъ переѣздѣ, усугубилась еще, когда услышала она, что я проживу у нихъ до самаго отъѣзда въ полкъ ея мужа. Она не могла и въ сей разъ безъ слезъ меня встрѣтить; но слезы сіи были болѣе слезами удовольствія. Она осыпала меня своими ласками и привѣтствіями, спрашивала обо всемъ, какъ я жилъ дома, что дѣлалъ, все ли былъ здоровъ, кто живъ изъ нашихъ родственниковъ, и прочее тому подобное. Но не успѣло дней двухъ пройти и первая радость миноваться, какъ услышалъ я отъ нея нѣчто странное и неожиданное:— «Ахти, братецъ!» сказала она мнѣ однажды, какъ мы съ нею одни были: «какъ много ты въ сіе время перемѣнился, совсѣмъ-таки не таковъ сталъ, какъ былъ прежде!»—«А что сестрица?» подхватилъ я, ее спрашивая: «лучше, что ли, или хуже?»—«Что, голубчикъ-братецъ», отвѣчала она: «мнѣ льстить тебѣ не годится. Ты прежде былъ несравненно лучше».— «А чѣмъ такъ?» спросилъ я скоро, смутясь нѣсколько отъ таковыхъ словъ ея.—«Всѣмъ, такъ-всѣмъ, братецъ, и поступками, и поведеніемъ, и обхожденіемъ своимъ. Все было въ тебѣ гораздо лучше, какъ ты у насъ жилъ. А нынѣ весьма многое нахожу я въ тебѣ неловкое и не весьма хорошее. Ты власно какъ совсѣмъ одичалъ, живучи въ деревнѣ, и къ тебѣ очень много деревенской грубости пристало. Словомъ, совсѣмъ ты сталъ не тотъ, какъ былъ прежде».

Пилюля сія сколь ни горька для меня была, но я принужденъ былъ ее

проглотить и не изъяснить притомъ ни малѣйшаго неудовольствія и досады и съ спокойнымъ видомъ сестрѣ сказали: — «Чему дивиться, сестрица! цѣлыхъ полтора года жилъ я въ деревнѣ въ совершенной глуши, никуда почти не выѣзжая, не имѣя ни съ кѣмъ обхожденія, кромѣ дядюшки; а вы знаете сами, каковъ нашъ дядюшка; у него перенять многого нечего.» — «То-то и дѣло», сказала на сіе сестра: «вѣдала-бъ я, тебя отсюда, мой другъ, не отпускала, а то жаль мнѣ весьма, что произошла съ тобою такая великая пережѣна. Ты не поиѣришь, братецъ, что мнѣ теперь ажъ стыдно показать тебя нашимъ сосѣдямъ». — «Неправду-ли, сестрица», спросилъ я ее, приходя часть-отъ-часу болѣе въ стыдъ и удивленіе: «я такъ много пережѣнился?» — «Ей-ей!» отвѣтствовала она: «тебѣ самому это не примѣтно, а намъ со стороны очень видно. Вотъ и платице на тебѣ какое смѣшное, недовкое и непристойное. Кто тебя надоумилъ вѣлѣть такое спить?» — «Кому, матушка надоумить?» сказалъ я; «вы знаете, что у насъ никого родныхъ нѣтъ, а самъ принужденъ былъ себя собирать, и какъ успѣлось, такъ и спилось». — «Ахъ, голубчикъ ты мой!» сказала она, меня поцѣловавъ: «жалъ мнѣ тебя: но, добро, мы постараемся всему тому сколько-нибудь уже помочь; небось и бѣлье-то твое не лучше? вели-ка ты мнѣ его показать». — «О, сударыня!» отвѣтствовалъ я поцѣловавъ у ней руку; «объ этомъ вы уже и не спрашивайте; я самъ уже примѣтилъ, что оно не совсѣмъ хорошо, и велика-бъ ваша милость была, если-бъ изволили приказать его пересмотрѣть и переправить, а притомъ, голубушка-сестрица, оговаривайте и самого меня, матушка, и сказывайте мнѣ, что дурного во мнѣ примѣтите; я готовъ слушаться и постараюсь какъ можно себя поправить».

Сестра весьма довольна была снѣмъ юнитъ отъзвонъ и общалась охотно сіе дѣлать. Что-жъ касается до моего бѣлья и платья, то какое въ тотъ же еще день началось рѣзанье, поронье и крошанье!

Всѣ ея женщины и дѣвки и всѣ ея портные принуждены были заняться работою и препроводить въ томъ нѣсколько времени. Много было совсѣмъ вновь шито, иное переправлено, а многое совсѣмъ уничтожено или отдано людямъ и, по счастью, было во всему тому довольно времени и досуга.

Я прожилъ у нихъ тогда недѣль пять или шесть времени, ибо столько оставалось жить моему зятю. Сіе время препроводили мы довольно весело. Сосѣди ихъ были всѣ въ домахъ своихъ, и съѣзды продолжались у нихъ попрежнему очень частые. Сверхъ того безъ меня получила сестра моя себѣ еще новую сосѣдку. Одна гораздо-пожилая дѣвушка, по имени Василиса Ивановна Ладыженская, пріѣхала жить въ свою деревню, лежащую отъ дома сестры моей только за версту. По причинѣ толь близкаго сосѣдства, а болѣе по согласію нравовъ, свела она скоро столь тѣсную дружбу съ моею сестрою, что онѣ были почти неразлучны, и госпожа Ладыженская жила по нѣсколько недѣль сряду у сестры моей. Она была и въ самое то время тутъ, какъ я пріѣхалъ, и какъ вѣкъ свой жила она съ своимъ братомъ въ Петербургѣ, то знала совершенно свѣтское обхожденіе; будучи-жъ, притомъ, очень разумная и ласковая особа, пріобрѣла тотчасъ отъ всѣхъ къ себѣ почтеніе.

Сей госпожѣ не менѣе я обязанъ былъ за тогдашнее меня исправленіе, какъ и сестрѣ своей. Сія открылась ей въ своей обо мнѣ заботѣ, и она общалась ей въ томъ помочь и съ своей стороны, и какъ она съ самаго начала ко мнѣ приласкалась чрезвычайно, да и я получилъ къ ней почтеніе, то въ весьма короткое время ласковыми оговариваніями своими и совѣтами она такъ меня вышколила, что я совсѣмъ пережѣнился и не походилъ болѣе на прежняго деревенскаго пентюха, каковымъ я пріѣхалъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, привезли изъ деревни и мою провизію и чашъ, а вмѣстѣ съ нимъ и

одного еще мальчишку, по имени Абрама, котораго разсудилось мнѣ взять третьяго съ собою на службу, ибо, кромѣ его, было со мною только двое прежнихъ моихъ слугъ, а именно Артамонъ и Яковъ.

Наконецъ въ исходѣ зимы отправились мы съ зятемъ моимъ въ нашъ полкъ, который стоялъ тогда на винтеръ-квартирахъ въ Лифляндіи за нѣсколько миль отъ Риги и отъ зятя моего не слишкомъ далеко. Сестра провожала насъ нѣсколько десятковъ верстъ, и какъ проводы сін, такъ и разставанье не могло безъ слезъ обойтись: она смочила обоихъ насъ своими слезами и, простившись, возвратилась въ домъ свой.

Мы препроводили въ пути своемъ немного времени, и чрезъ нѣсколько дней прибыли благополучно въ мызу Сесвегенъ, гдѣ стоялъ тогда штабъ полка нашего и подковникъ и около котораго мѣста расположенъ былъ весь полкъ на

винтеръ-квартирахъ. И сіе было въ началѣ мѣсяца марта 1755 года.

И какъ съ самымъ симъ пунктомъ времени все малолѣтство мое кончилось, и я, вступя въ дѣйствительную государеву службу, принужденъ былъ вести жизнь совсѣмъ иного рода, то самымъ симъ окончу и я исторію моего малолѣтства, представляя о прочемъ и дальнѣйшемъ продолженіи моей жизни разсказать вамъ, любезный пріятель, впредь, увѣривъ васъ между тѣмъ, что я былъ, емь и пребуду навсегда вашимъ и проч.

Конецъ
второй части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ III.

(1789).

ИСТОРИЯ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

Письмо 25-е.

Любезный пріятель! Въ предсѣдующихъ моихъ письмахъ описалъ я вамъ мое малолѣтство и разсказалъ все, что со мною во время онаго происходило; а теперь приступлю въ описанію дѣйствительной моей военной службы, ибо хотя я былъ уже и давно въ опой, но до сего времени лишь только числялся въ опой, службы же никакой еще не несъ, а настоящую службу началъ только вести съ того пункта времени, какъ мы съ зятемъ мо-

имъ, господиномъ Неклюдовымъ, къ полку изъ отпусковъ нашихъ приѣхали. Разскажу вамъ, любезный пріятель, все что со мною во время службы сей случилось и хотя была она не слишкомъ долговременна и во все продолженіе оной не было со мною никакихъ важныхъ и чрезвычайныхъ происшествій, однако ласкаюсь надеждою, что вамъ описаніе оной не скучно будетъ и что вы съ такимъ же любопытствомъ читаете оное станете, какъ и исторію моего малолѣтства.

Я остановился на томъ, что мы приѣхали въ Лифляндію и въ мызу Сесве-

гентъ, гдѣ тогда стоялъ штабъ нашего полку на винтеръ-квартирахъ. Сей пунктъ времени составлялъ важную эпоху въ моей жизни, съ онаго начиналась для меня жизнь совсѣмъ новаго рода. До сего жилъ я на совершенной волѣ и былъ властелиномъ надъ всѣми своими дѣлами и поступками, а тутъ вдругъ все сіе кончилось, и я принужденъ былъ готовиться жить въ повиновеніи у многихъ. Я приѣхалъ тогда въ полкъ, равно какъ въ лѣтъ дремучій, ибо хотя въ немъ почти родился и выросъ, однако какъ минушіе три или четыре года въ ономъ не былъ, то въ сіе время все въ немъ пережѣнилось и было для меня дико. Сверхъ того и между самими прежними и тогдашними обстоятельствами была превеликая и безконечная разница. Тогда былъ я въ немъ подъ хорошею опекою, и меня не почитали сержантомъ, а сыномъ полковничьимъ, и потому всѣ офицеры да и самые штабы меня любили и ко мнѣ ласкались. Отецъ мой былъ моею защитою и покровителемъ, а въ сей разъ былъ не что иное, какъ простой и молоденькій сержантъ, слѣдовательно представлялъ фигуру весьма малую и не важную, и ничѣмъ не лучше былъ сержантовъ прочихъ, которые почти всѣ около сего времени были такіе же дворяне, какъ и я, ничѣмъ меня не хуже. Всѣ штабы и большая часть офицеровъ были уже не тѣ, которые при мнѣ были. Полковникъ былъ у насъ новый, природою швейцаръ и не умѣющій порусски ни единого слова. Онъ прозывался Пванта де-Вильденбергъ, и былъ человекъ не молодыхъ лѣтъ, но, по счастью, человекъ тихій и самый добрый. Подполковника тогда при полку у насъ не было, а премьеръ-майоромъ былъ нѣкто князь Тугучевъ, человекъ тоже смиренный и добродѣтельный; а секундъ-майоромъ нѣкто изъприродныхъ нѣмцевъ, всѣ мнѣ совсѣмъ незнакомые люди.

Я трепеталъ тогда отъ страха и сердце во мнѣ замирало, какъ надлежало намъ съ зятемъ итти къ полковнику явиться. Природная моя застѣнчивость и соединявшаяся съ нею деревенская дивность

была тому причиною, а паче всего страшился и мучился я совѣстью, что позабылъ нѣмецкій и французскій языки, которыми, какъ не сомнѣвался я, что станеть полковникъ со мною говорить; и потому казался онъ мнѣ тогда пуще нежели медвѣдемъ и я съ трепетомъ приближался къ его квартирѣ, которая была въ нарочито изрядномъ деревянномъ домѣ, построенномъ подлѣ развалинъ одного стариннаго каменнаго замка.

Зять мой долженъ былъ быть моимъ предводителемъ, и я на него, какъ на каменную стѣну надѣялся. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ тогда единственнымъ защитникомъ и покровителемъ и, по особливому счастью моему, былъ онъ не только знакомъ уже полковнику, но считалъ себя у него и въ милости.

Онъ не позабылъ привезти съ собою кое-что изъ деревенскихъ вещей въ гостицы какъ для полковника, такъ и для живущаго при немъ подпоручика г. Зеллера.

Сія особа была тогда знаменитая въ полку нашемъ и до офицера сего была тогда всякому нужна, ибо надобно знать, что сей человекъ былъ тогда всего правленія полкомъ наисильнѣйшею дружиною. Онъ служилъ при полковникѣ вмѣсто переводчика, а въ самомъ дѣлѣ соединенъ былъ съ нимъ нѣкоторымъ тѣснѣйшимъ союзомъ. Онъ былъ мужъ или, паче сказать, носилъ только имя мужа полковничей метресы или любовницы, на которой женилъ онъ его на ней, произведя изъ сержантовъ въ офицеры. Госпожа сія извѣстна и славна была у насъ тогда въ полку подъ именемъ Мартыновны и могла съ мужемъ своимъ дѣлать въ полку что хотѣла, а потомъ былъ и онъ великой важности, и тѣмъ паче, что былъ онъ весьма бойкая и разумная особа и полковникъ любилъ его за его достоинство и во всемъ на него полагался и ему вѣрилъ.

Зятю моему еще въ прежнюю свою при полку бытность посчастливилась приобрести дружбу отъ сего офицера и благоволеніе къ себѣ отъ его супруги, а чрезъ

нихъ и отъ полковника; достатокъ его помогъ ему въ томъ весьма много, и ежели признаться, то какъ полковникъ, такъ и любимецъ его съ женою любили зятя моего наиболѣе за его богатство и за то, что онъ не упускалъ при всякомъ случаѣ имъ кой-чѣмъ служить и всячески подольщаться. Онъ и въ послѣднемъ своемъ отпускѣ былъ и всю зиму дома прожилъ не инако, какъ по милости Мартыновны, ибо она убѣдила полковника, безъ вѣдома главной команды и самому собою, отпустить его на нѣсколько мѣсяцевъ въ деревню.

Все сіе было причиною, что полковникъ моего зятя, а по немъ и меня принялъ весьма ласково и пріятно. Онъ, услышавъ, что я сынъ его предвѣстника, и видя меня еще очень-молода, по природному своему добросердечію получилъ ко мнѣ нѣкоторый родъ сожалѣнія, и я могу сказать, что онъ во всякое время былъ ко мнѣ благосклоненъ. Какъ сказали ему, что я отпущенъ былъ для обученія наукъ и языковъ, то не преминулъ онъ тотчасъ со мною говорить по-нѣмецки. Я ни живъ тогда, ни мертвъ былъ, однако отвѣтствовалъ на его вопросы сколько тогда былъ въ силахъ. Что я много позабылъ, того нельзя было ему не примѣтить, однако онъ не оказалъ нисколько неудовольствія, но паче изъявлялъ сожалѣніе свое, опасаясь, чтобъ не велѣно было меня отъ главной команды экзаменовывать порядочнымъ образомъ. При вопросѣ чему я еще выучился, представилъ я ему свои геометрическія и фортификаціонныя книги. Онъ хотя не разумѣлъ ничего по-русски, однако разсматривалъ оныя съ прилежаніемъ, и, сколько можно было примѣтить, былъ очень доволенъ чистотою черченныхъ фигуръ и моихъ рисунковъ, и хвалилъ меня за мою прилежность. Тогда отлегло у меня нѣсколько на сердцѣ и я пересталъ то блѣднѣть, то краснѣть, какъ прежде.

Полковникъ оставилъ насъ у себя обѣдать, и зять мой просилъ его о содержаніи меня въ своей милости. Онъ не только сіе обѣщалъ, но учинилъ того же

часа первый опытъ своей ко мнѣ благосклонности, дозволивъ мнѣ жить при моемъ зятѣ, а не являться для несенія должности въ роту, что учинить потому было и пособно, что зять мой былъ тогда полковымъ квартирмейстеромъ.

Такимъ образомъ велѣно было меня считать при квартирмейстерскихъ дѣлахъ, и я отправился съ зятемъ моимъ на отведенную ему квартиру. Обстоятельствомъ симъ и милостію, оказанною мнѣ въ семъ случаѣ полковникомъ, былъ я крайне-доволенъ: ибо чрезъ то избѣжалъ я опять несенія сержантской своей и многотрудной должности, не былъ принужденъ ѣхать въ роту стоять въ какомъ-нибудь латышскомъ рею, жить съ солдатами вмѣстѣ и угождать во всемъ своеправію своего капитана; но живучи при зятѣ моемъ, въ совершенной праздности, имѣлъ время исподволь привыкать къ полковой жизни и со всѣми ознакомливаться.

Квартира отведена была зятю моему на одномъ такъ-называемомъ лифляндскомъ подмызкѣ, или небольшомъ дворянскомъ праздномъ домикѣ, отлежащемъ отъ штаба верстъ за пятнадцать. Лифляндскіе дворяне, для освобожденія домовъ своихъ отъ постоа, имѣютъ обыкновеніе строить въ отсутственныхъ своихъ деревняхъ такіе маленькіе домики, для постоа офицерамъ и снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ. Намъ достался тогда презрядный домикъ, имѣющій покойца четыре, и довольно хорошо прибранныхъ, такъ что мы могли безъ всякой нужды помѣститься и квартирою своею были весьма довольны. Какъ сей подмызокъ назывался, того за долгопрошедшимъ временемъ не могу я никакъ вспомнить, а то только памятно мнѣ, что лежалъ онъ на горѣ и на весьма прекрасномъ положеніи мѣста.

Прибывъ туда и расположившись, зять мой за первый долгъ себя почелъ побывать и у всѣхъ прочихъ нашихъ штабъ-офицеровъ. Сіе учинилъ онъ не упуская времени и бралъ меня всюду съ собою. Поелику былъ онъ, по причинѣ хорошаго

своего характера, ими всѣми любимъ, то приняты мы были и отъ нихъ весьма пріятно и благосклонно.

Такимъ образомъ началъ я жить въ полку, не имѣя причины ни на что жаловаться. Два только обстоятельства тревожили покой мой и приводили меня въ смущеніе: первое было то, что въ полку считали меня уже давно и почти съ цѣлый годъ въ просрочкѣ, а во-вторыхъ, опасались мы, что-бъ не велѣно было отъ командующаго генералитета, къ которому тотчасъ о прибытіи моемъ рапортовано, меня въ наукахъ моихъ экзаменовать, и чтобъ не потребовали меня для сего въ Ригу, гдѣ тогда командующій нами генералитетъ находился.

Что касается до перваго обстоятельства, то почитая себя совсѣмъ невиннымъ, не имѣлъ я причины опасаться никакихъ худыхъ слѣдствій. Произошло сіе отъ слѣдующаго, совсѣмъ мною непредвидѣннаго обстоятельства. Въ исторіи моего малолѣтства упоминалъ уже я, что отпущенъ я отъ военной коллегіи былъ не на срочное время, а глухо до шестнадцати-лѣтняго возраста, почему и жилъ я въ домѣ своемъ, не опасаясь ничего, покуда мнѣ шестнадцать лѣтъ и дѣйствительно исполнилось. Но того нѣмало я не зналъ, что въ полку считали меня цѣлымъ годомъ старѣе, ибо по малолѣтству своему я того и не вѣдалъ, что покойный родитель мой, записывая меня въ военную службу, для малаго моего тогдашняго возраста, принужденъ былъ прибавить одинъ годъ къ настоящимъ моимъ лѣтамъ, а я, не вѣдая того, при просьбѣ своей въ военную коллегію показалъ дѣйствительные свои лѣта, и потому такъ и отпущенъ былъ; а какъ сія, давая въ полкъ о семъ знать, упомянула только глухо, что я отпущенъ до шестнадцати-лѣтняго возраста, то отъ самаго сего и произошло, что въ полку считали меня тогда уже семнадцати-лѣтнимъ, слѣдовательно, цѣлый годъ въ просрочкѣ, а какъ утаить сего было не можно, то, къ несчастію, о неявленіи моемъ къ полку тогда же къ командѣ было и

рапортовано. Все сіе не такъ бы насъ еще тревожило и смущало, еслибъ не присоединилось къ тому другого и весьма досаднаго обстоятельства, а именно: за нѣсколько времени предъ приѣздомъ моимъ въ полкъ велѣно было прислать въ главную команду въ Петербургъ обыкновенные къ произвожденію о всѣхъ чинахъ списки. Поелику при дворѣ помыслили тогда о приумноженіи арміи изъ опасенія, чтобъ не дошло скоро дѣло до войны, и главнымъ нашимъ командиромъ графомъ Шуваловымъ сочиняемы были новыя диспозиціи и распоряженія въ арміи, то хотѣлъ онъ сдѣлать въ полкахъ дивизіи своей генеральное и большое произвожденіе, и для самаго того требовалъ помянутые списки. — Я былъ тогда по старшинству первый сержантъ по полку нашему, и не молодъ и по всей дивизіи и потому никто не сомнѣвался, чтобъ при первомъ и тогда уже съ часа на часъ ожидаемомъ произвожденіи не состоялось мнѣ въ офицеры, еслибъ не соединилось къ тому того сомнительнаго обстоятельства, что я въ помянутыхъ спискахъ по-необходимости показанъ въ отсутствіи и въ просрочкѣ, изъ чего нѣкоторые опасались худыхъ для меня слѣдствій. Обстоятельство сіе меня весьма тревожило и смущало. Я опасался, чтобъ не нажить мнѣ отъ того какой-нибудь бѣды; но какъ сему пособить было уже не можно, то полагался я на власть божескую и ожидалъ счастья и несчастія своего отъ времени.

Что касается до втораго обстоятельства, то-есть до столь страшнаго для меня экзамена, то оное почти съ ума меня сводило. Я трепеталъ отъ одинаго воспоминанія о томъ, и всѣ разговоры о семъ предметѣ пронзали сердце мое, какъ стрѣлою; недѣли двѣ или болѣе я съ каждымъ часомъ того и смотрѣлъ, что пришлютъ за мною и велѣтъ ѣхать въ Ригу: и тогда какъ и съ чѣмъ мнѣ показаться? Мы не одинъ разъ говорили уже о томъ съ зятемъ, и онъ, видя мое смущеніе, по любви своей ко мнѣ, хотѣлъ уже самъ, выпросившись, ѣхать со

мною, и тамъ стараться ужъ чрезъ подарки сдѣлать то, чтобъ экзаменъ былъ не слишкомъ строгій. Но, по счастью, и къ неопisanному моему обрадованію изъбавились мы отъ всѣхъ сихъ хлопотъ и опасеній. Командующему генералитету видно не до такихъ мелочей было тогда дѣло, почему въ полученномъ отъ нихъ отвѣтѣ не упоминалось ни однимъ словомъ объ экзаменѣ; и я имѣлъ удовольствіе видѣть сію бурю благополучно прошедшею.

Совсѣмъ тѣмъ не преминулъ я между тѣмъ о тверженіи нѣмецкаго и французскаго языка по возможности моей прилагать стараніе и не упускалъ ни одного случая говорить съ нѣмцами. По особливому счастью и имѣлъ я къ тому ежедневно случай, и можно ли думать, что всему нынѣшнему моему и довольно совершенному знанію нѣмецкаго языка первѣйшимъ основателемъ былъ мальчишка лѣтъ шести или семи. Однако сіе дѣйствительно такъ было. Случись какъ нарочно для моего наученія, въ подмызкѣ томъ, гдѣ мы стояли, юнкеръ. Симъ званіемъ называются въ Лифляндіи обыкновенно у дворянъ ихъ прикащики, управляющіе ихъ домами и отсутственными дѣржавнями; въ должность сію выбираютъ они обыкновенно нѣмцевъ, и людей довольно разумныхъ и знающихъ, а притомъ хорошаго поведенія и порядочно живущихъ. Таковъ точно былъ юнкеръ и на нашемъ подмызкѣ. Онъ жилъ въ особливыхъ маленькыхъ хоромцахъ, на томъ же дворѣ построенныхъ, гдѣ мы жили, и имѣлъ у себя жену и маленькаго вышеупомянутаго сына. Мальчишка сей въ праздное время бѣгивалъ и игривалъ всякій день по двору. И какъ у всѣхъ у нашей братьи, не умѣющихъ или довольно позабывшихъ языка, весьма дорогъ первый приступъ къ говоренію и мы по большей части оттого долго и не выучиваемся говорить, что не имѣемъ отваги говорить, со взрослыми и посторонними, и стыдимся, то самый сей случай былъ и со мною. Для меня была тогда превеликая бѣда начать говорить съ какимъ-нибудь взро-

слымъ нѣмцемъ, и мнѣ казалось, что я говорю все не такъ и потому стыдился. Но тутъ пришло мнѣ какъ-то въ голову, поговорить по-нѣмецки съ симъ мальчикомъ; мысль, что онъ меня не осудитъ, побудила меня къ тому. Итакъ, познакомился я съ симъ мальчикомъ, который очень радъ былъ, узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, и охотно заговаривалъ со мною всякій день. Я примѣчалъ и перенималъ у него всѣ присловія нѣмецкаго языка и нечувствительно сталъ смѣлѣе; а какъ я къ нему всячески ласкался и, для выщаго заохочиванія приходилъ почаще ко мнѣ, кармилвалъ его своими закусками и лакомствами, которыми снабдила меня съ избыткомъ сестра при отъѣздѣ, и онъ все то рассказывалъ своей матери, то сіе побудило ее велѣть ему пригласить меня къ себѣ на чашку кофея. Я охотно на то согласился, а самый сей случай и познакомилъ меня, какъ съ юнкеромъ, такъ и его женою. Они, узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, просили меня, чтобъ я ходилъ къ нимъ чаще, а я тому и радъ былъ, и съ ними-то имѣлъ я случай говорить ежедневно по-нѣмецки и мало-по-малу привыкать къ сему языку.

Кромѣ сего обязанъ я много первымъ возобновленіемъ сего забытаго языка и полку нашего секундъ-майору, коего нѣмецкую фамилію къ великой досадѣ моей не могу вспомнить, а помню только то, что начиналась она съ литеры Л***. Майору сему случилось имѣть квартиру свою неподалеку отъ насъ и ближе всѣхъ прочихъ офицеровъ, а сіе обстоятельство и было причиною, что онъ ѣзжалъ очень часто въ гости къ моему зятю и просиживалъ у него по цѣлому иногда дню. Обыкновенно прѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ и еще одинъ офицеръ, по фамиліи Гриневъ; оба они говорили по-нѣмецки и по-французски: тотъ потому, что былъ природный нѣмецъ и притомъ ученый человекъ, а сей по причинѣ, что воспитанъ въ кадетскомъ корпусѣ. При таковыхъ частыхъ свиданіяхъ, въ которыя время свое наиболѣе препровождали они въ играніи съ зятемъ моимъ въ ломбергъ,

сдѣлался и я обоимъ имъ знакомъ, и они оба меня полюбили, въ-особливости же сдѣлался ко мнѣ господинъ майоръ весьма благосклоннымъ. Всѣмъ господамъ иностраннымъ можно то въ похвалу сказать, что они отъѣнную склонность имѣютъ къ тѣмъ изъ нашего народа, которые ихъ языку учатся или иныя какія науки знаютъ. По самой сей причинѣ любилъ меня и господинъ Л*** и видя мою охоту къ обученію языковъ, не только при всякомъ случаѣ меня къ тому богу поощрять старался, разговаривая со мною то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, но ссужалъ меня и французскими и нѣмецкими книгами, до которыхъ самъ онъ былъ охотникъ, для чтенія; но сожалѣнія было достойно, что всѣ онѣ по бѣльшей части важныя и неслишкомъ сообразовались съ тогдашними моими понятіями и языковъ сихъ знаніемъ. Но какъ бы то ни было, но я, пользуясь обоими сими случаями, началъ мало-по-малу опять познавать и твердить ученые, но совсѣмъ почти забытые языки, и какъ словъ довольно мнѣ было извѣстно и недоставало одного упражненія въ разговорахъ, то имѣлъ въ томъ такой успѣхъ, что чрезъ короткое время удивился самъ полковникъ нашъ, услышавъ меня говорящаго по-нѣмецки гораздо лучше прежняго, и былъ тѣмъ весьма доволенъ.

Симъ образомъ препроводили мы до-стальную часть зимы. По наступленіи дня святаго Пасхи, ѣздили мы съ зятемъ въ штабъ для празднованія сего праздника, ибо тамъ находилась наша полковая церковь. Для помѣщенія оной не нашлось другого мѣста, какъ въ одномъ большомъ сараѣ. Но гдѣ-бъ она ни была, но праздникъ сей вездѣ былъ хорошъ и радостенъ. Мы обѣдали въ сей день опять у полковника и возвратились домой уже съ крайнею нуждою, ибо въ самое то время разрывался зимній путь и начиналось половодье.

Вскорѣ послѣ сего прислано было повелѣніе, чтобъ полку нашему, по вскрытіи весны, тотчасъ итти въ Эстляндію

и въ наступающее лѣто лагеремъ стоять при Ревелѣ. Богу извѣстно, на что предпринималась тогда полкамъ такія марши и контра-марши, ибо въ самое то время тѣмъ полкамъ, которые были при Ревелѣ, велѣно итти въ Ригѣ. Можетъ быть нужно сіе было для содержанія полковъ въ непрерывномъ движеніи и къ приучиванію ихъ къ походу. Но какъ бы то ни было, но какъ скоро весна вскрылась, то весь нашъ полкъ собрался въ штабъ и на лугу подлѣ самой мызы Сесвегенъ расположился лагеремъ.

При семъ случаѣ увидѣлъ я впервые весь нашъ полкъ въ собраніи, и какъ мы тутъ богу недѣли, приуговоряясь въ походъ, простояли, то имѣлъ я случай познакомиться со всѣми господами офицерами, равно какъ и своими сверстниками сержантами. Удовольствіе мое было превеликое, когда увидѣлъ я столь давно невиданный уже лагерь, а того величайшее, какъ увидѣлъ всѣхъ господъ офицеровъ ко мнѣ благопріятствующихъ. Многіе изъ нихъ были еще старыя и служившіе при отцѣ моемъ. Сіи, памятуя милости родителя моего и будучи имъ очень довольны, за долгъ себѣ почитали оказывать сыну его всякаго рода ласки и благосклонности. Изъ сихъ въ-особенности доволенъ я былъ господами капитанами Аванасемъ Ивановичемъ Зиловымъ и Ивановъ Никитичемъ Гнѣвушевымъ: оба они были наилучшіе, степеннѣйшіе и разумнѣйшіе изъ всего полку капитаны, и оба друзья покойнаго моего родителя. Не менѣе доволенъ я былъ и прежде упоминаемымъ мною подпоручикомъ господиномъ Колобовымъ, возвратившимся между тѣмъ изъ Москвы. Онъ оказывалъ мнѣ возможнѣйшее благопріятство и хвалилъ меня, что я послушался его совѣту и къ полку поѣхалъ прямо. Прежній мой учитель Миллеръ былъ тогда уже также офицеромъ и оказывалъ ко мнѣ всякое благопріятство. Изъ прочихъ же, которые послѣ меня опредѣлились въ полкъ и были мнѣ незнакомы, нѣкоторые по дружбѣ и знакомству съ зятемъ моимъ, а другіе сами

мною, и тамъ стараться ужь чрезъ подарки сдѣлать то, чтобъ экзаменъ былъ не слишкомъ строгій. Но, по счастью, и къ неопisanному моему обрадованію избавились мы отъ всѣхъ сихъ хлопотъ и опасеній. Командующему генералитету видно не до такихъ мелочей было тогда дѣло, почему въ полученномъ отъ нихъ отвѣтѣ не упоминалось ни однимъ словомъ объ экзаменѣ; и я имѣлъ удовольствіе видѣть сію бурю благополучно прошедшею.

Совсѣмъ тѣмъ не преминулъ я между тѣмъ о тверженіи нѣмецкаго и французскаго языка по возможности моей прилагать стараніе и не упускалъ ни одного случая говорить съ нѣмцами. По особливому счастью и имѣлъ я къ тому ежедневно случай, и можно ли думать, что всему нынѣшнему моему и довольно совершенному знанію нѣмецкаго языка первѣйшимъ основателемъ былъ мальчишка лѣтъ шести или семи. Однако сіе дѣйствительно такъ было. Случись какъ нарочно для моего наученія, въ подмызкѣ томъ, гдѣ мы стояли, юнкеръ. Симвъ званіемъ называются въ Лифляндіи обыкновенно у дворянъ ихъ прикащики, управляющіе ихъ домами и отсутственными деревнями; въ должность сію выбираютъ они обыкновенно нѣмцевъ, и людей довольно разумныхъ и знающихъ, а притомъ хорошаго поведенія и порядочно живущихъ. Таковъ точно былъ юнкеръ и на нашемъ подмызкѣ. Онъ жилъ въ особливыхъ маленькихъ хоромкахъ, на томъ же дворѣ построенныхъ, гдѣ мы жили, и имѣлъ у себя жену и маленькаго вышеупомянутаго сына. Мальчишка сей въ праздное время бѣгивалъ и игрывалъ всякій день по двору. И какъ у всѣхъ у нашей братьи, не умѣющихъ или довольно позабывшихъ языка, весьма дорогъ первый приступъ къ говоренью и мы по большей части оттого долго и не выучиваемся говорить, что не имѣемъ отваги говорить, со взрослыми и посторонними, и стыдимся, то самый сей случай былъ и со мною. Для меня была тогда превеликая бѣда начать говорить съ какимъ-нибудь взро-

слымъ нѣмцемъ, и мнѣ казалось, что я говорю все не такъ и потому стыдился. Но тутъ пришло мнѣ какъ-то въ голову, поговорить по-нѣмецки съ симъ мальчикомъ; мысль, что онъ меня не осудитъ, побудила меня къ тому. Итакъ, познакомился я съ симъ мальчикомъ, который очень радъ былъ, узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, и охотно заговаривалъ со мною всякій день. Я примѣчалъ и перенималъ у него всѣ присловія нѣмецкаго языка и нечувствительно сталъ смѣлѣе; а какъ я къ нему всячески ласкался и, для вящаго заохочиванія приходилъ почаще къ мнѣ, кармилъ его своими закусками и лакомствами, которыми снабдила меня съ избыткомъ сестра при отъѣздѣ, и онъ все то рассказывалъ своей матери, то сіе побудило ее велѣть ему пригласить меня къ себѣ на чашку кофея. Я охотно на то согласился, а самый сей случай и познакомилъ меня, какъ съ юнкеромъ, такъ и его женою. Они, узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, просили меня, чтобъ я ходилъ къ нимъ чаще, а я тому и радъ былъ, и съ ними-то имѣлъ я случай говорить ежедневно по-нѣмецки и мало-по-малу привыкать къ сему языку.

Кромѣ сего обязанъ я много первымъ возобновленіемъ сего забытаго языка и полку нашего секундъ-майору, коего нѣмецкую фамилію къ великой досадѣ моей не могу вспомнить, а помню только то, что начиналась она съ литеры Л***. Майору сему случилось имѣть квартиру свою неподалеку отъ насъ и ближе всѣхъ прочихъ офицеровъ, а сіе обстоятельство и было причиною, что онъ ѣзжалъ очень часто въ гости къ моему зятю и просиживалъ у него по цѣлому иногда дню. Обыкновенно приѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ и еще одинъ офицеръ, по фамиліи Гривевъ; оба они говорили по-нѣмецки и по-французски: тотъ потому, что былъ природный нѣмецъ и притомъ ученый человѣкъ, а сей по причинѣ, что воспитанъ въ кадетскомъ корпусѣ. При таковыхъ частыхъ свиданіяхъ, въ которыхя время свое наиболѣе препровождали они въ играніи съ зятемъ моимъ въ ломберъ,

сдѣлался и я обоимъ имъ знакомъ, и они оба меня полюбили, въ-особливости же сдѣлался ко мнѣ господинъ майоръ весьма благосклоннымъ. Всѣмъ господамъ иностраннымъ можно то въ похвалу сказать, что они отиѣнную склонность имѣють къ тѣмъ изъ нашего народа, которые ихъ языку учатся или инныя какія науки знаютъ. По самой сей причинѣ любилъ меня и господинъ Л*** и видя мою охоту къ обученію языковъ, не только при всякомъ случаѣ меня къ тому болѣе поощрять старался, разговаривая со мною то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, но ссужалъ меня и французскими и нѣмецкими книгами, до которыхъ самъ онъ былъ охотникъ, для чтенія; но сожалѣнія было достойно, что всѣ онѣ по большей части важныя и неслишкомъ сообразовались съ тогдашними моими понятіями и языковъ сихъ знаніемъ. Но какъ бы то ни было, по я, пользуясь обоими сими случаями, началъ мало-по-малу опять познавать и твердить ученые, но совсѣмъ почти забытые языки, и какъ словъ довольно мнѣ было извѣстно и недоставало одного упражненія въ разговорахъ, то имѣлъ въ томъ такой успѣхъ, что чрезъ короткое время удивился самъ полковникъ нашъ, услышавъ меня говорящаго по-нѣмецки гораздо лучше прежняго, и былъ тѣмъ весьма доволенъ.

Симъ образомъ препроводили мы до-стальную часть зимы. По наступленіи дня святаго Пасхи, ѣздили мы съ зятемъ въ штабъ для празднованія сего праздника, ибо тамъ находилась наша полковая церковь. Для помѣщенія оной не нашлось другого мѣста, какъ въ одномъ большомъ сараѣ. Но гдѣ-бъ она ни была, но праздникъ сей вездѣ былъ хорошъ и радостенъ. Мы обѣдали въ сей день опять у полковника и возвратились домой уже съ крайнею нуждою, ибо въ самое то время разрывался зимній путь и начиналось половодье.

Вскорѣ послѣ сего прислано было повелѣніе, чтобъ полку нашему, по вскрытіи весны, тотчасъ итти въ Эстляндію

и въ наступающее лѣто лагеремъ стоять при Ревелѣ. Богу извѣстно, на что предпринимаемы были тогда полкамъ такіе марши и контра-марши, ибо въ самое то время тѣмъ полкамъ, которые были при Ревелѣ, велѣно итти къ Ригѣ. Можетъ быть нужно сіе было для содержанія полковъ въ непрерывномъ движеніи и къ приучиванію ихъ къ походу. Но какъ бы то ни было, но какъ скоро весна вскрылась, то весь нашъ полкъ собрался въ штабъ и на лугу подлѣ самой мѣзы Сесвегенъ расположился лагеремъ.

При семъ случаѣ увидѣлъ я впервые весь нашъ полкъ въ собраніи, и какъ мы тутъ болѣе недѣли, приуговорясь въ походъ, простояли, то имѣлъ я случай познакомиться со всѣми господами офицерами, равно какъ и своими сверстниками сержантами. Удовольствіе мое было превеликое, когда увидѣлъ я столь давно невиданный уже лагерь, а того величайшее, какъ увидѣлъ всѣхъ господъ офицеровъ ко мнѣ благопріятствующихъ. Многіе изъ нихъ были еще старыя и служившіе при отцѣ моемъ. Сіи, памятуя милости родителя моего и будучи имъ очень довольны, за долгъ себѣ почитали оказывать сыну его всякаго рода ласки и благосклонности. Изъ сихъ въ-особенности доволенъ я былъ господами капитанами Аванасемъ Ивановичемъ Зиговымъ и Иваномъ Никитичемъ Гнѣвушевымъ: оба они были наилучшіе, степеннѣйшіе и разумнѣйшіе изъ всего полку капитаны, и оба друзья покойнаго моего родителя. Не менѣе доволенъ я былъ и прежде упоминаемымъ мною подпоручикомъ господиномъ Колобовымъ, возвратившимся между тѣмъ изъ Москвы. Онъ оказывалъ мнѣ возможнѣйшее благопріятство и хвалилъ меня, что я послушался его совѣту и къ полку поѣхалъ прямо. Прежній мой учитель Миллеръ былъ тогда уже также офицеромъ и оказывалъ ко мнѣ всякое благопріятство. Изъ прочихъ же, которые послѣ меня опредѣлились въ полкъ и были мнѣ незнакомы, нѣкоторые по дружбѣ и знакомству съ зятемъ моимъ, а другіе сами

собою также меня полюбили, и обходились со мною не такъ какъ съ унтер-офицеромъ, но какъ съ равнымъ себѣ сотоварищемъ. Изъ сихъ особливую склонность и любовь ко мнѣ получилъ поручикъ князь Мышецкій, человекъ любимый всѣмъ полкомъ за его веселый нравъ.

Что касается до моихъ сверстниковъ и сотоварищей господъ сержантовъ, то съ ними свелъ я скоро дружбу и знакомство. Они, будучи по большей части люди молодые и также дворяне, старались сами со мною сдружиться и познакомиться. Между ними наиболѣе свелъ я дружбу съ г. Головачевымъ, г. Суминымъ и г. Бакъевымъ, изъ коихъ послѣдній былъ не только мой сосѣдь по деревнямъ, но и родственникъ, ибо былъ сынъ того дяди моего, Сиды Борисевича Бакъева, о которомъ упоминалъ я довольно въ исторіи моего малолѣтства. Однимъ словомъ, весь полкъ меня полюбили и не только офицеры и унтер-офицеры, но и самые старые солдаты, помня отца моего милости, оказывали ко мнѣ благосклонность и любовь, и я истинно не знаю, за что оказывана была мнѣ таковая отъ всѣхъ любовь и благосклонность. Кажется, ни я того искалъ, ни я того домогался, но велъ себя просто, никому не льстилъ, обходился со всѣми дружелюбно, ласково и прямодушно, безъ всякой лести и коварства. Сіе развѣ помогало къ тому нѣсколько, однако наиболѣе приписую то особенной къ себѣ милости небесъ, и божескому обо мнѣ попеченію.

Симъ окончу я къ вамъ сіе письмо, а въ послѣдующемъ разкажу о походѣ нашемъ, сказавъ между тѣмъ, что я есмь и проч.

ПОХОДЪ ВЪ РЕВЕЛЬ.

Письмо 26-е.

Любезный Пріятель! Какъ весь полкъ собрался и все нужное къ походу было приготовлено, то выступили мы наконецъ въ назначенный походъ, и шли

чрезъ мѣстечко Валки и мимо Фелина, пробираясь прямо къ Ревелю. И какъ разстояніе отъ зимнихъ нашихъ квартиръ до сего главнаго эстляндскаго города было немало, и намъ надлежало проходить всю почти Лифляндію и половину Эстляндіи, мы-же шли не скоро, но съ обыкновенными растагами или дневаньями, то и препроводили мы на семь походъ болѣе мѣсяца.

Во все продолженіе сего перваго похода моей службы не имѣлъ я ни малѣйшаго почти труда и безпокойства. Я продолжалъ числиться при квартирмейстерскихъ дѣлахъ и ѣхалъ съ зятемъ своимъ всегда напередѣ, для заиманія подъ полкъ обыкновеннаго походнаго лагеря. У меня была собственная моя коляска, трое людей, а сверхъ того верховая лошадь, почему и не имѣлъ я ни въ чемъ и никакой нужды и не несъ никакой должности, а ѣхалъ себѣ въ прохвалъ въ своей коляскѣ, между тѣмъ какъ прочіе трудились и несли службу.

Во весь почти сей походъ до самаго Фелина не помню я ничего, чтобъ со мною особеннаго случилось, кромѣ одной бездѣлицы, о которой и упоминать почти не стоить. Было то въ мѣстечкѣ Валкахъ. По извѣстной вамъ уже охотѣ моей ко всякимъ лакомствамъ, будучи въ семь изрядномъ городѣ, накупилъ я себѣ всякой всячины на дорогу, и, между прочимъ, цѣлый фунтъ леденцу-сахару. Сей спряталъ я въ запасъ подалѣе въ свою шкатулку, которая была еще покойнаго моего родителя и наполнилъ имъ цѣлый ящичекъ; но чтожь случилось?.. Покуда были у меня еще ягоды и другія лакомства, до тѣхъ поръ оставлялъ я сахаръ мой въ покоѣ, но какъ тѣ всѣ уже изопли, то пошолъ я въ шкатулку доставать оный въ намѣреніи отдѣлить отъ него нѣкоторую часть для жустаренья дорогою. Вынимаю одипъ, вынимаю другой ящичекъ, а потомъ и исподній, въ которомъ былъ онъ у меня спрятанъ; но какое удивленіе меня поразило, когда, раскрывъ его, милаго моего сахару, на который у меня было столь-

во надеждѣ, не увидѣлъ я ни малѣйшаго кусочка, а на двѣ только ящичка нѣсколько кофейной и липкой жидкости. Словомъ, сахаръ мой благополучно весь растаялъ и я не понималъ отъ чего и какъ это сдѣлалось. Думать надобно, что произошло сіе отъ сирой и мокрой погоды, бывшей предъ тѣмъ за короткое время и продолжавшейся нѣсколько дней сразу. Но какъ бы то ни было, но сахара моего какъ не бывало и закончиться мнѣ болѣе было нечѣмъ. Какое было на меня тогда горе: сколько туженья и гореванья. Но я далеко еще не зналъ всего своего несчастія! Погляжу: растаявшій мой сахаръ вытекъ почти весь вонъ и разлился по всему дну моей шкатулки, и перемаралъ собою много нужныхъ бумагъ и другихъ вещей; ни до которой дотронуться было не можно, всѣ перегаздались сахарною липкостію и многія принуждено было совсѣмъ бросить. Я вздурился все сіе увидѣвъ, и проклиналъ и сахаръ и охоту мою покусать и прятать оный. Но всѣмъ тѣмъ пособить было уже нечѣмъ.

Еще помню я, что во время сего путешествія имѣлъ я однажды удовольствіе при ловленіи рыбы кокулями въ рѣкѣ Аа, которую намъ проѣзжать надлежало. Мнѣ сей родъ ловленія рыбы до того вовсе былъ неизвѣстенъ, и какъ я не зналъ, что кокули были кѣмъ-то въ рѣку кинуты, то удивленіе мое было чрезвычайное. Когда увидѣлъ я превеликихъ рыбъ, всплывающихъ на самую поверхность воды, дѣлающихъ по оной круги и каприолы и, наконецъ, какъ стрѣла къ берегу стремящихся и тамъ сдѣлавшихся столь смиренными и кроткими, что ихъ съ берега руками доставать и ловить было можно. Зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ ново и поразительно, и я не могъ понимать, отчего это такъ происходило, покуда мнѣ не рассказали всего дѣла.

Наконецъ настало время, что и службу государеву служить и что-нибудь исправлять надлежало. Случилось сіе при одномъ особливомъ случаѣ и мой

первый шагъ въ оную былъ странностію своею довольно достопамятенъ, и служилъ мнѣ въясно, какъ нѣкая предвозвѣстіемъ, что служба сіа будетъ для меня не слишкомъ удачна и мнѣ выгодна и что не получу я отъ нея дальней пользы; но я приступилъ къ разсказанію самаго дѣла.

Недохода до Ревеля версты за полтораста, отправление былъ зять мой отъ полку напередъ въ Ревель, для истребованія отъ генералитета мѣста для нашего лагеря, и по принятіи онаго для сдѣланія въ ономъ нужныхъ приуготовленій. Я воххалъ съ нимъ туда же, но не успѣли ми версты съ восемьдесятъ отъ полку вперёдъ отъѣхать, какъ отъ встрѣтившихся съ нами и изъ Ревеля идущихъ офицеровъ получили мы достовѣрное извѣстіе, что полку нашему назначено въ то лѣто лагеремъ стоять не въ Ревелѣ, а при Рогервикѣ. Зять мой, услышавъ сіе, не зналъ, что дѣлать и куда съ командою своею слѣдовать; а какъ изъ самаго того мѣста, гдѣ мы тогда находились, надлежало въ Рогервикѣ сворачивать, то пришелъ онъ отъ того въ пущее недоумѣніе. Въ Ревель идти для того онъ опасался, чтобъ какъ самого себя, такъ и весь полкъ не забить по пустому такъ далеко въ сторону, ибо въ семъ случаѣ надлежало около двухъсотъ верстъ сдѣлать крюку; а въ Рогервикѣ безъ повелѣнія слѣдовать также не осмѣливался, да и въ самомъ дѣлѣ было не можно. По короткомъ размысленіи, а особливо не зная, не получилъ ли между тѣмъ и самый полкъ предварительнаго о томъ повелѣнія, разсудилъ онъ отправить назадъ къ полку нарочнаго человека курьеромъ и испросить повелѣнія, а самому, между тѣмъ, остановясь на томъ мѣстѣ, дожидаться возвращенія онаго. Въ сію послыку некого ему было послать, кромѣ меня, и такъ не приказывалъ, а просилъ онъ меня принять на себя сію комиссію и постараться исправить оную колико можно скорѣе, на что я и принужденъ былъ согласиться.

Такимъ образомъ, сѣвши на лошаду, поѣхалъ я обратно къ полю. И сія была первая служба въ моей жизни, которая въ самомъ дѣлѣ была хотя очень не важна, однако въ разсужденіи тогдашнихъ моихъ молодыхъ и почти дѣтскихъ еще лѣтъ и совершенной моей еще необыкновенности къ отправленію таковыхъ должностей, также и въ разсужденіи того обстоятельства, что мнѣ въ сей путь надлежало отправиться одному, и верстѣ съ восемьдесятъ ѣхать верхомъ и при томъ денно и ночью съ великимъ поспѣшеніемъ, была довольно знаменита, почему и не удивительно, что случилось тогда со мною одно смѣшное приключеніе, приличное ребяческимъ еще моимъ лѣтамъ, произведшее весьма досадныя для меня слѣдствія. Оно было слѣдующее.

Отправившись въ свой путь уже послѣ обѣда, ѣхалъ я весь остатокъ того дня благополучно. Погода была тогда самая пріятная, вешняя, дорога большая и знакомая, и мѣстоположенія прекрасныя и веселыя. Лѣсъ тогда только-что одѣлся и повсюду была пріятная зелень. Словомъ, я и не видалъ, какъ цѣлый день, распѣвая разныя пѣсенки, проѣхалъ. Наконецъ начало время уже и къ почѣ приближаться. Я находился тогда посреди большого лѣса, но котораго величина неизвѣстна мнѣ была, потому что я ѣдучи прежде чрезъ оный, спалъ въ своей коляскѣ. Сія неизвѣстность побуждала меня спѣшить оный проѣхать скорѣй и прежде еще наступленія ночи. Я началъ свою лошадь потуривать и то и дѣло погонять, смотря между тѣмъ всякую минуту впередъ, не скоро ли лѣсъ окончится и не увижу ли поля. Однако лѣсъ мой не оканчивался, а становился часть отъ часу гуще и глуше. Покуда я ничего не думалъ, до тѣхъ поръ ѣхалъ я все изрядно. Но какъ солнце стало уже къ захожденію приближаться и становиться на дворѣ отчасу темнѣе, а конца лѣса не было и въ завѣтѣ, но онъ еще глуше и уединеннѣе становился, то мало-помалу началъ находить на меня страхъ и

ужась. Я старался всѣми образами выгонять изъ головы моей мысли наводящія на меня ужась: но чѣмъ болѣе я ихъ выгонять старался, тѣмъ усильнѣе лѣзли онѣ мнѣ въ голову. Къ вѣщему несчастію, пришло мнѣ тогда на память, что зять мой въ разговорахъ упоминалъ какъ-то о семъ лѣсѣ, а именно, что онъ чрезвычайно великъ и простирается въ длину болѣе нежели верстѣ на тридцать. Не успѣлъ я сего вспомнить, какъ замерло во мнѣ сердце и напала на меня вдругъ чрезвычайная робость. При помышленіи, что мнѣ симъ страшнымъ и глухимъ лѣсомъ не менѣе какъ верстѣ съ двадцать еще ѣхать надлежало, трепетъ проникалъ всѣ мои кости, а голова наполнялась всѣми страшными мыслями, какія только быть могутъ. Въ лѣсу семъ, по удаленности его отъ всѣхъ селеній, господствовала тогда глушь и совершеннѣйшее безмолвіе. Единныя только птички кой-гдѣ перепархивали, но и тѣ, съ окончаніемъ дня удаляясь на покой, утихали. Я находился тогда въ отдаленіи отъ всѣхъ смертныхъ и одинъ посреди сей страшной и уединенной пустыни, обитаемой единными только птицами и дикими звѣрями, и мысль сія заставляла хладѣть всю кровь мою и трепетать сердце.

При таковыхъ обстоятельствахъ, началъ я отчасу болѣе колотить шпорами бока моей лошади и стегать ее то и дѣло плетью. Но не успѣлъ я еще нѣсколько верстѣ отъѣхать, какъ день окончился уже совершенно и наступила ночь. Тогда не было уже время болѣе медлить или жалѣть своей лошади. Страхъ мой увеличивался ежеминутно и мнѣ начали воображаться тысячи опасностей. Я поскокалъ во всю пору, и вспомнивъ, что въ такихъ случаяхъ не велеть назадъ оглядываться, смотрѣлъ только впередъ и творилъ молитву. Но самое сіе запрещеніе и правило, чтобъ не оглядываться никакъ назадъ, ввергнуло меня еще въ пушій страхъ и боязнь. Не смѣя никакъ голову и въ сторону обратить, казалось мнѣ, что позади меня и Богъ знаетъ что дѣлалось. Самое тихое шумѣніе древесныхъ

вѣтвей и жалѣйшій трескъ, произведенный какою-нибудь птицею или звѣремъ, представлялся мнѣ невѣдомо какимъ страшнымъ звукомъ, поражающимъ сердце мое неописаннымъ ужасомъ. Наконецъ послышанный мною и нарочито внятный и нѣсколько странный шумъ, произведенный можетъ быть летаніемъ совы или иной какой ночной птицы, привелъ мысли мои въ совершенную уже разстройку: мнѣ вообразилось, что нѣчто за мною гонится. Мысль о лѣшихъ, о которыхъ слыхалъ я во время моего младенчества, вселилась мнѣ тотчасъ въ голову. Я почувель, что это не кто иной, какъ лѣшій, и лишившись всего разсудка, поднялъ ужасный вопль и приударился еще пуще скакать. О, коль чудны дѣйствія страха! Мнѣ въ безпамятствѣ казалось тогда, что я слышу дѣйствительно топотъ и шумъ гонящагося за мною чудовища, и вижу хватающагося его за задъ моей лошади; хотя въ самомъ дѣлѣ ничего того не бывало, но вмѣсто рукъ хватающагося лѣшаго, била по бедрамъ моей лошади на половину отвязавшаяся и на портупей висѣвшая моя шлага, чего въ торопяхъ и не смѣя назадъ оглянуться, не могъ я никакъ разобрать и догадаться.

Сіе усугубило мой страхъ и безпамятство. Я, лишившись всего здраваго разсудка, вопилъ что ни есть мочи, призывалъ всѣхъ святыхъ на помощь, махалъ кругомъ себя плетью, единою слабою своею защитою, и скакалъ сколько было поры въ моемъ иноходцѣ. И могу заподлинно сказать, что подобнаго сему страху я во всю жизнь мою не видалъ. Я не помнилъ самъ себя и не знаю, что бы сдѣлалось со мною наконецъ, еслибъ продолжилось сіе долѣе. Я либо, обезпамятѣвъ и обезсилѣвъ, совсѣмъ свалился-бъ съ лошади, либо лошадь подомною упала бы и издохла, еслибъ нечаянный случай вдругъ не прекратилъ всего моего страха и ужаса, и не вывелъ меня изъ сего смутнаго состоянія.

Одна корчма, или по нашему постоянный дворъ, которую я, ѣдучи туда, и не видалъ, проѣхавъ мимо ее спящей, пред-

ставилась вдругъ мнѣ посреди лѣса стоящею и въ самое такое время, когда я въ наибольшаеишемъ страхѣ и отчаяніи находился. Никакая радость не могла тогда сравниться съ моею. Я почталь сѣю корчму мѣстомъ моего спасенія, и вскакавъ прямо въ стадогъ, не имѣлъ силъ сойти съ лошади. Руки мои окрѣпли отъ крѣпкаго держанія лошади за холку во время скаканія, а ноги не могли двигаться отъ непрерывнаго бѣганія или по брюху лошади. Чухна-корчмарь, случившійся тогда въ стадогѣ или сараѣ, удивился и не зналъ, что думать, увидѣвъ челоуѣка безъ памяти и поблѣднѣвшаго какъ мертвецъ, къ нему прискакавшаго. Онъ спрашивалъ меня по-чухонски о причинѣ моего страха, но я не только не разумѣлъ его словъ, но едва въ состояніи былъ сказать ему по-нѣмецки, чтобъ снялъ онъ меня съ лошади и отвелъ въ корчму, а лошадь бы мою разсѣдалъ и далъ ей корму. По счастью моему, чухна сей разумѣлъ по-нѣмецки и исполнилъ по моей просьбѣ.

Собравшись съ духомъ и опаматовавшись, согласился я на предложеніе корчмаря, чтобъ съѣсть кусокъ масла съ хлѣбомъ, который онъ мнѣ изъ сожалѣнія къ моей молодости предлагалъ. Онъ спрашивалъ меня, не веде ли я подать себѣ молока, и не дожидаясь отвѣта, принесъ мнѣ цѣлое судно онаго, а вмѣстѣ съ нимъ и кружку пива, и утѣрялъ меня, что пиво очень хорошо. Я благодарилъ сего добросердечнаго челоуѣка, и сказывалъ, что я пива не пью и что ласкою его доволенъ. Онъ и подлинно тѣмъ жалкимъ состояніемъ, въ которомъ онъ меня видѣлъ, такъ былъ тронутъ, что суетился и прислуживалъ мнѣ какъ бы мой слуга, и уговаривалъ, чтобъ я ничего не опасался и легъ бы отдыхать, сказывая притомъ, что онъ уже лошадъ мою напоить и снабдетъ кормомъ, и сожалѣлъ, что я измучилъ ее чрезвычайнымъ образомъ.

Я и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ тогда нужду въ покоѣ. Зять мой хотя и подтверждалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ и ночью, да я и самъ зналъ, что мнѣ спѣшить надле-

жало, однако не отваживался я пуститься опять въ дѣсъ и одинъ, ночью; сверхъ того и лошадь моя болѣе служить была не въ состояніи, но требовала хорошаго отдохновенія. Такимъ образомъ, растанулся я на длинномъ корчмарскомъ столѣ и положивъ въ головы сѣдло, проспалъ всю ночь какъ убитый. Сіе случилось впервые еще отъ роду, что я имѣлъ столь худую или лучше сказать никакой постели.

Наутрѣ проснувшись, стыдился я своей слабости и спѣшилъ идти самъ сѣдлатъ свою лошадь. Но добросердечный и услужливый корчмаръ избавилъ меня отъ сей работы, осѣдлавъ оную еще прежде моего выхода. Я поблагодарилъ его за всю его ко мнѣ пріязнь и ласку, и отправившись далѣе въ свой путь, пріѣхалъ около половины дня въ станъ нашего полковника, не имѣя на дорогѣ болѣе никакихъ приключеній.

Полковникъ удивился нечаянному моему пріѣзду, и извѣстіе привезенное ему мною было ему крайне непріятно. Стояніе въ Рогервикѣ было гораздо хуже, нежели при Ревелѣ, и никакой пользы охотно туда не хаживалъ, ибо никому не хотѣлось имѣть дѣло съ одними каторжными, которые тамъ въ тогдешнее время въ великомъ множествѣ содержались. Совсѣмъ тѣмъ долго не знали онъ самъ, что приказать моему зятю. Но какъ собственнаго повелѣнія о слѣдованіи въ Рогервикъ въ поле было еще не прислано, то велѣлъ онъ мнѣ поспѣшать опять и какъ возможно скорѣй обратно къ моему зятю съ приказаніемъ, чтобъ онъ по прежнему продолжалъ свой путь и ѣхалъ прямо въ Ревель.

Итакъ, отдохнувъ нѣсколько часовъ при полку, пустился я обратно и прибылъ къ зятю моему на другой день, къ вечеру, благополучно.

Симъ образомъ окончилъ я порученную мнѣ первую комиссію, которая кромѣ вышесказаннаго приключенія стоила мнѣ очень дорого, и ввела меня въ другія, совсѣмъ неожиданныя напасти. Инохоча моего я такъ отдѣлалъ, что при обрат-

номъ путешествіи съ трудомъ я его догналъ до станціи моего зятя, а не успѣлъ къ нему пріѣхать, какъ павъ, онъ околѣлъ. Это было первое несчастіе въ моей службѣ, и я очень сожалѣлъ о сей лучшей и любимой своей лошади, а особливо, что тогда остался только съ двумя, и что третью необходимо мнѣ имѣть было надобно.

Къ вѣщему несчастію моему, гдѣ ни возьмись тогда чухна-музыкъ, продающій тутъ же въ корчмѣ лошадь. Нашъ тотчасъ о томъ увѣдомили, и мы, осмотрѣвъ, положили ее купить. Корчмаръ помогъ намъ того-жъ часа договориться о цѣнѣ, и ручался въ томъ, что она была не краденая. Лошадь сія была посредственная. Мы заплатили за нее 12 рублей и ни мало не зная, что проклятая скотина сія навлечетъ на насъ колты и хлопоты, отправились немедленно въ путь свой и пріѣхали въ Ревель.

Симъ кончу я сіе письмо и скажавъ вамъ, что я емь навсегда вашъ вѣрный другъ, остаюсь и проч.

РЕВЕЛЬ И РОГЕРВИКЪ.

Письмо 27-е.

Любезный пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ опишу я вамъ наигорестнѣйшій и смутнѣйшій періодъ времени изъ всей моей военной службы, и несчастіе претерпѣнное мною при самомъ началѣ оной. Провидѣнію божескому угодно было наслатъ на меня оное, власно какъ нарочно для того, чтобъ лишить меня надежды на всякую постороннюю помощь, и предоставить одному себѣ имѣть обо мнѣ попеченіе. Сіе вижу я нынѣ довольно явственно; но тогда предусмотрѣть сего былъ я далеко не въ состояніи, и потому почиталъ тогда сіе несчастіе не иначе какъ гнѣвомъ раздраженныхъ небесъ и для себя зломъ весьма великимъ, хотя въ самомъ дѣлѣ составляло оно совсѣмъ тому противное. Однако, прежде повѣствованія объ ономъ, расскажу вамъ напередъ достальную исторію о купленной мной лошади.

Окаянная сія скотина, любезный пріа-

томъ, въ сѣмь дѣлъ была краденая и послѣлъ тому чухкѣ не христіанская. Воторой намъ ее крадутъ. Мы не знаа того, не вѣдая, поаажникъ на вурчительство кованна той корчани, въ воторой зать мой тогда стоялъ; но сей корчаръ былъ, конечно, либо подкукленъ, либо и самъ еще сообщникомъ вору, и потому не трудно было мнѣ мнѣ обмануть. А легко статься можетъ, что она была и не краденая, но все то дѣло, о которомъ я генеръ разскажу, основалось на пошеничскомъ похищеніи или заговорѣ между чуханами. Но какъ бы то ни было, во ни принужденъ были отвѣтствовать за все такъ, какъ за краденую, и что того еще хуже, за украденую самими нами. Вы удивляетесь сему, во ни удивитесь еще болѣе, когда услышите все дѣло.

Еще во время самого продолженія путешествія нашего отъ имшеуволнутой корчани до Ревеля, принѣтили нами люди, что одинъ чухна слѣдуетъ повсюду во стояннѣ нашей и класно какъ и что за нами прилѣпаетъ. Мы удивились сіе услышавъ, однако не могли воиять, что бы тому была за причина, и ни мало не воиждали о томъ, что то былъ прямой хозяинъ нашей купленной лошади. Сей проклятый мужикъ не давалъ тому ни малаго вида, но не говора ничего, слѣдовалъ за нами назиркою до самого Ревеля.

По прибытіи нашемъ къ сему главному эстляндскому городу, остановились мы, не вѣзжая въ оный, въ одной корчмѣ, на большой дорогѣ находившейся, и зать мой готовился ѣхать къ командиру тогда стоящимъ тутъ полкамъ, генерал-поручику барону Матвѣю Григорьевичу Ливену. Но онъ не успѣлъ еще собраться, какъ увидѣли мы нѣкоторыхъ изъ нашихъ людей, бѣгущихъ безъ памяти къ намъ изъ города, съ неожиданнымъ и крайне досаднымъ для насъ извѣстіемъ, что помянутый шедшій за нами чухна, слѣдуя за нами въ то время, какъ повели они въ форштатъ понтъ лошадей, предъ самую генеральскую квартиру закричалъ караулъ, и сталъ отнимать купленную нашу ло-

шадь, выкивалъ ее своимъ, и что сами генеролеры, не давая ему своей стѣлкы драку и за то, во приказаніи своего генерала забрали всѣхъ и съ лошадами вѣдъ караулъ.

Встрѣча сія была для насъ очень неприятна. Я оробѣлъ сіе услышавъ, и боялся, чтобъ мнѣ за то какой бѣды не было. Самому зать моему наводило сіе сомнѣніе, и для того востѣпалъ онъ скорѣй идти къ генералу. Но пришелъ туда нашель дѣло еще въ худшихъ обстоятельствахъ: мужикъ мнѣ между тѣмъ время нажаловаться на насъ генералу, и обвинялъ насъ тѣмъ, чего у насъ и на угѣ никогда не бывало, а именно, что лошади сію никто иной, какъ мы сами у него украли. А генераль, будучи природный эстляндецъ и великій всѣмъ чуханамъ защитникъ и покровитель, вылая тогда гнѣвомъ и яростію, и въ бѣшевствѣ своемъ клялся, что онъ разжалуетъ меня за то безъ суда вѣчно въ солдаты. Зать мой ужаснулся, услышавъ о селѣ въ канцеляріи генеральской, куда онъ прежде зашелъ, и не зная, что дѣлать и какъ защитить меня отъ предстоящаго мнѣ толь великаго и напраснаго бѣдствія. Онъ хотя и разсказывалъ въ канцеляріи порядокъ всего дѣла и о нашей виновности, однако его увѣряли, что генераль во горачности своей ничего того не приметъ, и что я, конечно, претерплю несчастіе, если не предпринется какое-нибудь другое средство.

Находясь въ таковыхъ загнѣвательствахъ и дурныхъ обстоятельствахъ, не зная мой зать, что ему тогда предпріять было наилучше. Наконецъ, во великодушію своему и во особенной любви ко мнѣ, другого средства не нашель, кромѣ того, чтобъ снять всю сію бѣду на себя, и сказать, что помянутая окаянная лошадь его, а не моя, дабы спасти чрезъ то меня отъ напасти, ибо онъ надѣялся, что съ нимъ не поступитъ генераль столь строго, какъ со мною.

Принявъ сіе намѣреніе, помогъ онъ къ генералу, который не успѣлъ его увидѣть, какъ оборвался на него, какъ на чело-

вѣка величайшее преступленіе учинившаго, и пылалъ огнемъ и пламенемъ. Зять мой приносилъ ему оправданіе, изъясняя свою невинность и въ доказательство оной слался на того корчмаря, у котораго въ корчмѣ лошадь была куплена, и на всю свою команду, прося чтобъ приказано было изсгѣдовать. Но генераль, такъ какъ было уже предсказываемо, не принималъ никакихъ оправданій. А ревность и усердіе его къ эстляндскому народу простиралась такъ далеко, что онъ въ запальчивости своей выговорилъ при всѣхъ бывшихъ при томъ многихъ чиновниковъ такія слова, которыя всего меньше пристойны были российскому генералу. «Я судирь», сказалъ онъ моему зятю: «лучше одному чухнѣ повѣрю, нежели всѣмъ офицерамъ полку вашего, а не только твоей командѣ и корчмарю, котораго ты можешь быть закупилъ». Услышавъ такія слова, не осталось болѣе ничего говорить моему зятю; онъ замолчалъ и дожидался, какое рѣшеніе учинить онъ сему дѣлу.

Сіе рѣшеніе и непреминуло тотчасъ воспослѣдовать и было самое премудрое и достойное такого разсудительнаго генерала. Не принимая никакихъ оправданій и не хотя слышать о просимомъ изсгѣдованіи сего дѣла и сысканіи продавца, въ которомъ намъ корчмарь ручался, приказалъ онъ зятю моему не только мужику лошадь отдать, но сверхъ того заплатить еще за каждый день по рублю, сколько тотъ мужикъ проходилъ и проискалъ своей лошади. Но и симъ еще неудовольствуясь, и самъ истинно не зная за что, велѣлъ послать въ полкъ ордеръ, что зятя моего безъ очереди послать на дѣлный мѣсяцъ на караулъ, позабывъ, что онъ былъ полковымъ квартирмейстеромъ и что квартирмейстеры на караулъ не ходятъ и ни съ кѣмъ не чередуются.

Вотъ сколь правосуденъ былъ тогдашній нашъ генераль, и вотъ какое окончаніе получило сіе дѣло, угрожавшее мнѣ толь великою напастью! Я могу сказать, что я много обязанъ былъ

въ семъ случаѣ моему зятю, ибо безъ него конечно бы мнѣ быть въ солдатахъ. Одолженіе, оказанное имъ мнѣ въ семъ смутномъ и опасномъ для меня дѣлѣ, мнѣ такъ чувствительно, что я и по нынѣ благословляю прахъ сего родственника моего, любившаго меня во всю жизнь свою нелицемѣрною и прямо родственною любовью.

Такимъ образомъ, ѣзда отъ корчмы до Ревеля на помянутой лошади стала мнѣ очень дорого, ибо я принужденъ былъ не только отдать лошадь, но прибавить еще восемь рублей къ ней въ приданое, ибо столько дней по объявленію того бездѣльника было его прогулу, которыя деньги, легко статься можетъ, раздѣлили онъ вмѣстѣ съ корчмаремъ и чухною, продавшимъ намъ лошадь; ибо всѣ обстоятельства сего дѣла заставляють подозрѣвать, не было у нихъ у всѣхъ умысленаго въ томъ заговора, и не хотѣли-ль они со вредомъ нашимъ воспользоваться слабостію и извѣстнымъ имъ къ себѣ усердіемъ и любовію генерала Ливена. Что-жь касается до учиненнаго симъ приказанія въ разсужденіи наказанія моего зятя, которое по истинѣ было странное и смѣшное, то оно поднято было всѣми нашими полковыми начальниками и офицерами на смѣхъ и никто не помышлялъ о исполненіи онаго, но всякой только ругалъ его за обиду, учиненную имъ всему полку вышеупомянутымъ премудрымъ отзвонкомъ, что онъ лучше повѣритъ одному чухнѣ, нежели всего полку офицерамъ.

Вотъ первая напасть, претерпѣнная мною во время моей военной службы. Но она далеко еще не составляла того несчастія, о которомъ упоминалъ я при началѣ письма сего, и которое теперь вслѣдствіе повѣствованія моего разсказывать стану.

Между тѣмъ какъ вышеупомянутыя происшествія съ зятемъ моимъ происходили въ городѣ, находился я въ корчмѣ, гдѣ мы остановились, и дожидался возвращенія его съ великою нетерпѣливостію, объять будучи страхомъ и трепетомъ, ибо слухъ о угрозахъ генеральскихъ на-

нести меня въ солдаты достигъ уже и до нашей корчмы и привелъ меня въ не-описанное изумленіе и трусость. Наконецъ, увидѣлъ я и ѣдущаго изъ города моего зятя. Сердце во мнѣ затрепетало, какъ я его издалека еще увидѣлъ. Онъ пошелъ ко мнѣ въ корчму съ весьма смущеннымъ и печальнымъ видомъ, и чрезъ то привелъ меня въ такое замѣшательство, что я не смѣлъ начать рѣчь и его о томъ дѣлѣ спрашивать.

Совсѣмъ тѣмъ, печаль и смущеніе зятя моего происходило совсѣмъ отъ другой и мнѣ неизвѣстной еще причины. Онъ привезъ изъ города другое и для меня печальнѣйшее извѣстіе. Будучи въ канцеляріи генеральской, услышалъ онъ, что произведеніе офицерское по нашей дивизіи изъ Петербурга было уже прислано. Нетерпѣливость заставила его любопытствовать и узнать о пожалованныхъ полку нашего офицерахъ; а богъ всего хотѣлось ему узнать мою судьбину, и пожалованъ ли я вмѣстѣ съ прочими. Онъ выпросилъ списокъ произведенія на минуту и искалъ моего имени, но съ какимъ сожалѣніемъ и досадою увидѣлъ, онъ слѣдующія слова, написанныя противъ моего имени въ списокъ: «за просрочку и неявленіе и понынѣ къ полку—обойденъ». Слова сіи поразили моего зятя, но сожалѣніе его еще усугубилось, когда онъ узналъ, что мнѣ слѣдовало пожалованному быть чрезъ чинъ прямо въ подпоручики, и что многіе сержанты нашего полку и гораздо меня младшіе получили сіи ранги.

Печалась искренно о семъ для меня великомъ несчастіи, не могъ зять мой долго выговорить ни единого слова и сообщить мнѣ такое печальное извѣстіе; наконецъ, не могъ болѣе удержаться и сказалъ мнѣ:—«Хорошо вы съ дядюшкою-то своимъ надѣлали въ деревнѣ?»—А что такое? подхватила я испужавшпсь.—«А то, что товарищи твои всѣ пережалованы, а ты «обойденъ, а надлежало бы также «и тебѣ въ подпоручики».

Слова сіи поразили меня, власно какъ

громовымъ ударомъ, я онѣмѣлъ и не въ состояніи былъ ни единого слова промолвить, слезы только покатились изъ глазъ моихъ и капали на землю. Сколько зятю происшествіе сіе было ни досадно, однако, приведенъ онъ былъ въ жалость своимъ состояніемъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ было сожалѣнія достойно. Я стоялъ опустя руки и глаза книзу, погруженнымъ въ глубочайшее уныніе, какъ окаменѣлый. Сіе продлилось нѣсколько времени, да и потомъ не помнилъ, что говорилъ и что дѣлалъ. Самый свѣтъ казался мнѣ помершимъ въ глазахъ моихъ, и состояніе, въ какомъ я тогда находился, не можетъ никакъ описано быть, а довольно оно было найжалостнѣйшее въ свѣтѣ.

Досадное приключеніе сіе было дѣйствительно напечальнѣйшее во всей моей жизни. Лишеніе самыхъ родителей не было для меня таково горестно и мучительно, какъ сіе досадное обойденіе. Тамъ дѣйствовала одна только печаль, а тутъ съ оною вмѣстѣ досада, раскаяніе, завидованіе благополучію моихъ товарищей, стыдъ и многія другія пристрастія совокуплялись и попеременно духъ и сердце мое терзали и мучили. Къ вѣщему усугубленію моей горести, не было ничего и ни малѣйшаго средства, чѣмъ бы меня утѣшить было можно. Зятю моему сколь ни горестно было смотрѣть на мое жалкое состояніе, и сколь ни желалъ онъ меня чѣмъ-нибудь утѣшить, но не находилъ ничего къ тому удобнаго, но принужденъ былъ еще видѣть, что самыя утѣшенія его растравляли еще болѣе мою печаль и увеличивали горестъ; однимъ словомъ, я былъ совсѣмъ безутѣшенъ, лишился сна и пищи, и кромѣ вздоховъ, слезъ, унынія и печали, ничего отъ меня было не слышно. Такое мучительное состояніе продлилось нѣсколько дней сряду и перевернуло меня такъ, что я походилъ тогда на лежавшаго нѣсколько недѣль въ горячкѣ и выздоравливающаго отъ нея челоуѣка. Какое безчисленное множество вздоховъ испущено было тогда къ небесамъ изъ моего сердца, и koliko слезъ пролито было въ сіи печальные и горестны дни!

Между тѣмъ прибылъ къ Ревелю и полкъ нашъ. Извѣстiе о приближенiи онаго возобновило или паче увеличило еще всю жестокость печали моеи. Я желалъ бы тогда скрыться невѣдомо куда, и не смѣлъ воображать себѣ той печальной минуты, когда въ полку о томъ узнаютъ, и я увижу всѣхъ сверстниковъ моихъ, ликовствующихъ въ радости. Мнѣ казалось, что я предъ ними и передъ всѣмъ полкомъ буду власно какъ оплеваннымъ, и не зналъ какъ мнѣ безъ крайняго стыда кому показаться будетъ можно. Одна мысль, что всѣ люди какъ люди, а я одинъ какъ оглашенный тогда былъ, и власно какъ преступникъ, наказанный за какое-нибудь злодѣяние, поражала меня до безконечности и обливала сердце мое охладѣвшею кровiю. Но, по счастью, велѣно было зятю моему слѣдовать тотчасъ опять впередъ къ Рогервику, для занятiя тамъ лѣтнаго лагеря, и симъ образомъ избавился я на нѣсколько времени столь горестнаго для меня обстоятельства.

Во всю сію дорогу не преставаъ я воздыхать и тужить о своемъ несчастiи и не видалъ почти всѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ мы ѣхали. Для меня весь свѣтъ былъ тогда противень, и я не смѣлъ ни на что, столь сильно тревожили меня горестныя помышленiя! Наконецъ прибыли мы въ Рогервикъ, въ сіе скучное и съ тогдашнимъ моимъ состоянiемъ весьма сходственное мѣсто, и заняли отведенный для полку нашего подлѣ самаго сего мѣстечка лагерь, а вскорѣ послѣ насъ пришелъ и полкъ и вступилъ въ оный.

Горестъ и печаль моя нѣсколько уменьшилась, какъ я увидѣлъ, что весь полкъ сожалѣлъ о моемъ несчастiи. Кого я ни увижу и съ кѣмъ ни сойдуся, всегъ тужилъ о моемъ несчастiи и старался по возможности своей меня утѣшить. Въ особенности же изъяслялъ сожалѣнiе свое обо мнѣ полковникъ и другiе штабы и прочiе знакомые и меня отмѣнно любившіе офицеры. Самые сверстники мои, па которыхъ не было уже тогда тѣхъ про-

клятыхъ лыкъ или нозументовъ, которыя я еще на себѣ имѣлъ и носить былъ долженъ, и коихъ я тогда принужденъ былъ почитать весьма уже предъ собою увышѣнными и на коихъ не могъ взирать безъ нѣкоего неудобнообразнаго чувствiя сердечнаго, изъясляли другъ предъ другомъ свое обо мнѣ сожалѣнiе и, вмѣсто чаемаго осмѣянія меня, всячески утѣшать старались. Они обходились со мною попрежнему, какъ съ равнымъ своимъ братомъ, и сіе болѣе всего послужило къ скорѣйшему моему успокоенiю и облегченiю моеи горести.

Я жилъ попрежнему при моемъ зятѣ, и никто того для горестныхъ моихъ обстоятельствъ и не взыскивалъ. Самъ господинъ Хомяковъ, по имени Василій Васильевичъ, капитанъ той роты, въ которой я счислялся, не дѣлалъ въ томъ никакой претензiи и не требовалъ меня въ роту для отправленiя моеи сержантской должности. И такъ жилъ я тогда при полку дѣйствительнымъ волонтеромъ, не имѣя за собою никакого дѣла. Но сіе меня не весьма утѣшало, и я согласился бы охотнѣе нести дѣйствительную службу, еслибъ стыдъ мнѣ въ томъ не препятствовалъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ препроводилъ я тутъ болѣе мѣсяца, въ которое время какъ полковникъ, такъ и прочiе господа офицеры не преставали обо мнѣ напоминать, и о изысканiи средствъ къ поправленiю моего несчастiя всячески стараться и между собою предпринимать совѣты. Многіе изъ нихъ нерѣдко собирались къ моему зятю и совокупно о лучшихъ мѣрахъ разсуждали. Обстоятельства мои по справедливости были болѣе сожалѣнiя достойны, нежели я объ нихъ сперва думалъ. Я хотя остался тогда попрежнему старшимъ сержантомъ, и не только по полку, но и по всей тогда арміи, и не можно было сомнѣваться, что при первомъ производствѣ мнѣ въ офицеры достанется; но такого покова трудно было опять дожидаться, каково минувшее производенiе было. Производенiе сіе было тогда такъ велико, что

подобнаго ему никогда не бывали и едва ли когда-нибудь и впередъ будутъ. Въ сей разъ во критическія обстоятельства войны и сдѣланный вывозъ хлеба, по которому прибавлено въ казенныя полку нѣсколько мѣстоимости офицеровъ, произведено было ужасное количество дѣлъ. Самые сіе и критическую пору было, что нѣкоторые сервантанты доставались послѣ мѣсто припорочивать права въ ведомственныя чело никогда сіе до сего времени не бывало. Но по самому тому не можно было никакъ надѣяться, чтобъ въ скоромъ времени можно воспользоваться опять произвожденіемъ, ибо всѣ были были уже съ казенными уполномоченными офицерами, и потому всѣ добровольствующіе нѣ совѣтовали не оставлять дѣла сего вступя. Но хотя и не было ни малѣйшаго луча надежды, однако не худо бы говорить всѣ, хотя на удачу, отвѣчать употребить о произведеніи меня просьбу: въ противномъ же случаѣ, утверждали всѣ, остану я отъ другихъ гораздо далеко и догнать ихъ буду не въ состояніи.

Сей былъ общій совѣтъ всѣхъ нашихъ друзей и знакомыхъ. Но совѣтъ тѣмъ, сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать было можно. Просьбу употребить надлежало въ Петербургѣ, ибо тутъ никто изъ генераловъ пожелать меня въ офицеры былъ не въ состояніи: но и въ Петербургѣ надлежало кому-нибудь ѣхать, ибо на отсутственную и заочную просьбу не можно было никакъ надѣяться и положиться.

Самое сіе обстоятельство и производило наиболѣе затрудненіе. Сперва совѣтовали всѣ взять хлопоты и стараніе о семъ на себя моему зятю. Сей, по любви своей ко мнѣ, охотно на то и согласился. Но какъ въ самое то время, какъ только что хотѣлъ онъ проситься объ увольненіи себя въ Петербургъ, занемогъ онъ печально наихлесточайшею лихорадкою, то не знали тогда, что дѣлать; ибо одному мнѣ ѣхать никто совѣтовать не отваживался, потому что никто не чаялъ, чтобъ я по молодости и по незнанію своему могъ что-нибудь успѣть въ та-

комъ дѣлѣ, которое только сдѣланнымъ старался требовать, иными словами сказать мое собственнымъ. Но какъ этотъ моментъ не случался и какъ эту сему надеждѣ становилась, и какъ мнѣ утѣшать себя, выносить, и какъ мнѣ удерживать въ востаніи, а время со временемъ иметь успѣха по другому средству не оставалось, какъ думать на-уму нѣтъ кому и самому о себѣ стараться.

Не успѣлъ я на сіе рѣшиться и закарениа своего объявить, какъ тутъ съ нахвалили мнѣ желаніемъ, а для думавъ въ предпріятіи моемъ успѣха, объявилъ всѣ офицеры такъ нѣ совѣтовали и аттестаты отъ себя въ томъ, что я офицерамъ быть достоинъ. При семъ-то случаѣ могъ я какъ-нибудь образомъ видѣть, сколько много добровольствующихъ нѣ всѣ полку нашего офицерамъ: къ кому я ни приходилъ для подлинки моего аттестата, какъ всякой говорилъ: «Объими руками, голову, брагада; дай Богъ тебѣ всякое благополучіе и получить все желаемое». Изъ всего нашего полку одинъ только нашолся такой, который не хотѣлъ мнѣ сдѣлать сего одолженія и отказалъ въ сей просьбѣ. Это былъ господинъ Коленинъ, бывшій нашего-жъ полку капитанъ; въ тогда произведенный къ намъ въ секундъ-майоры. Сей человекъ былъ одинъ изъ старыхъ офицеровъ, и имѣвшій съ покойнымъ родителемъ моимъ, не знаю по какому-то дѣлу, небольшую суспицію и на него досаду. И какъ злоба его не представляла дѣйствовать, и онъ былъ человекъ весьма дурныхъ свойствъ и качествъ и за то, а особливо за надменность свою и гордость въемъ полкомъ ненавидимъ, то хотѣлъ онъ по негодному своему характеру мстить при семъ случаѣ мнѣ за досаду, причиненную ему отцомъ моимъ, хотя сей ни мало былъ тому невиноватъ, а раздражилъ его по должности. Признаюсь, что сіе было мнѣ тогда досадно и не только мнѣ, но всего полку офицерамъ. Сіи не успѣли отъ меня о томъ услышать, какъ ругали его по милосерднымъ образомъ, а человекъ съ

двадцать собравшись пошли нарочно къ нему его уговаривать и, буде надобно, употребить просьбу. Но всѣ старанія были тщетны, онъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи и упорностію свою только болѣе досадила всѣмъ просившимъ. Всего смѣшнѣе при томъ было то, что онъ въ отговорку предлагалъ одну только мою молодость, почему всѣ присовѣтовали оставить его съ покоемъ, говоря, что и безъ него дѣло сдѣлано быть можетъ и что подписка его не такъ важна, чтобъ безъ нея не можно было обойтись.

Теперь оставалось мнѣ только исходатайствовать позволеніе съѣздить на нѣсколько времени въ Петербургъ, ибо и сіе сопряжено было съ нѣкоторыми затрудненіями. Полковникъ не въ состояніи былъ сего сдѣлать. Онъ съ радостью готовъ бы былъ меня на нѣсколько мѣсяцевъ отпустить, но власть его такъ была ограничена, что онъ не могъ отпустить меня и до Ревеля; ктому-жъ и челобитной моей должно было итти по командѣ, то-есть, сперва отъ полку представленной быть командующему нами генералу-майору, а отъ сего представлена быть къ генералу-поручику, а отъ него далѣе въ Петербургъ къ главнокомандующему, генералъ-аншефу графу Петру Ивановичу Шувалову, отъ котораго надлежало уже послѣдовать резолюціи. Сямъ оковчу я мое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь... и прочая.

ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Письмо 28-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ предсѣдующемъ письмѣ мое несчастіе, въ которое невиннымъ, съ своей стороны, образомъ попалъ я по непарочному случаю и отъ единого только прибавленія отцомъ моимъ мнѣ одного года, но о чемъ не имѣлъ я ни малѣйшаго свѣдѣнія, расскажу я вамъ теперь о петербургской своей и достопамятной поѣздкѣ, предпріятной для поправленія онаго. Ѣзда сія была наиболѣе по тому достойна

особливаго примѣчанія, что предпріята была мною прямо на удачу и безъ малѣйшаго луча надежды къ полученію какого-нибудь успѣха въ предпринимаемой просьбѣ, а что того еще паче, безъ всякой надежды на постороннюю какую-нибудь помощь, ходатайство и заступленіе, а съ единымъ только упованіемъ на Бога и на его милость и вспоможеніе, ибо кромѣ его не было у меня никого могущаго мнѣ подать помощь.

Какой успѣхъ имѣла сія поѣздка и что со мною случилось въ Петербургѣ—это узнаете вы изъ послѣдствія, а теперь дозвольте мнѣ воспріять паки нить повѣствованія, прерванную послѣднимъ письмомъ, и начать рассказывать вамъ всѣ происшествія по порядку.

Такимъ образомъ, рѣшившись ѣхать въ Петербургъ и испросивъ благословеніе божеское, приступилъ я къ сему важному дѣлу. Я, взявъ отъ полковника потребныя къ тому письма, поѣхалъ прежде всего къ нашему генералъ-майору. Это былъ самый первый еще случай, что я долженъ былъ самъ о себѣ стараться. Командовавшій нашимъ и другимъ стоявшимъ въ Рогервикѣ-жъ иѣхотнымъ полкомъ генералъ-майоръ былъ тогда нѣкто природный французъ, по фамилии де-Боданъ, старичокъ весьма добренькій. Онъ стоялъ нѣсколько только верстъ отъ нашего лагеря, и потому мнѣ изъ лагеря къ нему ѣздить было недалеко. Я подалъ ему представленіе, данное мнѣ отъ полку съ запечатанною при ономъ моею челобитною, и сей добросердечный человекъ, какъ въ отпускѣ меня до Ревеля, такъ и въ представленіи своемъ къ генералу-поручику не сдѣлалъ мнѣ никакихъ затрудненій и остановокъ, и я получилъ дни въ два свое отправленіе.

Поблагодаривъ его и возвратившись въ лагерь, началъ я собираться въ дальнее свое путешествіе, и какъ я расположился ѣхать туда на легкѣ, и только въ кибиткѣ, запряженной тремя лошадьми и съ двумя изъ своихъ людей, а прочее все съ мальчишкою оставить въ лагерѣ при моемъ зятѣ, то сборы мои не долго про-

должались; на другой же день было все къ отъѣзду моему уже готово, и тогда, распрощавшись съ зятемъ и со всѣми моими знакомыми, отправился я въ свой путь къ Ревелю. Всѣ знакомцы и приятели мои провожали меня пожеланіями всѣхъ на свѣтѣ мнѣ благъ и счастливаго путешествія, ибо кромѣ сего сдѣлать имъ было нечего. По особливому распоряженію судьбы такъ случилось, что пзъ всѣхъ ихъ ни у кого небыло ни одного знакомаго и такого человѣка въ Петербургѣ, къ которому бы меня сколько-нибудь рекомендовать или на первый случай адресовать было можно, и я, прямо можно сказать, пустился въ сей путь, будучи совершенно оставленъ отъ всего свѣта, и долженъ былъ всего ожидать отъ единого милосердія божескаго.

По приѣздѣ моемъ въ Ревель крайне опасался я, чтобъ не сдѣлалось мнѣ тутъ какихъ-нибудь затрудненій. Генералъ-поручикъ нашъ былъ самый тотъ господинъ Ливень, о которомъ я упоминалъ вамъ прежде, и котораго я какъ огня боялся. Поступками и характеромъ своимъ настраивалъ онъ меня такъ въ прежнюю нашу бытность въ Ревелѣ, что я страшился его какъ лютаго звѣря, не зная какъ къ нему показаться и не ожидая отъ него ничего добраго, а паче боялся, чтобъ онъ мнѣ какого зла не сдѣлалъ. Обстоятельство сіе приводило въ такую разстройку мои мысли, что я, идучи на его квартиру и встрѣчаясь съ ходящимъ по улицамъ народомъ, завидовалъ послѣднѣйшимъ изъ онаго людямъ, что они съ спокойнымъ духомъ отправляютъ свои дѣла, а я принужденъ былъ не только ѣхать въ такой дальній путь, но имѣть тысячу еще опасеній, чтобъ несчастье свое чѣмъ-нибудь еще не усугубить и не претерпѣть чего еще худшаго.

Неиннако какъ съ трепетомъ и съ хладѣющею кровію приблизился я къ дому сего грознаго генерала. Провидѣнію угодно было вложить въ меня мысль, что итти не прямо къ генералу, а зайтить напередъ въ его канцелярію и спросить, когда и какъ бы мнѣ предъ него

предстать было лучше. И коль блаженна была для меня мысль сія! Съ какимъ смущеніемъ и горестію вошелъ я въ оную, съ такимъ обрадованіемъ вышелъ я, напротивъ того, изъ оной. По особливому счастью и противъ всякаго чаянія, нашелъ я тутъ въ самыхъ правителяхъ его канцеляріи себѣ милостивцевъ и ходатаевъ. Они, помня еще бывшее со мною несчастное приключеніе съ купленною у чухны лошадыю, получили ко мнѣ столько сожалѣнія и сдѣлались столь благосклонными, что не только пошли сами докладывать обо мнѣ генералу, но преклонили его уже предварительно къ исполненію моей просьбы и отпущенію меня въ Петербургъ. Я не могу изобразить, сколь оттого обрадовался я, услышавъ отъ нихъ о томъ увѣдомленіе. Совсѣмъ тѣмъ хотѣлъ онъ меня самъ видѣть. Сіе обстоятельство смутило меня опять нѣсколько. Я трепеталъ, какъ повели меня къ нему въ спальню, ибо одно мнѣніе о суровыхъ его прежнихъ поступкахъ приводило меня въ страхъ и ужасъ. Онъ принялъ отъ меня гордымъ образомъ пакетъ, въ которомъ запечатана была моя челобитная и представленіе отъ генерала де-Бодава, и раздравъ оный, началъ тотчасъ читать оную.

Я стоялъ тогда передъ нимъ какъ окаменѣлый и не смѣлъ ни единымъ членомъ тронуться. Читаніе сіе продолжалось нарочито долго: но едва онъ только челобитную мою прочелъ и изъ оной увидѣлъ, что я прошу о произведеніи меня въ офицеры, отчасти по моей невинности, а отчасти за обученіе на своемъ коштѣ наукъ и языковъ, какъ захотѣлось ему меня освидѣтельствовать и посмотреть, подлинно ли я оба языка знаю, и для того началъ онъ со мною тотчасъ говорить по-нѣмецки. Я всего меньше сіе предвидѣлъ и нимало къ тому не приготовился, и потому, оробѣвъ еще больше прежняго, не знаю истинно, что и какъ я ему отвѣтствовалъ. Онъ спросилъ меня еще по-французски, но я отвѣтствовалъ ему еще того хуже и совсѣмъ отъ робости спутался. Тогда усмѣхнулся онъ

и презрительнымъ образомъ сказалъ мнѣ: «Хорошо, я тебя отпущу: только не знаю, зачѣмъ ты ѣдешь. Это чудо будетъ, когда тебя пожалуютъ». Слова сіи поразили меня еще того больше и привели въ такое сматеніе, что я едва въ состояніи былъ выговорить нѣсколько словъ въ изъявленіе мсей благодарности за его къ себѣ милость. Онъ приказалъ написать обо мнѣ представленіе и дать отпускъ на 29 дней. Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ сдѣлавшійся покровителемъ моимъ главный правитель его канцеляріи, подхвативъ меня, повелъ въ канцелярію и тотчасъ велѣлъ представленіе и паспортъ мнѣ написать. Усердіе его ко мнѣ было такъ велико, что онъ не далъ писцамъ покоя, и какъ скоро оны написали, то понесъ для подписанія генералу и тотчасъ возвратившись, мнѣ сказалъ: «все мой другъ теперь готово, ступай себѣ съ божескою помощію, и дай Богъ тебѣ всякое благополучіе, а на давшія слова пожалуй не смотри». Слова сіи были власно какъ нѣкимъ цѣлительнымъ бальзамомъ для пораженнаго моего сердца, ибо, признаюсь, что предсказаніе генеральское было для меня не весьма приятно, но привело меня въ великое смущеніе; однако какъ я положился уже однажды на власть божескую, то тѣмъ себя и подкрѣпилъ и утѣшилъ. Итакъ, получивъ запечатанный пакетъ въ главному нашему командиру, графу Шувалову и себѣ паспортъ, и привезя тысячу благодареній добродушному моему ходатаю и покровителю, отправился я въ тотъ же день изъ Ревеля и пустился въ путь свой.

Было то въ исходѣ іюня мѣсяца, какъ я изъ Ревеля поѣхалъ, и хотя время наступало тогда самое жаркое, однако дорогу имѣлъ я наиприятнѣйшую. Путь, какъ извѣстно, отъ Ревеля къ Нарвѣ лежитъ по большей части подлѣ самаго морского берега, и потому морская влажность и отъ воды холодъ умѣрялъ въ сихъ мѣстахъ чрезвычайный зной, отъ жаровъ бываемый. Во время сего путе-

шества имѣлъ я еще первый случай досыта насмотрѣться на море, сіе неизмѣримое скопище воды! Зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ ново, и я не могъ имъ довольно налюбоваться; въ особенности же не могъ я безъ особливаго ужаса и удивленія смотрѣть на тамошніе берега морскіе, подлѣ которыхъ я ѣхалъ. Они и подлинно въ состояніи навѣсть на всякаго страхъ и ужасъ, кто ихъ не видывалъ. Natura оградила съ сей стороны море толь высокимъ оплотомъ или, паче сказать, преогромною и страшною каменною стѣною, что вся ярость морскихъ огромныхъ волнъ и валовъ не могла ей ничего сдѣлать. Собственно берегъ, гдѣ вода прикасается до земли, былъ низокъ и ровенъ. Но сія равнина, поросшая высокимъ и дремучимъ лѣсомъ, не простиралась болѣе какъ сажень на двадцать или на тридцать, а тамъ возвышалась вдругъ такая крутая и утесистая каменная гора, что подобна была дѣйствительной стѣнѣ. Наверху простираются опять ровныя и пріятнѣйшія мѣста, и по самому берегу идетъ гладкая и ровная большая проѣзжая дорога. Любопытство мое при смотрѣніи на столь удивительное дѣло рукъ божескихъ было такъ велико, что я на каждой почти верстѣ останавливался, выходилъ и хаживалъ на самый край сего крутого берега, смотрѣть внизъ на глубину презельную. Она и подлинно была чрезвычайная, и такъ велика, что стоящіа внизу огромныя деревья казались сверху неинако, какъ небольшими деревцами, а крутизна такъ утесиста и чрезвычайна, что безъ опасенія обморока долго смотрѣть никакъ было не можно. Довольно, что для усмотрѣнія самыхъ ближнихъ подъ горою стоящихъ деревъ, неинако какъ надобно было на край берега лечь и спустить голову, а безъ того ихъ видѣть было не можно. Но зрѣлище, какое представлялось тогда очамъ, и достойно было того, чтобъ предпринимать трудъ таковой.

Взоръ на море, которое чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ часъ отъ часу болѣе возвышается и, наконецъ, не инако какъ пологою и прекрасною синею горою быть

казалось, представлялъ мнѣ также наиблаготворительнѣе зрѣлище. Я не могъ устать, смотря на него и на плавающія вдали и парусами своими блѣднѣющія суда и корабли. Изъ нихъ нѣкоторыя шли въ ту, а нѣкоторыя въ другую сторону, и одни ближе, а другія едва видимы были. Съ другой стороны увеселяли зрѣніе мое прекрасныя роши и луга, правый бокъ дороги украшающія. Индѣ простирались они прямою чертою на дальнее разстояніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ извивались изгибами, кои неинако какъ разными фигурами быть казались. Вдавшіяся въ нихъ и прилегающія сіи изгибы прекрасныя травяныя и цвѣтныя испещренныя лужайки, придавали мѣстамъ симъ еще вышнее украшеніе. О, сколько разъ принуждены мы были останавливаться, не вытерпѣвъ вида или растущія на лугахъ и поспѣвшія тогда ягоды, или въ рощахъ, подлѣ самой дороги великое множество и непрекраснѣйшихъ грибовъ. Всякій разъ прїѣзжали мы на ночлегъ обремененными обоими сими натуральными продуктами, что по тогдашнему постному времени намъ особенное удовольствіе причиняло, и путь нашъ тѣмъ веселѣйшимъ и прїятнѣйшимъ дѣлалось. Словомъ, мы и не видали какъ доѣхали до Нарвы, а потомъ и далѣе.

Но я удалился уже отъ главнаго предмета. Какова дорога сія ни велика была, и сколь много ни утѣшались мы разными предметами, однако помышленія о предметѣ моего путешествія не выходили у меня изъ памяти. Во всю дорогу помышлялъ я о Петербургѣ и о неизвѣстныхъ тамошнихъ обстоятельствахъ. Я, какъ выше уже упомянуто, ѣхалъ туда на удачу и не имѣлъ ни малѣйшаго вида льстительной надежды. Надѣяніе на самого себя было у меня худое, а найду ли кого-нибудь себѣ доброжелательствующихъ и такихъ, которые бы восхотѣли сколько-нибудь поспѣшествовать моему дѣлу, было мнѣ неизвѣстно. Къ вѣщшему несчастію, не имѣлъ я съ собою ни къ кому и ни отъ кого ни единой строчки и рекомендаціи, и не зналъ гдѣ мнѣ

прістать и къ кому приклонить мою голову. Одинъ Богъ былъ тогда всею моею надеждою и упованіемъ.

Наконецъ въ началѣ іюля доѣхали мы благополучно до Петербурга. Это было въ пятый разъ въ моей жизни, что я въ сей столичный городъ прїѣхалъ; но прежніе мои прїѣзды и пребыванія въ ономъ были весьма отличны предъ теперешнимъ: тогда находился я подлѣ какимъ-нибудь покровительствомъ, а нынѣ ни подлѣ какому. Не имѣя никого знакомыхъ, къ кому бы прістать было можно, принуждены мы были нанять для себя какую-нибудь хижинку. Мы и нашли небольшую, въ Морской, и наняли не за большую цѣну. Мое первое стараніе было узнать, нѣтъ ли въ Петербургѣ моего прежняго благодѣтеля и дяди, господина Арсеньева, дабы подлѣ его руководствомъ и предводительствомъ можно мнѣ было приступить къ дѣлу; но къ великому моему огорченію узналъ я, что онъ находился тогда въ Москвѣ. Что жъ касается до господина Рахманова и до Шепелева, то сіи давно уже были въ царствѣ мертвыхъ; слѣдовательно, и съ сей стороны не могъ я рассчитывать ни малѣйшею надеждою.

При такихъ обстоятельствахъ другого не оставалось, какъ итти самому собою и ожидать всего отъ единого вспоможенія божескаго. Я распрощался о жилищѣ графа Шувалова и приближался къ нему съ ощущеніемъ нѣкоего внутренняго ужасенія. «О домъ!» говорилъ я самъ себѣ, смотря на огромныя и великолѣпныя палаты сего знатнаго и столь сильнаго тогда вельможи: «отъ тебя произошло мое злополучіе. Исправишь ли ты оное или нѣтъ? и съ печалію ли или радостію буду я отъ тебя возвращаться?» Я зналъ, что мнѣ надлежало пакетъ мой подать въ его канцелярію, и для того спрашивалъ я, гдѣ она находилась. Мнѣ сказали, чтобъ я шелъ въ домъ къ его любимцу, гдѣ тогда находилась графская канцелярія, и указали улицу, въ которую мнѣ идти надлежало. Это былъ господинъ Яковлевъ, тогдашній генеральсь-

сидящихъ и бѣлѣеи фаворитъ графа Шувалова. Я всталъ уже прежде объ немъ доложить, и зналъ, что онъ находилъ въ великой силѣ у графа и управлялъ всѣми дѣлами въ его военной канцелярш. По пришествіи къ нему на дворъ, указали мнѣ канцелярш, но оттуда послали меня къ нему въ комнаты и велѣли водить самому ему пакетъ мой въ руки.

Теперь расскажу я одно странное приключеніе, которое со мною въ самое сіе время случилось. Переходя дворъ и взожда на крыльцо хоромъ, въ которыхъ жилъ господинъ Яковлевъ, вынулъ я свой пакетъ изъ кармана и развернулъ изъ обертки, чтобъ его приготовить ближе. Но какъ изъ внезапнѣ ужасомъ поразить я тогда сталъ, какъ взглянувъ на него увидѣлъ, что онъ распечатался? Я остолбѣвъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ и не зналъ, что дѣлать. Горе и робость напала на меня превеличайшая, и я предвозбѣждалъ себя отъ того наказать невѣдомо какую. «Ахъ, какая бѣда!» твердилъ я только себя нѣсколько разъ: «что мнѣ теперь дѣлать?» и ужасъ мой былъ такъ великъ, что сердце отъ трепетанія хотѣло власто какъ выскочить.

Но короткомъ размышленіи разсудить я, что такъ пакетъ мой подавать никомъ образомъ было не можно, и что другого не оставалось, какъ оный искусенно и непримѣтно припечатать. По счастью моему распечатался онъ очень разумно и такъ, что пособить тому было можно, ибо самая печать была совсѣмъ цѣла, а отодралась только одна четвертинка бумаги, да и то подлѣ самой печати. Какимъ это образомъ и отчего такъ сдѣлалось, истинно самъ не знаю: кажется во всю дорогу былъ онъ у меня въ сундукѣ, и я берегъ его какъ глаза. Но какъ бы то ни было, но онъ распечатался и бумажка отодралась себѣ благополучно, и подавать такъ было не можно. Горе на меня превеликое; однако я скоро догадался, что нужно только было такимъ же сургучомъ и однажды только въ то мѣсто манути, какъ все зло могло тѣмъ ис-

правлено быть. Обращавши я оному пакету: но потчась вышло на меня другое горе. Я не зналъ, гдѣ взять мнѣ сургуча такого же хорошаго и къ сему пакету отъ поклашечки и весьма хорошаго случая, ибо мнѣ велико было стѣнать и заставать выкупъ выудеть господина Яковлева къ общинѣ. Въ канцелярш генеральскую идти я не отваживался, тамъ не было у меня ни одного чинника знающаго кому-жъ казался и непримѣтно припечатывать пакетъ въ канцелярш. Итакъ, другого не оставалось, какъ бѣжать брать пакетъ на гостиницѣ дворъ, купить тамъ же хорошаго алмазнаго сургучу, какъ былъ пакетъ мой замечателъ, а оттуда пробѣжать прямо на мою квартиру и тамъ припечатать.

Какъ издучаю, такъ скоро сіе было и сдѣлаю, и не конна, чтобъ когда-нибудь во всю жизнь мою скорѣй тогдашняго я бѣжалъ. Самый купецъ удивился чрезвычайной моею кроткостію, и былъ самымъ добродушнѣмъ и честнѣмъ, что не взялъ съ меня тройной цѣны за сію малку сургуча, за котору-бъ я въ состояніи былъ тогда заплатить чего бы онъ ни потребовалъ, ибо не до торговли было тогда дѣло. Прибѣжавши на квартиру кричалъ я, не входя еще въ горницу, людямъ, чтобъ бѣжали скорѣе за огнемъ. Но чѣмъ я болѣе спѣшилъ, тѣмъ медленнѣе и хуже происходило дѣло. На ту бѣду не случилось у насъ ни одного огарочка свѣчки, а лучинки и подавно взять было не гдѣ. Наконецъ нашли какой-то осколочекъ и принесли ко мнѣ не столько горящій, сколько куращійся. Я хваталъ скорѣй сургучъ; но не новое ли горе? не нахожу его въ карманахъ! Я въ тотъ, я въ другой, я въ третій, но не тутъ-то было! «Господи, помилуй! куда это онъ у меня дѣлся!» Но сколько я ни говорилъ Господи помилуй и сколько ни шарилъ по всѣмъ карманамъ, но сургуча моего нигдѣ не было. Вздурился тогда я отъ горя и досады, и самъ себя не вспомнилъ. Наконецъ видя немилучую, схватилъ уже я шляпу и хотѣлъ бѣжать

опять въ ряды, покупать новый, какъ слуга мой остановилъ меня, говоря: «постойте, сударь! не провалился ли онъ сквозь карманы? мнѣ помнится, что въ одномъ была дырочка». Какъ онъ сказалъ, такъ и въ самомъ дѣлѣ было, и мы нашли проклятый сей сургучъ въ кафтаннхъ фалдахъ. Радъ я невѣдомо какъ былъ сему случаю; но горе мое еще не окончилось. Проклятый осколочекъ или лунинка, между тѣмъ какъ мы суетились и сургуча искали, погасла и надымила всю мою горницу. Покуда пошли опять ее зажигать, покуда дули, покуда принесли, прошло опять нѣсколько минутъ, изъ коихъ каждая мнѣ дѣлала часомъ казалась. Наконецъ принесли мнѣ огонь, и я спѣшилъ дрожащими руками скорѣй припечатывать. Но не повая ли опять бѣда? проклятая лучина задымила мой сургучъ, и онъ, почернѣвъ, сдѣлался хуже еще простого. Къ вящему несчастію и досадѣ капнулъ я еще имъ мимо печати на конвертъ. «О бѣды по бѣдамъ!» вскричалъ я тогда, «что мнѣ теперь дѣлать?» Но некогда было уже мнѣ разбирать, худо ли или хорошо я припечаталъ. Я пустился уже на отвагу, и, схватя шляпу, опротясь побѣжалъ опять на дворъ къ господину Яковлеву.

По счастью, засталъ я его еще дома и часовой, стоящій у дверей, обрадовалъ меня сказавъ, что не выходилъ онъ еще изъ спальни. Итакъ, имѣлъ я время собраться нѣсколько съ духомъ и отдохнуть отъ своего бѣга. Вошедъ въ залъ, нашелъ я его весь набитый народомъ. Я увидѣлъ тутъ множество всякаго рода людей. Были тутъ и знатныя особы, и низкаго состоянія люди, и всѣ съ нѣкоторымъ родомъ подобострастія ожидающіеся выхода въ залъ любимца графскаго для принятія прошеній и выслушиванія просьбъ. Мое удивленіе еще увеличилось, когда увидѣлъ я, что самые генералы въ лентахъ и кавалеріяхъ приѣхавшіе при мнѣ, не осмѣливались прямо и безъ спроса входить въ его предспальню, но съ нѣкоторымъ униженіемъ у стоящихъ подлѣ дверей лакеевъ спрашивали, мож-

но ли имъ войти и не помѣшаютъ ли Михайлѣ Александровичу, такъ называлась тогда сія столь знаменитая особа, неимѣющая хотя впрочемъ больше подполковничьяго чина. Но не чинъ тогда былъ важенъ, а власть его и сила, которая простиралась даже до того, что всѣ, кому бы ни хотѣлось о чемъ просить графа, должныствовали напередъ просить сего любимца и чрезъ него получать свое желаемое, по которому обстоятельству и бывало у него всякій день по множеству народа.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, оставивъ васъ вѣрно весьма любопытными узнать, что послѣдуетъ далѣе: ъ остаюсь
и прочее.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Письмо 29-е.

Любезный пріятель! Послѣднее мое письмо къ вамъ прервалъ я тѣмъ, что находился я, со множествомъ другихъ всякаго рода людей, въ залѣ у господина Яковлева и дожидался съ нетерпѣливостью выхода сего графскаго любимца. Мы прождали его еще съ добрую четверть часа, но, наконецъ, распахнулись двери и графскій фаворитъ вышелъ въ залъ въ препровожденіи многихъ знаменитыхъ людей и по большей части такихъ, кончинами своими были гораздо его выше. Не успѣлъ онъ показаться, какъ всѣ сдѣлали ему поклонъ не съ меньшимъ подобострастіемъ, какъ бы то и передъ самимъ графомъ учинили. Я стоялъ тогда посреди залы на самомъ проходѣ, дабы не пропустить случая и успѣть подать ему пакеть свой, и по природной своей несмѣлости суетился уже въ мысляхъ, какъ мнѣ приступить къ своему дѣлу. Но по счастью такъ случилось, что онъ, окинувъ всѣхъ глазами, на перваго меня смотрѣть началъ. То ли, что онъ меня впервые тутъ видѣлъ, или иное? что было тому причиною—не знаю, но по крайней мѣрѣ я счелъ, что тогда было самое наилучшее время къ подаванію ему пакета. Я подступилъ къ нему съ трепе-

щущими ногами и, подавая письмо, трясся, чтобъ не узналъ онъ, что оно было припечатано. Но по счастью такъ случилось, что онъ и не взглянулъ на печать толь много разъ проклинаемую, но принявъ съ величавою осанкою у меня изъ рукъ, раздёрнулъ пополамъ конвертъ и бросилъ на полъ. Радъ я былъ невѣдомо какъ сему случаю и смотрѣлъ не спуская глазъ на его, читавшаго въ то время представленіе генеральское. Сердце во мнѣ трепетало и обливалось кровью, и я стоялъ какъ осужденный, ожидающій приговора къ животу или смерти. Отъ бывшихъ тутъ я уже слышался о великой его силѣ и зналъ, что не графу, а ему меня пожаловать или осудить надобно было, и потому съ окончаніемъ чтенія ожидалъ я рѣшительной своей судьбины. Прочитавъ представленіе, взглянулъ онъ на меня и окинулъ еще разъ съ головы до ногъ меня глазами; но тотчасъ опять развернувъ мою челобитную, сталъ продолжать чтеніе.

Всѣ стояли тогда въ глубочайшемъ молчаніи и взглядывали на меня, видя господина Яковлева, читающаго бумаги мои съ величайшимъ вниманіемъ. Я стоялъ тогда видъ себя и не зналъ, что заключить изъ его поступокъ, и худое или доброе предвѣщать себѣ изъ его взглядовъ и прилежнаго читанія, по крайней мѣрѣ не имѣлъ я много причинъ ласкаться доброю надеждою. Будучи одинъ, незнающъ, необыкновененъ, а притомъ безъ малѣйшей поддержки и рекомендаціи, имѣлъ я болѣе резона ожидать худого, нежели добраго. Вся моя надежда, какъ я уже упоминалъ, была на одного Бога, а потому Онъ одинъ и былъ тогда у меня на умѣ, и я просилъ Его мысленно о вспоможеніи. Но самое сіе мнѣ всего болѣе и помогло. Сіе великое Существо въ такихъ случаяхъ намъ охотнѣе и помогаетъ, когда Ему одному помогать надобно и когда мы всей человѣческой помощи лишены. Но могъ ли я тогда сямъ образомъ разсуждать и могъ ли хотя мало предвидѣть, что тогда имѣло воспослѣдовать?... По истинѣ, дѣло превзошло вся-

кое чаяніе, ибо можноли было приттить мнѣ тому въ голову, что я въ самомъ томъ человѣкѣ, котораго къ упрошенію надлежало бы мнѣ имѣть и употребить многихъ и сильныхъ ходатаевъ, и о немнѣннн которыхъ я толь много горевалъ, найду наилучшаго о себѣ старателя и покровителя. Однимъ словомъ, господинъ Яковлевъ сдѣлался въ одинъ моментъ моимъ милостивцемъ, и не прочтя до половины моей челобитной, спросилъ меня: «Не Тимоѣея ли Петровича ты сынъ?»—Его, милостивый государь, отвѣтствовалъ я ему.—«О!» сказалъ онъ тогда: «Батюшка твой былъ мнѣ милостивецъ, и я никогда не забуду его къ себѣ пріятства».

Сказавъ сіе, сталъ онъ продолжать читать мою челобитную. Но сихъ немногихъ словъ довольно уже было къ премѣненію всего моего внутренняго состоянія. Какъ солнце, выходя изъ-за тучи, освѣщаетъ вдругъ весь горизонтъ и прогоняетъ тьму, такъ слова сіи прогнали тогда весь мракъ моего сомнѣнія и освѣтили лучомъ пріятнѣйшей надежды всю мою душу. Однимъ словомъ, я не сомнѣвался уже почти тогда о полученіи всего мною желаемого, и чаінію моему соотвѣтствовало послѣдствіе:

Господинъ Яковлевъ, прочтя челобитную, сказалъ мнѣ: «Хорошо, мой другъ, ходи только къ обѣднн, и чтобъ я тебя всякій день здѣсь видѣлъ». Я не зналъ, что-бъ такое слова сіи значили, а болѣе изъяснить ихъ недопустили его прочіе просители, приступившіе къ нему толпами. Однако, заключилъ я, что чему-нибудь доброму, а тутъ быть надобно и дожидался уже съ спокойнѣйшимъ духомъ отъѣзда его къ обѣднѣ.

Не успѣли мы, проводя его, вытти, какъ цѣлая толпа сержантовъ обступила меня кругомъ, и начала вопросами мучить. Иной спрашивалъ, кто я таковъ; другой, откуда приѣхалъ; третій, котораго полку; четвертый, кто былъ мой батюшка, и почему его Михаилъ Александровичъ знаетъ, и такъ далѣе. «Государь мой — отвѣтствовалъ я тогда имъ: — я

истинно и самъ много не знаю, о чемъ вы спрашиваете, какъ и въ самомъ дѣлѣ, я не только тогда не зналъ, но и понынѣ не знаю, какимъ образомъ онъ былъ родителю моему знакомъ и какія отъ него милости видѣлъ. Наконецъ, услышавши отъ меня о причинѣ моего приѣзда, и о всѣхъ обстоятельствахъ, сказали они почти всё въ одно слово. «Дай Богъ тебѣ, братецъ, благополучіе и получить милость божескую; авось-либо и намъ при тебѣ не худо будетъ, и ты разрѣшишь можетъ быть нашу судьбину!» Я удивился и не понималъ, что они говорили; просилъ ихъ объ изъясненіи и, наконецъ, услышалъ, что они, подобныя мнѣ несчастные люди, обойденные въ минувшее произвожденіе; что ихъ болѣе тридцати человекъ, и что они болѣе мѣсяца здѣсь живутъ, но ни того, ни сего получить не могутъ. «Ты не повѣришь, братецъ, говорили они, что мы уже бы ради были, еслибъ намъ отъ канцеляріи отбери, а толку никакого нѣтъ. Только и добра, что ходи къ обѣднѣ и молись Богу. Иной, братецъ, у насъ уже раза два въ Невскій пѣшкомъ встряхивалъ, а иные ходили, ходили, да и ходить перестали».

Для меня все сіе было чудно и непонятно, и я просилъ ихъ рассказать мнѣ о томъ обстоятельстве. Они и исполнили мое желаніе и изъ словъ ихъ узналъ я слѣдующее. Господинъ Яковлевъ старался оказать себя тогда наинабожнѣйшимъ человекомъ. Онъ не пропускалъ ни одной обѣдни, и малывался въ церквахъ наиприлежнѣйшимъ образомъ; а какъ онъ при томъ былъ весьма забавный человекъ, то не знаю что вздумалось ему съ помянутыми изъ разныхъ полковъ для таковой же просьбы съѣхавшимися сержантами вести шутку. Между тѣмъ, покуда дѣла ихъ производились въ канцеляріи, игралъ онъ всѣми ими невиннымъ образомъ. Онъ заставлялъ ихъ всякій день ходить къ обѣднѣ, и симъ образомъ приучалъ къ богомолью. А какъ они принуждены были ходить въ самую ту церковь, въ которую и онъ ѣзживалъ, то не

упускалъ онъ примѣчать за ними, кто изъ нихъ былъ богомольнѣе и смиреннѣе и кто вертопрашнѣе прочихъ. На-утріе, какъ они прихаживали къ нему, и когда было ему досужно, забавлялся онъ съ ними иногда шуточными разговорами и тутъ бывали обыкновенно инымъ похвалы, а другимъ выговоры и осмѣянія. Кто болѣе всѣхъ учинилъ проступокъ, тому опредѣлялось наказаніе. Иной долженъ былъ за то итти пѣшкомъ молиться въ Невскій монастырь, а другой класть опредѣленное число поклоновъ, или стоять въ церкви передъ нимъ и молиться наиприлежнѣйшимъ образомъ. Симъ и другимъ подобнымъ сему образомъ забавлялся тогда графскій любимецъ сими молодцами, и любилъ особливо тѣхъ, которые лучше прочихъ соотвѣтствовали его желаніямъ. Но какъ состояли они по большей части изъ такихъ же молодыхъ людей, какъ я, а при томъ не одинаковыхъ свойствъ и характеровъ, то наскучила имъ скоро сія игрушка. Многие изъ нихъ начали непримѣтно удаляться, и перестали къ нему показываться на глаза, а бродили только въ канцелярію: но чрезъ самое то сами себѣ хуже сдѣлали. Господинъ Яковлевъ, за великимъ множествомъ дѣлъ, которыми онъ обремененъ былъ, не видя ихъ, позабывалъ о производствѣ ихъ дѣла, а потому такъ долго принуждены они были рѣшенія онаго дожидаться и жить въ Петербургѣ попустому.

Обстоятельство сіе, каково ни было натурально, но судя объ ономъ съ другой стороны, можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что можетъ быть помянутая медленность въ производствѣ оныхъ происходила и не по слѣпому случаю, а имѣло въ томъ соучастіе и невидимое смотрѣніе божеское и святой Его обо мнѣ промыслъ. Всѣмъ имъ давно бы надлежало произведенными быть въ офицеры и тѣмъ паче, что за многихъ были самые ходатаи и просители, и давно даны были обѣщанія все сдѣлать. Но господана Яковлева, власно, какъ нѣчто невидимое отводило отъ исполненія, и онъ, власно какъ

нарочно дожидался меня, чтобъ въ списокъ ихъ помѣстить и мое имя и тѣмъ удобнѣ доставить мнѣ чинъ офицерскій, а безъ того было-бы ему гораздо труднѣе, и, можетъ быть, совсѣмъ невозможно, для одного меня заводить новое произвожденіе. Словомъ, судьбы и промыслъ Господни несповѣдны и нами непроницаемы.

Но какъ бы то ни было, но я вышеупомянутымъ образомъ включенъ былъ въ сообщество оныхъ обобденныхъ и чиновъ *себѣ* толь долго добивавшихся сержантовъ, и господинъ Яковлевъ для сего того и приказалъ мнѣ всякій день къ *себѣ* приходить, чтобъ, увидѣвъ меня, чаще вспоминать о нашемъ дѣлѣ и тѣмъ скорѣе поспѣшить производствомъ онаго. Сколь молодъ я тогда ни былъ, однако могъ заключить, что мнѣ необходимо надобно было всѣ его приказанія навточнѣйшимъ образомъ исполнять стараться, чего ради не медя ничего боже, пошелъ я тотчасъ въ ту церковь, гдѣ онъ находился. Я сталъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ-бы могъ онъ меня совершенно видѣть и притворясь будто я его совсѣмъ не вижу, молился наиприлежнѣйшимъ образомъ, что мнѣ было и не трудно, потому что не въ похвалу *себѣ* сказать, смаленьку былъ къ Богу прилеженъ, а тогда и по давню должно было поблагодарить Бога за милостивое Его обо мнѣ попеченіе. Сіе возымѣло хорошее дѣйствіе. Господинъ Яковлевъ примѣчалъ исъ мои движенія до наималѣйшаго, и видя, что моленіе мое было непритворное, былъ поведеніемъ моимъ очень доволенъ. Самое сіе и произвело выгодныя для меня слѣдствія, ибо какъ я поутру на другой день пришелъ къ нему всѣхъ прежде и въ залѣ его любое мѣсто *себѣ* занялъ, а на меня смотря пришло и нѣсколько человѣкъ моихъ товарищей, и онъ, имѣя по счастью нашему тогда досугъ и вышедъ къ намъ еще въ плафрокъ, по обыкновенію своему, съ нами забавлялся, то похваливъ онъ меня публично передъ всѣми и говорилъ, что я хотя и молодъ всѣхъ, однако прилежнѣе всѣхъ молился Богу, и стыдилъ тѣмъ прочихъ моихъ сотовари-

щей. Потому спрашивалъ меня о моеи матери, о полку, также и о томъ, гдѣ я учился, и какъ онъ говорилъ со мною ласково и пріятно, то и я не имѣлъ причины робѣть и отвѣтствовалъ ему такъ, что онъ былъ отвѣтами моими доволенъ. Совсѣмъ тѣмъ о настоящемъ моемъ дѣлѣ и о произвожденіи не упоминалъ онъ ни однимъ словомъ. Сіе меня уже нѣкоторымъ образомъ и безпокоило, а къ несчастію народъ, начавшій часъ отъ часу въ залѣ набираться, прогналъ его во внутренніе покои, гдѣ онъ обыкновенно одѣвался.

Совсѣмъ тѣмъ проводивъ его къ обѣднѣ, не упустили мы зайтить въ канцелярію и справитъся, вѣтъ ли какихъ вновь приказаній. Тутъ, къ крайнему моему удовольствію, услышалъ я, что господинъ Яковлевъ еще вчера челобитную мою въ канцелярію отдалъ и притомъ настрожайше приказалъ спѣшить какъ возможно скорѣй нашимъ дѣломъ и готовить списокъ для нашего произвожденія.— «Вотъ, братецъ, закричали тогда мои товарищи, не правду ли мы говорили, что подлѣ тебя и намъ хорошо будетъ. Такого приказанія не было еще ни однажды. Ей! ей! самъ Христосъ тебя къ намъ послалъ.»

Радость, чувствуемую отъ сего, не читаю я за нужное описывать подробно; довольно, она была чрезвычайная и столь же велика, сколь велика была сперва печаль моя. Совсѣмъ тѣмъ дѣло наше продлилось боже ведали, но тому причиною былъ не господинъ уже Яковлевъ, а нѣчто другое. Списки наши поспѣли чрезъ три дня, ибо господинъ Яковлевъ, видя меня всякій день у себя поутру, ежедневно объ нихъ вновь подтверждалъ и приказывалъ; а оставовку и медленность произвело то обстоятельство, что тогда сего графа Шувалова не случилось въ Петербургъ. Поселку императорскій дворъ былъ тогда въ Сарскомъ-Селѣ, то и графъ около сего времени находился тамъ же, слѣдовательно, за отсутствіемъ его и произвожденіе наше поднигасъ было векому.

Со всѣмъ тѣмъ при тогдашнихъ обстоя-

тельствахъ и поелику была уже безсомнѣнная надежда, могъ уже я безъ скуки возвращенія графскаго въ Петербургъ дожидаться, и не тужилъ бы, хотя бы сіе и нѣсколько недѣль продолжалось. Я свелъ между тѣмъ лучшее знакомство съ моими товарищами, и мы хаживали съ ними вмѣстѣ всякій день въ церковь и къ графскому любимцу. Онъ такъ ревностно за меня вступился, что желая скорѣй меня отправить, однимъ днемъ, какъ списки наши были уже готовы, публично изъявилъ свое сожалѣніе о томъ, что графъ долго не ѣдетъ и почти просьбою просилъ, чтобъ я на нѣсколько дней взялъ терпѣніе.

Такимъ образомъ продолжалъ я жить въ Петербургѣ, питаюсь сладчайшею надеждою. Мнѣ не досадны уже были тогда мои позументы, но я часто самъ себя говаривалъ: «уже скоро, скоро вы съ обшлаговъ моихъ полетите». Совсѣмъ тѣмъ препровождалъ я время свое не совсѣмъ праздно, но какъ все послѣобѣденное время дѣлать мнѣ было нечего, то хаживалъ я по городу и осматривалъ мѣста, кои мнѣ видѣть еще не случалось. Мой первый выходъ былъ въ Академію, куда влекла меня охота моя къ книгамъ; могу сказать, что я съ малолѣтства получилъ къ нимъ превеликую склонность. Почему, ѣдучи еще въ Петербургъ, за непремѣнное дѣло положилъ я, чтобъ побывать въ Академіи и купить себѣ какихъ-нибудь книжекъ, которыя въ одной ней тогда и продавались. Въ особенности же хотѣлось мнѣ достать «Аргениду», о которой дѣлаемая мнѣ еще въ деревнѣ старичкомъ моимъ учителемъ превеликая похвала не выходила у меня изъ памяти. Я тотчасъ ее первую и купилъ; но какъ въ самое то время увидѣлъ я впервые и «Жилблаза», которая книга тогда только что вышла и мнѣ ее расхвалили, то не разстался я и съ нею.

Объемъ симъ книгамъ былъ я такъ радъ, какъ нашедъ превеликую находку. Досадно мнѣ было только то, что обѣ онѣ были безъ переплета, и это были первыя книги, которыя купилъ я въ тетрадахъ

и кои принужденъ былъ впервые учиться складывать и сшивать въ тетрадку, дабы мнѣ ихъ читать было можно. Но работа сія была мнѣ не столько скучна, сколько увеселительна, хотя и препроводилъ я въ томъ много времени.

Кромѣ сего не оставилъ я исполнить еще одинъ долгъ и побывать у одного моего родственника. Это былъ нашъ деревенскій сосѣдъ и однофамилецъ, по имени, Никита Матвѣевичъ Болотовъ. Онъ служилъ тогда въ Троицкомъ пѣхотномъ полку полковникомъ и доводился мнѣ дѣдъ, потому-что отцу моему былъ онъ внучатный дядя. При приѣздѣ моемъ въ Петербургъ я не зналъ, что сей полкъ, слѣдовательно и онъ, находился въ Петербургѣ, а потому и не взялъ моего къ нему приѣзжца. А тогда хотя мнѣ въ вспоможеніи его и не было нужды, однако за должность я себя почиталъ побывать у него, какъ скоро объ немъ услышалъ. Онъ стоялъ тогда съ полкомъ своимъ лагеремъ на Выборгской сторонѣ и былъ мнѣ почти вовсе не знакомъ, потому-что я его видалъ только въ младенчествѣ, да и то не болѣе двухъ разъ.

Онъ принялъ меня пріятно и сходственно съ своимъ характеромъ, который имѣлъ въ себѣ нѣкоторыя особенности. Онъ былъ человекъ немолодыхъ лѣтъ и изъ числа старинныхъ, а не новомодныхъ людей. Житія былъ честнаго, но весьма строптиваго. Правъ имѣлъ горячій, вспыльчивый и во всѣхъ своихъ дѣлахъ наблюдалъ такую единоравность, что почитаемъ былъ отъ всѣхъ не только весьма строгимъ, но притомъ своеправнымъ и упрямымъ человекомъ. Но что всего хуже, то духъ его зараженъ былъ непроницаемымъ лукавствомъ, для которой причины ни съ однимъ человекомъ не обходился онъ повѣренно, но всегда содержалъ себя въ нѣкоторомъ удаленіи. Сей порядокъ умѣлъ онъ прикрывать наилучшимъ покрываломъ, обходясь съ незнакомыми и посторонними людьми съ необыкновенною ласкою и униженностью, и потому съ перваго вида казался всякому, ангеломъ а не че-

ловѣкомъ. Но противное тому оказывалось, когда доходило кому имѣть съ нимъ дѣло ближе, или кто по несчастію попадался ему въ команду. Однимъ словомъ, для вышеупомянутыхъ причинъ, не имѣлъ онъ въ свѣтѣ ни одного не только вѣрнаго друга, но ниже хорошаго пріятеля, и тому единственно самъ былъ причиною. Ибо, какъ онъ и съ наилучшими пріятелями и родственниками своими обходился всегда съ лукавствомъ и никогда не доходило до откровенности и дружеской повѣренности, и онъ набобѣ не то говаривалъ, что думалъ; то и они, не могли получить и найти въ немъ то, что въ обхожденіи и дружествѣ пріятельнѣмъ почитается, мало по малу отъ него отставали. — Симъ образомъ обходился онъ и съ покойнымъ моимъ родителемъ, и они хотя и были между собою пріатели, но пріятство ихъ далеко было удалено отъ прямого дружества. Почему не знаю и я, помогъ ли бы онъ мнѣ, еслибъ я ѣхалъ мое къ нему прибѣжище.

Такимъ образомъ принялъ онъ меня, съ оказаніемъ возможнѣйшей наружной ласки и разспрашивалъ о причинѣ моего въ Петербургъ приѣзда. Я рассказалъ ему все, и въ какихъ обстоятельствахъ находилось тогда мое дѣло, и ожидалъ, не назовется ли онъ самъ съѣздить къ г. Яковлеву, и о скорѣйшемъ поспѣшествованіи моему дѣлу употребить просьбу, хотя мнѣ въ томъ и не было уже нужды. Однако онъ далеко отъ того удаленъ былъ, но паче боясь, чтобъ я его о томъ просить не сталъ, старался рѣчь свою скорѣе преклонить на другую матерію. Онъ велѣлъ послать къ себѣ своего сына, который нѣсколькими годами былъ меня моложе и учился тогда по-нѣмецки и по-французски и былъ предорогой мальчикъ. Онъ заставилъ его пріимѣ мнѣ говорить съ слугою и сотоварищемъ своимъ въ наукахъ, по имени Маркезомъ, по-нѣмецки, и я признаюсь, что я пристыженъ былъ тогда чрезвычайнымъ образомъ. Я видѣлъ, что онъ говорилъ гораздо лучше меня и завидовалъ ему въ семъ совершенствѣ.

Потомъ приказалъ онъ водить мимо своей ставки взводы обучающихся солдатъ и показывалъ мнѣ, власно какъ величаясь исправностію оныхъ. Совсѣмъ тѣмъ показались мнѣ офицеры паче мертвыми нежели живыми, ибо они, видя своихъ солдатъ мимо его, трепетали такъ сказать его взгляда. Тогда подумалъ я самъ въ себѣ, сколь великая разность находилась между его полкомъ и нашимъ, гдѣ о такихъ строгостяхъ никто не вѣдалъ и гдѣ полковника своего всѣ любили, и не страшились какъ лютаго звѣря, а потому и не желалъ я быть въ полку у него, несмотря хотя былъ онъ мой недалекій родственникъ и хотябъ меня къ тому приглашать сталъ. Но по счастью у него того и на умѣ не было, но онъ просилъ только меня при отходѣ, чтобъ я не уѣзжалъ изъ Петербурга, не побывавши у него еще разъ.

Наконецъ приѣхалъ графъ изъ Сарсваго-Села и рѣшилъ нашу судьбину. Радость, которую я чувствовалъ при переимѣнѣ моего состоянія, была тѣмъ чувствительнѣе и больше, чѣмъ нечаяннѣе получилъ я оную. Однимъ днемъ, не зная ни мало о воспослѣдовавшемъ еще наканунѣ того дня приѣздѣ графскомъ и пришедъ очень рано на дворъ къ г. Яковлеву, не успѣлъ войти въ канцелярію. Какъ бросились въ меня канцелярскіе служители и начали щипать и сдирать съ облаговъ моихъ позументы. Я выразимѣлъ уже что сіе значить, и будучи вдругъ пораженъ неописанною радостію, съ охотою уступалъ имъ сіи лыки. Они поздравляли меня съ полученіемъ чина, и сказывали, что Михайло Александровичъ, еще вчера, какъ-скоро графъ приѣхалъ, возилъ къ нему наше произвожденіе и графъ безпрекословно подписалъ оное, и что, словомъ, я теперь не сержантъ, а господинъ подпоручикъ.

Вотъ сколь велико усердіе къ намъ было г. Яковлева, и сколь много старался онъ о скорѣйшемъ окончаніи нашего дѣла. Мы, собравшись всѣ, пошли тотчасъ къ нему приносить наше благодареніе, и признательность моя была такъ

велика, что если бы я не был так слаб, то раз-
каивался бы я у себя тогда все руки и
ноги. Они вытерлись такъ съ вы-
чищенъ мною офицерскихъ и тинери-
ныхъ вещей глубина скарлатъ, что они
благодарить выжили мною: и пока, ибо
если бы не для меня они вытерлись, то
бы мне долго еще жаль путешествовать бы-
ло, а мною и моею было бы отказать
а имъ скарлатъ съ крайне право-
удно, чтобы я жаль и жаль себя пере-
дочью и заслуживалъ бы собою такъ же
честь и доброе имя, какъ отецъ мой.

Такимъ образомъ выдался я былъ
въ офицеры и кинувшее вестяе не-
правильно было наисковерженнейшимъ об-
разомъ, ибо велѣно было сдать имъ и
старшинство мое и считаться кнѣзь съ
прочими съ апрѣля 25-го числа, чрезъ
что и не потерялъ я ничего предъ про-
чими моими полковыми соотечественниками.
Совсѣмъ такъ, радость и удовольствие
мое нарушено и тревожено было еще
однимъ обстоятельствомъ. Всѣхъ насъ
произвели, но по мѣстамъ еще не рас-
предѣлили. Къ несчастію, всѣ полки на-
шей дивизіи въ послѣднее произвожденіе
укомплектованы были офицерами и мѣсть
порожнихъ было очень мало, почему ку-
да насъ дѣвать и опредѣлить не знали.
Къ вѣщей моей досадѣ, въ нашемъ Ар-
хангелогородскомъ полку не было ни од-
ной подпоручичьей вакансіи и сіе меня
наиболѣе смущало, ибо въ другой полкъ
мнѣ невѣдомо какъ не хотѣлось. Сверхъ
того и въ другихъ полкахъ было только
нѣсколько адъютантскихъ вакансій, а сей-
чнь меня уже самъ собою устрашать
былъ въ состояніи. Я говорилъ о томъ
коя съ кѣмъ въ канцеляріи, но всѣ увѣ-
рили меня, что пособить тому никакимъ
образомъ было не можно, и что остается
мнѣ только два средства, либо идти въ
другой полкъ въ адъютанты, или ежели
хочу неотмѣнно въ свой, то служить
нѣсколько времени сверхъ комплекта и
безъ жалованья, да и сіе развѣ только
по моей просьбѣ г. Яковлевъ сдѣлать
можетъ. Обрадовался я сіе услышавъ, и
желая неотмѣнно въ свой, не тужилъ о

жалованьи и началъ немедленно раз-
сказывать о томъ моему начальнику. Он
былъ и тогда уже не сомнѣвался (съ и
дѣлительство и слова не скарлатъ) съ
сѣбѣ, но одобрялъ какъ мое пред-
положеніе, такъ и въ самомъ полку
былъ велѣно велѣть говорить въ правдѣ
моей исполнить, чтобы при томъ, что
мнѣ не долго безъ жалованья послужить
достается, и что я при первомъ случаѣ
въ командѣ возвращенъ буду, и что сіе
о себѣ не переживать нестарается.

Такимъ образомъ опредѣлено я былъ
въ свой полкъ сверхъ комплекта и чрезъ
нѣсколько дней получалъ совершенно
свое отпущеніе. Радость о томъ благо-
получномъ успѣхѣ и окончаніи мѣсть
воинъ нагрѣній была нечужда, и
новый мой чинъ предѣлялъ меня до без-
конечности. Призвался надлежитъ, что
первая сія степень для насъ особливо
важности, человекъ тогда класно какъ
переродится, и получаетъ совсѣмъ новое
существо: а точно то было тогда и со
мною. Мнѣ казалось, что я совсѣмъ тог-
да иной сдѣлался, и я не могъ на себя и на
золотой свой гонимъ и на офицерахъ ма-
лицу довольно насмотрѣться, въ особенности
же смѣшенъ я тогда былъ, какъ пошелъ про-
щаться съ моимъ дѣдомъ. Не успѣлъ я
притти къ лагерю, какъ первый часо-
вой, увидѣвъ меня, тотчасъ мнѣ, какъ
офицеру, ружьемъ своимъ честь отдалъ.
Я восхищенъ былъ до безконечности симъ
зрѣлищемъ и былъ учтивствомъ его тѣмъ
болѣе доволенъ, что досадовалъ до того
на гвардейскихъ часовыхъ, мимо кото-
рыхъ мнѣ идти случилось, что они мнѣ
честь не отдавали. Я не зналъ, что у нихъ
сега нѣтъ въ обыкновеніи, а принимавъ
то единой ихъ грубости и неучтив-
ству, говорилъ тогда самъ себѣ: «скоты
вы самые и конечно слѣпы, что не ви-
дите что офицеръ идетъ». Но армейскіе
солдаты за то наблюдали лучше свою
должность, и я такъ много тѣмъ прощаль-
ся, что нарочно пошелъ до станки пол-
ковничьей передъ фрунтомъ, чтобы во
ротные часовые также бы мои почтили
и для лучшаго побужденія вытанавли-

валъ нарочно свой темлякъ, чтобъ они видѣли и знали, что я офицеръ и человекъ патентованный.

Распрошавшись съ своимъ дѣдомъ, который о благополучіи моемъ оказывалъ всякую наружную радость, а потомъ съ господиномъ Яковлевымъ, и принесъ сему послѣднему за всѣ его милости тысячу благодареній, отправился я наконецъ въ походъ іюля мѣсяца изъ Петербурга къ полку своему, благословляя сей столичный городъ за все добро, полученное въ ономъ.

Легко можно всякому вообразить, что сіе обратное путешествіе было для меня еще несравненно веселѣе и пріятнѣе нежели прежде. Духъ мой не озабочиванъ уже тогда былъ сомнѣніемъ не удручаемъ печалью, но вмѣсто оной всѣми чувствами моими обладала радость и удовольствіе. Погода случилась и въ сей разъ весьма благопріятная и какъ мы не имѣли причины слишкомъ поспѣшать, то ѣхали мы себѣ въ прохвалъ, становились кормить лошадей и ночевать въ любимыхъ мѣстахъ на лугахъ и при водахъ, а приѣхавъ въ Нарву запаслись на дорогу тамошнею славною просольною ряпухою, которая рыба въ-особливости была вкусна жареная на угольяхъ. Я обѣдалъ оною на каждомъ ночлегѣ и она была мнѣ тѣмъ вкуснѣе, что я самъ поджаривалъ ее на раскладываемыхъ нами огонькахъ и угольяхъ. Наивысшее же удовольствіе производили мнѣ въ семъ путешествіи обѣ мои новыя книги. Я изобразить не могу, съ какою жадностью и крайнимъ удовольствіемъ читалъ я дорогою моего». Жил-блаза». Такоговаго рода критическихъ и сатирическихъ веселыхъ книгъ не случалось мнѣ читать еще отъ-роду, и я не могъ устать читая сію книгу и въ нѣсколько дней всю ее промолоть. По окончаніи оной припался я за свою «Аргениду». Сія производила мнѣ не меньшее удовольствіе. Пѣлтической и героической слога, каковымъ писана была сія книга, былъ мнѣ въ-особливости милъ и пріятенъ, а описываемыя приключенія край-

не любопытны и увеселительны. Я читалъ также и ее не выпуская почти изъ рукъ, и могу сказать, что чтеніе сихъ обѣихъ книгъ такъ занимало мое вниманіе, что я въ сей разъ и не видалъ почти тѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ мы ѣхали, и все путешествіе мое дѣлало толь пріятнымъ и веселымъ, что я не помню, чтобъ когда-нибудь въ иное время пре-проводжалъ путешествіе съ столь многими удовольствіемъ, какъ тогдашнее. Словомъ, я и не видалъ, какъ переѣхали мы все не малое разстояніе отъ Петербурга до Ревеля и до Рогервика, куда мы чрезъ нѣсколько дней благополучно приѣхали.

Симъ образомъ кончилась поѣздка моя въ Петербургъ, предпріятая хотя на удачу и безъ всякой надежды, но имѣвшая успѣхъ невозможнѣйшій. Сей успѣхъ по истинѣ превзошелъ все мое чаяніе со ожиданіемъ, и всѣ вышеупомянутыя происшествія подтвердили истину той пословицы, что «когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ». Сіе сбылось дѣйствительно тогда со мною, и я не могъ довольно возблагодарить за то моего безконечнаго Создателя.

Симъ оковчу я мое теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ начну разсказывать вамъ о томъ, какъ я началъ жить офицеромъ; а между тѣмъ остаюсь и пр.

РОГЕРВИКЪ.

Письмо 30-е.

Любезный пріятель! Ну, теперь начну я вамъ описывать настоящую мою службу, ибо до сего времени была она еще ни то ни сѣ, и я жилъ при полку совершеннымъ волонтеромъ и не несъ никакой должности; однако и тутъ не тотчасъ она началась, какъ я къ полку приѣхалъ, но я все-таки имѣлъ нѣсколько времени для отдохновенія.

По возвращеніи моемъ въ Рогервикъ къ полку нашему, нашелъ я зятя моего отъ болѣзни своей почти исцѣлившагося. Онъ приѣздомъ и успѣхомъ ѣзды моей

чрезвычайно былъ обрадованъ, а не мѣнѣе того оказывали радость и прочіе господа офицеры, а особливо благопріятствующіе мнѣ и живущіе въ дружбѣ съ моимъ зятемъ. Всѣ поздравляли меня съ моимъ благополучіемъ, приходя нарочно за тѣмъ къ моему зятю, что подало поводъ къ многократнымъ попойкамъ и угощеніямъ, приличнымъ сему случаю. Одинъ только господинъ Колеминъ стыдился тогда смотрѣть на меня и всѣ офицеры поднимали его почти въявъ на смѣхъ.

Самъ старичокъ нашъ, полковникъ, былъ весьма радъ, что удалось мнѣ получить желаемое. Онъ поздравлялъ меня отъ искренняго сердца, какъ я къ нему явился, и желая и съ своей стороны оказать мнѣ какое-нибудь благодѣяніе и въ уваженіе, что я опредѣленъ былъ сверхъ комплекта и принужденъ былъ жить безъ жалованья, не велѣлъ меня до времени посылать ни на карауль, ни въ команды, а дозволилъ жить по прежнему съ моимъ зятемъ, въ чемъ никто не имѣлъ на меня претензій. Итакъ, хотя меня и причислили въ первую десятъ роту, однако я не несъ до самаго окончанія того лѣта никакой должности, но жилъ вмѣстѣ съ зятемъ моимъ, въ построенной имъ между тѣмъ для себя изрядной горенкѣ, совершеннымъ волонтеромъ, не ходя никогда на карауль, равно какъ и въ бываемые строи и полковые ученья, но которыя, впрочемъ, тогда почти всѣ уже миновались, и я засталъ только одинъ инспекторскій смотръ, бывшій полку нашему.

Живучи въ такой праздности, имѣлъ я довольно свободнаго времени ходить къ прочимъ товарищамъ своимъ офицерамъ и сводить съ ними тѣснѣйшую дружбу и знакомство. Всѣ они меня, и какъ старые, такъ и молодые, отменно въ короткое время полюбили, и всѣми ими былъ я совершенно доволенъ. Самъ майоръ нашъ, господинъ Колеминъ, старался оказывать мнѣ всякую ласку и благопріятство, не то угрызаемъ будучи совѣстію и стараясь тѣмъ загладить прежній свой противъ меня проступокъ, не то вида, что я, не

памятуя зла, оказывалъ къ нему всегда достоюжное почтеніе. Самыя привезенныя мною книги помогли мнѣ приобрести отъ нѣкоторыхъ охотниковъ до чтенія особенное благопріятство. Они во все достальное лѣто принуждены были переходить изъ рукъ въ руки, и всѣ читавшіе ихъ не могли довольно ихъ расхвалить и меня возблагодарить за то, что я привезъ къ нимъ такое пріятное упражненіе.

Впрочемъ, не помню я ничего особеннаго, что-бы со мною въ достальную часть сего лѣта случилось, кромѣ одного досаднаго случая съ моимъ дяцкою и лучшимъ слугою. Онъ раздосадовалъ меня такъ, что, наконецъ, я съ нимъ обранился и принужденъ былъ поднять на него свои руки. Причиною и поводомъ къ тому было слѣдующее: уже за нѣсколько времени примѣтилъ я, что сей мой прежній «гофмейстеръ» бывалъ уже слишкомъ-часто пьянымъ. Во время пребыванія моего въ Петербургѣ досаждалъ онъ мнѣ въ особенности симъ проклятымъ своимъ порокомъ, но совѣмъ тѣмъ не могъ я понимать, откуда онъ бралъ деньги и на какіе избытки пилъ. Когда же по приѣздѣ своемъ къ полку продолжалъ онъ ремесло сіе еще больше прежняго, то сіе подало поводъ къ тому, что я сталъ присматривать за нимъ прилежнѣе, и открылъ за нимъ такое дѣло, какого я никогда отъ него не ожидалъ. Однажды встрянувшись его и пошедши самъ его отыскивать, нашелъ я молодца въ людской палаткѣ спящаго и мертво пьяна. Изъ досады и любопытства восхотѣлось мнѣ тогда его обыскать и посмотреть, сколько было у него въ карманахъ денегъ. Но въ какое удивленіе пришелъ я, когда, обыскивая карманы, вмѣсто денегъ нашелъ въ нихъ ключъ, и ключъ точно такой, какой имѣлъ я отъ своей шкапулки. Вздурился я тогда и закричалъ: «А-а! вотъ гдѣ деньги-то ажно берутся!» Я побѣжалъ тотчасъ къ своей шкапулкѣ и примѣривъ ключъ, нашелъ, что онъ еще лучше моего оную отмыкаетъ. Тогда не трудно было мнѣ заключить и удосто-

вѣрится въ томъ, что деньги на пропой тасканы были изъ моей шкатулки, и открытіе таковой непростительной шалости было мнѣ тѣмъ досаднѣе, чѣмъ меньше я того надѣялся, ибо могу сказать, что я почиталъ его вѣрнѣйшимъ у себя человѣкомъ, любилъ его болѣе всѣхъ прочихъ и во всемъ ему вѣрилъ. Но къ чему не можетъ человѣка довести проклятое пьянство! Совсѣмъ тѣмъ преступленіе сіе казалось мнѣ непростительнымъ, а особливо въ такое время, когда въ деньгахъ самому мнѣ была нужда, и взятая изъ дома казна начала гораздо уже истощаться.

Не могу довольно изобразить, въ какое смятеніе привелъ я сего бездѣльника, когда, давъ ему проспаться, показалъ ему найденный ключъ, и спросилъ, что бы это значило, и не знаетъ ли онъ сей вещи? Нечего ему было тогда уже говорить и дѣлать. Онъ не отважился заператься, но упавъ къ ногамъ моимъ, признался во всей своей винѣ, сказывая, что ключъ сей прибралъ онъ въ Петербургѣ и что не однажды уже посѣщалъ мою шкатулку. Итакъ, впервые и въ послѣдніе побранились мы тогда съ симъ человѣкомъ, и я, наказавъ его по достоинству, предпринялъ не только быть впредь гораздо уже отъ него осторожнѣе, но поелнику въ исправленіи его имѣлъ я весьма худую надежду, то положилъ при первомъ случаѣ его отъ себя отдалить и сослать въ деревню.

Препроводивъ достальную часть лѣта въ семь лагерѣ и по приближеніи осени получили мы повелѣніе, чтобъ полку нашему расположиться по винтеръ-квартирамъ. Оныя ассигнованы намъ были въ эстляндскихъ деревняхъ, неподалеку отъ Рогервика, и какъ квартирамъ, каковы бы онѣ ни были, обыкновенно всѣ бывають рады, то ни мало не медля полкъ туда и выступилъ.

Обстоятельство сіе подало поводъ къ великой перемѣнѣ и въ моихъ обстоятельствахъ. До того времени жилъ я, какъ выше упомянуто, вмѣстѣ съ моимъ зятемъ, что было и можно, потому что онъ имѣлъ горницу въ самомъ лагерѣ; но тогда зятю

моему надлежало ѣхать уже вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ, и стоять неподалеку отъ полковника, а ротѣ нашей итти совсѣмъ въ иную сторону и въ такихъ мѣстахъ расположиться по квартирамъ, которыя отдалены были отъ штаба не менѣе 80 верстъ; то мнѣ, какъ офицеру долженствующему уже помышлять о дѣйствительной службѣ, неприлично уже было ѣхать и по прежнему жить вмѣстѣ съ зятемъ, но я принужденъ былъ наконецъ съ нимъ разстаться, и отправиться съ ротою жить самимъ собою. Перемѣна сія была мнѣ хотя весьма чувствительна, но какъ перемѣнить того было не можно, то принужденъ я былъ повиноваться времени и случаю, и быть тѣмъ довольнымъ.

Такимъ образомъ, распрощавшись, пошли мы по разнымъ дорогамъ. Роты нашей командиромъ былъ тогда поручикъ князь Мышецкій, самый тотъ, о которомъ я упоминалъ уже прежде сего. Сей человѣкъ полюбилъ меня отменно предъ прочими и для самаго того и опредѣлили меня въ его роту. Пришедши на квартиры, нашли мы ихъ не въ весьма хорошемъ состояніи. Самому ротному командиру отведенъ былъ самый бѣдный и пустой подмызокъ, а мнѣ приходилось стоять не иначе какъ въ рею чухонскомъ. Сіи реи составляютъ у тамошняго бѣднѣйшаго и гнуснѣйшаго въ свѣтѣ народа, вкупѣ и избы ихъ и овины. Они и живутъ въ нихъ, и сушатъ свой хлѣбъ и кормятъ свою скотину, а что того еще хуже, изъ тѣхъ же корытъ, изъ которыхъ сами ѣдятъ свою пудру или мѣсиво. Къ нашему безпокойству, нѣтъ въ нихъ ни единого окошка, ни единого стола и ни единой лавки, но дневной свѣтъ принужденъ проходить сквозь нерастворяющуюся, а задвигающуюся широкую, но низкую дверь, и освѣщать сію тюрьму, стоя во весь день настезь; самая печь сдѣлана у нихъ не по-людскому, но въ одномъ противъ дверей углѣ въ вырытой ямѣ. Я ужаснулся, какъ увидѣлъ отведенную себѣ квартиру и не понимая, какъ мнѣ въ такой тюрьмѣ и пропасти жить и препроводать цѣлую зиму. Но по счастью

избавился я отъ сего безпокойства: князь, узнавъ сіе, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допустить, чтобъ я стоялъ въ оной, но просилъ меня стать жить съ нимъ вмѣстѣ, на что я съ великою радостью и согласился.

Такимъ образомъ, нажилъ я себѣ новаго компаніона или товарища, и мы расположились въ квартирѣ своей порядочно. Князь уступилъ мнѣ маленькую каморку, гдѣ я имѣлъ свой столъ и окошко, а самъ опредѣлилъ для себя переднюю и большую горницу; третья-жъ и холодная коморочка составляла общую нашу кладовую, а чрезъ сѣни въ другой половинѣ были наши люди и ротная канцелярія.

Стояніе наше въ семь мѣстѣ было хорошо и худо. Въ теплѣ и въ свѣтѣ недостатка мы не имѣли, напротивъ того, въ потребной для насъ провизіи и въ сѣстныхъ припасахъ претерпѣвали иногда оскудѣніе, ибо по бѣдности и суровости тамошнихъ крестьянъ не можно было ничего доставать купить у нихъ ни за какія деньги, а отъ всѣхъ городовъ находились мы въ далекомъ разстояніи.

Самое сіе и побудило меня спѣшить отправленіемъ челоуѣка въ свою деревню для привоза ко мнѣ денегъ и всякой сѣстной провизіи или запаса, ибо прежній и бывший со мною уже весь изошелъ, и какъ сей случай былъ нанудобнѣйшій для житія съ рукъ прежняго моего дядьки, то и отправилъ я его немедленно домой, снабдивъ письмами, содержавшими въ себѣ между прочимъ и судьбу сего челоуѣка; ибо какъ онъ за воровство свое казался мнѣ недовольно еще наказаннымъ, а пить никакъ не переставалъ, но и послѣ того времени, несмотря на всѣ заклинанія, нѣсколько разъ бывалъ пьянымъ, то писалъ я къ прикащику своему, чтобъ его уже ко мнѣ назадъ не посылать, а употребить во всю домашнюю работу на раду съ прочими дворовыми людьми, а ко мнѣ прислать уже другого челоуѣка. Симъ образомъ принужденъ я былъ наказатъ сего изшавшагося челоуѣка; но, признаюсь, что при

подписываніи сего письма, смущала меня нѣсколько совѣсть. Я вспомнилъ всю прежнюю его службу и обо мнѣ въ малолѣтствѣ попеченіе, и мнѣ казалось, что я наказываю его уже слишкомъ строго. Но по счастью, того и не совершилось, что я объ немъ писалъ и приказывалъ, ибо дядя мой, къ которому я также о томъ писалъ, разсудилъ употребить сего челоуѣка на лучшее и полезнѣйшее для меня дѣло, нежели паханіе земли и мольбу хлѣба. Онъ отправилъ его въ Москву и велѣлъ по вотчинной коллегіи хлопотать и справить за меня все мое недвижимое имѣніе и деревни, что онъ, проживъ тамъ цѣлое лѣто, и исправилъ и тѣмъ довольно заслужилъ вину свою. Но какъ бы то ни было, но бѣдникъ сей, котораго судьба не допустила меня болѣе съ того времени видѣть, не зная ничего, что объ немъ было писано, поѣхалъ домой съ превеликою радостью и благодарилъ еще меня за увольненіе отъ себя, ибо онъ надѣялся, что жить будетъ дома въ покоѣ и освобожденъ будетъ отъ всякой работы.

Что касается до препровожденія нашего времени, то было оно не гораздо весело. Въ такихъ пустыхъ и скучныхъ мѣстахъ увеселеніе находить было трудно или совсѣмъ не можно; одинъ только товарищъ мой прогонялъ скуку мою своимъ веселымъ и шутливымъ нравомъ. Но наконецъ и къ тому я привыкъ, и шутки его сдѣлались мнѣ столько же нечувствительны, сколько прежде были для меня забавны и увеселительны. Я сдѣлался въ короткое время къ нимъ совсѣмъ равнодушенъ. Сверхъ того, сотоварищъ мой имѣлъ въ нѣкоторомъ случаѣ и характеръ особенный и не само выгодный. Онъ подверженъ былъ нѣкоторымъ порокамъ, и наглавнѣйшій изъ нихъ состоялъ въ томъ, что любилъ онъ слишкомъ водку. А какъ сего добра въ Эстляндіи много и вездѣ купить достать можно, то и не переваживалась она у него никогда и стояла обыкновенно въ шкафѣ или въ бутылкѣ подъ кроватью его и подъ головами. Сперва, не зная

сего за нимъ порока удивился я, сидячи въ своей коморѣ, и то и дѣло слыша «бурь, бурь, бурь»; я не зналъ, что бы это значило, но наконецъ увидѣлъ, что онъ лежучи на постели, то и дѣло поспѣвалъ свою водку. Частое, хотя и не всегдашнее, повтореніе сей привычки дѣлало его совсѣмъ развращеннымъ, и онъ тогда болѣе скученъ, нежели веселъ былъ. Кромѣ сего подверженъ онъ былъ чрезвычайной лѣни, которая простиралась даже до того, что иногда по цѣлой недѣлѣ онъ не умывался и не чесалъ себѣ голову, а чтобъ не одѣвшись и безъ самага исподняго платья цѣлый день въ одномъ тулупѣ проходить или большую часть онаго провалиться на постелѣ, это за нимъ очень часто важнялось. Совсѣмъ тѣмъ и на всѣ сн пороки не смотря, былъ онъ самый честный, разумный, предобрый и въ обхожденіи своемъ пріятный, ласковый и любительный человѣкъ, а за то и любимъ онъ былъ генерально всѣмъ полкомъ.

Таковъ-то былъ мой товарищъ, съ которымъ опредѣлено мнѣ было жить цѣлую зиму. Признаюсь, что сначала онъ мнѣ скоро наскучилъ. Однако къ чему не можно привыкнуть? Я привыкъ и онъ сдѣлался мнѣ не только спосенъ, но какъ онъ мнѣ ничего худого не дѣлалъ, а напротивъ того оказывалъ всякую ласку и благопріятство, то могу сказать, что я былъ еще имъ и его дружествомъ доволенъ и не имѣлъ причины на сообщество съ нимъ жаловаться.

Вскорѣ послѣ нашего приѣзда почли мы себѣ за долгъ побывать у нашего мызника или господина, кому принадлежала наша деревнишка, и стараться, буде можно, свести съ нимъ знакомство, и чрезъ то получить случай къ выѣзду и къ лучшему препровожденію времени. Но какъ мы наши его знатнымъ эстляндскимъ дворяниномъ, живущимъ въ огромномъ каменномъ замкѣ и надутымъ гордостью, то скоро лишились надежды, и побывавъ у него однажды, не имѣли охоты въ другой разъ къ нему ѣхать. Итакъ, единственный выѣздъ нашъ былъ къ господину Д***,

нашему секундъ-майору, самому тому, о которомъ упоминалъ я уже прежде сего, и который по счастью имѣлъ тогда квартиру свою верстъ за пятнадцать отъ насъ, такъ что намъ къ нему верѣдко ѣздить было можно. Но и того лишились мы спустя нѣсколько времени, ибо онъ, къ сожалѣнію моему, переведенъ былъ изъ нашего полку въ другой и отъ насъ уѣхалъ. Кромѣ же его, по несчастію нашему, никому изъ офицеровъ близко насъ стоять тогда не случилось.

Но какъ выѣзды и къ самому сему майору не слишкомъ были часты, то праздная офицерская жизнь въ полкахъ, а особливо въ зимнее время, всего болѣе мнѣ наскучила. Я съ самага ребячества, а особливо живучи въ деревнѣ, сдѣлалъ привычку не сидѣть никогда безъ дѣла, но во всякое время въ чемъ нибудь упражняться, а тутъ дѣлать мнѣ совсѣмъ было нечего и оттого чувствовалъ я болѣе скуки. Наконецъ, для прогнанія оной вздумалъ я учиться что-нибудь переводить, и для того выпросилъ у г. Д*** нѣмецкій Гибнеровъ географическій и газетный словарь, и сталъ переводить изъ него лучшенія любопытнѣйшія статьи. Сіе упражненіе помогло мнѣ много прогнать мою скуку. Я собралъ ихъ цѣлую книжку, и сія книжка была первымъ плодомъ трудовъ моихъ, но, къ сожалѣнію, пропала она у меня послѣ съ другими книгами.

Нѣсколько недѣль спустя, послѣ нашего приѣзда, принужденъ я былъ переходить тотъ порогъ, который переступаютъ почти всѣ молодые люди тогдашняго моего возраста, и верѣдко спотыкающаяся погибаютъ, а именно—слечъ и вытерпѣть жестокою горячку. Это было въ первый разъ на моей памяти, что я былъ боленъ, кромѣ обыкновенныхъ во время младенчества болѣзней. Болѣзнь моя продолжалась хотя не долго и не болѣе двухъ недѣль, но доводила меня до крайности. Однимъ словомъ, всѣ почти сумѣвались о моей жизни и не чаяли мнѣ выздоровѣть. При семъ-то случаѣ узналъ я доброе сердце моего товарища, который

однѣ былъ тогда и именъ императоръ и императрица. Ибо въ нѣдѣлю за вса-рель воссиялъ бѣло не только что далося, но за рѣками, тогда только заверзеть начинали. Бѣло и не вѣдало, а сверху и зати вѣсто при волку тогда не было, онъ отпросился на самое короткое время въ свою деревню и былъ тогда дома: нѣдѣлю, все воеводство обо мнѣ нѣдѣлю тогда одинъ мой товарищъ. Онъ и подлинно хотѣлъ тогда за нѣмю какъ за родиницу своихъ братьевъ, не отлучался ни на минуту отъ меня и не оказывалъ никакой отъ того скуки и неудовольствія. Самая вода его стояла во все сіе время вода кроватью съ покоемъ и безъ всякаго къ ней прикосновенія. Единое только смѣшное обстоятельство было ему крайне досадно, а именно: во время болѣзни моей вспомнилъ мнѣ какъ-то медовый квасъ, какой пивалъ я въ рядахъ, въ Петербургѣ, и какъ въ горячкѣ у больныхъ бывалъ иногда странныя приходы, то захотѣлось и мнѣ оваго. Но гдѣ было взять въ чухвахъ меду? Товарищъ мой съ ногъ сбѣлъ солдатъ и лошадей, послала всюду искать оваго, но нигдѣ не находили и ни за какія деньги не можно было достать ни одного золотника оваго, толь велика была пустота сихъ мѣстъ и мизерность тамошнихъ жителей; въ города же посылать было тогда за распутицею не можно, да и очень далеко. Товарищъ мой въ то время, когда я занемогъ, по случаю, что у насъ весь на ту пору изомель чай, съ величайшею нуждою досталъ и оваго нѣсколько золотниковъ, и за нимъ принужденъ онъ былъ посылать верстъ за сорокъ, къ пріятелю нашему, господину Головачеву, и посланные чуть-было не перетопили. Совсѣмъ тѣмъ не давалъ я ему ни на минуту покою: онъ «давай мнѣ меду», да и только всего! Долго онъ отъ меня кое-какъ отдѣлывался, но наконецъ не зная уже что дѣлать. По счастью, скоро я потомъ сталъ выздоравливать и избавилъ его отъ своей доуки. Крѣпость натуры и молодость моя преодолѣли болѣзнь, или паче сказать, Богу не угодно было лишить меня жизни.

Кромѣ себѣ нѣдѣлю я еще друтъ и того страннѣйшаго прихода. Какъ мнѣ уже вѣстнаго вполетѣла, то приди во мнѣ грезливой азвѣститъ къ волкѣ. Мнѣ нечеловѣкъ, что она нѣдѣлю въ себѣ воеводѣ пріятности, и каковыя-де какъ офицеры въ походѣ нѣдѣлю ее къ погребамъ, возбуждало меня жалеть и требовать сего вѣстнаго: однако какъ же я уже въ семь случаевъ не поощривалъ и наотрѣзъ отказывалъ.

Не успѣлъ я отъ болѣзни своей свободиться, какъ получилъ радостное извѣстіе, что вѣковецъ, сдѣлался въ полку нашемъ какаксія и меня въ комплектъ причислили. Мнѣ сіе тѣмъ было пріятнѣе, что безъ жалованья жить мнѣ уже и гораздо скучилось. Денежекъ не было у меня давно уже ни подушки, и я въ ожиданіи прихода изъ деревни пробавлялся уже кое-какъ, занимая и живучи почти совсѣмъ на коштѣ моего товарища.

Симъ окончу я сіе письмо, и остаюсь и прочее.

ВЪ РОГЕРВИНЬ.

Письмо 31-е.

Любезный пріятель! Теперь начну я вамъ разсказывать дѣйствительную уже мою офицерскую службу, ибо не прошло послѣ того времени, какъ причислили меня въ комплектъ, одной недѣли, какъ полку нашему досталось итти въ Рогервинь на караулъ, и я командированъ былъ вмѣстѣ съ прочими офицерами, и долженъ былъ служить первую службу. Такимъ образомъ, отправились мы стеречь и караулить каторжннхъ, и принуждены были тамъ промучиться съ цѣлымъ почти мѣсяцъ. По счастью, досталось мнѣ при всемъ караулѣ править адъютантскую должность, которая была хотя и довольно трудна, однако выгоднѣе всѣхъ прочихъ. По крайней мѣрѣ не былъ и принужденъ водить каторжннхъ всякій день на мюлю, и зябнуть тамъ подъ дождемъ, снѣгомъ и вѣтромъ, ибо тогда осень была наиглубочайшая и время самое дурное

но жилъ все въ теплѣ и въ караулнѣ на гауптвахтѣ. Къ вящему удовольствію моему случился тутъ командиромъ у меня быть другого полку капитанъ, человекъ весьма хорошій, ласковый и дружелюбный. Мы тотчасъ съ нимъ познакомились и онъ меня полюбилъ чрезвычайно, и никакъ того допустить не хотѣлъ, чтобъ мнѣ готовили особое кушанье, но я неотмѣнно долженъ былъ пить и ѣсть съ нимъ вмѣстѣ и довольствоваться его коштомъ, что по тогдашнему моему оскудѣнію въ деньгахъ было мнѣ и не противно. Звали его Кирилою Алексѣевичемъ Колюбакинымъ, и я ласки и дружбу его никогда не позабуду.

Два только обстоятельства мнѣ досаждали и сначала меня весьма беспокоивали. Первое было то, что я долженъ былъ въ каждое утро и въ каждый вечеръ ходить въ острогъ и во всѣхъ казармахъ перекликать по списку всѣхъ ваторжныхъ поимянно. Сіе составляло въ самомъ дѣлѣ комиссію весьма скучную и я долго не могъ къ сему привыкнуть, но наконецъ и сіе мнѣ сдѣлалось сносно. Я затвердилъ ихъ списки почти наизусть и любовался еще согласіемъ ихъ странныхъ именъ, оканчивающихся по большей части на «енко» какъ напримѣръ: Ванко, Терещенко, Осипъ Григоренко, и такъ дагѣ. Другое обстоятельство было то, что сіи злодѣи стравили-было меня вшами. Не успѣло нѣсколько дней пройти, какъ проявилось на мнѣ такое множество вшей, что все платье мое наполнено было ими, такъ что они мнѣ покоя уже не давали. «Господи помилуй! говорю я, откуда такая пропастъ взялась? никогда со мною этакой бѣды не бывало?»—Терплю я день, терплю другой, терплю и третій, но наконецъ не стало уже мочи болѣе, количество вшей на мнѣ не только не уменьшалось, но со всякимъ днемъ увеличивалось еще болѣе.—Что за диковинка! говорю я и бранюсь на слугу своего, что не можетъ онъ однажды хорошенько всѣхъ ихъ выбрать и перебить. «Что, сударь! отвѣтствовалъ онъ мнѣ, я и самъ не надеюсь вшамъ этимъ. Кажется выбе-

решь все платье чисто на-чисто, а на завтра опять столькожъ, и дьяволъ ихъ знаетъ откуда они берутся». Снимъ образомъ не знали-бъ мы долго что съ ними дѣлать, еслибъ не избавилъ насъ отъ сего зла одинъ тутошній житель, пришедшій по случаю къ намъ въ караульню. Онъ, увидѣвъ насъ суетящихся о семь дѣлѣ и недоумѣвающихъ, захохоталъ и сказалъ мнѣ: «Э, баринъ! вы конечно еще не знаете, откуда эти вши берутся? Это, сударь, валь каторжные подрадѣли!»—«Какъ каторжные?» спросилъ я, удивившись, сего человека. «Вы конечно, отвѣтствовалъ онъ, отъ нихъ не остерегаетесь въ то время, какъ вы ихъ перекликаете и стоите подъ ихъ койками?»—«Ну! что жъ?» спросилъ я еще больше удивившись,—я конечно стою подъ ихъ койками, ибо весь потолокъ ими въ казармахъ увѣшанъ. — «Ну, сударь! такъ оттуда-то они ихъ на васъ и спускаютъ». —Что ты говоришь? не правдули? «Конечно такъ, и это у нихъ давнишнее обыкновеніе», сказалъ онъ.—Ахъ проклятые, закричалъ я: дамъ же имъ за это хорошую баню!—«Нѣтъ, сударь, отвѣтствовалъ мнѣ онъ, а извольте ходить перекликать лучше въ епанчѣ и съ шляпою съ распущенными полями, а то все вы отъ нихъ не избавитесь; въ шляпѣ же и синей епанчѣ скорѣй можно выбрать». Обрадовался я чрезвычайно, узнавъ сіе бездѣльничество и поблагодаривъ сего человека за совѣтъ: въ тотъ же день, употребивъ болѣе осторожности, поймалъ одного бездѣльника, мечущаго на меня вши, и велѣлъ дать ему за то слишкомъ болѣе ста ударовъ, ибо бить ихъ состояло въ моей власти. Послѣ жъ того не только сталъ ходить въ казармы ихъ въ епанчѣ и шляпою съ распущенными полями, но и становиться для переклички ихъ въ такое мѣсто, гдѣбъ надо мною не было вислицихъ ихъ постелей и коекъ, и чрезъ самое то отъ сего зла избавился.

Впрочемъ, какъ мы пробыли тутъ цѣлый почти мѣсяцъ, то имѣлъ я случай узнать Рогервикъ въ подробности. Онъ составлялъ въ мою бытность изрядное мѣстечко, имѣющее въ себѣ нѣсколько сотъ

домовъ и одну церковь. По большей части жили въ немъ промышленники, ставящіе каторжнымъ потребные къ содержанію ихъ принасы. Званіе свое получилъ онъ отъ острова Рогера, лежащаго на морѣ противъ самаго сего мѣста, а Викомъ называется тотъ уѣздъ или берегъ, гдѣ оный былъ построенъ. Построенію онаго и содержанію каторжныхъ въ семь мѣстѣ было извѣстное и великое намѣреніе императора Петра - Великаго, чтобъ построить тутъ гавань, а современемъ на островѣ Рогерѣ городъ. И подлинно, еслибъ намѣреніе сіе могло-бъ совершиться, то была бы тутъ гавань, не имѣющая себѣ почти подобной. Но жаль, что непреоборимыя препятствія дѣлали тому помѣшательство, и не подавали надежды, чтобъ когда-нибудь могла она быть сдѣлана. Работа каторжныхъ состояла въ ломаніи въ тутошнемъ каменистомъ берегѣ камней, въ ношеніи ихъ на море и киданіи въ воду, дабы сдѣлать отъ берега до острова каменную широкую плотину, которую они называли «мулею». Но сего-то самаго сдѣлать было и не можно, ибо какъ скоро отъ берега поудалились, то пришла не только превеликая и болѣе нежели на 30 сажень простирающаяся глубина, но и дно морское было такъ гладко и каменисто, что не можно было никакъ утвердить основанія. Не успѣетъ подняться большая буря, какъ въ одинъ часъ разрушить и снесетъ все то, что дѣтъ въ пять вакидано было. Уже были опускаемы тарасы и дѣланы разныя другія выдумки, но ничто не помогало, но все остановилось въ одной порѣ. Совсѣмъ тѣмъ сдѣлано было уже тогда сей «мулею» болѣе двухъсотъ сажень.

Каторжныхъ водили на работу окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непрерывнымъ рядомъ солдатъ съ заряженными ружьями. А чтобъ они во время работы не ушли, то изъ того же камня сдѣлана при началѣ мули маленькая, но не отдѣланная еще крѣпостца, въ которую впустивъ разставиваются кругомъ повалу очень часто часовые, а въ нужныхъ мѣстахъ бекеты и команды. И сіи-то бѣд-

ные люди мучатся еще болѣе нежели каторжные. Тѣ покрайней мѣрѣ работая во время стужи тѣмъ грѣются, а сіи должны стоять на вѣтрѣ, дождѣ, свѣгѣ и морозѣ, безъ всякой защиты и однимъ своимъ плащомъ прикрыты быть, а сверхъ того ежеминутно опасаться, чтобъ не ушолъ кто изъ злодѣевъ.

Собственное жилище ихъ построено въ самомъ мѣстечкѣ и состоитъ въ превеликомъ и толстомъ острогѣ, посреди котораго построена превеликая и огромная связь, раздѣленная внутри на разныя казармы или свѣтлицы. Сіи набиты были полныими злодѣями, которыхъ въ мою бытность было около тысячи; нѣкоторые жили внизу на парахъ нижнихъ или верхнихъ, но большая часть спала на привѣшенныхъ къ потолку койкахъ. Честное или злодѣйское сіе собраніе состоитъ изъ людей всякаго рода, званія и чина. Были тутъ знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякаго рода подлость, почему нѣтъ такого художества и ремесла, котораго бы тутъ наилучшихъ мастеровъ не было и которое бы не отправлялось. Большая часть изъ нихъ руководящими своими пытаются и наживаютъ великія деньги, а не мѣнѣе того наживались и богателись опредѣленные къ нимъ командиры. Впрочемъ, кромѣ русскихъ были тутъ люди и другихъ народовъ, были французы, нѣмцы, татары, черемисы и тому подобныя. Тѣ, которые имѣли болѣе достатка, пользовались и тутъ нѣкоторыми множайшими предъ другими выгодами: они имѣли на парахъ собственные свои отгородки и изрядныя коморочки, и по благосклонности командировъ не хаживали никогда на работу. Видѣлъ я тутъ также и славнаго Андреюшку, который нѣкогда подъ именемъ «Христа» игралъ въ Москвѣ странную ролю и вскружилъ у многихъ господъ совершенно ихъ голову; мужиченка пакостной и ни къ чему годный и ему вмѣстѣ съ апостолами его доставались всего чаще отъ солдатъ толчки и побои. Всѣ безъ изыятія они закованы въ кандалахъ, по примѣру прочихъ, и мно

гіе имѣютъ довѣнья и тройныя желѣза, для безопасности чтобъ не могли уйтить съ работы.

Смотрѣніе и караулъ за ними бываетъ нанстрожайшій, но инако съ сими злодѣями и обойтиса не можно. Выдумки, хитрости и пронырства ихъ такъ велики, что на всѣ строгости несмотря находятъ они средства уходить какъ изъ острога, такъ и во время работы и чрезъ то приводятъ караульныхъ въ несчастіе. Почему стояніе тутъ на караулѣ соединено съ чрезвычайною опасностію, и рѣдкій мѣсяцъ проходитъ безъ проказы. Однако мы свой мѣсяцъ отстояли благополучно и ничего худого не воспослѣдовало.

Но я уже отяготилъ васъ, любезный пріятель, повѣствованіемъ о сихъ злодѣяхъ, изъ которыхъ каждый сосланъ сюда вѣрно не за пустое, а за великія злодѣянія, и теперь время уже рассказать вамъ что-нибудь повеселѣе и смѣшное.

Возвращаясь въ свои квартиры, имѣлъ я себѣ полутчика и въ дорогѣ товарища, а именно самаго того г. Колюбакина, съ которымъ мы стояли вмѣстѣ въ караулѣ, ибо какъ ему въ полкъ свой мимо самой почти нашей квартиры ѣхать надлежало, то согласились мы ѣхать вмѣстѣ. Подѣзжая къ нашей квартирѣ вздумалось намъ съ нимъ порѣзвиться и съ княземъ моимъ сыграть небольшую комедію. Князя моего онъ столькожъ коротко знаетъ, сколько и я, и почиталъ его себѣ хорошимъ пріятелемъ. Долго мы думали, чѣмъ бы надъ нимъ подшутить, и наконецъ рѣшились написать фальшивый отъ полку въ нашу роту приказъ и онымъ нарядить его въ команду, вѣдая что сіе наиболѣе его вздурить и тронетъ. Не успѣли мы вздумать, какъ тотчасъ сіе и сдѣлали. Мы остановились въ послѣдней кормчѣ и сочинили сообща приказъ, предписавъ князю нанстрожайшимъ образомъ въ ономъ, чтобъ онъ по полученіи неотмѣнно чрезъ часъ изъ квартиры выѣхалъ и явился-бъ въ штабъ для отправления его въ команду, о которой по прибытіи объявится. Наступившая ночь поспѣшествовала нашему умыслу: мы послали къ нему приказъ

сей съ незнакомымъ ему солдатомъ и нанстроивъ онаго что ему дѣлать и говорить, велѣли, подавъ, подтвердить приказаніе, сами-жъ слѣдовали за нимъ и пришедши пѣшкомъ стали смотрѣть всѣ происхожденія, сквозь окошко. Князь лежалъ тогда растянувшись на постелѣ и находился въ спокойнѣйшемъ состояніи, какъ вошелъ къ нему солдатъ и приказъ подалъ. Не успѣлъ онъ его прочесть, какъ началась наша комедія: ни съ другого слова, вскоча, матерномъ онъ и полковника и всю полковую канцелярію.—Это было первое явленіе. Потомъ подскочилъ онъ къ солдату, взялъ его за шиворотокъ и закричалъ: «Да не съ ума ли они всѣ тамъ сошли? давно-ль я былъ въ командѣ?» — «Я сударь не знаю, отвѣтствовалъ солдатъ, но мнѣ что велѣно, то я и донесъ.» — «Донесъ! подхвати! князь,—такъ поди-жъ ты назадъ и скажи имъ всѣмъ, и полковнику-та и адъютанту: Съ ума-де вы спятили всѣ!—вотъ-де что князь велѣлъ вамъ сказать.—Не ѣду я;—боленья! Вотъ какая бѣда! поѣзжай имъ въ правду черезъ часъ, а куда — нелегкая знаетъ! — «Мнѣ велѣно, ваше благородіе, сказалъ тогда солдатъ, вамъ доложить, чтобъ вы ни подѣ какимъ видомъ не отговаривались». — «О такой сажой! завопилъ тогда князь, и бросившись опять на солдата затопалъ ногами: Еще и ты сталъ мнѣ досажать. Поди! слышишь-ли и скажи что я тебѣ велѣлъ и плюнь имъ въ глаза. Сказавъ сіе вытолкалъ онъ его вонъ. Мы со смѣху надсѣдались все сіе вида и слыша и на силу могли утерпѣть, чтобъ не захохотать во все горло. Князь, прогнавъ солдата, началъ опять читать приказъ и вновь бранить и проклинать и полковника и канцелярію и всѣ команды въ свѣтѣ, потомъ сталъ онъ шагать взадъ и впередъ по горницѣ и самъ съ собою говорить: «Ну! что ты изволишь? какъ не поѣдешь? какъ сдѣлаешь ослушаніе? и чѣмъ отговориться? Но о! чтобъ вамъ всѣ черти на шею, проклятые! — Изволь, поѣзжай у нихъ ночью и ломай себѣ голову.» Мы велѣли тогда опять войтить солдату и спросить, чтожъ приказать изволить. Не успѣлъ

онъ войтить, какъ князь оиать на него оборвался и говоря ему: «Да водижь ты, проклятый, отъ меня прочь», толкалъ оиать его въ двери, потомъ кричалъ слугѣ и велѣлъ лошадей готовить. Въ самое сие время вошли мы какъ бы тогда только съ дороги и будто не зная ничего, спрашивали, что онъ такъ сердитъ и что за бумагу въ рукахъ держитъ. «Да какъ, братцы, не сердиться, отъвѣчалъ онъ въ превеличайшей будучи досадѣ: въ послѣдней командѣ былъ я, а теперь, нелегкая ихъ поберетъ, оиать посылають. Поѣду! разругаю! разбраню и полковника и весь причетъ его». Тогда не могли мы болѣе утерпѣть, но захохотали во все горло и тѣмъ комедію сію кончили. Князь догадался, что это мы его обманули, и обрадовавшись началъ самъ хохотать вмѣстѣ съ нами, хвали и браня насъ за нашу выдумку.

Нѣсколько дней послѣ того сдѣлалась было у меня съ княземъ другая шутка, которая на шутку худо походила, а именно, я чуть-было на повалъ не застрѣлилъ моего товарища. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ: однажды сказали мнѣ, что на дворѣ сидятъ у насъ великое множество воронъ и галокъ. По молодости моей, захотѣлось мнѣ выстрѣлить по нимъ изъ ружья и застрѣлить нѣсколькихъ, хотя не было мнѣ въ нихъ ни малѣйшей нужды. Ружье у насъ стояло всегда въ горницѣ, въ углу подлѣ дверей, для подобныхъ сему случаевъ. Итакъ, схватилъ я его и сталъ смотрѣть, заряжено ли оно или нѣтъ, а увидѣвъ, что было оно не заряжено, кричалъ чтобъ скорѣе сыскали порохъ и дробь, а самъ между тѣмъ выбѣжалъ на дворъ, чтобъ посмотрѣть на птицъ и примѣтить, гдѣ онѣ сидѣли. Князь мой лежалъ тогда растянувшись на постели; но не усилъ я вытти, какъ вскочивъ съ оной и сыскавъ порохъ и дробь, зарядилъ того момента ружье превеликимъ зарядомъ и поставивъ по прежнему въ уголъ, легъ оиать на постелю. Я всего того, будучи на дворѣ, не зналъ, и не видалъ, и истому пошелъ въ горницу и увидѣвъ ружье на прежнемъ мѣстѣ, а и кня-

зь по прежнему лежащаго на кровати, ни мало не сомнѣвался, что оно еще не заряжено; а потому ни съ другого слова схватилъ ружье, хотѣлъ посмотрѣть, есть ли въ кремнѣ огонь, и какъ я за минуту до того вскрывалъ только полку, да и въ дуло ружья дулъ, то и не умнѣ было раскрыть вторично полку, но я взвѣда-таки курока, для узнавнн хорошъ ли въ кремнѣ огонь, спустилъ его благополучно. На ту бѣду не догадалось ружье и оскннуться, но выпалило изряднымъ образомъ, и, что всего хуже, въ самого князя.

Какой ужасъ меня тогда поразилъ, того изобразить я не въ состоянн; довольно я оцѣпенѣлъ и не вспомнилъ самъ себя, а особливо увидя князя съ превеликимъ воплемъ съ кровати вскочившаго и не меньше моего испугавшагося. Дробь, отскочивъ отъ стѣны, прыгала тогда по полу и я не понималъ, какъ все это сдѣлалось, ибо зналъ, что ружье было не заряжено. Долго не могли мы промолвить ни единого слова, наконецъ князь мой захохоталъ во все горло и сказалъ: «Тѣфу какой! застрѣлилъ-было меня чистехонько». Тогда онамятовался я и обрадовался песказанно, что вреда ему никакого не сдѣлалось. Дробн нѣкоторая часть въ него хотя и попала, но по счастью не трафила ни одна дробинка въ лицо и руки, а только въ тулупъ, и потому оный не прошибла; большая же часть пролетѣла на вершокъ выше его и попала въ стѣну. Радуюсь невѣдомо какъ, что избавился отъ такого нечаяннаго несчастія и бѣды, не вѣрилъ долго я его увѣреніямъ, что онъ не раневъ, а наконецъ благодарили мы оба Бога и дивились нечаянности сего случая. Онъ сказывалъ мнѣ, что онъ ружье безъ меня зарядилъ, а я не понималъ, какъ могъ онъ такъ скоро успѣть, ибо отсутствіе мое и двухъ минутъ не продолжалось; однимъ словомъ, мы оба были виноваты. Я—тѣмъ, что не посмотрѣлъ на полку, онъ—тѣмъ, что мнѣ не сказалъ; а съ другой стороны оба и правы: я—тѣмъ, что вѣрно зналъ что ружье не заряжено, и потому не имѣлъ причины ничего опа-

саться, а онъ тѣмъ, — что мнѣ сказать не имѣлъ времени, ибо все сіе окончилось меньше, нежели въ одну минуту. Ктому жъ, хотя и видѣлъ онъ, что я ружье держу прямо на него дуломъ, и около замка шишляю, но ему думалось, что я оправляю кремьнь или полку; совсѣмъ тѣмъ, бѣда была отъ меня очень недалека, и самъ Богъ похотѣлъ меня отъ нея помиловать и избавить, ибо надобно знать, что разстояніе между мною и княземъ было только чрезъ горницу и очень недалече. Итакъ, еслибъ ружье было на палець ниже наклонено, то бы попало ему всѣмъ зарядомъ прямо въ лицо и совсѣмъ бы его изуродовало или бы еще до смерти убило, въ которыхъ случаяхъ весьма изрядно бы заплатилъ я ему за его обо мнѣ во время болѣзни моей дружеское попеченіе. Съ того времени полно мнѣ стрѣлять по воронамъ, я оставилъ сію охоту другимъ, и приключеніе сіе не могло долго у меня изъ головы вытти, хотя и кончилось единымъ смѣхомъ.

Вскорѣ послѣ того отшутилъ и онъ мнѣ сію шутку, но только не такимъ, а смѣшнымъ образомъ, и напугалъ меня на-смерть. Я уже выше упоминалъ, что онъ охотникъ былъ до излишней рюмки водки, однако сіе съ нимъ не всегда равно было, но пристрастіе сіе дѣйствовало иногда болѣе, а иногда менѣе. Однимъ словомъ, онъ пивалъ болѣе запоетъ, и когда случится сіе, то уже нѣсколько дней сряду бывалъ онъ мнѣ худымъ и скучнымъ компаніономъ. Таковое несчастіе случилось со мною нѣсколько дней послѣ упомянутаго происшествія. Принесло къ намъ нѣсколько человѣкъ гостей изъ стоящихъ ближе прочихъ къ намъ знакомыхъ офицеровъ, и какъ въ полкахъ за лучшее препровожденіе времени считается брать почаще и носить кругомъ рюмки, то были они князю моему добрые товарищи. Однимъ словомъ, въ оба тѣ дни, которые они у насъ пробыли, не помнили они, дни ли были или ночи, и гуляли такъ хорошо, какъ лучше требовать не можно. Наконецъ, къ великому удовольствію моему, уѣхали они,

однако скука моя чрезъ то неокончилась. Князь былъ тѣмъ еще недоволенъ, но получивъ поводъ продолжалъ и безъ нихъ одинъ потягивать, и сіе продолжалось до того, покуда показались ему въ глазахъ мальчички. Тогда повѣрилъ я тому, что человѣкъ дѣйствительно до сей крайности допиться можетъ. Но сіе удосто-вѣреніе стоило мнѣ дорого, потому что я на-смерть перетрусился и перепугался. На третій или на четвертый день случилось мнѣ войти въ его горницу, гдѣ онъ одинъ пьяный расхаживалъ. Но каково было мое удивленіе, какъ онъ вдругъ тогда закричалъ: «Вонъ они! вонъ они!» и того момента вскоча со стула, на который было присѣлъ, бросился въ уголь къ печи. Остановилъ я его, и съ удивленіемъ спрашивалъ, что это такое и кого онъ видитъ? Но онъ, въ отвѣтъ мнѣ, рвался только у меня изъ рукъ и указывая рукою за печь, кричалъ безпрестанно: «Вонъ они!... экъ ихъ сколько!.. вотъ уже я васъ!.. Чего вамъ хочется!..» Тогда оцѣнилъ я сіе услышавъ и, будучи съ нимъ одинъ, не зналъ, что начать и дѣлать. Мужичина былъ онъ хотя тонкій, но превеликій и сильный, и будучи притомъ нѣсколько кость, имѣлъ и въ добрую пору лицо не весьма пріятное, а тогда, сдѣлавшись отъ пьянства совсѣмъ развращеннымъ, казался еще гораздо страшнѣйшимъ. Не трудно мнѣ было заключить, что онъ выпилъ съ ума и что ему кажутся въ глазахъ мальчички и черти, о конкхъ я слышалъ прежде, да и отъ самого его, что сіе съ нимъ уже не впервые, а случалось и прежде. Но какъ бы то ни было, но на меня напалъ тогда страхъ и чрезвычайная робость: я боялся потъ него итти и принять остаться. Я силлся его держать сколько мнѣ можно было, но какъ, наконецъ, силы мои ослабѣли, и я не могъ уже никакъ съ нимъ сладить, онъ же безпрестанно рвался, кричалъ, говорилъ негѣпую, указывалъ, грозилъ, скрежеталъ зубами, а притомъ глаза и весь взоръ его сдѣлался дикъ и страшенъ, то началъ я кричать и звать людей на вспоможеніе

Но сихъ, къ несчастію, не случись тогда ни одного во всемъ домѣ нашемъ — всѣ они ушли убирать и поить лошадей, ибо сіе было почти уже въ сумерки. Но наконецъ приближали они, и тогда оставивъ я всѣ церемоніи, велѣлъ его силою положить на постель и лежать принудить. Онъ попротивился-было нѣсколько и началъ барахтаться; однако, какъ силы его были въ изнеможеніи, то не трудно было намъ съ нимъ сладить. Однако всю почти ночь принуждены мы были его караулить, и я всю ее не могъ заснуть крѣпко ни на минуту, ибо мнѣ то и казалось, что онъ опять вскочитъ и либо надъ собою, либо надъ нами что-нибудь худое сдѣлаетъ.

Но по счастью, не было отъ него никакого болѣе безпорядка. Сонъ овладѣлъ скорѣ послѣ того всѣми его чувствами, и онъ, заснувъ, проспалъ цѣлыя почти сутки, какъ убитый.

Между тѣмъ постарался я прибрать у него остальные всѣ напитки и замѣнугъ ихъ за свой ключъ. Князь, проспавшись, былъ въ наижалостнѣйшемъ состояніи. Не ѣвши и не спавши цѣлыя три сутки, сдѣлался онъ тавимъ развращеннымъ и столь ослабѣвшимъ, что я самъ надъ нимъ сжалился, и далъ ему нѣсколько вина, чтобъ онокмѣлиться. Онъ признавался въ своемъ безпорядкѣ, досадовалъ самъ на себя и на негодную свою привычку, и будучи притомъ добросовѣстнѣйшій человекъ, приносилъ мнѣ тысячу извиненій, и просилъ, чтобъ я впредь до такой крайности его не допускалъ, но отнималъ бы и уносилъ отъ него всѣ напитки, а буде бы сталъ онъ слишкомъ барабошить, то безъ дальнихъ околичностей велѣлъ бы его связать и положить насильно спать, увѣряя, что онъ за то не только не будетъ сердиться, но станетъ благодарить самъ. Однако я могу сказать, что намъ не доходила до того никогда надобность. Онъ самъ былъ съ того времени гораздо воздержнѣе и осторожнѣе, и я въ такомъ состояніи никогда уже болѣе его не видалъ.

Симъ кончу я сіе письмо, сказавъ, что

я, напоминая сіе, благодарю и понимѣю небеса, что они въ жизнь мою сохранили меня отъ сего порока. Между тѣмъ увѣривъ васъ въ моей дружбѣ, остаюсь и проч.

ЭНЦЕРЦИРОВАНИЕ.

Письмо 32-е.

Любезный пріятель! Нѣсколько дней спустя послѣ упомянутого въ послѣднемъ письмѣ страннаго происшествія съ княземъ, моимъ товарищемъ, получилъ я отъ полка повелѣніе, чтобъ я, принявъ команду, слѣдовалъ въ Ревель для принятія на полѣхъ провіанта. Сія была моя вторая служба, и какъ дѣло сіе было немудреное, то исправилъ я сію комиссію какъ должно, и ѣзда взадъ и впередъ въ Ревель сопряжена была тѣмъ съ меньшею скукою, что мнѣ самому въ Ревелѣ побывать была собственная нужда; ибо, кромѣ прочихъ покупокъ, надлежало мнѣ и порядочно еще обмундироваться, а деньги тогда у меня уже были, ибо я взялъ впередъ за цѣлую треть перваго государева жалованья.

Въ бытность мою въ Ревелѣ не случилось со мною ничего особливаго. Покуда команда моя принимала провіантъ, упражнялся я въ закупаніи для себя разныхъ вещей, заказалъ себѣ шить новый мундиръ и исправлялъ прочее, что было надобно. Въ сіе время, между прочимъ, не позабылъ я и о удовольствованіи своего пристрастія или, паче сказать, охоты и склонности къ книгамъ, которая часть отъ часу увеличивалась во мнѣ болѣе. Еще съ самаго приѣзда моего въ сей городъ не упустилъ я тотчасъ спросить, нѣтъ ли въ немъ книжной лавки, и какъ мнѣ сказали что есть, то при первомъ случаѣ полетѣлъ я какъ на крылахъ искать оной. И въ какой радости былъ я, увидѣвъ превеликую лавку, наполненную всю переплетенными книгами, но, къ сожалѣнію моему, не русскими, а все иностранными. Совсѣмъ тѣмъ жадность моя къ книгамъ была такъ велика, что я готовъ бы былъ всѣ ихъ закупить, ес-

любъ то было возможно. Но какъ казна моя была умѣренна, то удовольствовался я употребивъ на покупку книгъ не болѣе трехъ или четырехъ рублей. Книги, купленныя мною при семъ случаѣ, были нѣмецкія и состояли въ нѣсколькихъ романахъ, кромѣ одной, въ которой вмѣшались хиромантическая и другія подобныя тому любопытныя науки. Сію увидѣвъ, не хотѣлъ я ни подѣ какими видомъ съ нею разстаться и готовъ бы дать за нее чего бы лавочникъ съ меня ни потребовалъ, столь много и высоко почиталъ я тогда сію науку, и, купивъ ее, мнилъ, что я приобрѣлъ себѣ великое сокровище.

По возвращеніи на квартиру, первое мое дѣло было читать сію книгу и учиться по ней хиромантіи. Я такъ ее полюбилъ, что положилъ неотмѣнно перевести ее на русскій языкъ, что тогда же почти и началъ. Я трудился въ томъ почти всю достаточную часть зимы, и мнѣ было не скучно, потому что имѣлъ новое и пріятное препровожденіе времени. Каковъ былъ сей мой переводъ, того подлинно не могу теперь сказать, для того что нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, узнавъ пустоту и неосновательность сей науки, радъ я былъ, что одинъ пріятель почти неволею у меня его отнялъ, а помню только то, что книжка сія была изрядная, наполненная множествомъ рукъ и другихъ рисунковъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, окончился 1755 годъ, въ началѣ же послѣдующаго обрадованъ я былъ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ въ полкъ моего зятя. Онъ привезъ вмѣстѣ съ собою и сестру мою, что наиболѣе и было причиною моей радости. Я поѣхалъ тотчасъ къ нимъ, и свиданіе съ сестрою не прошло у насъ безъ слезъ. Она поздравляла меня офицеромъ и радовалась моему благополучію. Съ того времени ѣзжалъ я къ нимъ перѣдко и живалъ у нихъ иногда по недѣлѣ и больше. Они стояли также на небольшомъ подмызкѣ, лежащемъ неподалеку отъ большой мызы Ало, въ которой стоялъ тогда нашъ штабъ и пол-

ковникъ, и хотя мѣсто сіе отъ квартиры моей было недалеко и мнѣ всякій разъ верстѣ болѣе 80 переѣзжать надлежало, но какъ сестра меня любила чрезвычайно и я былъ у нея всегда наипрїятнѣйшимъ гостемъ, то путешествія сіи не были мнѣ никогда скучны, и я ѣзжалъ въ сей путь всегда съ удовольствіемъ. Сверхъ того имѣлъ я въ дорогѣ и особенное упражненіе, которое сокращало мнѣ путь и вкупѣ меня много увеселяло, какъ упоминаю я о томъ вскорѣ.

Нѣкогда въ бытность мою слѣлъ образомъ у зятя, имѣлъ я особенное и чрезвычайное удовольствіе видѣть гокус-покусное или фиглярное искусство. Не видавъ никогда до сего времени сего мастерства, не могъ я оному довольно насмотрѣться; оно показалось мнѣ очень чудно и непонятно, а любопытство мое узнать, какъ сіе дѣлается, было такъ велико, что не давало мнѣ покоя до тѣхъ поръ, покуда я не нашелъ средства не только узнать, но и самъ оному выучиться. Одинъ унтеръ-офицеръ полка нашего, бывшій тогда въ командѣ у моего зятя, веселилъ насъ показываніемъ сихъ хитростей. Онъ научился тому, не знаю по какому-то случаю, у одного жида и весьма долго не соглашался никакъ открыть мнѣ всѣ свои тайности, сколько я ни убѣждалъ его о томъ моими просьбами. Однако, наконецъ, какъ обѣщалъ я ему постараться доставить ему сержантскій чинъ, то удовольствовалъ онъ мое желаніе. Не могу изобразить, какое удовольствіе имѣлъ я тогда, какъ увидѣлъ и узналъ, что всѣ мнѣя мною непостижимости составляли сущія бездѣяныицы и зависѣли единственно отъ нѣкотораго проворства рукъ и отъ фальшивыхъ инструментовъ, такъ всему тому и научиться не великаго труда стоило. Я и въ самомъ дѣлѣ въ самое короткое время все перенялъ и былъ тѣмъ такъ доволенъ, что о исполненіи обѣщанія своего всячески началъ стараться и, при вспоможеніи зятя моего, дѣйствительно упросилъ полковника, чтобъ бѣдняка сего пожаловать въ сержанты, котораго чи-

на онъ поведеніемъ и исправностью своей былъ и достоинъ. Такимъ образомъ отъ самой бездѣлицы сдѣлался онъ счастливъ.

Въ благодарность за сіе, сдѣлалъ онъ мнѣ еще одну и, по тогдашнему времени, весьма пріятную для меня услугу. Имѣлъ онъ у себя списокъ съ трагедіи «Хорева». Сію трагедію зналъ онъ всю наизусть, и не знаю по какому случаю, умѣлъ такъ хорошо ее декламировать, какъ лучшій актёръ. Таковыми декламированіями нѣкоторыхъ мѣстъ изъ оной увеселялъ онъ нерѣдко и зятя, и сестру мою, и меня. Мнѣ все сіе было въ диковинну, и какъ я никогда еще театральныхъ представленій не видывалъ, то мнѣ сіе полюбілось такъ, что захотѣлось самому выучиться прокрививать стихи и такимъ же образомъ съ жестами дѣлать декламациі. Я сталъ просить у него трагедію сію списать, но онъ такъ былъ учтивъ, что оную мнѣ подарилъ, а сверхъ того узнавъ, для чего она мнѣ была нужна, поучилъ нѣсколько и декламированію, и всѣмъ тѣмъ удовольствовалъ меня чрезвычайно. Трагедія сія навела на меня множество хлопотъ, ибо какъ мнѣ она полюбілась до безконечности, то захотѣлось мнѣ ее такимъ же образомъ выучить наизусть для декламированія, и въ семь-то тверженіи оной упражнялся я обыкновенно дорогою въ переѣздахъ моихъ изъ квартиры до сестры моей и оттуда обратно.

Кромѣ сихъ обоихъ происшествій, памятно мнѣ еще третье, и довольно смѣшное, случившееся съ зятемъ моимъ во время такового же пребыванія моего однажды у него. Были мы съ нимъ въ одинъ день ввечеру одни дома, ибо сестра моя ѣздила съ другою офицерскою женою куда-то въ гости и еще не бывала обратно. Я ушелъ отъ зятя въ другую половину его хоромецъ, которая была чрезъ сѣни, и, по обыкновенію своему занимался съ вышеупомянутымъ сержантомъ, учась у него декламировать и прочему, а зять мой сидѣлъ одинъ въ большой своей комнатѣ, въ тулупѣ и колпакѣ за столомъ, и наклонившись, нѣчто

мастерилъ и дѣлалъ, ибо и онъ любилъ также всегда въ чемъ-нибудь упражняться. Двѣ свѣчи стояли предъ нимъ, и тогда вдругъ видитъ онъ нѣчто странное и необыкновенное. Въ комнатѣ у него начало мало-по-малу свѣтлѣе становиться. Сперва было ему сіе не гораздо чувствительно, но какъ чрезъ минуту свѣтъ сей увеличился даже до того, что въ горниці его такъ свѣтло сдѣлалось, какъ-бы отъ пяти или отъ шести свѣчъ, то удивился онъ сей чрезвычайности и не зналъ, что бы это значило. Онъ глядитъ въ ту, глядитъ въ другую, глядитъ въ третью сторону, глядитъ впередъ и назадъ и вокругъ себя, но ничего не видитъ. «Господи помилуй!» говоритъ онъ самъ себѣ и крестится: «что это за диковинка!» Робость и нѣкоторый родъ ужаса нападаетъ на него. Онъ вскакиваетъ съ своего мѣста, осматривается вокругъ, еще разъ глядитъ по всѣмъ угламъ и на потолокъ горницы, не горитъ ли гдѣ чего, но ничего не видитъ, а свѣтъ увеличивается еще больше, и что того удивительнѣе—разливается власяно какъ отъ него самого. Чудится онъ сему и не постигаетъ. Въ торонахъ бѣжитъ къ дверямъ своей спальни, которая была въ комнатѣ, смотрѣть, нѣтъ ли тамъ чего, но видитъ, что тамъ и свѣчи нѣтъ и какъ ночь темно. Но какой ужасъ и удивленіе поражаетъ его, когда, переступивъ въ оную чрезъ порогъ, видитъ вдругъ и всю ее освѣщенную и освѣщенную отъ себя. Христость съ нами! крестясь обѣими руками говоритъ онъ:— «что это такое, ужъ не чудо ли со мною какое дѣлается? ужъ не явленіе ли какое? Куда ни пойду, отъ меня сіяетъ и свѣтитъ?» Не понимаетъ онъ сего и чудится, и робѣетъ. Наконецъ бѣжитъ къ сѣннымъ дверямъ, растворяетъ оныя, кличетъ меня по имени, кричитъ людей, зоветъ скорѣй къ себѣ и повторяетъ крикъ столь уразисто, что мы, бросивъ все, бѣжимъ къ нему въ горницу. Но какое удивленіе меня поразило, какъ я взглянулъ на него!—«Батюшка ты мой!» завопилъ я:—«что это такое съ тобою?»—

«Что, братецъ, въ снѣгъ я уже не шаго-
ответствуетъ мнѣ. — «Да что не шить!
вотъ я, у вѣсъ галера гореть», и бѣгу
къ мнѣ спертывать съ мнѣ, вѣшалъ съ
веревкой свѣтлѣйшимъ пламенемъ. Въ са-
мый тотъ моментъ затрещали у вѣсъ на
разной волнѣ. Ибо думалъ уже и до оныхъ
онъ хватаетъ себя за голову, обхватываетъ
руку, срываетъ колпакъ. Бросаетъ на
волнѣ и проклинаетъ: «Фу! какая
прелесть! Какъ это онъ, проклятый, не-
мня перестрашала, и какъ это не приди
мнѣ въ голову, что онъ горитъ!» — «Да
какъ, развѣ вы это не знали?» спросилъ
я съ удивленіемъ и затанцовала колпакъ
ногами. — «Что, братецъ! мнѣ и въ мысль
сего не пришло, а вижу только свѣтъ отъ
себя и удивляюсь: вообрази ли, братецъ,
воображалъ мнѣ, уже не чуло ли и не
явленіе ли какое со мною дѣлается. То-
то я вѣсъ и кланялъ!» Услышавъ сіе, по-
катился я со смѣху. Онъ самъ поспѣдо-
валъ мнѣ въ томъ же, и мы посмѣялись
и прохотали тому весь вечеръ. Прокля-
тая кисточка на колпакѣ, загорѣвшаяся
отъ свѣчи въ то время, какъ онъ сидѣлъ
нагнувшись, произвела весь сей пожаръ
и надѣлала намъ невѣдомо сколько смѣ-
ха. Сестра надиривалась отъ смѣха и хо-
дотала, какъ, приѣхавъ, услышала о сей
проказѣ и не могла надивиться, какъ не
могъ онъ догадаться по дыму и запаху,
но случившійся на ту пору у зятя пре-
жестоній насморкъ, для котораго онъ и
въ гости не поѣхалъ, былъ тому при-
чиною.

Но я, рассказывая вамъ сіи мелочи,
удалился уже отъ нити моего повѣство-
ванія. Теперь, возвращаясь къ оному,
скажу, что въ началѣ сего года имѣлъ я
и другое удовольствіе. Люди приѣхали
ко мнѣ изъ деревни и привезли ко мнѣ
и запаса и денегъ довольно количество,
которымъ послѣднимъ наиболѣе я былъ
радъ, потому что претерпѣвалъ въ нихъ
давно уже опять недостатокъ. Въмѣсто
дядьки моего оставилъ я у себя тогда
другого челонѣка, по имени Ермака, от-
ца нынѣшняго моего садонника Бабая,
но который не многимъ чѣмъ лучше былъ

прежеле. Ибо въ несчастіи. Былъ такой
же дядька, какъ тотъ, а галера рудо-
копиль саваннѣкъ.

Съ приближеніемъ весны и наступле-
ніемъ великаго вѣтра, получили мы себѣ
новое упражненіе. Загорѣвшаяся уже
около сего времени въ Европѣ слепая
сендѣтская война возбуждала и мнѣ думу,
для всякаго непредвидѣннаго случая, ве-
лѣть увеличивать всю армию и всѣ
полки рекрутками. Наборъ оныхъ про-
исходилъ съ великихъ воспитаніемъ внутри
государства, и около сего времени при-
гнати они были къ намъ. Мы получили
въ роту свою сикъ новыкъ и старыкъ
солдатъ болѣе сорока человекъ, и къ
надлежало къ въ вѣсѣ выучить всей
войной экзерциціи. Къ намъ поручилъ сію
комиссію мнѣ, котору я охотно на се-
бя и принялъ, ибо могу сказать, что до
всякаго рода войной экзерциціи былъ я
чрезвычайный охотникъ; къ тому же былъ
тогда и наивожделѣннѣйшій случай ока-
зать мнѣ въ томъ свою способность. Во
всей арміи перемѣнена была тогда вдругъ
вся экзерциція. Графъ Чернышевъ, быв-
шій тогда полковникомъ въ Санктпетер-
бургскомъ полку, выдумалъ сію новую и
прославилъ тѣмъ свой полкъ во всей
Россіи. Поелику экзерциція сія была
апробована императрицею, то къ намъ
во всѣ полки присланы были превеликія
печатныя диспозиціи или описанія какъ
экзерциціи, такъ и всѣмъ прочимъ ма-
неврамъ, и брати были со всѣхъ ротъ
въ штабъ нарочные для обученія фли-
гельманы.

Таковая новость была мнѣ чрезвы-
чайно пріятна. Я, прочтавъ сію диспо-
зицію нѣсколько разъ, понялъ ее совер-
шенно; но досадно мнѣ было то, что не
присланы были еще къ намъ планы ма-
неврамъ. Но какъ мнѣ чертить и рисо-
вать не учиться было стать, то старался
я уже самъ оныя по одному описанію
сдѣлать, и, начертивъ довольно изряд-
ныя, украсилъ я ихъ разноцвѣтными кар-
тушами. Симъ прославился я нѣсколько
въ полку своемъ: всякъ хотѣлъ ихъ ви-
дѣть и знать, какъ маневры должны про-

изводимы быть въ дѣйство, ибо многіе изъ одного описанія безъ плановъ разобратъ и понять никакъ были не въ состояніи.

Что касается до обученія солдатъ, то не однихъ рекрутовъ, но и всѣхъ старыхъ солдатъ должно было совсѣмъ вновь переучивать, ибо вся экзерциція была отъ прежней отъѣнная. Я прилагалъ о томъ неуспѣнное стараніе. Рота наша должна была еженедѣльно къ квартирѣ нашей собираться, и тутъ училъ я ее почти денно и ночью. По счастью, удалось мнѣ найти средство обучать ихъ безъ употребленія строгости и всякихъ побой. Я вперилъ въ каждого солдата охоту и желаніе скорѣе выучиться и искусствомъ своимъ превзойти своихъ товарищей. Однимъ словомъ, они учились играючи, и я, обходясь съ ними ласково и дружелюбно, раздѣляя самъ съ ними труды и уговариваніями своими довелъ ихъ до того, что они учились безъ роптанія, но охотно и сами старались о томъ, чтобъ скорѣе выучиться. Для скорѣйшаго достиженія до того, установили они сами между собою, не давая тому прежде обѣдать, кто не промечетъ безъ ошибки артикула. И для меня было весело смотрѣть, когда они, сваривъ себѣ кашу и поставивъ котелъ, не прежде за оный сажались, какъ ставъ напередъ кругомъ онаго и не прометавъ ружьемъ самопроизвольно всего артикула. Силь средствомъ обучилъ я всю свою роту въ самое короткое время и довольно совершенно. Солдаты были мною чрезвычайно довольны, ни одинъ изъ нихъ не могъ жадоваться, чтобъ онъ слишкомъ убитъ, или изувѣченъ былъ, ни одинъ изъ нихъ у меня не ушелъ, и не отправленъ былъ въ лазаретъ, или прямо на тотъ свѣтъ; напротивъ того, имѣлъ я то удовольствіе и награду за труды мои, что при выступленія въ лагерь получилъ отъ полковника публичную похвалу, ибо какъ онъ сталъ всѣ роты пересматривать и нашелъ, что наша рота была обучена всѣхъ прочихъ лучше, то былъ такъ тѣмъ доволенъ, что расхвалилъ насъ съ княземъ, отдалъ

во весь полкъ о томъ приказъ и велѣлъ всѣмъ прочимъ ротамъ брать нашу себѣ въ образецъ и столь же хорошо обучаться прилагать стараніе. Сіе было хотя прочимъ ротнымъ командирамъ не весьма пріятно, но они причиною тому были сами; нѣкоторые изъ нихъ, хотя не меньше нашего объ обученіи своихъ ротъ старались, но будучи уже слишкомъ строги, только что дрались, но тѣмъ не только что солдатъ съ пути сбивали, но многіхъ принудили бѣжать или итти за увѣчемъ въ лазаретъ. Другіе не разумѣли сами хорошенько сей новой экзерциціи, а потому не могли и объ обученіи солдатъ съ успѣхомъ стараться.

Но я возвращусь нѣсколько назадъ. Такимъ образомъ въ сихъ упражненіяхъ препроводили мы достаточную часть зимы и начало весны и имѣли довольно дѣла. Князь по возможности своей помогалъ мнѣ въ моихъ стараніяхъ, и я командиромъ симъ былъ крайне доволенъ. Онъ обходился со мною не такъ какъ съ подчиненнымъ, но какъ съ равнымъ себѣ товарищемъ или лучше сказать другомъ, и ничего безъ моего совѣта почти не дѣлалъ. Я самъ его любилъ и почиталъ, и старался во всемъ соответствовать его ко мнѣ дружбѣ и ласкамъ; словомъ, мы жили довольно спокойно и весело. Одна только святая педѣля была обоемъ намъ скучна, ибо какъ случилась она въ самый разрывъ воды, то за половодью и за рѣками не можно было не только въ штабъ, но и нигуда ѣхать, и мы принуждены были сидѣть дома и въ день пасхи сами отправлять заутреню и часы. Князь былъ у меня вмѣсто попа, а мы съ ротнымъ писаремъ отправляли дьячковскую должность, и по своему умѣнью распѣвали себѣ какъ надобно. По счастью, имѣли мы у себя канонъ пасхи, и это былъ одинъ только разъ въ моей жизни, что я въ сей великій и радостный праздникъ не былъ ни у заутрени, ни у обѣдни.

Вскорѣ послѣ того, какъ рѣки нѣсколько послили, писалъ ко мнѣ зять мой, что сестра моя отправляется въ деревню, и чтобъ я приѣхалъ съ нею проститься.

Желаніе видѣть въ послѣдній разъ сестру мою принудило меня, несмотря на всю распутицу, ѣхать въ штабъ. Но какъ тогда ни на саняхъ, ни на телегѣ ѣхать было не можно, то поѣхалъ я верхомъ, взявъ слугу съ собою. О ѣздѣ сей я для того упоминаю, что она едва-было не сдѣлалась мнѣ пагубна, и я во время оной находился въ смертельной опасности и чуть-было, не лишился жизни. Сіе случилось слѣдующимъ печальнымъ образомъ.

Бдучи туда, принужденъ я былъ переѣзжать болѣе шести рѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторыя довольно велики и быстры. Нѣкоторые переправлялся я на плоткахъ, а чрезъ нѣныя не иначе, какъ въ бродъ переѣзжать принуждено мнѣ было. Между сими находилась одна, которая была довольно и сажень до двадцати простирающейся ширины. Однако насъ увѣрили, что она не глубока, и что намъ въ бродъ переѣзжать ее можно было. Совсѣмъ тѣмъ послалъ я напередъ слугу своего провѣдать; но какъ она въ самомъ дѣлѣ нашлась неглубока и воды въ ней только по брюхо лошади было, то переѣхалъ я ее благополучно и доѣхалъ до сестры своей безъ всякаго препятствія. Препроводивъ у нея нѣсколько дней, распрощался я съ нею и поѣхалъ обратно на квартиру; и какъ дорога и рѣки были мнѣ уже знакомы, то и ѣхалъ я себѣ спокойно и безъ всякой опасности. Наконецъ, приѣхалъ я къ вышеупомянутой рѣкѣ и, ни мало не осмотрясь, пустился на лошади чрезъ оную. Но въ какой ужасъ я пришелъ, какъ, отѣхавъ нѣсколько сажень, увидѣлъ, что вода была гораздо быстрѣе противъ прежняго, да и весьма была глубже. Какъ въ первый разъ мы переѣзжали, то была она и въ самомъ глубокомъ мѣстѣ только лошади по брюхо, а въ сей разъ мы еще и до половины съ мелкой стороны не доѣхали, какъ стала она уже гораздо выше брюха, и мои ноги уже всѣ въ водѣ были, а лошадь едва могла итти и противиться быстрому стремительству воды. Обмеръ я тогда, испужался, и тогда только, а не прежде,

вздумали мы съ слугою своимъ догадаться, что вода въ рѣкѣ въ сіи дни весьма много прибывла, чего мы, въѣзжая въ нее, ни мало и не примѣтили. Но что было тогда уже дѣлать? Назадъ возвращаться было уже некогда. Мы переѣхали уже болѣе половины, и оставалось намъ сажень восемь только ѣхать. Стоять и размышлять за ужасною быстрою было также нѣкогда. Итакъ, думая, что по крайней мѣрѣ глубже уже не будетъ, какъ мы тогда были, положили ѣхать далѣе. Однако мы съ слугою своимъ очень изрядно обманулись. Вода прибывла безъ насъ болѣе полутора аршина, и потому не успѣли мы еще съ сажень отѣхать, какъ лошадь моя вдругъ оныла, и я окунулся почти весь въ воду. Тогда не вспомнилъ я самъ себя и, призывая всѣхъ святыхъ на помощь, понуждалъ только лошадь скорѣе плыть; но теченіе и быстрина къ сему берегу, гдѣ рѣки самое стремя находилось, было такъ велико, что моя лошадь не въ состояніи была оной противиться, и ее понесло тотчасъ къ низу. Легко можно вообразить, въ какомъ смертельномъ страхѣ я тогда находился. Я видѣлъ всю опасность тогдашняго случая и, отчаявшись жизни, поднялъ великій вопль. Но что могъ оный мнѣ помочь? Мѣсто сіе было самое пустое, и жилья близко никакого не было. слѣдовательно, и помочь некому. Я просилъ только помощи отъ слуги и безъ памяти кричалъ: «Ахъ, Яковъ! ахъ Яковушка, голубчикъ! Ахти! что дѣлать? Ахъ, смерть наша!» но моего Якова самого несло такимъ же образомъ за мною, и онъ самъ находился не въ меньшей опасности, и только мнѣ твердилъ, чтобъ я держался за холку и за гриву лошади крѣпче. Къ вѣщему несчастію видѣли мы, что и берега были въ томъ мѣстѣ, куда насъ несло, столь круты, что хотя бы приплыли мы и къ берегу, такъ въѣхать и пристать было бы не можно.

Долго мы симъ образомъ, отчаявшись въ жизни своей, плыли, и насъ несло внизъ болѣе ста сажень. Лошадь моя нѣсколько разъ принуждена была окунать-

ся, и я съ нею; но, по счастью, она была сильна и, протнвась сколько можно стремленію воды, старалась приливать къ берегу. Два раза приближались мы къ оному, но ни однажды не могла она за глубиною и крутизною берега выдраться, но принуждена была пускаться опять плыть внизъ по водѣ. Сіе пуще еще приводило насъ въ ужась, и я не знаю, что бы съ нами воспослѣдовало, еслибъ самъ Богъ не восхотѣлъ избавить насъ отъ смерти и потопленія, ибо, наконецъ, усмотрѣли мы небольшой кустарникъ на берегу и держались сколько можно, чтобъ намъ его не проплыть. По счастью, успѣлъ я за него ухватиться, и чрезъ самое то помогъ лошади утвердиться на ногахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по счастью, берегъ былъ положе другихъ мѣстъ, да и глубина не столь велика. Такимъ образомъ выдралась она кое-какъ на берегъ и вывезла меня съ собою, а за мною выѣхалъ наконецъ и слуга мой.

Снимъ образомъ освободившись отъ смертельной опасности, имѣли мы причину тогда радоваться и приносить Богу тысячу усерднѣйшихъ благодареній. Могу сказать, что радость при такихъ случаяхъ бываетъ столь велика, что ее изобразить не можно, и о величинѣ оной можетъ только тотъ прямо судить, кто самъ бывалъ въ подобныхъ сему опасныхъ обстоятельствахъ.

Не успѣли мы собраться съ духомъ, какъ началось у насъ туженіе о томъ, что мы всѣ обмокли и не осталось на насъ ни одной почти сухой нитки. Вода съ обонкъ насъ текла тогда ручьями; но по счастью, была тогда погода теплая и день красивый. Итакъ, надѣялись мы, что не озябнемъ до приѣзда до ближней корчмы, и стали поспѣшать къ оной. Но не все наше горе еще миновалось. Не успѣли мы нѣсколько отѣхать, какъ слуга мой вспомнилъ, что у насъ въ торокахъ былъ сахаръ. Сестра отпуская меня надавала мнѣ множество всякихъ вещей, и между прочимъ отпустила со мною цѣлую голову сахару. «И, баринъ! закричалъ тогда луга мой, вѣдь сахаръ-то у насъ небось

весьподмокъ». — «Небось что подмокъ, — отвѣчалъ я, посмотримъ-ка!» Какъ мыдумали, такъ и сдѣлалось. На сахарѣ нашемъ бумага уже скорчилась, и онъ, будучи долгое время въ водѣ, имѣлъ время намокнуть изряднымъ образомъ. Однимъ словомъ, изъ него текло изряднымъ ручейкомъ. Чтò намъ тогда было съ нимъ дѣлать? мы развернули его изъ бумаги, но голова и конического своего вида уже не имѣла, но на половину ужъ растаяла. «Бѣдненькая! говорилъ я тогда смѣючись и съ горя: что намъ съ тобою начать и что дѣлать? Ышь, Яковъ, сколько можешь, говорилъ я слугѣ, и подай мнѣ нѣсколько.» Но я не могъ его много съѣсть. Яковъ мой также поѣлъ, поѣлъ, но скоро сказалъ, что боже не хочетъ и что ему уже тошниться начинается. Совсѣмъ тѣмъ мокраго сахара еще много было. Но что намъ съ нимъ было дѣлать? спрятать его было не можно, положить не во что. Наконецъ снялъ я съ слуги шляпу и положилъ въ нее, чтобъ по-крайней-мѣрѣ довести намъ ее до корчмы, гдѣ мы ее корчмарю отдать хотѣли; но не успѣли мы отѣхать нѣсколько сажень, какъ на встрѣчу намъ одинъ чухна. Радн мы не вѣдомо какъ были его увидѣвъ, думая отдать сахаръ нашъ ему и тѣмъ освободиться отъ брема, которое намъ обращалось уже въ тягость, но которое однако бросить намъ жалко было. Но тутъ началась истинная комедія и заставила насъ хохотать и смѣяться. Мы — отдавать чухнѣ сахаръ, но чухна отъ насъ пятится и не беретъ. — Мы ему толковать, что это сахаръ, сахаръ, что это хорошо, чтобъ онъ отнесъ своимъ дѣтямъ, но чухна словъ нашихъ не разумѣетъ, а сахара отъ роду не видывалъ и не знаетъ. Горе насъ и смѣхъ тогда пронималъ. Я говорю чухнѣ понѣмецки и твержу «цукеръ, цукеръ», но онъ и того не разумѣетъ, но смотреть на насъ только изъ подлобыя и отъ насъ пятится. Досадно мнѣ наконецъ стало, я началъ его принуждать силою и ему грозить, ежели онъ не возьметъ, но чухна отъ насъ бѣжать. Чтò намъ было тогда съ такимъ глупцомъ дѣлать? Насялу, на-

силу уговорили мы его, чтобъ онъ оставился. Тогда показывали мы ему своимъ примѣромъ, что это ѣсть можно и что хорошо и сладко, и кое-какъ уговорили, чтобъ онъ отвѣдалъ и немного съѣлъ. Тогда, разчухавъ, узналъ онъ, что мы его не обманываемъ, и взявъ сахаръ не только отъ насъ безпрекословно, но по чухонскому манеру благодарилъ насъ еще, говоря: «сатю мала сакса», и я надѣюсь, что дѣтямъ своимъ принесъ онъ домой великую радость. Что касается до насъ, то мы, разставшись съ нимъ, продолжали путь и добравъ до корчмы, принуждены были тутъ почевать, чтобъ пересушить все свое платье, наутріе-жъ возвратились мы въ квартиру свою благополучно.

Сіе было послѣднее приключеніе во время стоянія нашего на сихъ квартирахъ, ибо вскорѣ послѣ того выступили мы въ походъ, какъ о томъ въ послѣдующемъ письмѣ будетъ упомянуто, а между тѣмъ остаюсь и прочая.

ЛАГЕРЬ ПРИ РИГѢ.

Письмо 33-е.

Любезный пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ опишу я вамъ такимъ же образомъ наше лѣтнее или лагерное житье, какъ въ предсѣдующемъ письмѣ описалъ вамъ наше зимнее стояніе на квартирахъ. Не успѣла весна вскрыться, какъ прислано было въ полкъ нашъ повелѣніе, чтобъ ему итти въ Лифляндію и стоять сіе лѣто лагеремъ по близости главнаго лифляндскаго города Риги. По причинѣ приближающейся, и въ Европѣ уже начавшейся войны велѣно было къ сему пограничному городу нашему собраться не одному, а многимъ полкамъ и почти всей арміи, и слухи уже носились тогда, что намъ итти на помощь къ цесаревѣ и воевать противъ короля прусскаго, но достовѣрно того мы еще не знали. Итакъ, хотя разстояніе отъ Ревеля до Риги было и немалое и путь намъ предлежалъ неблизкій, но мы радовались по-крайней-мѣрѣ тому, что намъ не стоять при Рогервикѣ и не имѣть опять дѣла съ ваторжними.

Съ квартирѣ своихъ выступили мы по обыкновенію, въ половинѣ мая мѣсяца, и всѣ роты собрались и соединились уже на пути вмѣстѣ, и тутъ тотчасъ учиненъ былъ всѣмъ имъ тотъ смотръ, о которомъ упоминалъ я въ предсѣдующемъ письмѣ и который мнѣ только былъ лестенъ. Поеліку для сего смотря и свидѣтельствованія всѣхъ ротъ стояли мы тутъ дня три, то имѣлъ я въ сіе время случай еще спознакомиться со многими новыми офицерами, прибывшими къ полку въ минувшую зиму, въ особенности же свель я отиѣнную дружбу съ однимъ поручикомъ, по имени Михайломъ Емельяновичемъ господиномъ Непейцинымъ. Сей человекъ получилъ ко мнѣ съ перваго свиданія отиѣнную склонность, и какъ онъ былъ весьма хорошихъ свойствъ, то полюбилъ и я его, и могу сказать, что мы во все продолженіе службы нашей были между собою друзьями.

Походъ нашъ простирался чрезъ городъ Перновъ, который мнѣ давно хотѣлось видѣть, однако я не пашелъ въ немъ ничего въ особенности пріятнаго достойнаго. Городокъ оиъ небольшой нѣмецкій, лежащій на берегу Балтійскаго моря, и довольно изрядный, но несравненно меньше и хуже Ревеля. Впрочемъ, во время продолженія сего похода не было съ нами ничего особеннаго. Мы шли безъ дальняго поспѣшенія, и какъ тогда было наипрѣятнѣйшее вешнее время, то итти намъ было довольно весело. Таковые переходы изъ одного мѣста въ другое въ мирное время въ самомъ дѣлѣ не только не трудны, но и увеселительны, а особливо для офицеровъ. Переходы дѣлаются всякій день небольшіе, два дни идутъ, а третій берется на отдохновеніе; мѣста подъ лагеря занимаютъ хорошія и обыкновенно на лугахъ, снабденныя всѣми выгодами; полкъ ведутъ одни только дежурные и немногіе офицеры, прочіе же всѣ совершенно свободны и могутъ ѣхать гдѣ хотятъ и на чемъ кому угодно, то есть, верхомъ ли или въ своихъ кодыскахъ и вибиткахъ. Но въ сихъ послѣднихъ ѣзжали мы только по ночамъ, да и

то лѣнясь вставать рано и въ то время, когда отправляются обозы, но досыпая въ оныхъ до свѣта. Впрочемъ же у всякаго офицера была верховая лошадь, и на нихъ ѣхали мы по произволенію, гдѣ хотѣли, и обыкновенно компаніями по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Тутъ разговоры, смѣхи, шутки и издѣвки составляли наше дорожное упражненіе и сокращали намъ короткія наши путешествія. Какъ скоро попадется намъ какая корчма на дорогѣ, которыми, какъ извѣстно, во всей Эстляндіи и Финляндіи всѣ дороги, такъ сказать, унижены, то завѣщаемъ для отдохновенія въ оную, находимъ тутъ другую компанію офицеровъ, пьющихъ либо чай, либо завтракающихъ, либо играющихъ въ карты и курящихъ табакъ. Мы сообщаемся съ оными и либо также предпринимаемъ что-нибудь дѣлать, либо посмѣявшись и побывъ съ ними вмѣстѣ, продолжаемъ далѣе свое путешествіе, ищемъ въ корчмахъ иной компаніи, приобщаемся къ оной и, согласясь, ѣдемъ вмѣстѣ и забавляемся совокупно. Между тѣмъ повозки наши продолжаютъ путь съ обозами и, приѣхавъ гораздо прежде насъ, разбиваютъ намъ палатки, варятъ ѣсть, и мы, приѣхавъ, находимъ уже обѣды готовныя, ѣдимъ и послѣ обѣда отдыхаемъ, а тамъ посѣщаемъ другъ друга въ палаткахъ и занимаемся разными упражненіями, покуда, наконецъ, ночь не разсѣетъ насъ опять по нашимъ повозкамъ и палаткамъ. Въ самое и такое время, когда случалось бить дежурнымъ и вести полкъ, ѣхать при ономъ было не скучно, солдаты обыкновенно идутъ почти играючи, и воздухъ гремитъ отъ распѣваемыхъ ими въ разныхъ мѣстахъ громкихъ пѣсень. Словомъ, въ походѣ таковомъ не можно никогда почти ощущать скуки, а такимъ точно образомъ шли и мы тогда, и весь сей походъ окончили и препроводили съ удовольствіемъ. Одно только обстоятельство причинило намъ нѣкоторую досаду, и было то во время отдохновенія нашего при Перновѣ. Обѣ наши гренадерскія роты были какъ-то неукомплектованы рекру-

тами, и надлежало ихъ укомплектовать изъ нашихъ мушкетерскихъ ротъ, и vybrать къ тому наилучшихъ и виднѣйшихъ людей изъ всей роты. Сей-то выборъ производимъ былъ въ упомянутое время и произвелъ всѣмъ намъ великое неудовольствіе. Нельзя довольно изобразить, какъ досадно ротному командиру, когда отнимаютъ у него лучшихъ людей изъ роты. Мнѣ отнимаютъ сіе въ особенности и наиболѣе потому было досадно, что я столько трудовъ прилагалъ къ обученію оныхъ. Признаюсь, что мнѣ оныхъ такъ было жаль, что всячески упрашивалъ адъютанта и другихъ, отъ кого тогда сей выборъ зависѣлъ, чтобъ не брали у меня тѣхъ, которые въ особенности были мнѣ надобны, и давалъ обѣщаніе имъ самъ за то служить, власно такъ, какъ бы солдаты были мои подданные. И могу сказать, что по симъ просьбамъ моимъ рота наша отдѣлалась счастливѣе прочихъ.

Наконецъ, чрезъ нѣсколько недѣль, пришли мы въ назначенное намъ для лагеря мѣсто. Оно лежало верстъ за двадцать отъ Риги и неподалеку отъ рѣки Двины при мызѣ Пребстингофъ. Поеліу тогда всѣ полки стояли неподалеку другъ отъ друга и городъ Рига наполненъ былъ генералами, то всякій полкъ старался перещеголять другихъ какъ эзерциціею, такъ порядкомъ и украшеніями своего лагеря. Мы должны были послѣдовать имъ въ томъ и, расположивши лагерь свой напорядочнѣйшимъ образомъ, во всей формѣ старались также украсить оный по возможности. Наилучшее украшеніе состояло тогда въ пирамидахъ и въ убираніи такъ называемыхъ ротныхъ улицъ. Всякій ротный командиръ старался перещеголять въ томъ другихъ и украшалъ улицу роты своей коліко можно, усыпая ее разными песками и выкладывая дерномъ разныя фигуры и украшенія. Легко можно заключить, что я былъ въ семь случаевъ не изъ послѣднихъ. Я хотя и не былъ еще ротнымъ командиромъ, но какъ князь, по извѣстнымъ своимъ порокамъ и безпечности, во всемъ на меня положился

и ротою не столько онъ, сколько я правилъ, то, пользуясь искусствомъ своимъ въ рисованьи, употребилъ я все, что могъ, къ лучшему украшенію нашей ротной улицы, и могу сказать, что была она всѣхъ лучше и составляла сущій цвѣтникъ, расположенный со вкусомъ и украшенный такъ, что всякому въ глаза метался и побудилъ многихъ перенимать у меня.

Но какъ всѣ сіи украшенія не могли насъ защищать отъ суровости вѣтровъ и стужи, и въ палаткахъ цѣлое лѣто жить было нѣсколько жутко и скучновато, то второе наше попеченіе было, чтобъ какъ-нибудь обострожитья. Всякій офицеръ, который сколько-нибудь былъ въ достаткѣ, старался сгородить себѣ какою-нибудь избышку, а солдаты начали копать и дѣлать себѣ землянки. Итакъ, не успѣло нѣсколько недѣль пройти, какъ позади полку явилась вдругъ уже изрядная деревенка. Я имѣлъ у себя также изрядную свѣтличку, которую солдаты нашей роты въ одну недѣлю для меня построили, ибо надобно знать, что хотя бы я могъ стоять опять вмѣстѣ съ княземъ, или того лучше, съ моимъ зятемъ, но какъ мнѣ не хотѣлось служить никому въ отягощеніе, а хотѣлось всего паче имѣть совершенную свободу упражняться въ томъ, въ чемъ мнѣ хочется, чтобъ не могъ я имѣть никакого въ томъ помѣшательства, то и рѣшился стоять одинъ и вести собственное свое хозяйство. Свѣтличка у меня была такая хорошенькая: два было въ ней окошечка съ бумажными рамами, а каравать, небольшой складной столикъ, свамеечка и складное стульцо составляли мои мебели. Я могъ въ ней себѣ сидѣть и читать и писать спокойно.

Симъ образомъ стояли мы тутъ все лѣто и все его препроводили въ безпрерывныхъ ученіяхъ и экзерциціяхъ; ибо какъ вся армія готовилась къ походу, то всѣ генералы старались о приведеніи ее въ лучшее состояніе, и потому стали дѣлать у насъ то и дѣло смотры, и мы должны были имѣть частые строи и всегда къ нимъ готовиться. Для меня все было

сіе наилучшее увеселеніе, ибо былъ столь страстенъ къ экзерциціямъ, что ружье у меня почти изъ рукъ не выходило, и на лѣвомъ плечѣ отъ ударовъ ружьемъ было всегда синее пятно. Но сіе и приобрѣло мнѣ ту честь, что я почитался тогда въ полку наилучшимъ знаткомъ и экзерцицимейстеромъ, а притомъ и исправнѣйшимъ офицеромъ. Почему, при случающихся полковыхъ ученіяхъ и при дѣланіи маневровъ или эволюцій, и поручалось мнѣ всегда важнѣйшее мѣсто и нужнѣйшая коммиссія. Всѣ тогдашніе резервы бывали тогда обыкновенно подъ моею командою. Самъ полковникъ былъ мною очень доволенъ и совѣтывалъ всегда со мною какъ что, и какою на примѣръ эволюцію сходственно съ диспозиціею дѣлать. А какъ между тѣмъ и планы были къ намъ новымъ майоромъ привезены, то принужденъ я былъ оные имъ толковать и рассказывать какъ что надобно. Одинъ только помянутой новнй майоръ шолъ нѣсколько противъ меня и не хотѣлъ учиться у подкомандующаго офицера. Но скоро при одномъ случаѣ принужденъ былъ и сей со стыдомъ въ незнаніи своемъ признаться, и побѣда сія была для меня тогда очень важная, а именно:

Случилось однажды быть полковому ученію, и господа наши штабы положили въ тотъ день дѣлать баталіонъ-каре новымъ манеромъ. Не успѣли они начать, какъ я, увидѣвъ что они не то дѣлаютъ, что надобно, подошелъ къ помянутому майору и говорилъ: что совсѣмъ не такъ надобно. Но сей высокомысленный человекъ не только не хотѣлъ меня слушать, но далъ на меня еще окрикъ и велѣлъ итти въ свое мѣсто, и дѣлать то, что велѣтъ, а онъ уже и безъ меня знаетъ, что дѣлать. Досадно мнѣ тогда сіе было и я раскаялся, что сіе сдѣлалъ. Однако скоро имѣлъ удовольствіе видѣть высокоуміе его низложеннымъ; ибо онъ со всѣмъ своимъ мнимымъ умнѣемъ такъ полкъ спуталъ, что вмѣсто желаемого баталіонъ-каре вылился настоящій хаосъ, и вышло ни то, ни се и такая путаница, что полчаса требовалось къ тому, чтобъ

полкъ опять въ порядокъ поставить. Всѣ офицеры, слышавшіе мое представленіе, смѣялись тогда нашему майору. Онъ самъ стыдился своимъ незваніемъ и неумѣньемъ и признавался, что не такъ сдѣлалъ, и какъ онъ былъ человѣкъ не гораздо мудреный, то и высокоуміе его не далеко простиралось. Однимъ словомъ, онъ до того дошелъ, что пріѣхалъ ко мнѣ, извинялся что меня не послушалъ и просилъ, чтобы я взялъ на себя комиссію, полкъ разчестъ и сказать каждому взводу, куда которому итти и что дѣлать. Я склонился охотно на сіе предложеніе, и по моему указанію полкъ помянутой баталіонъ-каре такъ хорошо сдѣлалъ, какъ бы давно онъ умѣлъ. Самъ майоръ любовался тогда тѣмъ, и съ того времени были мы съ нимъ хорошими друзьями.

Итакъ, при помощи моей, довели господу штабы полкъ нашъ до нарочитаго и такого совершенства, что при всѣхъ дѣлаемыхъ генералами смотрахъ пріобрѣтала онъ себѣ немалую похвалу и благодарность.

Симъ образомъ препровождалъ я свое время, отчасти занимаясь ученіемъ солдатъ, а отчасти своими книгами, о которыхъ никакъ я не забывалъ, но большую часть празднаго своего времени упражнялся либо въ чтеніи оныхъ, либо въ переводѣ чего-нибудь. Одинъ романъ, купленной мною въ Ревелѣ, называемый «Пикартусъ» и похожій нѣсколько на «Жылблаза», прельстилъ меня такъ, что я началъ его испытывать переводить, и упражнялся въ томъ въ праздные часы. Однако за всѣмъ тѣмъ не оставлялъ я посѣщать и сотоварищей моихъ, офицеровъ, а особливо наиболѣе меня любящихъ и такихъ, которые не въ одномъ гуляньи и дѣланіи пуншей упражнялись, но были порядочнаго и хорошаго поведения, а нѣрѣдко имѣли удовольствіе видѣть ихъ и у себя, приходящихъ ко мнѣ для препровожденія времени. Словомъ, мы жили и препроводили все гѣто довольно весело.

Предъ окончаніемъ гѣта случилось-было со мною одно нечаянное и досадное приключеніе,

отъ котораго я чуднымъ и удивительнымъ образомъ избавился, а именно: для приумноженія арміи набирали тогда вновь четыре гренадерскихъ полка, подъ именемъ перваго, втораго, третьаго и четвертаго, и для укомплектованія оныхъ выбирали изъ всѣхъ прочихъ пѣхотныхъ полковъ самыхъ лучшихъ людей и офицеровъ. Нашему полку досталось комплектовать второю гренадерскій полкъ, почему мы хотя и не хотѣли, но принуждены были разстаться съ самыми лучшими людьми. Изъ самой нашей роты взято было человѣкъ шесть самыхъ проворнѣйшихъ. Но сіе хотя мнѣ и досадно было, но не таково, какъ послѣдующее обстоятельство, что съ ними надеялось въ тотъ же полкъ отправить и четырехъ человѣкъ самыхъ лучшихъ офицеровъ. Капитанъ назначенъ былъ къ тому г. Хомяковъ; но не успѣли его назначить, какъ требовалъ онъ у полковника, чтобы въ числѣ прочихъ трехъ отправить и меня съ нимъ.

Сердце у меня замерло, какъ я о томъ услышалъ. Полки сіи были хотя славные и для многихъ лестные, но мнѣ и слышать о томъ не хотѣлось, чтобы съ своимъ полкомъ разстаться, и я чувствовалъ въ себѣ нѣкое непреборимое нехотѣніе итти въ гренадерскій полкъ, какъ меня онымъ ни прельщали и ни уговаривали. Самое сіе было причиною, что я бросился тотчасъ къ полковнику, стоявшему тогда въ помянутой мизѣ Пребстингофъ, и просилъ его всѣми образами, чтобы меня не отправлять. По счастью, полковнику самому не хотѣлось со мною разстаться; итакъ, хотя присланнымъ для сего выбора и дано было великое полномочіе и дозволено выбирать и требовать кого хотятъ, однако кое-какъ и всѣми неправдами меня въ полку удержали. Я обрадовался тому чрезвычайно и не могъ съ покоемъ дожидаться, покуда они уѣхали.

Но радость моя недолго продлилась. Не успѣлъ г. Хомяковъ въ новый полкъ прибыть, какъ графъ Чернышевъ, бывшій уже тогда генералъ-майоромъ и имѣвшій о формированіи сихъ полковъ попененіе, спрашивалъ его, нѣтъ ли еще въ

нашемъ полку хорошихъ и исправныхъ офицеровъ. Г. Хомяковъ ни съ другого слова сказалъ ему обо мнѣ и расхвалилъ такъ, что графъ тотчасъ послалъ къ намъ въ полкъ ордеръ и велѣлъ меня прислать и выключить изъ полку немедленно. Мы о семъ не прежде узнали, какъ по полученіи ордера. И вѣдомость сія была мнѣ наипротивнѣйшая въ свѣтѣ, я проклиналъ тогда всю мою охоту къ экзерциціи и охоту къ военному искусству и раскаивался уже въ томъ, что такъ много успѣлъ въ ономъ. Полковникъ самъ гужилъ обо мнѣ чрезвычайнымъ образомъ, но говорилъ, что теперь уже онъ не въ силахъ меня удержать, и послалъ ко мнѣ самому съ адъютантомъ тотъ ордеръ. Итакъ, казалось, что судьба моя была неизбѣжная и что мнѣ никому уже помочь было не можно.

Но гдѣ не можно было человѣкамъ, тамъ возможно было божескому обо мнѣ Промыслу и святому его Провидѣнію. Никто иной, какъ онъ избавилъ меня отъ сей напасти, нечаянность случившагося со мною тогда приключенія довольно сіе доказываетъ. Я въ самый тотъ день, какъ притти къ сему ордеру, поутру занемогъ, власно какъ нарочно, пражесточайшею лихорадкою, и адъютантъ съ онымъ пришелъ ко мнѣ въ самое то время, какъ она наисвирѣпѣйшимъ образомъ меня трепала. Сперва подумали всѣ, что я нарочно больнымъ казался, однако скоро отъ лекаря узнали о неприятности моей болѣзни. Признаюсь, что я въ сей разъ весьма радъ былъ сей лихорадкѣ и ласкался надеждою, что она меня избавитъ отъ гренадерскаго полка, что воспослѣдовало и въ самомъ дѣлѣ. Полковникъ представилъ графу Чернышеву, что я боленъ, и хотя отъ сего вторичнымъ ордеромъ приказано было всѣмъ полкомъ меня осмотрѣть; но какъ нашлось, что я дѣйствительно боленъ, то и оставленъ я былъ съ покоемъ и не стали меня болѣе требовать.

Не успѣла сія буря миновать, какъ вскорѣ потомъ я, при помощи лекаря, отъ болѣзни своей и освободился, такъ

что я не болѣе двухъ недѣль былъ боленъ, я, власно какъ нарочно для того, чтобъ чрезъ то избѣжать отъ гренадерскаго полка. Я удивлялся тогда самъ нечаянному сему случаю; но послѣ имѣлъ великую причину заключать, что въ происшествіи семъ имѣлъ великое соучастіе и божескій Промыслъ, восхотѣвшій чрезъ то не только избавить меня отъ великой опасности, но которую тогда предвидѣть я былъ далеко не въ состояніи, но сверхъ того, удержавъ меня въ семъ полку, преподать послѣ случай быть въ Кёнигсбергѣ, гдѣ пребываніе мое было мнѣ только полезно и выгодно; ибо надобно знать, что въ бывшую потомъ прусскую войну помянутому второму гренадерскому полку досталось на баталіи стоять въ такомъ опасномъ мѣстѣ, что всѣ почти офицеры были въ немъ побиты, и дошло даже до того, что всѣмъ полкомъ командовалъ поручикъ. Итакъ, еслибъ переведенъ я былъ тогда въ сей полкъ, то не только-бъ весьма легко моръ бы и я въ числѣ убитыхъ былъ, но и не попалъ бы никакъ и въ Кёнигсбергъ послѣ.

Изъ прочихъ приключеній, случившихся со мною во время стоянія въ семъ мѣстѣ лагеремъ, памятно мнѣ только три, изъ которыхъ одно меня настрашало, другое удивило, а третіе огорчило и досадило. Для любопытства разскажу я всѣ оныя.

Первое и настрашавшее приключеніе было слѣдующее. Предъ наступленіемъ осени присланъ былъ въ нашъ полкъ одинъ артиллерійскій офицеръ для свидѣтельствванія нашихъ пушекъ и всѣхъ, какъ патронныхъ, такъ и гранатныхъ ящичковъ. Свидѣтельству сему надлежало производиму быть чрезъ стрѣляніе изъ пушекъ, выданіе изъ мортирець маленькихъ бомбъ и самыхъ ручныхъ гранатъ, дабы видѣть, въ хорошемъ ли состояніи въ нихъ трубки. Мнѣ, какъ великому охотнику до стрѣльбы, восхотѣлось быть при семъ свидѣтельствѣ; но сколь раскаивался я въ своемъ любопытствѣ, когда помянутый офицеръ, въ то время, какъ дошло дѣло до пробова-

нѣ ручныхъ чугуныхъ гранатъ, сталь предлагать мнѣ, яко лучшему изъ всего полку офицеру, чтобъ я взялъ изъ рукъ его гранату и, зажегши, кинулъ. Я оцѣпѣлъ при семъ предложеніи, и нечаянность сія такъ меня поразила, что я не зналъ, что дѣлать. Отказаться отъ сего было дурно и постыдно, а принять на себя сію комиссію казалось весьма опасно и бѣдственно, ибо неизвѣстно было, хороша ли была въ гранатѣ трубка и не испортилась ли отъ долговременнаго лежанія. Я боялся, чтобъ не разорвало ее, проклятую, у меня въ рукахъ и меня не убило; и потому немного и усомнился взять оную у него изъ рукъ; но какъ онъ сталъ меня далѣе убѣждать, увѣряя, что при томъ никакой опасности нѣтъ, то за стыдъ принужденъ былъ у него ее принять и, скрѣпя уже сердце, зажечь и бросить. Не могу изобразить, съ какимъ ужасомъ размахивалъ и съ какимъ напряженіемъ всѣхъ силъ бросалъ я сію окаянную гранату, стараясь отшвырнуть ее koliko можно далѣе, дабы она по разорваніи и тамъ не могла черепами своими достать до того мѣста, гдѣ мы стояли. Но сколь стыдился я потомъ самъ въ себѣ, когда увидѣлъ, что все дѣло сіе кончилось шуткою и смѣхомъ, и что весь мой страхъ былъ по пустому; ибо офицеръ употребилъ противъ насъ обманъ и заставилъ меня бросать гранату пустую и съ одною только трубкою, безъ пороха, который, жалѣя гранаты, онъ напередъ высыпалъ. По счастью никто страха и боязни моей не примѣтилъ, но всѣ почли меня еще довольно отважнымъ.

Другое и удивившее меня приключеніе составляетъ хотя сущую и такую бездѣлицу, о которой не стбитъ почти и упоминать, но для меня бездѣлица сія была такъ поразительна, что я ее во всю мою жизнь не могу никакъ позабыть: какъ и теперь дивлюсь еще и не понимаю, какъ это могло тогда случиться. Нѣкогда по среди бѣла дня сидѣлъ я одинъ въ моей свѣтлицѣ за столикомъ своимъ подъ окномъ, и не помню на что, на распростертомъ на столѣ листѣ бѣлой бумаги

скоблилъ ножемъ кусокъ мѣла. Уже наскоблено было у меня онаго довольно порядная кучка, какъ вдругъ увидѣлъ я, что отъ сильнаго напряженія ножемъ отломился отъ куска мѣла моего нарочитой величины кусочекъ и отвалился на скобленный на мѣлъ. Въ самой тотъ моментъ нѣчто повудило меня отвернуться и посмотрѣть зачѣмъ-то въ окно; но какъ обратилъ я зрѣніе свое опять на мѣлъ и хотѣлъ отломившійся кусокъ отложить прочь, дабы онъ съ наскобленною мелочью не мѣшался, но глядъ—куска моего тутъ уже не было!—Подумаю сперва, что онъ замѣшался въ мелочи, началъ я его искать въ оной, но какъ не нашелъ, то искалъ я его вокругъ большого куска, и дивился куда онъ у меня дѣлся; но мое удивленіе увеличилось еще болѣе, когда не нашелъ я его нигдѣ, ни на бумагѣ, ни на столѣ, ни въ рукавахъ моего тулупа, въ которомъ я сидѣлъ, ни подъ столомъ, ни на полу и словомъ нигдѣ во всей моей свѣтлицѣ. «Господи помилуй! думалъ и говорилъ я нѣсколько разъ: куда это онъ у меня въ одинъ мигъ подѣвался, и такъ сказать, вдругъ изъ глазъ пропалъ. Никуда я не только не вставалъ, но и рукъ со стола не поднималъ и смахнуть мнѣ его было некуда и некогда». Но сколько я ни твердилъ «Господи помилуй! и что за диковника!» но кусокъ мой сгибъ да пропалъ, и я сколько всѣ мѣста ни перешаривалъ, но не могъ ого никакъ отыскать. Чудно мнѣ сіе весьма было и я началъ уже сомнѣваться въ томъ, подлинно ли онъ былъ и отломился: но отломъ и негладкость того мѣста на большомъ кускѣ, гдѣ онъ отломился, ясно доказывали мнѣ, что я въ томъ не обманулся и что кусочку сему величиною съ ружейный кремьнь быть надобно было, каковымъ я его и видѣлъ. Но все мое удивленіе было тщетно, ибо сколько я сему странному случаю ни дивился и сколько я и всѣ люди мои онаго для единой курьезности ни искали, но не могли никакъ найти и принуждены были такъ сіе дѣло оставить, почему самому и сдѣлалось оно мнѣ такъ памя-

но, что я его никогда позабыть не могъ, какъ и понинѣ не знаю куда онъ тогда дѣлся.

Третье и огорчившее меня, приключеніе, было уже гораздо поважнѣе обонхъ предсѣдующихъ и состояло въ томъ, что новому моему слугѣ, присланному ко мнѣ изъ деревни, наскучилось жить при мнѣ, можетъ быть для того, что я съ нимъ не дрался. Онъ вздумалъ отъ меня удалиться, пропивъ напередъ съ себя платье и весь скарбъ. Потеряніе сего человѣка было мнѣ болѣе досадно, нежели горестно, ибо еслибъ онъ имѣлъ хотя малѣйшую причину къ побѣгу, то и говорить бы нечего было, но онъ не выдалъ отъ меня ни единого щелчка во всю его при мнѣ бытность, да и жилъ болѣе въ табунѣ. Со всѣмъ тѣмъ, не могъ я съ того времени получить объ немъ никакого извѣстія и не знаю, въ Польшу ли онъ ушелъ, или въ какое иное мѣсто.

Предъ приближеніемъ осени произошли у насъ въ полку нѣкоторыя перемѣны: нѣсколько человѣкъ офицеровъ отправлены были въ Польшу для заготовленія провіанта, а другіе пошли въ отставку. Между сими послѣдними находился и поручикъ мой, вышеупомянутый князь Мышецкій. Онъ во все сіе лѣто не правилъ почти ротою и не несъ службъ, отчасти за слабымъ своимъ здоровьемъ, а наиболѣе по извѣстному за нимъ пороку, въ который онъ погрузился опять слишкомъ много. Итакъ, разстались мы тутъ съ симъ моимъ прежнимъ товарищемъ, и я получилъ себѣ новаго командира, поручика Коржавина, по имени Ивана Федоровича.

Наконецъ наступила глубокая осень и мѣсяцъ октябрь, и намъ въ лагерь стоять долѣе было не можно. Но какъ къ военному походу въ Пруссію на будущее лѣто дѣланы были уже тайныя приготовления, то не распустили наши полки вдаль по зимнимъ квартирамъ, но расположили всѣ полки по близости Риги, по такъ-называемымъ кантонирь-квартирамъ, или временнымъ, стѣсненнымъ, въ которыя мы вскорѣ и выступили.

Симъ окончу я, любезный пріятель, теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ продолжу повѣствованіе мое далѣе, а между тѣмъ, остаюсь и прочее.

НА КАНТОНИРЬ-КВАРТИРАХЪ

Письмо 34-е.

Любезный пріятель! Предсѣдующее письмо окончить я тѣмъ, что мы выступили съ полкомъ на кантонирь-квартиры, а въ теперешнемъ разскажу вамъ, гдѣ и каково намъ было стоять на оныхъ. Сіи квартиры ассигнованы были полку нашему неподалеку отъ того мѣста, гдѣ мы стояли лагеремъ, а именно за восемь только миль отъ Риги, въ сунцальскомъ, линбургскомъ и леневадскомъ кирхшпильяхъ. Штабъ нашъ расположился на мнѣзѣ Кастранъ, а мнѣ, по несчастію, досталось стоять у латыша, или лифляндскаго крестьянина, ибо новый мой командиръ, г. Коржавинъ, былъ мнѣ хотя также изрядный пріятель, а сверхъ того по деревнямъ сосѣдъ моему меньшому зятю, однако дружба его не простиралась такъ далеко, чтобъ пригласилъ онъ меня стать на той же мнѣзѣ, гдѣ стоялъ онъ самъ, а можетъ быть я и самъ съ нимъ вмѣстѣ стать не согласился бы. Такимъ образомъ принужденъ я былъ довольствоваться латышскою избой, которая хотя выбрана была и самая лучшая изъ всѣхъ квартиръ, отведенныхъ подъ нашу роту, однако все была негораздо хороша, хотя уже и гораздо превосходитъ всякаго чухонскаго рья.

Притѣхавши въ оную и осмотрѣвъ сіе назначенное мнѣ для зимы обиталище, горевалъ я и не зналъ, какъ мнѣ быть, ибо это было въ первый еще разъ, что мнѣ въ черной и дымной избѣ жить досталось; однако не преминулъ я искать возможнѣйшихъ способовъ, чѣмъ бы хотя нѣсколько пособить своему горю. По счастью, подлѣ сей избы напелъ я не-

большой придѣлокъ сбоку, въ которомъ у латыша покладена была всякая рухлядь и который служилъ ему вмѣсто кѣлѣти. Обрадовался я сему убѣжищу и положилъ основать свое жилище въ ономъ. Я велѣлъ его очистить, но не зналъ, какъ пособить тому, чтобъ мнѣ было въ немъ нехолодно, ибо къ несчастію, былъ онъ холодный, да и ходили въ него съ надворья, а что всего хуже, и потолка въ немъ не было. Наконецъ вздумалъ я уговорить латыша, чтобъ онъ прорубилъ въ него изъ избы двери, также бы въ стѣнѣ и окно красное, въ которое я тотчасъ сдѣлалъ обмененную нашу бумажную окончину, и какъ все сіе сдѣлано было, то захотѣлось мнѣ каморку мою убрать получше. Я переродилъ ее полами отъ моей палатки, также обвѣшалъ ими и стѣны, а чтобъ не сыпалось на меня съ кровли, то сдѣлалъ изъ рогожъ нѣкоторый родъ потолка. Отдѣлавши симъ образомъ мою комнату, началъ я провождать въ ней свое жилище, но могу сказать, что не безъ скуки: съ одной стороны темнота, а съ другой ходякъ надѣдалъ мнѣ, и иногда гораздо. Но, по счастью, зима тогда еще не наступила, и осеннее время было еще довольно теплое.

Нѣсколько дней препроводилъ я въ сей моей мурѣ въ совершенномъ уединеніи и въ превеликой скукѣ, которую наиболѣе чувствовалъ оттого, что не имѣлъ никакого упражненія. Малое число книгъ, которое имѣлъ я, были всѣ уже перечитаны, а писать или переводить, къ чему я мало-по-малу получалъ уже охоту, за холодомъ было невозможно. По счастью, услышалъ скоро я, что жилъ неподалеку отъ той деревушки, или паче, единичнаго двора, гдѣ я стоялъ, одинъ мызникъ, съ которымъ положилъ я какъ можно скорѣе познакомиться, дабы хотя чрезъ то получить случай къ разбиванію своей скуки. Я тотчасъ къ нему поѣхалъ, и мызникъ былъ радъ, а особливо узнавъ, что я умѣю говорить по-нѣмецки, ибо въ минувшій годъ, обходясь и разговаривая часто съ тѣми изъ офицеровъ нашего

полку, которые были нѣмцы, и кои всѣ были мнѣ пріатели, нѣмецкій свой языкъ уже такъ понатвердилъ, что болталъ имъ уже изрядно. Онъ изъявлялъ свое сожалѣніе, что я имѣю столь худую квартиру, и извинялся, что пособить тому онъ не въ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, былъ онъ человѣкъ небогатый, и у самого его была только небольшая двоенка. Совсѣмъ тѣмъ былъ онъ изрядный и пріятный человѣкъ, и я дружелюбіемъ его былъ доволенъ. Мы свели съ нимъ тотчасъ дружбу, и онъ просилъ меня, чтобъ я ѣздилъ къ нему какъ можно чаще. Я сіе и не упустилъ дѣлать, а особливо въ разсужденіи, что я близкое разстояніе моего жилища отъ него много тому способствовало. Всякій разъ, какъ я къ нему ни приѣзжалъ, угощалъ онъ меня какъ хорошаго своего пріателя, а поступкамъ своего мужа соотвѣтствовала и хозяйка, которая также была человѣкъ изрядный. Когда приѣзжалъ я къ нимъ послѣ обѣда, то выговаривали они мнѣ, для чего не приѣхалъ я къ нимъ къ обѣду, и просили, чтобъ я впередъ приѣзжалъ поранѣе, говоря, что хотя они люди небогатые, однако не надѣются, чтобъ я за ихъ столомъ былъ голоденъ. Таковыя и подобныя сему поступки заставляли меня отъ часу болѣе имѣть къ нимъ почтенія, и я признаюсь, что я завидовалъ благополучному и порядочному житію сей четы добродѣтельной. Оба они были люди очень еще нестарые, но въ домѣ у нихъ хотя не видно было ничего великолѣпнаго, но все было такъ чисто и прибористо, и притомъ наблюдался во всемъ такой хорошей порядокъ, что я не могъ довольно надивиться, какъ они съ такимъ малымъ достаткомъ и такъ хорошо и порядочно жить могутъ. Столъ ихъ былъ также небогатый и состоялъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ немногихъ и простыхъ кушаньевъ, но всѣ они были такъ вкусны и хороши, что ни въ которое время не вставалъ я голоднымъ.

Такимъ образомъ, знакомство съ г. Миллеромъ (такъ назывался сей лифляндскій дворянинъ) уменьшило гораздо мою скуку

Я ѣзжалъ къ нему очень часто и препровождалъ у него иногда по цѣлому дню, а что болѣе меня веселило, то нашелъ я у нихъ маленькое собраніе нѣмецкихъ книгъ; онъ охотникъ былъ до нихъ, а потому и разговоры наши касались болѣе до оныхъ. Онъ хвалилъ мнѣ тѣ, которыя читывалъ, особливо Клеветанда, а изъ тѣхъ, которыя имѣлъ, давалъ мнѣ любую читать для препровожденія на квартирѣ времени, и сіе было для меня всего лучше. Словомъ, соседствомъ сего дворянина былъ я очень доволенъ, и какъ дружбу его приобрѣло мнѣ знаніе мое нѣмецкаго языка, то тутъ впервые увидѣлъ я, сколь онъ намъ нуженъ и полезенъ.

Не успѣло нѣсколько недѣль пройти послѣ приѣзда моего на сію квартиру, и только что я сталъ обживатьъ и привыкать къ оной, какъ вдругъ принужденъ я былъ ее перемѣнить и ѣхать на другую. Поручика моего выбрали полевымъ казначеемъ и взяли въ штабъ, а я долженъ былъ принять команду надъ ротой, слѣдовательно, и переѣхать на его квартиру. Сія перемѣна была не противна, ибо сколько я и ни привыкъ къ прежней моей квартирѣ, и сколько знакомствомъ г. Миллера былъ ни доволенъ, однако рубашка къ тѣлу ближе и холодъ у меня никогда не выходилъ изъ головы, новая же квартира была несравненно превосходнѣе и лучше прежней.

Такимъ образомъ отправился я тотчасъ туда и засталъ г. Коржавина ожидающагося меня, дабы сдать мнѣ съ рукъ на руки роту. Признаюсь, что сіе обстоятельство льстило тогда моему честолюбію. Командованіе тогда въ первый разъ цѣлою ротой и мысль, что я тогда властію равенъ былъ со всѣми капитанами, и что былъ такой же, какъ и они, ротный командиръ, которые, какъ извѣстно, въ полкахъ, по полковникѣ, наиважнѣйшіе люди, веселила меня чрезвычайнымъ образомъ, и я не могъ долго довольно населиться, видѣвъ подъ окошкомъ у себя фрунтъ, слышавъ бѣющую

у себя зорю и раздавая ежечасно разные приказы и повелѣнія. Молодость моя была всему тому причиною.

Теперь опишу я новую свою квартиру. Она была на мызѣ Кальтебрунъ, называемой инако и Гнеднѣвъ, и на такой, гдѣ жилъ и самъ мызникъ, однако не въ его хоромахъ, а въ срубленныхъ особливыхъ подлѣ хоромъ низенькихъ свѣтличкахъ, которыя были уже довольно хороши для квартиры ротному командиру.

Г. Коржавинъ, при отѣздѣ своемъ, не преминулъ рекомендовать меня, яко своего преемника, господину мызнику. Мы пошли съ нимъ къ нему, и я имѣлъ уже на умѣ стараться познакомиться и свести дружбу и съ нимъ такъ, какъ съ моимъ прежнимъ соседомъ, однако мало надежды имѣлъ получить успѣхъ вожеланный. Г. Коржавинъ сдѣлалъ мнѣ объ немъ такое описаніе, которое было весьма невыгодно. Онъ изображалъ мнѣ его дряхлымъ, угрюмымъ и суровымъ старикомъ, и сказывалъ, что онъ во все время своего тутъ стоянія не видалъ отъ него ничего добраго. Я нашелъ его дѣйствительно старикомъ, у котораго почти уже зубъ во рту не было, а жену его такъ толсту, что я подобной ей женщины отъ роду не видывалъ. Все сіе не предвозвѣщало мнѣ ничего добраго, но, со всѣмъ тѣмъ, приняли они меня довольно пріятно. Правду сказать, инако имъ принять и нельзя было. Они всѣ, поповажѣ, принуждены были льстить господамъ ротнымъ командирамъ, отъ которыхъ иногда имъ много зла происходить, а сверхъ того, повидимому, пріятно было имъ, что я умѣлъ говорить по-нѣмецки, слѣдовательно, какъ я ихъ, такъ и они меня могли разумѣть наисовершеннѣйшимъ образомъ.

Проводивъ моего поручика, вступилъ я тотчасъ въ новую мою должность. Мое первое стараніе было ввести въ ротѣ нѣкоторыя новыя порядки, которые почталъ я за полезные, а другіе, которые, по мнѣнію моему, казались излишними и ненадобными и служили только въ оглащенію солдатъ, оставить. Наибольшее

мое попеченіе было о томъ, чтобъ воздержать солдатъ отъ шалостей и своевольствъ, обмененно воснинымъ людямъ свойственнымъ. И для того велѣлъ я собрать къ себѣ всю роту подъ видомъ нѣкоторой ротной надобности, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ поговорить со всѣми подчиненными своими полюбовную рѣчь. Я сказалъ имъ прямо, что если они хотятъ мною довольными быть, и чтобъ я съ ними не дрался, то-бъ не дѣлали никакихъ шалостей, воровства и своевольства, въ противномъ случаѣ никакая вина прощена не будетъ. Напротивъ того, обѣщаль имъ, что когда увижу отъ нихъ въ семъ случаѣ послушаніе, что, по всей возможности моей, буду и объ нихъ стараться, и безъ нужды ихъ трудить и безпокоить не стану.

Симъ и подобнымъ сему образомъ удалось мнѣ получить мое желаніе и все то, чего прочіе ротные командиры со всею своею строгостію получить не могли. Ибо, не успѣлъ я немногихъ первыхъ ослушниковъ наихлосточайшимъ образомъ наказать, а сверхъ того приказать, всѣхъ таковыхъ безъ очереди на караулъ и въ другія мѣста посылать, какъ тотчасъ тишина и спокойствіе возстановились, и я во всю зиму не слыхалъ ни отъ одного обывателя жалобы на моихъ солдатъ, напротивъ того, и самимъ солдатамъ сіе напоследокъ слюбилося. Обыватели и хозяева ихъ, не видя ничего отъ постояльцевъ своихъ противнаго, сдѣлались сами къ нимъ добротными и, по возможности своей, имъ во всемъ служивали, а сіе произвело наконецъ то, что солдаты сами меня за то благодарить стали.

Кромѣ удовольствія, которое я натурально оттого чувствовать былъ долженъ, имѣлъ я еще и другія оттого пользы. Ибо, во-первыхъ, самъ полковникъ былъ командою моею очень доволенъ и однажды самъ мнѣ выговорилъ, что удивляется тому, что отъ всѣхъ ротъ обезпокоивается онъ почти ежедневно жалобами, то отъ командировъ на обывателей, то отъ обывателей на солдатъ и коман-

дировъ, а моею роты власно какъ бы въ полку не было, ибо онъ ни однажды еще не слыхалъ ни одной жалобы, ни отъ меня, ни отъ обывателей, гдѣ стоятъ мои солдаты, и, приписывая мнѣ то въ особливую похвалу, желалъ, чтобъ онъ столь же мало могъ обезпокоивать бытъ и прочими.

Во-вторыхъ, самъ мой мизникъ былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ; который не успѣлъ услышать о моемъ новомъ распоряженіи и о наказаніи безъ всякой просьбы виноватыхъ, какъ получилъ обо мнѣ хорошее мнѣніе и тотчасъ стараться объ оказываніи мнѣ всякаго благопріятства и дружелюбія. Сіе послужило мнѣ поводомъ къ сведенію и съ симъ старикомъ хорошаго дружества. Мы тотчасъ съ нимъ познакомились, и я не знаю, тихость ли моего права и поведенія, или то, что я никогда не наскучивалъ препровождать время съ нимъ въ разговорахъ, или ниня какія обстоятельства были причиною тому, что онъ въ короткое время меня очень полюбилъ и дружбу свою распространилъ даже до такихъ предѣловъ, что я того никогда бы думать и ожидать немогъ, а именно: какъ я однажды у него вечеромъ сидѣлъ и, по обыкновенію, съ ними ужиналъ, безъ чего они меня никакъ не отпускали, то спросилъ онъ меня, доволенъ ли я своею квартирою? Я отвѣтствовалъ ему, что по сіе время не имѣю причины ни на что жаловаться.— «А мнѣ, отвѣчалъ онъ на то: — кажется, напротивъ того, что она для васъ безпокойна, и я желалъ бы для васъ, г. подпоручикъ, съискать какое-нибудь лучшее и спокойнѣйшее мѣсто: но не знаю, могу ли я вамъ тѣмъ угодить, что думаю. У меня есть, чрезъ сѣни, другая половина моихъ хоромъ. Она стоитъ порожняя и никто въ ней не живетъ. Мы согласились съ женою ее для васъ очистить и прибрать, и ежели вамъ угодно, то просимъ васъ въ нее изъ теперешней вашей квартиры перейти, гдѣ, надѣмся что вы получите лучшее спокойствіе, потому что она бываетъ очень тепла и спокойна».—Я удивился сему нечаянному предложенію и не успѣлъ еще начать при-

носить имъ свои благодаренія, какъ жена его подхватила рѣчь и начала говорить слѣдующее:—«А я, г. подпоручикъ, съ своей стороны, желала бы, чтобъ вы мнѣ сдѣлали одолженіе, и не погнушались бы столомъ моимъ. Вы стоите одни и не имѣете новара. На что жъ вамъ и беспокоиться и убытчиться тѣмъ, чтобъ для васъ однихъ варили? Вы можете, если угодно, завсегда съ нами обѣдать и ужинать и мы надѣмся, что вы не будете никогда голодны».—Новое сіе предложеніе усугубило мое удивленіе. Я приписалъ имъ мое благодареніе и, для благопристойности, отговаривался отъ того, говоря, что я ихъ тѣмъ обезпокою и убытчу.—«О, нѣтъ, г. подпоручикъ!» пресѣкли они мою рѣчь:—«Какое это для насъ безпокойство, и что за убытокъ. Мы, напротивъ того, будемъ тому рады. Столъ у насъ хотя небогатый, но, благодарить Бога, у насъ семья, и намъ для васъ лишннихъ блюдъ готовить не для чего. Пожалуйте, не отговаривайтесь, и сдѣлайте намъ всѣмъ это удовольствіе».

Легко можно заключить, что я не имѣлъ причины приносить дальнихъ отговорокъ, а особливо узнавъ уже, что были они добрые и прямочистосердечные люди, и что мнѣ все сіе не причинитъ никакого безпокойства. Итакъ, по короткимъ извиненіямъ, согласился я на ихъ просьбу. Не успѣлъ я дать имъ въ томъ мое слово, какъ обрадовались они тому очевидно и власно какъ бы какой находкѣ, а добросердечный старикъ примѣтивъ, что я все еще тѣмъ совѣщусь, восхотѣлъ оказать мнѣ еще новый опытъ своего ко мнѣ благопріятства и тѣмъ умножить еще богѣе мое удивленіе.—«Постойте, г. подпоручикъ?» сказалъ онъ мнѣ, потрениавъ дружескимъ образомъ меня по плечу:—«когда на то пошло, такъ прошу и мнѣ сдѣлать такое жъ удовольствіе, какъ и женѣ моей. Она взялась попеченіе имѣть о томъ, чтобъ вы не были голодны, а я хочу взять на себя довольствоваться лошадей вашихъ». — «О, государь мой!» прервалъ я ему рѣчь будучи тронутъ такимъ неожиданнымъ опытомъ дружества: «это

го ужъ слишкомъ много! И я, конечно, не допущу васъ до такого убьтка!» — «Пожалуйста, государь мой!» подхватила тогда сей добродушный старичокъ: «не говорите мнѣ о убьткахъ. Что это за убьтокъ для меня? Вы имѣете только три лошади, и онѣ, конечно, меня не обѣдятъ. Богъ даровалъ намъ въ нынѣшній годъ довольно овса и сѣна и они мнѣ не столь дорого будутъ стоить, чтобъ я убьтокъ сей предпочелъ тому удовольствію, которое я буду имѣть, сдѣлавъ услугу такому человѣку, котораго люблю и почитаю, и который по истинѣ того и достоинъ».

Я благодарилъ его за такое хорошее обо мнѣ мнѣніе и хотѣлъ было далѣе еще отговариваться, но г. Розенстраухъ (такъ назывался сей честный старина), не слушая, превозносилъ меня только похвалами. Онъ называлъ меня тихимъ, постояннымъ, разумнымъ и такимъ человѣкомъ, какого онъ рѣдко изъ молодыхъ видывалъ, и повторялъ много разъ, что онъ мною и всѣми моими поступками очень доволенъ. Однимъ словомъ, онъ заставилъ тогда меня самаго себя, какъ красную дѣвку стыдиться, толь похвалы его были простосердечны и недукавы. Наконецъ, имѣя при всей своей старости въ себѣ еще остатокъ веселаго нрава, захотѣлъ окончить все сіе небольшою, но весьма благоразумною издѣвкою. — «Повѣрьте, г. подпоручикъ!» сказалъ онъ мнѣ улыбувшись: — «я живши на свѣтѣ около осьмидесяти лѣтъ, имѣлъ довольно времени и случаевъ на людей насмотрѣться и узнавать, кто какого сложенія и качествъ, и я вамъ признаюсь, что мы прежде не то объ васъ думали, покуда васъ не видали, и безпокоились тѣмъ, что будетъ къ намъ стоять молодой и холостой человѣкъ, каковымъ васъ намъ описывали. Но какъ скоро я васъ увидѣлъ и имѣлъ честь узнать, какъ все безпокойство мое миновалось. Повѣрь, государь мой!» продолжалъ онъ говорить, потрениавъ меня по плечу: «видна всякая птица по полету, и скоро узнать можно, кто къ чему

склоненъ. А въ васъ не нахожу я ничего такого, чтобы могло подать причину опасаться отъ васъ чего-нибудь худого и благоразумію противнаго. Нѣтъ, нѣтъ. г. подпоручикъ! я вижу, что вы честный и такой человѣкъ, который знаетъ, что есть честь, здравый разсудокъ и добродѣтель въ свѣтъ, и готовъ за васъ вездѣ божиться, что вы одарены изящнѣйшимъ характеромъ». Я не зналъ тогда въ скорости, что ему на сіе отвѣтствовать, но добронравный старикъ избавилъ меня отъ сей комиссія, сказавъ: «Ну, хорошо. г. подпоручикъ! Дѣло сдѣлано, и говорить болѣе не о чемъ. Я не приму никакихъ отговорокъ, и вы пожалуйста покусайте. Мы за разговорами позабыли ѣсть, и вы будете у меня голодны!»

Симъ окончился тогдашній нашъ разговоръ. Легко можно заключить, что я, простившись съ сими честными стариками, съ удовольствіемъ пошелъ на свою квартиру. Совсѣмъ тѣмъ, не могъ чтобъ не помыслить о послѣднихъ его обо мнѣ словахъ, которыя, какъ мнѣ казалось, заключали въ себѣ нѣкую тайну. Но я легко могъ догадаться, къ чему они клонились и какая бы та причина была, для которой меня онъ опасался. Все дѣло состояло въ томъ, что у него было пять дочерей, которыя всѣ были уже взрослыя и совершенныя дѣвицы. Почему толь близкое сосѣдство молодого и холостого человѣка могло, можетъ быть, навредить старикамъ довольно уже опасніе и безпокойство. Но г. Розенстраухъ правду говорилъ, что я лишилъ скоро его сего безпокойства, ибо во всѣ мои съ нимъ свиданія не могъ онъ примѣтить во мнѣ ни малѣйшаго вида волокиты, и потому съ надежностію могъ заключить, что я не принадлежу къ числу тѣхъ молодыхъ и вѣтренныхъ людей, которые въ мнѣ глѣта за наилучшее упражненіе себѣ почитаютъ волокиту за прекраснымъ поломъ, но напротивъ того, что имѣю совсѣмъ другія склонности, какъ то и въ самомъ дѣлѣ было. Ибо признаюсь, что я мало обезпокоиванъ былъ извѣстною и обыкновенною молодымъ людямъ стра-

стію, но напротивъ того, съ самаго младенчества и какъ самъ себя запомню. имѣлъ столь великій родъ застѣнчивости и былъ такъ стыдливъ въ обхожденіи съ женскимъ поломъ, что я не только чтобы сводить близкое знакомство или говорить, шутить и играть съ ними, но и пристально смотрѣть на нихъ стыдился. Мнѣ казалось все дурно и стыдно, и однимъ словомъ, я былъ самъ не свой, когда случалось мнѣ бывать въ компаніи съ молодыми дѣвицами, а той компаніи не было для меня тяжелѣе, когда приуждено было разговаривать съ оними. Коротко, я бѣгивалъ ихъ какъ огня и доходилъ иногда почти до дурачества. Дурно ли сіе или хорошо было, того уже я не знаю, а только то мнѣ извѣстно, что сія стыдливость называется философами предохранительною добродѣтельною, приносила мнѣ въ жизнь мою тысячу польвъ и выгодъ, и, однимъ словомъ, спасла меня отъ многихъ пороковъ и, можетъ быть, отъ множества несчастныхъ и противныхъ приключеній и я имѣлъ причину болѣе довольнымъ быть, нежели досадовать на то, что таковъ стыдливъ былъ съ молодю.

Такимъ образомъ, все обхожденіе мое съ дочерьми сего мизвика было сходственно съ вышенисаннымъ изображеніемъ моего нрава. Я обходилъ съ ними очень удаленно и не только никогда не изъявлялъ желанія ознакомиться съ ними ближе, и не только не начиналъ никогда заводить съ ними шутки и разговоры, но и говаривалъ съ ними только тогда, когда они меня о чемъ-нибудь спрашивали мнѣ, по необходимости, уже отвѣчать имъ надлежало. А наиглавнѣйшіе мои разговоры и препровожденіе времени было съ старикомъ, который при всей своей старости былъ неприятнѣйшій и разумный человѣкъ, и я не наскучивалъ съ нимъ говорить по нѣскольку часовъ сряду. Сіе всего болѣе старику во мнѣ и полюбилось и для самаго того и получилъ онъ ко мнѣ въ короткое время столь великое дружество, что оказалъ вышеупомянутые опыты оной

безъ всякаго моего въ томъ домогательства и старанія.

Такимъ образомъ, размышляя о послѣднихъ его словахъ и находя тому причину, усматривалъ я, что въ нихъ не одни только похвалы моему поведенію, но вкупѣ и нѣкоторый родъ предварительной загадки заключался, и что слова сіи клонились и къ тому, чтобъ я и впредь такимъ же образомъ себя велъ, и не принудилъ бы ихъ въ принятомъ обо мнѣ хорошемъ мнѣніи обмануться, и въ оказанномъ мнѣ дружелюбіи и услугахъ раскаяваться. Я дивился тогда благоразумію моего старика и, усмѣхнувшись, самъ себя говорилъ: «Пожалуй, старичокъ дорогой, не безпокойся! Не на такую птицу ты попалъ, которая бы твоей милой покой нарушать и тебя тѣмъ огорчить похотѣла, чего ты опасаться. Мы сами отъ того, какъ отъ огня бѣгаемъ! Куда намъ затѣвать излишнее!»

Совсѣмъ тѣмъ размышленіе сіе произвело тотъ плодъ, что я положилъ съ того времени впредь, о соблюденіи поступковъ и поведенія моего въ надлежащихъ предѣлахъ благористойности и благоразумія, особенное и возможнѣйшее прилагать стараніе. Я разсуждалъ о будущемъ моемъ житіи и о гораздо ближайшемъ къ нимъ сосѣдствѣ. А приходило мнѣ также и то въ голову, что я ежедневно буду находиться съ ними, и имѣть случай ихъ видѣть и говорить, слѣдовательно, и гораздо ближе ознакомиться съ ними. Самое сіе меня нѣсколько и тревожило. — Я слыхалъ, что можно и противъ воли своей влюбиться, а дочери г. Розенштрауха не таковы были дурны, чтобъ не могли никому вперить къ себѣ любовнаго пламени. Нѣкоторыя изъ нихъ были довольно хороши, и хотя ни одну изъ нихъ не можно было почесть красавицею, но всѣ до одной были разумныя и очень хорошо воспитанныя дѣвушки; самое сіе меня нѣкоторымъ образомъ и устрашало и озабочивало. Я боялся, чтобъ и противъ хотѣнія и желанія своего не попасться въ какія-нибудь сѣти. А особливо опасался я одной

изъ среднихъ, которую звали Елеонорою, и которая превосходила всѣхъ своихъ сестеръ и красотою и разумомъ, и пріятностію своихъ поступковъ и обхожденія.

Совсѣмъ тѣмъ, возлагая я великую надежду на свою застѣнчивость и несмѣлость, о которой думалъ, что она не допуститъ меня никогда до близкаго и короткаго съ ними обхожденія, которое, какъ извѣстно, обменовенно питаетъ и возжигаетъ любовь, когда бы она, напримѣръ, и зачалася. Сверхъ того, положилъ я имѣть всегдашнюю осторожность и примѣчать за дѣйствіями своего сердца, также убѣгать всѣми образами безъ нужды съ ними свиданіевъ, а особливо слушавъ бытъ и говорить съ ними наединѣ.

Все сіе мнѣ очень много и помогло, но совсѣмъ тѣмъ не знаю я, было бы сіе одно въ состояніи сохранить меня отъ искушенія, если бы не соединились къ тому по счастью и другія обстоятельства, а именно: во-первыхъ, не имѣлъ я во все время стоянія моего тутъ ни единого случая, чтобъ быть мнѣ не только съ одною изъ дочерей г. Розенштрауха, но и со всѣми ими одному безъ ихъ отца и матери вмѣстѣ, потому что сіи очень мало, а старикъ по старости своей повсе никуда не выѣзжалъ и не выходилъ. Во-вторыхъ, обхожденіе въ домѣ не было никогда такъ вольно, чтобъ можно было мнѣ ходить по произволу моему по всѣмъ комнатамъ, но я довольствовался всегда сидѣніемъ съ стариками въ одной; въ той же побочной комнатѣ, гдѣ жили его дочери, никогда нога моя не бывала. Въ-третьихъ, ко мнѣ въ половину онѣ очень рѣдко и то развѣ всѣ вмѣстѣ съ отцомъ или матерью иногда на часокъ прикаживали; а когда я къ нимъ приходилъ, то было сіе обыкновенно либо къ обѣду, либо къ ужину, и тогда сиживалъ я неотлучно отъ старика моего. Въ-четвертыхъ, и что наибольшимъ обстоятельствомъ почесть можно, не было съ обѣихъ сторонъ ни малаго о томъ старанія, чтобъ сводить ближайшее знакомство. Дочерямъ

зенштрауха можно было ту честь приписать, что всѣ онѣ были дѣвушки не вѣтренныя, но постоянныя, и во всѣхъ своихъ поведеніяхъ наблюдали кротость и благопристойность, почему и со мною, когда мы уже болѣе знакомы стали, обходились онѣ хотя ласково и пріятно, однако никогда не дѣлала ни одна изъ нихъ ниже малѣйшаго вида, какой-нибудь nepозволительной дѣвушки поступки. Одинъ только случай помню я, который нѣкоторымъ образомъ окритиковать, однако опять и безпристрастнымъ почестъ можно, а именно:

Случилось однажды, что старикъ послѣ обѣда легъ спать, а я сидѣлъ со старухой и дочерью, но и ее не знаю зачѣмъ-то изъ горницы позвали. Тогда, выходя, она говорила дочерямъ, чтобъ они, между тѣмъ, говорили со мною, чтобъ было мнѣ не скучно. Такъ случилось, что ближе всѣхъ ко мнѣ была тогда вышеупомянутая дочь ея, фрелина Нора, такъ называли ее полуименемъ. Она, подошедши ко мнѣ, стала подлѣ окошка и, разговаривая со мною не помню о чемъ, стала колоть булавкою бумажку, которою случилось заглѣплена быть разбитая за день предъ тѣмъ окончина. Меня догадаю спросить ее, что это она дѣлаетъ и на что прокалываетъ окончину? «А вотъ, господинъ подпоручикъ, сказала она мнѣ: извольте-ка посмотрѣть: что это такое, и хорошо ли?» — Я всталъ посмотрѣть, но въ какое удивленіе пришелъ, увидѣвъ, что она наколола связанное вензелемъ мое имя и фамилію. Я застыдился тогда и притворясь сказалъ, что я не разберу, что это такое. — «Нельзя этому стать!» отвѣтствовала она мнѣ: «что вы не разобрали чье это имя?» — Я не зналъ, что ей тогда на сіе отвѣтствовать; но, по счастью, вошла тогда опять ея мать и разговоръ нашъ прекратила. Совсѣмъ тѣмъ, каково сіе и невинно, можетъ быть, было, однако я нѣсколько дней стыдился взглянуть на нее. Вотъ сколь стыдливость моя была велика!

Но я возвращусь къ продолженію по-

рядка моей исторіи, отъ котораго я нечувствительно удалился. Такимъ образомъ, дня два послѣ бывшаго у насъ съ господиномъ Розенштраухомъ пріятнаго разговора, перешелъ я въ новоотведенную мнѣ квартиру и нашелъ ее гораздо спокойнѣйшею предъ прежнимъ жилищемъ. Я имѣлъ для себя изрядно убранную, просторную и теплую комнату, а для людей моихъ была особливая комната тутъ же. Но что для меня всего было пріятнѣе, то отдѣлялась сія половина отъ прочихъ хоромъ сѣнями, имѣющими на дворъ особливой выходъ, а внутри себя небольшую кухню, изъ которой обыкновенно покон тапливались. Итакъ, посредствомъ сихъ не было съ прочими покоями и другою половиною хоромъ никакого сообщенія, а ежели надлежало ходить къ мызнику, то принуждено было обходить дворомъ подъ окнами съ одного крыльца на другое.

Симъ кончу я теперешнее письмо и сказавъ вамъ, что я емь и прочая.

ВЪ МЫЗѢ КАЛЬТЕВРУНЪ.

Письмо 35.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, по особливому счастью получивъ весьма спокойную и едва ли не выгоднѣйшую квартиру предъ всѣми прочими ротными командирами, простоялъ я на ней всю тогдашнюю зиму, не имѣя ни малѣйшей ни въ чемъ нужды и недостатка. Жить было свѣтло, тепло и покойно; столъ былъ у меня готовый; лошади ѣли не мое, а что всего было лучше, то и въ пріятномъ обхожденіи не имѣлъ недостатка и скуки никогда не чувствовалъ. Всѣмъ симъ обязанъ я былъ съ одной стороны дружбѣ г. Розенштрауха, а съ другою порядочному своему поведенію, а болѣе всего знанію нѣмецкаго языка.

Теперь опишу я вамъ, любезный пріятель, подробнѣе мою жизнь и всѣ мои въ семь мѣстѣ упражненія. Поутру, вставъ и налившись чаю, отправлялъ я когда случались, кой-какія ротныя дѣла и раздавалъ потребныя приказанія. Ис-

правивъ все, что касалось до моей должности, садился я за свой столикъ, принимался за перо и бумагу и начиналъ свою работу. Она состояла въ продолженіи того перевода одного нѣмецкаго романа, о которомъ упоминалъ я уже прежде, и который началъ въ бытность еще въ лагерѣ подъ Ригою. Книга сія имѣла собственный титулъ: «Малослышанная и бѣдственная жизнь и похождения Якова Пакартуса, бывшаго потомъ милордомъ въ Англіи». По неизмѣннѣйшимъ лучшимъ, полюбились она мнѣ болѣе для того, что была веселѣе прочихъ, и походила нѣсколько на Жилбаза или Робинзон-Круза. Я и тогда перевелъ уже ея нѣсколько, а тутъ продолжая съ такимъ успѣхомъ, трудился надъ переводомъ и переписываніемъ онаго на-бѣло, что получилъ двѣ нарочитой величины книжки; однако окончить мнѣ ее за потеряннѣйшимъ самаго оригинала не удалось. Какъ приходило время обѣда, то, накинувъ кафтанъ, хаживалъ я въ половину моего хозяина обѣдать съ ними, ибо г. Розенштраухъ неотмѣнно того требовалъ. Равно какъ и лошади мои на другой же день должны были быть на его же содержаніи и конюшнѣ, и люди мои только ихъ чистили.

Обѣдывало насъ всегда изрядная семейка, и всегда человекъ восемь. Поелику г. Розенштраухъ былъ не весьма достаточный и богатый дворянинъ, то хотя столъ его и не былъ наполненъ множествомъ кушаньевъ, но завсегда господствовала въ немъ обыкновенная нѣмецкая умѣренность, однако могу сказать, что я никогда голоденъ не былъ, но паче всегда былъ доволенъ, чему много поспѣшествовало и хорошее приготовленіе кушаньевъ. Дочери его должны были подевно хозяйничать и надъ приуготовленіемъ яствъ смотрѣть и стараться сами, что и дѣлать имъ потому было способно, что, по обыкновенію лифляндскому, кухня находилась внутри хоромъ и подлѣ ихъ спальни. Одно только обстоятельство мнѣ нѣсколько сначала досаждало, а именно, что у нихъ не только на сто-

лѣ, но и во всемъ домѣ не было ни капли квасу, а пили всѣ пиво. Всякій разъ предъ моею тарелкою поставлялась онаго превеликая серебряная стопа, и оно хоть не кушай. Долго не могъ я никакъ въ сему напитку привыкнуть. Было оно хотя легкое и хорошее лифляндское пиво, но какъ я никогда онаго не пивалъ, то не шло оно мнѣ въ душу. Однако, чего привычка не можетъ сдѣлать? Мало-по-малу привыкъ и я къ оному, и оно сдѣлалось мнѣ наконецъ вкуснѣе самаго квасу, такъ что я пилъ его въ жажду и безъ всякаго принужденія. По удивительнѣе всего то, что было оно ни какъ не пьяно, такъ же что тогда я его пилъ охотно, но послѣ опять пересталъ и такъ отвыкъ, что и нынѣ въ ротъ не беру, кромѣ самаго легкаго и сладкаго полпива.

Послѣ обѣда рѣдко я у нихъ долго сживалъ. Старикъ имѣлъ обыкновеніе спать, а я спѣшилъ упражняться опять въ моему читанію и писанію и отъ нихъ ухаживалъ, развѣ только когда пращивали они, чтобъ я подождать кофе, или остался-бъ посидѣть съ ними хоть полчаса для препровожденія имъ времени. Такимъ образомъ все послѣобѣднѣйшее время проводилъ я въ обыкновенныхъ своихъ домашнихъ упражненіяхъ и дѣлалъ, и всегда чѣмъ-нибудь бывалъ занятъ. Чтѣ-жъ касается до вечеровъ, а особливо въ глубокую осень и въ зимнее время, когда бывали они длинные и скучные, то долженъ я былъ дѣлать старику моему удовольствіе и, приходя къ нему, препровождать оныя съ нимъ вмѣстѣ. Думать бы надобно, что мнѣ все сіе неиннако какъ скоро могло прискучить, однако было тому противное, но я охотно къ нимъ хаживалъ и дѣлалъ съ стариками безъ скуки свое время. Ибо кромѣ того, что я всегда любилъ обходиться съ разумными стариками, и самое препровожденіе времени было у насъ пережѣнное. Но въ чемъ же оныя состояли? Мы упражнялись съ нимъ отчасти въ разговорахъ; г. Розенштраухъ рассказывалъ мнѣ свое житіе - бытѣ, и что съ

нимъ въ жизнь его случилось, и что онъ на вѣку своемъ видѣлъ. И какъ онъ нѣскольکو десятковъ лѣтъ служилъ въ королевской шведской службѣ и находился во всѣхъ походахъ и на многихъ баталіяхъ во время войны шведской съ императоромъ Петромъ Великимъ, и, будучи уже ротмистромъ, взять былъ послѣ полтавской баталіи нашими войсками въ полонъ, а потомъ вмѣстѣ съ прочими плѣнными посланъ былъ въ нашу Сибирь и тамъ болѣе десяти лѣтъ препроводилъ, да и въ прочемъ многія перемѣны въ счастьи и несчастіи, какъ тамъ, такъ и въ прочую свою жизнь видѣлъ: то и было всегда довольно матеріи ему къ разсказыванію, а мнѣ къ любопытному слушанію и распраниванію. Въ особенности же пріятно было слушать, когда онъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Сибири, и о томъ, какъ они тамъ сперва терпѣли всякую нужду, какъ потомъ стали заводить разныя рукодѣлія и мастерства и ими питаться, какъ они дѣлывали карты, и прочее тому подобное. Когда же намъ наскучивалось говорить, то сядились мы за ломберъ. Сію игру любилъ онъ и старуха чрезвычайно, и мы игравали въ нее каждый вечеръ, а наконецъ такъ привыкли, что наилучшее наше въ томъ было упражненіе и увеселеніе. Въ особенности же была тѣмъ чрезвычайно довольна старуха, имѣвшая особенно пріятный и веселый нравъ. Выигрышъ и проигрышъ былъ у насъ взаимный и неубыточный, къ тому жъ и играли мы не на призы, а становя только по денежкѣ ставку, а кто сдаеть—по копѣйкѣ. Итакъ, во всю зиму не остался у насъ никто ни въ проигрышѣ, ни въ выигрышѣ, хотя мы, бывало, всегда часу до двѣнадцатаго сидимъ, и накричимся и нахохочемся довольно. Дочери ихъ сиживали вмѣстѣ съ нами, но обыкновенно упражнялись въ какихъ-нибудь рукодѣліяхъ.

Симъ образомъ жили мы какъ одна семья и какъ родные, и мнѣ было довольно весело. Кромѣ сего имѣлъ я часто увеселеніе, бывая на стеклянныхъ

заводахъ и сматривая, какъ дѣлають бутылки и другую стеклянную посуду. Они находились отъ насъ версты только двѣ и принадлежали моему хозяину. По сей причинѣ бывалъ я часто на нихъ и, не видавши никогда, не могъ довольно удивиться скорости мастеровъ и всему производству сего дѣла. Особенно удивляло меня, что изъ простой золы, да изъ песку и соли, могла дѣлаться такая жидкая и потомъ столь твердая и прозрачная матерія, каково стекло въ бутылкахъ. Иногда выпрашивалъ я самъ у мастеровъ желѣзную трубку, которую достаютъ они стеклянное тѣсто изъ печи, и отвѣдывалъ самъ дѣлать бутылки; и какъ сдѣлать ее очень немудрено, то и дѣлывалъ совершенныя бутылки, но только не такъ скоро, какъ они, и мнѣ для сдѣланія одной надобно было болѣе времени, нежели имъ для сдѣланія трехъ. Познакомившіеся со мною мастера не отпускали меня никогда съ завода празднымъ и не снабдивъ множествомъ разныхъ стеклянныхъ бездѣлушекъ, какъ напримѣръ, стеклянныхъ родовъ хлопательныхъ сосулекъ и другихъ тому подобныхъ вещей.

Кромѣ всѣхъ сихъ упражненій, не было также по молодости моей недостатка и въ другихъ, кои наче рѣзвостями, нежели порядочными упражненіями почесть можно. Между прочимъ, имѣлъ я чрезвычайную охоту къ пороху и къ дѣланію всякихъ фейерверочныхъ фигурокъ. Но одна таковая игрушка потрясла—было мнѣ превеликими бѣдами, а именно: будучи недоволенъ обыкновенными шлагами или обыкновенными нынѣшними гренадерскими гранатами, захотѣлось мнѣ сдѣлать шлагу побольше гораздо обыкновенной и тѣмъ удивить дѣвушекъ, которыя любилвали смотрѣть такія вещи. Цѣлую недѣлю дѣлалъ я ее самъ, и какъ пороху хотѣлось мнѣ положить въ нее цѣлый фунтъ, то и была она величною болѣе головы человѣческой. Сдѣлавши и изготовивъ совсѣмъ предложилъ я дѣвцамъ, не изволятъ ли посмотрѣть, какъ будутъ кидать особ-

ливаго рода шлагу. Онѣ рады были тому, какъ обыкновенно, и охотно согласились выйти на крыльцо вмѣстѣ съ старухою, своею матерью. Время было тогда уже ночное, ибо я нарочно кидывалъ шлаги ночью, чтобъ имъ видѣе былъ огонь и искры отъ трубки. Чтобъ далѣе кинуть, то велѣлъ я шлагу мою привязать на веревочку, и какъ зажгутъ, то бы размахать ее хорошенько и какъ возможно далѣе кинуть. Я опредѣлилъ къ тому двухъ человекъ: слугу своего Якова, чтобъ кидать, а зажигать велѣлъ живущему при мнѣ солдату. Въ первый разъ зажгли и кинули ее порядочно, но какъ трубка была старая, то не выгорѣла она вся и не дошедъ до пороха потухла. Досадно мнѣ сіе тогда было чрезвычайно, однако я пошелъ и, вынувши трубку, ее опять набилъ мякотью и велѣлъ ее въ другой разъ бросить. Но удача была и въ сей разъ не лучше прежняго. Я позабылъ хорошенько ее внутри вычистить и оттого, засорившись углемъ, не могла и въ сей разъ она вся выгорѣть и потухла.

Тогда разсердился я еще пуще прежняго и хотѣлъ-было иттить въ третій разъ набивать, какъ пришли сказывать, что ужинъ уже на столѣ поставленъ. Итакъ, принужденъ я былъ иттить за ужинъ; однако, досадуя на окаянную трубку, велѣлъ я ее людямъ безъ себя и покуда мы ужинаемъ, хорошенько вычистить внутри, набить, зная, что имъ уже это не въ первое, и они какъ набивать знали. Но что-жъ сдѣлалось? Сіи молодцы, набивая оную, не пожалѣли своей силы, но колотя взапуски другъ передъ другомъ, раскололи трубку. Встужились они о томъ и, не хотя умножить мою досаду, согласились между собою мнѣ о томъ не сказывать, но вколотили трубку въ шлагу, какъ надобно; ни мало не разсудя, что изъ того можетъ произойти опасность. И какъ я послѣ ужина эпросилъ, готова ли шлага и хорошо ли набита трубка? — «Готова, сударь!» сказали они. — «Ну! ступайте жъ бросать», сказалъ я. Но что жъ воспослѣдовало?

Не успѣлъ солдатъ зажечь, и слуга мой шлагу еще изъ рукъ не выпустилъ, какъ ее съ превеликимъ громомъ въ рукахъ у него разорвало. Фрелины закричали, испужавшись отъ нечаяннаго и жестокаго удара, а я также обмеръ и испужался. но совсѣмъ отъ другой причины. Нечаянное и скоростижное разорваніе предвѣстило мнѣ тотчасъ бѣду, которую я надѣлалъ, а при свѣтѣ освѣтившаго огня. что и слуга и солдатъ мой повалились на землю. Я не иное что заключилъ тогда, что убило ихъ обоихъ до смерти, и для того безъ памяти бросился къ нимъ. крича: «Ахъ, убило, убило ихъ бѣдныхъ!» Совсѣмъ тѣмъ, опаматовался я, увидѣвъ, что они оба живы. Солдатъ тотчасъ всталъ и говорилъ, что его только опалило и оглушило, а слуга мой заревѣлъ, минуто спустя, бѣлугою. Мы бросились смотрѣть, что съ нимъ сдѣлалось, и увидѣли, что ему руку, въ которой онъ держалъ шлагу, ужасно повредила она, отворотивъ совсѣмъ большой палецъ и что кровь лилась изъ нея ручьями. Тогда игрушка моя превратилась въ трагедію: всѣ тужили и сожалѣли о семъ приключеніи и не знали, что дѣлать. На его руку страшно было взглянуть: вся она была опалена и окровавлена; платье на немъ также горѣло, и я не помню, чтобъ когда-нибудь находился я въ такомъ нестроеніи, какъ въ тогдашнее время. Но, по счастью, это было въ полку и недалеко отъ лазарета. Я отправилъ его наутрѣ въ оный и писалъ къ лекарю, который мнѣ хорошей пріятель былъ, чтобъ онъ помогъ ему, и стараніемъ его былъ онъ недѣль въ шесть совсѣмъ вылеченъ и сдѣланъ опять съ рукою. Совсѣмъ тѣмъ, память о семъ несчастномъ приключеніи долго у меня изъ головы не выходила, и я благодарилъ Бога, что оно такъ окончилось, ибо легко могло статься, чтобъ убило симъ образомъ солдата совсѣмъ до смерти, и я бы оттого могъ попасть въ несчастіе. Съ того времени бросилъ я сію утѣху и пересталъ шлагъ дѣлать.

Въ другой разъ, въ сію же зиму под-

верженъ я былъ отъ подобной же сему игрушки, или, паче связать, отъ любопытства самъ великой опасности. Не знаю чья-то случилась у меня быть тогда нѣмецкая книга. Я, читая ее, нашелъ, что можно сдѣлать такой порошокъ, который самъ и не будучи ни въ чемъ хлопнуть, ежели поддержать его на концѣ ножика надъ зажженною свѣчкою, и что вся хитрость состоитъ въ томъ, чтобъ взять одну часть соли, называемой салтартари, которая продается въ аптекахъ, да двѣ части сѣры, да четыре селитры и, все сіе смѣшавъ, стереть мелко. Какъ я ко всѣмъ такимъ вещамъ былъ охотникъ, то захотѣлось мнѣ нетерпѣливо сіе испытать, и для того при случившейся первой оказіи въ Ригу, велѣлъ я себѣ купить помянутыхъ матеріаловъ, и когда ихъ привезли, то того жъ часа оный бѣлый порошокъ я и сдѣлалъ. Изготовивши совсѣмъ, захотѣлось мнѣ дѣйствіе его попробовать; я велѣлъ подать свѣчу и, насыпавъ на конецъ ножа, какъ было написано, сталъ жечь оный на огнѣ. Но порошокъ мой не хотѣлъ хлопнуть, а только шипѣлъ, загорѣвшись. Я его жечь такъ, я его инакъ, но не могъ ничего добиться. Досадно мнѣ невѣдомо какъ сіе было, и я заключалъ, что либо въ книгѣ соврано, либо я не такъ его сдѣлалъ, либо упомянуто было не все объ ономъ. Въ сихъ размышленіяхъ вздумалось мнѣ, что, конечно, его надобно напередъ стопить вмѣстѣ, а потомъ уже истолочь и жечь. Не успѣлъ а сего вздумать, какъ велѣлъ малому разложить огонекъ въ кухнѣ, которая у насъ въ сѣняхъ была особливая, и, насыпавши порошокъ съ чайную ложку въ небольшую мѣдную чашечку, поставилъ оную на таганъ и сталъ смотрѣть, что съ нимъ будетъ. Долго чашечка моя стояла, но порошокъ мой и не помышлялъ топиться. Наконецъ наскучилъ уже я и говорилъ малому: «Пропади онъ совсѣмъ! Брось его тутъ! Пускай себѣ стоитъ на огнѣ, а мы пойдемъ въ горницу». Но нетерпѣливость и любопытство мое скоро меня назадъ изъ оной выгнало. Побывъ немного,

пошелъ я съ малымъ опять смотрѣть свой порошокъ, и увидѣлъ, что онъ совсѣмъ почти растопился, и что ему уже немного дотапливаться осталось. Но какъ огонь почти погасъ, то велѣлъ я малому подуть, а самъ, наклонившись, смотрѣлъ въ чашечку. Но что жъ воспослѣдовало? Не успѣлъ малый мой раза два дунуть въ огонь, какъ сдѣлался вдругъ такой ударъ, какъ-бы разорвало желѣзную гранату или по крайней мѣрѣ шлагу, и мимо самой головы моей не знаю что свиснуло и зацѣпило за верхъ колпака моего. Легко можно заключить, что мы оба не только дрогнули, но отъ такого нечаяннаго громкаго и жестокаго удара испугались крайне. У обонхъ у насъ звѣнѣло только въ ушахъ; однако, какъ обонимъ намъ никакого вреда не учинилось, то обрадовался я чрезвычайно хорошему дѣйствію моего порошка и дивился, какъ могло отъ толь малаго количества онаго такъ сильно хлопнуть.

Между тѣмъ взглянулъ малый мой на чашечку и, не увидѣвъ ея, закричалъ: «Ба! Да гдѣ жъ, сударь, чашечка-то?» — «Какъ гдѣ? отвѣчалъ я ему удивившись: — она тамъ, я ея не бралъ». — «Да нѣтъ, сударь, ея здѣсь», повторилъ онъ. — «Ну, сказалъ я тогда: такъ это, конечно, она у меня мимо головы свиснула!» Сіе, въ самомъ-дѣлѣ, такъ было, но мы въ торопяхъ того и не примѣтили. Тогда начали мы ее искать по кухнѣ, но какъ я удивился, нашедъ ее не только проломленною, но и исковерканною всю объ стѣну каменную, въ которую она попала! Ударъ, произведенный ею, былъ столь силенъ, что она сдѣлала въ стѣнѣ даже изрядную ямку. Тогда, увидѣвъ сіе, подумалъ я самъ въ себѣ: «Ну, хороша бы была игрушка, когда бы она мнѣ въ лобъ свиснула или въ голову попала!» Сердце во мнѣ даже содрогнулось, какъ я подумалъ, сколь я близокъ былъ къ смерти, и благодарилъ внутренно Бога, что избавилъ онъ меня очевидно отъ сей нечаянной и великой опасности.

Мы находились еще въ удивленіи, разсматривая изломанную чашечку, какъ весь

домъ встревожился и къ намъ бѣжали люди спрашивать, что такое сдѣлалось. Ударъ нашъ слышанъ былъ во всемъ домѣ, и я перепугалъ всѣхъ живущихъ. Но никого мнѣ такъ не жаль было, какъ любезнаго моего старика, ибо какъ случилось сіе вскорѣ послѣ обѣда, то онъ въ самое сіе время спалъ и на смерть перепугался. Я просилъ его о извиненіи и лгалъ ему, что я не зная того, что онъ спалъ, выстрѣлилъ по воронѣ изъ ружья, ибо самой правды мнѣ ему для того сказать тогда не хотѣлось, что получилъ бы отъ него за то опять дружескія тазанья, какія я отъ него уже слышалъ за прежнюю мою игрушку. Но послѣ онъ узналъ и дивился самъ дѣйствию порошка моего, ибо я, узнавъ короче его свойства и какъ лучше съ нимъ обходиться, не преминулъ нѣсколько разъ хлопать имъ при моихъ хозяевахъ и тѣмъ удивлять и веселить оныхъ.

Симъ образомъ кончилось сіе приключеніе, которое едва-было не лишило меня жизни, ибо чашечка не болѣе какъ на вершокъ отъ головы моей пролетѣла. Совеѣмъ тѣмъ узналъ чрезъ то я, какъ надобно обходиться съ помянутымъ порошкомъ и открылъ, какимъ образомъ надобно его жечь, чтобъ онъ хлопалъ, а вреда никакого причинить бы не могъ, а именно: его надобно на широкій конецъ ножа или, того лучше, на укрѣпленный въ палочку клочокъ листового желѣза или жести такъ положить, чтобъ онъ до краевъ никакъ не касался, а лежалъ бы въ срединѣ онаго. Ибо вся важность состоитъ въ томъ, чтобъ пламя свѣчи до него никакъ не достигло и онъ не могъ бы отъ него загорѣться, ибо въ семь случаѣ онъ только запылитъ; а надобно надъ огнемъ держать его съ терпѣніемъ, до тѣхъ поръ, покуда онъ совершенно растаетъ и начнетъ кипѣть, ибо въ самое сіе время онъ самъ собою и безъ всякаго зажиганья хлопнетъ.

Изъ сего всякій легко усмотрѣть можетъ, что вся опасность, которой я былъ подверженъ, произошла единственно отъ незнанія самаго сего обстоятельства, или паче оттого, что г. сочинитель помяну-

той нѣмецкой книги подѣвился присокупить въ описанію своему нѣсколько словъ и не досказалъ того, какъ его жечь и что притомъ въ особенности наблюдать надобно. Погрѣшность весьма обыкновенная иностраннымъ писателямъ, и за которую ихъ никакъ похвалить не можно.

Впрочемъ, какъ порошка сего нѣтъ нужды власть на ножъ болѣе количества противъ гредвой горюшины, ибо и оттого сдѣлается ударъ, какъ изъ маленькаго пистолета, то не можетъ произойти отъ него никакого вреда и опасности. Я много разъ послѣ того это дѣлывалъ, и всегда только игрушкою сею веселился. Но какую проказу я послѣ того симъ порошкомъ сдѣлалъ, о томъ упомяну ниже въ своемъ мѣстѣ, а теперь, симъ окончивъ сіе письмо, остаюсь и прочее.

ПРИУГОТОВЛЕНИЕ КЪ ПОХОДУ.

Письмо 36

Любезный пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ расскажу вамъ достальное наше стояніе въ сихъ кантонирь-квартирахъ, и что случилось со мною въ достальную часть зимы. Въ описанныхъ въ предсѣдующемъ письмѣ и подобныхъ тому другихъ упражненіяхъ. окончился тысяча семьсотъ пятьдесятъ шестой и наступилъ новый 1757 годъ, который въ особенности достопамятенъ былъ въ моей жизни, а не менѣе во всеміи свѣтѣ, бывшими въ теченіе онаго многими весьма знаменитыми происшествіями.

Въ началѣ сего года встревоженъ былъ нашъ покой однимъ нечаяннымъ и печальнымъ извѣстіемъ. У г. Розонштрауха, моего хозяина, было, кромѣ вышеупомянутыхъ пяти дочерей, еще два сына, которые оба служили въ нашей службѣ и находились тогда въ Курляндіи, гдѣ ихъ кирасирскому полку тогда стоятъ случилось. Объ одномъ изъ сихъ сыновей получено было тогда извѣстіе, что онъ, будучи боленъ горячкою съ пятнами, умеръ. Я удивился, увидѣвъ вдругъ по утру въ одинъ день вошедшаго ко мнѣ ихъ

пастора. По короткомъ извиненіи сказалъ онъ мнѣ: «Помогите мнѣ, государь мой, утѣшить печальную фамилію. Я нарочно зашелъ напередъ къ вамъ, чтобъ просить васъ, чтобъ вы при томъ были, какъ я сообщать буду г. Розенштрауху печальнѣйшее извѣстіе». Потомъ разсказалъ онъ все дѣло обстоятельно, и я съ охотою согласился сколько можно ему въ семъ случаѣ помогать.

Теперь не берусь я описывать то печальное зрѣлище, которое представилось тогда намъ, какъ мы довели рѣчь и наконецъ извѣстіе объявили. Бѣдный старикъ ахнулъ, услышавъ сіе, и едва могъ перенести ударъ, толь мало имъ ожидаемый. Чтò касается до матери, то сія упала того часа въ обморокъ, и мы съ пасторомъ принуждены были употребить довольно труда къ приведенію ее опять въ память. Плачь и рыданіе слышно было во всемъ домѣ, а особливо между сестрами. Единаго только вытѣя, какъ обыкновенія только намъ свойственнаго, я тутъ не слышалъ, а впрочемъ все, что только можно себѣ жалкаго вообразить, видимо было тогда въ семъ домѣ и нѣсколько дней сряду, въ полномъ совершенствѣ; пасторъ истощилъ все свое краснорѣчіе къ утѣшенію стариковъ, въ печаль погруженныхъ, но принужденъ былъ плакать вмѣстѣ съ ними. Лишеніе взрослога уже и великія надежды о себѣ подававшего сына было имъ несносно и единое напоминаніе о немъ возобновляло всю горестъ и печаль, чувствуемую ими. Я самъ, привыкнувъ уже къ нимъ, какъ къ роднымъ, бралъ участіе въ ихъ печали и хотя никогда не знавалъ покойника, однако искренно сожалѣлъ о его смерти и употреблялъ все, что могъ къ облегченію печали стариковъ и къ утѣшенію ихъ въ семъ горестномъ случаѣ.

Не успѣла ихъ печаль нѣсколько миновать, и возобновиться опять прежнее спокойствіе въ домѣ, какъ вдругъ занемогъ я наижесточайшимъ образомъ. Меня схватило такъ, что я принужденъ былъ того часа слезъ въ постелю и неизнако думать, что придетъ ко мнѣ опять го-

рячка. И тогда имѣлъ я случай насмотрѣться, сколь много меня мои хозяева любили. Они вступились и взгоревались всѣ, власно такъ, какъ бы занемогъ ихъ ближній родственникъ. Они пришли тотчасъ всѣ ко мнѣ и только что твердили: «О, бѣдный г. подпоручикъ! что вамъ это сдѣлалось, и куда какъ намъ васъ жаль!» Но сожалѣніе ихъ при однихъ словахъ не осталось, но они употребили все, что только могло служить къ облегченію или лучшему спокойствію больного. И постеля моя казалась имъ черства, и одѣяло холодно, и чай мой худъ: все надобно было имъ для меня перемѣнить, и все чего бы я ни похотѣлъ и о чемъ бы ни заикнулся, готово было для меня. Они просили, чтобъ я только Бога ради сказывалъ, а служанка ихъ не должна была почти вонъ выходить, дабы я тѣмъ меньше могъ дожидаться требуемаго. Однимъ словомъ, они ходили за мною какъ бы лучшіе мои родственники и не имѣли до тѣхъ поръ покоя, покуда я не выздоравлилъ, что, по счастью моему, скоро воспослѣдовало, но и за сіе обязанъ я былъ старанію мывицы: она вздумала меня сама лечить и уговорила принять не знаю какой-то сѣрый порошокъ, увѣряя, что онъ мнѣ конечно поможетъ, что и въ самомъ дѣлѣ такъ сдѣлалось. Не успѣлъ я оный и совсѣмъ непротивный порошокъ принять, какъ тотчасъ мнѣ полегчѣло, и я дня въ три оправился совсѣмъ отъ болѣзни. Такимъ образомъ, болѣзнь моя не продолжилась болѣе недѣли, и мы стали по прежнему препровождать свое время.

Удовольствіе мое вскорѣ послѣ сего умножилось еще приѣздомъ въ полкъ опять сестры моей. Зять мой отпросился у полковника еще изъ лагеря домой и, всю осень и половину зимы препроводивъ въ деревнѣ, возвратился тогда въ полкъ и привезъ опять съ собою сестру мою. Онъ пожалованъ былъ между тѣмъ уже капитаномъ. И какъ онъ жилъ и отъ штаба и отъ меня только верстъ за восемь, то сіе было причиною, что я часто къ нимъ ѣзжалъ и дня по два иногда у

нихъ гашивалъ. Сестра моя навезла съ собою мнѣ всякой всячины, а особливо изъ сластей и деревенскихъ конфетовъ, которыми я въ особенности и тѣмъ паче былъ доволенъ, что могъ ими иногда моихъ хозяевъ угощать и подчивать, когда они ко мнѣ прихаживали и тѣмъ сколько-нибудь соответствовать ихъ ласкамъ и благопріятству.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, обрадованъ я былъ еще однимъ случаемъ, а именно прїѣздомъ изъ деревни людей моихъ съ запасомъ. Они привезли мнѣ всякой походной провизіи и нѣкоторое количество денегъ, которыми я въ особенности былъ доволенъ, ибо хотя я и никакъ не моталъ, но жилъ нанвоздержнѣйшимъ образомъ, однако одного офицерскаго жалованья было слишкомъ мало къ тому, чтобъ можно было содержать себя порядочнымъ образомъ; сверхъ того нужны были тогда деньги и для предстоящаго похода.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, слухи о приближающейся и предстоящей съ пруссаками войнѣ часъ-отъ-часу умножались и распространялись болѣе. Уже дѣланы были изъ-подъ руки многія великія приуготовленія, и отъ генераловъ въ поляхъ, а отъ полку ко всѣмъ ротнымъ командирамъ присылаемы были то и дѣло секретные ордера, чтобъ имѣть все въ готовности къ походу, и чтобъ солдаты колько можно болѣе обучать военной экзерциціи, а тягости и обозы всѣ исправить, дабы по первому повелѣнію можно было выступить въ походъ. Сіе было причиною, что чѣмъ ближе время къ веснѣ приближалось, тѣмъ болѣе получалъ и я себѣ упражненія. Въ каждую недѣлю собираема была у меня рота и обучаема пальбѣ и экзерциціи, а въ прочіе дни обучались солдаты по квартирамъ своимъ. Для самаго-жъ того принуждены бывали мы всѣ, ротные командиры, нѣсколько разъ съѣзжаться въ штабъ и къ полковнику и вмѣстѣ съ онымъ совѣтоваться и трактовать о разныхъ полковыхъ надобностяхъ.

По наступленіи великаго поста при-

нужденъ я былъ отказаться отъ стола моего мызника. Мнѣ не хотѣлось во время онаго есть мясо, и для того велѣлъ я для себя особенное кушанье готовить. Сестра снабдила меня всѣмъ, что принадлежало къ постной провизіи, а сверхъ того привезли мнѣ и изъ деревни много кое-чего такого, чѣмъ въ сіе время питаться было можно. Совсѣмъ тѣмъ дружная перемѣна пищи произвела во мнѣ жестоку лихорадку. Тогда хозяйкамъ моимъ была обо мнѣ новая забота. «Вотъ, — говорили они пришедши тотчасъ меня навѣстить, — не правдули мы говорили, чтобъ вы опасались лихорадки. Мы не смѣли тогда вамъ прекословить, вѣдая что того законъ вашъ требуетъ, однако когда уже дѣло сдѣлалось и зло воспоследовало такъ ему помогать надобно. Благодарить Бога, что болѣзнь сія извѣстная, и потому не дивитесь тому, сказала прежняя моя врачевница, что я отъ васъ теперь требовать стану; прежде не хотѣла я, чтобъ вы постились и говѣли, а теперь неотмѣнно того требую, чтобъ вы дѣлали три дня ничего не кушали». — Для чего это такъ? спросилъ я удивившись. — «Для того, — отвѣчала она: что это наннадежнѣйшее и лучшее лекарство отъ лихорадки, происшедшей отъ испорченнаго желудка, какова теперь ваша».

Предписаніе сіе хотя казалось мнѣ строго, однако, убѣжденъ будучи ея увѣреніями и доказательствами, согласился я тому слѣдовать, а чрезъ самое то и дѣйствительно тотчасъ отъ лихорадки своей избавился и былъ съ того времени въ разсужденіе постныхъ пищей гораздо осторожнѣе и берегся какъ можно отъ грибовъ, отъ которыхъ она мнѣ наиболѣе сдѣлалась, да и хозяйка моя, которой приносилъ я тысячу благодареній за ея попеченіе обо мнѣ и вспоможеніе, старалась отыскивать у себя въ домѣ все, что только можно было мнѣ употреблять съ меньшею опасностію въ пищу.

Вскорѣ послѣ того по одному нечаянному случаю принужденъ я былъ разстаться съ сестрою моею. Нашему пол-

ковнику, который былъ зятю моему всегдашній милостивецъ и покровитель, случилось на нѣсколько недѣль отлучиться. Онъ, отъѣзжая, поручилъ команду надъ полкомъ новому нашему и недавно только приѣхавшему подполковнику, господину Ступишину. Сей старый и не гораздо хорошихъ свойствъ человекъ, не знаю за что то не поладилъ съ моимъ зятемъ. Говорили тогда, будто причиною тому была досада, для чего зять мой, будучи человекъ достаточный, по приѣздѣ своемъ изъ деревни ничѣмъ его не обослалъ. Но какъ бы то ни было, но подполковникъ на него сердился и изыскивалъ способы сдѣлать ему какой-нибудь вредъ. Къ несчастію скоро и явился къ тому желаемый имъ случай. Отъ полку нашего велѣно было командировать надежнаго офицера въ Польшу для нѣкоторыхъ дѣлъ, и какъ комиссія сія была не гораздо выгодна и всякій отъ нея уклониться желалъ, то и назначилъ къ тому моего зятя, несмотря, что онъ былъ ротный командиръ, слѣдовательно, и въ команду ему итти не надежало-бы. Всѣ старанія, употребленныя зятемъ моимъ къ отвращенію того, были тщетны, но онъ принужденъ былъ чрезъ три дня выѣхать.

Нечаянное сіе отправленіе, а особливо въ чужое государство, гдѣ нашихъ никого еще не было, причинило сестрѣ моей печаль чрезвычайную. Мнѣ дали о семъ точчасъ знать, и я, прискакавъ, нашелъ ее утопающею въ слезахъ и оплакивающую судьбину своего мужа, которую она почитала уже напередъ пагубною и въ томъ не сомнѣвалась. Она любила очень своего мужа, и какъ не надѣялась болѣе его видѣть, то горестъ ея была неопи-савна, и я не въ состояніи былъ ее ничѣмъ утѣшить. Такимъ образомъ проводили мы зятя моего въ путь, обмочивъ его нашими слезами, а на другой день принужденъ былъ и я разстаться съ моею сестрою, ибо какъ ей одной при полку дѣлать было уже нечего, то поѣхала и она съ горестію обратно въ свою деревню. При семъ случаѣ довольно испыталъ

я, сколь горестно разставаться съ близкими родными, при такихъ обстоятельствахъ, когда неизвѣстно, велитъ ли Богъ впередъ когда-нибудь еще видѣться. Оба мы тогда отправлялись и готовились итти на войну, и мысль о томъ, что, легко можетъ быть, оба на ней погибнемъ, была сестрѣ моей несносна и пронзала сердце ея неописанною печалію. Она простилась со мною, обливъ меня также слезами, какъ и своего мужа, и я до тѣхъ поръ не могъ плачущихъ глазъ своихъ совратить съ той страны, куда она поѣхала, покуда повозки ея были видны и лѣса не закрыли ихъ отъ моихъ взоровъ.

Такимъ образомъ, оставшись одинъ и власно какъ осиротѣвъ, возвратился я на свою квартиру. Тутъ предъ наступленіемъ святой недѣли и въ самую великую среду, появилась ко мнѣ опять жестокая лихорадка. Досадно было мнѣ это, однако я ласкался надеждою, что она минуетъ, ибо сперва показалась она очень слабовъ, почему не уважая оную, поѣхалъ я въ штабъ для присутствія при службѣ божественной въ день св. пасхи. Однако я въ надеждѣ своей обманулся. Лихорадка моя часъ отъ-часу не уменьшалась, а становилась сильнѣе, и въ великую пятницу трепала меня уже хорошимъ мастерствомъ. Горе на меня было тогда превеликое. Я видѣлъ, что мнѣ необходимо падобно будетъ приниматься за прежнее мое лекарство, ибо звалъ, что надобно ее заранѣе захватывать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но дни приходили не такіе, которые бы къ говѣнью были приличны. Со всѣмъ тѣмъ, какъ она въ великую субботу меня опять и еще гораздо сильнѣе бить стала, то некогда было болѣе разбирать праздники. Однимъ словомъ, я положилъ не только всѣ три первые дня святой недѣли не ѣсть, но ниже разгваливаться, и дѣйствительно сіе исполнить. Завтреню и обѣдню простоялъ я, за слабостію своею, съ превеличайшею нуждою и, возвратившись домой съ тощимъ желудкомъ, продолжалъ строгое говѣніе какъ въ тотъ, такъ и послѣдующій день, и сіе было въ первый разъ отъ роду, что я

такой великій праздникъ принужденъ былъ препроводить не ѣвши и не пивши. Но до чего не доводитъ нужда и обстоятельство! Я радъ, по-крайней-мѣрѣ, былъ тому, что лихорадка моя чрезъ то стала очевидно уменьшаться и проходить. Наконецъ къ вечеру уже третьяго дня, то-есть во вторникъ, заѣхало ко мнѣ нѣсколько человекъ нашихъ офицеровъ, моихъ друзей, и требовали ужинать. Я сказывалъ имъ, что у меня ничего варенаго и готовленнаго нѣтъ, и что я уже цѣлыя три дня ничего не ѣмъ; но они говорили, чтобъ я велѣлъ имъ сдѣлать хотя яичницу. Сіе тотчасъ было исполнено, и тогда не могъ я болѣе утерпѣть, чтобъ не ѣсть съ ними вмѣстѣ. Яичница сія показалась мнѣ тогда такъ вкусна, что вкусилъ того не ѣдалъ я во всю жизнь мою: толь сильно пронялъ меня голодъ. Совѣтъ тѣмъ сіе мнѣ не причинило уже вреда, ибо лихорадка въ самые сіи три дня уже миновалась, и съ того времени не была я очень долго боленъ. Вотъ сколь хорошее лекарство есть голодъ отъ лихорадки!

Теперь приближаюсь я къ описанію нашего похода и послѣдующей войны, или, по-крайней мѣрѣ, той части оной, которую мнѣ самому видѣть случилось. Могу сказать, что я доволенъ нынѣ тѣмъ, что я догадался тогда вести походу нашему короткій журналъ и записку, почему и описать его, при вспоможеніи памяти своей, могу я обстоятельно. Напоминаніе прежнихъ съ нами приключеній, а особливо военныхъ походовъ, не знаю какъ-то причиняетъ намъ особливое послѣ увеселеніе, и мы не знаемъ какъ веселимся, читая оное и напоминая тогдашнія произшествія.

Такимъ образомъ, не успѣло двухъ недѣль пройти послѣ святой педѣли и весна только-что вскрыться, какъ полученъ былъ въ полкъ секретный ордеръ, чтобъ ему немедленно выступить изъ своихъ каютъ-ниръ-квартиръ и идти въ Ригу, какъ назначенное для генеральнаго радеву мѣсто. Это было 17-го апрѣля, какъ полученъ было первое о томъ повелѣніе, которое тотчасъ сообщено было отъ полка всѣмъ ротнымъ командирамъ.

Нашимъ ротамъ велѣно было собраться въ мызу Кастранъ, гдѣ тогда нашъ штабъ-квартировалъ, къ 24-му числу помянутаго мѣсяца. Итакъ, наканунѣ сего дня распрощался я съ моими хозяевами, принося имъ тысячу благодареній за всѣ ихъ оказанныя ко мнѣ ласки, пріятство и благоудѣянія. Они такъ ко мнѣ чрезъ зиму привыкли и столь много меня любили, что провожали меня какъ бы родного и самаго ближняго своего свойственника. Они снабдили меня всѣмъ, что мнѣ надобно было къ походу, и не было никого въ домѣ, кто бы прощаясь насъ не плакалъ. Толь чувствительный онытъ дружества трогалъ меня чрезвычайнымъ образомъ. Я обнялъ любезнаго моего старика и не могъ самъ отъ слезъ удержаться. Представленіе, что я его никогда болѣе не увижу и что прощаюсь съ нимъ и вижу его въ послѣдній разъ, вогнало въ глаза мои слезы.— «Прости, любезный господинъ подпоручикъ! — говорилъ онъ мнѣ сквозь слезы: Небо даруй вамъ всякое благополучіе и сохрани васъ отъ всѣхъ военныхъ опасностей. Ежели увидите моего сына, то прошу ему сказать о насъ и рекомендую его вамъ въ дружбу. Вспомните также когда-нибудь и обо мнѣ, престарѣломъ человекѣ, и будьте увѣрены, что я васъ и въ отсутствіи всегда люблю и почитать буду и имя ваше по гробъ не забуду».

Прощаніе съ старухою и ея дочерью было не менѣе трогательно. Онѣ всѣ почти навзрыдъ плакали и желали мнѣ всѣхъ благополучій въ свѣтѣ. При отъѣздѣ моемъ вышли онѣ всѣ на крыльцо и до тѣхъ поръ кричали мнѣ: «прости, прости, господинъ подпоручикъ!», покуда можно было мнѣ ихъ голосъ слышать, а имъ меня видѣть.

Такимъ образомъ, разстался я съ своимъ честнымъ и добродѣтельнымъ семействомъ, отъ котораго я столь много добра и благопріятства видѣлъ, что и понинѣ пренеисполнено сердце мое искреннею къ сему дому благодарностію, и я не сомнѣваюсь, что еслибъ нынѣ случилось мнѣ быть въ мѣстахъ тамошнихъ и видѣть то мѣсто.

гдѣ покоятся прахи сихъ милыхъ стариковъ, то оросилъ бы оное своими слезами.

И прибылъ съ ротою моею въ штабъ поутру въ послѣдующій день, а къ вечеру мало-по-малу собрались и всѣ прочія роты кромѣ тѣхъ, которыя стояли на трактѣ, куда намъ идти надлежало и коимъ велѣно было тамъ полку дожидаться. Всѣ мы расположились за версту отъ мызы Кастранъ лагеремъ и ночевали. По утру же въ послѣдующій день отпущены были наши обозы въ путь, а около десятого часа. по отслуженіи молебна и по испрошеніи у Бога милости и покровительства. отъправились и мы съ пѣхотою и пошли на войну. Сіе было 25 числа апрѣля.

Въ сей день почевали мы при корчмѣ Барваръ, а наутріе, соединившись съ прочими ротами, пошли далѣе къ Ригѣ и ночевали при Смизисѣ мельницѣ, гдѣ въ послѣдующій день дневали. Въ семь мѣстъ случилось мнѣ въ первый разъ отъ роду видѣть масляную мельницу и то какъ масло бьютъ водою, что довольно было куріозно и стоило того, чтобъ посмотреть. Наутріе же, то-есть 28 апрѣля, прибыли мы наконецъ подъ Ригу.

Мы нашли уже тутъ великое множество военного народа. Всѣ поля представились намъ усѣянными людьми и всѣ бѣлѣнѣе отъ установленныхъ повсюду полковъ и ихъ бѣлыхъ палатокъ. Всѣ поля прибыли уже тогда въ сіе сборное мѣсто, и солдаты повсюду взадъ и впередъ ходили. Вездѣ видимо было поспѣшеніе и повсюду необходимое въ сихъ случаяхъ замѣнительство. Индѣ взяли пушки и другіе артиллерійскіе снаряды, въ другихъ мѣстахъ шли команды и полки. а индѣ былъ крикъ и шумъ отъ идущихъ обозовъ и тягостей. Бѣганіе пѣшихъ и скаканіе на лошадяхъ представлялось повсюду зрѣнію а слухъ поражаетъ ржаліемъ коней, и звукомъ трубъ и біеніемъ барабановъ. Однимъ словомъ, все находилось въ превеликомъ движеніи и не что иное, какъ предстоящій и начинающійся уже походъ предсказывало. И какъ сей случай первый еще въ моей жизни былъ, что я только

ко лагерей и полковъ вдругъ и въ одномъ мѣстѣ увидѣлъ, то зрѣлище сіе было для меня очень перазительно, и сердце во мнѣ ровно какъ поднималось и прыгало при взираніи на всѣ сія военныя ополченія.

Мы заняли-было сперва лагерь подъ свой полкъ версты за три не доходя Риги и надѣялись, что мы простои́мъ тутъ по крайней мѣрѣ нѣсколько дней; но надежда насъ обманула. Мы не успѣли расположиться, какъ принуждены были въ тотъ же еще день опять выходить изъ своего лагеря, и намъ велѣно было, не знаю для чего, подвинуться ближе къ городу и стать лагеремъ подлѣ самаго форштадта.

Тутъ прислано было тотчасъ къ намъ повелѣніе, чтобъ мы всѣ ненужныя вещи оставляли и колико можно повозки наши облегчали; въ противномъ случаѣ, если усмотрѣно будетъ что либо лишнее, то отнимется и сожжется. Толь строгое и на первой встрѣчѣ данное повелѣніе надѣлало между офицерами во всей арміи великую тревогу. У всѣхъ у насъ много было излишнихъ или по крайней мѣрѣ такихъ вещей, безъ которыхъ намъ можно было обойтись и кои повозки наши отягощали. Мы, привыкнувъ уже къ обыкновеннымъ въ мирное время прохладнымъ походамъ, думали, что и тогда дозволено намъ будетъ возить съ собою всякую всячину, и потому объ оставленіи оныхъ на квартирахъ или въ другихъ надежныхъ мѣстахъ, нимаю прежде не помышляли; слѣдовательно, тогда не знали, что съ ними дѣлать и куда съ ними дѣваться. Къ вѣщаму несчастію турки насъ тѣмъ и понуждали чрезвычайнымъ образомъ; при такихъ обстоятельствахъ, горе на насъ на всѣхъ было превеликое: мы сошедшись жаловались другъ другу и требовали совѣта, но всѣ наши жалобы были по пустому; всякому самому добрый совѣтъ былъ тогда нуженъ, но подать его было некому, а вообще всѣ только роптали на нашихъ начальниковъ и главныхъ командировъ, и брали ихъ за то, что не остерегли они насъ въ томъ заблаговременно, а сказа-

ли тогда, когда намъ съ своими излишними вещами дѣваться было некуда и когда развѣ только ихъ бросать принуждено было. Всѣ почитали сіе уже первымъ безпорядкомъ и говорили, что ежели и впредь все такіе будутъ порядки, то толкъ не великъ будетъ. Однако всѣ таковыя наши роптанія не помогли намъ ни на волосъ, а требовалось скорого только исполненія того, что приказано.

При такихъ замѣшательствахъ радъ я уже и тому былъ, что нашелся одинъ добрый человекъ, который хотѣлъ отослать мои вещи вмѣстѣ съ своими на одну знакомую ему мызу, гдѣ, говорилъ онъ, они пропасть не могутъ. Это былъ поручикъ г. Вульфъ, нашего полку и мнѣ хорошій пріятель. Я съ радостью согласился на его предложеніе. И какъ мы не знали, долго ли нашъ походъ продолжится и все еще ласкались надеждою, что къ зимѣ опять воротимся, то безъ дальняго размышленія связалъ и изрядную кипу всякой всячины и отдалъ ему. Однимъ словомъ, одѣхъ моихъ вещей набралось съ цѣлой почти возъ, однако онѣ всѣ благополучно пропали. Но мнѣ ничего такъ не жалъ, какъ нѣкоторыхъ книгъ: ихъ одѣхъ навлажъ я цѣлый ящикъ и конхъ было болѣе трехъ десят-

ковъ, ибо я оставилъ при собѣ однѣ только самонужнѣйшія; кромѣ сего, было и другихъ вещей болѣе нежели рублей на тридцать. Кому онѣ всѣ достались и кто ими завладѣлъ, того не знаю я и понинѣ, ибо въ походѣ потерялъ я и записку отой мызѣ, а пріятель мой г. Вульфъ переведенъ былъ вскорѣ въ другой полкъ, и я его съ того времени не видалъ и не знаю, живъ ли онъ или нѣтъ. Сіе случилось со мною—а какое великое множество распротало тогда разныхъ вещей у другихъ, того исчислить не можно. Многие принуждены были дѣйствительно ихъ кидать, ибо не знали, куда съ ними дѣваться.

Теперь слѣдовало бы мнѣ вамъ, любезный пріятель, рассказывать дагѣе. долго ли мы въ семь мѣстѣ стояли, и что послѣдовало дагѣе; но какъ письмо мое уже велико, а съ сего пункта времени начнется уже описаніе похода всей арміи и нашей войны, то отложилъ я сіе до письма послѣдующаго, а между тѣмъ, увѣривъ васъ о непремѣнной моей дружбѣ, остаюсь и прочее.

Конецъ
третьей части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ IV.

(1789).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРУССКІЕ ПОХОДЫ.

НАЧАЛО ПОХОДА.

Письмо 37-е.

Любезный пріятель! Предпринимаю теперь описывать нашу прусскую войну или ту часть оной, которую мнѣ

самому видѣть случилось, не за излишнее почитаю предпослать напередъ краткое историческое о томъ объясненіе, что собственно подало поводъ къ тому, что и мы ввелись въ сію славную въ Европѣ и такъ-называемую Седмигѣтнюю вой-

ну, которая была столь пагубна человеческому роду, и на которой погибло со всѣхъ сторонъ толь великое множество народа.

Пролитію толь многой крови человеческой былъ наиболѣе и едвали не первою и главнѣйшею причиною умершей за нѣсколько лѣтъ до сего король прусскій, Фридрихъ II, дядя нынѣ владѣющаго короля прусскаго. Будучи рожденъ съ отличными качествами и дарованіями, воспитанъ въ строгости у отца, его не любившаго и совращенъ въ молодости еще своей, учителями и друзьями не весьма хорошихъ характеровъ, съ пути истинныхъ добродѣтелей, и препроводивъ всѣ молодыя свои лѣта почти въ неволю, не успѣлъ онъ лишиться отца своего и въ 1740 году вступить по немъ на престолъ прусскій, какъ нашедъ у себя прекрасное и многочисленное войско, великое множество наличныхъ денегъ и все государство свое въ цвѣтущемъ и весьма хорошемъ состояніи, восхотѣлъ воспользоваться сдѣлавшимися тогда по причинѣ смерти императора Карла VI во всей Европѣ замѣшательствами, и отнять наглѣмъ почти и несправедливѣйшимъ образомъ отъ цесарской державы смежную къ себѣ и весьма знаменитую провинцію, Шлезію. Онъ напалъ наискоропостижнѣйшимъ образомъ тогда на сію провинцію, и будучи весьма расторопнымъ, хитрымъ, къ войнѣ отличнѣе способнымъ и въ оной счастливымъ государемъ, утѣснилъ оставшую послѣ помянутаго императора дочь Марію-Терезію и съ своей стороны такъ, что сія утѣсенная и гонимая тогда почти цѣлою Европою государыня, для спасенія своего и удержанія при себѣ достальныхъ наслѣдственныхъ земель послѣ отца своего и самой императорской короны, принуждена была поневолю уступить ему помянутую провинцію.

Но какъ лишеніе оной для цесарскаго двора слишкомъ было чувствительно, и помянутая государыня не могла никакъ забыть обиду, чрезъ то ей причиненной, успѣла тогдашняя война окончить-

ся, и сія славная и счастливо всѣ напасти преодолевшая государыня утвердиться на царскомъ престолѣ, какъ начала она помышлять о возвращеніи себѣ помянутой провинціи и дѣлать къ тому издалека сокровеннѣйшія приуготовленія. При помощи министровъ своихъ нашла она средство преклонить на свою сторону многихъ и сильныхъ европейскихкихъ государей и приобрести въ нихъ себѣ сильныхъ союзниковъ. Самые тѣ, которые до того съ нею воевали и ей недоброхотствовали, сдѣлались ея друзьями и помощниками. Заключены были тайные союзы съ саксонскимъ курфюрстомъ, бывшимъ тогда вкупѣ и королемъ польскимъ, также съ королемъ французскимъ и съ самою Швеціею; а употреблены были всѣ удобовозможные способы къ заключенію такового жъ союза и съ Россіею и къ преклоненію и ее къ тому, чтобъ и она вступилась въ сіе замышляемое и до нея ни мало не касающееся дѣло. Провски и хитрости тогдашняго саксонскаго министра Бриля, который наиболѣе всѣмъ симъ дѣломъ тогда проворилъ, и имѣли въ томъ успѣхъ вождѣнный. Владѣющей тогда Россіею императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая, какъ носилась тогда молва, имѣла и безъ того уже нѣкоторую личную на короля прусскаго досаду, и ненавидѣла онаго, внушено было столько худого о королѣ семъ и на сказано столько опасностей, предстоящихъ яко бы Россіи отъ сего прославившагося и столь усилившагося государя, что и не удивительно, что пронскими цесарскихъ, французскихъ и саксонскихъ министровъ доведена была наконецъ и она до того, что рѣшилась заключить такой же союзъ и помогать цесаревнѣ въ замышляемомъ ею дѣлѣ всѣми силами своего государства. И какъ все сіе производимо было втайнѣ и весьма сокровеннымъ образомъ, то можетъ бы дѣло сіе и возымѣло успѣхъ вождѣнный, и король прусскій не только - бы лишился опять Шлезіи, но и усмирень былъ по желанію всѣхъ вообще союзниковъ, еслибъ не воспрепят

ствовало всему тому одно бездѣльное обстоятельство и не сдѣлало во всемъ великой перемены и помѣшательства.

Корыстолюбие и измѣна одного бездѣльника секретаринки, чрезъ котораго производились всѣ дѣла помянутымъ саксонскимъ министромъ графомъ Брилемъ, была всему тому причиною, и не только разрушила великія намѣренія столь многихъ государей, но возгла и огнь войны, погубившей безчисленное множество народа и причинившей множайшему количеству смертныхъ неописанныя разоренія, несчастія и напасти. Сей бездѣльникъ, погибнувшій потомъ самъ безъ вѣсти и слуха, подкупленъ будучи королею прусскимъ, увѣдомлялъ его еженедѣльно обо всемъ, что ни происходило секретно въ кабинетѣ Брилевымъ, и сообщалъ ему даже самыя коши съ сокровеннѣйшихъ переписокъ между дворами. А чрезъ сіе средство и узналъ король прежде времени о томъ, сколь страшная воздвигается на него буря, и будучи весьма хитръ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ весьма скоръ и крайне расторопенъ, нашелъ способъ предупредить ударъ ему угрожающій, и положить всѣмъ предпріятіямъ противниковъ своихъ возможнѣйшую преграду. Онъ, не давъ времени союзникамъ сдѣлать послѣднія военныя приуготовленія, и пользуясь тѣмъ временемъ, покуда они еще не совсѣмъ собрались, вошелъ вдругъ и безъ всякаго объявленія войны съ 60,000 чел. своего войска въ Саксонское курфирство, овладѣлъ всѣмъ онымъ въ одинъ мигъ, принудилъ все саксонское и къ войнѣ неприготовившееся еще войско отдаться ему въ плѣнъ, а самого короля удалить въ его Польшу, а оставшую королеву въ Дрезденѣ толико утѣснилъ и огорчилъ, что она вскорѣ послѣ того лишилась жизни. Всѣ старанія цесарскаго двора къ отвращенію сихъ наглостей, и самое сраженіе цесарскихъ войскъ съ прусскими, бывшее на границахъ Богеміи, было безуспѣшно и не могло короля прусскаго остановить въ быстрыхъ его предпріятіяхъ и счастливыхъ успѣхахъ.

Все сіе случилось въ концѣ минувшаго 1756 г., и самое сіе зажгло огнь войны во всей Европѣ и подало поводъ къ началу сей войны страшной. Во всѣ новѣйшія времена не бывало еще никогда столь страшнаго вооруженія и толкикихъ ополченій, какія производились вездѣ въ началѣ сего 1757 года. Цѣлыхъ девять армій выступило весною сего года въ разныхъ мѣстахъ въ поле, и король прусскій окружаемъ былъ со всѣхъ сторонъ неприятелями. Съ одной стороны готовились нападать на него французы. со стороны отъ Ганновера, съ другой такъ-называемыя имперскія войска, со стороны Саксоніи, съ третьей цесарцы, со стороны Богеміи и Шлезіи, съ четвертой шведы, со стороны Помераніи, а съ пятой велѣно было итти и атаковать его нашимъ войскамъ со стороны Пруссіи. А король прусскій готовился, между тѣмъ, не только защищать и оборонять землю свою повсюду, но итти еще самъ и разорять Югемію.

Сія-то причина была тогдашнему сборищу всѣхъ нашихъ войскъ къ Ригѣ, о которомъ упоминалъ я въ моемъ послѣднемъ письмѣ къ вамъ; а теперь, возвращаясь къ прерванной тогда матеріи, скажу, что между тѣмъ, какъ мы помянутымъ тогда образомъ стояли лагеремъ подлѣ самаго форштадта города Риги, и съ своими излишними позитками не знали что дѣлать и ихъ разбрасывали, дѣланы были со всѣми полками великія распоряженія. Всѣ они раздѣлены были на разныя дивизіи и бригады, изъ которыхъ къ каждой опредѣлены были особливые генералы командиры. Каждая бригада составляема была изъ трехъ полковъ и командовалъ ею обыкновенно какой-нибудь генералъ-майоръ или бригадиръ. Нашъ Архангелогородскій полкъ достался въ бригаду вмѣстѣ съ третьимъ гренадерскимъ и Ростовскимъ полкомъ, и въ бригадные командиры получили мы себѣ генералъ-майора Вильбоа.

Какъ намѣреніе нашихъ главныхъ командировъ было перевести насъ колико можно скорѣй за Двину, то велѣно

было намъ къ послѣдующему дню готовиться итти церемонією чрезъ городъ Ригу и переходить по сдѣланному мосту чрезъ рѣку Двину въ отведенные на той сторонѣ лагери, ибо въ тотъ день, въ который мы пришли, переходила другая бригада, состоявшая изъ Бутырскаго, Бѣлозерскаго и Апшеронскаго полку. Итакъ, наутріе, то-есть 29-го апрѣля, отправивъ впередъ обозы, перешла и наша бригада и стала версты за три отъ города лагеремъ.

Перехожденіе чрезъ Двину арміи, помянутымъ образомъ по-бригадно, было по справедливости зрѣнію достойно, ибо назначенный тогда для предводительства армією генералъ-фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, хотѣлъ въ самое то время видѣть всѣ полки, ему въ команду порученные, и съ нимъ въ походъ противъ непріятеля отправляющіеся, и для того при самомъ входѣ на мостъ разбиты были два великолѣпные шатра, изъ которыхъ въ одномъ находился всегда помянутый главный полководецъ самъ со всѣмъ прочимъ генералитетомъ и значными чиновными людьми, а другой наполненъ былъ великимъ множествомъ дамъ и знатныхъ госпожъ, хотящихъ также видѣть рѣдку сію церемонію. Всѣ городскіе валы по близости сего мѣста, также дома, кровли и окошки усыпаны были народомъ обоюбого пола.

Что касается до полковъ, то всѣ они должны были итти наилучшимъ порядкомъ и церемонією и быть въ наилучшемъ убранствѣ. На всѣхъ солдатахъ вѣтвисты были въ шляпы зеленныя древесныя вѣтви, власно какъ для предвозвѣстія будущихъ побѣдъ, которыя они одержутъ надъ непріятелемъ. Прежде всего маршировали всѣхъ полковъ той бригады собранные фурьеры съ распушенными своими значками, при предводительствѣ своихъ квартирмейстровъ. Сей нѣжный строй съ разноцвѣтными своими маленькими знаменами составлялъ первое великолѣпное всего шествія. Потомъ шелъ штатъ, и ведомы были заводныя лошади командующаго той бригадою генерала.

Ничто такъ не умножало великолѣпія, какъ прекрасныя попоны, которыми сіи лошади были покрыты. Во всей арміи у генераловъ подѣланы онѣ были тогда одинакія, и хотя небогатая, но великолѣпный видъ представляющія. Онѣ сдѣланы были изъ вошанки, но расписаны и размалеваны разными красками, отчего издали казались быть шелковыми. По бокамъ на онихъ изображены были золотомъ вензельныя имена и гербы того генерала, что все производило нѣкакой величественный и пышный видъ. За сими лошадьми везены были пушки съ ихъ ящиками и снарядами, а тамъ слѣдовалъ самъ генералъ верхомъ въ провожаніи своего штата. За онимъ же слѣдовали полки его бригады обыкновенною церемонією, съ распушенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и играющею военною музыкою. Всѣ офицеры и самыя знамена должны были салютовать, проходя мимо генералъ-фельдмаршала, при которомъ случаѣ всякій старался какъ возможно лучше исправлять свою должность. Чистота и опрятность въ одеждахъ и убранствахъ солдатъ, зеленныя на шляпахъ ихъ вѣтви, а того паче кожаные и наподобіе древнихъ шишаковъ сдѣланные и нѣкоторый родъ плюмажей на себѣ имѣющія каскеты на всѣхъ гренадерахъ — придавали особливую красу войску и умножали великолѣпіе.

Не можно довольно изобразить, какія разныя чувства впечатлѣвало зрѣніе шествія сего, не только въ кого много, но въ самихъ насъ, имѣвшихъ въ томъ соучастіе. Мысли, что идемъ на войну и отправляемся изъ отечества въ страны чуждія, отдаленныя и вражескія; идемъ терпѣть нужды, проливать кровь и умирать за отечество; воображеніе, что изъ всѣхъ шествовавшихъ тогда столь многихъ людей, весьма многіе назадъ не возвратятся, но положить свои головы на войнѣ и въ походахъ и въ послѣдніи тогда разстанутся съ странами, гдѣ родились и воспитаны; незыбѣтельность, кто и кто подвергнется сему несчастному жребію, и кому судьба назначила не воз-

вращаться и прочія тому подобныя помысленія, приводили духъ въ нѣкоторое уныніе и разстроивали всю душу. Напротивъ того, съ другой стороны всеобщее предубѣжденіе о храбрости и непобѣдимости нашихъ войскъ, льстящая надежда, что непріятелю никакъ противъ насъ устоять не можно, мечтательное воображеніе, что мы по множеству нашему замечемъ его даже шапками, и безсомнѣнная надѣянность, что мы его побѣдимъ, сокрушимъ и возвратимся съ славою, покрытые лаврами, ободряла паки унылое сердце и оное, власно какъ оживотворивъ, наполняла огнемъ военной ревности, толь много помогающей намъ охотно и безъ скуки переносить всѣ военные труды и безпокойства.

Но я удалился уже отъ моей матеріи; теперь возвращаюсь къ оной и скажу, что въ помянутомъ новомъ лагерѣ версты три за Ригою стоялъ нашъ полкъ болѣе недѣли, въ которое время переправлялись за Двину прочіе полки, и дѣланы были къ походу всѣ нужныя распоряженія. Вся армія раздѣлена была на три дивизіи или части, изъ которыхъ первую командовалъ самъ фельдмаршалъ, вторую, въ которой мы находились, генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лоцухинъ, а третью генералъ-аншефъ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ. Планъ намѣренія состоялъ въ томъ, чтобъ обѣимъ первымъ дивизіямъ итти разными дорогами чрезъ Курляндію въ Польшу или паче сказать въ Самогитію или Жмудію, и потомъ, соединившись вмѣстѣ, и дождавшись идущихъ прямо изъ Смоленска кавалерійскихъ полковъ и легкихъ войскъ, вступить въ Пруссію, а третьей бы дивизіи подъ командою Фермора итти вправо, прямо къ первой прусской пограничной крѣпости Мемелю и, при вспоможеніи отправленнаго туда же моремъ флота, осадить сей городъ.

По изготовленіи всего нужнаго къ походу, воспослѣдовалъ наконецъ, мая 3-го дня, торжественный выѣздъ генералъ-фельдмаршала изъ Риги. Отъ грома пушекъ, гремящихъ тогда со стѣнъ городъ

скихъ, стенола только рѣка, и выѣздъ сего полководца былъ самый пышный и великолѣпный. Наша бригада случилась тогда стоять на самой дорогѣ, гдѣ ему ѣхать надлежало, чего ради выведены мы были въ строй и должны были ему отдавать честь съ преклоненіемъ знамени, какъ главному повелителю. Ужасная свита всякаго рода военныхъ людей окружала его ѣдущаго. Зрѣлище сіе представлялось намъ тогда еще впервые и было для насъ поразительно, ибо пышность сего шествія была такъ велика, что иной государь не выѣзжаетъ на войну съ таковою. Но, о! когда-бъ возвращеніе сего генерала въ сей городъ соотвѣтствовало сему величественному выѣзду!...

По отъѣздѣ его далѣе къ Митавѣ, куда отправилась тогда первая дивизія арміи, остались мы еще на нѣсколько дней въ прежнемъ своемъ лагерѣ подъ Ригою, ибо нашей дивизіи надлежало послѣ всѣхъ выступить и итти чрезъ Говскъ въ Литву. Въ сіе время привезены были къ намъ въ полки новыя и славныя секретныя шуваловскія гаубицы. Мы удивились, увидѣвъ сіи огнестрѣльные орудія, и не могли довольно начудиться, для чего дулы прикрыты были у нихъ мѣдною скородою и замкнуты и запечатаны. И какъ всякая скрываема вещь возбуждаетъ наиболѣе любопытство, то родилось и въ насъ во всѣхъ неописанное любопытство знать сію тайну; однако оная хранилась такъ строго, что къ симъ пушкамъ и близко никого не допускали, но всегда стоялъ подлѣ ея особый часовой, а для стрѣльбы опредѣленъ былъ въ каждый полкъ особый артиллерійскій офицеръ съ особою канонерскою командою, которымъ, подъ смертною казнью, запрещено было объ нихъ сказывать. Итакъ, не можно было никакъ узнать ни малѣйшаго обстоятельства.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ отдыхали, имѣли мы время нѣсколько разъ для исправленія нуждъ своихъ ѣздить въ городъ. Рига была тогда уже пуста и никого въ ней изъ военныхъ не было;

на берегу рѣки поставлены были бекеты и не велѣно было за Двину перепускать ни единого солдата. Я не преминулъ также вмѣстѣ съ прочими отпроситься и побывать въ городѣ. Но зачѣмъ бы думали вы, любезный пріятель? Дивлюсь понятию и понятию тогдашнему моему разсудку. Вмѣсто того, чтобъ размышлять о предстоящихъ походныхъ трудностяхъ, и вмѣсто того, чтобъ запастись чѣмъ-нибудь нужнымъ и необходимымъ въ такой дальній и неизвѣстный путь, помышлялъ я только объ однѣхъ книгахъ и объ удовольствованіи одного моего давнишняго желанія. Еще будучи на прежней моей, осенью, квартирѣ у латыша, слышался я отъ господина Миллера объ одной нѣмецкой книгѣ, которую онъ расхвалилъ мнѣ невѣдомо какъ, и мнѣ хотѣлось ее имѣть, чего бы то ни стоило. Почему, не успѣлъ я войти въ городъ, какъ первое мое дѣло было бѣжать къ г. Фрелиху, тамошнему книгопродавцу и спрашивать есть ли у него «Англійскій философъ или Клевеландъ»? Ибо такъ называлась сія книга, и какъ услышалъ, что есть, то, обрадовавшись чрезвычайно, я тотчасъ ее себѣ купилъ и велѣлъ переплести въ наилучшій пергаментный бѣлый переплетъ. Боже мой! съ какою радостью и удовольствіемъ возвращался я тогда изъ города въ свой лагерь. Я думалъ, что я нашелъ тогда прелечайшее сокровище и нетерпѣливо ждалъ, чтобъ ее скорѣй переплели и совсѣмъ изготовили. Вотъ сколь сильныя дѣйствія производятъ въ насъ долговременныя желанія. Я думалъ тогда о книгѣ сей и Богъ знаетъ, хотя въ самомъ дѣлѣ она не что иное какъ романъ, и того далеко не стоила, чтобъ ее съ такимъ усердіемъ добиваться и покупать въ такое время, когда всѣмъ намъ не до того было.

Кромѣ сего имѣлъ я въ сіе время и другое еще упражненіе. Всѣмъ полкамъ велѣно было тогда отличить себя отъ прочихъ, отиѣнными на шляпахъ солдатамъ висточками, или жесткими и нарочитой величины репейками. Они дѣланы были изъ разноцвѣтныхъ гарусовъ

и двѣ изъ нихъ пришивались къ обонямъ заднимъ угламъ шляпы, а третья стоймя, сбоку, поверхъ банта. Не могу изобразить, сколько хлопотъ и суеты надѣлала намъ сія бездѣлка, и сколько изрѣзали и искромсали мы разныхъ стамедовъ, ибо какъ столько гарусовъ набрать было негдѣ, то покупали мы стамеды и оные распускали и раздвигивали. Каждый полковникъ старался перещеголять въ томъ другого; и въ нашемъ полку принужденъ былъ я выдумывать, и, надѣлавъ множество разноманерныхъ и разноцвѣтныхъ, представить полковнику на выборъ, который и апробовалъ ту, которая самому мнѣ казалась лучше прочихъ.

Симъ окончу я сіе мое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ другъ, остаюсь и прочая.

ПОХОДЪ ЛИТВОЮ.

Письмо 38-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ мы упомянутымъ образомъ упражнялись въ приутовленіяхъ къ походу и время свое препровождали въ церемоніяхъ и убранствахъ, непріатели наши работали совсѣмъ иначе и были далеко не таковы медлительны. Правду сказать, выступили и мы довольно рано въ походъ; но король прусскій предупредилъ насъ далеко въ томъ. Онъ, вида дѣлаемая со всѣхъ сторонъ толь страшныя противъ себя вооруженія, простирающіяся даже до того, что всѣхъ разныхъ войскъ, ополчающихся противъ него, было до 700 тысячъ, и чувствуя, что онъ былъ слишкомъ противъ ихъ слабъ, ибо не имѣлъ и со всѣми союзниками своими гановверцами болѣе 260 тысячъ человѣкъ войска, старался наградить то своею поспѣшностью и проворствомъ, чего не доставало ему въ силахъ. И вѣдая, что ни которая изъ непріятельскихъ ему державъ не могла открыть кампанію рано разсудилъ воспользоваться симъ случаемъ, и, собравъ колико можно болѣе силъ, напасть скоропостижно на сильнѣй-

шую изъ всѣхъ и къ нему ближайшую, то-есть, цесареву римскую, ибо надѣлся, что въ случаѣ ежели удастся ему съ самаго начала ее побѣдить и нанести ей ударъ рѣшительный, то тѣмъ не только сдѣлаетъ ей великое помѣшательство, но разрушитъ намѣренія и другихъ державъ, ей союзныхъ.

Самое сіе и причиною было, что онъ выступилъ въ поле въ сей годъ чрезвычайно еще рано и съ арміею, состоящею болѣе нежели изъ 100 тысячъ, пошелъ съ разныхъ сторонъ въ цесарскія земли тремя колоннами. Самъ онъ, предводительствуя первою, вошелъ изъ Саксоніи прямо въ Богемію, а славный его фельдмаршалъ графъ Шверинъ, предводительствуя второю, пошелъ черезъ Шлезію, а третьею предводительствовалъ принцъ Бевернскій, и пошелъ въ цесарскія земли со стороны Лузаціи.

Для каковыхъ причинъ снѣшплъ король дать рѣшительную баталію, такъ какъ причины побуждали цесареву послѣдовать системѣ, совсѣмъ тому противоположной. Она разсудила дѣйствовать оборонительнымъ только образомъ, покуда союзники ея въ состояніи будутъ выступить въ поле, ибо предвидѣла, что тогда король прусскій принужденъ будетъ раздѣлить свои силы на разные корпуса, а потому и дождалась она только сего выгоднаго пункта времени для начатія своихъ военныхъ дѣйствій, а до того времени помышляла она только о прикрытіи своихъ земель отъ нападѣнія непріятели.

Всходствіе сей системы и раздѣливъ командующій войсками ея, генералъ Броунъ, армію свою на разные корпуса и, поручивъ оныя въ команду герцогу Аренбергскому, графу Кенигсэку и графу Сербелони, разстановилъ оныя въ разныхъ мѣстахъ по границамъ, а самъ съ остальною арміею сталъ противъ короля. Сиямъ распоряженіемъ надѣялся онъ прикрыть Богемію, и какъ всѣ оныя корпуса были многочисленны и могли скоро соединены быть вмѣстѣ, то и думалъ, что они могутъ повсюду воспре-

пятствовать пруссакамъ войти въ границы цесарскія.

Однако воспослѣдовало не то, а совсѣмъ тому противное. Проворство, хитрость и расторопность короля и искусство его генераловъ разрушили всѣ намѣренія и надежды цесарцевъ. Ничто не могло устоять противъ оныхъ. Цесарцы сколько ни старались пруссакамъ препятствовать, но они превозмогли всѣ противоположаемыя препоны,—вломилась въ предѣлы цесарскіе, и принудили не только прочихъ полководцевъ цесарскихъ отступить, но и самого Броуна ретироваться подъ самую пушку столичнаго богемскаго города Прага, и по соединеніи всѣхъ своихъ корпусовъ стать тутъ въ укрѣпленномъ ретраншаментомъ и множествомъ батарей лагерѣ, куда вскорѣ и самъ король прибылъ.

Не успѣлъ сей дойти до Праги и соединиться со всѣми своими отдѣльными корпусами, какъ ни мало не медля и не взирая на все выгодное мѣстоположеніе, занятое цесарцами, и самыя ихъ окопы и батареи, которыми они окружены были, рѣшился ихъ атаковать, говоря отъ совѣтовавшихъ то своимъ генераламъ, что надобно ковать желѣзо, покуда оно горячо. А самое сіе и подало поводъ къ той прагской баталіи, которая была наиславнѣйшая во всю войну сію, и производилась апрѣля 25-го, то-есть, въ самый еще тотъ день, въ который мы съ полкомъ своимъ выступили съ своихъ квартиръ, и войска наши начали собираться къ Ригѣ.

Помянутая баталія была страшная и кровопролитнѣйшая. Со стороны прусской дралось 80, а со стороны цесарцевъ 75 тысячъ человекъ. Прусскими войсками командовалъ самъ король съ славнѣйшими своими генералами: графомъ Шверинымъ, Кейтомъ и многими другими, а цесарцами — принцъ Карлъ Лотарингскій и генералъ Броунъ.

Король не послушалъ фельдмаршала своего Шверина и атаковалъ цесарцевъ совсѣмъ инако, нежели какъ совѣтовалъ ему сей искусный генералъ и са-

мый фундаментъ прусской арміи, но оттого самого совсѣмъ-было разбитъ былъ. Всѣ войска его обратились уже въ бѣгство, и цесарцы получили - бѣ вѣрно совершенную побѣду, еслибъ особый случай и неустрашная храбрость самого помянутаго фельдмаршала Шверина не произвела перемѣны и не превратила всего дѣла. Сей, видя совершенное уже войскъ своихъ разбитіе, схватилъ самъ знамя и закричавъ: «Труссы и бездѣльники всѣ, кто за мною не послѣдуетъ!» бросился самъ противъ непріятеля. Войско, увидѣвъ сіе, пустилось за нимъ, толпится и выходитъ изъ дефилей. Шверинъ палъ мертвъ со знаменемъ въ рукахъ, но самая смерть его возбудила отвагу и храбрость въ войскъ прусскомъ. Оно возобновляетъ сраженіе, стремится на непріятеля, опровергаетъ онаго и одерживаетъ наконецъ совершенную побѣду.

Правое крыло цесарцевъ принуждено было ретироваться въ другое мѣсто, а лѣвое войти и запереться въ Прагъ. 5,000 человекъ цесарцевъ легло на мѣстѣ, 10,000 взято въ плѣнъ вмѣстѣ съ 240 орудіями артиллеріи, а 48,000 со множествомъ принцевъ и генераловъ блокированы въ Прагъ. Однако и прусскому королю побѣда сія стала не дешево. Онъ потерялъ на сраженіи семь 10,000 человекъ войска; но уронъ его чувствительнѣе былъ еще ему смертію графа Шверина, котораго ему такъ жаль было, что онъ, пришедъ послѣ баталіи видѣть еще разъ тѣло его, покрытое кровію, смотрѣлъ долгое время на него съ молчаніемъ и съ катящимися изъ глазъ слезами, и наконецъ воскликнулъ: «Это не подданный, а отецъ, котораго я лишился!»

Многіе генералы, какъ его, такъ и цесарскіе, оказали на семъ сраженіи чудеса храбрости. Въ особенности же прославились тѣмъ съ прусской стороны принцъ Гейнрихъ, братъ королевскій и генералъ Цтецъ, а съ цесарской—генералъ Броунъ, который принужденъ былъ также умереть отъ ранъ, полученныхъ имъ на сей битвѣ.

Вотъ какія дѣла и страшныя кровопролитія происходили уже въ то время въ Европѣ, какъ мы собирались итти на войну. Но я возвращусь теперь къ намъ, и буду продолжать свою повѣсть.

Седьмое число мая былъ, наконецъ, тотъ день, въ который и нашъ полкъ, по примѣру прочихъ, принужденъ былъ выступить въ походъ, и какъ до непріятельской земли было еще очень далеко, а при шествіи Курляндіею не было никакой опасности, то, для лучшей способности въ походѣ, шли полки наши по одиночкѣ другъ за другомъ. Мы пошли тотчасъ влѣво и, перешедъ рыбацью слободу, вступили позади оной въ бывшій Псковскаго полку лагерь, гдѣ въ тотъ день и ночевали. Въ послѣдующій день (8-го) перешли мы только двѣ мили, а въ третій (9-го), приближаясь къ курляндскимъ границамъ, начинали уже отчасти чувствовать военныя трудности. Перехода нашего хотя также не болѣе двухъ миль или 14 верстъ было, и мы вышли хотя поутру, но совсѣмъ тѣмъ, за тѣсотой дороги, за превеликими остановками и по непривычкѣ еще къ такимъ походамъ, не могли мы въ назначенный лагерь прежде притти, какъ около полуночи, а обозы наши пришли уже поутру, и для того принуждены мы были въ семъ мѣстѣ послѣдующій день (10-го) дневать и дать и людямъ, и лошадямъ отдыхъ.

Лагерь для насъ назначенъ былъ въ семъ мѣстѣ посреди сосноваго бора, и мы впервые еще стояли въ такомъ неспособномъ и дурномъ мѣстѣ, и принуждены были еще сверхъ того всю ночь препроводить безъ нашихъ повозокъ и палатокъ и терпѣть стужу, ибо ночи были тогда еще холодны. Мы расклали себѣ огоньки посреди бора и прогрѣлись около нихъ почти всю ночь не ѣвши и не спавши, предвѣщая себѣ, что сіе и впредь часто будетъ случаться съ нами. Генералы, командовавшіе нашими бригадами, кляли и ругали наши обозы. И тяжель-то они имъ казались, и отъ нихъ-то была вся остановка, и для того повторено было приказаніе, чтобъ умень-

шены были тягости и чтобъ неотмѣнно по два офицера было въ одной повозкѣ. Легко можно заключить, что приказаніе сіе было намъ весьма нерадостно. Мы взгоревались тогда всѣ и тужили другъ объ другѣ, ибо никому не хотѣлось разстаться съ своею повозкою. Но по счастью не все то исполняется, что приказывается. Съ нѣкоторыми изъ офицеровъ учинено было то дѣйствительно, и бѣдныя сіи принуждены были разбросать опять нѣсколько вещей и кинуть свои повозки; но бѣдлая часть, и въ томъ числѣ и я, подъ разными предлогами удержали свои повозки, къ чему и полковые наши командиры, не принуждая слишкомъ строго насъ, много способствовали.

На утрѣ, 11-го, выступили мы опять въ походъ и продолжали шествіе свое Курляндію порядочнѣйшимъ образомъ и по бригадно слѣдующимъ порядкомъ: сперва шла бригада генераль-майора Вильбоа, состоящая изъ третьяго гренадерскаго, нашего Архангелогородскаго и Ростовскаго полковъ. Тамъ слѣдовала бригада генераль-майора князя Василія Михайловича Долгорукова, состоящая изъ кирасирскаго Наслѣдника полку, да изъ пѣхотныхъ Низовскаго, Бутырскаго и Выборгскаго полковъ, а напослѣдокъ бригада бригадира Нумерса, состоящая изъ Псковскаго, Апшеронскаго и Бѣлозерскаго полковъ. Мы, перешедъ мѣли полтретью, ночевали при мызѣ Экау, гдѣ находился разоренный каменный замокъ и мельница.

На другой день, 12-го, въ вечеру, прибыли мы наконецъ къ мѣстечку Бовску и расположились по сю сторону онаго для того, что чрезъ рѣку Нѣмонтъ перейти было не можно, и надлежало дѣлать напередъ понтонный мостъ. Къ утру, 13-го, онъ у насъ и поспѣлъ тотчасъ, и мнѣ въ первый разъ случилось тутъ видѣть сей походный и легучій мостъ. Понтоны сдѣланы у насъ были жестяные и выкрашены красною краскою, и какъ они сверхъ того всѣ были ровны, то весь мостъ представлялъ наипрекраснѣйшую

фигуру, и я не могъ довольно зрѣніемъ на него налюбоваться. Въ сей день перемѣнилась вся наша дивизія по оному и проходила чрезъ мѣстечко безъ всякой церемоніи. Видѣ сего курляндскаго городка, въ которомъ я съ младенчества жилъ, и напоминаніе всѣхъ мѣстъ, которыя я тогда видывалъ, наводилъ мнѣ пріятное увеселеніе, и я не могъ на нихъ довольно насмотрѣться. Мы, перешедъ оно и переправясь чрезъ другую рѣку Муху вбродъ, стали неподалеку отъ онаго лагеремъ, въ виду вся дивизія.

Въ семь мѣстъ стояли мы двоя сутки, 14 и 15, въ которое время были мы не безъ дѣла. Намъ велѣно было учиться экзерциціи и палльбѣ, и командующіе генералы смотрѣли наше искусство, изъ которыхъ щедрый нашъ главный командиръ Лопухинъ подарилъ нашихъ солдатъ нѣсколькими червонцами. Напротивъ того бригаднымъ нашимъ командиромъ господиномъ Вильбоемъ, были мы не такъ довольны. Строгость и надмѣнность его была намъ не очень пріятна.

Поутру въ третій день, 16-го, выступили мы опять въ походъ, и вступили наконецъ въ Польское королевство. Мы не могли преминовать, чтобъ при семъ выходѣ изъ своего отечества и знакомыхъ земель нѣсколько разъ на него назадъ не оглянуться и со вздохомъ не сказать: «Прости, милое и дорогое отечество!.. велитъ ли Богъ намъ опять тебя видѣть и когда-то это будетъ?» Нѣкакія особливия и трогательныя чувства разливались тогда по всѣмъ частямъ нашего тѣла, и выгоняли противъ хотѣнія слезы изъ глазъ нашихъ. Мы хотя старались оныя скрывать, однако онѣ были у весьма многихъ довольно примѣтными. Мы ночевали тогда, прошедъ немного первое польское или паче литовское мѣстечко, называемое Жемсень.

Какъ, 17-го, за обозами сдѣлалась опять небольшая остановка, а ктому-жъ достальныя бригады не бывали, то положено было въ семь мѣстъ передневать и сождаться съ прочими. Поелюку же наивеличайшую остановку и препятствіе дѣ-

гала намъ артиллерія, которой мы цѣлый паркъ при дивизіи своей имѣли, то отпращена она была сего числа напередъ.

Въ слѣдующій за симъ день 18-го, случился тогда праздникъ Троицынъ день. И какъ главный нашъ командиръ былъ человекъ крайне набожный и богомольный, то не прежде мы выступили въ походъ, какъ отслушавъ въ поставленныхъ полковыхъ церквахъ обѣдню, и потому прибыли въ назначенный лагерь при другомъ мѣстечкѣ Линковѣ уже на разсвѣтъ послѣдующаго дня, 19-го. Однако принуждены были въ тотъ же день идти далѣе до третьяго мѣстечка, называемаго Клавана; но въ семь мѣстѣ мы уже дневали, 20-го.

21-го, послѣ полудня, пошла наша бригада опять въ походъ и шла до деревни Павлишны, куда, какъ пѣхота, такъ и обозы пришли уже въ полночь.

Въ семь мѣстѣ сдѣлалась въ обстоятельствахъ моихъ перемѣна. До сего времени былъ я все еще ротнымъ командиромъ и правилъ ротой, что для меня было весьма и выгодно, ибо великая разница быть простымъ офицеромъ, и начальникомъ роты, а особливо въ походѣ. Но тутъ занемогъ вдругъ нашъ полковой квартирмейстеръ, господинъ Штейнъ, и надлежало выбрать для отправленія должности его другого искуснаго и способнаго офицера. Во всемъ полку много не нашли къ тому способнаго, кромѣ меня. Я хотя и старался отъ того отбиться, но мнѣ не помогло ничто, и я долженъ былъ, сдавъ роту свою другому прикомандированному поручику и принявъ фурыеровъ въ свою команду, ѣхать напередъ для занимаія лагерей. Перемѣна сія была мнѣ досадна и нѣтъ. Я избавился чрезъ то неописаннаго того отягощенія и скуки, которую имѣлъ до того, ѣдучи всегда при ротѣ своей верхомъ и на всякой верстѣ останавливаясь. Нельзя изобразить, сколь досадна и отягощительна была, по непривычкѣ, всѣмъ намъ таковая медлительность и на всякомъ почти шагу остановка въ походѣ. Съ утра до вечера, бывало, мы идемъ, но

не болѣе перейдемъ, какъ верстъ 10 или 15, а во все сіе время не можно было никому отъ своего мѣста при ротѣ ни на одинъ шагъ отлучиться. Нерѣдко случалось, что переломить пополамъ спину отъ непрерывнаго сидѣнья на лошади, и устанешь такъ, что животу своему не радъ. Мнѣ много помогала еще новокупленная моя книга. Она бывала у меня всегда въ карманѣ, и какъ скоро закрывать: что «стой!» то принимался я за нее и продолжалъ чтеніе. Посчастію, была очень любопытна, и я не могъ уставать, ее читаючи. При помянутой же сомноу перемѣнѣ лишился я всѣхъ сихъ отягощеній, и мнѣ въ особенности было пріятно то, что я могъ чрезъ то имѣть для себя всегда болѣе времени и покоя, ибо какъ переходы были очень малые, то будучи на свободѣ, не долго намъ было переѣхать верстъ 15 или 12, и тогда по разбитіи лагеря не оставалось намъ ничего дѣлать, и мы, дожидаясь своихъ полковъ могли, сколько хотѣли себѣ спать и отдыхать. Однимъ словомъ, мы имѣли столько свободнаго времени, что дошло скоро до того, что мнѣ праздность сія уже и наскучила. И какъ я не привыкъ безъ дѣла быть, то прочитавъ книги свои и подлюбивъ оныя очень, вздумалъ на досугѣ «Клеветанда» моего переводить и препровождать въ томъ все праздное свое время. Упражненія сіе произвело мнѣ сугубую пользу, ибо, во-первыхъ, занимаясь тѣмъ, не чувствовалъ я ни мало скуки; во-вторыхъ, избѣжалъ чрезъ то необходимости дѣлать сотоварищамъ моимъ, двумъ другимъ бригады нашей квартирмейстеромъ, компанію, и ѣздить съ ними въ мѣстечки и деревни, и тамъ препровождать время въ питьѣ, гуляньѣ, а нерѣдко и въ другихъ шалостяхъ непозволительныхъ. Сотоварищами сими были у меня г. Кульбарсъ и г. Похвисневъ. Первый былъ третьяго гренадерскаго полка и служилъ вмѣсто оберъ-квартирмейстера; а второй Ростовскаго полку, и молодецъ нарочито вѣтранный. Кромѣ того, отправляя сію должность, имѣли мы и ту выгоду, что,

прибѣжая въ мѣстечки всегда прежде полковъ, могли все нужное для своей провизіи доставать и купить по вольной цѣнѣ, а не въ три дорога, такъ какъ покупали мы до того времени, ибо не успѣвала дивизія куда приттить, какъ въ одинъ часъ все было выкуплено и ничего достать было уже не можно. Но я возвращаюсь къ продолженію описанія нашего похода.

22-го мая пришла наша дивизія до мѣстечка, называемаго Новое Мѣсто, и передневавъ (23-го) тутъ продолжала (25-го) походъ свой до мѣстечка Крекенау. Въ семь мѣстѣ принуждены мы были опять стоять двое сутокъ, 26 и 27, ибо какъ заготовленъ былъ провіантъ, то должны были мы оный принимать и печь себѣ хлѣбы. При семь случаѣ въ первый разъ случилось еще намъ печь хлѣбы сіи въ земляныхъ печахъ и растворять квашни въ ямахъ: зрѣлище до того невиданное и по новости своей любопытное. Мы, увидѣвъ поманутыя ямки и въ нихъ въ рогожахъ и въ мѣшкахъ растворяемое тѣсто, а для печенія хлѣбовъ другія, выкопанныя наподобіе норъ, двинулись и не хотѣли вѣрять, чтобъ могло вытѣчь что хорошее; но удивленіе наше увеличилось, когда увидѣли послѣ хлѣбы и сухари столь хорошіе и вкусныя, что таковыхъ мы до того времени еще не ѣдали.

Что касается до меня, то случилось тутъ со мною одно смѣшное приключеніе. Какъ я былъ въ сіе время въ совершенной праздности, то сидѣлъ я однимъ днемъ въ своей офицерской палаткѣ на землѣ и занимался обыкновенно моимъ упражненіемъ, то-есть переводилъ на колѣняхъ своего «Клевеланда». Углубившись въ сіе дѣло, не зналъ я того и не вѣдалъ, что взошла и висѣла уже надъ нами страшная громовая туча, а слышалъ только, что вдругъ зашумѣла и завизжала превеличайшая буря съ вихремъ, и начала рвать наши палатки. Я началъ кричать, чтобъ бѣжали люди и скорѣе колотили колушки покрѣпче въ землю, однако некому, да и некогда было меня слушать! Палатку мою, ни

съ другого слова, вихрь подхватя всю ударилъ объ землю и прихлопнулъ ею меня совсѣмъ, съ бумагою и чернилами моими къ землѣ. Что было тогда дѣлать? я кричалъ что есть мочи, но за превеликимъ шумомъ, молніею и громомъ никому было не слышно, а выдраться самому никакого не было способа: такъ хорошо запутало меня палаточными полами. Однимъ словомъ, я една-было тогда не задохся, ибо принужденъ былъ снѣмъ образомъ подъ палаткою лежать болѣе получаса и покуда всѣ, схоронившіеся отъ дождя кой-куда люди, несчастье мое увидѣли и, прибѣжавъ, меня изъ тюрьмы освободили. Но какимъ же уродомъ я оттуда вышелъ! Я былъ весь не только дождемъ обмоченъ, но и перемаранъ чернилами, и радъ былъ уже тому, что освободился.

28 числа сего мѣсяца начался опять походъ нашей дивизіи и продолжался до мѣстечка Сербелишки, а на другой день, 29, послѣ сего дошли мы, наконецъ, до знаменитаго польскаго, однако, негораздо большого мѣстечка, называемаго Кейданы. Въ семь мѣстѣ въ послѣдующій за снѣмъ день, 30, сошлись мы съ первою дивизіею, которою предводительствовалъ самъ фельдмаршалъ, вмѣстѣ. Ибо онъ идучи изъ Митавы другою дорогою черезъ Янышки, Машкутекъ, Шлавъ, Радзивилки и Шадовъ прибылъ также къ Кейданамъ. Однако объ сіи дивизіи вмѣстѣ тогда еще не соединились, но стояли лагерями порознь.

При Кейданахъ (1) стояли мы цѣлыхъ пять дней, отчасти для пріема провіанта, который былъ также тутъ заготовленъ, и печенія изъ него хлѣбовъ, отчасти дожидаясь (2) достальныхъ бригадъ, поставшихъ нѣсколько отъ прочихъ. Однако 3-го числа іюня выступилъ нашъ фельдмаршалъ съ своею дивизіею далѣе къ Ковно, и на другой день (4-го) послѣ того послѣдовали и мы за нимъ съ нашею дивизіею, которая дошедъ до мѣстечка Бобти ночевала. Наша же бригада оставалась въ сей разъ назади, но прибыла къ сему мѣстечку уже 5-го числа.

Наконецъ, 6 числа прибыли мы къ мѣстечку или, паче сказать, довольно знаменитому и славному городку Ковнамъ. Мы нашли уже тутъ великое собраніе полковъ, ибо какъ недохода до мѣстечка надобно было перебираться чрезъ рѣку Вилію, которая нарочито была велика, а мостовъ было еще не сдѣлано, то становились приходящіе полки подлѣ сей рѣчки и дожидались изготавленія оныхъ.

7-го числа переправились мы чрезъ поманутую рѣку Вилію и прошедъ Ковны, стали подлѣ сего мѣстечка лагеремъ. Тутъ стояли мы не малое время, ибо какъ чрезъ поманутую рѣку переправляться надлежало всей арміи по одному только узкому понтонному мосту, къ тому-жъ городъ сей назначенъ былъ генеральнымъ рандеву или сборнымъ мѣстомъ, то и требовалось къ тому не малое время.

Впрочемъ, какъ стояніе въ семъ мѣстѣ было достопамятно нѣкоторыми случившимися со мною происшествіями, то отложивъ повѣствованіе объ нихъ до послѣдующаго письма, теперешнее сямъ кончу, сказавъ вамъ, между тѣмъ, что я емь и проч.

СТОЯНІЕ ВЪ КОВНАХЪ.

Письмо 39.

Любезный пріятель! Теперь расскажу вамъ тѣ приключенія, которыя случились со мною во время стоянія нашего въ упомянутомъ польскомъ городкѣ Ковнахъ.

Первое произошло еще въ самый первый день нашего туда прішествія и состояло въ маленькомъ несчастіи, которое навлекъ я самъ на себя своею дуростию, а именно: я прежде уже упоминалъ, что я отправлялъ тогда должность квартирмискую и ѣзжалъ всегда напередъ для занятія лагеря. Выходствіе сего поѣхали мы и тогда напередъ, какъ бригада наша находилась еще за рѣкою Вилію. Приѣхавъ въ мѣстечко Ковны, квартирмистръ Ростовскаго полку, г. Похвисневъ, будучи молодецъ вѣтренный и гуляка, не знаю зачѣмъ отсталъ отъ насъ въ мѣстечкѣ, а съ нимъ остались вмѣстѣ и его фурьеры. Мы, приѣхавъ съ г. Кульбарсомъ на то мѣсто, гдѣ за мѣстечкомъ назначено было быть нашему лагерю, не имѣли времени долго мѣшкать, потому что полковые наши обозы начали въ то время уже перебираться чрезъ рѣку, какъ мы поѣхали, и для того спѣшили скорѣе разбить лагерь. Но горе на меня тогда напало, что не было ростовскаго квартирмистра, безъ котораго мнѣ лагерь подъ свой полкъ разбивать было не можно, потому что бригада наша становилась всегда такимъ порядкомъ, чтобъ на правомъ флангѣ стоять гренадерскому, на лѣвомъ нашему, а въ срединѣ Ростовскому полку, слѣдовательно, безъ занятія средняго лагеря мнѣ крайній занимать было не можно. Долго дождался я сего господина, но онъ немного тамъ позагулялся и не ѣхалъ. Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было, и я дѣлалъ ему за то изрядное благословеніе. Наконецъ стали уже показываться наши обозы, а лагеря нашихъ обоихъ полковъ мы и не начинали еще разбивать. Что мнѣ тогда было дѣлать? Другого не оставалось какъ отѣрнуть на Ростовскій полкъ известную намъ дистанцію, а тамъ взять прямую линію съ гренадерскимъ полкомъ и разбивать своей. Но какъ отѣрнувъ пропорцію сію пришелъ я на то мѣсто, гдѣ нашему полку стоять приходилось, то увидѣлъ, что была тутъ только - что вспаханная и еще незаскороженная пашня и не только

простая, но разодранная изъ луга. Однимъ словомъ, на всемъ мѣстѣ была глыба на глыбѣ и дернина на дернинѣ. Досадно мнѣ сіе чрезвычайно было, ибо такого сквернаго мѣста не доставалось намъ никогда подъ лагерь во весь походъ нашъ; напротивъ того видѣлъ я, что мѣсто, гдѣ отмѣрилъ я для ростовскаго полку, состояло изъ наипрѣкраснѣйшаго и ровнаго луга. Завистно мнѣ было сіе и досадно, а болѣе потому, что мы знали, что тутъ простоишь не малое время. Въ сихъ обстоятельствахъ будучи и вида, что ростовскій квартирмейстеръ съ фурыерами своими все еще не ѣхалъ, захотѣлось мнѣ услужить полку своему, и подъ какимъ-нибудь предлогомъ занять лугъ для себя, а ростовцевъ спровадить на пашню, и чрезъ то избавить свой полкъ отъ крайняго безпокойства. И для того, подумавъ немного и вымысливъ уже напередъ отговорки и оправданія, пошелъ я къ гренадерскому квартирмейстеру требовать совѣта; но сей не сказалъ мнѣ ни того, ни сего. Итакъ, не получивъ отъ него ни приказанія, ни запрещенія, пустился я на отвагу и разбилъ лагерь свой подлѣ его полку. Но дабы проступокъ свой чѣмъ-нибудь прикрыть, то разбилъ подлѣ себя на пашнѣ лагерь и Ростовскому полку. Фурыеры мои и не хотѣли-было для чужого полку трудиться, но я ихъ принудилъ и велѣлъ еще съ лучшимъ и особливимъ прилежаніемъ всѣ мѣста назначивать, дабы тѣмъ порядочнѣе разбить оный. Не успѣлъ я сего сдѣлать, какъ пришли уже въ самый дѣлѣ и ростовскія и нашего полку обозы, и я тотчасъ велѣлъ свои становить на мѣста и занимать сворѣ лагерь. Ростовскіе, не видя своихъ фурыеровъ, подняли-было съ нашими споръ, для чего становимся мы на ихъ мѣсто, однако я ихъ кое-чѣмъ умаслилъ и уговорилъ становиться въ отведенномъ мною для нихъ лагерѣ. Не успѣли обозы установиться, какъ пришла и пѣхота. Квартирмейстеръ ростовскій не прежде встрянулъ изъ Ковень ѣхать, какъ увидя уже идущую

пѣхоту и едва успѣлъ къ намъ безъ памяти прискакать съ своими фурыерами. Ему нѣкогда было тогда разбирать способность мѣста; однако увидѣвъ, что мѣсто его подъ нашъ полкъ уже занято, прискакалъ ко мнѣ и говоритъ: — «Экъ, братецъ! я позамѣшкался въ мѣстечкѣ, а ты у меня мѣсто занялъ и не тамъ сталъ». — «Вольно тебѣ было не ѣхать! отвѣтствовалъ я, вѣдь обозамъ моимъ тебя не дожидаться было, и мнѣ не оставалось иного дѣлать!» — «Ну, быть тому такъ. говорилъ онъ: да, экъ, какая бѣда, мнѣ теперь уже не успѣть разбить лагерь, полки уже идутъ!» — «Повѣзжай! повѣзжай! говорю я: — я уже и для вашего полка разбилъ своими фурыерами». Онъ благодарилъ меня еще за то, и поскакалъ полку на встрѣчу, а фурыерамъ велѣлъ итти на мѣсто. Но сіи бездѣльники, пришедши туда, увидѣли скоро весь мой умыселъ и для чего все это было сдѣлано, и досадовали чрезвычайно, что имъ стоять на пашнѣ. Они при семъ одному не остались, но со злобы на меня взяли нарочно и перетыкали всѣ тычки и искривляли умышленно линію и фронтъ такъ, что и палатки стали очень криво и дурно. Я, всего того не знаю и не вѣдаю, и радуюсь своей удачѣ и обману, поѣхалъ и встрѣтивъ свой полкъ привелъ на мѣсто. Но что-жъ воспослѣдовало? Радость моя продлилась не долго, но обратилась скоро въ печаль, и сія игрушка довела-было меня до несчастія.

Не успѣли полки стать въ лагерь, какъ приѣхалъ изъ мѣстечка нашъ генеральмайоръ Вильбоа, котораго ставка поставлена была у насъ на правомъ флангѣ. Онъ не успѣлъ подъѣхать къ лагерю, какъ искривленный Ростовскаго полку фронтъ тотчасъ ему въ глаза кинулся. Будучи чрезвычайно горячаго и вспыльчиваго нрава, разсердился онъ тогда чрезмѣрнымъ образомъ, и поскакалъ прямо къ сему фронту. Но досада его еще болѣе увеличилась, когда онъ, думая найти тамъ нашъ, увидѣлъ вдругъ Ростовскій, его любимый полкъ, который онъ, будучи до сего въ немъ полковни-

комъ, особливимъ образомъ защищалъ и любилъ. Онъ поднялъ тогда превеликій шумъ и крикъ и металъ вокругъ себя огнемъ и пламенемъ. — «Кто это? кто? кто это сдѣлалъ? кто такъ сдѣлалъ? кто становилъ лагерь? для чего худо? для чего криво? для чего не въ томъ мѣстѣ? кричалъ и вопилъ онъ:—подай его сюда!»

Квартермистръ ростовскій, вѣдая его вспыльчивость, не смѣлъ ему уже тогда показывать глазъ своихъ; но по несчастію вышло нѣсколько офицеровъ, кои не меньше прочихъ были недовольны мѣстомъ и пожаловались ему, обвиняя прямо меня одного.

Я находился тогда въ полку своемъ и ничего того не зналъ, не вѣдалъ; но скоро увидѣлъ я бѣгающихъ по всему лагерю и меня къ генералу спрашивающихъ. — «Ну! говорилъ я тогда самъ себѣ: доходить до меня дѣло! какъ-то я отдѣлаюсь, и что-то мнѣ будетъ: генералъ человекъ бѣшеный, чтобъ не сдѣлалъ онъ чего со мною!» Какъ я думалъ, такъ и сдѣлалось. Генералъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ въ превеликой запальчивости оборвался на меня и смѣшалъ съ грязью. Я началъ-было приносить ему оправданія, но статочное ли дѣло, чтобъ ихъ ему выслушивать! Не оправданія слушать, но наказать меня у него на умѣ было. «Оборви его! кричалъ только онъ, оборви адъютантъ, вотъ ужъ я его проучу!» Адъютантъ тотчасъ сошелъ съ лошади и сталъ снимать шпагу. Что мнѣ тогда было дѣлать? Я видѣлъ, что плетью обуха не перебьешь, стоялъ онѣмѣвши и давалъ ему безпрекословно снимать оную. Послѣ чего поѣхалъ генералъ, не слушая ничего болѣе, прочь, а я принужденъ былъ итти въ свою палатку.

Слухъ о моемъ несчастіи пронесся тотчасъ по всему лагерю, и всѣмъ было это непонятно, за что бы такое меня арестовали. И какъ весь полкъ меня любилъ и былъ мною доволенъ, то не было никого, кто бы обо мнѣ не жалѣлъ и меня о причинѣ того не спрашивалъ. Палатка моя наполнилась тотчасъ офице-

рами, пришедшими навѣщать несчастнаго, и я, горюя и смѣючись, говорилъ тогда имъ: «Вотъ это за васъ я за всѣхъ, господа, отражду! Васъ я пожегъ и на пашню не поставилъ; но оттого самъ теперь терплю бѣду». Они очень довольны были моимъ усердіемъ, и потому стали еще болѣе обо мнѣ сожалѣть, говоря, что я невинно стражду. Наконецъ, услышавъ о томъ, зашелъ ко мнѣ самъ полковникъ нашъ и спрашивалъ меня обо всемъ происхожденіи. Я рассказалъ ему все подробно, и, наконецъ, смѣючись говорилъ: «Воля ваша, господинъ полковникъ! Вы должны меня теперь зацѣпить — я не для себя, а для всего нашего полку это дѣлать, а мнѣ все бы равно, на пашнѣ ли или на луку стоять!» — «Конечно, я и непременно стараться, отвѣчалъ онъ: — и много тобою въ семь случаевъ доволенъ. Однако, возьмите на часокъ терпѣніе. Надобно дать время остынуть гнѣву генеральскому, а то я надѣюсь на себя, что все дѣло будетъ заглажено».

И въ самомъ дѣлѣ, не успѣло часовъ двухъ пройти, какъ прибѣжалъ за мной ординарецъ, чтобъ я шелъ немедленно къ генералу въ ставку. Я нашелъ тамъ своего полковника, и генералъ былъ уже какъ овечка смиренъ и спрашивалъ меня обо всемъ происхожденіи. «Ваше превосходительство, говорилъ я ему тогда смѣло, не изволили меня давеча выслушать, я совсѣмъ въ этомъ дѣлѣ не виноватъ; квартермистръ ростовскій остался въ Ковнахъ, и я не знаю зачѣмъ тамъ промедлилъ, даже до того времени, какъ полки пришли уже въ городъ. Я, будучи здѣсь, дожидался его болѣе двухъ часовъ, чтобъ онъ занялъ свой лагерь, но не могъ никакимъ образомъ дожждаться. Наконецъ обозы уже пришли и требовали отъ меня мѣста. Я не зналъ, что тогда дѣлать, и думая, что хуже будетъ, ежели ваше превосходительство заставите обозы въ беспорядкѣ и въ замѣшательствѣ толпящіяся, другого не нашелъ, какъ занять мѣсто подъ свой полкъ подлѣ гренадерскаго». — «О! такъ это

такъ-то было? прервалъ мою рѣчь генералъ: — да что же тотъ молодецъ тамъ дѣлалъ и зачѣмъ въ Ковнахъ праздновалъ? — «Всего того не знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ я: — только здѣсь ни его, ни одного изъ его фурьеровъ не было, и я, увидавъ уже и ихъ обозы пришедшіе, принужденъ былъ и для ихъ полку послѣ самъ разбивать лагерь». — «Да что жъ онъ криво разбитъ?» спросилъ генералъ. — «Тому уже не я виноватъ, отвѣчалъ я: — мнѣ не учиться разбивать лагеря, и я разбилъ его хорошо, но они сами нарочно и умышленно все перекиривили и тычки мои перетывкали, чтобъ привести только тѣмъ въ гнѣвъ меня у вашего превосходительства». — «Вотъ смотри, какіе бездѣльники! закричалъ тогда генералъ: — Поэтому не ты, мой другъ, виноватъ, а всею причиною Похвисневъ; но я уже проучу сего молодца! Адъютантъ! вручи шпагу господину подпоручику, а вмѣсто того поди арестуй Похвиснева и вели его посадить на палочной». Потомъ, обратясь ко мнѣ, говорилъ: «Прости ты меня, мой другъ! Мнѣ не такъ все было сказано, и я всего того не вѣдалъ». Богъ тебя проститъ, думалъ я тогда самъ въ себѣ, а между тѣмъ, давай Богъ отъ него скорѣй ноги.

Симъ образомъ кончилось сіе несчастное приключеніе, которое одно только сего рода во всю мою службу и было. Всѣ офицеры рады были моему освобожденію и хвалили меня, что я хорошо отдѣлался. Совсѣмъ тѣмъ боялся я, чтобъ генералъ не провѣдалъ истинной причины; но, по счастью, скоро послѣ того мы были изъ-подъ его команды и опредѣлены были въ другую дивизію, да и настоящій нашъ квартирмейстеръ, господинъ Штейнъ, отъ болѣзни своей свободился и вступилъ опять въ свою должность. Итакъ, возвратился я въ роту и не ѣздилъ болѣе занимать лагерей.

Другое приключеніе было смѣшного рода и состояло въ томъ, что я ненарочно и незнаючи напился пьянъ и впервые еще отъ роду. Произошло сіе слѣ-

дующимъ образомъ. Еще задолго прежде пришествія въ Ковны, слышались мы довольно, что въ Ковнахъ продаются славные польскіе меды, называемые липецы. Любопытство узнать, что это за напитокъ, было въ насъ превеликое, и для того не успѣли мы приттуть въ Ковны и расположиться лагерями, какъ свѣшилъ всякій отпроситься въ сей городъ для исправленія себя покупкою нужныхъ вещей. Въ числѣ сихъ былъ и я не изъ послѣднихъ. Пришедъ въ городъ, первое мое поначеніе было сыскать, гдѣ продаютъ липецъ. Мнѣ указали трактиръ или винный погребокъ, куда пришедъ, спросилъ я тотчасъ онаго. Спросили меня, сколько прикажу я? «Штофъ!» сказалъ я, ибо думалъ, что онъ такой же слабый, какъ и прочіе польскіе меды, которые иногда въ жажду пить можно и до которыхъ мы, идучи Польшею, сдѣлались уже охотники. Хозяинъ удивился, видя меня одного, а спрашивающаго дѣлай штофъ меда! Однако, не сказавъ ничего, пошелъ и принесъ мнѣ оный; а я не меньше удивился, что онъ со штофомъ поставилъ мнѣ на столъ маленькую рюмку, а не стаканъ. «Что это такое! думалъ я самъ въ себѣ: — кто это выдалъ, чтобъ медъ рюмками, и такими маленькими пить?» Однако, рассудилъ опять, что можетъ быть тутъ и обыкновеніе такое, и видя хозяина одѣтаго порядочно въ нѣмецкое платье, для благопристойности посовѣстился спросить, что тому была за причина, и постыдился попросить стакана. Итакъ, налилъ я тотчасъ рюмку и выпилъ. Медъ показался мнѣ самымъ нектаромъ: чистъ, вкусенъ, сладокъ, пріятенъ, а и ктому-жъ показался мнѣ и совсѣмъ не крѣпокъ, а слабъ. Почему и дивился я еще тому и говорилъ самъ себѣ: «Вотъ, говорили, что липецъ очень крѣпокъ, а вмѣсто того, его безъ нужды пить можно». Итакъ, погода немного, выпилъ я его еще рюмку, а спустя еще нѣсколько времени, еще одну. Но какъ въ сей разъ показался онъ мнѣ нѣсколько крѣпче, то не сталъ я его болѣе тогда пить, а думалъ пойтить папе-

редь кой-что искупить и поискать кого-нибудь изъ знакомыхъ, и зайтить сюда послѣ и достальное выпить. Расположившись снмъ образомъ, говорю я хозяину: не сдѣлаетъ ли онъ мнѣ дружбы и не поставитъ ли этотъ медъ въ шкафъ, и не побережетъ ли нѣсколько часовъ, пока я приду съ пріятелями и не разопью достальное.—«Боже мой! сказалъ хозяинъ, для чего не побережь! извольте, сударь, медъ вашъ будетъ дѣлъ, а только извольте за него заплатить».—«Конечно, мой другъ, сказалъ я:—это разумѣется само собою; сколько-жъ тебѣ за него надобно?»—«Червонецъ, только!» сказалъ съ хладнокровіемъ хозяинъ! Слово сіе меня поразило. «Вотъ-те на! думалъ я самъ себѣ, хорошъ медокъ!» Признаюсь, что мнѣ уже и очень жаль было, что я не спросилъ напередъ, чего онъ стоитъ; но какъ отдавать назадъ казалось мнѣ уже совѣстно и дурно, то хотя съ превеликимъ нехотѣніемъ и досадою на самого себя, но полѣзъ я въ кошелекъ, заплатилъ сколько онъ требовалъ и пошелъ со двора, браня самъ себя за неосторожность, а медъ за его дороговизну; но комедія снмъ еще не кончилась.

Не успѣлъ я съ полчаса по городу походить, какъ встрѣтился со мною нашего полку адъютантъ, и обрадовавшись меня увидѣвъ, говорилъ мнѣ, что онъ меня давно ищетъ, и чтобъ я шелъ какъ можно скорѣе въ лагерь къ полковнику, для нѣкоторой нужды. Я-было сталъ звать его съ собою въ трактиръ, но онъ отговорился недосугомъ, и совѣтовалъ мнѣ опять, чтобъ и я не медлилъ ни минуты. Такимъ образомъ, не имѣя времени заходить за моимъ лицемъ, побѣжалъ я въ лагерь, который не далѣе былъ отъ мѣстечка, какъ за версту. Тутъ не успѣлъ я притти къ полковнику и исправить то дѣло, зачѣмъ онъ меня призывалъ, возвратиться въ мою палатку, какъ вдругъ отнялись у меня обѣ мои руки и ноги. Странно мнѣ сіе и удивительно показалося. Я не понималъ, что это значило и испужавшись только и говорилъ:—«Господи помилуй! что это такое! что это съ

моими руками и ногами сдѣлалось: боли кажется никакой не чувствую, а совсѣмъ ими почти не владѣю». Словомъ, я сдѣлался такимъ калѣкою, что принужденъ былъ лечь на землю и валялся какъ разслабленный, не понимая, чтобъ тому было причиною, ибо какъ я былъ, впрочемъ, во всемъ умъ и памяти, то мнѣ и въ мысли не входило, чтобъ дѣйствіе сіе произвелъ мой медокъ, сладенькій и дешевый. Зашедшіе ко мнѣ офицеры растолковали мнѣ наконецъ сію тайну. Они спросили меня, не пилъ ли я липцу, и какъ я имъ сказалъ, что три рюмочки выпилъ, то захохотали они и сказали:—«Ну, братецъ! такъ это онъ дѣйствуетъ, и съ тобою еще не то будетъ». Предвѣщаніе ихъ и сбылось. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣло пройти съ полчаса послѣ того времени, какъ сладенькій мой и прекрасный медокъ такъ меня рознялъ, что я сдѣлался мертвецки-пьянъ, и безъ ума почти и безъ памяти валялся, какъ обрубокъ по травѣ, передъ палаткою, и только и дѣла, что смѣялся и хохоталъ во все горло, ибо мнѣ каждая вещь казалась смѣшною. И тогда-то въ первый разъ узналъ я, каковъ бываю я пьяный, но благодарить Бога, что по сіе время случилось сіе со мною только два раза въ жизни. Въ такомъ состояніи препроводилъ я весь остатокъ дня, не зная, гдѣ найти себѣ мѣста; но наутрѣ, проспавшись, проклиналъ я этотъ окаянный медъ и съ его хозяиномъ, и не только не пошелъ допивать его въ городъ, но не хотѣлъ объ немъ и слышать, и оставилъ спокойно стоять его въ шкафѣ у хозяина.

Но я возвращусь къ описанію нашего похода. Вся армія, переправившись черезъ рѣку Вилію или Вильню, поставлена была лагеремъ вокругъ Ковень. Городокъ сей лежитъ въ наипрекраснѣйшемъ положеніи мѣста. Немалая рѣка Нѣмонтъ протекаетъ между высокихъ горъ широкою долиною. Ковны сидятъ на самомъ берегу оной и имѣютъ въ себѣ довольно каменнаго строенія, церковей и другихъ домовъ прекрасныхъ, изъ кото-

рыхъ въ наилучшемъ стоялъ тогда нашъ фельдмаршалъ; а прочіе заняты были его свитою и иностранными волонтерами и другими знатнѣйшими генералами. Весь городъ наполнился тогда народомъ и кипѣлъ военными людьми. Подлѣ самыхъ стѣнъ окружаетъ сей городъ другая п вышеупомянутая рѣка Вильна, впадающая въ Нѣмонть, такъ что городъ на самомъ узгѣ построенъ. Полки расположены были по берегамъ обѣихъ сихъ рѣкъ лагерями, и дѣлали тогда наипрекраснѣйшій видъ.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего въ сіе мѣсто пріѣхалъ къ арміи и генералъ-аншефъ Броунъ; также соединились съ нею и войска наши, шедшія прямо изъ Смоленска и изъ Стародуба, и состоящая по большей части изъ конницы и легкихъ войскъ. Такимъ образомъ собралась въ семь мѣстъ вся наша армія вмѣстѣ, кромѣ дивизіи генерала Фермора, которая, какъ выше упомянуто, пошла осаждать Мемель.

Не успѣлъ весь генералитетъ съѣхаться и собраться, какъ дѣланъ былъ тутъ два раза военный консилиумъ или совѣтъ, и трактовано было на нихъ о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ и о томъ, гдѣ и какъ вступить въ прусскія границы; послѣ чего сдѣлано было во всей арміи другое распоряженіе между полками. Нашъ полкъ достался уже въ иную и ту дивизію, которую командовалъ генералъ-аншефъ Броунъ; а бригадою нашею, сдѣланною изъ нашего да изъ Нарвскаго и Выборгскаго полку, сталъ предводительствовать уже г. бригадиръ Берхъ.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ и съ толикою медленностію тащались изъ Риги до Ковеня, и тутъ со всѣхъ сторонъ понемногу собиралась, время свое не столько въ дѣлѣ, сколько въ праздности и въ пустыхъ излишностяхъ препровождали, въ Богеміи и въ другихъ мѣстахъ продолжалъ горѣть огонь военного пламени нанжесточайшимъ образомъ. Помянутая прежде сего и столь страшная баталія у цесарцевъ съ пруссаками подъ Прагою, сколь ни была кро-

вопролитна, и хотя на оной въ нѣскольکو часовъ перебито и переуродовано было съ обѣихъ сторонъ болѣе 30 тысячъ чело-вѣкъ, однако она не перемѣнила нисколько положенія дѣлъ, не уменьшила лю-тости войны и не произвела никакой еще надежды къ миру. Баталія сія въ особенности достопамятна тѣмъ, что хотя всѣ думали и ожидали, что возымѣетъ она великія послѣдствія, однако сего не было, и она ихъ не имѣла. Всѣ думали, что побѣдившій тогда цесарцевъ король прусскій, погнавшись за убѣжшими цесарцами вслѣдъ и догнавъ всѣхъ ихъ истребить, а запершихся въ Прагѣ принудить огнемъ и голодомъ отдаться въ полонъ, и многіе бились даже объ закладъ, что король не преминетъ сего сдѣлать и надѣялись, что онъ овладѣетъ всею Богеміею прежде, нежели цесарцы успѣютъ еще опомниться: однако всѣ въ томъ обманулись.

Король сколько ни употреблялъ своего искусства къ тому, чтобъ воспользоваться коликъ можно болѣе сею побѣдою, однако не имѣлъ въ томъ дальней удачи. Для истребленія убѣжшихъ цесарцевъ, хотя и отправилъ онъ въ погоню герцога Бевернскаго съ 20-ю тысячами чело-вѣкъ своего войска, но всѣ старанія сего герцога были безуспѣшны, и онъ не могъ никакъ воспрепятствовать имъ соединиться съ другимъ цесарскимъ корпусомъ, стоявшимъ неподалеку отъ Колина. Сія войска, будучи подкрѣплены и умножены другими, пришедшими изъ Моравіи и изъ Венгріи, составили въ короткое время вновь довольно великую армію и для командованія оною при-сланъ былъ Даунъ, генералъ, который одинъ только могъ дарованіями своими сколько-нибудь равняться королевскимъ и въ состояніи былъ ему противоборствовать.

Самъ же король разсудилъ остаться на мѣстѣ баталіи, для окруженія и взятія города Праги и всѣхъ въ немъ за-сѣвшихъ цесарцевъ. Онъ послалъ тотчасъ въ него требовать сдачи; но удивился, услышавъ, что находится въ ономъ

самъ принцъ Карлъ Лотарингскій, съ цѣлою арміею цесарскаго войска, ибо число оныхъ простиралось до 40 тысячъ человекъ. Несмотря на то, окружилъ король со всѣхъ сторонъ сей великій городъ и, надѣлавъ повсюду батарей, сталъ утѣснять оный наизящнейшимъ образомъ. Одиѣхъ бомбъ и каленыхъ ядеръ кинуто было въ него до 170,000 и 900 аданій разрушено и повреждено было оными. Однако всѣми сими усиліями не могъ король ничего важнаго сдѣлать, и ниже овладѣть малѣйшими укрѣпленіями сего города. Принцъ Карлъ противился наипорнѣйшимъ образомъ и опровергалъ всѣ его на себя посяганія. Сама натура помогала ему въ томъ нѣсколько. Преужасныя громовыя тучи и проливные дожди произвели, что рѣка Мудда выступила изъ береговъ, разорвала прусскіе понтонные мосты и доставила ихъ цесарцамъ въ руки, произведя чрезъ то въ прусскомъ войскѣ великую разстройку.

При сихъ обстоятельствахъ и вида, что вся его стрѣльба неприятелямъ мало вреда дѣлала, рѣшился король выморить цесарцевъ голодомъ и принудить къ сдачѣ, и какъ въ городѣ начиналъ уже появляться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, то и имѣлъ бы можетъ быть успѣхъ въ томъ возжелѣнный, еслибъ не помѣшала ему въ томъ другія обстоятельства, а именно то, что генералъ Даунъ съ 60-ю тысячами человекъ цесарскаго войска началъ водвигаться къ городу для освобожденія оного отъ осады, и что герцогъ Беверисскій, будучи слишкомъ слабъ для удержанія его, принужденъ былъ назадъ ходиться. Король, услышавъ о семъ, оставилъ Кейта продолжать осаду, а самъ оторвалъ, сколько можно было, войска и соединившись съ герцогомъ Беверисскимъ, съ 23-ми батальонами пѣхоты и 30-ю эскадронами конницы пошелъ противъ Дауна, чтобъ съ нимъ сразиться.

Къ предпріятію сему побудило короля во-первыхъ то, что извѣстно ему было, что Дауну отъ цесаремъ приказано было отвѣтиться на все для освобожденія

принца Барла и для недопущенія до того, чтобъ король взялъ въ Прагѣ цѣлую армію въ полонъ. Во-вторыхъ, видѣлъ онъ, что не сразившись съ нимъ, и его не побѣдивъ, невозможно было ему никакъ овладѣть Прагою; а въ-третьихъ, и всего паче, зналъ онъ, что отъ побѣды надъ Дауномъ произойти могутъ весьма важныя и выгодныя для его слѣдствія. Онъ надѣялся вѣрно, что выигравши сіе сраженіе, получить онъ, во-первыхъ, великій и совершенный уже верхъ надъ цесарцами; во-вторыхъ, всѣхъ ополчающихся противъ его имперскихъ князей, коихъ напугалъ уже онъ посланными отъ себя 500 человекъ гусаръ въ нѣдра Германіи для воспрепятствованія соединенію ихъ войскъ и достигшими даже до Нюренберга и Регенсбурга, и кои доведены были уже до того, что начали колебаться и помышлять объ оставленіи цесарской стороны принудить просить себя о заключеніи съ ними нейтралитета; в-третьихъ, надѣялся онъ, что разстроитъ тѣмъ и самый планъ французовъ, и, можетъ быть, остановить всѣ военныя ихъ операціи въ Германіи, ибо сіи имѣли уже, между тѣмъ, время не только выступить въ поле, но перейти Рейнъ и, соединившись съ корпусомъ цесарцевъ, войти въ Вестфалію, гдѣ принцъ Субизъ, предводительствуя ими и цесарцами, менѣе нежели въ недѣлю взялъ городъ Везель и отнялъ у пруссаковъ все Клевское и Гельдерское княжество и прогналъ ихъ до самой ганноверской арміи, которая, подъ командою герцога Кумберландскаго, взялась съ сей стороны защищать земли прусскаго владѣнія; но прибывшимъ къ арміи французскимъ маршаломъ Дестреемъ была также уже разбита при Гастенбекѣ и потеряла самый городъ Ганноверъ. Вчетвертыхъ, надѣялся онъ, что чрезъ то и саміе шведы, угрожающіе его нападеніемъ на Померанію, сдѣлаются миролюбивѣе и осторожнѣе; а въ-пятыхъ, увозалъ онъ, что чрезъ то и самый нашъ дворъ преклонится на нѣмля мысли, ибо король могъ бы уже тогда раздѣлить армію свою всюду и всюду, и не только выставить и

противъ насъ множайшую силу, но поспѣть на вспоможеніе и утѣсенному герцогу Кумберландскому.

Сіи-то причины и льстительныя надежды убѣдили короля спѣшить скорѣе итти противъ цесарцевъ и дать баталію съ Дауномъ. Многіе, разумѣющіе военное искусство, обвиняютъ въ семъ случаѣ короля великою погрѣшностью и говорятъ, что могъ бы онъ стать съ арміею своею въ выгодномъ и такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ и не давая баталіи, могъ воспрепятствовать Дауну продратъ до Праги, и что могъ бы онъ чрезъ то взять сей городъ, который не могъ болѣе уже, какъ нѣсколько дней держаться. Но король, привыкнувшій къ скоропости и жадничая уже слишкомъ побѣды, восхотѣлъ самъ атаковать, и тѣмъ испортилъ все дѣло.

Даунъ, избравъ весьма выгодное положеніе мѣста, ожидалъ спокойно нападенія отъ короля прусскаго. Сей не успѣлъ притти, какъ тотчасъ и напалъ на него, и 7 июня, въ два часа по-полудни, началась баталія. Лѣвое крыло арміи прусской приближается къ атакованію праваго цесарскаго. Въ единый мигъ крыло сіе атакуетъ спереди и сбоку, и устремленіе жестокое пруссаковъ опровергаетъ конницу цесарскую. Графъ Сербелони, будучи хотя раненъ, но съ саблею въ рукахъ, устремляется противъ пруссаковъ, возобновляетъ сраженіе и получаетъ опять верхъ надъ ними. Пѣхота драгась, между тѣмъ, съ ужаснымъ кровопролитіемъ; шесть разъ разстроиваны и прогоняемы были батальоны Фридриховы, и шесть разъ возвращались они опять нападать на цесарцевъ съ толикою же неустрашимостью. Даунъ и король прусскій находятся повсюду сами! Принцъ Карлъ Лобковичъ, князь Эстергази и графъ Одонель отправляютъ должность и командировъ, и самыхъ рядовыхъ солдатъ. Съ прусской же стороны оба брата королевскіе, принцъ Гейнрихъ и Фердинандъ помогаютъ ему и раздѣляютъ съ нимъ труды и опасности. Около семи часовъ вечера ослабѣваютъ обѣ арміи

отъ трудовъ тяжкихъ, и власно какъ съ общаго согласія берутъ на полчаса отдохновеніе. Фридрихъ предпринимаетъ употребить послѣднее усиліе и поправить погрѣшность, учиненную генераломъ его, Манштейномъ, чрезъ начатіе тамъ сраженія, гдѣ отъ короля ему запрещено было. Онъ собираетъ наилучшія свои войска, для нападенія еще разъ на храбрыя батальоны цесарскіе, только разъ ихъ прогонявшіе, и идетъ предводительствовать самъ оними. Онъ останавливаетъ бѣгущихъ единымъ словомъ: «или хотите вы жить вѣчно» и возвращаетъ итти на смерть! А Даунъ, между тѣмъ, приказываетъ конницѣ своей на лѣвомъ крылѣ устремиться на непріятеля и атаковать его съ боку. Сіе движеніе и храбрый отпоръ его пѣхоты рѣшили, наконецъ, судьбу сего страшнаго дня и доставило ему совершенную побѣду. Пруссаки потеряли на семъ достопамятномъ сраженіи до 8,000 человекъ наилучшей своей пѣхоты и до 12,000 ранеными и разбѣжавшимися. Король ретируется въ довольномъ беспорядкѣ. Всѣ его пышныя и великолѣпныя замыслы и льстительныя надежды разрушаются. Онъ возвращается въ тотъ же вечеръ къ арміи, оставленной подъ Прагою и черезъ день повелѣваетъ оставить осаду, и съ стыдомъ и урономъ выходитъ потомъ совсѣмъ изъ Богеміи; цесарцы получаютъ въ добычу 22 знамя и 45 пушекъ со множествомъ снарядовъ. Сіи трофеи служатъ имъ доказательствомъ ихъ побѣды, которая не болѣе стоитъ имъ 5,000 человекъ, конни покупаютъ они себѣ великія выгоды и спасаютъ цѣлыхъ 40 тысячъ отъ плѣна, со множествомъ принцевъ и генераловъ.

Не можно изобразить, сколь много обрадованъ былъ цесарскій дворъ извѣстіемъ о сей рѣшительной, славной и во всѣхъ обстоятельствахъ великую перемѣну произведшей побѣдѣ. Даунъ первый имѣлъ ту славу, что разбилъ короля на баталіи формальной и порядочной, и императоръ съ цесаревою были имъ такъ довольны, что поѣхали сами къ его женѣ сообщать ей сіе радостное извѣстіе. Впро-

тоже известно, что цесарца при самомъ сего случаѣ учредила свой военный орденъ, давъ ему свое имя Маріи-Терезіи. Она оказала генералу Дауну то отицкое пренебреженіе, что дозволила самому ему учинить произвожденіе въ ея арміяхъ. Сей знакъ почтенія и довѣренности былъ для фельдмаршала сего тѣмъ дороже, что пренодалъ ему случай изъяснить оныи дружбы самими сонерниками своими въ чести. Выборъ, учиненный имъ въ сего произвожденіи, покрылъ его много рода славой и честию, которая не будучи хотя столь громкою, какъ полученная чрезъ побѣду, однако не менше достойна великихъ похвалъ. Но я возвращусь къ нашей арміи и продолженію моеи повѣсти.

Изъ всего вышесказаннаго легко можно усмотрѣть, что славная сія баталія при Колинѣ происходила въ Богеміи, въ самый тотъ день, въ который пришли мы съ арміею въ помянутое польское мѣстечко Ковни. Цесарица не преминула тотчасъ отправить къ намъ курьера съ увѣдомленіемъ о своей побѣдѣ; но мы не прежде извѣстіе о томъ получили, какъ 16-го іюня.

Легко можно заключить, что извѣстіе сіе было для всѣхъ насъ весьма пріятно, ибо какъ цесарица были наши союзники, и мы за нихъ сами воевать шли и въ король прусскомъ имѣли общаго непріятеля, то и произвело оное во всей нашей арміи такую же почти радость, какъ бы побѣда сія одержана была надъ ними собственными нашими войсками. Фельдмаршалъ непреминулъ тотчасъ во всей арміи оную обнародовать, и тотчасъ сообщены были во всѣ полки копій съ полученной цесарской реляціи. Послѣ чего собраны были со всѣхъ полковъ и всѣ полковны священники въ главную квартиру, гдѣ, при громѣ пушекъ, принесено было Всевышнему торжественное благодареніе. Всѣ генералы обѣдали въ тотъ день у фельдмаршала, и пушки принуждены были работать во весь тотъ день и оглушать громомъ своихъ ковенскихъ жителей.

Послѣ чего не стали мы уже болѣе тутъ медлить, но въ тотъ же еще день отданы были прикази, чтобы мы въ походъ далѣе итти готовы были. Но я еще до повѣствованія о дальнѣйшемъ нашей походѣ до послѣдующаго письма, а между тѣмъ, остаюсь и проч.

ПОХОДЪ КЪ ПРУССІИ.

Письмо 40.

Любезный пріятель!
Итакъ, не успѣли мы получить вышеупомянутаго радостнаго извѣстія, какъ полководцы наши не восхотѣли долѣе медлить въ

Ковнахъ, но стали поспѣшать походомъ, и для того, на другой же день послѣ того, то-есть 17-го іюня, велѣно уже было нѣкоторымъ бригадамъ выходить въ походъ и по немногу перебираться за рѣку Нѣмонтъ, чрезъ которую сдѣланъ былъ также изрядный мостъ на понтонахъ. Въ слѣдующій затѣмъ день продолжала армія перебираться, и въ сей день выѣхалъ и самъ генералъ-фельдмаршалъ изъ Ковенъ; но вся армія не могла никакъ перебраться прежде 21 числа, въ который день перешелъ, наконецъ, и нашъ полкъ вмѣстѣ съ прочими.

Выступленіе сіе изъ Ковенъ памятно мнѣ въ особенности и понинѣ, по причинѣ одного печальнаго приключенія

случившагося въ самый тотъ часъ, какъ мы выступили. Я имѣлъ въ полку нашемъ одного весьма хорошаго пріятеля, который сверхъ того мнѣ и нѣсколько сродни, а при томъ близкій сосѣдь по моимъ деревнямъ былъ. Онъ служилъ уже поучникомъ и назывался Ѳеодоръ Семеновичъ Селиверстовъ. Поелнику характера онъ былъ весьма хорошаго, то и жили мы съ нимъ всегда въ дружбѣ и любили взаимно другъ друга. Сей человекъ занемогъ во время нашего похода Польшю и далеко не доходя еще до Ковенъ. И какъ всѣ гдѣ по справедливости названы могутъ быть несчастными людьми, которыми случится занемочь въ походахъ, потому что рѣдкимъ изъ нихъ, а особливо страдающимъ тяжкими болѣзнями, удастся выздоравливать, то таковому-жъ несчастному жребію подверженъ былъ и г. Селиверстовъ. Его хотя и лечилъ нашъ полевой лекарь, но можетъ ли порядочное леченіе производимо быть въ походѣ, когда больной, вмѣсто нужнаго ему покоя, всякій день подвергается новымъ беспокойствамъ и когда самому врачу нѣкогда о самомъ себѣ помыслить, а потому и его хотя и привезли въ Ковны живого, но болѣзнь его уже столько усилилась, что онъ находился уже при краю жизни. А по сей причинѣ, хотя въ Ковнахъ мы и имѣли недѣли двѣ спокойное стояніе, но ему не помогали уже никакія лекарства. Но сего было еще не довольно; но несчастный его рокъ хотѣлъ, чтобъ онъ въ самую ту минуту лишился жизни, когда мы выступили только въ походъ и кибитку съ нимъ тронули только съ мѣста. Не могу изобразить, сколь сильно поразился я и другіе его пріятель, когда, отыскавъ насилу насъ, прибѣжали намъ сказать, что онъ переселился въ вѣчность. Взгоревались мы и не знали, что намъ съ нимъ тогда дѣлать. Весь полкъ находился тогда уже въ движеніи со всѣми своими обозами, и сіи понуждаемы были съ великимъ поспѣшеніемъ переправляться за рѣку. Мы доложили о томъ полковнику и просились, чтобъ уволить насъ хотя на нѣсколько

часовъ для погребенія его тѣла. Но обстоятельство сіе было такъ трудно, что принуждено было докладывать о томъ нашему бригадному командиру, ибо отъ него накрѣпно запрещено было не отлучаться отъ своихъ мѣстъ никому: но и тотъ не болѣе насъ отпустилъ, какъ на одинъ часъ времени и приказалъ намъ тамъ его погрестъ, гдѣ мы найдемъ повозку его на дорогѣ. Что было тогда намъ дѣлать? Мы принуждены были повиноваться строгому повелѣнію нашего начальника и, позабывъ о всѣхъ обрядахъ и погребательныхъ церемоніяхъ, не столько погрестъ, какъ вырвыши въ случившемся подлѣ дороги гѣсочкѣ небольшую ямку, заспать его пескомъ, ибо въ скорости и за великимъ поспѣшеніемъ шествія и бывшей между всѣми обозами превеликой сумятицѣ и самаго пона отыскать было никакъ не можно. И такъ, слезы наши, которыми оросили мы бездушный трупъ нашего друга, и вздохи, возсылаемы къ небесамъ, служили ему вмѣсто всѣхъ церемоній и погребательныхъ обрядовъ. Не могу вспомнить, kolikoю жалостію поражены были тогда наши сердца, когда песокъ закрывалъ трупъ его въ послѣднія отъ глазъ нашихъ. Мы воображали себѣ, что весьма легко статься можетъ, что и мы подвержены будемъ таковому же несчастному жребію, и говорили взаимно другъ другу: «Почему знати! можетъ быть и намъ также на походѣ случится умереть! можетъ быть и насъ такимъ же образомъ, или еще хуже сего, заруютъ въ песокъ, и никто изъ родныхъ нашихъ не будетъ знать, гдѣ наша и могила!»

Такимъ же образомъ и въ сіе же время лишился жизни и прежній мой учитель, г. Миллеръ. Жестокая болѣзнь похитила его отъ свѣта вмѣстѣ со многими другими. Отъ сего человека хотя и много видѣлъ я въ малолѣтствѣ худъ, но все оное давно уже позабылъ, и онъ, будучи офицеромъ, такъ уже меня любилъ, что я считалъ его себѣ другомъ, а потому не могъ, чтобъ и его бездушный трупъ не оросятъ слезами дружества. Сей умеръ

хоть еще въ лагерѣ и наканунѣ нашего выхода, но поелику былъ иностранецъ, то и ему не лучшее было погребеніе. Такии же образомъ и онъ зарытъ былъ, безъ дальнихъ церемоній, въ ямы. Но мнѣ время уже оставить сіи печальные предметы и возвратиться къ нашему походу.

Какъ, перешедъ рѣку Нѣмонтъ, принуждено было намъ переходить весьма крутыя и неспособныя горы, то, передневавъ на берегу оной 22 число, велѣно было взять намъ на трое сутокъ провіанта и идти впередъ, оставя обозы, чрезъ горы перебираться по своей волѣ. Сіе случилось еще впервые съ нами, что мы принуждены были разставаться съ нашими обозами и запасаться также для себя съѣстною провизіею, что для насъ по обыкновенію было довольно дико. Мы перешли въ тотъ день (23-го) всю арміею до деревни Гогя, сидящей на берегу Нѣмонта, и думали, что обозы наши долго не будутъ; однако они, противъ чаянія нашего, перебрались еще въ тотъ же день чрезъ горы и прибыли къ намъ къ вечеру. Единая была намъ трудность только та, что лошадей для корма принуждены мы были переправлять влავъ чрезъ рѣку Нѣмонтъ и съ немалою опасностію.

Послѣдующій день (24-го) стояли мы тутъ и отдыхали, а 25 числа выступили опять въ походъ, оставя обозы позади. Однако они обошли насъ на дорогѣ, и мы ночевали въ сей день при мѣстечкѣ Прени. Наутріе же (26-го), продолжая походъ, прибыли мы къ мѣстечку Барбариншамъ и расложились по лагеремъ позади онаго, въ которомъ и самъ фельдмаршалъ сталъ въ своихъ великолѣпныхъ шатрахъ, которые мы до сего еще и не видавали, и потому не могли пышности и красоты ихъ и величинѣ всего фельдмаршальскаго стана довольно насмотрѣться. Весь оный, по множеству разноцвѣтныхъ палатокъ и шатровъ, представлялъ видъ нѣкакого маленькаго походнаго городка, посреди котораго возвышались гордые, огромные шатры съ позлащенными своими шпиками. Одинъ, и величайшій изъ нихъ, сто-

ялъ впередъ и служилъ вмѣсто залы; другой, стоявшій позади сего, былъ поменьше и служилъ вмѣсто передсалони, а позади сего стояла уже круглая калмыцкая кибитка, служащая фельдмаршалу почивальною; множество маленькихъ и сплоченныхъ между собою палатокъ, окружали сіи шатры съ трехъ сторонъ, и въ нихъ жилали штатъ и прочіе низшіе чины, находившіеся при фельдмаршалѣ.

Въ семь мѣстъ стояли мы опять болѣе недѣли, отчасти для приближающагося праздника Петра и Павла, отчасти для того, что съ сего мѣста надлежало уже поворачивать вправо для вхожденія въ Пруссію, а у насъ не все еще было изготовлено. Также хотѣлось нашему генералъ-фельдмаршалу сдѣлать генеральный смотръ всему своему войску, или паче научиться становить оное въ ордеръ баталіи. И для того (28-го), наканунѣ Петрова дня, выведена была вся армія, на находящееся неподалеку отъ нашего лагеря, весьма чистое и пространное поле и построена порядочнымъ образомъ въ ордеръ баталіи въ двѣ линіи. По приѣздѣ генералъ-фельдмаршала, отдана была ему впервые еще всему арміею честь, и онъ объѣхалъ всю ее кругомъ и любовался зрѣлищемъ на толь многочисленное множество народа, въ его повелѣніяхъ находящагося. Многочисленная свита, состоящая изъ разныхъ чиновныхъ людей, въ его шатрѣ находившихся, изъ множества генераловъ и иностранныхъ волонтеровъ, послѣдовала за онымъ, а нѣсколько десятковъ чугуевскихъ казаковъ, гусаръ, кирасиръ и другихъ конныхъ войскъ эскортировали сіе шествіе и придавали ему еще болѣе великолѣпія. Что-жъ касается до бригадныхъ командировъ, то всякій изъ нихъ дожидаясь приѣзда фельдмаршала предъ фронтомъ своей бригады, и по приближеніи свѣкалъ къ нему и отдавалъ ему честь шпагою, приказавъ между тѣмъ производить громъ въ барабаны, играть во всѣхъ полкахъ музыкѣ и вездѣ преклонять знамена, какъ скоро фельдмаршалъ противъ

нихъ поровняется. Все сіе увеличивало пышность сего зрѣлища, которое для самихъ насъ было еще ново, ибо тогда впервые еще увидѣли мы всю армию въ строю, и видъ сей былъ для глазъ нашихъ поразителенъ.

По совершеніи всего объѣзда и осмотра всѣхъ полковъ, назначенныхъ тогда для вшествія въ непріятельскую землю, отслуженъ былъ молебень для испрошенія отъ Бога начинаемому нами дѣлу благословенія, а потомъ началась пальба слѣдующимъ образомъ: по выстрѣлѣ, въ первый разъ, поставленной на правомъ флангѣ сигнальной пушки, началась производиться пушечная пальба изъ всѣхъ полковыхъ пушекъ въ обонихъ линіяхъ, по одному картузу. По данному вторично сигналу стрѣляла вся армія по-плутоножно, а по третьему — учиненъ былъ всею арміею изъ пушекъ и мелкаго ружья генеральный залпъ, который выстрѣлъ надѣлалъ уже довольно грома и былъ столько же новъ и поразителенъ для нашего слуха, сколько видъ всей арміи для нашего зрѣнія. Послѣ чего учинена была первая линіею и конницею примѣрная атака и мы, побѣдивши нѣсколько по полю, разстрѣлявъ нѣсколько пудовъ пороху по пустому, довольно повзмученные, распущены были наконецъ въ лагери.

На утріе праздновали мы праздникъ Петра и Павла съ обыкновенною церковною церемоніею и бывшимъ парадомъ, въ который день получилъ я особливую радость чрезъ приѣздъ въ полкъ зятя моего, г. Неклюдова. Онъ командированъ былъ, какъ прежде уже упомянуто, еще изъ нашихъ кантонирь-квартиръ въ Польшу для заготовленія и покупки провіанта, и находился въ польскихъ именитыхъ городахъ—Вильнѣ и Гроднѣ, и, наконецъ, по исправленіи своей комиссіи, отпущенъ былъ и прибылъ въ свой полкъ. Посылка сія была ему далеко не такова выгодна и прибыточна, какъ многимъ другимъ, бываемымъ при такихъ дѣлахъ и наживающихъ себѣ цѣлыя тысячи. Зять мой не такого былъ характера и

расположенія, чтобъ ему что-нибудь неправильно наживать и предпринимать для того какія-нибудь мошенничества и присягѣ и должности противныя дѣла, почему отъ комиссіи сей не нажилъ онъ ни копейки, но, напротивъ того, въ посылкѣ сей претерпѣлъ не малый убытокъ, ибо у него померли отъ болѣзней всѣ почти бывшіе съ нимъ и весьма хорошіе люди, и онъ выѣхалъ съ однимъ только старичишкою, и терпѣлъ такую нужду въ людяхъ, что принужденъ былъ уже я сколько-нибудь помогать ему своимъ, покуда могъ онъ получить деньщиковъ себѣ.

На другой день послѣ Петрова дня (30-го) прискакалъ къ намъ отъ генерала Фермора майоръ Романюсъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что толь страшная намъ прусская пограничная крѣпость Мемель, которую пошелъ онъ осаждать, взята была наконецъ имъ, по продолжавшейся нѣсколько дней осадѣ, 24-го числа сего мѣсяца на капитуляцію, и притомъ съ столь хорошимъ успѣхомъ, что съ нашей стороны во всю осаду убито было только 3, да ранено 17 человекъ. Радость о сей первой, полученной надъ непріятелемъ выгодѣ, была во всей арміи неописанная, и, казалось, что она много уменьшила тотъ страхъ, который имѣли мы отъ пруссаковъ, ибо храбрость оныхъ превозносима была тогда до небесъ, и описываема была намъ уже слишкомъ величайшею, почему и знали мы довольно, что идемъ противъ храбраго и сильнаго непріятели, котораго неинако, какъ опасаться было надобно, хотя въ самомъ дѣлѣ силы его далеко были не таковы страшны.

Въ послѣдующій день, что учинить 1-го числа іюля, было у насъ во всей арміи торжество и молебствіе о семъ счастливымъ происшествіи, и земля только стонала отъ звука пушекъ, гремѣщихъ подлѣ фельдмаршальской ставки, ибо мы пороховъ по пустому терять превеликіе были охотники. Онъ сдѣлалъ для всего генералитета великолѣпный объѣдъ, и мы всѣ не могли довольно навеселиться

зрѣніемъ на непріятельскія знамена, которыя взяты были въ Мемелѣ, и, по привезеніи къ фельдмаршалу, поставлены предъ его ставкою. Но торжество сіе едва-было не нарушилось печальнымъ происшествіемъ. Въ то самое время, какъ оно отправлялось, сдѣлался въ мѣстечкѣ Барбаринкахъ превеликій пожаръ, и вѣтеръ несъ огонь прямо на стоявшую по близости мѣстечка нашу артиллерію, почему сдѣлалась тогда превеликая тревога, и сдѣлали какъ можно скорѣе отвезти ящики пороховые; однако пожаръ скоро потушили, и вреда никакого не послѣдовало.

Такимъ образомъ стояли мы въ семь лагерѣ по 6-е число іюля, и дѣлныхъ почти десять дней, а въ помянутой день выступилъ фельдмаршалъ съ первою дивизією въ дальнѣйшій походъ и, поворота вправо, пошелъ прямо къ прусскимъ границамъ, а въ послѣдующій день (7-го) выступили и мы съ прочими и, продолжая походъ свой даже до самого вечера, ночевали при деревнѣ Гутше, гдѣ лагерь всей арміи поставленъ былъ уже по плану и порядочнымъ образомъ, а не такъ, какъ прежде, побригадно, и гдѣ одна бригада, гдѣ другая; ибо чѣмъ ближе стали мы приближаться къ непріятельской землѣ, тѣмъ болѣе стали брать и осторожности, а сверхъ того надобно было еще и поучиться становиться совокупно.

Въ послѣдующій день (8-го), и уже гораздо за полдень, выступили мы опять въ походъ и, продолжая оный до самой полуночи, пришли ночевать въ занятый лагерь, при мѣстечкѣ Людвинѣ.

Въ семь мѣстѣ стояли мы опять дѣлныхъ четыре дня (9, 10, 11 и 12), въ которое время ничего достопамятнаго не случилось, кромѣ того, что 12-го числа послѣ обѣда была чрезвычайно жестокая гроза съ бурей и градомъ. У многихъ офицеровъ сорвало тогда палатки, однако моя удержалась. Градъ былъ столь крупенъ, что почти весь въ орѣхъ величиною, а многія градины болѣе грецкаго орѣха были.

13-го числа выступили мы опять въ по-

ходъ и принуждены были обходить превеликій лѣсъ и терпѣть въ водѣ недостатокъ. Мы ночевали при одномъ польскомъ маленькомъ мѣстечкѣ, котораго званіе я позабылъ, а поутру (14-го), взявъ съ собою воду, маршировали до другого польскаго мѣстечка, котораго званія и не могъ тогда узнать, и тутъ опять въ пустомъ мѣстечкѣ ночевали.

Наконецъ, 15-го числа пришли мы къ польскому мѣстечку Вербалову, которое было самое почти послѣднее до прусской земли. И какъ мы симъ образомъ къ непріятельской землѣ совсѣмъ почти уже приблизились, то поставленъ былъ лагерь всей арміи опять вмѣстѣ, и батальонъ-кареемъ; также употребляемы были уже предосторожности. Передъ фрунтомъ закинуты были у насъ рогатки, власно такъ какъ-бы пруссаки были турки и татары, были у насъ уже на носу и могли насъ всѣхъ перерубить и искрошить въ мелкія части, еслибъ не взяли сей смѣшной предосторожности, хотя они были отъ насъ и весьма еще далеко. Но сего было еще недостаточно; но за рогатки сіи на всякую ночь выводились еще превеликіе бекеты, при пушкахъ и гаубицахъ. Ничто намъ такъ не досадно было, какъ сіи проклятые бекеты, въ которыхъ принуждены были мы ночевать въ ружьяхъ и безъ палатокъ, которая предосторожность была совсѣмъ еще не нужна и служила только къ приученію насъ къ военнымъ трудамъ, а того болѣе къ напрасному отягощенію.

Въ семь мѣстѣ, и не входя еще въ въ прусскія границы, стояла армія опять дѣлую недѣлю, отчасти дожидаясь назади еще идущей нашей кавалеріи, отчасти бравъ время для развѣдыванія о непріятелѣхъ и о мѣстахъ, куда намъ итти надлежало. Въ которое время, на другой день прибылъ къ намъ дѣйствительно генералъ-майоръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ со всею кавалерією и кирасирскими полками, съ которыми онъ изъ Россіи шелъ чрезъ Польшу совсѣмъ иною дорогою.

Въ послѣдующій день, то-есть 17-го

июля, пойманъ былъ уже прусскій шпионъ, развѣзжавшій подъ видомъ польскаго шляхтича, съ собаками. Я думаю, онъ хотѣлъ, увидѣвъ нашу трусость и излишнiя предосторожности. Его поймали наши казаки и провели мимо насъ къ фельдмаршалу. Говорили тогда, будто бы онъ былъ прусскій поручикъ съ двумя солдатами. Черезъ сiе узнали мы, что и непріятель, съ своей стороны, былъ не безъ дѣла, но бралъ равномерно нѣкоторыя, однако существительнѣйшія предосторожности.

18-го числа сдѣлано было въ арміи нашей опять новое распоряженіе между полками. Нѣкоторые полки назначены были въ авангардный корпусъ, которому бы идти всегда напередъ, и команда надъ нимъ поручена была генералъ-поручику Ливену, который у насъ въ арміи почитался искуснѣйшимъ и разумнѣйшимъ генераломъ, а другіе полки переведены были изъ бригады въ бригаду. Отъ насъ отняли тогда также Нарвскій и Выборгскій полки, а на мѣсто ихъ опредѣлили въ бригаду Бѣлозерскій и Бутырскій. Богу извѣстно, на что происходила тогда такая тасовка.

Симъ кончился тогда весь нашъ походъ черезъ Польшу и дружескими землями, и какъ съ сего времени начался въ непріятельской, то дозвольте мнѣ, любезный пріятель, симъ письмомъ сiе кончить и сказать вамъ, что я емь и проч.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПРУССІЮ И ТРЕВОГА.

Письмо 41-е.

Любезный пріятель! Пересказавъ вамъ въ предыдущихъ письмахъ всю исторію нашего медленнаго и многотруднаго похода

черезъ Польшу, приступлю теперь къ описанію похода нашего Пруссію, или самыхъ нашихъ военныхъ подвиговъ. Расскажу вамъ, любезный пріятель, какъ мы въ непріятельскую землю вступили, какъ оное шли, какъ съ партіями непріятельскими вели такъ-называемую малую войну, а потомъ, какъ и со всею ихъ арміею дрались порядочнымъ образомъ. Однако, прежде самаго приступа къ сему описанію, не за излишнее почелъ я предпослать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, касающихся до нашихъ непріятелей.

Какъ король прусскій прежде упомянутымъ образомъ, ласкаясь надеждо побѣдить цесарцевъ, всю свою силу употребилъ наиболѣе противъ оныхъ, то относительно до прочихъ мѣстъ и земель своего владѣнія и не оставалось ему другого, какъ прикрывать ихъ небольшими только отдѣленными корпусами. Изъ всѣхъ оныхъ, нѣкоторая ему столько сумнѣнія не наводила, какъ Пруссія. Отдаленность сего королевства отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ самъ обрѣтался, и смутныя обстоятельства, въ которыхъ находился онъ, будучи побужденъ цесарцами при Колинѣ, препологали ему престоны отправиться туда самому для защищенія онаго отъ войскъ нашихъ, приближающихся къ оному и готовящихся войти въ оное. Чего ради, противъ хотѣнія своего, принужденъ онъ былъ вѣрить зашщненіе и охраненіе онаго старику, своему фельдмаршалу Левальду, давъ ему столько войска, сколько ему оторвать

только было можно, и число котораго не простиралось даже и до 40 тысячъ человекъ. Съ самою небольшою, однако изъ лучшихъ старыхъ полковъ состоящею арміею, расположился фельдмаршалъ Левальдъ, по возможности прикрывать Кёнигсбергъ, яко столицу сего государства, и для удобнѣйшаго примѣчанія движенія нашихъ войскъ, выступилъ еще въ апрѣлѣ изъ Кёнигсберга, и поставилъ армію свою лагеремъ между Тильзитомъ и Мемелемъ, а свою главную квартиру учредилъ въ Инстербургѣ. Тутъ велѣлъ онъ всѣхъ конныхъ и пѣшихъ жителей обучать ежедневно дѣйствовать оружіемъ, а валы и рвы городскіе оправить, и первыя установить пушки; а потомъ прогнануть изъ войскъ кордонъ отъ жмудскихъ границъ до самаго Мемеля.

Въ сихъ распоряженіяхъ состояли его первыя приуготовленія; но какъ скоро услышалъ онъ, что мы со всею арміею приближаемся къ Пруссіи со стороны Польши, то сіе побудило его всѣ войска свои соединить и собрать къ Инстербургу, а Мемель, по отдаленности его, оставить на произволъ судьбы, ибо оный отъ осады свободять безъ обнаженія внутренности государства было ему никакъ не можно. Однако отправилъ онъ въ ту сторону корпусъ войска, подъ командою генералъ-майора Каница, для удержанія войскъ нашихъ отъ дальнѣйшаго проицанія въ Пруссію со стороны отъ Мемеля.

Въ семъ положеніи дожидаясь онъ приближенія нашихъ войскъ; но не успѣли мы приблизиться вышеупомянутымъ образомъ къ самымъ границамъ, какъ онъ, чувствуя себя слишкомъ слабымъ для удержанія стремительства многочисленной нашей арміи, и боясь утѣсненъ быть съ двухъ сторонъ, то-есть нами спереди, а корпусомъ генерала Фермора, взявшимъ уже Мемель, съ бока, заблаговременно податься со всею арміею своею еще далѣе назадъ и перенести главную свою квартиру изъ Инстербурга въ Велаву, куда возвращенъ былъ потомъ и корпусъ генерала Каница, который

слабъ былъ къ удержанію шествія Ферморова. Однако Инстербурга и всей рѣки Прегеля совсѣмъ онъ не обнажилъ, а оставилъ тутъ славнаго полковника Малаховскаго съ гусарами и другими легкими войсками, для примѣчанія движенія нашихъ войскъ и обезпечиванія насъ по возможности въ походѣ.

Въ сихъ-то обстоятельствахъ находилась Пруссія въ то время, когда мы пришли къ ея границамъ и готовились со всею арміею войти въ оную.

Первое вшествіе нашихъ передовыхъ войскъ воспогнѣдовало не прежде, какъ 20 числа іюля, ибо въ сей день отправленъ былъ наконецъ нашъ авангардъ подъ командою генерала Ливена изъ Вербахова, и вступилъ въ непріятельскую землю. Онъ, дошедъ до перваго прусскаго мѣстечка, называемаго Столупененъ, отправилъ тотчасъ отъ себя для поисковъ и провѣдыванія о непріятелѣ партію, состоящую въ 300 человекъ нарисскаго и рязанскаго гренадерскихъ конныхъ полковъ, да 180 чугуевскихъ казаковъ, подъ командою рязанскаго драгунскаго полка майора Де-ла-Рюа. Но первый сей шагъ былъ для насъ весьма неудаченъ. Нашу партію, къ стыду и безславію нашему, непріятель разбилъ и сего можетъ бы и не произошло, если-бъ отправленъ былъ съ оною не французъ, а россиянинъ; но его превосходительству, г. Ливену (нелюбившему всѣхъ россиянъ и дающему всякому чухнѣ предо всѣми ими преимущество, ибо онъ былъ самый тотъ, который прежде сего былъ въ Ревелѣ и о которомъ упоминалъ я впереди), заблаговразсудилось вѣрить столь важную комиссію господину французю, оправдавшему весьма худо его выборъ.

Сей негодный офицеръ не успѣлъ отъѣхать отъ Столупанъ мѣли три впередъ, какъ, не вида нигдѣ непріятеля, наглупѣйшимъ образомъ возмечталъ себѣ, что его нѣтъ нигдѣ и близко, и потому, расположась въ деревнѣ Кумеленъ, началъ себѣ гулять и пить, и не только самъ, но далъ волю въ таковомъ же пьянствѣ и въ другихъ роскошахъ упражняться и

всѣмъ своимъ драгунамъ, власно такъ, какъ бы были они въ какой-нибудь дружеской землѣ и не имѣли причины ничего опасаться. Однако всѣ они весьма въ томъ обманулись. Вышеупомянутый храбрый прусскій полковникъ Малаховскій не успѣлъ узнать о вшествіи нашихъ войскъ, какъ въ единый мигъ очутился уже тутъ со множествомъ черныхъ и своихъ желтыхъ гусаръ. Неожиданный слухъ, что прусскіе гусары показались уже за деревнею, перетревожилъ нашихъ пьянствующихъ и разсѣявшихся по деревнѣ и привелъ ихъ всѣхъ въ превеликое замѣшательство. Но покуда они сбѣгались и собирались, покуда въ торопяхъ строились за деревнею, какъ вся непріятельская партія была уже передъ ними. Наши казаки сдѣлали себѣ честь и ударили съ обоехъ фланговъ на непріятеля съ превеликимъ и обыкновеннымъ своимъ крикомъ; но какъ наши они тутъ не татары, а поряdochныхъ и храбрыхъ гусаровъ, то сіи оборотили ихъ скоро назадъ, учинивъ по нимъ хорошій залпъ изъ своихъ карабиновъ. Первая сія неудачная попытка драгунъ нашихъ, которые и безъ того не очень храбры, такъ устрашила, что они, увидѣвъ, что непріятель скакаетъ самъ атаковать ихъ съ саблями въ рукахъ, такъ оттого испугались, что, не учина ни одного выстрѣла, дрогнули и обратились въ бѣгство. Тогда непріятели сѣли у нихъ на плечахъ и гнали ихъ чрезъ деревню Микулену болѣе двухъ миль, рубя и коля оныхъ и забирая въ полонъ. Наконецъ подошлѣлъ къ нашимъ сикурсъ и остановилъ непріятеля отъ дальнѣйшей погони.

Въ сей первой и неудачной для насъ стычкѣ побито было нашихъ драгунъ болѣе 40 человекъ, также нѣсколько казаковъ, а 26 человекъ взято въ полонъ. Съ непріятельской же стороны, буде вѣрнѣ ихъ реляціямъ, не потеряно ни одного человека, да и ранено только 3 да убиты 1 лошадь.

Служь о семъ несчастномъ приключеніи распространился тотчасъ у насъ по

всему лагерю. Всѣ были крайне недовольны нашими драгунами, а г. майора ругали и бранили всѣ безъ всякаго милосердія. Онъ и получилъ за то достойное наказаніе. Его разжаловали въ солдаты, и сговавъ велѣли судить, а вахмистра его команды, Драбова, который оказалъ довольно храбрости и старался команду на побѣгъ остановить и дѣлалъ по возможности непріятелю отпоръ, пожаловали въ поручики.

Но хорошо, когда бы тѣмъ все дѣло кончилось и вся проступка наша могла быть тѣмъ заглажена! Но не то, однако, воспослѣдовало. Помянутый случай, хотя съ наружнаго вида и кажется ничего незначащимъ—ибо такихъ маленькихъ стычекъ въ войнахъ бываетъ безчисленное множество, и они никогда не рѣшаютъ главнаго дѣла, и, по большей части, обращаются только обоимъ сторонамъ во вредъ и въ отягощеніе—однако о сей стычкѣ сказать того не можно, но она въ особеннѣности достопамятна тѣмъ, что произвела великія и страшныя послѣдствія, обратившіяся въ несчастіе многимъ тысячамъ народа. Ибо, во-первыхъ, сдѣлавъ во всемъ нашемъ войскѣ великое о храбрости пруссаковъ впечатлѣніе, умножила тѣмъ въ сердцахъ многжайшихъ воиновъ чувствуемую и безъ того великую отъ пруссаковъ робость, трусость и боязнь; во-вторыхъ, вперила въ непріятелей нашихъ весьма невыгодное объ насъ и о храбрости нашей мнѣніе, и ободрила ихъ чрезвычайнымъ образомъ; въ-третьихъ, и что всего важнѣе и достопамятнѣе, подала къ тому поводъ, что не только непріятельскія войска, но самыя прусскіе обыватели возмечтали себѣ, что всѣ мы хуже старыхъ бабъ и ни къ чему не годимся. Почему ополчились уже на насъ и самыя ихъ мужики, и начали стараться причинять намъ повсюду вредъ и безпокойство, и къ особливому несчастію оказали тому первый опытъ въ помянутой деревнѣ Микулинѣ; ибо, какъ наши, будучи гонимы пруссаками, чрезъ селеніе сіе скакали, то жители тутошніе, думая, что пруссаки ихъ уже всѣхъ насъ

завоевали, отъ легкомыслія вздумали и сами помогать гусарамъ насъ побивать, и стрѣляли по нашимъ изъ своихъ домовъ и оконъ, а сіе и подало поводъ къ тому, что какъ о семъ донесено было нашему фельдмаршалу, то онъ, будучи разогорченъ и раздосадованъ всѣмъ тѣмъ, далъ то злосчастное повелѣніе, чтобъ впредь, ежели гдѣ подобное тому случится и обыватели поднимутъ на насъ руку—не падить бы и самихъ жителей и разорить селенія таковыя. Но таковое несчастное повелѣніе не успѣло излетѣть изъ его устъ, какъ тотчасъ нашими казаками, калмыками и другими легкими войсками употреблено было во зло. Они, будучи разсылаемы всюду и всюду для развѣдыванія о непріятелѣ, не стали уже падить ни правыхъ, ни виноватыхъ, но во многихъ мѣстахъ, отъ жадности къ прибыткамъ, начали производить великія разоренія, и жителей не только изъ селеній разгонять, но оныхъ мучить, бить, грабить, дома ихъ опустошать, а индѣ и сожигать, и такія дѣлать злодѣйства, безчеловѣчія и безпорядки, какія однимъ только варварамъ приличны, и кон не только вліяли во всѣхъ прусскихъ жителей величайшую къ намъ ненависть и злобу, но и покрыли насъ стыдомъ и безславіемъ передо всѣмъ свѣтомъ, ибо слухъ о сихъ разореніяхъ и варварствахъ разсѣялся тотчасъ повсюду, и вездѣ стали почитать насъ судскими варварами. Но сего было еще не довольно; но какъ разлакомившихся тѣмъ нашихъ казаковъ послѣ и унять уже не было способа, то учиненныя ими разоренія самимъ намъ обратились послѣ въ существенный вредъ, и сдѣлали то, что всѣ предпринимаемыя въ сіе лѣто и толь многочисленныя труды приобрѣли намъ только единое безславіе, а пользы не принесли ни малѣйшей.

Вотъ что можетъ произвестъ погрѣшность одного человѣка! Но я удалился уже отъ матеріи, и теперь время возвратиться къ продолженію моея повѣсти.

Наконецъ, 22-го іюля, выступила и вся армія въ походъ и вступила въ королев-

ство Прусское. Входъ въ непріятельскую землю производилъ во всѣхъ насъ нѣкое особенное чувствованіе: «Благослови, Господи», говорили мы тогда между собою, имѣя подъ нами землю нашихъ непріятелей: «теперь дошли мы наконецъ до прусской земли! Кому-то Богъ велитъ благополучно изъ нея вытти и кому-то назначено положить въ ней свою голову!» Мы нашли мѣста сего королевства совсѣмъ отличными отъ польскихъ. Тутъ господствовалъ уже во всемъ иной порядокъ и учрежденіе: деревни были чистыя, расположены и построены изряднымъ образомъ, дороги повсюду хорошия, и въ низкихъ мѣстахъ повсюду мощенныя, а индѣ возвышенныя родомъ плотинъ и усаженныя деревьями. Однимъ словомъ, на все безъ особеннаго удовольствія смотрѣть было не можно. Сверхъ того, какъ тогда не дѣлано еще было никакого разоренія, то всѣ жители находились въ своихъ домахъ, и не боясь ни мало насъ стояли всѣ предъ своими домами; а бабы и дѣвки наполняли ушаты свѣжей воды и поили солдатъ мимоидущихъ. Однимъ словомъ, казалось тогда, что мы не въ непріятельскую, а въ дружескую вошли землю.

Первая наша станція въ Пруссіи была при помянутомъ прусскомъ первомъ мѣстечкѣ или маленькомъ городкѣ Столупененъ. Мы шли туда хотя двумя дорогами, однако обѣ дивизіи рядомъ, почему и стали лагеремъ въ одну линію по обѣимъ сторонамъ сего мѣстечка, имѣя оное передъ собою.

Неуспѣли мы (23-го) притти въ сіе мѣсто расположиться тутъ днвать, какъ въ послѣдующій день сдѣлалась у насъ во всей арміи первая тревога. Въ самый полдень это было, какъ забили у насъ въ полкахъ вездѣ въ барабаны, и весь народъ встревожился чрезвычайнымъ образомъ. Всякій бросалъ все въ чемъ упражнялся, одѣвался, хваталъ оружіе и бѣжалъ передъ фронтъ, куда всѣ полки были выводимы. Генералы разѣзжались взадъ и впередъ передъ полками, а адъютанты и ординарцы, то и дѣло, что въ

ту, то въ другую сторону скакали, и пыль стояла отъ нихъ только столбомъ. Мы не зная для чего все сіе дѣлалось, и не имѣя о всѣхъ вышеупомянутыхъ до прусской арміи относящихся обстоятельствъ, и о томъ, сколь она отъ насъ далеко ни малѣйшаго свѣдѣнія, не иное что заключали какъ то, что конечно вся непріятельская армія шла насъ атаковать и была уже очень близко; почему признаться надобно, что первый сей случай и приближеніе мнимои баталіи наводило на всѣхъ на насъ нѣкоторый родъ робости, а особливо потому, что никто еще не видалъ никогда непріятеля, и на сраженіяхъ быть не случался. Нашему полку графилось тогда стоять на самомъ почти правомъ флангѣ, и потому немного погода подхватили съ нашего и съ нѣкоторыхъ другихъ полковъ по нѣсколькѣ сотъ человекъ, и при одномъ полковникѣ послали вправо за деревню съ превеликою поспѣшностью. Намъ казалось тогда, что тутъ-то конечно непріятель, и намъ первымъ будетъ съ нимъ драться, и какъ мнѣ самому случилось быть въ этой командѣ, то могу сказать, что я посмотрѣлся тутъ, конимъ образомъ не только такіе молодые люди, каковъ былъ напримѣръ я, но и самые старыя солдаты оказывали робость, и такъ, что мы, офицеры, принуждены были ихъ ободрять и побуждать къ неустрашимости. Я не могу и по нынѣ безъ смѣха вспомнить, какою я игралъ тогда ролю. У самого меня на сердцѣ было и такъ-и-сякъ, и я думаю всякому можно-бъ было изъ лица моего примѣтить, что оно было не на мѣстѣ и что я самъ сильно робѣлъ и трусилъ; однако совсѣмъ тѣмъ старался всѣми образами то скрывать и принимая на себя видъ геройства и неустрашимости, уговаривалъ и увѣщевалъ вслѣдски солдатъ своихъ, чтобъ они не робѣли и не трусили и дрались бы съ непріятелемъ храбро. Словомъ, я читалъ имъ дѣлая предки во всю дорогу, но ноги у самого едва итти за ними успѣвали. Чего не дѣлаетъ новость случая и непривычка? Но что-жъ изъ всего того наконецъ вышло?

Мы, вышедши за деревню, которая называлась Петринатшенъ и лежала почти предъ нашимъ фронтомъ, не увидѣли никого передъ собою, а одно только чистое поле и въ нѣкоторомъ отдаленіи лѣсъ. Однако, какъ все къ тому клонилось, чтобъ прикрыть сію деревню и правый флангъ нашей арміи, и мы заключали, что непріятель конечно находится въ лѣсу, то построились мы порядочнымъ образомъ, приготовили ружья и патроны и стали дожидаться непріятеля. Но долго бы намъ его дожидаться было, ибо непріятеля не было тутъ и духу и мы, простоявъ тамъ до самаго вечера, всѣ глаза просматрѣли. Наконецъ наступила уже ночь, и насъ свели съ сего мѣста; но вмѣсто того, чтобъ отпустить въ лагерь, отвели насъ нѣсколько назадъ и поставили опять на чистомъ полѣ для прикрытія праваго фланга арміи, гдѣ принуждены мы были простоять всю последующую ночь, которая намъ весьма солоня и первая была, которую я весьма безпозойно препроводилъ, ибо не успѣло смеренуться, какъ надвинула преужасная туча и сдѣлалась такая преужасная гроза, съ превеликимъ дождемъ и бурей, что я рѣдко такую въ жизнь мою видывалъ. Почему легко можно заключить, каково намъ было препроводить всю ночь не только безъ палатокъ, но и безъ епанечъ, подъ дождемъ и бурей, и что всего досаднѣе, по-пустому и безъ всякой нужды. Довольно, мы остави тогда всѣ чины хоронились подъ ящики и пушки и намъ дѣлали въ томъ компанію и самые штабы. Со всѣмъ тѣмъ насъ до самаго свѣта не распустили, и сіе можетъ быть произошло отъ того, что объ насъ совсѣмъ позабыли, ибо опасности никакой не было, и мы не могли дослѣ узнать отчего бы произошла вся сія тревога и замѣшательство, а думать надобно, что показались гдѣ-нибудь гусаришки непріятельскіе, посланные для подсматриванія, а наши полководцы можетъ быть думали, что и вся уже прусская армія идетъ насъ разбивать и выгонять изъ королевства, ибо для маленькой партіи

не стоило бы того труда, чтобъ всю армію тревожить и беспокоить.

Полтру, то-есть 24-го іюля, выступили мы со всюю арміею далѣе въ походъ и шли полторы мили до одного прусскаго села, и расположились тутъ по горамъ и весьма неровнымъ мѣстамъ лагеремъ, и опять въ семь мѣстѣ дневали. Тутъ видѣли мы впервые еще жалостныя слѣдствія войны кровавой. Во всемъ селѣ не было ни одного человѣка, и всѣ жители, разбѣжавшись, крылись въ лѣсахъ, оставивъ дома и все имѣніе свое на расхищеніе неприятелю. Село сіе въ самомъ дѣлѣ было уже нашими разорено наужаснѣйшимъ образомъ. Не было ни одного дома почти цѣлаго, въ которомъ бы чего изрубленнаго, перебитаго и переколотаго не было, не осталось ни одного окошка и ни одной печи цѣлой, власно такъ, какъ бы и самыя сія бездушныя вещи были неприятели и намъ злодѣйствовали. Что жъ касается до прочихъ крестьянскихъ пожитковъ, которыхъ они съ собою забрать не успѣли, то не было ихъ и слѣдовъ уже, а одни только перья и пухъ разсыпаны были на полу въ избахъ, ибо и съ наволоками постель ихъ нашимъ разстаться не хотѣлось; но какъ перья никому были не надобны, то и валялись они вездѣ по поламъ избъ и комнатахъ, и сіе было общественно вездѣ, гдѣ ни случалось быть таковымъ разореніямъ.

Зрѣлище таковое насъ поражало и производило нѣкоторое сожалѣніе о самыхъ неприятеляхъ нашихъ. Во всей арміи говорили тогда, яко бы причину къ такому опустошенію подали сами прусскіе жители; что всѣмъ имъ манифестами отъ нашего фельдмаршала опубликовано было, что они оставлены будутъ съ покоемъ, если только сами не станутъ предпринимать никакихъ неприятельскихъ дѣйствій, но что они слушались болѣе своихъ войскъ, кои имъ велѣли при всякомъ случаѣ насъ тревожить и причинять намъ всякій вредъ, а потому и стрѣливали самыя мужики изъ лѣсовъ и изъ-за кустовъ по нашимъ солдатамъ, а

особливо послѣ послѣдняго, и удачнаго для нихъ шарнища. Далѣе говорили, яко бы отъ нашего фельдмаршала посланъ былъ нарочный къ прусскому главному командиру съ требованіемъ, чтобъ такія наглости и безпокойства дѣлать мужикамъ запрещено было, и что въ противномъ случаѣ учинено имъ будетъ за то достойное наказаніе. Но какъ отъ неприятелей запрещенія сего сдѣлано не было, то будто самое сіе и подвигло нашего полководца наказывать ихъ самому и стараться зло сіе отвратить помянутыми опустошеніями. Справедлива ли сія молва была или нѣтъ, того подлинно не знаю; а извѣстно только то, что зло тѣмъ не уменьшено, а только еще болѣе увеличено было.

26-го числа выступили мы опять въ походъ и дошли въ сей день до прусскаго знаменитаго и тутюшняго околотка столичнаго городка Гумбиннъ, и ставъ подлѣ онаго лагеремъ, отдыхали тутъ цѣлыхъ два дня, въ которое время приводимы были къ присягѣ всѣ гумбинскіе жители. Который прекрасный городокъ, будучи и неузбрѣненъ и оставленъ отъ своихъ безъ всякаго прикрытія, покорился намъ безъ прекословія, и прислалъ къ фельдмаршалу предварительно своихъ магистратскихъ членовъ съ прошеніемъ, чтобъ принять ихъ въ свое покровительство, а тоже сдѣлали и нѣкоторые другіе ближніе городки и мѣстечки.

Какъ идучи отъ сего мѣста далѣе впередъ къ городу Инстербургу, надлежало арміи въ одномъ мѣстѣ проходить весьма узкую дефилею сквозь густой и большой лѣсъ и между горъ, а получено извѣстіе, что сей узкій проходъ занятъ былъ неприятельскими гусарами, то 27-го числа ввечеру, послѣ пробитія уже зари, отправлена была, для осмотра и очищенія сего узкаго прохода, отъ арміи знатная партія, состоящая въ 300 человѣкъ гусаръ, 300 чугуевскихъ казаковъ и 500 человѣкъ донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-квартирмейстера фонъ-Штофельна, да гусарскаго полковника Стоянова; а въ подрѣшеніе

ихъ велѣно было итти бригадиру Демику съ нѣсколькими эскадронами кирасировъ и другихъ кавалерійскихъ полковъ.

Сія партія, приблизившись на разсвѣтъ другого дня къ помянутому мѣсту, нашла дѣйствительно не малое число непріятельскихъ гусаръ, подъ командою вышеупомянутаго полковника Малаховскаго, и потому тотчасъ съ ними и сразилась, и сіе маленькое сраженіе было первое порядочное у насъ съ Пруссаками. Пруссаки въ своихъ реляціяхъ писали, что съ помянутымъ полковникомъ было будто съ небольшимъ сто человекъ гусаръ, и что онъ въ ночь подъ сіе число, отправившись изъ Гервишкена для рекогносцированія положенія нашей арміи, подѣхалъ къ намъ меньше нежели на полмили, и что будто туманъ и темнота принудили его возвратиться назадъ къ своему посту, захваченному между рѣкою Писсою и Пичинскимъ мѣстомъ, и что тутъ напали на него наши, гораздо съ превосходнѣйшею силою, отчего и дошло до жестокой перестрѣлки, продолжавшейся цѣлыхъ два часа; но будто наконецъ онъ нашихъ прогналъ, но какъ-де они ретировались въ мѣсто, то далѣе гнать было не можно. Къ сему, по обыкновенію своему, наибезстыднѣйшимъ и безсовѣстнѣйшимъ образомъ хвастать и лгать, присовокупляютъ они, что будто мы, кромѣ многихъ раненыхъ и одного взятаго ими въ полонъ гусара, потеряли болѣе 50 человекъ побитыми, а у нихъ яко бы побито и переранено было только нѣсколько человекъ. Однако это совсѣмъ неправда и ложь ихъ видна изъ самой ихъ реляціи, хотя они и старались прикрыть ея увѣреніемъ о справедливости своихъ объявленій, и выхваляя особливо храбрости нашихъ гусаръ и казаковъ. А въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ, почти самовидцамъ, довольно было извѣстно, полковникъ Стояновъ атаковалъ ихъ съ своими гусарами и казаками такъ храбро, что они, по продолжавшемся двухчасовомъ сраженіи и перестрѣлкѣ, принуждены были обратиться въ бѣгство и наша партія,

недождавшись еще своего сикурса, не только ихъ изъ помянутаго дефиле выбила, но и гнала ихъ болѣе мили и даже за Инстербургъ, побивъ около 50 человекъ гусаръ съ однимъ офицеромъ и взявъ въ полонъ 1 гусара, 1 егеря и 2 вооруженныхъ мужиковъ. Съ нашей же стороны убитъ 1 гусарскій поручикъ, да 5 человекъ гусаръ; да ранено 1 казакскій хорунжій, 1 казакъ и нѣсколько человекъ гусаръ.

Извѣстіе о полученіи сей первой небольшой надъ непріателемъ выгоды ободрило много всю нашу армію. Всѣ вообще радовались тому, что и пруссаки умѣютъ бѣгать, и что минувшій нашъ проступокъ былъ довольно заглаженъ. Далѣе расхвалиемъ былъ генералъ Штофельнъ за благоразумное распоряженіе, а полковникъ Стояновъ за неустрашимую храбрость; а говорили также, что при сраженіи семь находились и нѣкоторые изъ господъ нашихъ волонтеровъ, а именно молодой графъ Апраксинъ, графъ Брюсъ, князь Репнинъ и баронъ Лопиталь, племянникъ французскаго посланника.

Между тѣмъ, какъ сіе у насъ впереди происходило, стояли мы съ арміею спокойно при Гумбинахъ и отдыхали, что мнѣ въ особенности памятно потому, что я весь сей день упражнялся въ переводѣ своей книги.

Такимъ образомъ, овладѣвъ вышеупомянутымъ мѣстомъ, 29 числа выступила наша армія въ походъ, оставивъ въ Гумбинахъ Низовскій пѣхотный полкъ съ больными, и перешедъ рѣчку Нарвѣ и дошедъ до упомянутаго мѣста и деревни Станантшенъ, расположилась лагеремъ.

Не успѣли мы къ сему мѣсту притти, какъ отъ отправленнаго напередъ авангарда получено извѣстіе, что непріятельская армія яко бы вся строится за мѣстомъ въ ордеръ баталіи, и какъ сіе сочтено было, что она хочетъ дать баталію или недопускать насъ всею силою проходить сквозь помянутый тѣсный и длинный мѣстъ, то какъ скоро смерклось,

ударенъ былъ генеральный маршъ и вся армія, оставивъ всѣ обозы и для прикрытія оныхъ нѣсколько полковъ, пошла съ артиллерією въ ночь чрезъ помянутый лѣсъ. Мы съ полкомъ своимъ оставались тогда въ арріергардѣ съ обозомъ и съ нетерпѣливостію ожидали, что впередъ съ армією воспослѣдуетъ и не произойдетъ ли главной баталіи или како-го-нибудь важнаго сраженія. Однако поутру услышали, что она прошла помянутый лѣсъ благополучно и безъ всякаго помѣшательства и что кромѣ бывшей въ лѣсу, у нашихъ казаковъ съ прусскими подъѣзжавшими для рекогносцированія арміи нашей гусарами, небольшой стычки и въ которой сін послѣдніе опять съ урономъ прогнаны, ничего не воспослѣдовало. Хотя пруссаки въ объявленіяхъ своихъ и о семъ третьемъ случаѣ хвастая немилосердно глутъ, говоря, что они нашихъ прогнали и уронъ имѣли небольшой, но можно ли тому статься, когда шла тутъ вся армія, а ихъ тутъ только человекъ съ двѣсти съ помянутымъ полковникомъ Малаховскимъ подъѣзжало.

Армія наша, прошедъ лѣсъ, не нашла предъ собою не только всей непріятельской главной арміи, но и никакихъ уже войскъ прусскихъ, и тогда узнали, что вся молва объ арміи прусской была совсѣмъ несправедлива. А то хотя была и правда, что непріятельская пѣхота усмотрѣна была около тѣхъ мѣстъ строившемся, но послѣ узнали, что то былъ только небольшой деташаментъ, состоящій изъ нѣкотораго количества прусской конницы и пѣхоты, который подъ командою генералъ-майора Платена отправленъ былъ отъ арміи ихъ впередъ для примѣчанія движенія нашихъ войскъ и для прикрытія Инстербурга, почему и стоялъ оный до сего времени при семъ городѣ. Но узнавъ о близкомъ уже приближеніи нашей арміи и почтя себя слишкомъ слабымъ для удержанія оной, собирался тогда отступать далѣе назадъ за Инстербургъ, и разорялъ мосты при семъ городѣ чрезъ рѣчку Аалрупъ и

Инстеръ, а нашимъ передовымъ войскамъ показалось, что уже и вся непріятельская армія строилась въ ордеръ баталіи и готовилась къ сраженію, хотя она была еще отъ насъ за нѣсколько верстъ разстояніемъ, и у ней и въ умѣ и въ мышленіи еще того не было. А у насъ-то трусости и боязни и Богъ знаетъ сколько было! Изъ чего означается само собою, что предводители наши имѣли о непріятелѣ и положеніи его арміи весьма худое и недостаточное свѣдѣніе.

Итакъ, поутру велѣно было и намъ съ обозами и арріергардомъ къ арміи слѣдовать, и мы, прибывъ къ оной уже ночью, нашли ее стоящею версты за три отъ города Инстербурга въ виду онаго, и насъ цѣлый день на жару безъ палатокъ дожидавшеюся.

На семъ переходѣ случилось мнѣ еще въ первый разъ увидѣть непріятеля, однако не живого, а убитаго. Въ помянутомъ лѣсу то было, какъ сказали намъ, что въ сторонѣ подъ кустомъ онаго лежитъ тѣло. Всѣ мы съ превеликимъ любопытствомъ поскакали оное смотрѣть. Но какое же жалкое зрѣлище представилось очамъ нашимъ! Человѣкъ сей былъ превеликаго роста и съ большими усами; лежалъ совсѣмъ обнаженный навзничъ и отъ жара весь раздувшійся и отекшій, какъ отъ водяной болѣзни; черви кишѣли у него подъ всею отдушеюся кожею, такъ что безъ ужаса и внутренняго содроганія смотрѣть на него было не можно. Мы и подлинно принуждены были скоро отвратить нашъ взоръ

и, вздохнувъ, ѣхать прочь, говоря другъ другу: «Вотъ снмъ-то образомъ можетъ быть случится гдѣ-нибудь и намъ лежать подъ кустикомъ и преданнымъ быть въ жертву стихіямъ, звѣрямъ, птицамъ, червямъ и насѣкомымъ!» Но письмо мое уже велико. Время мнѣ оное окончить и сказать вамъ, что я емь и прочая.

ПОХОДЪ ПРУССІЕЮ.

Письмо 42-е.

Любезный пріятель! Последнее мое письмо къ вамъ кончилъ я пришествіемъ нашимъ къ Инстербургу. Теперь,

продолжая повѣствованіе свое дагѣе, скажу, что не успѣли мы въ сіе мѣсто притти, какъ услышали, что наши уже овладѣли снмъ городомъ: ибо какъ пруссаками оставлена была въ немъ только небольшая команда, то наши донскіе казаки тотчасъ ее выгнали, напротивъ того, мы ввели въ сей весьма мало укрѣпленный городокъ Невскій пѣхотный полкъ для гарнизона.

Въ послѣдующій день, то-есть 31-го іюля, подвинулись мы къ городу ближе и стали въ разбитый между Инстербургомъ и другимъ, напротивъ его за рѣкою лежащимъ, городкомъ Георгенбургомъ лагерь, и стояли тутъ какъ сей, такъ и послѣдующіе оба дня, то-есть 1-е и 2-е числа августа.

Въ сіе время происходилъ дѣлежъ первой полученной въ городѣ отъ непріятеля добычи, состоящей въ превеликомъ магазинѣ соли, которой такъ было довольно, что всѣмъ чинамъ, въ арміи находящимся, и служивымъ и неслуживымъ, досталось по два фунта на чело-вѣка, а сверхъ того еще множество осталось для запаса. Также найденъ былъ въ городѣ цейгаузъ со множествомъ

старой прусской амуниціи, которая роздана была вся нашимъ калмыкамъ, а въ Георгенбургѣ найдено было нѣсколько сотъ четвертей ячменя и овса.

Въ послѣдующій день, то-есть 4 августа, прибыли къ арміи и достальныя наши, идущія изъ Россіи, легкія казацкія и калмыцкія войска, также и нѣсколько полковъ драгунскихъ подъ командою генералъ-аншефа Сибильскаго, также генералъ-поручика Зибина и Костюрина. Итакъ, недоставало тогда одной дивизіи генерала Фермора, которая по взятіи Мемеля шла также соединиться съ нами.

Поманутый генералъ-аншефъ Сибильскій принять былъ предъ недавнимъ только временемъ въ нашу службу изъ польской, и принять по славѣ, носившейся объ немъ, что онъ былъ храбрый и искусный генералъ. Почему по приближеніи къ прусскимъ границамъ и отправленъ онъ былъ на встрѣчу поманутымъ легкимъ войскамъ, и ему велѣно было войти съ ними въ Пруссію въ другомъ мѣстѣ и дагѣе въ лѣвую отъ насъ сторону, и расположить шествіе свое чрезъ Голдапъ и Олецко и занять тамошніе округи. Сей генералъ, вошедъ въ Пруссію, крайне удивился, увидѣвъ дѣлаемыя казаками повсюду разоренія, пожоги и грабительства, и съ досадою принужденъ былъ быть свидѣтелемъ всѣхъ жестокостей и варварствъ, оказываемыхъ нашими казаками и калмыками противъ всѣхъ военныхъ правилъ.

О сихъ разореніяхъ, къ вѣчному стыду нашему, писали тогда пруссаки въ своихъ реляціяхъ, что какъ скоро вошли они въ Пруссію чрезъ Олецко, то тотчасъ, какъ сей городъ, такъ и Голдапъ со множествомъ деревень разграбили до-чиста, а деревни Монетонъ, Гарционъ, Даниленъ и Фридрихсгофенъ со всѣмъ обратили въ пепель, умертвивъ притомъ и великое множество людей. Дагѣе, что во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ не видно было ничего, кромѣ огня и дыма; что надъ женскимъ поломъ оказываемы были наибольшія своевольства

и оскорбленія; что изъ сожженной деревни Монетень ушли-было всѣ женщины на озеро, но и тамъ отъ калмыковъ въ камышѣ не отсиѣлись; что пастора Гофмана въ Шарейкенѣ измучили они до полусмерти, допытываясь денегъ, хотя онъ имъ давно уже все, что имѣлъ изъ пожитковъ своихъ, отдалъ, и такъ далѣе.

Таковыя поступки нашихъ казаковъ и калмыковъ по истинѣ приносили намъ мало чести, ибо всѣ европейскіе народы, услышавъ о такихъ варварствахъ, стали и обо всей нашей арміи думать, что она таковая же.

Что принадлежать до сихъ калмыковъ, то сія легкія наши войска имѣли мы тогда впервые еще случай увидѣть и порядочно рассмотреть. Они намъ показались весьма странны, а особливо, когда они разѣзжали мимо насъ полунагими и продавали плетенныя свои плети, которыми они превеликіе мастера дѣлать. Платье на нихъ было по большей части легкое, красное суконное, но они его никогда порядочно не надѣвали. На любимое ихъ обыкновеніе—ѣсть падалъ лошадиную и вареніе лошадиного стерва въ котлахъ, не могли мы смотрѣть безъ отвращенія. А видѣли мы также и ихъ богослуженіе, производимое въ кругломъ особомъ шатрѣ. Нѣсколько человекъ ихъ духовныхъ сидѣло, поджавъ по-татарски подъ себя ноги вокругъ шатра, подлѣ полъ, и всякой изъ нихъ бормоталъ, читая книжку, и въ томъ единомъ состояло у нихъ все богослуженіе. Впрочемъ, думали мы сперва о храбрости ихъ весьма много; но послѣ оказалось, что еслибъ ихъ и вовсе не было, такъ все равно, ибо они надѣлали намъ только безславіе, а пользы принесли очень мало. Но я возвращусь къ продолженію моего повѣствованія.

Третье число августа опредѣлено было единственно для переправы чрезъ рѣку Инстеръ, текущую между Инстербургомъ и Георгенбургомъ. Сія рѣка была хотя небольшая, но принуждено было дѣлать мостъ, и перебраться чрезъ нее не скоро

было можно. Итакъ, поставленъ былъ лагерь по ту сторону оной, подлѣ замка Георгенбурга.

Въ послѣдующій день (4-го) перебрались чрезъ рѣку наши новопришедшія легкія войска и, проходя армію, становились впереди у оной, ибо имъ назначено было быть всегда впереди, составлять такъ-называемую летучую армію и очищать намъ путь отъ непріятеля. Для сего, и поджидая ферморской дивизіи, принуждена была армія въ семь лагерѣ днвать, отправивъ только впередъ авангардный корпусъ.

Во время сего днванія имѣли мы время побывать въ городѣ Инстербургѣ и искупить себѣ все нужное. Но мы не застали уже почти ничего, все было давно уже выкуплено, и ни за какія деньги ничего достать было не можно. Городокъ сей хотя не гораздо великъ, но довольно хорошъ. Строеніе въ немъ каменное, высокое и довольно прибористое. Онъ сидитъ на самомъ берегу рѣчки Ангерана, которая тутъ, соединившись съ рѣчкой Инстеромъ и нѣкоторыми другими, начинается уже называться Прегелемъ и течетъ къ Кеннигсбергу. И какъ армія наша расположилась итти по ту сторону Прегеля, то и надобно ей было съ сего мѣста поворотить влѣво.

Поутру пятого числа велѣно итти въ походъ, но прежде выступленія въ оный имѣлъ я случай видѣть жалкое и такое зрѣлище, о которомъ Россія во время благополучнаго и мирнаго владѣнія Елисаветы совсѣмъ почти позабыла, и мнѣ еще никогда видѣть не случилось, а именно: смертную казнь виновныхъ преступниковъ. Мы удивились, вставши поутру и увидѣвъ предъ самымъ нашимъ полкомъ поставленную висѣлицу, и не знали, что бы это значило. Но скоро узнали тому причину. Нашъ полкъ вывели передъ фронтъ и окружили имъ оную, и мы увидѣли нѣсколько человекъ прусскихъ мужиковъ, скованныхъ подлѣ оной. Преступленіе оныхъ состояло въ томъ, что они вышеупомянутымъ образомъ злодѣйски стрѣляли изъ-за ку-

ство въ по нашихъ солдатамъ и нѣсколькихъ изъ нихъ побили. И какъ безпощадности сн умножились, то и опредѣлено было, для устрашенія прочихъ, нѣсколькихъ, пойманныхъ изъ нихъ, казнить смертію. И такъ, повѣсили тогда при насъ двухъ, а одиннадцати человѣкамъ, коихъ преступленіе не такъ было велико, отрублены были у рукъ пальцы, и они пущены были опять на волю. Могу сказать, что я не могъ безъ отвращенія смотрѣть на сіе кровопролитіе и не могу оно безъ внутренняго содроганія сердца и по нынѣ вспомнить.

Употребленіе сего жестокаго средства хотя и произвело ту пользу, что съ того времени мужики прусскіе стали меньше злодѣйствовать, но напротивъ того подало поводъ пруссакамъ въ писаніяхъ своихъ еще болѣе обвинять насъ жестокостями, и даже многое прилгать и затѣвать на насъ то, чего можетъ быть никогда не бывало, какъ о томъ упомянетъ ниже.

По окончаніи сей экзекуціи, и выступивъ въ походъ, продолжали мы путь свой по правой сторонѣ рѣки Прегеля, внизъ оной, но перешли въ тотъ день не болѣе шести верстъ и стали лагеремъ подлѣ деревни Стеркенвикенъ, въ двѣ линіи; авангардъ же поставленъ былъ за нѣсколько верстъ впереди при деревнѣ Лейсенвикенъ, а далѣе впередъ очищали наши легкія войска мѣста, поставленныя при Зау.

Въ семь мѣстъ стояли мы дѣлныхъ три дня, ибо армія непріятельская была отъ насъ уже не слишкомъ далеко, а передовыя его войска, подъ командою генераль-поручика графа Дона, нарочито близко, который съ 6-ю баталіонами пѣхоты и 15-ю эскадронами конницы подвинулся отъ арміи нѣсколько миль впередъ и сталъ при Таплакентѣ въ весьма выгодномъ мѣстѣ, укрѣпивъ свой лагерь ретраншаментомъ и баѣтареями; впереди же его находились ихъ гусары и прочія легкія войска, а сіе и подало скоро случай у нихъ съ нашими казаками къ стычкѣ, ибо какъ изъ помянутаго лагеря от-

правлены были наши казаки и калгики для поиска надъ непріятелемъ, то наѣхали они скоро на прусскіхъ гусаръ, стоявшихъ при Норкитенѣ, и осмѣлившихся учинить на нихъ нападеніе. Но въ сей разъ опять удача была имъ весьма дурная. Они были казаками нашими разбиты, прогнаны и потеряли болѣе ста человѣкъ. О семъ происшествіи пруссаки признаются сами, что они побѣждены, хотя и стараются неудачу свою прикритъ кой-какими видами, говоря напримѣръ, что одинъ ихъ гусарскій офицеръ, стоявшій при Гашдорфѣ, будучи приведенъ въ жалость бѣгущими прусскими поселанями и вопіющими, что у нихъ все отнимаютъ и грабятъ, и будучи дезертирами увѣренъ, что нашихъ было только съ небольшимъ сто человѣкъ, послѣдовалъ движеніямъ своей храбрости и чувствіямъ, производимымъ въ немъ видомъ ограбленныхъ людей — рѣшился съ 200 гусаровъ податься далѣе впередъ до Норкитена, дабы отбить у казаковъ отогнанный скотъ. Но тутъ вдругъ окруженъ онъ былъ 3,000 казаковъ, а 300 человѣкъ ударили со стороны отъ Плибишкена ему еще во флангъ, почему и принужденъ онъ былъ ретироваться назадъ; но въ сей ретирадѣ, при прохожденіи многихъ дефилей и будучи принужденъ непрерывно сражаться, убитъ былъ и самъ, потерявъ до 58-ми человѣкъ изъ своей команды. Однако сіе неправда, побито ихъ болѣе, а съ нашей стороны убитъ только былъ одинъ казакъ, упавшій съ споткнувшейся лошади.

6-го числа августа соединился наконецъ въ семь лагерѣ съ нами и корпусъ генераль-аншефа Фермора, бывшій подъ Мемелемъ. И какъ тогда вся наша армія совокупилась уже вмѣстѣ, то при семъ случаѣ отъ непріятельской будетъ упомянуть о томъ, сколь она была велика, и какіе предводительствовали и командовали ею генералы.

Итакъ, что касается до количества войскъ, то кавалерійскихъ полковъ счислялось всѣхъ 19. Сія конница состояла изъ 5 полковъ кирасирскихъ, 3 драгун-

скихъ, 5 гусарскихъ и изъ 6 конныхъ-гренадерскихъ, къ чему присовокуплялось еще 14,000 казаковъ, 2,000 казанскихъ татаръ и 1,000 калмыковъ. Пѣхота же состояла изъ 28 мушкетерскихъ и 3 гренадерскихъ полковъ. Такъ, что вся армія считалась простирающеюся до 134,000 человекъ, а именно: 19,000 конницы, 99,000 пѣхоты и 16,000 иррегулярнаго войска.

Что-жъ касается до находившагося при оной генералитета, то полководцы и предводители наши состояли въ слѣдующихъ особахъ: 1) генераль-фельдмаршалъ Апраксинъ, яко главною командиръ; 2) генераль-аншефахъ: Георгъ Ливенъ, Лопухинъ, Броунъ, Ферморъ и Сибильскомъ. Первый изъ сихъ, то-есть Ливенъ, войсками не командовалъ, а находился при свѣтѣ фельдмаршальской, и приданъ былъ ему для совѣта и власно какъ въ дядьки; странный по истинѣ примѣръ! Но какъ бы то ни было, но онъ имѣлъ во всѣхъ операціяхъ военныхъ великое соучастіе; но мы не покрылись бы толикимъ стыдомъ предъ всѣмъ свѣтомъ, еслибъ не было при насъ сей умницы и сего мнимаго философа; 3) генераль-поручикахъ: Матвѣй Ливенъ, Иванъ Салтыковъ, князь Александръ Голицынъ, Зыбинъ и Вильгельмъ Ливенъ; 4) генераль-майорахъ: Бауманъ, Шидингъ, Олицъ, Загряжскомъ, князь Любомирскомъ, графъ Румяндовъ, графъ Чернышевъ, князь Долгоруковъ, Мантейфель, Панинъ, Фастъ, Хомяковъ и князь Волконскомъ; 5) генераль-квартирмейстрахъ: Вильбоэ и Штофельнъ; 6) генераль-квартирмейстрахъ-лейтенантахъ: Веймарнъ и Шпрингеръ; и 7) бригадирахъ: Демикъ, Тизенгаузенъ, Дипъ, Трейденъ, Племянниковъ и Гартвихъ.

Вотъ сколь великою считалась наша армія по росписаніямъ и бумагамъ; но въ самомъ дѣлѣ была она тогда далеко не такова велика, ибо многіе полки не имѣли своего полного числа, а сверхъ того изъ всѣхъ находилось множество людей и въ разныхъ раскомандировкахъ и отлучкахъ; итакъ, налицо едва ли бы-

ло и двѣ трети или половина помянутого числа.

Итакъ, не успѣла вышеупомянутымъ образомъ вся армія соединиться вмѣстѣ, какъ на другой же день (7-го) послѣ того учиненъ былъ во всей оной новой между полками разборъ и новое распоряженіе, и по сему разбору нашему полку досталось въ авангардный корпусъ подъ команду генерала Ливена. Сей корпусъ составленъ тогда былъ изъ пяти полковъ пѣхотныхъ, которые отобраны были всѣ малолюднѣйшіе, да трехъ полковъ гренадерскихъ драгунскихъ, четырехъ полковъ гусарскихъ и нѣсколькихъ тысячъ казаковъ и калмыкъ. Мы выступили съ симъ корпусомъ прежде арміи, и еще 8-го числа ввечеру, въ походъ и, перешедъ верстъ съ восемь, ночью стали въ занятый для всей арміи лагерь, при одномъ прусскомъ мѣстечкѣ, Лейсенимкенѣ, въ который прибыла 9-го числа и вся армія.

Въ сей день происходила перестрѣлка у нашихъ гусаръ и казаковъ съ непріятельскими передовыми партіями, зашвышными въ весьма выгодномъ мѣстѣ, версты съ три впереди отъ нашего лагеря, а особливо была сильная пальба около вечера; но какъ смерклося, то утихла, и наши, прогнавъ непріятеля, возвратились въ лагерь, и это была уже четвертая стычка съ непріятелемъ.

10-го числа опредѣлено было всей арміи тутъ днвать и упражняться въ печеніи хлѣбовъ; но только что разсвѣло, какъ слышна была уже опять пальба изъ мелкаго ружья, также и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Мы такъ уже къ симъ перестрѣлкамъ привыкли, что ни мало въ лагерѣ тѣмъ не безпокоились, но спокойно себѣ въ палаткахъ нашихъ поваливались. ибо увѣрены были, что происходитъ сіе между передовыми войсками, и что они одни могутъ управиться и до насъ не дойдетъ никакъ дѣло. Однако въ сей разъ потревожили и насъ нѣсколько, какъ съ поспѣшностію схватили у насъ изъ авангарда по 200 человекъ съ полку и отправили при нѣсколькихъ пушкахъ къ тому мѣсту, гдѣ пере-

стрѣлка происходила. Причиною тому было то, что наши казаки, перестрѣливаясь съ отводными непріятельскими караулами, наѣхали на прусскій гренадерскій батальионъ, стоявшій при деревнѣ Колененѣ и прогнаны были имъ пушками. Однако, между нашею пѣхотою и ихъ до дѣла не доходило, и наши возвратились подъ вечеръ опять въ лагерь, а напротивъ того, наши казаки наѣхавъ, въ лежащей противъ нашего полка недалеко деревнѣ, нѣсколько человекъ прусскихъ гусаръ и претерпѣвъ отъ нихъ нѣкоторый уронъ, такъ озлобились, что окруживъ оную сожгли всю деревню до основанія вмѣстѣ со всѣми въ ней находившимися. Казаки наши въ сей день были подъ предводительствомъ полковниковъ ихъ, Дьячкова и Серебрякова, и сраженіе было столь жаркое, что пруссаки ретировались съ потерей около 100 человекъ побитыми и шестерыхъ человекъ взятыхъ въ плѣнъ.

11-е число стояла армія въ семь мѣстѣ еще неподвижно, и во весь день шелъ превеликій дождь, а подъ-вечеръ слышна была опять вдали стрѣлба, и продолжалась до ночи. Сія была уже шестая стычка и состояла въ томъ, что легкія наши роты наѣхали при деревнѣ Илишкенѣ на нѣсколько ротъ прусской ландмилиціи и ихъ разбивъ, прогнали.

12-го числа стояла армія еще все въ томъ же мѣстѣ и выбирала лучшее мѣсто, гдѣ бы ей чрезъ рѣку Прегель переправиться было можно; ибо хотя намѣреніе ея и было итти далѣе вдоль, подлѣ рѣки Прегеля, но какъ узнали, что всѣ мѣста и дефиле захвачены тутъ были пруссаками и нужнѣйшія мѣста укрѣплены шанцами и батареями, то разсудили, оставя сей путь, повернуть влѣво и, перешедъ Прегель, обойти дурныя сіи мѣста тою стороною, а чрезъ самое то выманить и непріятеля изъ его укрѣпленій. Что и воспослѣдовало дѣйствительно, ибо самое то побудило и фельдмаршала Левальда вытти изъ своего укрѣпленнаго лагера и, переправясь также чрезъ Прегель при Тапакенѣ, итти на встрѣчу къ намъ.

И хотя мы тогда о подлинномъ положеніи прусской арміи и не знали, однако всѣ заключали, что необходимо скоро доидеть дѣло до баталіи, ибо все къ тому уже клонилось.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило и мы въ семь лагерѣ дня три стояли, случились со мною нѣкоторыя приключенія, о которыхъ мнѣ вамъ разсказать надобно. Первое имѣло происхожденіе свое отъ одной сдѣланной мною сущей рѣзвосты или игрушки, которою мнѣ на досугѣ вздумалось позабавиться, и которая едва-было мнѣ не накутила бѣды, а именно: въ одинъ день, какъ слуга мой ходилъ въ мой походный сундукъ для вниманія бѣлья, то попался мнѣ на глаза спрятанный въ немъ превеликій стеклянный рогъ съ тѣмъ бѣлымъ хлопательнымъ порошкомъ, о которомъ упоминалъ я выше сего, и котораго надѣялся я себѣ довольно количество во время стоянія своего на мызѣ Кальтебрунъ. Не успѣвъ я его увидѣть, какъ родилось во мнѣ желаніе попробовать съесть его въ большомъ количествѣ и посмотрѣть, сколь громко онъ хлопнетъ. Сіе было давно уже у меня на умѣ, но до того времени не было удобнаго къ тому случая, и я про него все позабывалъ. Но тогда захотѣлось мнѣ уже того нетерпѣливо, и для того, вынудивъ его, положилъ я его на свой походный столикъ и пошелъ искать мѣста, гдѣ-бы мнѣ оное удобнѣе въ дѣйство произвести. Такъ случилось, что день тогда былъ наипрекраснѣйшій, и время самое полуденное и жаркое. Солдаты, поваривъ каши и пообѣдавъ, леглись тогда всѣ спать; но огни на огнищахъ еще курились. Я, прохаживаясь позади обозовъ и посматривая на сіи куры, по счастью увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ на огонькѣ стоящій таганъ и подлѣ его лежащую сковороду. На что было сего лучше? Я положилъ на нее насыпать порошку и поставить на таганъ, и не успѣвъ сего вздумать, какъ тотчасъ и произвелъ въ дѣйство. Я сбѣгалъ въ одинъ мигъ за своимъ порошкомъ, насыпалъ его на сковороду съ хорошую столовую лож-

ку и, поправивъ огонь, поставилъ оную на таганъ. Но какъ легко могъ я заключить, что онъ хлопнетъ сильно и что скоророду съ огня сброситъ, то чтобъ не подвергнуть себя опасности, пошелъ я въ свою палатку, изъ которой по счастью мѣсто сіе было видно, и легши въ оной на кровать, опустилъ въ ту сторону полу и смотрѣлъ съ нетерпѣливостію, чтò воспослѣдуетъ. Долго не было ничего, и я думалъ, что огонь малъ и отъ того порошекъ не скоро таетъ. Однако я обманулся. Онъ растаялъ себѣ благополучно и вдругъ произвелъ точно такой ударъ, какъ бы разорвало превеликую бомбу. Не ожидая столь сильнаго и все чаяніе мое превосходящаго удара, обмеръ я тогда и спужался, ибо тогда только, а не прежде, пришло мнѣ въ голову, что игрушка моя легко можетъ потрясть и бѣдами. «Ахти! говорилъ я тогда самъ себѣ: — что это я надѣлалъ и напроказилъ. Ужъ не сдѣлалось бы тревоги и не было бы мнѣ отъ того бѣды какой? Ударъ слишкомъ силенъ и громокъ, не услышалъ бы его самъ фельдмаршалъ. Вѣдь онъ недалеко отсюда стоитъ, и это я позабылъ совсѣмъ!» Мысль сія привела меня тотчасъ въ превеликую робость, но которая еще того боѣе увеличилась, какъ чрезъ минуту увидѣлъ я, что отъ того дѣйствительно не только нашъ, но другіе близъ насъ стоящіе полки чрезвычайно перетревожились. Всѣ солдаты поскакали изъ сна, и началось превеликое бѣганье и спрашиваніе: гдѣ? что? изъ чего! и отчего такъ хлопнуло? — Каждый спрашивалъ другого, а тотъ третьяго и вранью не было и конца тогда. Иной говорилъ, что выстрѣлило изъ пушки; другіе спорили, что разорвало бомбу; третьи говорили, не разорвало ли гдѣ патроннаго ящика или казны пороховой! Четвертые сами не знали на что подумать, и какъ судить. Но всѣ вообще и съ разныхъ сторонъ бѣжали къ тому мѣсту, гдѣ ударъ былъ слышанъ и гдѣ въ единый мигъ собралось множество народа, но который только взадъ и впередъ толпился, и не вида ничего, не зналъ какъ судить, и чему ударъ приписывать.

Для меня, лежащаго тогда въ палаткѣ и видѣвшаго все сіе зрѣлище, сіе было весьма и весьма непріятно. — «Ну, вотъ такъ», говорилъ я самъ себѣ: — «не угадалъ ли я, что надѣлалъ проказъ. Чай самая легкая догадала меня затѣвать сію потѣху? Ну, какъ узнаютъ все дѣло! Ну, если кто-нибудь видѣлъ меня въ то время, какъ я былъ у огонька! Ну, если догадаются, что всему тому былъ я причиною?» Не успѣлъ я сего еще вымолвить, какъ новый слухъ поразилъ сердце мое власно какъ громовою стрѣлою! Прискакало отъ фельдмаршала нѣсколько, одинъ за другимъ, ординарцевъ, и всѣ кричали и спрашивали: «кто это? кто и для чего выстрѣлилъ изъ пушки!» Обмеръ я тогда, и спужался какъ сіе услышалъ. Я уже думалъ, что невѣдомо что будетъ, и оттого такъ оробѣлъ, что не зналъ чтò дѣлать; еслибъ можно было, то ушелъ бы куда-нибудь и спрятался такъ, чтобъ никакъ не нашили; но какъ уйтить и дѣваться было некуда, то другого не нашелъ, какъ спрятаться на постели подъ одеяломъ и притвориться спящимъ. Однако не сонъ тогда былъ у меня на умѣ, но я ждалъ каждую минуту, что меня пришедъ возмутъ и поведутъ къ фельдмаршалу, ибо я второпяхъ уже завѣрно полагаю, что меня и видѣли, и все дѣло узнали, и оттого трепеща какъ отъ лихорадки, только то и дѣлалъ, что просилъ мысленно Бога, чтобъ онъ меня помиловалъ и отъ сей бѣды избавилъ. Но по особливому счастью такъ случилось, что меня никто у огонька не видалъ, и никому того на умъ не приходило, чтобъ то произошло отъ меня, а всѣ только твердили и дивясь, сами сказывали преславнымъ отъ фельдмаршала, что хлопнуло тутъ, но чтò такое и изъ чего, того никто не видалъ и не знаетъ, ибо не видно было ни огня, ни дыма, и что они всѣ сами тому довольно надивиться не могутъ. А такимъ образомъ дѣло сіе и кончилось, и осталось на томъ, что никто не знаетъ и не узналъ и послѣ, ибо самому мнѣ отерывать и шуткою своею хвататься не было резона, но я пролежалъ

на постели своей и не кувнулъ до тѣхъ поръ, покуда всѣ уgomонились, да и тогда сказывающимъ мнѣ увѣрялъ, что я такъ крѣпко спалъ, что ничего не слыгалъ.

Но какъ письмо мое уже велико, то окончивъ оное и отложивъ прочее до будущаго, остаюсь и проч.

ПОХОДЪ ПРУССІЕЮ НЪ ПРЕГЕЛЮ.

Письмо 43-е.

Любезный пріятель! Не успѣло описанное въ послѣднемъ моемъ письмѣ приключеніе окончиться и я — порадоваться тому, что все прошло

и кончилось благополучно, какъ новая печаль готовилась уже поразить мое сердце. Со мною случилось въ самомъ томъ же мѣстѣ и другое приключеніе, но которое однако было для меня несчастіе и на шутку уже не походило, а именно: меня обокрали, и учинили сіе въ самую ту же еще ночь, которая, къ несчастію, случилась очень темная, и въ которую я уже неприятворно, но въ самомъ дѣлѣ такъ крѣпко спалъ, что и не слыгалъ какъ изъ поголовья у меня вытащили мою шкатулку, и разломавъ ее за палаткою, вы-

нули изъ нея всѣ деньги. Дѣло сіе спроворено было такъ искусно и мастерски, что я, вставши поутру, нашелъ шкатулку свою уже разломанною въ нѣкоторомъ разстояніи отъ палатки, и только что руками разво! Долго не могъ я, на всѣ свои старанія несмотря, провѣдать, кто это такъ спроворилъ; но послѣ узналъ, что то былъ одинъ новоопредѣленный солдатъ въ нашу роту, который былъ преестественный мошенникъ, и зато изъ гренадерской роты выпихнуть, хотя былъ превеликій мужичина. Я лишился при семъ случаѣ рублей двадцати и одной золотой медали, которую мнѣ пуше всего жаль было, потому что она дана была дѣду моему, господину Бакѣву, отъ императора Петра Великаго, за то, что онъ своими руками взялъ въ половъ шведскаго шутбнахта во время взятія четырехъ фрегатовъ. Я хотя богѣ всего о возвращеніи оной старался, но бездѣльникъ промоталъ ее за самую бездѣлицу въ другой полкъ, и такъ не могъ я ее уже никакъ отыскать и возвратить.

Далѣе памятно мнѣ было сіе мѣсто и потому, что я посланъ былъ изъ онаго для фуражированія, ибо какъ около сего времени сѣна были вездѣ спрятаны и въ селенія сжожены, мы же находились уже близко подлѣ непріятеля, и намъ полевымъ кормомъ довольствоваться всѣхъ лошадей своихъ не было способа, то принуждены мы были кормить оныхъ сѣномъ, доставая его въ близъ-лежащихъ селеніяхъ, и посылать за нимъ всякій день команды съ офицерами. Сія команды были для насъ самыя опаснѣйшія, и всякій благодарилъ Бога, когда хорошо съ рукъ сойдесть. Причина тому была та, что нашихъ солдатъ, а особливо неслуживыхъ людей, какъ напримѣръ, погоныщниковъ, деньщиковъ и слугъ офицерскихъ, никоимъ образомъ удержать было не можно. Не успѣешь приѣхать въ деревню, какъ разсыплются они по ней, и вмѣсто того чтобъ сѣно скорѣе въ тюки наивать, начнутъ пскать и шарить по всѣмъ мѣстамъ добра и пожитковъ, и никого съискать не можешь, почему того и смотришь, что

наскочутъ непріятельскіе гусары и изрубятъ въ разсѣяніи и безпорядкѣ находящихся. Однако я команду свою отправилъ благополучно. Деревня сія была хотя очень близка къ непріятелю, однако самое сіе и было поводомъ къ предприниманію навязкихъ осторожностей. По счастью, нашли мы превеликіе сараи, набитые сѣномъ, и я, не распуская людей, велѣлъ какъ возможно скорѣе при себѣ навивать тюки и везти къ арміи, и хорошо сдѣлалъ, что такъ поспѣшилъ, ибо не успѣли мы уѣхать, какъ въ самомъ дѣлѣ прискакали уже прусскіе гусары, но никого болѣе въ деревнѣ уже не застали, а за нами гнаться не отважились.

Впрочемъ, что касается до сего фуражированія, то всякому, невидавшему онаго никогда, покажется оно весьма удивительно, и онъ не повѣритъ, чтобъ такое великое множество сѣна можно было увезти на одной лошади, а что того еще удивительнѣе — верхомъ; ибо надобно знать, что для скорѣйшаго и удобнѣйшаго привоза сѣна фуражируется всегда верхами, и изъ сѣна связывается два превеликіе тюка или кипы, изъ которыхъ каждая почти съ маленькой возъ будетъ, и оба сіи тюка на веревкахъ перекидываются по сѣдлу чрезъ лошадь поперегъ, а человекъ садится между ними и ѣдетъ власно какъ на возу сѣна, ибо сіи тюки тащатся почти по самой землѣ, и лошади за ними совсѣмъ почти не видно. Мы сами удивились сначала сіе увидѣвъ, и люди наши не знали, какъ сѣно симъ образомъ связывается; однако нужда научила и ихъ скоро сему искусству.

Кромѣ сего памятно мнѣ сіе мѣсто и тѣмъ, что мы тутъ впервые увидѣли и узнали картофель, о которомъ огородномъ продуктѣ мы до того и понятія не имѣли. Во всѣхъ ближнихъ къ нашему лагерю деревняхъ насѣяны и насажены были его превеликіе огороды, и какъ онъ около сего времени началъ поспѣвать и годился уже къ употребленію въ пищу, то солдаты наши скоро о немъ

пронюхали, и въ одинъ мигъ очутился онъ во всѣхъ котлахъ варимый. Совсѣмъ тѣмъ, по необыкновенности сей пищи не прошло безъ того, чтобъ не сдѣлаться отъ нея въ арміи болѣзней и наиболѣе жестокихъ поносовъ, и армія наша за узнавіе сего ягода принуждена была заплатить нѣсколькимистами человекъ умершихъ отъ сихъ болѣзней.

Что касается до того, довольны ли мы впрочемъ, во время сего похода, Пруссією были, то могу сказать, что по прибытіи къ арміи легкихъ нашихъ войскъ, не только не претерпѣвали мы ни въ чемъ недостатка, но имѣли еще во всемъ изобиліе, а особливо въ мясѣ. Скота и крупнаго и мелкаго, и всякаго рода дворовыхъ птицъ и живности, а особливо гусей, было преужасное множество, и всегда достать ихъ можно было за весьма дешевую цѣну. Самыхъ барановъ покупали мы иногда только по десяти, а гуся не болѣе какъ по пяти и по четыре копѣйки. Все сіе продавали намъ наши казаки и калмыки, ибо они, разсѣваясь повсюду, опустошали немилосерднымъ образомъ всѣ кругомъ лежащія селенія. И какъ жители спасали только крупный скотъ свой, а прочее все оставляя, разбѣгались въ лѣса и тамъ скрывались, то изобилія прусскія деревни наполнены были повсюду немалымъ множествомъ мелкаго скота и всякаго рода птицъ, и нашимъ казакамъ, калмыкамъ, да и самымъ драгунамъ и гусарамъ, было чѣмъ вездѣ и довольно поживиться. Одинъ только недостатокъ сдѣлался намъ скоро въ соли и въ хлѣбѣ, однако и тому помогать находили средства.

Но сколь сіе съ одной стороны было хорошо, столько съ другою худо. За все сіе довольствіе и кратковременное изобиліе, принуждены мы были заплатить весьма дорого, не только претерпѣннымъ послѣ самими нами во всемъ великомъ оскудѣніи, но и вѣчнымъ безславіемъ, какое получили мы чрезъ то во всемъ свѣтѣ. Ибо какъ все сіе сопряжено было съ конечнымъ разореніемъ невинныхъ прусскихъ сельскихъ жителей, то сіе и пода-

ло поводъ пруссакамъ къ приношенію всему свѣту превеликихъ и едва-ли не справедливыхъ на насъ жалобъ, что легко можно усмотрѣть изъ того, что писали они о томъ въ своихъ реляціяхъ.

«Въ сію осень, говорятъ они, никто не свѣялъ здѣсь озимыхъ хлѣбовъ. — Непріятель, по недостатку корма для своего многочисленнаго обоза и конницы, фуражируетъ вездѣ съ превеличайшимъ безпорядкомъ и вычищаетъ всѣ селенія до чиста. — Корпусу генерала Фермора, должно то сказать въ похвалу, что онъ хранилъ невозможнѣйшій еще порядокъ, и при всемъ грабительствѣ не производилъ, покрайней мѣрѣ, никакихъ жестокостей и безчеловѣчій: почему большая часть жителей въ тѣхъ мѣстахъ оставалась въ своихъ домахъ, и приходящаго развѣ двадцать въ одно мѣсто непріятеля по возможности своей довольствовались. Но главная армія напротивъ того наполнила всю страну жестокостями и безчеловѣчіями. Всѣ поселяне бѣгутъ прочь и спасаются отъ нея по лѣсамъ и въ мѣстахъ непроходимыхъ. Многимъ обывателямъ изъ единого только легкомыслія и дурости, и за то только, что онъ множайшаго дать не можетъ, или не можетъ ничего самому, ~~онъ~~ ~~неизвѣстнаго~~ сказать, обрубаются ~~носъ~~ и уши; отнимается у него весь скотъ и продается потомъ въ непріятельской арміи за самый бездѣнокъ, потому что, какъ сами они говорятъ, казаку-де надобно самому себѣ доставать деньги и пропитаніе. А отъ самаго того и дѣлаются такія наглости и дѣла, которыми сама натура мерзнуть. Многихъ людей удавливаютъ петлями, у другихъ взрѣзываютъ у полуживыхъ утробы и исторгаютъ сердца изъ груди, у третьихъ похищаютъ дѣтей, и производятъ злѣйшія еще и такія безчеловѣчія, которыя никакими словами изобразить не можно. Ограбленный и всего стяжанія своего лишившійся поселанинъ приводится тѣмъ до лютой и ярости чрезвычайной. Онъ выпрашиваетъ гдѣ только можетъ вмѣсто милостыни себѣ ружьишко, пороху и свинцу, и старается защитити и оборонити ими по-

слѣднія свои вещи, кои ему удалось спасти въ лѣсахъ отъ расхищенія. А снѣгъ образомъ и перестрѣляно уже ими болѣе двухъсотъ казаковъ, взѣзжающихъ и въ самые лѣса и старающихся и тамъ производить свои злодѣйства».

Вотъ что писали объ насъ пруссаки, и поручиться нельзя, чтобъ калмыками нашими и казаками и дѣйствительно не дѣлано было кой-гдѣ, особливо по сторонамъ, таковыхъ безчеловѣчій.

Чтожъ касается до прочихъ разореній, то имъ были мы сами очевидными свидѣтелями. Изъ всѣхъ попадающихся намъ на глаза деревень, не нахаживали мы ни одной съ людьми, но всѣ были пустыя и разграбленныя начисто. Во всѣхъ ихъ не только не оставалось ни единого дома цѣлаго, но самыя сокровища, и хворостомъ и навозомъ заваленныя, ямы со спрятанными въ нихъ пожитками не утаивались отъ солдатъ нашихъ. Они отыскивали и оныя всѣ, и расхищали и послѣднее. Что же касается до полей ихъ и посѣянныхъ хлѣбовъ, то всѣ они въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шла армія, были въ въ наихалостнѣйшемъ состояніи; ибо какъ армія, а особливо начавъ ближе сближаться съ непріятелемъ, шла по большей части фронтомъ и не дорогою, а прямо по полямъ и какъ ни попало, то не до того было, чтобъ разбирать хлѣбъ ли тутъ или что иное, а все топталось и смѣшивалось съ грязью. Самыя вершины и буераки принуждены мы были переѣзжать не дорогами, а прямо, какъ ни попало. И, о! сколько происходило у насъ при такихъ случаяхъ ломки и валянья! сколько разъ леталъ иной возъ стремглавъ съ горы, и сколько лошадей уходило по уши въ тину, и сколь досадны бывали намъ сіи маленькія переправы! Я и понинѣ не могу еще надвинуться тому, какъ успѣвали мы изломанныя повозки свои починивать и къ продолженію похода дѣлать опять способными. Но я удался уже отъ главнаго предмета, и теперь время уже возвратиться къ описанію продолженія похода.

Такимъ образомъ стояла наша армія

въ помянутомъ мѣстѣ до 12 числа августа. Но въ сей день опредѣлено было въ томъ мѣстѣ, гдѣ чрезъ рѣку намѣреніе принято было перебраться, сдѣлать изъ половины армейскихъ и тяжелыхъ обозовъ вагенбургъ, дабы его оставить на сей сторонѣ, а съ арміею перейти на другую, и неприятеля стараться принудить къ баталіи. И для того приказано было сего же еще числа, выступить половинойъ обозамъ и итти къ рѣкѣ, а для прикрытія помянутаго вагенбурга слѣдовать съ ними жъ нашему, да Апшеронскому, да Архангелогородскому драгунскому но спѣшенному полку; почему пошли мы еще того жъ вечера, и какъ разстояніе до рѣки было только версты три, то мы пришли туда еще благовременно, и успѣли при деревнѣ Симоникшенѣ сдѣлать порядочный вагенбургъ. Сіе легкое полевое и изъ однихъ только повозокъ составленное укрѣпленіе, случилось намъ тутъ впервые еще видѣть и дѣлать. Всѣ повозки поставлены были въ одинъ рядъ и такимъ образомъ, чтобъ переднія колеса одной смыкались съ задними колесами другой, и сдѣлалось бы чрезъ то такое сплетеніе изъ повозокъ, чрезъ которое на лошади никакъ переѣхать было не можно, а сверхъ того, можно-бъ было изъ-за сей повозочной ограды, по нуждѣ, обороняться и противъ пѣшихъ. Таковымъ неразрывнымъ сдѣленіемъ повозокъ окружено было нарочито пространное мѣсто, наподобіе нѣкакой крѣпости или города, и оный бы могъ служить убѣжищемъ для всѣхъ, кои съ арміею итти не могли. Между тѣмъ покуда мы сей вагенбургъ дѣлали, другіе упражнялись уже въ дѣланіи мостовъ чрезъ рѣку Прегель, которые къ утру послѣдующаго дня и поспѣли, и было ихъ два деревянные и три повтонныхъ.

Въ послѣдующій день, то-есть августа 13-го, выступила и прибыла къ сему мѣсту и вся армія, и расположилась кругомъ вышеупомянутой деревни лагеремъ, а обозы разобраны были опять по полкамъ, ибо оставленіе вагенбурга на сей

сторонѣ опять отложено было, и такъ ночевали мы тутъ всѣ вмѣстѣ.

14-го числа, то-есть наканунѣ Успеньева-дня, послѣ полудни велѣно было перебраться нашему авангардному корпусу за рѣку Прегель по мостамъ, и мы, переправясь чрезъ оную, спѣшили занять одинъ узкій проходъ, бывший за рѣкою на горѣ. Ибо надобно знать, что за рѣкою былъ сперва ровный лугъ, простирающийся версты на двѣ, а тамъ вдругъ пришла крутая и высокая гора, а наверху оной было опять ровное мѣсто, простирающееся на полверсты или на версту, а тамъ приполъ прегустой и превеликій лѣсъ, за которымъ опять было пространное поле, окруженное лѣсами. Но прохода на сіе поле сквозъ лѣсъ не было, а надлежало итти однимъ только узкимъ и на четверть версты въ ширину простирающимся промежуткомъ, который находился въ лѣвой рукѣ между помянутымъ лѣсомъ и однимъ преужаснымъ и крутымъ буеракомъ, сквозъ который текла небольшая рѣчка и съ той стороны впадала въ Прегель. Сію-то узкую дефилею надлежало намъ занять, и къ тому назначенъ былъ нашъ корпусъ. Мы, пришедъ туда, принуждены были за тѣсною мѣста стать ребромъ, то-есть, вдоль сего узкаго прохода, и для того стали мы лицомъ къ концу лѣса, а позади обозовъ нашихъ былъ вышеупомянутый крутой буеракъ. Армія же осталась дневать въ прежнемъ своемъ лагерѣ за рѣкой.

Въ послѣдующій день, для торжественія праздника Успенія Богородицы, поставлены были у насъ въ полкахъ церквы, и отправлялась божественная служба, а между тѣмъ перебиралась на сію сторону рѣки и вторая дивизія и становилась подлѣ насъ, занимая отчасу болѣе вправо находящееся между лѣсомъ и горою пустое мѣсто, гдѣ для всей арміи назначенъ былъ лагерь. Главная же армія съ кавалеріею осталась еще на той сторонѣ рѣки и, взявъ провіанта на трое сутокъ, отпустила только свои обозы, кои остановились на назначенныхъ

мѣстахъ подъ прикрытіемъ второй дивизіи и нашего авангарднаго корпуса.

Какъ помянутою второю дивизіею командовалъ генераль-аншефъ Лопухинъ, то прибылъ онъ наканунѣ сего дня вмѣстѣ съ нами и сталъ въ шатрѣ своемъ насупротивъ самаго полку нашего подлѣ лѣса. Поелику генераль сей былъ весьма набожный и притомъ крайне добродѣтельный и хорошій человекъ, то отпривлялось у него съ вечера всеобщее бдѣніе, а въ сей день онъ исповѣдывался и причащался, власно какъ предчувствуя, что жизнь его продлится недолго и что оставалось ему немногіе дни жить уже на свѣтѣ. Но коликю сей генераль любимъ и почитаемъ былъ всѣми войсками, толико нелюбимъ и презираемъ былъ другою, бывшій тогда съ нами драгунскій генераль-майоръ Хомяковъ, славный единственно тѣмъ, что былъ превеликій охотникъ до тростей, и возившій съ собою ихъ до нѣскольکو сотъ, и надѣлавшій тогда намъ множество смѣха. Старичишка сего, которому приличіе было-бъ по дряхлости его сидѣть дома за печью, нежели быть въ походѣ, догадала велегкая избрать мѣсто подъ шатеръ свой позади нашихъ обозовъ и на берегу самаго буерака; но мѣсто сіе было такъ недовко и было столько обезпокоивано больными нашими и съ картофеля обзвѣвшимися солдатами, что бѣдный старикъ не радъ былъ животу своему, что тутъ расположился, и вида, что всѣ его палки и трости не помогаютъ, принужденъ былъ бѣжать и переносить шатеръ свой въ другое мѣсто.

Не успѣли мы въ помянутый день отслушать обѣдню, какъ услышали въ главной квартирѣ за рѣкою три выстрѣла изъ вѣстовой пушки. Мы знали уже, что сіе означало сигналъ тревоги: почему бросились всѣ тотчасъ къ оружію, и всѣ полки тотчасъ и съ великимъ поспѣшеніемъ выведены были передъ фронтъ, гдѣ и дожидались мы повелѣнія. Вскорѣ послѣ того услышали мы вдали еще нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Но не успѣло сего воспослѣдовать, какъ линулъ на насъ пресильный и преужасный дождь,

и продолжавшійся цѣлый часъ, всѣхъ насъ перемочилъ. Послѣ сего слышали мы хотя еще пушечную стрѣльбу, однако ничего не послѣдовало и насъ опять распустили. Причиною же тревоги сей было то, что отъ непріятеля подслыанъ былъ въ сей день для рекогносцированія нашей арміи генераль-майоръ Рушъ съ 1,200 гусаровъ и пятью эскадронами конницы драгунской, при подкрѣпленіи довольнаго числа пѣхоты подъ командою генерала Каница — который отрядъ, наѣхавъ на нашъ казакскій лагерь, побилъ изъ нихъ человекъ съ двадцать, а сіе самое и побудило фельдмаршала послать на сикурсъ къ нимъ нѣскольکو сотъ гусаръ и драгунъ, которые и принудили непріятеля ретироваться, отбивъ у него опять назадъ отхваченный имъ табунъ казакскихъ лошадей. При которой стычкѣ наикъ съ обѣихъ сторонъ было нѣскольکو человекъ побито и переранено.

Послѣдующаго за симъ, т.-е. 16 числа, перебралась наконецъ и достальная армія и главная квартира изъ-за рѣки, и стала въ назначенный лагерь, и полководецъ нашъ, господинъ Апраксинъ обѣдалъ въ сей день у стоящаго предъ нами генерала Лопухина. Станъ же для себя избралъ посреди арміи позади вышеупомянутаго большого лѣса.

Какъ симъ образомъ мы часъ отъ часу ближе къ непріятелю подвигались, то не прошелъ и сей день спокойно. Въ вечеру слышна была опять за рѣкою Прегелемъ стрѣльба и порядочный залпъ, также и нѣскольکو пушечныхъ выстрѣловъ. Причиною тому было, что появились-было за рѣкою въ близости отъ лагера опять непріятели, и стрѣляли по нашимъ казакамъ и калмыкамъ; однако сіи принудили ихъ ретироваться въ лѣсъ, убивъ у нихъ 4 гусаръ и взявъ одного въ полонъ.

Говорили тогда, что калмыки наши оказали при семъ случаѣ довольные знаки своего проворства и свойственной такимъ легкимъ народамъ храбрости: 7 человекъ изъ нихъ — усмотря человекъ

двадцать прусскихъ гусаръ, удалившихся отъ прочихъ, переплывъ нагіе и безъ сѣделъ, съ одними только дротиками чрезъ Прегель—ударили съ такою жестокостію на нихъ, что обративши ихъ въ бѣгство, гнали до самаго ихъ стана и, какъ вышеупомянуто, трехъ убили, а одного въ полонъ взяли. Но сіе было почти и первое и послѣднее хорошее ихъ дѣйствіе, ибо кромѣ сего не случилось мнѣ слышать, чтобъ они что-нибудь отличное сдѣлали.

Симъ образомъ происходила у насъ почти всякій день маленькая война, но скоро за симъ послѣдовала и важнѣйшая, какъ о томъ упомяну я въ будущемъ письмѣ, а между тѣмъ есмь и прочалъ.

ПЕРВАЯ ТРЕВОГА.

Письмо 44-е.

Любезный пріятель! Теперь приблизился уже я къ важнѣйшему пункту време-

ни, изъ всей тогдашней нашей кампаніи, или до прямыхъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля; ибо упомянутое до сего состояло по большей части только въ единыхъ стычкахъ или маленькихъ и неважныхъ сраженіяхъ, кои,

какъ извѣстно, не бываютъ никогда рѣшительны, а обращаются только обыкновенно обѣимъ арміямъ въ безпокойство, отягощеніе и въ пустую растерю людей; или, короче сказать, теперь по порядку пришлось мнѣ вамъ рассказывать о нашей апраксинской баталіи, о которой слышались вы довольно, но подлинныхъ при томъ бывшихъ происшествій вѣрно не знаете. Но можно ли вамъ и знать, когда вы сами при томъ не были, а по однимъ слухамъ подлинно все знать никоимъ образомъ не можно. Собственные примѣры мнѣ сіе довольно доказали.

Совсѣмъ тѣмъ, не дожидайте того, чтобъ я вамъ сообщилъ въ подробности всё при томъ бывшія обстоятельства. Но я напередъ вамъ признаюсь, что мнѣ самому въ подробности оныя неизвѣстны, несмотря на то, хотя я дѣйствительно самъ при томъ былъ, и все своими глазами видѣлъ. Да и можно ли такому маленькому человѣку, каковъ я тогда былъ, знать всё подробности, происходившія въ арміи, въ такое время, когда все находилось въ превеликомъ замѣшательствѣ, и когда мнѣ, бывшему тогда по случаю ротнымъ командиромъ, отъ мѣста и отъ роты своей ни на шагъ отлучиться было никуда не можно? Итакъ, иное ли что остается, какъ сообщить то, что мнѣ можно было самому видѣть и что дошло до моего свѣдѣнія. Армію въ походѣ неинаво, какъ съ великимъ и многонароднымъ городомъ сравнить можно, въ которомъ человѣку, находящемуся въ одномъ углу, конечно, всего того въ подробности знать не можно, что на другомъ краю дѣлается и происходитъ, и я не надѣюсь, чтобы кто-нибудь, не включая и самихъ предводителей, могъ всё подробности при баталіи въ самой точности знать. Общее смѣтеніе и замѣшательство, шумъ, вопль, пыль, густота дыма, а паче всего повсемѣстная опасность и тысяча другихъ обстоятельствъ тому препятствовать могутъ. При такихъ обстоятельствахъ, иное ли что остается, какъ сообщить вамъ только то, что слу-

чай допустилъ мнѣ самому видѣть, или о чемъ съ достовѣрностію могъ я тогда слышать.

Но какъ сія баталія была только одна, которую мнѣ самому видѣть случилось, то въ награжденіе недостатка въ прочемъ, постараюсь по крайней мѣрѣ изобразить все видѣнное мною живѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ, дабы вы могли всѣ видѣнныя мною произшествія вообразить себѣ наисовершеннѣйшимъ образомъ, и получить объ нихъ такое понятіе, какъ бы вы сами оное видѣли.

Но прежде приступленія къ собственному повѣствованію о баталіи, хотѣлось бы мнѣ вамъ изобразить напередъ всю тогдашнюю позицію, или положеніе нашей арміи, ибо безъ того не можете вы никакъ вообразить себѣ прямого состоянія тогдашняго замѣшательства, и получить прямое понятіе о той опасности, въ которой мы тогда находились. И чтобъ мнѣ лучше въ томъ успѣть, то вознамѣрившись я не только все извѣстное мнѣ подробно описать, но нужное изяснить и планами и рисунками. Итакъ, расскажу вамъ напередъ, какииъ образомъ расположена была наша армія въ послѣднемъ своемъ лагерѣ предъ баталіею. Я не знаю, какое сдѣлать рѣшеніе, въ выгодномъ ли она стояла мѣстѣ или въ невыгодномъ, и должно ли хвалить, или хулить нашихъ полководцевъ, что они ее такъ расположили.

Итакъ, вообразите себѣ напередъ, любезный пріятель, высокое ровное мѣсто, неподалеку отъ берега одной негораздо большой рѣки, протекающей сквозъ широкую, глубокую и ровную долину. Помянутое лежащее на горѣ, у подошвы которой начиналась помянутая долина, высокое и ровное мѣсто было не столько широко, сколько, длинно; было оно, сколько мнѣ помнится, въ ширину не болѣе полуверсты, а въ длину версты на полторы или на двѣ, ибо съ двухъ сторонъ окружалъ сіе мѣсто большой, частый и густой лѣсъ, простирающійся въ ширину, или поперегъ, на версту или болѣе, а съ третьей стороны пересѣкалъ оное преве-

ликій и преглубокій буеракъ, съ протекающею онымъ небольшою рѣчкою, впадающею въ вышеупомянутую рѣку Прегель. Такимъ образомъ окружено было сіе мѣсто почти со всѣхъ сторонъ непреоборимыми оградами, и выходъ изъ него былъ только въ двухъ мѣстахъ, а именно, по краямъ онаго, гдѣ на одномъ краю была между лѣсомъ небольшая прогалина, а на другомъ между лѣсомъ и помянутымъ буеракомъ — также небольшое пустое пространство, простирающееся въ ширину съ небольшимъ на четверть или на полверсты.

На семь-то прекрасномъ мѣстѣ расположена была наша армія лагеремъ, и, повидимому, казалось, что нельзя было выгоднѣе быть сей позиціи, потому что она стояла, власно какъ нарочно натурою въ сдѣланномъ укрѣпленіи, и со всѣхъ сторонъ прикрыта была вождеднѣйшими оградами, ибо впереди у себя имѣла она помянутый густой, высокой и непроходимый почти лѣсъ, прикрывающій фронтъ ея наилучшимъ почти образомъ. Правое крыло прикрыто было тѣмъ же лѣсомъ; лѣвое помянутымъ непроходимымъ и крутымъ буеракомъ, и съ одного только тыла было открытое мѣсто, но и то для помянутой глубокой долины и рѣки Прегеля было неприступно, такъ что ни съ которой стороны не могла опасаться неприятельскаго нападенія. Самая узкая, находящаяся на лѣвомъ крылѣ подлѣ буерака дефилея, которою одною былъ изъ сего мѣста свободный проходъ на пространное, позади лѣса находящееся Эггерсдорфское поле, заставлена была многими полками, прикрыта войсками и батареями, а сверхъ того имѣла еще впереди у себя небольшой ручеекъ съ дощичкою, который, вытекая изъ Эггерсдорфскаго поля, впадалъ въ помянутый большой буеракъ. Находящаяся же на правомъ крылѣ между лѣсами узкая прогалина, власно какъ нарочно перерыта была издавна нѣсколькими небольшими рвами, которые сгодились намъ очень кстати. Однимъ словомъ, всѣ обстоятельства согласовались между со-

бою наилучшимъ образомъ, и нельзя было удобнѣе сего мѣста быть для прикрытія лагера во время ожидаемой баталіи и требовалось только одно искусство генераловъ, чтобы снѣжъ мѣстомъ надлежащимъ образомъ умѣть воспользоваться. Но имѣли ли наши полководцы къ тому потребное искусство или нѣтъ, то усмотрите изъ послѣдствія, а я между тѣмъ для лучшаго усмотрѣнія представлю вамъ все помянутое положеніе мѣста рисункомъ *).

Вотъ вамъ планъ и описаніе всему положенію того мѣста, на которомъ происходило славное наше военное дѣйствіе. Вообразите его себѣ хорошенько, дабы вамъ тѣмъ лучше можно было усмотрѣть всѣ описанныя ниже сего происшествія, къ которымъ наконецъ теперь я и приступаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ окончилъ я сію матерію тѣмъ, что армія переправилась вся чрезъ рѣку Прегель и стала на вышеизображенномъ мѣстѣ лагеремъ, и описаніе мое продолжалось до 16-го августа. 17-го числа поутру было все въ арміи еще спокойно. По розданнымъ приказамъ знали мы, что и сей день простонимъ на семь мѣстъ, почему послано было опять фуражировать, а сверхъ того велѣно было еще принимать провіантъ болѣе, нежели на полмѣсяца, и мы приняли его уже сентября по 5-е число. Однимъ словомъ, о непріятелѣ не было еще ни слуху, ни духу, ни послушанія, и хотя всѣ мы имѣли довольно причины заключать, что ему уже недалеко быть надобно и что скоро дойдетъ до настоящаго съ нимъ дѣла, однако, не вѣдая ничего точнаго, не имѣли причины безпокоиться страхомъ и воображеніемъ себѣ смертоноснаго сраженія. Коротко, мы такъ были спокойны, какъ бы находились еще верстъ за сто отъ непріятеля, и не думая ни о чемъ, пили себѣ и ѣли, и веселились, забавляясь разными походными препровожденіями времени.

*) Рисунокъ сей смотри позади книги. Примѣч. автора. Рисунокъ этого однако ни въ книгѣ рукописной, ни „лозади ея“ не оказывается. М. С.

Предъ полуднемъ наконецъ услышали мы вдали три пушечныхъ выстрѣла, а немного погодя, еще два. Мы сочли ихъ непріятельскими и говорили еще между собою, что таковыхъ громкихъ по сіе время еще не слышали и заключали, что не близко ли уже непріятель; но какъ въ арміи никакого шума не дѣлалось и все попрежнему было спокойно, то сочли мы сіи выстрѣлы нашими и заключили, что конечно гдѣ-нибудь вдали стрѣляютъ наши по непріятельскимъ партіямъ, почему, привыкнувъ уже къ таковымъ слухамъ, перестали тотчасъ о томъ и думать. Но не успѣло пройти съ часъ времени, какъ увидѣли, что мы обманулись, и что конечно что-нибудь важное было. Въ арміи нашей сдѣлалась великая тревога. Началось ужасное скаканіе и гоньба адъютантовъ и ординарцевъ, кричавшихъ, чтобы выходили въ строй и выводили бы полки передъ фрунтъ.

Въ одну минуту исчезло тогда прежнее спокойствіе, и началось военное замѣшательство. Всякій, бросая все, въ чемъ упражнялся, хваталъ оружіе, одѣвался въ военный сарядъ, и бѣжалъ становиться въ свой рядъ и мѣсто опредѣленное. Повсюду слышанъ былъ тихій шумъ, бѣганіе и понужденіе отъ начальниковъ. Все наше военное ополченіе властно какъ оживотворилось и въ одинъ мигъ были уже всѣ полки предъ своими станами и стояли во фрунтъ; ожидая повелѣнія куда итти и что дѣлать. Нельзя довольно изобразить, сколь чувствительна была всѣмъ сія первая почти и прямая тревога. Всякій, не инакомышляя, что непріятель уже наступаетъ и конечно уже не въ дальнемъ разстояніи—не могъ иного заключить, какъ что чрезъ минуту поведутъ его становить въ ордеръ баталіи и что, наконецъ, приближается тотъ часъ, въ который принужденъ онъ будетъ позабывать и самъ себя и все на свѣтѣ, и готовиться къ смерти. Обстоятельство, что вся армія состояла почти все изъ такихъ людей, которые непріятеля еще въ глаза не видали, умножало въ

каждомъ его робость и внутреннее волненіе крови и содраганіе членовъ. Говорится и о простой пословицѣ, что первую пѣсенку зардѣвшись спѣть, а тутъ дѣло нѣсколько поважнѣе пѣсни было. Однако все сіе не долго продолжалось и насъ власно какъ хотѣли только поугатъ; ибо не успѣли полки стать во фронтъ и построиться, какъ присланы были опять вѣстники съ повелѣніемъ, чтобъ солдаты распустить опять по палаткамъ, и впредь слушать уже сигнала изъ трехъ пушекъ.

Сіе успокоило опять всѣхъ насъ: мы сочли, что, конечно, что-нибудь провралось и не прямо донесено фельдмаршалу и, разошедшись по своимъ палаткамъ, принялись опять за свои упражненія. Кто игралъ въ карты, кто пѣлъ, кто смѣялся, кто шутилъ, и такъ далѣе. Но не успѣло пройти съ часъ времени, и такъ, какъ въ часу четвертомъ пополудни услышали мы уже подлинный сигналъ къ тревогѣ. Въ главной квартирѣ у фельдмаршала выстрѣлено было три раза изъ вѣстовой пушки, и сіе было знакомъ тому, чтобъ полки опять во фронтъ выводили. Мы тотчасъ сіе учинили и уже меньше боялись, нежели прежде, думая, что опять насъ распустятъ. Но сей день на то начался, чтобъ намъ обманываться въ своемъ ожиданіи; ибо вскорѣ увидѣли мы, что дѣло обращалось понемногу въ важность. Къ намъ приѣхали предводители нашихъ бригадъ, и вдругъ повели полки съ распущенными знаменами вонъ изъ лагера. Тогда-то началось у многихъ трепетаніе сердца и жалкое прощаніе съ остающимися въ лагерѣ своими знакомцами. Но по счастью некогда было имъ долго въ томъ упражняться, насъ увели съ великимъ поспѣшеніемъ, и вывели за лѣсъ на чистое и пространное Эгерсдорфское поле.

Но сколь сильно мы опять тутъ обманулись! Мы думали, что выйдемъ уже прямо къ непріятелю и не только его увидимъ, но и тотчасъ начнемъ съ нимъ дѣло; но вмѣсто того мы на всемъ полѣ не увидѣли и не примѣтили ни одного

человѣка, и удивились тому чрезвычайно. Несмотря на то, становили всѣ выведенные наши полки въ порядокъ, и построили ихъ версты за двѣ отъ лагеря въ двѣ линіи, между обѣими находящимися посреди сего поля деревьями, въ ордеръ баталіи и разочли какъ надобно. Но не успѣли сего окончить, какъ не сдѣлавъ ничего, а только сожегши одну деревню, повели насъ обратно назадъ въ лагерь, и мы проходили и простояли часа три только по пустому, ибо непріятеля не было еще и въ завѣтъ, а сказывали только, будто бы онъ находится за лежащимъ впереди у насъ лѣсомъ и будто бы также строился въ ордеръ баталіи, почему и нашу не всю армию выводили, а только одинъ нашъ авангардный корпусъ, да дивизію графа Фермора, и сіе можетъ быть для того, чтобъ ему доказать, что мы очень осторожны. Но о, когда-бъ таковы осторожны мы всегда были!

Такимъ образомъ окончился и сей день, безъ всякихъ важныхъ происшествій и мы по необыкновенности своей не знали, чтобъ это значило, что насъ выводили. Мнѣ случилось быть съ ними выходящими на брань, и мы, по справедливости говоря, шли довольно отважно и безъ всякой трусости. Нетерпѣливость у всѣхъ написана была на лицѣ, и всякій усердно желалъ увидѣть скорѣе непріятеля и исправлялъ свое ружье, для исправнѣйшаго по немъ стрѣлянія. Но сколько мы ни смотрѣли и сколько ни усердствовали учинить ему храбрую встрѣчу, однако его не было, и мы не могли увидѣть ни единого человѣка, хотя пространное и на нѣсколько верстъ простирающееся поле намъ все было видно. Возвращаясь въ лагерь не знали мы, радоваться тому или печалиться? Однако гужить о томъ дальней причины не имѣли. Кому жизнь не мила, и кто могъ увѣренъ быть въ томъ, что онъ будетъ цѣлъ и сохранится живъ отъ баталіи? Я только имѣлъ причину возвращеніемъ симъ доволенъ быть; но для чего, онаго вы конечно не угадаете «Для трусости!» скажете вы.—Нѣтъ,

я истинно не только не трусилъ, но еще болѣе спокоенъ былъ, нежели самъ думалъ. А вотъ для чего: со мною сдѣлалось одно смѣшное и неожиданное приключеніе. Когда мы на полѣ въ ордеръ-баталіи стояли и дожидаясь неприятеля изъ дѣса оправляли свои ружья, то хотѣлъ и я посмотреть, есть ли у ружья моего на полѣ порохъ, ибо заряжено оно у меня давно уже было. Но не проказали сушая тогда сотворись? Погляжу, анъ у ружья моего совсѣмъ и курка нѣтъ!.. Боже мой! какъ я тогда смутился и въ какое пришелъ замѣшательство! Съ одной стороны, не понималъ я, куда онъ дѣвался; съ другой досадовалъ, что мнѣ въ случаѣ нужды не только стрѣлать, но и обороняться будетъ нѣчемъ, а съ третьей, и что всего паче, боялся, чтобъ того кто-нибудь не увидѣлъ и не сталъ бы смѣяться. Но какъ бы то ни было, но курка моего не было: отвернись проклятый шурупчикъ, который, думать надобно, наканунѣ того дня какъ ружье чистили, некрѣпко былъ привинченъ, и пропалъ вмѣстѣ и съ куркомъ. А къ вѣщему несчастію, и исцѣлить его способа не

было. Я не только чтобъ исцѣлить, но боялся и сказывать о томъ наилучшимъ своимъ пріятелемъ, но внутренно только досадовалъ и самъ себѣ смѣялся, говоря: «Израдний, право, я воинъ! да и «курокъ-то проклятый нашель время «пропасть. Тутъ-то его нелегкое и спесило долой, когда онъ всего былъ надобнѣ!» — Но по счастью всѣхъ хлопотъ я избавился: дѣло прошло безъ драки, а безкурочнаго моего ружья никто не при-

мѣтилъ. Мы возвратились благополучно, а къ утру поспѣлъ къ ружью моему другой курокъ. Эту честь могу я отдать исправности полковыхъ слесарей. Истинно чрезъ часъ придѣлали они къ нему совсѣмъ новый и я не стыдился уже показаться передъ фрунтомъ, а потерянный оставилъ спокойно лежать на поляхъ Этгерсдорфскихъ.

Симъ окончу я сіе мое письмо и увѣривъ васъ о моей дружбѣ, остаюсь и пр.

ВТОРАЯ ТРЕВОГА.

Письмо 45-е.

Любезный пріятель. Въ послѣднемъ моемъ письмѣ отписалъ я вамъ первое наше приуготовленіе къ баталіи, а те-

перь опишу второе. Не мутите вы ея! Какова она ни была, но довольно двое сутокъ прошло въ однихъ приуготовленіяхъ къ оной! Надобно уже ей конечно быть чрезвычайной. Она чрезвычайна и была, любезный пріятель, какъ вы то сами изъ описанія оной послѣ сами и увидите, но я, оставя посторонности, приступлю къ дѣлу.

Ночь подъ восьмое-на-десять число августа препровождали мы въ прежнемъ лагерѣ благополучно и въ вождѣльнѣйшемъ спокойствіи. Все было тихо и смирно, и никто не помышлялъ о неприятелѣ. Что будетъ въ послѣдующій день, того никто не вѣдалъ и утро не оказывало намъ ничего чрезвычайнаго. Поутру были не генеральный маршъ, а зорю, а сіе и доказывало уже намъ, что и сей день въ походъ мы не пойдѣмъ, а будемъ стоять на томъ же мѣстѣ. Сія тишина и спокойствіе продолжалось даже до двѣнадцатаго часа и мы, думая, что и во весь день ничего не будетъ, расположи-

лись уже препровождать его въ разныхъ увеселеніяхъ, какъ вдругъ нечаянный пушечный выстрѣлъ нарушилъ наше спокойствіе и обратилъ къ себѣ наше вниманіе. Сіе случилось, какъ теперь помню, въ то самое время, какъ мы съ компаніономъ моимъ сѣли обѣдать, ибо надобно знать, что незадолго до сего времени сдружился я особливимъ образомъ съ капитаномъ сосѣдственной со мною второй-на-десять роты, Алексѣемъ Дмитриевичемъ Вельяминовымъ, человѣкомъ свѣтскимъ, весьма разумнымъ, меня откровенно любящимъ, и притомъ землякомъ, ибо онъ былъ чернской помѣщикъ, въ которомъ уѣздѣ имѣлъ и я одну деревнишку. Любя меня, давно уже старался онъ меня убѣдить къ тому, чтобъ намъ ѣсть вмѣстѣ; а какъ онъ имѣлъ у себя повара и ѣдалъ хорошо, то наконецъ я охотно на то и согласился, и съ того времени, во все достальное время сего похода жили мы съ нимъ какъ родные братья и не только ѣдали вмѣстѣ, но и спали въ одной палаткѣ. Съ симъ-то моимъ другомъ и компаніономъ не успѣли мы тогда сѣсть обѣдать, какъ услышали помянутый выстрѣлъ, и мы говорили еще тогда:—«Ахти! не тревога ли уже опять: не дадутъ намъ и пообѣдать». Но совсѣмъ тѣмъ первымъ симъ еще сигналомъ не гораздо мы еще встревожились и продолжали обѣдать; но не успѣли мы приняться за ложки, какъ послѣдовалъ другой, а вскорѣ послѣ того и третій выстрѣлъ. Тогда некогда было долго думать, ложки попадали у насъ изъ рукъ, и мы, бросивъ ѣсть, спѣшили скорѣе одѣваться, и хвататься за оружіе и надѣвать на себя наши знаки и шарфы. Шумъ и смятеніе по всему лагерю былъ уже слышанъ. Повсюду началось бѣганье, крикъ и понужденіе. Иной стоялъ уже въ своемъ мѣстѣ передъ фрунтомъ, другой бѣжалъ туда становиться, третій хватался еще за оружіе, и надѣвалъ на себя военные снаряды; иной отлучался куда-нибудь, бѣжалъ еще опретью, neodѣтый, въ палатку, и спѣшилъ одѣваться и послѣтъ итти вмѣстѣ умирать съ своими товарищами. Го-

лость и крикъ начальниковъ и полководцевъ, скачущихъ и разбѣгающихся передъ полками, повсюду былъ слышанъ и возбуждалъ храбрость и мужество въ сердцахъ воиновъ. Земля стонала отъ тяжести огнестрѣльныхъ орудій, везомыхъ множествомъ лошадей, и эхо раздавалось только по стоящему противъ насъ гѣсу, отъ крика погонщиковъ и фурлейтовъ, понуждающихъ коней везти скорѣй пагубныя орудія, приготовленныя для пораженія непріятеля. Однимъ словомъ, все находилось въ движеніи и представляло для глазъ воина пріятное зрѣлище.

Не успѣли мы съ полками вытти передъ фрунтъ и построиться, какъ увидѣли уже главныхъ нашихъ полководцевъ, ѣдущихъ съ великою свитою мимо полковъ нашихъ. Нельзя было великолѣпнѣе быть свиты нашего главнаго предводителя. Окруженъ будучи великимъ множествомъ другихъ высшихъ и нижнихъ начальниковъ, генераловъ и офицеровъ, съ великою пышностію ѣхалъ онъ предводительствовать армію и распорядить судьбинами столь многихъ тысячъ народа. Гордый и драгоцѣнный и богатымъ убранствомъ украшенный конь, прыгая, игралъ ногами веза на себѣ сего военнаго начальника. Множество другихъ коней подъ богатыми попонами слѣдовали за нимъ заводными. Наконецъ цѣлыя толпы гусаръ и чугуевскихъ казаковъ прикрывали сіе пышное и великолѣпное шествіе. Они назначены были тѣлохранителями нашего предводителя и слѣдовали за нимъ повсюду.

Вскорѣ послѣ сего повели наши полки съ распущенными знаменами опять на то же мѣсто, куда накануне сего дня мы выходили; но выводили уже не одну первую дивизию и нашъ авангардный корпусъ, всю армію. Сіе могли мы потому заключить, что какъ полку нашему случилось стоять въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ и проходить, то всѣ полки, и конные и пѣшіе, съ знаменами и орудіями своими принуждены были итти мимо насъ и проходить сего тѣсною дефилею на пространное Эгерсдорф-

ское поле. Тамъ строены они уже были порядочнымъ образомъ въ двѣ линіи въ ордеръ баталіи, а насъ повели уже послѣ всѣхъ, ибо мы назначены были прикрывать лѣвое крыло обѣихъ линій и насъ поставили поперегъ обѣихъ линій. Какое зрѣлище представилось намъ вдругъ, когда мы, изъ тѣноты лагера выдравшись, вышли на пригорокъ, съ котораго вся окрестность поля была видима! Цѣлая половина онаго, лежащая къ намъ и къ лѣсу, покрыта была многочисленнымъ народомъ. Фрунты обѣихъ линій были между собою на знатное разстояніе и въ длину простирались такъ далеко, что конца онымъ не можно было никакъ видѣть. Одни только знамена развѣвали и разноцвѣтностью своею пестрѣлись, и украшали тѣмъ наиболее прекрасное сіе зрѣлище. Вся пустота между обѣими линіями наполнена была множествомъ народа. Какъ обѣ линіи стояли неподвижно, какъ стѣны, такъ, напротивъ-того, оживотворенъ былъ народъ, находящійся между оными. Тутъ видно только было одно скаканіе конницы, командировъ, адъютантовъ и ординарцевъ и войска взадъ и впередъ, пушекъ и ихъ ящиковъ и снарядовъ. Всѣ военнопочальники суетились и старались распорядить и разстановить все гдѣ что надобно, и раздать нужные приказы, какъ отступать во время сраженія: всѣ онаго безсомнѣнно ожидали. День случился тогда самый красный, и погода невозможнѣйшая, и одинъ блескъ оружія въ состояніи уже былъ возбудить охоту къ сраженію.

Нельзя было полезнѣе и лучше быть тогдашней позиціи нашей арміи и расположенію нашего строя, ибо представьте себѣ, любезный пріятель, что помянутое Эгерсдорфское поле не все такъ равно, чтобъ могло горизонтальнымъ назваться: находилось къ нашей сторонѣ на ономъ небольшое возвышеніе. Сія высота начиналась отъ широкой лощины или суходола, находящагося между обѣими деревнями и простиралась до самаго того лѣса, позади котораго стоялъ лагерь нашей арміи. Она занимала доволь-

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, 1870 г.

но много мѣста и командовала всѣмъ пространствомъ Эгерсдорфскаго поля. На семь-то возвышеніи или пологомъ пригоркѣ, построилась наша армія въ ордеръ баталіи и имѣла довольно мѣста по желанію умѣститься. Весь фронтъ ея или лицо было прикрыто помянутымъ суходоломъ или небольшою широкою лощиною, сквозъ которую протекалъ малый, но вязкій и топкій ручей, а весь задъ или тылъ—высокимъ и густымъ лѣсомъ, такъ что сзади не можно было имѣть никакой опасности. Лѣвымъ своимъ крыломъ примкнула она къ одной изъ вышеупомянутыхъ деревень, находящихся посреди поля и весьма въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, а правое было ли чѣмъ прикрыто или нѣтъ, того не можно было мнѣ видѣть. Да хотя-бы оно отъ природы и ничѣмъ было не прикрыто, такъ прикрывало оно довольно число конныхъ и пѣшихъ войскъ съ цѣлою колонною артиллеріи. Однимъ словомъ, позиція арміи была невозможнѣйшая и такова, что всякій могъ заключить, что заняла она весьма выгодное мѣсто. Но чтобъ могли вы яснѣе видѣть сей ордеръ баталіи, то изображу вамъ оный нарочнымъ рисункомъ. (?)

Симъ образомъ на досугѣ построившись и распорядивъ что надобно, дожидались мы, съ неустрашимостію, непріятеля и ежеминутно надѣялись, что онъ изъ лѣса, находящагося противъ насъ, выйдетъ и учинить на насъ нападеніе. Однако счетъ сей дѣланъ былъ безъ хозяина. Мы сколько ни дожидались и сколько, обращая глаза свои въ ту сторону, откуда ждали непріятеля, ни смотрѣли, но не могли увидѣть и признака онаго; а таковы-жъ тщетны были и всѣ наши распроедыванія у приѣзжающихъ къ намъ съ праваго фланга. Мы хотя у всякаго изъ нихъ спрашивали: „идеть ли непріятель? показался ли онъ уже изъ лѣса? не видать ли онаго?“—но всѣ отвѣтствовали, что нѣтъ и что сами они всѣ глаза свои уже просмотрѣли. Словомъ, все ожиданіе наше было напрасно. Непрительскіе полководцы не таковы

были глупы, какъ мы думали. Они вѣдали довольно свое противъ насъ безсиліе и великое превосходство нашей силы противъ ихъ и далеко были отъ того удалены, чтобъ насъ, столь выгодно построившихся, атаковать посреди бѣлаго дня и съ столь очевидною для себя опасностію; но паче довольствовались тѣмъ, что мы имъ себя симъ образомъ показали, и они могли всю нашу силу какъ на ладони видѣть и разсмотрѣть. Сверхъ того было имъ съ нами дѣло начать еще и некогда. Они, какъ мы послѣ узнали, еще въ тотъ только день пришли отъ Велавы, въ занятый позади лѣса лагерь и посылали нашу армию только подсматривать. О семъ рекогносцированіи пишутъ непріатели въ своихъ реляціяхъ, яко бы посланъ былъ отъ нихъ генерал-поручикъ Шорлемеръ съ 20-ю эскадронами гусаровъ и съ 20-ю эскадронами драгунъ; однако мы толкаго числа войска не видали: а намъ сказывали послѣ, что въ сей день рекогносцировалъ только нашъ станъ и армию прусскій генерал-поручикъ графъ Дона съ небольшимъ прикрытіемъ, ибо сей почитался у нихъ лучшимъ генераломъ; нашимъ же полководцамъ, или паче отводнымъ карауламъ, показалось, что то уже и вся армія, и сіе самое было причиною нашей трусости и поспѣшнаго выхода изъ лагеря.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, не могли мы, на все наше ожиданіе несмотря, увидѣть предъ собою непріателя. Уже стояли мы болѣе двухъ часовъ; уже день началъ склоняться къ вечеру, а непріательской арміи и въ появъ не было, а все, что могли мы только слышать, состояло въ томъ, что вдали между казаками нашими и непріателемъ происходила небольшая перестрѣлка, по которымъ онъ изъ лѣса производилъ иногда ружейную, иногда пушечную пальбу, и сіи, можетъ быть, были тѣ, которые отъ насъ посланы были распровѣдывать о непріателѣ.

Наконецъ увидѣли наши полководцы, что мы стоимъ попустому и ничего не дождемся. Чего ради, выстрѣливши нѣ-

сколько разъ изъ большой пушки въ лѣсъ и бросивъ туда нѣсколько бомбъ изъ гаубицъ, можетъ быть по показавшимся непріателямъ, сожегши находящуюся подъ лѣсомъ предъ арміею вдали деревню, распустили наши полки опять обратно въ лагерь. Мы не знали и не могли понимать, чтобъ это значило и покуда насъ симъ образомъ водить и непріателямъ показывать стануть.

Смеркаться уже тогда почти начало, какъ мы возвратились въ свои палатки, и тогда впервые мы услышали сигнальный вечерній пушечный выстрѣлъ въ непріательскомъ лагерѣ для битвы зори, и какъ онъ довольно громко былъ слышанъ, то могли мы заключить, что непріательскій лагерь находится уже не далеко отъ нашего, а немного погодя, весьма явственно услышали мы, какъ у него и зорю били.

Не могу довольно изобразить, съ какими разными душевными чувствіями слушали мы сей звукъ непріательскихъ барабановъ; никогда еще до сего времени не случалось намъ его слышать. Съ великимъ любопытствомъ устремляя каждый свой слухъ для вниманія онаго, и какъ столь вѣрное, явное доказательство близости непріательской арміи не дозволяло намъ никакъ уже сомнѣваться, что на другой день послѣ сего воспослѣдуетъ у насъ съ нимъ баталія, то многіе слушали біеніе зори сей, а вскорѣ потомъ и нашей, съ отминымъ удовольствіемъ и безъ всякаго смущенія, но радуясь, что вскорѣ имѣть будутъ дѣло съ непріателемъ, и притомъ удобный случай къ оказанію своей храбрости и мужества, а другіе напротивъ того занимались тогда другими мыслями:

«Ну, братцы! говорили тогда иные, видно теперь уже по всему, что доходить у насъ дѣло до драки,—безсомнѣнно завтра у насъ она будетъ! Кому-то поможетъ Богъ одолѣть своего недруга? Мы хотя и льстимся надеждою, что побѣдимъ пруссаковъ, но не въ диковинку и такіе примѣры въ свѣтѣ, что и маленькія арміи разбивали большія. Не

услышь, Боже, чтобъ несчастіе таковое случилось съ нами!— Да!—подхватывали иные, все сіе возможное дѣю; но какъ бы то ни было и кому бы Богъ ни помогъ, но то достовѣрно, что съ обѣихъ сторонъ будетъ не безъ урона. Многіе отправятся при семъ случаѣ на тотъ свѣтъ. И кому-то и кому назначено судьбою положить здѣсь свою голову!—«Да!—продолжали другіе: многіе изъ насъ вѣрно не увидятъ болѣе уже захожденія солнечнаго и слышутъ теперь въ послѣдній уже разъ біемую вечернюю зорю! Завтра, около сего времени, лежать уже они будутъ бездыханны и съ охладѣвшею уже кровію! Но кому-то и кому нужно быть въ числѣ оныхъ?—Все это закрыто отъ насъ непроницаемою завѣсою, и все составляетъ ужасную неизвѣстность!»— Да! отвѣтствовали иные, неизвѣстно и то, кому-то и кому случится при томъ и на вѣкъ изуродовану быть, и потерять либо руку, либо ногу, либо такъ разстрѣлян у и изранену быть, что навѣкъ пойдетъ онъ калѣкою и уродомъ. Счастливы тотъ будетъ, кто отдѣлается отъ всего того удачно, и останется и живъ и совсѣмъ цѣлѣвшимъ.— Сими и подобнымъ сему образомъ разговаривали тогда между собою многіе, и необыкновенность всѣхъ къ огню и небывалость никогда еще на сраженіяхъ, производила во многіхъ таковыя чувства и помысленія. Но были многіе и такіе, кои всѣ предстоящія опасности ни мало не уважали, но съ мужественнымъ духомъ, и позабывая все, готовились на сраженіе, какъ на нѣкое увеселительное пиршество.

Не успѣли у насъ пробить зорю и не успѣло смеркнуться, какъ сдѣлался такой густой туманъ, или паче дымъ, какого я отъ-роду не видывалъ. Вдругъ сдѣлалось такъ темно, что несмотря на свѣтлый лѣтній вечеръ, не можно было и за десять саженъ ничего видѣть. Мы дивились сему чудному метеору и тѣмъ наипаче, что до того времени такихъ тумановъ тутъ не видывали. Однако туманъ сей недолго продолжался; чрезъ часъ разошелся онъ опять и стало свѣтло.

Тогда розданъ былъ во всей арміи приказъ, чтобъ солдаты всѣхъ вывести во фронтъ и чтобъ полки всѣ въ ружья почевали, снабдивъ себя напередъ провіантомъ на трои сутки. Чудно намъ сіе было, и мы не могли понимать, чтобъ это значило. Всѣ только заключали, что, конечно, намъ наутріе въ походъ итти будетъ должно, и потому каждый изъ насъ помышлялъ о томъ, какъ бы запастись на легкую руку пищею. По счастью, не было въ сѣстныхъ припасахъ у насъ тогда оскудѣнія. Пара гусей тотчасъ была зажарена и окорокъ ветчины сваренъ. Клеу полную мнѣ набили, и мы надѣялись, что всего того и на пять дней съ насъ будетъ. Приготовившись симъ образомъ, и почевали мы въ ружья. Сими окончу я свое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь и проч.

ТРЕВОГА

Письмо 46-е.

Любезный пріятель! Теперь достигъ уже я до того пункта времени, который былъ всей нашей кампаніи сего года рѣшительнымъ, то-есть до 19-го числа августа,

который день, бывшею въ оной баталію, сдѣлался знаменитымъ и достопамятнымъ. Для меня былъ онъ тѣмъ особливаго примѣчанія достоинъ, что онъ былъ одинъ только сего рода, какой по сіе время въ жизнь мою случился, и какой мнѣ случай допустилъ видѣть. Почему и желалъ бы я вамъ, любезный пріятель, баталію сію описать нанточнѣйшимъ образомъ: но неуповаю, чтобъ къ тому силъ моихъ было довольно.

Но прежде, нежели начну описывать самую баталію, надлежитъ мнѣ вамъ растолковать причину отданнаго наканунѣ дня сего въ арміи приказа, который намъ столь непонятнымъ казался. Предводители наши, возвратившись съ полками въ лагерь, собрали военный совѣтъ и разсуждали, что дѣлать? Всѣ единогласно въ томъ согласовались, что непріятель, по всему видимому, не хочетъ дать баталіи и боится показаться въ полѣ, а старается только загородить намъ путь къ дальнѣйшему походу, занявъ самую тѣсную дефилею, и всѣмъ тѣмъ воспрепятствовать, чтобъ мы его не обошли мимо и не прошли прямо съ арміею къ Кенигсбергу. Другіе напротивъ того догадывались и говорили, что непріятель можетъ быть ожидаетъ отъ насъ атаки. Но всѣ таковыя сужденія были неосновательны, какъ то изъ послѣдствія окажется. Однако предводители наши тогда предполагая все сіе заключали, что другого неоставалось, какъ только, чтобъ итти намъ къ нему навстрѣчу и принудить дать баталію. Но тутъ сдѣлался вопросъ: куда и какими мѣстами до него итти? Прямо чрезъ Эгерсдорфское поле и ближайшимъ путемъ къ нему итти была сущая невозможность: онъ стоялъ съ арміею своею за густымъ и большимъ лѣсомъ, будучи имъ совершенно прикрытъ, а сквозь лѣсъ сей не было иного прохода, кромѣ одной узкой и тѣсной дороги, а и она уже была прусскими войсками занята; слѣдовательно, тутъ атаковать никомъ образомъ было невозможно, кругомъ же помянутаго лѣса обходить было ченою далеко. Но какъ другого не оста-

валось, а захотѣлось поспѣшить, то и опредѣлили, чтобъ обходить дальній и тотъ лѣсъ кругомъ съ лѣвой стороны, за которыми стоялъ непріятель, и обратитъ чрезъ то къ себѣ на встрѣчу непріятели. Но какъ къ сему обходу неинако, какъ нѣсколько дней употребить надлежало, а притомъ и итти надобно было дурными дорогами и тѣсными проходами, то за благоразсуждено, тяжелый свой обозъ оставить тутъ на мѣстѣ, а съ собою взять одинъ только легкій и необходимый, и собраться какъ можно на-легкѣ. Наконецъ положили, чтобъ симъ предпріятіемъ не мешкать, дабы не дать времени непріятелю занять и послѣдніе проходы, и для того опредѣлили къ тому высланное 19-е число августа, положивъ выступить въ походъ съ разсвѣтаніемъ дня, а для самаго того и отданъ былъ приказъ, чтобъ взять съ собою провіанта на три сутки, быть къ походу совсѣмъ въ готовности и ночевать въ ружьѣ передъ фрунтомъ.

Таковыя-то распоряженія были съ нашей стороны. Но судьбѣ было совсѣмъ инако угодно. Замысли и намѣренія наши уничтожены, и произошло совсѣмъ иное, ибо между тѣмъ какъ мы симъ образомъ о средствахъ мыслили и совѣщались, какими-бъ трусливаго непріятели къ баталіи принудить, у него напротивъ того трусости и въ завѣтѣ не роживалось. Онъ былъ едва ли не смѣлѣе нашего и положилъ, не упуская времени, насъ самъ атаковать. Пруссаки давно славились тѣмъ, что они умѣютъ пользоваться временами и случаями, и чрезъ самое сіе искусство часто малыми людьми великія арміи разбивали. Сію хитрость думали они и въ семъ случаѣ употребить, и недостатокъ своихъ силъ загородить проворствомъ и отважностію. Имъ довольно было свѣдомо, въ какомъ тѣсномъ, хотя весьма и выгодномъ мѣстѣ стоитъ наша армія, а можетъ быть не неизвѣстно было имъ и то нестроеніе, въ какомъ тогда находились наши генералы и предводители. Самое намѣреніе наше обходить кругомъ и выступить въ походъ можетъ быть какимъ-нибудь образомъ они

свѣдали, и потому недолго думая, положили пользоваться симъ случаемъ и напасть на насъ въ самый распахъ и въ то время, когда армія только что тронется съ мѣста, дабы воспользоваться нашимъ замѣшательствомъ, и не выпустивъ насъ вонъ изъ нашей норы, передуть какъ куръ. Которое намѣреніе они произвели съ довольно-хорошимъ успѣхомъ, какъ то изъ послѣдствія окажется.

Симъ образомъ соплетаемы были для насъ сѣти, а мы, нимало не вѣдая, спали себѣ и почивали спокойно. Наконецъ багряная заря начала мало-по-малу освѣщать горизонтъ и предвозвѣщать намъ день наипрекраснѣйшій. Бывшій передъ утромъ опять сильный туманъ началъ расходиться и воздухъ начиналъ быть тонкимъ и прозрачнымъ; солнце, выѣжавъ изъ-за горъ, освѣтило уже весь нашъ горизонтъ, какъ громкій пушечный сигнальный выстрѣлъ, пресѣкши нашъ сладкій сонъ, привелъ всю армію въ движеніе. Мы слушали съ любопытнымъ ухомъ, что стануть бить: зорю ли, или генеральный маршъ, и услышавъ сей послѣдній, тотчасъ стали спѣшить готовиться къ походу. Немного погодя пробили: на воза, почему сняты были тотчасъ всѣ палатки, запряжены лошади въ повозки, и обозы нимало не медля, по обыкновенію своему, тронулись въ путь свой. Теперь припомните, любезный пріятель, одно сказанное мною вамъ обстоятельство, что выходъ и выѣздъ изъ того мѣста, гдѣ армія расположена была лагеремъ, былъ только въ одномъ томъ узкомъ прогалѣ, гдѣ стоялъ нашъ авангардный корпусъ и вторая дивизія; а какъ и нашему походу надлежало простираться въ сію сторону, то естественно, обозы всей арміи, тронувшись въ путь, свалились къ сему мѣсту и произвели тѣсноту наивеличайшую. Къ вящему несчастію, случилась впереди сей тѣсной дефилеи вязкая и грязная ручьевина, а именно самая та, которая, разрѣзая Эггерсдорфское поле и проходя между обѣихъ деревень Эггерсдорфъ, шла впадать въ крутой бугракъ, позади арміи находя-

щійся. Черезъ сію ручьевину должны были перебираться передовые обозы, а какъ натурально, получили они чрезъ то небольшую остановку, то тѣснота и замѣшательство въ заднихъ дѣлалась еще больше. Всѣ повозки тѣснились между собою, и каждая старалась подвигаться впередъ и выпереживать другую. Но какъ переднія принуждены были останавливаться, то и сдѣлалась такая тѣснота, что между телѣгами и повозками съ великою нуждою пѣшему пробраться было можно. Все было тутъ смѣшано: и артиллерія съ ея ящиками и снарядами, и полковые обозы, и генеральскіе экипажи, и офицерскія и солдатскія повозки, отчего наиболѣе и дѣлалось замѣшательство. Самые полки трюнуты были уже съ своихъ мѣстъ, и въ разныхъ мѣстахъ кучками между обозами стѣснены были, что все прумножило еще тѣсноту и замѣшательство, которое и безъ того всегда бываетъ, когда армія выступаетъ изъ лагеря въ походъ свой.

Въ самое сіе время, въ самое то время, когда наипущее замѣшательство происходило, и войска съ обозами вышеупомянутымъ образомъ были перемѣшаны, и послѣдними вся узкая прогалина, которою главной арміи выходить надлежало, такъ была набита, что ни прохода, ни проѣзда не было — въ самое сіе время, говорю, вдругъ сперва тихая молва по всему войску и обозамъ разносится начала, что непріятель наступаетъ и уже близко, но тотчасъ обратилась она въ общій шумъ и повсюду слышанъ былъ уже крикъ — «непріятель! непріятель!» и увѣреніе, что онъ уже очень близко; но прямо никто не зналъ. Иной говорилъ, что онъ показанъ на полѣ, другой утверждалъ, что онъ прошелъ уже деревни; третій говорилъ, что онъ въ самыхъ уже обозахъ, и такъ далѣе. Всякій толковалъ такъ, какъ ему хотѣлось, и прибавлялъ для устрашенія другихъ то, что ему угодно было; а другой не зналъ, что заключать и который слухъ почитать справедливѣйшимъ.

Но не долго находились мы въ сей жа...

вѣстности. Минуты чрезъ три получи-
ли мы хорошее тому подтвержденіе. Впе-
реди всего сего узкаго мѣста, вправо,
гдѣ оное съ Эгерсдорфскимъ полемъ смы-
калось, стоялъ у насъ второй Москов-
скій полкъ лагеремъ, занимая весь входъ
на помянутое поле; и какъ онъ приеры-
валъ весь нашъ бывшій лагерь, то для
лучшаго укрѣпленія и прикрытія сего
мѣста присоединена была къ нему не-
большая колонна артиллеріи и поставле-
на для всякаго случая предъ онымъ. Сей
полкъ былъ первый, который вдругъ уви-
дѣлъ тогда непріятеля и, что удивитель-
нѣе всего, находящагося уже предъ
собою.

Не знаю уже я, не знали мы тогда и всѣ,
и вы судите и разбирайте, какимъ это обра-
зомъ сдѣлалось, что мы, несмотря на всю
нашу прежнюю осторожность и на все ве-
ликое множество нашихъ легкихъ войскъ,
стрегущихъ армію, несмотря, не видали
того, какъ непріятель сквозь свой даль-
ній лѣсъ прошелъ, какъ на поле вышелъ
и какъ все пространство и версты на че-
тыре поперегъ простирающееся Эгерс-
дорфское поле перешелъ, и какимъ обра-
зомъ это сдѣлалось, что мы его не пре-
жде увидѣли, какъ когда онъ уже у насъ
почти на шею сѣлъ. Чудное поистинѣ
это было и непонятное дѣло! Будучи
версты за двѣсти отъ непріятеля, имѣли
мы величайшія и такія предосторожно-
сти, какъ бы непріятель въ двухъ или
въ трехъ верстахъ былъ, и на бекетахъ
всѣхъ насъ замучили; а когда непріа-
тель въ самомъ дѣлѣ въ такой близости
былъ, тогда у насъ глаза власно какъ
завязаны были, и мы, по пословицѣ гово-
ря, «не видали, какъ въ глазахъ у насъ
овинъ сгорѣлъ». Однимъ словомъ, это дѣ-
ло было непонятное, и я не утверждаю,
и не могу утверждать, а только скажу,
что послѣ носилась въ арміи молва, буд-
то бы предводителямъ нашимъ еще до
свѣта, и тогда когда армія еще въ по-
коѣ находилась, неоднократно было до-
носимо, что непріятель, вышедши на по-
ле, къ намъ придвигается, но тому не
хотѣли будто вѣрить почитая то врака-

ми и невозможнымъ дѣломъ. А особливо,
по мудрому убѣжденію консистента и
помощника фельдмаршала, вышеупомяну-
таго генерала Ливена. Но подлинно ли
сіе такъ было, того истинно не знаю,
ибо маленькому такому человѣку, како-
вымъ былъ я, и знать было не можно.

Но какъ бы то ни было, но непріятель
засталъ насъ въ такомъ располхѣ, въ
какомъ лучше требовать и желать ему
было не можно. Помянутый второй мо-
сковскій полкъ не прежде его увидѣлъ,
какъ на такое уже разстояніе, что могли
до него доставать пушки, почему изъ на-
ходящейся предъ нимъ нашей батареей
того момента и началась по непріятелю
капонада, которая и подтвердила намъ,
что слухъ о непріятелѣ справедливъ и
что онъ находится отъ насъ въ близкомъ
уже разстояніи.

Боже мой! какое сдѣлалось тогда во
всей нашей арміи и обозахъ смятеніе!
Какой поднялся воилъ, какой шумъ и
какая началась скачка и какая беспор-
ядица! Индѣ слышенъ былъ крикъ: «сю-
да! сюда! артиллерію!»; въ другомъ мѣ-
стѣ кричали: «Конницу, конницу скорѣе
сюда посылайте!» Индѣ кричали: «обозы
прочь! прочь! назадъ! назадъ! назадъ!»
Однимъ словомъ, весь воздухъ наполнил-
ся воплемъ вѣстниковъ и повелителей,
а того болѣе — фурмановъ и правящихъ
повозками. Сіи только и знали, что кри-
чали: «ну! ну! ну!» и погоняли лошадей,
везущихъ всякія тяжести. Словомъ, было
и прежде уже хорошее замѣшательство,
а при такой нечаянной тревогѣ сдѣла-
лось оно совсѣмъ неописаннымъ. Весь
народъ смутился и не зналъ, что дѣлать
и предпринимать. Самые командиры и
предводители наши потеряли весь поряд-
окъ разсужденія и совались повсюду
безъ памяти, не зная, что дѣлать и пред-
принимать. Случай таковой для самихъ
ихъ былъ еще первый, и ктому-жъ, по
несчастію, такой нечаянный и смутный,
а они всѣ были люди еще необыкновен-
ные. Никогда не видывалъ я ихъ въ та-
комъ безпорядкѣ, какъ въ то время.
Иной, скакалъ безъ памяти, и съ помер-

тѣлымъ лицомъ кричалъ и приказывалъ самъ не зная что; другой отгонялъ самъ обозы, ругалъ и билъ извошниковъ; третій, схвата пушку, скакалъ съ нею самъ, сколько у лошади силы было. Иной, подхвата котормый-нибудь полкъ, продирався съ нимъ сквозь обозъ, перелазивая чрезъ телѣги и фургоны, ведя его, куда самъ не вѣдая. Однимъ словомъ, все находилось въ превеличайшемъ замѣшательствѣ и безпорядкѣ, да и можно ли иначе было быть, когда не знали, не то армію строить въ порядокъ, не то отъ наступающаго уже непріятеля обороняться: толь близко былъ уже онъ подлѣ насъ.

При такихъ обстоятельствахъ, можно ли было ожидать, чтобъ наша армія могла быть въ порядочный ордеръ баталіи построена, и учинить порядочный отпоръ непріятелю. Всѣ почти полки, или большая часть оныхъ находилась за лѣсомъ и за обозомъ, и всѣ не могли никоимъ образомъ съюзъ оный продрагаться, а сквозь лѣсъ пройти за густотою онаго не было также способа. Такимъ образомъ принуждены они были стоять поджавъ руки и дожидаться, покуда прочистятъ для нихъ дорогу. Но сего учинить за тогдашнимъ замѣшательствомъ и за тѣсною мѣсто не было возможности. Одна только вторая дивизія, бывшая подъ командою добродѣтельнаго генералъ-аншефа Лопухина, по случаю, что она лагеремъ стояла въ самой прогалинѣ и ближе всѣхъ къ полю, могла нѣкоторымъ образомъ имѣть движеніе, но и ея полкамъ прямо итти никакъ было не можно, а они принуждены были итти по рядамъ, и симъ образомъ выходя изъ прогалины вправо, тянуться подлѣ самаго лѣса, ибо далѣе въ пространное поле подаваться за близостію непріятеля было уже не можно.

Строятся ли когда-нибудь такъ арміи въ ордеръ баталіи? Но нужда чего не дѣлаетъ! Мы рады-бъ были, хотя бы симъ образомъ удалось намъ изъ-за лѣса и обозовъ выдаться. Однако мы и сего послѣдняго способа скоро лишились.

Теперь скажу вамъ, любезный при-

тель, куда собственно я въ семь замѣшательствѣ попался, и что со мною происходило. Нашъ полкъ, какъ я вамъ прежде сказывалъ, находился въ авангардномъ или передовомъ корпусѣ, съ нѣкоторыми другими таковыми-жъ малолюдными, какъ и нашъ, полками. Какъ мы стояли почти на самомъ переду и назначены были для прикрытія во время похода обозовъ, то и тронуты мы были прежде всѣхъ прочихъ полковъ съ мѣста, и находились тогда около самой той ручьевинны, окружены будучи со всѣхъ сторонъ множествомъ обозовъ, какъ началась съ нашей и съ непріятельской стороны вышеупомянутая стрѣльба пѣз пушекъ, и нѣкоторые изъ непріятельскихъ ядеръ по обозамъ шуркать, свистѣть, и все, что ни пошало навстрѣчу, ломать и коверкать начали. Явленіе сіе было для насъ еще новое и до того невиданное. Мы остановились сіе услышавши и ожидали повелѣнія, куда намъ итти велятъ: впередъ ли по тракту, или вправо къ тому мѣсту, гдѣ уже стрѣльба производилась. Немного погодя прискакалъ къ намъ, не помню, какой-то генералъ и, подхвата, повелъ чрезъ ручей впередъ сквозь всѣ обозы, заставляя продираться всячески сквозь оныя, и гдѣ нельзя, то перелѣзать чрезъ фуры и повозки.

Теперь остановлюсь я на минуту и скажу, что какъ при семь шестви намъ впередъ ничего было не видно за обозами, и мы за вѣрное полагали, что выдравшись изъ оныхъ наткнемся мы прямо на стоящаго уже въ готовности непріятеля и тотчасъ съ нимъ вступимъ въ кровопролитное сраженіе, то минуты, въ которыя мы помянутымъ образомъ шли и съюзъ обозы продирались, были для насъ самая критическія. Достоверность о близости непріятеля, звукъ стрѣльбы пушечной, слышимой въ самой уже близости, и ядра непріятельскія, летающія уже по обозамъ, не давали намъ сомнѣваться въ томъ, что чрезъ нѣсколько минутъ начнемъ и мы уже стрѣлять и сражаться съ непріятелемъ. Чобыльщина въ та-

кихъ случаяхъ и мысль, что коса смертная распространена была уже надъ всякимъ и готова была къ поражению многихъ, и что тогдашнія минуты были для многихъ послѣднія уже въ жизни,—приводила всю душу въ такую разстройку и всѣ мысли въ такое смятеніе и замѣшательство, что тогдашнее душевное состояніе не можно никакъ изобразить словами, ибо въ минуту сію дѣйствовали въ ней не одни, а многія силы и пристрастія вдругъ, и истинно сказать не можно, боязнь ли, сродная всѣмъ человѣкамъ, болѣе всѣми душевными силами тогда обладала или досада и негодованіе на видимый тогда повсюду безпорядокъ и замѣшательство и производимое самымъ тѣмъ рвеніе и желаніе итти скорѣе и отбивать непріятеля,—совсѣмъ тѣмъ нельзя не признаться, что сердце у всякаго было тогда не на своемъ мѣстѣ, но трепетало нарочито чувствительно съ перемежающимся то и дѣло замираніемъ. Однако и то въ засвидѣтельствованіе истинны сказать надобно, что все сіе первое и прямо словами неудобноизобразимое ужасеніе чувствовали мы только съ самаго начала и до тѣхъ только поръ, покуда не вышли на поле и не увидѣли непріятеля. А тамъ я не знаю, отъ того ли, что человѣкъ находится уже власно какъ въ отчаяніи и окаменѣлости, или отъ того, что онъ находится не одинъ, а со множествомъ другихъ, не чувствуетъ онъ и далеко такого страха и боязни, какой чувствовать бы по природѣ и по существенной опасности и важности случая надежало, но бываетъ уже гораздо бодрѣе и спокойнѣе духомъ.

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія; теперь, возвращаясь къ оному, скажу, что, продравшись сквозь обозы и вышедши на свободу, увидѣли мы прочіе полки нашего авангарднаго корпуса, строящіеся въ правой у насъ рукъ въ одну линію. Намъ велѣли примкнуть къ онымъ, а къ намъ стали примыкать и достальныя полки нашего корпуса.

Такимъ образомъ, попались мы совсѣмъ

въ другое уже мѣсто, нежели гдѣ наканунѣ сего дня намъ стоять случилось. И по счастью такъ трафилось, что мѣсто сіе было наипрекраснѣйшее, а что всего еще лучше, самое безопаснѣйшее; на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ полку нашему стать довелось, случился небольшой холмъ или пригорокъ, съ котораго все пространство Эгерсдорфскаго поля было видимо. Не успѣли мы на оный взойти и осмотрѣться, какъ вся прусская армія намъ какъ на ладони представилась. Мы увидѣли, что находилась она почти на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ того дня мы построены были, и первая ея линія стояла точно въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла наша первая линія, а вторая противъ деревни Клейнъ-Эгерсдорфа, и обѣ ея линіи были къ тому мѣсту концами, гдѣ мы стояли, такъ что намъ вдоль обѣихъ оныхъ можно было видѣть. Къ вѣщему удовольствію видно намъ было и все то мѣсто, гдѣ строилась и наша армія, ибо намъ случилось со всѣмъ своимъ корпусомъ стоять на лѣвомъ крылѣ своей, или лучше сказать, во флангѣ обѣихъ армій. Сами же мы были отъ нападенія прикрыты небольшимъ болотомъ, поросшимъ, хотя низкимъ, но чрезвычайно густымъ кустарникомъ, простирающимся отъ деревни Клейнъ-Эгерсдорфъ на нѣкоторое разстояніе влѣво. Черезъ сей кустарникъ съ пригорка своего видѣть намъ все было можно, а непріятелю къ намъ съвозъ кустарникъ пройти не было возможности. Такимъ образомъ, стояли мы съ покоемъ и готовились только быть зрителями всему театру начинающагося тогда кровопролитнаго сраженія.

Оно началось въ началѣ восьмого часа, когда уже солнце было довольно высоко, и сіяніемъ своимъ, при тихой погодѣ, наипрекраснѣйшій день производило. Первый огонь начался съ непріятельской стороны, и намъ все сіе было видно. Пруссаки шли на мужественнѣйшимъ и порядочнѣйшимъ образомъ атаковать нашу армію, вытягивающуюся подгѣ лѣса, и пришедши въ размѣръ, дали по нашимъ порядочный залпъ. Это было въ первый

разъ, что я непріятельскій огонь по своимъ одноземцамъ увидѣтъ. Сердце у насъ затрепетало тогда, и мы удивились всѣ, увидѣвъ, что съ нашей стороны ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ не было отвѣтствовано, власно такъ какъ бы они своимъ залпомъ всѣхъ до единого побили. Пруссаки, давши залпъ, не останавливаясь, продолжали наступать и, зарядивши на походъ свои ружья и подошедъ еще ближе къ нашимъ, дали по нашимъ порядочный другой залпъ всюю своею первою линією. Тогда мы еще больше удивились и не знали что дѣлать, увидѣвъ, что съ нашей стороны и на сей залпъ ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ отвѣтствовано не было. — «Господи, помилуй! что это такое?» говорили мы, сошедшись между собою и смотря на сіе позорище съ своего отдаленнаго холма: — «живы ли уже наши, и что они дѣлаютъ? Неужели въ живыхъ никого не осталось?» Нѣкоторые малодушные стали уже въ самомъ дѣлѣ заключать, что нашихъ всѣхъ перебили. «Какъ можно, говорили они:—отъ двухъ такихъ жестокихъ залповъ и въ такой близости кому уцѣлѣтъ?» Но глаза наши тому противное доказывали. Какъ скоро нѣсколько продвинулось, то могли мы еще явственно нашъ фронтъ чрезъ пруссаковъ видѣть; но отчего бы такое молчаніе происходило, того никто не могъ провидѣть. Нѣкоторые изъ суевѣрныхъ стариковъ помыслили уже, не заговорены ли у нашихъ солдатъ уже ружья; но сіе мнѣніе отъ всѣхъ насъ поднато было на смѣхъ, ибо оно было совсѣмъ нескладнѣйшее. Продолжая смотрѣть, увидѣли мы, что пруссаки и послѣ сего залпа продолжали наступать далѣе, и на походъ заряжали свои ружья, а зарядивъ оныя и подошедъ гораздо еще ближе, дали по нашимъ третій преужасный и препорядочный залпъ. — «Ну! закричали мы тогда, теперь не бойсь, въ самомъ дѣлѣ нашихъ всѣхъ побили!» Но не успѣли мы сего выговорить, какъ къ общему всѣхъ удовольствію увидѣли, что не всѣ еще наши перебиты, но что много еще въ живыхъ осталось. Ибо не

успѣли непріатели третій залпъ дать какъ загорѣлся и съ нашей стороны пушечный и ружейный огонь, и хотя не залпами, безъ порядка, но гораздо еще сильнѣе непріятельскаго. Съ сей минуты перестали уже и пруссаки стрѣлять залпами. Огонь сдѣлался съ обѣихъ сторонъ непрерывный ни на одну минуту, и мы не могли уже различить непріятельской стрѣльбы отъ нашей. Одни только пушечные выстрѣлы были отличны, а особливо изъ нашихъ секретныхъ шуваловскихъ гаубицъ, которыя по особливому своему звуку и густому черному дыму могли мы явственно видѣть и отличать отъ прочей пушечной стрѣльбы, которая, равно какъ и оружейная, сдѣлалась съ обѣихъ сторонъ пажесточайшая и непрерывная.

Теперь вообразите себѣ, любезный пріятель, сами, каково намъ было смотрѣть на сіе кровавое зрѣлище, ибо я тогдашнихъ душевныхъ движеній перомъ описать не въ состояніи. Мы всѣ, то-есть штабы и офицеры, собравшись кучками, смотрѣли на сіе побоище и только что жалѣли и разсуждали, ибо самимъ намъ ничего дѣлать было не можно. Намъ хотя все происхожденіе было видимо, но мы стояли такъ далеко, что до непріятеля не могли доставать не только наши ружья, но и самыя полковныя пушки. Итакъ, мы принуждены только были поджавъ руки смотрѣть, и находясь между страхомъ и надеждою, ожидать рѣшительной минуты. Но скоро лишились мы и того удовольствія, чтобъ все происхожденіе видѣть; отъ непрерывной стрѣльбы дымъ такъ сгустился, что обѣихъ сражающихся армій намъ было уже не видно, а слышна только была трескотня ружейной и звукъ пушечной стрѣльбы. Самыя только кончики сражающихся линій или фронттовъ были намъ нѣсколько видимы и представляли зрѣлище весьма трогательное. Оба фронта находились весьма въ близкомъ между собою разстояніи и стояли въ огнѣ непрерывномъ. Нашъ, во все время баталіи, стоялъ непоколебимо, и первая шеренга, какъ сѣ-

да на колѣни, такъ и сидѣла. Прусскій фронтъ казался въ безпрестанномъ находится движеніи: то приближался онъ нѣсколько шаговъ ближе, то опять назадъ отдавался, однако дрался не съ меньшимъ мужествомъ и твердостью, какъ и наши, и сіе продолжалось такъ безпрерывно.

Въ сіе-то время имѣли мы случай всему тому насмотрѣться, что въ такихъ случаяхъ происходитъ, и можно ли описать жалкое то зрѣлище. Позади обонхъ фрунтовъ видимо было множество народа разные предметы представляющаго: иной скакалъ на лошади, везя, безсомнѣнно, какое-нибудь важное приказаніе, но будучи прострѣленъ, стремглавъ съ оной летѣлъ на землю; другой выбѣгалъ изъ фронта и, отъ ранъ ослабѣвши, не могъ болѣе держаться на ногахъ, но падалъ; тамъ тащили убитаго начальника, индѣ вели подъ руки израненаго; вдругъ оказывались во фрунтахъ цѣлые проулки, и вдругъ они опять застываемаы были; по одиночкѣ во фронтѣ убиваемыхъ за дымомъ не можно было такъ явственно видѣть, какъ прочихъ. Но какъ изобразить суету и смятеніе прочихъ, за фрунтомъ находящихся? Въ какомъ это различномъ движеніи были они видимы: многіе разбѣжали на лошадяхъ, поощряя воиновъ и развозя имъ нужныя повелѣнія; другіе скакали по фрунту сзади; третьи отъ фронта назадъ. Индѣ вели взводами подмогу, тамъ тащили пушку, индѣ патронный ящикъ на себѣ; нѣ иномъ мѣстѣ побиты лошади подъ ними и должно было ихъ распрастывать и выпрягать; индѣ бѣгалъ конь, потерявшій своего всадника; индѣ летѣлъ всадникъ долой съ убитаго коня, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, все представляло плачевное и нѣжному сердцу чувствительное зрѣлище, и мы, видя все сіе, не могли довольно насмотрѣться, толико было оно для насъ любопытно и поразительно.

— Хорошо, скажете вы, любезный пріятель, было вамъ смотрѣть, когда до самихъ васъ не доходило дѣло, и вамъ случилось стоять въ столь блаженномъ и та-

комъ мѣстѣ, въ какомъ всякой бы во время баталіи охотно стоять согласился. Конечно, хорошо! отвѣтствую, и мы жребіемъ своимъ могли быть весьма довольными. Я прибавлю къ тому, что мы сверхъ того еще имѣли и нѣкоторый родъ военного увеселенія, а именно, передъ самими нашими полкомъ или, паче сказать, передъ самою моею ротой, на самой высотѣ того холма, на которомъ мы стояли, трафилось поставленной быть у насъ цѣлою колоннѣ артиллеріи, состоящей болѣе нежели изъ двадцати большихъ пушекъ, гаубицъ и единороговъ. Сія, прикрывающая нашъ корпусъ, батарея была во все продолженіе баталіи не безъ дѣла. Съ нея то и дѣло что стрѣляли по неприятельской второй линіи, и кидали изъ гаубицъ бомбы, какъ въ нее, такъ и въ обѣ деревни, кон пруссаками были заняты, и мы не могли довольно навеселиться зрѣлищемъ на хорошій успѣхъ пускаемыхъ къ неприятелю ядеръ и бомбъ. Многія ядра, попадая въ самую доль фронта неприятельской второй линіи, дѣлали превеликія улицы, равно какъ и бомбы повсюду великое замѣшательство производили. Обѣ деревни обратили мы тотчасъ въ огонь и пламя и выгнали тѣмъ неприятелей, въ нихъ засѣвшихъ. Но ни которая бомба такъ насъ не увеселила, какъ одна, брошенная изъ гаубицы. Мы увидѣли, что около одной лозы, стоящей между обѣихъ деревень, собралось множество прусскихъ офицеровъ изъ второй ихъ линіи, смотрѣть, такъ же какъ и мы, на происхожденіе баталіи. Сихъ зрителей захотѣлось намъ пугнуть, и мы просили артиллерійскаго офицера, чтобъ онъ постарался посадить въ кружокъ къ нимъ бомбу. Онъ исполнилъ наше желаніе, и выстрѣлъ такъ былъ удаченъ, что бомба попала прямо подъ лозу и, не долетѣвъ до земли на сажень, треснула. Какую тревогу произвела она въ сихъ господахъ прусскихъ командирахъ! Всѣ они бросились врознь; однако трое принуждены были остаться тутъ навѣки.

Вотъ, любезный пріятель, не сущій ли досугъ намъ былъ симъ образомъ забав-

ляться въ такое время, когда прочіе гибли и умирали. Но чтожь намъ было иное дѣлать? Однако постоитъ, можетъ быть и до насъ скоро дойдетъ дѣло. Я еще не все пересказалъ.

Пруссаки, можетъ-быть наскучивши претерпѣвать отъ нашей баттареи столь великій уронъ, вздумали и сами завести противъ насъ нѣсколько большихъ пушекъ и поунять наши игрушки. но, по несчастію ихъ, имѣли въ томъ успѣхъ не весьма хорошій. Нѣсколько большихъ пушекъ увязли они въ болотѣ и не могли выдрать, а которыя завезли и поставили, такъ и тѣ не могли намъ какъ-то вредить; ни те причиною тому было то, что они припуждены были стрѣлать нѣсколько на гору, не то разстояніе для нихъ было слишкомъ далеко, но какъ бы то ни было, но ядра ихъ намъ не вредили. Нѣкоторые изъ нихъ перелетали выше фрунта, и намъ одинъ только ихъ звукъ былъ слышенъ; а большая же часть дожигалась не долетая далеко до того мѣста, гдѣ мы стояли, такъ что мы сему тщетному непріятелей нашихъ старанію только что смѣялись.

Но всѣ сіи шутки едва-было не обратились намъ въ важность. Мы, смотря вышеупомянутымъ образомъ, какъ на продолженіе баталіи, такъ и на стоящихъ противъ насъ позадь деревень непріятелей, того и не видимъ, что у насъ на лѣвомъ крылѣ, которое отъ насъ за пригоркомъ было не видно, дѣлалось, какъ вдругъ затрещалъ въ другомъ, подлѣ насъ въ лѣвѣ стоящемъ полку, мелкій ружейный огонь.—«Ба! что это такое? вздрогнувши говорили мы:— не непріятель ли уже тутъ?» И дивились, не понимая, откуда бы ему взялся, потому что намъ все почти поле видно было, и мы никакой атаки на себя не примѣтили, да для вышеупомянутаго болота почитали и за невозможное. Но совсѣмъ тѣмъ, не успѣли мы собраться съ мыслями, какъ кричали уже намъ, чтобъ мы оборачивали фронтъ нашъ назадъ. Сіе намъ и того еще чуднѣе показалось: мы обернулись, но никого передъ собою не увидѣли, кро-

мъ нашей конницы, которая позади насъ въ разныхъ мѣстахъ была построена. — «По своимъ, что-ли намъ стрѣлать?» смѣючись говорили мы. Однако ожидали съ съ нетерпѣніемъ, что будетъ. Въ лѣвой сторонѣ у насъ, гдѣ огонь показался, слышенъ былъ превеликій шумъ и стрѣльба, а неменѣе того и на стоящей противъ нашего полка баттареѣ сдѣлалось превеликое замѣшательство. Тутъ поднялся вопль: «Сюда! сюда! ворочай!... Картечи! картечи!» И не успѣли всѣхъ пушекъ повернуть влево, какъ изъ всѣхъ изъ нихъ и бывшихъ тутъ единороговъ, дали преужасный залпъ и произвели огонь наижесточайшій. Намъ хотя вовсе за пригоркомъ было не видно по комъ они стрѣляли, но только могли мы заключать, что непріятель близко. И тогда-то, надобно признаться, что духъ нашъ началъ нѣсколько тревожиться; повсемѣстный шумъ, разнообразный крикъ и вопль, звукъ стрѣльбы изъ пушекъ и мелкаго ружья, скачка командировъ и подтвержденія, дѣлаемая всѣмъ, чтобъ были готовы, заставляли насъ думать, что приходится уже и до насъ очередь драться и, по примѣру прочихъ, умирать, и приближеніе толико страшныхъ минутъ производило натурально нѣкое внутреннее въ сердцахъ содроганіе.

Но какъ письмо мое уже велико, а рассказывать о баталіи сей еще много, то отложивъ достальное до предбудущаго, сіе симъ кончу сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

БАТАЛІЯ.

Письмо 47-е.

Любезный пріятель! Начиная читать письмо сіе, не обманитесь и вы также въ ожиданіи своемъ, какъ обманулись мы въ ожиданіи нашемъ въ тотъ пунктъ времени, на которомъ я мое предсѣдующее письмо кончилъ. Мы думали тогда безсомнѣнно, что черезъ минуту схватимся съ непріятелемъ и будемъ имѣть кровопролитное дѣло; однако въ томъ ошиблись; воспогнѣдовало совсѣмъ не то, а столь же мало ожидаемое и нами тогда,

сколько бесомынно теперь вами, а именно, что весь вышеупомянутый и только страшный шумъ, вопль и звукъ стрѣльбы, такъ много насъ перетревожившей, вдругъ исчезъ и, противъ всякаго чаянія и ожиданія, утихъ совершенно. Вы удивитесь сему, но не въ меньшее удивленіе пришли и мы тогда, какъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, вдругъ оружейный огонь утихъ, а немного погодя и изъ пушекъ стрѣлять перестали, и начали ихъ по-прежнему становить и ворочать. Однимъ словомъ, самый шумъ началъ мало-по-малу утихать, и намъ опять оборотиться приказали. Мы дивились всему тому несказанно, и не понимая, что бы это значило, спрашивали ѣдущихъ съ лѣваго фланга и видѣвшихъ все происходившее, о причинѣ и насилу могли провѣдать слѣдующее:

На самомъ лѣвомъ флангѣ нашего корпуса стояли наши донскіе казаки. Сіи съ самаго еще начала баталіи поскакали атаковать стоящую позади болота неприятельскую конницу. Сіе намъ тогда же еще было видно, и мы досадовали еще, смотря на худой успѣхъ сихъ негодныхъ воиновъ. Начало сдѣлано-было они очень яркое. Атака ихъ происходила отъ насъ хотя болѣе версты разстоянія, но мы могли явственно слышать, какъ они загикали—«ги! ги!» и опроретью на Пруссаковъ поскакали. Мы думали-было сперва, что они всѣхъ ихъ дротиками своими переколятъ, но скоро увидѣли тому протявное. Храбрость ихъ въ томъ только и состояла, что они погикали и изъ винтовокъ своихъ поцукали, ибо какъ пруссаки стояли неподвижно и готовились принять ихъ мужественнымъ образомъ, то казаки, увидя, что тутъ не по нимъ, оборотились того момента назадъ и дай Богъ ноги. Все сіе намъ было видно; но что послѣ того происходило, того мы не видѣли, потому что казаки, обскакивая болото, выѣхали у насъ изъ глазъ. Тогда же узнали мы, что прусскіе кирасиры и драгуны сами вслѣдъ за ними поскакали и, обскакивая болото, гнали ихъ, какъ овецъ, къ нашему фронту. Казакамъ некуда было дѣваться. Они безъ

памяти скакали прямо на фронтъ нашего лѣваго крыла, а прусская конница слѣдовала за ними по пятамъ и рубила ихъ немилосерднымъ образомъ. Наша пѣхота, видя скачущихъ прямо на себя и погибающихъ казаковъ, за необходимое почла нѣсколько раздаться и дать имъ проѣздъ, чтобъ могли они позады фронта найти себѣ спасеніе. Но сіе едва-было не нашутило великой шутки. Прусская кавалерія, преслѣдуя ихъ поэскадронно, въ наилучшемъ порядкѣ, текла какъ нѣкая быстрая рѣка и ломилась за казаками прямо на нашу пѣхоту. Сіе самое причиною тому было, что отъ сего полку началась по нимъ ружейная стрѣльба; но трудно было ему противиться и страшное стремленіе сей конницы удерживать. Передній эскадронъ въѣхалъ уже порядочнымъ образомъ за казаками за нашъ фронтъ, и рассыпавшись рубилъ всѣхъ, это ни былъ позады фронта. Для сего-то самаго принуждено было оборотить нашъ фронтъ назадъ. Но все бы сіе не помогло и пруссаки, въѣхавши всею конницею своею въ нашъ флангъ, смiali бы насъ всѣхъ поголовно и совершили-бъ склонявшуюся уже на ихъ сторону побѣду, если бы одно обстоятельство всего стремленія ихъ не удержало и всѣмъ обстоятельствамъ другой видъ не дало. Батарея, о которой я выше упоминалъ, по счастью, успѣла еще благовременно обернуть свои пушки, и данный изъ нея картечный залпъ имѣлъ успѣхъ невозделѣннѣйшій, ибо какъ ей случилось выстрѣлить поперегъ скачущихъ другъ за другомъ прусскихъ эскадроновъ, то выхвативши цѣлый почти эскадронъ, разорвала тѣмъ ихъ стремленіе и скачущихъ не только остановила, но принудила опроретью назадъ обернуться. Тѣ же, которые вскакали за нашъ фронтъ, попали какъ мышь въ западню. Пѣхота тотчасъ опять сомкнулась, и они всѣ принуждены были погибать наизлостнѣйшимъ образомъ. Наша кавалерія ихъ тутъ встрѣтила и перерубила всѣхъ, до одинаго человека. Такимъ образомъ кончилось это дѣло невозделѣннѣйшимъ образомъ.

Таковыя-то происшествія были на нашемъ лѣвомъ крылѣ. Теперь обратимся, любезный пріятель, къ срединѣ и посмотримъ, что-то съ тѣми дѣлалось, которыхъ давеча оставили мы между собою сражающихся. Тутъ, по справедливости, было самое главное дѣло и сраженіе найгорячайшее. Однако, что собственно какъ тутъ, такъ и на правомъ флангѣ происходило, того точно, за отдаленностію и за дымомъ, намъ самимъ видѣть было не можно. Я упомянулъ уже выше сего, что намъ видны только были концы обонхъ фрунтовъ, и что касается до нихъ, то стояли они неподвижно и перестрѣливались ровно два часа съ половиною, влассно какъ вкопанные, чему мы очевидные были свидѣтели.

Вотъ все то, что я могъ во время продолженія баталіи самъ видѣть. — Теперь опишу вамъ то, чего я видѣть не могъ, и что мы послѣ узнали.

Непріятель главную свою атаку велъ въ два мѣста, а именно: противъ обѣихъ прогалинъ или входовъ въ нашъ крѣпкій лагерь. Видно, что хотѣлось ему заставить насъ еще въ лагерьѣ и не выпустить на поле ни единого человѣка, что потому наиболѣе заключать можно, что у убитыхъ прусскихъ офицеровъ найдена потомъ диспозиція и приказы, въ которыхъ предписываемо было, чтобъ солдаты рубили наши рогатки. Вследствіе чего атака его и ведена была какъ на главный входъ, такъ и на правое наше крыло, гдѣ, какъ я прежде упоминалъ, также небольшая прогалина находилась. По счастью, сіе послѣднее мѣсто успѣли наши занять еще заблаговременно. Храбрый полковникъ Языковъ съ своимъ первымъ гренадерскимъ полкомъ заступилъ сіе мѣсто и выдерживалъ всѣ жесточайшія непріятельскія нападенія наимужественнѣйшимъ образомъ. По счастью случились тутъ старинные рвы и каналы, которые служили нашимъ почти вмѣсто ретраншаментовъ, и дѣлали великую подмогу. Однимъ словомъ, сколько непріятель ни усиливался, и сколько ни старался продрать съ сѣвось сіе мѣсто и сбить съ мѣста,

но не имѣлъ успѣха. Наши устояли до самаго конца баталіи и хотя не малый уронъ претерпѣли, однако не потеряли сего толь важнаго для непріятеля мѣста.

Но не съ столь хорошимъ успѣхомъ дрались наши на лѣвомъ флангѣ или паче въ срединѣ, куда ведена была отъ непріятеля главная его атака. Я уже выше упомянулъ, что непріятель такъ непримѣтно къ намъ подкрался, что нашимъ не было времени вывести порядочнымъ образомъ полки и построить противъ него линію, но принуждены уже были, кое-какъ продираясь сквозь тѣсоту обозовъ, итти по рядамъ, и фрунтъ подлѣ лѣса вправо кое-какъ строить и вытягивать. Однимъ словомъ, наши тянулись еще и старались, какъ можно болѣе вытянуться, чтобъ множайшее число полковъ могло умѣститься и стать въ оборонѣ, какъ непріятеля, подошедъ уже довольно близко, помянутый первый залпъ по нихъ дали; что на оный съ нашей стороны не было отвѣтствовано, тому причиною было то, что наши шли и тянулись по рядамъ и видя, что еще пули непріятельскія насъ не вредили, не почли за нужное остановиться и къ нимъ фрунтъ оборачивать, но какъ всякая минута для насъ дорога была, то старались только какъ можно далѣе вытянуться. Тоже самое произошло и при вторичномъ непріятельскомъ залпѣ, которымъ хотя нѣсколько человѣкъ у насъ и переранило, но какъ для насъ важнѣе всего было, чтобъ вытянуть фрунтъ далѣе, то мы, и на оный не отвѣтствуя, продолжали все-таки тянуться. Но какъ непріятель въ третій разъ уже залпъ дали, тогда уже не было возможности болѣе итти и оттерпываться. Пули ихъ уже гораздо нашихъ цѣплять начали, и для того принуждены уже наши были остановиться и поазать имъ лицо, также и то, что и у насъ не хуже ихъ ружья и пули водятся, и тогда-то начался съ обѣхъ сторонъ тотъ огонь неугасимый, о которомъ упомянулъ я уже выше.

Теперь надобно мнѣ вамъ, любезный пріятель, сказать, что сей огонь хотя былъ съ обѣихъ сторонъ **нажесточайшій**,

однако не съ равными преимуществами. Непріатели имѣли несравненно болѣе выгодъ, нежели наши. Ихъ атака ведена была порядочнымъ образомъ, лучшими полками и людьми, и по сдѣланной напередъ и правильно наблюдаемой диспозиціи. Артиллерія дѣйствовала ихъ какъ надобно, а весь тылъ у нихъ былъ открытъ и подкрѣпленъ второю линіею и резервами, изъ которыхъ имъ ничто не мѣшало весь уронъ въ первой сражающейся линіи того момента награждать и наполнять новыми и свѣжими людьми, а такимъ же образомъ имѣли они желаемую способность снабжать дерущихся нужными припасами и порохомъ. Что касается до нашихъ, то они всѣхъ сихъ выгодъ, но несчастій, не имѣли, ибо, во-первыхъ, диспозиціи напередъ никакой не было сдѣлано, да и некогда было дѣлать, а всѣмъ самъ Богъ управлялъ и распоряжалъ. Во-вторыхъ, людей съ нашей стороны было гораздо меньше, нежели съ непріательской. У нихъ дралась цѣлая линія, а у насъ насилу только одиннадцать полковъ могли вытянуться, и сіи принуждены были за все, про все отвѣтствовать. Къ вящему несчастію и сіи немногіе люди связаны были по рукамъ и по ногамъ; ибо, во-первыхъ, не было съ ними нужной артиллеріи, кромѣ малаго числа полковыхъ пушекъ и шуваловскихъ гаубицъ. Самыхъ сихъ орудій, на которыя вся армія наибольшую надежду полагала, не случилось болѣе трехъ или четырехъ на сраженіи, и что можно было изъ нихъ сдѣлать, когда большую половину ихъ ящиковъ и снарядовъ за гѣсомъ провезти было не можно? Во-вторыхъ, прижаты они были къ самому гѣсу такъ, что позади себя никакого простора не имѣли. Встрѣжихъ, помочи и на мѣсто убитыхъ свѣжихъ людей въ пополненіе получить было неоткуда; большая часть арміи была хотя не въ дѣйствиіи, но стояла за гѣсомъ, и въ такихъ мѣстахъ, откуда до нихъ дойти было не можно. Самыхъ нужныхъ патроновъ негдѣ было взять, какъ они потребовались.

При такихъ предосудительныхъ и смут-

ныхъ обстоятельствахъ, чего много можно было ожидать кромѣ несчастія! Ахъ! оно и дѣйствительно уже начиналось и, конечно-бы произошло и совершилось, еслибы самъ Богъ не восхотѣлъ насъ явво помиловать и побѣду изъ рукъ непріателей показавши вырвать. Храбрые наши полки стояли сперва, какъ непреоборимая стѣна, твердо; они отстрѣлявались сколько силы отъ непріателя, и цѣлые два часа удерживали его наглость и стремленіе. Но что было наконецъ имъ дѣлать, когда большая часть изъ нихъ была побита и переранена. Ряды стали уже слишкомъ рѣдки, а дополнить ихъ было нечѣмъ. Офицеровъ всѣхъ почти они лишились; а что всего паче, не имѣли наконецъ болѣе и пороха, какъ одинаго и послѣдняго средства къ оборонѣ. Въ сей крайности находясь, подвинулись они нѣсколько ближе къ гѣсу, но тѣмъ дѣло еще лучше испортили. Непріатели, увидѣвъ сіе и почти ретирадою, бросились съ наивеличайшимъ жаромъ и смѣшали ихъ совсѣмъ съ грязью. Весь край гѣса наполнился тогда стономъ и воплемъ раненыхъ и умирающихъ, и обогрѣнъ кровію побитыхъ. Не было уже тогда возможности помочь чѣмъ-нибудь командирамъ и предводителямъ. Добродѣтельный и прямо усердствующій генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, бывшій по несчастію командиромъ сей дивизіи, сколько ни напрягалъ силъ своихъ, возбуждая и уговаривая солдатъ къ храброй оборонѣ, но не былъ болѣе въ силахъ учинить малѣйшее вспоможеніе. Самого его, многими ранами израненнаго и обогрѣннаго кровію, волокли уже въ полонъ прусскіе гренадеры, и сорвали съ него кавалерію, и конечно бы увели, еслибы не увидѣли сего нѣсколько человекъ нашихъ гренадеровъ: сіи, несмотря что сами погибли, восхотѣли спасти любимаго ими генерала. Ничто не могло удержать стремительства ихъ. Какъ львы вырвали они его изъ челюстей змѣиныхъ, но ахъ! едва уже почти дыханіе имѣющаго.

При такихъ обстоятельствахъ легко можете заключить, что погибель наша, вла-

сно какъ на волоску уже висѣла. Пруссаки смяли уже весь нашъ фронтъ совершенно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ворвались уже и въ самые обозы. Тутъ сдѣлалось тогда напужаснѣйшее смятеніе и бириберда. Всѣ кричали: «прочь! прочь! Назадъ, назадъ обозы!» Но что некуда было имъ дѣваться, того никто не помнилъ. Съ одной стороны крутѣйшій бугоръ, а съ другой стороны рѣка заграждала путь во всѣ стороны. Самой арміи Богъ знаетъ куда бы ретироваться можно было, а чтобъ обозы конечно всѣ пропали, въ томъ и сомнѣнія нѣтъ. Однимъ словомъ, побѣда непріятелями получена была уже на-половину, и еслибъ еще хотя мало-мало, то бы разбиты были мы со-всѣмъ, къ стыду неизреченному.

Теперь, надѣясь, нетерпѣливо хотіе вы вѣдать, какимъ же чуднымъ образомъ мы не только спаслись, но и побѣду одержали? Сего, ежели прямо разсудить, мы уже сами почти не знали, самъ Богъ хотѣлъ насъ спасти. Все состояло въ томъ, что стоявшіе за лѣсомъ наши полки, наскучивши стоять безъ дѣла, въ то время, когда собратія и товарищи ихъ погибали и услышавъ о предстоящей имъ скорой опасности, вздумали пойтить или можетъ-быть посланы были, продираться кое-какъ сквозь лѣсъ и выручать своихъ единоплеменниковъ. Правда, проходить имъ былъ весьма труденъ: густота лѣса такъ была велика, что съ нуждою и одному человѣку продаться было можно. Однако ничто не могло остановить ревности ихъ и усердія. Два полка, третій гренадерскій и новгородскій, бросивъ свои пушки, бросивъ и ящики патронные, увидѣвъ, что они имъ только остановку дѣлаютъ, а провезть ихъ не можно, бросились одни, и сквозь густѣйшій лѣсъ, на голосъ погибающихъ и вопіющихъ, пролѣзть начали. И, по счастью, удалось имъ вытти въ самонужнѣйшее мѣсто, а именно въ то, гдѣ нарвскій и второй гренадерскій полки совсѣмъ уже почти разбиты были и гдѣ опасность была больше, нежели въ другихъ мѣстахъ. Приходъ ихъ былъ самый благовременный. Помя-

нутые разбитые полки дрались уже рука на руку, по одиночкѣ, и не поддавались непріятелю до пролитія самой послѣдней капли крови. Нельзя быть славнѣй той храбрости, какую оказывали тогда воины, составляющіе раздробленные остатки помянутыхъ полковъ несчастныхъ. Иной, лишившись руки, держалъ еще мечъ въ другой и оборонялся отъ наступающихъ и рубящихъ его непріятелей. Другой почти безъ ноги, весь израненъ и весь въ крови, прислонясь къ дереву, отмахивался еще отъ враговъ, погубить его старающихся. Третій какъ левъ рычалъ посреди толпы непріятелей его окружившихъ и мечемъ очищалъ себѣ дорогу, не хотя просить пощады и милости, несмотря, что кровь текла у него ручьями по лицу. Четвертый отнималъ оружіе у тѣхъ, которые его, обезоруживъ, въ неволю тащили, и собственнымъ ихъ оружіемъ ихъ умертвить старался. Пятый, забывъ, что былъ одинъ, метался со штыкомъ въ толпу непріятелей и всѣхъ ихъ переколотъ помышляя. Шестой, не имѣя пороха и пуль, срывалъ сумы съ мертвыхъ своихъ недруговъ и искалъ у нихъ несчастнаго свинцу, и ихъ же пулями по ихъ стрѣлять помышляя. Однимъ словомъ, тутъ оказываемо было все, что только можно было требовать отъ храбрыхъ и неустрашимыхъ воиновъ.

Въ самую сію послѣднюю крайность и показались имъ въ лѣсу помянутые два полка, имъ на помощь послѣдшящіе. Нельзя изобразить той радости, съ какою смотрѣли сражающіеся на сію помощь, къ нимъ идущую, и съ какимъ восхищеніемъ вопіяли они къ нимъ, поспѣшать ихъ побуждая. Тогда переимѣнилось тутъ все прежде бывшее. Свѣжіе сіи полки не стали долго медлить, но давши залпъ, и поднявъ военный вопль, бросились прямо на штыки противъ непріятелей, и сіе рѣшило нашу судьбу и произвело желаемую переимѣну. Непріятели дрогнули, подались нѣсколько назадъ, хотѣли построиться получше, но некогда уже было. Наши сѣли имъ на шею и не давали имъ времени ни минуты. Тогда

прежняя прусская храбрость обратилась въ трусость, и въ семь мѣстѣ, не долго медля, обратились они назадъ и стали искать спасенія въ ретирадѣ. Сіе устранило прочія ихъ войска, а ободрило наши. Они начали уже повсюду мало-помалу колебаться, а у насъ начался огонь сильнѣе прежняго. Однимъ словомъ, не прошло четверти часа, какъ пруссаки во всѣхъ мѣстахъ сперва-было порядочно ретироваться начали, но потомъ, какъ скоты, безъ всякаго порядка и строя побѣжали.

Всего вышеупомянутаго происшествія намъ и здало и за дымомъ не можно было видѣть, однако мы смотря, не спуская глазъ, на самый конецъ праваго ихъ флага, явственно могли видѣть, какъ начинало оно колебаться и терять прежнюю свою позицію. Оно было послѣднее, которое приступило къ ретирадѣ, и въ прочихъ мѣстахъ непріатели давно уже бѣжали, а оно все еще стояло и перестрѣливалось. Но увидѣвъ бѣгущихъ своихъ товарищей, не захотѣло и оно долго медлить. Какое пріятное и восхитительное для воина представилось тогда зрѣлище! Сперва подвинулся ихъ фронтъ шаговъ пять назадъ, тамъ еще болѣе, тамъ еще далѣе и двигался часъ отъ часу скорѣе. Намъ это все было видно, и мы, находясь между страхомъ и надеждою, не хотѣли вѣрять глазамъ своимъ. «Ретируются никакъ? говорили мы другъ другу: о, дай Богъ, чтобъ наши прогнали!» Но скоро радость наша была совершенная. Мы увидѣли весь ихъ фронтъ въ совершенное бѣгство обратившійся и закричали всѣ: «Слава Богу, слава Богу! Наши взяли, наши взяли!» и били въ ладоши.

Тогда въ единый мигъ радость разлилась по всей нашей арміи и казалось, что она у всякаго воина написана была на глазахъ. Всякій спѣшилъ сказывать о благополучіи своемъ другому, несмотря, что тотъ самъ тоже видѣлъ, и тотчасъ разлился по всему войску нѣкій пріятный и тихій шумъ. Черезъ минуту потомъ закричали наши командиры: «сту-

пай! ступай! ступай!» и мы всѣ, какъ стояли, такъ и бросились. Нельзя никакъ изобразить того восхищенія, съ какимъ бѣжали мы тогда въ погоню за непріателемъ, или паче спѣшили занимать его мѣсто. Не было тутъ уже намъ никакой невозможности. Мы шли прямо чрезъ кустарникъ и чрезъ болото, и я не вѣдаю, какъ уже мы продрались. Какихъ и какихъ проказъ не происходило тутъ во время сего пролазванія! Иной, съ радости бѣжавши безъ памяти, попадалъ вдругъ въ калдобину и уходилъ по поясъ въ тину; другой, споткнувшись за кочку, летѣлъ стремглавъ и растагивался въ тинѣ и въ грязи, и въ ней какъ уродъ гваздался. Иной зацѣплялъ платьемъ за кусты и не могъ освободиться, онъ рвалъ его не жалѣя, что испортится. Иному прутьями лицо и глаза всѣ выстегало; иной, попавши въ тину, не могъ ногъ своихъ выдрать и просилъ помощи. Но все сіе хорошо и ладно быть казалось. Мы пробѣжали смѣючись и хохотавъ сквозъ сіе дурное мѣсто, и одно только то слышно было: «ступай! ступай! братецъ! Слава Богу, наши побѣдили!»

Совсѣмъ тѣмъ будучи въ густомъ кустарникѣ, при всей своей радости помышляли мы и о томъ, чтобъ вышедши изъ онаго не ваткнуться на непріателя. «Кто знаетъ, говорили нѣкоторые:—не стоитъ ли еще его вторая линія на мѣстѣ и не остановила ли она бѣгущихъ?» Но статочное ли дѣло, чтобъ саму быть! Пруссаки какъ ни хвастаютъ въ реляціяхъ своихъ, что они порядочно ретировались, но порядка тутъ и въ завѣтѣ не раживалось. Они пропали у насъ въ одинъ мигъ изъ вида, и все поле было ими усѣяно. Мы, вышедши изъ кустарника своего на поле, не увидѣли изъ нихъ ни одного человѣка, а стояли только одни брошенные ихъ пушки и лежали подлѣ нихъ убитые артиллеристы и другіе воины.

Прибѣжавши наконецъ на то мѣсто, гдѣ стояла ихъ вторая линія, велѣно было намъ остановиться и выровняться

съ прочими полками, строившимися тутъ въ одну линію, и не успѣла вся армія изъ-за гѣса выбраться и построиться въ одну линію, какъ закричали «ура!» и шляпы вверхъ бросили. О! какое это было радостное для насъ позорище! Многіе отъ радостныхъ слезъ не могли промолвить слова, такъ чувствительно это всякому воину.

Симъ образомъ кончилась славная наша апраксинская и первая баталія съ пруссаками. Небу угодно было даровать намъ надъ неприятелемъ нашимъ совершенную побѣду, и мы не могли довольно возблагодарить оное за то, а особливо узнавъ, въ какой опасности находилась вся армія и сколь малаго недоставало къ тому, чтобъ ей совершенно разбитой, и намъ вѣчно тѣмъ стыдомъ покрытыми быть, что одна почти горсть пруссаковъ въ состояніи была разбить толь многочисленную армію, какова была наша. И подлинно ежели разсудить, то побѣда сія одержана была не искусствомъ нашихъ полководцевъ, котораго и въ поминѣ не было, а паче отъѣнною храбростію нашихъ войскъ, или наиболѣе по особливому устроенію судебъ, расположившихъ всѣ обстоятельства такъ, чтобъ самая храбрость нашихъ воиновъ была уже принужденною и они по неволѣ принуждены были драться до послѣдней капли крови, когда имъ ни бѣжать, ни ретироваться было не куда. Но какъ бы то ни было, но мы побѣдили, и побѣду получили совершенную; а чтобъ вы, любезный пріятель, могли яснѣе все происхожденіе сей баталіи видѣть, то изъяснилъ я вамъ всю ее въ посылаемомъ при семъ рисункѣ, (смотри рисунки 3-й позади книги *) а о томъ, что воспослѣдовало послѣ, равно какъ и о прочихъ обстоятельствахъ до сей битвы относящихся, сообщу вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а теперешнее симъ окончивъ, скажу, что я есмь навсегда вашъ и пріятель.

*) Рисунокъ этого однако нѣтъ въ подлинной рукописи Велетова.

ПОХОДЪ НЪ ВЕЛАВЪ.

Письмо 48-е.

Любезный пріятель! Я окончилъ мое послѣднее письмо тѣмъ, что мы прогнали неприятеля и получили совершенную побѣду. А теперь должно мнѣ вамъ разсказать, что у насъ происходило послѣ того и сколь великъ былъ нашъ выигрышъ.

Говорятъ, что отъ предводителей войскъ двойное искусство требуется; а именно: чтобъ они умѣли побѣждать, а того болѣе, чтобъ они умѣли побѣдами своими пользоваться, и не допускали бы пропадать ихъ даромъ. Но что касается до нашихъ предводителей, то мнѣ кажется, что имъ обоимъ сихъ искусствъ недоставало. Они ни побѣждать, ни пользоваться побѣдами не умѣли. Побѣду Богъ даровалъ намъ нечаянную, и мнѣ кажется, безъ всякаго нашего умысла и содѣйствія, а чтобъ пользоваться оною, о томъ у насъ не было и на умѣ. Не то мы не умѣли, не то не хотѣли. Молила носилась тогда въ арміи, что многіе будто и представляли, чтобъ учинить за неприятелемъ погоню и стараться его разбить до основанія; также будто совѣтовали фельдмаршалу и со всею арміею немедля ничего, слѣдовать за бѣгущимъ неприятелемъ. Но господиномъ Ливеномъ, отъ котораго совѣтовъ все наиболѣе зависѣло, и которому, какъ мы послѣ уже узнали, весьма непріятно было и то, что намъ нечаянно удалось побѣдить неприятеля, сказано будто при семъ случаѣ было, «что на одинъ день два праздника не бываетъ, но довольно и того, что мы и побѣдили». И какъ всѣ изреченія его почитались оракулами, то вслѣдствіе того и не учинено было за неприятелемъ ни малѣйшей погони. Ему дали время улестись отъ насъ подальше и не мѣшали, какъ хотѣлъ, собираться опять съ силами. При таковыхъ обстоятельствахъ истинно неприятеля наши были еще очень глухи, что не вернулись и не учинили на

насъ вновь нападенія: они въ состояніи были насъ върахъ еще разбить съ нашимъ хорошимъ порядкомъ.

Такимъ образомъ непріятель ушелъ, а мы остановились себѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ баталіи построились, и не двигаясь ни на шагъ впередъ, велѣли привезть къ себѣ обозы и разбить лагерь.

Не успѣли насъ распустить изъ фрунта, какъ первое наше стараніе было, чтобъ сѣвши на лошадей ѣхать смотреть мѣста баталіи. Какое зрѣлище представилось намъ тогда, подобнаго сему еще никогда невидавшихъ! Весь пологій косогоръ, на которомъ стояла и дралась прусская линія, устланъ былъ мертвыми непріятельскими тѣлами, и чудное мы при семъ случаѣ увидѣли. Всѣ они лежали уже, какъ мать родила, голые, и съ нихъ не только чулки и башмаки, но и самыя рубашки были содраны. Но кто и когда ихъ симъ образомъ обдиралъ, того мы никакъ не понимали, ибо время было чрезвычайно короткое и баталія едва только кончилась. И; мы не могли довольно надивиться тому, сколь скоро успѣли наши погонщики, денщики и люди сіе спроворить, и всѣхъ побитыхъ пруссаковъ такъ обнаготить, что при всякомъ человѣкѣ лежала одна только деревянная изъ сумы колодка, въ которой были патроны, и синяя бумажка, которою они прикрыты были. Сія вещь, видно, никому уже были не надобны, а изъ прочихъ вещей не видѣли мы уже ни одной, такъ, что даже самыя ленты изъ косъ, нестоившія трехъ денегъ, были разбиты и унесены. Жалкое таковое состояніе представляло намъ начувствительнѣйшее зрѣлище. Впрочемъ видѣли мы, что побитые были почти всѣ люди крупныя, здоровые, бѣлые, жирные и однимъ словомъ, лежали навзничъ, какъ горы или какъ волю чераскіе. Маленькіе и вверхъ взвохренныя усы придавали и самымъ мертвымъ видъ страшный и героическій. Впрочемъ, разныя положенія и состоянія, въ какихъ мы сихъ побитыхъ видѣли, приводили насъ въ нѣкое содроганіе. У иного была

вся голова или половина оной оторвана; другой лежалъ либо безъ руки, или безъ ноги; третій безъ бока, или пополамъ перерванный. Иные застрѣлены были только пулями и лежали растянувшимися, и каждый представлялъ собою какое-нибудь особое зрѣлище. Но какъ удивились мы, приѣхавши къ лѣсу и къ тому мѣсту, гдѣ стояли и дрались наши, русскіе. Тутъ представилось намъ совсѣмъ отмѣнное тому зрѣлище. Весь закраекъ лѣса устланъ былъ людьми, но казалось будто только спящими и точно такъ, какъ-бы распушенъ былъ фрунтъ, и солдаты бы разбрелись въ разныя стороны и каждый прикурнулъ тамъ, гдѣ ему понало. Всѣ они были одѣты и не тронуты, такъ какъ они убиты были, почему и лежали они въ особливомъ положеніи. Иной лежалъ ницъ лицомъ, другой подъ вустомъ съезжившись, третій на боку, нѣтъ при себѣ ружье и все прочее свое оружіе, четвертый навзничъ и такъ дагѣ. Но чему мы всего болѣе дивились, то съ своей стороны видѣли мы побитыхъ гораздо меньше, нежели съ прусской, и никакой иной причины тому не находили, кромѣ той, что много надѣлали тутъ вреда шуваловскія секретныя гаубицы.

О подлинномъ съ обѣихъ сторонъ уронѣ намъ узнать не было способа, однако всѣ тогда говорили, что нашъ уронъ убитыми дѣйствительно не простирался будто и до 1000 человѣкъ, а состоялъ только въ 860 человѣкахъ; напротивъ того раненыхъ было гораздо болѣе и слишкомъ четыре тысячи человѣкъ, и какъ изъ оныхъ весьма многіе и скоро потомъ померли, то весь уронъ дѣйствительно можно полагать тысячахъ въ двухъ, а съ ранеными — тысячахъ въ пяти, хотя изъ сихъ послѣднихъ многіе были весьма легко ранены и считались только въ числѣ оныхъ; а были нѣкоторые и такіе, которые будучи вовсе нераненными, а старались себя включить въ число раненыхъ, думая получить чрезъ то себѣ какія-нибудь выгоды, хотя въ томъ себя они очень обманули, и надежда ихъ была тщетная. Въ самомъ нашемъ полку случил-

ся примѣръ тому подобный. Одинъ поручикъ, знакомый мнѣ человекъ и впрочемъ порядочный офицеръ, по фамиліи господинъ Аристовъ, не былъ вовсе въ сей день въ строю и на баталіи, а находился въ обозѣ, по причинѣ, что наканунѣ сего дня нѣсколько онъ по занемогъ, и потому ѣхалъ онъ лежучи въ своей кибиткѣ. Но вдругъ очутился онъ въ числѣ раненныхъ. «Господи помилуй, чюдась сему говорили мы между собою: — какимъ это образомъ случилось, что нашъ Аристовъ раненъ?» И скоро узнали потомъ, что онъ непріятеля и въ глаза не видалъ, а въ то только время, когда была наибольшая опасность, и когда всѣ обозы прочь и назадъ погна-ли, онъ такъ перетрусился, что позабывъ свою болѣзнь и вскочивъ на отпряженную изъ повозки припряженую лошадь, ударился скакать назадъ, и ѣдучи мимо одного дерева, въ торопахъ зацѣпилъ головою за одинъ сукъ, и немного имъ на лбу у себя оцарапалъ. И сей-то небольшой шрамъ вздумалось сему господину назвать полученною отъ непріятеля раню и вписать себя въ число раненныхъ. Онъ бесомнѣнно думалъ получить себѣ за то какое-нибудь награждение, но въ семъ ожиданіи весьма обманулся, а сдѣлалъ только то, что весь полкъ, узнавъ о семъ происшествіи, началъ поднимать его на смѣхъ, и дотога наконецъ довелъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ онаго и перепроситься въ другой полкъ.

Что касается до непріятельскаго урона, то единогласно всѣ говорили, что одними убитыми найдено на мѣстѣ до 2,500 человекъ, умалчивая о раненныхъ, которыхъ было несравненно больше. Сверхъ того нахватали мы ихъ болѣе 600 человекъ въ полонъ, съ восьмью офицерами, и число оныхъ приумножалось съ часу на часъ. Одинъ дезертировъ или самовольно къ намъ предавшихся было человекъ до 300 и болѣе. Кромѣ всего того взяли мы на мѣстѣ баталіи 29 пушекъ съ ихъ ящиками и снарядами, изъ которыхъ три были превеликія. Также

получили мы въ добычу 29 барабановъ, но знамя не удалось намъ ни одного захватить: пруссаки были слишкомъ осторожны и берегли оныя весьма тщательно. А и самыя ихъ генералы и предводители, видно, не таковы были ревностны и отважны, какъ наши, ибо въ числѣ убитыхъ былъ у нихъ одинъ майоръ Гольцъ, да въ числѣ раненныхъ генералъ-поручикъ графъ Дона. Напротивъ того, мы потеряли на семъ сраженіи нѣсколько генераловъ и начальниковъ; но ни о которомъ такъ вся армія не тужила, какъ о генералъ-аншефѣ Лопухинѣ. Сей, будучи въ прахъ израненъ, попалъ-было въ полонъ пруссакамъ, но отнять силою у прусскихъ гренадеровъ и принесенъ на рукахъ въ обозъ. Тутъ имѣлъ еще онъ, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что дожилъ до конца баталіи, и послѣднія его слова остались у всей арміи въ незабвенной памяти. Онъ, будучи уже при краѣ жизни, спрашивалъ еще предстоящихъ: «гонять ли наши?», «живъ ли фельд-маршалъ?» И какъ его и въ томъ и въ другомъ увѣрили, тогда перекрестясь, сказалъ онъ:—«Ну, слава Богу! теперь умру я съ покоемъ, отдавши долгъ моей государинѣ и любезному отечеству!» и того момента въ самомъ дѣлѣ умеръ. Смерть его, по справедливости, была славная, ибо рѣдко о которомъ бы генералѣ такъ много было плачущихъ, какъ объ немъ. Будучи человекъ богатый и щедрый до высочайшаго градуса, умѣлъ онъ тѣмъ преклонить въ любовь къ себѣ тысячи сердецъ и заставить себя при концѣ оплакивать.

Другой генералъ, котораго мы лишились, былъ генералъ-поручикъ Зыбинъ. Сей также носилъ имя добраго человека и заслужилъ сожалѣніе: однако объ немъ не долго и не много говорили. Бригадиръ Капнистъ былъ третій изъ убитыхъ, и оба сіи убиты были на нашемъ лѣвомъ крылѣ, въ то время, когда пруссаки къ намъ за фронтъ ворвались съ своею конницею. Изъ прочихъ же нашихъ генераловъ, многие были переранены, какъ-то: Георгій и Маг-

вѣй, генералъ Толстой, генералъ-майоры: Дебоскетъ, Вильбоа и Мантейфель; генералъ-квартирмейстеръ Веймарнъ и бригадиръ Племанниковъ; но раны ихъ были не опасны и такъ маловажны, что они могли отправлять свою должность. Что-жъ касается до штабъ и оберъ-офицеровъ, то и побито и переранено было ихъ не малое число, и довольно, когда сважу, что вторымъ гренадерскимъ полкомъ принужденъ былъ послѣ баталіи командовать поручикъ, ибо всѣ штабы и капитаны были отчасти перебиты, отчасти переранены. Словомъ, сколь баталія наша была ни кратковременна, но пролито на ней довольно человѣческой крови, и не одинъ курганъ остался съ зарытыми войнами на поляхъ Эгерсдорфскихъ.

Въ послѣдующій день, то-есть, 20-го числа августа, было у насъ благодарственное торжество. Мы приносили Всевышнему достойное благодареніе, при пушечной пальбѣ изъ взятыхъ въ добычу неприятельскихъ пушекъ, и вся армія поставлена была въ строй и стрѣляла три раза обыкновеннымъ бѣглымъ огнемъ. Всѣмъ солдатамъ учинена была винная порція; также велѣно было выдать за мѣсяць не въ зачетъ жалованья. Достаточное же время дня употреблено было на разбираеніе убитыхъ, какъ своихъ, такъ и неприятельскихъ тѣлъ, и на приемъ провіанта для взятыхъ на баталіи и съ часу на часъ приумножающихся военнопленныхъ.

Армія стояла и послѣдующее 21-е число на томъ же еще мѣстѣ. И въ сей день погребали мы убитыя свои и неприятельскія тѣла, и отправляли пленныхъ и раненыхъ назадъ въ Тильзитъ. Также отправленъ былъ въ сей день генералъ-майоръ Панинъ съ извѣстіемъ о сей баталіи ко двору въ Санктпетербургъ.

Фельдмаршалъ нашъ, въ донесеніи своемъ ко двору о семъ происшествіи, старался koliko можно скрыть и утаить свою непростительную погрѣшность и допущеніе неприятеля столь близко до себя до еди-

ной своей оплошности, но придавалъ всему дѣлу видъ koliko можно лучший. Онъ изъявлялъ удивленіе свое о томъ, что нашелъ армію прусскую гораздо въ превосходнѣйшемъ числѣ, нежели онъ думалъ и тысячъ до сорока простиралушуюся. Превозносилъ храбрость и отважность пруссаковъ до небесъ и утаивалъ совершенно то обстоятельство, что изъ арміи нашей и четвертой доли не было въ дѣйствительномъ дѣлѣ, а что все дѣло кончили не болѣе какъ полковъ пятнадцать, прочіе же всѣ стояли поджавъ руки и безъ всякаго дѣла за лѣсомъ. О самомъ рѣшительномъ обстояествѣ рассказывалъ онъ хотя справедливо, но въ другомъ видѣ, и, наконецъ, старался все заглушить приписываніемъ непомѣрныхъ похвалъ шуваловскимъ гаубицамъ и бывшимъ при сраженіи волонтерамъ, князю Репнину, графу Брюсу, графу Апраксину, гвардіи капитану Болтингу и иностраннымъ: цесарскому генералу Сант-Андрею, французскому полковнику Фитингофу, а особливо Лопиталю, саксонскому полковнику Ламсдорфу и гольштинскому поручику Надасти, о которыхъ, какъ видно, изъ одинаго ласкательства говорилъ, что они на семъ сраженіи оказали будто чудеса храбрости, ревности, усердія и неустрашимости. Но въ самомъ дѣлѣ у насъ въ арміи всего меньше объ нихъ говорили. И всѣ сіи особы были такъ мало у насъ извѣстны, что мы даже и не знали, что они при оной находились; а притомъ нѣкто и не понималъ, гдѣ-бъ и при какомъ случаѣ оказали имъ сіи чудеса храбрости, ибо баталія была столь стѣсненная и спутанная, что никому изъ командировъ ничего сдѣлать было не можно. А если кто славился и всею арміею похваляемъ былъ, то честь сію можно приписать полковнику Языкову. Онъ сдѣлалъ болѣе нежели всѣ, хотя былъ самъ израненъ въ прахъ, но съ полкомъ своимъ выдержалъ весь огонь и отбивъ стремящагося всею силою неприятеля, удержалъ весьма важный постъ; но о семъ истинномъ героѣ главный полководецъ нашъ въ ре-

ляціи своей не упомянулъ ни единымъ словомъ.

Что-жъ принадлежитъ до пруссаковъ, то ничего не могло быть смѣшнѣе и досаднѣе того, какъ они изображали въ писавіяхъ своихъ сіе сраженіе, и съ какимъ безстыдствомъ гнали и выдумывали то, чего никогда не бывало, стараясь тѣмъ обмануть весь свѣтъ и придать сраженію сему видъ совсѣмъ иной и для нихъ выгоднѣйшій. Они затѣяли прежде всего ту на насъ совершенную небылицу, что мы стояли тутъ такъ окопавшись и въ такомъ крѣпкомъ ретраншаментѣ, что было у насъ сдѣлано не только четыре линіи или вала, но предъ ними еще порядочныя траншеи, установленныя болѣе нежели 200-ми пушекъ, вмѣсто того, что у насъ не была нигдѣ и лопаткою земля копана, а траншеи на что-бы были потребны, того не только мы не знали, но ежели-бы спросить и самого прусскаго писателя, то и онъ бы не зналъ, что сказать, ибо сіе была уже сущая нескладница. Но симъ образомъ лагерь нашъ въ пыломъ воображеніи своемъ угодно было ему укрѣпить, для того, чтобъ тѣмъ болѣе увеличить героическій духъ фельдмаршала своего, Левальда, отважившагося атаковать насъ въ такомъ крѣпкомъ укрѣпленіи стоящихъ, и чтобъ тѣмъ удобнѣе можно было послѣ скрыть свой стыдъ и оправдать его въ потерянніи баталіи, ибо послѣ и сказать онъ, что сколько пруссаки ни храбро наступали и сколь ни удачно они, яко бы всю нашу первую линію, а особливо конницу опрокинули совершенно, и дѣльмъхъ будто три батальона и болѣе 60-ти пушекъ отъ насъ отхватили, однако не было-де возможности никакъ всѣми толь многими, другъ за другомъ сдѣланными, ретраншаментами овладѣть; но принуждено было бывшую уже въ рукахъ побѣду изъ оныхъ опять выпустить, и побивъ у нашихъ до 9,000 человекъ, въ наилучшемъ порядкѣ ретироваться.

Вотъ какими безсовѣстными и безстыдными выдумками и явною неправдою старались они ослѣпить глаза свѣту и

прикрыть стыдъ свой. Но, по счастью, описанія баталіи сей были у нихъ разныя и не одинакія, а во многомъ другъ съ другомъ несогласныя. Напримѣръ, въ другомъ извѣстіи прибавили они новую ложь сказавъ, что у насъ сдѣлана была изъ срубленныхъ деревъ засѣка, и что имъ трудно было ее переходить и потомъ строиться, хотя ничего того не бывало. А въ третьемъ извѣстіи гнали они еще того безстыднѣйшимъ образомъ, увѣряя свѣтъ, яко-бы кавалерія ихъ нашъ лѣвый флангъ и конницу совсѣмъ опрокинула и овладѣла батареею, вмѣсто того, что сія и близко ихъ къ себѣ не подпустила, но однимъ залпомъ такое произвела между ими пораженіе, что они въ тотъ же мигъ назадъ обратились, и оставивъ въѣхавшій за фронтъ къ намъ эскадронъ въ жертву нашимъ, съ нуждою уплелись сами и оставили крыло сіе съ покоемъ. Далѣе безстыднѣйшимъ образомъ гнали они, что якобы у насъ на правомъ флангѣ надѣлано было множество батарей, другъ за другомъ, и что будто они тремя изъ нихъ овладѣли, но всѣми овладѣть не могли. Наконецъ, чтобъ безстыдную свою ложь увѣнчать еще того безсовѣстнѣйшею, то въ предлогъ, для чего они принуждены были ретироваться, затѣяли смѣха достойное дѣло и такую небылицу, которой истинно хохотать надобно, а именно, якобы вторая ихъ линія, будучи густотою дыма обманута, сама начала стрѣлять по своей первой сзади, и что какъ сія, понавши симъ образомъ между двухъ огней и вытерпивая одинъ огонь сзади, отъ своихъ, а другой спереди, отъ насъ, и стрѣльбу болѣе нежели изъ 150 пушекъ и мортиръ, не могла болѣе устоять, то и принуждена была ретироваться, оставивъ 11 пушекъ и побивъ у насъ болѣе 10,000, и такъ далѣе.

Симъ и подобнымъ сему образомъ старались пруссаки залгать весь свѣтъ и веселить себя сами при своей неудачѣ. Но что удивительнѣе всего, то и самъ прусскій король, въ остаткѣ войны, и вождь смерти ея

ная о сей баталіи, говорить хотя всѣхъ прочихъ справедливѣе и описываетъ оную почти точно такъ, какъ она происходила, однако въ нѣкоторыхъ пунктахъ также нѣсколько припрыгаетъ, а именно, говоря, что у насъ была засѣпка и что потеряли они только 13 пушекъ, а изъ людей побитыми, ранеными и въ полонъ взятыми только 1,400 человекъ—что столь же было несправедливо, какъ и то, что, по увѣренію его, армія ихъ, не болѣе какъ въ 24,000 чел. состояла. Впрочемъ, винилъ онъ очень фельдмаршала своего Левальда, для чего не атаковалъ онъ насъ прежде, а особливо наканунѣ того дня, какъ мы выходили и строились. Но, Богу извѣстно, удалось ли бы имъ тогда получить надъ нами какую-нибудь выгоду, ибо мы были тогда къ сраженію готовы и находились гораздо въ лучшей позиціи, а все сіе доказываетъ, что и самому королю донесено было обо всѣхъ обстоятельствахъ не весьма справедливо, и онъ самъ о баталіи сей не имѣлъ порядочнаго понятія.

Но какиѣ бы то образомъ ни было, но пруссакамъ не удалось, по желанію своему, насъ разбить, и все искусство ихъ генераловъ и храбрость солдатъ не помогла имъ ни мало. Но судьбѣ было угодно, чтобъ мы ихъ побѣдили и прогнали обратно въ прежній ихъ укрѣпленный при Велавѣ лагерь, куда они, не будучи преслѣдуемы, и возвратились безъ помѣшательства.

Обстоятельство сіе сколько было приятно и радостно намъ, столько огорчительно для короля прусскаго, который въ самое сіе время находился весьма въ смутныхъ обстоятельствахъ. Пронгранная имъ противъ цесарцевъ славная баталія при Колинѣ, о которой впереди и было упоминаемо, возымѣла слѣдствія для него весьма неприятныя. Я выше уже упоминалъ, что онъ принужденъ былъ со стыдомъ оставить осаду богемскаго столичнаго города Праги, забыть всѣ пышныя и великолѣпныя свои замыслы и надежды къ скорому завоеванію всей Богеміи, и помышлять вмѣсто того о томъ, какъ

бы самому скорѣе и съ меньшимъ убыткомъ изъ Богеміи выбраться.

Въ семь намѣреній раздѣлилъ онъ армію свою на два корпуса, и одинъ изъ оныхъ повелъ самъ назадъ въ Саксонію, а другой отправилъ подъ предводительствомъ наследнаго принца своего, брата отца нынѣшняго короля прусскаго *) въ Лузацію, дабы защитить тамошній край отъ впаденія цесарцевъ. Съ первымъ изъ сихъ корпусовъ вышелъ онъ изъ Богеміи и въ Саксонію возвратился нарочито удачно и не претерпѣвъ никакихъ дальнихъ уроновъ. Но армія наследнаго принца не была столь счастлива. Большая цесарская армія пошла вслѣдъ за оною и имѣя у себя хорошихъ предводителей, стала такъ, что помѣшала принцу продолжать походъ свой къ Габелю. Въ сей крѣпости находился прусскій генералъ Путцамеръ съ четырьмя батальонами охраннаго войска. Цесарцы осадили его тутъ и принудили его тотчасъ сдаться, а какъ овладѣніемъ сего мѣста пресѣчена принцу коммуникація съ магазинами его, находящимися въ городѣ Цитау, то принужденъ онъ былъ искать другой дороги и обходить кругомъ черезъ Камницъ. Но сей походъ былъ ему не только крайне труденъ, но бѣдственъ и убыточенъ, ибо на пути семь, будучи непрерывно обезпокоиванъ цесарцами, растергалъ онъ множество людей, аммуниціи и багажа, и уморилъ-было всю свою армію съ голода, ибо дошло до того, что она цѣлыя три сутки не имѣла хлѣба и едва-было совсѣмъ не погибла, еслибъ, по счастью, генералъ Винтерфельдъ не доставилъ ей нѣсколько провіанта изъ Цитау. Словомъ, принцъ сей приведенъ былъ въ такое утѣшеніе, что вмѣсто того, чтобъ идти въ Лузацію, принужденъ онъ былъ съ поспѣшностію ретироваться къ Бауцену и въ сторону къ Саксоніи. Тутъ соединился съ нимъ король, который былъ такъ недоволенъ принцевымъ поведеніемъ, что нѣсколько времени не хотѣлъ удостоить его своимъ взоромъ и изъявилъ ему всѣ знаки своего гнѣва и немилости.

*) Это писано въ 1789 году.

Однако и самому ему не лучшая во всемъ была удача. Онъ всѣми помянутыми происшествіями былъ такъ разстроенъ, что долго не могъ ничего предпринять и большую часть лѣта препроводилъ въ поправленіи разбитой своей арміи и въ снабденіи ея всѣмъ нужнымъ. Наконецъ, въ началѣ августа, собравъ къ себѣ разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ detachmentы своихъ войскъ, вознамѣрился-было онъ опять испытать счастья своего противъ цесарцевъ, и для того отправился съ арміею къ Цитау; но нашелъ тутъ непріятеля стоящаго въ столь выгодномъ положеніи, что онъ, на всю свою храбрость и искусство несмотря, не отважился приступить противъ него ни къ малѣйшему предпріятію, но ничего не сдѣлавъ, возвратился опять въ Саксонію, куда призывали его другія и важнѣйшія надобности; ибо получены были имъ извѣстія, что съ одной стороны союзники его ганноверцы, по потеряннн противъ французовъ баталіи, утѣснилися уже слишкомъ оними и что дѣло до того уже доходить, что арміи либо погибать, либо отдаваться въ полонъ; съ другой, что собралась уже и такъ-называемая имперская экзекуціонная армія, въ многочисленномъ количествѣ, около Нюрнберга, и соединившись съ французами готовилась войти въ Саксонію и учинить на него тутъ нападеніе; а съ третьей, что изъ Швеціи переправилось черезъ Балтійское море семнадцать тысячъ чловѣкъ въ Померанію, и что войско сіе готовилось впасть въ его земли. Итакъ, противъ всѣхъ сихъ непріятелей надлежало королю дѣлать отпоръ и выдумывать всякія средства къ отпачевію оныхъ. А какъ въ самое сіе время получено было извѣстіе о вступленіи и нашей арміи въ Пруссію, а вскорѣ потомъ и о самой побѣдѣ, одержанной нами надъ его арміею, то все сіе натурально приводило мысли его въ великую разстройку. Онъ не зналъ куда и въ которую сторону напередъ обратить ему навѣщее свое вниманіе, и все сіе довело его наконецъ до такого смущенія, что онъ предался почти

совершенному уже отчаянію, и не хотя видѣть себя стыдомъ и безславіемъ открытымъ, вознамѣрился-было уже всѣмъ лишить самого себя жизни, какъ то нѣкоторыя писанныя имъ къ Вольтеру письма и сочиненная самимъ имъ на случай сего самоубійства ода свидѣтельствуетъ ясно.

Вотъ до какого отчаяннаго состоянія доведенъ былъ король прусскій въ сіе лѣто, и сколь ему одержанны надъ нимъ цесарцами и нами побѣды были чувствительны. Толь многіе непріятели, окружающіе его со всѣхъ сторонъ сильными и многочисленными арміями, причиняли ему великое опасеніе и нагоняли страхъ и ужась. Онъ чувствовалъ, что былъ онъ противъ всѣхъ ихъ слишкомъ слабъ и малосиленъ, и потому не иное что ожидать, какъ то, что его неминуемо разобьютъ, и что онъ не только потеряетъ все завоеванное, но что цесарцы овладѣютъ и всею Бранденбургіею его, а и объ насъ, какъ весь свѣтъ, такъ и самъ онъ, не сомнѣвался тогда въ томъ, что мы, воспользовавшись полученною надъ арміею его побѣдою, не преминемъ тотчасъ овладѣть всѣмъ его королевствомъ прусскимъ и выгнать изъ онаго остатки разбитой его арміи. Мы всѣ сами то же самое думали, однако счетъ сей дѣланъ былъ безъ хозяина, но Провидѣнію небесъ угодно было всѣ происшествія распорядить со всѣмъ инако и произвестъ то, чего никто не могъ никакъ думать и ожидать, и чему весь свѣтъ до чрезвычайности удивился.

Все сіе увидите и услышите, любезный пріятель, въ будущемъ продолженіи моихъ писемъ, а теперь сего отъ меня не требуйте и не ожидайте! Письмо мое уже слишкомъ увеличилось, и мнѣ пора его окончить, а какъ и матерія съ сего времени пойдетъ нѣсколько уже отиѣнная, то и кстати будетъ говорить о томъ уже особо. Почему, прекративъ сіе и увѣривъ васъ о непремѣнности моей дружбы, остаюсь и прочая.

Конецъ

Части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ V.

(1790).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

ПОХОДЪ КЪ ВЕЛАВЪ.

Письмо 49-е.

Любезный пріятель! Изобразивъ вамъ въ предслѣдующихъ письмахъ всю первую половину нашего перваго прусскаго похода, и рассказавъ вамъ, какъ мы шли противъ непріятеля нашего, какъ его искали и какъ съ нимъ дрались и его побѣдили, приступлю теперь къ повѣствованію того, что происходило у насъ послѣ авракинской нашей баталіи, и что сдѣлали потомъ съ непріятелемъ мы, и что онъ съ нами, и чѣмъ, наконецъ, кампанія сего года кончилась.

Матерія о семъ, какъ думаю, будетъ для васъ не менѣе любопытна, какъ и предслѣдующая; но таковажъ-ли будетъ пріятна, какъ она, въ томъ не могу никакъ впередъ поручиться, ибо какъ произшествія были не такія, а отчѣнныя, то принужденъ буду и я картины рисовать иного рода. Почему и не взмыщите, если для глазъ будутъ онѣ иногда не слишкомъ увеселительны и пріятны, но болѣе досадны. Не я, а времена и обстоятельства тогдашнія были тому уже причиною, что онѣ таковы, а не инаковы; ибо я буду принужденъ то описывать, что было. Къ чему теперь и приступаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что мы, побѣдивъ нашего непріятеля, расположились лагеремъ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило сраженіе, и нѣсколько дней препроводили въ торжествованіи сей побѣды и въ разборѣ-

и погребаніи побитыхъ. Отдохновеніе сіе было намъ хотя непротивно, однако нельзя сказать, чтобы было и пріятно, а мы всѣ болѣе удивлялись тому, что полководцы и командиры наши не старались ковать желѣзо, покуда оно было еще горячо, и не спѣшили итти въ слѣдъ за убѣгшимъ непріятелемъ, и маленькую его оставшую армію скорѣе до конца сокрушить и всѣмъ королевствомъ Прусскимъ скорѣе овладѣть не старались. И какъ ни одинъ человекъ изъ всей арміи нашей не сомнѣвался въ томъ, что пруссаки и не подумаютъ уже болѣе намъ противоборствовать, но побѣгутъ отъ насъ какъ овцы, то увеселяли мы уже себя предварительною надеждою, что скоро и весьма скоро увидимъ мы уже и славный ихъ столичный городъ Кеннигсбергъ и вступимъ въ мѣста, наполненные изобиліемъ во всемъ; и какъ всѣ нетерпѣливо желали, чтобы скорѣе сіе совершилось, то не успѣлъ настать третій день послѣ баталіи, и мы и въ оный поутру услышали опять біемую зорю, а не генеральный маршъ, то всѣ начинали уже и гораздо поговаривать: «для чего мы тутъ стоимъ и мѣшкаемъ такъ долго?»

Наконецъ наступило 22-е число августа, и мы, къ общему нашему удовольствію, услышали, что забили генеральный маршъ, а не зорю. Боже мой, какъ обрадовались тогда всѣ мы! Никто, я думаю, и никогда съ толикою охотою и усердіемъ не выступалъ въ походъ, какъ мы въ сіе утро; ибо все войско роптало ужъ давно, что насъ такъ долго тутъ на одномъ мѣстѣ

держуть, и даютъ между тѣмъ непріятелю время опаматоваться и собираться съ силами; и всѣ давно и съ величайшею ревностью желали итти въ слѣдъ за непріятелемъ. Почему не только ни мало не досадовали на то, что встревожили насъ еще очень рано, и что мы уже на самомъ разсвѣтѣ въ походъ выступить принуждены были, но охотно бы согласились итти и съ самой полночи.

Поелюку выступили мы въ походъ такъ рано, то никто не сомнѣвался въ томъ, — что мы въ тотъ день учинимъ великій переходъ и отойдемъ по-крайней-мѣрѣ верстъ съ двадцать. Однако въ семь мнѣній мы очень обманулись. Армія наша, пробравшись сквозъ гѣсъ тѣмъ тѣснымъ проходомъ при Альментаузенѣ, о которомъ я упоминалъ прежде и за которымъ находились прежде сего прусскій лагерь, и прошедъ находившуюся тутъ другую деревню, Бушдорфъ, отошла небогѣе какъ пять верстъ, и стала опять лагеремъ. Сіе удивило насъ всѣхъ до чрезвычайности и многіе, досадуя на то, говорили еще тогда: — «Ну! махнули же мы сегодня, братцы! Легко ли сколько!» — «Да!» подхватывали другіе, «съ этакимъ проворствомъ не дойдемъ ни и въ цѣлый мѣсяцъ до Кенигсберга!»

При проходѣ сквозъ вышеупомянутый и версты на двѣ въ ширину простирающийся гѣсъ, смотрѣлъ я съ особливимъ любопытствомъ на тотъ тѣсный проходъ, который, дня за три до того, остановилъ нашихъ предводителей и побудилъ ихъ перемѣнить планъ своего намѣренія, и находилъ, что дефилея сія была въ самомъ дѣлѣ весьма важная и неудобъ проходимая, и пруссаки могли-бъ немногими людьми и пушками надѣлать намъ тутъ множество вреда и помѣшать намъ проходить сквозъ оную. Мы и безъ непріятеля имѣли немалый трудъ пробраться сквозъ сей тѣсный проходъ гѣсомъ.

Во время ночеванія нашего въ упомянутомъ мѣстѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, произошла у насъ во всей арміи тревога, и, что удивительно, то къ сущему стыду ни

пустая. Сіе увеличило еще болѣе нашу досаду на предводителей. «Горе, а не предводители вы, государи наши», говорили мы, смотря на оныхъ, «будучи побѣдителями, а бонтесъ каждой мухи и всю армию сами не знаете для чего тревожите и беспокоите».

Какъ разсвѣло, то потащились мы опять въ походъ понемногу. И какъ мы не ожидали, чтобъ и въ сей день походъ нашъ былъ успѣшнѣе, то смѣючись, говорили между собою: — «Посмотримъ, что-то Богъ дастъ сегодня и сколько-то уйдемъ». Мы въ мнѣніи своемъ вѣрно и не ошиблись. Цѣлую половину дня тащились мы четыре версты, прохода всѣ узкія мѣста между гѣсами и кустарниками. Переходъ сей, каковъ ни малъ былъ, но отяготилъ насъ до безконечности. День случился самый жаркій и духота такая, что мы не знали куда дѣваться. Пуще всего досаждало намъ то, что мы на всякомъ почти шагу принуждены были останавливаться и промедливать минутъ по нѣскольму. Не успѣемъ сажень десяти или двадцати отойти, какъ закричатъ «стой!», и мы принуждены стоять и печься на жару солнечномъ, а тамъ опять двинемся шаговъ пять и опять «стой!», и такъ далѣе. Не можно изобразить, какъ таковой медленный походъ во время жаровъ несносенъ, а особливо въ такое время, когда отъ фрунта не можно никуда ни на одинъ шагъ отлучиться. Истинно власно какъ за душу кто тянетъ; и еслибъ не имѣли мы той отрады, что у всякаго изъ насъ была бутылка съ водою, смѣшанною съ укусомъ, то отъ жажды не знали-бъ мы что дѣлать. Ни въ которое время, во все продолженіе похода, не была намъ сія вода толико нужна и драгоцѣнна, какъ въ сей день. Она казалась намъ лучше и превосходнѣе всѣхъ шампанскихъ и венгерскихъ винъ на свѣтѣ, и мы тысячу разъ благодарили сами себя, что догадались запаситься оною и настановить полныя передніе ящики въ ротныхъ нашихъ патронныхъ ящикахъ бутылками. По особливому счастью, не имѣли мы во весь походъ недостатку въ укусѣ. Мы покупали его по

рублю штофъ; но онъ такъ былъ намъ нуженъ, что мы согласились бы платить за него и по два, и по три рубля, еслибъ того требовала нужда.

Идучи столь медленными стопами и терзаясь ежеминутно досадою, не понимали мы, чтѣ-бъ тому была причина, что мы такъ медленно тащились. Но не успѣли мы пройти помянутые перелѣски и, выбравшись на поле, дойти до высокаго берега одной рѣки, какъ узнали мы тому причину; ибо тутъ, къ превеликому удивленію нашему, увидѣли мы за рѣкою вдали предъ собою весь непріятельскій лагерь, расположенный на горѣ.

Зрѣлище сіе всѣхъ насъ поразило до чрезвычайности; ибо мы всего меньше думали, чтобъ непріятель былъ отъ насъ такъ близко, но считали его далеко ушедшимъ. Изъ сего не трудно было заключить, что намъ и не можно было спѣшить своимъ походомъ, но что и по неволѣ принуждены мы будемъ на помянутой горѣ остановиться и стать лагеремъ. Ибо, во-первыхъ, не можно было и рѣку безъ мостовъ переправиться, а во-вторыхъ, вида, что непріятель неслишкомъ насъ трусить, не сомнѣвались мы, что онъ не преминетъ намъ въ переправѣ черезъ оную дѣлать помѣшательство.

Что мы предъугадывали, то и сдѣлалось. Мы не успѣли дойти до помянутой рѣки, какъ и велѣно было намъ остановиться по самому берегу лагеремъ и употребить всѣ нужныя отъ непріятели осторожности; а сверхъ того и командиры наши постарались обезпечить станъ нашъ отъ нападенія непріятельскаго разстановленіемъ въ нужныхъ мѣстахъ пушекъ и бекетовъ.

Теперь, не ходя далѣе, дозвольте мнѣ, любезный пріятель, на минуту остановиться и описать вамъ обстоятельнѣе все положеніе того мѣста, на которомъ мы остановились, ибо оно было для насъ довольно достопамятно. Итакъ, представьте себѣ одну, хотя не гораздо большую, однако и не само малую, а сажень на десять или на пятнадцать въ ширину простирающуюся рѣку, и имѣющую теченіе

свое очень низко, а притомъ и не гораздо прямо, но сочиняющую къ намъ не малую луку и изгибину. Одинъ берегъ сей рѣки, которая называлась Ааль, былъ очень крутъ и составлялъ превисокою гору, а другой былъ очень низокъ и, простираясь далѣе отъ рѣки, возвышался мало-по-малу, такъ что составлялся самый отлогій косогоръ, котораго верхъ равенъ былъ прежеупомянутой горѣ, однако, не ближе какъ версты за три отъ оной. Армія наша, пришедъ, стала подлѣ самой оной рѣки, на крутомъ и возвышенномъ ея берегу, или на вышеупомянутой горѣ, между деревнями Гроссъ и Клейнъ-Уръ, а на другомъ берегу, внизу, подлѣ самой рѣки, находилась небольшая деревня Бергерсдорфъ, за которою пригородъ, часть отъ часу поднимался, и версты три отъ насъ разстояніемъ соединялся съ горизонтомъ, гдѣ, то-есть на самомъ холму онаго видѣнъ былъ передній фасъ стоящаго тамъ прусскаго лагеря. Зрѣлище, которое мы впервые имѣли тогда случай видѣть; ибо до того времени не было еще у насъ никогда въ виду непріятельскаго лагеря. Внизъ рѣки, версты три или четыре отъ сего мѣста, вправѣ, находился прусскій городъ, называемый Велау, но который, за случившимся на той сторонѣ рѣки лѣсомъ, отъ насъ былъ не видѣнъ.

Вотъ какое было натуральное положеніе тамошняго мѣста, которое для меня было тѣмъ достопамятнѣе, что оно со всѣмъ почти походило на то, гдѣ находится мое жилище въ моемъ отечествѣ.

Армія пришла къ сему мѣсту еще довольно рано и расположилась лагеремъ такъ, какъ по неровному и вершинами и буераками изрытому мѣсту наименѣе было можно. Нашему полку, какъ бывшему и тогда еще въ авангардномъ корпусѣ, случилось стать напередѣ всѣхъ и на самомъ берегу рѣки Ааль, противъ вышеупомянутой деревни Бергерсдорфъ, и какъ мѣсто сіе было наивозвышеннѣйшее, то предъ самымъ нашимъ полкомъ и поставлена была знатная часть нашей артиллеріи.

Нельзя было способиѣ быть для артиллеріи мѣста того, на которомъ она тогда стояла. Она могла очищать все пространное за рѣкою и чистое поле и командовать имъ такъ, что нельзя было ни одному человѣку на немъ показаться. Сіе имѣли мы случай видѣть въ самой практикѣ; ибо не успѣли мы приттить и стать, какъ увидѣли уже на той сторонѣ непріятельскіе гусарскіе подѣзды, выѣзжавшіе небольшими кучками изъ-за лагера и подѣзжавшіе къ деревнѣ, для подсматриванія нашей арміи. Нетрудно заключить, что имѣя батарею въ такомъ выгодномъ мѣстѣ, не можно было намъ дозволить разѣзжаться по полю по своей волѣ. Мы поздравили ихъ тотчасъ изъ двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ, и учтивство наше было имъ не весьма пріятно. На моихъ глазахъ пролетали ядра сквозь самыя ихъ кучки и принуждали ихъ разсѣиваться врознь. Однимъ словомъ, мы и далеко ихъ до деревни не допустили; но чему и дивиться не можно, ибо съ такой горы, на какой мы тогда стояли, а притомъ, стрѣляя на досугъ и имѣя время сколько хотѣли прицѣливаться, и стыдно было нашимъ артиллеристамъ, еслибъ не попадали. Имъ въ сей день было сущее для стрѣльбы ученье; и мы, собравшись, смотрѣли на ихъ удалство и не могли умнѣемъ ихъ довольно навеселиться.

Но какъ, несмотря на всѣ наши старанія и стрѣльбу, партіи ихъ до самой деревни подѣзжали, и по причинѣ приближающейся ночи опасались, чтобъ они не засѣли въ оной и не сдѣлали-бъ намъ въ переправѣ черезъ рѣку какого-нибудь помѣшательства, то, въ отвращеніе того, приказано было наконецъ деревню сію зажечь. Сіе подало мнѣ случай видѣть, какъ зажигаютъ артиллеристы строенія брандугелями или такъ-называемыми княпелями. Въ одинъ мигъ она у нихъ загорѣлась, и не успѣли они нѣсколькихъ зажигательныхъ особаго рода ядеръ бросить, какъ находилась она вся въ пламени и горѣла до конца. **Пруссаки обвиняли потомъ насъ въ томъ, что мы сжгли деревню; но сжгли**

разсудить, то причину къ тому подали они сами, и бѣднымъ жителямъ оной надлежало жаловаться не на насъ, а на самихъ своихъ гусаръ, старавшихся безъ всякой дальней пользы засѣсть въ оной. Но какъ бы то ни было, но сей пожаръ воспрепятствовалъ пруссакамъ въ деревнѣ сей засѣсть и укрѣпиться, и они удовольствовались, разстановивъ свои бекеты въ находящемся между сею деревнею и городомъ Велавою при рѣкѣ сей гѣсѣ, для примѣчанія нашихъ дѣйствій.

Все сіе доказывало намъ, что переправа чрезъ рѣку сію намъ не такова легка будетъ, какъ мы думали, но что непріятели намѣрены дѣлать намъ въ томъ препятствіе. Однако, какъ переправляться необходимо было надобно, то и командированы были разныя команды для дѣланія чрезъ рѣку сію мостовъ, которыя и начали въ томъ того часа упражняться и приготавливать къ тому всѣ нужные матеріалы. И какъ мосты сіи не такъ скоро можно было сдѣлать, то самое сіе и принудило армію въ семъ мѣстѣ простоять и весь послѣдующій день, то-есть 24-е число августа.

Во время сего днѣванія не произошло у насъ ничего важнаго и примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что видно было, что непріятель какъ около своего лагеря, такъ и на сей сторонѣ рѣки, въ правую сторону отъ нашей арміи предъ городкомъ Велавою, дѣлалъ батареи для воспрепятствованія продолженія нашего похода и для защиты города, о которомъ думалъ онъ, что мы его атаковать и имъ овладѣть стараться станемъ; а чтобъ воспрепятствовать намъ и чрезъ рѣку переправляться, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы начинали мосты дѣлать, начиналъ дѣлать также редуты и батареи. Таковыя его движенія, доказывающія его намѣреніе намъ противоборствовать, непріятны были не только нашимъ главнымъ командирамъ, но и всему войску. Не трудно было заключить, что всему тому виноваты были наши главные командиры, упустившіе непріятеля послѣ баталіи безъ всякой погони, и давшіе имъ чрезъ

то время опаматоваться и собраться съ силами. Сіе усматривали мы тогда довольно ясно и всё почти въявь на нихъ за то роптали. Они сами примѣчали уже свою ошибку; но какъ перемѣнить сего было уже не можно, то старались по-крайней-мѣрѣ и съ своей стороны употребить нѣкоторыя предосторожности; и какъ она, возобновивъ прежнюю свою трусость, стали бояться, чтобъ непріятель не пришелъ и не переудушилъ насъ какъ куръ въ самомъ нашемъ лагерѣ, то въ отвращеніе того разсудили, для прикрытія арміи со стороны отъ города, поставить въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нашего праваго крыла сильный бекетъ съ шуваловскими гаубицами и пушками.

Поеліку мнѣ самому случилось командировану быть на сей бекетъ, то и могу я разсказать обо всемъ томъ обстоятельстве, что при семъ случаѣ съ нами происходило. Насъ вывели на край самаго нашего лагеря и за деревню, и поставили противъ самой батареи, сдѣланной непріятелями на курганѣ предъ городомъ, такъ что намъ какъ она, такъ и весь городъ Велау былъ видѣнъ. День случился тогда красный, и мы не могли довольно насмотрѣться, видѣвъ какъ пруссаки выходили изъ мѣстечка и смѣняли караулъ на своей батарее. Ясныя ихъ ружья блестя отъ солнца, и мы любовались сими зрѣлищемъ до самаго вечера.

При наступленіи ночи велѣно было намъ имѣть возможнѣйшую осторожность и смотрѣть, чтобъ ночью пруссаки на насъ не напали. Правда, сего хотя и не было дальней причины опасаться, однако, какъ вблизи передъ нашимъ бекетомъ въ лоцинѣ находился лѣсокъ, то опасались мы, чтобъ непріятель, пользуясь ночью темнотою, не закрался въ оный и не учинилъ бы на насъ нечаяннаго нападенія, какъ то уже въ семъ лагерѣ съ нашими фуражирами однажды и случилось, и они были непріятелемъ нечаянно потревожены. Чего ради, бывший съ нами командиромъ, полковникъ велѣлъ двумъ шеренгамъ стоять во всю ночь въ ружьѣ,

а двумъ отдыхать. Итакъ, тысяча человекъ у насъ стояла, а другая тысяча спала. Пушки же всё заряжены были ядрами и картечами, и канонеры стояли съ зажженными фитилями въ готовности.

Такимъ образомъ принуждены мы были препроводить ночь съ худымъ покоемъ. Для всёхъ офицеровъ поставлено только было три солдатскихъ палатки, въ которыхъ побросались мы какъ были, въ шарфахъ и въ знакахъ, на землю. Но мы уже о томъ не тужили, но рады-бы были, еслибы только съ покоемъ и безъ тревоги ночь миновала; ибо надѣялись, что въ послѣдующее утро смѣнять насъ другія войска. Однако не такъ то сдѣлалось, какъ мы думали. Но не успѣла ночь настать, случившаяся тогда очень темною, и мы въ палаткахъ своихъ заснуть, какъ вдругъ прибѣжали сказывать намъ, что въ лѣсочкѣ, находящемся сажень за сто предъ нашимъ фрунтомъ, слышенъ какой-то шумъ и шорохъ, и что опасаются не непріятель ли въ оный вкрался. Услышавъ сіе, поскакали мы изъ сна, и безъ памяти бросились къ своимъ мѣстамъ. Мы нашли весь фронтъ уже въ готовности, и обѣ спавшія шеренги пробудившіяся и стоящія уже въ строю. Темнота была превеликая, и мы сколько ни смотрѣли въ сторону къ лѣсу, однако ничего не можно было видѣть. Но какъ шорохъ и тихій шумъ въ лѣсу продолжался, то сіе побудило командира нашего отрядить нѣсколькихъ солдатъ и послать смотрѣть ближе къ лѣсу, съ приказаніемъ дать намъ тотчасъ сигналъ, какъ скоро они что-нибудь примѣтятъ. Не могу довольно изобразить, съ какою нетерпѣливостью ожидали мы сихъ посланныхъ назадъ, или отъ нихъ какого-нибудь знака, и какія душевныя движенія ощущали мы, готовясь всякую минуту къ принятію непріятеля хоросшимъ залпомъ. Ружья у насъ всё были приготовлены, и оставалось только взвестъ курки и стрѣлять, а равномѣрно и у пушекъ всё канонеры были въ готовности съ своими фитилями. Но что-жъ воспослѣдовало? Уже прошло минутъ десять; уже прошло и болѣе

четверти часа; уже пора бы чему-нибудь и быть, но отъ посланныхъ нашихъ не было ни слуху, ни духу, ни послушанія. — «Что за диковинка! говорили мы, сошедшись между собою:—ужь не пустой ли какой шумъ насъ встревожилъ?» Но удивленіе наше еще болѣе увеличилось, когда мы, вмѣсто привазаннаго сигнала, чтобъ за-свистѣть, услышали вдали смѣхъ и хотанье. — «Конечно, не непріятель, а что-нибудь смѣшное! Но чему бы такому быть?...» Но сомнѣніе наше скоро рѣшилось. Мы увидѣли посланныхъ нашихъ идущихъ назадъ и со смѣхомъ намъ сказывающихъ, что непріятель, напугавшій насъ, далеко не таковъ страшенъ, какъ мы думали, и что весь шумъ, слышанный нами, производили не кто иной, какъ господа коровы, забравшіяся какимъ-то случаемъ въ сей дѣсь и бродящія по оному съ привязанными на шеяхъ у себя погремушками. — «Гфу, какая пропасть! говорили мы тогда, досадуя и смѣючись:—прахъ бы ихъ побралъ; а мы думали ужь Богъ знаетъ кто!» Подосадовавъ сямъ образомъ, что дали себя такой мечтѣ перетревожить и перепугать, разошлись опять по своимъ палаткамъ и растанулись на травѣ, провождать достальную часть ночи опять во снѣ.

Но ночь сія видно на то была опредѣлена, чтобъ намъ проводить ее въ непрерывныхъ безпокойствахъ; ибо не успѣли мы утомиться и передъ свѣтомъ погрузиться въ наслаждающій сонъ, какъ вдругъ проразистый крикъ и вопль пронизаетъ наши слухи и пробуждаетъ всѣхъ насъ изъ сладкаго сна. — «Вставайте, вставайте! закричали мы:—это уже не коровы, государи мои, а нѣчто по-важнѣе». А не успѣли мы сихъ словъ выговорить, какъ слышанная, и въ самой близости отъ насъ, ружейная стрѣльба всѣхъ насъ еще больше перетревожила. Тогда некогда было долѣе расдарабаривать, но мы, неинако заключаая, что непріятель напал на наши отводные караулы, которые мы, для лучшей безопасности, поставили впереди, поспѣвали изъ сна, и безъ шума

ти бросившись бѣжать въ своимъ мѣстамъ, кричали только: «къ ружью! къ ружью! Становись скорѣй въ строй, оправляй замки, кремни и ружья, и готовься къ стрѣльбѣ!» Однако и въ сей разъ, сколько мы, приготовившись совсѣмъ въ темнотѣ, впередъ ни смотрѣли, но не могли ничего примѣтить, и нашъ страхъ и тревога опять кончилась ничѣмъ, и мы, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, узнали, что сей крикъ и стрѣльба сдѣлалась не на нашей сторонѣ и не отъ нашихъ передовыхъ, а влѣвъ, за рѣкою, и наутріе провѣдали, что тревогу сію учинили наши калмыки, изъ коихъ нѣсколько человекъ, переплывъ черезъ рѣку, напали на стоявшій за рѣкою непріятельскій бекетъ и, разбивъ оный, привезли съ собою нѣсколько человекъ плѣнныхъ.

Поутру, въ наступившее за сямъ 25-е число августа, получивъ смѣну, возвратились мы въ свой полкъ и могли уже тамъ, сколько хотѣли, выспаться, потому что армія и въ сей день стояла на томъ же мѣстѣ лагеремъ, и ничего не предпринимала. А непріятель продолжалъ часть-отъ-часу болѣе укрѣплять редутами и батареями, и предполагать намъ въ дѣланіи нашихъ мостовъ столько затрудненій, что наши командиры принуждены были намѣреніе свое — переходить рѣку въ семь мѣстъ—оставить, и уничтоживъ начатое, помышлять объ иныхъ средствахъ. Мы не знали, что съ нами наконецъ тутъ воспослѣдуетъ, и гдѣ мы сію рѣку переправляться станемъ, и не сомнѣвались въ томъ, что вскорѣ опять чему-нибудь быть надобно, и что у насъ не пройдетъ безъ схватки съ непріателемъ. Всѣ его движенія и предпріятія доказывали намъ, что онъ никакъ не намѣренъ дать намъ спокойно переправляться черезъ рѣку, но что помышляетъ о коршемъ отпорѣ. А особливо ожидали мы сего въ томъ случаѣ, если вздумаютъ наши итти прямо черезъ городокъ Велавъ и за сямъ переходить рѣку по готовому мѣсту, на которомъ нами его батареи поставлены въ сей горо-

докъ, угрожали насъ кровопролитною встрѣчею, и, признаться надобно, что намъ сіе не весьма было приятно; и тѣмъ паче, что мы такого сопротивленія никакъ не ожидали, и потому отъ-часу болѣе роптали на командировъ своихъ и порочили ихъ за то, что они упустили неприятеля безъ погони и не умѣли, воспользуясь тогдашнею его разстройкою и трусостью, овладѣть еще тогда-жъ симъ важнымъ мѣстомъ.

Въ сей неизвѣстности о томъ, что будетъ происходить, препроводили мы весь сей день. Но въ вечеру разрѣшилось наше сомнѣніе и неожиданный приказъ, отданный во всей арміи, привелъ насъ въ новое удивленіе, а именно: всѣмъ намъ приказано было наутріе готовиться къ походу, и объявлено, что вся армія съ свѣтомъ вдругъ выступить тихимъ образомъ въ походъ.

На семъ мѣстѣ дозволюте мнѣ, любезный пріятель, пресѣчь мое письмо. Мнѣ хотится оставить васъ въ нетерпѣливости узнать, что послѣдуетъ далѣе. Сіе услышите вы въ послѣдующемъ письмѣ, а между тѣмъ остаюсь вашъ вѣрный и покорный слуга.

ПРИ МЕНБУРГѢ.

Письмо 50-е.

Любезный пріятель! Послѣднее письмо мое кончили я тѣмъ, что отданъ былъ во всю армію съ вечера приказъ, что наутріе вся армія выступить въ походъ и учинить сіе тихимъ и тайнымъ образомъ. Поелику такового приказанія намъ до того времени никогда еще отдавано не было, то и удивило оно насъ до чрезвычайности. Однако мы думали, что предводители наши, конечно, хотятъ употребить какую-нибудь стратегию или военный обманъ, и хотятъ выступить для того скрытно въ походъ, чтобъ либо нечаянно овладѣть городомъ Велавою, либо переправиться чрезъ рѣку гдѣ-нибудь въ другомъ и намъ еще неизвѣстномъ мѣстѣ.

Въ сей неизвѣстности, и горя нетерпѣ-

ливнымъ желаніемъ узнать, вправо ли мы пойдемъ или влѣво, и не будемъ ли наутріе имѣть съ неприятелемъ дѣла, препроводили мы всю ночь, а въ послѣдующій день, то-есть 26-го числа августа, какъ скоро начало разсвѣтать, то пробита была зоря вмѣсто генеральнаго марша, въ знакъ того, что будто армія стоять будетъ и въ тотъ день непоколебимо на томъ же мѣстѣ. А чтобъ лучше скрыть обманъ, то велѣно было нашему авангардному корпусу быть уже въ аррьергардѣ и палатки свои до тѣхъ поръ не снимать, нукуда главная армія вся, и съ обозами своими, въ походъ выступить и нѣскольکو уже поудалится, а гусарамъ и казакамъ до тѣхъ поръ оставаться въ своемъ мѣстѣ, покуда армія вступитъ въ новый свой лагерь. Но смѣшной это былъ обманъ! Мы надѣялись обмануть неприятеля, а не вѣдали того, что онъ обманулъ насъ прежде, и что лагерь его, видимый нами, и сначала уже былъ фальшивый и пустой, и содержалъ въ себѣ только малое число войскъ; а объ арміи прусской говорили, что главная часть оной давно уже пошла далѣе къ Кенигсбергу, а другая отправилась туда, гдѣ наша армія вздумала вновь мосты строить, чтобъ и тамъ разрушить наше намѣреніе; ибо неприятелямъ нашимъ всѣ наши предприятия и замыслы были извѣстны, и онъ имѣлъ въ войскѣ нашемъ такихъ людей, которые его обо всемъ навѣрнѣйшимъ образомъ увѣдомляли. По крайней мѣрѣ говорили тогда такъ, и подозрѣвали въ томъ наиболѣе господина Ливена. Но какъ бы то ни было, но мы выступили безъ всякаго шума въ походъ и пошли влѣво въ верхъ по рѣкѣ Ааль къ мѣстечку Аленбургу, и отошедъ нѣскольکو верстъ съ превеликимъ трудомъ, расположились при брегахъ оной рѣки лагеремъ.

Наутріе (27-го) думали мы, что будемъ переправляться чрезъ рѣку, однако вмѣсто того простояли мы весь день безъ всякаго дѣла. Сія медительность была намъ всѣмъ удивительна. Но мы удивились еще больше, какъ объявлено было, что и въ послѣдующій день т.-е. 28-е число, армія

останется на томъ же мѣстѣ. «Господи помилуй!» говорили мы между собою: «что за диковинка и долго-ль намъ чрезъ рѣку не перебраться?» Но удивленіе наше еще увеличилось, какъ не видно было и никакихъ приготовленій къ переправѣ, хотя непріятелей, готовящихся мѣшать намъ въ томъ, также было немало непримѣтно, но вмѣсто того примѣчали мы, что солдатамъ нашимъ дана была воля грабить находящійся за рѣкою прекрасный дворянскій замокъ, такъ-же спустить превеликій прудъ, случившійся посреди самаго нашего лагеря съ насаженною въ него рыбою—карпіею. При семъ случаѣ узналъ я впервые, какая хорошая рыба была карпій и какіе пруды бываютъ съ оною. Сей рыбы было такое множество въ ономъ, что она въ арміи тогда за ничто почти продавалась, и можно прямо сказать, что не только мы, но и солдаты наѣлись ею до-сыта, такъ много ея тутъ было! Истинно, какъ спустили весь прудъ, то превеликія карпій власно, какъ поросята, въ оставшей немногой водѣ и тинѣ ворочались, и смѣшно было смотрѣть, какъ люди наши и солдаты, бродя по тинѣ, ихъ вытаскивали и такою легкою ловлею веселились.

Между тѣмъ какъ симъ образомъ вся армія упражнялась въ рыбной ловлѣ и въ вареніи своихъ карпіевъ, господа полководцы и предводители наши совсѣмъ другое помышляли. Упражненіе ихъ было мудреное и нѣкъмъ неожиданное. Они помышляли о томъ, какъ бы обратить въ ничто всѣ понесенные до того времени войсками нашими труды, потерять ни за что всѣ претерпѣнные убытки и пролитую толь многими сынами отечества кровь; расплести опять полученный вѣнецъ славы и побѣды, покрыть себя стыдомъ и безчестіемъ и нанести всей арміи пятно и худую на вѣкъ и досадную всѣмъ истиннымъ патріотамъ славу. Однимъ словомъ, буде вѣрять разнесшейся потомъ молвѣ, то сплетали они то, что солдаты по неразумію своему называютъ измѣною. Но правда ли то, или нѣтъ, того я конечно не знаю, а то только въ

день августа былъ послѣднимъ днемъ нашей славы, пышности, мужественнаго духа и лестной надежды увидѣть вскорѣ стѣны славнаго города Кенигсберга и развѣваемыя на нихъ наши знамена, а все королевство Прусское покоренное нашему оружію и во власти нашей; а 29-е число августа былъ тотъ достопамятный и крайне-досадный день, въ который упали всѣ наши сердца и мы, лишившись всего мужества, покрылись стыдомъ и безчестіемъ и принуждены были истребить изъ себя всѣ прежнія толь лестныя надежды. Коротко, въ сей никогда незабвенный день обратили мы непріятелю свой тылъ и поплелись назадъ въ свое отечество, будучи покрыты такимъ стыдомъ, что не отваживались взирать другъ на друга, а только съ несказаннымъ удивленіемъ другъ у друга спрашивали, говоря: «Что это, братцы? — что это такое съ нами творится и совершается? куда каковы хороши мы!» и такъ далѣе.

Не могу безъ досады и понынѣ вспомнить, какое сдѣлалось тогда вдругъ во всей арміи волненіе; истинно не было почти человѣка, у котораго бы на лицѣ не изображалась досада, съ стыдомъ и гнѣвомъ смѣшанная. Повсюду слышно было только роптаніе и тайное ругательство нашихъ главныхъ командировъ. Многіе въявь почти кричали, что «измѣна! и измѣна очевидна!» а другіе, досадуя и смѣючись говорили: «Что это, государи мои! или мы затѣмъ только въ Пруссію приходили, на то столько трудовъ принимали и на то только кровь свою проливали, чтобъ намъ здѣсь карповъ половить и поѣсть?—Что это дѣется съ нами? Гдѣ дѣвался умъ у всѣхъ нашихъ генераловъ?» и такъ далѣе. Однимъ словомъ, роптаніе было повсемѣстное и сколь ни мило было намъ всѣмъ свое отечество, но врядъ ли кто съ охотою тогда въ обратный путь къ оному шествовалъ. Столь чувствителенъ намъ былъ сей неожиданный случай!

Ежели хотите теперь знать, что такое собственно принудило предводителей нашихъ къ сему потерянію всѣхъ нашихъ

выгодъ ни за что и въ столь постыдному возвращенію, то истинно не могу вамъ ничего подлиннаго на сіе сказать. Будучи тогда такимъ малымъ человѣкомъ, не можно мнѣ было ничего узнать точно, а всѣ обвиняли тогда только фельдмаршала нашего, графа (?) Апраксина, который, какъ извѣстно, и умеръ потомъ отъ того въ несчастіи и отъ печали. Правда, нѣкоторые говорили, будто имѣлъ онъ тайныя какія-то повелѣнія и поступилъ по онымъ; но подлинно никто о томъ не вѣдалъ, а довольно, что онъ пошелъ съ арміею назадъ и упустилъ изъ рукъ всѣ выгоды и плоды, приобретенныя нашею побѣдою, и сдѣлалъ весьма славное дѣло, то-есть: поступкою своею удивилъ не только всю нашу армію, но и самого непріятеля и даже всю Европу. Словомъ, онъ сдѣлалъ то, что въ исторіи о семъ приключеніи осталась на вѣкъ та память, что обратный походъ нашей арміи удивилъ всю тогда Европу, и что никто во всемъ свѣтѣ не могъ понять, что-бы побудило графа (?) Апраксина выпустить изъ рукъ всѣ приобретенныя выгоды, и имѣя уже большую часть королевства Прусскаго въ рукахъ, и находясь уже столь близко отъ столичнаго города Кеннигсберга, вдругъ воротиться и вытти изъ всей Пруссіи, чему сначала никто, и даже самые непріятели наши не хотѣли вѣрить, покуда не подтвердилось то самымъ дѣломъ. Нѣкоторые иностранные писатели, описывавшіе жизнь короля прусскаго, упоминаютъ, что въслѣдствіи оказалось, что истинною причиною сего возвратнаго похода было то, что императрица нашей Елисаветѣ Петровнѣ случилось въ теченіе сего лѣта очень занемочь, и что бывшій тогда у насъ канцлеромъ графъ Бестужевъ, опасаясь ея кончины и замышляя въ умѣ своемъ произведеніе нѣкоторыхъ важныхъ при дворѣ пережвнъ, а особливо въ разсужденіи самаго наследства, писалъ самъ отъ себя и безъ вѣдома императрицы къ графу (?) Апраксину, который былъ ему другъ, чтобъ онъ съ арміею своею возвратился въ отечество.

Но какъ бы то ни было, но то достовѣрно, что фельдмаршалъ нашъ, вознамѣрившись итти назадъ, созвалъ, для вида, военный совѣтъ и насаждалъ всѣмъ генераламъ столько объ оказавшемся якобы великомъ недостаткѣ въ провіантѣ и фуражѣ въ арміи и о невозможностяхъ похода свой простирать далѣе—по причинѣ, что ушедшая къ Кеннигсбергу прусская армія сама всѣ мѣста по дорогѣ опустошила, такъ что нигдѣ верстъ за двадцать фуража достать никакъ образомъ было невозможно—что убѣдилъ почти всѣхъ противъ желанія согласиться на его предложеніе и подписать приговоръ о воспріятіи обратнаго похода навремя къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились въ заготовленіи магазины. Одинъ только прежде упоминаемый генералъ-аншефъ Сибильскій не соглашался никакъ на сіе предложеніе и утверждая, что провіанта и фуража въ арміи довольно, что она въ томъ не имѣетъ никакого недостатка, не хотѣлъ никакъ подписывать приговора; но его столь же мало и въ сей разъ послушали, какъ послѣ баталиі, когда онъ, совѣтуя учинить погоню, просилъ себя только трехъ пѣхотныхъ полковъ и хотѣлъ ими нанести разбитому непріятелю нанчувствительнѣйшій ударъ, но ему въ томъ было отказано.

Но какъ, несмотря на все сіе, легко можно было ожидать, что во всемъ войскѣ сдѣлается великій ропотъ, то всходствіе всего вышеупомянутаго и разглашено было во всей арміи, что въ такому, неожиданному никѣмъ возвращенію, принудила насъ самая необходимость и, во-первыхъ, то, что походъ намъ далѣе продолжаться препятствуетъ стоящая, будто, за рѣкою непріятельская армія, охраняющая проходъ при Велавѣ и уквѣпившая его батареями; во-вторыхъ, и что будто всего важнѣе для того, что появился въ арміи великій недостатокъ въ провіантѣ, и что, будто, надежды не было нигдѣ его достать и получить.

Нашлись многіе, которые, сему разглашенію повѣривъ, тѣмъ и довольствовались; но разумнѣйшіе были совѣтъ иныхъ

мыслей. Сямъ извѣстно уже было, что это одно прикрывало и пустой обманъ, и что прусской арміи и въ завѣтъ уже не было, а провіанта находилось довольно еще въ арміи, а, сверхъ того, находилось онаго великое множество въ городѣ Велавѣ, который у непріятеля отнять никакого труда не стоило, потому что сей городокъ былъ совсѣмъ неукрѣпленный и защищаемый только малымъ числомъ войска. А пужно бы его взять, какъ выгнали-бъ пруссаковъ изъ всего королевства Прусскаго, и поелику тогда начиналась уже осень, то могли-бъ вездѣ провіанта и фуража столько получить, сколько-бъ хотѣли, а особливо по сторонамъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ни арміи, ни фуражированія еще не было.

Такимъ образомъ разсказалъ я вамъ, любезный пріятель, все продолженіе нашего похода впередъ; а теперь осталось разсказать вамъ объ обратномъ нашемъ путешествіи. О, что это былъ за походъ! истинно (сердце) обливаешься кровью, какъ я его и всѣ обстоятельства вспомню. Однимъ словомъ, съ радостію-бъ умолчалъ я объ ономъ, еслибъ историческій порядокъ не требовалъ отъ меня и ему такого-жъ описанія, какъ предслѣдующему.

Но я отложу повѣствованіе о томъ до послѣдующаго письма; а теперешнее окончу, разсказавъ вамъ, что сей несчастный и постыдный для насъ пунктъ времени былъ въ особливости счастливъ для короля прусскаго; ибо съ самаго почти сего дня начали пресѣкаться всѣ его смутныя обстоятельства и пошло вездѣ ему особое счастье, власно такъ, какъ бы фельдмаршалъ нашъ г. Апраксинъ проступкою своею проложилъ къ тому путь и дорогу. Въ доказательство того скажу, что на другой же день сего происшествія, а именно 30-го августа, произошло въ Европѣ и другое для него весьма выгодное обстоятельство, происшедшее также отъ непростительной погрѣшности главнаго предводителя французской арміи, а именно:

Я надѣюсь, что вы, любезный

ПРИЛОЖЕНІЕ ВЪ „РУССКОЙ СЛАНЦѢ“

помните еще, что мы оставили побѣдоносную французскую армію, находящуюся въ погонѣ за разбитою ганноверанскою, которая была союзная королю прусскому и находилась подъ командою герцога кумберландскаго. Сію армію загнали французы до самаго приморскаго города Штаде и утѣснили такъ, что герцогу кумберландскому, лишенному всѣхъ удобностей къ дальнѣйшему бѣгству и къ снабженію арміи своей провіантомъ и фуражемъ, другого не оставалось, какъ либо ввовъ отважиться на сраженіе съ французами, либо положить оружіе и отдаться въ полонъ со всѣмъ войскомъ. Но какъ онъ однажды при Гастенбекѣ былъ французами разбитъ и претерпѣлъ великій уронъ, то вновь съ ними сражаться не хотѣлось ему ни подъ какимъ видомъ и потому оставалось одно послѣднее. Всѣ и считали, что сіе воспослѣдуетъ дѣйствительно, и что французы при семъ случаѣ учинять то же съ ганноверанскою союзною арміею, что учинилъ король прусскій съ саксонскою, то есть, возмутъ ее всю въ полонъ. Но, къ удивленію всего свѣта, вышла тутъ такая-жъ неожиданность, какъ и съ нашимъ обратнымъ походомъ, а именно: вмѣсто того, чтобъ сдѣлать сіе славное и громкое дѣло, новому командиру французской арміи, г-ну маршалу Ришелье, добившемуся главной команды чрезъ происки и пронырства при французскомъ дворѣ, заблагоразсудилось, противъ всякаго чаянія и здраваго разсудка, заключить съ герцогомъ кумберландскимъ въ монастырѣ Се-венѣ перемиріе и трактатъ съ условіемъ, чтобъ войску его противъ французовъ болѣе не воевать. Но, что глупѣе и смѣшнѣе всего, то условленось при томъ было, чтобъ всѣ бывшія въ ганноверанской арміи союзныя ей и вспомогательныя гессенъ-кассельскія, брауншвейгскія, саксенъ-готтайскія и липскія войска распустить въ ихъ отечество съ паспортами маршала Ришелье, а англійскимъ войскамъ такимъ же образомъ удалиться за рѣку Эльбу; оставшимся же въ Штаде не переходить

чуждыхъ въ договорѣ предѣловъ.

Заключеніе такового, нѣмъ неожиданнаго договора, столько же удивило весь свѣтъ, сколько и наше возвращеніе. Выгода же короля прусскаго произошла оттого та, что помянутыя распущенныя съ паспортами войска, тотчасъ данное свое слово и обѣщаніе не воевать — нарушили, и передались всѣ къ королю прусскому, вступили къ нему въ службу и собою приумножили его войско; а король не преминулъ симъ случаемъ воспользоваться, и сживъ нечаяннымъ образомъ двухъ столь страшныхъ непріятелей съ своихъ рукъ, ободрился и положилъ съ прочими перевѣдаться уже поодиночкѣ, въ чемъ, наконецъ, онъ и успѣлъ болѣе, нежели сколько самъ онъ думалъ и ожидалъ, какъ о томъ упомянуто будетъ впродъ подробнѣе.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо; въ послѣдующемъ за симъ разскажу вамъ обратное наше путешествіе; а между тѣмъ сказавъ, что я есмь вашъ нелицемѣрный другъ, остаюсь и прочее.

ОБРАТНЫЙ ПОХОДЪ.

Письмо 51-е.

Любезный пріятель! Вотъ письмо, которое предаю я вамъ на волю. Оно не содержитъ въ себѣ ничего кромѣ описанія такихъ произшествій, которыя произошли во всемъ свѣтѣ досадное, но справедливое арміи и всему нашему русскому народу безславіе: ибо идучи назадъ, оставляли мы повсюду только слѣды стыда, трусости и непростительной жестокости, что все всякому истинному патриоту неинако какъ въ досаду обращаться долженствовало.

Приступая теперь къ дѣлу, прежде всего скажу вамъ, что сколь медлительно и неprovорно шли мы сперва впередъ, столь поспѣшно и provорно пошли мы назадъ, власно такъ, какъ бы намъ предстояла какая-нибудь превеликая бѣда, и мы отъ непріятеля побѣждены и всею его арміею гонимы были. Сей поспѣшности первые знаки увидѣли мы еще въ самомъ томъ

мѣстѣ, откуда пошли назадъ. Наканунѣ того дня, въ который мы выступили, отданъ былъ приказъ, чтобъ уменьшить, колико можно, въ арміи повозокъ; и чтобъ у офицеровъ не только по двѣ, но и по одной бы не было, а по два бы офицера на одну повозку укладывались и излишнія вещи жгли и бросали. Легко можно заключить, что повелѣніе сіе было намъ не весьма пріятно, но насъ всѣхъ до безконечности перетревожило. Въ превеликомъ неудовольствіи и роптаніи на командировъ своихъ говорили мы тогда между собою: «Израдное награжденіе за труды наши!—Вмѣсто того, чтобъ возвращаться въ отечество съ полученными отъ непріятеля корыстями, велеть намъ и свое родное сжечь и бросать!» Но всѣ таковыя роптанія намъ не помогали. Многіе, дѣйствительно, принуждены были, исполняя повелѣніе сіе, съ послѣднимъ почти своимъ скарбишкомъ разставаться, и послѣ отъ самаго того еще болѣе терпѣть нужды и отягощенія, нежели терпѣли прежде. Но мнѣ удалось и сей разъ избѣжать сего зла. Я, будучи и тогда еще ротнымъ командиромъ и одинъ почти въ ротѣ, могъ уже, подъ предлогомъ, что мнѣ не съ кѣмъ соединяться, удержать одинъ свою повозку и съ нею все то, что имѣлъ до того времени.

Итакъ, помянутаго 29-го числа, то-есть ровно черезъ десять дней послѣ нашей баталіи, выступили мы въ походъ и поплылись обратно въ сторону къ своему отечеству. И поелику намъ тѣми же самыми мѣстами итти назадъ было не можно, которыми мы шли впередъ, потому что они всѣ были опустошены и начисто очищены, то взяли мы нѣсколько вправо и пошли прямою дорогою къ городу Инстербургу, гдѣ оставлены были у насъ разныя команды. Мы спѣшили колико можно; однако, со всею поспѣшностью, не могли мы въ тотъ день перейти болѣе семи верстъ, ибо случившаяся на пути нашемъ переправа чрезъ одно неудобное мѣсто, сдѣлала намъ столько остановки, что мы принуждены были не только весь тотъ, но и послѣдующій за тѣмъ

день, то-есть 30-е число августа, прогваз-
даться на сей переправѣ.

31-го числа продолжали мы походъ свой
дальше, и авангардный нашъ корпусъ, въ
которомъ уже не было нужды, распущенъ
былъ по дивизіямъ, и нашъ полкъ попалъ
въ третью изъ оныхъ. Въ сей послѣд-
ній день августа переправились мы верстъ
съ тринадцать.

Въ послѣдующій за симъ день, то-есть
сентября 1-го, пошла армія дальше и на-
шему полку досталось въ сей день быть въ
арьергардѣ и итти позади всѣхъ; намъ
вельно было имѣть возможнѣйшую остро-
рожность и жечь всѣ, остающіяся отъ
арміи, и по несчастію изломавшіяся, по-
возки. Какое зло и особенное несчастіе
для тѣхъ, у коихъ случилось чему-ни-
будь испортиться и изломаться! Не ока-
зывается ли тутъ ни малѣйшаго сожа-
лѣнія и не принимаемо было ничто въ
уваженіе, хотя бы кто чрезъ сіе послѣд-
няго своего имѣнія лишился. Впрочемъ,
хотя о непріятелѣ не было ни слуху, ни
духу, ни послушанія, однако въ арьергардѣ
находилось нѣсколько тысячъ, и мы шли
фронтомъ цѣлою колонною, равно такъ,
какъ бы непріятель слѣдовалъ по стопамъ
нашимъ. Таковое шествіе причиняло намъ
неописанное и такое безпокойство, какого
мы до того времени никогда не ощущали;
ибо какъ погода стояла тогда сухая и
жаркая, шли же мы прямо пашенными и
хлѣбными полями, не разбирая пустая
ли была земля или засѣянная хлѣбомъ, то
армія, проваливъ цѣлою грудю со всею
своею артиллерією и безчисленными по-
возками, всю поверхность земли такъ взмѣ-
сила, что она обратилась въ наинѣжнѣй-
шую пыль. Когда же пришла очередь ит-
тять намъ позади и цѣлою еще колон-
ною, то поднялась такая пыль, что въ
опой шли мы власно, какъ въ нагустѣй-
шемъ и такомъ туманѣ, что на сажень
не можно было другъ друга видѣть. Но
между туманомъ и пылью была та про-
клятая разлица, что въ первомъ можно
иттять, никакого отягощенія не ощущая; а
пыль, набиваясь и въ глаза, и въ ротъ,
не только въ

лала чучелами, но причиняла намъ край-
нее безпокойство. Словомъ, сей день былъ
для насъ весьма памятенъ, и мы его дол-
го забыть не могли.

Въ послѣдующее потомъ второе число
продолжали мы походъ свой дальше; но
перешедъ только верстъ пять, останови-
лись и на семь мѣстѣ, за усталостью
лошадей, дневали. (3-го).

Наконецъ, четвертаго числа, пришла
армія къ городу Инстербургу и, не пе-
реходя рѣки Прегеля, стала лагеремъ и
ночевала. Въ семь мѣстечкѣ находились
у насъ оставленные команды, охраняю-
щія запасный провіантъ и другія вещи.
Все сіе принуждены мы были теперь за-
бирать съ собою и оставлять городъ сей
опять во власть непріятеля. Не могу изо-
бразить, сколь велика была радость жи-
телей городскихъ, смотрящихъ на наше
выступленіе, и сколь великъ, напротивъ
того, былъ стыдъ, съ которымъ мы, бу-
дучи побѣдителями, тащились симъ обра-
зомъ, безъ всякой нужды назадъ, и вы-
ходили изъ мѣстѣ, оружіемъ нашимъ до
того покоренныхъ.

Наутріе, то-есть 5-го числа, какъ въ
день иманинъ тогда царствующей импе-
ратрицы нашей, вздумалось предводите-
лямъ нашимъ отправить обыкновенное
торжество, и для того въ пѣкаторыхъ
полкахъ поставлены были полковыя цер-
кви, для отправленія службы божіей, а
армія вся выведена была въ парадъ и
производима была обыкновенная трое-
кратная пальба изъ пушекъ и изъ ружья,
и нѣсколько пудовъ пороху разстрѣлено
на воздухъ. Но правду сказать, у насъ
такъ много его осталось, что и дѣвать
было его некуда.

Мы думали, что простоямъ тутъ весь
онъ день, однако поспѣшность нашего
предводителя или паче сказать, трусость
и опасеніе, чтобъ не попалъ на насъ не-
пріятель и, сохрани Господи! не разбилъ
бы всей арміи, сего никакъ не дозволила.
Но мы, по приказанію его, принуждены
были еще въ тотъ же день, съ великимъ
поспѣшеніемъ, перебираться за мѣстеч-
ко чрезъ рѣку Прегель и становиться

на той сторонѣ въ лагерь, а мосты на Прегелѣ того момента были сняты.

Мы не медлили въ семь лагерѣ почти ни часа, но поутру въ послѣдующее шестое число пошли далѣе; и чтобъ въ походѣ меньше было остановки, то пошла армія двумя дорогами къ городу Тильзиту, гдѣ находились наши раненые и многія другія команды. Первая и вторая дивизіи пошли по правую, а третья—по лѣвую сторону рѣки, и перешедъ въ сей день болѣе пятнадцати верстѣ, стали лагеремъ. Сей переходъ былъ намъ весьма труденъ, потому что настала дождливая и ненастная погода и сдѣлалось очень грязно. А какъ и дорога была очень неровная и вездѣ были переправы черезъ рѣчки и вершины, то цѣлая вторая дивизія и многіе обозы не могли не только въ тотъ день, но до самой ночи и седьмого числа приттить въ лагерь, что принудило фельдмаршала нашего, противъ желанія своего, сдѣлать тутъ двухдневный рас- тахъ (8-го).

Нашему полку досталось тутъ опять быть въ аррьергардѣ и мнѣ съ онымъ. Сіе я для того упоминаю, что мы, идучи въ аррьергардѣ, принуждены были ночевать на дорогѣ и въ такомъ безпокойствѣ, въ какомъ мы никогда еще ночей не препровождали, и потому ночь сія была для насъ весьма памятна. Мы принуждены были всю ее препроводить не только подъ дождемъ, стоя на одномъ мѣстѣ, и подъ ружьемъ, но почти по колѣно въ грязи. Причиною тому была переправа черезъ одну небольшую, но низкіе и толкіе берега имѣющую рѣчку, текущую сквозь широкую и болотистый грунтъ имѣющую долину. Какъ всѣмъ обозамъ принуждено было переправляться чрезъ сію рѣчку по сдѣланнымъ немногимъ и сквернымъ мосточкамъ, то не можно было имъ никакъ воспѣшнить; а сіе и причиною было, что къ сему мѣсту привалило безчисленное множество повозокъ, которыя, все сіе топкое и слабое мѣсто такъ взмѣсили, что каждая повозка стояла по ступицу въ грязи, а бѣдные солдаты нашего аррьергарднаго корпуса, слѣдующіе непо-

средственно за оными, принуждены были стоять почти по колѣно въ грязи и дожидаться, покуда обозы всѣ чрезъ мостъ переберутся и препроводить въ такомъ состояніи цѣлую ночь. Всякому легко можно вообразить, сколь сіе для нихъ было трудно и безпокойно; но не одни они, а меньшее безпокойство терѣли и мы, офицеры ихъ. Единое преимущество наше предъ ними состояло въ томъ, что мы сидѣли на своихъ верховыхъ лошадяхъ и не имѣли нужды стоять по колѣно въ грязи. Но каково-жъ было сидѣть подъ стужей и дождемъ цѣлую ночь на лошади, и не сходить ни на минуту съ оной! Трудность сію удобнѣе всякому себѣ вообразить, нежели мнѣ описать можно. Къ нащей нашей досадѣ, не можно было нигдѣ развести и огонька для обогрѣнія нашихъ дрожащихъ и отъ стужи имѣющихъ членовъ. Повсюду было мокро, вездѣ вода, и вездѣ грязь, и грязь глубокая и топкая. Сколько разъ мы ни испытывали это дѣлать, но всѣ наши старанія—разжечь огонь, были безуспѣшны, и мы, противъ хотѣнія своего, принуждены были дрогнуть всю ночь и проклинать и обозы и рѣчку съ ея мостами, и въ лагерь не прежде пришли, какъ уже на другой день.

До сего времени шли мы все еще спокойно и о непріятелѣ не имѣли ни малѣйшаго слуха; ибо легко можно заключить, что непріятель не ожидалъ никакъ таковой отъ насъ поступки, и сперва не хотѣлъ вѣрить, услышавъ о нашемъ обратномъ походѣ; но какъ скоро получили о томъ достовѣрное извѣстіе, то, восторжествуя, отправилъ тотчасъ за нами въ погоню два эскадрона черныхъ гусаръ полку Рушева, а въ слѣдъ за ними и сильный корпусъ конницы, подъ командою принца Голштейнъ-готторпскаго, а за нимъ пошелъ и самъ фельдмаршалъ Левальдъ со всею арміею за нами въ погоню. И какъ передовыя его партіи скоро насъ догнали, то усмотрѣны онѣ были помянутаго 8-го числа сентября въ близости нашей арміи, и имѣли уже съ казачами нашими небольшую схватку.

Я не знаю, что побудило фельдмаршала прусскаго предпріять сіе нимаю съ здравымъ разсудкомъ несогласующееся дѣло. Кажется, пруссакамъ надлежало бы еще радоваться тому, что мы, оставя всѣ прибрѣтенныя выгоды, пошли назадъ, и здравый разсудокъ требовалъ бы того, чтобъ стараться имъ всячески еще самимъ поспѣшествовать тому, чтобы мы скорѣе изъ предѣловъ королевства Прусскаго вышли и имъ оное оставили; слѣдовательно отнюдь бы не мѣшало намъ въ нашемъ походѣ, но дать намъ волю титить какъ хотимъ. Но они, напротивъ того, затѣяли воспріять сію глупую и ни малой пользы имъ не приносящую погоню, и чрезъ самое то неволею почти принудили насъ потомъ разорять и опустошать собственныя ихъ земли; ибо какъ сіи слѣдующія за нами немногія ихъ легкія войска, нападая либо на нашихъ фуражировъ, либо на отводные караулы, армию нашу безпрерывно беспокоили, то для отогнанія оныхъ и принуждено было наконецъ, всѣ оставшіяся позадь арміи селенія опустошать и сожигать, дабы они не могли нигдѣ имѣть пріюта, а чрезъ самое то и претерпѣли много невинныя сельскіе жители, какъ о томъ упомянуто будетъ ниже.

Итакъ, какова погоня эта была ни маловажна, однако нагнала на трусливаго нашего предводителя ужасный страхъ. Мы принуждены были удвоить наши предосторожности, власно такъ, какъ бы вся прусская армія шла въ виду по пятамъ за нами. Чего ради, немедля ни мало, 9-го числа пустились мы опять въ путь и шли цѣлый день, до Амата Зомерау, при которомъ мѣстѣ мы и ночевали.

Во все продолженіе прусскаго похода не случилось арміи нигдѣ такъ хорошо расположенной быть лагеремъ, какъ въ семъ мѣстѣ. Случилась тутъ одна ровная, круглая и пространныя долина, неимѣющая въ себѣ ничего, кромѣ однихъ луговъ, и окруженная кругомъ безпрерывною градою нарочито высокихъ, но не крутыхъ, а отлогихъ горъ. По снѣ-

горамъ расположенъ былъ лагерь всей арміи цѣлымъ циркуломъ такъ, что видѣнь былъ весь какъ на ладони; въ долину же пущены были для корма лошади. Нельзя довольно изобразить, какое пріятное зрѣлище для глазъ представляли сіи многочисленныя стада разношерстныхъ лошадей и безчисленное множество бѣлѣющихъ по горамъ палатокъ. Но зрѣлище сіе сдѣлалось еще поразительнѣе, какъ наступилъ вечеръ и когда всѣ горы возгремѣли при бити вечерней зори отъ звука безчисленнаго множества барабановъ и отъ игранія во всѣхъ полкахъ музыки, и когда тотчасъ потомъ всѣ эти горы освѣтились нѣсколькими тысячами огней, раскладенныхъ въ обозахъ солдатами. Истинно, ни лучшая иллюминація не можетъ представить для очей лучшаго зрѣлища, и мы всѣ не могли онымъ довольно любоваться.

Въ послѣдующій день отдыхала армія на семъ мѣстѣ; и какъ корма для лошадей было мало, то принуждено было посылать фуражировать въ лежація по сторонамъ прусскія деревни. При семъ случаѣ едва-было не лишился я обонхъ моихъ людей, бывшихъ вмѣстѣ съ прочими при семъ фуражированіи; ибо какъ прусскія партіи не преминули и въ сей день нашихъ фуражировъ потревожить и напали на ту деревню, гдѣ наши упражнялись въ навиваніи сѣна, то люди мои, не успѣвъ вмѣстѣ съ прочими ускакать, отлежались уже подъ лавками въ избѣ до тѣхъ поръ, покада пруссаки уѣхали, и были столь счастливы, что входившіе въ самую сію избу прусскіе гусары никакъ ихъ не примѣтили. Они рассказывали мнѣ, возвратясь, что они отъ роду въ такомъ страхѣ не бывали, какъ въ сіе время. Но, правду сказать, было чего и бояться: не только для нихъ было бы не весьма ловко, но и для меня нехорошо, еслибъ ихъ увидѣли; ихъ, конечно, либо взяли-бъ въ полонъ, либо убили-бъ, и я остался бы безъ людей. Но, благодаря Богу, ~~иде~~ ~~всѣмъ у~~ ~~спасли~~ ~~и~~ ~~они~~ ~~отъ~~ ~~сей~~ ~~напасти~~ ~~что~~ ~~всего~~ ~~лучше,~~ ~~то~~ ~~своихъ.~~

Отдохнувши на семь мѣстѣ, въ послѣдующее, 11-е (число) пошли мы далѣе въ походъ, и дошли наконецъ до самаго города Тильзита, и версты за три до него стали лагеремъ. Храбрый нашъ предводитель сталъ въ форштадтѣ и имѣлъ въздъ свой въ этотъ городъ при пушечной пальбѣ съ тильзитскаго замка, что нимало было не кстатъ. Однако, несмотря на всю свою пышность, велѣлъ цѣлымъ тремъ бригадамъ пѣхотныхъ полковъ стать, для прикрытія главной своей квартиры, подлѣ самаго форштадта.

Я надѣюсь, что мы не простояли-бъ тутъ ни однихъ сутокъ, еслибъ не надлежало намъ при Тильзитѣ перебираться черезъ большую и подъ самымъ городомъ текущую рѣку Мемель, черезъ которую хотя и находился сдѣланный графомъ Ферморомъ мостъ, однако по одному не можно было всей арміи переправиться скоро, и для того велѣно было сдѣлать еще два, а по первому обозамъ между тѣмъ перебираться. Тотчасъ командированы (12-го) были отъ всѣхъ полковъ для дѣланія мостовъ сихъ команды, и мнѣ случилось самому опредѣленному быть для сдѣланія одного деревяннаго изъ плотовъ моста. Въ сей работѣ принуждены мы были упражняться дѣнно и вочно, и она навела на насъ хлопотъ много. Повсюду принуждены мы были искать плотовъ пригоннаго по всей рѣкѣ стромльнаго лѣса и, сваживая ихъ вмѣстѣ, связывать и укрѣплять и составлять основаніе моста; и какъ рѣка была не малая и почти съ нашу Оку, то не знали мы, гдѣбъ набрать толикое множество плотовъ и лѣса, сколько къ тому требовалось, и хотѣли-было уже начинать ломать ближнія деревянные строенія, дабы лѣсъ изъ нихъ употребить на построеніе моста; но, по счастью, дѣло обошлось и безъ того, и всѣ наши труды пропали по пустому; ибо какъ въ полдни, 13 числа, сдѣлалась въ казачьихъ лагеряхъ опять тревога, и неприятельскія партіи напали на нашихъ фуражировъ, то некогда было всѣхъ мостовъ дожидаться, но велѣно было полкамъ съ величайшею поспѣшностью пе-

ребираться по старому и по вновь сдѣланному понтонному мосту. Однако, несмотря на всю поспѣшность, принуждена была армія употребить на сію переправу богѣе трехъ дней (13, 14 и 15-е), а между тѣмъ принимала провіантъ и пекла себѣ хлѣбъ.

Въ сіе время имѣли мы случай побывать въ городѣ и походить по оному для нужныхъ покупокъ. Намъ нужнѣе всего былъ сахаръ, въ которомъ у насъ былъ уже недостатокъ: однако и достать его великаго труда стоило. Сколько ни было запасено его въ городѣ во всѣхъ лавкахъ или называемыхъ аптекахъ, такъ весь онъ еще въ первый день пришествія туда арміи былъ выкупленъ, и счастливы были только тѣ, которымъ удалось заранѣе захватить и въ числѣ первыхъ побывать въ городѣ; а кто хотя нѣсколько поопоздалъ, тотъ не могъ не только сахару, но ничего съѣстнаго и питейнаго достать, ибо всѣ имѣли въ вещахъ сихъ нужду и всѣ жадничали покупать. Никогда, я думаю, и съ самаго основанія сего города, тильзитскіе жители столь много этихъ вещей не продавали и на нихъ столь много прибытка не получали, какъ въ сіе время. За-все про-все платили мы болѣе нежели тройную цѣну, и платили не съ досадою, а еще съ удовольствіемъ и почитая за одолженіе, чтобъ только было продано.

Самое сіе случилось тогда и со мною собственно. Какъ я нѣсколько поопоздалъ, то трудно было мнѣ достать что-нибудь, если-бъ не помогъ мнѣ и въ семъ случаѣ мой нѣмецкій языкъ. Аптекарь, къ которому я пришелъ покупать сахаръ, тотчасъ мнѣ отказалъ, говоря, что болѣе его нѣтъ, и увѣрялъ притомъ, что я онаго нигдѣ не найду. Но я, начавъ съ нимъ тотчасъ по-нѣмецки говорить, на-сказалъ ему столько о претерпѣваемой мною нуждѣ и сколь онъ мнѣ надобенъ, что я его тѣмъ разжалобилъ. «Добро, добро, господинъ подручникъ—сказалъ онъ мнѣ весьма благоприятнымъ образомъ:—хоть положилъ-было я никому болѣе изъ того малаго количества не про-

давать, которое оставилъ-было я собственнo для себя; но что дѣлать, такъ ужъ и быть! подѣлюсь съ вами хоть остаточными и продамъ одну головку. Пожалуйста только ко мнѣ во внутренніе покои». Легко можно заключить, что я не пошелъ, а полетѣлъ въ оныя за нимъ, и аптекаръ мой сдѣлался ко мнѣ за то только одно, что я умѣлъ говорить съ нимъ по-нѣмецки, столь благосклоненъ, что не только мнѣ продалъ цѣлую голову, но напоялъ еще чаемъ, и я за великое почеть себя еще одолженіе, что онъ взялъ съ меня не болѣе какъ по рублю за фунтъ, ибо иные охотно бы дали и по три рубля, еслибъ только достать было можно. Честность сего нѣмца даже такъ была велика, что онъ извинялся предо мною, что не можетъ продать мнѣ болѣе, а говорилъ, что ежели хочу я, то имѣетъ онъ довольно мускебада или сахарнаго песку, и я могу столько купить, сколько угодно. И какъ мнѣ до того времени не случилось еще сей песокъ видѣть, то онъ не только мнѣ оный показалъ, но, увѣряя меня, что по нуждѣ можно и съ нимъ пить чай, тотчасъ налилъ мнѣ съ нимъ чашку и далъ попробовать. И какъ онъ мнѣ полюбился, то купилъ я у него сего песку болѣе десяти фунтовъ и пошелъ въ лагерь, власно какъ напелъ превеликую находку. Тамъ завидовали мнѣ всѣ въ моей удачѣ, и какъ мускебада мой всѣмъ понравился, то въ тотъ-же день не осталось и онаго у аптекаря моего ни одного зернышка, ибо всѣ офицеры бросились того момента въ городъ покупать оный, и сколько ни было его, весь выкупили.

Другая вещь, которую намъ также трудно было доставать, составляли пшеничные хлѣбы и булки. Всѣ хлѣбники и пекари, сколько ихъ ни было въ семъ городѣ, обогатились на продажѣ оныхъ; у всякаго предъ домою нахаживали мы по превеликой толпѣ народа, дожидавшагося того, какъ вынуть ихъ изъ печи, и въ одинъ мигъ расхватывающаго сколько-бъ ихъ напечено ни было. Всякій по-

читалъ за счастье, чтобъ только удалось достать, не говоря уже ни слова о цѣнѣ и не досадуя, что за боеечный хлѣбецъ брали погривнѣ. Мнѣ нѣмецкій мой языкъ и въ семъ случаѣ очень помогъ. Всѣмъ нѣмцамъ можно то въ похвалу сказать, что они отъменно благосклонны къ тѣмъ, которые изъ иностранныхъ умѣютъ говорить ихъ языкомъ. А точно то случилось тогда и со мною. Пекаръ мой не успѣлъ услышать меня умоляющаго его на нѣмецкомъ языкѣ, чтобъ онъ мнѣ продалъ сколько можно, какъ требовалъ, чтобъ я ему кинулъ чрезъ народъ въ окно платокъ свой, и онъ былъ столь благосклоненъ, что завязалъ мнѣ въ оный цѣлый десятокъ хлѣбцовъ и мнѣ подалъ цѣлую связку оныхъ. «На! вотъ извольте, господинъ подпоручикъ, сказалъ онъ: кушайте на здоровье!» Я благодарилъ его невѣдомо какъ за его благосклонность, и съ превеликою радостью заплатилъ ему за нихъ деньги.

Симъ образомъ удавалось мнѣ и все прочее доставать себѣ купить несравненно съ лучшимъ успѣхомъ, нежели другимъ, языка нѣмецкаго неразумѣющимъ. Впрочемъ, имѣя время выходить весь сей городъ, нашелъ я, что онъ былъ весьма изрядный городокъ, и не только больше, но и лучше всѣхъ прежде видѣнныхъ. Строевіе въ немъ было изрядное: каменное и деревянное, и жителей находилось довольно количество, и между оными было довольно зажиточныхъ,

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило и армія понемногу перебиралась за рѣку, показывались безпрестанно въ близости непріятельскія небольшія партіи, которыя хотя и ничего важнаго не могли сдѣлать, но, видя нашу трусость, насъ тревожили. Это сдѣлалось наконецъ предводителю нашему такъ досадно, что онъ, не находя другихъ средствъ къ отвращенію сего безпокойства, приступилъ изъ досады къ свойственному однимъ татарамъ дѣлу, и приказалъ всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ показывались и гнѣздились непріатели, разорвать огнемъ "

рядное мѣстечко и Амть, называемый Рагнитъ, лежащій за нѣсколько верстъ отъ Тильзита, вверхъ по рѣкѣ Мемелю, приужденъ былъ первый почувствовать сію жестокость.

Переправляющіеся черезъ рѣку полки становились по ту сторону рѣки въ названный лагерь; и какъ и на той сторонѣ оказались неприятельскіе гусары, то, для прикрытія онаго лагеря, переправлены были напередъ три бригады. Наконецъ, 16-го числа сентября, переправился чрезъ рѣку и предводитель нашъ со всѣмъ своимъ прикрытіемъ и достальными полками, а послѣдующаго (17-го) числа, при переводѣ послѣднихъ людей и войскъ, сняты были всѣ три моста, а на берегу, противъ самаго города, поставленъ былъ бекетъ, состоящій въ тысячѣ человекъхъ гренадеръ и мушкетеръ.

Такимъ образомъ переправились мы за рѣку Мемель, и 18-е число стояли тутъ на берегу спокойно, и вся армія пекла себѣ хлѣбъ на дорогу. Мы, думая, что находимся тутъ въ совершенной уже безопасности, простояли бы тутъ еще и долѣе, еслибъ не сдѣлалось одного, сколько смѣшнаго, столько и досаднаго приключенія, служившаго къ приумноженію нашего безславія и понудившаго насъ скорѣе итти далѣе, а именно:

Главному нашему командиру, которому по справедливости самихъ стѣнъ стыдиться-бъ надлежало, вздумалось напротивъ того нѣчто странное и удивительное. Какъ въ послѣдующій за симъ день было 19-е число сентября, и миновалъ ровпо мѣсяцъ послѣ полученной имъ надъ неприятелемъ побѣды, то по пышности или слабоумію его пришло ему на умъ повелѣться еще разъ сею побѣдою и въ день сей учинить торжество, нигдѣ и никогда еще до него не дѣланное. Любостіе его было такъ велико, что не допустило его усмотрѣть всю нестройность или паче сказать глупость сего предпріятія. Но какъ бы то ни было, по канунѣ того дня ввечеру отданъ былъ во всей арміи приказъ, что въ послѣдующій день будетъ торжество и пальба изъ

пушекъ. Мы всѣ хотали услышать о причинѣ онаго и не было никого, кто-бъ не хулилъ сію поступку нашего предводителя. Не успѣлъ сей достопамятній день наступить, какъ затѣянное фельдмаршаломъ нашимъ торжество и, дѣйствительно, начало производиться, но, къ удивленію нашему, очень рано, ибо не успѣло ободнать, какъ услышали мы уже пальбу изъ пушекъ. Мы слушали съ хладпокровіемъ оную и смѣючися любочестію фельдмаршала, говорили еще между собою: «Видно, что торжество у государя предводителя нашего лежитъ очень на сердцѣ, что началъ оно уже такъ рано!» «Да!» говорили другіе, «видно, что и пороку у насъ много, что такъ изволитъ тѣшиться и терять его совсѣмъ-то по пустому. Не лучше-ль бы было побѣду сію стараться позабыть, нежели ею къ стыду своему еще величаться». Но, не успѣли мы симъ образомъ между собою поговорить и посмѣяться, какъ вдругъ одно, совсѣмъ неожиданное явленіе принудило насъ раздабариваніе свое пресѣчь, и, поразившись крайнимъ удивленіемъ, начать совсѣмъ иное думать. Откуда ни возьмись превеликое ядро и, пролетѣвъ въ близости подлѣ насъ, опусти въ одну офицерскую палатку, и въ одинъ мигъ ее опрокинуло и такъ разорвало, что полетѣли отъ нея только доскутки. «Ба! ба! ба!» закричали мы, увидѣвъ сіе: «что это такое?» Но мы не успѣли еще отъ удивленія приттвить въ себя, какъ съ превеликимъ свистомъ пролетѣло мимо насъ другое, попавшее въ обозъ и передомавшее нѣсколько повозокъ, а за симъ и третье и четвертое, и ядра то и дѣло летать и палатки срывать и опрокидывать начали. «Аминь! аминь! кричали мы: что это такое? что за диковника? Господи помилуй! откуда берутся сія ядра? Ужъ не рехнулся ли фельдмаршалъ вашъ съ ума, что велѣлъ стрѣлять ядрами и по своему лагерю?» Однимъ словомъ, мы не знали что думать, чему сіе приписать и что дѣлать, а особливо, когда повсюду видѣли опасность и не знали куда отъ адеръ укрыться.

Теперь, надѣюсь, находитесь вы, любезный пріятель, въ такой же нетерпѣливости узнать, что-бъ это была за диковинка, въ какой находились мы въ то время? Но какъ узнали о томъ не скоро мы, то надобно немного и вамъ потерпѣть и подождать отъ меня послѣдующаго письма, въ которомъ расскажу я вамъ, что тому было причиною и какія летали по палаткамъ и по обозамъ нашимъ ядра, а до того времени дозвольте мнѣ сіе письмо прервать и сказать вамъ, что я есмь и прочая.

ПРИ ТИЛЬЗИТѢ.

Письмо 52-е.

Любезный пріятель! Оставляя васъ при концѣ послѣдняго моего письма въ весьма любопытномъ мѣстѣ и въ нетерпѣливости узнать, отчего вдругъ полетѣли по лагерю нашему ядра, хочу теперь любопытство ваше удовлетворять и разрѣшить вамъ сію загадку.

Господа наши, главные командиры, не безъ причины выбирались изъ Тильзита съ превеликою поспѣшностью, и не попустому боялись и трусили непріятеля, но дошелъ до нихъ слухъ, что гонятся за нами не только легкія гусарскія непріятельскія партіи, но что и самъ фельдмаршалъ Левальдъ со всею почти своею арміею слѣдуетъ по стопамъ нашимъ и находятся уже въ самой близости. Сіе извѣстіе привело ихъ въ такое малодушіе и трусость, что они сами не знали, что дѣлать и начинать, почему и не удивительно, что они, выбираясь съ великою поспѣшностью изъ города и стараясь какъ можно скорѣе изъ города убраться за рѣку, надѣлали множество смѣха достойныхъ дѣлъ и такихъ погрѣшностей, которыя никакъ прощены имъ быть не могутъ. Ибо, во-первыхъ, не смѣха ли достойное было дѣло, что они, выбираясь со всѣмъ изъ Тильзита, восхотѣли однимъ угрозами принудить жителей городскихъ къ невозможному совсѣмъ дѣлу, то-есть, чтобъ они не впускали въ городъ свой послѣ насъ прусское войско. Тре-

бованіе, поистинѣ, самое странное и удивительное! Ибо какъ возможно было симъ безоружнымъ жителямъ это сдѣлать, и можно-ль бы съ здравымъ разсудкомъ сего отъ нихъ требовать? А чтобъ принудить ихъ къ тому угрозами, то велѣли на домахъ положить пехеранцы, чтобъ можно было городъ въ одинъ мигъ зажечь и весь въ пепелъ превратить; а что того смѣшнѣе, то поставили на самомъ берегу рѣки, противъ города, вышеупомянутой бекетъ съ пушками, на голомъ мѣстѣ и безъ малѣйшаго прикрытія, и созвавъ начальниковъ городскихъ, сказали, что если они, по выступленіи російскихъ войскъ, впустятъ въ городъ пруссаковъ, то городъ весь разстрѣлянь, зажженъ и разоренъ будетъ. Во-вторыхъ, поспѣшность и разстройка мыслей ихъ, при выѣздѣ изъ города, была такъ велика, что они совсѣмъ позабыли про находившіяся въ тильзитскомъ замкѣ прусскія пушки и оныя въ немъ оставили. Итакъ, можно ли непростительнѣе быть сей погрѣшности, и не чрезвычайная ли сія была оплошность?

Но каковы оплошны были мы, таковы проворны были, напротивъ того, господа пруссаки. Они не успѣли провѣдать, что наши войска изъ Тильзита выбрались, какъ того момента оныя заняли. Четыре батальона ихъ пѣхоты, со множествомъ пушекъ, вступили въ ту же еще ночь въ сей городъ, а вслѣдъ за ними слѣдовалъ и самъ фельдмаршалъ Левальдъ. Сіи вступившія войска не успѣли увидѣть за рѣкою весь нашъ лагерь, а на самомъ берегу, на голомъ песку, безъ всякаго прикрытія поставленный и власно, какъ на жертву преданный бекетъ, стасили тотчасъ со стѣнъ замка большія пушки, и подѣлавъ изъ нихъ и изъ привезенныхъ съ собою на берегу нѣсколько батарей, по наступленіи дня произвели по бекету нашему столь сильную стрѣльбу, что командовавшій онымъ нашего полку полковникъ старичокъ Пландевильденбергъ не зналъ куда отъ ядеръ укрываться. И хотя отвѣтствовали имъ изъ своихъ пушекъ,

но не могли имъ ничего сдѣлать, видя всю команду свою подверженную тщетной пагубѣ и потерявъ десятковъ пять людей, принужденъ былъ ретироваться въ лагерь.

Пруссаки, не довольствуясь тѣмъ, направили свои пушки и на самый наш лагерь, и какъ онъ по величинѣ своей ядрами до него доставали, то и начали они его угнѣнять немилосерднымъ образомъ, а особливо стрѣлять по фельдмаршальской ставкѣ; а поелику она была неподалеку отъ полку нашего, то отъ самаго того и доставали ядра ихъ до самаго нашего стана.

Игрушка таковая весьма не понравилась нашему фельдмаршалу. Онъ вздурился, сіе увидѣвъ и услышавъ свистъ ядеръ. Опасность, угрожаемая самому ему, принудила его забыть о своемъ безразсудномъ торжествѣ, за которое онъ по достоинству былъ наказанъ, и помышлять о спасеніи своемъ. Во всемъ лагерѣ произошла оттого превеликая тревога и смятеніе. Повсюду началась свачка и повсюду слышенъ былъ вопль: «Артиллерію! артиллерію! давай сюда скорѣй пушки, гаубицы, мортиры, бомбы, вези на берегъ, стрѣляй по городу, бросай бомбы, зажигай и разорай оный до основанія!...» Однако вся наша досада и вся злость на непріятеля не произвела никакого дѣйствія. Въ городъ хотя пушено было нѣсколько сотъ ядеръ и брошено нѣсколько десятковъ бомбъ, и хотя стрѣльба съ обѣихъ сторонъ продолжалась съ самаго утра даже за полдни и болѣе четырехъ часовъ, однако намъ со всюю нашею стрѣльбою не удалось ни непріятелю, ни городу сдѣлать никакого чувствительнаго вреда, кромѣ того, что поизломали на домахъ у нихъ нѣсколько черепичныхъ кровель и трубъ, и поранили одного канонера. Итакъ, видя худой успѣхъ и не хотя далѣе подвергать лагерь свой опасности, принужденны мы были наконецъ поднять весь наш лагерь и перенести его нѣсколько верстъ далѣе и тѣмъ всю сію комедію, къ стыду и безславію нашему, кончить.

Теперь легко можно заключить, что

насмѣшка таковая и посрамленіе отъ непріятеля были фельдмаршалу нашему крайне чувствительны. Въ досадѣ за сіе, онъ не только не хотѣлъ удостоить отътомъ предложеніе, присланное отъ непріятельскаго фельдмаршала о раздѣлѣ и гнѣныхъ съ трубачемъ, а велѣлъ отослать съ мужикомъ одну его трубу съ неподписанною нигѣмъ пидулкою, что пруссаки сами своего трубача застрѣлили; но смерть того, желая всѣмъ безпокойствамъ, дѣланымъ отъ непріятеля, положить единожды предѣлъ и сдѣлать, чтобъ армія прусской не можно было никакъ вслѣдъ за нами далѣе слѣдовать, велѣлъ разорять и опустошать огнемъ и мечемъ всѣ оставшія позади насъ селенія сряду и не оставил ни одного въ цѣлости, дабы непріятель нигдѣ не могъ найти себѣ убѣжища. А самое сіе, какъ послѣ оказалось, и остановило прусскую армію отъ дальнѣйшей погони, и они довольствовались уже послать вслѣдъ за нами самое малое количество гусаръ.

Отодвинувшись вышеупомянутымъ образомъ далѣе отъ берега и занявъ новый лагерь, пробывши мы въ ономъ не только тотъ, но и весь послѣдующій день; и хотя и не такое было время, чтобъ помышлять о торжествахъ, потому что въ сей день было у насъ уже зимье и выпалъ снѣгъ и началась самая дурная осенняя погода; однако для дня рожденія (20-го) великаго князя, было у фельдмаршала торжество и пальба изъ пушекъ.

Кромѣ сего, памятно мнѣ сіе мѣсто было потому, что мы имѣли во время стоянія своего подъ Тильзитомъ и тутъ во всемъ великое изобиліе. Ибо какъ отъ фельдмаршала дозволено было казакамъ и прочимъ нашимъ легкимъ войскамъ всѣ ближнія мѣста грабать, опустошать и разорять, то казаки наволокли къ намъ въ лагерь скота, птицъ и прочей всякой провизіи такое великое множество, что все продавалось очень дешевою цѣною и всѣ были до избытка довольны. Но ничего не было такъ много, какъ маду-сай, не знали они, куда уже и съ рукамъ сшить, и потому носили его вездѣ по полямъ.

и по обозамъ, и продавали за сущую бездѣлку. Полная манерочная крышка самой лучшей зеленой патоки продавалась, напримѣръ, не дороже одной копейки. Итакъ, тотъ только не ѣлъ меду, кто не хотѣлъ. Что касается до меня, то я, будучи съ малолѣтства до всѣхъ сластей, а особливо до меду, великій охотникъ, объѣдался онаго при этомъ случаѣ, и истинно до того доходило наконецъ, что онъ мнѣ казался горекъ.

Но сколько мы съ этой стороны были довольны, столько, съ другой, недовольны тѣмъ, что стоявшая до того весьма прекрасная и теплая погода, вдругъ перемѣнилась и сдѣлалась холодная и самая дурная осенняя. Сія перемѣна была намъ тѣмъ чувствительнѣе, что никто почти изъ насъ не имѣлъ у себя шубъ, и всякаго, по пословицѣ говоря, застала тогда зима въ лѣтнемъ платьѣ. До того времени мы всего меньше помышляли о запасеніи себя зимнею одеждою. Но выпавшій тогда первый снѣгъ и начавшаяся продолжаться слякоть и дурная погода, надуумила насъ въ томъ и принуждала нѣхота помышлять о семъ предметѣ. Но гдѣ было взять тогда въ походѣ шубъ? и у кого ихъ покупать, когда всѣ терпѣли въ томъ равный недостатокъ? Я за великое счастье себя почелъ, что могъ достать купить у казаковъ превеликій овчинный тулупъ, который былъ хотя шитъ изъ простыхъ овчинъ, но намъ было тогда не до разборовъ, и мы рады были, что могли чѣмъ-нибудь согрѣвать свои отъ стужи дрожащія члены. Что касается до холода, претерпѣваемаго въ нашей палаткѣ, то компаньонъ мой нашелъ средство и отъ онаго себя и меня сохранить. Онъ, приѣхавъ прежде въ занятый лагерь, велѣлъ поставить напередъ мою, а потомъ, сверхъ моей, свою капитанскую палатку, и нажегли жаровню полну жару, внесъ подъ внутреннюю палатку и чрезъ то такъ ее согрѣлъ, что я, приѣхавъ изъ похода и иззябши въ прахъ, въ нее какъ въ сущій рай и до-вольно расхвалить ее

нагрѣніе такимъ образомъ палатки; а какъ въ самое то время былъ у него готовъ и горячій чай, а потомъ изготовленъ прекрасный и сытный ужинъ, тоя въ сей вечеръ такъ былъ доволенъ, что онъ мнѣ во весь остальной походъ былъ очень памятенъ, и тѣмъ паче, что мнѣ не удалось уже имѣть другого такого спокойнаго и пріятнаго ночлега; ибо, къ превеликой досадѣ моей, я въ послѣдующее же утро наряженъ былъ отъ полку на ординарцы къ фельдмаршалу и принужденъ былъ, разставшись съ своимъ другомъ, приобрести повозку свою къ обозу фельдмаршальскому и отбыть на нѣсколько дней отъ полку своего, сдавъ роту возвратившемуся въ оную прежнему нашему поручику Коржавину.

Впрочемъ, въ самомъ семъ мѣстѣ начала армія наша мало-по-малу расходиться, и вся конница, кромѣ немногихъ выбранныхъ эскадроновъ, и половинное число казаковъ отправлена была изъ сего мѣста зимовать въ Польшу, куда она тотчасъ и пошла, а главная армія, со всѣми пѣхотными полками, положила итти зимовать въ Жмудію и Курляндію.

Мы выступили изъ сего лагеря не прежде какъ 21-го числа сентября; и хотя переходъ былъ не гораздо великъ, но для продолжавшейся великой слякоти и стужи, весьма труденъ, такъ что вся армія претерпѣвала великое безпокойство и была принуждена ночевать почти безъ палатокъ; ибо большая часть обозовъ не могла прибыть въ новый лагерь, и сей день былъ весьма достопамятенъ для арміи. Во все продолженіе похода не претерпѣла она столько труда и отягощенія, сколько въ сей день; однако, не по тому, что переходъ надлежало ей великое разстояніе, ибо переходъ былъ весьма умѣренный, но потому, что слѣдовать ей надлежало низкими, ровными и частыми ручейками и топкими лоцинками, пресѣченными и такими мѣстами, которыя и въ доброе время и въ сухую погоду не гораздо сухи, а тогда будучи отъ продолжавшагося безпрестанно дождя, сля-

вотн и снѣга размочаемы и безчисленными колесами и лошадьми разбиваемы, превратились въ самую топкую и вязкую грязь, изъ которой ноги почти вытащить было не можно. А посему всякому не трудно себя вообразить, каково было питать всей пѣхотѣ и тащиться всѣмъ обозамъ по таковой грязи, и притомъ по слякоти и при великомъ и холодномъ ненастьѣ. Истинно не могу съ покойнымъ духомъ и безъ внутренняго содраганія и понынѣ еще всего того вспомнить, что я въ сей день тогда видѣлъ.

Мнѣ судьба, власно какъ нарочно, преподала наудобнѣйшій случай видѣть тогдашнее жалкое состояніе арміи и быть всему злу, претерпѣваемому оною, очевиднымъ свидѣтелемъ; ибо, находясь въ самое сіе время у фельдмаршала на ординарцахъ, могъ я уже болѣе всего насмотрѣться, нежели прежде, находясь при полку, и по самому тому и могу я обстоятельнѣе рассказать о семъ несчастномъ и для многихъ пагубномъ днѣ.

Низкость тамошнихъ мѣстъ и тогдашнее превеличайшее ненастье причиною тому было, что весь путь, по которому арміи слѣдовать надлежало и одними уже передовыми войсками, а особливо конницею, такъ разбитъ былъ, что мы съ фельдмаршаломъ и обозомъ его, хотя всѣхъ прежде поѣхали, но и намъ уже весьма душно было ѣхать; когда же повалила артиллерія и ея тягости и тяжелые обозы, то растворилась вездѣ такая вязкая тошь и грязь, что я никакъ изобразить ее не могу. Какъ бы то ни было, но мы съ фельдмаршаломъ въ назначенный новый лагерь приѣхали очень еще рано и расположились себя спокойно: онъ въ своихъ огромныхъ ставкахъ и теплыхъ войлочныхъ казмыцкихъ кибиткахъ, а мы также кой-въ-какихъ палаткахъ въ его обозѣ. Я такъ былъ счастливъ, что и тутъ нашелъ себя нечаянно одного знакомаго. У фельдмаршала случилось въ сіе время быть, какъ парочно, дежуръ-майоромъ и командиромъ надъ всѣми нами, ординарцами, самый ближній деревенскій мой сосѣдъ, князь Иванъ Романовичъ

Горчаковъ. Сего человѣка до сего времени я нисколько не зналъ; но онъ, при разспрашиваніи меня о томъ, кто я таковъ, не успѣлъ услышать мою фамилію, какъ тотчасъ сказалъ мнѣ самъ, что деревни наши смежны между собою, и такъ ко мнѣ приласкался, что я невѣдомо какъ былъ имъ доволенъ. Онъ взялъ меня тотчасъ въ особое свое покровительство, и я долженъ былъ у него и обѣдать и ужинать во все то время, покуда я находился на ординарцахъ.

Вскорѣ послѣ обѣда и вслѣдъ за нами, притащилась кое-какъ и пѣхота. Смѣшно и жалко было на нее смотрѣть: не было ни одного человѣка, который бы по колѣно почти не былъ въ грязи, а многіе были съ ногъ до головы грязью перемараны. Всѣ полки распушены были тотчасъ по назначеннымъ для нихъ лагерямъ, но лагеря сіи были еще пусты и безъ палатокъ: ибо обозы всѣ остались еще далеко позади и оныхъ не было еще и въ появь. Случившаяся въ самомъ естотмъ селеніи, гдѣ мы стояли прежде, и откуда пошли, прескверная черезъ одинъ топкій ручей переправа, и то-и-дѣло ломающіеся мосточки, которые чрезъ оныя на скорую руку были подѣланы, причиняла имъ столько остановки, что они весь день прогваздались, переправляясь чрезъ оную. А бѣдные солдаты принуждены были долгое время быть безъ палатокъ и терпѣть стужу и мокроту подъ снѣгомъ и дождемъ подъ единными своими плащами. Къ ящему несчастію, и дровъ въ новомъ лагерѣ не можно было такъ много найтти, чтобы можно было раскласть довольно огня и у оныхъ грѣться; а иные полки были еще того несчастнѣе: имъ, по тѣснотѣ мѣста, досталось стоять на такомъ мѣстѣ лагеремъ, которое сущю трясиною и болотомъ почестъ можно и гдѣ ни четверти часа не можно было никакъ простоять на одномъ мѣстѣ, буде не хотѣтъ, чтобы на томъ мѣстѣ сдѣлалась лужа и ноги не очутились на четверть и болѣе въ водѣ отъ хлибаго и вдавливающегося грунта.

Наконецъ, какъ наступилъ уже и ве-

черь и изъ обозовъ только-что начали показываться передовые, то сіе начинало уже тревожить и беспокоить нашего фельдмаршала. Онъ то-и-дѣло посылалъ ординарцевъ понуждать, чтобы скорѣй ѣхали. Но все сіе не производило никакого успѣха. Погода становилась отчасу хуже и дорога гаже; по наступленіи же ночи сдѣлалась такая темнота, что низги было не видать, а притомъ такая стужа, что и въ шубѣ едва оную терпѣть было можно. Разсудите-жъ теперь, каково было бѣднымъ нашимъ солдатамъ, недождавшимся своихъ повозокъ и почувшимъ на мокрой землѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, подъ одними своими плащами? А что происходило съ бѣднымъ обозомъ, того безъ жалости я вспомнить не могу. Мнѣ случилось быть очевиднымъ тому свидѣтелемъ, и вотъ какимъ образомъ:

Въ самую полночь проснулся нашъ фельдмаршалъ, и услышавъ, что не всѣ еще обозы пришли, восхотѣлъ послать туда еще одного ординарца. Сихъ ординарцевъ было у него хотя много, ибо отъ всякаго полку было по одному, но такъ случилось, что тогда не было никого на лицо: всѣ разосланы были въ разныя мѣста, и я оставался только одинъ изъ всѣхъ. Князь Горчаковъ сколько ни старался до того времени меня щадить, нарочно нивкуда не посылая, но тогда не было и ему возможности меня помиловать отъ сей посылки. Онъ съ превеликимъ сожалѣніемъ пришелъ ко мнѣ самъ въ палатку и, будя меня изъ сна, говорилъ: «Вставай, Андрей Тимофеевичъ! что дѣлать, хоть-бы и не хотѣлось мнѣ васъ потревожить и въ сіе время послать, но велить самая необходимость. Не взъщите, ради Бога, того на мнѣ. Графъ спрашиваетъ теперь ординарца, а никого нѣтъ, кромѣ васъ, итакъ, пойдемте къ нему». — Досадно мнѣ сіе было чрезвычайно, ибо я только-что подъ тулупомъ своимъ угрѣлся и заснулъ; но зная самъ необходимость, не ропталъ ни мало на князя, но шелъ за нимъ съ терпѣніемъ.

Пришедъ къ фельдмаршалу, не могъ я

внутренно не разсмѣяться тому, что тутъ увидѣлъ. Я нашелъ его въ преогромной, богато внутри украшенной и жаровнями и спиртами довольно нагрѣтой кибиткѣ, лежащаго на пуховикахъ на одной, а лейбмедика, или доктора его, на другой кровати; но въ чемъ бы, вы думали, сей предводитель нашъ, при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ, упражнялся? Истинно стыдно сказать. Изволилъ слушать сказки отъ сидящаго въ головахъ у него за столикомъ грендера и болтавшаго негѣпный вздоръ во все горло. — Боже мой! подумалъ я тогда самъ въ себѣ: то-то прямо приличное упражненіе для фельдмаршала такой великой арміи и въ такое время! — Князь тотчасъ доложилъ ему, что привелъ ординарца, и тогда началъ онъ мнѣ приказывать. — «Слушай, мой другъ!» сказалъ онъ мнѣ: «поѣзжай по дорогѣ, гдѣ шла армія до самаго того мѣста, откуда мы сегодня пошли, и посмотри, сколько еще обозовъ по дорогѣ, и всѣ ли они переправились чрезъ рѣчку? и буде не всѣ, то сочти ты мнѣ, сколько повозокъ еще не переправилось». — «Слушаю! ваше сѣтельство», отвѣтствовалъ я: — «только счесть, не уповаю, чтобъ было можно: темнота теперь такъ велика, что и на сажень ничего почти не видно». — «Ну хоть наугадъ посмотри сколько», сказалъ онъ: — «только поѣзжай и возвращайся скорѣе».

Принявъ сіе повелѣніе, надѣлъ я сверхъ мундира овчинный свой тулупъ, и укутавшись хорошенько въ него и въ надѣтую сверхъ того эпанчу хорошенько, взялъ я въ конвой себѣ двухъ казаковъ и пустился верхомъ въ путь свой. Одному изъ казаковъ велѣлъ я ѣхать передъ собою, дабы можно было мнѣ узнавать, гдѣ рытвина и гдѣ топь, и чтобъ, вѣхавши либо въ яму, либо въ тину, не слетѣть съ лошади и не сломать головы; а другому приказалъ ѣхать позади себя и не отставать ни на шагъ. Темнота въ самомъ дѣлѣ была преужасная и дорога такъ разбита и испорчена, что я того и смотрѣлъ, чтобъ не слетѣть и мнѣ такимъ же об-

разомъ съ лошади, какъ то уже не однажды съ передовымъ момъ казакомъ случалось. Впрочемъ, не успѣли мы выѣхать изъ лагеря, какъ и начали встрѣчаться съ нами повозки въ такомъ состояніи и положеніи, какое безъ внутреннего сожалѣнія я вспомнить не могу. Индѣ погрязла телѣга въ грязи, и лошади, выбившись изъ силъ, лежали, растянувшись. Въ другомъ мѣстѣ наѣзжалъ я лошадей, совсѣмъ уже издохшихъ и самихъ повозчиковъ едва въживъ, стужа и мокрота ихъ совсѣмъ переломила; а отъѣхавъ далѣе, наѣзжалъ я и лошадей и повозчиковъ умершихъ отъ стужи: тѣ какъ шли, такъ, упавъ, и издохли, а сіи, прикурнувшись, свѣдѣли позадь повозокъ— и такъ окостенѣли. Индѣ однѣ лошади стояли по поясъ въ тинѣ, а повозчикъ съ полверсты отъ нихъ лежалъ безъ дыханія. Однимъ словомъ: вся дорога наполнена была такими печальными зрѣлищами, что я не могъ безъ внутренняго содроганія смотрѣть на оныя. Наконецъ, вдаль увидѣли мы зарево, а потомъ и пламя, освѣщавшее весь горизонтъ, и легко могли заключить, что тутъ надобно быть тому мѣсту, куда мнѣ ѣхать надлежало, и гдѣ была самая та скверная переправа, которая столько остановки надѣлала. Я пустился съ казаками моими на сіе зарево, и, за темнотою, едва-было самъ не погрязъ въ тинѣ и болотѣ, однако, наконецъ, кое-какъ доѣхали мы туда.

Но что-жъ увидѣлъ я тутъ? повозокъ нѣсколько сотъ стѣснилось въ переправѣ и слышанъ былъ только вопль, шумъ и трескъ. Нѣкоторые изъ нихъ лежали опрокинутыми съ гати въ болото и на половину погрязшія; иныя лежали на боку; у другихъ переломаны были оси, а у иныхъ колеса, и все въ превеличайшемъ беспорядкѣ и въ такой тѣснотѣ, что мнѣ не было никакого способа проѣхать и ихъ не только пересчитать, но хотя глазомъ окинуть. Итакъ, довольствовался я, спросивъ сколько еще тамъ за рѣчкою обозовъ? и услышалъ, что ихъ еще сотъ съ шесть и болѣе позади. Тогда

не оставалось мнѣ иного, какъ назадъ ѣхать; но какъ мы съ казаками сами немилосердно переязбли, то разсудили заѣхать напередъ погрѣться къ находящемуся въ близости огню.

Но какой бы, думали вы, это огонь былъ? Ахъ! не могу и сего безъ сожалѣнія вспомнить. Это было прекрасное строеніе, стоявшее въ полонѣ. Къ несчастію, случись въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ была сія переправа, прекрасная прусская деревня; и какъ двори крестьянскіе были огромные, крытые сводами и стоящіе другъ отъ друга въ отдаленіи, то въ ней-то, дворъ по двору, зажигали наши переправляющіеся, чтобъ какъ свѣтомъ отъ пламени пользоваться, такъ и самихъ обогрѣваться. Боже мой! подумалъ я самъ въ себѣ, какія горестныя послѣдствія приносить съ собою война! Чѣмъ бѣдна сія деревня виновата, что случилась бытъ въ этомъ мѣстѣ? Однако, потушивъ, свѣдѣлъ и я компанію прочимъ и, полежавъ на бугоркѣ и погрѣвшись противъ огня, пустился въ обратный путь для донесенія фельдмаршалу всего того, что я нашелъ и видѣлъ. Сей не успѣлъ меня увидѣть вошедшаго къ нему въ кибитку, какъ тотчасъ спросилъ: «что, мой другъ, много ли еще?»—«Очень много, ваше сіятельство», отвѣтствовалъ я, и разсказалъ ему потомъ все, что видѣлъ, какъ наѣзжалъ на разбѣянныхъ по дорогѣ и по полямъ повозки, какъ видѣлъ многихъ повозчиковъ и лошадей умершихъ и прочее, что видѣлъ. Но что же вы бы думали онъ на сіе сказалъ? Ничего, а только приказалъ мнѣ итти въ свое мѣсто, а гренадеру продолжать сказывать сказку, прерванную моимъ приходомъ.

Вотъ какого фельдмаршала имѣли мы въ тогдашнемъ нашемъ походѣ! Люди, вѣренныя его предводительству и поличію, погибали и страдали нанжесточайшимъ образомъ, а онъ въ самое то время увеселялся слушаніемъ глупыхъ и одними только нелѣпостями наполненныхъ сказокъ. Чему и дивиться, что армія на семъ обратномъ походѣ претерпѣвала несравненно болѣе урона, нежели

идучи въ Пруссію. Но я возвращусь къ моей материн и буду продолжать повѣствованіе.

Для всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ принуждены мы были сдѣлать на семь мѣстѣ растахъ и дожидаться обозовъ, которые прибыли всѣ не прежде, какъ уже подь вечеру на другой день. Сіе время употреблено было для сожиганія всѣхъ излишнихъ вещей. Всѣ обозы были пересмотрѣны и все лишнее сожжено и брошено. Сколько пушекъ, сколько ядръ и бомбъ, пороху и другихъ вещей и военныхъ снарядовъ не побросали мы тутъ въ воду и не зарыли въ землю, для того, что везти было не на чемъ! Но все сіе помогло мало. Тягости убавилось немного, и трудъ былъ тотъ же; и я не знаю, какъ бы намъ дойти, еслибъ не умилосердилась надъ нами сама натура и не произвела нѣкоторой перемѣны въ погодѣ, и она не сдѣлалась нѣсколько суше и лучше.

Впрочемъ, и въ сію вторую ночь долженъ я былъ имѣть нѣкоторое безпокойство. Поелику всѣ нужныя предосторожности отъ непріятеля наблюдаемы были и въ сіе время, которыя, въ разсужденіи тогдашнихъ темныхъ ночей, и неизлишними были, то имѣлъ всякій день дежурный генераль-майоръ обыкновеніе: по наступленіи ночи, объѣзжать весь лагерь кругомъ и осматривать вездѣ ли исполняется все то, что приказано, и поставлены ли нужные бекеты. Онъ биралъ обыкновенно съ собою нѣсколько человекъ изъ насъ, ординарцевъ, и въ сію ночь долженъ былъ и я быть въ его свитѣ. Дежуръ-генераль-майоромъ былъ у насъ тогда толико прославившійся потомъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, и съ нимъ-то ѣздили мы тогда осматривать всѣ полки и посты. Не могу безъ смѣха и понинѣ вспомнить тогдашней нашей ѣзды съ нимъ. Никакая каналья, я думаю, не былъ столько бранимъ и ругаемъ, какъ мы тогда съ нимъ. Но что смѣшнѣе всего то, хотя насъ немилосерднѣйшимъ образомъ и всякими скверными словами ругали и бранили, но мы принуждены

были сносить то съ терпѣніемъ и безъ малѣйшей досады и, вмѣсто сердца, только-что тому смѣяться. Причиною тому была крайняя темнота тогдашней ночи и то, что мы, проѣзжая сквозь полки и идучи мимо офицерскихъ палатокъ, то и дѣло ногами лошадей своихъ зацѣплявали за палаточныя веревки и тѣмъ приводя всѣ палатки въ потрясеніе, мѣшали спать въ нихъ офицерамъ, которые, не зная нимало кто тутъ такъ неосторожно ѣхалъ и отваживался ихъ покой нарушать, сердились, кричали и бранили насъ немилосерднымъ образомъ, и такъ иногда хорошо, что мы со смѣха принуждены были надсѣдаться и имъ охотно то отпускали.

Ночевавъ помянутымъ образомъ въ семь мѣстѣ двѣ ночи, 23 числа выступили мы опять въ походъ и, дѣлая небольшіе переходы, шли какъ сіе, такъ 24, 25, 26 и 27 числа безъ растаховъ и претерпѣвая великую нужду и безпокойство, а особливо отъ стужи и продолжавшихся еще дождей. Особливаго въ сіе время ничего не случилось, кромѣ того, что мы, какъ сущіе варвары, жгли повсюду селы, дворянскіе дома и деревни, и днемъ курился вездѣ дымъ, а ночью повсюду видимы были зарева и пожары. Какое зрѣлище для жалостливаго и челоуѣколюбиваго сердца!—Не было тутъ пощады никому. И какое бы жило и строеніе прекрасное ни было, но долженствовало обратиться въ пепелъ. Но для чего? Для того только, что два эскадрона непріятельской конницы гнались за нами, и прусскому фельдмаршалу заблагодарасудилось послать ихъ въ свѣдъ за нами, для примѣчанія нашего похода и движенія; а нашъ не могъ того разсудить, что они намъ ничего важнаго сдѣлать не могутъ, но вмѣсто того, чтобы послать ихъ отогнать, разсудилъ за лучшее удержать ихъ опустошеніемъ всѣхъ остающихся позади насъ мѣстъ и предаваніемъ всего мечу и огню, не подумавъ ни мало о томъ, что чрезъ таковую жестокость навлекалъ всей націи нашей предъ всѣмъ свѣтомъ превеликое безславіе и такое пятно, которое останется на вѣкъ въ

исторіи и которое ничѣмъ смѣть не можно; ибо вообразите себѣ, любезный пріятель, что писали тогда въ вѣдомостяхъ непріатели наши о семъ разореніи и какое мнѣніе подавали о насъ всему свѣту:

«Россіяне—говорили они—выходя изъ Пруссіи не оставили тамъ о себѣ хорошей памяти, но до тѣхъ поръ, покуда выступили изъ границъ, упражнялись только въ однѣхъ безчеловѣчійхъ и жестокоствяхъ. Городъ и амтъ Рагнитъ со всѣми почти деревнями своего уѣзда превращенъ совершенно въ пепелъ. Деревни шестнадцати другихъ амтовъ претерпѣли таковую-жъ участь. Весь скотъ былъ у жителей отнятъ и отчасти перебитъ. Великое множество деревенскихъ жителей отчасти перестрѣлено, отчасти сожжены, отчасти уведены въ плѣнъ, а особливо молодые люди. Многіе духовные были сѣчены, а другіе разожженными угольями питаны. Множество церквей разграблено, каковую участь имѣла и гробница генерала ла-Кара въ Видлакенѣ, и проч.» Далѣе писали они, что и намъ, россіянамъ, прусскіе мужики и гусары въ разныхъ мѣстахъ не малый вредъ причиняли, и что они не только у насъ многое похищенное нами опять отнимали, но многихъ убивали и въ полонъ брали, а не мало получили и обозовъ въ добычу, и что, между прочимъ, захваченъ былъ ими одинъ полковникъ изъ корпуса генерала Сибильскаго и приведенъ къ арміи, у котораго отнято до 3,000 талеровъ наличными деньгами, двое золотыхъ часовъ и карета съ 6-ю лошадьми; казакамъ же и калмыкамъ не дѣлано было никакой пощады, и потому они при семъ возвратномъ походѣ не далеко въ стороны отъ арміи отлучались.

Вотъ что писали о насъ тогда пруссаки! Но справедливо ли все сіе было или нѣтъ, того не могу сказать; ибо все сіе отъ нашихъ развѣзжающихъ по сторонамъ калмыковъ и казаковъ могло статься; однако и то правда, что пруссаки въ релиціяхъ своихъ обыкновенно многое придыгали и изъ самой мухи дѣлали слона. По крайней мѣрѣ, намъ, на-

ходившимся тогда въ арміи, ничего о такихъ убивствахъ и пыткахъ, также и о захваченномъ въ плѣнъ полковникѣ ничего было не слышно; а что мы разоренія и опустошенія мѣстъ огнемъ проводили, того уже и оспорить не можно. Мы не только были тому очевидными свидѣтелями, но и сами для сожиганія деревень были посланы. Мнѣ самому таки-случилось однажды командировану быть для истребленія огнемъ одной прекрасной деревни; но я радовался, что уприсялъ другого офицера принять на себя сію комиссію, отъ которой я внутреннее имѣлъ отвращеніе.

Препроводивъ помянутымъ образомъ цѣлыхъ пять дней въ походѣ безъ растаховъ, наконецъ, 28 числа, мы отъ своего труднаго похода отдыхали, и получили въ семъ мѣстѣ небольшое порадованіе, а именно: получено было отъ двора повелѣніе, чтобъ всей арміи выдать не въ зачетъ за треть года жалованье. Кромѣ сего, памятно мнѣ изъ сего періода времени, что мы въ послѣдніе сіи дни, идучи все безлѣсными и болѣе песчаными мѣстами, имѣли великій недостатокъ въ дровахъ и принуждены были, какъ для обогрѣванія себя, такъ и для варенія себѣ яствъ, употреблать турфъ, котораго, по счастью, въ прусскихъ деревняхъ находили великое множество въ заготовленіи. У всякаго двора были складены изъ сѣкъ земляныхъ дровъ или высушеннаго дерна превеликія поленницы, или кучи, и мы жгли оный сколько хотѣли, научившись скоро столько-жъ имъ пользоваться, какъ и дровами.

Въ послѣдующій день продолжали мы походъ свой далѣе, а 30 числа опять дневали, и въ семъ мѣстѣ раздѣлена была армія вновь на двѣ дивизіи.

Съ сего времени не стали уже мы такъ поспѣшать, отчасти для того, что уже немного оставалось намъ итти, а отчасти потому, что непріятельскія партіи отъ насъ наконецъ отстали, и мы шли уже безъ всякой опасности. Итакъ, первое число октября мы шли, а второе и третье отдыхали и отправляли въ Мемель напе-

редъ команды, для принятія провіанта и печенія хлѣбовъ. Потомъ 4-го числа опять перешли верстъ шесть и тамъ опять два дня стояли. Во все сіе время не имѣли мы ни въ чемъ дальней нужды, а досаждали намъ только стужа и наступившіе морозы. Однако и отъ нихъ научила насъ нужда находить себѣ довольно спокойное убѣжище. Всѣ мы, офицеры, оставили свои большія офицерскія палатки и начали жить въ маленькихъ солдатскихъ, нагрѣвая ихъ жаровнями и угольями; а чтобы теплота не такъ скоро выходила, то употребляли мы обыкновенно по двѣ палатки и одну изъ нихъ надѣвали на другую, и такъ, чтобы одна была передомъ сюда, а другая въ противную той сторону. Опущенныя же и до самой земли полочки прибавили мы вплоть къ землѣ; и чтобы стужа не могла снизу подходить къ намъ въ палатку, то обсыпали самые края снизу землею; верхнюю же палатку немного вспрыскивали водою, дабы не такъ скоро тепло сквозь оную проходить могло. Черезъ все сіе и нагрѣваніе палатки жаровнями, съ нажженными угольями, и получали мы весьма теплыя себѣ убѣжища. А какъ каждый изъ насъ имѣлъ и возилъ съ собою кровати, то, не имѣя нужды спать на землѣ, и поваливались мы въ нихъ, какъ въ баняхъ; но жалъ только, что сіе наемное тепло не долго длилось, но скоро проходило и что намъ по нѣскольку разъ въ день нагрѣваніе вновь повторять надлежало; также, что входъ въ палатку не весьма былъ свободенъ и принуждалъ насъ нагибаться и поддѣзвать подъ стѣну.

Наконецъ 7-го числа октября, въ день рожденія моего и вступленія на двадцатый годъ жизни моей, дошли мы до славнаго нашего Мемеля, и версты за двѣ отъ сей крѣпости расположились лагеремъ, а фельдмаршалъ сталъ въ городѣ и имѣлъ въ него публичный въѣздъ, при стрѣльбѣ изъ пушекъ. Тутъ стояли мы цѣлую недѣлю и упражнялись въ приниманіи провіанта и печенія хлѣбовъ, также въ запасеніи себя прочими нужными вещами,

ибо въ семь городѣ могли уже мы достать, купить, всякую всячину.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, вторая дивизія нашей арміи, подъ командою генерала-аншефа Броуна, пошла отъ насъ прочь и повернула вправо, въ польскую, тутъ прикосновенную, провинцію Жмудю, или Самогитію, гдѣ назначены ей были зимовныя квартиры. Мы же остались при фельдмаршалѣ, и всѣ полки раздѣлены были по-бригадно, изъ коихъ три бригады пошли на кантонирь-квартиры въ Курляндію, а пять полковъ осталось при Мемелѣ, ибо сію крѣпость не распустили мы за благо оставить.

Нашему полку посчастливилось быть включену въ число тѣхъ, коимъ назначено было итти зимовать въ Курляндію. Итакъ, мы, переправившись 15-го числа въ Мемелѣ черезъ рѣку, выступили въ походъ, и 16-го числа ночевали при польской границѣ, при мѣстечкѣ Полонка, а 17-го числа дошли наконецъ до курляндской границы и ночевали при мызѣ Будендицъ, а на утро тутъ дневали.

19-го числа выступили мы опять въ походъ и, отошедъ полторы мили, стали лагеремъ подлѣ деревни Лагнгеръ, а въ послѣдующій день, отошедъ двѣ мили, въ первый разъ стали по квартирамъ и ночевали.

Нельзя изобразить, сколь пріятны намъ тогда были самыя бѣдныя мужичьи хижины! По претерпѣнію толь многихъ трудовъ, стужи и безпокойства, невѣдомо какъ рады были мы дорвавшись до тепла, и для насъ самыя скверныя латышскія избы лучше были палатъ бѣлокаменныхъ. Но сему и дивиться не можно, по причинѣ, что тогда уже было самое глубокое осеннее время и стояла стужа съ ежедневными морозами.

21-е число выступили мы опять въ походъ и, отошедъ мили три, принуждены были, за неимѣніемъ квартиръ, ночевать опять въ палаткахъ на холоду, а что того досаднѣе, тутъ же еще и днели.

23-го числа пошли мы далѣе, и дошли до кирки Обербартау, стали всѣ по квартирамъ.

24-го числа раздѣлилась наша бригада, и кievскій полкъ пошелъ влѣво, а мы со вторымъ московскимъ—вправо; а вскорѣ потомъ пошелъ и второй московскій полкъ отъ насъ въ сторону, и мы остались одни и ночевали по квартирамъ, занятымъ по деревнямъ.

25-го числа шли мы съ полкомъ своимъ еще далѣе, и сдѣлавъ небольшой переходъ, ночевали по квартирамъ, а послѣдующаго дня начали уже отдѣляться отъ насъ роты и расходиться по сторонамъ; мы же остались при знаменахъ.

Нельзя довольно изобразить, съ какими приятными и особыми чувствованіями сопровождаемо бываетъ такое приближеніе къ зимовымъ квартирамъ. Тогда хотя была глубокая осень, но намъ веселѣе и приятнѣе было ѣхать, нежели самую весною. Каждый лѣсокъ и каждый кустарникъ казался намъ милъ, и мысль, что скоро наживемъ себѣ покой, услаждала все, и всѣмъ видимымъ предметамъ нѣкую особливую приятность придавала.

27-го числа октября пошли мы далѣе и пришли наконецъ въ настоящія наши кантонирь-квартиры въ мызу Цирау, лежащую въ Курляндіи, и расположились по деревнямъ кругомъ оной.

Такимъ образомъ кончился нашъ, предпріятый въ 1757 году, первый прусскій походъ, о которомъ теперь судите сами, славенъ ли онъ былъ, или безславенъ и къ пользѣ ли онъ намъ служилъ или ко вреду и предосудженію. Что касается до меня, то мнѣ то только извѣстно, что вся польза состояла единственно въ томъ, что мы посмотрѣли пруссаковъ, поучились съ ними воевать, узнали какъ ходятъ въ походахъ, какіе бываютъ военные труды, овладѣли городомъ Мемелемъ, нагнали на пруссаковъ страхъ и доказали имъ, что мы умѣемъ драться и не такіа свиньи, какими они насъ почитали. Впрочемъ, нельзя и того не сказать, что нашъ походъ сей многого труда и многихъ убытковъ какъ въ людяхъ, такъ и въ деньгахъ и во всемъ прочемъ стоилъ. Однимъ словомъ: онъ былъ пригото-

вленъ и наукою къ будущимъ нашимъ военнымъ операціямъ.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ разскажу, что послѣдовало далѣе; а между тѣмъ остаюсь вашъ и прочее.

Письмо 53-е.

Любезный пріятель! Послѣднее мое письмо кончилъ я тѣмъ, что мы, возвратясь изъ своего похода, расположились въ Курляндіи по зимнимъ квартирамъ; а теперь, продолжая повѣствованіе свое далѣе, скажу вамъ, что на сихъ квартирахъ простояли мы достальное время сего года наиспокойнѣйшимъ образомъ. Оба оставшіе мѣсяца, ноябрь и декабрь, протекли у насъ мирно, и я не помню никакого важнаго и особливаго происшествія, которое бы около сего времени случилось. Главную квартиру занялъ нашъ фельдмаршалъ въ курляндскомъ приморскомъ мѣстечкѣ Либавѣ, а нашему полку, какъ уже прежде упомянуто, квартиры назначены были въ окрестностяхъ мызы Цирау, гдѣ сталъ и старичокъ, полковникъ нашъ. Что-жъ касается до меня, то я сею зимою далеко не таковъ счастливъ былъ, какъ предсѣдующемъ. Ротѣ нашей отведены были квартиры неподалеку отъ вышеупомянутой мызы; но какъ я около сего времени уже не былъ ротнымъ командиромъ, потому что былъ при ротѣ и самъ поручикъ, то наилучшая квартира, назначенная для ротнаго командира на изрядномъ подмызкѣ, занята была имъ; а я принужденъ былъ довольствоваться наилучшимъ крестьянскимъ дворомъ, какой только могъ найтись во всѣхъ деревняхъ, ассигнованныхъ подъ нашу роту. Но какъ и всѣ тамошнія деревни и крестьянскіе дворы немногимъ чѣмъ лучше лифляндскихъ, то нельзя сказать, чтобъ квартира моя была завидная. Ее отвели мнѣ въ одной деревнѣ, лежащей верстѣ пять отъ моего поручика, и я за счастіе еще считалъ, что удастся найтись таковой крестьянскій дворъ, въ которомъ подлѣ избы придѣлана была сбоку маленькая коморочка съ тремя краснень-

кими окошечками и голландскою печкою, которая была хотя и не гораздо свѣтла и отъ небреженія крестьянскаго нарочито позакопчена, но я радъ по крайней мѣрѣ былъ тому, что печка была порядочная и что я не обезпокоиванъ былъ дымомъ, а что всего лучше, то была она тепла какъ баня. Сіе тепло было намъ псего дороже; ибо, натерпѣвшись въ походѣ стужи и безпокойствъ, рады мы были и послѣдней лачужкѣ.

Итакъ, квартирка моя была хотя и весьма посредственная, но я ею былъ нарочито доволенъ. Я прибралъ ее коливо можно было получше. Затоптанный и загвазданный полъ велѣлъ я порядочно вымыть и выскрестъ; печку свою я выбѣлилъ; стѣны также велѣлъ порядочно обмести, очистить и потомъ вымыть; а чтобъ придать имъ сколько-нибудь красы, то прибавилъ на нихъ два живописныхъ портрета, которые случилось мнѣ купить въ походѣ за бездѣлку у солдатъ, доставшихъ оныя при разграбленіи замка Аленбургскаго и которые составляли единую добычу, вывезенную мною изъ Пруссіи. Далѣе, вороватку свою поставилъ я въ одномъ углу, а въ другомъ, подлѣ печки и подъ окошечкомъ, установилъ я свой походный столикъ, и ассигновалъ себѣ мѣстечко для сидѣнія, и какъ бумаги было у насъ довольно, чернила также были, а полочка, установленная моими книгами, была подлѣ меня, то мнѣ ничего болѣе было и не надобно; и я, разобравшись и расположившись симъ образомъ, началъ себѣ жить въ теплѣ, какъ въ царствѣ небесномъ, или какъ лучше сказать, какъ въ баковой отшельникѣ, въ сущемъ уединеніи и спокойствіи. Ибо надобно сказать, что поручикъ мой былъ хотя изрядный человекъ, однако не такой, съ которымъ бы можно было съ пріятностію дѣлить время; итакъ, къ нему часто ѣздить я не имѣлъ охоты, а изъ другихъ офицеровъ никто подлѣ меня близко не стоялъ. Что-жь касается до тамошнихъ мызниковъ или курляндскихъ дворянъ, то мѣста сіи были какъ-то пусты и не было никого изъ дворянъ, живущихъ въ близости, такъ что

мнѣ во всю зиму ни одного изъ нихъ видѣть (не случилось), да и не слыжалъ я, чтобъ кто жилъ тутъ неподалеку.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ принужденъ я былъ жить одинъ и, власно, какъ въ заперти; и уединеніе сіе конечно-бъ мнѣ скоро прискучило, еслибъ не имѣлъ я охоты къ наукамъ и не сдѣлалъ издавна привычки упражняться въ чтаніи книгъ и писаніи, а самая сія привычка и помогла мнѣ въ семь случаевъ очень много; ибо не успѣлъ я совсѣмъ обострожитья, какъ тотчасъ и нашель себѣ работу. Я упоминалъ уже прежде, что во время похода, въ праздное время, переводилъ я новокупленную въ Ригѣ книгу Клевеланда; и какъ сей книги переведено было у меня уже довольно, то вознамѣрился я тогда переводъ сей переписать на-бѣло, какъ можно лучшимъ и красивѣйшимъ письмомъ, почему, сдѣлавъ тетрадки изъ лучшей почтовой бумаги, и началъ я переводъ свой переписывать, натирая всегда для писанія тушь, и употребляя при переписываніи все свое искусство къ приданію книжкѣ моей наилучшей красы; а занимаясь симъ, и не видалъ какъ протекало глубокое и самое скучное осеннее время.

Кромѣ сего, случай доставилъ мнѣ и нѣкотораго рода собесѣдника. У хозяина моего проживалъ одинъ ремесленный старичокъ, упражняющійся въ шитьѣ деревенскаго мужичьяго платья, для котораго собственно и была сдѣлана у него самая та коморочка, въ которой я тогда жилъ. Сперва не зналъ я, что эта была за особа; ибо какъ его для меня выгнали изъ коморки, то жилъ онъ въ избѣ у хозяина, и мнѣ былъ онъ не въ примѣту; но какъ ходъ изъ моей комнаты былъ всегда черезъ избу, то видая его всякій день, полюбопытствовалъ я однажды о немъ, и, къ превеликому удовольствію, узналъ, что онъ былъ родомъ нѣмецъ. Я тотчасъ съ нимъ началъ говорить, и нашель, что онъ былъ старичокъ самый добренькой, живалъ многіе годы въ самомъ Кенигсбергѣ и имѣлъ довольно смысла, та

нимъ иногда съ цѣлыи часъ времени, и болѣе, разговаривать безъ скуки. Я разспрашивалъ его о Кѣнигсбергѣ и онъ мнѣ рассказывалъ все, что ему было извѣстно. Словомъ, я старичка сего скоро полюбилъ и не рѣдко заставлялъ его работать у себя въ комнатѣ, дабы мнѣ съ нимъ можно было кой-чемъ разговаривать. Кромѣ того, сдѣлался онъ мнѣ и учителемъ латышскому языку; ибо какъ онъ языкъ сей совершенно разумѣлъ, то изъ добротства, разспрашивалъ я у него, какъ что по-латышски называется и записывалъ въ тетрадку.

Въ сихъ-то невинныхъ и уединенныхъ упражненіяхъ препровождалъ я свое время. Но какъ недостатокъ въ нужнѣйшихъ съѣстныхъ припасахъ, или такъ-называемомъ запасѣ, который во время похода весь уже изошелъ, напоминалъ мнѣ, что нужно помышлять о запасеніи себя вновь онымъ; а сверхъ того, не было у меня ни большой шубы, ни носильнаго порядочнаго тулупа и многихъ другихъ вещей: то для всего того разсудилъ я отправить одного изъ людей моихъ въ свою деревню, какъ для привоза мнѣ сего запаса, такъ и для закупки въ Москвѣ всѣхъ нужныхъ вещей, которыхъ мнѣ не доставало, а равно какъ и денегъ, въ которыхъ также была мнѣ великая нужда—и Яковъ мой на лошади принужденъ былъ въ сей дальній путь отправиться.

Вскорѣ послѣ того произошла въ ротѣ у насъ нѣкоторая перемѣна. Поручика моего произвели въ капитана, и на мѣсто его получилъ я себѣ другого командира, а именно: поручика Михаила Емельяновича г. Нешейцина. И какъ сей человекъ былъ разумнѣе и несравненно лучшихъ свойствъ и характера, нежели какъ-то былъ г. Коржавинъ, то возстановилось у насъ съ нимъ очень скоро отиѣнное дружество. Онъ полюбилъ меня чрезвычайно, и какъ онъ пріѣхалъ тогда прямо изъ Польши, гдѣ находился для заготовленія провіанта и имѣлъ чрезъ то случай понажитья и вывезти съ собою и денежекъ и всего прочаго довольно, то сталъ онъ меня уговаривать, чтобы я пе-

рѣхалъ жить съ нимъ вмѣстѣ, на подмызокъ, и не далъ мнѣ до тѣхъ поръ покою, покуда я на то не согласился. Привыкнувши къ своей хижинѣ, мнѣ сперва было и не весьма хотѣлось разстаться съ моимъ милымъ уединеніемъ; но просьби его, а сверхъ того, и недостатокъ провизіи и неудобность доставать оную въ курляндскихъ деревняхъ, убѣдили меня наконецъ оное оставить и переѣхать къ нему жить; и я могу сказать, что я и не имѣлъ причинъ въ томъ раскаяваться. Ласки его, ко мнѣ оказываемыя, и дружба простиралась такъ далеко, что онъ никакъ не хотѣлъ допустить до того, чтобы я купилъ отъ себя что-нибудь изъ провизіи, но довольствовалъ меня своимъ коштомъ, и мы жили съ нимъ какъ родные братья и могу сказать, что довольно весело. Квартира была у насъ довольно хорошая; нять и ѣсть было что, а въ разговорахъ съ нимъ время препровождать было не скучно; а сверхъ того, имѣлъ я свободу заниматься сколько хотѣлъ и своими упражненіями. Словомъ, сотоварищемъ симъ былъ я совершенно доволенъ и, живя съ нимъ, не видалъ какъ протекли оба достальныя мѣсяца сего года.

Совсѣмъ тѣмъ, не удалось мнѣ долго пожить съ симъ любезнымъ человекомъ. Предъ окончаніемъ года произошла со мною и еще одна перемѣна. Господину полковнику нашему вздумалось что-то перевести меня изъ прежней въ гренадерскую роту, и я принужденъ былъ, противъ желанія моего, оставить прежняго компаньона и переѣхать жить въ новую роту и на третью квартиру. Однако, счастье послужило мнѣ и въ семъ случаѣ. Капитанъ въ сей ротѣ случился быть человекъ весьма хорошій и разумный, воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ и знавшій по-французски и по-нѣмецки, и почитаемый во всемъ полку нашимъ наилучшимъ и разумнѣйшимъ капитаномъ. Его звали Иваномъ Някитичемъ, а по фамиліи былъ онъ Гнѣзущевъ. Сей человекъ служилъ еще при полку нашемъ во время покойнаго моего роди-

теля и былъ имъ за достоинства свои любимъ. А потому зная онъ и меня еще съ малолѣтства, и могу сказать, что и любилъ съ того времени. Послѣ узнавъ я, что, по его домогательству и сдѣлано было то, что я переведенъ былъ въ его роту; ибо, какъ опросталась въ его ротѣ подпоручицкая вакансія, то онъ, зная мои способности, и выпросилъ меня у полковника. Поелику же учинено то противъ моей воли и хотѣнія, то и не хотѣлъ онъ допустить меня, чтобъ я стоялъ въ латышской избѣ и терпѣлъ нужду и безпокойство, но такимъ же образомъ убѣдилъ меня, чтобъ я сталъ съ нимъ вмѣстѣ на одной квартирѣ, на что я охотно и согласился, и могу сказать, что и его сообществомъ и дружбою я былъ не менѣе доволенъ, какъ и господиномъ Непейцинымъ.

Теперь, остановясь на нѣсколько времени на семь мѣстѣ, обратимся на часокъ къ другимъ предметамъ и посмотримъ, что въ другихъ мѣстахъ въ сие время происходило.

Между тѣмъ, какъ мы помянутымъ образомъ изъ Пруссіи возвращались и потомъ спокойно въ Самогитин и Курляндіи стояли по квартирамъ, въ Европѣ, напротивъ того, война продолжала горѣть во всемъ своемъ пламени. Королю прусскому, достальная часть сего лѣта, а особливо осень, посчастливилась въ-особливости. Непростительная погрѣшность, учиненная нами, и въ самое почти то же время французскимъ маршаломъ Рихелье, служила власно какъ сигналомъ къ тому, чтобъ всѣмъ смутнымъ его обстоятельствамъ переимѣниться въ наилучшія. Обими сими весьма выгодными для него происшествіями, онъ власно какъ ободрился и сталъ помышлять о томъ, какъ бы ему управиться съ прочими неприятелями, а особливо съ такъ-называемою имперскою арміею или собранною съ разныхъ мелкихъ имперскихъ княженій.

Сей собралось при Нюрнбергѣ, въ началѣ весны, изъ разныхъ мѣстъ до 20,000 человекъ, пока, соединившись въ августѣ съ французскою арміею подъ коман-

дою принца Субиза, вступила въ Саксонію и шла атаковать короля прусскаго. Съ другой стороны утѣсняли его цесарцы. Искусный предводитель ихъ графъ Даунъ, слѣдуя вслѣдъ за прусскими войсками, предполагалъ имъ всюду и всюду столь великія препоны въ ихъ предвѣщаніяхъ и наводилъ имъ столько безпокойствъ, что они растеряли великое множество войска, обозовъ, понтоновъ и самыхъ магазиновъ, и не знали наконецъ что дѣлать. Съ третьей стороны вошли уже шведы въ границы прусскія со стороны Помераніи, а съ четвертой, какъ было упоминаемо, вступили мы въ Пруссію. Въ сей крайности и будучи со всѣхъ сторонъ утѣсняемъ, рѣшился-было король почти изъ отчаянія схватиться и подрагаться еще съ цесарцами, да и дѣйствительно пошелъ-было ихъ атаковать, но какъ нашелъ фельдмаршала ихъ, стоящаго съ арміею въ столь выгодномъ и неприступномъ мѣстѣ, что безъ явной опасности учинить того было не можно, то препроводивъ цѣлый почти день въ одной перестрѣлкѣ съ нимъ изъ пушекъ, и испытывъ тщетно всѣ способы до него добраться, принужденъ былъ, ничего не сдѣлавъ, отойти прочь и податься назадъ къ Саксоніи.

Тутъ, отправивъ знатный корпусъ въ Шлезію для прикрытія границъ и города Швейдница, сталъ самъ помышлять о томъ, какъ-бы ему укрыться отъ прозорливаго графа Дауна и уйти для встрѣчи и разбитія имперской арміи. Сія наводила ему тогда больше всѣхъ заботы и безпокойства; ибо единымъ вступленіемъ своимъ могла у него отнять всю Саксонію и пройти до Магдебурга, и въ такую же сей городъ привести опасность, въ какой находился Берлинъ отъ шведовъ.

Къ произведенію помянутаго предпріятія, надлежало употребить королю всю свою хитрость и искусство, и ему удалось сие сдѣлать наивожделеннѣйшимъ образомъ. Онъ, отдѣливъ знатную часть войска отъ главной арміи, ушелъ такъ скрытно, что Даунъ не могъ долго о томъ провѣдать.

Между тѣмъ, оставленная имъ главная армія подъ командою принца Бевернскаго, къ которому приданъ былъ на вспоможеніе главный и искусный генералъ Винтерфельдъ, на котораго король наиболѣе и надѣялся, принуждена была терпѣть много зла и безпокойства отъ цесарцевъ. Помянутый генералъ Винтерфельдъ сталъ съ отдѣленными деташиентами въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главной арміи. Цесарскій фельдмаршалъ графъ Даунъ, соединясь съ принцемъ Лотарингскимъ, пришелъ и сталъ лагеремъ насупротивъ прусской, и цесарскій генералъ Надастн атаковалъ корпусъ генерала Винтерфельда и не только разбилъ оный, побивъ у пруссаковъ около 1,500 человекъ, но причинилъ имъ чувствительнѣйшій ударъ чрезъ смерть самого генерала Винтерфельда, который на семъ сраженіи смертельно былъ раненъ. Принцъ Бевернскій безъ него власно какъ опѣшилъ, и позабывъ о прикрытіи шлезскихъ границъ, пошелъ внутрь Шлезіи къ Лигницу, а сверхъ того сдѣлалъ еще того хуже и ослабилъ свою армію разсылкою до 15 тысячъ человекъ въ разныя крѣпости, и чрезъ то привелъ себя въ несостояніе противоборствовать цесарской арміи, которая, слѣдуя за нимъ по стопамъ и причиняя ему вездѣ вредъ, прогнала его даже до Бреслава и принудила обнажить всю Шлезію и предать ее почти въ жертву и на произволъ цесарцамъ, чѣмъ цесарцы и не преминули воспользоваться. Генералъ ихъ Надасти окружилъ тотчасъ славную ихъ крѣпость Швейдницъ и учинилъ все приуготовленіе къ осадѣ, а другой генералъ, Гаддикъ, съ маленькимъ корпусомъ легкихъ войскъ пошелъ прямо къ обнаженному и безъ всякой защиты находящемуся Берлину, и принудилъ сей столичный городъ заплатить себѣ не малую контрибуцію, а королеву, со всѣмъ дворомъ, спастись бѣгствомъ и удалиться въ Шпандау. Но сіе обладаніе прусскою столицею не продолжалось болѣе однихъ сутокъ, и сей достопамятный день былъ 5-го октября мѣсяца.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило,

и цесарцы помянутымъ образомъ хозяйствовали въ Шлезіи и въ самой Бранденбургіи, самъ король прусскій находился, какъ выше упомянуто, въ походѣ противъ имперской арміи, соединенной съ французами, которая, вступивъ въ Саксонію, распространилась уже въ окрестностяхъ Лейпцига и шла прямо къ Магдебургу и къ Берлину; королю удалось тотчасъ остановить ее своими деташиентами. Онъ пошелъ къ Эрфурту, и принудивъ союзныхъ выступить изъ онаго, овладѣлъ симъ городомъ. Тутъ принужденъ былъ онъ стоять долгое время и разсылать всюду отдаленные корпуса для прикрытія Магдебурга, Лейпцига и Берлина, а между тѣмъ производить съ неприятелями малую войну, что и продолжалось почти до самаго ноября мѣсяца. Обѣ арміи упражнялись въ маршахъ и контрамаршахъ и дрались только между собою разныя ихъ отдѣленные деташиенты съ различными успѣхами.

Наконецъ, 24-го октября, дошло дѣло и до рѣшительной баталіи, неподалеку отъ Лейпцига, при деревнѣ Розбахъ, и королю прусскому посчастливилось, несмотря на всю малочисленность своего войска и на несравненное превосходство имперской союзной арміи, бывшей подъ командою генералиссимуса принца Гильгургсгаузенскаго и Субиза, разбить въ прахъ сію послѣднюю чуднымъ и невѣроятнымъ почти образомъ. Употребленный имъ удачно военный обманъ помогъ ему произвести сіе великое и славное дѣло. Онъ притворился убоавшимся имперской арміи и ретирующимся къ Мерзебургу. Имперцы и французы, приписывая сіе его трусости, почитали побѣду несомнѣнною и почти на половину выигранною, погнались за нимъ безъ дальней осторожности — но вдругъ попались власно, какъ въ засаду, и нашли короля, стоявшаго въ наилучшемъ порядкѣ и готоваго къ сраженію. Цѣлая половина арміи скрыта была у него за пригоркомъ, и палатки, стоящія на ономъ, закрывали ее отъ глазъ неприятеля. Но какъ палатки вдругъ сняли, то она означилась и ведомъ

своими привела неприятелей въ великое замѣшательство, которымъ король тотчасъ воспользовался и храбро конницею своею атаковавъ ихъ конницу, привелъ сію въ безпорядокъ и принудилъ къ бѣгству, а за нею послѣдовала и вся пѣхота.

Славное сіе сраженіе продолжалось недолго, но было весьма кровопролитно. Союзная армія состояла хотя изъ 60-ти тысячъ человекъ, а прусская не болѣе какъ изъ 30-ти, но первая была такъ разбита и въ такую разстройку и безпорядокъ приведена, что на мѣстѣ баталіи не осталось болѣе 2,000 человекъ. Она потеряла болѣе 10,000 человекъ, и пруссаки взяли въ полонъ до 7,000 человекъ, въ томъ числѣ 11 генераловъ и 250 офицеровъ, а сверхъ того, получили въ добычу 63 пушки, и 15 штандартовъ и 7 знаменъ. Словомъ, побѣда, одержанная королемъ прусскимъ, была совершенная и славная. Онъ, пригласивъ пѣхотныхъ офицеровъ къ себѣ на ужинъ, просилъ ихъ, чтобъ они не прогнѣвались, что кушанье мало, и что онъ ихъ угощаетъ такъ худо, ибо онъ никакъ не ожидалъ имѣть у себя въ сей вечеръ толь многихъ гостей.

Впрочемъ, побѣда сія имѣла важныя послѣдствія. Король прусскій получилъ чрезъ то свободу и могъ полетѣть на помощь утѣсненной своей Шлезіи и принцу Бевернскому. Въ гановеранахъ возбудилось опять мужество и они, нарушивъ свой договоръ, начали опять воевать. Французъ опѣшили и сами цесарцы пришли въ смущеніе и въ нѣкоторый родъ малодушія.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ король ни спѣшилъ на вспоможеніе принцу Бевернскому, стоявшему окопавшись подлѣ Бреслава, однако ему не удалось поспѣть благовременно. Цесарцы, услышавъ о побѣдѣ его при Розбахѣ и о томъ, что онъ идетъ, успѣли до прибытія его атаковать принца Бевернскаго въ его ретраншментѣ, и несмотря на всѣ трудности и храбрую оборону, выбили 13-го ноября пруссаковъ изъ оныхъ, и потомъ взяли самого принца Бевернскаго въ полонъ и

пруссавъ принудили уйтить. Сія удача произвела то слѣдствіе, что въ тотъ же вечеръ сдался и городъ Бреславль на капитуляцію и за нѣсколько времени до того сдались и крѣпость Швейдницъ генералу Надастію, и королю не удалось и сему городу учинить вспоможеніе.

Но всѣ сіи удачи и выгоды, полученныя цесарцами, хотя и привели короля прусскаго въ великое нестроеніе, однако продлились недолго. Провидѣнію угодно было назначить не имъ, а королю прусскому воспользоваться всѣми кровопролитіями и трудами сего лѣта. Онъ, будучи помянутыми успѣхами цесарцевъ приведенъ въ превеликую разстройку и лишающъ почти совсѣмъ Шлезіи, рѣшился испытать еще разъ своего счастья и подрагаться съ цесарцами, въ надеждѣ побѣдою переимѣнить все положеніе дѣлъ; почему, несмотря на всѣ безпокойства глубокой осени и крайнее утрудненіе своей арміи, пошелъ искать цесарцевъ, чтобъ дать имъ баталію. Цесарцы, зная малочисленность его арміи, не только не устрашили сего, но даже, презирая, смѣялись надъ оною, называя ее не арміею, а берлинскимъ разводомъ. Совсѣмъ тѣмъ, мудрый и осторожный фельдмаршалъ ихъ Даунъ, совсѣмъ не то мыслилъ, и не давая себя тѣмъ ослѣпить, сталъ въ весьма выгодномъ мѣстѣ подлѣ Швейдница и не хотѣлъ никакъ итти самъ на встрѣчу неприятелю, а ожидалъ, чтобъ король пришелъ его атаковать. Но какъ былъ онъ не одинъ командиромъ надъ цесарскою арміею, а вмѣстѣ съ принцемъ Лотарингскимъ, сей же въ мгновіи своемъ былъ съ нимъ не согласенъ и хотѣлъ итти самъ на встрѣчу королю и дать съ нимъ баталію, то сіе несогласіе произвело то, что посланъ былъ курьеръ въ Вѣну, спросить что дѣлать; и какъ велѣно было итти и дать съ неприятелемъ баталію, то король прусскій, сего только желая, и сошедшись съ ними при Лиссѣ и при деревнѣ Лейтенѣ, составилъ съ ними 24-го ноября кровопролитную и столь удачную битву, что цесарцы были совершенно побѣждены и потеряли на этомъ сраженіи

301 офицера и 21,000 человекъ войска, 134 пушки и 59 знаменъ. Но сего еще было не довольно, но несчастію цесарцевъ назначено увеличиться потераемиъ опять Бреславля. Принцъ Лотарингскій, желая спасти сей городъ, хотя послалъ въ него знатный корпусъ съ многочисленною артиллерією, но сіе послужило только къ вѣщему урону; ибо король прусскій къ зимней времени, осадилъ оный, и несмотря на всю суровость погоды и трудности, взялъ оный. Сія потеря Бреславля стоила цесарцамъ 13 генераловъ, 686 офицеровъ и 17,000 рядовыхъ.

Симъ образомъ кончилась кампанія сего года съ великимъ урономъ и предосудженіемъ для цесарцевъ. Всѣ ихъ труды, сраженія, убытки и полученныя выгоды не принесли имъ ни малѣйшей пользы. Они принуждены были вытѣчь въ Богемію и оставить всю Шлезію опять во власть пруссаковъ. Одинъ только городъ Швейдницъ остался въ ихъ рукахъ; но сія была очень малая выгода. Словомъ, пруссакамъ удалось, противъ всякаго чаянія и къ удивленію всей Европы, окончить кампанію сію съ великою для себя выгодой; ибо и самыхъ шведовъ успѣлъ еще фельдмаршалъ ихъ Левальдъ, возвратившись изъ Пруссіи и отбѣлвавшись отъ насъ, изъ предѣловъ прусскихъ выгнать съ урономъ.

Вотъ вамъ краткое изображеніе бывшихъ тогда въ Европѣ происшествій, которыми кончился 1757 годъ: то дозвольте и мнѣ на семь мѣстѣ теперешнее мое письмо кончить и сказать вамъ, что я емь вашъ вѣрный другъ и прочая.

ЗАНЯТІЕ НЕННГСБЕРГА.

Письмо 54-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ вышепомянутымъ образомъ и въ самую глубочайшую осень 1757 года война въ прусскихъ, цесарскихъ и саксонскихъ земляхъ горѣла наижесточайшимъ образомъ, и дѣвятидесяти тысячъ людей лишались жизни, а того множайшія попадали въ полонъ, поля же оба-

гались человѣческою кровію, а бесчисленное множество бѣдныхъ поселятъ лишались своихъ домовъ и всего своего имѣнія, а того множайшіе претерпѣвали тягость отъ поборовъ и отнятія у нихъ всѣхъ заготовленныхъ ими для своего пропитанія съѣстныхъ припасовъ и фуража—отдыхали мы въ Польшѣ и въ Курляндіи отъ своихъ трудовъ и всю сію осень и начало зимы препроводили въ мирѣ, тишинѣ и наивожделнѣйшемъ покоѣ. Не зная ничего о всѣхъ сихъ происшествіяхъ, жили мы тутъ на своихъ покойныхъ квартирахъ и только что веселились.

Но сколь спокойны были мы, столь безпокойлось правительство наше худыми успѣхами нашего перваго похода. Неожиданнымъ и постыднымъ возвращеніемъ арміи нашей изъ Пруссіи и всѣми поступками нашего фельдмаршала, графа Апраксина, владѣющая нами тогда императрица крайне (была) недовольна, и хотя для прикрытія стыда и обнародовано было, что сіе возвращеніе арміи нашей произошло по повелѣнію самой императрицы и будто для того, что какъ цесарцы сами уже вошли въ Шлезію, то намъ не было нужды итти далѣе и продолжать походъ свой до Шлезіи, и что, сверхъ того, войска нужны были въ своемъ отечествѣ по причинѣ болѣзни императрицыной; однако всѣмъ извѣстно было, что это объявлено было для одного вида, а въ самомъ дѣлѣ всѣ знали, что учинилъ онъ то самопроизвольно. А самое сіе и навлекло на него гнѣвъ отъ императрицы; почему не успѣлъ онъ возвратиться въ Курляндію, какъ отозванъ былъ въ Петербургъ для отданія въ поведеніи своемъ отчета. Сіе обратное путешествіе въ столичный городъ было сему полководцу весьма бѣдственно и несчастно. Лишась всей ирещней своей пышности, принужденъ онъ былъ ѣхать какъ посрамленный отъ всѣхъ, почти тихомолкомъ, и слухи объ ожидаемыхъ его въ Петербургѣ бѣдствіяхъ столь его безпокоили, что онъ на дорогѣ занемогъ и больной уже привезенъ въ Нарву. Но сего было еще недовольно. Но несча-

стіе встрѣтило его уже и въ семь городѣ; ибо прислано было повелѣніе, чтобъ его не допускать и до Петербурга, но арестовать тутъ, велѣтъ слѣдовать его нарочно учрежденной для того комиссіи. Но сіе бѣднѣе сего такъ поразило, что онъ въ немногіе дни лишился жизни, о которой никто не жалѣтъ, кромѣ однихъ его родственниковъ и кліентовъ, ибо впрочемъ все государство было на него въ неудовольствіи.

Симъ образомъ погибъ сей человекъ, бывшій за короткое предъ тѣмъ время только знатнымъ и пышнымъ вельможею, и наказанъ самою судьбою за вѣроломство къ отечеству и поступку, произведшю толь многимъ людямъ великое несчастіе.

Между тѣмъ, команда надъ оставшеюся въ Курляндіи и Польшѣ арміею поручена была генерал-аншефу графу Ферморю. И какъ сей генералъ извѣстенъ былъ всѣмъ подъ именемъ весьма разумнаго и усерднаго человека, то перемѣною сего была вся армія чрезвычайно довольна. Онъ и не преминулъ тотчасъ стараніями своими и разумными новыми распоряженіями оправдать столь хорошее о немъ мнѣніе.

Первое и наглавнѣйшее попеченіе сего генерала было о томъ, какъ бы удовлетворять всю армію всѣми нужными потребностями, а потомъ овладѣть скорѣе всѣмъ королевствомъ Прусскимъ, и чрезъ то, сколько, съ одной стороны, исправить погрѣшность, учиненную графомъ Апраксинымъ, столько, съ другой, исполнить желаніе нашего двора и императрицы: ибо, какъ между тѣмъ получено было извѣстіе, что король прусскій все свое Прусское королевство обнажилъ отъ войскъ, употребивъ оныя, какъ выше упомянуто, для изгнанія шведовъ изъ Помераніи, то, дабы не дать ему время опять армію свою туда возвратить, велѣно было невозможнѣйшимъ образомъ поспѣшить и, пользуясь симъ случаемъ, занять и овладѣть королевствомъ Прусскимъ безъ дальняго кровопролитія.

Всходствіе чего не успѣлъ сей гене-

ралъ принять команды и получить помянутое повелѣніе, какъ и началъ во вступленію въ Пруссію чинить всѣ нужныя приуготовленія. И какъ положено было учинить то не дожидаясь весны, а тогдашнимъ же еще зимнимъ временемъ, то съ превеликою нетерпѣливостію дождался онъ, покуда море, или паче тотъ узкій морской заливъ, который извѣстенъ подъ именемъ Курскаго Гафа — и будучи отъ моря отдѣленъ узкою и длиною полосою земли, простирается отъ Мемеля до самаго мѣстечка Лабіо — покроется столь толстымъ льдомъ, чтобъ по оному можно было идти прямымъ и кратчайшимъ путемъ въ Кеннигсбергъ войску со всею нужною артиллеріею. Нетерпѣливость его была такъ велика, что съ каждымъ днемъ приносили ему оттуда ледъ для сужденія, по толстотѣ его, можетъ ли онъ поднять на себѣ тягость артиллеріи.

Но какъ сіе не прежде воспослѣдовало, какъ въ самомъ окончаніи 1757 года, то самое начало послѣдующаго за симъ 1758 года и сдѣлалось достопамятно обратнымъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ королевство Прусское. Графъ Ферморъ еще въ послѣднія числа минувшаго года переѣхалъ изъ Либавы въ Мемель, а тутъ изготовивъ и собравъ небольшой корпусъ и взявъ нужное число артиллеріи, пошелъ 5-го числа января по заливу прямо къ Кеннигсбергу, приказавъ другому корпусу, подъ командою генерал-майора графа Румянцова, въ самое то-жъ время вступить въ Пруссію со стороны изъ Польши, и овладѣть городомъ Тильзитомъ.

Успѣхъ дѣла и похода сего былъ невозделѣннѣйшій. Войска графа Фермора въ тотъ же день безъ дальняго отягощенія дошли по льду до острова Руса и овладѣли находившимся тутъ амтомъ, а войска, вступившія со стороны изъ Польши, овладѣли безъ всякаго сопротивленія Тильзитомъ, гдѣ графъ Румянцовъ услышавъ, что въ городѣ Гумбинахъ находился еще небольшой прусскій гарнизонъ, послалъ было для захватенія оного войска; но они его уже не застали ибо

онъ, услышавъ о приближеніи нашихъ, заблагоразсудилъ удалиться заранѣе. И такъ, вступили наши во всѣ мѣстечки и города безъ всякаго сопротивленія и вездѣ жителей приводили къ присягѣ быть въ подданствѣ и вѣрности у нашей императрицы.

Наконецъ, графъ Ферморъ, соединившись со всѣми пятью колоннами войска, вступившими въ Пруссію съ разныхъ сторонъ, подъ командою генералъ-поручиковъ Салтыкова, Резанова, графа Румянцева и генералъ-майоровъ: князя Любомирскаго и Леонтьева, пошелъ прямо и безъ растаховъ въ городъ Лабіо, и пришедъ туда 9-го числа, нашелъ у тамошняго начальства уже повелѣніе отъ кѣнигсбергскаго правительства, чтобъ въ случаѣ вступленія нашихъ войскъ, отпущалось намъ все, что-бъ ни потребовалось, безъ всякаго сопротивленія, и повиноваться всѣмъ приказаніямъ графа Фермора.

Изъ сего мѣста отправилъ сей генералъ полковника Яковлева съ 400-ми гренадеръ, съ 8-ю пушками и 9-ю эскадронами конницы, подъ командою бригадира Демикку, и съ 3-ми гусарскими полками и чугуевскими казаками подъ предводительствомъ бригадира Стоянова, прямо къ Кѣнигсбергу. А какъ между тѣмъ приѣхали къ нему и депутаты, присланные отъ кѣнигсбергскаго правительства съ прошеніемъ отъ всего города и королевства, чтобъ принято оное было подъ покровительство императрицы и оставлено при ея привилегіяхъ, то онъ, увѣривъ ихъ о милости монаршей, отправился и самъ вслѣдъ за помянутымъ передовымъ войскомъ въ помянутый столичный городъ.

Итакъ, 11-й день января мѣсяца былъ тотъ день, въ который вступили наши войска въ Кѣнигсбергъ, а вскорѣ за ними прибылъ туда и самъ главнокомандующій. Въѣздъ его въ сей городъ былъ пышный и великолѣпный. Всѣ улицы, окна и кровли домовъ усѣяны были безчисленнымъ множествомъ народа. Стеченіе онаго было превеликое, ибо всѣ

жадничали видѣть наши войска и самого командира, а какъ присовокуплялся къ тому и звонъ въ колокола во всемъ городѣ и играніе на всѣхъ башняхъ и колокольняхъ въ трубы и литавры, продолжавшееся во все время шествія, то все сіе придавало оному еще болѣе пышности и великолѣпія.

Графъ сталъ въ королевскомъ замкѣ и въ самыхъ тѣхъ покояхъ, гдѣ до сего стоялъ фельдмаршалъ Левальдъ, и тутъ встрѣченъ былъ всѣми членами правительства кѣнигсбергскаго, и какъ дворянствомъ, такъ и знаменитѣйшимъ духовенствомъ, купечествомъ и прочими лучшими людьми въ городѣ. Всѣ приносили ему поздравленія и, подвергавсь покровительству императрицы, просили его о наблюденіи хорошей дисциплины, что отъ него имъ и обѣщано.

Въ послѣдующій день принесено было Всевышнему торжественное благодареніе, и главнокомандующій, отправивъ въ Петербургъ графа Брюса съ донесеніемъ о семъ удачномъ произшествіи, трактовалъ у себя весь генералитетъ и всѣхъ лучшихъ людей обѣденнымъ столомъ, а наутрѣ приводимъ былъ весь городъ къ присягѣ, и главное правленіе всѣмъ королевствомъ Прусскимъ началось нашими.

Не успѣлъ графъ Ферморъ помянутымъ образомъ городомъ Кѣнигсбергомъ овладѣть и всѣ правительства получить въ свою власть, какъ наипервѣйшее его пожеланіе было о расположеніи вступившихъ въ Пруссію войскъ на зимнія квартиры и о занятіи ими всѣхъ нужнѣйшихъ мѣстъ какъ во всемъ королевствѣ Прусскомъ, такъ и въ польской Пруссіи. Итакъ, инымъ велѣлъ онъ расположиться квартирами въ окрестностяхъ Кѣнигсберга, другимъ иттить и занять приморскую крѣпость Пиллау, инымъ же иттить дагѣ впередъ и занять всѣ мѣста по самой рѣкѣ Вислу и съ ними вмѣстѣ польскіе вольные города Эльбингъ и Мариенбургъ. Сямъ послѣднимъ хотя и не весьма хотѣлось впустить наши войска, но какъ обѣщано было имъ всякое дружелюбіе то принуждены были на то согласиться.

Въ Кёнигсбергъ же для гарнизона введенъ четвертый гренадерскій полкъ, также триндкій пѣхотный, и комендантомъ опредѣленъ бригадиръ Трейденъ, а суды поручены полковнику Явовлеву; ибо и самъ графъ намѣренъ былъ отправиться далѣе и главную свою квартиру учредить на Вислѣ, въ прусскомъ городѣ Мариенвердерѣ. Что-жъ касается до оставшихся въ Курляндіи и Самогитіи полкамъ, подъ командою генерала Броуна и князя Голицына, то и симъ велѣно также вступить въ Пруссію и, пройдя черезъ оную, занять верхнюю часть польской Пруссіи съ городами Кульмомъ, Грауденцомъ и Торунемъ, и черезъ то составить кордонъ по всей рѣкѣ Вислѣ.

Какъ въ числѣ сихъ оставшихся въ Курляндіи полковъ случилось быть и нашему архангелогородскому полку, то и не имѣли мы въ семъ зимнемъ походѣ соучастія, но во все сіе время простояли спокойно на своихъ квартирахъ, и не прежде обо всемъ вышеупомянутомъ узнали, какъ по вступленіи уже нашихъ въ Кёнигсбергъ, и когда прислано было повелѣніе, чтобъ и намъ туда же слѣдовать. Я не могу довольно изобразить, какую радость произвело во всѣхъ насъ сіе извѣстіе. Всѣ мы радовались и веселились тому власно такъ, какъ бы каждому изъ насъ подарено было что-нибудь и мы въ завоеваніи семъ имѣли собственное соучастіе. Никогда съ тоlikою охотою и удовольствіемъ не собирались мы въ походъ, какъ въ сіе время и никогда тоlikаго усердія и поспѣшенія въ сборахъ и приуготовленіяхъ всѣми оказываемо не было, какъ при семъ случаѣ.

Намъ велѣно было ни мало не медля выступать въ походъ, и путь шествію нашему назначенъ былъ прямо черезъ Польшу, или нарочитую часть литовской провинціи Самогитіи; а потомъ, вдоль всего королевства Прусскаго, прямо къ польскому вольному городу Торуню, стоящему на берегахъ рѣки Вислы на отдаленнѣйшемъ краю Пруссіи польской. Итакъ, хотя мы и не могли ласкаться надеждою увидѣть столичный прусскій

городъ Кёнигсбергъ, который оставался у насъ далеко вправѣ, однако по крайней мѣрѣ довольны были мы тѣмъ, что увидимъ все Прусское королевство.

Совсѣмъ тѣмъ сколько ни радовались мы сему скорому и нечаянному выступленію и шествію въ Пруссію, однако обстоятельство, что тогда была самая середина зимы и что всѣмъ надлежало запасаться санями, наводило на насъ много заботы. Но никто изъ всей нашей братьи офицеровъ такъ много озабоченъ тогда не былъ, какъ я; по тому была и довольная причина. У всѣхъ офицеровъ было довольно число лошадей, на которыхъ бы имъ везть свои повозки и на чомъ и самимъ въ маленькихъ санкахъ могли ѣхать, ибо верховая ѣзда для зимняго времени была неспособна; а у меня было только двѣ лошади, а третьей, для особливыхъ и маленькихъ санокъ, не было. На сей третьей лошади, какъ выше упомянуто, отправилъ я другого человека моего въ деревню, за Москву, и сей человекъ ко мнѣ еще тогда не возвратился. Итакъ, не только не было у меня третьей лошади и другого человека, но, сверхъ того, имѣлъ я и во всемъ прочемъ крайнюю нужду и недостатокъ: не было у меня ни маленькихъ санокъ, какъ у прочихъ, не было ни большой шубы, ни порядочнаго тулупа, ни прочаго нужнаго платья, ни запаса, ни състныхъ припасовъ, только нужныхъ для похода, а что всего печальнѣе было и денегъ. Всего того уже за нѣсколько дней дождался я со всякимъ днемъ; а тогда, какъ оказанъ былъ намъ походъ, то ожиданіе мое сопрягалось съ величайшею нетерпѣливостію; ибо, по счисленію времени, надобно уже ему было давно быть. Совсѣмъ тѣмъ, сколько я Явова своего ни дождался, сколько ни смотрѣлъ въ окна—не ѣдетъ-ли, сколько разъ ни высматывалъ смотрѣть, не видать ли его ѣдущаго вдали—но все наше ожиданіе и смотрѣніе было напрасно: Явова моего не было и въ появіи, и я не зналъ, что наконецъ о немъ и думать. Уже слѣданы были всѣ приуготовленія къ походу, уже назначенъ былъ день къ выступле-

нiю; уже день сей началъ приближаться — но Яковъ мой не ѣхалъ и не было о немъ ни духу, ни слуху, ни послушанiя. Господи! какое было тогда на меня горе и какимъ смущенiемъ и безпокойствомъ тревожился весь духъ мой! Я только и зналъ, что, ходя взадъ и впередъ по горницѣ, самъ съ собою говорилъ: — «Господи! что за диковинка, что онъ такъ долго не ѣдетъ? давно бы пора уже ему быть. Что онъ со мною теперь надѣлалъ и что мнѣ теперь начинать?...» Пуще всего смущало меня то, что я, въ безсомнѣнной надеждѣ, что онъ вскорѣ возвратится и привезетъ мнѣ все нужное, ничѣмъ и не запасался и ничего себѣ нужнаго и не покупалъ. Къ вѣщему несчастiю не было у меня тогда и денегъ; ибо, по недостатку оныхъ по возвращенiи изъ похода, жалованье уже было забрано впередъ и истрачено. Но все бы я могъ достать денегъ на покупку лошади и санокъ, въ которыхъ мнѣ всего болѣе была нужда, если-бъ вышеупомянутая надежда скорого возвращенiя моего слуги меня не подманула, котораго я съ часу на часъ дождался.

Но наконецъ наступилъ уже и тотъ день, котораго я, какъ нѣкоего медвѣдя, страшился, то-есть, день выступленiя нашего въ походъ. И какъ Якова моего все еще не было, то не зналъ я что дѣлать, и былъ почти вѣсь себя отъ смущенiя. Повозку свою съ багажемъ хотя и совсѣмъ я исправилъ, и она была готова, но самому мнѣ какъ быть, того не могъ я сперва никакъ ни придумать ни пригадать. Не имѣя особой лошади и санокъ, другого не оставалось, какъ итти пѣшкомъ вмѣстѣ съ солдатами. Но о семъ можно ли было думать, когда извѣстно было мнѣ, что и у послѣднихъ самообдѣланныхъ офицеровъ были особыя лошади, и всякiй имѣлъ свои санки, и что я чрезъ то подвергну себя стыду и осмѣянiю отъ всего полка. Въ сей крайности приходило уже мнѣ на мысль сдѣлать то, чего я никогда не дѣлывалъ, то-есть, сказать нарочно больнымъ, дабы мнѣ, подъ предлогомъ болѣзни, можно было ѣхать

въ кибиткѣ и въ обозѣ; но и сіе нахотилъ и неудобопроизводимымъ, по причинѣ, что кибитка моя была вся набита всякой рухлядью и мнѣ въ ней помѣститься было негдѣ. Словомъ, я находилъ тогда въ такомъ настроенiи, въ какомъ я отроду не бывалъ; и истинно не знаю, что-бъ со мною было, если-бъ не вывелъ меня наконецъ капитанъ мой изъ моего смущенiя и нѣсколько меня не успокоилъ.

Сей, увидѣвъ крайнее мое смущенiе и разстройку мыслей, бывъ свидѣтелемъ всему моему нетерпѣливому ожиданiю и вѣдая причину, для чего я не покупалъ лошади и саней, спросилъ меня наконецъ: какъ-же я о себѣ думаю? — «Что, батюшка! отвѣтствовалъ я на сей вопросъ: я истинно самъ не знаю, что мнѣ дѣлать. Приходится пѣшкомъ почти итти, покуда сыщу купить себѣ лошадь и сани». — «И! отвѣтствовалъ онъ мнѣ: зачѣмъ, братецъ, пѣшкомъ итти — естели! поѣдемъ лучше вмѣстѣ въ однѣхъ со мною санкахъ. Хотя онъ и тѣсненьки, но какъ-нибудь уже поумѣстятся. По крайней мѣрѣ на первый случай и покуда попадетъ тебѣ купить лошадь, а между тѣмъ, можетъ-быть, подѣдетъ и челоуѣкъ твой».

Не могу изобразить, сколь много утѣшилъ и обрадовалъ онъ меня предложенiемъ симъ. Я хотя для вида совѣстился и говорилъ, что я его утѣсню и обезпокою, но въ самомъ дѣлѣ такъ былъ радъ сему случаю, что если-бъ можно, то разцѣловалъ бы его.

Итакъ, положено было у насъ ѣхать вмѣстѣ; но не успѣли мы кое-какъ и съ великою нуждою доѣхать до штаба и оттуда всѣмъ полкомъ выступить въ походъ, какъ я у своей братьи-офицеровъ множество нашелъ не только просторѣвшихъ мѣстъ для сидѣнiя, но даже нѣсколько пустыхъ и праздно-ѣдущихъ санокъ. Ибо какъ во время сего похода не имѣли мы причины ни къ малѣйшему опасенiю отъ непрiятеля, то и шли мы какъ собственно въ своемъ отечествѣ или въ дружеской землѣ, такъ-сказать, спусти

рукава и пользуясь всѣми выгодами, какія въ мирное время имѣть можно. Полкъ вели у насъ обыкновенно одни только очередные и дежурные, а прочіе офицеры всѣ ѣхали гдѣ хотѣли, а сіе и причиною тому было, что они, для лучшаго сокращенія дороги и для пріятнѣйшаго препровожденія времени, соединялись въ разныя вучки и компаніи, и ѣхали не только гурьбою на многихъ саняхъ вмѣстѣ, но присаживались другъ къ другу на сани для шутокъ и разговоровъ, а свои оставляли ѣхать пустыми, и какъ они всѣ были мнѣ друзья и пріятели, то и могъ я присаживаться изъ нихъ въ любыхъ и ѣхать такъ долго, какъ мнѣ хотѣлось.

Симъ образомъ, перепрыгивая съ однѣхъ саней на другія и присаживаясь то къ тому офицеру, то къ другому, и перѣѣхалъ я весь сей первый переходъ благополучно, и мнѣ удалось смастерить все это такъ искусно и хорошо, что никому изъ офицеровъ и на умъ того не приходило, что у меня собственныхъ своихъ не было, и что я дѣлалъ то поневолѣ. Однако, несмотря на всю эту удачу, безпокоился я во всю дорогу крайне мыслями и того и смотрѣлъ, чтобъ кто тайны моей не узналъ, и чтобъ не принужденъ я былъ вытерпѣвать превеликаго стыда и отъ всѣхъ себѣ насмѣшекъ.

Но какъ бы то ни было, но мы пріѣхали и расположились ночевать въ одномъ небольшомъ мѣстечкѣ, на границахъ уже литовскихъ находящемся, и сдѣлали въ сей день великій переходъ. Тутъ получилъ я хотя прекрасную и спокойную квартиру, но вся ея красота меня не прельщала, ибо у меня не то, а другое на умѣ было. Я заботился непрерывно о своемъ путешествіи и только самъ себѣ въ мысляхъ говорилъ и твердилъ: — «Ну, хорошо! сегодня-таки мнѣ удалась кое-какъ промаячить; но какъ быть завтра? съ кѣмъ ѣхать и къ кому приставать? Ну, какъ догадаются и узнаютъ, какъ тогда быть?»

Помышленія таковыя привели въ такую разстройку мои мысли, что я былъ

власно, какъ въ инокондріи, и въ такомъ углубленіи мыслей, что самая ѣда мнѣ на умѣ не шла. Но вообразите себѣ, любезный пріятель, какая переменна со мною долженствовала произойти, когда въ самое сіе время вбѣжалъ ко мнѣ почти безъ души мой малый и, запыхавшись, сказалъ: — «что вы, баринъ, знаете? вѣдь Яковъ нашъ пріѣхалъ!...» — Что ты говоришь! вскричалъ я, вспрыгнувъ изъ-за стола и позабывъ объ ѣдѣ: не въ правду ли, Абрамушка? — «Ей-ей, сударь, теперь только на дворъ взѣхалъ, и какія же прекрасныя санки!» Въ единый мигъ очутился я тогда на крыльцѣ и отъ радости не зналъ что говорить, а только-что крестился и твердилъ: — «Ну, слава Богу!» Но радость моя увеличилась еще болѣе, когда услышалъ я отъ моего Якова, что онъ привезъ ко мнѣ не только множество всякаго запаса, но и закупилъ мнѣ всего и всего, въ чемъ наиболѣе была нужда. Привезъ мнѣ прекрасный тулупъ, большую лисью шубу, новое сѣдло и множество другихъ вещей; а что всего пріятнѣе было мнѣ, то и множество всякихъ вареньевъ и заѣдокъ, присланныхъ мнѣ отъ моей сестры, къ которой онъ заѣзжалъ и которая находилась тогда съ зятемъ моимъ въ деревнѣ; ибо сей отпущенъ былъ отъ полковника еще съ самаго начала зимы и нашелъ потомъ способъ отбиться совсѣмъ отъ службы въ отставку. Но что радость мою еще совершеннѣе сдѣлало, то было уведомленіе его, что онъ привезъ съ собою еще болѣе ста рублей денегъ. Боже мой! какъ обрадовался я сему послѣдному. Истинно я не помню, чтобъ я когда-нибудь такъ много обрадованъ былъ, какъ тогда. Таки самъ себя почти не помнилъ и не ходилъ, а прыгалъ отъ радости по комнатамъ и только-что твердилъ: — «Ну, слава Богу, теперь все у меня есть, всего много, и лошадей, и запаса, и платья, и денегъ, и всего и всего! Теперь готовъ хоть куда, и мнѣ ни передъ кѣмъ не стыдно». Словомъ, я мнилъ тогда, что я невѣдомо какъ богатъ, и что наисчастливѣйшій человекъ былъ въ свѣтѣ, и ты

случу разъ благодарилъ сперва Бога, а потомъ слугу своего Якова, за исправное отправленіе порученной ему комиссіи. Да и подлинно, день сей былъ достопамятный въ моей жизни тѣмъ, что сколь великое чувствовалъ я при началѣ его огорченіе, столь великою, напротивъ того, радостью объято было мое сердце при окончаніи онаго.

Сямъ окончу я теперешнее письмо и сказавъ, что я есмь вашъ нелицемѣрный другъ, остаюсь, и прочая.

ВТОРИЧНЫЙ НАШЪ ПОХОДЪ ВЪ ПРУССІЮ.

Письмо 55-е.

Любезный пріятель! Радость моя о пріѣздѣ моего слуги и нетерпѣливое желаніе видѣть, что онъ привезъ съ собою, была такъ велика, что я не далъ почти времени порядочно выпрячь лошадей и прибрать, но велѣлъ скорѣе развязывать возъ и носить къ себѣ все привезенное. Удовольствіе при развязываніи и разсматриваніи всего было чрезвычайное; а то я уже никакъ изобразить не могу, какое чувствовалъ я, когда подалъ онъ мнѣ привезенный имъ мерлушечій и зеленою китайкою покрытый легонькій тулупъ. Въ единый мигъ сбросилъ я съ себя прежній гадкій и дурной овчинный и надѣлъ на себя сей новый. И что-жъ это! сколь прелестнымъ показался онъ мнѣ тогда! И мягокъ-то, и легокъ, и тепелъ, и красивъ—и всѣ качества и достоинства были въ немъ. Для испытанія привезеннаго чая и сахара, долженъ былъ Абрамъ мой тотчасъ бѣжать и въ новомъ чайникѣ варить воду, и чай сей мнѣ тогда вкуснѣе всѣхъ чаевъ въ свѣтѣ показался, и я не могъ ему доволно похвалъ приписать. Увидѣвъ же множество ветчины, тотчасъ сваренъ былъ и оной цѣлый окорокъ; и какъ я былъ до ней всегда великій охотникъ, а тогда уже нѣсколько мѣсяцевъ ее не ѣдалъ, то не могу изобразить, сколь сладокъ и вкусенъ мнѣ тогдашній ужинъ показался. По окончаніи онаго, привезенныя варенья должны

были служить мнѣ вмѣсто десерта. Всѣ ихъ, сколько ихъ ни было, я отвѣдывалъ, и каждое казалось мнѣ невѣдомо какимъ драгоценнымъ конфетомъ. Словомъ, всѣмъ и всѣмъ я тогда удовольствовался до-сыта, и былъ всѣмъ такъ доволенъ, что ничего не желалъ болѣе. Вотъ до чего доводитъ претерпѣнная нѣсколько времени нужда, и какую великую цѣну придаетъ она и самымъ маловажнымъ вещамъ!

Итакъ, поутру, на другой день, имѣлъ я уже удовольствіе ѣхать въ своихъ санкахъ, которыя были хотя не чухонскія, а пошевенки, но я о семъ уже не заботился, а довольно, что были новыя санки съ вряковками, и что я былъ одѣтъ тепло и какъ водится, и мнѣ не только ни предъ ѣздомъ было не постыдно, но я еще имѣлъ предъ многими тогда великое преимущество. Словомъ, произведенное вдругъ во всемъ изобиліе произвело даже во всемъ во мнѣ великую переѣву. Я возымѣлъ какъ-то и увыщеннѣйшее о себѣ мнѣніе, сталъ со всѣми, которые были выше меня чинами, обходиться фамиллярнѣе и вольнѣе, да и они всѣ, провѣдавъ, что во мнѣ привезено довольно всякой-всячины и что были у молодца и денежки, стали обходиться со мною какъ-то ласковѣе, и власно какъ стараться искать моей къ себѣ дружбы и пріятства. Они стали приглашать меня чаще въ свои компаніи, просить препровождать съ ними время и брать участіе въ ихъ увеселеніяхъ, и прочая тому подобное, что все хотя и льстило моему самолюбію, но послѣ возымѣло послѣдствія не весьма для меня выгодныя, какъ то окажется послѣ.

Походъ нашъ, какъ выше упомянута, простирался чрезъ Польшу и прямо на прусскій городокъ Гумбни. И поеліку мы шли не спѣша, и чрезъ два дни брали всегда растахъ, и притомъ въ польскихъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ получали всегда хорошія и спокойныя квартиры, то мы не чувствовали почти никакого отягощенія, и все наше шествіе можно почестъ болѣе непрерывнымъ

увеселеніемъ, нежели походомъ. Всякій день съѣзжались мы по нѣскольку чело-вѣкъ вмѣстѣ и, вѣдучи веревницею, другъ за другомъ, не пропускали почти ни одной на дорогѣ столшей корчмы, въ которой бы не побывать и по нѣскольку минутъ не препроводить въ смѣхахъ, играхъ и шуткахъ. Какъ же скоро приѣдемъ въ какое-нибудь мѣстечко и расположимся по квартирамъ, то и пойдутъ у насъ, а особливо во время дневаньевъ, разгуливанья другъ къ другу по гостямъ и вмѣстѣ потомъ, буде есть гдѣ, по трактирамъ, и начнутся картежныя игры и другъ друга угашиванія чаемъ, пуншамъ, виномъ и прочимъ. Однимъ словомъ, мы во весь сей походъ препроводили время свое очень весело, а помогала много къ тому и стоявшая тогда хорошая и самая умѣренная зимняя погода.

Впрочемъ, во время сего шествія имѣлъ я случай насмотрѣться довольно всему житью-быттю поляковъ, живущихъ въ сей части Литвы, или провинціи литовской, извѣстной подъ именемъ Жмудіи или Самогитіи, черезъ которую мы тогда шли. Мнѣ показалась она довольно, однако неслишкомъ же хороша. Самыя деревни были немного чѣмъ лучше нашихъ русскихъ, а и мѣстечки или маленькіе городочки неслишкомъ завистны и далеко не такъ-вы хороши, какъ въ другихъ мѣстахъ Польши, чему причиною, можетъ быть, было то, что сей уголокъ польскаго государства былъ весьма бѣднѣе прочихъ мѣстъ. Однако, какъ бы то ни было, однако находилось довольно и такихъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ тотчасъ любопытное наше зрѣніе, какъ скоро мы вошли въ литовскіе предѣлы. Часовеньки, стоящія неподалеку предъ вѣздомъ въ каждую деревню, доказали намъ тотчасъ, что находились мы уже въ земляхъ католицкихъ. Часовеньки сіи дѣлаются у нихъ почти такія же, какія дѣлаются у насъ кой-гдѣ мужики при дорогахъ, для поставленія въ нихъ иконъ: на одномъ столбикѣ и съ маленькою крышечкою; но разница только та, что у нихъ столбы сіи высокіе, и не такіе, какъ у насъ, низкіе, да

и подъ кровелькою не образа ставятся, а всегда уже бываетъ рѣзное распятіе. Сіе хотя наиглупѣйшимъ образомъ и обезображается католиками, придѣлываніемъ къ поясу зававѣски, ибо отъсего всякое такое распятіе неизменно кажется какъ въ юпочкѣ, что для непривыкнувшаго видѣть сіе кажется очень дурно и нимаго не встаетъ; однако то по крайней мѣрѣ хорошо и мнѣ весьма полюбілось, что ни одинъ католикъ, а особливо житель той деревни или села не проходитъ никогда мимо такового столба безъ того, чтобъ ему неостановиться и предъ распятіемъ, ставъ на колѣни и воздѣвъ руки, не прочесть краткой молитвы.

Что принадлежитъ до внутренности домовъ, то въ нихъ хотя мы и находили множество изображеній святыхъ, но не рисованныхъ, по нашему, на доскахъ, а все печатныхъ на бумагѣ и раскрашенныхъ разными красками. Сими картинками во всякомъ домѣ весь передній уголокъ у нихъ углѣпляется, и всѣмъ имъ воздаютъ католики точно такое-жъ почтеніе, какъ мы иконамъ.

Кромѣ того, во время сего путешествія случалось намъ неоднократно, для любопытства, бывать и въ жидовскихъ синагогахъ или домахъ, гдѣ они поучаются слову Божію, читаютъ священное писаніе, приносятъ свои молитвы — вмѣсто храма, и кои въ священномъ писаніи упоминаются подъ именемъ сонмищей или училищъ. Въ сихъ не находили мы никакихъ украшеній, кромѣ нѣсколькихъ лавокъ, для сидѣнія, и одного возвышеннаго посреди зданія, на подобіе амвона сдѣланнаго, и перильцами окруженнаго мѣста для чтанія на ономъ священнаго писанія, и потому не имѣли опѣ никакого подобія церкви, каковыми онѣ и не почитаются.

Но сколь зрѣлища сіи въ состояніи были, по новости своей, насъ нѣсколько увеселять, столько, напротивъ того, не полюбилися намъ иные предметы, начавшіе тотчасъ встрѣчаться съ зрѣніемъ нашимъ, какъ скоро мы вошли въ
Были то стоящія кой-гдѣ

отъ дороги висѣлицы съ висящими на нихъ повѣшенными людьми. Нигдѣ, я думаю, столько людей не вѣшается, какъ въ Польшѣ. За маленькое воровство и кражу долженъ уже воръ итти на висѣлицу, и казнить его симъ образомъ можетъ не только всякое городское начальство и правительство, но и самые дворяне. Обыкновеніе, повѣснѣть, весьма странное и гнусное, а что всего удивительнѣе, невыполняющее далеко той цѣли, для которой оно вошло въ употребленіе; ибо, несмотря на всю строгость сего за воровство наказанія, воры все-таки въ государствахъ не переводились и ихъ все-таки было много. Но какъ бы то ни было, но мы, по привычкѣ своей, не могли никакъ безъ внутренняго содроганія и отвращенія смотрѣть на сіи висѣлицы, а особливо съ людьми, повѣшенными на нихъ давно и качающимися отъ вѣтра.

Далѣе памятны мнѣ очень польскія соленыя ухи, варимыя изъ рыбы; ибо какъ въ случающіеся постныя дни вздумали было мы заставлятъ варить себѣ ухи изъ свѣжей рыбы хозяевъ нашихъ квартиръ, то скоро увидѣли, что для насъ ухи ихъ совсѣмъ негодятся, ибо они имѣютъ обыкновеніе солить ее такъ круто и много и приправивать такъ много лукомъ и перцемъ, что намъ никоимъ образомъ ѣсть ихъ было не можно, и мы не одинъ разъ принуждены были тужить, что поручали имъ сіе дѣло.

Вотъ все, что случилось мнѣ тогда во время шествія нашего черезъ Польшу замѣтить; а теперь расскажу вамъ, любезный пріятель, другое и ближе до меня касающееся. Я упомянулъ уже вамъ, что мы, идучи симъ образомъ походомъ, изыскивали и употребляли всякаго рода забавы и увеселенія, чѣмъ бы намъ прогонять скуку, съ таковымъ медленнымъ походомъ обыкновенно сопряженную. Изъ числа сихъ увеселеній можно было почесъ наглавнѣйшимъ карточную игру, какъ обыкновеннѣйшую у офицеровъ забаву. Къ сему роду увеселенія хотя я и никогда не имѣлъ склонности и охоты, однако тогда едва-было господа наши

офицеры меня этому прекрасному ремеслу не научили; ибо какъ всѣмъ имъ было извѣстно, что у молодца денежки тогда были, то явилось множество подлигалъ и друзей, старавшихся всячески заманить меня въ сѣти и приучить къ игрѣ. Какихъ и какихъ хитростей не употребляли они къ тому! Однако всѣми своими хитростями и заговорами не могли они меня никакъ заохотить и приучить къ азартнымъ играмъ, какъ то: къ квинтичу и къ банку, которыя тогда наиболѣе были въ употребленіи. Совсѣмъ тѣмъ не отдѣлался же я совершенно отъ нихъ; ибо какъ они увидѣли, что я никакъ съ сей стороны не даюсь въ обманъ, то вздумали напасть на меня съ другой, и слабѣйшей стороны. Они примѣтили, что я имѣлъ нѣкоторую склонность къ игрѣ въ ломберъ. Сія игра, которую я хотя никакъ порядочно не разумѣлъ, была мнѣ непротивна, и я не скучивалъ никогда играть въ оную; а сего было и довольно. Нѣкоторые молодцы и, между прочимъ и самъ капитанъ мой господинъ Гнѣвушевъ постарался тотчасъ меня къ оной пристрастить и довести до того, что я почти всякій вечеръ съ ними въ нее игралъ и по нѣскольку часовъ въ сей игрѣ упражнялся. Но за сіе увеселеніе принужденъ я былъ заплатить очень дорого. Ибо несмотря какъ они меня умышленно ни расхваливали, говоря, что я и хорошо-то, и примѣчательно и искусно играю, и какъ, для вящаго заохочиванія меня, ни старались умышленно мнѣ иногда, а особливо сначала проигрывать, но я всякій разъ оставался наконецъ въ проигрышѣ. Которые проигрыши были хотя сначала невелики, но какъ послѣ мале-по-малу стали увеличиваться и наконецъ дошло до того, что не проходило вечера, въ который бы я рублей двухъ или трехъ не проигралъ, то сіе начало наконецъ дѣлаться мнѣ и чувствительно и побудило въ одинъ день сметиться, сколько я, играя такимъ образомъ въ разныя времена, уже проигралъ. Я ужаснулся, и всѣ волосы на мнѣ стали ажно дыбомъ, когда увидѣлъ, что количество сіе простиралось уже за сорокъ

рублей.— «Э! э! — воскликнулъ я тогда: — сколько это я уже пробухалъ! — и почесалъ у себя за уши.— Ежели еще такъ-то, такъ и всѣхъ денегъ моихъ не надолго станеть! изрядно, право, я это сдѣлалъ.... нельзя быть лучше». — Сказавъ сіе, началъ я взадъ и впередъ ходить по квартирѣ своей и самъ на себя досадовать, и бранить себя за свою неосторожность. Но какъ сіе было уже поздно, и мнѣ всѣ тѣя раскаяванія и досады на самого себя не помогли и денжки были уже проиграны, и проиграны невзвратно, то, сожалья о убыткѣ самопроизвольномъ, началъ я тогда проклинать и игру, и всю мою охоту къ оной. «Пропали она, окаянная! говорилъ я самъ себѣ: этакъ доведеть она меня до того, что я и совсѣмъ проиграюсь и останусь опять сигъ-сигомъ, волѣнъ Богъ и со всею забавою и удовольствіемъ притомъ. Не лучше ли не имѣть онаго, да остаться при своихъ денежкахъ — чуть ли не здоровѣе на животѣ будетъ».

Однимъ словомъ, денегъ проигранныхъ мнѣ тогда такъ жаль стало, что я рѣшился съ того времени никакъ болѣе не играть, и сталъ уже помышлять о томъ, какъ бы благопріостойнѣе мнѣ отъ товарищей моихъ отдѣлаться и отъ продолженія игры отговориться. Но, по счастію, помогла мнѣ въ томъ и судьба самая, ибо въ самое то время командированъ я былъ отъ полку напередъ въ Пруссію, для принятія на полкъ въ городѣ Гумбинахъ провіанта, и сей случай отвлекъ меня самъ собою отъ нихъ и отъ всей ихъ зерни. Не могу довольно изобразить, какъ сожальяли они о моей отлучкѣ и сколь много тужили о томъ, что нашъ ломберъ пресѣчется, и что имъ играть будетъ не съ кѣмъ; но у меня на умъ совсѣмъ не то уже было. А я смѣялся только внутренно, и самъ въ себѣ говорилъ: «да! конечно жаль, что вамъ, врагамъ, не удалось и послѣднихъ денегъ у меня изъ кармана повытаскать».

Симъ образомъ отлучился я тогда на нѣсколько времени отъ полку, и въ тотъ же еще день отправился въ путь свой, а

приложеніи въ „русской старинѣ“, 1870 г.

на другой вѣхалъ уже въ прусскія границы. Теперь не могу вамъ, любезный пріятель, довольно изобразить, какую восхитительную переимѣну увидѣлъ я во всемъ, вѣхавъ въ предѣлы королевства Прусскаго. Такъ случилось, что всѣ тѣ, мѣста, чрезъ которыя мнѣ до Гумбинъ хать надлежало, имѣли счастье уцѣлѣть отъ нашихъ прошлогоднихъ разореній; ибо какъ они оставались у насъ далеко въ сторонѣ, то недоѣзжали до нихъ никогда и самые казаки наши, и потому все было цѣло и все въ прежнемъ состояніи. Кромѣ сего, надобно и то сказать, что мѣста сіи случились самыя тѣ, которыя лѣтъ за тридцать только до того, отцемъ тогдашняго короля населены вновь баварскими жителями или такъ-называемыми зальцбургскими эмигрантами, которые, по глупости католиковъ и единственно за протестанское исповѣданіе своей вѣры, изгнаны были изъ отечества ихъ и принуждены были искать себѣ убѣжища въ другихъ государствахъ, слѣдовательно и поселены были тутъ въ порядкѣ и со всѣми выгодами. Какое великое множество деревень представилось тогда вдругъ моему зрѣнію! Истинно всѣ поля были ими власно какъ усѣяны! Не было мѣста, съ котораго-бъ не видно было вокругъ деревень до десяти. Деревни сіи были хотя небольшія, имѣющія всю землю свою вокругъ себя, но какіе же дома, какія строенія и какой порядокъ видѣнъ былъ повсюду! Истинно не можно было ими довольно налюбоваться. У каждаго мужика былъ такой домикъ, какого у насъ не имѣютъ и многіе дворяне, а особливо изъ бѣдныхъ. Домамъ ихъ соотвѣтствовало и все прочее строеніе: все было опрятное, уютное, все покрытое снопами и все въ порядкѣ. Что-жъ касается до самыхъ жителей, то я ласковости, услужливости и благопріятству ихъ не могъ довольно надивиться. Вездѣ, гдѣ ни случалось мнѣ кормить своихъ лошадей и ночевать, принимаемъ я былъ и угаживаемъ власно какъ бы нѣкакій родной, и мнѣ не доходила почти надобность ничего покупать, ибо хозяева старались не

только самого меня кормить и поить всѣмъ лучшимъ, что у нихъ могло отыскаться въ домѣ, но и самыхъ людей моихъ и лошадей довольствовались они безденежно. Но, правду сказать, помогло мнѣ притомъ много и то, что я умѣлъ съ ними по-нѣмецки говорить и самъ съ ними обходился ласково и пріятно. Однимъ словомъ, краткое путешествіе сіе было мнѣ не только не скучно, но и такъ пріятно, что я и понынѣ его позабыть не могу.

Наконецъ приѣхалъ я въ тотъ городъ, куда я былъ напередъ отправленъ и въ которомъ мнѣ никогда еще бывать не случалось. Тутъ удовольствіе мое еще увеличилось, когда я нашолъ и городокъ сей весь порядочно и по плану выстроеннымъ; ибо какъ и оный весь лѣтъ за тридцать же до того получилъ свое основаніе, то хотя и не было въ немъ слишкомъ богатыхъ и великолѣпныхъ домовъ, но за то повсюду господствовалъ порядокъ и вездѣ видна была чистота и опрятность. Улицы повсюду были широкія и прямыя; площади на перекресткахъ просторныя, а домики по большей части хотя не большіе, но прекрасные, уютные, покойные и на большую часть раскрашенные разными красками; на главной же площади, посреди города, находилось одно огромное и красивое каменное зданіе, въ которомъ была у нихъ ратуша и прочія правительствъ, суды и расправы. Ибо надобно знать, что все королевство прусское, для удобнѣйшаго собранія доходовъ, раздѣлено было на двѣ половины, и въ каждой половинѣ находилось, для собранія сихъ доходовъ и управленія оными, по особой каморѣ, или такъ, на примѣръ, казенной палатѣ, изъ которыхъ одна была въ Кёнигсбергѣ, а другая въ самомъ семъ городкѣ Гумбихахъ, и присутствіе оной было въ помянутомъ зданіи. Впрочемъ, весь сей прекрасный городокъ наполненъ былъ множествомъ мастеровыхъ, всякаго рода ремесленныхъ людей, и можетъ почитаться наилучшимъ изъ всѣхъ прусскихъ маленькихъ городковъ.

Я прожилъ въ ономъ болѣе недѣли, ибо, исполнивъ порученную мнѣ комиссію,

долженъ былъ дожидаться полку. Но время сіе препроводилъ я безъ скуки. Квартира была у меня прекрасная; хозяева ласковые, старавшіеся меня не только угостить, но, примѣтя охоту мою къ книгамъ, снабдившіе меня множествомъ оныхъ. Сіе было для меня лучше всѣхъ конфетовъ, и я имѣлъ тогда случай видѣть, перебирать и отчасти читать и разсматривать многія нѣмецкія книги, а особенно анатомическія, наполненныя множествомъ рисунковъ. Кроме того, въ тогдашнюю мою бытность въ Гумбихахъ имѣлъ я въ первый разъ еще случай видѣть, какъ ткутся шелковые чулки; ибо, какъ фабрика сія была у меня въ сосѣдствѣ, то нѣсколько разъ хаживалъ я туда смотрѣть сей работы и дивиться искусному устройству стана или инструмента, къ тому употребляемаго.

Наконецъ пришелъ и полкъ нашъ, и пробывъ два дня въ семъ городѣ, для принятія провіанта и печенія хлѣбовъ, пошелъ далѣе. Шествіе наше простиралось отъ сего мѣста чрезъ прусскія мѣстечки Даркемень, Норденбургъ, Шипенбейль и Бартенштейнъ, и походъ сей былъ прямо веселый и пріятный. Мѣста сіи были хорошія и всѣмъ изобильныя. Мы останавливались наиболѣе въ мѣстечкахъ и городкахъ, которые были уже несравненно лучше польскихъ, и потому получали мы себѣ всегда хорошія и спокойныя квартиры; и какъ въ каждомъ мѣстечкѣ находили мы и трактиры, то наше первое убѣжище было въ оныхъ. Тутъ собирались мы обыкновенно почти всѣ и веселились всѣмъ, чѣмъ кому было угодно. Но что касается до меня, то товарищи мои хотя и старались заманить меня опять въ свою шайку и возобновить прежнюю ломберную игру, однако я, подъ разными претекстами, кое-какъ отъ нихъ отдѣлался и не дался въ обманъ и радъ былъ, что удалось мнѣ заблаговременно опаматоваться и остерегъся.

Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ прусскихъ мѣстечекъ и городковъ нѣкоторые такъ мнѣ не памятливы и не полюбились, какъ Шипенбейль и Бартенштейнъ. Оба

они были на той рѣкѣ Алѣ, отъ которой мы въ минувшее лѣто воротились. Оба, хотя старинные и не по плану построенные, однако весьма изрядные, имѣющіе въ себѣ прекрасные и уютные домики и хорошія ратуши, а въ послѣднемъ изъ нихъ — старинный разоренный замокъ. Словомъ, всё мѣста, гдѣ мы тогда шли, были прекрасныя и пріятныя.

Прошедъ Бартенштейнъ, вошли мы опять въ католицкія земли. Было то епископство эрмеландское, лежащее посреди королевства Прусскаго и находившееся тогда подъ протекціею польскою, но принадлежавшее бискупу эрмландскому, который тутъ жилъ и владѣлъ онымъ, какъ маленький удѣльный князь, ибо онъ былъ купецъ и президентъ всей польской Пруссіи. Резиденція его была въ городѣ Гейльсбергѣ, лежащемъ на той же рѣкѣ Алѣ и имѣющемъ довольно крѣпкій замокъ. И какъ намъ чрезъ самый сей городъ итти и въ немъ диевать случилось, то владѣлецъ сей земельки, помянутый бискупъ, сдѣлалъ намъ честь и пригласилъ нашего полковника, и со всѣми офицерами его полку, къ себѣ обѣдать и далъ пышный и великолѣпный ширъ въ своемъ дворцѣ, посреди замка построенномъ. Тутъ имѣлъ я случай видѣть образъ жизни маленькихъ германскихъ удѣльныхъ князей, а купецъ и знатныхъ духовныхъ католицкихъ особъ. Мнѣ онъ показался довольно хорошею. Жилъ онъ тутъ какъ маленький государь: имѣлъ у себя нѣсколько военныхъ людей, стоящихъ у него на караулѣ и содержащихъ гауптвахту; были у него также пушки и придворный маленький штатъ, какъ-то: камергеры и камеръ-юнкеры; но все сіе въ сущей миниатюрѣ предъ большими государями. Онъ угощалъ насъ довольно великолѣпно, и при питъи за здравіе нашей государыни производима была пушечная пальба. А послѣ обѣда водилъ онъ насъ по всѣмъ покоямъ своего дворца и въ придворную свою церковь, гдѣ показывалъ архіерейскія свои католицкія украшенія. Какъ церковь, такъ и утвари въ ней и украшенія были довольно богаты и велико-

лѣпны, и онъ самъ весьма ласковый и снисходительный человекъ. Но что намъ курьезно и нѣкоторымъ образомъ смѣшно показалось, то былъ его маленький клубочекъ, носимый имъ въ знакъ его духовнаго и монашескаго званія. Клубочекъ сей былъ хотя чорный, но самый маленький и не болѣе, какъ верхковъ двухъ шириною, а въ полвершка вышиною, и прикрѣпленъ на подобіе маленькой скуфеечки, на большомъ его напудренномъ парикѣ, на темѣ сзади такъ, что спереди его ничего было не видно. Платье же на немъ было черное и верхнее длинное и довольно осанистое.

Препроводивъ въ семь довольно изрядномъ городкѣ почти двое сутокъ, пустились мы далѣе и шли нѣсколько еще дней симъ епископствомъ, чрезъ незнаменитые городки, къ нему же принадлежащіе, Гутштадтъ и Аленштейнъ, а потомъ вошли опять въ Пруссію и шли оною нѣсколько дней. Въ сіе время случилось мнѣ однажды принимать фуражъ на полекъ въ одномъ прусскомъ городѣ, Остеродѣ, гдѣ мы дневали. При семъ случаѣ не могъ я довольно надивиться несправности прусскаго правительства. ибо по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ намъ по росписанію назначено было итти, находили мы уже все заготовленное. Былъ вездѣ готовъ не только провіантъ и фуражъ, но навезены со сторонъ всякіе нужные съѣстные припасы для продажи войску. Что касается до сѣна, которое долженствовало мнѣ принимать, то мнѣ не было нужды его вѣшать: все оно было перевязано въ пучки, по десяти фунтовъ; итакъ, стоило только отсчитывать оныя, и я могъ въ короткое время и съ малымъ трудомъ комиссію свою кончить.

Препроводивъ нѣсколько дней въ походѣ чрезъ Пруссію, вышли мы наконецъ со сѣмъ изъ оной и вошли въ предѣлы, такъ называемой, Польской Пруссіи и той части оной, гдѣ находились города Кульмъ, Грауденцъ и Торупъ. Эту землю нашли мы весьма отменною отъ прусской: всё жители были опять католики и несравненно бѣднѣе и хуже прусскихъ-

Что-жь касается до городовъ и мѣстечекъ, то они были довольно изрядные, однако далеко не таковы хороши, какъ прусскіе. Мы проходили ихъ тутъ три, а именно: Неймаркъ, Страсбургъ и Голлапъ. Посреди каждаго изъ нихъ находили мы четверугольную и довольно обширную площадь, окруженную сплошными и довольно высокими домами, отчасти каменными, а отчасти полукаменными, то-есть связанными изъ перелетенныхъ между собою деревянныхъ столбовъ и брусевъ, между которыми промежутки закладены были кирпичемъ, и каковыхъ строеній было множество и во всей Пруссіи. Они называются у нихъ фахверками, или кирпичными мазанками, и составляютъ средній родъ зданія между каменныхъ и деревянныхъ, и довольно хороши и пригожи. На самой же срединѣ помянутыхъ площадей находилась всегда уже городская ратуша, составляющая наилучшее зданіе въ городѣ. Внизу же домовъ, окружающихъ площадь, находились лавки съ разными товарами. Далѣе замѣчанія достойно, что во всѣхъ сихъ, какъ прусскихъ, такъ и польско-прусскихъ городкахъ находились аптеки, въ которыхъ продавались не столько лекарства, сколько всякія овощи и съѣстные вещи.

Впрочемъ, надобно сказать, что походъ, со вступленія въ польскую Пруссію, сдѣлался намъ несравненно труднѣе и хуже прежняго, не только потому, что тутъ дороги были несравненно хуже нежели въ Пруссіи, но и по причинѣ, что около этого времени началъ уже зимній путь рушиться и наступала самая половодь, и дороги сдѣлались такъ дурны, что по нихъ ни на саняхъ, ни на телегѣ, ѣхать было не можно. Итакъ, имѣли мы много труда и принуждены были сами свои видать и повозки свои становить на колеса, а сами, вмѣсто санокъ, ѣхали опять на верховыхъ лошадяхъ.

Какъ походъ нашъ простирался вдоль по рѣкѣ Брибентъ и оная рѣка тогда уже прошла, мы же къ ней всякій день прихаживали, то, пользуясь симъ случаемъ, нерѣдко увеселялись мы рыбною ловлей,

и рыбы было у насъ всегда довольно, что по тогдашнему великопостному времени было для насъ очень кстати.

Впрочемъ, какъ во время самаго шествія случилась у католиковъ страстная недѣля и великая пятница, то, ѣдучи въ самое сіе утро и очень рано мимо одного католическаго костела, имѣлъ я случай насмотрѣться всему, что у католиковъ въ сей день въ церквахъ ихъ происходитъ. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я, какъ они бичуются, или, покрывъ голову свою, чтобъ никто ихъ не узналъ, и обнаживъ спину, сбьютъ сами себя бичами или особливаго рода плетями, и производятъ сіе мнимое служеніе къ Богу съ такимъ рвеніемъ и усердіемъ, а сами къ себѣ немилосердіемъ, что у иныхъ кровь даже ручьями текла изъ спиць. Но колико зрѣлище сіе было для насъ отвратительно, только странно казалось другое обыкновеніе, господствующее у католиковъ, а именно: вмѣсто выносимой у насъ плащаницы, выносятся у нихъ большое рѣзное распятіе, полагается въ церкви на полъ, и тогда всѣ женщины, а особливо старушки, подходят и становясь на колѣни, воютъ, плачутъ и бьются надъ онымъ, точно такъ, какъ бы надъ умершимъ человѣкомъ, и смачиваютъ все оное своими слезами; чему всему не могли мы довольно насмотрѣться.

По причинѣ мѣшающей намъ въ походѣ половодь и величайшей распутицы, промедлили мы такъ долго, что препроводили и свою святую недѣлю въ дорогѣ. Мы праздновали день нашей пасхи въ мѣстечкѣ ихъ Голлапъ и становили нарочно для того полковую церковь. И сія святая недѣля была намъ очень не весела, и мы почти оной не видали, а особливо потому, что, идучи отъ помянутаго мѣстечка прямо къ Торуню, принуждены мы были итти самими прескверными мѣстами и имѣть квартиры въ наибѣднѣйшихъ и такихъ польскихъ деревняхъ, въ которыхъ жители едва сами имѣли свой насущный хлѣбъ и жили въ наимизернѣйшемъ состояніи.

Но никому тогдашнее время такъ скуч-

но и досадно не было, какъ мнѣ. Причиною тому было то обстоятельство, что, по дурнотѣ дороги, по тягости моей повозки и по недостатку довольнаго корма лошадямъ, я всѣхъ своихъ лошадей такъ изнурилъ, что онѣ едва въ состояніи были везти мою кибитку и на всякой почти верстѣ, наконецъ, становились. Но изъ всѣхъ дней, нивоторый мнѣ такъ досаденъ не былъ, какъ самый послѣдній сего нашего похода, или послѣдній переходъ къ городу Торуню. Поелику одна изъ лошадей моихъ въ кибиткѣ совсѣмъ уже не везла, то принужденъ я былъ отдать свою верховую, а самъ взять сію изнурившуюся. Но сія проклятая скотина столько мнѣ въ этотъ день надѣла, что я истинно животу не радъ былъ съ нею: не шла, проклятая, и подъ верхомъ, или по крайней мѣрѣ тащилась такъ, что я никакъ не могъ успѣвать за своими товарищами. Сколько я ее ни стегалъ плетью, сколько ни колотилъ ногами, но она была безчувственна и не хотѣла ни на волосъ прибавить своей медленной походки, а только что чаще еще совсѣмъ останавливалась, а наконецъ, какъ осталось уже не болѣе какъ версты три иттить то, окаанная, стала-таки такъ, что и съ мѣста сойти не хотѣла. «Что ты изволишь дѣлать? Ахъ проклятая! говорилъ я, что ты надо мною надѣлала?...» Я «ну! ну!» но не тутъ-то было! Я досажую, сержусь, бью, браню, ругаю, но она не чувствуетъ ничего, а только что по-сматриваетъ. Что прикажешь дѣлать? Другого не оставалось, какъ сходить долой, иттить пѣшекомъ и ее вести въ поводу. Хоть и не хотѣлось, но я принужденъ былъ сіе дѣлать и радовался по крайней мѣрѣ тому, что хоть сіе сколько-нибудь помогло. Однако и сіе удовольствіе продлилось недолго. Скоро и весьма скоро дошло до того, что она, проклятая, и порожная стала, и ее съ мѣста стурывать было не можно. Я тащить ее за поводъ, я сердиться, я злиться, я «ну ну!» но она всего того не уважала, а только что глазами хлопывала. «Ахъ ты вапалъ! говорилъ я, что ты надо

мною начудесила! Что мнѣ теперь съ тобою дѣлать?» Золъ я былъ на нее такъ, что не однажды хватался за шпагу, вознамѣриваясь ее, проклятую, заколотъ; но короткость остающагося уже пути, доброты самой лошади и надежда, что она оправится — удерживала и не допускала меня до того. Совсѣмъ тѣмъ, горе на меня было тогда превеличайшее, и я не зналъ, что мнѣ тогда съ нею начать, и дѣлать было, и радовался, по крайней мѣрѣ тому, что сего бѣдствія надо мною и сей напасти моей никто не видалъ, ибо, какъ весь полкъ далеко уже впередъ и со всѣми обозами ушелъ, то и находился я одинъ-одинехонекъ на чистомъ полѣ и въ виду уже города Торуня. Но, по счастью, пришло мнѣ на мысль дать ей отдохнуть. Не успѣлъ я сего вздумать, какъ выбравъ сухонькій бугорокъ, сѣлъ я на ономъ и положилъ, буде кто спроситъ, сказать, что у меня животъ заболѣлъ; но, по счастью, никто меня не спрашивалъ и я не имѣлъ нужды лгать и на себя болѣзнь вслепывать; а что того лучше, то немного погодя пришла мнѣ другая мысль, а именно: чтобы покормить ее хлѣбомъ, котораго хорошенькая краюшечка случилась тогда со мною въ кисѣ, вмѣстѣ съ кускомъ жаренаго мяса, каковую запасную провизію мы всегда съ собой возили. Итакъ, ну-ка я ее кормить хлѣбомъ и солить оный, чтобы она охотнѣе кушала, и радъ уже былъ тому, что она ѣла. Сіе и данное ей часа на два отдохновеніе столько ей помогло, что она въ состояніи была наконецъ довести меня кое-какъ до города.

И какъ сей городъ былъ тогда предѣломъ нашего похода, и мы, передневавъ въ ономъ, расположены были въ окрестностяхъ его по кантониръ-квартирамъ, то на семь мѣстѣ окончу я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

СТОЯНІЕ ПРИ ТОРУНѢ.

Письмо 56-е.

Любезный пріятель! Сколько терпѣли мы трудовъ и безпокойства при окон-

чаніи послѣдняго нашего похода, столько обрадовались мы, получивъ, противъ всякаго чаянія и власно, какъ въ награжденіе за наши труды, весьма прекрасныя квартиры. Идучи выше упомянутыми худыми и самыми бѣдными мѣстами, я заключая предварительно, что намъ въ такихъ же скверныхъ и бѣдныхъ жилищахъ и на квартирахъ стоять доведется. досадовали мы уже невѣдомо какъ, что мы въ надеждѣ своей — стоять на хорошихъ прусскихъ квартирахъ — столь сильно обманулись, и что на славный Кенигсбергъ, составляющій столь уже давно наглавнѣйшую цѣль нашихъ желаній, намъ и посмотреть не удалось; а посему легко можно всякому заключить, сколь радость наша была велика, когда мы, противъ всякаго нашего чаянія, увидѣли себя въ наи-прекраснѣйшихъ и такихъ квартирахъ, которыя все наше чаяніе съ ожиданіемъ превосходили. Однако надобно и то сказать, что не всему нашему полку удалось пользоваться симъ счастіемъ, а почти однимъ только нашимъ гренадерскимъ ротамъ; ибо какъ самому штабу нашему назначено было стоять въ самомъ городѣ Торунѣ и его форштатахъ, то гренадерскія роты, яко первѣйшія въ полку, и расположены были въ ближайшей къ городу деревнѣ, а деревня сія и случилась самая лучшая и особливаго рода; она называлась Гурске, отстояла отъ города не болѣе какъ верстѣ пять и принадлежала къ такъ-называемымъ ж улавамъ; и какъ она достойна особливаго замѣчанія, то и упомяну я о ней нѣсколько подробнѣе.

Жулавами какъ около Данцига, Эльбинга, Мариенбурга, такъ и тутъ называются всѣ тѣ селенія, которыя поселены на низменныхъ, подлѣ самой рѣки Вислы и ся разныхъ рукавовъ лежащихъ мѣстахъ. Извѣстное то дѣло, что мимо Торуня протекаетъ взывшаяся изъ самой внутренности Польши превеликая и широкая рѣка Висла, простирающая теченіе свое отъ сего города мимо Кульма, Грауденца, а потомъ, раздѣляясь на два рукава, впадающая при Данцигѣ въ

море. Сія рѣка имѣла, индѣ по обѣимъ сторонамъ, а индѣ по одной, обыкновенныя низменныя и поемныя мѣста, простирающіяся отъ воды до слѣдующихъ затѣмъ возвышенныхъ и гористыхъ береговъ, на неравное разстояніе, гдѣ версты на двѣ, гдѣ больше, а индѣ меньше. Сія низменныя мѣста въ древности принимаемы были обыкновенною половодною изъ рѣки водою и, отъ наносимаго и остающагося на нихъ ила, имѣли время такъ утучниться, что они сдѣлались наилучороднѣйшими. но долгое время лежали они въ праздности и производили только одну траву; но со временемъ наконецъ, по какому-то случаю, вздумалось нѣкоторымъ выходцамъ изъ нидерландскихъ и голанскихъ предѣловъ поселиться на сихъ мѣстахъ и отнять ихъ, такъ-сказать, насильно отъ наглости наводненій и заставить производить наилучшее хлѣбородіе.

Они произвели сіе чрезъ сдѣланіе подлѣ самаго берега рѣки и вдоль всего онаго безпрерывной, преогромной и претолстой плотины, усаженой ветлами плетеными, столь высокою, чтобъ никакая полая вода, и какъ бы она въ рѣкѣ ни возвышалась, не могла достигать до самаго верха оной и переливаться черезъ оную; а такія-жъ плотины подѣлали они по обѣимъ сторонамъ и всѣхъ впадающихъ съ боку въ Вислу маленькихъ рѣчекъ. И какъ чрезъ то всѣ помянутыя поемныя мѣста сдѣлались отъ наводненія рѣки безопасными, то и поселились они на нихъ совсѣмъ отбѣннымъ образомъ и такими деревнями, какихъ я нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не видывалъ, а именно:

Каждая деревня простиралась на нѣсколько верстѣ въ длину, хотя и не содержала въ себѣ знатнаго количества дворовъ, потому что каждый дворъ отъ двора былъ сажень на полтораста, а иногда еще и больше разстояніемъ. Сія промежутки заняты были ихъ садами и полями, ибо каждый крестьянинъ имѣлъ всю свою землю вокругъ своего двора и жилъ, власно, какъ особнякомъ. Всѣ пашни его

и сады обрѣты были множествомъ рововъ и каналовъ; и какъ имъ и пахать ихъ и уваживать было близко, то и производили они такое хлѣбородіе, которому чудиться было должно.

Что-жь касается до самаго зданія дворовъ ихъ, то и оное было совсѣмъ отъианого рода. Все крестьянское строеніе помѣщается у нихъ въ одну длинную связь и подъ одну кровлю, и потому съ перваго вида въ такой деревнѣ кажутся они не дворами крестьянскими, а превеликими корчмами, разбросанными по разнымъ мѣстамъ, или, такъ, напримѣръ, какъ нашими большими ригами и молотильными сараями. На одномъ концѣ сихъ зданій находилось самое жилие хозяина. Оно составлено было обыкновенно изъ трехъ бѣлыхъ комнатъ: одна изъ нихъ составляла большую и чисто-прибранную горницу, освѣщенную тремя или четырьмя красными большими окошками и согрѣваемую порядочно кафлевою или кирпичною печью; другіе два покоя были съ боку, и меньше, а одинъ изъ нихъ служилъ либо спальнею хозяину, либо кладовою, а въ другомъ, и ближе къ печи находящемся, жили его работники и работницы. Предъ комнатами сими были просторныя сѣни съ находящеюся посрединѣ ихъ отгородкою для очага и кухни; а оттуда же топятся и обѣ печи, въ покоехъ находящіяся. Впрочемъ, было изъ сѣней сихъ три выхода: одинъ на переднее крыльцо, другой — на другую сторону, въ сады его и огороды, а третій — прямо въ его конюшню, которая примыкала вполнѣ къ его сѣнямъ, и гдѣ на стойлахъ стояли не только его лошади, но и коровы въ наилучшемъ порядкѣ. За сею конюшнею слѣдовали другіе хлѣвы и покои, для овецъ и другого мелкаго скота, а за сими просторное отдѣленіе — для становленія его повозокъ и поклажи, всякой сбури, а далѣе засимъ амбары хлѣбные, а наконецъ, замыкало просторное отдѣленіе, назначенное для складки немолоченнаго хлѣба, которое вкупѣ служило ему и вмѣсто молотильнаго

сарая, ибо тутъ, обыкновенно, они хлѣбъ свой складываютъ и молотятъ. Всѣ сіи разныя отдѣленія были одинаковой вышины и всѣ покрыты одною и порядочно кровлею; и какъ въ таковой длинной и иногда сажень въ двадцать и болѣе въ длину простирающейся связи, можно крестьянину тамошнему умѣститься со всѣми своими нуждами, то и нѣтъ у нихъ, по большей части, кромѣ сей связи никакихъ иныхъ зданій подъ особливymi кровлями, и весь его дворъ состоитъ въ единой сей связи.

Совсѣмъ тѣмъ живутъ они весьма богато и въ такомъ изобиліи, въ какомъ у насъ не живутъ иные бѣдные дворяне. Жилыя комнаты прибраны у нихъ чисто и даже до того, что у многихъ есть часы стѣнные; стулья же и порядочные столы и шафы вездѣ находились. Платье носятъ хотя крестьянское, но чистое, порядочно шитое и хорошее, а особливо женщины. Ъдять также всегда хорошо, и что удивительнѣе всего, самый хлѣбъ ѣдятъ почти всѣ пекленанный. Скота имѣютъ довольно и притомъ весьма хорошаго, а сады наполнены у нихъ вишнями, яблоками и другими плодоносными деревьями и въ превеликомъ множествѣ. Словомъ, они живутъ въ превеликомъ изобиліи и многіе изъ нихъ, а особливо въ настоящихъ жулавахъ, ближе къ Даницгу, имѣютъ великіе и до нѣсколькихъ тысячъ простирающіеся достатки и играютъ тамъ важныя роли.

Таковаго-то рода была та деревня, въ которой назначено было имѣть намъ наши вешнія кантониръ-квартиры. Она была хотя наибѣднѣйшая изъ всѣхъ жулавскихъ, однако и тутъ не могли мы довольно налюбоваться житьемъ-бытьемъ нашихъ хозяевъ. Но какъ всѣ полки расположены были тогда вдоль по рѣкѣ Вислѣ и очень тѣсно, то стояли и мы тогда нѣсколько тѣсненько, и одинъ только мой капитанъ получилъ особый дворъ; а впрочемъ, мы, офицеры, должны были стоять по два и по три человека вмѣстѣ, а солдаты по цѣлому капральству надо

ной квартирѣ. По самому сему обстоятельству принужденъ былъ и я тогда стоять не одинъ, а съ другими подпоручиками нашей роты, а именно съ г. Головачовымъ и г. Бачмановымъ, изъ которыхъ первый назывался Матвѣемъ Васильевичемъ и былъ человекъ очень постоянный, добрый и мною всегда любимый и мнѣ хорошій пріятель; а второй—Макаромъ Ивановичемъ, и былъ также человекъ добрый и простодушный; но, будучи новгородскимъ помѣщикомъ, во многихъ вещахъ весьма смѣшной и курьезный.

Итакъ, хотя стояла насъ въ одномъ домѣ съ людьми нашими и хорошая семейка, однако намъ по пространству комнаты и дома ни мало не было тѣсно; но мы квартирою своею были довольны, и тѣмъ паче, что хозяинъ случился у насъ человекъ добрый, а хозяйка — того добрѣе. Оба они старались наперерывъ намъ служить всѣмъ, чѣмъ могли, и намъ не было почти нужды покупать ни для себя съѣстныхъ припасовъ, ни для лошадей нашихъ корма, ибо хозяева за безчестіе себѣ ставили и не хотѣли слышать того, чтобъ мы то покупали, что у нихъ есть и чѣмъ они намъ услужить могутъ. А сему много поспѣствовало и то, что я съ ними, какъ съ нѣмцами, говорить и ихъ всегда самъ ласкать умѣлъ.

Симъ образомъ стояли мы тутъ не только въ совершенномъ довольствѣ, но, можно сказать, и прямо весело. Капитанъ нашъ стоялъ отъ насъ только сажень съ двѣсти, прочіе офицеры также недалеко, и мы могли съ ними видаться очень часто; а сверхъ всего того, и домашнее общество было само-по-себѣ веселое. Г. Бачмановъ увеселялъ насъ всякой день своими поступками и странными нарѣчіями, а паче всего непрерывными съ денщикомъ своимъ, Доронею, ссорами и новгородскими бранями. Мы шутили и трунили надъ нимъ, какъ надъ хорошимъ шутникомъ и надсѣдались иногда со смѣха, приводя его въ сердце и опять съ нимъ примиряясь.

Впрочемъ, не успѣли мы тутъ распо-

ложиться и совсѣмъ обостроиться, какъ захотѣлось мнѣ побывать въ Торунѣ и посмотреть сей городъ. Я нашелъ его весьма хорошимъ и непохожимъ нимало на польскій, а совершенно нѣмецкимъ и весьма похожимъ на нашу Ригу. Строеніе въ немъ было все каменное, сплошное и высокое; улицы такія же тѣсныя и кривыя, а жители, на большую часть, были нѣмцы, и многіе изъ нихъ весьма зажиточные и имѣютъ хорошіе дома.

Мое первое дѣло было, по приѣздѣ въ сей городъ, чтобъ поспѣвать нѣтъ ли въ ономъ такой же книжной лавки, какаѣ есть въ Ригѣ, и къ превеликому удовольствію моему, и нашелъ ее. Она была хотя не такова велика, какъ рижская, но довольно изрядная, и я могъ часть, и болѣе времени, съ превеликимъ удовольствіемъ препроводить въ пересматриваніи и перебираниі оныхъ. Еслибъ не мѣшало то мнѣше, что мнѣ никакъ не можно отягочать много себя книгами, и чтобъ не принуждено было опять ихъ по прежнему бросить, то, имѣя тогда у себя деньги, накупилъ бы я ихъ множество. Но сколь мнѣ вышеупомянутое обстоятельство ни мѣшало, однако не могъ я никакъ разстаться съ попавшимся мнѣ тогда на глаза новымъ ежемѣсячнымъ нѣмецкимъ журналомъ, выдаваемымъ въ Данцигѣ, подъ именемъ «Историческихъ извѣстій» о тогдашней войнѣ нашей, со всѣми реляціями, планами и описаніями баталій и всего прочаго. Вся кровь моя взволновалась, увидѣвъ толь любопытное, по тогдашнему времени, сочиненіе. Я тотчасъ купилъ всѣ части, сколько ихъ тогда вышло, и радъ былъ тому такъ, какъ бы нашелъ какое великое сокровище.

Но не одно сіе произвело въ сію поѣздку мнѣ удовольствіе въ семъ городѣ, а было нѣчто и другое. Какъ по искупленіи всѣхъ нужныхъ вещей случилось намъ обѣдать тутъ, въ трактирѣ, то въ самое то время, и власно, какъ нарочно, для удовольствованія моего любопытства, пришелъ туда человекъ съ проспективическимъ ящикомъ, въ которомъ, сквозъ

стекло, показываютъ разныя перспективическіе виды городамъ, и который многіе у насъ неправильно называютъ каморою-обскурю. Мнѣ сего оптического инструмента никогда еще до того времени не случалось не только видать, но и слышать, что онъ есть на свѣтѣ, и — Боже мой! — съ какимъ это удовольствіемъ, радостью и любопытствомъ смотрѣлъ я въ него и любовался толь живо и, власно, какъ въ натурѣ изображающимися въ ономъ видами знаменитѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ и наилучшихъ въ нихъ зданій и улицъ. Словомъ, я прыгалъ почти отъ радости, получивъ случай нѣ, хотя на бумагѣ, видѣть и получить о нихъ нѣкоторое понятіе. Я не могъ устать, пересматривая всѣ его картины и рассматривая самое устройство сей машины, которая мнѣ показалась весьма проста и безъ дальней хитрости сдѣланною, и съ превеликою охотою заплатилъ то небольшое число денегъ, которое слѣдовало дать показывавшему намъ оныя и питающемуся тѣмъ человѣку.

Не успѣлъ я возвратиться въ свою квартиру, какъ принялся за купленныя мною книги, и началъ тотчасъ оныя читать и сидѣть за нами денно и ночно. Матерія въ нихъ мнѣ столь полюбилась, и вся исторія войны нашей казалась мнѣ столь любопытною, что я чрезъ нѣсколько дней вознамѣрился всю ее перевести, дабы могли чтеніемъ оной пользоваться и мои товарищи и другіе полку нашего офицеры. Странное, поистинѣ, и самое легкомысленное предпріятіе! Я никакъ не разсуждалъ о томъ, сколь великое и силамъ моимъ ни мало несоразмѣрное предпринимая я дѣло; не разсуждалъ о томъ, доставеть ли мнѣ къ тому довольно время и досуга, и будетъ ли столько терпѣнія, чтобъ перевести толь великія книги, а наконецъ не приходило мнѣ на умъ подумать и о томъ, стѣитъ ли для кого предпринимать столь великій трудъ, и найду ли я многихъ и столь любопытныхъ читателей, каковъ былъ самъ. До всего того мнѣ не было нужды; но я, слѣдуя единственно своей охотѣ и сродной тогдашнимъ моимъ лѣ-

тамъ пылкости и легкомыслію, принялся дѣйствительно за сей трудъ, и нѣсколько дней сряду трудился надъ симъ переводомъ неусыпно и такъ, что въ короткое время написалъ я нѣсколько тетрадей, и можетъ быть, написалъ бы еще и больше, если бы слѣдующее обстоятельство не поубавило во мнѣ нѣсколько къ тому охоты, а послѣдующая потомъ въ обстоятельствахъ нашихъ перемѣна — и совсѣмъ тщетный сей и пустой трудъ наконецъ не перервала и не уничтожила. А именно: написавъ вышеупомянутымъ образомъ нѣсколько тетрадей, восхотѣлось мнѣ получить за трудъ мой всю ожидаемую мзду, и давъ прочесть мой переводъ кой-кому изъ своихъ собратій, взять соучастіе въ томъ удовольствіи, какое они при чтеніи оной имѣтъ будутъ. Въ безсумнѣнной надеждѣ, что сіе воспослѣдуетъ, и учинилъ я сіе дѣйствительно, и далъ попользоваться имъ нѣкоторымъ изъ любопытнѣйшихъ офицеровъ. Но образите себѣ, сколь велика должествовала быть моя досада и негодование, когда, вмѣсто ожидаемой жадности къ чтенію, не примѣтилъ я въ нихъ ни малѣйшаго почти любопытства и охоты къ чтенію, и когда нѣкоторые, не прочитавъ и трехъ страницъ, начинали уже зѣвать, а другіе и въ руки взять не хотѣли, но спѣшили охотнѣе къ пріятнѣйшимъ для себя упражненіямъ, то-есть въ игранію въ карты, распиванію пуншей, къ лазу канью за крестьянскими дѣвками и служанками, въ чемъ наиболѣе тогда всѣ господа наши офицеры упражнялись и въ чемъ наилучшее для себя находили препровожденіе времени. Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было: я бранилъ всѣхъ ихъ мысленно, смѣялся ихъ невѣжеству и тому, что они имѣли столь мало любопытства, и наконецъ самъ себѣ въ мысляхъ сказалъ: «не стѣите же вы, государь мой, того, чтобъ для васъ столь много трудиться и работать, а оставайтесь вы лучше при своихъ дурацкихъ упражненіяхъ; а мнѣ не лучше ли перестать для васъ дурачиться и просиживать цѣлыя дни и вечера, для удовольствія мни-

маго вашего любопытства, котораго въ часть никогда не важивалось». Съ того времени пересталъ я такъ надъ переносомъ симъ падрываться, какъ до того времени, а самое сіе остановило нѣскольکو и прежнюю мою работу, то-есть переносываніе па-бѣло мого Клевеланда и продолженіе перевода онаго; ибо я не лучшей мзды могъ ожидать себѣ и за сей трудъ; а о томъ, чтобы могъ онъ когда-нибудь быть напечатанъ — тогда и мыслить было никакъ не можно. Итакъ, съ сего времени я хотя кой-когда и переводилъ, но единственно уже для своего увеселенія и тогда, когда мнѣ было дѣлать нечего и когда прискучивало мнѣ уже чтеніе.

Между тѣмъ, какъ мы помянутымъ образомъ изъ Курляндіи къ Торуню шли, и тутъ по кантонирь-квартирамъ стояли, помышлялъ новый предводитель нашей арміи о томъ, какъ бы ему благовременно съ арміей своей выступить въ дальнѣйшій походъ и успѣть сдѣлать всѣ нужныя къ тому приуготовленія; ибо надобно знать, что война не клонилась къ окончанію, но еще часъ-отъ-часу возгаралась больше. Успѣхи короля прусскаго въ минувшую осень произвели при всѣхъ европейскихъ дворахъ великіе во всѣхъ дѣлахъ перевороты, и всѣ обстоятельства во многомъ перемѣнились—но чему и дивиться не можно. Ни одинъ человекъ въ свѣтѣ не думалъ и не ожидалъ, чтобы война минувшаго лѣта такимъ образомъ кончилась, какъ изображено было выше, и всѣ чудились только всѣмъ происшествіямъ. И поистинѣ, ни въ какую кампанію, я думаю, не бывало столько скорыхъ и непонятныхъ переворотовъ счастья въ несчастіе, и несчастія въ счастье, какъ въ бывшую въ минувшее лѣто. Промыслъ божескій, распоряжающій по-своему всѣ произшествія военныя, дѣлалъ въ судьбахъ всѣхъ воюющихъ державъ весьма странныя перевороты: пруссаковъ то вводилъ онъ на блестящую степень счастья, то низвергалъ въ бездну несчастій и золь. Мы, россияне, какъ можно видѣть изъ предсѣдующаго, выиграли надъ

пруссаками баталію, а вышли изъ Пруссіи какъ побѣжденные и разбитые. Французы мнили, что низложили и обезоружили совсѣмъ герцога Кумберландскаго; но слухъ о томъ не успѣлъ еще и разнестись по всей Европѣ, какъ извѣстіе уже получено, что одна изъ ихъ армій совсѣмъ разбита, и что герцогъ Кумберландскій власно какъ опять ожилъ. Цесарцы мнили, что они совсѣмъ завоевали Шлезію, и ласкались уже надеждою скоро увидѣть и всей войнѣ окончаніе: но вдругъ получаютъ ударъ за ударомъ, и толкія несчастія, что принуждены оставить всю Шлезію и бѣжать съ остатками разбитыхъ своихъ армій назадъ въ Погемію.

Таковой странный переворотъ счастья и всѣхъ обстоятельствъ поразилъ всю Европу, власно, какъ ударомъ. Всѣ дворы изумились, и нѣсколько времени не знали что начинать и дѣлать. Но скоро начались новыя затѣи и новыя предначинавія: всѣ дворы, составляющіе такъ-называемый большой союзъ, то-есть, нашъ російскій, цесарскій, французскій и шведскій, не могли спокойно перенести толкой неудачи. Они ныдали досадою и желали отмстить за всѣ причиненныя имъ досады и оскорбленія, и по самому тому воспріяли опять оружіе и положили употребить еще болѣе усилія. Съ другой же стороны, король прусскій, вида необходимость къ продолженію войны, и будучи ободренъ послѣдними своими успѣхами, и отъ того ласкаясь надеждою получить еще лучшія, началъ употреблять всѣ свои силы къ приведенію себя въ состояніе противиться своимъ непріятелямъ.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, не успѣла зима наступить, какъ каждый дворъ началъ вновь вооружаться, и свѣящимъ еще рвеніемъ нежели прежде. Король прусскій, сколько ни хитрилъ и ни старался, при помощи союзниковъ своихъ англичанъ, императрицу нашу отвлечь отъ союза съ цесарцами и французами и сколько ни надѣялся на тайныя обязательства и соглашенія свои съ тогдашнимъ наслѣдникомъ російскаго

престола и на его себѣ во всемъ вспоможеніе, но министры цесарскаго и французскаго двора, происками и стараніями своими, превозмогли всѣ его хитрости и уничтожили во многомъ его замыслы. Имъ удалось привлечь министровъ нашихъ и фаворитовъ императрицыныхъ на свою сторону и узнать нѣсколько о помянутыхъ выше его тайныхъ обязательствахъ у его съ тогдашнимъ нашимъ великимъ княземъ, произвести наконецъ ту переимѣну, что управляющій до того всѣми дѣлами, канцлеръ Бестужевъ, сверженъ, и чрезъ то всѣмъ дѣламъ произведенъ лучший оборотъ и между прочимъ то, что императрица твердо предпріяла продолжать войну, вѣстѣ съ прочими, противъ короля прусскаго.

О вышеупомянутомъ тайномъ соглашеніи, бывшемъ тогда у короля прусскаго съ тогдашнимъ нашимъ великимъ княземъ, послылись тогда одни только темные слухи, а настоящаго дѣла неизвѣстно было, покуда король прусскій въ послѣдующія времена не открылъ самъ онаго при сочиненіи исторіи о сей войнѣ. Онъ говоритъ, что помянутый великій князь, будучи еще голштинскимъ принцемъ, былъ весьма золъ на датчанъ за причиненныя отъ датскаго двора предкамъ его обиды и несправедливости, и пылая желаніемъ по вступленіи своемъ на престолъ, имъ отмстить, опасался, чтобъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ ниущій себѣ повсюду союзниковъ король прусскій не содружился съ ними, и что самое сіе побудило его просить короля прусскаго никакъ не заключать съ ними союза, обѣщая за то съ своей стороны всѣми силами своими и возможностями помогать королю при тогдашней войнѣ. Что-жъ касается до Бестужева, то сколько сначала шоль онъ самъ противъ короля прусскаго, столько сталъ самъ держать его сторону, когда императрица заперомгла и онъ, опасаясь ея кончины, придѣлился къ великому князю, яко къ преемнику престола: а самое сіе и было причиною, что онъ велѣлъ въ минувшее лѣто графу Апраксину возвратиться изъ Пруссіи. Но какъ графъ Бес-

тужевъ былъ сверженъ и сосланъ въ ссылку и управлять дѣлами стали иные люди, то и пошло все пнако. А потому и вѣдно было войскамъ нашимъ итти тотчасъ опять назадъ, въ королевство Прусское, и занявъ оно, итти въ послѣдующее лѣто далѣе и утѣснять короля прусскаго даже въ самыхъ внутреннихъ его бранденбургскихъ областяхъ, и дабы все сіе съ лучшимъ успѣхомъ можно было произвести въ дѣйство, то не только для укомплектованія арміи собраны были вновь рекруты, но и составленъ новый и особливый корпусъ, подъ именемъ обсерваціоннаго, и отправленъ прямо чрезъ Польшу для соединенія съ нашею арміей. И какъ оный весь составленъ былъ на большую часть изъ наилучшихъ людей, выбранныхъ изъ старыхъ украинскихъ полковъ, то и полагалась на него великая надежда.

Съ другой стороны, и цесарева не меньшія дѣлала приуготовленія къ войнѣ, какія мы. Она укомплектовала также армію свои рекрутами, а сверхъ того, была такъ счастлива, что венгерскіе жители, изъ усердія своего къ ней, сами собой обѣщали дать ей сорокъ тысячъ войска и содержать его на своемъ коштѣ. Главная команда надъ арміями поручена была опять славному генералу Дауну, а другая, противъ Саксоніи, находилась подъ командою генерала Сербелонн, и обонимъ имъ вѣдно было, колико можно раниѣ, начать свои военныя дѣйствія.

Съ третьей стороны готовилась опять и имперская, сборная изъ разныхъ нѣмецкихъ народовъ, армія, также къ военнымъ операціямъ, и предводительство надъ нею получилъ принцъ Цвейбрикскій.

Съ четвертой, не оставили и французы исполнить то же, и упражнялись во всю зиму къ продолженію войны, какъ противъ пруссаковъ, такъ и противъ агличанъ, во всѣхъ нужныхъ приуготовленіяхъ; и какъ послѣднею поступкою маршала Ришелье былъ дворъ французскій крайне недоволенъ, то весною отозванъ онъ назадъ и команда надъ арміею поручена графу Клермонту.

Наконецъ, съ пятой стороны дѣлали и шведы равномѣрныя къ войнѣ приуготовленія. Король прусскій сколько ни старался преклонить ихъ къ отступленію отъ нашего союза, однако проворство французскихъ министровъ, имѣвшихъ тогда при шведскомъ дворѣ великую силу, превозмогло всѣ его происки и старанія и убѣдили шведское правительство къ продолженію войны вмѣстѣ съ нами.

Вотъ сколь многія и сильныя приуготовленія дѣланы были противъ короля прусскаго; но, напротивъ того, и онъ былъ не безъ дѣла. Наглавнѣйшее его стараніе было о томъ, чтобъ укомплектовать ему опять свою армію и наградить уронъ, претерпѣнный имъ на семи прошлогоднихъ баталіяхъ, а не меньше въ гошпиталяхъ отъ приличивыхъ и почти на язву похожихъ болѣзней, которыми померло у него великое множество народа. Но сіе укомплектованіе учинить ему было не таково легко, какъ прочимъ союзникамъ, у которыхъ у всѣхъ было народа болѣе 50-ти милліоновъ, а у него не болѣе пяти. Но недостатокъ сей наградилъ онъ своимъ разумомъ, хитростью и проворствомъ. Онъ досталъ себѣ довольно солдатъ и денегъ, и не только укомплектовалъ армію свою съ избыткомъ, но и умножилъ еще оныя. Для полученія людей, собралъ онъ, во-первыхъ, рекрутъ со всѣхъ саксонскихъ, ангалтскихъ и мекленбургскихъ областей; во-вторыхъ, возвратилъ къ себѣ всѣхъ бѣглыхъ генеральнымъ прощеніемъ, а третьихъ, опредѣлилъ въ свою службу великое множество бывшихъ у него въ плѣну австрійцевъ и французовъ, шведовъ и виртембергцевъ, а чрезъ всѣ сіи средства и получилъ онъ множество народа.

Что-жъ касается до денегъ, въ которыхъ былъ у него также недостатокъ, то въ семъ помогла ему Англія. Тамъ въ министерствѣ, къ счастью его, произошла перемѣна. Управлявшій до того всѣми дѣлами Фоксъ, достигшій до сей степени происками герцога Кумберландскаго, принужденъ былъ добровольно сложить съ себя сіе достоинство. Вмѣсто его всту-

пилъ славный Питъ, отецъ нынѣшняго. Сей краснорѣчіемъ своимъ убѣдилъ тотчасъ весь народъ вступиться жарчае за короля прусскаго и не только давать ему всякій годъ по четыре милліона талеровъ, но, сверхъ того, поддержать ганноверскую армію корпусомъ англичанъ; а для командованія оною выпросилъ у короля прусскаго, прославившагося потомъ, принца Фердинанда брауншвейгскаго. А не успѣлъ король сихъ денегъ получить, какъ передѣлалъ ихъ въ новую и весьма дурную монету, и изъ четырехъ милліоновъ сдѣлалъ десять, и чрезъ то получилъ на сей годъ для продолженія войны довольно денегъ.

Въ таковыхъ-то упражненіяхъ пре-
 проведена была вся зима всѣми воюющими державами, а не успѣлъ наступить сей 1758 годъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ начали уже и военныя свои дѣйствія. Начало онымъ учинили французы, или паче, командующій тогда еще ими дюкъ Ришелье. Онъ, желая сколько-нибудь исправить погрѣшность учиненную имъ, отправилъ маркиза Даржана съ двѣнадцатью тысячами человекъ для взятія города Гальберштадта; и какъ сей городъ былъ не весьма укрѣпленъ, то гарнизонъ ретировался въ Магдебургъ, въ виду у французовъ, которые, занявъ городъ, произвели въ немъ великія разоренія и ограбили почти всѣхъ жителей.

Такое предпріятіе французовъ побудило короля прусскаго отправить въ сію сторону изъ Саксоніи корпусъ, подъ командою брата своего, принца Гейнриха, который, прогнавъ французовъ къ рѣкѣ Везеру, возвратился опять въ свое мѣсто; а какъ въ самое сіе время принялъ команду надъ ганноверскою арміею и принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, то онъ началъ гнать французовъ отчасу далѣе, и произвелъ сіе съ толикимъ успѣхомъ, что въ концѣ февраля мѣсяца переправилась уже вся французская армія назадъ, черезъ рѣку Везеръ, а въ мартѣ перешла даже назадъ и черезъ самый Рейнъ, растерявъ столь много людей, что

не осталось въ ней болѣе 30,000 человекъ.

Въ сихъ-то обстоятельствахъ находились дѣла въ Европѣ въ то время, когда мы помянутымъ выше сего образомъ стояли при рѣкѣ Вислѣ и готовились итти въ походъ далѣе къ неприятелю. И какъ около сего времени извѣстіе получено, что король предпринимаетъ осаждать шлезскую крѣпость Швейдницъ, которая одна только во власти цесарцевъ оставалась, то, для сдѣланія ему диверсіи, сталъ нашъ новый предводитель послѣшать всѣми остальными приуготовленіями къ походу, и какъ весна уже тогда начинала совершенно вскрываться и показываться кормъ, то мы то и дѣло получали повелѣнія быть къ походу въ готовности и съ часу на часъ ожидали, что намъ велѣно будетъ выступать. Но въ самое сіе время, противъ всякаго чаянія и ожиданія, обрадованы мы были однимъ извѣстіемъ до безконечности.

Какое оно было, о томъ вы теперь у меня не спрашивайте. Сіе увидите вы въ послѣдующемъ письмѣ, а теперечнее, какъ довольно увеличившееся, время уже кончить и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

ПОХОДЪ ВЪ КЕНИГСБЕРГЪ.

Письмо 57-е.

Любезный пріятель! Какъ вы, надѣюсь, очень любопытны узнать, какое бы такое было то извѣстіе, которое насъ толь много обрадовало: то начну теперечнее мое письмо удовольствованіемъ сего вашего любопытства и скажу, что оно было слѣдующее:

Какъ мы помянутымъ образомъ въ походъ собирались и всякой день ожидали приваза къ выступленію въ оный и къ переходенію черезъ рѣку Вислу, какъ заѣхалъ къ намъ изъ Торунни, ѣдившій туда для своихъ вуждъ, одинъ изъ нашихъ офицеровъ и пріятелей. Не успѣлъ онъ къ намъ войти въ горницу, какъ съ веселымъ видомъ намъ сказалъ: «знаете ли, государи мои! я привезъ съ собою къ

вамъ новыя вѣсти, и вѣсти — для насъ очень важныя!» — Хорошо, отвѣтствовали мы: — но каковы-то вѣсти? съ дурными хотъ бы ты къ намъ и не ѣдиль. «Нѣтъ! сказалъ онъ: — каковы-то вамъ покажутся, а для меня они не дурны. Словомъ, намъ велѣно въ походъ итти и мы послѣзавтра должны выступить». — Ну, что-жъ за диковинка! сказали мы. — Этого мы давно ждали и готовы хотъ завтра выступить. «Этакіе вы, — подхватилъ онъ: — вы, спросите лучше — куда?» — Это также извѣстное дѣло, что за рѣку и противъ неприятеля, отвѣчали мы съ хладнокровіемъ. — «Но того-то вы и не угадали», сказалъ онъ. — Какъ! неужели опять назадъ и домой? спросили мы удивившись. «Нѣтъ! сказалъ онъ: — не домой, однако и не противъ неприятеля: тамъ и безъ насъ дѣло обойдется». Сія слова привели уже насъ въ превеликое любопытство. — Да куда-жъ? говорили мы, скажи, братецъ, пожалуйста. «Нѣтъ! говорилъ онъ: — а умудрись кто-нибудь и отгадай самъ, а я скажу только, что и вы тому столько-жъ обрадуетесь, сколько и я». Тогда не имѣли мы болѣе терпѣнія и до тѣхъ (поръ) къ нему, насъ мучившему и сказать нехотавшему, съ просьбою своею приступали, покуда онъ, наконецъ, сказалъ: — «Въ Кенигсбергъ, государи мои, и туда, гдѣ намъ всѣмъ давно уже побывать хотѣлось». — Не вправду ли? закричали мы всѣ въ одинъ голосъ, но можно ли тому стать? — «Конечно можно, отвѣтствовалъ онъ: — и знать что лъза, когда уже о томъ и повелѣніе нашему полковнику прислано». — Но умилосердись! какъ это и какимъ образомъ? Кенигсбергъ остался у насъ уже далеко позади. — «Конечно! отвѣчалъ онъ: — но то-то и диковинка! а совсѣмъ тѣмъ, намъ съ полкомъ туда итти и, что того еще лучше, и жить тамъ во все нынѣшнее дѣло и ничего болѣе не дѣлать, какъ содержать караулы».

Теперь легко можете заключить, что насъ сіе до крайности обрадовало; ибо хотя мы охотно шли въ походъ противъ неприятеля, однако, какъ извѣстно было

намъ, что непріатели не шутятъ и что въ походѣ противъ его не всегда бываетъ весело, а временемъ и гораздо дурно, а притомъ, никто не могъ о себѣ съ достовѣрностію знать, возвратится ли онъ изъ похода благополучно назадъ и не останется ли на вѣкъ тамъ; то сколько мы и не имѣли усердія и ревности къ военной службѣ, но кому жизнь не мила и кто бы не хотѣлъ ея еще хоть одинъ годъ повеселиться? А потому, кто и не порадовался бы услышавъ, что онъ на цѣлое лѣто освобождается не только отъ всѣхъ военныхъ опасностей, но и отъ всѣхъ трудовъ и безпокойствъ, съ походомъ сопряженныхъ? И кто бы не сталъ благодарить за то Бога и судьбу свою?

Мы и дѣйствительно такъ были тому рады, что не одинъ разъ говорили: слава, слава Богу! и благодарили судьбу, что оказала толикое намъ благодѣліе и дала такое преимущество предъ многими другими. Съ превеликою охотою благословляли мы путь всѣмъ прочимъ, мимо насъ идущимъ полкамъ и желали имъ въ походѣ своемъ приобрести славу и имѣть всякое благополучіе, а сами и на умѣ не имѣли досадовать на то, что не будемъ имѣть счастья быть съ ними на сраженіяхъ и раздѣлять съ ними славу въ получаемыхъ ими побѣдахъ.

Но никто изъ всего полку, думаю я, такъ много симъ извѣстіемъ обрадованъ не былъ, какъ я. Всѣ прочіе радовались наиболѣе потому, что они не пойдутъ въ походъ, а будутъ на одномъ мѣстѣ, въ покоѣ, и имѣть хорошія квартиры и жить въ изобильномъ и такомъ городѣ, гдѣ имѣтъ они будутъ случай предаваться всякимъ роскошамъ и распутствамъ; но моя радость происходила совсѣмъ не изъ того источника. Мнѣ сколько то было приятно, что я не пойду въ походъ и не буду подверженъ опасностямъ, а стану жить на одномъ мѣстѣ, столько, или несравненно болѣе радовался я тому, что цѣлое лѣто буду жить въ большомъ и славномъ иностранномъ нѣмецкомъ городѣ, о которомъ я слышался невѣдомо сколько добраго

и который выполнятъ учеными людьми, библіотеками и книжными лавками. Умѣя говорить по-нѣмецки, ласкался я надеждою, что могу со многими тамошними жителями свести знакомство и что мнѣ тамъ будетъ очень весело и не скучно; могу многому и такому насмотрѣться, чего не видывалъ, а книгъ доставать себѣ купить, сколько угодно. Словомъ, я восхищался предварительно уже мыслями, воображалъ себѣ невѣдомо сколько удовольствій, и никто, я думаю, съ толикою охотою въ сей путь не собирался, какъ я.

Повелѣніе о выступленіи въ сей походъ, дѣйствительно, на другой же день получено было нами, а на третій, мы и выступили въ оный. Разставаясь съ тамошними хозяевами, не могли мы довольно возблагодарить ихъ за всѣ оказанныя ласки и благопріятство, и желали имъ счастливаго продолженія ихъ благополучной жизни; а какъ и они нами были довольны, то провожали они насъ, желая намъ счастливаго путешествія.

Мы шли самыми тѣмнѣ-жъ мѣстами, гдѣ до того шли до самаго Эрмландскаго епископства и до столичнаго ихъ города Гейльсберга, а отъ сего мѣста повернули мы уже нѣсколько влѣво и пошли прямымъ путемъ къ Кёнигсбергу; и какъ было тогда самое лучшее и первѣйшее время и погода стояла хорошая, то могу сказать, что походъ сей, изъ всѣхъ, въ какихъ случалось мнѣ бывать въ жизнь мою, былъ наивеселѣйшій и пріятнѣйшій. Шли мы себѣ не спѣша и прохладно; переходы дѣлали маленькіе; останавливались всегда въ мѣстечкахъ, а не въ лагеряхъ, и во всемъ имѣли удовольствіе; полкъ въ походѣ нелюди одни только дежурные, а мы всѣ, прочіе офицеры, ѣхали верхами и не при пѣхотѣ, а гдѣ хотѣли, и обыкновенно кучками и компаніями по нѣсколько человекъ вмѣстѣ, и время свое въ дорогѣ препровождали въ однѣхъ только шуткахъ, смѣхахъ и дружескихъ разговорахъ. А во время ночеванія, или дневанія — въ польскихъ мѣстечкахъ или прусскихъ городкахъ,

въ расхаживаніи компаніями по онѣмъ, въ посѣщеніяхъ другъ друга на квартирахъ, въ захаживаніяхъ въ трактиры и въ увеселеніяхъ себя въ нихъ шутками, играми и въ прочемъ, тому подобномъ.

Впрочемъ, не помню, чтобъ въ продолженіе сего похода случилось со мною какое-либо особенное и такое приключеніе, которое бы достойно было замѣчено быть, кромѣ одного, ничего незначащаго и относящагося до одной смѣшной проказы, сдѣланной нами надъ преждеупоминаемымъ сотоварищемъ моимъ, подпоручикомъ Бачмановымъ; и какъ я всему злу былъ наглавнѣйшій заводчикъ, то и разскажу вамъ оное единственно для смѣха.

Я упоминалъ уже вамъ прежде, что человекъ сей былъ хотя весьма добрый и всѣми нами любимый, но сомѣлъ особеннаго и такого характера, который заставлялъ насъ иногда надъ нимъ проказить и смѣяться. Будучи новгородцемъ, былъ онъ своенравенъ, упрямъ и не любилъ шутокъ и издѣвокъ надъ собою. Не успѣетъ кто какъ-нибудь надъ нимъ и хоть нарочно посмѣяться и пошутить, какъ разсерживался и поднималъ онъ за то превеликую брань; а сіе, какъ извѣстно, въ полкахъ и подаетъ уже поводъ, и власно, какъ право, всякому надъ нимъ трунить и скалозубить. Къ явшему несчастію, привыкнувшій къ новгородскому нарѣчію, не могъ онъ и въ службѣ никакъ еще отвыкнуть отъ онаго и отъ названія многихъ вещей на *о, но, жо* и совсѣмъ не такъ, какъ другіе называютъ; а сіе нерѣдко и подавало поводъ шутить надъ нимъ, да и сверхъ того, весь его образъ, нравъ и характеръ имѣлъ въ себѣ нѣчто смѣшное и особенное. Къ дальнѣйшему же приумноженію его несчастія, послалъ ему Богъ и деньщика почти точно такого-жъ, каковъ былъ самъ. Онъ малый былъ добрый, но какъ-то простоватъ и имѣлъ (въ) себѣ много смѣшного. Съ сямъ его Доронею, ибо такъ называлъ онъ его, была у него, какъ я уже упоминалъ, почти всякой день ссора и лады. И во время

стоянія нашего вмѣстѣ не проходило дня, въ который бы мы надъ нимъ не хохотали; а какъ и самая фамилія его Бачмановъ походила много на Бачановъ, которымъ именемъ называется тотъ особый родъ чаплей или аястовъ, которые вьютъ гнѣзда на домахъ и нерѣдко на трубахъ, и также какъ аясты питаются всякими гадинами и лягушками — то и звали мы его обыкновенно Бачаномъ, съ чѣмъ и высокій, тонкій и сутулистый его ростъ и длинныя ноги нѣсколько сходствовали, и онъ къ сему званію такъ привыкъ, что почти за то уже и не серживался, если кто назоветъ его бачаномъ.

Самое сіе названіе и подало намъ поводъ къ произведенію той шутки, о которой я разсказать намѣренъ. Было то еще во время стоянія нашего на квартирахъ и дней за шесть до выступленія нашего въ походъ, какъ случилось мнѣ ходить съ нимъ и другимъ нашимъ товарищемъ поутру гулять по садамъ и небольшимъ рощамъ, между дворами деревни нашей находившимся. Тогда, какъ нарочно, случись, что кукушка въ дѣсочкѣ неподалеку отъ насъ начала куковать. Мы съ г. Головачевымъ, услышавъ ее, обрадовались и говорили: «вотъ, вотъ и кукушки уже прилетѣли!» Но г. Бачмановъ вмѣсто того, чтобъ дѣлать тоже, вдругъ осердился и началъ ругать кукушку всякими своими новгородскими бранями. «Гфу ты проклятая», говорилъ онъ, плюя то и дѣло: «чортъ бы тебя, окоянную взялъ! Нелѣгкая-бъ тебя подавила! На свою-бъ тебѣ это голову», и такъ дагѣ. Мы, услышавъ сіе, покатались со смѣху. — Что это, братъ Макарь, говорили мы:—за что это на кукушку такъ гнѣваешься? что она тебѣ сдѣлала?—«Какъ, братцы, что, сказалъ онъ: — голоднаго меня, проклятая закуковала и я вѣрно теперь уже знаю, что мнѣ сего года не пережить. О, лихая бы ее побрала болѣсть и всѣ черти-бъ ее, проклятую, задавили». — Такъ, такъ! — сказали мы, еще пущезахохотавъ:—теперь прощай, братъ Макарь! не сносить уже тебѣ своей головы! Ужъ кукушка предвозвѣстила, такъ уже, знать, и быть, и

что полковникъ самъ надсѣдался со смѣха и только смѣючись говорилъ Бачманову: «Ну, что же? добре... бачанъ... кукушь... лягушь... пѣть... пѣснь... ничего... смѣхъ...», и такъ далѣе. Словомъ, г. Бачмановъ нашъ не могъ добиться отъ него никакого толку, и только то сдѣлалъ, что весь полкъ о томъ узналъ, и кому бы не смѣяться, такъ всѣ смѣяться и кукушкой его дразнить и сердить начали. И какъ наконецъ до того дошло, что и самые солдаты о томъ отчасти узнавъ и иногда завидѣвъ его, либо куковать, либо про лягушку между собою говорить начинали, то бѣдняку нашему Макару нигдѣ житья не стало, и онъ до того наконецъ доведенъ былъ, что рѣшился-было проситься въ другой полкъ и бѣжать изъ полка нашего, и намъ не малаго труда стоило его уговорить и опять успокоить.

Но не одну сію, но производили мы надъ нимъ во время сего похода и многія другія проказы; но какъ они не стоятъ упоминанія, яко происходившія отъ единой нашей легкомысленности и рѣзости, то я, умолчавъ о нихъ, скажу только, что сей человекъ увеселялъ всѣхъ насъ во все время нашего путешествія и рѣдкій день прохаживалъ, чтобъ мы надъ нимъ чего не предпринимали, и рассердивъ его до безконечности пакн съ нимъ не примирялись.

Впрочемъ, памятно мнѣ и то, что никогда я столь много въ ловленіи рыбы какулею неупражнялся, какъ во время сего похода. Вездѣ, куда ни прихаживали мы почевать, находили мы либо рѣчки, либо озера; и какъ какулей было у насъ множество, то и не упустили мы почти ни одного случая, чтобъ сею ловлею не воспользоваться.

Въ прежде упоминаемомъ эрмляндскомъ столичномъ городѣ, Гейльсбергѣ, случилось намъ опять не только днествовать, но, для исправленія нѣкоторыхъ надобностей, пробыть цѣлыхъ два дня. Въ сіе время были мы опять у бискупа съ полковникомъ, и сей маленькій владѣлецъ старался опять насъ угощать, и мы время

свое препроводили весело. Мнѣ случилось въ сей разъ стоять квартирою у одного изъ его придворныхъ, отправляющаго должность камеръ-юнкера или камергера, который, однако, не многимъ чѣмъ отъѣвнѣе отъ прочихъ мѣщанъ, и я ласкою хозяина и хозяйки былъ очень доволенъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, не имѣвъ на пути своемъ никакихъ особенныхъ приключеній, дошли мы наконецъ до славнаго нашего Кеннигсберга, и тѣмъ окончили сей походъ благополучно.

Симъ окончу я сіе письмо и скажавъ вамъ, что я емь вашъ другъ и прочее.

ВХОДЪ ВЪ КЕНИГСБЕРГЪ.

Письмо 58-е.

Любезный пріятель! Какъ съ прішествіемъ нашимъ въ Кеннигсбергъ начался новый и въ особливости достопамятный періодъ моей жизни, то, прежде описанія моего въ семь городѣ пребыванія, да позволено мнѣ отъ васъ, любезный пріятель, будетъ предпослать нѣкоторое краткое о себѣ разсужденіе.

Всякій разъ, когда ни размышляю я о теченіи моей жизни и о всѣхъ бывшихъ со мною произшествіяхъ, примѣчаю я въ оной многіе слѣды особливаго божескаго о мнѣ Промысла, и вижу нигдѣ очень ясно, что и наиглавнѣйшими произшествіями со мною не инако, какъ невидимая рука Господня управляла и распоряжала оныя такъ, чтобъ они когда не въ то время, такъ послѣ обратились мнѣ въ существительную пользу. Но нѣкоторое изъ нихъ такъ для меня, пріятельныхъ размышленіяхъ, не бываетъ поразительно, какъ помянутое, совсѣмъ неожиданное прішествіе въ Кеннигсбергъ и пребываніе въ семь городѣ, ибо какъ пріостекли мнѣ отъ того безчисленныя выгоды и пользы, то вижу теперь, что произошло то не по слѣпому случаю, что я тогда пріѣхалъ въ Кеннигсбергъ, но промыслу Господню угодно было, власно какъ нарочно, привести меня въ сей прусскій городъ, дабы я, живучи

туть имѣлъ случай узнать самъ себя и короче, все на свѣтѣ, и могъ чрезъ то приготовиться къ той мирной, спокойной и благополучной жизни, какую Небу угодно было меня благословить въ послѣдующее потомъ время; за что благодарю и на вѣкъ не престану благодарить великаго моего Зиждителя. Онъ, произведя меня совсѣмъ не для военной жизни, не восхотѣлъ, чтобы я далѣе влечилъ жизнь праздную и такую, въ которой не только могъ я подверженъ быть ежеминутнымъ опасностямъ, но живучи въ сообществѣ невѣждъ, праздныхъ и побольшей части всякимъ распутствамъ преданныхъ людей, легко могъ и самъ ядомъ сямъ заразиться и чрезъ то повредить себя на всю жизнь; не исторгнувъ меня изъ средины оныхъ, построилъ къ такому мѣсту, которое было уже сообразнѣе съ природными моими склонностями и гдѣ имѣлъ я уже болѣе случаевъ и удобностей упражняться въ дѣлахъ и упражненіяхъ полезнѣйшихъ, нежели въ какихъ препровождаютъ время свое обыкновенно въ полкахъ офицеры.

Но сколь примѣтно сдѣлалось мнѣ все сіе послѣ, столь мало зналъ я обо всемъ томъ въ тогдешнее время; а потому приѣздъ мой въ Кенигсбергъ почиталъ тогда неинако, какъ происшедшимъ по слѣпому случаю, да и не думалъ, чтобъ могло произойти тутъ что-нибудь сомнѣю особенное, а того, чтобъ самый сей походъ былъ послѣдній въ моей жизни и чтобъ съ пришествіемъ въ сей городъ назначено было отъ судьбы и всей моей военной службѣ почти кончиться, тогда никакъ не только мнѣ, но и никому на мысль приттить не могло, какъ къ тому и не было ни малѣйшаго тогда вѣроятія.

Совсѣмъ тѣмъ, чувствуя отиѣнную радость о томъ, что идемъ мы въ Кенигсбергъ, я власно какъ предчувствовалъ, что со мною произойдетъ тутъ нѣчто хорошее; ибо могу сказать, что сколько ни были всѣ довольны сямъ походомъ, но мое удовольствіе было ни съ чьимъ несравнительно, а особливо въ то время, когда по приближеніи въ сему городу

увидѣли мы краснѣющіяся уже въ дали кро ли домовъ онаго и возвышающіяся сверхъ оныхъ пышныя и величественныя башни и высокія колокольни церковей, въ немъ находящихся. Съ неперсыттымъ окомя и съ нѣкакимъ восхищеніемъ взиралъ я на сей обширный, на возвышенномъ мѣстѣ сядящій и съ той стороны, откуда мы шли, отиѣвно пышный и хорошій видъ имѣющій городъ и почиталъ его, власно какъ нѣкакимъ обиталищемъ благополучія и такимъ мѣстомъ, гдѣ мы имѣть будемъ безчисленныя утѣхи и удовольствія, и готовился уже заблаговременно къ онымъ.

Но я возвращусь къ порядку моего повѣствованія и начну теперь рассказывать вамъ все происходившее со мною тутъ по порядку.

Было то въ началѣ самой еще весны и въ исходѣ апрѣля мѣсяца, какъ мы дошли до сего столичнаго прусскаго города. По приближеніи къ оному, велѣно намъ было остановиться и обратиться какъ можно лучше и чище, для вступленія въ оный церемонію. Мы и постарались о семъ съ особеннымъ усердіемъ; и какъ всякому хотѣлось показать себя въ наилучшемъ видѣ, то не упущено было ничего, чтобъ только могло служить къ наилучшему украшенію. Все оружіе наше вычищено было какъ стекло; бѣлье надѣто самое чистое и мундиры самые лучшіе. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ старались мы другъ предъ другомъ о томъ, какъ чванлились, и съ какою гордою и пышною выстункою выступали мы передъ нашими взводами, шествуя, при играніи музыки и при битіи въ барабаны, по улицамъ сего города, которыя наполнены были многочисленнымъ народомъ; ибо, какъ жители были еще очень любопытны наши церемоніи видѣть, то не только всѣ окна, но и многія кровли унижены были людьми; а зрѣніе толь многочисленнаго народа наиболѣе и побуждало насъ хорохориться. Я находился тогда, какъ уже прежде было упомянуто, въ гренадерской ротѣ, и какъ у насъ шапки гренадерскія были тогда вожанія,

сдѣланныя на подобіе древнихъ шлемовъ или шишаковъ, съ перьями, а спереди мѣдною и позолоченною личиною, и головной уборъ сей былъ очень красивъ, а притомъ и перевязи гренадерскія были у насъ шитыя золотомъ, а сверхъ всего того, мнѣ довелось итти въ первомъ почти передъ полкомъ и вести самый первый взводъ нашихъ гренадеровъ—то я невѣдомо какъ старался итти и представлять собою фигуру лучше, и былъ столь выгоднаго о себѣ мнѣнія, что мнилъ, что всѣ всего болѣе на меня смотрѣли, хотя, безсомнѣнно, въ томъ крайне обманывался.

Вшествіе сіе было у насъ въ одинъ красивый день послѣ обѣда, и хотя по случаю досталось намъ въ городъ сей войти съ наихудшей стороны, да и итти все простыми и худшими улицами и закоулками, до квартиры тамошняго оберъ-коменданта г. Трейдена, однако намъ и самыя сіи послѣднія улицы казались сначала преузорочными, и мы смотрѣли на нихъ съ удовольственнымъ и любопытнымъ окомъ.

Поелику квартиры были для насъ уже отведены и посланными напередъ нашими передовыми заняты, то не успѣли мы дойти до квартиры нашего оберъ-коменданта, и отдавъ ему честь, оставить тутъ наши знамена, какъ и распущены были всѣ роты врознь по ихъ квартирамъ. Я тогда не шелъ, а паче летѣлъ за ведущимъ насъ фурьеромъ и неинако думалъ, что онъ приведетъ меня въ наипрекраснѣйшую квартиру. Но коль сильно обманулся я въ сѣмъ мнѣніи и какою досадою и неудовольствіемъ преисполнилось мое сердце, когда, вмѣсто пышной и прекрасной квартиры, привелъ онъ меня въ сущую мурью и такую лачугу, какой я всего меньше ожидалъ. Еще и идучи туда и проходя наилучшія въ городѣ улицы, площади и мѣста, досадовалъ я, для чего квартирмейстеръ нашъ былъ такъ глупъ и не велъ насъ сими мѣстами, а провелъ глухими улицами и переулками; однако досада сія улаждаема была тою жесткою надеждою, что по крайней мѣрѣ получу я квартиру хорошую, и что она неотмѣнно будетъ въ одномъ изъ тѣхъ

прекрасныхъ домовъ, мимо которыхъ мы шли, и того и ожидалъ, что фурьеръ меня остановитъ и скажетъ: «вотъ она». Но ожиданіе мое было тщетно, и онъ меня не только не останавливалъ, но проводя самыя лучшія улицы, завелъ въ глухіе и невѣмъ необитаемые узкіе переулки, находящіеся между ихъ такъ-называемыми шпиклерами, или огромной величины хлѣбными анбарами, для которыхъ въ сѣмъ городѣ отведенъ особый глухой и отъ лучшихъ городскихъ мѣстъ удаленный уголъ или кварталъ, и гдѣ построено ихъ было нѣсколько сотъ вмѣстѣ и сплошь одинъ подлѣ другого, и каждый таковой анбаръ составлялъ предлинное, узкое, но притомъ чрезвычайно высокое и этажей сѣмъ вверхъ простирающееся самое простое, грубое полукаменное зданіе; и какъ всѣ они раздѣлены на нѣсколько кварталовъ, отдѣляющимися между собою самыми узкими и темными проулками, сдѣланными для единаго проѣзда и провоза хлѣба, то проулки сіи были самыя глухіе, совсѣмъ пустыя и даже страшныя. И сими-то проулками и закоулками, между шпиклеровъ, повелъ меня проводникъ мой. Я изумился даже и не зналъ, что думать, съ досадою ему говорилъ: «умилосердись, братецъ, куда ты меня ведешь?» — Да на квартиру, ваше благородіе; вотъ она уже здѣсь близко. «Какъ близко?» прервалъ я ему съ удивленіемъ рѣчь: «неужели мнѣ въ такой глуши и въ такой пропасти стоять? Уже не въ шпиклерѣ ли какомъ ты ассигновалъ мнѣ квартиру?— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ: однако подлѣ самыхъ оныхъ, и, признаться надобно, что квартирка не очень весела; но лучше уже не нашли изъ всѣхъ назначенныхъ подъ роту, кромѣ капитанской. Слова сіи меня даже поразили; въ единый мигъ исчезли тогда всѣ пышныя и лествыя мои надежды и увеселительныя мысли, и я проклиналъ уже заблаговременно всѣхъ тѣхъ, которые намъ квартиры отводили; а какъ дошелъ и увидѣлъ дѣйствительно тотъ домъ, въ которомъ назначена мнѣ была квартира, то досада моя на нихъ еще увеличилась. Я падалъ имъ тысячу

изрядныхъ благословеній и ругая ихъ безъ милосердія, противъ хотѣнія, принужденъ былъ лѣзть по круглой и темной лѣстницѣ подъ самую кровлю и въ самый третій этажъ; и какъ путь сей былъ такъ темень, что ни зги не было видать, то, взлѣзая въ темнотѣ съ одной лѣстницы на другую, едва-было я не спотыкнулся и не сломилъ головы, и спасся только тѣмъ, что ухватился уже за канатъ, который вдоль сей лѣстницы у нихъ протягивается, и за который державшись должно всегда всходить вверху и сходить внизъ, но чего я сначала не вѣдалъ.

Теперь всякому легко можно заключить, сколь пріятно было мнѣ такое мрачное шествіе или взлѣзаніе по лѣстницѣ подъ самую почти кровлю, ибо покой, назначенные мнѣ, были въ третьемъ жилѣ; въ нижнихъ же этажахъ жилъ самъ хозяинъ того дома и нѣкоторые другіе пристава и работники, опредѣленные при помянутыхъ шпиклерахъ, подлѣ которыхъ вплоть съ краю примѣнута была сей домикъ. На мою часть достался хотя и весь третій этажъ дома, но въ которомъ и во всемъ не было болѣе двухъ комнатъ, одна длинная и узкая съ двумя небольшими окошечками въ одной стѣнѣ, для меня, а другая, чрезъ узенькія и темныя сѣнцы, въ которыхъ шла снизу вышеупомянутая круглая лѣстница, и такой же длины и величины—для людей, и обѣ онѣ были столь низки, что мы едва головами своими за потолокъ не дѣпали.

Итакъ, вмѣсто всей пышной и прекрасной квартиры, получилъ я весьма-весьма посредственную и, что всего для меня досаднѣе, темную и весьма скучную, ибо и самый видъ изъ окошекъ простирался на одни только почти шпиклеры, и ничего хорошаго изъ нихъ было не видно. Что-жъ касается до хозяевъ, то были они люди самые бѣдные и такіе, у которыхъ мы не могли не только чего иного, но и никакой бездѣльной посуды, для принесенія воды и на прочія надобности, добиться. Досадно мнѣ все сіе было чрезвычайно, и я такъ недоволенъ былъ

моею квартирою, что не преминулъ въ тотъ же день жаловаться о томъ моему капитану и просить, чтобъ постарался онъ доставить мнѣ квартиру сколько-нибудь лучше. И какъ капитанъ мой меня любилъ, то онъ сего и не преминулъ сдѣлать, и, по дружбѣ своей, произвелъ то, что я чрезъ нѣсколько дней получилъ другую и несравненно уже лучшую и такую квартиру, которую я былъ совершенно доволенъ. Но какъ прежде не жели получилъ я сію новую квартиру и на ее переѣхалъ, произошло со мною уже нѣчто такое, о чемъ упомянуть не будетъ излишнимъ, то и перескажу о томъ прежде.

Не успѣли мы расположиться на квартирахъ и кое-какъ обострожиться, какъ съ нетерпѣливостью хотѣлось намъ удовольствоваться давнишнее свое желаніе, и весь сей славный для насъ городъ выходить и осмотрѣть. Я предпріялъ путешествіе сіе на другой же день послѣ нашего прибытія и обѣгалъ всѣ наилучшія площади, улицы и мѣста сего города, и не могъ довольно налюбоваться красотой и пышностью многихъ улицъ, а особливо такъ-называемой Кнейпгофской большой улицы, которую наши тотчасъ окрестили по своему и назвали Мильйонною, потому что вся она была не только прямая, но состояла изъ наилучшихъ и богатѣйшихъ домовъ въ городѣ. Не съ меньшимъ любопытствомъ смотрѣлъ я также и на старинный замокъ, или дворецъ прежнихъ владѣтелей прусскихъ. Сіе огромное четверугольное, воздвигнутое на горѣ и несовсѣмъ начисто отдѣланное зданіе, придавало всему городу важный и пышный видъ, а особливо построенною, на одномъ углѣ онаго, превысокою четверугольною и никакого шпица и верха неимѣющею башнею, на верху которой развѣвался только одинъ большой флагъ и видѣны были всегда люди, живущіе тамъ для содержанія караула. Однако я оставляю описаніе сего города до другого случая, а теперь расскажу вамъ, любезный пріятель, что путешествіе мое въ сей день не кончилось одною пустою ходьбою, но я возвратился на квартиру свою обремененъ

будучи нѣкоторыми бездѣлушками, которыя тогда казались мнѣ найдрагоцѣннѣйшими вещми въ свѣтѣ, и коихъ приобрѣтеніе причиняло мнѣ безконечную радость и удовольствіе. Но какія-бы они были? Сего вамъ никакъ не угадать, любезный пріятель, ибо вамъ и на умъ того приттять не можетъ, что меня такъ обрадовало.

Вы знаете уже то, что я изъ малодѣтства былъ превеликій охотникъ не только до книгъ и до читанія, но и до рисованья, и что для меня всегда наибліжайшее было упражненіе гваздать и марать кое-что красками. Теперь скажу, что ходючи тогда по городу, случилось мнѣ съ одной улицы на другую проходить маленькимъ скрытымъ проулкомъ, наполненнымъ лавочками съ разными товарами. Такъ случилось, что въ самое то время стоялъ предъ одною изъ сихъ лавочекъ какой-то человекъ и разсматривалъ печатныя картинки. Увидѣвъ сіе и будучи крайнимъ до нихъ охотникомъ, тотчасъ я подступилъ къ нему и началъ виѣстѣ съ нимъ перебирать оныя. Лавочникъ примѣтивъ, что и я съ любопытствомъ ихъ пересматриваю, досталъ еще цѣлыя кипы сихъ листочковъ и положилъ на прилавокъ. — Что это, спросилъ я, неужели все картины? «Такъ», отвѣтствовалъ онъ, «это все эстампы и не угодны ли которые изъ нихъ будутъ». Нельзя изобразить, какъ обрадовался я, увидѣвъ ихъ тутъ нѣсколько сотъ и разныхъ сортовъ и иные раскрашенные красками, а другіе черные. Я позабылъ тогда все на свѣтѣ и, отложивъ дальнѣйшую ходьбу, сѣлъ себѣ на прилавокъ и положилъ всѣ пересмотрѣть. Но не успѣлъ я начать сіе наибліжайшее для меня упражненіе, какъ лавочникъ, подавая еще матерую кипку, говорилъ: «вотъ, негодно ли проспективическихъ видовъ?» — Какіе проспективическіе? спросилъ я изумившись. «А вотъ что смотреть сквозь стекло въ ящичкѣ». Кровь во мнѣ взволновалась вся при семъ словѣ. — Какъ, сказалъ я, обрадуюсь чрезвычайно, и они у тебя есть? — «Есть, отвѣтствовалъ онъ, и какіе

вамъ угодны, илюминированные и не-илюминированные», — и сталъ тотчасъ развязывать и показывать ихъ. Нельзя довольно изобразить, съ какимъ восхищеніемъ разсматривалъ я оныя, ибо надобно знать, что видѣнный въ Торунѣ проспективическій ящичъ такъ мнѣ полюбился, что онъ у меня съ ума не сходилъ и я невѣдомо что далъ бы, еслибъ могъ имѣть такой же; а какъ тутъ противъ всякаго чаянія увидѣлъ я здрядныя проспективическія и притомъ очень дешевыя картины, то въ единый мигъ положилъ намѣреніе, накупивъ ихъ, отвѣдать смастерить себѣ такой же. Но удовольствіе мое было еще больше, когда, спросивъ у лавочника, нѣтъ ли у него и такого круглаго стекла, какое при томъ употребляется, услышалъ, что и стеклушко одно у него есть. А тотчасъ ссыскаю было и зеркало, и лавочникъ научилъ меня, какъ и безъ ящичка можно смотрѣть на сія картины. О, сколько я благодаренъ былъ ему за сіе показаніе! ибо сіе подтвердило мнѣ, что никакого дальняго искусства не требовалось къ сооруженію и ящичка. Словомъ, я такъ былъ всѣмъ симъ удовольствованъ, что сколько тогда ни случилось со мною денегъ, всѣ оныя употребилъ на покупку сихъ картинъ. А какъ къ величайшему моему удовольствію нашелъ я тутъ же и цѣлыя ящички съ приготовленными въ раковинахъ разными красками и другими рисовальными збурами, то и разсудилъ я купить лучше картины нераскрашенные и разрисовать послѣ самому, дабы онѣ не такъ дурно были разгвазданы, какъ продажныя, илюминированныя. Однимъ словомъ, я накупилъ себѣ множество и красокъ, и картинъ и возвратился домой, власно какъ снискавъ себѣ превеликое какое сокровище, и путешвіемъ своимъ въ сей день былъ крайне доволенъ.

Какъ я отъ природы весьма нетерпѣливъ во всемъ томъ, чего мнѣ захочется, то сія нетерпѣливость причиною тому была, что на другой же послѣ того день принялся я за работу и началъ раз-

рисовывать красками пѣкоторыя изъ купленныхъ картинъ. Но вообразите себѣ, какая должна была быть для меня досада, когда въ самое то время пришли мнѣ сказывать, что полку нашему велѣно уже смѣнять съ караула тутъ находившійся другой, и что нарядъ уже сдѣланъ и мнѣ самому досталось иттить въ караулъ. Чтѣ было тогда дѣлать? Я принужденъ былъ покидать свою начатую работу и собираться иттить противъ хотѣнія въ караулъ, и на цѣлую еще недѣлю. Къ вѣщей досадѣ, досталось мнѣ стоять подлѣ однихъ городскихъ воротъ и тутъ всю недѣлю препроводить въ темномъ и наискучнѣйшемъ казематѣ или палаткѣ, сдѣланной въ валу, подлѣ воротъ. Но какъ пережить того было не можно, скука же меня даже переломила, то чтѣ-жъ я сдѣлалъ? вмѣсто того, чтобъ время свое препроводить тутъ въ праздности и спать, какъ другіе дѣлали, велѣлъ я принести къ себѣ и краски и картины и началъ ихъ, усѣвшись подъ окошкомъ, разрисовывать. Работа сія была мнѣ хотя и не весьма способна, ибо принужденъ я былъ производить ее въ мундирѣ и имѣя на себѣ и шарфъ и знакъ, однако имѣлъ я ту пользу, что она не давала чувствовать мнѣ скуку, отъ которой, живучи въ такой мурѣ, вздуриться наконецъ надлежало. И какъ я имѣлъ къ тому совершенный досугъ и могъ непрерывно работать, то въ недѣлю сію разрисовалъ я картинъ великое множество, а между тѣмъ придумалъ средство, какъ мнѣ лучше смастерить и свой затѣваемый перспективической ящикъ.

Впрочемъ, службу сію, которая была самая послѣдняя въ моеи жизни, отъправилъ я благополучно и со всею надлежащею исправностью; однако не прошла-жъ она и безъ смѣшного приключенія. Извѣстное то дѣло, что стояніе на таковыхъ караулахъ не столько досадно днемъ, сколько ночью; ибо какъ въ ночное время надлежало еще больше имѣть осторожности и быть всякій часъ въ готовности для принятія ходящихъ дозоровъ и рундовъ, то необходимость заставляла и всю ночь быть въ мундирѣ, и въ шарфѣ

и знакѣ. Я наблюдалъ сіе исправно; но въ одинъ день, какъ назначено было ходить ночью рундомъ прежнему сотоварищу моему, г. Головачеву, то онъ, любя меня и жалѣя о моемъ безпокойствѣ, прислалъ ко мнѣ записочку, извѣщая, что рундомъ въ ту ночь назначено ходить кругомъ всего города ему, но что онъ однако не пойдетъ, и я спалъ бы себѣ благополучно и безъ всякаго опасенія. Записочка сія меня очень обрадовала, ибо какъ я уже нѣсколько ночей спалъ въ мундирѣ и обутый, и ноги меня въ особенности уже и гораздо безпокоили, то, положась я на нее, по наступленіи ночи, улегся спать уже нѣсколько поспокойнѣе, и не только скинулъ съ себя мундиръ, но и сапоги самые. Но чтѣ-жъ воспослѣдовало? Не успѣла наступить полночь, и я только что разоспался, какъ вдругъ закричали: «рундъ, рундъ, рундъ!» и сержантъ, безъ памяти прибѣжавъ, будилъ меня и кричалъ, чтобъ я скорѣе выходилъ принимать рундъ, который былъ уже въ самой близости. Господи! какъ я тогда симъ перетревожился! Будучи нечаянно и вдругъ разбуженъ, вскочилъ я, власно какъ безъ ума и ошалѣвшій, и не зная, чтѣ дѣлать и чтѣ начинать; бѣгалъ только кругомъ по караульнѣ и кричалъ: «охъ, охъ, какая бѣда!» Между тѣмъ слуга спѣшилъ подавать мнѣ мундиръ и надѣвать, а вѣстовой держалъ уже шарфъ и знакъ, а самъ я, не помня самъ себя, спѣшилъ надѣвать скорѣе сапоги и былъ такъ спутанъ, что, при слабомъ свѣтѣ отъ горящей свѣчки и отъ поспѣшности, не могъ даже сапоговъ надѣть, а чтѣ того еще хуже, то начавъ надѣвать превратно и носками назадъ, такъ ногу увязилъ, что и скинуть было трудно. Къ вѣщему несчастію, въ самое то время закричали, что рундъ уже пришелъ. Чтѣ было тогда дѣлать? Я вздурился, и такъ оробѣлъ, что не вспомнилъ самъ себя, но схватилъ скорѣе шляпу и, позабывъ, что одна нога была еще вовсе не обута, а другая только что всунута въ сапогъ, побѣжалъ изъ караульни встрѣчать сей проклятый рундъ, и я не знаю, чтѣ-бъ со мною было, еслибъ

я въ такомъ смѣшномъ нарядѣ передъ фрунтъ выбѣжалъ. Мнѣ кажется, весь фрунтъ покатылся-бы со смѣха; но, по счастью, не дошло до того дѣла, и я благополучно отъ сего замѣшательства и стыда избавился; ибо г. Головачевъ, зная, что я по его же увѣренію нахожусь въ безопасности и сплю, не имѣлъ и на умѣ взмывавать на мнѣ, что я неостороженъ, но самъ еще спѣшилъ войти ко мнѣ въ караульню и сказать, чтобы я не тревожился. Но теперь вообразите-жь себѣ, не долженъ ли онъ былъ покатыться со смѣха, увидѣвъ меня помянутымъ образомъ полуобутаго, но въ мундирѣ и въ шарфѣ по караульнѣ бѣгающаго. — «Ну хорошъ, хорошъ! закричалъ онъ захохотавъ: «прямо воинъ! только что стоять на караулахъ!» — Да! отвѣтствовалъ я опомнившись тогда: а все это отъ тебѣ и отъ записочки твоей, проклятой! вѣдь меня на смерть и такъ перепугали, что я и теперь самъ себя не помню. На что-бы сказывать, что не пойдешь. — «Какъ быть, братецъ, сказалъ онъ: я и дѣйствительно не хотѣлъ иттить, но меня неволею протурили; я самъ тому не радъ, но по крайней мѣрѣ ложись-ка, ложись опять спать, а мнѣ пора иттить далѣе».

Онъ и дѣйствительно оставилъ меня съ покоемъ и пошелъ далѣе, а симъ и кончилось сіе смѣшное приключеніе, которое было мнѣ очень долго памятно. А на другой день послѣ того смѣнили насъ съ караула другіе полку нашего офицеры, и я имѣлъ удовольствіе возвратиться въ свою роту и притить совсѣмъ уже на иную, несравненно-лучшую квартиру, которую между тѣмъ, какъ мы стояли на караулѣ, отвели мнѣ по просьбѣ моего капитана и которою я былъ крайне доволенъ.

Симъ окончу я сіе мое письмо и предоставивъ прочее череду, скажу, что я есмь вашъ и прочее.

Письмо 59-е.

Любезный пріятель! Квартира, которую мнѣ вновь отвели, была хотя неподалеку отъ прежней, но находилась

уже въ порядочной и веселой улицѣ, простирающейся вдоль подлѣ берега рѣки Прегеля и неподалеку отъ пристани, гдѣ приставали и выгружались съ моря суда; а что того лучше, то домъ сей былъ наугольный, подлѣ одного водяного и нарочитой ширины канала, чрезъ который передъ окнами моими былъ мостъ; а какъ я получилъ для себя нижній и самый лучший наугольный и порядочно прибранный покой съ четырьмя большими окнами, то былъ онъ очень веселъ и свѣтелъ, чѣмъ я въ особенности былъ доволенъ. Впрочемъ, принадлежалъ онъ одной старушкѣ, вдовѣ одного корабельщика, которая жила въ другомъ покоѣ чрезъ сѣни, а въ верхнемъ этажѣ жили ея дѣти. Для людей же моихъ отведенъ былъ особый задній покой, и какъ хозяйка моя была старушка тихая и добрая, то лучшей и покойнѣйшей квартиры не могъ я для себя требовать; а если что меня иногда обезпокоивало, то было то, что въ другомъ покоѣ, черезъ сѣни, содержала хозяйка нѣкоторый родъ шинка, въ который всякой день собирались голандцы-шкелпера и другіе мореплаватели, и препровождали время свое въ разговорахъ, въ куреніи табаку и въ распиваніи пива. Итакъ шумъ, производимый иногда ими, мнѣ наскучивалъ, однако по крайней мѣрѣ не дѣлали они никакихъ безпутствъ и безчинія, а все было у нихъ порядочно и хорошо. Сверхъ того, замѣнъ сего безпокойства, имѣлъ я всякой день удовольствіе слушать изрядную и пріятную игру на скрипичахъ, производимую живущими надо мною хозяйскими дѣтми. Наконецъ и то было мнѣ пріятно, что квартира моя была прямо чрезъ улицу напротивъ капитанской, также что къ самой той же улицѣ, чрезъ нѣсколько дворовъ, стояли и нѣкоторые изъ лучшихъ моихъ пріятелей, а особливо прежде бывшій мой компаньонъ г. Нейцлинъ, и я могъ со всѣми ими часто видѣться.

Не успѣлъ я на новой квартирѣ осмотрѣться и получить свободное время, какъ пустился опять въ путешествіе и осматриваніе тѣхъ мѣстъ и улицъ въ городѣ, въ

которыхъ мнѣ быть еще не случилось. Нѣсколько дней сряду рыскалъ я по городу и препровождалъ ихъ въ таковыхъ путешествіяхъ, и прихаживалъ домой уставши до полусмерти, а тутъ принимался я тотчасъ за свои картины и за раскрашиваніе оныхъ; а какъ и сооруженіе и самаго ящика не выходило у меня изъ ума, то принялся я и за дѣланіе онаго. Обстоятельство, что большой и такого сорта ящикъ, какой видѣлъ я въ Торунѣ, не удобенъ былъ для возки его съ собою въ походахъ, поелику онъ одинъ въ состояніи былъ занимать очень много мѣста въ кибиткѣ, было причиною тому, что я принужденъ былъ сдѣлаться въ первый разъ отъ роду и поневолѣ инвенторомъ, и выдумывать особый видъ устройства сего ящика, а именно, чтобъ расположить и сдѣлать его такъ, чтобъ совсѣмъ онъ могъ разбираться и складываться и, будучи разобраннымъ, могъ занимать въ сундукѣ очень малое мѣсто. Признаюсь, что какъ я никогда еще въ выдумкахъ сего рода не упражнялся, то сначала дѣло сіе меня очень озобочивало; но чего не можетъ преодолѣть нетерпѣливое желаніе и любопытство? Черезъ немногіе дни удалось мнѣ выдумать и смастерить такой, что понинѣ еще дивлюсь, какъ я могъ тогда такой сдѣлать; ибо мнѣ на сей разъ принуждено было быть и столяромъ, и шлесаремъ, и клепальщикомъ, и лакировальщикомъ, потому что всѣ бока и стѣнки онаго сдѣлалъ я изъ толстой политурной бумаги; а дабы они не могли коробиться, а притомъ складывались, то края всѣ укрѣпилъ тоненькими деревянными брусочками; для соединенія же всѣхъ боковъ надѣлано было множество крючковъ, петельекъ и пробойчиковъ. Наконецъ всю наружность онаго раскрасилъ я разными красками, и укрѣпивъ по онымъ маленькими вырѣзанными изъ картинокъ купидончиками, птичками и цвѣтками и наконецъ покрылъ лакомъ. Словомъ, я сдѣлалъ ящичекъ не только самый походный и уютный, но и не постыдный для показанія всякому. Всѣ офицеры не могли надивиться моею выдумкѣ и искус-

ству, и саживались ко мнѣ толпами смотрѣть картинки и любоваться ими. А какъ и сіи не только были сами по себѣ довольно изрядныя и изображали виды всѣхъ лучшихъ мѣстъ и улицъ въ городѣ Венеціи и многихъ другихъ знатнѣйшихъ европейскихъ городовъ, но и разрисованы были мною подѣ натуру — то не могли они довольно ихъ насмотрѣться, а мнѣ довольно приписать похвалъ за мою выдумку и искусство.

Словомъ, сей первый опытъ способности моей къ выдумкамъ и изобрѣтеніямъ, приобрѣлъ мнѣ въ полку много чести. Всѣ стали почитать меня превеликимъ хитрецомъ и выдумщикомъ, а сіе и ласкало невѣдомо какъ моему честолюбію и, производя мнѣ неописанное удовольствіе, побуждало часъ-отъ-часу еще больше упражняться въ дѣлахъ, сему подобныхъ. А чтобъ меня еще болѣе тѣмъ занять, то судьба, власно, какъ нарочно, преподала мнѣ вскорѣ послѣ того еще случай увидѣть и узнать еще многое такое, чего я никогда не видывалъ и чтѣ въ состояніи было не только увеселить меня чрезвычайно, но встревожить вновь мое любопытство и возбудить охоту къ дальнѣйшимъ выдумкамъ и узнаванію вещей, до того относящихся.

На самой той улицѣ, гдѣ я стоялъ, и неподалеку отъ насъ, случилось жить одному ученому и такому человѣку, который упражнялся въ шлифованіи стесколы и въ дѣланіи всякаго рода оптическихъ машинъ и другихъ физическихъ инструментовъ. Къ сему человѣку завелъ меня одинъ изъ моихъ знакомцевъ, и я не знаю, на землѣ ли я или индѣ былъ въ тѣ минуты, въ которыя показывалъ онъ мнѣ разныя свои и мною еще никогда невиданныя вещи и инструменты. Прекрасныя его и разныя микроскопы, о которыхъ я до того времени и понятія не имѣлъ, приводили меня въ восхищеніе. Я не могъ устать цѣлый часъ смотрѣть въ нихъ на всѣ маленькія показываемыя имъ мнѣ вещицы, а особливо на чрезвычайно-малыхъ животныхъ, которыхъ я видѣлъ тутъ въ одной капелькѣ воды, бѣгаю-

приходятъ мнѣ на мысль тогдашнія времена, то и понинѣ не могу довольно надвинуться тому, какимъ образомъ я тогда отъ сего зла свободился. Цѣлому стеченію многихъ и разныхъ особенныхъ обстоятельствъ надлежало быть къ тому, чтобъ избавить меня отъ тѣхъ опасностей, которыми я окружонъ былъ и руцѣ Господней, или паче промыслу Его, пещущему обо мнѣ, принуждено было насильно исторгнуть меня изъ среды общества людей, толико развращенныхъ и опасныхъ, и учинивъ со мною то, чего мнѣ никогда и на умъ не приходило, доставить такое мѣсто и влестъ въ такія обстоятельства, которыя должныствовали сами собою поспѣшествовать къ моему спасенію.

Но какъ все сіе для васъ не весьма понятно, то объясню вамъ дѣло сіе короче и разскажу обстоятельнѣе о сей весьма важной эпохѣ моей жизни и обо всемъ томъ, чтѣ къ спасенію моему тогда поспѣшествовало.

Наипервѣйшимъ обстоятельствомъ, помогавшимъ мнѣ много въ тогдашнее время, была та преждеупоминаемая, врожденная въ меня натуральная застѣнчивость и стыдливость, которой подверженъ я былъ съ малолѣтства, и которая и тогда такъ еще была велика, что для меня всегда превеликая комиссія была, если случалось иногда бывать съ незнакомыми женщинами вмѣстѣ и упражняться съ ними въ разговорахъ. Самое сіе и предохраняло меня отъ той дерзости, наиваства и отваги, каковую другіе мои братья имѣли и при помощи которой могли они тотчасъ сводить съ ними лады и знакомство, и которая вводила ихъ во всѣ безпутства. Что касается до меня, то былъ я въ таковыхъ случаяхъ сущемою красною дѣвкою и мнѣ совѣстно и стыдно было и наималѣйшія производить съ ними шутки и издѣвки, а того меньше начинать съ ними какія-нибудь вольности. Къ сему весьма много поспѣшествовало и то, что какъ съ малолѣтства имѣлъ я случай читать нѣкоторыя поэмы и любовныя исторіи, въ коихъ любовь изобра-

жена была нѣжная, чистая и непорочная, а не грубая и распутная; то наковившись сими мыслями, имѣлъ я объ ней самыя нѣжныя, романтическія понятія; и потому, такое обхожденіе съ женщинами, какое видалъ я у другихъ, казалось мнѣ слишкомъ грубымъ, гнуснымъ и подлымъ, и я никакъ не могъ себя приучить къ вольному и къ таковому наглому и безстыдному обхожденію съ ними, какъ другіе; но для меня превеликая комиссія была и начинать говорить съ ними, а особливо съ незнакомыми, и самого сего не могъ я никогда учинить, незакрасѣвшись и не сдѣлавъ себѣ превеликаго насилія. Черта характера, хотя сама по себѣ смѣшная, но обращающаяся мнѣ во всю мою жизнь въ превеликую пользу.

Другимъ, весьма много помогшимъ мнѣ обстоятельствомъ была та счастливая случайность, что на обѣихъ моихъ квартирахъ не было ни одной молодой женщины и дѣвки, могущей привлечь къ себѣ вниманіе молодого человѣка, а если и были женщины, такъ все старыя и дурныя. Чрезъ сіе избавился я случайнымъ образомъ не только самъ отъ поводовъ къ искушенію, могущихъ, какъ извѣстно, всего болѣе дѣйствовать и доводить человѣка до всего худого, но вкуцѣ и отъ частаго посѣщенія своихъ товарищей; ибо у нихъ то въ обыкновеніе уже вошло, чтобъ къ тому изъ своей братьи и ходить и того чаще и навѣщать, у кого на квартирѣ были хорошія хозяйскія дѣвки, и у таковыхъ были у нихъ обыкновенно сборища; а поелику у меня на квартирѣ не было ничего для нихъ привлекательнаго, то и не имѣли они охоты часто меня посѣщать и просиживать долго, а буде когда и захаживали, такъ наиболѣе для подзыванія съ собою иттить гулять.

Третьимъ обстоятельствомъ, удерживавшимъ меня отъ распутной жизни, было то, что не успѣлъ я смѣнитъ съ караула, какъ на другой день послѣ того случилось мнѣ видѣть погребеніе одного молодого офицера, стоявшаго тутъ до насъ другого полка и умершаго нажалостнѣйшимъ образомъ отъ венерической бо-

лѣзни, нажитой имъ во время стоянія въ самъ городъ. Сіе зрѣлище, также всеобщая молва и удостовѣренія отъ многихъ, что никто почти изъ офицеровъ, упражнявшихся въ такомъ же ремеслѣ, цѣлѣмъ неоставался, но всѣ какой-нибудь изъ гнусныхъ болѣзней сихъ сдѣлались подверженными, впечатлѣно въ сердце моеѣмъ такой страхъ и отвращеніе, что я тогда же еще самъ въ себѣ положилъ невозможнѣйшимъ образомъ отъ всѣхъ тамошнихъ женщинъ убѣгать и отъ нихъ, какъ отъ нѣкоего яда и заразы, страшиться и остерегаться. А сіе много мнѣ и помогало въ тогдашнее опасное время и причиною тому было, что я никакъ несоглашался дѣлать подзвывающимъ нерѣдко меня товарищамъ своимъ компанію и ходить вмѣстѣ съ ними въ сумнительные и подозрительные дома, но охотнѣе сидѣлъ и упражнялся въ своихъ работахъ.

Но всѣ сіи обстоятельства и ниже самая охота моя къ книгамъ и ко всякимъ любопытнымъ упражненіямъ, не въ состояніи бы была спасти меня отъ нихъ и отъ всѣхъ соблазновъ и искушеній, какимъ почти ежедневно подверженъ я былъ отъ сихъ моихъ товарищей и друзей, употребляющихъ даже самую хитрости и обману для запутанія меня въ сѣти, еслибъ не вступила въ посредство самая судьба и невидимою рукою не отвлекла меня отъ пропасти, на краю которой я находился. Она учинила сіе, произведя вдругъ совсѣмъ неожиданную въ обстоятельствахъ моихъ и такую переимѣну, которая отлучила меня отъ прежнихъ товарищей моихъ, только мнѣ опасныхъ, и положила препопу къ частому съ ними свиданію, и произвела сіе слѣдующимъ образомъ:

Какъ правленіе всѣмъ королевствомъ Прусскимъ зависѣло тогда отъ насъ, но для управленія онымъ не опредѣлено еще было никакого особаго человѣка, а носился только слухъ, что присланъ будетъ особый губернаторъ — то до того времени управлялъ всѣми дѣлами, относящимися до внутренняго управленія

симъ государствомъ, а особливо до собранія податей и доходовъ, нѣкто изъ нашихъ бригадиръ, по имени Нумерсъ. У сего человѣка были тогда въ вѣдомствѣ всѣ прусскія правленія, коллегіи и канцеляріи. Но какъ всѣ они наполнены были тамошними судьями и канцелярскими служителями, нашихъ же никого съ ними не было, то хотѣлось ему давно имѣть въ тамошней каморѣ, имѣющей въ вѣдомствѣ своемъ всѣ государственные доходы, кого-нибудь изъ своихъ офицеровъ, разумѣющихъ нѣмецкій языкъ и могущаго записывать всѣ вступающіе приходы и расходы и вносить въ особливныя, данныя отъ него книги. Таковаго человѣка давно онъ уже искалъ; но какъ въ полкахъ, стоявшихъ тутъ до насъ, не было никого къ тому способнаго, то по пришествіи нашего полку онъ началъ разспрашивать и распровѣдывать, нѣтъ ли у насъ таковаго.

Такъ случилось, что поговорить ему о томъ вздумалось съ самимъ моимъ капитаномъ, г. Гневушевымъ, отправлявшимъ тогда должность плацъ-майора въ городъ, и судьбѣ было угодно, чтобъ сему человѣку не съ другого слова рекомендовать къ тому меня. Онъ, любя меня, насквозь столько обо мнѣ и о способностяхъ моихъ помянутому бригадиру, что онъ на другой же день отъ полку меня истребовалъ и тотчасъ препоручилъ мнѣ вышеупомянутую комиссію.

Нельзя довольно изобразить, какъ удивился я, получивъ отъ полку вдругъ, и противъ всякаго чаянія моего, приказаніе, чтобъ явиться къ бригадиру Нумерсу, а въ полку чтобъ числить меня въ отлучкѣ. Я не зналъ тогда, что это значило и зачѣмъ меня къ нему посылали. Но какъ во все продолженіе моей службы я за правило себѣ поставлялъ, чтобъ, не вѣдая гдѣ можно найти и гдѣ потерять, никогда самому собою ни въ какую команду не пабиваться, а куда стануть посылать — не отбиваться, то безъ прекословія повпновался я сему повелѣнію и на другой же день явился къ моему новому командиру.

Госпоинъ Нумерсъ принялъ меня очень ласково и, поговоривъ со мною нѣсколько по-нѣмецки, приказалъ мнѣ, чтобъ я что-нибудь написалъ; и какъ я по-нѣмецки писалъ нарочито хорошо, то, сколько казалось, рукою моею былъ онъ очень доволенъ. Онъ въ тотъ же часъ повѣхалъ со мною въ камору и отдалъ меня на руки одному старичку, совѣтнику, по имени Бруно. приказавъ ему препоручить мнѣ то дѣло, о которомъ онъ съ нимъ давно уже говорилъ, и имѣть за мною смотрѣніе.

Старичокъ этотъ показался мнѣ весьма тихимъ и добренькимъ человѣчкомъ. Онъ, обласкавъ меня, отвелъ тотчасъ въ особливую и въ побочную подлѣ себя комнату и ассигновалъ мнѣ для сидѣнія мѣсто. И какъ книги бѣлыя были у нихъ уже готовы, то и показалъ мнѣ, какъ и что мнѣ въ нихъ писать, и далъ всѣ нужныя наставленія, почему и долженъ былъ я тогда же начинать свою работу и списывать съ нихъ по-нѣмецки, что было предписано.

Такимъ образомъ сдѣлался я вдругъ изъ военнаго человѣка приказнымъ, или по крайней мѣрѣ, долженъ былъ имѣть дѣло уже не съ ружьемъ, а съ перомъ и чернилами. Переимѣна сія была мнѣ тогда не весьма пріятна. Комиссія моя была хотя и не трудная и состояла только въ переписываніи тетрадей со счетами, даваемыхъ мнѣ отъ помянутаго старичка, въ бѣлыя шнуровыя книги, но обстоятельство, что я принужденъ былъ ходить въ камору всякой день и сидѣть въ ней не только все утро до обѣда, но и послѣ обѣда, до самаго почти вечера, и ничего иного не дѣлать, какъ писать и переписывать такое, что не лѣзло въ мою голову и было для меня непонятно, а что того хуже—сидѣть одинъ и въ сущемъ уединеніи, въ прелезливой, скучной и темной палатѣ, освѣщаемой только двумя закоптѣвшими окнами съ желѣзными рѣшетками и при томъ еще не подъ окнами, а въ удаленіи отъ оныхъ—слѣдовательно, сидѣть какъ птичка въ заперти, и препровождать наилучшее внешнее время въ году не только въ непрерывныхъ трудахъ и

работѣ, но въ прескучномъ уединеніи, не имѣя никого съ кѣмъ бы могъ промолвить слово: сіе обстоятельство, говорю, было мнѣ, а особливо сначала, когда дѣла было очень много, очень и очень неприятно, и заставляло не одинъ разъ тужить о потерянной вольности, которою пользовался я до того времени, и коему тогда могъ уже наслаждаться только въ одни праздничные и воскресные дни, да въ немпогіе часы въ полдни и передъ вечеромъ.

Совсѣмъ тѣмъ была пріятна сія въ обстоятельствахъ моихъ мнѣ существенно полезна, и я и понинѣ не могу еще довольно возблагодарить судьбу, что она со мною тогда сіе учинила, ибо я избавился чрезъ то отъ всѣхъ прежнихъ моихъ опасностей; ибо какъ меня никогда не было дома, то всѣ прежніе мои друзья и товарищи мало-по-малу и отучились приходить ко мнѣ то и дѣло, для посѣщенія и подзыватья меня съ собою въ трактиры и другія увеселительныя мѣста для гулянья; а составивъ уже между собою общества и ватаги, упражнялись одни въ своихъ забавахъ и утѣхахъ, меня же, какъ нѣкоторымъ образомъ отъ полку отлученнаго и къ обществу ихъ непрінадлежащаго, оставили съ повоемъ и къ ватагамъ своимъ не приобщали, тѣмъ я весьма былъ и доволенъ.

Другая и важнѣйшая польза происекла отъ сей переимѣны та, что пребываніемъ моимъ въ каморѣ власно какъ проложенъ былъ мнѣ путь къ другой, послѣдующей затѣмъ и гораздо еще важнѣйшей переимѣны, которая обратилась мнѣ въ безконечную пользу, какъ о томъ упомяну я впредь въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ сдѣлавшись, противъ всякаго чаянія, оторваннымъ и независимымъ отъ полку, началъ я провождать совсѣмъ новый и для меня необыкновенный родъ жизни, которая сначала хотя показалась мнѣ весьма скучною, но какъ во всему привыкнуть можно, то въ короткое время сдѣлалась мнѣ нарочито сносною, и я ни мало уже на нее не жаловался, но, привыкнувъ мало-по-малу къ

тихой и уединенной жизни, сталъ находить въ оной нѣсколько и удовольствія. Все тогдашнее мое время препровождаемо было слѣдующимъ образомъ; въ каждый день поутру, вставши и напившись чаю и одѣвшись, отправлялся я въ путь къ своей каморѣ. Разстояніе отъ ней до моей квартиры было хотя не малое и простиралось болѣе нежели на полторы версты, однако хаживалъ я обыкновенно одинъ и пѣшечкомъ, и какъ, по счастью, кратчайшій путь туда лежалъ по хорошимъ улицамъ и мостовымъ, то путешествія сіи никогда мнѣ не наскучивали, но хожденіе сіе посиѣствовало еще много моему здоровью. Пришедъ въ камору, садился я обыкновенно за свой столъ и, не сходя съ мѣста, проработывалъ до самаго перваго часа. Въ сіе время надоѣдало мнѣ только нѣсколько мое уединеніе; ибо главные покои сей каморы, гдѣ было множество писцовъ, были отъ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, нѣсколько удалены, а тутъ находились только три комнаты, изъ коихъ въ одной сидѣлъ помянутый старичокъ, совѣтникъ, у котораго былъ я подъ надзираніемъ, въ другой я, а въ третьей, маленькой, главный приходчикъ или приематель собираемыхъ доходовъ. Но какъ въ нѣмецкихъ канцеляріяхъ совсѣмъ не такіа обыкновенія, какъ у насъ, и всѣми канцелярскими служителями не принимаются никакія вольности въ разговорахъ и не препровождается время въ смѣхахъ и балагуреньяхъ, но всякій изъ нихъ сидитъ какъ вкопанный на своемъ мѣстѣ и занимается своимъ дѣломъ наиприлежнѣйшимъ образомъ, и у нихъ не только нѣтъ никогда шума и сумятицы, но наблюдается во всемъ благопристойность, тихость и совершенный порядокъ — то и помянутые оба сосѣди мои занимались всегда и столь прилежно своими дѣлами, что мнѣ въ дѣла сутки не удавалось иногда промолвить съ ними ни единого слова; о вступленіи-жъ въ какіе-нибудь разговоры и помыслить было не можно. Сверхъ того, не только сіи господа, но и всѣ лучшіе жители города Кенігсберга вообще имѣ-

ли какъ-то нѣкоторое отвращеніе отъ всѣхъ насъ, русскихъ, и вѣсно какъ умыленно старались всячески отъ насъ и отъ повѣреннаго, откровеннаго и дружелюбнаго обхожденія съ нами убѣгать и удаляться, почему и неудивительно, что хотя я немалое время при сей должности въ каморѣ пробылъ и хотя, оказывая обоимъ моимъ сосѣдямъ возможнѣйшее учтивство, всячески старался съ ними сколько-нибудь поближе познакомиться, однако всѣ мои старанія были тщетны. Они соотвѣтствовали мнѣ таковыми-жъ только учтивостями, но болѣе сего не могъ я ничего отъ нихъ добиться; ибо хотя я и ежедневно ожидалъ, чтобъ который-нибудь пригласилъ меня изъ нихъ когда не обѣдать, такъ по крайней мѣрѣ на чашку кофея или чаю, однако не могъ я сего отъ нихъ никогда дожидаться; самому же понапиться и къ нимъ безъ зову ходить, казалось мнѣ непристойно. Словомъ, они казались мнѣ сущими бирюками. Но таковыхъ же бирюковъ нашелъ я и въ присутствующихъ въ тамошней рентерей и соляной конторѣ, въ которыя чрезъ нѣсколько дней долженъ я былъ ходить и по нѣсколькимъ часамъ просиживать въ таковомъ же дѣлѣ, т.-е. записываніи тамошнихъ рентерейныхъ и соляныхъ доходовъ въ особыя книги. Въ обоихъ сихъ присутственныхъ мѣстахъ, находившихся въ томъ же замкѣ, гдѣ была и камора, дѣлами управляли два стариченца, но оба они еще нелюдимѣе и несловоохотивѣе были моихъ сосѣдей, такъ что я отъ нихъ могъ ожидать еще меньше, нежели отъ прежнихъ, ласки и дружелюбія.

Все сіе сначала меня крайне удивляло, и я не однажды самъ въ себѣ съ досадою помышлялъ и говорилъ: — «что это за бирюки и за черти! Сидятъ! ни къ кому изъ нихъ нѣтъ приступу и ни отъ кого не добьешься никакого дружелюбія и ласки»; но послѣ, какъ узналъ короче весь прусскій народъ и кенігсбергскихъ жителей, то престалъ тому удивиться и приписывалъ уже сіе не столько ихъ нелюдимости, сколько обще-

му ихъ нерасположенію ко всѣмъ россіянамъ, къ которымъ хотя наружно оказывали они всякое почтеніе, но внутренно почитали ихъ себѣ непріятелями, и потому отъ дружескаго и откровеннаго съ ними обхожденія удалились; а сверхъ того, умѣренный и воздержный родъ ихъ жизни, удаленной отъ всякихъ роскошей и излишествъ, имѣлъ въ томъ великое соучастіе.

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія, и теперь, возвращаясь къ оному, скажу, что, препроводивъ помянутымъ образомъ все утро въ безпрерывномъ и скучномъ писаніи, но пробити двѣнадцати часовъ, выхаживалъ я, вмѣстѣ съ прочими, изъ каморы и возвращался на квартиру. Тутъ находилъ я всегда солдатскій свой обѣдъ, изготовленный людьми моими, уже готовымъ, который хотя не таковъ былъ сладокъ, какъ мнимый прусскій, но я никогда голоднымъ не вставалъ изъ за-стола. Потомъ принимался я тотчасъ за рисованье и проводилъ въ немъ и въ другихъ любопытныхъ упражненіяхъ съ часъ и болѣе времени. По пробити двухъ часовъ отправлялся опять въ путь въ свою камору и просиживалъ тамъ до самаго почти вечера. По выходѣ же изъ оной и возвратившись домой, хаживалъ прогуливаться на корабельную пристань и въ другія, близъ находящіяся мѣста, а особливо по берегу рѣки Прегеля, и смотривалъ на плавающія по рѣкѣ суда и на множество народа, упражняющагося на берегахъ въ нагружаніи и выгрузкѣ судовъ. Когда же случалось день воскресный или праздничный, въ который въ каморѣ не было засѣданія, тогда весь день употреблялъ я либо на рисованье, либо на разгуливанье по всему городу и по всѣмъ лучшимъ частямъ его. Хаживалъ иногда къ старичку, своему еполювнику, который увингалъ иногда меня у себя обѣдать и бралъ съ собою вмѣстѣ гулять въ наилучшій и славный тамошній Сатургусовъ садъ, о которомъ упомяну я подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; а какъ и кромѣ сего были въ семъ городѣ другіе сады, въ ко-

торыхъ всякому гулять было можно, то отыскивая оныя, хаживалъ иногда и въ оныя гулять. Въ трактиры же очень рѣдко захаживалъ, и то развѣ для того, чтобъ напиться чаю и кофея и почитать газетъ иностранныхъ; и какъ газеты тогдашняго времени были весьма любопытны, и я узналъ, что издавались они и тутъ въ городѣ, то непременно я взялъ и для себя оныя и насыщать ими свое любопытство.

Такимъ образомъ, привыкнувъ къ сему новому и уединенному роду жизни, препроводилъ я нѣсколько недѣль въ наиспокойнѣйшемъ состояніи и жить, прямо можно сказать, въ мирѣ и тишинѣ и былъ состояніемъ своимъ доволенъ. Отъ прежнихъ же своихъ товарищей сдѣлался я такъ удаленъ, что и свидѣнія не имѣлъ, что у нихъ между собою происходило, да и узнать то всего меньше старался.

Но теперь время мнѣ письмо свое кончить и сказать вамъ что, я есмь и проч.

ОПИСАНІЕ КЕННИГСБЕРГА. ВЪ КЕННИГСБЕРГѢ.

Письмо 60-е.

Любезный пріятель! Какъ въ теченіе тѣхъ недѣль, которыя, находясь при каморѣ, препроводилъ я вышеупомянутымъ образомъ въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, имѣлъ я довольно времени и случаяевъ осмотрѣть и узнать Кеннигсбергъ, то постараюсь я теперь исполнить то, что упустилъ въ предсѣдующихъ письмахъ, и описать вамъ сей столичный прусскій городъ, дабы вы получили о немъ нѣкоторое ближайшее понятіе.

Городъ сей лежитъ посреди всего королевства Прусскаго и можетъ похвастаться приморскимъ, ибо хотя стоитъ онъ и не подлѣ самаго моря, и открытое Балтійское Море отъ него не ближе семидесяти верстъ; но какъ между онымъ и моремъ находится узкій и предлинный заливъ, называемый Фрижскимъ Гафомъ, и въ сей заливъ впадаетъ рѣка Прегель, отъ устья которой неподалеку Кеннигсбергъ,

на берегахъ оной воздвигнуть, рѣка же сія довольно глубока, то и пользуется онъ тою выгодою, что всѣ морскія купеческія суда и гальюты доходятъ помянутымъ гафомъ и рѣкою до самаго города, и тутъ производятъ свою коммерцію или торговлю.

Помянутая рѣка протекаетъ сквозъ самый сей городъ; и какъ она въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ построенъ, раздѣлившись на многіе рукава, произвела нѣсколько обширныхъ и большихъ острововъ, то сіе служитъ сему городу въ особливую выгоду. Нѣкоторые изъ сихъ ровныхъ и низменныхъ острововъ, перерытыхъ многими каналами, покрыты наипрекраснѣйшими сѣнокошными лугами, производящими нагустьшнюю и хорошую ѣдкую траву, которая въ особенности достопамятна тѣмъ, что жители кенигсбергскіе приготавливаютъ изъ нея особеннаго рода крупу, извѣстную у нихъ подъ именемъ шваденгриць. Они въ лѣтнее время, когда вырастаютъ на травѣ сей волоти, похожія на наши костеревыя или роженчиковы, обсѣкаютъ оныя ситами и рѣшетками и потомъ, высушивъ, обрушиваютъ изъ нихъ крупу, имѣющую наиприятнѣйшій вкусъ въ кашѣ. Осенью покрыты сіи мѣста нѣсколькими тысячами пасомага на нихъ скота и лошадей. Самые же ближніе къ городу острова заняты разными городскими строеніями, и изъ нихъ въ особенности замѣчана достоинъ обширный и посреди самаго города находящійся круглый островъ, потому что весь оный застроенъ сплошнымъ и превысокимъ каменнымъ строеніемъ и составляетъ особую и наилучшую часть города.

Впрочемъ, городъ сей довольно обширенъ, имѣетъ въ себѣ великое число жителей и обнесенъ вокругъ землянымъ валомъ съ бастіонами, а въ сторонѣ къ морю, по лѣвую сторону рѣки Прегеля, сдѣлана небольшая регулярная четверугольная крѣпость или цитадель, называемая Фридрихсбургомъ, съ установленными вокругъ пушками. Но всѣ сіи укрѣпленія не составляютъ дальней важности; ибо какъ по великой обширности

города содержаніе всѣхъ валовъ въ хорошемъ порядкѣ сопряжено-бъ было съ великимъ коштомъ, то и съ многочисленнымъ гарнизономъ не можетъ сей городъ порядочной и долговременной осады вытерпѣть, и потому почестся можетъ онъ болѣе открытымъ купеческимъ и торговымъ городомъ, нежели крѣпостью. Со всѣмъ тѣмъ, вездѣ при въѣздахъ подѣланы были порядочныя городскія ворота и при оныхъ содержались строгіе караулы.

Что касается до внутренности сего города, то она раздѣляется сперва на самый городъ и на нѣсколько обширныхъ форштатовъ, которые, однако, не отдѣлены отъ города никакою особою стѣною, но совокупно съ ними окружены вышеупомянутымъ землянымъ валомъ, а отличны отъ города только тѣмъ, что въ нихъ строенія не таковы хороши и не таковы высоки, какъ въ городѣ, а притомъ болѣе состоятъ изъ фахверковъ или кирпичныхъ мазанокъ, какъ напротивъ того въ самомъ городѣ находятся уже все сплошныя и о нѣсколькихъ этажахъ каменные дома, сложенные между собою наитѣснѣйшимъ образомъ.

Впрочемъ, сей внутренній и лучшій городъ имѣетъ въ себѣ три главныя отдѣленія, или части, извѣстныя у нихъ подъ именемъ Альтштата, или стараго города, Кнейпгофа, которая часть находится на вышеупомянутомъ острову, и Лебенихта. Каждая изъ сихъ частей составляетъ нѣкоторымъ образомъ особый городъ, ибо каждая имѣетъ особую свою ратушу, особую соборную церковь, особыя свои публичныя зданія, особую торговую площадь и особое городское начальство. Что касается до такъ-называемыхъ форштатовъ, то они состоятъ изъ предлинныхъ и довольно широкихъ улицъ, простирающихся отъ помянутыхъ главныхъ частей города въ разныя стороны. Главнѣйшія изъ нихъ называются: Розгартенъ, Траггеймъ, Сакгеймъ, Штейндамъ, Габербергъ и нѣкоторыя нынѣ. Всѣ сіи форштаты, кромѣ нѣсколькихъ дворянскихъ домовъ, разбѣянныхъ по онымъ, состоятъ изъ посред-

ственныхъ и только въ два этажа построенныхъ домовъ.

Наизнаменитѣйшимъ изъ всѣхъ въ Кёнигсбергѣ находящихся зданій можно почесть такъ-называемый Замокъ или дворецъ прежнихъ герцоговъ прусскихъ. Огромное сіе и, по древности своей, пыльное зданіе, воздвигнуто на высочайшемъ бугрѣ или холмѣ, посреди самаго города находящагося. Оно сдѣлано четверугольное, превысокое и имѣетъ внутри себя четверостороннюю, нарочито просторную площадь и придаетъ всему городу собою украшеніе, и тѣмъ паче, что оно со многихъ сторонъ, а особливо изъ-за рѣки, сверху всѣхъ домовъ видимо. Въ одномъ изъ четырехъ его боковъ, или фасовъ, во второмъ этажѣ находятся старинные герцогскіе покои, состоящіе во многихъ залахъ и пространныхъ комнатахъ, которыя и въ нашу еще бытность обиты были тѣми старинными ткаными обоями, которыя находились еще въ то время, когда въ оныхъ приниманъ былъ государь Петръ I-й, когда онъ путешествовалъ съ Лефортомъ по разнымъ землямъ въ польской свитѣ и въ конхъ покояхъ имѣютъ пребываніе свое прусскіе короли, когда они, по вступленіи на престолъ, приѣзжаютъ въ Кёнигсбергъ для принятія присяги, которая пышная церемонія производится на помянутой, внутри сего замка находящейся площади; а въ прочее время, живали въ сихъ покояхъ главные правители и командиры надъ войсками, въ семъ королевствѣ находившимися, какъ и предъ вступленіемъ нашимъ жилъ въ оныхъ фельдмаршалъ ихъ, Левальдъ. Совсѣмъ тѣмъ во всѣхъ сихъ покояхъ не только нѣтъ никакого дальняго въ убранствахъ великолѣпія, но они низковаты, темны и крайне-невеселы, что, можетъ быть, и подало поводъ прежнимъ государямъ прусскимъ одинъ и лучший уголъ сего замка передѣлать и прибавить еще вверхъ два огромныхъ этажа. Но невѣстно, для чего оба сіи этажа остались какъ-то неотдѣланными совсѣмъ, а только отработанными вчернѣ, и уже мы въ послѣдующіе годы по-

старались сами одинъ изъ сихъ этажей отдѣлать и убрать такъ, что немостыдно было никому, и даже самимъ королямъ въ немъ жить. Въ нижнемъ этажѣ сего фаса находились кладовыя, кухни, караульни и, наконецъ, на углу самая та камора, въ которую я хаживалъ.

Оба другіе и боковые фасы содержали въ себѣ множество покоевъ, стоящихъ отчасти впускѣ, отчасти занятыхъ разными гражданскими главными правительствами и присутственными мѣстами, а иные покои служили вмѣсто магазиновъ, для разныхъ поклажъ.

Что-жъ касается до послѣдняго и четвертаго фаса, лежащаго насупротивъ герцогскихъ покоевъ, то вся внутренность его занята одною преогромной величины киркою, или придворною церковью, въ которой въ каждое воскресенье отправлялась два раза божественная служба и собиралось великое множество народа.

Наконецъ, на одномъ углу сего фаса воздвигнута превысочайшая и претолстая четверугольная башня, неимѣющая никакого шпица и купола. На плоскомъ ея верхѣ выставялось только большое знамя, или флагъ. Тутъ, подъ самымъ верхомъ, сдѣланы небольшіе покойцы, и въ нихъ имѣютъ всегашнее жителство нѣсколько человекъ трубачей и другихъ музыкантовъ. Должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы содержать на веру сей башни безпрерывный караулъ и смотрѣть не сдѣлается ли гдѣ пожара, который какъ скоро они усмотрятъ, то того момента начинаютъ играть на своихъ трубахъ особливый пожарный и набатный штуки, и дабы народъ издали могъ видѣть и знать, въ которой сторонѣ пожаръ, то днемъ въ ту сторону наклоняютъ помянутое знамя, а въ ночное время высовываютъ въ ту сторону шесть съ висающимъ на немъ большимъ фонаремъ, чрезъ что народъ и узнаетъ, въ которую сторону должно ему бѣжать для погашенія пожара. Сіе случилось самимъ намъ видать при бывшихъ при насъ нѣсколько разъ пожарахъ, и, признаться

надобно, что учрежденіе сіе у нихъ похвально и хорошо.

Кромѣ сего, примѣчанія достойно, что подъ сего башнею и въ самомъ семъ углѣ находится у нихъ публичная и старинная бібліотека, занимающая нѣсколько просторныхъ палатъ и наполненная нѣсколькими тысячами книгъ. Книги сіи по большей части старинныя и отчасти рукописныя; и мнѣ случалось видѣть очень рѣдкія, писанныя древними монахами, весьма чистымъ и опрятнымъ полууставнымъ письмомъ, украшеннымъ разными фигурами и украшениями изъ живѣйшихъ красокъ; а что того удивительнѣе, то многія изъ нихъ прикованныя къ полкамъ, на длинныхъ желѣзныхъ цѣпочкахъ, на тотъ конецъ, дабы всякому можно было ихъ съ полки снять и по желанію разсматривать и читать, а похитить и съ собою унести было-бы неможно. Бібліотека сія въ лѣтнее время въ каждую недѣлю, въ нѣкоторые дни, отворялась, и всякому вольно было въ нее приходить, и хотя цѣлый день въ ней сидѣть и читать любую книгу, а наблюдали только, чтобы кто съ собою не унесъ которой-нибудь изъ оныхъ, и дабы чтеніемъ симъ можно-было удобнѣе всякому пользоваться, то поставлены были посреди палаты длинные столы съ скамейками вокругъ, и многіе, а особливо ученые люди и студенты, и дѣйствительно пользовались симъ дозволеніемъ, и мнѣ случалось находить ихъ тутъ человекъ по десяти и по двадцати, упражняющихся въ чтеніи.

Кромѣ книгъ, показываются въ бібліотекѣ сей нѣкоторыя и нынѣ рѣдкости, но весьма немногія; и найдостойнѣйшія замѣчанія были портреты Мартина Лютера и жены его Катерины Деворы, о которыхъ увѣряли, яко бы они писаны съ живыхъ оныхъ.

Наконецъ, входовъ и въѣздовъ въ сей замокъ только два: одинъ съ передняго фаса, большой, наподобіе городскихъ воротъ, тѣмный, подъ палатами, а другой, подъ кривою, маленькій, и равно какъ потаенный. А сверхъ того было въ на-

мору наружное крыльцо съ портикомъ для прямѣйшаго входа въ оную.

Впрочемъ, передъ замкомъ находилась небольшая площадь, съ которой въ разныя стороны простирались три большія и нѣсколько маленькихъ и кривыхъ улицъ. Одна изъ большихъ шла въ сторону кругомъ замка къ Штейндамскому форштату и знаменита тѣмъ, что на оной стоятъ наилучшіе и огромнѣйшіе каменные дома, принадлежащіе наизамѣннѣйшимъ прусскимъ вельможамъ и нѣсколькимъ принцамъ и графамъ; а другая, ведущая къ Резгартенскому предмѣстью, называлась французскою и достопамятна отчасти тѣмъ, что жили въ ней все французы и имѣли подъ домами своими наилучшія французскія лавки со всякими товарами, отчасти же тѣмъ, что построена была вся на преширокой плотинѣ одного предлиннаго и преширокаго пруда посреди города, неподалеку отъ города находящагося, и на одной небольшой рѣчкѣ, впадающей со стороны въ Прегель, запруженной. Улица сія была весьма хороша и такъ построена, что никакъ узнать было неможно, что она находилась на плотинѣ, ибо за сплошнымъ каменнымъ строеніемъ воды вовсе не видать было. Что-жъ касается до третей большой, то сія шла подъ гору въ ту часть города, которая называлась Альтштатомъ.

Что касается до этихъ главныхъ частей города, то первая называемая Альтштатомъ, или старымъ городомъ, находилась подъ горою между замкомъ и рѣкою Прегелемъ и состояла вся изъ превысокихъ, узкихъ и сплошь другъ подлѣ друга въ нѣсколько этажей построенныхъ каменныхъ домовъ, раздѣляющихся на нѣсколько кварталовъ узкими, тѣмными и на большую часть кривыми улицами, какія вездѣ въ старинныхъ европейскихъ городахъ были въ обыкновеніи. Посрединѣ же въ сей части находилась нарочито просторная, четверугольная, продолговатая площадь, окруженная вокругъ таинми-жъ сплошными высокими домами. Площадь сія достопамятна тѣмъ, что въ концѣ оной находятся

наилучшіе ряды или лавки, съ разными товарами, а на самой площади въ каждую недѣлю, по субботамъ, производились торги мясами и другими съѣстными припасами. И въ сіи дни площадь сію никакъ узнать не можно, ибо вся она въ одинъ часъ застроивалась множествомъ маленькихъ деревянныхъ, но порядочныхъ разборныхъ лавочекъ, которыя всѣ подъ вечеръ наки разбирались и площадь къ воскресенью очищалась такъ, что на ней не было ни одной соринки. Сіе обыкновеніе показалось намъ сначала очень странно, но послѣ не могли мы тѣмъ довольно налюбоваться.

Къ знаменитѣйшимъ публичнымъ зданіямъ въ сей части находящимся, можно почесть, во-первыхъ, соборную ихъ церковь или кирку, которая была хотя старинная, построенная въ готическомъ вкусѣ съ превысокимъ шпиромъ, но имѣла въ себѣ пребогатые органы, стоящіе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ и достойные зрѣнія; во-вторыхъ, главнѣйшая городская ратуша, составляющая довольно великое и порядочное зданіе, воздвигнутое подлѣ самой площади. Для содержанія подлѣ оной караула, было у нихъ нѣсколько десятковъ человекъ городскихъ престарѣлыхъ солдатъ, которыхъ особливому и смѣшному мундиру мы довольно насмѣяться не могли. Въ-третьихъ, подлѣ той же площади находился у нихъ такъ-называемый общественный городской домъ, имѣющій въ себѣ нѣсколько покоевъ и одну преогромную залу, въ которыхъ отправлялись у нихъ общественныя совѣщанія и торжества, также свадебные балы, какъ о томъ упомянется впредь, когда я о ихъ свадьбахъ въ особливости пересказывать буду.

Что касается до второй части, называемой Кнейпгофомъ, то сія уже многими знаменитѣе и лучше вышупомянутой первой. Она находится, какъ уже прежде упоминаемо было, совсѣмъ на островѣ, окружена вокругъ водою и отдѣляется отъ Альтштата однимъ только уз-

кимъ рукавомъ рѣки Прегеля. Строевіе въ оной хотя также сплошное каменное, съ узкими улицами, но улицы сіи уже нѣсколько прямѣе; а поелику живутъ въ ней всѣ наибогатѣйшіе купцы, то есть и домовъ хорошихъ множество. Но ни которая улица не достойна такого замѣчанія, какъ такъ-называемая Длинная Кнейпгофская, которую нами прозвали Милльонною. Она пересѣкаетъ всю сію часть вдоль и имѣетъ сообщеніе съ обоими мостами, которыми связанъ островъ съ Альтшатоу и Габербергскимъ форштатоу и изъ коихъ одинъ глухой, а другой подъемный, для пропуска судовъ. Названіе сіе улицъ сей и не неприлично, потому что изъ купцовъ, живущихъ на ней, есть многіе милльонщики, и улицу сію можно почесть наилучшею и богатѣйшею во всемъ городѣ; но дома и на ней всѣ сплошные, староманерные, превысокіе, этажей въ пять и въ шесть, и чрезвычайно узкіе, а единая ширина и прямизна придаетъ ей наилучшую красоту.

Главная церковь въ сей части находится посрединѣ острова и достопамятна тѣмъ, что въ ней погребались прежде прусскіе герцоги и наизнаменитѣйшіе люди, и что она украшена многими прекрасными мавзолеями и надгробіями, также увѣшана древними трофеями и знаменами. Въ переднемъ концѣ оной, за алтаремъ, сдѣлана рѣшетчатая желѣзная перегородка и за оною, посреди страннаго ниша, воздвигнута высокая и широкая четвероугольная каменная гробница, на верху которой нѣкто изъ старинныхъ прусскихъ владѣтелей, лежащій въ полномъ ростѣ вмѣстѣ съ своею женою. Но сей мавзолей далеко не такъ хорошъ, какъ другой, находящійся въ самой церкви, подлѣ стѣны. Тутъ, за вызолоченною рѣшеткой, лежалъ надгробною своею нѣкто изъ древнѣйшихъ прусскихъ вельможъ, бывший государственнымъ канцлеромъ, высѣченный съ преудивительнымъ искусствомъ, въ полномъ ростѣ изъ наибѣлѣйшаго мрамора. Онъ изображенъ лежащимъ, какъ жи-

вой, на боку, и въ такой одеждѣ, какую тогда нашивали, и подпершись одною рукою находился власно, какъ въ глубокихъ размышленіяхъ. Все сіе изображено такъ искусно, что не можно было довольно тѣмъ наслаждаться; на стѣнѣ же противъ сего мѣста, вставлена черная мраморная доска съ золотой латинскою эпитафіею. Впрочемъ, кирка сія была хотя огромная, но самая старинная, построенная въ готическомъ вкусѣ.

Неподалеку отъ сей церкви находилъ славный кенигсбергскій университетъ и, поблизости его, домъ тамошнихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ людей. Но университетъ сей ни наружностью, ни внутренностью своей не могъ приводить въ удивленіе, ибо зданіе онаго было самое простое и старинное, и самая аудиторія не составляла никакой важности. Со всѣмъ тѣмъ, по существу своему, былъ сей университетъ не изъ послѣднихъ и училось въ немъ великое множество всякаго званія людей, и въ томъ числѣ много и знатныхъ.

Ратуша сей части города, также и общественный домъ не составляли дальней важности, а болѣе ихъ примѣчанія достойна была биржа, построенная на берегу подлѣ зеленого подъемаго моста. Она составляла превеликую залу съ сплошными почти окнами вокругъ, и въ оной сходятся всѣ кушцы для разговариванія между собою о торговлѣ.

Что принадлежитъ до третьей главной части города, носящей на себѣ званіе Лебенихта, то она находится рядомъ съ Альштатомъ, и всѣхъ прочихъ менѣе примѣчанія достойна. Я не нашелъ въ ней ничего особеннаго, кромѣ католицкаго монастыря и церкви, довольно великой и гораздо болѣе украшенной, нежели лютеранскія.

Разсказавъ симъ образомъ о главныхъ частяхъ города, упомяну теперь нѣчто о форштатахъ и о томъ, что въ нихъ есть примѣчанія достойнаго. Нилучшимъ и величайшимъ изъ нихъ можно почесть Габербергскую, то-есть, тотъ, который находится за рѣкою, потому

что онъ составляетъ пѣлюю часть города, имѣеть въ себѣ широкую и предлинную улицу, которая около Петрова дня наполнена бываетъ безчисленнымъ множествомъ народа, потому что въ сіе время бываетъ тутъ годовая ярмонка, о которой имѣть я буду случай поговорить въ другомъ мѣстѣ. Сверхъ того находится въ семь форштатъ и жидовская синагога, составляющая нарочито изрядное каменное зданіе.

Штейндамскій—ничего въ себѣ особеннаго не имѣеть, кромѣ своей кирки, которая достопамятна тѣмъ, что она надревнѣйшая и нами обращена была потому въ нашу российскую церковь.

Сакегеймскій форштатъ самъ по себѣ ничѣмъ не достопамятенъ, но между нимъ и Траггеймскимъ форштатомъ находилось парадное мѣсто, которое достойно нѣкотораго замѣчанія. Оно составляетъ нарочито просторное, ровное и луговою травою порослое мѣсто, весьма способное для обученія и экзерцированія войскъ; почему и наши войска обыкновенно тутъ учивались. Кромѣ сего, достопамятна она тѣмъ, что на ономъ построена прекрасная каменная лошадиная мельница, о множествѣ поставовъ, и работаютъ въ ней непрерывно по шестнадцати лошадей.

Траггеймскій форштатъ достопамятенъ, во-первыхъ, тѣмъ, что имѣеть въ себѣ множество господскихъ и нарочито изрядныхъ и большихъ домовъ; во-вторыхъ, выгоднымъ своимъ положеніемъ, подлѣ вышеупомянутаго большаго пруда, между нимъ и Розгартенскимъ форштатомъ находящимся. Верхняя часть сего прекраснаго и болѣе на маленькое длинное озеро походящаго пруда, окружена силошными садами, позади домовъ обоихъ сихъ форштатовъ находящимися, а нижняя сплошными, каменными вплоть по воду построенными домами; посредникъ же, для сообщенія обоихъ сихъ форштатовъ, сдѣлавъ предлинный, узенькій и только для пѣшихъ мостъ.

Что имѣетъ изряднаго Розгартенскій—онъ достоинъ

примѣчанія какъ величиною своею, такъ и садами, а немѣте и многими дворянскими домами, въ немъ находящимися, каковыхъ также множество и по улицѣ, идущей въ сторону къ Гумбинамъ, гдѣ, между прочимъ, находится и королевскій дворецъ, но который составлялъ тогда очень небольшой и такой каменный домикъ, какъ у насъ, въ Москвѣ, нѣсколько сотъ найти можно, и стоялъ порожній. На концѣ-жъ сей длинной улицы находится сиротскій домъ, составляющій изрядное, но не очень большое каменное зданіе.

Кромѣ всѣхъ сихъ и нѣкоторыхъ другихъ форштатовъ, достоинъ также замѣчанія тотъ, который простирается вдоль по берегу рѣки Прегеля и лежитъ противъ вѣрности, и былъ самый тотъ, гдѣ имѣлъ я свою квартиру, ибо полкъ нашъ расположенъ былъ весь по упомянутымъ форштатамъ. Сей достопамятенъ какъ находящюся въ немъ судовою пристанью, такъ и корабельною верфью, а не менѣе вышеупоминаемыми шпиклерами или магазинами для хлѣба, соли и другихъ крупныхъ товаровъ, сгружаемыхъ съ барокъ. Впрочемъ, какъ весь сей форштатъ лежитъ подъ горою и на низкомъ и ровномъ положеніи мѣста, то разрѣзанъ онъ многими и довольно широкими каналами, коихъ вода имѣетъ совокупленіе съ рѣкою Прегелемъ. Кварталы между сими каналами заселены въ нѣкихъ мѣстахъ домами, въ иныхъ засажены садами, а въ иныхъ осажены только деревьями и содержатъ въ себѣ наилучшіе луга; но нѣкоторой изъ нихъ такъ не достопамятенъ, какъ тотъ, на которомъ находится садъ одного наибогатѣйшаго купца, по имени Сатургуса. Садъ сей хотя не очень обширенъ, но почестяся можетъ наилучшимъ во всемъ Кѣнигсбергѣ, ибо онъ не только расположенъ регулярно, но и украшенъ всеми возможнѣйшими украшеніями. Хозяинъ, будучи любопытный, ученый и богатый человекъ, наполнилъ оный многими рѣдкими вещами. Есть у него тутъ богатая оранжерея, набитая разными иностран-

ными произрастеніями. Есть менажерія или птичникъ и звѣринецъ, въ который содержится множество рѣдкихъ иностранныхъ птицъ и звѣрковъ. Есть многіе прекрасные домики и бесѣдки. Въ одномъ изъ оныхъ находится маленькая кунсткамера, или довольно полный натуральный кабинетъ. И какъ мнѣ еще впервые случалось тутъ такой видѣть, то не могъ я довольно налюбоваться зрѣніемъ на множество рѣдкихъ и никогда мною невиданныхъ вещей, а особливо на прѣогромное собраніе разныхъ рудъ, окаменѣлостей, камней, разныхъ раковинъ, разныхъ птичьихъ яицъ, разныхъ птичьихъ чучель, а паче всего на превеликое собраніе янтарныхъ штучекъ, съ находящимися внутри ихъ мушками и козавочками, которыми навѣшенъ у него цѣлый комодъ и коихъ число до нѣсколькихъ тысячъ простирается. Другой домикъ, въ которомъ обыкновенно угощалъ онъ своихъ гостей, вмѣсто обоевъ, украшенъ картинами, въ коихъ нагѣлены за стекломъ натуральныя бабочки и коихъ видѣлъ я тутъ несмѣтное множество. Что-жъ касается до самаго сада, то наполненъ онъ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ и хорошими плодородными деревьями, а стѣны прикрыты превсокими персиковыми и абрикосными шпалерами. Есть также тутъ множество разными фигурами обстриженныхъ деревьевъ, а площади всѣ украшены множествомъ изрядныхъ фонтановъ. Вода для сихъ фонтановъ втягивается насосами изъ канала, подлѣ сада находящагося, въ большой свинцовый бассейнъ, сокрытый въ построенной нарочно для сего на углу сада прѣкрасной башнѣ, внизу которой сдѣлана изрядная бесѣдка и въ ней колокольная игра, производимая тоже водою. Всѣ сіи зрѣлища были до того мною невиданныя, и потому всякой разъ, когда ни случалось мнѣ въ саду семъ бывать, производили мнѣ много удовольствія.

Впрочемъ, можно сказать, что городъ сей во всемъ имѣетъ изобиліе, и жители онаго живутъ довольно хорошо, однако

умѣренно и безъ всякихъ почти излишествъ. Непримѣтно между ними никакого дальняго мотовства и непомѣрности. Всѣ наилучшіе люди ведутъ жизнь степенную и болѣе уединенную, нежели сколько надобно; каретъ и богатыхъ экипажей у нихъ чрезвычайно мало, а всѣ ходятъ наиболѣе пѣшкомъ. Въ домахъ прислуга у нихъ очень малая. Ёсть варятъ у нихъ обыкновенно женщины, которыя сами и закупаютъ къ столу все нужное, а вкупѣ и отпращиваютъ должность лакеевъ, когда господамъ ихъ вздумается итти въ церковь или куда въ гости, или куда въ лѣтнее время прогуливаться. Онѣ провожаютъ ихъ и ходятъ вслѣдъ за ними, что для насъ было сперва очень удивительно. Единое только мнѣ не полюбилось, что дома у нихъ, а особливо въ лучшихъ частяхъ города, очень тѣсны и беспокойны; рѣдкій изъ нихъ занимаетъ сажень пять въ ширину, а большая часть не болѣе сажень двухъ или трехъ шириною, и притомъ всѣ покои въ оныхъ имѣютъ окна въ одну только сторону, и очень немногіе освѣщены тремя окнами, а по болѣе части въ нихъ по два окна, ибо обѣ боковыя стѣны, по причинѣ сплошнаго строенія, у нихъ обыкновенно глухія.

Недостатокъ сей замѣняется у нихъ высотой зданія и множествомъ этажей, изъ которыхъ одинъ другого ниже; но сіе приноситъ съ собою ту неудобность, что всходить въ верхніе этажи должно всегда тѣмною и самую беспокойною круглою лѣстницей, ощупью; ибо какъ у нихъ въ каждомъ этажѣ только по два покоя, изъ которыхъ одинъ окнами на улицу, а другой назадъ, то между ними находятся темныя сѣнды, гдѣ идетъ сія лѣстница и вкупѣ находятся очажки, гдѣ варятъ они себѣ ѣсть. Дворы есть у весьма рѣдкихъ домовъ, да и тѣ очень тѣсныя, а у прочихъ хотя и есть, но навѣснѣйшіе, да и въ тѣ входятъ только сквозь дома, а ворота порядочныхъ нѣтъ, да и служатъ они болѣе для поклажи только дровъ. Входы же въ дома подѣланы вездѣ съ улицы, и двери въ сѣни всегда раздѣльны, на двое, но не

вдоль, а поперегъ, дабы верхняя половинка могла быть днемъ отворена для произведенія свѣта въ сѣняхъ, а нижняя затворена для воспрепятствованія входа всякому. Впрочемъ, примѣчанія достойно, что въ наилучшей ихъ Клейпгофской или Милльонной улицѣ, и въ лутчіе дома крыльца подѣланы вездѣ деревянныя, но никогда почти негниющія, а имѣющія видъ чугунныхъ, такъ что и узнать никакъ не можно, что они деревянныя. Сіе производятъ они повторяемымъ чрезъ каждые два или три года вымазываніемъ ихъ разваренною смолою и усыпаніемъ потомъ желѣзною окалиною изъ кузницъ, чрезъ что производится на нихъ власно какъ чугунная корка, недопускающая ихъ согнивать отъ дождя и вепастыя. Число всѣхъ домовъ въ городѣ простирается до 3,800, а жителей до сорока тысячъ.

Ходьба и ѣзда по городу довольно спокойная, потому что всѣ улицы вымощены дикимъ камнемъ и мостовая сія содержится всегда въ хорошемъ состояніи. Въ почное же время, а особливо осенью и зимою, освѣщаются бывають всѣ улицы фонарями. Однако въ тѣсныхъ городскихъ улицахъ досадная неудобность бываетъ та, что по ночамъ всякую нечисть и соръ выкидываютъ изъ домовъ на улицы, которая, хотя ежедневно, особыми и нарочно къ тому опредѣленными людьми и счищается и свозится долой, но нерѣдко бываетъ отъ того дурной запахъ и духота, заражающая воздухъ, и отъ того нижніе покои обыкновенно бывають очень скучны и отъ узкости улицъ темныя.

Церквей въ Кёнигсбергѣ всѣхъ 18, изъ коихъ четырнадцать лютеранскихъ, три кальвинскихъ и одна римско-католическая. Большая часть оныхъ построена въ готическомъ вкусѣ, съ предлинными шпицами на колокольняхъ; однако есть и безъ оныхъ, и воздвигнутыя во вкусѣ новой архитектуры, однако немногія.

Водою снабденъ сей городъ довольно; ибо кромѣ рѣки Прегеля и поманутаго пруда, подѣланы по всѣмъ улицамъ множество колодезей, надъ которыми построены, а

— маленькія карауленки и

башенки и вставлены насосы—и вода получится качаемъ съ боку изъ оныхъ.

Кромѣ сего, есть въ семь городѣ нѣсколько большихъ вѣтренныхъ мельницъ, довольно хорошо устроенныхъ, а сверхъ того и прекрасная водяная о множествѣ поставовъ, построенная на той рѣчкѣ, на которой прудъ, пониже плотины и скрытая такъ, что ее вовсе непримѣтно.

Сего довольно будетъ на сей разъ во извѣстіе о семь городѣ, ибо о прочемъ упомянуто будетъ подробнѣе впредь, при другихъ случаяхъ. Въ будущемъ моемъ письмѣ возвращусь я къ прерванной нити моего повѣствованія и буду рассказывать

вамъ, что со мною въ семь городѣ случилось далѣе, и что подало поводъ ко второй и той перемѣнѣ въ обстоятельствахъ моихъ, отъ которой произошли послѣдствія, имѣвшія на все благоденствіе жизни моей наивеличайшее вліяніе. А поелику теперешнее письмо мое уже слишкомъ увеличилось, то дозвольте мнѣ оное симъ кончить, и увѣривъ о непремѣнной моей къ вамъ дружбѣ, сказать вамъ, что я есмь навсегда вашъ и прочая.

Конецъ.

пятой части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

• ЧАСТЬ VI.

(соч. 1790, переп. 1801 г.).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРЕБЫВАНІЯ МОЕГО ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

• ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 61-е.

Любезный пріятель! Рассказывая вамъ въ предслѣдующихъ письмахъ о томъ, что происходило со мною во время пребыванія моего въ Кенигсбергѣ, остановился я на томъ, какъ я жилъ при тамошней каморѣ и упражнялся въ письменныхъ дѣлахъ. Теперь, продолжая повѣствованіе сіе далѣе, скажу, что колико жизнь сія была мнѣ сначала трудновата и скучна, толико сдѣлалась потомъ пріятна и весела. Вышеупомянутымъ образомъ и до обѣда, и послѣ обѣда въ камору ходить, и безпрестанно писать припужденъ я былъ только сначала и не болѣе двухъ недѣль; ибо въ сіе время надлежало мнѣ вносить въ книгу всѣ приходы и расходы, бывшіе съ начала вступ-

ленія нашего въ Пруссію до моего опредѣленія въ камору; но какъ я сію трудную работу совершилъ, и наконецъ сдѣлалось гораздо меньше, и наконецъ сдѣлалось столь мало, что мнѣ и въ цѣлый день не доставалось написать по страницѣ; слѣдовательно, небольшую сію работу могъ я въ полчаса оканчивать, и мнѣ не только уже не было нужды ходить послѣ обѣда въ камору, но я и по утрамъ иногда совсѣмъ дѣла не имѣлъ, и могъ, съ дозволенія старичка моего, совѣтника, отлучаться, а иногда и цѣлый день оставаться дома.

Сіе обстоятельство, доставлявшее мнѣ болѣе досуга и свободнаго времени, было мнѣ, сколько съ одной стороны пріятно тѣмъ, что я множайшее время могъ посвящать на собственные мои упражненія и жить по своему произволу, не забо-

тлся ни о чемъ и не опасаясь, чтобъ послали меня куда въ команду или въ караулъ, столько, съ другой, предосудительно и вредно тѣмъ, что нечувствительно начало меня опять сближать съ прежними моими друзьями и знакомцами. Всѣ они завидовали моей спокойной и праздною почти жизни, и многіе не преминули начать опять меня почасти навѣщать, какъ скоро узнали, что я получилъ болѣе свободнаго времени и послѣобѣдніише часы провождаю дома. Таковыя посѣщенія ихъ были мнѣ хотя и непротивны, но вредны тѣмъ, что, въ соотвѣтствіе онымъ, долженъ былъ и я иногда ходить къ онымъ и терять время въ упражненіяхъ совсѣмъ пустыхъ и ни мало склонностямъ моимъ несоотвѣтствующихъ. Они занимались наиболѣе либо игрою въ карты, либо въ разговорахъ не только ничего незначущихъ, но иногда прямо соблазнительныхъ и негодныхъ, а во всемъ въ томъ не находилъ я вкуса, но принужденъ былъ только смотрѣть и слушать. Изъ всѣхъ ихъ не было ни одного, который бы имѣлъ сколько-нибудь склонности, подобныя моимъ, и съ которымъ могъ бы я съ удовольствіемъ заниматься въ разговорахъ о дѣлахъ мнѣ болѣе увеселеніе приносящихъ. Но и самыя тѣ, которые были сколько-нибудь другихъ получше и поумнѣе, въ немногія недѣли пребыванія своего въ семь городѣ такъ совсѣмъ развратились, что непохожи уже были сами на себя и не можно было уже отъ нихъ ни одного почти степеннаго слова и порядочнаго разговора слышать. Совсѣмъ тѣмъ, по необходимости, долженъ я былъ имѣть съ ними частыя свиданія, и когда не брать во всѣхъ ихъ дѣлахъ и упражненіяхъ дѣйствительнаго соучастія, такъ по крайней мѣрѣ съ ними обходиться и нерѣдко вмѣстѣ препровождать время, а особливо въ гуляньяхъ.

Все сіе подвергало меня опять великой опасности, чтобъ мало-по-малу не заразиться такимъ же ядомъ распутства, какимъ всѣ они заражены были.

Но никогда я столь въ великой опасности отъ нихъ не былъ, какъ во время быв-

шей около сего времени въ Кѣнигсбергѣ превеликой ярмонки. Ярмонка сія бываетъ тутъ однажды въ году и, начавшись недѣли за двѣ до Петрова дня, продолжается до самаго онаго, и какъ съѣздъ на оную бываетъ не только изъ всей Пруссіи, но изъ всего королевства Польскаго, то стеченіе народа было тогда преужасное: весь городъ находился въ движеніи и всѣ паизнатнѣйшія улицы кипѣли обоего пола народомъ. Для меня, невиданшаго еще никогда такихъ большихъ ярмонокъ, было зрѣлище сіе коликъ ново и удивительно, толикъ-жъ и пріятно. Паче всего обращали вниманіе мое на себя польскіе жидаы, которыхъ съѣзжается на ярмонку сію до нѣсколькихъ тысячъ. Странное ихъ, черное и по борту испещренное одѣяніе, смѣшныя ихъ скуфейки, и весь образъ ихъ имѣлъ въ себѣ столь много страннаго и необыкновеннаго, что мы не могли довольно на нихъ насмотрѣться. А какъ, и сверхъ того, ходило по улицамъ множество и другихъ разныхъ народовъ, въ различныхъ одеждахъ и нарядахъ, то представлялись всякій день глазамъ новыя и до того невиданныя предметы. Въ особенности же наполнена была преужаснымъ множествомъ народа вся зарѣчная часть города, носящая на себѣ имя Габерберга. Тутъ одна длинная и широкая улица виѣчала въ себѣ онаго до нѣсколькихъ тысячъ, потому что она была главнымъ центромъ всей ярмонки, и на ней не только производилась главнѣйшая торговля, но и всѣ обыкновенныя въ нѣмецкихъ земляхъ ярмоночныя увеселенія.

Къ симъ въ особенности принадлежалъ народный театръ, сдѣланный посреди улицы и совсѣмъ открытый; однако не думайте, чтобъ театръ сей составлялъ какую важность. Нѣтъ, любезный пріятель, сіи ярмоночныя театры не имѣютъ почти и тѣни театровъ, а носятъ только одно званіе оныхъ. На сдѣланномъ изъ досокъ на нѣсколькихъ возлахъ и аршина на три отъ земли возвышенномъ помостѣ, устанавливаются съ боковъ и съ задней стороны кое-какъ размазанъ

изъ-за которыхъ выходитъ одѣтый въ пестрое платье усатый гарлекинъ и, при вспоможеніи челоуѣкъ двухъ или трехъ комедіантовъ или комедіанокъ, старается разными своими кривляньями, коверканьями, глупыми и грубыми шутками и враньемъ, составляющимъ сущій вздоръ, смѣшить и увеселять глупую чернь, смотрящими на него съ разинутыми ртами и удивленіемъ. Не бываетъ тутъ никакого порядка и никакой связи въ представленіяхъ, а всѣ дѣйствія и вранье сихъ представляющихъ лицъ было столь нелѣпо и несвязно, что безъ чувствованія нѣкогого отвращенія на нихъ смотрѣть, и вздоръ, говоренный ими, слушать было не можно, а надлежало быть развѣ столь же глупу, каковъ былъ глупъ народъ, буде хотѣтъ зрѣлищемъ снмъ увеселяться. Несмотря на то, театръ сей окружень былъ всегда безчисленнымъ множествомъ зрителей, и весьма многіе изъ нихъ изъявляли превеликое удовольствіе. А сего уже и довольно было для комедіантовъ, имѣющихъ обыкновенно притомъ свои особливые виды. Ибо надобно знать, что люди, увеселяющіе снмъ образомъ народъ своими глупыми комедіями, не получаютъ отъ онаго себѣ за то никакой заплаты, а употребляютъ къ тому изъ найма содержателемъ театра, который обыкновенно бываетъ такъ-называемый маркъ-шрейеръ (торговый крикунъ), или продаватель обманныхъ лекарствъ, и средство сіе употребляетъ единственно для привлеченія народа къ своему театру, какъ къ мѣсту, съ котораго онъ продавалъ свои лекарства.

Къ сей продажѣ приступалъ онъ нѣсколько разъ въ день, и всякой разъ послѣ съигравія комедіантами какой-нибудь шутки. Не успѣтъ она окончиться, какъ выступаетъ онъ на театръ съ своими ларчиками и аптечками, и начиная, вынимая изъ оныхъ каждое лекарство поодиначѣ, показывать народу и съ превеликимъ крикомъ рассказывать и выхвалять удивительныя его дѣйствія и силы. Смѣшно было всякой разъ смотрѣть на сіи дѣйствія и на усерднѣйшія

старанія его обманывать народъ, и увѣрять каждаго о мнимои достовѣрности его лекарствъ; а того смѣшнѣе, что народъ и давалъ себя обманывать и покупать у него оная съ превеликою охотою. Не успѣтъ онъ показать какое лекарство, рассказать о его силахъ и дѣйствіяхъ и объявить оному цѣну, какъ въ тотъ же мигъ полетать къ нему изъ народа множество платковъ, бросаемыхъ къ нему отъ желающихъ оное купить съ завязанными въ нихъ толкими числомъ денегъ, какое было отъ него объявлено. И тогда начинается онъ, при вспоможеніи двухъ или трехъ мальчиковъ, обирать сіи деньги, и завывая въ тѣ платки лекарства, подавать оная съ театра ихъ хозяевамъ. По удовольствованіи всѣхъ однимъ лекарствомъ, вынимаетъ онъ другое, а потомъ и третье, и такъ продолжаетъ со всѣми и препровождаетъ въ томъ нѣсколько часовъ времени, и до-тѣхъ-поръ, повуда толпа народа еще велика. А какъ скоро народъ поразойдется, тогда онъ уходитъ за кулисы, а на мѣсто его выходятъ опять комедіанты и начнутъ сзывать опять народъ для слушанія и смотрѣнія новой комедіи, и какъ довольно онаго соберется, то начинается опять комедія и опять послѣ ей расхваливаніе и продажа лекарствъ.

Способъ сей выманывать у глупаго народа деньги показался намъ по необыкновенности весьма страннымъ и удивительнымъ; однако обманщикъ сей не только не оставался никогда въ накладѣ, но выманывалъ отъ народа множество денегъ, хотя въ самомъ дѣлѣ всѣ лекарства его состояли изъ сущихъ бездѣлицъ и ничего нестоящихъ вещей, какъ на-примѣръ, порошокъ, пилюль, пластырьковъ, корешковъ и другихъ тому подобныхъ вещей, которыя всѣ далеко такихъ дѣйствій не производили, какія имъ проповѣдуемы бывали.

Впрочемъ, какъ на ярмонку сію съѣзжалось изъ разныхъ нѣмецкихъ и лучшихъ городовъ множество купцовъ съ разными товарами, и оныя дѣйствительно можно было дешевле доста-

вать купить, нежели въ другое время, то отъ того дѣйствительно весь городъ сей былъ въ движеніи, и не оставалось дома, изъ котораго-бъ жители обоего пола, а особливо въ красные и хорошіе дни, не выѣзжали и не выходили на армонку, и когда не для покупанія, такъ для смотрѣнія и гулянія по оной. Однимъ словомъ, всё помянутыя обѣ недѣли, въ которыхъ продолжалась сія армонка, можно было почитать непрерывнымъ для сего города торжествомъ и праздникомъ, и въ красные дни можно было всѣхъ жителей онаго видѣть на улицахъ въ наилучшемъ ихъ убранствѣ и одеждахъ.

Всѣ сіи обстоятельства, а особливо послѣднее и побуждало всѣхъ нашихъ господъ офицеровъ посѣщать армонку сію ежедневно. Мы и каживали на оную всякій день, собираясь толпами и компаніями, и препровождали большую часть времени своего въ разгуливаніи по оной и по всему городу, и дѣлали сіе не столько для покупанія товаровъ, какъ для смотрѣнія на народъ и на всѣхъ жителей Кенигсберга и узнаванія оныхъ. Многие изъ нашей братьи, а особливо прворѣйшіе изъ прочихъ, дожидались случая сего уже давно съ нетерпѣливостью, какъ такого, при которомъ удобнѣе можно было имъ спознакомиться съ тѣми изъ жителей кенигсбергскихъ, съ которыми желали они въ особенности свести знакомство и получить входъ въ такіе дома, въ которыхъ находили они что-нибудь для себя привлекательное; и нѣкоторымъ изъ сихъ и удавалось достигать до искомаго ими. Другіе, напротивъ того, искали случаевъ къ сведенію вновь знакомства съ пріѣзжими изъ Польши, а особливо съ тамошними дворянками и употребляли разныя хитрости и обманы къ оболыщенію оныхъ. Иные съ такими-жъ мыслями шатались всюду и искали себѣ знакомицъ изъ молодыхъ тутопныхъ жительницъ; у множайшихъ же на умѣ были одиѣ только игры, мотовство и самое распутство, а иные дѣлали того хуже. Они упражнялись въ разныхъ заблеществахъ и непростительныхъ шалостяхъ,

а иногда и самыхъ непотребствахъ. Словомъ, армонка сія была для всѣхъ прямо соблазнительнымъ временемъ, и было-бъ слишкомъ пространно, еслибъ хотѣть описывать мнѣ все то, что тогда офицеры наши дѣлали и предпринимали, и къ какимъ шалостямъ и безпутствамъ армонка сія многимъ подала поводъ.

Теперь вообразите себѣ, любезный пріятель, какой опасности подверженъ былъ тогда я, живучи посреди такого общества и принужденъ будучи всякой день бывать съ такими людьми вмѣстѣ и совокупно съ ними повсюду ходить по всему городу и дѣлать имъ компанію: ибо при таковомъ всеобщемъ движеніи народа и по бывшей тогда непрекраснѣйшей погодѣ не можно было никакъ усидѣть одному дома; да хотя бы я и хотѣлъ, такъ товарищи мои меня до того никакъ не допускали и, заходя ко мнѣ, неволею вытаскивали. И истинно не знаю, что-бъ со мной и было, и какъ бы мнѣ сохраняться отъ всѣхъ золъ и соблазновъ, которымъ я могъ подверженъ быть при семъ случаѣ, еслибъ продолжилось сіе такъ долго? Единое средство, употребляемое мною къ спасенію моему, было только то, что я удалялся, сколько могъ, отъ ватагъ самыхъ негоднѣйшихъ изъ нашей братьи, а прилѣплялся наиболѣе къ такимъ, которые были сколько-нибудь прочихъ постепеннѣе. Однако, какъ и сіи не совсѣмъ отъ яда тогдашнихъ распутствъ освобождены были, то никакъ бы мнѣ не можно было уцѣлѣть и отъ поврежденія сохраниться, еслибъ паки не помогъ мнѣ особый и всего меньше мною ожидаемый случай, и невидимая рука Господня не отвлекла меня паки силою отъ бездны, по краю которой я тогда бродилъ и шатался. Ибо случилось же такъ, что въ самое то время, когда проклятая армонка сія была въ наибольшаго своего движенія; когда товарищи мои къ гулянію съ собою такъ меня приучили, что я уже охотно съ ними начиналъ ходить и приглашеніямъ ихъ послѣдовать, и когда нѣко-

нихъ, какъ я послѣ узнѣ

противъ меня тайный заговоръ, и приготовивъ для меня сущую пасть и такой соблазвъ, отъ котораго было-бъ мнѣ весьма трудно освободиться, пришли нарочно за мною, чтобъ меня подозвавъ вести съ собою, власно, какъ невинную жертву на погубленіе—въ самое то время, когда я, ничего о томъ не зная, не только итти съ ними соглашался, но уже съ крыльца квартиры своей сошелъ... приближалъ ко мнѣ, почти безъ души, нарочный отъ командира моего, бригадира моего Нумерса съ повелѣніемъ, чтобъ я не шель, а бѣжалъ тотчасъ къ нему, и не медлилъ бы ни единыя минуты дома, ибо-де есть до меня крайняя надобность.

Я удивился и не зналъ, что думать о семъ нечаянномъ и столь поспѣшномъ призваніи. Дѣло сіе было совсѣмъ для меня необыкновенное. До того не случалось еще ни однажды, чтобъ командиръ сей присылалъ за мною и на что-нибудь спрашивалъ, и я имѣлъ столь мало до него дѣла, что иногда въ цѣлую недѣлю не случалось мнѣ съ нимъ не только говорить, но его и видѣть. «Уже не просьба ли какая отъ кого на меня? думалъ я самъ въ себѣ:—и не къ отвѣту ли какому меня спрашиваютъ?» Извѣстно было мнѣ, что перѣдко такія жалобы приносили были начальникамъ на офицеровъ полку нашего, а особливо на тѣхъ, кои склоняе были прочихъ къ буянствамъ и всякаго рода шалостямъ, и что нѣкоторые за то и наказываемы были. Къ вѣщему усугубленію смятенія моего, вспомнилось мнѣ, что одна таковая шайка оныхъ, въ самый предслѣдующій предъ тѣмъ день, произвела на ярмонкѣ буянствомъ своимъ превеликій шумъ и смятеніе и что мнѣ нечаяннымъ образомъ при томъ быть случилось, и я зналъ, что на нихъ просить тогда собирались. «Ахъ, думалъ я:—уже не на сихъ ли друзей просьба, и не замѣшали-ль просители и мсня въ свое дѣло?»

Сердце у меня затрепетало при напоминаніи сего происшествія, и вся кровь во мнѣ взволновалась. Я хотя никакъ не замѣшая былъ въ сіе дѣло, но,

случившись нечаянно при томъ, стараясь еще ихъ унимать и уговаривать; по дѣло само-по-себѣ было очень дурно и скверно. Нѣкоторымъ изъ нашихъ молодцовъ, самыхъ безпутнѣйшихъ офицеровъ, случилось увидѣть цѣлую компанію молодыхъ дѣвушекъ, гулявшихъ по ярмонкѣ. Они, предъстасъ красотою оныхъ, подольнули къ нимъ какъ смола и старались нахальнѣйшимъ образомъ съ ними познакомиться. Сперва подступили они къ нимъ съ разными ласками, учтивствами и привѣтствіями, и какъ сіе имъ удалось, то нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе къ несчастію тогда нѣсколько подгулявшими, поступили далѣе и стали предпринимать уже съ ними нѣкоторыя оскорбительныя вольности и между прочимъ подзывать ихъ въ гости, на квартиру одного изъ нихъ, подлѣ самой того мѣста бывшую, и одинъ даже до того позабылся, что восхотѣлъ одну изъ нихъ насильно поцѣловать. Дѣвушкамъ сіе не полюбилось, всѣ онѣ были не самаго подлаго состоянія, но, какъ думать надобно, дочери средственнаго состоянія тамошнихъ мѣщанъ, и не на такую руку, чтобъ могли желаніямъ господъ сихъ соответствовать. Онѣ тотчасъ начали кричать и звать къ себѣ своихъ матерей и родныхъ, покупавшихъ тогда товары въ другой лавкѣ, и жаловаться имъ на дѣлаемое онымъ оскорбленіе. Сіи вступились за нихъ, и одинъ мужчина началъ имъ выговаривать. Господамъ нашимъ показалось сіе досадно. Они соответствовали ему грубостями и презрѣніемъ. Тотъ случился также быть неуступчивымъ. Онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же. Они начали браниться, и сіе произвело между ними ссору и такой шумъ и крикъ, что сбѣжалось къ мѣсту сему множество народа. Мнѣ случилось въ самое то время итти, съ однимъ изъ пріятелей моихъ, по самой сей улицѣ и увидѣть сію превеликую кучу народа и услышать крикъ сей. Изъ одинаго любопытства, восхотѣли мы подойти ближе и узнать тому причину. Но какъ удивились мы, увидѣвъ цѣлую шайку нашихъ офицеровъ, шумящихъ и

бранящихся съ пруссаками, и одного даже до того разъярившагося, что онъ ударилъ одного изъ нихъ въ рожу и схватилъ за волосы, хотѣлъ таскать и бить палкою. Мы бросились оба и недопустивъ его до сего глупаго предпріятія, старались развести ссору; намъ сіе и удалось, хотя не безъ труда, исполнить. Ибо что касается до нашихъ, то сихъ мы скоро уговорили перестать дурачиться; но не таково легко было успокоить раздосадованныхъ пруссаковъ, а особливо разъярившагося родственника обиженныхъ. И единное знаніе мое нѣмецкаго языка помогло мнѣ уговорить сего нѣмца, и взвалить всю вину сего происшествія на то обстоятельство, что обидѣвшій его родственникъ и самого его офицеръ былъ подгулявшій и не въ полномъ тогда умѣ и разумѣ. Сіимъ прекратилась тогда сія ссора: однако, нѣмецъ сей пошелъ, угрожая не оставить этого дѣла втунѣ, а употребить, гдѣ надлежитъ, просьбу.

Сіе досадное происшествіе пришло мнѣ тогда на память, и я не сомнѣвался почти, что сей нѣмецъ произвелъ просьбу, и догадывался, что, конечно, уже тѣ офицеры сысканы и меня спрашиваютъ для свидѣтельства и объясненія всего происходившаго. Я разспрашивалъ у присланнаго унтеръ-офицера: не знаетъ ли онъ, зачѣмъ меня призываютъ, и нѣтъ ли отъ кого какой просьбы и жалобы? «Не знаю, отвѣтствовалъ онъ:—только людей у губернатора много, и мужчинъ и женщинъ, и многіе изъ нѣмцевъ подавали ему бумаги»,—Какъ? у губернатора? спросилъ я удивившись:—развѣ ты отъ губернатора посланъ?—«Нѣтъ! говорилъ онъ:—но я у губернатора на ординарцахъ, а послалъ меня господинъ бригадиръ Нумерсъ. Они вышли отъ губернатора съ оберъ-комендантомъ и плацъ-майоромъ и приказали мнѣ бѣжать скорѣе къ вамъ и сказать, чтобъ вы изволили тотчасъ приттить къ нимъ въ замокъ».

Сіе привело меня еще въ пуще смущеніе. Я не сомнѣвался уже, что послано за мною по приказанію губернатора, и не понималъ, какая-бъ нужда была до

меня губернатору, котораго мы еще и не видали, потому что онъ наканунѣ того дня только приѣхалъ. Всѣ товарищи мои также тому дивились и не знали, что думать. Но какъ медлить мнѣ было не можно, а надлежало итти, то распрощались они со мною, изъявляя сожалѣніе свое о томъ, что не будутъ они имѣть меня въ тотъ день съ собою, и что я не буду имѣть соучастія въ томъ увеселеніи, которое они приготовили. Я не зналъ тогда, что слова сіи значили, и не о томъ тогда думалъ, чтобъ разспрашивать ихъ о чемъ; но послѣ узнавъ, что имѣли они самое гнуснѣйшее намѣреніе и что меня сими нечаяннымъ оторваніемъ отъ ихъ шайки, сама пекущаяся о благѣ моему, судьба похотѣла спасти отъ прѣвеликаго соблазна и искушенія.

Но отходъ ихъ, не сталъ и я медлить, но узнавъ, что мнѣ надобно итти въ квартиру самого губернатора, слѣшилъ только надѣть скорѣй иной мундиръ, и поправивъ волосы, пустился въ путь свой, имѣя сердце свое далеко не на своемъ мѣстѣ и углубившись въ различныя размышленія, такъ что не видавъ почти дороги, по которой шелъ.

Что было всему тому причиною и зачѣмъ меня призывали, о томъ услышите вы, любезный пріятель, впредь; а теперь дозвольте мнѣ, на семъ остановившись, письмо мое кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

ПРІЕЗДЪ КОРФА.

Письмо 62-е.

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что шелъ съ поспѣшеніемъ къ призывающему меня бригадиру Нумерсу, въ самый тотъ замокъ, куда я до того всякой день хаживалъ. Но никогда не отправляя я сего пути съ столь безпокойнымъ духомъ, какъ въ сей разъ! Очевидная почти достовѣрность, что спрашиваютъ меня по приказанію самого губернатора и можетъ быть къ самому ему, и слухъ, носившійся о семъ

еще намъ губернаторѣ, что онъ былъ чловѣкъ весьма горячаго и вспыльчиваго нрава, а притомъ природою нѣмчина, приводилъ меня въ великое смущеніе. Извѣстно было, что всѣ нѣмцы были особливими защитниками всѣхъ своихъ единовѣрцевъ и неизвѣстность, не таковъ же ли и сей, каковъ былъ ревельской господинъ Ливенъ, который принесъ мнѣ тогда въ память, разстроивала еще пуще мои мысли и наводило опасеніе, чтобъ мнѣ при семъ случаѣ въ чужомъ пиру не претерпѣть похмѣлья и за шалости другихъ не понести на себѣ какого слова и нареканія или, по крайней мѣрѣ, не подать губернатору при первомъ случаѣ худого о себѣ мнѣнія. Я готовился уже заблаговременно къ возможнѣйшимъ себя оправданіямъ, и вымышлялъ рѣчи и слова, которыя бы мнѣ говорить предъ губернаторомъ, если дойдетъ до того, что онъ меня о томъ спрашивать или гнѣвъ свой изъявлять станетъ, и приближался къ замку съ трепещущимъ сердцемъ.

Теперь, остановясь на минуту, разкажу вамъ, любезный пріятель, нѣсколько болѣе о семъ губернаторѣ, о которомъ я не имѣлъ еще случая съ вами говорить. Онъ былъ одинъ изъ тогдашнихъ нашихъ придворныхъ вельможей, назывался баронъ Николай Андреевичъ Корфъ, и чиномъ хотя не выше генералъ-поручика, но при дворѣ въ нарочитомъ уваженіи и милости у самой тогда царствовавшей императрицы. Сію милость приобрѣли ему не собственныя его достоинства, которыя были весьма и весьма умѣренны, но то обстоятельство, что онъ женатъ былъ до того на госпожѣ Скавронской, находившейся, по причинѣ нѣкотораго родства, въ особенной милости у императрицы. По ней получилъ онъ и чины и богатство, и по ней былъ онъ и въ сіе время еще въ знати и въ уваженіи, хотя жена его и умерла уже за нѣсколько до того лѣтъ. Ибо какъ другая ея сестра, а его свояченица, была за тогдашнимъ великимъ канцлеромъ, графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Ворон-

цовымъ и сей вельможа былъ въ великой силѣ, то поддерживалъ онъ и сего своего свояка и доставилъ ему сіе губернаторское мѣсто, которое было тогда весьма знаменито, ибо съ должностію сего сопряжено было управленіе всѣмъ королевствомъ Прусскимъ, хотя впрочемъ былъ онъ къ тому неслишкомъ способенъ и дарованія его были столь незнамениты, что онъ, хотя всю свою жизнь въ Россіи препроводилъ и до старости дожилъ, но не умѣлъ и тогда еще не только писать по-русски, но ниже подписывать свое имя, а подписывалъ оное всегда по-нѣмецки. Изъ сего одного можно уже сдѣлать заключеніе и о прочемъ.

Но какъ бы то ни было, по онъ избранъ и опредѣленъ былъ для управленія сіимъ важнымъ постомъ, который равнялся съ императорскимъ мѣстомъ, и приѣхалъ къ намъ въ Кѣнигсбергъ съ превеликою помпю и многочисленною свитой. Всѣ городскіе начальники и лучшіе люди встрѣчали его торжественно и препроводили въ замокъ, какъ мѣсто, назначенное ему для жилища. Тутъ расположился онъ въ самыхъ тѣхъ покояхъ, гдѣ жила въ прежнія времена самые герцоги и владѣтели прусскіе, и съ самаго приѣзда своего началъ жить и вести себя съ такою пышностію и великолѣпіемъ, что съ того времени весь Кѣнигсбергъ власно какъ оживотворился и пошло въ немъ все другое. Но сего о немъ теперь довольно; впередъ услышите вы отъ меня болѣе, а теперь возвращусь къ продолженію повѣствованія о себѣ.

Къ сему-то пышному и знаменитому вельможѣ готовился я тогда предстать, не вѣдая ни мало, зачѣмъ и за какія дѣла. Признаюсь, что, наслышавшись о его характерѣ, съ трепетомъ приближался я тогда къ замку. Но о, сколь сильно обманывался я тогда въ своихъ мысляхъ! Мнѣ не страшиться, а радоваться надлежало-бы, еслибъ я могъ тогда предвидѣть, какія послѣдствія произойдутъ современемъ отъ тогдашняго меня туда призвана, и что воспослѣдуетъ со мною послѣ. Нынѣ благословляю я тотъ часъ, въ кото-

рый учинена была тогда за мною послы-
ка, но тогда не только мнѣ, но никакому
смертному нельзя было того предвидѣть.

Не успѣлъ я приттись къ замку, какъ
посланный за мною дожидаясь уже меня
у воротъ, и, подхвативъ, провелъ меня
по гѣстницамъ тотчасъ въ переднія ко-
мнаты губернаторскія. Я нашелъ ихъ на-
полненныя множествомъ всякаго народа:
было тутъ множество нашихъ военнору-
жащихъ, было множество и городскихъ
всякаго рода жителей и, между прочимъ,
такихъ, о которыхъ я могъ заключить,
что они были просветители. Я искалъ гла-
зами моими, не увижу ли того нѣмца, о
которомъ я наиболѣе сомнѣвался, и одинъ
показался мнѣ на него похожимъ. — «Такъ!
возопилъ я втайнѣ самъ къ себѣ:—это онъ,
проклятый! и отъ него, конечно, всѣ сіи
бѣды горятъ!» Но не успѣлъ еще я словъ
сихъ въ умѣ своемъ выговорить, какъ
растворились изъ внутреннихъ покоевъ
двери и показался самъ его превосходит-
тельство въ голубой своей кавалеріи и въ
звѣздахъ. Онъ шествовалъ въ провожаніи
множества знатныхъ особъ чрезъ сей по-
кой для осматриванія другихъ комнатъ
сего замка. Какъ мнѣ не случилось еще до
того времени сего знаменитаго вельмо-
жу видѣть, то съ трепещущимъ сердцемъ
устремилъ я на него свои взоры и, къ
удивленію моему, нашелъ его совсѣмъ не
такимъ, какимъ воображалъ я его себѣ
не выдавши. Вмѣсто суровости и звѣрства,
на лицѣ его представлялись мнѣ только
черты, изображающія нѣчто меланхоли-
ческое. Онъ былъ уже не молодыхъ лѣтъ,
высокаго роста, собою очень бѣлъ и ра-
сположенія лица особливаго: не видно
было въ немъ ни отнѣнаго пріятства,
ни жестокости; не было ничего плѣняю-
щаго, и не было ничего отвратительнаго.

Все сіе успокоило меня нѣсколько; но
я не успѣлъ еще собраться съ духомъ, какъ
усмотрѣлъ меня командиръ мой, бригадиръ
Нумерсъ. «Ахъ, вотъ и ты здѣсь!» ска-
залъ онъ, и тотчасъ, отвернувшись, подсту-
пилъ къ господину Корфу. «Вотъ тотъ офи-
церъ, сказалъ ему:—о которомъ я вашему
высокопревосходительству докладывалъ».

Его превосходительство тотчасъ на меня
оглянулся и, окинувъ меня съ головы до
ногъ глазами, разсудилъ не только отъ
шестніа остановиться, но, подступивъ
шага два ко мнѣ ближе, съ особливою
благопріятностью началъ со мною гово-
рить. «Я слышалъ, мой другъ, сказалъ
онъ мнѣ:—что ты умѣешь говорить по-
нѣмецки и хорошо пишешь, и госпо-
динъ бригадиръ Нумерсъ рекомендуетъ
мнѣ васъ, что вы хорошаго поведенія».
Я учинилъ ему пренизкій поклонъ и не
успѣлъ еще ничего сказать въ отвѣтъ,
какъ подхватилъ господинъ Нумерсъ
его рѣчь и началъ вновь увѣрять его о
моихъ способностяхъ и прилежности.
Старичокъ, полковникъ мой, случившійся
на сей разъ тутъ же, выспался также въ
рѣчь и увѣрять генерала по-нѣмецки, что
я наилучшій офицеръ въ его полку; что
отецъ мой былъ его предшественникъ, и что
весь полкъ не можетъ ничего сказать обо
мнѣ, кромѣ хорошаго. — «Такъ», присово-
купилъ къ сему мой капитанъ Гневупевъ,
случившійся тутъ же:—«онъ моей роты,
и я могу, съ своей стороны, засвидѣтель-
ствовать, что онъ всякой похвалы досто-
инъ, и сіе могутъ сказать всѣ полку на-
шего офицеры».

Таковая общая отъ всѣхъ рекомендаціи
и внимательное смотрѣніе на меня гене-
рала, обратила глаза всей многочислен-
ной свиты, идущей за господиномъ Кор-
фомъ. Съ меня свалилась тогда какъ пре-
великая гора, и я стоялъ почти внѣ себя
отъ радости и удовольствія, слышавъ толь-
ко многія и отъ всѣхъ себѣ похвалы и такія
рекомендаціи, какихъ я всего меньше ожи-
далъ. Совсѣмъ тѣмъ, не зная я, къ чему
все сіе клонилось и что-бъ такое собствен-
но значило. Но, какъ по крайней мѣрѣ
могъ я тогда ясно видѣть, что призванъ
былъ я незатѣмъ, зачѣмъ я думалъ, а для
чего-нибудь другого, то, ободрившись
гораздо, могъ уже смѣлѣе и съ спокой-
нѣйшимъ духомъ отвѣчать на дальнѣйшіе
вопросы его превосходительства. — «Это
очень хорошо! сказалъ онъ:—и для мо-
лодого офицера довольно ~~много~~ за-
служить себѣ такую честь ~~много~~ ~~много~~».

скажи ты мнѣ, мой другъ, можешь ли ты переводить съ нѣмецкаго на русскій? — Могу, ваше превосходительство! сказалъ я: — но не весьма хорошо, и въ переводахъ упражнялся мало! — «Ахъ нѣтъ, ваше превосходительство, подхватижь мой капитанъ: — онъ переводить изряднехонько и мнѣ случилось читать его переводы». — «Такъ хорошо-жь, батюшка! сказалъ тогда генералъ: — останьтесь вы здѣсь и потрудитесь перевести мнѣ нѣсколько бумагъ». Потомъ, обратясь къ одному изъ своихъ совѣтниковъ, шедшихъ за нимъ, приказалъ отдать мнѣ нѣкоторыя бумаги и отвести мнѣ мѣсто, гдѣ-бъ, надъ тѣмъ трудиться, а самъ пошелъ со свитою своею далѣе.

Неожиданное такое явленіе смутило меня и удивило. Я всего меньше думалъ и ожидалъ, чтобъ я за симъ только былъ призванъ, и чтобъ мнѣ тотчасъ уже вступить принуждено было и въ работу. Но смущеніе мое еще болѣе увеличилось, какъ помянутый совѣтникъ, подхватя меня въ тотъ же мигъ за руку, повелъ чрезъ многіе покои и, приведя наконецъ въ одну, отдаленнѣйшую и превеликую комнату, посадилъ за столъ и вынеся изъ другой чернильницу и бумаги, вытащилъ цѣлый пукъ бумагъ изъ кармана и учтивымъ образомъ мнѣ предложилъ, чтобъ я надъ ними испыталъ свои силы и способности и постарался-бъ колико можно поскорѣе перевести оныя, и потомъ, оставивъ меня одного, ушелъ прочь.

«Вотъ тебѣ нѣ!» сказалъ я самъ въ себѣ, провожая глазами отходящаго совѣтника. «Ни думано, ни гадано, попался молодецъ, какъ мышь западню, и вмѣсто того, что другіе теперь гуляютъ и веселятся, изволь-ка посидѣть и потрудиться. Но хорошо! посмотримъ-ка, что такое переводить?..» Тогда началъ я пересматривать и перебирать оставленныя бумаги, и увидѣвъ, что ихъ было болѣе десяти, воскликнулъ: «Э! э! э! какая ихъ тьма! ихъ и въ трое сутокъ не переведешь!.. Я покорно благодарствую!..»

Симъ образомъ восклицалъ я, не зная еще содержанія оныхъ; но какъ началъ

я далѣе разсматривать и читать, то удовольствіе мое еще болѣе увеличилось. Я увидѣлъ, что были это все прошенія, поданныя губернатору отъ людей разнаго состоянія изъ кѣнигсбергскихъ жителей, и всѣ писанныя такимъ страннымъ, тѣмнымъ, безтолковымъ и нескладнымъ слогомъ, какого мнѣ еще никогда читать не случалось и который заставилъ бы наилучшаго переводчика потѣтъ надъ собою; а что меня еще болѣе поразило, то многія изъ нихъ писаны были прямо глупымъ и безтолковымъ ихъ канцелярскимъ слогомъ, и наполнены множествомъ латинскихъ словъ и такихъ терминовъ, какихъ мнѣ никогда и слышать не случилось. Словомъ, многія изъ нихъ были таковы, что мнѣ и въ голову совсѣмъ не лѣзли, и я не понималъ и десятой доли изъ того, что въ нихъ было написано. «И! и! и!» возопилъ я тогда, качая головою. «Да что мнѣ будетъ дѣлать съ ними и какъ переводить? Ну, прямо сказать, хорошъ я теперь гусь! и нелегкая ли самая догадала меня сказать, что я переводить умѣю. Ну, что теперь изволишь дѣлать? хоть не радъ, а будь готовъ и принимайся за перо».

Словомъ, обстоятельство сіе меня такъ смутило, и переводъ бумагъ сихъ казался мнѣ столь труднымъ, что у меня сердце начало такъ же биться отъ сего, какъ билось прежде отъ опасенія, и я не радъ уже былъ всѣмъ слышаннымъ за нѣсколько минутъ до того себѣ похваляемъ и всему знанію своему нѣмецкаго языка. Нѣсколько минутъ не зналъ я, что дѣлать. Но какъ дѣло было уже сдѣлано и возвратитъ того было уже не можно, то, вздохнувъ и погоревавъ, выбралъ одну, которая была поменьше и которой слогъ казался мнѣ полегче и вразумительнѣе, принялся я за перо и началъ переводить.

Но не успѣлъ я нѣсколько строкъ написать, какъ трудность перевода стала казаться мнѣ отчасу болѣе, и я прямо начиналъ чувствовать всю тягость сего дѣла. По необыкновенности моею къ переводамъ такового рода, встрѣчались мнѣ

на всякой почти строкѣ новыя затрудненія и такія мѣста, которыя мнѣ никакъ не лѣзли въ голову и кои я не зналъ, какъ перевести по-русски. Помучившись нѣсколько минутъ надъ одною и пришедъ въ совершенный тупикъ, бросилъ я сію и взялъ другую бумагу, въ надеждѣ, не лучше ли и не легче ли та будетъ: но небольшой опытъ доказалъ мнѣ, что переводъ сей былъ еще труднѣе первой; я подхватилъ третью, но сія ничѣмъ не была лучше прежнихъ, но еще труднѣе. «Господи помилуй! восклицалъ я:—что за черти все это писали, и найду ли я хоть одну потолковитѣе». Наконецъ попалась мнѣ одна сколько-нибудь другихъ повразумительнѣе, и я хотя съ трудомъ и нескоро, однако перевелъ.

Въ самое то время вошелъ ко мнѣ прежде упомянутый совѣтникъ посмотрѣвъ что я дѣлаю. «Что, батюшка, говорилъ онъ мнѣ:—идеть ли ваше дѣло на ладъ?»—Что, сударь!.. отвѣчалъ я ему:—дѣло мое худо клеится! Никогда еще мнѣ не случалось переводить писаніевъ такого рода, и весьма много въ нихъ совсѣмъ для меня непонятнаго; а особливо есть во многихъ слова и цѣлыя рѣчи на латинскомъ языкѣ, которыхъ, по неумѣнію этого языка, я вовсе не разумѣю.—«О, батюшка! сказалъ онъ:—какъ-нибудь бы! а что касается до словъ латинскихъ и такихъ, которыхъ вы не разумѣете, то можете меня спрашивать. Я не поставлю за трудъ вамъ растолковать. Между тѣмъ, однако, перевели-ль вы что-нибудь?»— Вотъ перевелъ одну, сказалъ я ему, подавая. Онъ прочелъ мой переводъ и казался быть имъ довольнымъ. — «Это довольно ужъ изрядно!» сказалъ онъ, и взявъ и переводъ и подлинникъ, пошелъ отъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ возвратился онъ обратно и сказалъ мнѣ, что его превосходительство приказалъ мнѣ объявить свое благоволеніе и притомъ сказать, чтобъ я теперь шелъ на свою квартиру, а въ послѣдующій день поутру приходилъ бы опять туда и продолжалъ свою работу.

Вѣсти сіи были для меня не весьма

приложеніе къ „русской старинѣ“. 1870 г.

приятны. «Воленъ Богъ! думалъ я самъ себя, и со всѣмъ благоволеніемъ его высокопревосходительства и со всѣми вашими похвалами, а я охотнѣе бы хотѣлъ не имѣть съ вами дѣла и остаться дома жить по прежнему».

Итакъ, въ превеликомъ огорченіи и въ досадѣ и на губернатора, и на всѣхъ, и на самого себя, пошелъ я въ свою квартиру и прогоревалъ весь достальной вечеръ о томъ, что со мною случилось. Но какъ пособить себѣ было нечѣмъ, то поутру на другой день вѣхота потащился я опять въ замокъ и въ прежніе герцогскіе чертоги, но которые, несмотря на все древнее свое великолѣпіе, показались мнѣ тогда сущю тюрьмою; ибо досада моя на проклятыя и безтолковыя бумаги была такъ велика, что не прельщала меня ни древняя архитектура, ни тканые историческіе обои, коими обита была та пространныя храмина, въ которой, въ сущемъ уединеніи, препроводилъ я часа два накануне того дня въ головоломной работѣ: но я проклиналъ все на свѣтѣ и не хотѣлъ удостоявать ихъ и взоромъ своимъ.

Пришедъ туда, къ удивленію моему, увидѣлъ я всю сію комнату наполненную уже множествомъ людей. Было въ ней оставлено уже нѣсколько столовъ и сидѣли за ними разные канцелярскіе служители, и писали. Я легко могъ догадаться, что комнаты сіи ассигнованы для канцеляріи губернаторской, и догадка моя была справедлива. Господинъ Корфъ привезъ съ собою всѣхъ пужныхъ чиновниковъ для основанія въ Кѣнигсбергѣ російской губернской канцеляріи. Были съ нимъ два совѣтника, два секретаря, протоколистъ и нѣсколько челоуѣвъ приказныхъ служителей, какъ-то: канцеляристовъ, подканцеляристовъ и копистовъ, однимъ словомъ, канцелярія полная, и она-то помѣщена была, на первый случай, въ сихъ комнатахъ, и та, гдѣ я накануне того дня писалъ, сдѣлана подъяческою, а другая, побочная, судейскою, и тамъ засѣдали совѣтники и секретари съ протоколистомъ.

Не успѣлъ я притти-

ни

совѣтникъ, который одинъ только изъ всѣхъ ихъ былъ родомъ нѣмецъ, вывелъ ко мнѣ изъ судейской перваго секретаря, и съ слѣдующими словами меня ему съ рукъ на руки отдалъ: «вотъ вамъ Тимошей Ивановичъ, человекъ, котораго одного вамъ недоставало».

Секретарь сей показался мнѣ набитымъ наиглупѣйшею подъяческою спѣсью. Въместо того, чтобъ со мною обласкаться или меня привѣтствовать, не хотѣлъ почти онъ удостоить меня и своимъ взоромъ, но съ нѣкоторою грубостью и презрѣніемъ отвѣтствовалъ совѣтнику: — «Да въ состояніи ли онъ это дѣло дѣлать?» — Понавыкнетъ! — сказалъ господинъ Бауманнъ, ибо такъ назывался сей совѣтникъ: — а до того времени уже мы ему какъ-нибудь пособлять станемъ. — «То дѣло иное!» отвѣтствовалъ секретарь усмѣхнувшись и взглянувъ на меня, власно какъ съ нѣкакимъ презрѣніемъ, пошелъ въ судейскую.

Такой приемъ на первой встрѣчѣ былъ мнѣ весьма непріятенъ. «Что за чортъ это? думалъ я самъ въ себѣ. Самъ генералъ такъ гордо со мною не обходился, какъ этотъ горделивецъ»; но не успѣлъ я сего подумать, какъ вышелъ онъ опять и вынесъ ко мнѣ не только прежнія, но нѣсколько еще новыхъ бумагъ, и, швырнувъ почти мимоходомъ ко мнѣ на столъ, сказалъ: — «Изволь-ко! изволь-ко вотъ все это перевести — посмотримъ-ко твоего умѣнья!»

Досадна мнѣ была таковая грубость; и сколько я въ такихъ случаяхъ ни былъ терпѣливъ, однако не могъ тогда перепестъ сего съ спокойнымъ духомъ и утерпѣть, чтобъ ему не сказать: «Какъ-ково, сударь, умѣется, такъ и переведу; а если будетъ негодно, такъ прошу того на мнѣ не взскипать. Я никогда переводчикомъ не бывалъ и охотою къ сему дѣлу не набивался, а меня неволею сюда призвали; я не искалъ того».

Слова сіи сказаны были весьма кстати и произвели свое дѣйствіе; ибо, сколько казалось мнѣ, то съ того времени сталъ онъ обходиться со мною повѣжливѣе,

или по крайней мѣрѣ далеко не такою грубо, какъ сначала.

Но хотя я господина сего смѣю образомъ и отболталъ, однако дѣла своего тѣмъ не исправилъ, ибо переводить всѣ такъ было надобно и переводить много. Итакъ, принался я за свою скучную работу, и хотѣлъ ее, власно какъ на зю сему умницѣ секретарю, пронзвестъ koliko можно лучше въ дѣйство, дабы приобрести чрезъ то похвалу отъ совѣтниковъ. Но я истинно не знаю, удалось ли мнѣ учинить по желанію, еслибъ печальный случай не сдѣлалъ мнѣ въ томъ неожиданымъ образомъ великаго вспомоствованія.

Не успѣлъ я, сидячи одинъ и за особымъ столомъ, начать свою работу, какъ вошелъ въ нашу комнату одинъ прусскій оберъ-секретарь изъ канцеляріи главнаго ихъ правительства, въ провожаніи двухъ нѣмецкихъ канцелярскихъ служителей. Сему оберъ-секретарю велѣно было имѣть въ нѣкоторые часы засѣданіе вмѣстѣ съ нашими совѣтниками и сноситься по дѣламъ своей канцеляріи съ нашею; и какъ вся часть дѣлъ, относящаяся до внутренняго управленія королевствомъ Прусскимъ, должна была производиться имъ и упомянутымъ нашимъ совѣтникомъ Бауманомъ на нѣмецкомъ языкѣ, и обоемъ имъ было всегда множество письма, то, для переписыванія ихъ бумагъ, и приведены были помянутые два нѣмца и приобщены къ нашей канцеляріи, а, по особливому моему счастью, такъ случилось, что посажены они были за одинъ столъ со мною.

Не могу довольно изобразить, какъ обрадовался я, получивъ себѣ сихъ двухъ товарищей. Оба они были люди изрядные, и какъ скоро они примѣтили, что я перевожу съ нѣмецкихъ писемъ, то за первый себѣ долгъ сочили со мною на нѣмецкомъ языкѣ навѣжливѣйшимъ образомъ обласкаться и свести со мною первое знакомство. Обстоятельство, что они не умѣли ни одного слова по-русски, а изъ всѣхъ нашихъ канцелярскихъ служителей никто, кромѣ меня, не умѣлъ го-

ворить по-нѣмецки, побудило ихъ къ тому еще болѣе. Они, будучи тутъ какъ въ лѣсу, между незнакомыми и ихъ неразумѣющими людьми, рады были невѣдомо какъ, что нашли человѣка, съ которымъ могли они разговаривать, а я не меньше радовался ихъ сообществу, но радость моя происходила отъ другой причины. Я не сомнѣвался, что тотъ проклятый канцелярскій нѣмецкій слогъ, который мнѣ всего болѣе въ переводахъ досаждалъ и для меня былъ вовсе невразумителенъ, имъ, какъ канцелярскимъ служителямъ, долженъ быть извѣстенъ, и я положилъ воспользоваться ихъ знаніемъ и просить ихъ, чтобъ они мнѣ значеніе нѣкоторыхъ выраженій и словъ растолковали. Я и не обманулся въ моемъ мнѣніи и ожиданіи. Не успѣлъ я, къ нимъ равнобѣрно приласкавшись, съ ними ознакомиться и имъ нужду мою изъяснить, какъ съ превеликою охотою согласились они мнѣ всякое сумнительное слово, а особливо латинскія рѣчи растолковывать и столь ясно на простомъ и обыкновенномъ языкѣ изображать, что мнѣ не трудно уже было понимать все значеніе оныхъ и выражать ихъ на своемъ языкѣ. Словомъ, они обрадовали и одолжили меня тѣмъ до безконечности и сдѣлали то, что я въ состояніи былъ до объѣда перевести болшую часть изъ данныхъ мнѣ бумагъ, и столь порядочно и хорошо, что посрамилъ тѣмъ высокоуміе господина секретаря и заставилъ его поневолѣ признаться, что переводъ мой былъ довольно вразумителенъ. Что-жь касается до обоихъ господъ совѣтниковъ, то сіи не могли довольно приписать мнѣ похвалъ за мою прилежность и усердіе и наипокровѣйшимъ образомъ просили, чтобъ я продолжалъ трудиться далѣе.

Получивъ таковую побѣду надъ высокоумѣннымъ секретаремъ, началъ я уже съ меньшимъ неудовольствіемъ продолжать далѣе свое дѣло; а вскорѣ дошла сему господину и самому до меня нужда: пришелъ къ намъ одинъ изъ жителей кѣнигсбергскихъ, съ которымъ нужно было ему поговорить; но какъ онъ не умѣлъ

по-нѣмецки, а тотъ ничего по-русски, то самая нужда заставила его просить меня, чтобъ я взялъ на себя трудъ и между ними потолмачилъ. Я, отложивъ всю прежнюю досаду мою на него, охотно согласился исполнить его просьбу, и маленькая сія услуга произвела то, что онъ не только пересталъ меня презирать, но, сдѣлавшись ко мнѣ благосклоннымъ, благоволеніе свое даже до того простеръ, что какъ въ самое то время пришелъ генеральскій адъютантъ звать ихъ всѣхъ обѣдать, то меня спросилъ, далече ли я стою на квартирѣ, и услышавъ, что до квартиры моей около двухъ верстъ будетъ, возопилъ: «И, братецъ, такъ зачѣмъ же тебѣ ходить такую даль домой обѣдать; а ты можешь обѣдать вмѣстѣ съ нами. Мы, по милости Николая Андреевича, имѣемъ для себя всегда готовый столъ, и ты можешь всегда ѣсть вмѣстѣ съ нами. Пойдемъ-ка, сударь! Я доложу о томъ самому генералу».

Я удивился такой нечаянной переменѣ въ семъ ненавистномъ до того мнѣ человѣкѣ, и охотно послѣдовалъ за нимъ во внутренніе покои генеральскіе. Тутъ, дѣйствительно, доложилъ онъ о томъ генералу, который не только представленіе его одобрилъ, но какъ ему обо мнѣ и о переводахъ моихъ все уже пересказано было отъ совѣтниковъ, и отъ самаго сего въ особливомъ кредитѣ у него находящагося секретаря, то восхотѣлъ поступить далѣе и изъяснить самолично мнѣ свое благоволеніе. Меня влкнули тотчасъ къ нему, и не успѣлъ я войтить, какъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ онъ: «Я очень доволенъ, мой другъ, твоими трудами: ты переводишь довольно хорошо. Итакъ, ходи въ канцелярію мою всякій день и помогай намъ далѣе, а обѣдай у меня всегда здѣсь съ секретарями: куда тебѣ ходить въ такую даль на квартиру!»

Я учинилъ ему пренизкій поклонъ и былъ ласкою его совершенно доволенъ; и какъ чрезъ то самое сдѣлался я въ штату его власно приобщеннымъ, то съ сего времени и начался на мнѣ совѣтъ иной и

и, и тѣмъ періодъ

оной, который для меня въ особливости былъ достопамятенъ.

Въ предбудущихъ письмахъ опишу я вамъ оный обстоятельницае, а теперь прервѣю сѣ письмо, остаюся навсегда вашъ и прочѣ.

ПРИ КОРФѢ.

Письмо 63-е.

Любезный пріятель! Вышеупомянутое, всего меньше ожидаемое и хотя не формальное, а приватное приобщеніе меня къ штату губернатора Корфа, составляло весьма важную и поистинѣ достопамятную эпоху въ моей жизни. Ибо отъ сего пребыванія моего при семь генералѣ происходили такіа слѣдствія, которыя имѣли на всѣ послѣдующіе дни жизни моей великое вліяніе. И какъ изъ сихъ слѣдствій наибольшимъ было то, что я во всемъ нравственномъ моемъ характерѣ перемѣнился и перемѣна сія положила первѣйшее основаніе всему благоденствію дней моихъ, то я не инако заключаю, что произошло сіе не случайнымъ образомъ, а по особливому смотрѣнію Небесъ и по дѣйствию пекущагося обо мнѣ всегда промысла Господня. Его святой волѣ было угодно, чтобъ случилось тогда со мною сіе происшествіе, произшедшее во всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ моихъ великую и для меня весьма блаженную перемѣну. Однако я удержусь пересказывать вамъ напередѣ то, о чемъ узнать вы должны послѣ и въ свое время, а скажу только то, что я и понынѣ не могу еще довольно возблагодарить Бога, напоминая сей случай, и надивиться тому, какое особливое обстоятельство и повидимому самая бездѣлица подала ко всему тому первоначальный поводъ.

Оное состояло въ слѣдующемъ: господинъ Корфъ, собираясь изъ Петербурга къ путешествію своему въ Кѣнигсбергъ и набирая всѣхъ нужныхъ для основанія тутъ губернской канцеляріи людей, хотя и возможнѣйшія старанія прилагалъ о наполненіи штата своего всѣми нуж-

ными и способными людьми и чиновниками, и могъ сіе тѣмъ лучше учинить, что дано было ему дозволеніе брать ихъ откуда онъ только похочетъ; но волѣ Небесъ было угодно, что ни ему и никому изъ всѣхъ избранныхъ имъ чиновниковъ не пришло тогда въ память, что по прибытіи въ Кѣнигсбергъ, вся будуща канцелярія его состоятъ будетъ во всегдашнемъ сношеніи съ нѣмцами и имѣть дѣло не съ одними русскими, а вкуцѣ и съ нѣмецкимъ народомъ, и что для сего необходимо нуженъ былъ имъ переводчикъ. Сіе обстоятельство вышло у нихъ совѣтъ изъ головы, и они не прежде встрінулись, что они сіе позабыли, какъ по приѣздѣ уже въ Кѣнигсбергъ, и когда дѣло уже дошло до основанія самой канцеляріи. Тогда, но уже поздно, встрінулись они и увидѣли свою ошибку. Сожалѣніе у нихъ у всѣхъ было о томъ чрезвычайное. Самъ генералъ тужилъ о томъ невѣдомо какъ, и досадовалъ на своихъ секретарей, для чего они ему не напомнили, а сіи возлагали всю вину на него и совѣтниковъ, коимъ болѣе бы о томъ знать и помнить надлежало. Словомъ, всѣ они обвиняли другъ друга; но какъ сіе не помогало, а переводчикъ имъ былъ надобенъ, и секретари, неразумнѣйшіе ни одного слова по-нѣмецки, отдуху не давали генералу и совѣтникамъ, чтобъ они снабдили канцелярію толмачемъ и переводчикомъ, то самое сіе и было причиною, что генералъ сей тотчасъ началъ спрашивать у оберъ-коменданта, господина Трейдена и у бригадира Нумерса, которые тогда Кѣнигсбергомъ управляли, нѣтъ ли у нихъ кого изъ офицеровъ, могущаго отправлять сію должность, и судьбѣ было угодно, чтобъ симъ первый попался я на умъ. Они объявили обо мнѣ генералу, и сіе самое причиною было прежде упомянутой за мною присылки и тому, что я попался въ сіе мѣсто и долженъ былъ отправлять должность и толмача и переводчика.

Вотъ какія малыя и отдаленныя причины употребляются иногда providѣніемъ Господнимъ къ сооруженію благо-

денствія тѣхъ, кого угодно ему одарить имъ. Но я возвращусь теперь къ продолженію моей исторіи.

Не успѣлъ генеральгъ вышеупомянутымъ образомъ изъяснить мнѣ публично при всѣхъ свое благоволеніе и приказать обѣдать всегда у него въ домѣ, а я выттиять опять въ ту комнату, гдѣ для насъ накрытъ былъ особый столъ, какъ всѣ нижніе чиновники, составляющіе его штатъ, окружили меня и начали со мною какъ съ новымъ своимъ сотоварищемъ и сотрудникомъ ознакомливаться и ко мнѣ ласкаться. Были тутъ оба наши секретари, протоколистъ, генеральскій адъютантъ, одинъ живущій при генералѣ итальянецъ и еще нѣкоторые другіе и все незнакомыя еще мнѣ люди. Но никто изъ всѣхъ ихъ такъ скоро со мною не познакомился и такъ много ко мнѣ не ласкался, какъ генеральскій адъютантъ. Былъ онъ малый молодой и притомъ хотя поповичъ и сынъ преображенскаго протопопа, но воспитанъ такъ хорошо, что въ немъ не было ничего похожего на его природу, но онъ не уступалъ ни въ чемъ и лучшему дворянину. Знаніе его языковъ, охота къ книгамъ и наукамъ, одинаковыя со мною гѣта и самый дружелюбный и хорошій его нравъ были причиною тому, что мы въ одинъ почти мигъ съ нимъ познакомились и другъ друга полюбили: и могу сказать, что я дружбою его всегда былъ доволенъ. Но никогда онъ меня такъ не одолжилъ, какъ при семъ первомъ случаѣ. Онъ первый приласкался ко мнѣ; и не успѣлъ узнать, что я разумѣю языки и также охотникъ до наукъ, какъ и пошли у насъ съ нимъ разговоры, и онъ такъ ко мнѣ привязался, что посадилъ за столомъ подлѣ себя и во все обѣдъ старался меня, какъ гостя, подчивать.

Столъ сей былъ у насъ особый отъ генеральскаго и въ другой, подлѣ столовой его, комнатѣ, но немногимъ чѣмъ хуже генеральскаго, и какъ кушаньями, такъ и напитками такъ изобилентъ, что лучшаго желать было не можно; а что все-го было лучше, то не было за онимъ таковой

принужденности и чиновъ, какая наблюдалась за самымъ генеральскимъ столомъ, гдѣ онъ обѣдалъ съ своими совѣтниками и гостями, которыхъ всегда бывало у него по нѣсколькѣ человекъ. Но у насъ господствовала совершенная вольность: вслѣдствіи говорилъ что хотѣлъ и другъ съ другомъ шутилъ и смѣялся, и никому не воздавалось никакого особаго почтенія, что все и придавало обѣдамъ сямъ болѣе пріятности.

Насытившись и напившись за генеральскимъ столомъ, пошли мы опять въ канцелярію, и принявшись за свои дѣла, просидѣли до самыхъ сумерекъ, такъ что я на квартиру свою возвратился уже ночью.

Идучи въ сей разъ домой, находился я въ различныхъ движеніяхъ духа. Я не зналъ, радоваться ли мнѣ или печалиться о случившейся со мною столь нечаянной и скоростижной перемѣнѣ... Съ одной стороны, мнѣ было непротивно, что попался я въ столь знаменитое, по мнѣнію моему, мѣсто. Пребываніе при главнокомандующемъ тогда всею Пруссіею генералѣ и приобщеніе, такъ-сказать, къ его штату льстило моему честолюбію. Я ласкался надеждою, что сдѣлавшись вельможѣ сему знакомѣ, могу приобрести дальнѣйшее его къ себѣ благоволеніе и, можетъ быть, могу произойти чрезъ него въ люди. Съ другой стороны льстило меня то обстоятельство, что я тутъ находиться буду всегда между лучшими людьми и видѣть и знать все происходящее; съ третьей—не противно было мнѣ и то, что я буду имѣть столъ всегда готовый и хорошій и не буду имѣть нужды готовить у себя дома и довольствоваться иногда столомъ очень нужнымъ. Съ четвертой, не непріятно было для меня и то, что чрезъ сіе опредѣленіе меня въ должность переводчика, отрывался я часъ отъ часу болѣе отъ полку и отъ всѣхъ съ военною службою сопряженныхъ трудностей и по тогдашнему военному времени, и самыхъ опасностей—все сіе меня радовало и веселило. Но когда, съ д ш,
приходили мнѣ на і

ние мои переводы, которые мнѣ и въ одинъ уже тотъ день какъ горькая рѣдка надоѣли; когда воображалъ я себѣ, что я всякій день долженъ буду ходить въ канцелярію и съ утра до вечера сидѣть безпрестанно надъ ними, и лишиться совершенно всей прежней и толь милой для меня вольности, то сіи мысли уменьшали много моего удовольствія и озабочивали меня несказанно. Пуще всего горевалъ я о томъ, что черезъ то связанъ я буду по рукамъ и по ногамъ и не буду имѣть ни минуты, такъ-сказать, свободнаго для себя и такого времени, которое-бы могъ употребить я на собственные свои любопытныя упражненія. Однако, какъ я однажды уже положилъ, какъ ни на что самому не набиваться, такъ ни отъ чего не отбиваться, если что само по себѣ придетъ, то утѣшался я надеждою, что, можетъ быть, должность сія современемъ и не такова будетъ трудна, каковою казалась она мнѣ въ тогдашнее время, въ чемъ я и не обманулся, какъ вы то изъ послѣдствія увидите.

Итакъ, положась на Бога и ожидая всего отъ времени, пошелъ я въ послѣдующій день опять въ канцелярію, и сталъ съ того времени ходить туда ежедневно. Мы сживали обыкновенно всякой день и до обѣда и послѣ обѣда, вплоть до самаго вечера. И какъ дѣлъ было превеликое множество, и оныя съ часу-на-часъ приумножались, и были притомъ многія дѣла важныя, то хаживалъ обыкновенно генералъ самъ въ оную и просиживалъ по нѣскольму часовъ; почему, для удобнѣйшаго хожденія ему въ оную, и переведена была она чрезъ нѣсколько дней въ другія комнаты, которыя были ближе къ тѣмъ, въ которыхъ онъ жилъ, и хотя не такъ просторны, какъ первыя, но гораздо уютнѣе и веселѣе оныхъ. Онѣ находились въ томъ же этажѣ, но на самомъ лучшемъ и веселѣйшемъ углу во всемъ замкѣ и лежали надъ самою каморою. Тутъ, по особливому счастью, достался мнѣ особый и наилучшій угольный покоецъ, отдѣленный отъ прочихъ подъяческихъ комнатъ

досчатую перегородкой: и какъ виѣстѣ со мною были одни только вышеупомянутые нѣмецкіе канцеляристы, то я сею перемѣною очень былъ доволенъ; тутъ была у насъ, власно какъ особая нѣмецкая канцелярія: нѣкто намъ изъ прочихъ подъячихъ не мѣшалъ и мы были спокойны. Къ вѣщему удовольствію, было у насъ два окна, изъ которыхъ видъ простирался очень далеко, и мы могли обозрѣвать не только одну изъ главнѣйшихъ улицъ, идущую мимо оконъ нашихъ подлѣ самаго замка, но и всю нижнюю и зарѣчную часть города. Въ одномъ изъ поманутыхъ оконъ избралъ я для себя мѣсто за особливимъ столикомъ, а въ другомъ окнѣ посадилъ моихъ товарищей, которыхъ сотовариществомъ становился я часъ-отъ-часу довольнѣе: ибо они не только вышеупомянутымъ образомъ помогали мнѣ очень много въ моихъ переводахъ, но, сверхъ того, имѣлъ я отъ нихъ и другую пользу, состоящую въ томъ, что я въ праздное время могъ упражняться съ ними въ разговорахъ и чрезъ то часъ-отъ-часу дѣлаться въ нѣмецкомъ языкѣ совершеннѣе и знающѣе.

Что касается до моей работы, то трудна она и почти несносна была мнѣ только съ самаго начала и покуда я не попривыкъ къ оной; а какъ скоро я узналъ всѣ особенные термины, употребляемые въ ихъ канцелярскомъ слогѣ, да и во всему слогу ихъ попривыкъ, то переводы мои сдѣлались мнѣ гораздо легче и сноснѣе, а сверхъ того стали они мало-помалу и уменьшаться и чрезъ нѣсколько недѣль стало доходить до того, что иногда въ цѣлый день не доставалось мнѣ переводить и двухъ листовъ, а иной день и весь проходилъ безъ дѣла; однако, несмотря на то, не можно было мнѣ никакъ отлучаться: ибо то-и-дѣло принужденъ я бывалъ толмачить или переводить словесно нашимъ секретарямъ то, что говорили имъ приходящіе къ намъ ежедневно разныхъ состояній тамошніе жители, равно какъ и имъ пересказывать ихъ отвѣты, а для сей надобности и дол-

женъ я былъ почти безвыходно быть въ канцеляріи.

Теперь, прежде повѣствованія о дальнѣйшихъ произшествіяхъ, остановлюсь я на минуту и расскажу вамъ, любезный пріятель, нѣсколько подробнѣе о тѣхъ разныхъ чиновникахъ, которые составляли тогда штатъ нашего генерала, дабы изъ того могли вы яснѣе видѣть, съ какими людьми долженствовалъ я тогда имѣть наиболѣе дѣло и ежедневно обходиться.

Наипервѣйшими по генералѣ были наши совѣтники. Ихъ было два, и оба они засѣдали вмѣстѣ съ генераломъ, да и жили сначала въ томъ же замкѣ, но въ другихъ только покояхъ. Одинъ изъ нихъ былъ нѣмецъ и назывался Иванъ Николаевичъ Бауманъ, а другой—русской, изъ фамиліи господъ Волковыхъ, и назывался Алексѣй Алексѣвичемъ. Но сей послѣдній былъ у насъ недолго, но отбылъ потомъ въ другое мѣсто, а на его мѣсто произведенъ былъ другой нѣмецъ, по прозвищу господинъ Вестфаленъ, который пріѣхалъ также вмѣстѣ съ Корфомъ и до того времени живучи при немъ, отправлялъ у него должность домашняго секретаря и велъ его корреспонденцію. Обоими сими первѣйшими особами и всегдашними собесѣдниками генерала были мы вообще всѣ довольны. Оба они были люди тихіе, добронравные и оба весьма прилежные къ своей должности. Но какъ чинами своими они насъ далеко превосходили, а притомъ были оба нѣмца, то и не имѣли мы съ ними дальняго сообщенія; но они вели себя отъ всѣхъ насъ какъ-то удаленно, и мы отъ обонхъ ихъ не видали, кромѣ вѣжливостей, никакого худа и добра.

Относительно до меня, были они оба ко мнѣ довольно благосклонны, а особливо господинъ Вестфаленъ; ибо какъ онъ былъ ученый человекъ, то пріятна ему была моя склонность къ наукамъ и чтанію книгъ. Онъ входилъ со мною иногда въ разговоры и удостоивалъ при всякихъ случаяхъ меня своими похвалами. Но болѣе сего ничего я отъ него не

видалъ, хотя онъ съ г. Бауманомъ былъ у насъ во все продолженіе бытности нашей въ Кѣнигсбергѣ.

Кромѣ сихъ, были у насъ еще два коллежскихъ совѣтника, изъ коихъ одинъ назывался г. Калманнъ и опредѣленъ былъ вмѣсто прежняго моего командира Нумерса въ кѣнигсбергскую камору, а другой г. Клингштетъ, опредѣленный въ таковую-жъ камору въ Гумбинахъ, но жившій по большей части въ Кѣнигсбергѣ; но съ сими обоими господами имѣли мы еще того меньше дѣла.

Но не таковы были наши русскіе нижніе чиновники. Изъ сихъ наименѣйшимъ былъ упомянутый уже мною первый секретарь. Онъ назывался Тимошей Ивановичъ Чонжинъ, и былъ тогда у насъ весьма важная особа. Вся канцелярія лежала на немъ почти на одномъ. Онъ былъ наглавнѣйшимъ производителемъ всѣхъ дѣлъ и пользовался, сверхъ того, такою довѣренностью отъ генерала, что съ самимъ имъ иногда съ крикомъ поднималъ споры. Все сіе, равно какъ и подлое его происхождение, ибо произошло онъ въ сіе достоинство изъ самыхъ низкихъ приказныхъ чиновъ, и было причиною, что человекъ сей набить былъ преглушнѣею подъяческою сплѣсью и такъ высокомеренъ, что выводилъ иногда всѣхъ изъ терпѣнія. Характеръ сей соблюдалъ онъ во все время своего въ Кѣнигсбергѣ пребыванія, и глупость сію простиралъ даже до того, что при самыхъ такихъ случаяхъ, когда самому ему иногда бывала до насъ нужда, не хотѣлъ никакъ себя унизить и сдѣлаться ласковѣе. Словомъ, онъ велъ себя отъ насъ увышенно и не хотѣлъ никакъ обходиться съ нами дружелюбно и съ такою откровенностью, какъ всѣ прочіе, и за то мы всѣ внутренно его не любили, хотя показывали ему наружное почтеніе. Впрочемъ, на приказныя дѣла и обыкновенныя подъяческіе крючки былъ онъ весьма способная и столь бойкая особа, что изъ всѣхъ умѣлъ одинъ только, находясь въ самъ мѣстѣ и толь хитро и искусно наживаться, что и примѣтитъ почти было не можно.

Въ разсужденіи меня, былъ сей человекъ, такъ-сказать, ни рыба, ни мясо. Не видалъ я отъ него никакого дальняго добра, не видалъ и худа. Я, вѣдая его силу, хотя и старался ему угождать и при всѣхъ случаяхъ, когда ему нужны были мои услуги, оныя охотно ему оказывалъ, но со всѣмъ тѣмъ не могъ ничего болѣе отъ него приобрести, кромѣ единныхъ небольшихъ ласкъ, оказываемыхъ имъ иногда мнѣ и столь холоднымъ образомъ, что не могли онѣ мнѣ никакъ чувствительны быть. Но сказать надобно и то, что изъ всѣхъ насъ никто не пользовался отъ человека сего отъѣннымъ дружелюбіемъ и ласкою.

Что касается до другого секретаря, который назывался г. Гавриловъ, то сей былъ совсѣмъ иного сложенія. Гордости и высокомѣрія въ немъ не было ни малѣйшей; но онъ былъ ко всѣмъ ласковъ, снисходителенъ и въ обхожденіи благопріятенъ. Но къ несчастію, преданъ былъ въ высочайшемъ степени невоздержной и распутной жизни. Онъ и приѣхалъ уже къ намъ съ извуреннымъ совсѣмъ отъ невоздержнаго житія здоровьемъ, а тутъ, пустившись во вся и вся, еще болѣе оное разстроилъ и такъ ослабѣлъ, что не въ состояніи былъ, наконецъ, править должность, и по сей причинѣ отъ насъ чрезъ нѣсколько времени отбылъ.

Сей человекъ, во время пребыванія своего у насъ, хотя и ласкался всякій разъ ко мнѣ, и я благопріятствомъ, оказываемымъ отъ него мнѣ, былъ хотя и доволенъ, но какъ характеры наши не были между собою согласны, то я самъ не слишкомъ къ нему привязывался, но старался отъ него удалиться.

Третьимъ канцелярскимъ чиновникомъ былъ протоколистъ господинъ Дьяконовъ, по имени Яковъ Демидовичъ. Сей былъ обоихъ нашихъ секретарей несравненно лучше и какъ любви, такъ и почтенія достойнѣе. Онъ былъ человекъ хотя простой, но весьма добрый, постоянный, ко всѣмъ благопріятный и ласковый, и за то и любимъ былъ всѣми нами. Къ самому ко мнѣ оказывалъ онъ дружескую ласку

и благопріятство, и я могу сказать, что я пріязню его во всякое время былъ доволенъ и считалъ его себѣ хорошимъ пріателемъ.

Сіи три особы составляли всѣхъ важнѣйшихъ чиновниковъ нашей канцеляріи. Что-жъ касается до прочихъ нижнихъ канцелярскихъ служителей то о нихъ не стоить труда упоминать подробно. Всѣ они были обыкновенные наши русскіе подъячіе, всѣ пьяницы и негодяи, и изъ всѣхъ ихъ не было ни одного, кто-бъ достоинъ былъ хотя малаго вниманія, почему я объ нихъ, какъ о заслуживающихъ единое презрѣніе, и умолчу, и тѣмъ паче, что я слишкомъ удаленъ былъ отъ какого-нибудь сообщенія съ ними; но то только скажу, что меня всѣ они любили и почитали.

Но не таковы были нѣмцы, мои сотоварищи. Они носили на себѣ хотя также имя канцеляристовъ, но не имѣли ничего похожего на нашихъ подъячихъ. Одинъ изъ нихъ былъ во все время непремѣнный, и назывался Грюнмицеръ, а другой, смѣнной и сначала былъ господинъ Олеусъ потомъ г. Пикартъ, а наконецъ г. Каспари. Всѣ они власно какъ на отборъ были люди хорошаго поведенія и любви достойныхъ характеровъ, и всѣ ко мнѣ ласковы, дружелюбны и благопріятны, и я могу сказать, что сообщество ихъ мнѣ послужило въ великую пользу. Ибо они не только помогали мнѣ препровождать праздное время въ пріятныхъ и разумныхъ разговорахъ, но какъ нѣкоторые изъ нихъ были довольно учены и начитаны книгъ, то воспользовался я отъ нихъ и многими знаніями, и какъ ласкою, такъ и дружествомъ ихъ былъ всегда доволенъ.

Со всѣми сими людьми имѣлъ я всякій день въ канцеляріи дѣло, и всѣ они были, такъ-сказать, мои сотрудники и сотоварищи. А теперь расскажу я о прочихъ въ свитѣ генеральской находящихя, съ которыми также, а особливо за столомъ, имѣлъ я ежедневное свиданіе.

Объ одномъ изъ нихъ я вамъ уже давеча упомянулъ мимоходомъ, а именно о генеральскомъ адъютантѣ, господинѣ

Андреевъ, ибо такъ онъ по отцу своему назывался. Сей человекъ въ короткое время получилъ ко мнѣ отиѣнное дружество и находилъ въ разговорахъ со мною толикое удовольствіе, что нерѣдко прихаживалъ ко мнѣ въ канцелярію и проводилъ по часу и болѣе времени въ разныхъ со мною дружескихъ и ласковыхъ разговорахъ. Въ сіе время говорили мы обо всемъ: о книгахъ, о наукахъ, о рисованьи, и о прочемъ; и какъ характеры наши во многомъ были между собою согласны, то не бывало намъ никогда скучно. Въ одномъ только несогласенъ я съ нимъ былъ въ томъ, что онъ предавался слишкомъ суетности и щегольствомъ своимъ доходилъ иногда даже до дурачества и до того, что ему наши канцелярскіе смѣивались. Впрочемъ, какъ онъ былъ человекъ не много у генерала значущій, то, кромѣ одной дружбы и ласки, не могъ я отъ него получить никакой иной себѣ пользы.

Другая и послѣдняя особа, составлявшее тогдашнее наше столовое общество, былъ нѣкто итальянецъ, по прозвищу Морнини, бойкая, хитрая и преразумная особа. Онъ жилъ тогда приватно у генерала, не нося никакой извѣстной должности, и приѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Петербурга. Генералъ его очень любилъ и, какъ думать надобно, употреблялъ его на какія-нибудь тайныя дѣла и сокровенныя коммисіи. По крайней мѣрѣ, намъ ничего о томъ не было извѣстно. Сей человекъ съ самаго начала также отиѣнно меня полюбилъ, и во все время жительства его при генералѣ весьма ко мнѣ ласкался, такъ что я дружбою и благопріятствомъ его крайне былъ доволенъ. Онъ имѣлъ для себя особливые покои и хаживалъ также нерѣдко нарочно ко мнѣ для разговоровъ, а временемъ просиживалъ и я у него по нѣсколькы времени и слушивалъ рассказы его объ Италіи и о прочихъ европейскихъ мѣстахъ, гдѣ ему бывать случалось: ибо онъ на свой вѣкъ довольно повояжировалъ и свѣту понасмотрѣлся, такъ что его можно было считать хорошимъ проходим-

цемъ или авантюриеромъ. А какъ онъ, сверхъ того, превеликій охотникъ былъ до чтанія книгъ и все праздное время препровождалъ въ чтеніи, то и сіе меня много къ нему привязывало, и я могу сказать, что и сему человеку обязанъ я многими изъ тѣхъ знаній, которыя приобрѣлъ я живучи въ Кеннигсбергѣ.

Въ сихъ-то разныхъ особахъ состояло то общество, посреди котораго долженъ былъ я жить и проводить свое время. Послѣ умножилось оно еще нѣсколькими особами; но о томъ упомяну въ свое время, а теперь, какъ письмо мое довольно уже увеличилось, то дозволюте мнѣ оное на сей разъ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

ХАРАКТЕРЪ БОРФА.

Письмо 64-е.

Любезный пріятель! Въ первые дни или недѣли пребыванія моего при губернаторѣ произошло со мною столько мало особливаго и замѣчанія достойнаго, что я не помню ничего такого, о чемъ стоило бы вамъ рассказать, а все состояло только въ томъ, что дѣлъ у насъ такое было множество, что мы съ утра до вечера принуждены были непрерывно работать, и меня утренняя заря выгоняла изъ квартиры, а вечерняя или даже самая ночь вгоняла опять въ оную. И какъ я всѣ дни безвыходно находился въ канцеляріи, то чрезъ сіе и познакомился я скоро со всѣми вышеупомянутыми сотоварищами своими, а сверхъ того, имѣлъ случай узнать нѣсколько ближе и главнаго нашего командира. И какъ я характеръ его вамъ еще не изображалъ, то надобно мнѣ теперь сіе исполнить, и единожды навсегда пересказать вамъ, каковъ былъ сей славный тогда правитель Прусскаго королевства.

Онъ былъ человекъ добрый, но имѣлъ въ характерѣ своемъ весьма многіе недостатки. Относительно до его разума, можно сказать, что былъ онъ отъ природы довольно хорошъ, но, какъ думать надобно, недовольно былъ изощренъ при

воспитанія въ малолѣтствѣ, и потому всѣ знанія сего вельможи простирались не слишкомъ далеко, но весьма и весьма были умѣренны, и если онъ что зналъ, такъ все то приобрѣлъ по единой навичкѣ, живучи при дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, и потому не столько былъ онъ способенъ къ гражданскому правленію и знающъ въ дѣлахъ, къ оному относящихся, сколько свѣдущъ во всемъ томъ, что принадлежало до придворной и свѣтской жизни. Въ семъ пунктѣ былъ онъ довольно совершенъ, но что касается до дѣлъ, принадлежащихъ до правленія, а особливо письменныхъ, то къ онымъ по непривычкѣ своей былъ онъ весьма неспособенъ и ему недоставало весьма многого къ тому, чтобы могъ онъ быть при тогдашнихъ обстоятельствахъ хорошимъ губернаторомъ и правителемъ сего завоеваннаго королевства; и я незнаю, какъ бы ему во всемъ успѣвать было можно, еслибы не помогали ему его совѣтники, а паче всѣхъ тотъ секретарь Чонжинъ, о которомъ упоминалъ я вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ, и который былъ у насъ потомъ уже и ассессоромъ. Говорить и читать по-русски хотя онъ и умѣлъ довольно хорошо, по сего далеко еще не было достаточно, но ему пужно было давать ежедневно на многія дѣла свои рѣшительныя резолюціи и къ несчастію на дѣла по большей части важныя и нетерпящія ни малѣйшаго времени и отлагательства, потому что отъ нихъ не только правленіе всѣмъ королевствомъ и все внутреннее въ ономъ благоустройство, но и снабденіе всей заграничной и въ походѣ противъ непріятеля находящейся арміи всѣми нужными потребностями зависѣло; а къ сему и не доставало въ немъ и быстроты разума и рѣшительности скорой и безошибочной, и потому принужденъ онъ былъ полагаться по большей части на то, что скажутъ, присовѣтуютъ и напишутъ наши секретари и совѣтники. Совсѣмъ тѣмъ честолюбіе его и высокое мнѣніе о себѣ было такъ велико, что онъ старался скрывать koliko можно сей недостатокъ и наблю-

дать видѣ, будто бы всѣ дѣла рѣшить онъ самъ собою, а сіе натурально и подавало часто поводъ, не только къ нерѣдкимъ замѣшательствамъ въ дѣлахъ, но и ко многимъ ошибкамъ, и тѣмъ паче, что и коварный секретарь, пользуясь сею слабостію, нерѣдко для собственныхъ своихъ интересовъ, вводилъ его въ прелебкія погрѣшности и дѣла, ни мало съ тогдашнею важною должностію его несообразныя. Къ явшему несчастію, по совершенному неумѣнію своему по-русски писать, онъ не могъ ничего самъ не только сочинять, но и написанное переправлять; а сіе подавало наивожделѣннѣйшій случаю сему хитрому человѣку его, по своей волѣ, обманывать и проводить. Нерѣдко случалось на самыхъ глазахъ нашихъ то, что онъ явно усматривалъ, что написано было не такъ и серживался за то и бранился, а иногда нѣсколько разъ бумагу раздиралъ и переписывать приказывалъ, но какъ бы инако написать, того хорошенько истоковать и приказать далеко былъ не въ состояніи; и потому всѣмъ тѣмъ не достигалъ онъ до желаемаго, но принужденъ былъ наконецъ подписывать тоже, но только другими словами написанное. Сіе единое можетъ уже доказать вамъ, любезный пріятель, каковъ былъ губернаторъ нашъ со стороны разума, а теперь послушайте, каковъ былъ онъ со стороны сердца и нрава.

Слухъ, носившійся у насъ еще до прибытія его, что онъ былъ вспыльчиваго и горячаго нрава человѣкъ, былъ не только справедливъ, но далеко еще недостаточенъ. Практика доказала намъ несравненно еще больше, и я не знаю, какъ и какими словами изобразить мнѣ вамъ нравственный характеръ сего человѣка; а коротко только скажу, что теперь, когда я сіе пишу, идетъ мнѣ уже шестидесятой годъ моей жизни и я въ теченіи сихъ лѣтъ, хотя многихъ людей видывалъ, но не случилось мнѣ еще ни одного видѣть и найти ему подобнаго и такого, который бы такъ много къ гнѣву и бранивости былъ склоненъ, какъ былъ сей че-

ловѣкъ. Истинно можно по пословицѣ сказать, что въ семь пунетѣ въ разсужденіи его ужь чередь помѣшался. За все про все и не только за дѣла, но и за самыя иногда бездѣлицы онъ серживался и распался чрезвычайнымъ гнѣвомъ и осмѣлъ всѣхъ, кто-бы то ни былъ, слуга ли его, или подчиненный, жестокии браньми и ругательствами. Съ слугами и съ домашними своими жилъ онъ въ непрерывной войнѣ и дракѣ, а и для всѣхъ подчиненныхъ былъ онъ столь неспосовъ, что изъ всѣхъ, имѣющихъ до него дѣло, неоставался ни одинъ безъ огорченія отъ него. И сіе было столь часто, что истинно не проходило ни одного дня, въ который бы не поднималъ онъ нѣсколько разъ съ ними превеликой войны и ссоры и не осмѣлъ бы ихъ тысячами клятвъ и браней, а нерѣдко и на одномъ часу сіе нѣсколько разъ отъ него повторяемо и возобновляемо было. Словомъ, всякая бездѣлица и ничего незначущая проступка въ состояніи была его раздражить и воспалить наивеличайшимъ гнѣвомъ. Съ сей стороны, при всей своей славѣ, величій, богатствѣ, чести и знатности, былъ онъ несчастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, потому что духъ его былъ въ непрерывномъ почти безпокойствіи и досадѣ, и всѣ почти часы и минуты его жизни заражены были ядомъ неудовольствія, и отъ самаго того наилучшія его забавы и увеселенія были несовершенны. Довольно, онъ до того до серживался, что дѣйствительно отъ того занемогалъ и ложился даже въ постелю. И не одинъ разъ было то, что онъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ умильнѣйшимъ образомъ просилъ и умолялъ, чтобъ они его не сердили, но у нихъ всего меньше на умѣ было умысленно его разсерживать, но всякой, для собственнаго своего спокойствія, самъ отъ того невозможнѣйшимъ образомъ убѣгалъ и остерегался.

Теперь судите, каково намъ было жить съ такимъ безпутно вспыльчивымъ и сердитымъ командиромъ? Не долженъ ли онъ былъ всѣмъ намъ казаться сущимъ

звѣремъ и извергомъ? Не должно ли было намъ всѣмъ его ненавидѣть и отъ него, какъ отъ нѣкоего чудовища бѣгати и его страшиться? Ахъ! любезный пріятель, онъ таковымъ и дѣйствительно сначала намъ, а особливо мнѣ казался, и я не успѣлъ сего ремесла его увидѣть, какъ тысячу разъ тужилъ о томъ, что попался ему подъ команду, и желалъ лучше бы за тысячу верстъ быть отъ него въ отдаленіи, нежели жить при немъ и обѣдами его пользоваться; но, ахъ, привычка чему не можетъ насъ приучить и чего не можетъ сдѣлать намъ сноснымъ! Въ сей истинѣ удостоверились всѣ мы съ избыткомъ собственною практикою и узнали, что человѣкъ столь же удобно и къ худому привыкнуть можетъ, какъ и къ хорошему, и что и самое дурное можетъ ему далеко не таково чувствительно быть, какъ скоро онъ къ тому нѣсколько по привыкнетъ.

Итакъ, скажу вамъ, что трудно намъ было жить и привыкать терпѣть брани и гнѣвъ нашего генерала только сначала, а впоследствии мы такъ уже къ нимъ привыкли, что ни во что ихъ себѣ не ставили, и вмѣсто того, чтобъ его ненавидѣть, мы всѣ его любили.

Вы удивитесь сему, но вы перестанете удивляться, когда, для растолкованія сей загадки, скажу вамъ далѣе, что генералъ нашъ, сколько, съ сей стороны, былъ дурень и дурень до чрезвычайности, столько, съ другой, хорошъ тѣмъ, что былъ вовсе не злопамятенъ и отъ природы имѣлъ самое доброе сердце. Не успѣтъ такая его блажь и дурь пройтись (и, по счастью, продолжалась она обыкновенно самое короткое только время), какъ становился онъ уже смиреннѣе агнца и дѣлался наиласковѣйшимъ и дружелюбнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, и можно было съ нимъ что хочешь говорить; а сіе и было причиною, что мы болѣе о немъ сожалѣли, нежели на него досадовали, и охотно ему брани его и ругательства прощали, ибо удостоверены были въ томъ, что не произойдетъ отъ того никакихъ слѣдствій, и что не премѣнится чрезъ то

нимало прежнее и хорошее расположеніе его ко всякому. И какъ онъ, сверхъ того, имѣлъ то въ себѣ хорошее, что онъ никому дѣйствительнаго зла не дѣлалъ, но болѣе къ благодѣтельству былъ склоненъ, то мы за то его и любили.

Описавъ симъ образомъ часть нравственнаго его характера, пойду теперь далѣе и расскажу, что мнѣ въ прочемъ было о немъ извѣстно. Какъ ни великъ въ немъ былъ помянутый порокъ и недостатокъ, однако онъ умѣлъ весьма счастливо заглушать его блескомъ наружной своей, пышной и великолѣпной жизни и приятнымъ своимъ и дружелюбнымъ со всѣми жителями сего города обхожденіемъ. Будучи самъ по себѣ довольно богатъ, а притомъ получая превеликое жалованье, а сверхъ того еще по 6,000 рублей ежегодно на столъ, что тогда было очень велико, и будучи бездѣтенъ и не имѣя кому имѣніе свое прочить, жилъ онъ во всю бытность свою въ Кѣнигсбергѣ прямо славно и великолѣпно и не такъ, какъ бы генерал-поручику, но какъ бы какому-нибудь владѣтельному князю или по крайней мѣрѣ, вице-рою жить было надобно. Словомъ, онъ проживалъ тутъ не только все свое жалованье, но и всѣ свои собственные многочисленныя доходы. Платье, экипажи, ливрея, лошади, прислуга, столъ и все прочее было у него столъ на пышной и великолѣпной ногѣ, что обратилъ онъ вниманіе всѣхъ прусскихъ жителей къ себѣ; а какъ присовокупилъ онъ ко всему тому современемъ и весьма частыя угощенія у себя всѣхъ наизнаменитѣйшихъ жителей кѣнигсбергскихъ и старался доставлять всякаго рода увеселенія, какъ о томъ упомяну я впредь въ своемъ мѣстѣ, то чрезъ то, власно, какъ оживотворился весь городъ и санъ его сдѣлался у всѣхъ такъ важенъ, какъ бы дѣйствительно какого-нибудь владѣтельнаго герцога и государя, и онъ приобрѣлъ любовь отъ всего Прусскаго королевства.

Вотъ какого мы имѣли тогда губернатора! Теперь скажу вамъ, что не успѣлъ

онъ осмотрѣться, какъ первое его страніе было спознакомиться со всѣми живущими въ городѣ знатнѣйшими прусскими дворянскими фамиліями. Тутъ находилось около сего времени довольно оныхъ, и въ числѣ ихъ были нѣкоторые графы и бароны, какъ, на примѣръ, графъ Станиславскій, графъ Ке йзерлингъ, графъ Финкъ и нѣкоторые другіе, а изъ госпожъ были не только графини и баронессы, но и самыя принцессы, какъ на примѣръ: принцесса Гольштейнъ-Бекская; изъ дворянскихъ же фамилій, а особливо госпожъ, было множество. Онъ объѣздилъ тотчасъ всѣ наизнатнѣйшіе дома самъ; а чтобъ и со всѣми прочими спознакомиться, то, чрезъ нѣсколько времени послѣ своего приѣзда, сдѣлалъ для всѣхъ превеликой пиръ, а потомъ далъ балъ, на который званы были всѣ благородныя обою пола.

При семъ случаѣ впервые увидѣли мы все прусское находившееся тутъ дворянство; и какъ для званія онаго употребленъ былъ его адъютантъ, и по множеству домовъ одинъ сего дѣла исправить не могъ, то употребленъ былъ на вспоможеніе ему, при семъ случаѣ, я.

Для меня дѣло сіе было совсѣмъ новое и необыкновенное. Мнѣ дали верховую лошадь, и я долженъ былъ, по данному мнѣ реестру, всѣ дворянскіе дома въ городѣ отыскивать, господъ и госпожъ тамошнихъ звать и потомъ вмѣстѣ съ адъютантомъ ихъ въ замѣкъ принимать и во время стола и бала всячески угощать стараться. Во всѣхъ такихъ дѣлахъ я никогда еще не обращался, однако, изъ послушанія и въ угодность генералу, старался свою должность какъ можно лучше исправить. Пріятель мой, адъютантъ, помогалъ мнѣ своими совѣтами и примѣромъ и, при помощи его, исправилъ я все такъ хорошо, что генералъ мой былъ мною доволенъ. Впрочемъ, за трудъ мой съ лихою награжденъ я былъ тѣмъ удовольствіемъ, которое имѣлъ я при присутствіи на семъ пиру и торжествѣ. Гостей обою пола, а особливо дамъ и дѣвицъ, было преве-

ликое множество; и какъ до того времени мнѣ никогда еще не случалось бывать на собраніяхъ толь многочисленныхъ и знатныхъ, то какъ самое собраніе, такъ и танцы и музыка илѣняла всѣ мои чувства и мысли, и я не могъ всему насмотрѣться и надивиться; а сіе и было причиною, что я и въ послѣдующее время, когда случались у насъ таковыя жъ праздники, охотно для смотрѣнія оныхъ хаживалъ и безотговорочно принималъ на себя труды и комиссіи, если когда какія мнѣ отъ генерала поручались, не смотря хотя по вышензображенному его обычаю и доставалось иногда мнѣ такихъ же словца два - три, не очень гладкихъ, какими онъ верѣдко и почти всякій день щедро обсыпалъ бѣднаго своего адъютанта.

Симъ образомъ началъ я вести новый и совсѣмъ отъ прежней отмѣнный родъ жизни и мало-по-малу привыкать къ новой моей должности. И какъ труды мои услаждались тѣмъ удовольствіемъ, что я былъ всегда на людяхъ, могъ слышать, видѣть и узнавать все происходившее какъ тутъ въ городѣ, такъ и въ самой арміи, которая находилась въ походѣ, и изъ которой получаемыя извѣстія становились съ часу на часъ интереснѣе, любопытнѣе и важнѣе, а при всемъ томъ, имѣлъ всегда и хорошій столъ: то и привыкъ я къ ней очень скоро, и она мнѣ не только сдѣлалась своснѣе, но я началъ и находить въ ней уже и удовольствіе и скоро пересталъ совсѣмъ скучать ею.

Одно только меня отягощало, а именно дальная ходьба на мою квартиру, а особливо поздно по вечерамъ и въ ненастье, но и отъ этого отягощенія я скоро избавился; ибо не успѣлъ я изъяснить о немъ сотоварищамъ моимъ въ канцеляріи, какъ всѣ стали совѣтовать мнѣ перенѣнить свою квартиру и сыскать другую, и гдѣ-нибудь поближе къ замку. О семъ я самъ давно уже помышлялъ, но сперва не хотѣлось мнѣ долго разстаться съ прекрасною своею и веселою квартирой; но какъ ежедневная ходьба мнѣ наконецъ слишкомъ надоѣла, и я увидѣлъ,

что квартирою своею я вовсе почти уже не пользовался, ибо доводилось мнѣ въ ней только что ночевать, а весь день съ утра до вечера провождалъ я въ замкѣ, то радъ былъ наконецъ какой-нибудь, но только поближе, и сталъ дѣйствительно себѣ просить и искать другой квартиры. Но, по несчастью такъ случилось, что дома въ ближнихъ улицахъ были тогда всѣ отчасти заняты постоемъ, отчасти по разнымъ причинамъ освобождены были отъ онаго, и я не могъ иной найти, какъ съ полверсты отъ замка, въ домѣ одного мясника. Квартирка сія была хотя и не такъ весела, какъ прежняя, но какъ было въ ней два покоя, и я могъ въ ней свободно съ людьми моими умѣститься, то, уступая нуждѣ, выпросилъ я себѣ одну и безъ дальняго отлагательства на нее со всѣмъ своимъ скарбомъ перебрался.

Теперь, не ходя далѣе, опишу я вамъ сію мою новую квартиру. Была она въ одной части Штейндамскаго форштата на улицѣ, идущей отъ замка мимо театра и неподалеку отъ штейндамской кирки, бывшей потомъ нашою церковью. Домъ былъ небольшой, о двухъ только этажахъ, изъ которыхъ въ нижнемъ жилъ хозяинъ, а верхній, состоящій изъ двухъ покоевъ и однихъ сѣнцевъ, опростанъ былъ весь для меня. Изъ сихъ въ одномъ и переднемъ помѣстилъ я своихъ людей, а другой и задній асигновалъ для себя. Входъ въ нашъ этажъ былъ съ улицы узенькою лѣстницею вверхъ и совсѣмъ особливый, такъ что мы съ хозяиномъ не имѣли никакого сообщенія; а видъ изъ покоевъ моихъ простирался на самый тотъ просторный дугъ, о которомъ прежде упоминалъ я подъ именемъ параднаго мѣста, и который былъ внутри города, между Штейндамскимъ, Заггеймскимъ и Траггеймскимъ форштатами; изъ другого же покоя окна были на улицу. Итакъ, квартира моя была неслишкомъ весела; но я по крайней мѣрѣ доволенъ былъ тѣмъ, что она, по низкости покоевъ, была довольно тепла и спокойна, и что мнѣ ходить было гораздо ближе.

Что касается до моего хозяина, то былъ онъ, какъ выше упомянуто, мясникъ, слѣдовательно человѣкъ, заслуживающій отъ меня столь малое уваженіе, что я его почти и въ лицо не зналъ, а все, чѣмъ я отъ него пользовался, состояло единственно въ томъ, что я покупалъ у него за деньги ежедневно прекрасныя сосиски или сырыя колбасы, которыя такъ были вкусны и сытны, что одной изжаренной на сковородѣ съ хорошею пшеничною булкою, довольно было для моего ужина: и я такъ къ нимъ привыкъ, что мнѣ жаривали ихъ ежедневно, и въ томъ одномъ состояли обыкновенно мои ужины во все время стоянія моего на сей квартирѣ, ибо обѣды наши у генерала были столь сытны, что могли мы по нуждѣ и безъ ужина оставаться: и я за излишнее почиталъ для себя готовить оныя, кромѣ колбасъ сихъ.

Впрочемъ, какъ чрезъ переездъ на сію квартиру удалился я уже далеко отъ поля и отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оный расположенъ былъ по квартирамъ, то сіе и отлучило меня отъ всѣхъ прежнихъ моихъ друзей и полковыхъ сотоварищей, и разорвало совершенно всю бывшую у меня съ ними и столь для меня опасную связь, такъ что я съ того времени ихъ почти уже и не видывалъ, а о томъ, что между ими потомъ происходило и дѣлалось, не имѣлъ уже никакого и свѣдѣнія, ибо въ такую даль не хотѣлось никому изъ нихъ ко мнѣ приходить, а хотя-бы и вздумали, такъ знали они, что никогда не заставутъ меня дома.

Такимъ образомъ освободился я отъ пагубнаго съ ними сообщества и могу сказать, что сей пунктъ времени былъ особливо примѣчанія достоинъ въ моей жизни, ибо, сколько могу сама себя упомянуть, то съ самаго онаго началъ я—несмотря на всю тогдашнюю мою еще молодость, ибо шелъ мнѣ только двадцатый годъ—становиться часъ отъ часу степенинѣе и обстоятельнѣе въ моихъ мысляхъ и прилежать болѣе къ чтенію книгъ и къ наукамъ, которыя потомъ въ толкую мнѣ пользу обратились.

Однако надобно сказать, что ко всему тому весьма много послѣствовали и разныя другія причины и случайности. Изъ сихъ первымъ наглавнѣйшимъ, и прямо спасительнымъ для меня обстоятельствомъ почитаю я то, что я привязанъ былъ тогда такъ крѣпко къ канцеляріи, что я не могъ изъ нея никуда и никакъ отлучиться и чрезъ сіе наложена была на меня власно, какъ самую судьбою, узда, весьма пужная для молодого человѣка; ибо по молодости своей хотя бы и вздумалось иногда кое-куда пойтить и погулять, но тогда, а особливо въ первыя недѣли и подумать о томъ было мнѣ не можно, но я принужденъ былъ сидѣть безвыходно въ канцеляріи и не только работать, но и всякую минуту ожидать, чтобъ меня не спросили и не дали вновь какого дѣла; а чрезъ такое непрерывное пребываніе въ замкѣ и предохранился я отъ всѣхъ искушеній, которымъ бы легко могъ подвергнуться, имѣя болѣе свободы.

Вторымъ и неменѣе счастливымъ для меня обстоятельствомъ почитаю то, что изъ всего нашего канцелярскаго общества и генеральскаго штата, кромѣ вышеупомянутаго адъютанта, не было никого одинакихъ со мною лѣтъ и такого, который бы могъ быть мнѣ компаніономъ и меня подзывать и водить куда-нибудь съ собою, но всѣ были гораздо меня старѣе, и таковыя свойства и характеровъ, которые не сходствовали нимало съ моимъ тогдашнимъ. Изъ сихъ господъ, хотя и отлучались иногда иные изъ канцеляріи попеременно и хаживали въ трактиры и другія имъ подобныя мѣста, а перѣдко у нихъ между собою бывали и сходбища и компаніи, и господа сіи хотя всѣ меня любили и ко мнѣ ласкались, по никому изъ нихъ не приходило никогда въ голову подзывать меня и брать съ собою къ себѣ на квартиру, или въ тѣ мѣста, куда они хаживали; и я не знаю, молодость ли моя была тому причиною, что они не хотѣли удостоивать меня своихъ компаній, или то, что я былъ посторонній человѣкъ и

не принадлежалъ собственно къ ихъ шайкѣ, или благодѣтельной моей судьбѣ, пекущейся обо мнѣ, было то въ особенности угодно; но какъ бы то ни было, но то достовѣрно, что я, живучи между ихъ, и имѣя всякій день близкое съ ними обхождение, но въ самомъ дѣлѣ былъ отъ всѣхъ ихъ весьма удаленъ и, пребывая во всегдашнемъ людствѣ, жилъ особнякомъ и власно, какъ въ совершенномъ уединеніи; ибо какъ они меня къ себѣ никогда не приглашали, самъ же я не былъ налицъ и насильно на то не набивался, то и не хаживалъ я къ нимъ никогда, но звалъ только свою квартиру и канцелярію, а сіе и обратилось мнѣ потомъ въ великую пользу, ибо послѣ увидѣлъ, что господа сіи были такихъ свойствъ, что ходючи къ нимъ, или съ ними во всѣ мѣста, не многому-бъ добру могъ я отъ нихъ научиться, а скорѣй могъ бы себя повредить и испортить. Что жъ касается до сверстника моего, адъютанта, то сей бѣднякъ былъ еще болѣе моего связанъ и по рукамъ и по ногамъ и не могъ самъ отъ генерала ни пяди отлучаться; слѣдовательно и его знакомство не могло мнѣ быть вредно.

Третьимъ и счастливымъ для меня обстоятельствомъ было то, что какъ по прошествіи нѣсколькихъ первыхъ недѣль писемныя дѣла мои начинали не только уменьшаться, но нерѣдко и совсѣмъ перемѣжались, такъ что иногда по нѣсколькимъ часамъ сживалъ я совсѣмъ безъ дѣла, то по привычкѣ моей съ малолѣтства къ всегдашнимъ упражненіямъ и стали праздные часы сіи мнѣ уже и скучны становиться, такъ что я, не занимаясь ничѣмъ, иногда даже тосковалъ оттого. Сіе обстоятельство причиною тому было, что я вздумалъ въ запасъ на такіе случаи приносить съ собою съ квартиры кой-какія книжки и въ праздное время занимался чтеніемъ оныхъ, ибо иного ничего дѣлать было тутъ не можно; а отъ сего и произошли для меня многія пользы; ибо, во-первыхъ, занимался въ праздные часы полезнымъ для себя упражненіемъ и снискивалъ часть-отъ-часу бо-

гѣе себѣ знаніевъ; во-вторыхъ, избавлялся скуки; в-третьихъ, препятствовалъ мыслямъ своимъ заниматься отъ праздности другими предметами, могущими обратиться мнѣ во вредъ и въ предосужденіе, а в-четвертыхъ, наконецъ, самимъ тѣмъ подалъ поводъ пріятелю моему, адъютанту, расхвалить мнѣ одну знакомую ему книжку, а именно: «Нравоучительныя размышленія» графа Оксенштирна. Онъ расхвалилъ мнѣ ее до небесъ и тѣмъ такъ меня поджогъ, что я непремѣнно положилъ ее себѣ купить, и сыскавъ свободный часъ, побѣждалъ искать книжной лавки и ее спрашивать.

День, въ который я сіе учинилъ, былъ для меня поистинѣ блаженнымъ и крайне достопамятнымъ; ибо въ самый оный судьбѣ угодно было отворить мнѣ, такъ сказать, впервые дверь во храмъ наукъ и показать мнѣ прелестности онаго. Не могу довольно изобразить, какимъ восхищеніемъ поразился я, вошедъ въ тамошнюю книжную лавку, въ которой до того не случалось еще бывать мнѣ ни однажды. Одинъ изъ товарищей моихъ нѣмцевъ взялся проводить меня въ нее и указать тотъ глухой и неизвѣстный мнѣ переулокъ, въ которомъ она находилась. Не бывавъ никогда въ порядочныхъ и большихъ книжныхъ лавкахъ, поразился я воззрѣніемъ на преужасное множество неперелетенныхъ книгъ, лежащихъ не только въ стопахъ по полкамъ, но и разложеннымъ по всѣмъ столамъ и прилавкамъ такъ, что ихъ титлы и заглавія можно было единымъ взоромъ обозрѣвать и видѣть. Я не зналъ, куда мнѣ и на какую изъ нихъ обращать мои взоры и какую разсматривать прежде и какую послѣ. Нѣскольکو минутъ препроводилъ я, власно, какъ въ изступленіи и не пересматривалъ, а пожиралъ глазами всѣ оныя. Еслибъ можно было, то всѣ бы я ихъ себѣ заграбилъ — такъ прельщался я симъ необыкновеннымъ для меня зрѣлищемъ. Но удовольствіе мое было еще больше, когда, спросивъ объ Оксенштиртѣ, услышалъ, что она не только есть, но, несмотря на всю величину

свою, такъ была дешева, что изъ бывшихъ со мною денегъ еще большая половина осталась, и я могъ купить на нихъ и еще нѣсколько книгъ, которыхъ мнѣ титулы полюбились.

Съ превеликимъ удовольствіемъ побѣжалъ я оттуда къ переплетчику, чтобъ отдать ихъ переплести, а между тѣмъ съ особливимъ вниманіемъ замѣчалъ всѣ улицы и переулки, по которымъ бы ходить мнѣ впредь въ сію лавку. Она и подлинно нерѣдко удостоивалась моего посѣщенія и принесла мнѣ въ послѣдующее время неоцѣнныя пользы.

Получивъ на другой день отъ переплетчика моего «Оксенштирна», приступилъ я тогоже часа къ чтенію оной. Нѣсколько дней читалъ я ее не уставая; и хотя была она не изъ самолучшихъ, но для меня послужила тогда въ превеликую пользу. Сочинитель говорилъ въ ней обо всемъ на свѣтѣ и о всей человѣческой жизни вперилъ въ меня множество весьма хорошихъ и такихъ мыслей, которыя послужили мнѣ великимъ побужденіемъ къ порядочной жизни и къ возможнѣйшему удаленію отъ пороковъ, а что всего лучше, заохотилъ меня и къ дальнѣйшему чтенію книгъ сему подобныхъ. Словомъ, я книгѣ сей весьма много обязанъ и такъ я ее полюбилъ, что нѣкоторыя статьи изъ нея даже въ праздное время переводить вздумалъ, а и понынѣ не могу на нее взглянуть безъ нѣкотораго чувствія благодарности къ ней.

Таковое-то стеченіе разныхъ обстоятельствъ было причиною и поспѣшествованіемъ помянутой, сдѣлавшейся тогда во мнѣ первоначальной перемены въ мысляхъ и въ поведеніяхъ, и съ того времени, при помощи благодѣтельныхъ ко мнѣ Небесъ, или собственно сказать, пекущагося обо мнѣ Промысла божескаго, пошелъ я часъ отъ часу далѣе и власно, какъ по лѣстницѣ; но объ семъ буду я рассказывать впредь и въ свое время. а теперь, поелику письмо мое уже слишкомъ увеличилось, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ непремѣнный другъ и пр.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ.

Письмо 65-е.

Любезный пріятель! Рассказывая вамъ въ предлѣдующихъ моихъ письмахъ въ подробности обо всемъ, что случилось со мною въ первые мѣсяцы пребыванія нашего въ Кѣнигсбергѣ, я такъ тѣмъ занялся и такъ о мелочахъ сихъ заговорился, что позабылъ совсѣмъ о нашей тогдашней войнѣ и о продолженіи оной. Исторія войны сей съ сего времени хотя и не связана тѣсно съ моею, поелику я не имѣлъ уже собственного въ ней соучастія, однако, какъ я впереди началъ уже ее вкратцѣ описывать, то, надѣюсь, не противно вамъ будетъ и продолженіе краткаго повѣствованія о дальнѣйшихъ бывшихъ во время оной, и когда не всѣхъ, такъ по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ происшествій.

Итакъ, возвращаясь нѣсколько назадъ, скажу вамъ, любезный пріятель, что между тѣмъ, какъ мы вышеупомянутымъ образомъ изъ Туруня въ Кѣнигсбергъ шли и тутъ мало-по-малу жить привыкали, и время свое не столько въ трудахъ, сколько въ веселостяхъ проводили, въ свѣтѣ пылали уже повсюду военный огонь, и земля во многихъ мѣстахъ обогрѣема была человѣческою кровью. Въ послѣдній разъ, когда писалъ я къ вамъ о сей войнѣ, имѣлъ я уже случай рассказать вамъ, какія страшныя и великія приуготовленія дѣланъ были во всѣхъ воюющихъ областяхъ къ продолженію оной, и сколь многія и сильныя арміи изготовлены были для дѣйствованія другъ противъ друга, какъ скоро весна вскроется. Сіе и не преминуло воспослѣдовать. Не успѣла весна начать вскрываться, какъ тотчасъ уже и начались военныя дѣйствія. Сіе начало учинено было королемъ прусскимъ и его союзниками, и столь рано, что всѣ не могли тому довольно удивиться. Я упомянулъ уже вамъ отчасти прежде, что такъ-называемая союзная армія, состоящая изъ ганноверанцевъ, подкрѣпленная небольшимъ количествомъ прусскихъ войскъ и пред-

водимая брауншвейгскимъ герцогомъ Фердинандомъ, начала производить военныя свои дѣйствія еще при самомъ началѣ сего года и даже въ самое зимнее время, и сколь великіе успѣхи она уже имѣла. Въ самое короткое время французы принуждены были не только оставить всѣ полученныя надъ непріятелями своими выгоды, но со стыдомъ и растеряніемъ множества людей возвратиться за рѣку Рейнъ. Однако союзники короля прусскаго и тамъ не дали имъ покоя. Храбрый принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, присланный отъ короля для командованія сими союзными войсками, открылъ первый, и еще въ мартѣ мѣсяцѣ, кампанію сего года и предпріялъ дѣло по истинѣ весьма важное и трудное. Оно состояло въ томъ, чтобы выгнать французовъ совсѣмъ изъ Нижней Саксоніи и Вестфалии; но какъ число ихъ простиралось еще до 80.000 человекъ, а у него не болѣе было какъ 30.000 самыхъ тѣхъ ганноверанцевъ, которые, за три мѣсяца до того, хотѣли-было совсѣмъ ружье положить, то потребно было къ тому все искусство и проворство великаго генерала. Къ тому-жъ присовокупить надобно и то, что и командовалъ французскою арміею уже не прежній слабый герцогъ Ришелье, но вновь присланный отъ французскаго двора г. Клермонтъ, который почитася былъ также искуснымъ генераломъ. Со всѣмъ тѣмъ, французамъ и сія перемѣна мало помогла. Герцогъ Фердинандъ началъ производить столь искусныя движенія, что вскорѣ принудилъ французовъ вытѣть и очистить совсѣмъ всѣ брауншвейгскія, вольфенбиттельскія и ганноверанскія области; послѣ чего пошелъ онъ прямо къ городу Миндену и, соединившись съ прочими бывшими на Везерѣ отрядами, осадилъ немедля ни минуты сей городъ. Графъ Клермонтъ, хотя и отправилъ генерала Брогліо съ корпусомъ для поддержанія сего города, но сей генералъ не могъ найти случая къ предпріятію чего-нибудь важнаго противъ союзниковъ, но принужденъ былъ быть только свидѣтелемъ тому, какъ они сей

городъ взяли и весь въ немъ бывший гарнизонъ полонили. Сіе происшествіе и отобраніе всѣхъ прочихъ укрѣпленныхъ городовъ, которыми-было французы въ нѣмецкой землѣ овладѣли, и повсемѣстные успѣхи ганноверанцевъ, принудили французовъ вытѣть совсѣмъ изъ предѣловъ областей нѣмецкихъ и расположиться за Рейномъ на кантониръ-квартиры, что для отдохновенія учинили потомъ и союзныя войска, набравъ при разныхъ случаяхъ до 11-ти тысячъ человекъ въ полонъ изъ войскъ французскихъ.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило на Рейнѣ и въ отдаленнѣйшемъ краю тогдашняго военнаго театра, не находился и самъ король прусскій въ праздности. Его озабочивали всего болѣе мы, и превеликія наши приготовленія къ тому, чтобы войти въ нѣдра самыхъ его бранденбургскихъ областей. Пруссія была имъ оставлена и находилась вся въ рукахъ нашихъ. Онъ чувствовалъ, что ему не можно довольно защитить страну, отъ прочихъ его областей столь отдаленную, и потому объ оной уже и не старался. Но защищеніе Бранденбургіи было не таково маловажно; какъ требовались войска и для другихъ мѣстъ, то старался онъ пособить себѣ въ семъ случаѣ хитростью и располаганіемъ оныхъ въ такомъ удобномъ между собою сближеніи, чтобы, въ случаѣ нужды, можно было ему тотчасъ совокупить ихъ вмѣстѣ для производства какого-нибудь рѣшительнаго дѣла. Обстоятельство, что неизвѣсто было куда пойдетъ наша армія—въ Шлезію ли или прямо въ Маркію Бранденбургскую—наводило на него сомнѣніе; однако онъ приготовился на оба сія случая, и вѣдая довольно нашу нерасторопность и обыкновенную намъ медлительность, предпріялъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ и до прибытія нашего получить надъ цесарцами какія-нибудь выгоды.

Въ такомъ расположеніи отдѣлилъ онъ противъ насъ только самое малое количество войскъ и поставилъ ницахъ померанскихъ не столь

препятствованія намъ въ походѣ, сколько для примѣчанія нашихъ движеній. Удостовереніе его въ нашей неповоротливости было такъ велико, что онъ не присоединилъ даже къ тому и того небольшого корпуса, которымъ командовалъ у него графъ Дона, и который назначенъ былъ для охраненія и защиты всего сего края, но отправилъ оный для обложенія шведской крѣпости Стральзунда. Самъ же, ни мало не медля, отправился съ главными своими войсками въ Шлезію, для осады главной шлезской крѣпости Швейдница.

Выступленіе его въ сей походъ восслѣдовало очень рано и тогда, когда ни мы, ни сами цесарцы еще о походѣ всего меньше помышляли; и послѣщеніе въ семь дѣлъ, отъ котораго весь успѣхъ онаго зависѣлъ, было такъ велико, что онъ успѣлъ еще въ мартѣ не только туда приттить, но и открыть траншеи, и къ 4-му апрѣлю довести оныя до гласиса и самаго палисада, а 5-го числа, учинивъ приступъ, принудить крѣпость сію сдаться на договоръ. Словомъ, предпріятіе сіе удалось ему наивожделѣннѣйшимъ образомъ, и взятіе сей главной крѣпости не стоило ему и ста человѣкъ; онъ же получалъ при семъ случаѣ въ полонъ двухъ генераловъ, 173 офицера и до 5,000 рядовыхъ.

По овладѣніи сею крѣпостью, употребилъ онъ паки славную стратегию, или военный обманъ. Онъ, вознамѣрясь нечаянно напасть на Моравію и овладѣть цесарскою крѣпостью Ольмицомъ, скрылъ такъ хорошо свое намѣреніе, что цесарцы вдались въ совершенный обманъ, и, по дѣланнымъ королемъ приуготовленіямъ, думали, что онъ идетъ въ Богемію, и потому тамъ и собрали войска и расположились при Находѣ. Но король вмѣсто того, 6-го числа, отправился въ Моравію, и собравъ войска свои при Тропкау, пошелъ съ такимъ посигшеніемъ, что войска его въ три дня перешли 40 миль и онъ 22-го апрѣля находился уже при Ольмицѣ, а цесарцы въ сіе время и не тронулись еще изъ Богеміи.

Вся Моравія находилась тогда почти безъ защиты. Генераль Виль, командовавшій тамъ немногими войсками, охранявшими оную, впустилъ пѣхоту свою въ крѣпость, а самъ съ конницею своею ретировался въ Брюпъ. Крѣпость тотчасъ осаждена была пруссаками, какъ скоро привезены были къ нимъ пушки, и они надѣялись, что возьмутъ ее столь же легко и таковой же скоро, какъ Швейдницъ. Тоже думали тогда и всѣ, и болѣе потому, что крѣпость сія была не изъ важныхъ и не такихъ, которая бы могла вытерпѣть формальную осаду и остановить надолго быстрый токъ успѣховъ королевскихъ. Главный австрийскій магазинъ находился въ Лейтомиселѣ на границахъ моравскихъ. Не было вѣроятности, чтобъ Даунъ могъ изъ отдаленной Богеміи послѣть для защищенія онаго и недопущенія пруссаковъ до овладѣнія онымъ. Король и дѣйствительно имѣлъ намѣреніе произвестъ сіе въ дѣйство, а вкупѣ напасть на Богемію съ сей стороны и чрезъ самое то отдалить цесарскую армію отъ нашей. Но прожектъ сей составлялъ таинство, которое хотѣлось королю всячески сокрыть отъ цесарцевъ. Онъ запретилъ настрояннѣйшимъ образомъ всему войску, чтобъ никто въ теченіе дѣльныхъ шести недѣль не дерзалъ писать ничего изъ арміи. Легкія его войска достигали уже набѣгами своими до границъ самой Австріи. Въ самомъ столичномъ цесарскомъ городѣ Вѣнѣ, уже боялись, чтобъ не пришелъ вскорѣ король прусскій и не явился предъ стѣнами онаго. Словомъ, всѣ обстоятельства обѣщавали великіе для короля успѣхи и предвозвѣщали произшествія важныя; однако, противъ всякаго чаянія, произошло совсѣмъ тому противное.

Осада Ольмица попродлилась; сидящій въ оной генераль Маршалъ учинилъ столь храбрый отпоръ, что пруссаки не могли ею никакъ овладѣть, а чрезъ то получилъ Даунъ время приттить къ Лейтомиселю, прикрыть магазинъ и подкрѣпить ольмицкій гарнизонъ множайшимъ числомъ войска. Сіе случилось

весьма кстати, ибо осада сему городу продолжалась уже съ 16-го мая, и апроши доведены были до самаго гласиса. Пруссаки всадили уже въ него до 180 тысящъ ядръ и бомбъ и имъ оставалось только учинить приступъ къ оному.

Со всѣмъ тѣмъ Даунъ, по прибытіи своемъ, увидѣлъ сущую невозможность освободить сей городъ отъ осады, не давъ съ пруссаками баталіи; но какъ успѣхъ оной не могъ быть никому напередъ извѣстенъ и, въ случаѣ потерянія баталіи, могли-бъ проистечь весьма бѣдственныя для всей Австріи слѣдствія, то Даунъ разсудилъ за выгоднѣйшее стараться отъ баталіи удалиться и довольствоваться окруженіемъ всего неприятельскаго лагеря и недоущеніемъ до него никакихъ транспортвъ и сигурсовъ. Храбрый Лаудонъ, сдѣлавшійся изъ добраго солдата изыщнымъ генераломъ, командовалъ легкими цесарскими войсками. Подъ его предводительствомъ одерживали они на всѣхъ бывшихъ малыхъ сраженіяхъ всегда надъ пруссаками верхъ, и сей родъ войны, обезпокоивавшій чрезвычайно пруссаковъ, удался наконецъ по желанію и принудилъ пруссаковъ оставить осаду. Въ началѣ іюня узналъ Даунъ, что идетъ къ прусскому королю сигурсъ съ великимъ транспортомъ амуниціи и денежной казны изъ Шлезіи: онъ отправилъ для разбитія его генераловъ Лаудона и Шинковича, давъ каждому по 6,000 чело-вѣкъ войска. Они напали на сигурсъ сей въ самое почти то время, когда онъ хотѣлъ вступать въ линіи пруссаковъ, и разгромили оный совершенно. Они побѣди до 3,000 пруссаковъ, взяли 400 чело-вѣкъ въ полонъ, получили въ добычу 12 пушекъ и овладѣли всѣмъ почти транспортомъ. Таковой чувствительный уронъ и недостатокъ во всѣхъ нужныхъ вещахъ принудилъ короля оставить осаду сего города и отъ него удалиться.

Пруссаки неудачу сію приписывали наиболѣе тому, что инженерный ихъ полковникъ Балби ошибся и началъ вестъ апроши къ городу слишкомъ издалека и за 1,500 шаговъ отъ крѣпости, отчего

прошло много времени, покуда могли они доведены быть до гласиса, и потеряно много попустому пороху и ядръ; а вторыхъ, потерянію помянутого обоза, состоявшаго въ 3,000 повозокъ, который, по длинѣ его, не было имъ возможности весь вдругъ на дорогѣ защитить отъ нападавшихъ цесарцевъ, которые такъ хорошо успѣли произвестъ сіе дѣло, что изъ всего множества фуръ и телегъ едва только двумъ стамъ съ половиною удалось пробраться до прусскаго лагеря, въ числѣ которыхъ 37 возовъ были съ деньгами.

Весь свѣтъ удивился тогда благоразумію Дауна. Онъ освободилъ городъ сей отъ осады, не потерявъ ни одного чело-вѣка. Онъ умѣлъ избѣжать баталіи и сопротивника своего довести наконецъ до того, что ему столь же опасно было отважиться дать бой, какъ и продолжать осаду, и чрезъ самое то принудилъ оставить оную. Однако и король прославился тогда не менѣе своимъ благоразуміемъ. Онъ не только отступленіе сіе произвелъ съ толикимъ искусствомъ, что цесарцы не могли ему ничего при томъ сдѣлать, но и пошелъ въ такую сторону, куда никто не думалъ. Ибо вмѣсто отступленія въ Шлезію, пошелъ онъ вдругъ въ сторону къ Богеміи и прямо къ столичному въ ней городу Прагѣ, и въ началѣ іюля расположился лагеремъ при Кёнигсгрецѣ. Даунъ и Лаудонъ слѣдовали за нимъ, одинъ по правую, а другой по лѣвую руку, и стали лагеремъ насупротивъ его при Любшау.

Теперь оставимъ обѣ сіи арміи, стоявшими въ сей позиціи, и посмотримъ, что между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ происходило.

Колико неудачна была ольмицкая осада королю прусскому столь, удачно было, напротивъ того, начало кампаніи сего гѣта его союзникамъ гановерамъ. Родственникъ его, славный принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, сошедшійся съ французскою арміею, бывшею подъ командою принца Клермонта при Кревельтѣ, одержалъ надъ нею совершенную побѣду. Сія побѣда могла имѣть весьма досадныя слѣдствія для австрійскихъ члѣ,

Принцъ Брауншвейгскій, побѣдивши французовъ, пошелъ далѣе, побралъ многіе города, вступилъ въ Нидерланды, взялъ городъ Рюремонтъ, и легкія его войска простирали набѣги свои даже до воротъ столичнаго города Брисселя; но, по счастью, одержанная французскимъ маршаломъ Броглю, вскорѣ послѣ того, побѣда надъ гессенъ-кассельскими войсками, бывшими подъ командою принца Изенбургскаго, при Зундергаузенѣ, поправила нѣсколько дѣла и дурныя обстоятельства французовъ. Они вошли послѣ сей побѣды въ городъ Минденъ, и вся ганноверанская земля сдѣлалась имъ отверстою. Сіе разстроило такъ много всѣхъ предпріятій принца Фердинанда, что онъ принужденъ былъ, оставивъ всѣ свои завоеванія, перейти назадъ черезъ рѣку Рейнъ и идти къ Мюнстеру.

Таковы были произшествія у союзниковъ нашихъ, а теперь время уже намъ обратиться къ нашей арміи и посмотрѣть, что между тѣмъ мы дѣлали и что у насъ происходило.

По занятіи всей Пруссіи нашими войсками, расположился нашъ главнокомандующій генералъ графъ Ферморъ, какъ прежде было уже упоминаемо, вдоль по рѣкѣ Вислѣ кордономъ. Въ семь положеній отставалась армія до вскрытія полои воды, и въ теченіе сего времени старался онъ только занять такимъ же образомъ войсками нашими и предмѣстья города Данцига, какъ заняты были всѣ прочіе польско-прусскіе города: Эльбингъ, Маріенбургъ, Кульмъ, Грауденецъ и Торунь. Однако это намѣреніе его не удалось. Данцигскіе жители того не захотѣли, за нихъ вступились министры прочихъ державъ, и такъ принуждено было сіе дѣло оставить. Какъ же скоро весна начала вскрываться, то переправленъ былъ одинъ корпусъ войска, подъ командою генерала Панина, за Вислу, и велѣно было стать лагеремъ подлѣ мѣстечка Диршау, а чрезъ нѣсколько времени потомъ переправилась и вся армія при Кршау чрезъ Вислу, и расположилась на той сторонѣ лагеремъ.

Всѣ думали тогда, что армія наша выступитъ нимаго не медля далѣе въ походъ и, пользуясь отсутствіемъ короля, поспѣшить войтить въ предѣлы бранденбургскіе и простираать завоеванія свои далѣе; однако воспослѣдовало противное тому, и, къ удивленію всего свѣта, простояла она въ помянутомъ положеніи и не дѣлая ничего нѣсколько недѣль сряду. Никто не зналъ, что заключать о тѣловой медлительности, и хотимъ ли мы, или нѣтъ вправду нападать вооруженною рукою на шлезскія и бранденбургскія земли. Но причиною тому было, можетъ быть, поджиданіе идущихъ прямо чрезъ Польшу другихъ нашихъ войскъ, а особливо новаго или такъ-называемаго обсерваціоннаго корпуса, который шелъ весьма длительными стопами. Но какъ бы то ни было, но армія наша стояла до самаго почти іюня праздно и ничего не дѣлала, и не прежде выступила въ походъ, какъ въ исходѣ мая, но и тутъ дошла только до мѣстечка Коница и остановившись, опять нѣсколько недѣль простояла.

Въ семь мѣстѣ соединилась, наконецъ, вся армія вмѣстѣ, и генералъ Ферморъ, отдѣливъ особый корпусъ, подъ командою графа Румянцова, для впаденія въ прусскую Померанію, самъ поворотилъ влѣво и пошелъ со всею арміею въ Мадую Польшу и чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ польскій городъ Познань.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, передовыя наши войска отправленнаго въ Померанію корпуса, подъ командою генералъ-майора Демику, вступили въ предѣлы Помераніи при мѣстечкѣ Рацебургѣ, неподалеку отъ городка Нейштетина. Въ семь городѣ поставленъ былъ отъ пруссаковъ одинъ ротмистръ, съ нѣсколькими десятками гусаръ и драгунъ, для примѣчанія нашихъ движеній. Онъ хотѣлъ-было захватить одну нашу партію, но самъ охваченъ былъ такъ нашими войсками, что принужденъ былъ три раза прорубаться сквозь нашихъ и съ великою нуждою спастись въ Нейштетинъ.

Сіе было первоначальное въ сей годъ неприятельское дѣйствіе, и пруссаки не

преминули и въ сей разъ очернить поступки нашихъ войскъ въ глазахъ всего свѣта. Они кричали повсюду, что войска наши, при вшествіи своемъ, и въ сей разъ, въ предѣлы прусскіе, производили безчеловѣчныя варварства и такія жестокости, какія производимы были ими въ минувшемъ году при фельдмаршалѣ Апраксинѣ. По повелѣнію отъ двора ихъ, обнародованы были такія извѣстія, которыя безъ досады читать было не можно. Они писали, что будто бы послѣ вышеупомянутой сшибки, оное мѣстечко Рацебуръ со всѣми сосѣдственными деревнями предано было на разхищеніе казакамъ, и что они не только разграбили оныя и опустошили совершенно, но производили и неслыханныя безчеловѣчія. По словамъ ихъ, сундуки и укладки во всѣхъ домахъ были разломаны, хлѣбъ потоптанъ и потравленъ, рогатый скотъ, овцы и лошади отогнаты въ Польшу и тамъ за безцѣнокъ распроданы, а жители, несмотря хотя они все, что у нихъ ни было, охотно отдавали, немилосердно сѣчены были плетями и мучены. У ломинскаго пастора Гензеля отрублена была сперва рука, а потомъ застрѣленъ онъ былъ тремя пистолетными пулями. Бурценскаго ландрата Остена и нѣсколькихъ другихъ пасторовъ засѣкли до полусмерти кнутиями, отчего ландратъ и умеръ; а другого Остена, шестидесятипятилѣтняго старика, обвязали соломою и зажегши оную, такъ и оставили, отчего онъ лишился жизни. Безчинія же, дѣлаемые надъ женщинами всякаго состоянія и возраста, неудобоизобразимы, и такъ далѣе. «Опустошивъ симъ образомъ—продолжали сіи извѣстія говорить далѣе—половину Нейштетинскаго уѣзда, сей корпусъ продолжалъ свой походъ до Драггеймскаго Господства въ Неймаркѣ, и опустошилъ такимъ же образомъ упомянутое господство вмѣстѣ съ Драмбургскимъ и Арендсвальскимъ уѣздомъ въ Неймаркѣ. Но какъ скоро увѣдомились они, что идутъ противъ ихъ въкоторыя отправленныя изъ Кнестрина войска, то отступили чрезъ Драгу рѣку назадъ въ Польшу и испытывали только тамъ дѣлать на-

бѣги, гдѣ не уповали они найдти себѣ противоборство».

Вотъ какимъ образомъ писали о насъ пруссаки и, можетъ быть, имѣли къ тому и причину, ибо за казаковъ нашихъ поручиться никому не можно. Однако и то правда, что никто такъ безстыдно не умѣлъ лгать, какъ пруссаки, и что имъ уже не въ диковинку было сплетать иногда сущія лжи или, по крайней мѣрѣ, изъ каждой мухи дѣлать слона. Но я, оставя сіе, возвращусь къ продолженію исторіи.

Главная наша армія, простоявъ дней десять въ Познани и приготовившись со всѣмъ ко вступленію въ непріятельскую землю, выступила, наконецъ, 1-го числа іюля въ походъ и пошла прямо въ Шлезію, направляя походъ свой къ прусскому городу Франкфурту, что на рѣкѣ Одерѣ. Разныя небольшія непріятельскія партіи встрѣтили ее тотчасъ при вступленіи въ предѣлы прусскіе, и наши передовыя войска принуждены были непрерывно съ ними сражаться. Ибо какъ скоро получено было королемъ извѣстіе о приближеніи къ границамъ нашей арміи, то велѣно было отъ него генералу графу Дона оставить обложеніе шведскаго города Стральзунда и поспѣшать къ тому мѣсту, гдѣ мы намѣрены были войтить, и стараться дѣлать намъ въ походѣ возможнѣйшую остановку и помѣшательство, и всячески защищать страну сію отъ войскъ нашихъ. Сей генералъ, имѣя небольшой корпусъ, расположился за рѣкою Одеромъ при Франкфуртѣ, и, для дѣланія намъ остановокъ и препятствія, отправилъ съ отрядомъ генераловъ Каница, Малаховскаго и Платена, и сіи не преминули учинить все, что только имъ возможно было. Но какъ отряды ихъ были слишкомъ малы, то и не могли они ничего важнаго произвестъ противъ столь многочисленной арміи, какова была тогда наша. Они хотя и старались засѣдать въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, чрезъ которыя намъ итти надлежало, равно какъ и при переправахъ чрезъ нѣкоторыя рѣки дѣлать намъ препятствія и безпокойство, но съ урономъ принуждены были всегда

уступать слишкомъ превосходящей ихъ силѣ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ графъ Дона съ корпусомъ своимъ взялъ при Франкфуртѣ такую позицію, что нашей арміи не можно было съ удобностью въ семь мѣстѣ переправиться черезъ большую рѣку Одеръ такъ, какъ армія была сперва намѣрена, то графъ Ферморъ рѣшился вытти опять изъ предѣловъ Шлезіи, въ которые-было онъ вошелъ и, поворотивъ вправо, вступить въ предѣлы Мархія Бранденбургской и, переправившись опять чрезъ рѣку Варту, итти чрезъ Ландсбергъ къ прусской крѣпости Кюстрину, посреди почти рѣки Одера построенной, и стараться овладѣть сею крѣпостью, чтобы тутъ удобнѣе было чрезъ помянутую рѣку Одеръ переправиться. Генерала же графа Румянцова съ особливимъ корпусомъ, состоящимъ наиболѣе изъ одной конницы, отправилъ онъ далѣе вправо къ Старгарду, чтобы искать переправы чрезъ Одеръ еще ниже и въ другомъ мѣстѣ. Тако расположась, выступилъ онъ въ исходѣ іюля въ обратный походъ изъ Кеннигсвальда и шелъ съ толикимъ поспѣшеніемъ, что 3-го числа августа дошелъ до деревни Гросъ-Камина, отстоящей отъ Кюстрина на одну только милю, и расположился тутъ лагеремъ.

Не успѣлъ онъ притти въ сіе мѣсто, какъ опредѣлено было на другой же день учинить на Кюстринѣ нападеніе. Крѣпость сія, построенная за 200 лѣтъ до сего времени, не имѣла съ сей стороны никакихъ наружныхъ укрѣпленій. Она окружена была съ одной стороны рѣкою Одеромъ, а съ другой—то-есть съ нашей, толикимъ болотомъ, но которое, однако, не такъ было широко, чтобъ не можно было намъ ее бомбандировать. Совсѣмъ тѣмъ почиталась она весьма важною и крѣпкою крѣпостью, въ которой надеждѣ и свезли въ оную жители всѣхъ тамошнихъ окрестностей наилучшіе свои пожитки и имѣнія, для безопаснѣйшаго сбереженія.

Для атакovanja оной отправленъ былъ генералъ Штофель съ авангардомъ, состоящимъ изъ 2,000 гренадеръ и нѣко-

тораго количества легкихъ войскъ. Сей генералъ, пришедъ предъ крѣпость и предмѣстіе оной, увидѣлъ, противъ всякаго чаянія своего, цѣлый корпусъ прусскихъ войскъ, предъ болотомъ, отдѣлявшимъ городъ отъ форштата, поставленный и тысячь до шести простирающійся. Таковое видѣніе его сперва остановило и принудило нѣсколько назадъ отступить; но генералъ Ферморъ, прихавшій самъ вслѣдъ за симъ генераломъ, велѣлъ тотчасъ помянутымъ гренадерамъ приступить къ самому жилю форштата, и въ тотъ же моментъ привезть пушки, и поставивъ на чистомъ полѣ, не дѣлая никакихъ траншей и батарей, произвести престоичайшую пальбу по мостамъ, отдѣляющимъ городъ отъ форштатовъ. А въ самое то время гренадерамъ напасть съ такою фурею на прусскія войска, что сіи принуждены были съ превеличайшимъ безпорядкомъ бѣжать и спасаться по мостамъ въ городъ.

Между тѣмъ вся армія послѣдовала вслѣдъ за симъ авангардомъ и пришедъ подъ крѣпость, расположилась передъ оною. И какъ имѣли мы тогда изыщную артиллерию, то графъ Ферморъ, ни минути не медля, приказалъ ей наижесточайшимъ образомъ бомбандировать. Сіе произведено было артиллеристами нашими съ такимъ искусствомъ, что съ третьей бомбы городъ сей загорѣлся и въ нѣсколько часовъ превратился въ пепель. Сіе особенное несчастіе сему городу случилось 2-го числа августа, и произошло болѣе оттого, что помянутой роковой бомбѣ случилось упасть въ магазинъ, наполненный соломомъ, и недалеко отъ порохового погреба находившійся. Отчего произошелъ столь ужасный пожаръ, что не только все строеніе въ городѣ превращено было, менѣе нежели въ 6 часовъ, въ пепель, но и сами жители насилу успѣли спастись на ту сторону рѣки Одера, откуда принуждены были видѣть всѣ дома и имѣнія свои пожираемыя пламенемъ.

Состояніе, въ какомъ находились тогда несчастные жители сего города, было по справедливости ужасно и плачевно.

Нѣкто изъ нихъ изобразилъ оное въ письмѣ своемъ изъ Берлина наживѣйшими красками; и какъ изъ письма сего можно всего яснѣе усмотрѣть, въ какомъ жалкомъ положеніи находились тогда сіи несчастные люди, то сообщу я вамъ его отъ слова до слова.

«Я увѣдомляю васъ чрезъ сіе, — говорить онъ, — о плачевной гибели города Кюстрина и о жестокомъ жребіи, поразившемъ всѣхъ жителей сего разореннаго мѣста и принудившемъ меня взять сюда моеприбѣжище съ такимъ расположеніемъ духа, которой сообразенъ сему случаю. 2-го числа сего мѣсяца, въ три часа послѣ полудни, загремѣлъ у насъ по всему городу слухъ, что русскіе гусары и казаки показались на нашихъ городскихъ поляхъ предъ короткою плотиною. Слухъ сей привелъ весь городъ тѣмъ въ вящее движеніе, что уже извѣстно было о російской арміи, что вся она, перемѣнивъ свой походъ и повернувъ на Ландсбергъ, приближалась къ Кюстрину. Съ башенъ, колоколенъ и валовъ городскихъ видны были, между гусарами и казаками, нѣкоторые отличнаго достоинства люди, развѣзжающіе на англійскихъ и покрытыхъ сѣтками лошадахъ и смотрящіе на городъ въ подзорныя трубы. Но какъ съ крѣпости учинено было по нихъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, то удалились они опять. О семъ происшествіи донесено было тотчасъ стоящему при Франкфуртѣ графу Дона и прошено о умноженіи гарнизона въ крѣпости, что тотчасъ и учинено было, и вмѣстѣ съ симъ присланъ былъ и новый комендантъ, полковникъ Шакъ.

«3-го числа получено было извѣстіе, что генералъ Ферморъ въ тотъ день со многими другими генералами обѣдалъ въ Видѣ, за двѣ мили отъ Кюстрина, и что было у нихъ разговариваемо о вчерашнемъ рекогносцированіи, о положеніи крѣпости, о дѣланіи батарей и о томъ, чтѣ предпринимать въ послѣдующій день. Несмотря на то, въ Кюстринѣ не чувствовали мы еще никакого страха и спали въ сію ночь покойно, покуда не раз-

будила насъ поутру, въ 4 часа, перестрѣлка нашихъ гусаръ съ непріятельскими, и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Мы взбѣжали на башни и увидѣли все поле за нашимъ форштатомъ до самаго лѣса покрытое непріятельскими и нашими легкими войсками, стрѣляющими другъ въ друга. Но около десятаго часа увидѣли мы, въ подзорную трубку, превеликую колонну непріятельской пѣхоты, идущую отъ Тамзеля и Варника къ нашей виноградной горѣ. Не успѣла она приблизиться къ сей горѣ, какъ, поставивъ на ней свои пушки, начала производить изъ нихъ столь жестокую стрѣльбу картечами по нашимъ гусарамъ, что они вмѣстѣ съ прочими нашими войсками принуждены были съ великою поспѣшностью ретироваться въ крѣпость. Послѣ чего не прошло еще и получаса времени, какъ непріатели винули къ намъ такое множество бомбъ и карказовъ, что городъ нашъ тотчасъ въ трехъ мѣстахъ загорѣлся и огонь, по причинѣ тѣснаго и сплошнаго строевія, такъ усилился, что не можно уже было никакъ его потушить. Сіе и продолжавшееся непрерывно летаніе бомбъ, привело всѣхъ жителей въ такой страхъ и изумленіе, что всѣ начали помышлять о спасеніи только единой своей жизни и о ушествіи въ поле.

«Сихъ бомбъ и зажигательныхъ ядеръ было такъ много, что, казалось, будто бы все небо разверзлось и спустило на насъ дождь огненный, и оттого повсюду, куда ни обращались взоры, видны были обрушивающіеся дома и побивающіе своихъ хозяевъ. О погашеніи сего пожара не можно было никому и мыслить, а всѣ, кто только могъ имѣть движеніе, обратились въ бѣгство. Самые младенцы у груди своихъ отчаянныхъ матерей, самые больные, лежавшіе въ своихъ постеляхъ, едва имѣли время, бросивъ все и, полуобнаженными, уйтись изъ погибающаго города. Единный стонъ и жалостные вопли и рыданія слышны были отовсюду, а особливо отъ перебѣжавшихъ за рѣку Одеръ и видѣвшихъ оттуда огонь и дымъ, снѣдающій все ихъ имѣніе и пожитки и уно-

саящій съ собою въ облака. Премногочисленное множество погибло тогда людей въ самомъ огнѣ и пламени. Множество другихъ подавлено обрушившимися домами и задохлось въ погребахъ, гдѣ они отъ бомбъ себя спасенія искали. Я самъ едва могъ имѣть столько времени, чтобъ накинуть на себя платье, какъ бомбы уже надъ главою моею съ страшнымъ трескомъ разсѣдались. Тогда не оставалось иного думать, какъ спасать только жену свою и дѣтей. Они поскакали съ постелей своихъ и такъ, какъ снаи, полуобнаженные, принуждены были спѣшить за мною и покидать все наше имѣніе и достатокъ въ жертву огню и пламени. Мы не успѣли еще добѣжать до площади, какъ одна бомба, упавшая предъ ногами нашими, повергла насъ на землю и съ преужаснымъ трескомъ разсѣлась. По счастью черепъ ея насъ не повредилъ. Весь народъ стремился и бѣжалъ за ворота, и всякой поспѣшалъ спасать себя въ томъ, въ чемъ былъ, и покидая все, что ни было у него на свѣтѣ. Нѣсколько сотъ послѣдовало за нами, такими-жъ полуобнаженными, какъ мы были, и оставили дома свои, и въ нихъ многіе по нѣскольку тысячъ денегъ. Мы потеряли все, и мнѣ удалось только спасти одну жизнь свою и своихъ домашнихъ, и я благодарю и за то еще Бога.

«Несчастными сдѣлались не одни мы, жители сего города, но и многіе пріѣзжіе, убѣжавшіе къ намъ въ городъ съ наилучшими своими пожитками, и погибло при семъ случаѣ и множество церковныхъ утварей, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ сюда для сохраненія. Сверхъ того, не находимъ мы и многіхъ людей и не знаемъ, куда они дѣлись. Зной и жаръ отъ огня и пламени былъ такъ великъ, что растопились отъ него даже самыя пушки въ цейгаузѣ. Мостъ, сдѣланный черезъ рѣку Одеръ, сгорѣлъ весь, и даже самыя быки, сдѣланныя для удержанія льда, обгорѣли по самую воду. Однимъ словомъ, зрѣлище было наужаснѣйшее и такое, что я сумнѣваюсь, былъ ли подобный тому примѣръ со временъ разо-

ренія Трои и Иерусалима въ свѣтѣ, чтобъ городъ погибъ столь страшнымъ и плачевнымъ образомъ въ немногіе часы и проглоченъ былъ огнемъ и пламенемъ. Совсѣмъ тѣмъ, городскіе валы и укрѣпленія остались цѣлы и невредимы».

Вотъ какимъ образомъ погибъ сей прусскій городъ отъ жестокаго нашего бомбандированія. Но какъ сгорѣли только одни дома, а укрѣпленія остались цѣлыми; и гарнизонъ, несмотря на то и на всѣ наши многократныя требованія и дѣлаемыя ему возможнѣйшія угрозы, не хотѣлъ никакъ сдаваться, то и принуждены были наши послѣ того начать формальную осаду; а о семъ, столь удачномъ и скоростижномъ сожженіи сего города, отправленъ былъ нарочный курьеръ съ увѣдомленіемъ ко двору.

Но письмо мое такъ уже увеличилось, что время оное уже и кончить, а повѣствованіе о дальнѣйшихъ происшествіяхъ предоставить будущему, то и окончу оное, сказавъ вамъ, что я емь всегда васъ почитающимъ вашъ и прочая.

БИТВА ЦОРНДОРФСКАЯ.

Письмо 66-е.

Любезный пріятель! Помянутое сожженіе Кюстрина надѣлало тогда много шума въ свѣтѣ: Многіе насъ винили за такое невинное разореніе бѣдныхъ жителей, а другіе извиняли введеннымъ уже въ свѣтѣ военнымъ обыновеніемъ, позволяющимъ уже таковыя дѣйствія. Что касается до насъ, находившихся тогда въ Кёнигсбергѣ, то мы, получая почти ежедневно обо всѣхъ происшествіяхъ въ арміи извѣстія, услышавъ о семъ, не могли, чтобъ не порадоваться сему приключенію, ибо всѣ мы не сомнѣвались, что, претерпѣвъ такое бѣдствіе, не можно будетъ сему городу долго держаться, но оный принужденъ будетъ скоро сдаться. Не могу изобразить вамъ, съ какою нетерпѣливостью дожидались мы послѣ того всякій день курьера, вѣдущаго съ ключами города Кюстрина ко двору; ибо столь удостовѣрены

были мы, что сей городъ скоро будетъ въ рукахъ нашихъ. Однако, судьбѣ угодно было опредѣлить иначе и произвести тѣ, чего мы всего меньше ожидали.

Не успѣло нѣсколько дней пройти, какъ проскакалъ черезъ Кёнигсбергъ курьеромъ ко двору полковникъ Розенъ. Всѣ мы съ крайнимъ любопытствомъ старались тогда узнать, съ какимъ бы извѣстіемъ онъ ѣхалъ, и услышали, что онъ отправленъ былъ съ извѣстіемъ о бывшей у нашихъ съ пруссаками пржеестой баталіи, о которой хотя и говорили, что будто наши ее выиграли и надъ пруссаками одержали побѣду, но видъ сего полковника показался намъ столь невеселымъ и унылымъ, что мы не знали, что думать, и начинали уже имѣть нѣкоторое сомнѣніе. Въ сей неизвѣстности находилсь мы не болѣе двухъ или трехъ дней, то-есть покуда пришла почта и привезла намъ берлинскія газеты. Но вообразите себѣ, любезный пріятель, какова была наша досада и сожалѣніе, когда мы увидѣли изъ оныхъ, что наша армія имѣла дѣло съ самимъ королемъ и что будто имъ разбита на-голову, такъ что число однихъ побитыхъ у насъ простиралось до 20 тысячъ человекъ, и что взяли они у насъ 103 пушки, 27 знаменъ и всю походную казну, простирающуюся до 85 тысячъ рублей. Обомгли мы сіе читая; но всего уже несомнѣнъ для насъ было то, что о своемъ уронѣ писали они, будто оный побитыми простирается не болѣе, какъ до 563 человекъ. Такая безстыдная ложь была слишкомъ очевидна. «Умилосердитесь, государи мои, — говорилъ я тѣмъ, которые тому вѣрили, — неужели наши руки не имѣли и сами только шен протягивали и давали себя рубить безъ всякой обороны? Сами же говорятъ что баталія цѣлый день продолжалась и была панжесточайшая. Какимъ же образомъ уронъ съ обѣихъ сторонъ таковъ уже слишкомъ несоразмѣренъ? Нѣтъ, говорилъ я далѣе, дѣло, конечно, было, но какъ-нибудь да не такъ, а происходило иначе».

Сіе и дѣйствительно насъ нѣсколько

утѣшало; а вскорѣ послѣ того оказалось, что предъугадываніе мое было въ самомъ дѣлѣ справедливо, и побѣда сія далеко не такова для пруссаковъ была велика, какъ они сперва расхвастались. Но дабы могли вы яснѣйшее понятіе имѣть о сей нашей славной и достопамятной битвѣ, то расскажу я вамъ все происшествіе оной обстоятельнѣе.

Какъ скоро армія наша вышеупомянутымъ образомъ къ границамъ бранденбургскимъ приблизилась и въ оныя вступила, то дано было о семъ тотчасъ знать королю прусскому. Сей находился тогда въ Богеміи и вознамѣревался итти къ Прагѣ для овладѣнія симъ столничнымъ богемскимъ городомъ. Ничто не могло тогда быть досаднѣе для короля прусскаго извѣстія сего, а особливо привосимыхъ жалобъ на дѣлаемые нами разоренія и опустошенія. Голова его наполнена была пышными замыслами, а сердце надеждами получить надъ цесарцами великія выгоды; и посреди самыхъ сихъ дальновидныхъ замысловъ видѣлъ онъ себя принужденнымъ, оставивъ все, скакать скорѣе къ намъ и стараться защитить самое сердце государства своего отъ нападенія нашего. Къ вашему усугубленію досады его, получилъ онъ извѣстіе, что и самые шведы, освободившись отъ обложенія въ Стральзунгѣ, вошли безпрятственно въ его предѣлы и приближались уже къ самому столничному его городу Берлину. Все сіе принудило его, подхвативъ 14 батальіоновъ пѣхоты и 33 эскадрона конницы, не итти, а бѣжать на защищеніе своей Бранденбургіи. Скорость шествія сего была такъ велика, что онъ въ двѣ недѣли перешелъ болѣе 120 миль, или около 900 верстъ, и, къ особливому несчастію нашему, успѣлъ еще поспѣть къ Кюстрину благовременно. Онъ приѣхалъ во Франкфуртъ-на-Одерѣ въ самое то время, когда наши осаждали Кюстринъ, и всѣ пушечные наши выстрѣлы были тамъ слышаны. Досада его была такъ велика, что онъ, остановясь тутъ ночевать и смотря, стоячи на крыльцѣ одного дома, на про-

ходящія мимо его войска, стоялъ какъ изумленный и только-что нюхалъ табакъ при каждомъ услышанномъ имъ выстрѣлѣ нашемъ. Когда же онъ приѣхалъ въ Кюстрингъ, увидѣвъ жалкое его состояніе, узнавъ, что при защищеніи сей крѣпости учинены были комендантомъ великія погрѣшности, и сей, видя его гнѣвъ, сталъ извиняться, то онъ такъ былъ раздосадованъ, что коменданту сказалъ: «Не на тебя я досажую, а на себя, что тебя сдѣлалъ комендантомъ».

Симъ образомъ ярясь и пылая на насъ мщеніемъ, не сталъ онъ ни минуты медлить, но, соединившись тутъ съ войсками графа Дона, положилъ, перешедъ рѣку, тотчасъ на насъ напасть. Но какъ въ самомъ Кюстрингѣ, за спорѣніемъ моста, перейти было не можно, то избралъ онъ для переправы себѣ другое и за нѣсколько верстъ ниже Кюстрина мѣсто. Тутъ въ одинъ мигъ послѣлъ у него мостъ и онъ, воспользуясь нашею оплошностью и небреженіемъ сего мѣста, переправилъ всю армію свою въ одну ночь и столь удачно, что наши не успѣли сдѣлать ему въ томъ ни малѣйшаго помѣшательства, и онъ не только не потерялъ притомъ ни одного человѣка, но и отрѣзалъ насъ чрезъ то отъ румянцовскаго корпуса, находившагося далѣе внизъ по рѣкѣ Одерѣ и въ довольномъ отъ арміи разстояніи.

Не успѣлъ онъ важную сію преграду перейти, какъ, пользуясь всякою минутою и не давая намъ время къ принятію его надлежащимъ образомъ приготовиться, пошелъ съ обыкновеннымъ своимъ проворствомъ и скоростью тотъ же часъ для атакванія нашей арміи. Онъ не иначе думалъ, что, нашедъ насъ въ безпорядкѣ, побьетъ онъ всѣхъ насъ; какъ свиней, и надѣялся сего тѣмъ наиболѣе, что тогдашняя армія его была немногимъ чѣмъ меньше нашей. Однако въ семъ своемъ мнѣніи онъ обманулся. Генералъ Ферморъ, предусмотрѣвъ намѣреніе королевское, успѣлъ отойти благовременно отъ города и стать въ весьма выгодномъ мѣстѣ въ ордеръ баталіи. Весь фронтъ

нашъ прикрытъ былъ топкимъ ручьемъ, а фланги прикрывали деревни Кварченъ и Цикеръ, и вся армія поставлена была большимъ кареемъ или четверосторонникомъ. Король обрадовался, нашедъ ее въ такомъ положеніи. Онъ почиталъ такія расположенія войскъ къ баталіи изъ всѣхъ наилучшими, ибо какъ вся внутренность такового каре или четвероугольника напичкана была и повозками, и конницею, и самыми нужнѣйшими обозами, то все сіе не только дѣлало крайнее помѣшательство въ движеніяхъ войскъ во время сраженія, но имѣло то выгодное для непріятеля послѣдствіе, что изъ всѣхъ его ядеръ не пропадало ни единого, но каждое производило вредъ, влетая въ сію огромную кучу народа, и когда пролетало безъ вреда чрезъ передній фронтъ, такъ попадало въ конницу и обозы внутри каре и ихъ раздробляло; почему и не удивительно, что въ сію баталію одному непріятельскому ядру случилось въ одномъ нашемъ гренадерскомъ полку цѣлыхъ 48 человѣкъ побить и переранить. А какое смѣтеніе производили сіи ядра въ помянутыхъ внутри каре бывшихъ обозахъ, того изобразить не можно.

Не успѣли пруссаки начать изъ артиллеріи своей производить по нашему фронту прежестокую пальбу, а особливо изъ большихъ пушекъ, какъ ядра ихъ и начали вскорѣ ящики, фуры и другія повозки коверкать, опрокидывать, разрывать и приводить въ неописанное замѣшательство; а какъ лошади, оторвавшіяся отъ многихъ, перебѣсались и скакали прямо на фронтъ и въ ряды, то сіе увеличило еще болѣе и до того сдѣлавшееся смѣтеніе и безпорядокъ, что командиры наши увидѣли тогда, но уже поздно, что они сдѣлали очень худо. Чтобъ пособить сему злу сколько-нибудь, встрянулись они только тогда гнать всѣ сіи лишнія тягости и обозы вонъ изъ каре; но тѣмъ еще болѣе все дѣло испортили и такъ себѣ связали руки, что какъ въ самое время король прусскій сталъ обходить наше правое крыло, чтобъ уда-

рить въ насъ, по обыкновенію своему, косою линією во флангъ, а надѣясь навѣрное насъ разбить, восхотѣлъ, для совершеннаго насъ погубленія, сдѣлать намъ и самую ретираду невозможною, и для того предварительно послалъ легкія свои войска и велѣлъ всѣ бывшіе позади нашей арміи мосты и гати черезъ рѣчки, ручьи и болота разорить и перепортить, и выгнать изъ каре, наши обозы, нашедъ ихъ разоренными, принуждены были остановиться, и надвинуло ихъ туда превеликое множество, то отъ самаго того и произошла страшная и такая сумятица, что командиры наши хотя и видѣли тогда, что надлежало скорѣй позицію своего войска переимѣнить, но сіе было уже поздно и невозможно, ибо король, не упуская ни одной минуты, атаковалъ съ величайшимъ усиліемъ и поспѣшностью наше правое крыло и принудилъ тѣмъ во вступленію въ сраженіе, отчего и загорѣлся тогда вдругъ престоичайшій огонь, какъ изъ пушекъ, такъ и изъ мелкаго ружья.

У насъ случилось тогда на семь флангъ стоять, такъ-называемому, новому шуваковскому или обсерваціонному корпусу, составленному хотя изъ наилучшихъ, но никогда въ дѣлѣ и огнѣ небывавшихъ людей. Совсѣмъ тѣмъ выдержалъ оный всю жестокую прусскую пальбу съ невозможнѣйшею храбростію, и удержалъ все стремленіе на себя прусскихъ гренадеръ, такъ что они принуждены были сперва остановиться; но какъ въ самое то время конница наша, увидѣвъ обнажившійся прусскій лѣвый флангъ, пустилась на оный и храбро въ него врубилась, то и разстроится и податься назадъ. Не успѣлъ Ферморъ сіе увидѣть, какъ, сочтя сіе, хотя и слишкомъ еще рано, совершенною побѣдою, велѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разорвать фронтъ своего карея для проущенія конницы, посланной отъ него для преслѣдованія бѣгущихъ; но сіе и испортило все дѣло. Ибо какъ она съ превеликимъ крикомъ и воплемъ поскакала и произвела собою страшную пылъ и сію, къ несчастію, вмѣстѣ съ ды-

момъ несло вѣтромъ на нашу вторую линію и произошла оттого такая темнота, что ничего вблизи было не видно—то помянутая вторая наша линія, сочтя ее непріятельскою, произвела по ней сильную стрѣльбу сзади, а подоспѣвшій на подкрѣпленіе прусскимъ отступающимъ войскамъ храбрый генералъ ихъ Зейдлицъ, съ своею конницею, встрѣтилъ ее спереди и съ превеликимъ стремленіемъ ударилъ на нее тремя колоннами, то въ мигъ была она не только опрокинута, но доведена до того, что она поскакала на собственную свою пѣхоту; а въ самое то время напалъ на нашу пѣхоту сбока и другой еще корпусъ прусской конницы, то и произошла оттого тутъ совершенная разстройка, и какъ въ пыли и въ дыму наши перемѣшались совсѣмъ съ непріятелями, то и началось такое убивственное сраженіе, котораго никакое перо изобразить не въ состояніи.

Пруссаки, которымъ всѣмъ предъ началомъ еще сраженія накрѣпко подтверждено было не давать никому пощады, рубили всѣхъ, до кого могли только достигать ихъ сабли, безъ всякаго милосердія и съ такою запальчивостію, что ихъ самое пламя горѣвшей тогда деревни Цорндорфа не могло никакъ удержать; но нѣсколько полковъ прусскихъ драгунъ, проскакавъ сквозь пламень, напали также на нашу пѣхоту и производили убивство, а храбрый генералъ ихъ Зейдлицъ, разбивши нашу конницу и кончивъ это дѣло, предпринялъ другое и почти до того несмысленное дѣло. Онъ, схватя свой кирасирскій полкъ, напалъ, съ саблями въ рукахъ, на нашу главную батарею, изъ большихъ пушекъ составленную, и овладѣвъ оною, пустился также на пѣхоту, и какъ сямъ образомъ была она и спереди и сзади и съ боковъ атакована и поражается немилосерднымъ образомъ, то и неудивительно, что не помогла ей вся ея храбрость, но все наше правое крыло приведено тѣмъ въ разстройку, и въ такой безпорядокъ, что не было тогда уже ни фронта, ни линій, но солдаты, раздробившись врознь, уже кучками перестрѣ-

ливались съ пруссаками и не столько уже дрались, какъ оборонялись и жизнь свою продавали неприятелямъ своимъ очень дорого. Сами пруссаки говорятъ, что имъ представилось тогда такое зрѣлище, какого они никогда еще не видавали. Они видѣли вездѣ россіянь малыши и большими кучками и толпами, стоящихъ по разстрѣляннн всѣхъ патроновъ своихъ, какъ каменныхъ, и обороняющихся до послѣдней капли крови, и что имъ легче было ихъ убивать, нежели обращать въ бѣгство. Многіе, будучи прострѣлены насквозь, не переставали держаться на ногахъ и до тѣхъ поръ драться, покуда могли ихъ держать на себѣ ноги; иные, потерявъ руку и ногу, лежали уже на землѣ, а не преставали еще другою и здоровою еще рукою обороняться и вредить своимъ неприятелямъ, и никто изъ всѣхъ не просилъ себѣ почти пощады. Съ толикимъ остервенѣніемъ дрались съ обѣихъ сторонъ въ эту кропотливую битву.

А ко всему тому присовокупилось еще и другое несчастье. Какъ помянутымъ образомъ все наше правое крыло было спутано и разбито и многіе загнаты были въ болоты и прогнаты до самаго обоза, то солдаты наши бросились на попавшіяся имъ на глаза марьянтанскія бочки съ виномъ и, разгромя оныя, пили какъ скоты вино сіе и ушивались имъ до безпамятства. Тщетно разбивали офицеры и начальники ихъ сіи бочки и выпускали вино на землю, солдаты ложились на землю и сосали сей мнѣй для себя напитокъ изъ земли самой. И сколько померло ихъ тутъ отъ вина одного, сколько погбло отъ единого остервенѣнія виномъ симъ, въ нихъ произведеннаго. Многіе въ безпамятствѣ бросались на собственныхъ офицеровъ своихъ и ихъ убивали, другіе, какъ бѣшеные и сумасшедшіе бродили куды зря и не слушали никого, кто-бы имъ что ни приказывалъ.

Вотъ что происходило на нашемъ правомъ крылѣ и какъ дрались тутъ съ самаго утра до половины дня; но на лѣвомъ

до сего времени не происходило еще ничего, но теперь дошла и до него очередь. Пруссакн атаковали и оное, но наши тутъ уже не новокорпусныхъ, а старыя полки и людей, выдавшихъ уже неприятеля, и потому не только не въ силахъ были ихъ сломить, но и сами еще ими были опрокинуты и обращены въ бѣгство. Уже бѣжали они при глазахъ самаго короля своего какъ скоты, и наши гнали и побивали ихъ безъ милосердія; уже загнали они ихъ въ болото и овладѣли ихъ батареею; уже недостаетъ очень малаго къ тому, чтобъ произойти въ семь дѣлъ великому и для ихъ крайне невыгодному перевороту; уже побѣда начала совсѣмъ склоняться на нашу сторону; уже находился самъ король въ такой опасности, что подлѣ самого его побиты были его пажы, а одинъ изъ адъютантовъ его взять въ полонъ и онъ самъ уже отчаявался совсѣмъ въ побѣдѣ — какъ вдругъ скачетъ и сюда тотъ же Зейдлицъ съ своею конницею, и не только останавливаетъ нашихъ въ стремленіи, но и своихъ бѣгущихъ, и возобновляетъ опять всю жестокость сраженія. Онъ выдерживаетъ всю жестокую картечную и оружейную стрѣльбу, по немъ производимую, но нападаетъ и самъ потомъ на нашу конницу. Разстроенная ихъ пѣхота опять строится и, ободрившись, поддерживаетъ его въ нападеніи и возобновляетъ съ нами опять бой. А все сіе и произвело и на семь крылѣ такое же убивственное и безпорядочное сраженіе, какое было на правомъ нашемъ крылѣ и остервенѣніе съ обѣихъ сторонъ было притомъ такъ велико, что найденъ былъ одинъ изъ нашихъ воиновъ, который, будучи самъ смертельно уже раненъ, лежалъ на умирающемъ также отъ ранъ пруссака, и грызъ его своими зубами, и что, наконецъ, дошло до того, что съ обѣихъ сторонъ разстрѣлянь былъ уже весь порохъ и стали драться на шпагахъ и штыкахъ и продолжали такъ, покуда наступившая ночь сему взаимному убивству положила предѣлы, и привудила какъ насъ, такъ и пруссаковъ, выбив-

шихся уже изъ силъ, взять отдохновеніе. И тогда увидѣли, что обѣ арміи въ дыму и во мракѣ фрунтами своими перевернувшись стали на мѣстѣ баталіи поперегъ такимъ образомъ, что половина побитыхъ и раненыхъ осталась у насъ, а другая у пруссаковъ и множество пушекъ нашихъ досталось въ руки пруссакамъ, а не малое число прусскихъ досталось намъ; а сіе и было причиною, что обѣ стороны имѣли нѣкоторое право приписывать себѣ побѣду, а въ самомъ дѣлѣ почти никто никого не побѣдилъ.

Совсѣмъ тѣмъ, мы на семъ жестокомъ и кровопролитномъ сраженіи потеряли болѣе, нежели пруссаки. Они потеряли убитыми не болѣе 3,400 человекъ, да ранеными 7,000 и въ полонъ попавшимися до 2,000, всего съ небольшимъ 12 тысячъ, да въ добычу нами получено 26 пушекъ и нѣсколько знаменъ. А мы убитыми одними потеряли до 10,000, да ранеными и въ полонъ попавшими столько-жъ, такъ что весь уронъ нашъ простирался до 21 тысячи, въ томъ числѣ множество генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ; изъ пушекъ же потеряли мы болѣе ста, а знаменъ 37. И все сіе произошло оттого, что разъяренный, злобою на насъ, король прусскій при началѣ еще сраженія накрѣпко приказалъ не шадить насъ ни мало.

Впрочемъ, несчастіе сіе приписывалось наиболѣе толь славному нашему новому обсерваціонному корпусу, который, не только первый дрогнулъ, но кинувшись на бочки съ виномъ, и разбивъ оныя, напился пьянъ и пошелъ послѣ бурлить безъ всякаго порядка и стрѣлять безъ всякаго разбора, и по своимъ, и по непріятелямъ. Безпорядокъ былъ такъ великъ, что генералы наши потеряли всю команду и вмѣсто того, чтобъ устроить войска, принуждены были сами помышлять о спасеніи своей жизни. И какъ наши войска съ вражескими такъ были перемѣшаны, что никто не зналъ куда бѣжать, и гдѣ собираться, то и не удивительно, что лучшіе и ретивѣйшіе генералы попались непріятелю въ полонъ.

Въ числѣ ихъ находились два генераль-поручика, Салтыковъ и графъ Чернышевъ, генераль-майоръ Мантейфель и два бригадира, Тизенгаузенъ и Сиверсъ. Переранено-жъ было множество; но болѣе всѣхъ сожалѣли о генераль-аншефѣ, старикѣ Броунѣ, который получилъ болѣе 17 ранъ по головъ.

Всю ночь послѣ сего жестокаго и кровопролитнаго сраженія простояли обѣ арміи на мѣстѣ баталіи подъ ружьемъ и никто не могъ приписать себѣ прямо побѣды. Наутріе начиналась-было опять баталія. Всѣ совѣтовали Фермору на то отвѣжаться и счастливы-бъ мы были, еслибъ онъ сему совѣту послѣдовалъ. Мы моглибъ вѣрно побѣдить и разбить короля совершенно, ибо у него не было уже пороха ни одного почти заряда. Но судьбѣ видно, угодно было, чтобъ славу сего дня получили не мы, а король прусскій. Графъ Ферморъ струсилъ и сдѣлалъ наглѣйшее дѣло: онъ написалъ письмо къ непріятельскому генералу Дона и просилъ перемирія на три дня для погребенія мертвыхъ, и чтобъ данъ былъ паспортъ для проѣзду раненому генералу Броуну. Таковая необыкновенная и немѣющая еще себѣ прѣмѣра поступка, возгордила непріятеля. Графъ Дона отвѣтствовалъ ему такимъ же, но горделивѣйшимъ письмомъ. Онъ говорилъ, что какъ король, его государь, одержалъ побѣду, то онъ и будетъ имѣть попеченіе о раненыхъ. И сія досадная, безразсудная и крайне-неблаговременная переписка и послужила послѣ королю прусскому доказательствомъ, что онъ побѣдилъ. Но сего было еще не довольно: но славный нашъ генералъ Ферморъ сдѣлалъ еще того хуже: на мѣсто того, чтобъ испытать еще свои силы, онъ въ сей день отступилъ къ своему вагенбургу и чрезъ то упустилъ изъ рукъ побѣду; а сіе отступление наше и подало королю поводъ уже явно утвердить свою побѣду и славиться оною. Совсѣмъ тѣмъ онъ самъ такъ былъ слабъ, что и не помыслилъ за нами гнаться и насъ болѣе беспокоить; но въ то

свою армію отвелъ назадъ и самъ возвратился въ Кюстринъ.

Симъ образомъ кончилось славное сіе произшествіе; и хотя не можно того сказать, чтобъ король насъ совершенно побѣдилъ, но вся выгода, по крайней мѣрѣ, отъ сего сраженія осталась на его сторонѣ, ибо наша армія, потерявъ не только множество людей, но всю почти артиллерию и денежную казну, не въ состояніи уже была ничего болѣе предпринимать; и вмѣсто того, чтобъ итти далѣе, принуждена была мало-по-малу отступать далѣе назадъ и наконецъ совсѣмъ возвратиться на прежнія зимнія свои квартиры въ Пруссію, а король прусскій получилъ свободу съ войсками своими возвратиться опять въ Шлезію и поспѣть еще заблаговременно къ удержанію успѣховъ, производимыхъ цесарцами.

Впрочемъ, великимъ поспѣшествованіемъ несчастію нашему служило и то, что армія наша въ дѣлѣ семъ не вся находилась, но превеликой корпусъ оной, подъ командою графа Румянцова и Штофеля, случился за нѣсколько миль въ отдаленіи и не могъ поспѣть къ сраженію. Къ вѣщему несчастію, обстоятельство не допустило корпусъ сей и на другой день подоспѣть къ главной арміи, въ которой годился бы онъ очень кстати и могъ бы ослабленнаго короля поразить на-голову. Одинъ изъ нашихъ главныхъ генераловъ, а именно князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, ушедъ съ баталіи, прискакалъ безъ души къ сему корпусу и увѣрилъ оный, что армія наша вся побита на-голову, и что нѣтъ ей никакого спасенія; а сіе и принудило корпусъ сей, вмѣсто того, чтобъ поспѣшить на мѣсто баталіи, помышлять о собственномъ своемъ спасеніи и о ретирадѣ окольными путями назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставленъ былъ у насъ вагенбургъ. Словомъ, все стеченіе обстоятельствъ было для насъ несчастливое, и единая польза, происшедшая намъ отъ сего сраженія была та, что войска наши прославились на оной неописанною своею храбростію и непреборимостію. Самъ король ужас-

нулся, увидѣвъ съ какою непоколебимостію и неустрашимостію дралась наша пѣхота, и пруссаки сами въ реляціяхъ своихъ писали, что насъ легче побивать, нежели принудить къ бѣгству, и что солдаты наши даютъ себя побивать при своихъ пушкахъ и при бочкахъ съ виномъ и что прострѣливанія человекѣ насъ еще недостаточно къ совершенному его низложенію. Словомъ, всѣ пруссаки съ сего времени начали уже иначе думать о нашихъ войскахъ и престали солдатъ нашихъ почитать такими свиньями, какими почитали они ихъ прежде. А мужики такъ были на нихъ злы, что какъ пруссаки согнали ихъ нѣсколько тысячъ и заставили рыть ямы и погребать побитыхъ, то метали они въ оныя не только мертвые трупы, но и самыхъ тяжело-раненныхъ, лежащихъ безпомощными на мѣстѣ сраженія и зарывали ихъ живыми въ землю. Тщетно несчастные сіи производили вопли, просили милосердія и съ стѣнаніями напрягали послѣднія свои силы, стараясь выдраться изъ-подъ мертвыхъ труповъ; но вновь навиданныя на нихъ кучи придавливали оныхъ и лишали послѣдняго дыханія. Сами прусскіе писатели не стыдились замѣчать сіе обстоятельство въ своихъ о войнѣ сей исторіяхъ, равно какъ и ту не слишкомъ похвальную черту самого короля прусскаго, который въ то время, какъ попавшійся въ плѣнъ наши генералы графъ Чернышевъ, Салтыковъ, Сулковскій и прочіе представлены были послѣ баталіи къ нему, то онъ, кипувъ на нихъ презрительный взоръ и отворотившись отъ нихъ, сказалъ: «У меня Сибири нѣтъ, куда-бы ихъ можно было мнѣ сослать, такъ бросьте ихъ въ казематы кюстринскіе. Сами они приготовили себѣ такія хорошія квартиры, такъ пускай теперь и постоятъ въ нихъ».

Сіе повелѣніе его было и дѣйствительно выполнено, какъ ни досадовалъ на то и не изъявлялъ неудовольствія своего графъ Чернышевъ коменданту кюстринскому. Онъ спрашивалъ у него: «неужели казематы назначены жилищемъ для полко-

воддевъ? но комендантъ отвѣтствовалъ ему: «Вы! государь мой, не оставили ни одного дома въ городѣ въ цѣлости, гдѣ вамъ можно было отвезть квартиру, итакъ, должны уже быть довольны сами». Итакъ, какъ они ни сердились, но принуждены были лѣзть въ сіи каменные погребя, сдѣланные подъ городскими валами. Однако пробыли они въ нихъ только нѣсколько дней, и король дозволилъ имъ потомъ нанять себѣ квартиры въ кюстринскомъ форштатѣ, уцѣлѣвшимъ отъ пожара.

Съ сего времени до самой зимы не произошло у насъ съ пруссаками ничего важнаго, кромѣ первоначальной осады и бомбардированія померанской приморской крѣпости Кольберга. Въ сію экспедицію отправленъ былъ генералъ-майоръ Пальмбахъ, но она была также неудачна. Генералъ сей думалъ устрашить городъ сей такимъ же сожженіемъ, какъ Кюстринъ. Онъ нѣсколько разъ послалъ требовать сдачи; но какъ ему въ томъ отказано, то хотя цѣлый мѣсяцъ простоялъ и непрерывно бомбардировалъ, но не могъ ничего крѣпости сей сдѣлать. Всѣ старанія его зажечь ее были безуспѣшны. Почему принужденъ онъ былъ дѣлать траншеи, и хотя ими и нарочито-близко приблизился къ городу, но какъ корпусъ его былъ слишкомъ малъ, то и не могъ онъ отважиться на приступъ; когда же присовокупилось къ тому и то несчастіе, что отправленный къ нему суда съ провіантомъ и амунициею на морѣ непогодю разбило и въ провіантъ сдѣлался ему недостатокъ, то принужденъ онъ былъ наконецъ осаду сію оставить и со стыдомъ отойти отъ города.

Снѣгъ кончилась въ сей годъ наша противъ пруссаковъ кампанія, которую по справедливости можно почесть несчастною, ибо мы растеряли множество людей, артиллеріи, амуниціи и денегъ, а всѣмъ тѣмъ не произвели ничего и принуждены были съ досадою видѣть, что мы въ надеждѣ своей на господина Фермора обманулись, и что онъ въ прак-

тикѣ далеко не столь искусный былъ полководецъ и генералъ, какъ мы сперва думали; ибо послѣ извѣстно стало, что онъ надѣлалъ много погрѣшностей, а сверхъ того поспѣшествовало къ тому много и то, что онъ недобрымъ былъ всѣми солдатами.

Но не таково окончилась кампанія сего года въ Шлезіи и Саксоніи. Союзниками нашимъ, цесарцамъ и французамъ, удалось съ избыткомъ отмстить королю прусскому весь уронъ, причиненный имъ нашей арміи и онъ потерялъ тамъ то, что у насъ выигралъ.

Не успѣли мы тогда съ арміею своею начать отступленіе, какъ король, оставивъ графа Дона съ небольшимъ корпусомъ противъ насъ, а генерала Ведела отправивъ въ Бранденбургію для отогнанія шведовъ, отправился самъ съ великимъ посипшеніемъ и съ лучшею частью войскъ помогать брату своему, принцу Гейнриху и избавлять его отъ нужды; ибо надобно знать, что между тѣмъ, какъ король вышеупомянутымъ образомъ ходилъ къ намъ и съ нами имѣлъ дѣло, искусный генералъ Даунъ съ цесарцами былъ не безъ дѣла: онъ, отправивъ генерала Гарша съ 20,000 человекъ для осады шлезской крѣпости Нейса, самъ пошелъ прямо въ Саксонію для изгнанія оттуда пруссаковъ. Тамъ находился съ ними принцъ Гейнрихъ, братъ королевскій, и былъ уже утѣсняемъ арміею имперскою. Даунъ хотѣлъ утѣснить его съ другой стороны и, соединившись съ имперскою арміею, выгнать его совсѣмъ изъ Саксоніи и овладѣть столичнымъ городомъ Дрезденомъ. Онъ и произвелъ бы сіе, можетъ быть, въ дѣйство, еслибъ не имѣлъ противъ себя столь искуснаго полководца, каковъ былъ принцъ Гейнрихъ. Сей, несмотря на всѣ услія обѣихъ цесарскихъ армій къ принужденію его къ баталіи, умѣлъ находить средства убѣгать всякій разъ отъ оной, и разными движеніями и оборотами своими занималъ ихъ столь искусно, что проводилъ дѣло сіе до тѣхъ поръ, покуда успѣлъ подоспѣть на помощь къ нему самъ король прусскій. Весь свѣтъ уди-

вился опять тогда ужасному проворству и скорости, съ каковою король прилетѣлъ отъ насъ въ Саксонію, и съ великимъ искусствомъ умѣлъ разрушить всѣ замыслы и предпріятія Дауна и имперской арміи; но прославился чрезвычайно притомъ и цесарскій предводитель графъ Даунъ. Всѣ движенія и обороты его были такъ благодарны, что король хотя и усилился надъ нимъ чрезъ соединеніе съ своимъ братомъ, но не могъ найти удобнаго случая и мѣста къ атакованію его такъ, какъ ему хотѣлось. Даунъ самъ началъ тогда убѣгать баталіи и становиться въ столь выгодныхъ мѣстахъ, что король не могъ никакъ отважиться на него напасть, что и побудило его переимѣнить свое намѣреніе и, отдѣлившись опять отъ своего брата, поспѣшить въ Шлезію для вспоможенія крѣпости Нейсу. Но не успѣлъ онъ въ сей походъ съ арміею своею отправиться, какъ Даунъ, ни мало не медля, послѣдовалъ за нимъ по стопамъ и умѣлъ спроворить такъ хорошо, что въ одномъ мѣстѣ, опередивъ короля, заманилъ его въ столь тѣсное и для его предсудительное, а для себя выгодное мѣсто, что любимецъ и наилучшій другъ королевскій фельдмаршалъ прусскій Кейтъ, увидѣвъ сіе, королю сказалъ: «Ежели цесарцы въ сей разъ оставятъ насъ спокойно, то всѣ они достойны повѣшены быть». Но Даунъ и не былъ такъ глупъ, чтобъ упустить изъ рукъ столь вождѣльный случай: онъ атаковалъ дѣйствительно ихъ при Гогенкирхѣ, и по весьма упорномъ и кровопролитномъ сраженіи былъ столь счастливъ, что короля разбилъ впрахъ, побилъ у него до 10,000 человекъ, взялъ болѣе 100 пушекъ, болѣе 30 знаменъ и большую часть его обоза и всѣ палатки. Словомъ, король никогда еще не претерпѣвалъ столь великаго убытка и урона и сіе было ему, власно, какъ въ возмездіе за разбитіе насъ и въ наказаніе за излишнее его хвастовство. Тутъ потерялъ онъ не только множество войска, но, что всего для него чувствительнѣе было, наилучшаго своего друга вышеупомянутаго фельдмаршала

Кейта, о которомъ онъ не могъ довольно натузиться.

Въ самое почти то же время разбили и французы, подъ командою принца Сублиза, гессенъ-кассельскую армію при Лицебургѣ. Сіе умножило еще болѣе досаду короля прусскаго. Однако онъ и при всѣхъ сихъ несчастіяхъ не потерялъ ни мало героическаго своего духа, но дѣланіями своими еще болѣе прославился. Онъ умѣлъ принять такія мѣры и по разбитіи своемъ сдѣлалъ такія движенія, что произвелъ то, что всѣ сіи побѣды не имѣли никакихъ вредныхъ для его слѣдствій. Даунъ хотя и хотѣлъ воспользоваться своею побѣдой и возвратиться въ Дрездену, овладѣть онымъ, однако сіе ему не удалось, и онъ изъ сожалѣнія о семъ городѣ и не желая разорить его бомбандированіемъ, принужденъ былъ оставить obleganіe онаго и окончить кампанію возвращеніемъ своимъ опять въ Богемію, а королю прусскому удалось освободить и городъ Нейсъ отъ осады и остаться на зиму опять съ покоемъ и имѣть то удовольствіе, что, несмотря на всѣ великія военныя произшествія, бывшія въ сіе лѣто, остался онъ властителемъ всѣхъ прежнихъ своихъ областей и на всѣхъ сраженіяхъ не потерялъ болѣе 30,000 человекъ; напротивъ того, уронъ, претерпѣнный всѣми воюющими противъ его союзными державами, считался до 100,000 человекъ.

Таковыя-то произшествія были въ теченіе сего лѣта и таковымъ-то образомъ угодно было провидѣнію Господню расположить оныя. Никто опять не думалъ, чтобы получили они таковое окончаніе и чтобъ пролитіе столь многой человѣческой крови пропало тщетно и не произвело никакого важнаго послѣдствія.

Теперь, пересказавъ вамъ о войнѣ сего лѣта, время мнѣ возвратиться опять къ продолженію моей повѣсти. Сіе и учиню я въ послѣдующемъ писмѣ, а теперешнее симъ окончавъ, скажу; что есмь вашъ и прочее.

ИЗВѢСТІЯ ВОЕННЫЯ.

Письмо 67-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ въ Бранденбургіи, Помераніи, Шлезіи и Саксоніи война вышеупомянутымъ образомъ горѣла, и многія тысячи людей погибали понапрасно, мы продолжали жить въ Кёнигсбергѣ наиспокойнѣйшимъ образомъ, и такъ, какъ бы находились въ дружеской землѣ или въ своемъ отечествѣ. Ничто не нарушало нашего спокойствія и не мѣшало намъ упражняться въ разныхъ увеселеніяхъ. Одни только получаемые неприятные слухи о военныхъ нашихъ проишествіяхъ насъ нѣсколько смущали; но и то не слишкомъ много, ибо какъ мы самоличнаго участія въ бѣдствіяхъ и нуждахъ, претерпѣваемыхъ армейскими, сами не имѣли, то и не чувствовали оныхъ, а занимались только одними любопытными распроедываніями отъ пріѣзжихъ изъ арміи обо всемъ тамъ происшедшемъ и въ чтаніи того, что тогда обо всемъ томъ было писано въ газетахъ.

Никогда и ни о какой баталіи такъ много писано не было, какъ о помянутой цорндорфской или, какъ нѣкоторые называли, кюстринской. Ибо какъ обѣимъ сторонамъ хотѣлось побѣду себѣ присвоить, то обѣ сначала многое гнали и либо что-нибудь утаивали, либо лишнее себѣ приписывали, то сіе и подало поводъ къ разнымъ и многократнымъ съ обѣихъ сторонъ возраженіямъ, изъясненіямъ и доказательствамъ, а оттого и были газеты тогдашняго времени очень любопытны.

Но какъ много ни старались наши сокрыть свой стыдъ и защитить честь нашего оружія, однако самую истину трудно было утаить отъ глазъ свѣта. Самимъ намъ, находившимся тогда въ Кёнигсбергѣ, сколько ни хотѣлось сперва того, чтобъ то была правда, что мы побѣдили и что наши говорили, и все то неправда, что писали пруссаки; но полученные наконецъ именныя списки всѣмъ побитымъ и раненымъ офицерамъ открыли намъ глаза и заставили судить

иначе о сей мнимой нашей побѣдѣ, ибо число однихъ офицеровъ побитыхъ, раненыхъ и въ полонъ взятыхъ, было такъ велико, что хотя-бъ и дѣйствительно была то правда, что мы побѣдили, но и въ семъ случаѣ побѣда-бъ была слишкомъ дорого куплена, ибо по собственнымъ нашимъ напечатаннымъ и во всемъ государствѣ обнародованнымъ вѣдомостямъ, число однихъ побитыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ простиралось до 211, да тяжеже и раненыхъ, конихъ столь же хорошо можно почитать какъ и побитыми, до 415, да легко раненныхъ 238, да въ полонъ пруссаками взятыхъ 75,—такъ, что число всѣхъ простиралось безъ малаго до 1000 человекъ. Количество, какого намъ никогда еще терять не случилось, и которое погрузило все наше отечество въ слезы, рыданія и вздохы; ибо какъ всѣ сіи офицеры были на большую часть наши дворяне и дѣйствительные владѣльцы своихъ деревень и имѣній, поелику тогда все дворянство служило, то не остался почти ни одинъ дворянскій домъ въ Россіи безъ огорченія, и который бы не оплакивалъ несчастную судьбу какого-нибудь своего ближняго или родственника. Словомъ, кампанія сего лѣта была для Россіи весьма бѣдственна и такая, какой она еще никогда не имѣла и которая ей долга будетъ памятна.

При таковыхъ обстоятельствахъ легко можете заключить, что мы особливую причину имѣли благодарить Бога, что намъ не случилось быть въ оной вмѣстѣ съ прочими полками; но мы прощли все сіе лѣто въ Кёнигсбергѣ и провеселились. Изъ помянутыхъ вѣдомостей усмотрѣли мы, что не было ни одного полку, который бы не потерялъ въ сіе лѣто множества своихъ офицеровъ; итакъ, сколь легко бы могло случиться то и съ нашимъ, еслибъ онъ былъ вмѣстѣ съ прочими въ арміи.

Но никто, я думаю, столь много не былъ тѣмъ доволенъ, какъ я. Нѣсколько разъ приходило мнѣ то на умъ, что въ случаѣ еслибъ находился я въ арміи, то весьма легко могъ бы и я находиться въ числѣ помянутыхъ несчастныхъ и лежать

на Цорндорфскихъ поляхъ подъ трупами мертвыхъ; и потому при всякомъ случаѣ и разѣ благодарилъ судьбу свою, что она меня отъ того отвела и избавила. А такыя размышленія подѣйствовали во мнѣ весьма много и при томъ крайне критическомъ для меня случаѣ, о которомъ теперь я вамъ рассказывать стану.

Было то предъ наступленіемъ осени и вскорѣ послѣ вышеупомянутой баталіи.

Армія, потерявъ, какъ на цорндорфскомъ сраженіи, такъ и при другихъ мелкихъ сраженіяхъ, множество людей, требовала себѣ подкрѣпленія. Для сего другого не оставалось, какъ собрать и всѣ послѣднія, въ Пруссіи въ разныхъ мѣстахъ оставшіяся войска и присовокупить ихъ къ арміи. Итакъ, тотчасъ разосланы были отъ главнокомандующаго во всѣ мѣста повелѣнія и велѣно всѣмъ оставшимся полкамъ итти къ оной и поспѣшать невозможнѣйшимъ образомъ. Сему жребію подвержены были и оба наши полка, содержавшіе до сего караулъ въ Кёнигсбергѣ, ибо какъ опытность доказала, что большіе караулы были тутъ не слишкомъ нужны, то велѣно было, для содержанія оныхъ оставить только третью баталію, съ слабѣйшими и къ походу неспособными людьми, а прочимъ всѣмъ, съ лучшими людьми, итти съ поспѣшностью къ арміи.

Повелѣніе сіе было для насъ, власно, какъ громовымъ ударомъ. Всѣ наши офицеры встужились и взгоревались, услышавъ оное. Они такъ уже привыкли къ тутошной распутной и для нихъ веселой жизни, что никому не хотѣлось разстаться съ оною. Я самъ смутился, услышавъ о томъ. Обстоятельство, что я хотя и находился тогда при Корфѣ, но изъ полку не былъ выключенъ, да и взять былъ къ нему только приватно и на время, привидело меня въ смущеніе. Къ вѣщему несчастью, прежній нашъ старичокъ-полковникъ около самаго сего времени изъ полку нашего выбылъ въ отставку, и на мѣсто его приѣхалъ новый полковникъ князь Долгоруковъ, о которомъ хотя и увѣряли насъ, что онъ человѣкъ добрый,

однако, по новости своей, былъ онъ никому еще незнакомъ. Его первое дѣло было узнать всѣхъ полку своего офицеровъ. Я долженъ былъ также къ нему явиться; и какъ обо мнѣ на сказано ему было отъ прочихъ ужъ довольно, то пригласилъ онъ меня отиѣннымъ образомъ, и хотя сожалѣлъ, что я нахожусь отъ полку въ отлучеѣ, однако приказалъ ходить къ нему чаще.

Въ сихъ обстоятельствахъ было сіе, какъ получено было въ полкъ вышеупомянутое повелѣніе. До сего времени не видалъ я отъ сего новаго полковника себѣ никакого худа и никакого добра. Но тогда, какъ началъ онъ перебирать всѣхъ въ полку нашемъ офицеровъ, для оставленія съ баталіономъ самыхъ остояннѣйшихъ, прислано было отъ него и за мною. По приходѣ моемъ, говорилъ онъ мнѣ: что какъ онъ наслышался такъ много о ревности моей къ службѣ и объ особливыхъ моихъ способностяхъ, то нимало не сомнѣвается въ томъ, чтобъ не хотѣлъ и я вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ арміи.—«Конечно такъ!» отвѣчалъ я, ибо въ скорости не могъ ничего иного ему сказать. Вопросъ сей былъ для меня совсѣмъ неожиданъ, ибо сказать, что «не хочу», казалось мнѣ не только дурно, но и совсѣмъ неприлично. «Когда такъ, сказалъ мнѣ онъ далѣе, такъ извольте собираться въ походъ, а я уже постараюсь о томъ, чтобы васъ въ полкъ отпустили».—«Очень-хорошо, отвѣтствовалъ я. Сбори наши не велики и мы къ походу всегда готовы.»

Сказавъ сіе, пошелъ я отъ него съ безпокойнымъ духомъ, ибо признаться надобно, что, несмотря на всю выхваляемую имъ мою ревность и усердіе къ службѣ, приказаніе его было для меня не весьма увеселительно, и я далеко не имѣлъ такой охоты къ сопутствованію имъ, какъ онъ думалъ, но гораздо охотнѣе хотѣлъ бы остаться въ Кёнигсбергѣ. Къ тогдашней моей жизни въ семь городъ я такъ уже привыкъ, и она мнѣ уже такъ полюбилась, что я между ею и многотрудною и опасною военною жизнью

не находилъ уже никакого сравненія, и первой давалъ безконечное преимущество предъ послѣднею. Мнѣ пришли тогда на память всѣ выгоды и пріятности тогдашней моей жизни, и все то хорошее, чѣмъ я тогда пользовался, и мысль, что я всего того лишусь дѣлала мнѣ оныя еще пріятнѣйшими. Говорится въ пословицѣ: что мы тогда только узнаемъ прямую цѣну вещамъ, когда ихъ лишаемся, и это очень справедливо.

Тогдашній случай доказалъ мнѣ то наипокрѣпнѣйшимъ образомъ. Мнѣ никогда еще тогдашняя жизнь, столь пріятною и драгоценною не казалась, какъ въ сіи минуты. Я начиналъ уже тужить, что послѣдствіемъ отвѣтомъ своимъ полковнику; и чѣмъ болѣе я о томъ размышлялъ, тѣмъ досада на самого себя становилась больше, что я такъ неостороженъ былъ и нимало не подумавъ, но тотчасъ объявилъ согласіе свое къ отъѣзду съ полкомъ. «Не нелегкая ли меня за языкъ дернула? говорилъ я самъ себѣ, и въ своемъ ли я былъ умъ и разумъ? Чтѣ за усердіе и чтѣ за ретивость такая. Ни котъ, ни кошка о семъ усердіи и ревности твоей не знаютъ! Никто тебѣ право за то не скажетъ спасибо и никого ты тѣмъ ни мало не удивишь, а ни дай, ни вынеси, лишись покоя, безопасности и тысячи выгодъ, которыми до сего времени ты пользовался и безъ всякой нужды подвергнешь себя опять не только всѣмъ прежнимъ трудамъ, нуждамъ, волокитамъ, но и самымъ опасностямъ. Не все такъ можетъ удаваться какъ въ прошломъ году; тогда намъ было хорошо воевать, а нынѣ не слышишь ли каково жарко бываетъ. Не въ сей, а въ другой годъ, и не въ тотъ, такъ въ другой случай дойдетъ и до тебя очередь. Такимъ же образомъ хорошохонько и тебя калѣбою сдѣлаютъ и изуродуютъ, какъ другихъ многихъ, и тогда храбрись себѣ пожалуй и величайся ранами, а что въ бою попадетъ, того не вынешь. Объ усердіи и ревности твоей никто и не узнаетъ, а ты изволь влачить на вѣкъ жизнь горестную и несчастную; но хорошо когда бы еще притомъ од-

номъ осталось и не случилось чего худшаго. Какъ ужокошутъ молодца по примѣру другихъ, такъ и всѣ бѣси въ воду. Пуля глупа и не разборчива, таковажь хорошо и въ меня попадетъ какъ въ другихъ, и тогда славься себѣ пожалуй и утѣшайся тѣмъ, что умеръ на одрѣ чести!»...

Кровь во мнѣ вся взволновалась при помышленіи о семъ и холодный потъ оросилъ все чело мое. — «Не дуракъ ли я и не сущій ли глупецъ я былъ? говорилъ я самъ себѣ. Какая нужда была слѣпить мнѣ своимъ отвѣтомъ, можно бы поостановиться, можно бы сказать ни то, ни сѣ и чѣмъ-нибудь отговориться или по крайней мѣрѣ предать на волю; пускай же бы взяли и послали меня неволею, такъ бы уже и быть, а то теперь самъ я на себя оружіе въ руки подаль. Полковникъ думаетъ, что мнѣ дѣйствительно самому хочется и вѣрно приступить не путемъ къ генералу, и будетъ требовать, чтобъ меня отпустили неотмѣнно!.. Хорошо, истинно я молодецъ! Ничего глупѣе того быть не можетъ чтѣ я сдѣлалъ...»

Въ таковыхъ-то и подобныхъ сему размышленіяхъ препроводилъ я все то время, покуда шелъ на свою квартиру, и досада моя на самого себя была такъ велика, что я руки себѣ ѣлъ и бранилъ себя всякими бранями. Но какъ перемѣнить того было уже не можно и я вѣрное считалъ, что меня отпустить, то пришедши домой, велѣлъ я слугамъ своимъ собираться и готовиться къ походу. Оба они, услышавши сіе, взгоревались и перегревожились еще болѣе, нежели я. «Эхъ, баринъ! говорилъ мнѣ старшій изъ нихъ, какъ вы это не могли отъ похода отбиться? Что за утѣха иттить въ походъ и, таскаясь, терпѣть нужду? Дѣло бы право и безъ насъ тамъ обошлось, а вамъ благо есть случай, вы бы попросили-таки о томъ генерала, можетъ бы васъ и не отпустили».

Слова сіи еще пуще меня смутили. Я чувствовалъ, что онъ говорилъ дѣло и досадовалъ, что мнѣ сего не пришло прежде

въ голову. Но какъ тогда помышлять о томъ уже поздно и неприлично было, поелику я самъ согласіе свое къ походу объявилъ, то закусивъ себѣ губы, я уже молчалъ и въ досадѣ только шагаль взадъ и впередъ по горницѣ. Слуга, видя мое смущеніе, подступилъ опять съ своими совѣтами: «Право, сударь, подумайте-ка, сказалъ онъ мнѣ, нельзя ли какъ-нибудь отбиться? Видите нынѣ какія опасности. Волѣнъ Бегъ и съ ихъ походами и со всѣми! Какъ бы здѣсь на одномъ мѣстѣ, такъ бы здоровѣе и лучше было». — «Эхъ, молчи! — закричалъ я на него, и не докучай мнѣ болѣе, мнѣ и безъ тебя грустно, а дѣлай, что велятъ. — «Изволь, сударь, сказалъ онъ, за нами дѣло не станеть, мы скоро соберемся, но не тужить бы вамъ самимъ о томъ послѣ, — хорошее мѣсто скоро потерять, но не скоро опять найтти можно!» Проворчавъ сіе сквозь зубы, пошелъ онъ отъ меня начинать свое дѣло; ибо какъ полку назначено было черезъ двои сутки отправиться и выступить изъ Кёнигсберга, то надлежало поспѣшать приуготовленіями къ отъѣзду.

Совсѣмъ тѣмъ послѣднія его слова впечатлѣлись глубоко въ мои мысли и подали мнѣ поводъ къ новымъ мыслямъ и разсужденіямъ. «А, что? говорилъ я самъ себѣ, не испытать ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь искусенно отъ сего похода отдѣлаться? Полковнику хотя я и далъ слово, но нельзя ли какъ-нибудь спроворить, чтобъ меня отъ генерала не отпустили?...» Мысли о семъ занимали меня не только во весь тотъ вечеръ, но и во всю почти ночь. Я такъ въ размышленіи о томъ углубился, что самый сонъ казался отъ меня убѣжавшимъ и я почти во всю ночь не спалъ, а ворочался только съ боку на бокъ. Съ мыслями моими встрѣчались разные способы и средства. Я разсматривалъ ихъ вдоль и поперекъ, но всѣ казались мнѣ не весьма способными. Самого генерала просить о томъ казалось мнѣ дурно и неприлично; на иного никоимъ образомъ не могъ я надѣяться, а о полковникѣ и помышлять было не можно. Ста-

ривное мое правило, чтобъ нигде отъ тою не набиваться и ни отъ чего не биваться, пришло мнѣ также на памтъ Неизвѣстность, гдѣ можно найтти и г потерять, смущала меня не менѣе какъ и всѣ выгоды, ожидаемыя отъ того, ес я останусь. «Хорошо! думалъ я самъ себѣ, конечно-бъ хорошо было, если я остался, но почему знать, не послужитъ ли мнѣ то во вредъ, если я отъ полку отстану? Да и здѣсь, навѣрно ли я знаю что мнѣ всегда хорошо будетъ. Не и жеть ли и здѣсь со мною что-нибудь и пріятное случиться?» «Дѣло иное, да малъ я далѣе, еслибы пришло все самъ собою. Дѣло иное, еслибъ безъ всяка моего старанія, я какъ-нибудь здѣ оставленъ былъ! Ну! еслибъ самому и неразу здумалось меня не отпустить полковнику отказать въ просьбѣ».

Мысль сія была для меня прелесть однако я не смѣлъ никакъ надеждою заскаться. Обстоятельство, что дѣло меня тогда такъ мало было, что и цѣлую недѣлю не доставалось мнѣ почти одной странички переводить и что въ целаріи почти можно было безъ меня обойтись, не дозволяло мнѣ питать и себѣ сію надежду. «Такая бѣда, говорилъ я, на ту бѣду и переводовъ нѣтъ хотя бы они уже мнѣ помогли. Въ иныя времена ихъ съ три пропасти и я имъ уже не радъ, а теперъ и имъ бы я уже радъ былъ, хотъ бы ихъ втрое больше было. Какая нужда, быть бы уже такъ, хотъ потрудиться!»...

Въ сихъ и подобныхъ тому размышленіяхъ препроводилъ я большую часть ночи, но остался наконецъ все еще и нерѣшимости, что дѣлать. Но наконецъ вспомнивъ старинную пословицу, что утѣ вечера мудренѣе, и рѣшившись пожити на власть божескую и ожидать всего отъ самаго его Промысла, уснулъ я и препроводилъ достальную часть ночи въ спокойномъ снѣ.

Поутру, одѣвшись и подтвердивъ людямъ о поспѣшеніи сборами и поправленіемъ нашей повозки, пошелъ я въ калцеларію ожидать рѣшенія моея судьбы

сомнѣвался, что полковникъ мой день будетъ у генерала и что ийствительно и до меня коснется. еупомянутыя мысли и безпокой-ха такъ состояніе мое разстро-я походилъ въ сіе утро болѣе на о нежели на здороваго, и сіе бы-примѣтно, что по приходѣ моемъ (елярію всѣ меня стали спраши-е занемогъ ли я и не сдѣлалось со мною? «Нѣтъ, отвѣтствовалъ го!» и спѣшилъ сѣсть на свое

не успѣлъ я товарищамъ своимъ, ѣ, сказать: «Ну, прощайте лю-друзья мои! завтра, или послѣ пойдете нашъ полкъ въ походъ, нимъ вмѣстѣ» — какъ вошелъ ко- великою поспѣшностью нашъ секретарь и, подавая мнѣ пре-тетрадь, сказалъ: «На-ка, братъ, перь-то потрудись! да смотри же ий какъ можно. Быть такъ, хоть посиди; намъ отправлять это ьеромъ въ армію, и это нарядъ съ провіантомъ и маршруты, сдѣлать бы остановки.»—Э, э, э! я, увидѣвъ сію громаду,—да это-ошка, и въ трои сутки не пере-а сверхъ того, я истинно не знаю, нѣ успѣвать будетъ дѣло это дѣ-лкѣ нашъ идетъ послѣзавтра от-мнѣ велѣно собираться вмѣстѣ въ походъ. «Да кто это тебѣ лѣ?» спросилъ удивившись секре-Полковникъ нашъ, сказалъ я: — мѣ вчера нарочнаго за мною и ѣ мнѣ приказывать.—«Кто это? иль онъ, князь Долгоруковъ? ха! Князь Долгоруковъ! Враніе, Статочное ли это дѣло? Отпу-и мы тебя! Да какъ намъ безъ ть? Мы рады, что нашли такого а, г. полковникъ изволятъ умни-отри, пожалуйста! великой онъ гос-какъ ему у насъ взять».—Да онъ просить о томъ сегодня генерала, я.—«Да хоть распросишь себѣ и есни, такъ этому не бывать; не онъ, но хотя бы и самъ Ферморъ

сталъ, такъ мы не посмотримъ. Я теперъ же пойду и доложу о томъ генералу, а вы и не помышляйте о томъ, а начинай-те-ка скорѣе переводить.»—Хорошо су-дарь! сказалъ я. А я было-велѣлъ уже и собираться въ походъ.—«Пустое, су-дарь, подхватилъ онъ: пошлите сказать; но, постой, я пошлю самъ. Вѣстовой! побѣгай скорѣй на квартиру Андрея Ти-моѣевича, и скажи людямъ его, чтобы они не заботились и въ походъ не соби-рались».

Сказавъ сіе, уполъ онъ въ судейскую и оставилъ меня въ такомъ состояніи, которое я вамъ никакъ изобразить не могу. Стеченіе столь многихъ и неожидаемыхъ совсѣмъ обстоятельствъ и уди-вило и обрадовало меня до чрезвычайно-сти. Сердце мое вспрыгаюлось отъ радост-и и удовольствія, и я не зналъ вѣрить ли мнѣ своимъ глазамъ и слуху и отва-живаться ли ласкаться надеждою, что секретарь тѣ исполнитъ дѣйствительно, о чемъ говорилъ онъ съ толикою досто-вѣрностью. Пуще всего радовался я то-му, что дѣло пошло безъ всякаго съ мо-ей стороны содѣйствія, и взяло нечаянно такой оборотъ, что мнѣ не было нужды никого просить и самому того добиваться.

Никогда еще съ такой охотою не на-чиналъ я своихъ переводовъ, какъ въ сей-разъ. Желаніе мое остаться въ Кеннг-бергѣ было такъ велико, что еслибъ бы-ло ихъ втрое больше, такъ бы я не ох-нулъ и готовъ былъ бы не только одну, но хотя-бъ и цѣлыя три ночи просидѣть и потрудиться, только-бъ помогло мнѣ сіе сидѣнье; но, по особливому счастью, и переводъ тогдашній былъ мнѣ такъ ле-гокъ, что я не писалъ, а летѣлъ перево-да оный.

Между тѣмъ, какъ я такимъ образомъ сидѣлъ и въ дѣлѣ своемъ упражнялся, секретарь нашъ дѣйствительно пошолъ къ генералу и наскзалъ ему столь мно-го о необходимой во мнѣ надобности и о хотѣнии полковника взять меня въ полкъ, что генералъ даже рассердился на нашего полковника, за его вредна-тельное мнѣ приказаніе, и положилъ

отмѣнно меня при себѣ удержать и на своемъ поставить. Все сіе случилось весьма встати, ибо не успѣлъ секретарь нашъ отъ него вытти, какъ приѣхалъ къ нему и нашъ полковникъ. Онъ началъ тотчасъ ему обо мнѣ представлять; но какъ генералъ нашъ былъ уже предвзрѣнъ, то не далъ онъ ему и слова вымолвить, а наотрѣвъ отказалъ, и, не удовольствуясь еще и тѣмъ, послалъ тотчасъ за мною и велѣлъ къ себѣ приттять. Я ничего о томъ не зналъ и не вѣдалъ, но, догадываясь, зачѣмъ меня спрашиваютъ и находясь между страхомъ и надеждою, пошелъ къ нему съ трепещущимъ сердцемъ.

Генералъ не успѣлъ меня завидѣть, какъ, обратясь ко мнѣ съ ласковымъ видомъ, сказала: «Нѣтъ мой другъ! мнѣ тебя никакъ отпустить не можно, и ты долженъ неотмѣнно здѣсь, при мнѣ остаться и считаться при батальонѣ. Однако о семъ пожалуй нимало не тужи; ты и здѣсь такую же или еще важнѣйшую службу отправлять будешь государю, какъ и въ войскѣ и потому чрезъ то ничего не потеряешь. Въ этомъ положишься ты на меня». Я учинилъ ему пренизкій поклонъ и легко могъ заключить, что къ послѣднимъ словамъ его поводъ подали представленія нашего полковника, расхваливаемаго ему меня и изъявляющаго сожалѣніе свое о томъ, что я, будучи хорошимъ офицеромъ, могу чрезъ таковую отлучку отъ полку потерять линіи своей въ произвожденіи, и потому, обратясь къ стоявшему тутъ же полковнику нашему, хотѣлъ было только изъ учтивости его спросить, что онъ приказать изволить, какъ онъ самъ уже ко мнѣ подошелъ, и тихимъ голосомъ мнѣ сказалъ: «Что дѣлать, братецъ! я все сдѣлалъ, что мнѣ можно было, но видишь самъ, что не моя воля; итакъ, оставайся уже здѣсь». Я хотѣлъ-было ему только отвѣчать, какъ генералъ, не давъ намъ болѣе воли говорить, мнѣ сказалъ: «Такъ поди-жь, мой другъ, и продолжай свою работу и поспѣши ради Бога, какъ можно скорѣй». Тогда откланялся я имъ обоимъ и не пошелъ, а полетѣлъ въ канцелярію съ сердцемъ, испол-

неннымъ неописаннымъ удовольствіемъ и радостью.

Всѣ канцелярскіе встрѣчали меня съ вопросомъ, что происходило, и слышавъ, изъявляли радость свою о томъ, что я остался съ ними. Самъ секретарь нашъ привѣтствовалъ меня вмѣстѣ съ прочими и, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «Ну, не правду ли я говорилъ? Живи-ка, братъ, лучше съ нами! здѣсь едва-ль не получше-ль тебѣ будетъ; а тамъ, братъ, есть и безъ тебя кому съ пруссаками воевать. Не удивишь, право, никого, какъ пуля въ лобъ, а здѣсь по крайней мѣрѣ ее нѣтъ нужды опасаться». Я не преминулъ поблагодарить его за попеченіе о себѣ и просилъ о дальнѣйшей къ себѣ его благосклонности и неоставленіи, что онъ мнѣ охотно и общалъ, будучи самъ собою доволенъ, что онъ сіе могъ сдѣлать.

Такимъ образомъ кончилось сіе дѣло и, противъ всякаго моего чаянія, съ превеликимъ для меня удовольствіемъ. Съ той минуты не сталъ я заботиться уже о походѣ, и, нимало не скучая, просидѣлъ не только весь тотъ день, но и большую часть ночи за моимъ переводомъ, а наутрѣ, какъ свѣтъ, явился опять въ канцелярію и трудился съ такимъ усердіемъ и ревностью, что переводъ мой, къ великому удовольствію секретаря, предъ вечеромъ того дня кончился. Тогда спѣшилъ я уйтти домой, чтобъ по крайней мѣрѣ отдохнуть сколько-нибудь отъ трудовъ столь многихъ. Но не успѣлъ я приттять на квартиру, какъ новое явленіе поразило мой взоръ и привело духъ мой опять въ превеликое смущеніе и безпокойство.

Теперь готовъ я объ закладъ удариться съ вами, что вы не угадаете, чтобъ такое сіе было? ибо вамъ столь же мало можетъ приттять въ голову, какъ и мнѣ тогда, чтобъ былъ то адъютантъ нашего полку, присланный ко мнѣ нарочно отъ полковника. Я удивился и не зналъ что думать, когда онъ мнѣ сказалъ, что прислалъ его ко мнѣ полковникъ. — Зачѣмъ такимъ, батюшка, спросилъ я его, смутившись духомъ и удивившись. — «Его сіа-

тельство приказалъ вамъ сказать, говорилъ онъ мнѣ, что буде вы хотите вмѣстѣ съ нами въ походъ итти, то можете завтра поутру, какъ полкъ пойдетъ, тайкомъ отсюда уѣхать, а онъ уже беретъ на себя защитить васъ отъ всѣхъ посягательствъ, могущихъ за то послѣдовать на васъ отъ генерала Корфа».

Могло-ль что страннѣе, удивительнѣе или паче нескладнѣе и смѣшнѣе быть предложенія такого? Я изумился, услышавъ оное и смутился такъ, что не зная, нѣсколько минутъ, что ему на то отвѣтствовать, а самъ въ себѣ только помышлялъ: «я покорно, право, благодарствую; человекъ радъ, что нечаяннымъ образомъ случилось ему такъ удачно отъ похода отдѣлаться, а его сіятельство хочеть, чтобъ я самъ еще къ тому набивался, да еще подвергая себя и опасности немалой. Что я за дуракъ буду? и не съума ли мнѣ сойтить, если сему приглашенію послѣдовать». Но какъ адъютанту что-нибудь въ отвѣтъ сказать было надобно, то, собравшись нѣсколько мыслями, отбоарилъ я его слѣдующимъ образомъ:— Служай-ка братецъ, сказалъ я ему: мнѣ хоть бы и не хотѣлось отъ полку отстать, но я истинно не знаю, можно ли мнѣ то сдѣлать, что его сіятельство приказываетъ изволить. Во-первыхъ, я въ походъ вовсе не собирался и у меня къ отъѣзду ничего неготово, а во-вторыхъ, какъ мнѣ можно безъ дозволенія отлучиться и власно какъ уйтить? Мнѣ не только поручено множество важныхъ дѣлъ для перевода, въ чемъ я оба сіи дни денно и ночью упражнялся, но сверхъ того, и въ каморѣ на рукахъ у меня шнуровыя книги, въ которыя я всякій день приходъ и расходъ всѣхъ здѣшнихъ доходовъ записываю, такъ какъ можно мнѣ, не сдавъ ихъ, отлучиться и самовольно уѣхать? Вѣдь меня засудятъ за это и я могу сдѣлаться несчастнымъ отъ того. Генералъ нашъ играть собою давать не любить; никто меня не защититъ тогда отъ гоненія его. Его сіятельству видно неизвѣстно, сколь онъ силенъ при дворѣ, а намъ это уже довольно свѣдомо. Итакъ, до-

ложите его сіятельству о семъ и скажите отъ меня, что я, несмотря на все мое усердіе и желаніе быть при полку, сего однако сдѣлать никакъ не отваживаюсь, да и не думаю, чтобъ его сіятельство и самъ похотѣлъ меня сдѣлать чрезъ то несчастнымъ. — «Хорошо, сказалъ адъютантъ, я ему все это перескажу, но, ну, если онъ неотгнѣнно сего похочеть, или поступитъ далѣе и велитъ тебя неволею взять, что тогда изволишь?» — Въ этомъ состоятъ будетъ его воля, сказалъ я, и тогда уже не я, а уже онъ будетъ въ отвѣтъ, а самовольно мнѣ и тайкомъ уѣхать никакъ не можно, и я повторяю вамъ, что я никакъ на это не отважусь и боюсь преступить повелѣніе генеральское. Неравно дойдетъ то до двора, такъ куда я гоужусь?

Симъ отбоарилъ я моего господина адъютанта: онъ пошелъ отъ меня, какъ несолоно хлебавъ, а я, проводивъ его и смотря вслѣдъ, самъ себѣ говорилъ: «Ступай-ка, братъ, ступай! да и впредь не подвертывайся къ намъ съ такими дѣлами. Мы съ ума еще не сходили, чтобъ самовольно намъ такой вздоръ дѣлать».

Совсѣмъ тѣмъ послѣднія его слова привели меня въ великое смущеніе. «Чего добраго! думалъ я самъ въ себѣ, чтобъ не затѣялъ онъ еще вправду сего сдѣлать. Полковникъ въ полку, вѣдь какъ чортъ въ болотѣ, власть его велика. Какъ пришлетъ команду и велитъ насильно взять и увезть, такъ что ты съ нимъ изволишь дѣлать, не караулъ кричать станешь и хоть не хочешь, а пойдешь. Не узнаеть о томъ и генералъ нашъ, а нужно ему только изъ города меня выпроводить, а тамъ и прости - прощай! когда-то что будетъ, а я при полку, да при полку». Симъ и подобнымъ сему образомъ рассуждалъ я самъ съ собою и съ людьми своими во весь тотъ вечеръ, и какъ сіи не менѣе моего озабочивались мыслями, узнавъ о всемъ происходившемъ, то и еще болѣе въ смущеніе меня привела, вложивъ мнѣ въ мысли, что ежели вздумаетъ сіе полковникъ, то не сдѣлалъ бы того въ самую ночь ту и не велѣлъ бы

меня тайкомъ изъ города выпроводить. «Да, говорилъ я, чего добраго; однако не думаю я, чтобъ онъ похотѣлъ такое дурачество сдѣлать и за меня съ генераломъ поспорить». — То такъ, отвѣчалъ мнѣ мой Яковъ: — однако и поручиться за него никому не можно; говорятъ, сударь, что человѣкъ онъ весьма отважный и намъ не худо бы на ночь хорошенько позапереться и ежели придутъ, то никакъ не отворять дверей; пускай же дѣлаютъ гвалтъ и выломаютъ силою — «Врешь, дуракъ, сказалъ я ему: — запереться пожалуй можно, но не пустить будетъ никакъ нельзя, а лучше постараться какимъ-нибудь образомъ дать тогда скорѣе знать о томъ секретарю нашему Чонжинну». — «И быть такъ, сказалъ мой Яковъ: — молчите-жь, сударь, ежели что будетъ, то я тотчасъ къ нему брызну и сважу, а гдѣ онъ стоитъ, я знаю. Это въ самомъ дѣлѣ будетъ лучше».

Уговорившись симъ образомъ и ложась спать, заперлись мы въ самомъ дѣлѣ накрѣпко, чтобъ не можно было къ намъ никакъ войти съ улицы, и препроводили ночь въ непрерывной опасности, чтобъ насъ не потревожили. Я того и смотрѣлъ, чтобъ придутъ либо звать меня къ полковнику, либо совсѣмъ принуждать въ тотъ моментъ выѣзжать изъ города. Однако, опасеніе мое было напрасно. Ночь прошла благополучно и мы не слышали никакого шума, а не успѣлъ настать день, какъ я, ни минуты не медля, побѣжалъ въ канцелярію и не прежде успокоился духомъ, какъ пришедъ въ оную; ибо тамъ почталь самъ уже въ совершенной безопасности и самъ себѣ говорилъ: «Ну! теперь пускай приходятъ и берутъ меня отсюда». Однако, видно, что полковнику нашему не захотѣлось дѣлать такого дурачества, ибо онъ съ того времени оставилъ меня съ покоемъ и вышелъ въ тотъ день съ полкомъ своимъ изъ города, не присылая ко мнѣ болѣе никого.

Нельзя довольно изобразить, съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я тогда изъ замка своего на отходящее сіе войско и

какъ ждалъ недождался, чтобъ оно скорѣе вышло. Мнѣ хотя и досадно было, что помянутый случай помѣшалъ мнѣ распрощаться со всѣми моими друзьями и товарищами, идущими въ походъ и воевать противъ непріятеля, однако я собственную свою безопасность предпочелъ сему удовольствію, и пожелалъ имъ заочно счастливаго пути и благополучнаго возвращенія, а самъ радовался тому, что остался на мѣстѣ и съ покоемъ. Однако опасеніе мое и по отшествіи полка было такъ велико, что я не прежде на квартиру возвратился, какъ уже ночью.

Симъ образомъ остался я тогда въ Кёнигсбергѣ и былъ хотя изъ полку своего не исключенъ, но сдѣлался уже прямо отъ него отлучнымъ. Чтò воспослѣдовало со мною далѣе, о томъ услышите вы впредь, а теперь дозвольте мнѣ на семь мѣстѣ остановиться и окончить мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

Письмо 68-е.

Любезный пріятель! Оставшись преждеупомянутымъ образомъ въ Кёнигсбергѣ и отлучившись чрезъ то уже существенно отъ полку, и ласкаясь надеждою, что и впредь къ оному не скоро отлученъ буду, началъ я уже помышлять о расположеніи жизни моей сообразно съ тогдашними моими обстоятельствами. Мое первое стараніе было о томъ, чтобъ мнѣ сжить съ рукъ всѣхъ моихъ лошадей. Какъ онѣ мнѣ уже совсѣмъ были не надобны и я ими никогда не пользовался, то не хотѣлось мнѣ кормить ихъ попустому и тратить на то множество денегъ. До сего времени содержаніе ихъ ничего не стоило. Ходили онѣ вмѣстѣ съ прочими въ полковомъ табунѣ, и мнѣ не было до нихъ нужды; но какъ полкъ ушелъ и между тѣмъ наступила уже осень, то мнѣ дѣлать ихъ было уже некуда, и я долженъ былъ содержать ихъ на квартирѣ и покупать на нихъ дорогой въ тамошнихъ мѣстахъ кормъ. Сіе наскучило мнѣ очень скоро, и потому положилъ я лучше ихъ продать и получающія на нихъ двой-

ныя тогда раціонныя деньги употреблять на лучшее и со склонностями моими сообразнѣйшее дѣло. Сіе я и учинилъ вскорѣ послѣ отшествія полку, и вырученныя на нихъ деньги сохранилъ, дабы, въ случаѣ востребованія меня въ полкъ, можно было на нихъ купить новыхъ.

По сокращеніи съ сей стороны моихъ расходовъ, уменьшилъ я вскорѣ ихъ и еще однимъ обстоятельствомъ. Слуга мой, Яковъ, предложилъ мнѣ, чтобъ постарался я о томъ, чтобъ не отняли у меня той другой квартиры, которая отведена мнѣ была для лошадей моихъ; ибо какъ въ той, гдѣ я стоялъ, не было никакого двора, гдѣ-бъ я могъ помѣстить свою повозку и лошадей, то имѣлъ я другую, худшую, гдѣ жилъ сей слуга съ лошадьми моими. Я удивился предложенію его и спрашивалъ, на чтѣ-бъ она была намъ надобна? «А вотъ на чтѣ, сударь, сказалъ онъ: — уже за нѣсколько времени получилъ я охоту промыслять мѣною лошадей. Я покупаю ихъ у приѣзжающихъ сюда нашихъ русскихъ извозчиковъ дешевою цѣною и потомъ, либо промѣниваю, либо продаю ихъ здѣшнимъ прусскимъ мужикамъ, и на томъ получаю иногда изрядный барышокъ. Итакъ, когда-бъ у насъ квартира другая попрежнему осталась, то могъ бы я, стоячи на ней, продолжать мой промыслъ, а притомъ и чеботарничать на свободѣ; а вамъ бы отъ того была та выгода, что вамъ не для чего-бъ было терять деньги на пропитаніе и содержаніе меня, но я могъ бы уже самъ себя кормить и одѣвать». — «Это очень хорошо, мой другъ, сказалъ я: — и квартиру за собою удержать мнѣ ничего не стоить». И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ стоило только сказать о томъ одно слово нашему пѣлицъ-майору, какъ дѣло было и кончено, и съ того времени слуга мой жилъ безпрестанно уже на сей другой квартирѣ и отчасти сапожническимъ своимъ ремесломъ, отчасти вышеупомянутымъ лошадинымъ промысломъ не только самъ себя и кормилъ и одѣвалъ, но накопилъ себѣ довольно денегъ, которыя самому мнѣ пригодились послѣ весьма

кстати, какъ о томъ упомяну я впредѣ въ своемъ мѣстѣ. Что-жъ касается до другого моего слуги, то сей жилъ на моей квартирѣ и кормился получаемымъ на деньщика мнѣ слѣдуемымъ провіантомъ. Итакъ, содержаніе обоихъ моихъ слугъ съ того времени мнѣ ничего почти не стоило.

Избавившись отъ сихъ двухъ расходовъ, сталъ я, koliko можно, сокращать и всѣ прочіе ненужныя расходы, пожирившіе до того у меня множество денегъ. На содержаніе себя пищею не было почти нужды ничего тратить. Обѣденный столъ былъ у меня всякій день готовый у генерала, а ужины мои, какъ я прежде упоминалъ, были у меня столь легкіе и такъ мало стоющіе, что терялъ я на то мало денегъ. Самое лакомство, переводившее до того у меня множество денегъ — по причинѣ, что я былъ съ малолѣтства до онаго охотникъ, а тогда, по великому множеству продаваемыхъ плодовъ и овощей, а особливо разныхъ родовъ вишенъ, сливъ, яблоковъ, грушъ и баргомотовъ, былъ къ тому наивожделѣннѣйшій случай — положилъ я также поумерить и употреблять тѣ деньги лучше на надобное. Играть я ни въ какія азартныя игры не игралъ, да не имѣлъ къ тому и времени; а буде захаживалъ кой-когда въ трактиры, на дорогѣ стоящія, такъ не для чего иного, какъ развѣ для чтанія газетъ, или чтобъ напитокъ кофею или чаю, или поиграть съ кѣмъ-нибудь въ биліардъ, да и то не въ деньги, а на однѣ только партіи. Наконецъ и самымъ платьемъ положилъ я не щеголять, а имѣть только не гнусное и не постыдное. Компаній и пирушекъ у меня никакихъ не было, да и дѣлать ихъ было некогда и не съ кѣмъ; слѣдовательно и на сіе деньги терять не было нужды. Словомъ, я расположилъ весь родъ тогдашней жизни моей на степенной и уединенной ногѣ и такъ, что, за всѣми моими необходимыми расходами, оставалось у меня отъ жалованья и раціоновъ богѣе половины.

Однако, не подумайте, любезнѣйшій мой другъ, чтобъ я, при помилуе

ни моихъ расходовъ, сдѣлался скрягою и скущомъ, и всѣ оставшіяся деньги собиралъ въ скопъ и пряталъ. Ахъ, нѣтъ! я былъ отъ этого слишкомъ удаленъ; а признаюсь вамъ, что истрачивалъ ихъ всѣ почти до копейки.

Теперь ежели полюбопытствуете знать, куда-жъ бы я оныя употреблялъ, такъ, не обинуясь, скажу, что истрачивалъ я всѣ ихъ на то, къ чему стремилось наиболѣе мое сердце и всѣ мои склонности, то-есть, на покупку книгъ, красокъ, картинокъ и на дѣланіе кой-какихъ инструментовъ и любопытныхъ вещей. Охота моя ко всему тому не уменьшилась, но ставилась часть отъ часу больше. До того времени все-таки воздерживался я отъ того сколько-нибудь: отчасти неимѣніе излишнихъ денегъ, отчасти всегдашнее мнѣніе, что мы пойдемъ опять въ походъ—удерживало меня отъ отягощенія себя многими книгами и другими вещами. Случившійся со мною при Ригѣ примѣръ, когда мы всѣ лишнія вещи принуждены были бросать, былъ мнѣ всегда памятенъ и наводилъ на меня всегдашнее опасеніе. Но какъ скоро полкъ нашъ ушелъ и я удостовѣрился уже въ томъ, что меня не отпустятъ въ армію, и я не имѣю причины опасаться похода, то далъ стремленіямъ сердца своего уже болѣе воли и пустился уже прямо въ вождѣлѣнную столь уже издавна покупку книгъ и другихъ вещей.

Не могу безъ смѣха и понинѣ вспомнить, съ какимъ удовольствіемъ, спустя нѣсколько дней послѣ отшествія полку, побѣжалъ я, уловивъ свободное время, въ прежде уже помянутую мною книжную лавку, и съ какимъ восхищеніемъ нѣсколько часовъ пересматривалъ, и перелисталъ и покупалъ я тамъ книги. Цѣлый кошелекъ, набитый до верха деньгами, принесъ я въ оную, а не вынесъ изъ нея ни копейки, но всѣ, сколько ихъ ни было со мною, употребилъ я на покупку разныхъ книгъ и сочиненій, и о Боже! какое удовольствіе ощущалъ я тогда, какъ, связавъ изъ нихъ цѣлую кипу, понесъ я ее съ собою. «Ну! гово-

рилъ я самъ себѣ, теперь-то есть что почитать и есть чѣмъ заняться; теперь не говори, что тебѣ скучно: есть чѣмъ уже прогонять оную, была бы только охота; теперь читай себѣ, пожалуй, люблю и забавляйся сколько душѣ угодно!»

Симъ образомъ говоря, притащилъ я кипу мою прямо въ канцелярію. Всѣ удивились великому множеству купленныхъ книгъ, а особливо, какъ я началъ ихъ раскладывать и вновь всѣ пересматривать. Никому поступокъ мой такъ удивителенъ не показался, какъ господамъ нѣмцамъ, моимъ товарищамъ. — Э! э! э! закричали они оба въ одинъ голосъ: — Да на что это вы такую пропасть накупили? — «Какъ на что, отвѣчалъ я имъ:— читать, государи мои. Мнѣ нечего въ праздное время дѣлать, а вы знаете, что я охотникъ и люблю читать». — Хорошо это! сказали они далѣе; да неужели вы хотите для чтенія себѣ книги всѣ покупать и терять на то деньги? — «Да какъ же?» отвѣчалъ я. Усмѣхнулись тогда оба мои нѣмца, и одинъ изъ нихъ, который болѣе былъ обо всемъ свѣдушъ, мнѣ сказалъ:—Нѣтъ, господинъ подпоручикъ:— это слишкомъ для васъ будетъ убыточно. Для покупки столькихъ книгъ, сколько для чтенія вашего надобно, скоро не достанетъ у васъ денегъ, и вы истратите только ваши деньги, а пользы дальней не получите! — «Почему это?» спросилъ я его удивившись. — Потому, отвѣчалъ онъ:—что книгъ у насъ въ лавкахъ преужасное множество; но между ними не столько хорошихъ, сколько дурныхъ и ни къ чему годныхъ. Всѣхъ вамъ ихъ никакъ не перекупить, а покупать вы будете ихъ по выбору. Выборъ же между ими очень труденъ, и всего скорѣе въ немъ ошибиться и такихъ закупить можно, которыя ничего не стоятъ, и кои послѣ бросить будетъ должно, какъ то вѣрно и теперь съ вами случилось. Пожалуйте-ка, дозвольте мнѣ ихъ пересмотрѣть.—«Очень хорошо, изволь, братецъ», сказалъ я, и далъ ему перебрать ихъ какъ онъ захочетъ.

Нѣмецъ мой, усѣвшись, началъ тот-

часть ихъ перебирать и пересматривать по-своему. Онъ не только прочитывалъ надписи, но у незнакомыхъ ему самыя предисловія и по нѣскольку страницъ матеріи, и всѣ раскладываетъ на разныя кучки. Я смотрѣлъ на него не спуская глазъ, и ждалъ съ нетерпѣливостью, что онъ наконецъ скажетъ. Но какъ смутился я духомъ, когда онъ, перебравъ всѣ и взявъ самаго дѣйствительнѣйшую кучку, мнѣ сказалъ: «Вотъ эти изрядныя и деньги за нихъ не потеряны; а сіи, говорилъ онъ, показывая мнѣ на другую кучку:—ни то ни сѣ и не стоятъ больше того, какъ одинъ разъ прочесть. Вотъ сіи, сказалъ онъ подавая третью кучку, мнѣ незнакомы, и хотя прямо не могу о нихъ судить, однако не сомнѣваюсь и не думаю, чтобъ и въ нихъ много хорошаго было; но что касается до сихъ, сказалъ онъ мнѣ, указывая на самую большую стопу:—то сихъ всѣхъ хоть бы вовсе не покупать: всѣ онѣ не стоятъ ничего и деньги за нихъ прямо потеряны».—Нѣтъ, правду ли? спросилъ я, удивившись, что вы говорите?—«Конечно такъ! отвѣчалъ онъ:—мнѣ всѣ онѣ знакомы и я обманывать васъ не стану».

«Эхъ, какая бѣда, и что это я сдѣлалъ!» возопилъ я, взгоревшись. — Да! сказалъ мой нѣмецъ, немножко поспѣшить изволи; а надежало бы быть поосторожнѣе и не вдругъ спѣшить покупать такое множество. Успѣть бы можно и тогда купить, когда бы вы какую книгу прочли или дѣйствительно узнали, что она хороша. — «Да умилосердись, братецъ, сказалъ я, какъ ихъ узнаешь и когда ихъ тутъ читать? ихъ такая тьма, что я не зналъ, на которую и смотрѣть изъ нихъ и едва успѣвалъ и одни ихъ титулы прочитывать».—А сіи-то титулы, отвѣчалъ мнѣ нѣмецъ:—васъ, сударь, и обманули. По нимъ всего труднѣе узнавать хорошія книги, и на нихъ-то и не надлежитъ никогда полагаться. — «Но какъ же быть лучше? спросилъ я:—и чрезъ что можно-бы было избѣжать ошибки?»—«Чрезъ предварительное прочитываніе, отвѣчалъ онъ:—такъ какъ я прежде те

ворилъ; однако есть къ тому и другой способъ. Въ числѣ продажныхъ книгъ есть нѣкоторыя особливныя книжки, содержащія въ себѣ совѣты для молодыхъ людей, желающихъ заводить бібліотеки, въ которыхъ сообщается краткая и разумная критика о книгахъ всякаго рода, и предлагаются совѣты, какія бы изъ какаго класса лучше избирать и какія, напротивъ того, обѣгать должно. Таковую-то бы книжкою надлежало вамъ себя напередъ снабдить и чрезъ нее, спознакомившись хотя вскользь съ наилучшими авторами и сочиненіями, поступать уже, власно, какъ по писанному, и такія выбирать, какія болѣе рекомендуются учеными сочинителями сихъ книжекъ.—«Эхъ, жаль же мнѣ, сказалъ я:—что я этого не зналъ, и что вы мнѣ того прежде не сказали. Не купилъ бы я вправду такого вздора; а теперь что мнѣ съ такимъ множествомъ дѣлать?»...

Потуживъ и погоревавъ о своей неосторожности, спросилъ я наконецъ своего нѣмца: не можетъ ли онъ мнѣ достать такую книжку, о какой онъ теперь говоритъ?—«Пожалуй, отвѣчалъ онъ:—и ежели вамъ угодно, то я сейчасъ схожу въ лавку и спрошу нѣтъ ли той, которая мнѣ въ особенности знакома». —Куда бы какъ вы меня тѣмъ одолжили, сказалъ я:—и я былъ бы вамъ за то невѣдомо какъ благодаренъ.—«Зачѣмъ дѣло стало? подхватилъ мой нѣмецъ:—я въ сію же минуту схожу. Но постойте, г. подпоручикъ, продолжалъ онъ, схвативъ шляпу, не постараться ли мнѣ вамъ оказать и другую еще услугу? Книги сіи, говорилъ онъ, указывая на большую стопу:—въ самомъ дѣлѣ для васъ ни мало не годятся. Не дозволите ли вы мнѣ взять ихъ съ собой. Я испытаю, не удастся ли мнѣ ихъ опять втереть въ руки книгопродавцу и получить за нихъ либо обратно ваши деньги, либо увѣрить его, что вы вмѣсто ихъ купите у него послѣ другія, и онъ бы до того времени остался бы вамъ ни долженъ. Согласны ли вы?» — «Ахъ, другъ мой! возопилъ, чтобъ не быть со-

гласнымъ, и ты бы меня тѣмъ до безконечности одолжилъ! — «Хорошо, г. подпоручикъ, поглядимъ и употребимъ все, что только можно» — Сказавъ сіе, подхватилъ онъ мою стопу книгъ и побѣжалъ въ лавку.

Радость моя была тогда превеликая, а нетерпѣливость, съ какою я дождался его возвращенія, еще того больше. Я не отходилъ почти отъ окошка, но то и дѣло посматривалъ, не идетъ ли онъ назадъ и не несетъ ли съ собою опять всѣхъ книгъ моихъ. Но возвращеніемъ своимъ какъ-то онъ позамедлился. Сіе меня удивило и увеличило еще болѣе мою нетерпѣливость. «Что за диковинка, говорилъ я, давно бы ему пора возвратиться; лавка не далече. Развѣ книгопродавца дома нѣтъ, или онъ его уговариваетъ и уговорить не можетъ; развѣ зашелъ куда?» Но прошелъ уже цѣлый часъ и начался другой, но его все еще не видать было. «Господи помилуй! думалъ я — это уже совсѣмъ непонятное дѣло, и конечно что-нибудь заняло его особенное». Но въ самое то время, когда я, снیمъ образомъ самъ съ собою разсуждалъ, въ окошко смотрѣлъ, погляжу — онъ въ двери. — «Ба, ба, ба! закричалъ я: — откуда вы взялись? и какъ это пришли, что я не могъ усмотрѣть васъ? Я все смотрѣлъ въ ту улицу, откуда вамъ итти надлежало». — Я заходилъ на часокъ въ другое мѣсто, сказалъ онъ: — и пришелъ уже съ другой стороны. — «Ну что-жъ, мой другъ? подхватилъ я, и началъ его спрашивать: — достали ли вы ту книжку?» — Вотъ она, отвѣчалъ онъ, вынимая ее изъ кармана и мнѣ подавая. — «А мои-то книги?» — Видите, что ихъ нѣтъ со мною. — «Конечно, и ихъ съ рукъ сбыли?» — Точно такъ. — «Что книгопродавецъ? небойсь, онъ закарячился и не хотѣлъ ихъ назадъ брать?» — Не безъ того-то; однако я его уговорилъ и умаслилъ. Человѣкъ онъ у насъ добрый и сговорчивый. Я наказывалъ ему столько о васъ и объ охотѣ вашей къ книгамъ, что онъ наконецъ согласился. — «Ахъ, другъ ты мой! какъ ты меня одолжилъ! Но что-жъ, на чемъ у васъ осталось и что по-

ложено: въ долгу ли, что-ль, онъ у меня остался?» — Никакъ; но онъ такъ былъ снисходителенъ, что и деньги отдалъ. — «Не вправду ли?» — Точно, вотъ и деньги ваши. — «Ну, спасибо, право спасибо!» — сказалъ я, принимая отъ него подаваемые деньги и радуясь невѣдомо какъ, что онъ выручилъ назадъ оныя. — «Однако прогнѣваетесь ли вы на меня, подхватилъ онъ: — что я взялъ смѣлость и изъ вашихъ денегъ талера три на свою нужду истратилъ? Я возвращу вамъ ихъ какъ скоро вамъ угодно будетъ. — «Батюшка ты мой! отвѣчалъ я ему: — хоть бы ты и всѣ ихъ истратилъ, такъ бы я и слова не сказалъ. Вы и не то для меня сдѣлали, а вамъ можно повѣрить хоть и болѣе».

И подлинно, я такъ былъ имъ доволенъ, что готовъ бы былъ ему и послѣднія отдать, еслибъ онъ у меня тогда потребовалъ ихъ. Однако ему не было въ нихъ нужды, но онъ, поблагодаривъ меня за мою довѣренность къ нему, сказалъ далѣе: «Когда вы такъ ко мнѣ благосклонны, то надобно-жъ мнѣ вамъ сказать за то еще что-нибудь хорошенькое». — Что такое? любезный другъ, спросилъ я, удивившись. — «А вотъ что, сказалъ онъ: какъ я шелъ изъ лавки обратно сюда, то пришло мнѣ нѣчто особенное въ голову. Книги вѣдь вы, думалъ я, покупаете не для того, чтобъ собирать вамъ бібліотеку большую, ибо куда вамъ съ нею дѣваться? но для того, чтобъ читать только ихъ». — Конечно, отвѣчалъ я. — «Итакъ, не избавить ли мнѣ васъ совсѣмъ отъ покупки ихъ, или по крайней мѣрѣ отъ растери на нихъ множества денегъ, а совсѣмъ тѣмъ охоту вашу къ чтенію удовлетворять». — Да какъ это можно? спросилъ я, удивившись. — «Возможность къ тому дѣйствительно есть. Но будетъ ли только на то воля ваша. У насъ здѣсь есть одинъ домъ, котораго хозяинъ держитъ у себя превеликое множество всякаго рода наилучшихъ книгъ и даетъ ихъ всякому читать, кто захочетъ, и такія какія кому угодно, а самъ беретъ только за то съ читателей са-

мый маленькій платежъ». — Что вы говорите? возопилъ я: — не вправду ли? — Точно такъ, отвѣчалъ онъ, да и платежъ-то очень не великъ, не болѣе какъ по одному нашему грошу, а по вашему по одной копейкѣ на день. Такъ не вздумаете ли вы симъ средствомъ пользоваться. У насъ весьма многіе симъ образомъ читаютъ». — Батюшка ты мой! да я бы готовъ не только по одной, но хотя по три копейки платить на день, еслибъ только могъ пользоваться такою выгодою; но ходить-то къ нему для сего чтенія, какъ сами вы знаете, некогда. — «И того-таки не надобно; отвѣчалъ онъ: но онъ даетъ всякому книги на домъ; а въ предосторожность, чтобъ не могли пропасть, беретъ только при самомъ началѣ въ закладъ нѣсколько талеровъ денегъ, которые онъ послѣ возвращаетъ назадъ, какъ скоро кто читать перестанетъ». — Это еще и того лучше! возопилъ я съ превеликимъ удовольствіемъ: — и куда бы я радъ былъ, еслибъ могъ съ челоуѣкомъ симъ познакомиться. — «Зачѣмъ дѣло стало? отвѣчалъ онъ: — мы васъ тотчасъ съ нимъ познакомимъ. Я знаю гдѣ онъ живетъ». — Батюшка ты мой! возопилъ я, сдѣлавъ ему пренизкой поклонъ: — я бы готовъ тебѣ въ ножки поклониться, еслибъ ты мнѣ сіе одолженіе сдѣлалъ: ты навѣкъ бы меня тѣмъ одолжилъ. Не можно-ль бы хотѣть теперь мнѣ съ вами туда сходить?

Удивился онъ моей нетерпѣливости и, засмѣявшись, мнѣ сказалъ: — «Добро, добро, г. подпоручикъ, когда такъ вамъ сего хочется, такъ не зачѣмъ же вамъ и трудиться и ходить туда. Я васъ и отъ того избавлю: дѣло уже сдѣлано. Я, не сомнѣваясь, что вамъ будетъ сіе угодно, тамъ теперъ уже и побывалъ и все дѣло кончилъ». — Какъ? спросилъ я, вспрыгнувъ даже отъ радости: — возможно ли? — «Точно такъ, отвѣчалъ онъ: — и, въ доказательство тому вотъ вамъ и росписка отъ него въ полученныхъ имъ въ закладъ помянутыхъ денегъ. Три-то талера я не на себя, а на сіе употребилъ». — Невправду ли? и ахъ, какъ вы меня одолжили! сказалъ я, отвѣсивъ ему пренизкой по-

клонъ. — «А вотъ, продолжалъ онъ, вынимая изъ-за пазухи тетрадку, и печатный реестръ всѣмъ его книгамъ: — и вамъ стобить только любия изъ него замѣчать и съ запискою посылать за книгами къ нему, такъ онъ и будетъ присылать. Я за первый мѣсяць 30 грошей и заплатилъ уже ему».

Боже мой, какъ обрадовался я тогда всему тому! Я такъ доволенъ былъ поступкомъ моего вѣнца, что, бросившись къ нему на шею, расцѣловалъ даже его и не могъ довольно словъ паять къ изъявленію ему моей благодарности. Истинно, если бы кто меня подарилъ тогда чѣмъ-нибудь важнымъ, такъ бы радость моя и благодарность не была такъ велика, какъ въ то время, и какъ случилось это нечаяннымъ образомъ въ самый день рожденія моего, то день сей былъ мнѣ долго памятенъ, и я не помню, чтобъ я когда-нибудь препроводилъ оный съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ сіе время. Но чему и дивиться не можно: ибо удовольствована была тогда во мнѣ одна изъ наивеличайшихъ моихъ склонностей, да и не однимъ еще, а многимъ, ибо и книгъ купленныхъ осталось у меня еще множество, и случай неожиданнымъ образомъ получилъ я такой, какого могло только желать мое сердце. Словомъ, я не могу изобразить вамъ, какъ доволенъ я былъ всѣмъ симъ произшествіемъ и въ какомъ удовольствіи препроводилъ тотъ вечеръ и большую часть ночи, читая и пересматривая мои книги и полученный реестръ, пришедши на квартиру.

Но я заговорился уже такъ, что и позабылъ, что мнѣ давно время письмо мое кончить и сказать вамъ опять, что я есмь вашъ и прочая.

Письмо 69-е.

Любезный пріятель! Вы, я думаю, предугадывали уже напередъ, что я письмо сіе начну повѣствованіемъ о томъ, какъ я упомянутомъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ нечаянною выгодою началъ пользоваться. Вы и не ои гь, и а дѣйствительно за д гь 0

томъ пересказать. Пунктъ сей времени былъ особливаго примѣчанія достоинъ въ моей жизни. Мнѣ пошолъ тогда двадцать-первый годъ отъ рожденія, и съ самаго сего времени началось прямо мое чтаніе книгъ, которое послѣ обратилось мнѣ въ толикую пользу. До сего времени хотя я и читывалъ книги, но все мое чтаніе было ущипками и урывками и только по временамъ; а съ сего времени присѣлъ я, такъ-сказать, вилотную и принялся читать почти уже непрерывно и не сходя съ мѣста. Тогдашнее осеннее и скучное время, начавшіяся длинныя вечера, сидѣніе всякой день въ канцеляріи часу до десяти вечера, множество остающагося отъ дѣлъ и переводовъ празднаго времени; обстоятельство, что я, хотя не многія, но платилъ за книги деньги, нехотѣніе терять ихъ попустому, но напротивъ того, желаніе воспользоваться сколько можно болѣе снѣмъ возжелѣннымъ случаемъ и успѣть множайшія прочесть книги, а наконецъ и самая любопытная и приятная матерія тѣхъ книгъ, которыя читалъ я сначала, были тому причиною, что я не терялъ почти ни минуты празднаго времени, но все оное употреблялъ на чтаніе.

Теперь расскажу вамъ, какого рода книги читалъ я тогда наиболѣе. Черезъ посредство помянутой купленной мнѣ товарищемъ моимъ книжки, хотя и узналъ я о всѣхъ наилучшихъ книгахъ и сочиненіяхъ во всѣхъ частяхъ нѣмецкой литературы, и хотя, прочитывая свой каталогъ, къ особливому удовольствію своему, находилъ, что многія изъ нихъ были и у того кѣнигсбергскаго жителя, у котораго я на другой же день началъ брать книги для чтанія, однако, при томъ одномъ я не остался, но просилъ того же нѣмца, моего товарища, который мнѣ сей случай доставилъ и который взялъ на себя трудъ проводить туда одного изъ нашихъ канцелярскихъ солдатъ, котораго я положилъ посылать всегда за книгами, чтобъ и онъ мнѣ, съ своей стороны, присовѣтовалъ, какія мнѣ сначала читать лучше, и тѣ бы означилъ въ каталогѣ. Онъ

охотно сіе и учинилъ, и означивъ всѣ которыя ему были знакомы и лучше прочіихъ, и пересказавъ мнѣніе свое о добротѣ оныхъ, совѣтовалъ мнѣ начало учинить чтаніемъ наилучшихъ нѣмецкихъ романовъ. Онъ говорилъ, что чрезъ и не только я научусь читать книги въ проворитѣе и узнаю языкъ ихъ совершеннѣе, но и всего способнѣе захожусь и къ дальнѣйшему чтанію; а сверхъ того, и веселѣе могу проводить тогдашнее скучное время, а особливо по вечерамъ, ибо какъ они любопытны, то могутъ занимать мое вниманіе и не давать чувствовать скуки нежели другого рода книги.

На предложеніе сіе я тѣмъ охотнѣ согласился, что оно сообразно было и съ самыми склонностями моими. Клеветанкой и нѣкоторыя другіе, читанныя мною до того романы, вперили уже давно въ меня вкусъ къ онымъ, и я всегда съ особливимъ удовольствіемъ читывалъ книги, содержащія въ себѣ что-нибудь историческое.

И какъ романовъ было у того прусака превеликое множество и въ томъ числѣ были и всѣ наилучшіе и славнѣйшіе, то пустился я въ чтаніе оныхъ и упражнялся въ томъ съ такою прилежностью и усердіемъ, что не зналъ даже усталости. Создать мой принужденъ былъ то и дѣло ходить за книгами, и скоро дошло до того, что не только нѣмцы, мои товарищи, но и самъ хозяинъ книгъ не могъ довольно надивиться скорому прочитыванію мною оныхъ, и такъ наконецъ въ меня ввѣрился, что не опасался присылать комѣ и по дѣлому десятку вдругъ, и гораздо болѣе нежели чего весь мой закладъ стоилъ. Но надобно сказать, что и самъ я старался всегда сохранять кредитъ, и не только возвращалъ ему книги его всегда въ цѣлости и исправно, но и берегъ ихъ, власно, какъ свои собственныя, чтобъ не могли онѣ какъ затеряться, а сіе и было ему въ особливости приятно. Я же получилъ изъ того ту выгоду, что изъ множества присылаемыхъ могъ дѣлать выборъ и читать тѣ, которыя были лучше прочіихъ, и мнѣ болѣе

правились, и оставлять прочія, которыя казались мнѣ не таковы хороши и чтенія моего недостойными.

Въ такомъ безпрерывномъ чтеніи однихъ романовъ препроводилъ я не только всю тогдашнюю осень, но и всю зиму и даже большую часть послѣдующаго лѣта, и матерія ихъ не только мнѣ не наскучивала, но, дѣлаясь съ каждымъ днемъ еще пріятнѣйшею, въ самомъ дѣлѣ заохочивала меня отчасу болѣе къ чтенію. Я прочелъ ихъ тогда превеликое множество, и изъ всѣхъ лучшихъ и славнѣйшихъ тогда романовъ не осталось почти ни одного, который бы не побывалъ у меня въ рукахъ и мною сначала до конца прочитанъ не былъ.

По обыкновенному обвиненію романовъ, что чтеніе ихъ не столько пользы, сколько вреда производитъ и что они нерѣдко ядомъ и отравою молодымъ людямъ почестья могутъ, подумать бы можно было, что и надо мною произвели они подобное тому дѣйствіе, однако я торжественно о себѣ скажу, что мнѣ не сдѣлали они ничего худого. Сколько я ихъ ни читалъ, но отъ всего чтенія оныхъ не примѣтилъ я ни тогда, ни послѣ никакихъ худыхъ и предосудительныхъ для себя слѣдствій, не развратились ими мысли мои и не испортилось сердце, не сблаженъ я ими былъ ни къ какимъ худымъ дѣламъ и не вовлеченъ въ пороки и распутную жизнь, но чтеніе оныхъ напротивъ того произвело для меня безчисленныя выгоды и пользы. Умъ мой преисполнился множествомъ новыхъ и такихъ знаній, какихъ онъ до того не имѣлъ, а сердце нѣжными и благородными чувствованіями, способными не прелонять, а отвращать меня отъ пороковъ и худыхъ дѣлъ, которымъ легко бы я могъ сдѣлаться подверженнымъ. Словомъ, я никакъ не могу пожаловаться на оныя и обвинять ихъ съ своей стороны вредными слѣдствіями, но паче, за многое хорошее, имъ весьма обязанъ.

Можетъ быть произошло сіе отъ того, что по особливому счастью съ самаго начала попались мнѣ въ руки романы на-

лучшаго рода, писанные хорошими и славными сочинителями, со вкусомъ, и такіе, въ которыхъ изящность добродѣтелей и хорошаго поведенія, а гнусность пороковъ и дурной жизни изображена была живѣйшими и плѣняющими красками; ибо какъ сначала начитавшись оныхъ, научился я хорошему вкусу въ романахъ, то въ состояніи уже былъ дѣлать между дурными и хорошими выборомъ, и тѣмъ меньше могъ послѣ развращенъ быть дурными, попадающимися мнѣ кой-когда въ руки, но оныя удобнѣе могъ презирать и неодостовнять своего чтенія. А много, можетъ быть, поспѣствовало къ тому и предварительное расположеніе и состояніе моего сердца, имѣющаго отъ малолѣтства болѣе наклонности къ хорошему, нежели къ дурному и уже хорошее основаніе къ любленію добродѣтели.

Но какъ бы то ни было, но упомянутое чтеніе романовъ произвело мнѣ много-различныя пользы. Наиглавнѣйшею изъ нихъ можно почестъ ту, что я чрезъ многое чтеніе сіе сдѣлался въ нѣмецкомъ языкѣ несравненно знающѣе и совершеннѣе. Не только цѣлыя тысячи словъ и реченій, которыхъ я до того никакъ не зналъ, сдѣлались мнѣ тутъ извѣстными и вразумительными, мимоходомъ и безъ всякаго затверживанія ихъ наизусть, но я научился вкусу отчасти и въ самомъ слогѣ сочиненій нѣмецкихъ и узналъ пріятность и красоту онаго, и чрезъ все то приготовилъ себя нечувствительно къ удобнѣйшему разумнѣю и охотнѣйшему чтенію другихъ и полезнѣйшихъ сочиненій. Второю, и неменѣе важною пользою, полученною мною отъ сего чтенія можно почестъ ту, что я, читая описываемыя произшествія во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, нечувствительно спознакомился гораздо ближе со всѣми оными, а особливо съ знатнѣйшими въ свѣтѣ городами. Я узналъ и получилъ довольно понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, что во всѣхъ государствахъ есть хорошаго и худого, и какъ люди въ

томъ и другомъ государствъ живутъ и что у нихъ тамъ водится. Сіе замѣнило мнѣ весьма много особенное чтеніе географическихъ книгъ и сдѣлало меня съ сей стороны гораздо болѣе знающимъ. Не меньшее понятіе получилъ я и о родѣ жизни разнаго состоянія людей, начиная отъ владыкъ земныхъ, даже до людей самаго низкаго состоянія. Самая житейская, свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣе предъ прежнимъ и я о многомъ такомъ получилъ яснѣйшее понятіе, о чемъ до того имѣлъ только слабое и несовершенно. Что касается до моего сердца, то отъ многого чтенія преисполнилось оно столь нѣжными и особыми чувствованіями, что я примѣтно ощущалъ въ себѣ великую перемену и совсѣмъ себя, власно какъ переродившимся. Я начиналъ смотрѣть на всѣ происшествія въ свѣтѣ нѣжными иными и благонаравнѣйшими глазами, а все сіе и вперяло въ меня нѣкое отвращеніе отъ грубаго и гнуснаго обхожденія и сообщества съ порочными людьми и отвлекало отчасу больше отъ сообщества съ ними. Наконецъ, проистекла отъ того та польза, что какъ все праздное время по большей части занято у меня было однимъ чтеніемъ, то чрезъ сіе не только не былъ я никогда въ праздности, но и не занимался, кромѣ дѣлъ по должности, никакими другими побочными дѣлами, которыя легко могли-бы меня отвлечь отъ моихъ полезныхъ упражненій и завести въ какія-нибудь заблужденія. Что-жъ касается до увеселенія, производимаго мнѣ симъ чтеніемъ романовъ, то я не знаю уже, съ чѣмъ бы оное сравнить и какъ бы изобразить вамъ оное? А довольно когда скажу, что оное было непрерывное, и такъ велико, что я и по нынѣ еще не могу позабыть тогдашняго времени и того, сколь оно было для меня приятно и увеселительно. Мнѣ и по нынѣ еще памятно, какъ увеселялся я, не только во время чтанія, просяживая безъ всякой скуки длинныя вечера, но голова моя такъ наполнена бы-

ла читанными повѣстями и приключеніями, что и во время самаго скучнаго хожденія по почамъ изъ канцеляріи на квартиру, они не выходили у меня изъ памяти и я ими и въ сія скучныя путешествія не менѣе занимался мыслями и веселился, какъ и во время чтенія, и чрезъ то не чувствовалъ трудовъ и досады съ шествиемъ по грязной и скользкой мостовой сопряженной.

Но сего довольно о тогдашнемъ моемъ чтеніи; а надобно рассказать мнѣ вамъ теперь и о другомъ упражненіи, въ которомъ я временно упражнялся и которое имѣло хотя предметомъ у себя единое увеселеніе, однако также невинное и дозволенное. Оное состояло ни въ чемъ иномъ, какъ въ танцованіи, или паче въ ученіи сему искусству. Вы удивитесь сему бесомнѣнно и почтете сіе дѣломъ, нимало съ прочимъ тогдашнимъ расположеніемъ моимъ несообразнымъ; однако сіе дѣйствительно такъ было, и я побужденъ былъ къ тому отчасти склонностью моею съ малолѣтства къ сему упражненію, отчасти бывающими у генерала нашего кой-когда балами и на нихъ танцами. Всякой разъ, когда ни случалось мнѣ ихъ видѣть, смотривалъ я на нихъ съ восхищеніемъ и всякой разъ внутренно досадовалъ, для чего не могъ я самъ брать въ томъ соучастія. Но низкость чина моего, природная застѣнчивость и несмѣлость а, паче всего, самое неумѣнье мое танцовать, не дозволяло мнѣ и мыслить о томъ, чтобы я могъ когда-нибудь въ увеселеніи семъ соучаствовать; ибо хотя, будучи ребенкомъ, я и танцовывалъ, но какъ искусству сему никогда не учился, то всѣ тогдашніе танцы мои ничего не значили. Поелику же мнѣ съ того времени уже никогда болѣе танцовать не случалось, то тогда и считалъ себя къ тому совсѣмъ неспособнымъ; почему и довольствовался я единственнымъ только зрѣніемъ, какъ другіе танцуютъ и примѣчаніемъ всѣхъ ихъ движеній и оборотовъ, дабы, пришедъ на квартиру, можно мнѣ было, хоть самоучкою, сколько-нибудь сему искусству

понаучиться. Сіе и дѣйствительно я въ праздные часы иногда дѣлывалъ, и, танцевальная миноветь, учился дѣлать и ѧ и другіе обороты. И какъ искусство сіе не такъ было мудрено, чтобъ не можно было перенять, то чрезъ нѣсколько времени и затвердилъ я оное такъ, что могъ бы по нуждѣ отважиться танцовать и въ публикѣ, и недоставало мнѣ къ тому одного только удобнаго случая.

Не успѣлъ я до того дойти, какъ нечаяннымъ образомъ явился къ тому и вожделѣнный случай. Тотъ же нѣмецъ, который спознакомилъ меня съ книгами, доставилъ мнѣ и сей случай. Нѣкогда пришедъ въ канцелярію къ намъ, сказывалъ онъ, что въ сосѣдствѣ у него будетъ въ тотъ день жидовская свадьба, и предлагалъ мнѣ, не хочу ли я полюбопытствовать и посмотреть оную.—Очень бы хорошо, сказалъ я:—я никогда еще ихъ не видывалъ; но какъ бы можно было это сдѣлать? — «Ежели вамъ угодно, отвѣчалъ мой нѣмецъ:—то пойдемъ вмѣстѣ. Я васъ ужъ ввечеру провожу туда; а надобно только сколько-нибудь получше одѣться, ибо свадьба будетъ хорошая и порядочная». — Хорошо, оказалъ я: — по не дурно ли будетъ, что мы придемъ безъ всякаго приглашенія, а сами собою?—«И, нѣтъ! господинъ подпоручикъ. У насъ обыкновеніе такое, что какъ скоро кто затѣетъ свадьбу отправлять публичную и сколько-нибудь получше, то вольно приходитъ туда всякому порядочному человѣку, а особливо вамъ, гг. офицерамъ: вы имѣете къ тому особенное право. Всякій хозяинъ не только не скажетъ вамъ ни единого слова, но еще за честь себѣ поставлять будетъ; а нужно только самому себя вести порядочно и не начинать никакихъ наглостей, шума, забіячества и другихъ неблагопристойныхъ поступковъ». — О, что касается до этого, сказалъ я, — то отъ меня ничего такого впоследствии не можетъ.—«Это я знаю и увѣренъ, отвѣчалъ онъ:—а потому-то я вамъ и предлагаю». — Ну, такъ хорошо-жъ! сказалъ я:—сводите-жъ пожалуйста меня туда и удовольствуйте мое любопытство.

Симъ образомъ условившись и сходявъ на квартиру, чтобъ поправить на себѣ волосы и поприодѣться получше, запелъ я за нимъ въ назначенный часъ, и какъ онъ меня уже дожидался, то пошли мы тотчасъ съ нимъ на сію свадьбу. Ночь уже была тогда совершенная, но онъ говорилъ, что у нихъ обыкновеніе такое, что свадьбы бываютъ всегда ио ночамъ; но какъ я удивился, когда привелъ онъ меня къ превеликому каменному дому, освѣщенному множествомъ огней.—Ужъ не здѣсь ли свадьба-то? спросилъ я. — «Точно тутъ», отвѣчалъ онъ. — Чтó ты говоришь! подхватилъ я записываясь; ужъ не дурно ли, что мы незваные придемъ; свадьба, видно, огромная.—«И, нѣтъ! сказалъ онъ:—ступайте смѣло и не опасайтесь ничего. Вотъ я пойду напередъ и буду служить вамъ проводникомъ». Сказавъ сіе, пошелъ онъ прямо въ сѣни. Я послѣдовалъ за нимъ. Не успѣли мы войти въ сѣни, какъ звукъ преогромной музыки поразилъ мои уши.—Ба, ба, ба! здѣсь ажъ и музыка есть, сказалъ я.—«А какъ бы вы думали, отвѣчалъ онъ: — безъ музыки у насъ только одни подлмя свадьбы бываютъ; а если мало-мало получше, то всегда музыка». Въ самое то время отворились двери и онъ потащилъ меня за собой. Зала была превеликая, освѣщенная множествомъ свѣчъ и наполненная великимъ множествомъ людей обоаго пола.

Я удивился, увидѣвъ что между всѣми ими не было ни одного человѣка изъ самой подлости, но всѣ люди были порядочно одѣтые и наблюдавшіе всю благопристойность. Иные изъ нихъ сидѣли подлѣ стѣнъ на стульяхъ, иные расхаживали и разговаривали между собою; другіе же и множайшіе стояли кучами и смотрѣли на танцующихъ посреди залы въ нѣсколько паръ и порядочно мипуетъ. Всѣ, встрѣчающіеся съ нами, давали намъ дорогу и оказывали намъ всякую вѣжливость и учтиность. Все сіе по нечаянности своей поразило меня до безвѣчности.—

— Чтó ты, это, братецъ, говорилъ я тихо сосому товарищу:—куда ты меня это за-

вель? Это и не походитъ на свадьбу, это сушій балъ!—«А какъ бы вы думали, сказалъ онъ:—у насъ и всегда такъ бываетъ». — Да умилосердись, продолжалъ я его спрашивать:—скажи-жь ты мнѣ, гдѣ же женихъ и невѣста, и когда они будутъ вѣнчаться и происходить у нихъ свадебная церемонія? — «И, господинъ подпоручикъ, отвѣчалъ онъ: — да они уже давно и еще давеча, въ полдни, и въ другомъ мѣстѣ обвѣнчаны, и намъ до того какая нужда, а здѣсь только свадебный балъ. Вѣнчаются они на домахъ своихъ и притомъ бываютъ одни только родные».—А этотъ домъ развѣ не хозяйской? спросилъ я удивившись. — «Ахъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — этотъ домъ городской и публичный, и желающіе отправлять свадебные балы, его только нанимаютъ на вечеръ и платятъ за то въ ратушу самую почти бездѣлицу». — Вотъ сударь, сказалъ я, удивляясь отчасу больше:—это обыкновеніе у васъ очень хорошо и поэтому свадьбы хозяину немного стоятъ.—«Конечно, немного, отвѣчалъ онъ: — ибо весь убытокъ состоитъ въ покупкѣ свѣчъ и въ заплатѣ небольшого количества денегъ музыкантамъ, а то, впрочемъ, не бываетъ тутъ ни ужиновъ, ни подчиваньевъ, да и за играніе музыки платятъ болѣе сами танцующіе». — Какъ это? спросилъ я, удивившись еще болѣе. — «А вотъ, сказалъ онъ: — это увидите вы сами, дай окончится миновету, и тогда, если кому захочется въ особенности что-нибудь танцовать, то онъ велитъ музыкантамъ то играть и за сіе преимущество даетъ имъ бездѣлицу, нѣсколько грошей денегъ, такъ они и заревутъ, и играютъ до тѣхъ поръ, покуда ему хочется». — Вотъ какая диковинка! сказалъ я:—но, пожалуйста, скажите мнѣ, какіе же это танцуютъ люди да и всѣ воть здѣсь находящіеся?—«Всякаго чина и состоянія, отвѣчалъ онъ:—кромѣ только самой подлости: есть тутъ мѣщане, есть хорошіе ремесленники, есть духовные, есть и хорошіе купцы съ своими женами и дочерьми, а изъ молодыхъ и сихъ танцующихъ мужчинъ, есть множество и шту-

дирующихъ въ здѣшнемъ университетѣ студентовъ и въ томъ числѣ хорошихъ дворянскихъ дѣтей; а въ прежнія времена хаживало сюда и множество нашихъ гг. офицеровъ, и они бывали лучшіе танцовщики. Словомъ, здѣсь есть всякаго сорта люди, ибо всякому дозволено посѣщать сіи пиръ, да еще и съ тѣмъ, что буде кто не хочетъ быть знакомъ, такъ можетъ приходить себѣ и въ маскѣ и въ маскарадномъ платьѣ». — Да умилосердись! продолжалъ я его спрашивать:—когда бываютъ тутъ люди всякаго сорта, и знакомые и незнакомые, то не легко ли могутъ происходить тутъ всякая всячина, напримѣръ: ссоры, шумъ, безчинія и тому подобное?—«Ахъ, нѣтъ! отвѣчалъ онъ:—у насъ сего никогда не бываетъ, да и быть не можетъ. Наша полиція наблюдаетъ весьма строго то, чтобъ ничего подобнаго тому на сихъ свѣздахъ не происходило. Сохрани Господи, если кому вздумается что-нибудь непристойное и неприличное предпріять: тотчасъ подъ руки, и выведутъ со стыдомъ вонъ и вытолкаютъ въ двери, ктобъ онъ таковъ ни былъ». — Это, право, очень хорошо! сказалъ я.—Но пожалуйста, вы сказали мнѣ, что эта свадьба жидовская, но чтожь я жидовъ здѣсь не вижу? — «И, какъ не видать, отвѣчалъ онъ:—развѣ вы ихъ не запримѣтили? Ихъ, правда, немного, однако они есть: вонъ, примѣтите, у которыхъ бороды не чисто всѣ выбриты, а оставлена узенькая полоска на челюстяхъ, подстриженная ножницами: это все жиды и ихъ по одному только сему распознать можно; а, впрочемъ, они такъ же одѣты, какъ и прочіе, ибо бываютъ тутъ изъ нихъ одни лучшіе и богатѣйшіе». — А женщины-то ихъ? спросилъ я далѣе. — «А сихъ, сказалъ онъ: — ничѣмъ уже съ прочими различить не можно: онѣ такъ же хорошо одѣваются, какъ и прочія. Вотъ смотрите, узнаете ли въ числѣ сихъ танцующихъ самую невѣсту?» — Нѣтъ, сказалъ я, пересмотрѣвъ всѣхъ прочихъ:— всѣ онѣ, кажется, одѣты одинаково и всѣ изряднѣхонько». — «Вотъ она, сказалъ онъ, указывая на невѣсту:—ее по-

тому только можно отличить, что она вся въ бѣломъ платьѣ и что голова ея убрана цвѣтами. А вотъ это ея женихъ», сказалъ онъ, указывая на молодого и изряднаго молодца.

Я смотрѣлъ тогда съ особливимъ любопытствомъ на сихъ новобрачныхъ и не могъ довольно надивиться всему поведенію ихъ, которое было столь порядочно, что я никакъ бы не подумалъ, что это жида были, если-бъ мнѣ того не сказали. Наконецъ, спросилъ я моего товарища:—Но самъ-то хозяинъ гдѣ-жъ? пожалуйста покажите мнѣ его. — «Богъ его знаетъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: — мнѣ онъ не знакомъ и тутъ ли онъ или нѣтъ, я, истинно, не знаю, да и какая нужда о немъ знать; онъ такой же тутъ гость, какъ и всѣ прочіе, и какъ онъ ни о комъ, такъ и объ немъ никто не заботится». — Вотъ смѣшно и удивительно, сказалъ я:—правду сказать, тѣмъ и лучше и вольнѣе.

Въ самое сіе время окончился тотъ польской танецъ, который тогда послѣ минуета танцовали. — Ну, теперь что будетъ? сказалъ я.—«Не-бось, контраданецъ!» отвѣчалъ мой товарищъ, я онъ въ мнѣнн своемъ не обманулъ. Мы услышали вдругъ голосъ одного молодого человѣка, кричащаго музыкантамъ, чтобъ играли режунсансъ, и подающаго имъ нѣсколько денегъ. Не успѣлъ онъ сего вымолвить, какъ по всей залѣ раздалось эхо, множество голосовъ начали говорить: «режунсансъ! режунсансъ!» и всѣ молодые люди начали себѣ искать подругъ и, поднимая молодыхъ женщинъ, ранжироваться въ двѣ линіи. Какъ мнѣ имя сего контраданца довольно было извѣстно, потому что я видѣлъ, какъ его нѣсколько разъ танцовали на балахъ у генерала, и мнѣ онъ такъ полюбился, что я и голосъ и фигуру его затвердилъ твердо, то воскликнулъ я тогда желаніемъ танцовать его. «Эхъ, думалъ я, отвѣдалъ бы потанцовать его! авось-либо не ошибусь; фигура мнѣ знакома». Но несмѣлость моя такъ была велика, что я никакъ не могъ бы на то отважиться, еслибы товарищъ мой при-

мѣтивъ, что я горю желаніемъ, но только не осмѣливаюсь, мнѣ не сказалъ:

Нѣмецъ. — Чтб, господинъ подпоручикъ, не вздумаете ли и вы имъ компанію сдѣлать?

Я. — Богъ знаетъ! никогда я контраданца сего еще не танцовывалъ! Правда, фигура его мнѣ знакома, но боюсь, чтобъ не помѣшаться и не спутаться.

Нѣмецъ. — И, господинъ подпоручикъ, пуститесь, авось-либо не спутаетесь; а хоть бы и помѣшались, бѣда не велика, здѣсь люди не знатные, вамъ то отпустить; станьте только въ послѣдней парѣ, такъ куда дойдете до васъ очередь, такъ вы и переймете.

Я. — Такъ итти?

Нѣмецъ. — Ступайте, сударь, ничего не опасаясь.

Я. — Но гдѣ-жъ мнѣ женщину-то взять? ни одна мнѣ не знакома.

Нѣмецъ. — Что нужды! берите любую, ни одна вамъ не откажется, но еще за честь себѣ поставить съ вами танцовать, если только умѣетъ.

Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ увидѣли мы одну молодую и изрядную дѣвушку, бѣгающую по всему залу и ищущую себѣ товарища, и тогда сказалъ мнѣ мой спутникъ:

— Ну, вотъ на что лучше, сама ищетъ, ступайте и адресуйтесь къ ней.

Духа моего едва стало на то, чтобъ къ тому отважиться. Я подступилъ къ ней въ самое то время, какъ она шла мимо насъ, и сказалъ ей:

— Сударыня! конечно, вамъ недостаетъ пары? Не угодно ли со мною?

— Съ охотою моею, отвѣчала мнѣ дѣвушка, обрадуясь примѣтно моему приглашенію; она подала мнѣ руку и тотчасъ повела-было становиться между первыми парами.

— Сударыня! сказалъ я, остановивъ ее немного:—не лучше ли немного подагѣ, ибо, признаюсь вамъ, что я сего танца еще не танцовывалъ, развѣ вы меня поправлять станете.

— О, сударь, съ превеликою охотою,
28*

отвѣчала она и тотчасъ пошла становиться туда, гдѣ мнѣ хотѣлось.

Сердце вострепетало во мнѣ, какъ скоро сталъ я въ порядокъ, и тѣ минуты, которыя надлежало мнѣ дожидаться, покуда дошла до меня очередь, были для меня наимучительнѣйшія. Весь духъ мой находился въ великомъ смущеніи, и я стоялъ ни живъ, ни мертвъ и, вѣсно, какъ дожидаясь невѣдомо чего. Но, наконецъ, рѣшился мой жребій. Меня подхватили, потащили и заставили также бѣгать, прыгать и вертѣться, и сія минута рѣшила все мое сумнѣніе и къ самому себѣ недовѣрчивость. Я протанцовалъ весь контрактанецъ безъ малѣйшей ошибки, и такъ исправно, что товарищъ мой не могъ довольно расхвалить меня. И съ того времени не было ему уже нужды побуждать меня къ танцованію. Мнѣ нужна и тяжела была только первая минута; а какъ я однажды уже осмѣлился, то не было почти уже и уйму мнѣ. Я не пропускалъ ни одного танца, который бы не танцовалъ вмѣстѣ съ прочими, и такъ разохотился, что товарищъ мой уже тому почти и не радъ былъ, но сѣвъ въ уголокъ, только на меня поглядывалъ. Пуще всего нравилось мнѣ то, что всѣ женщины съ особливою охотой со мною танцовали, и не только не смѣялись, если я когда въ незнакомыхъ еще мнѣ контрактанцахъ сначала ошибался, но всякая съ удовольствіемъ мнѣ сказывала, куда итти и что дѣлать.

Однимъ словомъ, вечеръ сей былъ для меня наипріятнѣйшій въ жизни. Я не видалъ, какъ оный прошелъ и затанцовался даже до того, что товарищъ мой, наконецъ, ко мнѣ подошелъ и сказалъ: «Уже первый часъ, господинъ подпоручикъ! не пора ли намъ домой итти; молодые уже давно ушли и скрылись и скоро всѣ разѣдуются». Тогда только опомнился я, что задержалъ сего добраго человѣка. Я приносилъ ему тысячу извиненій и благодареній, что онъ для меня столько трудился и, схватя шляпу, тотчасъ пошелъ съ нимъ.

Симъ кончилось тогда сіе происшествіе, а симъ окончу я и письмо мое. и паки вамъ скажу, что я емь и прочесъ.

Письмо 70-е.

Вечеръ, препровожденный столь весело, произвелъ мнѣ столько удовольствій и упражненіе въ танцахъ мнѣ такъ понравилось, что они не выходили у меня изъ мыслей во всю дорогу, какъ я возвращался тогда на квартиру. Я благодарилъ товарища моего еще разъ, при разставаніи съ нимъ, и былъ услугою его крайне доволенъ. Танцовать же такъ разохотился, что, идучи далѣе, не одинъ разъ самъ себѣ говорилъ: «Ну, еслибъ еще разъ или два случилось мнѣ такимъ же образомъ потанцовать, такъ бы я и пошелъ себѣ, и могъ бы смѣло танцовать и у самого генерала на балахъ». Сіе желаніе мое и совершилось прежде, нежели я думалъ и ожидалъ. Помянутый товарищъ мой, нѣмецъ, не успѣвъ увидѣть меня на другой день, какъ, разсмѣявшись, сказалъ:

«Ну, господинъ подпоручикъ, охотникъ вы танцовать, прямо охотникъ! Я этого и не вѣдалъ, а еслибъ зналъ, то давно бы доставилъ вамъ къ тому случай. Не угодно ли вамъ еще такимъ же образомъ танцами позабавиться? Послѣ-завтрава опять будетъ свадьба».

— Чтò вы говорите! возопилъ я: — не уже ли опять такава-жь?

— Не только такая-жь, но еще лучше! Вотъ здѣсь близехонько, въ альтштатскомъ городскомъ домѣ, и будетъ жениться одинъ зажиточный купецъ. И ежели угодно, то я васъ и туда провожу, но только съ тѣмъ, чтобъ мнѣ тамъ не сидѣть такъ долго, какъ вчера, но чтобъ мнѣ вольно было уйтти оттуда когда я похочу.

— Ахъ! любезный другъ, ты меня одолжишь тѣмъ до безконечности! А что касается до васъ, то идите себѣ когда хотите, я и одинъ могу остаться. — «Очень хорошо, сказалъ онъ: — я васъ свожу и туда; но что говорить, была бы только у васъ охота танцовать. Я вамъ буду всякій разъ сказывать, какъ скоро узнаю, что будетъ гдѣ-нибудь свадьба. У насъ онъ въ нынѣшнее осеннее время бывають очень часто, и вы можете на всѣхъ ихъ

быть, если только хотите». — Батюшка ты мой, возопилъ я — ты меня, ей-Богу, такъ одолжаешь, что я истинно не знаю, чѣмъ и какъ мнѣ тебя возблагодарить за то!

Господинъ Пикартъ (ибо такъ онъ прозвался) сдержалъ дѣйствительно свое слово. Онъ сводилъ меня и на сію свадьбу, которая въ самомъ дѣлѣ была несравненно лучше и во всемъ превосходѣй первой; не только домъ, въ которомъ она управлялась, гораздо больше, но и собраніе многочисленнѣйшее, да и состояло оно изъ людей гораздо лучшихъ и знаменитѣйшихъ. Мнѣ и тутъ было чрезвычайно весело; ибо какъ я былъ уже смѣлѣе, то вступилъ тотчасъ въ танцы и протанцовалъ часу до третьяго, такъ что, отъ усталости, насилу дошелъ домой и остальную часть ночи спалъ какъ убитый. А не успѣло нѣсколько дней пройти, какъ, къ великому удовольствію моему, получилъ чрезъ г. Пикарта и въ третій разъ случай, такимъ же образомъ всю почти ночь протанцовать на свадьбѣ.

Чрезъ сіе троекратное и долговременное упражненіе въ танцованіи я такъ въ танцахъ уже наторѣлъ и наблюнилъ, что мнѣ всѣ танцующія тогда въ Кѣнигсбергѣ разношерстные танцы сдѣлались очень знакомы, и я всѣ ихъ могъ танцовать безъ нужды и безошибочно; а сіе съ столь малымъ трудомъ приобрѣтенное новое искусство и послужило мнѣ тогда очень кстати.

Ибо не успѣла армія наша возвратиться изъ похода на рѣку Вислу и расположиться тутъ по кантонирь-квартирамъ, какъ городъ нашъ наполнился множествомъ приѣзжающихъ изъ арміи всякаго рода людей. Изъ всѣхъ полковъ присланы были команды и офицеры для разныхъ вещей и покупокъ. Множество другихъ приѣзжало для собственныхъ своихъ нуждъ и жила тутъ по нѣсколькимъ времени, и между ними были многіе генералы, и бригадиры и другіе знаменитые люди. Что-жъ касается до проѣзда чрезъ нашъ городъ многихъ знатныхъ особъ, отчасти изъ арміи въ Петербургъ, от-

части оттуда въ армію, то онъ почти былъ непрерывный; и какъ всѣ они, обыкновенно, у насъ въ городѣ на нѣсколько дней останавливались, то отъ всего того, равно какъ и отъ съѣзда изъ уѣздовъ на зимнее время въ городъ прусскаго дворянства, весь городъ нашъ власно какъ оживотворился; а все сіе и подало поводъ генералу нашему, любящему и безъ того пышную и веселую жизнь, показать себя при этомъ случаѣ во всемъ своемъ блескѣ. Онъ не упустилъ ни одной проѣзжающей знаменитой особы безъ того, чтобъ не угостить у себя наилучшимъ образомъ. Что-жъ касается до приѣзжающихъ къ намъ и живавшихъ у насъ по нѣсколькимъ недѣлямъ въ городѣ генераловъ, то сіи всѣ имѣли всегдашнее почти у него пребываніе. Не было дня, въ который бы они его не посѣщали и имъ всячески угощаемы и увеселяемы не были; то и дѣло бывали у него многочисленныя собранія и обѣды. А какъ къ тому присовокупилось и то, что онъ и со всѣмъ прусскимъ въ городѣ находящимся дворянствомъ уже спознакомился совершенно и приобрѣлъ къ себѣ отъ нихъ любовь и почтеніе, а сверхъ всего того нашъ генералъ, несмотря на всѣ свои пожилыя лѣта, не отставалъ еще отъ привычки молодыхъ своихъ лѣтъ, и отъ особенной склонности къ любовнымъ интригамъ и случилось такъ, что онъ въ особенности заразился тутъ страстію къ одной прусской графинѣ изъ фамиліи Кейзерлингъ, то все сіе и побуждало его къ выдумыванію и изобрѣтенію всѣхъ возможнѣйшихъ родовъ увеселеній, и потому не было ни одного праздника и торжественнаго дня въ который бы не давалъ онъ всѣмъ знаменитѣйшимъ людямъ у себя великолѣпнаго пира, а потомъ многочисленнаго бала. Не проѣзжалъ ни одинъ изъ знатныхъ людей чрезъ нашъ городъ, для котораго не сдѣлано-бы было имъ также пирушки. Но и всѣмъ тѣмъ онъ еще не удовольствовался; но какъ помянутая страсть его къ графинѣ Кейзерлингшѣ увеличивалась съ часу на часъ и побуждала его искать koliko можно частѣй-

шихъ случаевъ съ нею къ свиданію, то скоро дошло до того, что, кромѣ всѣхъ праздниковъ, положены были и въ каждую недѣлю особливые дни, въ которые бы быть либо у него, либо въ другихъ знаменитѣйшихъ домахъ съѣздамъ и собраніямъ. И такъ всякій почти день были либо у него гости, либо онъ самъ въ гостяхъ. Но какъ никто изъ прочихъ не могъ жить такъ пышно и расходно какъ онъ, то завелъ онъ преимущественно предъ прочими то, чтобъ всякую недѣлю быть у него, кромѣ обыкновенныхъ съѣздовъ для игранія въ карты въ одинъ день и всеобщему собранію и балу, продолжавшемуся обыкновенно большую часть ночи. Словомъ, городъ нашъ сдѣлался обиталищемъ утѣхъ и веселостей, и посреди тогдашняго шума военнаго оружія однимъ только мѣстомъ, въ которомъ можно было найти случай повеселиться и время свое препроводить съ пріятностью; а разнесшійся о томъ слухъ и привлекалъ какъ изъ арміи, такъ и изъ всѣхъ другихъ мѣстъ множество народа, и всѣ молодые люди стремились туда власно какъ къ нѣкоему центру веселостей.

При таковыхъ обстоятельствахъ, судите, каковъ долженствовало быть мое удовольствіе, когда я, живучи при семъ генералѣ и помянутымъ образомъ получивъ вкусъ въ танцахъ, могъ имѣть случай всякую недѣлю одинъ, а иногда и нѣсколько разъ не только наслаждаться зрѣніемъ на оныя во время баловъ, но и самъ брать въ нихъ соучастіе. Ибо сколько сначала и не могъ я ласкаться надеждою, чтобъ мнѣ можно было когда-либо имѣть въ томъ соучастіе, но вскорѣ дошло до того, что меня самого искать и принуждать къ тому стали. Привезенъ былъ къ намъ, взятый въ послѣднюю баталію нашими въ плѣнъ, королевской-прусскій флигель-адъютантъ, графъ Шверинъ. Какъ онъ былъ весьма знатнаго рода, а притомъ малый молодой, свѣжій, ловкій, проворный и сущій красавецъ и разумница, а притомъ находился до того у короля въ милости, то не только не содержанъ былъ онъ у

насъ взаперти, но оказываемо было ему отъ всѣхъ и невозможнѣйшее уваженіе. Онъ жилъ у насъ совсѣмъ на свободѣ и имѣлъ только у себя для имени двухъ приставовъ, такихъ же ребятъ молодыхъ, такихъ же ловкихъ, проворныхъ и красавцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ самъ тотъ Орловъ, Григорій Григорьевичъ, который послѣ былъ столь знаменитъ и игралъ великую роль въ свѣтѣ, а другой — братъ его двоюродный, господинъ Зиновьевъ. Оба они были еще тогда самыми низкими армейскими офицерами и не болѣе какъ поручиками, и оба жили безотлучно при графѣ Шверинѣ на одной квартирѣ, и не столько за нимъ смотрѣли, сколько дѣлали ему компанію.

Сии три молодца были тогда у насъ первые и наилучшіе танцовщики на балахъ, и какъ красотою своею, такъ щегольствомъ и хорошимъ поведеніемъ своимъ привлекали на себя всѣхъ зрѣніе. Ласковое и, въ особенности, пріятное общество ихъ приобрѣло имъ отъ всѣхъ насъ искреннее почтеніе и любовь; но никто тѣмъ такъ не отличался, какъ помянутый господинъ Орловъ. Онъ и тогда имѣлъ во всемъ характерѣ своемъ столь много хорошаго и привлекательнаго, что нельзя было его никому не любить. Бо мнѣ былъ онъ отъменно ласковъ и благосклоненъ; ибо какъ квартира ихъ была насупротивъ самаго замка и ему всякой почти день случалось бывать для рапортованія генералу у насъ въ канцеляріи, то имѣли мы скоро случай между собой познакомиться и другъ друга полюбить. Словомъ, чрезъ короткое время онъ меня полюбилъ какъ родного брата и никогда не пропускалъ, чтобъ, увидѣвъ меня, не закричать: «Ахъ! Болотенка мой другъ! (ибо такъ онъ меня обыкновенно называлъ) здравствуй, голубчикъ!» и чтобъ не расцѣловать меня какъ родного.

Таковая любовь и всегдашнія ласки во мнѣ сего человѣка и доставили мнѣ наконецъ ту выгоду, что я могъ во всѣхъ увеселеніяхъ, бываемыхъ у нашего генерала, брать соучастіе. Я выше уже упоминалъ, что онъ былъ однимъ изъ луч-

шихъ нашихъ и первыхъ танцовщиковъ и, власно, какъ душою на балахъ. Ибо, не успѣють старики отереть балъ и, потанцовавъ нѣсколько миноватовъ и польскихъ, усѣсться за карты, какъ должныствовали сии господа, по просьбѣ генерала, заводить съ молодыми дамами и дѣвцами контраданцы и поддерживать веселость бала во все то время, покуда онъ продолжался; но сіе учинить имъ нѣтакое легко было, какъ онъ сперва думалъ. Встрѣтилось одно обстоятельство, дѣлающее имъ въ томъ превеликую остановку, а именно: молодыхъ дамъ и дѣвицъ было у насъ всегда превеликое множество, но молодыхъ мужчинъ, могущихъ танцовать контраданцы и, какъ говорится, пускаться во вся тяжкая, кромѣ ихъ, такъ мало, что они не могли набирать иногда шести и семи паръ. Ибо хотя дѣлали имъ компанію и приѣзжіе изъ арміи, случающіеся на сихъ балахъ и нерѣдко и изъ самыхъ генераловъ тѣ, которые были поможже, какъ, напримѣръ, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ и господинъ Вильбоэ и нѣкоторые другіе; но какъ они не всегда случались, да и не могли имъ безпрестанно сотовариществовать и пускаться съ ними во вся тяжкая, то и была на нихъ превеликая комиссія и они не знали, что дѣлать. Сперва пробавлялись они кое-какъ нѣсколько времени; но какъ балы у генерала начались очень частые и имъ, наконецъ, недостатокъ въ товарищахъ себѣ наскутилъ, то и начали они выскивать изъ всѣхъ находившихся тогда въ Кѣнигсбергѣ молодыхъ и способныхъ къ тому офицеровъ и всячески ихъ преклонять и уговаривать приходиться на сии балы.

При этомъ случаѣ господинъ Орловъ первѣе всѣхъ устремилъ свое вниманіе на меня. Онъ тотчасъ началъ меня къ тому подговаривать, и я сколько ни отговаривался своимъ неумѣньемъ и тѣмъ, что я не смѣю генерала и не знаю, будетъ ли ему то угодно, но ничто не помогло. При первомъ случившемся послѣ того балѣ, приступилъ онъ къ генералу: «Что, ваше превосходительство,

сказалъ онъ ему: — воля ваша, танцовать не съ кѣмъ. Не изволите ли приказать вотъ господину Болотову? онъ бы могъ намъ помогать». — «Пожалуй, душа моя! сказалъ генералъ: — съ превеликою охотою; но умѣетъ ли только онъ?» — «Я думаю, что онъ умѣетъ — сказалъ Орловъ, — но хотя бы и не умѣлъ, такъ мы тотчасъ его научимъ, хоть бы фигуру намъ дѣлалъ; извольте только приказать, а то онъ самъ безъ вашего приказанія не осмѣливается». — «И, для чего нѣтъ?» отвѣчалъ генералъ и тотчасъ подошелъ ко мнѣ, и наиласковѣйшимъ образомъ сказалъ: «Другъ ты мой! ежели только можешь, то пожалуй себѣ танцуй, чего тебѣ меня опасаться; ты мнѣ тѣмъ великое еще удовольствіе сдѣлаешь». Сего для меня было довольно; ибо какъ сего давно душа моя желала, то я въ тотъ же мигъ полетѣлъ съ господиномъ Орловымъ и пустился во вся тяжкая. Онъ удивился моему умѣнью и не могъ довольно расхвалить меня за то; а и самъ генералъ увидѣвши, что я танцую порядочно, и на ряду съ ними таково-жъ хорошо прыгаю и верчусь, такъ былъ тѣмъ доволенъ, что, подошедъ ко мнѣ и потрепавъ по плечу, сказалъ: «Браво! браво! мой другъ! Пожалуйста танцуй и приходи сюда всякій разъ, когда у меня ни случится балъ!»

Съ того времени не пропускалъ уже я ни одного бала, но приходя на нихъ, протанцовывалъ всегда до самаго окончанія оныхъ, и Богу одному извѣстно, сколь великое и многое чувствовалъ я оттого удовольствіе. Правда, сперва было мнѣ нѣсколько трудновато привыкать: не соучаствовавъ никогда въ такихъ знатныхъ компаніяхъ и видя себя тогда принужденнымъ танцовать и даже прыгать и вертѣться съ самими принцессами, графинями и баронессами и стоять нерѣдко въ ряду съ самими нашими генералами въ лентахъ и кавалеріяхъ, а особливо съ столь страшнымъ въ прежнія времена мнѣ господиномъ Вильбоэемъ, чувствовалъ я иногда превеликое смятеніе и сердце было у меня тѣ; но къ

чему не можно привыкнуть? Не успѣлъ я нѣсколько оборкаться, какъ ничто уже меня не трогало, и я со всѣми ими и съ такимъ же удовольствіемъ танцовывалъ, какъ и съ ровными себѣ; а сіе весьма много и помогло къ тому, что я въ послѣдующіе потомъ годы моей жизни всегда уже смѣлѣе обходился съ знатными людьми, нежели до того времени. Привычка же моя къ танцованью и удовольствіе, чувствуемое при томъ было такъ велико, что какъ сіи балы ни были у насъ часты, но я всѣмъ тѣмъ далеко еще не удовольствовался, но не пропускалъ и въ городѣ ни одной почти свадьбы, на которой бы мнѣ не побывать и также не потанцовать. Но на сіи хаживалъ я уже не одинъ, а съ нѣсколькими другими офицерами, съ которыми, по случаю тащевъ у генерала, я спознакомился, и они намъ были еще пріятнѣе самыхъ баловъ и болѣе потому, что тамъ составляли уже мы первыхъ танцовщиковъ и пользовались множайшею вольностью нежели на балахъ, по которой причинѣ нерѣдко хаживалъ съ нами на нихъ и самъ Орловъ для компаніи.

Въ такихъ-то увеселеніяхъ препроводили мы тогда всю осень; а не успѣла настать зима, какъ генералъ нашъ доставилъ намъ новое удовольствіе. Онъ выписалъ изъ Берлина цѣлую банду комедіантовъ, и какъ у насъ въ городѣ театръ былъ готовый и изрядный каменный, то и начались у насъ театральныя представленія. Зрѣлища сіи были для меня совсѣмъ еще новыя и необыкновенныя, и какъ комедіанты играли довольно хорошо, то весьма скоро получилъ я и въ нихъ вкусъ и они мнѣ такъ полюбились, что я увеселялся ими еще болѣе нежели всѣмъ прочимъ, и не упускалъ ни одного театральнаго зрѣлища, чтобъ не быть на немъ, что мнѣ съ тѣмъ лучшею удобностью можно было дѣлать, что мнѣ они ничего не стоили. Ибо какъ содержателю театра была до нашей канцеляріи и собственно-таки до меня нужда, то, изъ учтивости, подарилъ онъ меня съ самаго начала такъ-называемымъ

фрейбилетомъ, или далъ привилегію ходить всегда безденежно.

Не могу изобразить, сколь ко многимъ и безчисленнымъ увеселеніямъ подавали мнѣ эти театральныя зрѣлища поводъ. Частыя перемѣны въ театральныхъ представленіяхъ, комедіи, прологи и трагедіи никогда мною невиданныя, новостью своею плѣняли меня до безконечности. Я сматривалъ на нихъ не только съ превеликою жадностью, но и съ возможнѣйшимъ примѣчаніемъ; и изъ всѣхъ зрителей вѣрно весьма немногіе удостоивали ихъ такимъ вниманіемъ какъ я. Всякій разъ когда ни случалось мнѣ бывать въ театрѣ, наполнена бывала у меня вся голова видѣннымъ и слышаннымъ, и я занимался тѣмъ во весь достаточной вечеръ.

Но и сего всего было еще недовольно; во генералъ нашъ, для усовершенствованія нашихъ веселостей и для приданія пышной и великолѣпной своей жизни болѣе блеска, вскорѣ потомъ завелъ у себя и маскарады. Сей родъ увеселеніевъ былъ для меня также совсѣмъ новъ и никогда до того невиданный и потому въ состояніи былъ не менѣе меня утѣшать, какъ и прочія. Но сначала не могъ я брать въ нихъ соучастія. Начался они сперва небольшія и такъ-сказать комнатныя и въ покояхъ у губернатора; и какъ у тамошняго дворянства не у всѣхъ было маскарадное платье, то и собирались на нихъ только немногіе изъ нихъ. Однако сіе продлилось недолго. Не успѣла разнестись объ нихъ молва и слухъ, что генералъ, не удовольствуясь частными маскарадами, намѣренъ давать большіе и всенародные въ оперномъ домѣ, и дать дозволеніе всѣмъ брать въ нихъ соучастіе, какъ вскружились у всѣхъ головы, и всѣ начали строить себѣ маскарадныя платья. Тотчасъ навезено было множество масокъ и у всѣхъ, захотѣвшихъ брать въ нихъ соучастіе, пошли разныя выдумки. Не могу изобразить, какъ поразительно было для меня первое таковое зрѣлище въ большомъ театральномъ залѣ. Нѣсколь-ко сотъ различныхъ масокъ, изъ кото-

рых одна другой была страннѣе и удивительнѣе, представившись вдругъ моему зрѣнію привели оное въ такую разстройку, что я не зналъ, на которую прежде смотрѣть и которую болѣе любить. Но ни которая маска такъ хороша и прелестна не казалась, какъ арапская, невольническая, въ которое платье одѣты были Орловъ съ Зиновьевымъ. Спито оно было все изъ чернаго бархата, опоясано розовыми тафтными поясами; чалма украшена бусами и прочими украшениями, и оба они, будучи одѣты одинаково, скрываны были цѣпями, сдѣланными изъ жести. Поелику оба они были высокаго и ровнаго роста и оба имѣли прекрасную талію, то нельзя изобразить, сколь хорошій видъ они собою представляли и какъ обратили всѣхъ зрѣніе на себя. Изъ госпожъ же наилучшую фигуру представляла тогда принцесса голштейнъ-бекская. Она свела особенное дружество съ молодымъ графомъ Шверинимъ и была одѣта тогда ему подѣ пару и прямо шегольски. Но и кромѣ сихъ, многія другія отличались какъ богатствомъ, такъ и особенностью своихъ маскарадныхъ платьевъ.

И въ сей разъ находился въ числѣ зрителей: и увеселеніе сіе такъ мнѣ понравилось, что я руки себѣ ѣлъ, что не сдѣлалъ себѣ также, по примѣру другихъ, маскараднаго платья. Почему не успѣлъ узнать, что вскорѣ будетъ другой и многочисленнѣйшій еще маскарадъ, какъ уже не былъ столь глупъ, но смастерилъ и себѣ прекрасное гишпанское платье. Сей маскарадъ былъ еще лучше и несравненно многлюднѣе прежняго. Казалось, что у всѣхъ жителей кѣнигсбергскихъ вскружилась голова и что всѣ они восхотѣли взять въ немъ соучастіе и другъ друга перещеголять въ выдумкахъ особыхъ масокъ и украшеній. Какихъ и какихъ масокъ и какихъ удивительныхъ зрѣлищъ не было на ономъ! Были тутъ не только разныя такъ-называемыя кадрили; были не только маски, изображающія разныя дикіе и европейскіе старинныя и новыя народы; были не только маски, изобра-

жающія разныхъ художниковъ и мастеровыхъ, напримѣръ, мельниковъ, трубочистовъ, кузнецовъ и другихъ тому подобныхъ, но долженствовали и самыя бездунныя вещи, какъ, напримѣръ, шкафы, пирамиды и прочія тому подобныя, принимать на себя одушевленный видъ и ходить между людьми. Нельзя изобразить, какъ удивили сначала насъ эти движущіеся и расхаживающіе тутъ же между людьми шкафы и пирамиды, ибо скрывшихся во внутренности ихъ людей вовсе не было видно. Но послѣ не могли мы тому довольно насмѣяться. Словомъ, маскарадъ сей былъ наивеликолѣпнѣйшій и имѣлъ всѣ свойства лучшихъ маскарадовъ. Мы препроводили на ономъ всю почти ночь въ превеликомъ удовольствіи и тапцовали до усталости. Господинъ Орловъ былъ въ сей разъ одѣтъ въ платье древнихъ римскихъ сенаторовъ, которое къ нему такъ пристало, что мы, любуясь, ему нѣсколько разъ говорили: «только бы быть тебѣ, братецъ, большимъ бояриномъ и господиномъ; никакое платье такъ къ тебѣ не пристало, какъ сіе». Такимъ образомъ говорили мы ему, не зная, что съ нимъ и дѣйствительно сіе случится и что мы сіе ему власно какъ предсказывали.

Въ таковыхъ-то многообразныхъ и весьма частыхъ увеселеніяхъ препроводили мы тогдашнюю всю зиму, и никогда не были они у насъ столь многочисленны, какъ около начала 1759 года, или въ святки. Во всѣ сіи двѣ недѣли всякій день было у насъ что-нибудь новое, то-есть, либо балъ, либо маскарадъ, либо театръ, либо такъ собраніе и такъ дагѣе. А ко всему тому присовокупилось и еще одно увеселительное для насъ и новое также зрѣлище. Въ Кѣнигсбергѣ, такъ какъ и во многихъ другихъ европейскихъ нѣмецкихъ городахъ, всякій годъ около Рождества бываетъ еще одна, такъ-называемая, христова ярманка. Она начинается въ навечеріе Рождества и продолжается цѣлую недѣлю, и особенное имѣетъ въ себѣ то, что торговля производится не по днямъ, а только по вечерамъ и почью,

при огняхъ. Вся небольшая и прежде упоминаемая площадь въ Альштатѣ заграждается лавочками, убранными разными товарами и освѣщенными множествомъ свѣчь и фонарей; и какъ торговля производится наиболѣе мѣдною посудою и конфетами, то блескъ огней, отпрыгивающій вкупѣ отъ чистой мѣдной и оловянной посуды, развѣшанной повсюду и разставленной по всѣмъ полкамъ въ лавкахъ, производитъ довольно пріятное зрѣлище.

Весь городъ дожидается ярманки сей, власно какъ нѣкоего особливаго праздника, и не успѣетъ наступить навечеріе праздника Рождества Христова, какъ всѣ лучшіе мѣщане со всѣми своими семействами и малолѣтними дѣтьми съѣзжаются и весь вечеръ гуляютъ по рядамъ сихъ лавокъ. Обыкновеніе у нихъ есть покупать малолѣтнимъ дѣтямъ своимъ въ сей вечеръ конфеты, и игрушки и другіе мелочные подарки и припрятать и привозить таковыя же остающимся дома. А сіе и причиною, что всѣ малыя дѣти дня сего дожидаются у нихъ съ великою нетерпѣливостію, и будущими подарками, которые они называютъ христомъ, веселятся уже заранѣе.

Мы не преминули также посѣщать сію ярманку въ праздные вечера и брать во всенародномъ удовольствіи соучастіе; а въ сихъ упражненіяхъ и засталъ насъ 1759 г.

Но какъ письмо мое получило уже обыкновенную свою величину, то я окончивъ оное, скажу, что емь вашъ и прочая.

Письмо 71-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ мы упомянутымъ образомъ препровождали всю зиму въ Кѣнигсбергѣ въ безчисленныхъ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ, армія наша стояла на кантонирь-квартирахъ, расположившись оными вдоль по рѣкѣ Вислѣ, и по ближнимъ къ оной мѣстамъ и селеніямъ; и какъ главному ея командиру графу Фермору надлежало, для отчета въ своихъ дѣяніяхъ и получения новыхъ повелѣній, съѣздить въ Петербургъ, то, въ отсутствіе свое, поручилъ онъ команду надъ всею арміею старшему изъ бывшихъ

тогда въ оной генералъ-аншефовъ, Фролову-Багрееву. Мы удивились о семъ услышавъ, ибо генералъ сей, служивъ весь свой вѣкъ въ драгунскихъ полкахъ и доживъ до глубокой старости, способнѣе былъ сидѣть съ покоемъ у печки, нежели командовать столь великою арміею, и былъ столь мало знаменитъ, что мы почти и имя его никогда не слыхивали. Но по обстоятельству, что онъ былъ службой всѣхъ прочихъ старѣе, не можно было его никакъ обидѣть, не смотря хотя онъ будучи мужикъ совсѣмъ простой не имѣлъ ни малѣйшихъ къ тому способностей.

Сіе обстоятельство причиною тому было, что мы въ теченіе сей зимы, посреди нашихъ веселостей, однажды чрезвычайно были перегрежены. Нѣкогда не думая, не гадая, получили мы извѣстіе, что во всей арміи произошла превеликая заворошка, и что вся оная посреди зимы готовится выступить въ походъ. Мы не знали, что о семъ думать, ибо, помышляя всего меньше о войнѣ и объ арміи, не вѣдали ничего, что тамъ, въ отдаленности отъ насъ происходило, и по сноровости приутовленія къ выступленію въ походъ, не иное что заключали, что императоръ прусскій, пользуясь отсутствіемъ генерала Фермора и зная дряхлость и слабость нашего тогдашняго командира, конечно, вздумалъ учинить нечаянное и нашу армію нападеніе; и какъ мы не могли на него имѣть ни малѣйшей надежды, то и опасались, чтобъ дѣйствительно и воспослѣдовало какого-нибудь бѣдствія.

Къ вѣщему усугубленію нашей болѣзненной опасенія получили мы около самаго того времени и изъ Петербурга секретное извѣщеніе, чтобъ и мы съ своей стороны взяли предосторожность невозможнѣйшую и въ случаѣ, если усмотрѣно будетъ отъ жителей кѣнигсбергскихъ какою опасеніе, то для нагнанія на нихъ страха, положили бы на всѣ дома пехкранцы или смоляныя кольца и въ случаѣ самей опасности неннако изъ города вынести, какъ зажегли оныя и превратили весь городъ въ пепель. Таковое необыкновенное и страшное повелѣніе привело насъ съ

михъ въ превеликое сомнѣніе, а на жителей Кѣнигсбергскихъ нагнало такой страхъ и ужась, что они нѣсколько дней ходили всѣ повѣся головы и позабыли про всѣ веселости и забавы.

Но по счастью, страхъ сей и опасеніе продлилось недолго. Не успѣло нѣсколько дней пройти, какъ получили мы извѣстіе, что въ арміи нашей опять все успокоилось и стало тихо и смирену, а сіе успокоило и насъ тотчасъ. Послѣ узнали мы, что произошло сіе оттого, что королю прусскому вздумалось велѣть одному корпусу войскъ вступить изъ Шлезіи въ Польшу. Не успѣлъ дворъ нашъ получить о томъ извѣстіе, какъ велѣно было тотчасъ и нашей арміи выступить изъ своихъ кантонирь-квартирь и итти на встрѣчу оному; а слухъ о семъ и устрашилъ такъ пруссаковъ, что они тотчасъ опять изъ Польши вышли и назадъ въ Шлезію возвратились, а тогда оставили и мы оружіе и попрежнему успокоились.

Между тѣмъ, однако, прошлогднее нашею кампаніею и претерпѣнными уронами были при дворѣ нашемъ не весьма довольны. Нашлись многіе, которые критиковали все поведеніе нашего главнаго командира; а другіе всю вину возлагали на новый нашъ обсерваціонный корпусъ; наконецъ были и такіе, которые порочили и самую нашу артиллерію, а особливо шувазовскія секретныя гаубицы, приписывая имъ далеко не столь хорошее дѣйствіе, котораго отъ нихъ ожидали. Всѣ таковыя разныя толки и подали двору нашему поводъ присылать нарочныхъ для свидѣтельствванія нашей артиллеріи въ армію: почему и производимо было тамъ около сего времени при всѣхъ начальникахъ армейскихъ сіе свидѣтельство. И какъ оказалось, что помянутыя гаубицы дѣйствительно имѣли нѣкоторыя несовершенности и несовершенства, то сѣ того времени и не были онѣ уже въ такой славі, какъ прежде, а болѣе начали говорить уже о единорогахъ, которые около сего времени введены у насъ въ употребленіе.

Впрочемъ, riprodолженіе се^р

чинены были съ нашей стороны безпрерывныя и великія приуготовленія къ возобновленію войны на будущее лѣто, и къ продолженію оной усиленнѣйшимъ еще образомъ. Англія сколько ни старалась, чрезъ своихъ министровъ, преклонить нашъ дворъ къ воспріятію нейтралитета, но всѣ ея хитрости и старанія были тщетны. Союзныя намъ дворы убѣдили императрицу не только продолжать войну, но и вести ее гораздо съ выщимъ усиліемъ, нежели прежде. Они внушали ей, что самая честь ея требуетъ того, чтобъ она отмстила тотъ стыдъ, который претерпѣла въ минувшее лѣто, и она тѣмъ охотнѣе послѣдовала симъ совѣтамъ, что и сама хотѣла возстановить славу руссійскаго оружія, а сверхъ того было бы постыдно оставить безъ нужды свои завоеванія. Всѣ усилія и домогательства короля прусскаго къ разорванію сего союза были не дѣйствительны и безуспѣшны. Со всѣмъ тѣмъ употреблялъ онъ все, что могъ, къ произведенію сего въ дѣйство, и агенты его должны были вездѣ работать и трудиться. Симъ при французскомъ дворѣ хотя и удалось-было предъстать правившаго тогда всѣми дѣлами кардинала Берниса, и довести его до того, что онъ началъ-было съ аглицкимъ дворомъ перениску, влоняющуюся къ заключенію между собою мира, но по несчастію ихъ сіе узвано было благовременно и приняты такія мѣры, что кардиналъ сей потерялъ чрезъ то самъ свое мѣсто. А вступившій на его мѣсто, дожъ Шоазель привелъ дѣла опять въ порядокъ и разрушилъ опять все то, что агенты короля прусскаго успѣли-было сдѣлать. Таковую-жъ неудачу имѣли они и при турецкомъ дворѣ, который старались они всѣми образами возжечь и преклонить начать войну либо съ пещарцами, либо съ нами, и сдѣлать чрезъ то намъ наибольшую диверсію. Король прусскій не жалѣлъ казны и употреблялъ огромныя суммы къ закупленію турецкихъ министровъ и къ обольщенію самого молодого султана. Однако деньги его и трупали попустому. Цесарскіе и фран-

прусскіе министры не пожалѣли и съ своей стороны подарковъ, и количество оныхъ превозмогло прусскіе. Турки разсудили за полезнѣйшее для себя пользоваться съ обѣихъ сторонъ прибытками, а жить притомъ въ мирѣ и тишинѣ и не подвергая отечества своего уронамъ и военнымъ опасностямъ. Что касается до цесарскаго двора, то при ономъ сдѣлать ему было нечего, ибо какъ онъ былъ тогда наиглавнѣйшему всей войнѣ пружиною и болѣе всѣхъ о продолженіи войны старался, то всѣ происки короля прусскаго оставались тщетны.

Все сіе озабочивало весьма короля прусскаго и наводило на него великое опасеніе и тѣмъ паче, что онъ и на единыхъ своихъ союзниковъ, агличанъ, не могъ возлагать дальней надежды. Ему хотя и весьма хотѣлось, чтобъ они прислали сильный флотъ въ наше Балтійское море и посѣтили нашъ Кронштадтъ и лифляндскіе берега, но Англія углубилась тогда такъ въ морскую свою войну съ французами въ Азіи, Африкѣ и въ Америкѣ и разлакомилась такъ полученными тамъ завоеваніями и приобретенными выгодами надъ французами, что почитала за выгоднѣйшее для себя продолжать оныя, нежели безъ всякой льстящей надежды колотиться о пустыя и обнаженныя финляндскія скалы и камни.

Совсѣмъ тѣмъ, дворъ нашъ имѣлъ великое опасеніе, чтобъ сего посѣщенія отъ агличанъ не воспослѣдовало; а самое сіе и причиною тому было, что старался онъ предварительно заключить особый союзъ съ шведскимъ и датскимъ дворомъ и условиться, чтобъ, въ отвращеніе того, поставить соединенный флотъ въ Зундѣ, для воспрепятствованія проходу агличанамъ, что и учинено было дѣйствительно въ послѣдующее лѣто.

Между тѣмъ, вся армія наша укомплектована была отчасти вновь набранными рекрутами, отчасти оставшимися внутри Россіи старыми войсками. Всѣмъ онымъ велѣно было итти въ Пруссію, а

мѣста ихъ заступили новонабранные рекруты. Въмѣсто потерянной артиллеріи, доставлено было въ армію множество другой; и какъ извѣстно сдѣлалось, что прежній командиръ арміи нелюбимъ былъ оною, то положено было переимѣнить и оного и избрать кого-нибудь иного. Однако начало кампаніи велѣно было учинить тому же, почему онъ въ мартѣ мѣсяцѣ и возвратился назадъ къ арміи и началъ дѣлать всѣ нужныя къ рановременнѣйшему началу кампаніи приуготовленія.

Не въ меньшихъ стараніяхъ и приуготовленіяхъ упражнялись и прочіе наши союзные дворы, то-есть: цесарскій, французскій и шведскій. Повсюду происходили великія вооруженія, и вездѣ готовились вновь проливать кровь человѣческую и напасть со всѣхъ сторонъ и съ ищимъ усиленіемъ на короля прусскаго.

Но и сей оставался между тѣмъ безъ дѣла, и чего не могъ усилить въ политическихъ своихъ протскахъ, то награждалъ прочими своими попеченіями и выдумками. И какъ собственное его государство было мало и не могло его снабдить довольнымъ числомъ людей, для укомплектованія своей арміи, то, нѣтъ въ своей власти все Саксонское Курфирство, воспользовался онъ симъ насильно захваченнымъ княженіемъ, и получилъ силою изъ оного множество рекрутъ. А не удовольствуясь симъ, на-вербовалъ онъ великое множество людей и въ самой Польшѣ; также запасся нужными лошадьми и повсюду заготовленными магазинами. Англія, отказавъ ему во флотѣ, снабдила его довольнымъ числомъ денегъ и обѣщала помогать, по прежнему, ганноверанскими войсками. Однимъ словомъ, не преминулъ и король учинить всѣ нужныя къ новой кампаніи приуготовленія и приготовить себя къ мужественному отраженію толь многихъ, окружающихъ его со всѣхъ сторонъ неприятелей.

Въ сихъ-то приуготовленіяхъ со всѣхъ сторонъ къ продолженію войны прошла вся тогдашняя зима. Мы же, между тѣмъ,

жили въ Кёнигсбергѣ въ покоѣ и тишинѣ, и не столько о томъ, сколько о своихъ увеселеніяхъ помышляли. Однако, несмотря на то, сколь много мы ими ни занимались, не отставалъ я и отъ прежнихъ своихъ упражненій, но все праздное и отъ канцелярскихъ переводовъ остающееся время употреблялъ на безпрерывное чтаніе книгъ. Я окладентъ ими былъ всегда въ своемъ уголкѣ или окошкѣ, и никто не находилъ меня никогда сидѣвшимъ праздно или, по словицѣ говоря, бьющимъ табалу и ходящимъ безъ дѣла въ канцеляріи. Я прочелъ въ сіе время невѣдомо сколько романовъ, спознакомился со всѣми лучшими изъ оныхъ, и они мнѣ такъ полюбились, что я, для временной перемѣны въ моихъ упражненіяхъ, вздумалъ одинъ изъ нихъ даже перевести на языкъ русскій. Чтобъ не утрудить себя слишкомъ и не заняться надолго симъ переводомъ, то избралъ я къ тому одинъ небольшой и болѣе прочихъ мнѣ полюбившійся романецъ, и трудился надъ переводомъ симъ съ такою прилежностью, что въ нѣсколько недѣлъ оный совсѣмъ кончилъ. Это была первая почти книга, которую перевелъ я съ начала до конца, и удовольствіе, чувствуемое отъ того, было такъ велико, что я тотчасъ, переписавъ его съ особливою прилежностью на-бѣло, и велѣлъ перешестъ его въ три бандажъ въ хорошій переплетъ. Книги сіи и понынѣ хранятся у меня въ цѣлости и служатъ памятникомъ тогдашняго моего трудолюбія. Однако, судьбѣ неудобно было, чтобъ переводъ сей былъ напечатанъ, ибо тогда о напечатаніи онаго и помышлять было не можно, поелику всѣ книги печатали тогда у насъ только въ одной Академіи и на казенный коштъ. А послѣ, какъ завелись другія типографіи, и когда было можно, то вдругъ вышла книга сія изъ печати, переведенная уже другимъ — и такъ мой переводъ и остался: чѣмъ я, однако, послѣ былъ и доволенъ, ибо онъ былъ первоуценка и не таковъ хорошъ, чтобъ стоилъ тисненія.

Въ таковыхъ-то упражненіяхъ и обстоя-

тельстввахъ застала меня весна сего года. При наступленіи оной потревожилъ-было меня полковникъ нашего полку требованіемъ своимъ въ полкъ; ибо какъ армія стала собираться къ выступанію въ походъ и всѣмъ полкамъ велѣно было собрать своихъ отлучныхъ, то не позабылъ полковникъ нашъ и обо мнѣ и представилъ по командѣ о томъ, чтобъ я былъ истребованъ изъ Кёнигсберга, а командующіе генералы и не преминули писать о томъ къ нашему генералу.

Нельзя довольно изобразить, какъ смутило меня сіе требованіе. Сердце во мнѣ вострепело и вся кровь моя изволновалась, какъ принесъ ко мнѣ секретарь нашъ сію бумагу и, подавая мнѣ, сказалъ: «Посмотри-ка, братъ, что объ тебѣ пишутъ! Хотятъ, чтобъ ты въ походъ шель... Ну, собирайся!» Съ дрожашими руками принялъ я отъ него сію провлятую бумагу и глаза мои почти отреклись служить мнѣ при чтаніи оной. Они остолебѣли, и я не понималъ ни одного слова изъ читаемаго, такъ смутила меня сія неожиданность. Но я не вышелъ еще изъ перваго моего смущенія и не успѣлъ всего прочесть, какъ секретарь, выхвативъ у меня опять изъ рукъ бумагу и не сказавъ болѣе ни одного слова, помчалъ ее въ судейскую, оставивъ меня съ разстроеными впрахъ мыслями и въ такомъ состояніи, которое я никакъ изобразить не могу.

Нуще всего озабочивало меня то, что у меня тогда ни лошадей и ничего другого въ готовности къ походу не было. Я такъ увѣренъ былъ о неподвижности своей съ мѣста, что, распродавши лошадей и имѣя столъ готовый у губернатора, всего меньше помышлялъ о походѣ и о запасеніи себя нужною походною провизіей. Все сіе надлежало тогда вдругъ доставать и заготовлять, а что всего досаднѣе, то и поспѣвать тѣмъ неукоснительно, ибо требовано было, чтобъ я отпущенъ былъ въ самой скорости. Сверхъ того, признаться надобно, что пребываніе мое въ Кёнигсбергѣ сдѣлалось уже

мнѣ столь весело и приятно, что мнѣ и гораздо уже не хотѣлось съ симъ городомъ разстаться и трудную и скучную походную жизнь промѣнять на тутошную спокойную и приятную.

Мнѣ не взманились тогда всѣ мои книги и любимыя до того упражненія. Я ходилъ весь тотъ день повѣся голову; и какъ опущенный въ воду не зналъ, что со мною будетъ изъ помянутыхъ словъ секретаря и ушества его. Не сказавъ мнѣ ничего дальнѣйшаго, не звалъ я, что заключать и въ правду ли онъ говорилъ, чтобъ я собирався въ походъ, или шутилъ. Видѣ его, съ которымъ онъ произнесъ сія слова, хотя и льстилъ меня извѣстною надеждой, однако я не смѣлъ на то полагаться. Совсѣмъ тѣмъ смущеніе мое было такъ велико, что я не имѣлъ во весь тотъ день столько духа, чтобъ спросить его о себѣ подлиннѣе и истребовать дальнѣйшаго объясненія. Къ усугубленію смущенія моего, не только онъ не начиналъ самъ о томъ говорить далѣе, а весь тотъ день ходилъ нахмуривши и столь сердитымъ, что никто не отваживался съ нимъ начинать словъ, но и никто другой не начиналъ о томъ со мною говорить, власно, какъ не вѣдая, что меня въ армію требуютъ. Всему тому не могъ я довольно надивиться, и не зная, что заключать, положилъ и самъ соображаться съ ихъ молчаніемъ и ожидать дальнѣйшаго.

Но, по счастью, неизвѣстность сія продолжилась недолго. Не успѣлъ я, препроводивъ весьма безпокойную ночь, притти поутру на другой день въ канцелярію, какъ одинъ изъ подъячнхъ нашихъ, подступивъ ко мнѣ, сказалъ: «Кабы дали, баринъ, что-нибудь на вино, такъ я бы вамъ что-нибудь показалъ по секрету». — «Очень-хорошо! сказалъ я вынимая нѣсколько мелкихъ денегъ изъ кармана:—деньги вотъ готовы, а показывай только, и чѣмъ приятнѣе будетъ, тѣмъ и денегъ больше». — «Посмотримъ!» сказалъ онъ и побѣжалъ отъ меня. Я не зналъ, чтобъ это значило, а догадывался только, что, конечно, что-нибудь касающееся

ся до меня, и догадка моя была справедлива. Копиистъ мой, погода немного вышедъ опять и, моргнувъ, далъ мнѣ знать, чтобъ я вышедъ за нимъ въ стѣни. Тутъ, отводя меня въ сокровеннѣйшій уголокъ, вытащилъ онъ изъ-за пазухи бумагу и, подавая мнѣ, сказалъ: «Читайте, сударь, скорѣе, мнѣ не велѣно отъ Тимоея Ивановича никому этомъ показывать, а особливо вамъ». Я удивился сіе услышавъ, но удивленіе мое сдѣлалось еще больше, когда я, пробѣжалъ вскользь ее моими глазами, увидѣлъ, что было это отвѣтное писаніе нашего генерала обо мнѣ въ армію. Въ немъ упоминалось, что какъ во мнѣ обстоитъ необходимая надобность, то отпустить мѣн никакъ не можно, а что представлено будетъ въ Петербургъ, чтобъ присланы были переводчики; и когда пришлются, то въ то время и я въ полкъ отпущенъ буду.

Какъ нѣкая гора съ плечъ у меня тогда свалилась, когда я прочелъ сію бумагу. Я легко могъ усмотрѣть, что мнѣ не было болѣе причины опасаться скорого отправленія въ армію, и обрадуясь тому до чрезвычайности, далъ цѣлую полтину на вино моему подъячему—такъ радъ я былъ сему общенному мнѣ извѣстію! Однако он просилъ меня никому о томъ не сказывать, да и притворяться, будто я о томъ ничего не знаю. Я обѣщалъ ему сіе охотно сдѣлать и внутренно хохоталъ какъ секретарь нашъ, въ тотъ же день ко мнѣ пришедъ и, давая мнѣ нѣчто переводить, опять началъ меня подтуривать и власно, какъ страхъ нагоняя и улыбаясь говорить: для чего-жъ я не собираюсь и не готовлюсь ѣхать? Я привалъ тогда принужденной печальный видъ и жалкимъ образомъ ему отвѣтствуя, сказалъ: «Что-жъ дѣлать, когда не можно чего пережѣпить, такъ, знать, тому такъ уже и быть. Еслибъ захотѣли, то могли-бъ и покинуть, а когда вамъ то надобно, такъ я и поѣду». — «Нельзя! подхватилъ онъ:—вѣдь ты видѣлъ, какъ строго требуютъ. Однако переведите-ка

вотъ это, еще успеешь собраться!» Сказавъ сіе, пошелъ онъ отъ меня прочь, не сказавъ опять ничего рѣшительнаго. Однако у меня на сердцѣ было уже гораздо легче. «Добро, говорилъ я самъ себѣ: теперь ты меня уже не проведешь и не обманешь. Я готовъ давать надъ собою тебѣ шутить, только посылай-ка скорѣе то, что обо мнѣ написано!» Онъ и дѣйствительно промучилъ меня болѣе недѣли, все протуривая всякой день ѣхать и паки всякой день останавливая переводами, и не прежде мнѣ объявилъ, какъ, уставши уже, по мнѣнью своему, меня мучить. Тогда, будто ничего не зная, благодарилъ я его за одолженіе и приписывалъ все единому его хотѣнью, а сіе было ему всего и мнѣе.

Симъ образомъ помогъ мнѣ сей человекъ и въ другой разъ; а по его же благосклонности не слишкомъ послѣшаемо было требованіемъ и изъ Петербурга переводчиковъ. Сіе учинить заставляла ихъ самая необходимость; ибо какъ на всегдашнее удержаніе меня при себѣ не могли сами на себя совершенно надѣяться, то, для всякаго нужнаго случая, учинено было дѣйствительно помянутое требованіе, но въ пользу мою расположено такъ, что никакъ не можно было ожидать, чтобъ учинено было по оному скорое исполненіе и требуемые переводчики къ намъ были присланы.

Совсѣмъ тѣмъ происшествіе сіе не могло у меня долго изъ головы вытти. Несмотря на отказъ, учиненный генераломъ, и на всѣ увѣренія нашихъ секретарей, все-таки я еще опасался, чтобъ не перемѣнились какимъ-нибудь случаемъ обстоятельства и чтобъ меня въ армию не турнули; и не прежде успокоился совершенно, какъ по выступленіи арміи въ походъ и по удаленіи за границы прусскія въ Польшу.

Но письмо мое уже велико и мнѣ время его кончить; чего ради, прерывая свою рѣчь, поспѣшу вамъ сказать то же, а именно, что я есмь вашъ и прочая.

Письмо 72-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ избавившись опять, безъ всякаго моего домогательства, а случайно, отъ похода, и удостовѣрившись еще болѣе въ неподвижности съ одного мѣста и въ должайшемъ пребываніи въ Кеннигсбергѣ, началъ я продолжать прежній родъ жизни и не только упражняться во всемъ томъ же, но присоветовалъ къ нимъ и нѣкоторыя другія упражненія. Не успѣла пройти зима и съ нею миновать длинные вечера, только способные для чтенія книгъ, какъ вмѣстѣ съ наступившею весною перемѣнились во многомъ и наши веселости, забавы и упражненія. Бывшіе въ продолженіе зимы у генерала нашего балы и танцы, хотя и не совсѣмъ пресѣхли, но были уже гораздо рѣже и малолюднѣе. Большая часть дворянства прусскаго разѣхалась по деревнямъ, а мало также было уже и пріѣзжихъ изъ арміи: всѣ они отѣхали къ своимъ мѣстамъ и ушли въ походъ, а все сіе и уменьшило наши зимнія веселости и ограничило ихъ такъ, что балы и собранія были у генерала уже очень рѣдко, а когда и случались, то состояли наиболѣе изъ лучшихъ его друзей и знакомцевъ. Недостатокъ сей хотя и награждаемъ имъ былъ частѣйшими выѣздами въ дома знаменитѣйшихъ прусскихъ дворянъ, оставшихся въ городѣ, а особливо къ любимицѣ своей графинѣ Кайзерлингшѣ, и гуляньями съ ними по садамъ и другимъ увеселительнымъ мѣстамъ; но какъ забавы и увеселенія сіи были болѣе частныя, нежели публичныя, то мы не могли въ нихъ брать соучастія, а принуждены были довольствоваться одними торжественными праздниками, изъ которыхъ генералъ нашъ не пропустилъ ни одного, чтобъ не сдѣлать у себя торжественнаго пира, а потомъ, чтобъ не дать бала.

Но какъ праздники сіи были рѣдки, мы же къ танцамъ и увеселеніямъ сего рода не такъ мало привыкли, чтобъ могли они насъ удовлетворять, то старе-

лись мы недостатокъ сей замѣнить отъ-искиваніемъ городскихъ свадѣвъ и танцованіемъ на оныхъ; но какъ, накопецъ, и сіи по причинѣ лѣтняго времени сдѣлались рѣдки, то принуждены были и мы брать прибѣжище свое къ гуляньямъ въ садахъ, и къ препровожденію въ нихъ съ удовольствіемъ тѣхъ часовъ, которые намъ отъ дѣлъ оставались праздными.

По счастью, находилось тогда въ Кёнигсбергѣ множество такихъ садовъ, въ которые ходитъ и тамъ съ удовольствіемъ время свое препровождать было намъ невозбранно. Они разбросаны были по всему городу, принадлежали частнымъ людямъ; были хотя не слишкомъ велики и не пышны, однако иные изъ нихъ довольно изрядны и содержимы въ порядкѣ. Хозяева оныхъ, для получанія съ нихъ ежегоднаго нѣкотораго дохода, отдають ихъ въ наймы людямъ, питающимся содержаніемъ трактировъ и сіи, держа таковыя трактиры въ домикахъ посреди садовъ сихъ находящихся, примакиваютъ ими людей для посѣщенія оныхъ, почему и бывають они въ лѣтнее время всегда наполнены множествомъ всякаго рода людей. Ходятъ въ нихъ купцы, ходятъ хорошіе мѣщане, ходятъ студенты, а иногда и мастеровые. Словожъ, входъ въ нихъ, кромѣ самой подлости, никому невозбраненъ и всякій имѣетъ свободу въ нихъ сидѣть или гулять, или забавляться разными играми, какъ, на примѣръ, въ карты, кегли, фортунку и въ прочемъ тому подобномъ. Единое только наблюдается строго, чтобъ всегда господствовало тутъ благочиніе, тишина и всякая благопристойность, почему и не услышишь тутъ никогда ни шума, ни крика и никакихъ другихъ вздоровъ; но все посѣщающіе сіи сады, раздѣлясь по партіямъ, либо сидятъ гдѣ-нибудь въ кучкѣ, либо разгуливаютъ себѣ по аллеямъ и дорожкамъ, либо забавляются какою-нибудь игрой и провождаютъ время свое въ удовольствіи и въ смѣхахъ. Никакая партія другой не мѣшаетъ и никому дѣтъ ни до кого нужды; но все только

старается другъ другу оказывать искую вѣжливость и учтивость. Притѣ было по истинѣ видѣть и находить нѣкую небольшую кучку пожилыхъ людей, сидящихъ гдѣ-нибудь въ бесѣдкѣ, тихо и смиренно, и разспрашивающихъ себѣ о ломберѣ; другихъ же — нидѣ на пивкахъ, подъ вѣтвями деревъ гнѣвистыхъ принесенны имъ порціи кофея или шоколата, или сидящихъ съ трубами и ортуя со стаканами хорошаго вина предъ собою, и упражняющихся въ мысленныхъ и степенныхъ разговорахъ. Пиво употребляютъ они для запиванія своего табаку, а прекрасныя сухари, вчерашныя изъ печеного хлѣба, для закусанія онаго. Что касается до молодежи, то сіи занимають болѣе игрою въ шашки или такъ-называемый лангебанъ, приходя въ деньги, но безъ всякаго шума и крика, и въ самыя малыя деньги и отнюдь не для выигрыша, а единственнаго препровожденія времени. Нидѣ же найдешь ихъ упражняющихся въ играніи въ фортунку или въ самодомѣ въ биліардѣ; а если кому хочется чего-нибудь ѣсть, то и тотъ можетъ заказать себѣ что-нибудь сварить или изжарить изъ съѣстнаго; также и дать себѣ рюмку водки, ликѣра или вина, какое есть тутъ въ домѣ. Болшего ничего тутъ не продается; а что и есть, такъ и то все такъ хорошо, такъ дешево и такъ укротливо, что всякій можетъ ходить съ удовольствіемъ оттуда.

Мнѣ долго неизвѣстны были самыя гульбища сего рода, и познакомилъ меня съ ними не кто иной, какъ тотъ же мой варницъ, г. Пивартъ, которому я такъ много за книги и за свадѣбы былъ обязанъ. Онъ, согласясь вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, повелъ меня однажды въ нихъ и они мнѣ такъ полюбили, что я съ того времени въ каждое почти воскресенье, въ которые дни было намъ свободнѣе прочихъ, хаживалъ въ таковыя сады пять послѣ обѣда свой чай или кофею, и препровождать все достаточное время либо въ играхъ въ кегли и фортунку, либо въ гуляньѣ, а нерѣдко

дѣлали и они оба мнѣ компанію и играли со мною тамъ въ ломберъ. И могу сказать, что таковыя гулянья мнѣ никогда не наскучивали, но всякій разъ возвращался я изъ нихъ на квартиру съ особливимъ удовольствіемъ. Въ особеннѣйшей же нравилось мнѣ тихое, кроткое и безмятежное обхожденіе всѣхъ бываемыхъ въ оныхъ, и вѣжливость, оказываемая всѣми. Правда, сперва всѣ господа пруссаки меня, какъ россійскаго офицера, дичились и убѣгали, но какъ скоро начиналъ я съ ними говорить ласково по нѣмецки, то они, почитая меня природнымъ нѣмцемъ, тотчасъ дѣлались совсѣмъ иними и отиѣнно ласковыми. Они съ охотою приобщали меня къ своимъ компаніямъ и нерѣдко входили со мною въ разсужденія и даже самыя политическія разговоры. И какъ я охотно давалъ имъ волю обманываться и почитать себѣ нѣмцемъ, а иногда съ умысла подлаживая имъ въ ихъ мнѣніяхъ, тѣмъ еще больше утверждалъ ихъ въ семъ заблужденіи, то нерѣдко случалось, что я чрезъ самое то узнавалъ отъ нихъ многое такое, чего бы инако никакъ не можно было узнать и провѣдать, а особливо изъ относящихся до тогдашнихъ военныхъ происшествій. О сихъ были они такъ свѣдущи, что я не могъ довольно удивиться; а какимъ образомъ могли они такъ скоро и обстоятельно узнавать всѣ новости, то было для меня совсѣмъ уже непонятно, ибо нерѣдко слышалъ я отъ нихъ о иныхъ вещахъ недѣли за двѣ или за три до того, какъ писано было въ газетахъ.

Кромѣ сего, нерѣдко прогуливался я и по улицамъ и другимъ лучшимъ мѣстамъ въ городѣ, а особливо по землянымъ валамъ, окружающимъ форштаты, которые служили общимъ гульбищемъ для жителей кѣнигсбергскихъ. Всякое воскресенье послѣ обѣда наполнены они были нѣсколькими тысячами гуляющаго обоего пола народа, и всѣ наилучшимъ гуляньемъ почитали сіе мѣсто. Оно и дѣйствительно было таково. Ибо съ высоты оныхъ можно было простирать да-

леко въ поля свое зрѣніе и съ онымъ встрѣчались во многихъ мѣстахъ вѣнпрекраснѣйшія положенія мѣстъ, окружающихъ сію прусскую столицу. Временемъ же хаживали мы для прогулки и за самый городъ, а особливо внизъ по рѣкѣ Прегелю. Мѣсто тутъ низменное и въ особеннѣйшей хорошо и удобно для гулянья. Оно изрыто множествомъ каналовъ, усаженныхъ аллеями изъ деревьевъ, а по главной аллеѣ находятся многіе увеселительныя домики и трактиры, для отдохновенія гуляющимъ.

Но сколько всѣ таковыя гулянья меня ни занимали, однако я не отставалъ за ними и отъ моихъ прочихъ упражненій, а особливо отъ книгъ. Правда, по наступленіи весны и лѣта, время было уже не столь способно къ чтенію, какъ скучное зимнее, поеліку множайшее количество наружныхъ прельщающихъ предметовъ отвлекали къ себѣ вниманіе и мѣшали чтенію; однако я хотя съ не такимъ усиліемъ, но все продолжалъ упражняться въ ономъ, но читалъ уже не столько романы, сколько другого сорта книги. Причиною тому было то, что наилучшіе романы были уже мною всѣ прочтены и остались одни оборуши и такіе, которыхъ на чтеніе не хотѣлось почти терять время; а сверхъ того, попались мнѣ нечаянно обѣ тѣ книжки господина Зульцера, которыя писалъ сей славный нѣмецкій авторъ о красотѣ природы. Матерія, содержащаяся въ нихъ, была для меня совсѣмъ нова, но такъ мнѣ полюбилась, что я совершенно плѣнился оною. Словомъ, обѣ сіи маленькія книжки произвели во мнѣ такое дѣйствіе, которое простерлось на всѣ почти дни живота моего, и были основаніемъ превеликой перемѣнѣ, сдѣлавшейся потомъ во всѣхъ моихъ чувствованіяхъ. Онѣ то первыя начали меня спознакомливать съ чуднымъ устроеніемъ всего свѣта и со всѣми красотоми природы, доставлявшими мнѣ потомъ толико пріятныхъ минутъ въ жизни и служившими поводами къ тѣмъ безчисленнымъ, непорочнымъ увеселеніямъ, которыя потомъ знат-

Онъ и дѣйствительно былъ хорошъ; порція онаго была такъ удачна, а картины столь живо подѣ натуру раскрашены, что въ состояніи были обмануть самого нашего плацъ-майора господина Миллера. Не могу безъ смѣха вспомнить сего приключенія. Было то у меня на квартирѣ. Помянутому господину плацъ-майору случилось нѣкогда зайти ко мнѣ посмотреть моей квартиры, ибо я за нѣсколько времени просилъ его о перемѣнѣ оной и доставленіи мнѣ лучшей. Лицку моему случилось тогда стоять въ спальнѣ моей на окнѣ. Онъ попался ему первый на глаза. — «Это что такое у васъ?» спросилъ онъ. — А вотъ посмотрите въ стеклышко, отвѣчалъ я. Майоръ наклонился и началъ смѣрѣть; но какъ я удивился, какъ онъ чрезъ минуту съ великимъ удивленіемъ закричалъ: «Ба, ба, ба! да гдѣ-жъ эта улица-то и такіе хорошіе домъ? что-жъ я по сю пору не видалъ, вотъ квартиръ-то сколько!» Сказавъ сіе, отскочилъ онъ отъ ящика и устремилъ съ великою жадностью взоръ свой въ окно, думая, дѣйствительно, что онъ видѣлъ и увидитъ настоящую улицу. — Покатился я со смѣха, увидѣвъ, какъ хорошо онъ обманулся. — «Тыфу, какая пропасть! закричалъ онъ и начавъ плевать и ругать мой ящикъ: — что это за чортъ! Вѣдь я истинно обманулся и думалъ, что я вижу настоящую улицу. Возможно ли, какой дуракъ я былъ!» Я старался прикрыть его стыдъ увѣреніемъ, что не одинъ онъ, а многіе такимъ же образомъ обманываются. Однако ему было до чрезвычайности стыдно, и бездѣлка сія сдѣлала то, что получилъ я потомъ весьма прекрасную квартиру; ибо онъ всячески старался уже меня задобрить и тѣмъ преклонить, чтобы я сего дѣла не разсказывалъ.

Въ самое тожь время мастерила я на квартирѣ у себя и другую любопытную и такую штучку, которая заставляла многихъ нарочно ко мнѣ приходить и собою любоваться. Была то хотя сущая дѣтская игрушка, однако существомъ своимъ не недостойная примѣчанія и тѣмъ паче, что составляло второе

изобрѣтеніе мое въ жизни, достойное замѣчено быть. Еще съ самаго начала пребыванія моего въ Кеннигсбергъ полюбились мнѣ въ особенности сдѣланныя кой-гдѣ въ семь городѣ фонтаны, и какъ мнѣ мимо одного изъ нихъ изъ прежней моей квартиры всякій день ходитъ случилось, то нѣрѣдко останавливался я и любовался иногда съ полчаса сею безпрерывно въ верхъ бьющею и на себѣ золотой шаръ поддерживающею водою. Частое виданіе сего фонтана вложило мнѣ нѣкогда весьма странную мысль, а именно: мнѣ захотѣлось испытать, не могу ли я выдумать и сдѣлать и для себя хотя небольшой фонтанецъ и смастерить таковой, который бы можно мнѣ было возить всегда съ собою и ставовить вездѣ, гдѣ бы мнѣ ни похотѣлось. Мысль понстиннѣ удивительная и довольно странная. Я смѣялся сначала самъ сей своей затѣи и почиталъ дѣло сіе нескладнымъ и невозможнымъ. Но чего не можетъ произвестъ охота и склонность къ любопытнымъ художествамъ и искусствамъ? Чѣмъ далѣе я о семъ помышлялъ, тѣмъ менѣе находилъ я невозможностей и наконецъ удалось мнѣ начертать въ мысляхъ своихъ планъ, показавшійся мнѣ совсѣмъ удобопроизводимымъ. Неусиляя я сего выдумать, какъ, по природной своей перипѣливости, восхотѣлось мнѣ выдумку свою произвестъ и въ самомъ дѣлѣ. Обстоятельство, что находился я тогда въ такомъ городѣ, который наполненъ былъ всякими мастеровыми, могущими сдѣлать все, чтобы имъ ни заказать, побуждало меня къ тому еще болѣе. Но бывшіе до сего времени мои недосуги остановили на время произведеніе сего намѣренія въ дѣйство. Но въ сію весну, какъ получилъ я болѣе досуга, и притомъ сдѣлался болѣе удостовѣренньимъ, что не пойду въ походъ, то принялся за сіе дѣло и проворилъ съ толикою прилежностію всѣмъ производствомъ онаго и принужденіемъ столяровъ, жестянниковъ, оловяничниковъ, плесарей и маляровъ скорѣе то дѣлать, что имъ отъ меня было предписано, что надѣ

имѣлъ неописан-
29*

ное удовольствіе видѣть миниатюрный свой фонтанъ существующій и производящій дѣйствиємъ своимъ мнѣ болѣе удовольствія, нежели я сколько могъ думать и ожидать. Словомъ, штука или паче игрушка сія удалась по желанію и достойна была дѣйствительно любопытнаго смотрѣнія отъ всякаго. Весь сей фонтанъ, со всѣми своими принадлежностями, вмѣщался въ маленькомъ и раскрашенномъ ящичкѣ, имѣвшемъ въ длину и въ ширину не болѣе вершковъ десяти, а вышиною вершковъ трехъ. Совсѣмъ тѣмъ, по вскрытіи сего ящичка, поставленнаго на столѣ въ углу, подлѣ стѣны и окошка, оказывался въ ономъ прекрасный маленький, круглый бассейнъ, украшенный въ срединѣ одною побольше, а вокругъ двѣнадцатью маленькими вызолоченными фигурками, изображающими отчасти дельфиновъ, отчасти лагушекъ. Изъ всѣхъ ихъ было толикое же число маленькихъ фонтанчиковъ, соответствующихъ большому въ срединѣ, котораго біеніе простиралось вверхъ болѣе полутора аршина и производило приятный шумъ и плесканье. Словомъ, все такъ было устроено, что съ удовольствіемъ можно было смотрѣть, а что всего лучше, то приведеніе воды изъ поставленнаго на потолокъ той комнаты ушата было такъ искусно скрыто, что никому того примѣтить было невозможно. Длинная жестяная и составная изъ разныхъ, другъ въ друга входящихъ штукъ, трубка, доставляла сію воду въ фонтанъ и была такъ скрыта за стѣною, что ее вовсе не видать было. Когда надобно было фонтанъ собрать, то всѣ штуки сей трубки всовывались другъ въ друга и потомъ полагалась въ тотъ же ящикъ, отчего и происходила та удобность, что его всюду возить было можно, какъ занималъ собою очень мало мѣста.

Теперь не могу изобразить, сколь много утѣшае не только меня, но и всѣхъ приходившихъ ко мнѣ сія игрушка. Всѣ, видѣвшіе, не могли ея довольно налюбоваться. На главную трубку, находящуюся посреди басена, надѣлано было у меня множество разныхъ наставокъ, по-

средствомъ которыхъ можно было ставить воду бить разными манерами, какъ напримѣръ: иногда прямо струею вверхъ, иногда распылится и множество брызговъ, на подобіе дождя, иногда образомъ звѣзды, а иногда образомъ наливнаго хвоста, и такъ далѣ. Словомъ, я производилъ имъ множество разныхъ перемѣнъ и всѣмъ тѣмъ и удивлялъ и забавлялъ зрителей. Всѣ мои канцелярскіе неприменули ко мнѣ критиковать, какъ скоро о немъ услышали, и возносили меня до небесъ похваляли и искусство мое и за выдумку. Сіе увеличило много хорошее ихъ обо мнѣ мнѣніе. Они неприменули рассказывать и другимъ съ похвалою, и сего довольно уже было для меня въ награжденіе и труды, употребленные при дѣланіи оныхъ.

Но сколько удовольствія наносилъ и симъ фонтаномъ всѣмъ меня посѣщающимъ, столько браней получалъ я за него отъ многихъ другихъ, проходившихъ мимо моей квартиры. Но бранямъ сіимъ былъ уже собственно я самъ, или моя дурость и рѣзвость, причиною. Между прочими свинцовыми наставками на трубку моего фонтана, которая, въ большей части, мастерилъ и дѣлалъ я самъ, догадало меня сдѣлать одну кривую и расположенную такъ, чтобъ вода въ случаѣ пущенія фонтана, била не прямо вверхъ, но дугою въ сторону, сквозь отворенное окошко и раздробляясь въ капли, упала на улицу. Въ сію наставку пускалъ я воду тогда, когда случилось кому итти по улицѣ мимо моей квартиры и единственно для того, чтобъ можно было посмѣяться и поохотать его удивленію; ибо не успѣвалъ человѣкъ поровняться противъ моего окна, какъ вдругъ орошали его сверху многія капли воды, на подобіе дождя. Человѣкъ, почувствовавъ оныя, удивлялся, смотрѣлъ на небо и на всѣ стороны, вверхъ и, не вида ничего, дивился и не понималъ, откуда вода взялась. А сіе и подавало иногда поводъ, что иные, пришедъ въ нестроеніе, бранили сами не зная кого, и отходили прочь, осмывая меня изрядными благословеніями.

жи. Но ни надъ кѣмъ шутки сей я такъ часто не производилъ, какъ надъ гуляющими иногда по улицамъ, съ тафтяными своими зонтиками, женщинами. Не успѣю, бывало, завидѣть такихъ госпожъ, какъ, спрятавшись за стѣну, чтобъ меня было не видно, отворяя я на одну минуту свой фонтанъ и принаравливалъ такъ, чтобъ вода упала прямо на ихъ зонтики и производила на нихъ, паденіемъ капель своихъ, шумъ. Боже мой, какой поднимался у нихъ тогда шумъ и крикъ! «Ахъ! Геръ Езу! Геръ Езу! дождь, дождь, дождь!» кричали онѣ и бѣжать начинали, а я надсѣдался со смѣха, сидя въ комнатѣ за стѣною и веселясь ихъ нестроеніемъ.

Не успѣлъ я сію шутку смастерить и черезъ ее спознакомиться со многими мастеровыми, какъ возобновилась и прежняя моя охота къ гокусъ-покусному, которому научился я еще, стоячи въ Эстляндіи, и мнѣ захотѣлось снабдить себя всѣми нужными и къ тому инструментами. Въ единый мигъ надѣлалъ я множество рисунковъ и полетѣлъ съ ними къ разнымъ мастеровымъ. Они и удовольство-

вали меня, надѣлавъ всѣ оныя по моему желанію, и удовольствіе мое было превеликое, когда я увидѣлъ у себя всѣ оныя по моему желанію, и могъ самъ дѣлать всѣ тогда перенятія шутки и хитрости. Однако легко можно заключить, что симъ искусствомъ не имѣлъ я причины ни предъ кѣмъ величаться, но довольствовался только самъ для себя, какъ и упоминаю о семъ только для того, чтобъ тѣмъ доказать, въ какихъ дѣлахъ я около сего времени упражнялся и какую склонность уже и тогда имѣлъ ко всякимъ хитростямъ и искусствамъ.

Но сего довольно будетъ для сего раза. Письмо мое довольно уже велико и получило обыкновенные свои предѣлы; чего ради, предоставляя повѣствованіе о дальнѣйшихъ со мною произшествіяхъ будущимъ письмамъ, теперешнее окончу новымъ увѣреніемъ васъ о непрелѣнности моей къ вамъ дружбы, и что я навсегда есмь вашъ и прочее.

Конецъ

шестой части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ VII.

(соч. 1792 — 1800, переп. 1801 г.).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРЕБЫВАНІЯ МОЕГО ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 73-е.

Любезный пріятель! Какъ въ послѣднемъ моемъ къ вамъ письмѣ остановился я на разсказываніи вамъ того, чѣмъ занимался я живучи въ Кенігсбергѣ, послѣ бывшей со мною тревоги по случаю тре-

бованія меня къ полку; то, продолжая теперь повѣствованіе мое далѣе, скажу, что, между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ живучи въ покоѣ упражнялся сколько въ дѣлѣ, а не менѣе того и въ сущихъ, хотя весьма позволительныхъ, бездѣлкахъ, и дни мои протекали въ мирѣ шинѣ, и всякой почти де

удовольствіяхъ, армія наша находилась въ полномъ походѣ. Прежній предводитель оной, генералъ Ферморъ, не успѣлъ возвратиться изъ Петербурга и дожидаться весны, какъ съ наступленіемъ оной, собравъ всѣ разставовленные по кантонирь-квартирамъ и вновь укомплектованная войска въ окрестностяхъ Торуня, отправился съ ними въ походъ опять въ сторону къ Шлезіи черезъ Польшу. Городъ Познанъ назначенъ былъ опять генеральнымъ сборнымъ мѣстомъ, и тутъ собралась вся армія довольно еще благо- временно. Однако, далѣе сего мѣста онъ съ нею не пошелъ, а дожидаясь назначеннаго на мѣсто себя другого предводителя.

Къ сему, противъ чаянія всѣхъ, избранъ былъ императрицею генералъ-аншефъ графъ Салтыковъ, Петръ Семеновичъ. Всѣ удивились, услышавъ о семъ новомъ командирѣ, и тѣмъ паче, что онъ, командуя до сего украинскими ландмилицкими полками, никому почти былъ не извѣстенъ, и не было объ немъ никакихъ выгодныхъ и громкихъ слуховъ. Самые тѣ, которыхъ случай допустилъ его лично знать, не могли о немъ ничего явного спрашивающимъ сказывать, кромѣ того, что онъ былъ хотя весьма добрый человекъ, но старичекъ простенькій, никакихъ дальнихъ свѣдѣній и достоинствъ не имѣющій и никакимъ знаменитымъ дѣломъ себя еще не отличившій.

Мы увидѣли его прежде нежели армія, ибо ему ѣхать туда черезъ Кёнигсбергъ надлежало. Нельзя изобразить, съ какимъ любопытствомъ мы его дожидались и съ какими особыми чувствами смотрѣли на него, рассказывающаго пѣшкомъ по нашему городу. Старичекъ сѣденькій, маленькій, простенькій, въ бѣломъ ландмилицкомъ кафтанѣ, безъ всякихъ дальнихъ украшеній и безъ всѣхъ пышностей, ходилъ онъ по улицамъ и не имѣлъ за собою болѣе двухъ или трехъ человекъ въ послѣдствіи. Привыкнувшимъ къ пышностямъ и великолѣпнымъ командирахъ, чудно намъ сіе и удивительно казалось, и мы не понимали, какъ такому простенькому и по

всему видимому ничего не знача старичку можно было быть главнымъ командиромъ толь великой арміи, и была наша, и предводительствомъ противъ такого короля, которой уд всю Европу своимъ мужествомъ, брестію, проворствомъ и знаніемъ наго искусства. Онъ казался намъ курочкою, и никто не только над ласкаться, но и мыслить того не живался, чтобъ могъ онъ учинить что будь важное. Столь мало общевал его наружный видъ и всѣ его по Генералъ намъ хотѣлъ-было, по новенію своему, угостить его великимъ пиромъ, но онъ именно истребъ чтобъ ничего особливаго для него принимаемо не было и хотѣлъ добыть наипростѣйшимъ угощеніемъ домъ. А сіе и было причиною, что ѣздъ его чрезъ нашъ городъ былъ до не знаменитъ и столь не гр что, несмотря хотя онъ пробывъ : дни два и исходилъ пѣшкомъ почти улицы, но большая половина го не знала о томъ, что онъ находится стѣнахъ онаго. Онъ и поѣхалъ от столь же просто, какъ и приѣхалъ всѣ проводили его хотя съ усерднымъ ніемъ, чтобъ онъ счастливѣе былъ : наго Фермора, но съ сердцами : унылыми и не имѣющими никакой в ды. Столь невеликое и невыгодное : мы объ немъ имѣли.

По отбытіи сего новаго началъ припались мы за свои прежнія упражненія. Генералъ — за свои рды по гостямъ и частія посѣщеніей графини Кейзерлингши; канцелярши — за свои бумаги, писанья и дѣла за свои переводы, чтанье, рисова другія любопытныя дѣла и упраж Охота къ нимъ увеличивалась во дни на день, а особливо съ того времени какъ случилось мнѣ однажды поб въ домѣ у одного старичка, пруд отставнаго полковника, великаго ника до наукъ и до всякихъ наукъ и художествъ. Тутъ-то въ первый еще случилось мнѣ увидѣть, какъ живу

го рода люди и какъ у нихъ въ домахъ бываетъ чисто и прибористо. Старичка сего удавалось мнѣ видать уже давно и я не одинъ разъ встрѣчался съ нимъ на улицѣ, ибо онъ жилъ въ одной со мною улицѣ и нерѣдко хаживалъ мимо моихъ оконъ. Но мнѣ и на умъ никогда не приходило, чтобъ былъ онъ столь великимъ любителемъ наукъ и художествъ, какъ узналъ я послѣ, а дивился я только всякой разъ его странному одѣянію и походу. При всей старости своей былъ онъ всегда такъ чопоренъ и свѣжъ, какъ бы лѣтъ въ сорокъ, и какая бы погода ни была, повсегда выдагъ я его въ шляпѣ, всегда напудреннымъ, въ странномъ паричкѣ и всегда въ старинномъ прусскомъ мундирѣ съ долгими и ситами набитыми широкими полами, изъ которыхъ одну носилъ онъ всегда приподнятую лѣвою рукою и приложенною плоскостію своею къ животу. Самымъ симъ страннымъ обыкновеніемъ своимъ и отличался онъ отъ всѣхъ прочихъ людей и дѣлался примѣтнымъ, а какъ никто не зналъ и сказать мнѣ не могъ, для чего-бъ онъ полою своею всегда животъ прикрывалъ, то и почиталъ я его какимъ-нибудь чудакомъ или сумасшедшимъ. Однако, побывавъ у него, мысли свои объ немъ весьма переѣнилъ и иначе сталъ думать.

Случилось сіе ненарочнымъ образомъ. Однажды повстрѣчался я съ нимъ не одинъ, а идучи вмѣстѣ съ помянутымъ господиномъ Орловымъ, графомъ Шверинимъ и еще однимъ нашимъ поручикомъ, человекомъ богатымъ и также весьма любопытнымъ, и великимъ охотникомъ до наукъ, называющимся Федоромъ Богдановичемъ Пассекомъ. Господамъ симъ былъ онъ болѣе знакомъ, нежели мнѣ, а особливо графу Шверину. Сей послѣдній не успѣлъ его завидѣть, какъ, протягивая ему руку возопилъ: «Ахъ, господинъ полковникъ! милая, любезная старина! все ли вы находитесь еще въ добромъ здоровьѣ? Такъ давно уже объ васъ не слыхать, продолжалъ онъ, пожимая ему руку, все ли вы еще живы; все ли по прежнему упражняетесь въ своихъ хит-

ростяхъ и искусствахъ; въ добромъ ли здоровьѣ всѣ ваши машины и инструменты?»—Старичекъ усмѣхнулся на сіе, пожалъ дружески графу руку и сказалъ: —Въ добромъ, въ добромъ, господинъ графъ! и всѣ къ вашимъ услугамъ.—«О, когда такъ, подхватилъ графъ, то не можно ли опять сдѣлать мнѣ удовольствіе и показать ваши упражненія! У насъ есть, сударь, люди, продолжалъ графъ, которые охотно хотѣли-бъ оныя видѣть». — Сими словами дѣлилъ онъ на товарищей своихъ Орлова и Пассека. Сему послѣднему въ особливости сего хотѣлось и онъ давалъ ему взорами знать, чтобъ убѣдилъ онъ старика учинить сіе тогда же, и показать намъ всѣ свои хитрости, а графу не великаго труда стоило преклонить къ тому престарѣлаго артиста. Старикъ хотя и поупорствовалъ нѣсколько, извиняясь недосугами своими, а отчасти, говоря, что и всѣ нынѣшнія его упражненія не такъ важны, чтобъ стоило ихъ смотрѣть; но, по просьбѣ графа, принужденъ онъ былъ на то согласиться и повестъ насъ къ себѣ въ домъ, въ ту же самую минуту.

По приведеніи къ оному хотѣлъ-было онъ насъ ввести въ нижнія свои жилища комнаты и напередъ чѣмъ-нибудь угостить, но графъ и товарищи его не восхотѣли того и говорили, что не за тѣмъ къ нему пришли, чтобъ его озабочивать угощеніемъ, а хотятъ, чтобъ велъ ихъ прямо въ свою рабочую и мастерскую комнату, и тогда почти нѣхотя принужденъ былъ нашъ старикъ лѣзть вверхъ по крутой лѣстницѣ и просилъ насъ послѣдовать за нимъ. Тутъ нашли мы превеликую комнату, заставленную и загражденную всю множествомъ всякаго рода машинъ, орудій и инструментовъ. Не было почти нигдѣ празднаго мѣста, и мы съ трудомъ могли протѣсниться къ маленькому столику, стоявшему подлѣ окна и самому тому, за которымъ онъ болѣе саживалъ и въ дѣлахъ своихъ упражнялся. Онъ началъ тотчасъ суетиться и, приискивая послѣднія свои работы, показывать гостямъ, а я, между тѣмъ, пмѣлъ

нѣсколько минутъ свободнаго времени для обозрѣнія его комнаты и всѣхъ вещей, въ ней находящихся.

Не могу изобразить, съ какимъ ненасытно-любопытнымъ ономъ перебѣгалъ я съ одного предмета на другой и съ какою жадностью пожиралъ все своими глазами. Превеликое множество находилось тутъ такихъ вещей, какихъ я еще отъ роду не видывалъ и о которыхъ не имѣлъ еще никакого понятія. Были тутъ токарныя разныхъ манероу станки, были полированныя машины, было множество разныхъ физическихъ, оптическихъ, математическихъ и механическихъ инструментовъ и орудій. Была огромная библіотека, множество всякаго рода зрительныхъ трубъ, зажигательныхъ зеркаловъ, микроскоповъ, глобусовъ, картъ, эстамповъ, разложенныхъ книгъ и развѣшенныхъ по стѣнамъ желѣзныхъ пилъ, долотъ, рѣзцовъ и всякаго рода рабочихъ орудіевъ и инструментовъ. Все сіе составляло для меня новое и такое зрѣлище, котораго я не могъ довольно насмотрѣться, и хотя всѣ сіи многочисленныя вещи стояли, лежали и висѣли тутъ безъ всякаго малѣйшаго порядка, всѣ были запылены и не въ приборѣ, всѣ разметаны почти кое-какъ, но я любовался ими болѣе, нежели драгоценными убранствами, и охотно-бъ согласился пробыть у него цѣлый день и все перебирать и пересматривать, если-бъ только то было мнѣ можно и когда-бъ только хозяинъ согласился мнѣ все показывать и обо всемъ рассказывать подробно. Но, къ крайнему моему сожалѣнію, сего-то самого и учинить было не можно. Я составлялъ самую меньшую и всѣхъ маловажнѣйшую особу изъ посѣтителей, и потому принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ только, что показывано было мнѣ товарищамъ, и слышаніемъ того, что хозяинъ говорилъ съ ними; со мною же не удалось ему и одного слова промолвить, ибо время было такъ коротко и поспѣшеніе товарищей моихъ такъ велико, что ему не удалось и самимъ имъ со тою доли изъ всего того показать, что онъ имѣлъ и что мнѣ видѣть и узнать

хотѣлось. Къ вашей же досадѣ моей, и осамыхъ тѣхъ вещахъ, которыя онъ успѣлъ мнѣ показать, говорено было въ такую скользь и такъ коротко, что я ничего почти ~~мнѣ~~ не могъ. Сіе въ состояніи было любопытство мое только ~~восбудить~~, а нимаю не удовольствоваться и ~~я-съ~~ крайнимъ негоднѣіемъ повелѣлъ всгдѣ за товарищами своими, спѣшившими тогда идти въ гости, и помышлялъ уже отстать отъ нихъ и воротиться къ милому и почтенному старичку, чтобъ познакомиться съ нимъ короче; но и сіе мнѣ не удалось. Старикъ вышелъ вслѣдъ за нами со двора и замкнулъ свою комнату, а что всего мнѣ было досаднѣе, что сколько ни ласкался я надеждою познакомиться съ нимъ впредъ и убѣдить его просьбою показать мнѣ и растолковать все, и какъ ни надѣялся узнать и научиться отъ него многому, но мнѣ съ сего времени не удалось его болѣе и видѣть. Ему случилось скорѣ послѣ того уѣхать куда-то къ родственникамъ своимъ въ деревню, и тамъ, какъ послѣ я услышалъ, окончилъ онъ и жизнь свою.

Совсѣмъ тѣмъ случай сей произвелъ мнѣ много пользы. Я не только получилъ о многихъ незнакомыхъ мнѣ до того вещахъ нѣкоторое понятіе, но снискалъ чрезъ то знакомство съ помянутымъ г. Пассекомъ, бывшимъ до того мнѣ незнакомымъ, ибо какъ они во все обратное свое путешествіе безпрестанно говорили о семъ старикѣ, превозносили похвалами его любопытство и трудолюбіе и дивились множеству его машинъ и инструментовъ, то виѣшался и я въ ихъ разговоръ. А при семъ случаѣ не успѣлъ я изъяснить сожалѣнія своего о томъ, что они не долго у него пробыли, и что мнѣ не удалось многого такого видѣть, что узнать весьма бы мнѣ хотѣлось, какъ самое сіе и побудило г. Пассека познакомиться со мною короче. Сей былъ изъ всѣхъ ихъ любопытнѣйшимъ, и какъ онъ таковое-жъ любопытство примѣтилъ и во мнѣ, то сіе и побудило его узнать меня покороче: почему и свелъ онъ со мною тотчасъ знакомство и разставаясь

просилъ меня притти въ когда-нибудь къ себѣ, говоря, что когда я такъ любопытенъ, то и онъ можетъ показать мнѣ что-нибудь достойное моего зрѣнія и любопытства.

Сего я и не преминулъ чрезъ нѣсколько дней сдѣлать и могу сказать, что посѣщеніемъ симъ былъ крайне доволенъ. Я нашелъ у него то, чего я всего меньше ожидалъ. Онъ былъ хотя простой поручикъ въ нашей службѣ, находившійся тогда тутъ по нѣкоторой порученной ему комиссіи, но я не зналъ, что онъ имѣлъ великій достатокъ, былъ знаменитъ родомъ, знакомъ между большими господами и употреблялъ тогда множество денегъ на доставаніе драгоценныхъ книгъ, всякихъ машинъ и инструментовъ. Я нашелъ у него первыхъ нарочитое уже собраніе, а изъ послѣднихъ нѣкоторая меня такъ не удивила и не удовольствовала, какъ электрическая. У него-то въ первый разъ отъ роду случилось мнѣ увидѣть сію чудную машину, сдѣланную потому мнѣ столь много извѣстную, и онъ-то подавъ мнѣ объ ней первѣйшее понятіе. Нельзя изобразить, съ какимъ любопытствомъ я ее тогда разсматривалъ и какъ много удивилъ меня получаемыя отъ нея искры и удары, также и другіе разные дѣлаемые ею эксперименты. Машина сія была у него хотя староманерная, съ малымъ пузыремъ и большимъ колесомъ для вращенія, и предъ нынѣшними весьма еще несовершенная и занимавшая собою почти цѣлую комнату, однако стоившая ему не малыхъ денегъ и производившая очень сильное и хорошее дѣйствіе. Она мнѣ такъ полюбилась, что я разслабилъ ее между всѣми своими знакомыми, и не проходило почти недѣли, въ которую бы я у него не побывалъ и не приводилъ съ собою многихъ другихъ для смотрѣнія какъ оной, такъ и микроскоповъ и другихъ физическихъ инструментовъ, а особливо воздушнаго насоса, который онъ также имѣлъ и съ особливимъ удовольствіемъ намъ опыты свои показывалъ. Но жаль, что пребываніе сего человѣка у насъ въ Кенигсбергѣ было недолговре-

менно: онъ тѣмъ же дѣломъ отъ насъ отбылъ и я съ того времени его уже не видалъ. Онъ былъ родной братъ тому Пасеку, который былъ послѣ намѣстникомъ въ Смоленскѣ.

Около самаго того времени познакомился я и съ другимъ нашимъ офицеромъ, который служилъ капитаномъ, но не въ полевыхъ полкахъ, а въ артиллеріи. Звали его Иваномъ Тимоеевичемъ и былъ онъ изъ фамиліи господъ Писаревыхъ, и уроженецъ изъ самаго того Каширскаго уѣзда, изъ котораго и я былъ, слѣдовательно прямой мой землякъ и сохъ по деревнямъ и одинъ изъ потомковъ того самаго Писарева, который, вмѣстѣ съ предкомъ моимъ, Еремѣемъ Гавриловичемъ, находился въ полону у татаръ крымскихъ и о которомъ упоминалъ я при началѣ моей исторіи. Ему случалось по дѣламъ нѣсколько разъ бывать у насъ въ канцеляріи и со мною кой-о-чемъ разговаривать. И какъ онъ во мнѣ, а я въ немъ приметилъ во многомъ одинакія склонности и согласіе въ мысляхъ, то сіе не только познакомило, но и сдружило насъ очень скоро. Онъ полюбилъ меня откровенно, а я почувствовалъ къ нему не только любовь, но и самое почтеніе, чего онъ былъ и достоинъ. Онъ былъ гораздо меня старѣе, любилъ читать книги, почитался степеннымъ и порядочнымъ человѣкомъ, приобрѣлъ отъ всѣхъ къ себѣ почтеніе и не любилъ говорить о бездѣлѣ, а все о дѣлахъ и дѣлахъ хорошихъ и слушанія достойныхъ; а поелику и я не менѣе любилъ упражняться въ такихъ же разговорахъ, то самое сіе и связало насъ дружествомъ, продолжавшимся многіе годы сряду. Однако, около сего времени было знакомству нашему только первѣйшее начало, ибо вскорѣ послѣ того уѣхалъ онъ въ армию.

Что касается до канцелярскихъ моихъ знакомыхъ, то и къ нимъ прибавилось около сего времени еще двое, ибо какъ письменныя дѣла стали часть отъ часу умножаться, не причиняя, что генералу нашему поручены и всѣ бывшія въ Прус-

сія войска въ команду, то нужна была для сего особая воинская экспедиція, а потому для управленія оною и опредѣлены были два офицера: одинъ поручикъ Козловъ, по имени Савва Константиновичъ, мужикъ толстой, простой, довольно изрядный и меня скоро полюбившій, а другой подпоручикъ Насѣткинъ, вышедшій въ офицеры изъ полковыхъ писарей и составлявшій самую привязную строку. Почему съ симъ человѣкомъ имѣлъ я только шапочное знакомство, ибо характеры наши были слишкомъ между собою различны, къ тому-жъ и по дѣламъ не было у меня съ нимъ никакой связи, да и сидѣли оба они въ другихъ и сѣньми отъ насъ отдѣленныхъ покояхъ, а сверхъ того и не обѣдывали съ нами вмѣстѣ у генерала, а хаживали на свои квартиры.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ упражненій имѣлъ я въ сіе лѣто еще одно особенное. Молодежи нашей восхотѣлось ко всѣмъ обыкновеннымъ увеселеніямъ присовокупить еще одно, именно, составить російскій благородный театръ. Къ сему побудились они наиболѣе тѣмъ, что бывшая у насъ зимою банда комедіантовъ уѣхала въ иные города, и театральныя наши зрѣлища уже съ самой весны пресѣклись и театральныи домъ стоялъ пустъ. Итакъ, вздумалось господамъ нашимъ испытать составить изъ самихъ себя нѣкотораго рода театръ. Первѣйшими заводчиками къ тому были: поманутый господинъ Орловъ, Зиновьевъ и нѣкто изъ привѣзжихъ и тогда тутъ жившій, по фамиліи господинъ Думашневъ. Не успѣли они сего дѣла затѣять и назначить для перваго опыта одну изъ нашихъ трагедій, а именно, «Демофонта», какъ и стали набирать людей кому бы вмѣстѣ съ ними представить оную. Но сіе не такъ легко можно было имъ учинить, какъ они сперва думали. Людей надобно было много, а способныхъ къ тому находили они мало. Тѣ, которые бы могли согласиться, были неспособны, а изъ способныхъ не всякій хотѣлъ отважиться на сіе дѣло и воспріять на

себя не только великое бремя, но и самовольно подвергнуться потомъ критикѣ и сужденіямъ. Мнѣ сдѣлано было предложеніе отъ нихъ еще съ самаго начала и одному изъ первыхъ, но я самъ долго боролся самъ съ собою и не имѣлъ столько духа, чтобъ на сіе необыкновенное для меня дѣло отважиться и не прежде на желаніе ихъ согласился, какъ по многой и усиденной отъ всѣхъ ихъ просьбѣ. Правда, я имѣлъ къ тому уже нѣкоторое приготовленіе. Въ предсѣдующихъ письмахъ упоминалъ я вамъ, что, стоячи еще въ Эстляндіи на зимнихъ квартирахъ, полюбилъ я трагедію «Хоревъ» и не только ее почти всю наизусть выучилъ, но научился порядочно декламировать рѣчи; а потому дѣло сіе было мнѣ отчасти уже знакомо, а сіе много и помогло тому, что я согласился взять на себя одну роль. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ никогда еще не случалось видѣть представленій російскихъ трагедій, то дѣло сіе, а особливо по несиѣлости и застѣнчивости моей, казалось мнѣ очень дико, и если-бъ не помогло къ тому нѣсколько то, что въ минувшую зиму неоднократно случалось мнѣ видѣть нѣмецкія трагедіи, то едва-ль бы я далъ себя къ тому уговорить.

Коликаго труда стоило имъ набрать мужчинъ, толкаго-жъ, или несравненно большаго требовалось къ отысканію способныхъ къ тому женщинъ. Надобны были для трагедіи сей двѣ и, къ несчастію, обѣ молодыя, а мы изъ всѣхъ бывшихъ въ Кѣнигсбергѣ русскихъ госпожъ не могли отыскать ни единой. Наконецъ, съ великимъ трудомъ уговорѣна была къ тому бригадирша Розенша, пребывавшая тогда въ Кѣнигсбергѣ. Боярыня сія была русская, но уже не молодая, а что всего хуже—дородная и совсѣмъ неспособная къ представленію любовницы. Но нужда чего не дѣлаетъ: мы и той уже были рады; но какъ другой не могли никакъ отыскать, то рѣшились, чтобъ употребить къ тому молодого мужчину. Къ сему избранъ былъ, одинъ изъ товарищей нашихъ, а именно упоминаемый мною прежде родственникъ и товарищъ г. Орлова, Зиновьевъ. Молодость, нѣж-

ность, хорошій станъ и самая красота лица сего молодого, любивдостоянаго челоуѣва, побудила всѣхъ упросить его взять на себя роль любовницы и какъ онъ на то согласился, то для бригадирши Розенши опредѣлена была роль наперсницы, чѣмъ она была и довольна.

Симъ образомъ, набравши всѣхъ потребныхъ къ тому людей, принялись мы за дѣло. Тотчасъ расписаны и розданы были всѣмъ роли и тотчасъ начали всѣ ихъ учить и твердить наизусть. Мнѣ досталась парочито великая, однако я прежде всѣхъ вытвердилъ. Не могу и понинѣ еще безъ смѣха вспомнить, какъ много занимала меня сія роль и съ какимъ рвеніемъ и тпачіемъ я ей учился. Не однажды бывало, что я, запершись одинъ въ своей квартирѣ, прокрививалъ по нѣскольку часовъ сряду, ходючи взадъ и впередъ по своей комнатѣ; не однажды случалось, что и въ самую ночь, вмѣсто спанья, протверживалъ я выученное и старался тверже и тверже впечатлѣть все въ память. Когда же я дѣло свое кончилъ и всю свою роль выучилъ, то чувствуемое мною удовольствіе я уже никакъ изобразить не могу. Я возмечталъ о себѣ невѣдомо что и началъ уже самъ турить товарищей своихъ, чтобъ они скорѣй роли свои вытвержили, ибо какъ о себѣ я уже ни мало не сомнѣвался, по надѣялся твердо, что я роль свою сыиграю хорошо, то пылалъ я уже нетерпѣливостью, чтобъ начатое нами дѣло скорѣе совершилось. Однако, не то вышло, что мы думали и чего ожидали. Обстоятельствамъ вздумалось вдругъ переимѣниться; произошли нѣкоторыя несогласія между соучастниками въ семъ предпріятіи, и вся наша пышная и великолѣпная затѣя, какъ мыльный пузырь, лопнула и такъ рано, что многіе еще и половины своихъ роль не успѣли вытвердить.

Не могу изобразить, съ какимъ чувствительнымъ огорченіемъ узналъ я о семъ нечаянномъ всего нашего дѣла разрушеніи. Я получилъ извѣстіе о томъ отъ г. Орлова. «Знаешь-ли, Болотенко, мой другъ, какъ же горе! сказалъ онъ мнѣ, пришедши однажды

утромъ къ намъ и меня обнималъ:—вѣдь дѣлу-то нашему не бывать и оно разрушилось!»—И! что ты говоришь? воскликнулъ я, поразившись: возможно ли? — «Точно такъ, продолжалъ онъ: и ты, мой другъ, уже болѣе не трудись и роли своей не тверди.»—Вотъ хорошо! возопилъ я: роли своей не учи, когда она у меня уже давно выучена, и поэтому всѣ труды и старанія мои были напрасны; спасибо!— «Ну, что дѣлать, голубчикъ! такъ уже и быть; я самъ о томъ горюю, у меня и у самого было много выучено; но что дѣлать, произошли обстоятельства и обстоятельства такія, что намъ теперь и помышлять о томъ болѣе уже не можно». — Но какія же такія? спросилъ я. — «Ну, какія бы то ни были, сказалъ онъ: мнѣ сказать тебѣ того не можно, а довольно, что дѣло кончилось, и ему не бывать никогда». Сказавъ сіе, побѣжалъ онъ отъ меня какъ молнія, такъ что я остался въ превеликомъ изумленіи и на него досадѣ. Совѣмъ тѣмъ онъ былъ въ разсужденіи сего пункта такъ скроменъ, что я и послѣ, сколько ни старался, но не могъ никакъ узнать ни отъ него, ни отъ другихъ объ истинной тому причинѣ. Всѣ прочіе отговаривались, что сами не знаютъ, а онъ зналъ и говорилъ только всѣмъ, что ему сказать не можно: почему и остался я въ совершенномъ невѣдѣніи, что собственно разрушило сіе наше предпріятіе, и не знаю того даже и понинѣ.

Вскорѣ послѣ сего случилось мнѣ, вмѣстѣ съ ними-жъ и съ помянутою госпожею, бригадиршею Розеншею, быть въ кѣнигсбергской жидовской синагогѣ или сонмищѣ и видѣть ихъ богослуженіе. Зрѣлище сіе было для меня новое и никогда еще до того времени невиданное и я смотрѣлъ оно съ особливымъ любопытствомъ и вниманіемъ.

Знатность бригадирши Розенши и графа Шверина были причиною тому, что не воспрепятствовано было намъ войти въ сей домъ молитвы въ самое то время, когда отправлялось у нихъ богослуженіе и все сіе званіе

ствомъ народа. Было сіе во время самой Петровской ярмонки и тогда, когда весь городъ наполненъ былъ многими сотнями жидовъ польскихъ. Синагога была каменная, нарочитаго пространства и могла помѣщать въ себѣ множество людей. Мы нашли ее всю наполненную народомъ, но не отправляющимъ еще своего богослуженія, и какъ мнѣ въ сей разъ удалось видѣть оное съ самаго начала до конца, то и могу я описать какъ оное, такъ и самую синагогу въ подробности.

Зданіе сіе составляло порадочный продолговатый четверугольникъ и снаружи украшено было немногими архитектурными украшениями, но безъ всякаго свеху купола или какого возвышенія свехъ кровли; внутри же не имѣло ни малѣйшаго украшенія. Все встрѣтившееся съ зрѣніемъ нашимъ при входѣ состояло въ единомъ только возвышенномъ, аршина на полтора отъ полу, осьмиугольномъ амбонѣ, сдѣланномъ посреди сего дома и огороженномъ вверху низенькимъ парапетцемъ. Весь сей амбонъ не имѣлъ болѣе четырехъ аршинъ въ діаметрѣ и, для всхода нанего, снабденъ съ боковъ двумя лѣсенками по ступенямъ. По обѣимъ сторонамъ сего амбона подѣланы были сплошныя лавки для сидѣнія, такія точно, какія дѣлаются въ церквахъ лютеранскихъ, съ тою только разностію, что стѣнки, преграждающія огня, были повыше и такой пропорціи, чтобы стоящему въ лавкахъ человѣку можно было объ нихъ облокотиться. Сими лавками заграждено было все внутреннее пространство сего зданія и проходъ оставленъ былъ только въ срединѣ, шириною аршина на три; также было нѣсколько просторнаго мѣста и впереди, гдѣ въ прочихъ церквахъ дѣлается олтарь, но въ жидовскихъ синагогахъ тутъ ничего не было похожего на олтарь или на престолъ и сіе потому, что синагога ихъ не есть собственно ихъ церковь или храмъ, котораго они нигдѣ не имѣютъ, а единственно только родъ дома, назначеннаго для сходбища евреевъ, для воспѣванія хвалебныхъ пѣсней и псалмовъ Богу и для поученія себя чтеніемъ

священнаго писанія. Почему и сдѣланъ у нихъ въ передней стѣнѣ, между оконъ, нѣкоторый родъ небольшого внутри стѣны шкапа или ниша, завѣшеннаго небольшою занавѣскою, и тутъ хранятся у нихъ книги ихъ священнаго писанія ветхаго завѣта, написанныя, по древнему обыкновенію, на пергаментныхъ свиткахъ. Въ сихъ двухъ или трехъ вещахъ, то-есть амбонѣ, лавкахъ и шкапѣ состояли всѣ внутреннія украшенія синагоги ихъ, а четвертую вещь составляли просторныя хоры, сдѣланныя у задней стѣны при входѣ, сокрытыя со стороны отъ синагоги столь частою рѣшеткою, что не можно было никакъ всѣхъ стоящихъ на хорахъ видѣть. Хоры сіи, составляющіе совсѣмъ особое отдѣленіе и не имѣющіе со внутренностію синагоги никакого общенія, назначены у нихъ для женщинъ, и какъ сіи не должны у нихъ никогда входить туда, гдѣ стоятъ и сидятъ мужчины, то и входъ на сіи хоры сдѣланъ особый и не снаружи зданія.

Мы нашли всѣ помянутыя лавки наполненныя сидящими людьми, изъ которыхъ иные были съ открытыми главами, а другіе имѣли ихъ покрытыми нѣкоего рода шелковыми разноцвѣтными фатами или покрывалами. Всѣ сидѣли съ крайнимъ благоговѣніемъ и кротостію и не было во всемъ сомнѣнія ни малѣйшаго шума и крика. Насъ провели и поставили посрединѣ подлѣ самаго помянутаго амбона, и тутъ произошло у насъ нѣчто смѣшное. Помянутая бывшая съ нами бригадирша Розенша, не зная, не вѣдая на что у нихъ сдѣланъ былъ помянутый амбонъ, а считая оный ничѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ для знатныхъ особъ, слѣдовательно и для стоянія и себѣ приличѣйшимъ и спокойнѣйшимъ, и будучи столь неблагоразумна, что и не спросивъ никого, вздумала вдругъ взойти на оный и занять себѣ мѣсто.— Боже мой! какой сдѣлался въ самую ту минуту во всей синагогѣ шумъ, ворчанье, ропоть и негодованіе! Всѣ обратили на нее глаза свои и многіе поскакали даже съ мѣстъ своихъ и не знали, что дѣлать. Для ихъ и то уже было крайне прискорбно и не-

приятно, что одна женщина дерзнула войти въ ихъ совмище. Они и на то смотрѣли уже косыми глазами, но, по знатности ея, не смѣли воспрекословить; увидѣвъ же ее взошедшею на мѣсто, которое почитали они священнѣйшимъ, пришли въ крайнее смущеніе и безпокойство. Нѣсколько человѣкъ, и какъ думать надобно, старѣйшинъ, безъ памяти почти подбѣжали къ намъ, стоящимъ на полу подлѣ амбона, и наизалобнѣйшимъ и униженнѣйшимъ образомъ, кланяясь и указывая на бригадиршу, просили насъ уговорить ее сойти долой. «Ахъ! царскіе же, царскіе добродѣи! говорили они намъ, прижимая къ сердцамъ своимъ руки: ахъ, это не треба! это не треба!» Но мы не допустили ихъ долго безпокоиться и шепнули госпожѣ бригадиршѣ, чтобы изволила она сойти внизъ, но она и сама, примѣтивъ волненіе, произведенное ею во всемъ сборищѣ, была столь благоразумна, что сошла тотчасъ внизъ и вѣжливымъ образомъ просила себя извинить въ томъ, предлагая свое незнаніе, и сіе успокоило тотчасъ же все собраніе.

Вскорѣ послѣ сего началось у нихъ богомолье. Оно состояло въ пѣніи псалмовъ всѣмъ собраніемъ на еврейскомъ языкѣ. Тутъ не только госпожа бригадирша, но чуть-было и всѣ мы не надѣлали крайняго дурачества. Всѣмъ намъ превеличайшаго труда стоило, чтобъ удержаться отъ смѣха и отъ того, чтобъ не захохотать во все горло: такъ смѣшно показалось намъ ихъ богомолье. Оно и подлинно имѣло въ себѣ, а особливо для насъ, не привыкшихъ подобное тому видѣть, много чрезвычайнаго и смѣшнаго. Не успѣлъ главный ихъ раввинъ затянуть пѣніе своего псалма, какъ всѣ сидѣвшіе въ лавкахъ посакали съ своихъ мѣстъ и, покрывшись своими покрывалами, сдѣлались власно какъ сумасшедшими: они топали ногами, махали руками, кривлялись всѣмъ тѣломъ, качали головами и, въ самое тожь время, произносили такіе странныя визги, вопли и крики, что мы принуждены были почти зажать свои уши,

чтобъ избавить слухъ свой отъ такой странной и необыкновенной музыки. Однимъ словомъ, шумъ, крикъ и вопль сдѣлался во всей синагогѣ столь превеликій и кривлянье всѣхъ было столь странно и смѣшно, что нѣкоторые изъ насъ дѣйствительно не могли никакъ удержаться отъ смѣха; да и для прочихъ зрѣлище сіе было крайне поразительно и мы не перестали тому дивиться до тѣхъ поръ, пока не растолковали намъ, что, по еврейскому закону, долженствуетъ Бога хвалить не только устами своими, но и всѣми членами, и что видимое нами кривляніе и стучаніе ногами и руками есть производство сей священной должности.

Сіе успокоило насъ нѣсколько и принудило спокойно дожидаться конца сего крайне нескладнаго и противнаго для слуха пѣнія. Послѣ сего увидѣли мы, что дѣлано было приуготовленіе къ нѣкой процессіи или ходу. Нѣсколько человѣкъ, вышедши изъ своихъ лавокъ, построились съ благоговѣніемъ рядомъ предъ помянутымъ шкапомъ. Мы съ любопытствомъ смотрѣли, что будетъ, и увидѣли потомъ старшаго раввина, подошедшаго съ почтеніемъ къ шкапу, отдернувшаго занавѣску и съ превеликимъ благоговѣніемъ вынимающаго оттуда свитки священнаго писанія, написанные на пергаментѣ и обернутые въ дорогіе штофы. Онъ возлагалъ оныя на головы подходящихъ къ нему помянутыхъ людей и принимающихъ оныя съ великимъ почтеніемъ. Потомъ, въ предшествіи его самого, понесли они ихъ одинъ за другимъ процессією вокругъ всѣхъ лавокъ, и вознесли потомъ на помянутый амбонъ. Тутъ приуготовленъ уже былъ нѣкоторый родъ низенькаго столика, покрытаго драгоценною матерією. На семъ развертывали они одинъ свитокъ за другимъ и по нѣскольку времени читали въ каждомъ изъ нихъ писаніе во все горло и торкая пергаментъ страннымъ образомъ превеликими раззолоченными указками, точно такими, какія употребляются въ нашихъ простыхъ школахъ учащимися грамотѣ ребятишками, но только несравненно величай-

шими. Сіе зрѣлище было для насъ также забавно и увеселяло насъ даже до смѣха. Но каково ни трудно было намъ воздерживаться отъ смѣха, а особливо видя ихъ смѣшное указываніе, однако мы имѣли столько духа, чтобъ дожидаться конца сего страннаго и съ превеликимъ кривляньемъ, коверканьемъ, взываньемъ и вопіаньемъ соединеннаго чтенія. По окончаніи онаго отнесены были сіи свитки съ такою-жъ церемонією и при всеобщемъ пѣніи назадъ и положены по прежнему въ шкафъ и задернуты занавѣскою, а тѣмъ и кончилось все богомолье и всѣ стали расходиться по домамъ, чтѣ увидя, вышли и мы изъ сего жидовскаго сомнища, поблагодаривъ напередъ старѣйшихъ за доставленное намъ удовольствіе.

Симъ кончилась тогда наша прогулка, и какъ письмо мое уже велико, то окончу я симъ и оное, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

НОВАЯ КВАРТИРА.

Письмо 74-е.

Любезный пріятель! Продолжая дѣлѣ мое повѣствованіе, скажу теперь, что въ достопамятностямъ сего-жъ лѣта принадлежитъ и то, что я въ оное получилъ себѣ новую и лучшую квартиру, слѣдовательно перешелъ уже на четвертую. Правда, не совсѣмъ дурна была и та, на которой я стоялъ, однако, какъ она была не слишкомъ близко отъ замка, и ежедневная ходьба въ нее мнѣ наскучила, а особливо въ дождливое осеннее и зимнее время, сверхъ того находясь въ глухомъ переулкѣ, была она и скучновата, а мнѣ, какъ находившемуся тогда при губернаторѣ и что-нибудь уже значущему, хотѣлось имѣть квартиру сколько-нибудь уже и получше. Итакъ, я до тѣхъ поръ не давалъ покою нашему плацъ-майору, покуда онъ мнѣ не отвелъ новой и самой той, которая была у меня на прикѣтѣ. Въ ней стоялъ до того одинъ нашъ армейскій поручикъ изъ фамиліи Челіщевыхъ, а по имени Иванъ Егоровичъ, самый тотъ, который послѣ того былъ въ

Тулѣ въ уголовной палатѣ совѣтникомъ. И какъ мы съ нимъ были знакомы и пріятелями, то по самому сему случаю и узнать я сію квартиру и съ нетерпѣливостію дожидался того времени, какъ онъ отправится въ армію. Сіе воспослѣдовало въ началѣ сего лѣта и тогда не медлилъ я болѣе ни одной минуты, но тотчасъ на нее перебрался.

Съ квартирою сею сопряжены были для меня многія выгоды и ни которою изъ всѣхъ прежнихъ я такъ доволенъ не былъ, какъ сею послѣднею, ибо, во-первыхъ, была она всѣхъ прежнихъ ближе къ замку, и не далѣе сажень двухъсотъ отъ онаго; во-вторыхъ, стояла въ улицѣ хотя маленькой, но такой, по которой много было ходьбы и ѣзды, а особливо для гулянья по садамъ, слѣдовательно не скучной. Домикъ былъ хотя небольшой, но веселенькой и теплой. Весь верхній этажъ онаго асигнованъ былъ для меня и хотя и весь оный состоялъ только изъ двухъ комнатъ и небольшихъ сѣнецъ, однако для меня было сего довольно и предовольно. Въ одномъ и просторнѣйшемъ изъ помянутыхъ покойцевъ расположился я самъ и онъ составлялъ у меня и спальню и переднюю и все и все, а другой боковой и гораздо тѣснѣйшій опредѣлялъ я для своего младшаго слуги Аврама и для своего багажа: тутъ былъ мой сундукъ и вся прочая рухлядь. Обѣ сіи комнаты были чистѣхонько прибраны, были бѣленькія и снабженны довольномъ количествомъ столиковъ и стульевъ, а болѣе сего мнѣ было и не надобно. Видъ изъ дома и оконъ моихъ простирался въ одну сторону въ маленькой плодоносный садикъ, принадлежащій къ сосѣдственному дому, котораго плодovitыя деревья верхами своими простирались даже досамыхъ моихъ оконъ, и къ онымъ почти прикасались, а въ другую — на улицу и чрезъ оную въ прекрасный, регулярный и убранный бесѣдками и партерами садъ, принадлежащій къ большому каменному дому, находившемуся за улицею почти противъ моей квартиры. Сей садъ въ особенности меня увеселялъ. Онъ находился въ такой

близости и въ такомъ положеніи, что я могъ весь его обозрѣвать и видѣть всѣхъ въ немъ гуляющихъ и все въ немъ происходящее и находившееся. Самые цвѣты, которыми въ множествѣ усажены были рабатки въ партерахъ, видны мнѣ были до единого, а запахъ отъ духовитыхъ травъ и цвѣтовъ достигалъ даже до моихъ оконъ, а особливо въ вечернее время. Не одинъ разъ выдалъ я въ ономъ цѣлѣмъ компаніи провождающихъ въ прогулкахъ свое время, а иногда сидящаго въ стоячей прямо противъ окна моего полубесѣдкѣ и въ уединеніи читающаго книгу молодого человѣка. Въ иное же время прихаживало туда все семейство того дома и пило чай съ гостями своими. Въ третью сторону, хотя изъ оконъ квартиры моей и не было вида, но за то изъ сѣнецъ моихъ былъ проходъ въ нѣкоторый родъ галерейки, придѣланной съ боку къ моему этажу, и изъ которой открывалось наипрїятнѣйшее для глазъ зрѣлище. Домикъ сей стоялъ на самомъ почти берегу того большого и видъ озера имѣющаго пруда, который находится посреди сего города и о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть. Весь противоположный берегъ украшенъ былъ сплошными и одну почти связь составляющими каменными домами. Всѣ они были о нѣсколько этажей, всѣ раскрашены разными красками, всѣ стояли стѣнами своими вплоть къ водѣ, такъ что вода омывала ихъ стѣны и можно было приѣзжать на лодочкахъ и шлюпкахъ къ самымъ крыльцамъ. Словомъ, по случаю округлости сего берега, составляли они собою наивеликолѣпнѣйшій амфитеатръ, а особливо въ тихую погоду, когда въ гладкой поверхности воды всѣ они и въ ней изображались превратно власно какъ, въ зеркалѣ. Великое множество оконъ, которыми сіи зданія испещрены были, и разноцвѣтные зонтики, которые отъ многихъ изъ нихъ во время солнца откидывались, придавали картинѣ сей еще болѣе пышности и красы. Не одинъ разъ выходя сплывалъ я на сей галерейкѣ и любовался до восхищенія симъ зрѣлищемъ. Не одинъ разъ выносилъ съ собою

туда столикъ и по нѣскольکو часовъ тутъ въ тѣни, подъ простою кровелькою, сиживалъ на свѣжемъвоздухѣ и, любуясь красотою мѣста, упражнялся либо въ чтеніи какой-нибудь прїятной и полезной книжки, либо въ писаніи чего-нибудь себѣ въ науку и въ наставленіе. Охота къ писанію начинала уже тогда во мнѣ возрождаться и я производилъ первѣйшіе тому опыты. Нерѣдко извлекали меня на сію галерейку прїятные звуки гармонической музыки. Такъ случилось, что въ домахъ, обружающихъ сей прекрасный прудъ, жило много людей, имѣющихъ охоту къ музыкѣ и потому нерѣдко увеселяемъ былъ слухъ мой изъ иныхъ оконъ прїятнымъ тономъ флейт-траверсовъ, изъ иныхъ волторнъ, изъ иныхъ скрипичъ и другихъ инструментовъ, а часто разбѣзжали и по саму пруду на греблѣхъ маленькія суденушки съ цѣлыми компаніями людей обоего пола и тѣмъ увеселяли еще болѣе зрѣлище. Нерѣдко утѣшались они въ сихъ плаваніяхъ своихъ музыкою или пѣніемъ прїятныхъ пѣсней. Узенькій и предлинный мостъ, сдѣланный только для перехода пѣшихъ черезъ весь прудъ и видимый отъ меня въ лѣвой сторонѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи и за нимъ отдаленнѣйшіе берега сего пруда, украшенные множествомъ прекрасныхъ регулярныхъ садовъ и бесѣдками разныхъ фигуръ, построенныхъ на самой почти водѣ, придавали еще болѣе красоты сему мѣсту. Помынутый мостъ никогда почти не случалось мнѣ видать порожнимъ, но всегда находилось на немъ множество взадъ и впередъ идущаго народа. Иногда собирался онъ толпами и, облокотясь о перилы, смотривалъ на сіе озеро и красотою онаго, вмѣстѣ со мною, любовался, или утѣшался прїятною музыкою, слышимую изъ многихъ домовъ, по берегамъ онаго построенныхъ.

При всѣхъ сихъ наружныхъ преимуществахъ имѣла квартира моя еще одно особое, но которое для меня всего было прїятнѣе, а именно хорошаго хозяина. Онъ былъ хотя мастеровой человѣкъ, рукоесломъ лаешникъ и притомъ весьма

посредственнаго достатка, но я довольнѣе имъ былъ, нежели самымъ лучшимъ и богатѣйшимъ гражданиномъ сего города. Ни отъ кого во всемъ Кѣнигсбергѣ и во всю мою въ немъ бытность я столько добра не видалъ, какъ отъ сего добродушнаго старичка, и могу сказать, что я имъ и всѣмъ его семействомъ былъ очень доволенъ. Онъ имѣлъ у себя жену старушку такую же добренькую и тихинькую, каковъ былъ самъ. А прочее его семейство составляли два сына и двѣ дочери, всѣ они были взрослые и всѣ добрые; и первые оба помогали отцу въ работѣ, а обѣ послѣднія матери, и всѣ вообще наблюдали къ родителямъ своимъ особенное почтеніе, но сего они были и достойны. Я не могъ довольно налюбоваться кроткимъ, добродушнымъ и благоправнымъ характеромъ обонхъ стариковъ, и дивился, что нашелъ посреди Кѣнигсберга такихъ добрыхъ людей. Но удивленіе мое скоро исчезло, когда я узналъ, что старики мои были не природные прусскіе жители, а уроженцы такой страны, которая наполнена людьми добрыми и честными и которая славится добротою характеровъ своихъ жителей, а именно изъ Швейцаріи.

И подлинно, старики сіи меня удивили отиѣнною своею ко мнѣ благосклонностью. Не успѣлъ я съ ними ознакомиться и раза два у нихъ внизу побывать, и съ ними кое-что, а особливо о Швейцаріи, по-нѣмецки поговорить и przeprowadить въ разговорахъ съ ними часа по два времени, какъ они меня отиѣнно и такъ полюбили, какъ бы я ихъ какой родной былъ. Они тотчасъ начали мнѣ дѣлать предложенія за предложеніями, и предложенія такіа, которыя только же были для меня пріятны, колико неожиданы и удивительны. Наипервѣйшее состояло въ просьбѣ, чтобъ я велѣлъ прибрать къ сторонѣ и спрятать всю мою походную постелью съ наволоками, подушками и одѣялами и предоставилъ бы имъ имѣть о семъ попеченіе, говоря, что я можетъ быть ихъ постелью буду доволенъ. Я удивился такому несвойствен-

ному пруссакамъ благопріятству и, отговариваясь отъ того изъ учтивости, говорилъ, что я имъ тѣмъ навлеку безпокойство и убытокъ. Однако они сего и слышать не хотѣли, а требовали неотиѣнно, чтобъ я на желаніе ихъ согласился, увѣрилъ, что они тѣмъ не приведутъ и себя и меня ни въ малѣйшій убытокъ. Словомъ, какъ я ни отговаривался, но принужденъ былъ на желаніе ихъ согласиться. И какъ же много удивился я нашедъ на другой же день у себя прекрасную пуховую постелью, съ чистыми бѣлыми и мягкими подушками и съ прекраснымъ бѣлымъ занавѣсомъ, размытымъ и раскрумаленнымъ въ прахъ. Не смѣявъ очень давно или, паче, еще никогда на такихъ мягкихъ постеляхъ, спать я сію ночь, какъ въ раю, и хотя притомъ и была та неудобность, что я вмѣсто прежняго одѣяла принужденъ былъ одѣваться и спать подъ другимъ, тонкимъ и мягкимъ пуховикомъ, по ихъ обыкновенію, однако, къ удивленію моему, увидѣлъ, что обыкновеніе сіе не такъ дурно, какъ я себѣ сначала воображалъ, но я привыкъ къ тому не только скоро, но такъ полюбилъ, что предпочитаю уже наилучшимъ одѣяламъ. Многимъ, неснывающимъ подъ таковыми пуховиками покажется сіе странно и невѣроятно, но такъ точно и я сначала думалъ, но опытность мнѣ доказала совсѣмъ тому противное. Мягкость нижняго пуховика и отиѣнная рыхлость верхняго производятъ то, что спать въ постели сей очень спокойно можно и что пуховикъ верхній грѣетъ лучше всѣхъ одѣялъ, а тягости не производитъ ни малѣйшей.

Правда, сначала я уперся-было и не хотѣлъ никакъ ложиться подъ пуховикъ, но хотѣніе угодить желанію моихъ хозяевъ, превозмогло мое отвращеніе, а тѣмъ и угодилъ я такъ много моимъ хозяевамъ, что они отиѣнное стараніе прилагали о томъ, чтобъ постель моя всегда была чиста, бѣла и опрятна. Каждое воскресенье пережѣвали они всѣ наволоки и простыни, а въ каждый мѣсяцъ

и самый занавѣсъ моей постели. Я удивился сему ихъ прплежанію, но удивился еще болѣе, когда узналъ, что они все бѣлье свое только два раза въ году мывали. Сіе было для меня сначала непонятно, но послѣ узналъ, что у нихъ запасено такое множество бѣлья всякаго рода, что имъ нѣтъ нужды болѣе двухъ разъ мыть оное въ году. Но за то и не допускаютъ они никогда, чтобъ какое-нибудь бѣлье у нихъ слишкомъ замаралось. Когда же придетъ время оное мыть, тогда производятъ они сіе сіе наймомъ, дружно и упражняются въ томъ же болѣе двухъ недѣль сряду. Сіе бываетъ обыкновенно въ началѣ весны и при концѣ лѣта. И тогда цѣлый почти лугъ устилаютъ они вымытымъ и бѣлящимся на солнцѣ своимъ бѣльежъ, ибо они не только его моютъ, но и бѣлятъ цѣлый день на солнцѣ прсыкая непрерывно водою. Я удивился, увидѣвъ однажды все семейство моего хозяина въ томъ упражняющееся и ужаснулся великому множеству бѣлья, одному ихъ дому принадлежавшему.

Сколь много я симъ благопріятствомъ хозяевъ моихъ ни былъ доволенъ, но послѣдующее вскорѣ послѣ того другое и новое предложеніе удивило меня еще болѣе. Дობродушные старики мои, увидѣвъ, что я никогда дома не обѣдывалъ, а ввечеру, приходя ночевать домой, довольствовался только самымъ легкимъ и малымъ ужиномъ, за которымъ посылалъ обыкновенно въ ближній трактиръ, восхотѣли и отъ сего труда меня избавить и сказали мнѣ однажды, что они совѣстятся предложить мнѣ, не могу ли я доволенъ быть по вечерамъ ихъ мизерною хлѣбомъ-солью, и что они постараются уже о томъ, чтобы я не былъ никогда голоденъ. Меня поразило сіе предложеніе и какъ мнѣ извѣстно было, что хлѣбъ и соль ихъ не такъ была мизерна, какъ они говорили, но они ѣли хорошо и сытно, то совѣстился я принять сіе предложеніе, хотя мнѣ оно было и не противно, и не прежде на то согласился, какъ обѣщавъ имъ за все то заплатить, сколько

имъ угодно будетъ. «Хорошо, хорошо, господинъ подпоручикъ! сказали они мнѣ на сіе, усмѣхнувшись. Это мы увидимъ, а будьте только нашею хлѣбомъ-солью довольны».

Привыкнувъ издавна уже къ легкимъ и малымъ ужинамъ, имѣлъ я тѣмъ болѣе причины быть ихъ попеченіемъ о себѣ довольнымъ, что съ сего времени пользовался я всякій вечеръ несравненно лучшими ужинами, нежели прежде. Они такъ меня полюбили, что оставляли для меня наилучшіе куски и части своей пищи, и не было вечера, въ который бы не было блюдоцъ двухъ или трехъ съ прекраснымъ пеклеваннымъ хлѣбомъ и приятными кусками ко мнѣ на верхъ приносимо. Словомъ, нерѣдко казалось, что они нарочно для меня готовили кушанье и столь хорошее, что я крайне былъ доволенъ. Сія благосклонность ихъ простиралась впоследствии даже до того, что какъ не имѣли мы болѣе стола у губернаторовъ, то таковымъ же образомъ дополствовали они меня не только ужинами, но и самыми обѣдами, и какъ не было дня, въ который бы я не получалъ отъ нихъ блюда по три и по четыре прекрасно изготовленнаго и вкуснаго кушанья, то я не могу довольно изобразить, сколь я много доволенъ былъ съ сей стороны моими хозяевами, которые симъ образомъ кормили не только меня, но и самого слугу моего.

Наконецъ дошло до того, что не восхотѣли они, чтобъ я пилъ и собственный чай свой, но просили меня дозволить и оный присылать ко мнѣ всякое утро. На сіе хотя мнѣ я всего совѣстнѣе было согласиться, но я принужденъ былъ и въ томъ уступить ихъ просьбамъ и желаніямъ, и съ того времени пивалъ я по утрамъ всегда прекрасный чай со сливками, а по воскресеніямъ и самый кофеи.

Вотъ какіе добрые люди случились у меня хозяева; я дивился и не понималъ, за что они меня такъ любили и одожили, и не оставялъ спрашивать ихъ о томъ нѣсколько разъ; но они замѣчавъ мнѣ всегда ротъ и говорили только, что

мною болѣе довольны, нежели я ими, и за счастье себя почитаютъ, что имѣютъ у себя такого кроткаго, смирнаго и постоянного постояльца.

Единый недостатокъ, сопряженный съ сею квартирою, состоялъ въ томъ, что у нихъ не было столь просторнаго двора, чтобъ могъ я помѣстить на немъ свою повозку и лошадей, но и сему недостатку пособилъ я тѣмъ, что выпросилъ для лошадей и другого человѣка моего другую квартиру, гдѣ онъ у меня жилъ и питался самъ собою, такъ какъ я упоминалъ о томъ уже въ прежнихъ моихъ письмахъ.

Словомъ, съ переменною моею квартирою, переменились во многомъ и мои обстоятельства. Я жилъ тутъ весело, спокойно и во всякомъ довольствіи и не было мнѣ нужды заботиться ни о пищѣ, ни о содержаніи своемъ; но признаться надобно, что чѣмъ ласковѣе и услужливѣе были ко мнѣ хозяева, тѣмъ болѣе старался и я вести себя степеннѣе, постояннѣе и чрезъ то поддерживать ихъ о себѣ хорошее мнѣніе.

Однако, надобно сказать и то, что я около самаго сего времени сталъ болѣе прилежать къ чтенію правоучительныхъ, а отчасти и самыхъ философическихъ книгъ и получилъ къ нимъ часъ отчасу болѣе охоты. Случай и поводъ къ тому въ особенности подала мнѣ сама сія квартира, слѣдовательно я ей и съ сей стороны много обязанъ. Помянутый случай былъ слѣдующій:

Въ самомъ близкомъ соседствѣ подлѣ оной была наша походная запасная аптека и при оной одинъ аптекарь, человѣкъ отменно хорошаго характера и свойства, по имени Германъ. Онъ былъ уроженецъ ревельскій и малый умный, постоянный, любившій читать книги и упражняться въ наукахъ. Благодарственная и пекущаяся обо мнѣ судьба снискала мнѣ случай съ нимъ познакомиться и какъ жилъ онъ отъ меня шаговъ только со сто, то хаживалъ я къ нему нерѣдко и въ короткое время сдѣлались мы съ нимъ друзьями, сжиивали, разговаривали и гуливали

вмѣстѣ въ одномъ публичномъ, подлѣ его находящемся, садѣ. При сихъ-то свиданіяхъ съ нимъ разговорились мы однажды о книгахъ. Онъ, узнавъ, что я до нихъ охотникъ, рекомендовалъ мнѣ одну въ особенности и расхвалилъ мнѣ ее столько, что я въ тотъ же еще день купилъ ее себѣ въ книжной лавкѣ. День сей и понынѣ я еще благословляю и благодарю судьбу за случившееся въ оный со мною, ибо книга сія послужила потомъ основаніемъ всей послѣдующей за симъ моею хорошею философическою жизни и была власно какъ фундаментомъ, на которомъ начало основываться все зданіе моего спокойствія и благополучія сей жизни. Достопамятная сія книга была извѣстное въ свѣтѣ и столь славное сочиненіе господина Гофмана о Спокойствіи душевномъ, и мнѣ такъ полюбилась, что я нѣсколько разъ ее прочиталъ сначала и до конца и чрезъ то набрался много истинно-философическаго духа, что и причиною было, что я съ сего времени сталъ отчасу болѣе прилежать къ чтенію и доставанію себѣ хорошихъ правоучительныхъ, толико поспѣшествовавшихъ потомъ всѣмъ моимъ знаніямъ и наукамъ.

Къ дальнѣйшимъ достопамятностямъ сего времени относительно до меня принадлежало и то, что я вскорѣ по переездѣ моемъ на сію квартиру, впервые научился и сталъ табакъ курить. Случай къ тому былъ въ особенности достопамятный. Уже за нѣсколько времени до того мучился я частыми запорами. Сперва я не уважалъ сіе, но въ послѣдствіи времени становились они мнѣ отчасу отяготительнѣе. Сіе побудило меня поговорить объ нихъ съ однимъ изъ нашихъ докторовъ, человѣкомъ мнѣ знакомымъ и науку врачебную довольно разумѣющимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что происходило сіе отъ многаго сидѣнья и, вмѣсто предписанія мнѣ, по требованію моему, лекарства, спросилъ меня, курю ли я табакъ? Какъ услышалъ, что я никогда еще не куривалъ, то совѣтовалъ мнѣ, вмѣсто всѣхъ лекарствъ, курить по утрамъ съ чаемъ табакъ и послѣ сѣдять либо лом-

тикъ хлѣба, намазанный чухонскимъ масломъ, либо по нѣскольку ягодъ французскаго чернослива, увѣряя, что сіе не только уничтожитъ мои запоры, но и впредь предохранитъ меня отъ нихъ. Совѣтъ сей былъ благоразумнѣйшій и для меня весьма полезный, и я и понинѣ благодарю еще господина Нилуса за оный, ибо какъ я исполнялъ совѣтъ сей въ самой точности, то не только тогда отъ запоровъ своихъ освободился, но привыкнувъ съ того времени уже всегда курить съ чаемъ табакъ, не мучивался опыми уже никогда болѣе, а что всего лучше, то во все послѣдующее потомъ продолженіе моей жизни, не бывалъ почти никогда больнымъ. Отъ того ли сіе сдѣлалось, или не отъ того, уже не знаю, только то мнѣ известно, что всѣ наилучшіе въ свѣтѣ медики помянутое куреніе съ чаемъ табака почитаютъ наилучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ многихъ болѣзней и заключаютъ сіе потому, что такое куреніе содержитъ всегда натуро отверстую; а сіе весьма и справедливо, какъ то доказалъ мнѣ собственный мой примѣръ, а нужно только наблюдать то правило за свято, чтобъ въ другое время уже никакъ табаку не курить, да и во время питья чая, не долѣе какъ пьешь оный. Снимъ точно образомъ курить я во всю мою жизнь табакъ и отъ того можетъ быть и былъ онъ мнѣ такъ полезенъ.

Другая достопамятность состояла въ томъ, что я около сего времени началъ уже гораздо умножать свою бібліотеку. Къ сему подало мнѣ наиболѣе поводъ то обстоятельство, что я узналъ, что въ Кёнигсбергѣ можно доставать ихъ покупкою не только въ лавкахъ, но и на быаемыхъ очень часто книжныхъ аукціонахъ, и на сихъ съ тою еще выгодною, что гораздо дешевѣйшею цѣною и нерѣдко за сущую бездѣлицу. О семъ узналъ я отъ тѣхъ же товарищей моихъ, нѣмецкихъ канцеляристовъ. Они не успѣли меня сводить однажды на одинъ изъ такихъ аукціоновъ, какъ мнѣ сіе такъ полюбилось, что я съ того времени не пропускалъ ни одного, изъ всѣхъ бывшихъ въ мое время, чтобъ не побы-

вать на ономъ, и къ неопisanному удовольствію моему, бывали они нарочито часто. Городъ сей наполненъ былъ учеными людьми и охотниками до книгъ, и какъ нерѣдко случалось таковымъ умирать, а не у всякаго наследники бывали до книгъ охотники, то сіе и подавало случай къ продажѣ оставшихъ послѣ ихъ книгъ съ аукціоннаго торга. Всякій разъ, когда подобное сему случалось, обнародывано было о томъ въ прибавленіяхъ къ газетамъ и всѣмъ желающимъ раздавались печатныя всѣмъ продаваемымъ книгамъ каталоги. И тогда, въ назначенный день, собирались въ тотъ домъ всѣ охотники покупать, усаживались за длинный столъ, а аукціонистъ садился на концѣ онаго и проглашая книги по нумерамъ, давалъ каждую напередъ всѣмъ сидящимъ за столомъ пересматривать, а потомъ спрашивалъ, кто что за нее дастъ и начинался обыкновенный аукціонный торгъ; всякій прибавлялъ сколько-нибудь цѣны и какъ скоро переставали надбавлять цѣну, то какая бы ни была послѣдняя, но за оную, по удареніи въ третій разъ молоткомъ, уже книга за тѣмъ и оставалась.

Нельзя изобразить, съ какимъ удовольствіемъ хаживалъ я на сіи аукціоны, и сколь за малую и ничего не стоящую цѣну доставалъ я иногда на нихъ непрекраснѣйшія книги. Нерѣдко случалось, что охотниковъ покупать и всѣхъ набиралось очень мало и не болѣе чело-вѣкъ десяти или пятнадцати, а какъ сіи всѣ были разныхъ вкусовъ и не всякому каждая книга была угодна, то случалось, что за инныя не давалъ никто ни копейки и принуждено было отдавать ее тому, кто шутя дастъ конейку или двѣ, а снимъ точно образомъ и доставалъ я множество книгъ за самую бездѣлку и досадовалъ нерѣдко, что мнѣ, какъ служивому чело-вѣку, не можно было себя обременять множествомъ оныхъ; ибо я не зналъ, куда мнѣ было дѣваться и съ тѣми, которыя у меня уже были, въ случаѣ если вышлютъ меня къ арміи въ походъ. Сіе удерживало меня еще много, а то бы я

могъ обогатить библіотеку свою многими рѣдкими и дорогими книгами. Не одинъ разъ случалось, что я, сжавъ сердце, принужденъ былъ разставаться весьма съ прекрасными и дорогими книгами. Совсѣмъ тѣмъ рѣдко случалось, чтобъ съ такового аукціона возвращался я съ пустыми руками, но обыкновенно привашивалъ съ собою цѣлыя связки оныхъ, и тогда какое начиналось у меня разсматриваніе, какое перебиранье купленныхъ книгъ и какое любованье оными. Словомъ, аукціоны сіи доставляли мнѣ многія пріятныя минуты и квартира моя урасилась скоро цѣлымъ шкапомъ разныхъ книгъ.

Что касается до прочихъ произшествій, бывшихъ около сего времени у насъ въ Кѣнигсбергѣ, то памяты мнѣ только два достойныхъ нѣсколько замѣчанія. Первое состояло въ томъ, что присланъ былъ къ намъ архимандритъ, по имени Ефремъ, для начальствованія надъ всѣмъ армейскимъ духовенствомъ и долженствующимъ имѣть пребываніе свое у насъ въ городѣ. Но сія духовная особа далеко несоотвѣтствовала общему нашему желанію; но сколько хорошую фигуру ни представляла сначала своего приѣзда, столько стала обращаться потомъ въ безславіе наше и въ позоръ духовенству, ибо не успѣлъ онъ нѣсколько недѣль у насъ пообжиться, какъ стали видать его ѣздящаго въ каретѣ съ непотребными женщинами и нерѣдко упивающагося уже слишкомъ крѣпкими напитками. Черезъ сіе потерялъ онъ скоро все уваженіе и побудилъ губернатора нашего, донося о томъ, испросить на его мѣсто другого и благоразумнѣйшаго.

Другое произшествіе состояло въ томъ, что мы, узнавъ, что находился въ Кѣнигсбергѣ прежній монетный дворъ, со всѣми его орудіями и мастерами, вздумали и сами дѣлать особливый прусскія деньги на подобіе тѣхъ, какія дѣлывались тутъ прежде, то-есть полусеребряныя. Не успѣло воспослѣдовать о томъ повелѣніе отъ двора, какъ собрали мы всѣхъ нужныхъ къ тому мастеровъ, оты-

скали монетнаго мастера и мнѣ поручено было отъ губернатора сдѣлать для стемпела рисунки, которые я и смастерилъ какъ умѣлъ. На всѣхъ сихъ деньгахъ изображаемъ былъ съ одной стороны грудной портретъ императрицы, а съ другой прусскій гербъ, одноглавый орелъ съ надписью. Губернаторъ рисунками моими былъ доволенъ и по оному вырѣзаны были штемпели и мы стали дѣлать деньги. При семъ-то случаѣ удалось мнѣ впервые видѣть какъ дѣлаются на монетныхъ дворахъ и тиснятся деньги. Я смотрѣлъ на все производство сей работы съ отиѣннымъ любопытствомъ и не могъ всѣми выдуманнми къ тому орудіями и пособіями довольно налюбоваться. Казна имѣла отъ сего великую прибыль, и деньги наши стали несравненно лучше ходить, нежели тѣ обманныя и дурныя, какими прусскій король отягощалъ всѣ свои земли.

Богъе сего не помню я ничего замѣчанія достойнаго, до самыхъ тѣхъ поръ, покуда стали мы получать отъ арміи нашей извѣстія; но какъ о военныхъ нашихъ произшествіяхъ предоставляю я говорить въ будущемъ письмѣ, то теперешнее симъ кончу, сказавъ, что я навсегда есмь вашъ и прочее.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ.

Письмо 75-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ какъ мы помянутымъ образомъ въ Кѣнигсбергѣ въ мирѣ и тишинѣ жили и время свое препровождали въ разныхъ увеселеніяхъ, война продолжала горѣть въ Европѣ и пылала полнымъ своимъ пламенемъ. Въ предсѣдующихъ моихъ письмахъ упоминалъ я уже, какія дѣланы были со всѣхъ сторонъ съ самой весны приуготовленія; а теперь, продолжая тогдашнее повѣствованіе далѣе, скажу, что хѣто сіе было наидостопамятнѣйшее изъ всѣхъ бывшихъ въ продолженіе войны сей, а особливо для насъ. Оно прославило войска наши знаменитыми побѣдами, а королю прусскому было въ особливости не-

счастью; но чтобъ подать вамъ о всѣхъ военныхъ произшествіяхъ сего лѣта яснѣйшее понятіе, то разскажу все по порядку и начну съ весны самой.

Начало кровопролитію учинено было въ сей годъ еще очень рано и даже въ самомъ еще апрѣлѣ мѣсяцѣ. Ибо какъ королю прусскому никакъ не хотѣлось, чтобъ земли его и впредь были театромъ войны и терпѣли отъ того неизбѣжное разореніе, то и употреблялъ онъ всѣ силы и возможности къ отвлеченію войны въ самую внутренность Германіи и къ удаленію оной отъ своихъ областей. Для сего и приказалъ принцу Фердинанду, соединясь съ принцемъ Изенбургскимъ, атаковать французовъ, стоявшихъ еще на зимнихъ своихъ квартирахъ, въ окрестностяхъ города Франкфурта, что на Майнѣ. Итакъ, въ половинѣ еще апрѣля, является тамъ вдругъ принцъ Фердинандъ съ сорокою шестью тысячами человекъ войска и удивляетъ французовъ. Сими командовалъ тогда джюкъ де-Броглю. Сему генералу другого не оставалось тогда, какъ собирать скорѣе свои по зимнимъ квартирамъ расположенныя войски и итти на встрѣчу неприятелю. Онъ и успѣлъ произвестъ сіе съ толикою расторопностію, что заслужилъ похвалу отъ всѣхъ знатоковъ военнаго искусства. Не болѣе, какъ въ 36 часовъ собралъ онъ весь свой корпусъ, и хотя оный не простирался свыше двадцати пяти тысячъ человекъ, однако онъ не сталъ дожидаться графа Сенжермена, долженствовавшаго привезти къ нему помощь, но пошелъ съ ними на встрѣчу прусской и въ 46-ти тысячахъ воиновъ состоящей арміи и, сошедшись съ нею при Бергенѣ, имѣлъ столь счастливую схватку, что побѣдилъ принца Фердинанда совершенно и принудилъ его, по потеряннн шести тысячъ человекъ съ нѣсколькими пушками, отступить назадъ. Сими приобрѣлъ сей генералъ себѣ великую славу и пожалованъ былъ за то отъ цесаря княземъ Римской Имперіи и отъ короля своего — маршаломъ Франціи.

Таковымъ-то несчастнымъ произшествіемъ для прусскаго короля началась сія

кампанія и несчастіе сіе было равно какъ нѣкакимъ предвѣстіемъ, что и все дѣло сіе будетъ для него въ особенности несчастно.

Вскорѣ за симъ, а именно въ теченіе марта мѣсяца, овладѣли цесарцы городомъ Грейфенбергомъ въ Силезіи и умножили тѣмъ еще болѣе досаду короля прусскаго, который между тѣмъ, какъ помянутымъ образомъ французы дрались съ ганноверанцами въ окрестностяхъ тамошнихъ, расположился стоять самаъ противъ цесарскаго фельдмаршала Дауна, какъ предводителя главной цесарской арміи и наблюдая всѣ его движенія, помышлялъ онъ только о томъ, какъ бы разрушить всѣ планы и намѣренія своихъ неприятелей и воспрепятствовать ихъ исполненію.

Всѣ они были ему довольно извѣстны. Онъ имѣлъ каналы, чрезъ которые могъ узнавать все, что ни было на умѣ у всѣхъ соединившихся противъ него державъ, и потому заблаговременно принималъ всѣ нужныя къ разрушенію замысловъ ихъ мѣры. Въ сей годъ наглавнѣйшій планъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобъ наиболѣе дѣйствовать противъ него намъ, россиянамъ, со стороны Шлезіи, и стараться, войдя въ оную, обратитъ всю силу короля прусскаго противъ себя; а дабы тѣмъ удобнѣе можно было его разбить, то положено было, чтобы цесарцамъ подкрѣпить насъ знаменитымъ корпусомъ и между тѣмъ, когда король займется нами, самими имъ съ главною арміею итти прямо внутрь его владѣній, и стараться проникнуть хотя бы до самой его резиденціи, города Берлина; а между всѣмъ тѣмъ имперской арміи стараться выгнать пруссаковъ изъ Саксоніи и овладѣть тамошними крѣпостями и городами.

Всходствіе сего плана и назначено было нашей арміи итти прямо въ Шлезію, дабы тѣмъ удобнѣе и скорѣе можно было соединиться ей съ цесарскимъ вспомогательнымъ корпусомъ, и какъ нѣмѣйшій туда путь былъ черезъ По то положено было итти чрезъ дабы полякамъ сіе вступленіе и

шу не такъ было прикро (?), то обнаружено было о семь походъ нашего въ сорока тысячахъ состоявшаго войска, особливою публикаціею еще въ половинѣ мая мѣсяца; подобное же тому учинили и пруссаки, ибо обѣимъ сторонамъ нужно было запасеніе себя провіантомъ и фуражемъ изъ польскихъ предѣловъ и обѣ стороны старались преклонить поляковъ въ свою пользу. Публикація сія, съ прусской стороны, учинена была генераломъ графомъ Дона, самымъ тѣмъ, который управлялъ арміею его при случаѣ перваго еще дѣла съ нами въ Пруссіи, ибо къ воспрепятствованію нашего шествія сего отправилъ король прусскій сего генерала, давъ ему довольно знаменитой корпусъ. Сей генералъ находился до сего въ Помераніи, но какъ тамъ дѣлать ему было уже нечего, то и поручилъ король ему буде не воспрепятствовать походу нашей арміи, такъ по крайней мѣрѣ затруднить оный.

Всходствіе сего, генералъ сей, собравъ войско свое около Ландберга и вступивъ въ Польшу уже 23-го іюня, началъ разсылаемыми партіями всячески стараться разорить повсюду заготовленные отъ насъ въ Польшѣ магазины, и ему удалось отнять и разорить оные въ Бромбергѣ, Рогожнѣ, Циннѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ и лишитъ насъ болѣе шестидесяти тысячъ шфелей крупъ и муки. Такимъ же образомъ, и болѣе всего, хотѣлось ему добраться и до нашего главнаго магазина въ Познанѣ. Но какъ мѣсто сіе было нарочито укрѣплено, а притомъ приближались туда и всѣ наши войска, какъ къ генеральному рандеву или сборному мѣсту, то принужденъ онъ былъ сіе намѣреніе оставить, а занялся отниманіемъ у поляковъ силою и безъ заплатъ хлѣба и фуража, и приневоливаніемъ самыхъ жителей къ принятію въ войска своею службы, какъ и набралъ оныхъ силою превеликое множество.

Между тѣмъ, какъ симъ образомъ пруссаки хозяйствовали въ Польшѣ, собрали наши войска всѣ въ Познань, куда 29 іюня прибылъ и назначенный имъ глав-

нымъ командиромъ помянутый генералъ-аншефъ графъ Салтыковъ. Генералъ Ферморъ, командовавшій до того войсками, тотчасъ сдалъ ему начальство надъ оными и самъ остался тутъ же безъ малѣйшаго огорченія служить подъ командою онаго. Черезъ сіе приобрѣлъ онъ при дворѣ имя великаго патриота, да и при арміи удержалъ всю свою знаменитость и, сдѣлавшись первымъ совѣтникомъ графа Салтыкова, и первѣйшею пружиною всѣмъ предначинаніямъ, могъ тѣмъ способіею отомщать обидѣвшимъ его цесарцамъ, что не подвергалъ себя за то отвѣту.

Первѣйшимъ дѣломъ графа Салтыкова было то, что онъ, учинивъ всей арміи смотръ, не сталъ долѣе ни одного дня въ Познанѣ медлить, но выступилъ въ походъ и пошелъ прямымъ путемъ къ городу Кросену, на границахъ Шлезіи находящемуся, при брегахъ рѣки Одера построенному. Графъ Дона не преминулъ тотчасъ подвинуться туда же съ своимъ корпусомъ, и сблизившись съ нашею арміею, старался всячески взять у ней передъ и захватить большую дорогу, ведущую къ рѣкѣ Одери. А самое сіе и подало поводъ къ первому въ сіе дѣло сраженію у насъ съ пруссаками. Однако помянутому графу Дона, хотя былъ онъ и искусный генералъ, не удалось при семъ случаѣ предводительствовать самому прусскими войсками, но онъ принужденъ былъ наканунѣ сего дня сдать все начальство надъ симъ корпусомъ другому присланному отъ короля генералу Веделю.

Сія перемена командира въ прусской арміи была никѣмъ не ожидаема, и тѣмъ болѣе для самихъ пруссаковъ непостижима и удивительна, что генералъ сей былъ изъ младшихъ генералъ-поручиковъ и присланъ отъ короля съ такимъ полномочіемъ, каковое въ прусскихъ войскахъ было не въ обыкновеніи и потому для всѣхъ поразительно. Причиной присылки его было то, что король прусскій недоволенъ былъ медленностію и нерѣшительностію графа Дона, а особливо упущеніемъ одного выгоднаго случая къ атакованію

насть при мѣстечкѣ Мезерницѣ въ Польшѣ, а избраніе къ тому сего генерала была особливая надѣятельность королевская на сего любимого имъ генерала. Онъ прислалъ съ нимъ къ графу Дона и ко всей арміи такое письмо, которое достойно особливаго вниманія и было слѣдующаго содержанія:

«Любезный мой генераль-поручикъ графъ Дона!

«Обстоятельства, въ которыхъ находится состоящая подъ командою вашею армія, благо и выгоды моего государства и необходимая нужда, принудили меня послать слѣдующее повелѣніе мое къ вамъ и ко всей вашей арміи; и моя воля есть, чтобъ выполнено было оно въ самой точности.

«Какъ обстоятельства не допускаютъ меня самому отправиться къ арміи Доновой для командованія оною, то посылаю я генерала-поручика Ведела, снабдивъ его моими повелѣніями по сему случаю; до тѣхъ поръ покуда станетъ онъ отправлять сію комиссію, представляетъ онъ точно мою особу и всѣ генералы, генераль-поручики, генераль-майоры и другіе офицеры, до послѣдняго рядового, должны ему повиноваться точно такъ, какъ бы я самъ присутствовалъ и повелѣвалъ. Я ему накрѣпко подтвердилъ сажать всякаго тотчасъ подъ арестъ, кто не послушаетъ и не исполнитъ того, что прикажетъ онъ своимъ словомъ, а я, всѣхъ таковыхъ слушниковъ, велю судить судомъ военнымъ, какъ преступниковъ присяги. А дабы вся армія была извѣстна о точной моей на сіе волѣ, то все говоренное здѣсь должно обнародовано быть всему войску. Генераль Веделъ представлять станетъ при арміи то, что представляли нѣкогда диктаторы при арміяхъ римскихъ. Итакъ, всѣмъ офицерамъ кто бы таковы и какихъ степеней они ни были, должны оказывать ему повиновеніе такое, какое слѣдуетъ мнѣ, и выполнять распоряженія его съ вѣрностію, точностію и мужествомъ. Я есмь—

«Въ лагерѣ при Шмотганіенѣ, 20 іюня 1759 года. Фридрихъ».

Ниже сего приписано было по-французски собственной королевскою рукою:

«Вы не такъ здоровы, чтобъ могли обременять себя командою, и хорошо слѣдуетъ, когда велите себя отвезти въ Берлинъ или въ иное мѣсто, гдѣ могли бы вы опять возвратить свое здоровье. Прощайте. Фредерикъ».

По полученіи такого повелѣнія, что оставалось господину Донѣ дѣлать, какъ не отправиться тотчасъ же въ Берлинъ, оставивъ армію и все на попеченіе господина Ведела, а сему, въ силу именнаго повелѣнія королевскаго, тотчасъ дать баталію съ вами.

Оная и воспослѣдовала на другой день приѣзда господина Ведела, и онъ атаковалъ армію нашу на походѣ, когда она, продолжая шествіе свое, выступила по утру въ походъ, по большой дорогѣ, ведущей къ Кросену, при которомъ назначено было соединиться ей съ цесарскимъ корпусомъ, шедшимъ къ ней подъ командою генерала Лаудона. И такъ какъ король прусскій именно господину Веделю приказалъ воспрепятствовать сему соединенію, то и не сталъ онъ ни единого дня медлить, но не взирая, что ему ни мѣстоположеніе, ни силы непріятеля, ни состояніе собственной своей арміи было неизвѣстно, атаковалъ ее при деревняхъ Палцигъ и Каіе, не подалеку отъ Циллихъ и ирѣки Одера на Бранденбургскихъ границахъ—12 іюля. Сраженіе началось въ четвертомъ часу по полудни, и продолжалось съ жестокостію до 7-ми часовъ вечера; господинъ Веделъ какъ ни искусенъ былъ, и сколь много король на него ни надѣялся, однако баталію сію совершенно проигралъ, и потерявъ до шести тысячъ человекъ убитыми, ранеными и въ полонъ взятыми, принужденъ былъ бѣжать и за счастье себя еще почиталъ, что ему не отрѣзали и не перехватили дороги къ Одери, и допустили спокойно перебраться за оную.

Такимъ образомъ получили наши войски надъ пруссаками неоспоримую побѣду, и всѣ бывшіе въ семъ сраженіи единогласно свидѣтельствовали, что никогда

еще не происходило баталіи столь порядочной, какова была сія. Нигдѣ и ни малѣйшаго безпорядка, во все продолженіе оной, не происходило, какъ у насъ, такъ и пруссаковъ, и побѣду приписываютъ болѣе превосходству нашей силы, преимуществу въ выгодахъ мѣстоположенія и хорошему дѣйствию нашихъ единороговъ и шуваловскихъ гаубиць. Прусскія войски цѣлыхъ три раза начинали нашихъ атаковать, и всякій разъ съ отчаяннымъ почти свирѣпствомъ нападали, но не могли никакъ одолѣть оныхъ и принуждены были наконецъ ретироваться. Мы потеряли въ семъ сраженіи генераль-поручика Демингу, 2 штабъ-офицеровъ, 2 капитановъ, 11 оберъ-офицеровъ, а нижнихъ чиновъ и рядовыхъ 578 человекъ, съ ранеными же всего урона считалось до 3,744 человекъ; а у пруссаковъ убитъ также былъ славный ихъ генералъ Воберзновъ съ 4,220 рядовыми и болѣе нежели 1,200 человекъ взято было въ полонъ; сверхъ того получено было въ добычу 14 пушекъ, 4 знамя, 3 штандарта и 45 барабановъ.

Побѣда сія была хотя не изъ знаменитѣйшихъ, но произвела многія и разныя по себѣ послѣдствія, изъ которыхъ нѣкоторыя были для насъ въ особенности выгодны. Изъ сихъ наглавнѣйшимъ было то, что всѣ войски наши симъ одолѣніемъ непріятеля ободрились, и стали получать болѣе на старичка своего предводителя надежды, который имѣлъ счастье съ самаго уже начала приѣзда своего солдатамъ полюбовиться; а теперь любили они его еще болѣе, да и у всѣхъ насъ сдѣлался онъ уже въ лучшемъ уваженіи. Мы, живучи въ Кѣнигсбергѣ, и услышавъ о сей баталіи и о томъ, какъ она порядочно происходила, почти вѣрить не хотѣли, чтобъ могъ сіе произвести старичекъ сей, и удовольствіе наше было неописанное. Вторая выгода произошла намъ отъ баталіи сей та, что арміи вашей ничто уже не мѣшало идти далѣе впередъ и соединиться потомъ съ послѣдовавшимъ на помощь къ намъ цесарскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ

славнаго ихъ генерала Лаудона, состоявшимъ отъ 18 до 19 тысячъ человекъ войска и наибольшую часть конницы.

Сей генералъ, будучи отправленъ отъ генерала Дауна къ намъ съ тридцатью тысячами войска, имѣлъ не малой трудъ пройтись изъ своихъ земель чрезъ непріятельскую землю, и несмотря на всю бдительность короля прусскаго и брата его принца Гейнриха, старавшихся его не пропустить, пробрался мастерскимъ образомъ благополучно и, преодолевъ всѣ препятствія чрезъ всю Лузацию и оставивъ на дорогѣ генерала Гаддика, съ двѣнадцатою тысячами войска, прибылъ наконецъ къ рѣкѣ Одеру въ началѣ августа и соединился съ нашею арміею, въ самое то время, когда она, идучи внизъ по рѣкѣ Одеру, дошла уже до города Франкфурта и расположилась лагеремъ насупротивъ онаго за рѣкою, приведя симъ приближеніемъ своимъ самый Берлинъ въ превеликую опасность.

Сему удачному прохожденію сквозь всю непріятельскую землю генерала Лаудона поспѣшествовала много дѣйствіями своими и имперская армія, производившая до сего такъ мало дѣла, но въ сей разъ оказавшая свою услугу, впадениемъ съ своей стороны въ Саксонію и принудившая тѣмъ прусскаго генерала Финка, который стерегъ цесарскаго генерала Гаддика, упустить изъ вида и поспѣшать для прикрытія Лейпцига и Торгау.

Самъ король прусскій находился между тѣмъ въ Шлезіи, и довольствовался защищеніемъ оной. Онъ стоялъ долгое время при Ландсгутѣ въ ожиданіи выгодной минуты для себя, а Даунъ, съ главною цесарскою арміею, стоялъ противъ его и ожидалъ также выгоднаго времени къ шествію впередъ или къ сраженію съ пруссаками. Чтобъ разрушить сію надежду и австрійцевъ прогнать обратно въ Богемію, то старался король всячески дѣлать имъ возможнѣйшія затрудненія въ снабденіи себя провіантомъ и фуражемъ; и уже въ цесарскомъ лагерѣ начали помышлять о премѣненіи мѣста, какъ получено было извѣстіе о при-

ближеніи нашей арміи къ прусскимъ границамъ, и переимѣнило планы обоимъ сихъ полководцевъ. Даунъ, выступя въ походъ, сталъ подвигаться къ намъ ближе для облегченія нашихъ операцій, а король всячески трудился надъ вымышленіемъ средствъ разрушить наши замыслы.

Несчастная для него баталія палцигская и послѣдовавшее потомъ соединеніе цесарскаго корпуса съ нашею арміею, подвинувшеюся уже близко къ Берлину, побудили наконецъ сего государя послѣшить въ Бранденбургскія свои области, и какъ краткость времени не дозволила ему въ сей разъ взять изъ арміи своей съ собою ни пѣхоту, ни конницу, то поскакалъ онъ съ небольшимъ только прикрытіемъ гусарь. Братъ же его, принцъ Гейнрихъ, долженъ былъ большую часть своей арміи отправить для подкрѣпленія разбитой Вейделевой арміи къ Одеру, а самъ отправился къ арміи королевской, стоявшей въ лагерѣ при Шмукъ-Ейзенѣ, въ сорока тысячахъ человекъ, для командованія оною во время отсутствія королевскаго, и для удержанія Дауна, стоящаго противъ оной съ тридцатью тысячами человекъ цесарскаго войска. А получилъ также и генералъ Финкъ повелѣніе оставить Саксонію и послѣшать съ корпусомъ своимъ къ рѣкѣ Одеру, гдѣ мы тогда уже находились.

Путешествіе свое совершилъ король благополучно. Всѣ отправленные къ нему изъ разныхъ мѣстъ войска пришли въ свое мѣсто безъ всякаго урона. Самъ онъ, въ путешествіи своемъ, наткнулся при мѣстѣчкѣ Губенѣ на корпусъ цесарскаго генерала Гаддика, и отгнавъ у него нѣсколько пушекъ и пять-сотъ телегъ съ мукою, и взявъ человекъ съ шесть-сотъ въ полонъ, соединился потомъ безпрепятственно съ Вейделевою арміею.

Теперь рѣшился король ни мало не медля дать баталію съ нашею арміею, и хотя вся его армія не превосходила сорокъ тысячъ, а наша армія, вмѣстѣ съ цесарями къ намъ пришедшими, состояла тогда болѣе нежели изъ шестидесяти тысячъ

человѣкъ, однако онъ несумнѣвался ни мало, что онъ такимъ же образомъ ее разобьетъ, какъ въ прошломъ году при Цорндорфѣ, и былъ въ томъ такъ увѣренъ, что какъ въ сіе время прислать былъ отъ принца Фердинанда къ нему курьеръ съ радостнымъ извѣстіемъ, что ему удалось разбить французовъ при Минденѣ, и тѣмъ отомстить имъ за разбитіе себя весною, то король остановилъ присланнаго отъ него офицера говоря: «Подождите немного, государь мой! мы отправимъ съ вами же и отъ себя къ принцу такой же поздравительный комплиментъ, какой онъ къ намъ прислалъ».

Однако ему не удалось въ сей разъ сдержать свое слово, и комплиментъ, отправленный съ симъ офицеромъ послѣ, былъ совсѣмъ иного рода. Совсѣмъ тѣмъ, очень малаго не доставало къ тому, чтобъ не быть нашей арміи отъ короля совсѣмъ разбитой, и тотъ же фаворитъ его генералъ Ведель подалъ и въ семъ случаѣ собою поводъ ко вторичному его несчастію, какъ все то усмотрится изъ послѣдующаго ниже сего подробнѣшаго сему славному сраженію описанія.

Оно по истинѣ и достойно того по многимъ обстоятельствамъ. Сраженіе сіе было вандостопамятнѣйшее для насъ во все продолженіе Семилѣтней войны; ибо въ сей одинъ только разъ удалось нашимъ побѣдить совершенно короля прусскаго, и сего славнаго въ свѣтѣ героя довести до такой крайности, что онъ въ день сраженія сего желалъ даже себѣ смерти и былъ дѣйствительно очень близокъ къ оной. И какъ побѣда сія приобрѣла намъ величайшую славу, то и опишу я сраженіе сіе коликъ можно обстоятельнѣе, и упомяну о всѣхъ знаменитѣйшихъ притомъ происшествіяхъ. Но опишу напередъ положеніе нашей арміи.

Она стояла лагеремъ неподалеку отъ города Франкфурта что на Одерѣ, подлѣ деревни Кунесдорфа, и имѣла положеніе сколько съ одной стороны выгодное и довольно натурою, и искусствомъ укрѣпленное, столько съ другой стороны опасное въ случаѣ, ибо путь къ

ретирадъ былъ почти совсѣмъ пресѣченъ. Лицомъ стояла она вверхъ по рѣкѣ Одеру, какъ къ той сторонѣ, откуда дожидался непріятель, и правымъ крыломъ примывала вплотъ къ рѣкѣ Одеру, а лѣвымъ къ одному густому лѣсу и крутому буераку, подлѣ его находящемуся. Весь фронтъ или перёдъ оной прикрытъ былъ топкимъ и непроходимымъ почти болотомъ, чрезъ которое находился только одинъ большой и длинный мостъ; а тылъ, или задъ, простирающійся къ городу Франкфурту, прикрывали также нѣкоторыя вазки и крутыя мѣстоположенія. Деревня Кунесдорфъ находилась въ срединѣ арміи, и вся она расположена была на довольныхъ высотахъ. Для дальнѣйшаго-жъ обезпеченія ея съ обонхъ крыльевъ, оба они укрѣплены были еще ретраншамен-тами, правое, стоявшее на горѣ жидовской, сдѣланными на подобіе звѣзды, шанцами, а сверхъ того въ случившемся тутъ лѣсѣ засѣкою, а лѣвое, примыкающее къ помянутому другому и густому лѣсу и прикрытое глубокимъ буеракомъ, укрѣплено было еще ретраншаментомъ и нѣсколькими батареями, содержащими въ себѣ болѣе ста большихъ пушекъ.

На помянутомъ правомъ крылѣ, къ рѣкѣ Одеру, стояла первая дивизія подъ командою графа Фермора; также поставленъ былъ тутъ и авангардный корпусъ, подъ командою генералъ-поручика Вильбоэ. Вторая дивизія поставлена была въ срединѣ, и команда надъ нею поручена генералъ-поручику графу Румянцову; а на лѣвомъ крылѣ поставленъ былъ князь Голицынъ, съ такъ-называемымъ новымъ корпусомъ. Чтожъ касается до австрійцевъ, то по тѣснотѣ мѣста въ линію умѣстить ихъ было не можно, и поставлены они были позади праваго крыла, а легкое войско, съ предводителемъ ихъ Тотлебенемъ, поставлено было впереди предъ правымъ крыломъ.

Симъ образомъ укрѣпленъ былъ и натурою и искусствомъ нашъ лагерь, и положение арміи было столь выгодно, что хотя и оказалось, что король прусскій совсѣмъ не съ той стороны приближался,

съ которой былъ ожидаемъ, а переправился чрезъ рѣку Одеръ, ниже Франкфурта, въ намѣреніи зайтить арміи нашей въ тылъ: однако предводители наши не разсудили за благо переменить позицію арміи, а оставили ее при прежнемъ ея расположеніи.

Симъ прекращу я сіе письмо, представивъ дальнѣйшее повѣствованіе и описаніе самой баталиі до послѣдующаго письма, а между тѣмъ остаюсь вашъ и прочее *).

КУНЕСДОРФСКАЯ БАТАЛИЯ.

Письмо 76-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію славной франкфуртской или кунесдорфской баталиі, начну оное изображеніемъ хитрости и искусства короля прусскаго въ атакваніи нашей арміи. Прискакавъ изъ Шлезіи, напелъ онъ Веделеву разбитую армію при мѣстечкѣ Мильрозѣ подкрѣпленную уже сошедшимися туда и приславными изъ прочихъ мѣстъ войсками, такъ что количество сего войска простиралось уже болѣе сорока тысячъ человекъ. Съ сего, хотя небольшою, но по справедливости храброю арміею, не пошелъ онъ такъ, какъ наши ожидали, прямо къ нашей арміи, стоявшей уже тогда при Франкфуртѣ и самый сей городъ занявшей; но судя можетъ быть, что тутъ сдѣланы нами, для принятія и встрѣчи его, всѣ нужныя приуготовленія, и что ему тутъ, въ виду у насъ, трудно будетъ переправляться чрезъ рѣку, разсудилъ повернуть влѣво, и учинивъ превеликій и дальній вокругъ Франкфурта обходъ чрезъ мѣстечки Фирштенавальдъ и Лебусъ, переправиться чрезъ рѣку Одеръ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мы всего меньше думали и ожидали; а именно, гораздо ниже нашей арміи и подъ самыми почти пушками города его Кюстрина, гдѣ при деревнѣ Рендвенѣ тотчасъ навели для него чрезъ рѣку и мостъ

Сдѣлалъ онъ сіе, во-первыхъ, для того, чтобъ ему тутъ свободнѣе можно было переправиться чрезъ рѣку, и чтобъ мы не успѣли сдѣлать въ томъ ему помѣшательства; во-вторыхъ, чтобъ по возможности запасти изъ Кюстрина побольше большими пушками, кои считалъ онъ весьма важными при атакѣ нашей арміи, и въ-третьихъ, чтобъ, переправившись тутъ, зайтить нашей арміи въ тылъ, и чрезъ то разстроить и смутить нашихъ предводителей и облегчить себѣ побѣду.

Все сіе ему и удалось, кромѣ только послѣдняго. Ибо командиры нашихъ войскъ хотя и увидѣли себя въ заключеніяхъ своихъ обманувшимися, однако не дали себѣ смутить симъ неожиданнымъ явленіемъ, а остались при прежнемъ своемъ расположеніи, надѣясь на выгоду своего лагеря, и на сдѣланныя со всѣхъ сторонъ укрѣпленія, и спокойно дожидались прибытія его величества короля прусскаго.

Сей не успѣлъ переправиться чрезъ рѣку въ помянутомъ мѣстѣ, какъ не сталъ ни минуты медлить, но стараясь воспользоваться нашимъ смущеніемъ и не дать намъ собраться съ духомъ, пошелъ тотчасъ для атаки нашей арміи всею своею силою. Какъ положеніе нашего воинства было ему извѣстно, и онъ ни мало не сомнѣвался о побѣдѣ и за вѣрное полагалъ, что насъ разобьетъ, то вознамѣрился напасть на армію нашу вдругъ съ трехъ сторонъ: то-есть спереди, и сзади и во флангъ, гдѣ стояло наше лѣвое крыло, дабы чрезъ то пресѣчь намъ всѣ пути къ ретирадѣ, и прижавъ насъ къ рѣкѣ истребить всю армію до основанія. Чтò едва было едва и не удалось ему учинить совершенно.

Какъ случилось сіе въ самомъ началѣ августа мѣсяца и деревня Етшенъ, гдѣ онъ, перешедъ рѣку, съ арміею своею ночевалъ, находилась отъ лагеря нашего не въ близкомъ еще разстояніи, то поднался онъ очень рано, и по пробитіи только двухъ часовъ, съ мѣста, и поспѣшилъ дойти до насъ прежде еще наступленія самаго жара. Но какъ близкая и прямая дорога лежала по горамъ и чрезъ

многіе лѣса и буераки, и для шестидесяти арміи совсѣмъ была неспособна, то принужденъ онъ былъ сдѣлать еще превеликій обходъ, и взявъ далеко влѣво итти черезъ деревни Бишофсзе и Третинъ, и при обхаживаніи многихъ лѣсовъ и прудовъ имѣть не только много труда, но и терять столько времени, что не прежде могъ поспѣть, какъ предъ самымъ полднемъ.

Позиція арміи нашей хотя и была ему извѣстна, но что касается до самаго мѣстоположенія, то сіе не могло ему быть коротко свѣдомо, и потому при обозрѣваніи нашей арміи смутился онъ увидѣвъ, что ему ее не такъ легко атаковать со всѣхъ сторонъ, какъ онъ думалъ и ожидалъ; но что тылъ и перѣдъ арміи, куда онъ назначилъ итти своей конницѣ, совсѣмъ были неприступны, и оставался одинъ только лѣвый нашъ флангъ, съ котораго можно было сколько-нибудь учинить атаку. Но сіе мѣсто, какъ я уже упоминалъ, прикрыто было сперва крѣпкимъ и на горѣ сдѣланнымъ ретраншаментомъ съ тремя сильными батареями, содержащими въ себѣ до 80 пушекъ, а потомъ глубокимъ и широкимъ оврагомъ, а за нимъ густымъ лѣсомъ. Но какъ другого не оставалось, то самое сіе мѣсто и избралъ король для нападенія на насъ, и отдѣливъ по нѣкоторому количеству конницы своей для стоянія противъ нашего праваго крыла, также противъ тыла нашей арміи, все прочее войско началъ тотчасъ строить въ помянутомъ лѣсу въ пять линій, изъ коихъ первыя три составлены были изъ пѣхоты, а достальныя двѣ изъ конницы. А между тѣмъ, генералу Финку велѣлъ взвести пушки на близъ-лежащія высоты, и вачать изъ нихъ сильную и страшную со многихъ сторонъ, противъ нашего фланга, канонаду. У насъ тутъ хотя и поставлена была поперечная линія войска, но линія сія была такъ коротка, что по тѣснотѣ мѣста болѣе не умѣстилось двухъ полковъ; ибо на такое разстояніе стояли на семь крылъ и обѣ линіи нашей арміи другъ отъ друга. Но какъ недостатокъ сей замѣнялъ

мянутый ретраншаментъ, установленный множествомъ пушекъ, а за нимъ превеликій логъ, то командиры наши и почитали мѣсто сіе неприступнымъ и никакъ съ сей стороны атаки не ожидали. Самое сіе обстоятельство и помогло королю въ самое короткое время, опрокинувъ помянутое наше небольшое войско, врѣзаться всей арміи во флангъ, и чрезъ то подвергнуть всю ее явной опасности.

Ибо не успѣлъ онъ построить въ лѣсу сперва линіи, а изъ нихъ густыя колонны, какъ велѣлъ тотчасъ гренадерамъ своимъ вдругъ броситься и итти прямо чрезъ логъ, вздравшись на нашъ сего буерака высокій берегъ, атаковать тутъ нашъ ретраншаментъ и овладѣть онымъ и батареями. Сія хотя и не молчали во все сіе время, но поражали ихъ изъ пушекъ своихъ кучами, покуда сходили они и спускались въ доль, но какъ спустились они внизъ, то стрѣльба изъ нашихъ пушекъ сдѣлалась недействительна, а при выходѣ ихъ изъ лога на гору, хотя и встрѣчены они были картечами изъ пушекъ, и мелкимъ ружьемъ изъ ретраншаментовъ, но время было уже слишкомъ коротко, и бросившіеся съ великою яростію на нашихъ, пруссаки не допустили нашихъ причинить имъ дальнѣйшій вредъ. Ибо они не только опрокинули совсѣмъ оба помянутые наши полка, но овладѣли въ одинъ мигъ и всѣми нашими бывшими тутъ пушками и батареями.

Таковая скорая и неожиданная удача колько обрадовала короля прусскаго, столько смутила всѣхъ нашихъ генераловъ и полководцевъ. Всѣ они оробѣли тогда, увидѣвъ явно, что вся армія подверглась чрезъ то крайней и превеличайшей опасности, и въ первыя минуты, не зная что дѣлать и чѣмъ сему злу помочь, дали неприятелю свободу переходить себѣ какъ хотѣлъ чрезъ буеракъ и на горѣ строиться и вытягивать фронтъ свой для пораженія нашихъ. Но наконецъ самъ Богъ надомыслилъ ихъ, вмѣсто опрокинутой и совсѣмъ уничтоженной, поперечной короткой линіи составилъ скорѣе другія, новыя, таковыя-жъ, схватывая

по одному полку изъ первой, а по другому изъ второй линіи и составляя изъ нихъ хотя короткія, но многія перемычки, выставлять ихъ одну послѣ другой предъ неприятеля. И хотя они симъ образомъ выставяемы были власно какъ на побіеніе неприятелю, который, ежеминутно умножаясь, подвигался отчасу далѣе впередъ, и съ неописаннымъ мужествомъ нападалъ на наши маленькія линіи и ихъ, одну за другою, истреблялъ до основанія, однако какъ и они не поджавъ руки стояли, а каждая линія, сидячи на колѣняхъ, до тѣхъ поръ отстрѣливалась, покуда уже не оставалось почти никого въ живыхъ и цѣлыхъ, то все сіе останавливало сколько-нибудь пруссаковъ и давало нашимъ генераламъ время хотя нѣсколько обдуматься и собраться съ духомъ; но трудно было тогда придумать какое-нибудь удобное средство къ спасенію себя и всей арміи. Помянутыя перемычки сколько ни задерживали пруссаковъ, но не въ состояніи были никакъ удержать всей ихъ пѣхоты, переправившейся чрезъ помянутый доль и перешедшей уже большую часть всего нашими тогда занятого мѣста. Самая деревня Кунесдорфъ, бывшая у насъ до того въ срединѣ арміи, осталась уже у нихъ позади и всѣ оставшія наши войска и полки сжаты были на нашъ правый флангъ и стояли тутъ въ кучѣ и въ превеликомъ стѣсненіи, не имѣя мѣста никуда распространиться, а старались только свозить со всѣхъ сторонъ пушки, и устанавливать ихъ въ разныхъ мѣстахъ для принятія неприятеля, буде дойдетъ очередь и имъ отстрѣливаться по примѣру прочихъ.

Словомъ, бѣдствіе, которому подвержена была тогда наша армія, было превеликое. Она находилась въ явной опасности. Всѣ почитали баталію сію за проигранную, каковою она и дѣйствительно уже была, ибо, ежели-бъ пруссаки, овладѣвшіе почти всѣмъ нашимъ мѣстомъ, не похотѣли-бъ ничего далѣе предпринимать, а довольствуясь тѣмъ, что они уже учинили, остались при полученныхъ вы-

годахъ, то согнаннѣи п стѣсненной въ кучу нашей арміи не можно бы никакъ надолго остаться въ такомъ положеніи, но она принуждена бы была либо отдаваться вся въ полонъ, либо спастись бѣгствомъ чрезъ болото, предъ правымъ ея флангомъ находившееся и одинъ только мостъ чрезъ себя имѣвшее, но который отъ самихъ же насъ за нѣсколько часовъ до того, для перепущенія чрезъ него прусской конницы, сожженъ былъ. Самъ старичокъ, нашъ предводитель, находился уже въ такой разстройкѣ и отчаяніи, что позабывъ все, сошелъ съ лошади, сталъ на колѣни и воздѣвъ руки къ небу при всѣхъ просилъ со слезами Всемогущаго помочь ему въ такомъ бѣдствіи и крайности и спасти людей своихъ отъ гибели явной. И молитва сія, приносимая отъ добродѣтельнаго старца, отъ чистой души и сердца, можетъ быть небесами была и услышана. Ибо чрезъ самое короткое время послѣ того переизмѣнилось все, и произошло то, чего никто не могъ и думать и воображать, и чего всего меньше ожидать можно было.

Сраженіе сіе началось въ самыя полдни и въ 6 часовъ вечера пруссаки овладѣли уже всѣми батареями, бывшими на лѣвомъ флангѣ, и имѣли уже во власти своей 180 нашихъ пушекъ и нѣсколько тысячъ взятыхъ у насъ въ плѣнъ; и побѣда была уже неоспоримая никѣмъ и точно такая-жъ, каковая была при Колинѣ и Гохкирхенѣ: такъ, что самъ король, почитая ее уже таковою, отправилъ съ мѣста баталіи съ радостнымъ извѣстіемъ сямъ уже курьеровъ въ Шлезію и въ Берлинъ. Какъ вдругъ воспослѣдовала помянутая неожиданность и произошла въ военномъ счастиі ужасная переизмѣна.

Причиною тому было то, что его величество недоволенъ еще былъ всѣми вышеупомянутыми, полученными надъ нами выгодами, но возмнилъ, что ничего еще не сдѣлано, буде есть еще что-нибудь, что сдѣлать можно, и ему захотѣлось насъ, такъ сказать, доконать. Во всякое

время онъ говаривалъ то, что російскую армію надобно не только побѣждать, но совсѣмъ и уничтожать и истреблять ее до конца; потому что она опять всегда возвращается и начинаетъ вновь дѣлать опустошенія. А сіи самыя слова проговаривалъ онъ и при семъ случаѣ публично. Прусскіе генералы противопоставляли сему аргументу единое только изнеможеніе войскъ въ тогдашнее время. Они говорили, что солдаты отъ похода, дѣлалъ пятнадцать часовъ продолжавшагося, и отъ непрерывной кровавой работы, также отъ ужаснаго жара въ тогдашній знойный день такъ изнемогли, что едва духъ переводить могутъ. Самъ славный и любимый его генералъ Зе йдлицъ представлялъ то же. И представленіе сего великаго полководца, котораго храбрость и мужество королю довольно было извѣстно, столько подѣйствовало, что король начиналъ уже колебаться и хотѣлъ уже приказать войскамъ остановиться, какъ вдругъ приближается къ нему генералъ Ведель, къ которому, несмотря на несчастіе его, все-таки король въ особенности былъ благосклоненъ; король дѣлаетъ ему честь, спросивъ его сими словами: «А ты, Ведель, какъ думаешь?» Сей будучи столько же придворнымъ человекомъ, сколько воинномъ, восхотѣлъ королю польстить и изъявилъ совершенное свое согласіе съ его прежнимъ мнѣніемъ и желаніемъ, и тогда король, не долго думая, закричалъ: «ну! такъ, маршъ!»

Но о! сколь дорого стало ему сіе вылетѣвшее изъ устъ его слово! и сколько разъ сожалѣлъ онъ объ ономъ и хотѣлъ бы охотно возвратить, но то было уже поздно. Всѣ войски его по сему повелѣнію двинулись вновь для доконанія насъ, и хотя онъ очень скоро послѣ сего увидѣлъ самъ крайнюю свою ошибку въ непослѣдованіи совѣтамъ стариковъ, но начатое дѣйствіе остановить было уже не можно.

Для совершеннаго доконанія насъ потребна была непріятелю конница и пушки, а сего-то самаго ему и не доставало. Помянутые овраги, тонкія мѣста и буре-

раки мѣшали и конницѣ взять въ дѣйствіи соучастіе и пушки привезть изъ-за буераковъ: ибо тѣ, которыя отняты были у насъ, но особливому для насъ счастью, пруссаки сами загвоздили и сдѣлали для употребленія негодными. Итакъ, хотя конницы и перебралось нѣсколько чрезъ вершины и буераки, также подвезено было и пушекъ нѣсколько, но все было оныхъ очень мало и недостаточно къ пизложенію оставшей нашей арміи, на горѣ праваго фланга въ кучѣ сбившейся и стоящей. Чтобъ пособить себѣ въ сей нуждѣ, то издумали они стараться овладѣть одною батареею, повинуютою отъ насъ на жидовскомъ кладбищѣ. Батарея сія была превеликая, и очищала все мѣсто батареи. Наши покинули ее, и ушли съ нея, при приближеніи прусской конницы, и какъ она стояла безъ людей, то прусская пѣхота, бывшая отъ нея шаговъ на 800, бросилась для овладѣнія сими пушками: и уже оставалось ей шаговъ полтораста добѣжать, какъ послѣдуетъ Лаудонъ, занимаетъ батарею сію своею пѣхотою, пускаетъ противъ пруссаковъ цѣлый градъ картечей, и останавливаетъ тѣмъ все ихъ стремительство. Всѣ старанія ихъ подойти ближе были тщетны и имъ не помогли. Они увеличивали только ихъ беспорядокъ, которымъ Лаудонъ не упустилъ воспользоваться и тотчасъ приказалъ конницѣ своей и справа и слѣва папастъ на приступающихъ и врубиться въ пѣхоту и конницу прусскую, и сія конница произвела тогда страшное между ними кровопролитіе.

Съ другой стороны начали пруссаки приступать и стараться овладѣть одною высотой, называемою Спицбергенъ, отъ занятія которой зависѣла вся побѣда. Но высота сія занята была наилучшими нашими и цесарскими войсками, и не только установлена пушками, но прикрыта еще была лежащимъ предъ нею буеракомъ, или лоциною, имѣющею въ длину шаговъ 400, въ ширину отъ 50 до 60 шаговъ, а глубиною была футовъ десять или пятнадцать, и притомъ крутоберѣга. Въ сію-то лоцину бросились пруссаки и ста-

рались какъ можно взобраться на противоположный берегъ, но всѣ ихъ старанія о томъ были безуспѣшны. Ибо кому и удавалось вскарабкаться на верхъ, всякій находилъ тамъ либо смерть свою, либо опять свергаемъ былъ внизъ въ буеракъ оной.

Наконецъ натура взяла свой верхъ. Все мужество, вся храбрость и вся отвага пруссаковъ не могли наградить истощенныя силы. Они приступали къ горѣ сей нѣсколько разъ съ ряду, но никакъ не могли на нее взобраться; ужасный и непрерывный огонь, производимый нашими на нихъ изъ многихъ ружей и изъ многихъ пушекъ, поражалъ ихъ страшнымъ образомъ и они пулями и картечами осыпаны были какъ смертоноснымъ градомъ. Генералъ Финкъ, старавшійся такимъ же образомъ съ корпусомъ своимъ овладѣть другими высотами, истощалъ также тщетно свои силы. Король самъ, приводившій нѣсколько разъ свѣжія войска и принуждающій приступать, подвергалъ себя наивеличайшей опасности. Весь мундиръ былъ на немъ разстрѣлянъ пулями; двѣ лошади подъ нимъ убиты и самъ онъ, хотя и слегка, но былъ раненъ. Золотая готовальня, бывшая у него въ карманѣ, спасла жизнь его, удержавши собою пулю, попавшую въ него, и пуля остановилась въ вогнутомъ золотѣ. Въ таковой же близости къ смерти находился онъ, когда тяжело раненая лошадь подъ нимъ начала упадать, и его флигель-адъютанту Гецу удалось еще въ сей разъ спасти короля и подвести ему свою лошадь. Всѣ наубѣдительнѣйшимъ образомъ просили короля оставить сіе крайне опасное мѣсто, но онъ отвѣчалъ только: «Намъ надобно все возможное испытать для полученія побѣды, и мнѣ надлежитъ здѣсь таковой хорошо исправлять должность мою, какъ и всѣмъ прочимъ».

Словомъ, наши россияне дрались въ сей разъ съ величайшимъ ожесточеніемъ и запальчивостію, и пруссаки писали даже сами объ нихъ послѣ, что они будто бы въ сей разъ ложились цѣлыми шеренгами и давали пруссакамъ переходить чрезъ

себя, какъ чрезъ побитыхъ и мертвыхъ, а потомъ вскакивали и стрѣляли по нихъ сзади. Но какъ бы то ни было, всѣ старанія и домогательства пруссаковъ согнать насъ съ горы были тщетны.

Теперь отважилась прусская конница атаковать высоты, но все искусство и вся кавалерійская тактика славнаго ихъ генерала Зейдлица не могла тутъ ничего произвестъ. Сія конница, привыкнущая подъ предводительствомъ его опрокидывать непріятельскую конницу, хотя бы она вдвое или втрое была сильнѣе, обращать пѣхоту при всѣхъ положеніяхъ ея въ бѣгство, брать даже самыя батареи и превозмочь всѣ трудности и неспособности въ мѣстоположеніяхъ, пала здѣсь предъ пушками нашихъ россіянъ, стрѣлявшихъ по ней съ высоты очень мѣтко, и осыпающихъ ее картечами своими какъ градомъ. Самъ Зейдлицъ, сей храбрый ея предводитель, былъ раненъ; таковой же участи подверженъ былъ и принцъ Евгеній Виртембергскій, испытывавшій вторичную атаку. За нимъ послѣдовалъ генералъ Путкамеръ, нападавшій на нашихъ съ своими бѣлыми гусарами, но застрѣленный до смерти. А и прочіе знаменитѣйшіе предводители прусской арміи: генералъ Финкъ и Гильзенъ, были переранены, и всѣ прочія войски и пѣшія и конная пришли въ великій беспорядокъ и замѣшательство.

Въ самыя сіи критическія и опасныя минуты явился вдругъ Лаудонъ, выйдя изъ-за праваго крыла съ свѣжими войсками, и напалъ на совершенно ослабѣвшихъ пруссаковъ со стороны и сзади. Сей полководецъ, прославившійся тѣмъ, что умѣлъ всегда на баталіяхъ ловить счастливыя минуты, предводительствовалъ въ сей разъ конницею. Онъ постропля ея въ отдаленіи отъ мѣста побоища какъ надобно и напалъ въ наилучшемъ порядкѣ на разстроившихся пруссаковъ, а сіе и рѣшило всю участь баталіи. Паническій страхъ и ужасъ напалъ тогда вдругъ на всю прусскую армію, и всѣ войски бросились бѣжать въ лѣсъ и на мосты. Всѣмъ хотѣлось перейти

вдругъ; отъ сего сдѣлалась страшная тѣснота и неизобразимая сумятица, которая и причиною тому была, что пруссаки принуждены были не только оставить отнятыя у насъ пушки, но бросить и своихъ еще 165. Король самъ чуть-было не попался нашимъ въ полонъ, находясь въ числѣ самыхъ почти послѣднихъ на мѣстѣ сраженія и долженствующій проѣзжать одною яслиною. Единое только чрезвычайное мужество и рѣдкое присутствіе духа ротмистра Пригвица спасло его отъ сего великаго несчастія. Король, самъ почитая то уже неизбѣжнымъ, что его возьмутъ въ полонъ, кричалъ, нѣсколько разъ повторяя: «Пригвицъ! Пригвицъ! я погибаю!» но сей храбрый офицеръ, имѣвшій при себѣ только сотню гусаръ для сопротивленія цѣлымъ тысячамъ окружающихъ его непріятелей, отвѣтствовалъ ему: «Нѣтъ, ваше величество, сему не бывать покуда есть еще въ насъ дыханіе!» И тогда, вмѣсто того, чтобъ только обороняться, обратился, по скакалъ онъ самъ атаковать нашихъ россіянъ и до тѣхъ поръ съ ними штурмовалъ, покуда королю удалось убраться впередъ, доскакать до прочихъ своихъ войскъ и соединиться съ ними.

Никогда еще не было твердодушіе сего монарха (какъ пруссаки сами въ сочиненіяхъ своихъ о томъ отзываются) такъ чрезвычайно потрясено, какъ въ сей несчастный для него день. Въ немногіе часы, военное счастье низвергло его съ высоты безсомнѣнной побѣды въ бездну совершеннаго разбитія и пораженія. Онъ испытывалъ и все, и старался всячески остановить свою бѣгущую пѣхоту, но ничто, ни представленія, ни самыя убѣдительнѣйшія уговариванія, ни просьбы, устами короля произносимыя, не помогли ни мало, сколь ни дѣйствительны бывали они при другихъ случаяхъ, и говорятъ, что онъ, въ семъ отчаянномъ положеніи находясь, самъ себя вслухъ желалъ смерти. Живое умовоображеніе его представляло ему, въ первыя минуты, слѣдствія сей потерянной баталіи столь страшными, что онъ съ самаго того-жъ мѣста баталіи, съ

котораго за немногіе часы до того отправилъ онъ курьеровъ съ радостнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ, послалъ теперь помѣшнѣ въ Берлинъ, чтобъ принимать скорѣй всѣ мѣры къ безопасности и къ скорѣйшему спасанію всего нужнаго. Онъ уже мнилъ видѣть непріятелей своихъ въ Берлинѣ и все уже разоряющихъ и опустошающихъ, и себя не въ силахъ учинить тому препятствіе. Войски его были такъ разсѣяны, что къ вечеру сего дня не имѣлъ онъ при себѣ болѣе 5000 человекъ оного. Всѣ отнятыя пушки были опять потеряны, а вмѣстѣ съ ними и всѣ почти прусскія. Генералъ Вуншъ, поставленный на другой сторонѣ рѣки Одера, съ небольшимъ корпусомъ для загражденія намъ пути къ бѣгству, въ случаѣ ожидаемой побѣды, при концѣ сраженія сего прибылъ во Франкфуртъ и захватилъ въ полонъ всѣхъ нашихъ тамъ находившихся; но услышавъ о разбитіи ихъ арміи, принужденъ былъ опять изъ города сего уйтись и покинуть плѣнъ свой. Наступившая ночь благоприятствовала наконецъ королю прусскому. Онъ собралъ сколько-нибудь своей арміи и достигъ съ нею до нѣкоторыхъ высотъ, которыя наши атаковать не отважились.

Симъ образомъ кончилось, къ безсмертной славѣ нашихъ войскъ, сіе кровопролитное сраженіе. Никоторое еще изъ всѣхъ бывшихъ въ сію войну не было таково убивственнo и пагубно, какъ сіе. Пруссаки потеряли однимъ убитыми болѣе 8,000 человекъ, а переранено у нихъ слишкомъ пятнадцать тысячъ человекъ, со всѣми почти генералами и низнаменитѣйшими офицерами. Въ полонъ взято нашими ихъ безъ мала пять тысячъ. И такъ, весь уронъ ихъ простирался около 28 тысячъ. Но не малъ былъ никакъ и нашъ: по собственному признанію графа Салтыкова, число убитыхъ простиралось безъ мала до трехъ, а число раненыхъ безъ мала до одиннадцати тысячъ, кромѣ цесарцевъ, которые также убитыми и ранеными потеряли болѣе 2,000 человекъ. Словомъ, число людей, претерпѣвшихъ въ сей день убивство, раны и плѣнъ, съ обѣихъ сто-

ронъ простиралось почти до пятидесяти тысячъ человекъ. У насъ также переранены были многіе генералы, а число раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ простиралось до 474 человекъ и уронъ нашъ былъ такъ знаменитъ, что самъ графъ Салтыковъ, признаваясь въ томъ въ письмѣ къ императрицѣ, между прочимъ изъяснился сими словами: «Ваше величество, не извольте тому удивляться, вамъ извѣстно, что король прусскій всегда побѣды надъ собою продаетъ очень дорого».

Также говаривалъ сей полководецъ:— «Ежели мнѣ еще такое же сраженіе выиграть, то принуждено мнѣ будетъ одному съ посошкомъ въ рукахъ нести извѣстіе о томъ въ Петербургъ».

Но какъ бы то ни было и сколь дѣнь сей для многихъ былъ ни злосчастенъ, во всѣ оставшіе провели вечеръ дня сего въ неописанной радости и удовольствіи, сколько о совершенной побѣдѣ надъ непріятелемъ, столько и о избавленіи отъ очевидной опасности. Но не такъ проводилъ вечеръ сей и ночь сію король прусскій. Онъ ночевалъ въ деревушкѣ Этшеръ и спалъ въ одной хижинѣ, казаками опустошенной и со всѣхъ сторонъ раскрытой, ни дверей, ни оконъ въ дѣлности неизмѣнющей крестьянской хижинѣ, на ключѣ соломы и нераздѣтій. Шляпа покрывала половину лица его, а шпага лежала обнаженная подлѣ бока. Въ ногахъ спали два его адъютанта на голой землѣ, а на дворѣ у дверей стоялъ одинъ только гренадеръ на часахъ. Ночь, какихъ мало имѣлъ сей славный монархъ и которая была ему во всю жизнь очень памятна!

Такъ окончился сей достопамятный день, а симъ окончу и я письмо сіе, сказавъ, что я есмь вашъ и прочее.

Письмо 77-е.

Любезный пріятель! Извѣстіе о упомянутой въ предсѣдующемъ письмѣ и старичкомъ нашимъ надъ прусскимъ королемъ одержанной, совершенной и знатной побѣдѣ, получили мы въ Кенигсбергъ, спустя самое короткое время, чрезъ бригадиръ князя Хованскаго, отправленнаго

отъ графа Салтыкова съ извѣстіемъ симъ въ Петербургъ. Нельзя изобразить, сколько много обрадованы всѣ мы были онымъ, и какъ начали торжествовать надъ пруссаками, старающимися всегда утверждать, что невозможное совсѣмъ то дѣло, чтобъ наши могли когда-нибудь побѣдить короля ихъ. Всѣ они, не въ состояніи будучи тогда оспаривать побѣды, повѣсили головы, а мы еще болѣе приводили ихъ въ смущеніе, утверждая, что теперь скоро уже посѣтится и Берлинъ нашими, и король не въ состояніи будетъ спасти оный отъ рукъ нашихъ.

Симъ образомъ заключали не только мы, но и всѣ въ свѣтѣ, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ дѣло сіе было не только вѣроятнымъ, но почти безсумнительнымъ. Самъ король не иначе думалъ, ибо въ повелѣніи, отправленномъ имъ съ мѣста баталіи въ Берлинъ, находились точно его слова, что теперь находится онъ не въ состояніи защитить городъ, и потому, чтобъ всѣ наименѣйшіе и богатѣйшіе жители уѣзжали бы изъ онаго и увозили по возможности свое имѣніе. Самая королевская фамилія должна была тотчасъ выѣхать и отправиться въ Магдебургъ, а вывезены были также и архивы.

Но какъ однако и можно было думать? Армія прусская, находящаяся въ тутошнихъ предѣлахъ, двукратнымъ и такъ скоро другъ за другомъ послѣдовавшимъ пораженіемъ, была приведена въ такое изнеможеніе, что она не въ состояніи была ничего предпринять. Я упоминалъ уже, что король по окончаніи сраженія едва могъ собрать вокругъ себя пять тысячъ человекъ войска; и хотя на другой день, переправившись назадъ черезъ Одеръ, и увидѣлъ, что собралось къ нему изъ остатковъ разбитой его арміи и болѣе, такъ что свопилось уже тысячъ до двадцати, но что могъ онъ предпринять безъ пушекъ, безъ припасовъ, безъ аммуниціи и всѣхъ потребностей воинскихъ, и будучи притомъ совсѣмъ нашею арміею отрѣзанъ отъ Шлезіи и Саксоніи и находясь въ такомъ положеніи, что и изъ самыхъ своихъ провинцій не можно было ему полу-

чать помощи. И какъ при всемъ томъ путь для насъ въ Берлинъ совершенно былъ отверзтъ и свободенъ: то не должно ли было ожидать, что наши не преминутъ такую славную побѣдою воспользоваться, и ни мало не медля пойдутъ прямо къ Берлину и постараются овладѣть онымъ прежде, нежели король соберется опять съ силами.

Далѣе не сомнѣвались почти всѣ, что побѣда сія послужитъ къ скорому окончанію и войны всей: ибо заключали, что, услышавъ объ ней, не преминутъ и цесарцы напасть съ главною и сильною своею арміею и разбить несравненно слабѣйшей противъ нихъ армію принца Гейнриха, а имперская армія не оставитъ овладѣть всею Саксоніею, и наконецъ и самымъ Магдебургомъ и довести короля прусскаго до послѣдней крайности.

Такъ думали и заключали всѣ, и готовилсь получать вскорѣ извѣстія за извѣстіями о новыхъ побѣдахъ и завоеваніяхъ. Мы сами, живучи въ Кеннigsбергѣ, всякій день ожидали новыхъ радостныхъ извѣстій и готовились уже заблаговременно поздравлять другъ друга со взятіемъ Берлина. Но удивленіе наше было неописанное, когда прошла недѣля, прошла другая, а къ намъ не только не скакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о взятіи Берлина, но мы напротивъ того услышали, что наши и въ сей разъ поступили по прежнему и старинному своему обыкновенію, и вмѣсто того, чтобъ воспользоваться первыми и драгоцѣнными минутами послѣ одержанной побѣды, зарадовавшись слишкомъ, оныя упустили и до тѣхъ поръ на мѣстѣ сраженія безъ всякаго дѣла и упражняясь въ однихъ только празднествахъ и торжествахъ простояли, покуда король собрался опять съ силами и съ духомъ и, захвативъ путь къ Берлину, сдѣлалъ шествіе наше къ нему невозможнымъ.

Не менѣе-жъ и мы и весь свѣтъ удивился услышавъ, что и господинъ Даунъ, сей славный цесарскій генералъ и опытный полководецъ, въ сей разъ былъ такъ ошлопенъ, что ничего во-

предпринять, и не только не начал на призыва Гейнриха, но ниже не сдѣлалъ и движенія съ своей стороны къ Берлину, но вмѣсто всего того за нужное почелъ напередъ повидаться съ предводителемъ нашей арміи и согласиться что дѣлать; и для сего свиданія не только самъ пошелъ совсѣмъ въ противоположную отъ Берлина сторону, но преклонилъ и нашего старика съ арміею своею, вмѣсто Берлина, идти туда же.

Словомъ, у обѣихъ сихъ предводителей войскъ вышла власно нѣкая распря и перебранка. Генералъ Даунъ, услышавъ, что нашъ старикъ былъ такъ ошопенъ, что не воспользовался побѣдою, но всѣ первыя и драгоцѣнныя минуты упустивъ, находился въ совершенномъ бездѣйствіи, дѣлалъ ему огорчительныя упреки въ томъ, а сей отвѣтствовалъ ему съ такимъ же огорченіемъ.—«Я выигралъ двѣ баталіи, писалъ онъ къ нему, и теперь затѣмъ неиду далѣе впередъ, что жду извѣстія о двухъ такихъ же побѣдахъ отъ васъ, ибо несправедливо-бъ было, если-бъ войскамъ моей императрицы однимъ только дѣйствовать».—Странный и удивительный отвѣтъ, а не менѣе страненъ былъ и тотъ, который далъ онъ шведскому министру Монталамберту, находившемуся при немъ и его всячески убѣждавшему идти впередъ и старавшемуся преклонить его къ тому тѣмъ представленіемъ, что если не пойдетъ онъ теперь впередъ, то оставить всѣ плоды своей побѣды цесарцамъ. Господинъ Салтыковъ отвѣтствовалъ ему на сіе: «О! я ни мало имъ въ томъ не позавидую, а желаю всѣмъ сердцемъ получить имъ еще болѣе счастья, нежели сколько я имѣлъ, а я съ моей стороны довольно и предовольно уже сдѣлалъ».

Богу извѣстно, чему приписать можно такіе странные и повидимому ни мало съ благоразуміемъ несообразные отзывы господина Салтыкова: своенравію его, или непростительному упрямству, или трудности, или инымъ какимъ причинамъ? Нѣкоторые изъ новѣйшихъ иностранныхъ писателей почитаютъ тому причиною господствовавшее во всѣхъ нашихъ русскихъ

генералахъ, а особливо въ главныхъ командирахъ крайнее неудовольствіе и досаду на цесарцевъ. Они говорятъ, что вѣнскій дворъ сдѣлалъ ошибку и вмѣсто того, чтобъ командировъ сихъ лично казнь-нибудь задобрить и привлечь на свою сторону, оныя приносилъ въ Петербургъ превеликія жалобы сперва на Апраксина, тамъ на Фермора, а наконецъ и на самаго господина Салтыкова, и обвинялъ кого недоброхотствомъ, кого неспособностію, недѣятельностію и нехотѣніемъ поддерживать своихъ союзниковъ. А слытъ, узнавшимъ все, сіе было огорчительно и досадно, а потому они и не помыслили никогда ревностно австрійцамъ помогать, и производили съ своей стороны лишь столько, чтобъ не можно было поднать отвѣту, а не болѣе. Вѣнскій дворъ хоти и увидѣлъ наконецъ свою ошибку и старался ее всячески исправить, но сіе было уже поздно.

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, радость о побѣдѣ, полученной надъ королемъ прусскимъ, была чрезвычайная. Графъ Салтыковъ пожалованъ за нее фельдмаршаломъ, а князь Голицынъ генералъ-аишефомъ. Генералъ-поручики обвѣщены были кавалеріями, а всей арміи выдаю было не въ зачетъ полугодовое жалованье. Не менѣе награждены были отъ императрицы и цесарцы. Она подарила Лаудона золотую и богато брилліантами украшенную шпагою, а каждому австрійскому полку, бывшему на сраженіи, пожаловала по пяти тысячъ рублей денегъ; а для увѣковѣчанія сего дня выбито было множество приличныхъ къ тому серебряныхъ медалей и всѣ воины русскіе, бывшіе на семъ сраженіи, украшены были оными.

Итакъ, отъ помянутой недѣятельности нашей и австрійской арміи потерянъ были всѣ плоды, которые можно-бъ было получить отъ обѣихъ побѣдъ нашихъ; и король прусскій, между тѣмъ, покуда мы производили марши и контръ-марши и разгдывали у него по Шлезіи, успѣлъ опять поправить всѣ свои дѣла и хоти не получить никакихъ дальнихъ выгодъ,

но по крайней мѣрѣ помѣшать и непріателямъ своимъ произвестъ что-нибудь важное. Сія дѣйствительно упустили цѣлую осень, какъ наименѣе способнѣе къ военнымъ операціямъ время года, безъ всякаго почти важнаго дѣла. Оба предводителя армій, нашей и цесарской, имѣли свиданіе въ мѣстечкѣ Губенѣ, при которомъ свиданіи положили они, чтобъ нашимъ російскимъ войскамъ не выходить изъ прусскихъ земель, а остаться въ провинціяхъ, лежащихъ на лѣвомъ берегу рѣки Одера, и Даунъ обязался снабдить нашу армію провіантомъ и фуражемъ. Самъ же онъ положилъ дожидаться, покуда имперская армія возьметъ саксонскій столичный городъ Дрезденъ, тогда чтобъ ему предпринять осаду города Нейса и буде бы осада сія удалась и ему посчастливилось бы овладѣть симъ городомъ; то обѣимъ бы арміямъ войти тогда въ Шлезію и занять тутъ свои зимнія квартиры.

Вотъ какое сдѣлано было у нихъ положеніе; но счетъ сей производимъ былъ безъ хозяина. Даунъ, сдѣлавъ обѣщаніе снабдить нашу армію провіантомъ и фуражемъ, того не помыслилъ, что для арміи нашей потребно было великое множество онаго, и что толкаго числа ему самому взять было негдѣ, да и доставить къ намъ было неудобно. Оправившійся король прусскій слѣдовалъ повсюду по пятамъ нашимъ и цесарскимъ и старался дѣлать вездѣ помѣшательство. Осада Дрездена между тѣмъ продолжалась долго. Армія наша, стоявъ и дожидаясь долгое время взятія сего города, на одномъ мѣстѣ при Фирстенвальдѣ, поѣла весь свой запасной хлѣбъ и, не получая отъ цесарцевъ ничего, не знала чѣмъ себя прокормить. Лузація, въ которой она тогда находилась, принуждена была въ сентябрѣ мѣсяцѣ кормить собою цѣлыхъ четыре арміи, то-есть нашу, цесарскую, и прусскихъ двѣ, а именно ту, которою командовалъ самъ король, и ту, которою предводительствовалъ братъ его принцъ Гейнрихъ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и за недоставленіемъ цесарцами

обѣщаннаго провіанта, и почувствовали мы первые недостатокъ въ ономъ. Дворъ вѣнскій, не могши намъ доставить оный въ натурѣ, предлагалъ намъ деньги на покупку онаго, но Салтыковъ отвѣчалъ, что солдаты его не ѣдятъ денегъ, а имъ надобенъ хлѣбъ. А какъ самаго сего не было и брать болѣе было негдѣ, то и поворотилъ онъ съ арміею своею въ сторону къ Польшѣ, для приближенія себя къ своимъ магазинамъ. Лаудонъ, получивъ новое подкрѣпленіе, не отставалъ отъ онаго и старался вслѣдствіи убѣдять его предпринять осаду прусской крѣпости Глогау, и отвратить какъ можно отъ перехода назадъ чрезъ рѣку Одера. Но расторопность короля разрушила всѣ сіи планы.

Армія наша, въ соединеніи съ помянутымъ австрійскимъ корпусомъ, пришла 13 сентября на берега рѣки Одера съ тѣмъ, чтобы идти вдоль по ней до самаго Глогава. Въ семь намѣреніи и отправлена она передовыхъ для занятія лагеря при мѣстечкѣ Бейтенѣ, но какъ удивился авангардъ нашъ, когда, при приближеніи своемъ туда, увидѣлъ оно мѣсто уже занятымъ отъ короля прусскаго, котораго считали въ Шлезіи и въ отдаленности. Салтыковъ и Лаудонъ посмотрѣли на него издали и не посмѣли никакъ атаковать онаго, хотя вся армія его не состояла болѣе, какъ въ 24 тысячахъ, а они втрое его были сильнѣе. Несмотря на то, король прусскій намѣренъ былъ защищать Глогау во что-бы то ни стало, и какъ онъ всякій день ожидалъ отъ нашихъ нападенія, то припуждены были его войска всякое утро становиться въ ружье. Однако страхъ и опасеніе его были напрасно. Наши не отважились его атаковать, а переправившись неподалеку отъ Бейтена на другую сторону рѣки Одера, и разстрѣляли изъ пушекъ мостъ, боясь, чтобъ онъ не погнался за нами. Они направили стопы свои въ сторону къ Бреславию, но куда ни приходили, вездѣ находили они пруссаковъ и всѣ пути заставленные ими. Ибо король прусскій послѣдовалъ за нашими и всегда находился вблизи къ намъ.

При семь-то случаѣ являлась наилучшая оказія намъ къ атакованію и разбитію сей прусской арміи на-голову, но мы оную по невѣдѣнію упустили. Короля въ самое сіе время схватила обыкновенная его болѣзнь подагра, и никогда онъ насъ такъ не трусилъ, какъ въ сіе время, ибо не сомнѣвался, что какъ скоро мы о сей его болѣзни узнаемъ, то не преминемъ его тотчасъ атаковать, ибо извѣстно, что онъ во время сей болѣзни не въ состояніи былъ никакъ командовать самъ войсками, но претерпѣвалъ самое адское мученіе: не въ состояніи былъ ни на лошадь сѣсть, ни возить себя давать. Итакъ, принужденъ бы онъ былъ ждать своей несчастной судьбины. Но по особенному его счастью, мы о томъ никакъ не узнали, а продолжали свой походъ; а онъ между тѣмъ велѣлъ себя солдатамъ на рукахъ отнестъ въ мѣстечко Кебенъ, на рѣкѣ Одерѣ, и созвавъ туда своихъ генераловъ, объявилъ имъ о жестокости своей болѣзни, отлучающей его отъ арміи и сдѣлалъ имъ слѣдующее порученіе: «Увѣрьте, пожалуйста, сказалъ онъ имъ, моихъ храбрыхъ солдатъ, что хотя я въ кампанію сію и много несчастія имѣлъ, но я не успокоюсь прежде, покуда не возстановлю опять всего въ порядокъ. Скажите имъ, что я полагаюсь на ихъ храбрость и что одна только смерть можетъ меня отлучить отъ арміи».

Городокъ Гернштагъ долженствовалъ служить предѣломъ тогдашняго нашего шлезскаго похода. Сей не столько искусствомъ, сколько натурою укрѣпленный городъ, занятъ былъ нѣсколькими сотнями пруссаковъ. Графъ Салтыковъ потребовалъ отъ коменданта сдачи и грозилъ сожженіемъ, ежели не сдастся; но какъ прусскій офицеръ отвѣтствовалъ, что имѣетъ онъ повелѣніе городъ защищать, хотя-бы они и сожигать стали, то сей отвѣтъ такъ разгорячилъ графа Салтыкова, что онъ велѣлъ тотчасъ кинуть въ него нѣсколько зажигательныхъ ядеръ и все оное превратить въ пепелъ.

Сіе было послѣднее въ сей годъ, и не великой похвалы достойное военное дѣло. Ибо отсюда повернулись наши прямо въ

Польшу и пошли къ Познаню, такъ что въ концѣ октября не было болѣе ни въ Шлезіи, ни въ Бранденбургіи изъ россіанъ и австрійцевъ ни единого человѣка, а курились только повсюду одни слѣды наши. И какъ походъ нашъ продолжался безостановочно, то спросилъ Лаудонъ Салтыкова: «чтожь ему съ своимъ корпусомъ дѣлать?»—«А что хотите, то и дѣлайте!» сказалъ Салтыковъ, а я иду въ Познань!» Услышавъ сіе Лаудонъ и побывъ еще нѣсколько дней съ нами, принужденъ былъ потомъ въ крайнемъ неудовольствіи съ нами разстаться и идти назадъ въ австрійскія земли.

Симъ образомъ окончилась наша кампанія и въ сей годъ, и къ крайнему нашему стыду, опять безъ полученія никакой особенной выгоды, а съ потеряніемъ только множества людей, и съ приобрѣтеніемъ только одной пустой славы. Король прусскій остался и въ концѣ сего гѣта столь же намъ страшнымъ, какъ былъ прежде: и хотя имперцы и взяли у него въ Саксоніи городъ Дрезденъ и цесарцамъ наконецъ нечаянно удалось, не только разбить; но и совсѣмъ въ полонъ взять цѣлый его, изъ 18 тысячъ состоящій, корпусъ, съ 8 человѣками генераловъ и командировъ ихъ г. Финкомъ, котораго-было отправилъ онъ для отнятія опять Дрездена, однако всѣ сіи выгоды не имѣли никакихъ по себѣ дальнихъ послѣдствій и не произвели въ войнѣ никакой перемѣны. Для короля прусскаго, сколько она ни несчастна была, но онъ находилъ средства къ подкрѣпленію себя всѣми потребностями; такъ что онъ при концѣ гѣта никакъ не находилъ себя доведеннымъ до такой крайности, чтобъ просить и домогаться мира. Словомъ, стеченіе всѣхъ обстоятельствъ было таково въ сіе гѣто, что самой судьбѣ, какъ казалось, угодно было, чтобъ война сія продолжалась еще долѣе и не такъ скоро своей конецъ получила, какъ всѣ думали и ожидали.

Но я остановлюсь на семь мѣстѣ и, предоставивъ повѣствованіе о дальнѣйшихъ военныхъ происшествіяхъ до дру-

того времени, возвращусь къ собственной моей исторіи и разскажу, что, между тѣмъ какъ все сіе происходило въ Европѣ, дѣлали мы живучи въ Кёнигсбергѣ и въ чемъ препровождали осеннее и зимнее время.

Сіе услышите вы въ послѣдующемъ письмѣ, а теперешнее дозвольте симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вамъ и проч.

Письмо 78-е.

Любезный пріятель. Между тѣмъ, какъ армія наша возвращалась изъ своего похода, и расположась на прежнихъ своихъ квартирахъ, отъ трудовъ своихъ отдыхала, а командиры помышляли о приуготовленіи всего нужнаго къ новому походу и къ продолженію войны сей, мы въ Кёнигсбергѣ продолжали жить по прежнему весело и въ удовольствіи. Не успѣла начаться осень и длинные зимніе вечера, какъ возобновились у насъ по прежнему балы и маскарады. Первые бывали хотя и во все продолженіе лѣта, однако не такъ часто, какъ осенью и зимою: ибо въ сіи скучныя годовыя времена не проходило ни одной недѣли, въ которой бы не было у насъ бала и танцевъ, безъ всякаго праздника или особеннаго къ тому повода, напримѣръ проѣзда какого-нибудь знатнаго боярина и генерала. Для сихъ обыкновенно дѣлаваны были у насъ балы, а въ праздничныя и торжественныя дни заводились многочисленныя маскарады, либо у губернатора въ домѣ, либо по прежнему, для множайшаго простора, въ театрѣ. Въ семъ наиболѣе бывали только маскарады и мы впервые еще научили пруссаковъ пользоваться театрами для большихъ и многочисленныхъ собраній и, дѣлая надъ всѣми партерами вносныя разборныя помосты, превращать оныя въ соединеніи съ театромъ въ превеличайшую залу. Для меня самого было сіе новое зрѣлище; я съ начала не понималъ, какъ это дѣлали и удивился, вошедъ въ маскарады и не узнавши почти того мѣста, гдѣ были партеры. Одиѣ только логи доказывали прежде его существованіе.

Но самыя сіи и придавали маскараду наиболѣе пышности и живости, ибо всѣ они наполнены были множествомъ зрителей и всякаго народа, котораго набиралось такое множество, что было для кого наряжаться и выдумывать разнообразныя одежды; въ сихъ старались тогда всѣ, бравшіе въ увеселеніяхъ сихъ соучастіе, другъ друга превзойти и, можно сказать, что въ выдумкахъ и затѣяхъ сихъ не уступали ни мало намъ и пруссаки, а нерѣдко насъ еще въ томъ и превосходили.

Кромѣ баловъ и маскарадовъ, нерѣдко занимались мы и самымъ театромъ. Комедіанты не преминули опять, какъ скоро наступила осень, къ намъ пріѣхать и увеселяли насъ своими прекрасными представленіями; а кромѣ сихъ посѣтилъ насъ въ сію осень и развѣзжающій по всему свѣту, эквилибристъ или балансёръ, и увеселялъ нѣсколько разъ всю нашу небольшую публику на театрѣ показываніемъ намъ своего искусства въ фолтирижированъи и балансированіи разномъ. Сіе зрѣлище было для меня также новое и никогда еще до сего времени невиданное, и я не могъ оному довольно насмотрѣться и надивиться тому, какъ можетъ человекъ дѣлать такіе удивительныя изгибы и перевороты и такъ правильно держать себя въ равновѣсіи.

Итакъ, судя по частымъ и разнымъ увеселеніямъ симъ можно было тогдашнюю мою жизнь почесть прямо веселою. Она и была дѣйствительно такова и была бы для насъ еще и пріятнѣе, если бы только генераль нашъ не посыпалъ иногда всѣ наши забавы и удовольствія перцомъ и инбиремъ, и въ наилучшія наши веселости не вливалъ желчи по своему безпутному и до безконечности горячему нраву. Несчастный характеръ его съ сей стороны не можно довольно изобразить. Я упоминалъ вамъ уже прежде о странномъ и удивительномъ свойствѣ сего нашего начальника, почему почитаю повторять то за излишнее, а скажу только то, что всѣ мы къ бранямъ и ругательствамъ его наконецъ такъ привыкли, что не ставили почти оныя ни во что и вмѣсто досады

смѣивались только, выходя изъ судейской, и другъ предъ другомъ хвастались тѣмъ, что болѣе или менѣе разъ были въ тотъ день бранены. И къ удивленію всѣхъ, не знающихъ, постороннихъ людей, не рѣдко, сидя въ канцеляріи, спрашивали другъ друга, былъ ли кто въ тотъ день въ канцеляріи и сколько разъ? что значило, былъ ли кто въ судейской и браненъ ли былъ отъ генерала? и тогда иной говорилъ: «Вотъ, слава Богу, я еще сегодня не былъ ни разу», а другой, вздохнувъ, говорилъ, что онъ уже раза три или четыре побывалъ въ оной. Что касается до меня, то я хотя по должности моей и всѣхъ прочихъ меньше имѣлъ съ нимъ дѣла, потому что всѣ мои переводы и бумаги входили въ руки къ секретарямъ и совѣтникамъ, а не къ нему, однако принужденъ былъ и я пить такую же горькую чашу, какъ и всѣ прочіе, и хотя не такъ часто, какъ другіе сотоварищи мои, однако претерпѣвать иногда также брани и ругательства. Поводомъ къ тому бывало наиболѣе то обстоятельство, что онъ нерѣдко употреблялъ меня вмѣсто своего адъютанта. Всякой разъ, когда ни случалось сему прихворнуть, а сіе случалось довольно часто, принужденъ я былъ нести его должность, а особливо въ праздничные и торжественные дни, и развѣзая по всему городу, развозить поклонны, а накануне тѣхъ дней сзывать на балъ или на обѣдъ все тамошнее дворянство. Сзванія и разсылки сіи бывали иногда такъ велики, что и обонимъ намъ съ адъютантомъ едва доставало времени всѣхъ объѣздить и все нужное исполнить. И при такихъ-то случаяхъ и терпѣли мы оба отъ генерала превеликія иногда брани. Ибо какъ онъ былъ не весьма памятливъ, то позабывъ, что иное приказалъ мнѣ, нападаетъ невиннымъ образомъ на адъютанта; а иногда приказавъ что-нибудь ему, и увидѣвъ меня, начиналъ спрашивать о томъ у меня, и какъ незнаніемъ станешь оправдываться, то тогда и пойдетъ потѣха и мы только успѣвая слушать его брани и ругательства. Въ самыхъ даваемыхъ приказаніяхъ бывалъ онъ какъ-то

не всегда памятливъ и ностолженъ. Часто случалось, что иного онъ совѣтъ не приказывалъ, а послѣ взыскивалъ, ди чего было не сдѣлано; когда же ему скажешь, что онъ того не изволилъ и приказывать, то бранилъ и ругалъ, ди чего мы ему того не напомнимъ: а какъ можно было узнавать, что у него въ умѣ и что ему помнить надобно. Словами взысканія и брани, а временемъ и самыя ругательства его были столь напрасны и мы претерпѣвали ихъ столь невиннымъ образомъ, что имѣли тысячу причинъ все оныя не уважать и вмѣсто досады и то всему тому только смѣяться; а особливо вѣдая, что брани сіи никакого послѣдствія не возмѣняютъ, но генералъ, несмотря на все сіе, останется къ намъ столь же благорасположеннымъ, какъ былъ и прежде.

Кромѣ сего имѣлъ я въ сію осень какіе перетурку. Не успѣла армія возвратиться изъ своего похода и расположиться на квантонирь-квартирахъ, какъ полковникъ нашего полку непреминулъ возобновить опять требованіе меня обратно въ полкъ. И отъ новаго фельдмаршала тотчасъ прислано было о томъ повелѣніе къ Корфу. Сіе меня какіе перетревожило ужаснымъ образомъ и тѣмъ паче, что отъ генерала нашего требованы были уже неоднократно переводчики отъ сената и присылаи оныхъ со дня на день ожидали. Но какъ сего и по самое сіе время еще не воспослѣдовало, то сіе обстоятельство, а сверхъ того благосклонность ко мнѣ и генерала и всѣхъ нашихъ канцелярскихъ, и нехотѣніе всѣхъ разстаться со мною и помогло мнѣ и въ сей разъ отъ арміи благополучно отдѣлаться: ибо, несмотря на присланное повелѣніе, отвѣтствовано было, что безъ меня обойтись никакъ было не можно, что требованные переводчики еще отъ сената не присланы и что затѣмъ я и не отправленъ, а оставленъ при отправленіи моей прежней и важной должности.

Сіе удержаніе меня еще на нѣкоторое время въ Кеннигсбергъ было мнѣ тѣмъ пріятнѣе и произвело мнѣ тѣмъ

больше удовольствія, что чрезъ самое короткое послѣ того времени приѣхали и отправленные уже давно къ намъ переводчики. Были они все студенты изъ московскаго университета и ихъ, вмѣсто двухъ требуемыхъ генераломъ, прислали къ намъ ровно десять человѣкъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, что по оставленіи изъ нихъ сколько для губернской канцеляріи будетъ надобно, всѣхъ прочихъ чтобъ отдать намъ чему-нибудь учиться. Я вострепеталъ духомъ, о семъ услышавъ, и почиталъ уже то неизбѣжнымъ, что меня тогда тотчасъ уже отправить въ армію, такъ какъ и писано было къ фельдмаршалу и мнѣ не миновать бѣ того и дѣйствительно, ибо и генералъ и оба совѣтники наши уже помышляли о томъ и говорили уже съ первымъ секретаремъ нашимъ, если-бѣ не помѣшало тому бездѣльное и повидимому ничего нестоющее обстоятельство и не помогло къ тому, что я, несмотря и на сіе, оставленъ былъ еще на нѣсколько времени къ неописанной моей пользѣ въ Кѣнигсбергѣ. Обстоятельство сіе было слѣдующаго рода.

Помянутому первому секретарю нашему, г. Чонжину, случилось гдѣ-то и какимъ-то образомъ увидѣть сестру того несчастнаго плавскаго почтмейстера Вагнера, который сосланъ былъ, по нѣкоторому подозрѣнію отъ насъ, въ тайную канцелярію въ Петербургъ, а оттуда уже въ Сибирь въ ссылку отправленъ, и который, чрезъ изданное послѣ о себѣ въ свѣтъ жизнеописаніе, сдѣлался всему свѣту извѣстенъ. — Дѣвушка сія была тогда лѣтъ осьмнадцати и собою хотя не красавица, однако и не дурна. Но какъ бы то ни было, но она имѣла счастье или несчастье помянутому секретарю нашему понравиться, и его такъ собою очаровать, что она не сходила у него съ ума, и онъ положилъ, во что-бъ то ни стало, преклонить ее къ себѣ къ любви, что ему какимъ-то образомъ и удалось. Я всего того не зналъ и не вѣдалъ, ибо какъ я и въ разсужденіи самого себя всего меньше о такихъ дѣлахъ помышлялъ, то о постороннемъ заботиться и узнать мнѣ и того

меньше было нужды, а сдѣлалась мнѣ сія любовная интрига потому только известна, что какъ секретарь нашъ не умѣлъ ни одного слова по-нѣмецки, а она по-русски, и обонимъ имъ нужно было почти всякій день переписываться или посылать другъ къ другу небольшія записочки и билетцы; секретарю же нашему хотѣлось дѣло сіе производить сколько-нибудь скрытно, потому что онъ былъ уже женатъ и тогда въ скоромъ времени ожидалъ приѣзда къ себѣ и жены своей, то и нуженъ былъ ему въ семъ случаѣ посредникъ, который бы его записочки переписывалъ на нѣмецкомъ языкѣ для отправления къ ней, а ея, присылаемыя къ нему, переводилъ ему на русское. — И кому иному можно было комиссію сію исправлять, какъ не мнѣ? Онъ на меня ее уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ и навалилъ и не хотѣвшаго того сперва дѣлать и входить въ такія глушныя и дурныя снѣтны, умѣлъ убѣдить своими просьбами и обѣщаніями заслужить мнѣ то самому впередъ, что я наконецъ волю его, хотя съ крайнимъ нехотѣніемъ и всегдашнимъ негодованіемъ, и согласился выполнять, и переводя ихъ небольшія, но можно сказать съ обѣихъ сторонъ наиглупѣйшія записочки, дѣлалъ ему превеликое удовольствіе.

Но какъ бы то ни было, но услуга сія мнѣ крайне сгодилась при помянутомъ случаѣ. Ибо какъ секретарю нашему съ сей стороны сдѣлался я крайне нужнымъ, то и не хотѣлось ему никакъ отпустить меня въ полкъ; но онъ, имѣя въ генералѣ великую силу, сталъ и безъ всякой моей о томъ просьбы и домогательства генералу представлять, что меня отпустить еще никакъ не можно, потому что изъ всѣхъ десяти человѣкъ присланныхъ къ намъ студентовъ, по дѣланнмъ испытаніямъ всѣмъ онымъ, не нашелся изъ всѣхъ ихъ ни одинъ, которой бы могъ сколько-нибудь исправлять то, что исправляю я въ канцеляріи: по что всѣ они столь мало умѣютъ по-нѣмецки, что ихъ надлежало еще отдавать сему языку учиться.

Сіе было отчасти и сущая правда, ибо

они всё хотя и учились въ Москвѣ по-нѣмецки, но не имѣя практики, казались столь незнающими, что сначала и подумать было невозможно о употребленіи ихъ въ переводческую должность; хотя имъ чрезъ самое короткое время можно-бы было сдѣлаться къ тому способными, какъ то послѣ и оказалось; но на тогдашній случай помогло мнѣ ихъ незнаніе. Генералъ самъ, испытавъ ихъ нѣсколько и увидѣвъ тоже, тотчасъ на представленіе секретаря согласился, и я оставленъ по прежнему, а гг. студентамъ велѣно было прискидывать себѣ учителей и мѣста, гдѣ бы имъ и чему учиться, что они и не преминули сдѣлать и чрезъ короткое время разобрались по разнымъ профессорахъ и нынѣ стали штудировать филозофію, нынѣ медицину, нѣкоторые физику, а нынѣ металлургію и такъ далѣе, а я остался опять одинъ въ канцеляріи исправлять должность толмача и переводчика.

Вмѣстѣ почти съ ними приѣхали къ намъ, для отправленія письменныхъ дѣлъ въ канцелярію нашей, и два юнкера, господа Олины. Они присланы были къ намъ на мѣсто отбывшаго отъ насъ секретаря Гаврилова, и были оба ребята молодые и родные братья между собою. Одного изъ нихъ звали Яковомъ Ивановичемъ, а другого Александромъ. И какъ они сдѣлались во всемъ нашими сотоварищами и приобщены были къ свитѣ генеральской, и съ нами не только всякій день вмѣстѣ сидѣли и писали въ канцеляріи, но и обѣдывали у генерала, то и надобно мнѣ сколько-нибудь упомянуть о ихъ характерахъ.

Какъ оба они были хотя дѣти какого-то богатаго секретаря, но имѣли уже офицерскіе чины, то и вели они себя совсѣмъ не на подъяческой, а на дворянской ногѣ и являлись не съ подъячими, а съ нами. Оба они были еще не стары и старшему не болѣе 21 года, а другой былъ моложе его однимъ только годомъ. Оба весьма не глупы, но кролѣ русской грамоты оба ничего не разумѣли. Старшій изъ нихъ велъ себя не только отменно чисто, но въ скоромъ времени сдѣлался у насъ почти

первымъ щеголемъ, и смѣшнымъ и несноснымъ петиметромъ. Будучи собою недурень, возмечталъ онъ о себѣ, что онъ великой красавецъ и сталъ не только проживаться совсѣмъ на уборы и щегольство, но что всего смѣшнѣе, вздумалъ еще высомѣряться собою и почитать себя и умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Сіе вооружило насъ на него всѣхъ. Ибо сколько мы его ни любили, но намъ его высомѣрїе было несносно и мы вмѣсто искумаго имъ себѣ отъ всѣхъ уваженія, ему внутренно только смѣялись.

Что касается до его брата, то сей былъ совсѣмъ отменно и лучшаго характера: тихъ, дружелюбенъ, скромнѣе, ласковъ, низокъ (?) и столь склоненъ къ узнанію всего того, что ему было неизвѣстно, следовательно способенъ къ наученію себя всему,— что мы его всё любили, а особливо у меня съ нимъ возстановилось скоро особливое дружество, которое со временемъ такъ увеличилось, что мы были наилучшими друзьями и препровождали время свое наиболѣе вмѣстѣ.

Вскорѣ послѣ того перетревожены мы были однажды въ самую глухую и темную осеннюю полночь пожаромъ, случившимся у насъ на нашемъ вновь основанномъ монетномъ дворѣ. Какъ онный былъ не подалеку отъ зѣмка и на самой той улицѣ, гдѣ и я имѣлъ свою квартиру и отъ меня недалеко, то перетревоженъ я былъ имъ въ особливости и принужденъ былъ въ полночь вставать, одѣваться, бѣжать на сей пожаръ и помогать его тушить прочимъ. По особливому счастью, удалось намъ не допустить его до усилія, но потушить въ самомъ еще почти началѣ: однако не прошло безъ того, чтобы не распропало при томъ множествѣ дѣлаемой нами новой монеты, какъ готовой, такъ и не въ отдѣланныхъ еще кружкахъ, которые принуждено было выносить всё вонъ и таскать насыпанными вверхъ лотками. Самъ нашъ генералъ былъ на семъ пожарѣ, и не меньше всѣхъ насъ старался о скорѣйшемъ погашеніи онаго, поелику отъ скорѣнія монетнаго двора зависѣла великая важность.

Другой пожаръ, воспослѣдовавшій чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, былъ еще того важнѣе и хотя утушенъ также при самомъ еще своемъ началѣ, но навелъ намъ премножество хлопотъ. Случился онъ быть въ самой нашей канцеляриі и также въ глубокое ночное время, когда никого изъ насъ въ канцеляриі не было, а одни только сторожа сидѣли въ подъяческой и дожидались, покуда выйдеть изъ судейской совѣтникъ нашъ, господинъ Бауманъ, который, по многодѣлію своему и по прилежности, нерѣдко просиживалъ одинъ однихонекъ и прописывалъ до самой полуночи. Но въ сей разъ, господа сторожа наши какъ-то оплошали и не слышали, какъ онъ изъ судейской вышелъ, ибо изъ оной были двери особыя въ генеральскія комнаты, гдѣ онъ жывалъ; но считая его все въ судейской, не озабочивались ни мало и объ оной и о свѣчкахъ, господиномъ Бауманомъ оставленныхъ горящими; да и онъ какъ-то въ сей разъ оплошалъ и вышелъ вонъ, не позвонивъ и не приказавъ сторожамъ потушить свѣчи. Но какъ бы то ни было, но случилось такъ, что отъ одной свѣчи отстрекнулъ кусочекъ горящей еще свѣтильни и, по несчастію, попалъ на лежація на столѣ во множествѣ разныя бумаги. Сн тотчасъ начали отъ сего горѣть и полыхать, и въ немногія минуты надѣлали столько дѣла, что намъ цѣлую зиму досталось много потрудиться. Цѣлая половина стола, съ превеликимъ множествомъ наложенныхъ на него важнѣйшихъ бумагъ, полученныхъ не только отъ фельдмаршала и другихъ генераловъ, но и отъ самого двора и отъ сената, изъ Петербурга, сгорѣли, отчасти всѣ, отчасти на половину, и вся судейская наполнилась такимъ множествомъ дыма, что въ нее войтить было невозможно. Къ особливому несчастію, сторожу, сидѣвшему въ подъяческой, случилось въ самыя сн минуты вздремать и онъ до тѣхъ поръ не узналъ о семъ пожарѣ, покуда чадомъ и смрадомъ не наполнилась уже отчасти и подъяческая и оный не разбудилъ его дремавшего. Тогда бросился онъ въ судейскую

и вострепеталъ, увидѣвъ всю ее наполненную дымомъ, а судейскій столъ весь въ огнѣ и въ пламени. Онъ бросился тушить и поднялъ такой крикъ, что перетревожилъ всѣхъ въ замкѣ. Самъ генералъ, услышавъ о пожарѣ семъ, прибѣжалъ туда безъ памяти, и его столько сей случай раздосадовалъ, что онъ занемогъ отъ сердца.

Но признаться надобно, что и было за что сердиться, ибо погорѣло множество преважныхъ бумагъ и, между прочимъ, не мало и такихъ, по которымъ требовалось скорое исполненіе, а тогда и исполнять было непочему. — Важны также были и рескрипты императрицы, и генералъ нашъ невѣдомо какъ боялся, чтобъ о пожарѣ семъ, происшедшемъ отъ единой оплошности, не дошло свѣдѣніе до самой императрицы и тѣмъ паче, что на мѣсто сгорѣвшихъ нужно было получить рескрипты новыя. Но по особливому его счастью, всею тогдашнею, такъ-называемою конференціею, или верховнѣйшимъ нашимъ государственнымъ Совѣтомъ въ Петербургѣ, изъ котораго разсылались всюду рескрипты или именныя указы и подписываемы были не самою императрицею, а членами сего Совѣта, управлялъ тогда своихъ его, великій канцлеръ Воронцовъ, и онъ могъ его чрезъ письма убѣдить прислать, на мѣсто всѣхъ сгорѣвшихъ рескриптовъ, копіи съ отпусковъ оныхъ; а такимъ же образомъ, чрезъ дружескія и просительныя письма, досталъ онъ копіи съ отпусковъ и другихъ важнѣйшихъ бумагъ, полученныхъ отъ фельдмаршала и другихъ особъ важнѣйшихъ; прочія же сгорѣвшія бумаги принуждены были всѣ мы замѣнить своими трудами и заняться нѣсколько недѣль сряду всѣ непрерывнымъ писаніемъ.

Впрочемъ, сей случай побудилъ нашего генерала, на предбудущее время, принять лучшія мѣры для предосторожности и для отвращенія подобныхъ саму бѣдственныхъ происшествій. Онъ приказалъ съ сего времени, чтобъ всѣмъ намъ, канцелярскимъ членамъ, по очереди въ канцеляриі дежурить и чтобъ дежурнымъ не только

не отлучаться ни на одинъ часъ днемъ изъ канцеляріи, но чтобъ и почевать въ опой, и тѣмъ паче, что послѣднее весьма нужно было и по причинѣ проѣзжающихъ очень часто и въ армію и изъ арміи курьеровъ. Всѣ они являлись обыкновенно къ намъ въ канцелярію и завозили письма, а для сихъ нужно было, хотя бы то случилось въ самую полночь, итти къ генералу и его будить еслибъ найти его спящимъ.

Но самая сія предосторожность едва-было не произвела у насъ въ канцеляріи другого пожара. И сей чуть-было не произошелъ нечаяннымъ образомъ отъ самого меня; причиною тому было самое помянутое дежурство, которое долженъ былъ и я отправлять на ряду съ прочими. Всѣ мы обыкновенно сыпали въ судейской, приказывая приносить туда свои постели. Итакъ, однажды, какъ мнѣ случилось тутъ почевать, и для бывшей тогда стужи приказать постелю себѣ постлать на стоявшемъ подлѣ самой печи сундукѣ, то какимъ-то образомъ свисла тулупа моего, которымъ я одѣтъ былъ, одна пола въ узкій промежутокъ между печью и сундукомъ. Печь сія была кафельная, тонкая, горячая до самого пола и топилась, по нѣмецкому обыновенію, изъ сѣней. И какъ сторожу нашему, по причинѣ тогдашней стужи, вздумалось встать гораздо поранѣе и судейскую натопить еще до свѣта, и онъ ни мало не пожалѣлъ дровъ, и наворотилъ ими ее до самого свода: то она, будучи тонкою, такъ раскалилась, что пола моего тулупа тотчасъ зачадѣла и началъ горѣть, загла и простыню и пуховикъ самый. Я, не зная того и не вѣдая, продолжалъ себѣ спать крѣпкимъ и приятнымъ сномъ, и прожегъ бы благополучнымъ образомъ и бокъ себѣ, еслибъ также не услышалъ смрада и вони стоящей часовой въ сѣняхъ, и не сказалъ сторожу, чтобы онъ посмотрѣлъ, отчего такъ воняетъ. И сей-то, прибѣжавъ и не меньше прежняго на смерть испугавшись, разбудилъ уже меня, не менѣе сего страшнаго случая испугавшагося. Но по счастью, кромѣ моего ту-

лупа и простыни не сторило ничего, и случилось сіе такъ рано, что мы успѣли выпустить въ двери и смрада и заглушить его такъ курительнымъ порошкомъ, что никто отомъ кромѣ секретарей нашихъ не узналъ, которые, любя меня, не зачѣли доводить дѣла сего до нашего бѣднаго генерала, отъ котораго и безъ того нѣсколько дней сряду передъ тѣмъ принужденъ я былъ, совсѣмъ невиннымъ образомъ, терпѣть ежедневно брани и гошу.

Поводъ къ тому подавало неудовольствіе сдѣланное нашему генералу отъ аннонсаго тогда у насъ въ Кѣнигсбергѣ и командовавшаго всѣми тутъ бывшими баталіонами генерала графа Петра Ивановича Панина. Не знаю, какимъ-то образомъ и чѣмъ-то такимъ проступился онъ противъ нашего генерала, съ которымъ до того былъ у него всегдашняя дружба. По наружности дѣло касалось только до квартиръ, но мы, по великости происшедшей между нами за сущую бездѣлку ужасной ссоры и распри, заключали, что надлежало бытъ какой-нибудь потаенной еще причинѣ. Но какъ бы то ни было, но мнѣ, по несчастію, случилось бытъ переносникомъ дѣлаемимъ обоими ими другъ другу немилосердихъ браней и ругательствъ. Ибо какъ адъютанту нашему случилось въ сіе время занемочь, то принужденъ былъ я, исправляя его должность, нѣсколько дней сряду, и раза по два и по три въ день, ходить къ помянутому генералу, и переносить отъ генерала нашего къ нему, а отъ него къ генералу нашему такіе комплименты, какими истинно едва ли и сами бурлаки и фабричные другъ друга когда подчиваютъ. Словомъ, препорученія сіи составляли тогда для меня не только неприятнѣйшую, но тѣмъ и досаднѣйшую комиссію, что я принужденъ былъ со стороны, и за чужіе грѣхи, терпѣть отъ генерала нашего брани и ругательства. Ибо, какъ всякій разъ, посылая меня къ господину Панину, приказывалъ сказывать такой нескладный и до безконечности обидный для того вадоръ, какового безъ смѣха слышать было не можно, и отпуская, накрѣпко приказывалъ пересказывать ему все дѣло точно

такими словами: то подумайте сами, можно ли мнѣ было выполнять въ точности его повелѣніе и ругать армейскаго и тогда очень важнаго генераль-поручика самими скверными бранями? Нѣтъ, а сего никакъ не дѣлалъ; но идучи всякій разъ къ нему, во всю дорогу вымышлялъ и выдумывалъ умѣреннѣйшія и такіа выраженія, которыя хотя бы и неприятны были сему генералу, но не такъ бы могли его сердить. Все мое студированіе оставалось почти всякій разъ бесполезнымъ. Ибо какъ и сей въ перебранкахъ не менѣе того былъ вспыльчивъ, бѣшенъ и горячъ, то какъ ни позлащалъ я присылаемыя къ нему пилуи, но онъ не успѣвалъ ихъ увидѣть, какъ приходилъ въ сущее бѣшенство и въ тотъ же мигъ наскazyвалъ мнѣ столько негѣпныхъ браней и ругательствъ для обратнаго пересказыванія господину Корфу, что я не въ состояніи бывалъ и десятой доли ихъ упомянуть. Да правду сказать, я о томъ всего меньше старался: ибо сколько и сей не оставлялъ мнѣ разъ по пяти подтверждать, чтобъ отвѣтъ его пересказанъ былъ генералу моему точно тѣми словами, какими онъ говорилъ, однако у меня и на умѣ того не было, а я и его отвѣты также переливалъ въ другую и лучшую форму. Но несчастіе мое было то, что иногда не можно было никакъ столь искусно перелаживать на иной ладъ, чтобъ не могли они съ обѣихъ сторонъ догадываться, что я не все то пересказываю, что приказываемо было, или пересказываю совсѣмъ инако, а за сіе самое и терпѣлъ я отъ моего генерала ужасныя брани и ругательства. Но я хотѣлъ охотнѣе переносить невиннымъ образомъ самъ, нежели точнымъ пересказываніемъ всѣхъ ихъ рѣчей, ссору ихъ увеличивать еще болѣе и въ пламя оной подливать еще масло и спиртъ и доводить ихъ до вражды смертельной между собою. А я разсудилъ за лучшее лить въ пламя сіе воду, оное тушить и уменьшать стараться, въ чемъ и удалось мнѣ успѣть къ собственному моему, а не менѣе и къ обоюдному ихъ удовольствію. Ибо, какъ выдумывая для пересказыванія имъ умѣрен-

нѣйшія и менѣе обидныя слова, помышлялъ я самъ собою и о томъ, какими бы уступками другъ другу и чѣмъ бы удобнѣе можно было имъ распрію сію прекратить; то, походявъ помянутымъ образомъ взадъ и впередъ, рѣшился наконецъ я преподать обонимъ имъ къ тому мысли, всплепавъ, будто бы я слышалъ то, хотя не отъ самого генерала, а отъ другихъ, при немъ находящихся, а сею выдумкою мало-помалу и посократилъ ихъ взаимную другъ на друга досаду и огорченіе и побудилъ наконецъ дѣйствительно сдѣлать другъ другу, будто желаемыя ими самими снисхожденія, а въ самомъ дѣлѣ мною, единственно для пользы ихъ и прекращенія ссоры ихъ, выдуманныя и имъ искусно предложеныя, и чрезъ самое то прекратить ихъ ссору.

Но я удалися уже отъ повѣствованія о нашихъ пожарахъ и, возвращаясь теперь къ нимъ, скажу, что вышеупомянутымъ третьимъ, случившимся у насъ въ канцеляріи, дѣло еще не кончилось, но они были на насъ въ сію осень и зиму власно какъ напущенныя; и послѣ сего случился еще одинъ и хотя не правсой, а почти совсѣмъ ложный, но произведшій по себѣ пагубныя и весьма печальныя послѣдствія.

Случилось сіе въ одинъ зимній воскресный день и въ самое то время, когда генералъ нашъ, по случаю бывшаго въ тотъ день викторіальнаго праздниства, давалъ превеликій столъ всѣмъ лучшимъ въ Кѣнигсбергѣ находившимся особамъ и сидѣлъ съ ними еще за обѣдомъ, хотя уже часъ третій былъ послѣ полудня. Впереди, описывая замокъ сей, въ которомъ жилъ тогда нашъ губернаторъ, между прочимъ упоминалъ я, что весь задній фасъ онаго, противоположный тому, гдѣ жилъ губернаторъ, составляла превеликая и огромная кирка или нѣмецкая церковь. Какъ въ приходѣ у оной были всѣ лежаціе вокругъ замка кварталы, то и собиралось въ кирку сію въ каждое воскресенье и въ каждый праздничный и торжественный день превеликое множество обоего пола народа, сколько для отправленія

божественной службы, а наиболѣе для слушанія проповѣдей, которыя тутъ, какъ въ главной церкви, сказываемы были всегда хорошія и гораздо лучшія, нежели въ другихъ мѣстахъ; и кирка сія была такъ счастлива, что всегда бывала набита народомъ и не только по утрамъ, но и послѣ обѣда, ибо надобно знать, что у лютеранъ въ праздничные дни бываетъ и послѣ обѣда такая же служба какъ и до обѣда.

Симъ образомъ случилось и въ сей разъ киркѣ сей и вторично уже быть наполненною превеликимъ множествомъ людей обоего пола и состояній различныхъ, ибо было тутъ сколько низкихъ и подлыхъ, а того еще болѣе зажиточныхъ и хорошихъ кѣнигсбергскихъ жителей. Къ вѣщему несчастію, имѣли всѣ они особливую побудительную причину сойтись въ нее въ сіе послѣобѣденное время. За годъ до того случилось одному изъ ихъ тутошнихъ пасторовъ и любимѣйшему всѣми ими, говоря проповѣдь, завратся и проболтать нѣкоторыя неприличныя слова противъ нашей императрицы. О семъ узнало тотчасъ наше правительство и пасторъ сей терпѣлъ за то превеликое истязаніе и цѣлый годъ находился подъ арестомъ и подъ слѣдствіемъ. Всѣ считали его погибшимъ. Но монархиня нашей, по милосердію своему, угодно было вину его простить, и повелѣніе о выпускѣ его изъ подъ ареста получено было дни за три только до сего времени. И какъ всѣмъ прихожанамъ и всему городу сдѣлалось сіе извѣстнымъ, а равно и то, что онъ въ сей день послѣ обѣда вознамѣрился быть тутъ на кафедрѣ и сказывать проповѣдь, то обратился почти весь городъ и собрался для слушанія сей проповѣди; но что-жъ и какое несчастіе случилось во время самой оной?

У кѣнигсбергскихъ зажиточныхъ жителей есть обыкновеніе, въ зимнее холодное время носить съ собою въ церковь особливыя мѣдныя, и на подобіе плоскихъ ларчиковъ сдѣланныя, сосудцы, наполненные жаромъ. Сія сосудцы или согрѣвательницы, усѣвшись въ своихъ лав-

кахъ, ставятъ онѣ у себя подъ ноги и подъ подолъ: и какъ они и сверху и съ сторонъ дѣлаются скритыми, то опасности отъ огня быть не можетъ, а тепла производятъ они собою много и согрѣваютъ съ избыткомъ нѣжныхъ пруссачекъ. Симъ образомъ было и въ сей разъ множество женщинъ съ таковыми точно мѣдными и прекрасными коробочками, наполненными жаромъ, въ сей киркѣ. Незвѣстно уже заподлинно, по какому собственно поводу случилось одной изъ сихъ женщинъ, сидѣвшей посреди самой церкви во время продолженія проповѣди, которую слушали всѣ съ великимъ вниманіемъ, обратиться къ сосѣдкѣ своей и, заворотившись, молвить словцо феіеръ, что на нашемъ языкѣ собственно значить огонь. Обожглась ли она о свою коробочку, растворилась ли она, и выспалась ли изъ ней жаръ, или такъ хотѣла она сосѣдкѣ сказать, что огонь въ коробочкѣ ея потухъ; всего того заподлинно не извѣстно, да и допытаться того въ точности послѣ не могли; а довольно только того, что помянутое выговоренное ею словцо услышали многія и другія, и изъ единого любопытства стали другъ у друга разспрашивать, что-бы такое сдѣлалось? и повторять словцо сіе въ тихихъ разговорахъ между собою. Какъ произошло отъ того небольшое шушуканье и другъ у друга спрашиваніе, то къ особливому несчастію и разнеслось слово сіе въ единый мигъ по всей церкви и весь народъ началъ твердить феіеръ! феіеръ! Теперь надобно знать, что самими симъ словцомъ на нѣмецкомъ языкѣ означаютъ и пожаръ, и какъ въ случаѣ и пожара говорится у нѣмцевъ только феіеръ, феіеръ, то незнающіе и невѣдавшіе помянутого самаго дѣла и возмечтали себѣ, что всѣми говорено тогда было о сдѣлавшемся въ той церкви пожарѣ. Мысль сія вдругъ поразила весь народъ сперва смущеніемъ, а потомъ неописаннымъ страхомъ и ужасомъ. Всѣ, власно какъ смолвившись, въ одинъ голосъ закричали феіеръ! феіеръ! или пожаръ, пожаръ! и всѣ, повскакавъ съ своихъ лавокъ, побѣ-

жали опретью къ дверямъ и выходамъ церковнымъ. Сихъ выходовъ было только два, простиравшихся на площадь, внутри замка находящуюся, но оба они были столь просторны и имѣли предъ собою хотя высокіе сходы по ступенямъ, но столь спокойныиширокіе, что безъ всякой нужды и въ самое короткое время можно было и изъ церкви вытти всѣмъ, если бы сколько-нибудь наблюдать порядковъ и не такъ спѣшить, какъ тогда всѣ, сами не зная для чего и, прямо сказать, безъ ума безъ разума, спѣшили, и самымъ тѣмъ произвели въ обѣихъ дверяхъ и на обонхъ крыльцахъ такую тѣсноту и давку, какой себѣ никакъ вообразить не можно. А какъ отъ нѣкоторыхъ глупцовъ и бездѣльниковъ разнеслась и та еще молва, что подъ церковью всѣ погреба наполнены отъ русскихъ пороховъ и что хотять подорвать всю кирку и съ пасторомъ ихъ на воздухъ; то сколь вранье сіе ни было сумасбродно и ни съ чѣмъ несогласно, однако оно увеличивало даже до того страхъ и ужасъ всѣхъ находившихся въ церкви, что сіи стали уже силою продавливать всѣхъ сквозь двери и чрезъ самое то, поваливъ множество людей, съ крыльца сходящихъ, бросились сами бѣжать вонъ по упавшимъ безъ всякаго разбора и разсмотрѣнія; а другіе, и особливо находящіеся на хорахъ и котормъ нѣсколько лѣстницъ сходить надлежало, такъ перетрусились и перепугались, что, не надѣясь сойти внизъ по лѣстницамъ и вытти дверьми изъ церкви, спрыгивали съ хоръ внизъ на полъ, а иные, перебивъ окончины въ окнахъ церковныхъ, начали изъ нихъ, несмотря на всю ужасную высоту, внизъ по стѣнамъ, на ближнія кровли и на землю спускаться и отъ послѣшности упадать, ломая у себя руки и ноги. Словомъ, смятеніе и давка, соединенная съ шумомъ и крикомъ, сдѣлалась неописанная и вопль, произносимый и выбѣгающими и паки въ церковь обратн для спасенія сродниковъ своихъ бѣгущими, сдѣлался столь громокъ, что достигъ до ушей самого генерала нашего, пирующаго съ гостями

своими въ залѣ. И какъ ему на вопросъ, что это такое? донесено было, что весь народъ бѣжить что-то въ безмятежствѣ изъ церкви, и въ тотъ же еще мигъ другіе прибѣгшіе доносили, что въ киркѣ сдѣлался пожаръ, то все сіе, а особливо то всѣмъ нашимъ довольно извѣстное обстоятельство, что подъ церковью сею въ погребкахъ дѣйствительно установлены были наши патронныи и артиллерійскіи ящики и находилось въ погребкахъ сихъ множество пороха, такъ какъ въ цейхаузѣ и въ магазинѣ, такъ смутило и устало всѣхъ шровавшихъ, что они всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и опретью побѣжали внизъ, и чрезъ площадь, къ дверямъ церковнымъ, куда подоспѣла между тѣмъ и вся гаутвахта. Но ни она, ни мы всѣ и ни самый генералъ не могъ ничего сдѣлать съ симъ перепугавшимся и власно какъ съ ума сошедшимъ народомъ. Ничто и никакія увѣренія, что пожара не было и нѣтъ никакого, не помогали нимало и мы принуждены были дать волю странному произшествію сему кончиться само собою и слухи свои обратить къ жалкимъ воплямъ и стенаніямъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣли несчастье въ сумятицѣ сей претерпѣть какое-нибудь поврежденіе. Многіе, выпрыгивая въ окна, переломали себѣ руки и ноги; другіе претерпѣли превеликіе толчки и давленіе въ тѣснотѣ бывшей; у иныхъ разорвано было платье, иные въ кровь изранены; многіе растеряли свои шляпы, и трости и другія вещи; а иные, попавши подъ ноги бѣгущимъ, были немилосердо изуродованы и такъ издавлены ногами, что лежали почти безъ движенія. А одна молодая дѣвушка была такъ несчастна, что въ тѣснотѣ задавили ее упавшую, и попавшую подъ ноги бѣгущимъ, совершенно до смерти. Сіе несчастье поразило всѣхъ насъ крайнимъ объ ней сожалѣніемъ. И сожалѣніе сіе увеличилось еще болѣе, когда услышали мы, что она была не кѣнигсбергская жительница, а приѣзжая изъ уѣзда въ гости къ родственникамъ своимъ, и была одна только дочь у отца и матери и не только собою очень

не дурна, по хорошаго воспитанія и добраго поведенія и нрава. Бѣдные родители ея были безутѣшны о ея потерѣ и не только они, но и многіе изъ зрителей не могли удержаться отъ слезъ, когда повезли ее отъ насъ изъ замка.

Симъ окончу я сіе мое уже слишкомъ увеличившееся письмо, и какъ симъ включеніемъ окончился и 1759 годъ, то въ будущемъ разскажу, что происходило со мною въ послѣдующемъ за симъ годѣ, а между тѣмъ остаюсь вашъ и прочее.

КЕНИГСБЕРГЪ.

Письмо 79-е.

Любезный пріятель! Какъ святки, такъ и начало 1760 года, праздновали мы обыкновеннымъ образомъ—многими увеселеніями, и генералъ нашъ, будучи до нихъ охотникъ, а сверхъ того для любовныхъ своихъ интригъ съ графинею Кейзерлингшею имѣя въ томъ и нужду, въ сей разъ не удовольствовался даваніемъ у себя нѣсколько разъ большихъ обѣдовъ, а по вечерамъ баловъ и маскаратовъ, но восхотѣлъ еще въ новый годъ увеселить всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей, а вмѣстѣ съ ними и всю кѣнигсбергскую публику, иллюминаціею, какъ такимъ всенароднымъ зрѣлищемъ, которое въ нѣмецкихъ городахъ бываетъ очень рѣдко; и потому, хотя вся сія иллюминація ничего почти не значила и была самая маленькая, и иллюминирована была тогда только рѣшетка и ворота двора, передъ замкомъ находившагося; но для пруссаковъ было уже и сіе въ великую диковинку, и народъ, собираясь въ великомъ множествѣ, не могъ ей довольно насмотрѣться и ею довольно налюбоваться.

Впрочемъ, какъ всю ее дѣлали не наши, а тамошніе мастера и жители, то имѣлъ я случай видѣть, какъ дѣлаются иллюминаціи въ земляхъ иностранныхъ и какаѣ превеликая разница находится между ихъ иллюминаціями и нашими. У нихъ совсѣмъ не употребляются ни разныя красками раскрашенные фонари,

изъ какихъ у насъ составлялись въ тогдашнія времена наипрекраснѣйшія иллюминаціи, ни такія глиняныя и саломъ литыя плошки, изъ какихъ дѣлаютъ у насъ простыя иллюминаціи; но вмѣсто сихъ надѣлано было изъ жестыя нѣсколько тысячъ маленькихъ ночниковъ или люскихъ лампацтовъ и всѣ они налиты были масломъ конопнымъ, и горѣло не сало, а масло. Сими установлены были всѣ каменные столбы рѣшетки, также и сама она по прибитымъ еловымъ брусочкамъ и по укрѣтїи напередъ всѣхъ столбовъ и рѣшетки еловою хвоею или вѣтвями и на верхушкахъ столбовъ утверждены были хрустальныя шары, исполненные разноцвѣтными подкрашенными, водами и какъ позадь шаровъ сихъ поставлены были также поманутыя жестыяныя плошечки, то и казались они какими-то драгоцѣнными круглыми камнями и хотя дѣлали видъ, но очень малый и почти неприятный. Сами же ворота застановлены были прозрачною и по холстинѣ намалеванною картиною, но сработанною столъ съ намѣреніемъ симъ не согласно и дурно, что вся она не заслуживала ни малѣйшаго вниманія; и какъ изъ сей картины и поманутыхъ плошекъ и десятковъ двухъ поманутыхъ стеклянныхъ шаровъ состояла и вся иллюминація, то и вся она не составляла дальней важности.

Вскорѣ за симъ имѣлъ я удовольствіе видѣть одного гишпанскаго знатнаго боярина, проѣзжавшаго чрезъ Кѣнигсбергъ полномочнымъ посломъ къ нашему двору. Начитавшись въ книгахъ о гишпанскихъ знатныхъ господахъ, не сомнѣвался я, что найду его и въ натурѣ таковымъ, каковымъ изображало мнѣ его мое умовоображеніе; но какъ удивился я, пришедъ къ нему отъ генерала нашего съ поздравленіемъ и съ поклономъ и нашедъ маленькаго, сухошаваго, ничего незначащаго человѣченца и при томъ еще обрѣтаго всего со лба до затылка чисто на чисто и умывающаго въ самое то время не только лицо, но и всю свою обрѣтую голову превеликимъ шматомъ грецкой губ-

ки. Зрѣлище сіе было для меня такъ ново и такъ поразительно и смѣшно, что я чуть-было не разсмѣлся; но, по счастью, господину маркизу того было не примѣтно, ибо при входѣ моемъ сѣдѣлъ онъ на стулѣ, держагь предъ собою превеликій тазъ съ намыленною водою, а камердинеръ его, ухватя въ обѣ руки помянутый шматъ греческой губки, теръ ему нзо всей силы и лицо и всю голову, а тотъ только что поморщивался. Ну! нечего сказать, подумалъ я самъ въ себѣ тогда, что городъ, то воровъ, и пословица сія справедлива.

Посолъ сей ѣхалъ къ намъ въ Петербургъ отъ новаго испанскаго короля съ извѣщеніемъ о вступленіи его на престолъ, и мы приняли и проводили его съ приличною сану его честию.

Между тѣмъ дѣлались у насъ повсюду приуготовленія къ новой съ наступленіемъ весны кампаніи и продолженію войны нашей, которой конецъ былъ нѣкъмъ непредвидимъ. Всѣ невоюющія державы хотя и предлагали возможнѣйшія старанія о прекращеніи сего военнаго пламени, которое начинало уже всѣмъ наскучивать, и хотя съ стороны Англій и короля прусскаго уже дѣланы были стороною нѣкоторыя предложенія, что они не отреклись бы вступать въ мирныя переговоры, еслибъ непріатели ихъ къ тому согласились, а старикъ, польскій отставной король Станиславъ Лещинскій, уже предлагалъ и мѣсто пребыванія своего городъ Нанси для мирнаго конгресса, и голландцы съ своей стороны предлагали къ тому же городъ Бреду, а другіе предлагали для сего конгресса городъ Лейпцигъ: однако, всѣ перепискы, сношенія и переговоры о томъ, продолжавшіеся во всю зиму, были безуспѣшны и въ апрѣлѣ совершенно всѣ пресѣлись, такъ что не осталось ни малѣйшей надежды, чтобы могъ въ сей годъ воспослѣдовать миръ въ Европѣ.

Причиною тому полагають наиболѣе то, что императрицѣ нашей, ненавидѣвшей лично короля прусскаго, хотѣлось удержать за собою захваченную Прус-

сію, а цесаревѣ хотѣлось неотвѣтно возвратить себѣ назадъ и завоевать всю Шлезію; а для нихъ не соглашались мириться и французы, которые управляемы тогда были любовницею королевскою, маркизою Помпадуршею, и министромъ ихъ Шоазелемъ, кои оба преданы были цесаревѣ.

И какъ у обоехъ нашихъ дворовъ и на умѣ не было въ сей годъ мириться и лишиться потерянныхъ уже толь многихъ тысячъ людей и толь многихъ миліоновъ денегъ безъ всякаго приобрѣтенія и пользы, то и не преминули они въ теченіе зимы сдѣлать всѣ нужныя къ продолженію войны приуготовленія. У насъ учрежденъ былъ новый и многочисленный рекрутскій наборъ, и множество новыхъ и старыхъ солдатъ отправлено было въ Пруссію для укомплектованія полковъ, претерпѣвшихъ уронъ въ послѣднюю кампанію. Прилагаемы были также возможнѣйшія старанія о запасеніи арміи и всего войска довольнымъ количествомъ провіанта и фуража, а артиллерию—амунициею и всѣми нужными припасами. Фельдмаршалъ Салтыковъ призванъ былъ въ Петербургъ, осыпанъ милостями и благодареніями отъ императрицы. Съ нимъ держаны были совѣты о будущей кампаніи и, по расположеніи съ нимъ всѣхъ нужныхъ мѣръ, отправленъ онъ былъ паки въ армію и съ нимъ многіе генералы: а въ томъ числѣ и вымѣненный изъ прусскаго плѣна генералъ-поручикъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, ибо договоръ о размѣнѣ съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ заключенъ былъ у насъ съ пруссаками еще осенью въ померанскомъ мѣстечкѣ Бютовѣ.

Всѣ сіи генералы, какъ въ Петербургъ, такъ и обратно въ армію, проѣзжали чрезъ Кенигсбергъ и для всѣхъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ дѣланы были генераломъ нашимъ пирушки.—Всякаго изъ нихъ старался онъ невозможнѣйшимъ образомъ угостить и всякаго привлечь къ себѣ въ дружбу, въ чемъ весьма много и успѣвалъ чрезъ сіе средство.

А какія дѣлали приуготовленія мы,—

такія же, или еще множайшія, дѣланы были и отъ цесарцевъ; для сихъ продолженіе войны было еще нужнѣе, нежели для насъ, ибо у сихъ Шлезія ихъ не выходила изъ ума и они собирались воевать за нее до самой крайности.

Что касается до короля прусскаго, которому подобныя сему приуготовленія были еще нужнѣе, нежели намъ, потому что онъ въ минувшую кампанію порастерялся и деньгами и людьми, то ему дѣлать ихъ не таково легко было, какъ намъ. Собственныя земли были его не слишкомъ велики, а притомъ уже отчасти поистощены, а чужихъ, кромѣ Саксоніи, никакихъ въ рукахъ его не находилось; итакъ, припущена была бѣдная Саксонія за все про все ему отвѣтствовать и снабжать его и людьми, и деньгами, и хлѣбомъ, и всѣми другими потребностями. И какихъ, и какихъ посягательствъ онъ на сію бѣдную землю въ сей годъ не дѣлалъ! Одинъ городъ Эрфуртъ принужденъ былъ поставить 400 человекъ рекрутъ, 500 лошадей и 100 тысячъ талеровъ деньгами, а Наумбургъ заплатить 200, Мерзебургъ 120, Цвикау 80, Хемницъ 215, всѣ города Тюрингскаго округа 1 миліонъ 375 тысячъ талеровъ. Конtribusiа одного города Лейпцига простиралась до 1 миліона и до 100 тысячъ талеровъ, а весь Лейпцигскій округъ заплатить 2 миліона деньгами и поставить 10 тысячъ рекрутъ, нѣсколько сотъ тысячъ шепелей хлѣба и многія тысячи лошадей съ великимъ множествомъ рогатаго скота. Сверхъ того, всѣ наилучшіе въ Саксоніи лѣса были срублены, и лѣсъ и дрова богачамъ распроданы или внизъ по Ельбѣ въ Гамбургъ сплавлены, а со всѣхъ арендаторовъ казенныхъ деревень вынуждены оброчныя деньги за цѣлый годъ впередъ.

Сими и подобными сему насильственными средствами накопилъ себѣ король прусскій довольно денегъ. Но не такъ легко можно было ему снабдить себя людьми изъ Саксоніи; сколько ни патакала онъ себѣ рекрутовъ, но количество оныхъ далеко не въ состояніи было за-

мѣнить ему уронъ въ нихъ, въ минувшемъ претерпѣнный. Сіе произвело новую вербовальную систему, каковой никогда и нигдѣ еще до того времени не бывало. Всѣ плѣнные изъ всѣхъ непріятельскихъ армій дѣланы были насильно прусскими солдатами. Не было спрашиваемо, хотятъ ли они служить или нѣтъ, но ихъ силою привлекали къ прусскимъ знаменамъ, и принуждены они были присягать и воевать противъ своихъ одноземцевъ драгунъ. Вся Германія наполнена была такими прусскими вербовальщиками. Большая часть изъ нихъ не были совсѣмъ офицеры, но нанятые проходивцы, употребляющіе всевозможныя выдумки и хитрости къ уловленію глупыхъ и неопытныхъ молодыхъ людей въ свои сѣти.

Одинъ прусскій полковникъ, по имени Колинъ онъ, человекъ самою натурою къ сему дѣлу образованный, былъ ихъ повелителемъ и наставникомъ въ семъ дѣлѣ собственнымъ своимъ примѣромъ. Онъ разъѣзжалъ всюду и всюду въ перегибныхъ платьяхъ и разныхъ видахъ и дѣлами сотнями подговаривалъ людей вступать въ прусскую службу. Онъ не только дѣлалъ обѣщанія и посулы, но раздавалъ даже самыя патенты на поручицкіе и на капитанскіе чины въ прусской арміи, и прельщалъ ими многихъ молодыхъ повѣсь изъ студентовъ, лавочныхъ сидѣльцевъ и другихъ тому подобныхъ людей, отдавая всякому на волю избирать пѣхоту ли, или конницу, или легкое гусарское войско. Слава прусскаго войска была такъ велика и молва о получаемыхъ имъ добычахъ такъ прельстительна, что Колинъ нова патентная фабрика въ непрерывной была работѣ. Ему не было нужды ни о транспортѣ, ни о прокормленіи, ни о снабженіи задатками своихъ рекрутъ имѣть попеченія, но всѣ его рекруты на большую часть на собственномъ своемъ иждивеніи отправлялись въ Пруссію. Множество негодяевъ сыновей во Франкони, въ Швабін и на рѣкѣ Рейнѣ окрадывали своихъ отцевъ и матерей; сидѣльцы и прикащики—своихъ хозяевъ, управители и казначей свои конторы, для

живанія великодушныхъ прусскихъ еровъ, даящихъ всякаго цѣлыми ро- , какъ калачами. Они поспѣшали всѣ офицерскими патентами своими въ дебургъ, но тутъ принимаемы они , какъ простые рекруты и неволею полкамъ распределяемы. Не помогали никакіе споры и сопротивленія, но и до тѣхъ поръ на спинахъ рабо- , покуда оказывалось совершенное ушаніе и во всемъ повиновеніе. Сими добрымъ сему образомъ доставилъ и нѣмъ съ своими помощниками ко-) въ теченіи войны сей болѣе 60-ти чь рекруты.

прочемъ, планъ военнымъ въ сіе лѣто твямъ, учиненный между всѣми союз- г державами, имѣлъ наглавною цѣ- то, чтобъ короля прусскаго прину- опростать, либо отдать Саксонію, Шлезію. Нашъ и царскій дворъ коро на предложеніе сіе согласились, мы и царцы помышляли болѣе о атныхъ своихъ выгодахъ. Францу- хотѣлось, чтобъ мы въ сей годъ или городъ Штетинъ въ Поме- и. Салтыкову же хотѣлось войну и вдоль подлѣ морскихъ береговъ въ ераніи и онъ настоялъ, чтобъ овладѣть ва Данцигомъ. Король Августъ иль, чтобы свободить какъ можно ѣе Саксонію изъ рукъ короля прус- о, австрійцы помышляли только о еваніи Шлезіи. Наконецъ, предложе- скихъ послѣднихъ одержали верхъ, и мковъ получилъ повелѣніе итти съ ею своею въ Шлезію и осадить Брель. Сей планъ почитали въ Петер- ѣ наилучшимъ и совершеннѣйшимъ, и былъ тотъ недостатокъ, что армія и не имѣла при себѣ ни осадной ллеріи, ни снарядовъ. Но сими хо- уже снабдить насъ царцы изъ мн.

мъ образомъ вооружалась и приуго- ялась вся Европа къ новымъ въ сей кровопролитіямъ, которыя тотчасъ чались, какъ скоро весна наступила; возвращусь на время къ продол- ю собственной своей исторіи.

Между тѣмъ какъ арміи и правитель- ства помянутымъ образомъ пригото- вались къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ, мы продолжали жить, по прежнему, въ Кѣ- нигсбергѣ и все праздное время, оста- ющееся отъ дѣлъ, употреблять на уве- селенія разнаго рода. Что касается соб- ственно до меня, то мнѣ съ 7-го ок- тября минувшаго года пошелъ уже двад- цать второй годъ моей жизни и я начи- налъ уже мыслить постепеннѣе прежняго. Характеръ и склонности мои часъ-отъ- часу развертывались и означались болѣе. Охота моя къ литературѣ и ко всѣмъ ученымъ упражненіямъ не только не умень- шалась, но со всякимъ днемъ увеличилась болѣе. И можно было уже ясно видѣть, что я рожденъ былъ не для войны, а для наукъ, и что натура одарила меня въ особ- ливости склонностію къ онымъ, и самая отмѣнная склонность сія причиною тому была, что я далеко не употреблялъ всего своего празднаго времени на однѣ только увеселенія и забавы, но употреблялъ боль- шую часть онаго себѣ гораздо въ луч- шую пользу. Я препровождалъ оное от- части, по прежнему, въ чтеніи нѣмец- кихъ книгъ, отчасти въ переводахъ и пере- писываніи оныхъ на-бѣло, а отчасти зани- мался красками и рисованьемъ. Однако въ семь послѣднемъ упражнялся я только временно, кой-когда и на досугѣ и по- немногу, также и перевелъ только не- большой нѣмецкій романъ подъ назва- ніемъ: «Приключенія милорда Книг- стона», и переписалъ переводъ сей на- бѣло, хотя и сей былъ еще весьма плоховать и того ни мало не стоилъ; а величайшее мое занятіе было чтеніе: въ ономъ углуб- лялся я отчасу болѣе и всегда находили меня окладеннаго множествомъ книгъ, не только дома, но и въ самой канцеляріи. Но читалъ я и въ сей годъ, какъ выше упо- мянуто, не одни уже романы и сказочки по прежнему, но, мало-по-малу, сталъ уже привыкать и къ нравоучительнымъ и степеннымъ книгамъ. И какъ, по особли- вому счастью, сіи мнѣ съ самаго начала не только не насучили, но отмѣнно по- любилъ, то съ сей стороны можно сей

годъ почесть уже весьма достопамятнымъ въ моей жизни; ибо съ начала онаго началъ я самъ себя образовывать, обдѣлывать свой разумъ, исправлять сердце и дѣлаться человѣкомъ.

Во всему тому очень много помогло мнѣ то, что попались мнѣ въ руки хорошия правоучительныя сочиненія и, между прочими, правоучительныя разсужденія господина Гольберга. Сему славному датскому барону и сочинителю я очень много въ жизнь свою обязанъ. Онъ почти первый сочиненіями своими вперилъ въ меня охоту къ правоученію и пригласилъ меня такъ сильно къ оному, что мнѣ захотѣлось уже и самому, по примѣру его, сдѣлаться правоучителемъ. За сіе и понинѣ имѣю я къ сему давно уже умершему мужу особенное почтеніе и съ особливими чувствами смотрю на его портретъ, въ одной книгѣ у себя найденный.

Не мало же обязанъ я въ жизни своей и славному лейпцигскому профессору Готшеду. Сей начальными своими основаніями философіи не только спознакомилъ меня вскользь и со всѣми высшими философическими науками, но и вперилъ первый охоту къ симъ высокимъ знаніямъ и проложилъ помянутыми книгами своими мнѣ путь къ дальнѣйшимъ упражненіямъ въ сей ученой части. Многія и разныя еженедѣльныя сочиненія, издаванныя въ Германіи въ разныя времена и въ городахъ разныхъ, понавнись мнѣ также въ руки, помогли не только усилиться во мнѣ склонности къ правоученію, но спознакомили меня и съ эстетикою, положили основаніе хорошему вкусу и образовали во многихъ пунктахъ и умъ мой и сердце. Я не только всѣ сіи журналы съ особливымъ усердіемъ и удовольствіемъ читалъ, но многія пьесы изъ нихъ, которыя мнѣ наиболѣе нравились, даже испытывалъ переводить на нашъ языкъ и въ трудѣ семъ съ особливымъ удовольствіемъ упражнялся. И сочиненія сего рода мнѣ столь много полюбились, что нѣкогда и самого меня предпринять нѣчто подобное тому и произвестъ дѣло, которое едвали кому-нибудь въ свѣтѣ

произвестъ съ толикимъ успѣхомъ довелось какъ мнѣ, какъ о томъ упомянется въ своемъ мѣстѣ.

Но никому изъ всѣхъ нѣмецкихъ сочинителей не обязанъ я такъ много въ жизнь мою, какъ господину Зульцеру; онъ, такъ какъ я уже и прежде упоминалъ, обѣими маленькими и свѣту довольно известными книжками о красотѣ природы спознакомилъ меня первый съ устройствомъ міра, влилъ въ меня охоту къ физическимъ знаніямъ и научилъ узнавать, примѣчать и любоваться красотами и прелестями природы и чрезъ самое то доставилъ мнѣ въ послѣдующіе потомъ дни, годы и времена безчисленное множество веселыхъ и драгоцѣнныхъ минутъ въ жизни, каковыми и понинѣ, и даже въ самой своей старости, пользуюсь.

Со всѣми сими и многими другими полезными книгами и лучшими нѣмецкими сочиненіями спознакомила меня отчасти помянутая библіотека, доставлявшая мнѣ книги для чтенія, отчасти товарищи мои, нѣмецкіе канцеляристы, а отчасти и книжныя аукціоны. На сіи продолжалъ я съ такою ревностію ходить, что не пропускать изъ нихъ ни единого и не возвращался никогда на квартиру, не принося съ собою по нѣскольку книгъ, купленныхъ на оныхъ. Отъ сего самаго начала уже около сего времени формироваться у меня порядочная библіотека и было у меня книгъ уже подъ сотенку и болѣе; но всѣ онѣ стоили мнѣ очень недорогого. Однако, нельзя сказать, чтобъ и не покупалъ я кое-когда и новыхъ. Всякій разъ, когда ни случалось мнѣ узнать какую-нибудь новую и полезную для себя книжку, какъ бѣгивалъ я въ книжную лавку, и купивъ отсылалъ къ моему переплетчику и работникъ его нерѣдко принашивалъ ко мнѣ цѣлыя япы книгъ, вновь переплетенныхъ.

Впрочемъ, побуждало меня много къ множайшему занятію себя книгами и науками и знакомство, сведенное съ присланными къ намъ изъ Москвы студентами; всѣ они были не вертопрахи и не шалуны, а прилежные и къ наукамъ

склонные молодые люди; и какъ они штудировали и учились у разныхъ профессоровъ и къ намъ не рѣдко хаживали въ канцелярію, то и былъ мнѣ случай всегда съ ними объ ученыхъ дѣлахъ говорить и какъ имъ сообщать свои знанія, такъ и отъ нихъ пользоваться взаимными, и я могу сказать, что я въ образованіи своемъ весьма много и имъ обязанъ.

Между сими учеными упражненіями, занимавшими, можно сказать, величайшую часть моего времени, не оставлялъ я иногда жертвовать нѣкоторою частію онаго и другимъ увеселеніямъ и забавамъ, однако не такимъ, какими занимались множайшіе изъ свертниковъ монахъ, другіе офицеры, но благороднымъ и позволительнымъ. Въ зимнее и осеннее время захаживалъ я на какіе-нибудь четверть или полчаса въ трактиръ, но не для мотовства и безчіянія какого, а единственно для того, чтобъ велѣть напоить себя кофеемъ или чаемъ, а между тѣмъ философическимъ окомъ посмотрѣть на людей разнаго состоянія, въ нихъ находящихся, и въ разныхъ играхъ и упражненіяхъ время свое проводящихъ. Иногда читывалъ я тамъ новѣйшія и разныя иностранныя газеты, а иногда съ товарищами своими, нѣмцами, садился за особый столикъ, составляли свой собственный и неубыточный ломберокъ и играя не для прибытка, а для увеселенія одинаго. Времени же биралъ и кій и сыгрывалъ партію-другую съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ своихъ въ биліаръ и также не для выигрыша какого, а для одинаго увеселенія. Однако, все сіе случалось не всякій день, но очень рѣдко.

Напротивъ того, въ лѣтнее время уже гораздо чаще хаживалъ я по публичнымъ садамъ, а особливо въ праздничные и воскресные дни послѣ обѣда, и въ нихъ въ сообществѣ не нашихъ, а смирныхъ и кроткихъ вѣннсбергскихъ жителей, препровождалъ всегда съ особливимъ удовольствіемъ время. Чашка чаю или кофея и трубка табаку составляли все мое мотовство въ оныхъ; что очень рѣдко бралъ

я соучастіе и въ самой неубыточной игрѣ въ кегли.

Иногда же, хотя сіе и рѣдко случалось, выѣзжали мы, стоворясь съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ, и за городъ или хаживали пѣшкомъ по нѣскольку верстъ за ворота городскія. Наилучшія таковыя прогулки бывали у насъ въ сторону къ Пилавѣ и внизъ по рѣкѣ Прегелю, по берегу оной. Дорога была тутъ широкая, гладкая, возвышенная, осажденная съ обѣихъ сторонъ ветлами и имѣющая по одну сторону рѣку Прегель, текущую почти совѣмъ прямо и покрытую всегда множествомъ судовъ, а по другую сторону—низкіе и ровные луга, пресѣченные также кой-гдѣ длинными рядами насажденныхъ дозъ. Плыущія по рѣкѣ малыя и большія суда, бѣлые, распростертые ихъ паруса, разноцвѣтные флаги или шумъ отъ веслъ, плывущихъ на греблѣ, а съ другой стороны безчисленное множество всякаго скота, стрегомаго на лугахъ въ отдаленіи; самый городъ, сидящій отчасти на горѣ, отчасти на косогорѣ; многочисленныя его красныя черепичныя, а индѣ зеленныя и отъ солнца иногда какъ жаръ горящія кровли домовъ высокихъ; королевскій замокъ, возвышающійся выше всѣхъ зданій на горѣ и четвероугольною и высокою башнею своею особливый и нѣкакой важной видъ представляющій; высокія и остроконечныя колокольни церквей, видимыхъ въ разныхъ мѣстахъ между безчисленными домами; зеленые валы крѣпости Фридригсбергской, по лѣвую сторону рѣки и при выходѣ изъ города находящейся; цѣлый лѣсъ изъ мачтъ многихъ судовъ, украшенныхъ флажерами и вымпелами разноцвѣтными; многія огромныя и высокія вѣтряныя мельницы, подлѣ вала въ городѣ и на горѣ воздвигнутыя; все—все сіе представляло глазамъ въ семь мѣстѣ пріятное зрѣлище, а особливо по отпествіи по сей дорогѣ версты двѣ или три; вся она въ праздничные и воскресные дни испещрена бывала множествомъ гуляющихъ людей обоого пола. Во многихъ мѣстахъ подѣланы были скамейки для отдохновенія онымъ, а въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ находились небольшіе домики, составляющіе нѣкоторый родъ трактировъ, ибо гуляющимъ можно было въ нихъ заѣзжать, заходить и въ нихъ доставать себѣ купить: молоко, яйца, масло, колбасы, сыры и прочее тому подобное; а для питья: пиво, вино, а въ иныхъ самый чай и кофей, и всѣ такіе домики всегда нахаживалъ я наполненные многими людьми, но нигдѣ и никогда не видалъ я какого-нибудь безчинія и шума, а все было тихо, кротно и хорошо, такъ что мило было смотрѣть и можно было всегда съ пріятностію проводить свое время.

Упомянувъ о сей прогулкѣ приводить мнѣ на память и ѣзду мою въ сіе лѣто гулять въ сіи мѣста на шляпкѣ. Подговорили меня къ сему наши канцелярскіе секретари и сотоварищи, а ихъ взялся симъ образомъ по рѣкѣ покатать одинъ изъ нашихъ морскихъ офицеровъ. Я тѣмъ охотнѣе на уговариванье ихъ вмѣстѣ съ ними ѣхать согласился, что давно уже не ѣзжалъ по водѣ, а на шляпкахъ и никогда еще не случалось мнѣ кататься. Но, о! какъ досадовалъ я самъ на себя послѣ, что далъ себя уговорить — ѣхать съ ними вмѣстѣ. Никогда не позабуду я сей прогулки и того, какъ много настрадался я во время оной. Уже одно и то заставляло меня раскаиваться, когда я, приѣхавъ съ ними въ одинъ и самый отдаленнѣйшій изъ помянутыхъ домиковъ, увидѣлъ, что главное намѣреніе ихъ было то, чтобъ тутъ, на свободѣ, по нарѣчію ихъ говоря, погулять, а попросту сказать — поплянствовать и побуянствовать по русскому манеру.

Покуда мыплыли внизъ по рѣкѣ и не столько гребли, сколько несомы были внизъ стремленіемъ рѣки, до тѣхъ (поръ) все еще я веселился и скоростію плаванія, и встрѣчающимися съ глазами моими разными и невиданными еще до того предметами, ибо я такъ далеко никогда за городъ не ѣзжалъ. Но не успѣли мы доѣхать до помянутаго домика и войти въ оный, какъ потащили въ него изъ нашего суденышка цѣлыя дюжины бутылокъ разныхъ винъ и напитковъ. «Э! э!

э! возопилъ я тогда самъ въ себѣ, сіе увидѣвъ:— такъ за тѣмъ-то мы сюда ѣхали; но, воленъ Богъ, и они мнѣ, а я имъ не товарищъ и пить съ ними никакъ не стану». Я и сдержалъ дѣйствительно сіе слово, ибо сколько они меня ни уговаривали, сколько ни убѣждали и какъ ни старались даже приневоливать, но я никакъ не согласился на ихъ просьбы и желанія, и не хотѣлъ никакъ также изъ ума почти выпиться, какъ они. Но сколь же многого мнѣ все сіе стоило! всѣ они даже разсердились на меня за то, но я всего менѣе уважалъ ихъ гнѣвъ и сердце, а желалъ только, чтобъ скорѣе приближился вечеръ и погналъ ихъ обратно въ городъ. Наконецъ сей и началъ приближаться. Но они такъ распились, что сколько я имъ ни предлагалъ, что пора домой ѣхать, но они и не помышляли о томъ, ибо бутылки не всѣ еще были опорожнены. Наконецъ насилу-насилу осуществили они всѣ оныя и рѣшились ѣхать обратно; но тутъ, какъ поразился я страхомъ и ужасомъ, когда увидѣлъ рѣку, вмѣсто прежней гладкости и тишины, всю покрытую страшными волнами. Ибо, между тѣмъ, покуда они помянутымъ образомъ пили, погода перемѣнилась и поднялся превеликій вѣтръ снизу и произвелъ въ рѣкѣ превеликое волненіе; я, имѣя издавна отвращеніе отъ воды и боясь всегда по оной ѣздить, обмеръ тогда, испужался и не зналъ, какъ мы по такимъ страшнымъ волнамъ поѣдемъ. Ежелибъ были мы не такъ далеко отъ города и было не такъ поздно, то рѣшился-бъ я тотчасъ, оставивъ ихъ, итти пѣшкомъ до города; но какъ мы удалены были отъ онаго болѣе десяти верстъ и притомъ наступилъ уже вечеръ и никакого народа по дорогѣ уже не было, то о томъ и помыслить было не можно, но я принужденъ былъ вмѣстѣ съ ними опять, но съ замирающимъ уже сердцемъ, садиться въ шляпку. Что касается до нихъ, то какъ имъ пьянымъ казалось самое море по-колѣно, то вмѣсто страха и боязни они только смѣялись мнѣ и называли меня трусомъ. Я имъ далъ уже волю говорить, что хотять,

а помышлялъ только объ опасности и молилъ Бога о томъ, чтобъ намъ доѣхать благополучно.

Но сколь опасность ни казалась мнѣ велика, но я и въ половину таковою ее себѣ не воображалъ, каковою послѣ я ее увидѣлъ, ибо не успѣли мы отвалить отъ берега и выбраться на средину рѣки, какъ опьянѣвшій нашъ первый секретарь, какъ главная всей прогулки особа, самъ себя почти не помня, морскому офицеру закричалъ: «братъ и другъ! велика поднять парусъ и пустимся на немъ; видишь, братъ, какой прекрасный вѣтеръ, мы тотчасъ приѣдемъ». — «Хорошо!» сказалъ офицеръ сквозь зубы и замолчалъ послѣ, но матросъ, правившій рулемъ, подхватилъ: «Не опасно ли, сударь, будетъ и чтобъ не опрокинуться намъ, вѣтеръ слишкомъ великъ!» «Вотъ какой вздоръ! закричалъ нашъ Чонжинъ:—поднимайка парусъ-отъ скорѣе!» Я обмеръ, испужался, сіе услышавъ отъ матроса, и ужасъ мой еще больше увеличился, когда и самъ офицеръ нехотя сталъ приказывать поднимать парусъ.

Но какъ изобразить мнѣ тотъ ужасъ, которымъ поразился я, когда по поднятіи паруса всѣ пересѣли на одну сторону и шлюпку повалили совсѣмъ на бокъ и кричали, чтобъ пересаживался и я скорѣе также какъ они. Мнѣ сего обыкновенія вовсе было неизвѣстно и какъ я на шлюпкахъ никогда на парусахъ не ѣзживалъ, да и не видывалъ какъ ѣздятъ, то и не вѣдалъ я, что такъ и надобно; а потому обмеръ испужался, увидѣвъ одинъ бортъ или край шлюпки почти до самой воды прикоснувшимся и загребаящимъ почти воду. Я, позабывъ все, кричалъ, вопѣлъ, почиталъ себя уже погибшимъ карабкался и хватался за сопротивный бортъ и почитая всякую минуточку послѣднею въ моей жизни, призывалъ святыхъ на помощь; просилъ и умолялъ всѣхъ товарищей моихъ, чтобъ они сдѣлали милость и выпустили меня на берегъ; и я хотѣлъ уже, несмотря ни на что, итти хотя всю ночь одинъ пѣшкомъ, но все сіе было тщетно. Они всѣ только смѣя-

лись и хохотали надо мною, называли меня трусомъ и малодушнымъ и говоря, что мнѣ это за то, для чего я упрямясь и не хотѣлъ никакъ ихъ просьбъ и уговариваніевъ слушать и въ путь ихъ дѣлать имъ компанію.

Тысячу разъ проклиналъ я тогда и шлюпку, и офицера, и всю свою охоту и желаніе покататься на шлюпкѣ, и тысячу разъ раскаивался въ томъ, что не остался на берегѣ и не пошелъ пѣшкомъ въ городъ; но все сіе было уже поздно. Но я болѣе получаса препроводилъ въ неизобразимомъ страхѣ и ужасѣ; и не знаю, что со мною-бы было, еслибъ сама судьба не похотѣла меня отъ того избавить, ибо приди такъ-называемый шквалъ или родъ вихря и погнуло такъ сильно нашу шлюпку, что она дѣйствительно чуть-было въ волнахъ не зарылась и не опрокинулась со всѣми нами, и еслибъ искусство и расторопность кормчаго не помогла, то купаться бы намъ всѣмъ и погибать въ рѣкѣ Прегелѣ. Сами господа наши пьяные рыцари, какъ ни храбровали до того времени, но какъ бортомъ захватило уже и воды нѣсколько въ нашу шлюпку и она насъ всѣхъ перемочила, то сскочилъ и хмѣлъ съ нихъ долой и они закричали всѣ въ одинъ голосъ, чтобъ опускали скорѣе парусъ и принимались бы по прежнему за весла и не отреклись вмѣстѣ съ прочими выливать воду изъ шлюпки шляпами и чѣмъ ни попало; а сіе и положило всему страху и опасенію моему предѣлъ, ибо погода какъ была ни велика, но мы на веслахъ доѣхали до города благополучно. Совсѣмъ тѣмъ, выходя изъ шлюпки заклиналъ я самъ себя впредь, чтобъ никогда и ни подъ какимъ видомъ на ней подобнымъ образомъ не ѣздить.

Симъ кончилось тогда сіе происшествіе, а снѣмъ кончу я и письмо мое, предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе письму послѣдующему, а между тѣмъ остаюсь и прочее.

Письмо 80-е.

Любезный пріятель! Напомяная да-

лѣе прочее, что у насъ въ теченіе сего года въ Кёнигсбергѣ происходило, приходятъ мнѣ на память между прочимъ то, что генералу нашему окупилось жить въ старинныхъ, скучныхъ и темныхъ герцогскихъ комнатахъ, которыя, будучи во второмъ этажѣ замка, имѣли очень немногія, а притомъ и маленькія ✓ окна, отчего, а особливо въ разсужденіи просторности и величины своей, были очень темны; и какъ сверхъ сего этажа было еще два, и одинъ самый лучший, или бель-этажъ, а и другой мизениной, но довольно высокой, но оба сія этажа не были еще отдѣланы, то генералу нашему восхотѣлось помянутый (бель-этажъ) отдѣлать для своего жительства, и испросилъ на то дозволеніе у императрицы. Поправленія и отдѣлка сія стоила намъ не одну тысячу, ибо генералъ отдѣлывалъ покой сія съ пышной руки и не жалѣя нисколько денегъ; наилучшіе лѣпные мастера и живописцы альфреско употреблены были для убирания и расписыванія комнатъ, и одна галерея стояла, я думаю, тысячъ двухъ, а о прочихъ и многочисленныхъ, жилыхъ и парадныхъ комнатахъ уже и упоминать нечего. Изъ сихъ убрана и украшена была одна другой лучше и весь сей этажъ отдѣланъ былъ такъ хорошо, что ежелибъ приѣхала къ намъ и сама императрица, такъ бы могла найти въ немъ себѣ спокойную квартиру.

Работа сія началась у насъ еще въ минувшемъ году и продолжалась болѣе года, и генералъ насилу могъ дожидаться отдѣлки оного, такъ наскучили ему его темныя комнаты, нисколько несообразныя съ его пышнымъ родомъ жизни. И какъ въ началѣ сего лѣта отдѣлка сія приведена къ окончанію, то генералъ нашъ тотчасъ и перешелъ въ оный, и тутъ-то прямо, какъ говорится въ пословицѣ, развернулся и показалъ, какъ онъ и умѣетъ и любить жить. Балы, маскарады и танцы происходили у насъ и до того не рѣдко, а тутъ, когда уже было гдѣ потанцевать и поразгуляться, количество ихъ уже усугубилось и танцованіе мнѣ уже такъ наскучило, что

иногда нарочно уже сказывался больнымъ, чтобы не итти на балъ и не истощать силы свои до изнуренія въ танцахъ и прыганьѣ.

Сіе и дѣйствительно было и болѣе отъ того, что дамъ и дѣвицъ съѣзжалось къ намъ всякій разъ превеликое множество и всѣ онѣ были ужасныя охотницы танцовать, а мужчинъ, а особливо молодыхъ и могущихъ танцовать, какъ говорится, во вся тяжкая, очень мало; а какъ я находился уже тогда въ немногомъ числѣ первѣйшихъ и лучшихъ танцовщиковъ, то судите, каково было намъ безъ отдыха по нѣскольку часовъ пропрыгивать и кругомъ вертѣться, танцуя разные контрадансы, изъ которыхъ и одинъ всегда кроваваго пота стоилъ протанцовать; ибо мы ихъ тутъ въ новой и пространной галереѣ танцовали не менѣе, какъ паръ въ тридцать; а другая и такая-жъ или еще множайшая половина молодыхъ госпожъ и дѣвицъ, поджавъ руки, стояла и съ нетерпѣливостью дожидалась окончанія того, дабы начать имъ самимъ другой контраданецъ, и жадность ихъ къ тому и въ прискаканіи себѣ кавалеровъ была такъ велика, что не мы ихъ, а онѣ сами уже насъ отыскивали и не поднимали, а просьбою прашивали, чтобы съ ними потанцовать, и снѣжили всякій разъ другъ предъ другомъ захватить себѣ лучшаго танцовщика; такъ что въ половинѣ еще танцуемаго контраданца уже къ намъ сзади подхаживали и обшачанія руцъ нашихъ себѣ прашивали.

Сперва, и покуда было намъ сіе въ диковинку, ставили мы себѣ то въ особенную честь; но послѣ, когда длина контраданцевъ, а особливо самыхъ бѣшеныхъ и рѣзвыхъ, такъ намъ надоѣла, что ждешь не дождешься покуда и одинъ окончится, ибо и отъ одного рубаха со всѣмъ мокра отъ пота дѣлалась, то начали мы прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и обманамъ, и, отдѣлавшись отъ всѣхъ подбѣгающихъ сзади и требующихъ обшачанія танцовать, увѣреніемъ, что мы уже заняты и дали уже слово

свое другимъ, хотя ничего того не бывало, тотчасъ по окончаніи танца уходили въ самыя отдаленнѣйшіе и такіе покои, гдѣ никого не было и тамъ брали себѣ сколько-нибудь отдохновеніе. Но нерѣдко отыскивали насъ и тамъ госпожи и мы не знали уже куда отъ нихъ, ищущихъ насъ шайками и короводами, дѣваться.

Словомъ, годъ сей былъ для насъ наивеселѣнѣйшій и великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ прежнихъ и послѣдующихъ. Генералъ нашъ жилъ такъ, какъ маленькому царьку или какому владѣтельному и богатому князю жить слѣдовало, и прямо можно сказать пышно и богатою рукою. Какіе это пиры и многочисленныя обѣды и ужины давалъ онъ во всѣ, и даже самонамалѣйшіе, праздничныя и торжественныя дни, но и при случаѣ проѣздовъ всѣхъ знаменитыхъ особъ чрезъ нашъ городъ! какое и всякій разъ новое великолѣпіе и пышность являема была на столахъ! какая пышность въ балахъ и въ маскарадахъ! Со всѣхъ сторонъ выписываемы были и съѣзжалась къ намъ наилучшіе музыканты и для всякаго почти бала привозимы были новыя музыкаліи и танцы. Коротко, все новое и лучшее надлежало видимо и слышано быть у насъ и можно безошибочно сказать, что жители прусскіе не видывали, съ самаго начала своего королевства, никогда такихъ еще въ столичномъ городѣ своемъ пышностей, забавъ и увеселеній, какія тогда видѣли и врядъ ли когда-нибудь и впредь увидятъ. Ибо и самыя прусскіе короли едва ли могутъ когда-нибудь такъ весело, пышно и великолѣпно жить, какъ жилъ тогда нашъ Король. У него прямо былъ какъ маленькій дворикъ, почему и неудивительно, что слухъ и слава о немъ такъ разнеслась повсюду, что со всѣхъ сторонъ съѣзжалось къ намъ не только прусское, но даже и сосѣдственное польское дворянство, дабы брать въ увеселеніяхъ нашихъ соучастіе и чтобъ себя намъ показать и насъ посмотреть, и мы всякій разъ имѣли удовольствіе видѣть новыя лица и фигуры.

Къ симъ увеселеніямъ, кромѣ обыкно-

венныхъ празднествъ и торжествъ, подала намъ въ сей годъ поводъ и свадьба, сыгранная нашимъ генераломъ у себя въ домѣ. Одинъ изъ нашихъ совѣтниковъ, а именно господинъ Бауманъ, вздумалъ жениться на одной прусской дворянской дѣвушкѣ; и какъ онъ жилъ въ домѣ генерала и на его былъ содержаніи, то генералъ и помогъ ему сыграть сію свадьбу. Она была великолѣпнѣйшая и такъ, какъ бы какая княжеская, и мнѣ нѣсколько дней сряду удалось потанцовать на оной, а притомъ имѣть случай видѣть, какъ производится у нѣмцевъ вѣнчаніе въ домахъ. У насъ производимо оно было въ большой галлерей, и мы съ удовольствіемъ на сіе зрѣлище смотрѣли, хотя въ самомъ дѣлѣ обрядъ сей у нихъ далеко не такъ зрѣнія достоинъ, какъ при нашихъ свадьбахъ.

Кромѣ сего имѣли мы еще въ теченіе сего лѣта случай видѣть довольно прекраснѣйшій и не малой цѣны стоящій фейерверкъ. Ибо какъ сего одного къ увеселеніямъ нашимъ недоставало, то хотѣлось генералу нашему и симъ, никогда еще невиданнымъ, зрѣлищемъ пруссаковъ и всю кѣнигсбергскую публику увеселить.

Сдѣлалъ и смастерилъ намъ его прежде упоминаемый мною, жившій у генерала итальянецъ Моринни, и какъ былъ онъ не малый и составленъ изъ огромнаго фитильнаго и изъ свѣчекъ сдѣланнаго щита, и изъ множества колесъ, фонтановъ, ракетъ, бураковъ и другихъ тому подобныхъ вещей, то работалъ онъ его долго, и мнѣ случилось тутъ еще впервые видѣть, какъ они дѣлаются. Согражденіе для него выбрано было у насъ на берегу рѣки Прегеля, неподалеку отъ прежней моей квартиры и мы сожгли его на Петровъ день, при собраніи безчисленнаго множества народа; и удовольствіе, произведенное зрѣлищемъ симъ всѣмъ кѣнигсбергскимъ жителямъ было превеликое, всѣ они не могли довольно расхвалить его за сіе.

Сей случай сопровождаемъ былъ также большимъ баломъ и торжествомъ, а вско-

рѣ за симъ получили мы опять случай нѣсколько дней сряду прыгать и вертѣться по случаю проѣзда чрезъ Кѣнигсбергъ старшаго графа Чернышова, Петра Григорьевича. Онъ отправленъ былъ отъ двора нашего въ Гишпанію посломъ, для поздравленія новаго короля со вступленіемъ на престолъ, и какъ ему велико было на долго тамъ остаться, то и ѣхалъ онъ туда съ женою и обѣими дочерьми, дѣвчушками уже невѣстами. Они пробыли у насъ въ Кѣнигсбергѣ съ недѣлю и какъ стояли они въ замкѣ у нашего генерала, то сей и старался ихъ угостить какъ можно лучше и выдумывалъ всякій день новыя увеселенія. Обѣ молодыя графини были превеликія танцовщицы, играли также на разныхъ инструментахъ, навезли намъ множество новыхъ танцевъ и намъ удалось и съ ними потанцовать до усталости.

Съ отъѣздомъ ихъ лишились мы одного изъ нашихъ друзей и собесѣдниковъ, а именно вышеупомянутаго итальянца Морнини. Графу Чернышову нуженъ былъ, при его посольствѣ, человекъ таковыхъ способностей, каковъ былъ сей итальянецъ. Онъ уговорилъ его ѣхать въ Гишпанію съ собою и давалъ ему столько обѣщаній, что сей къ тому наконецъ и склонился. Генералу нашему весьма не хотѣлось его отпустить, а и мы всѣ разставались съ нимъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, въ особенности жаль было мнѣ его. Онъ такъ меня любилъ и я такъ къ нему привыкъ и дружбою и ласкою его былъ доволенъ, что проводилъ его утирая пальцами глаза свои, и не надѣялся болѣе уже никогда его видѣть, какъ и дѣйствительно съ того времени не имѣлъ уже объ немъ ни малѣйшаго слуха.

Но не одного его, а лишились мы въ сіе лѣто и другого своего собесѣдника. Не захотѣлось болѣе жить при генералѣ нашемъ и адъютанту его господину Андрееву; но отецъ его, видя, что ему тутъ ничего не выслужить, прискалъ ему въ Петербургъ другое, и гораздо лучшее мѣсто, и генералъ нашъ принужденъ былъ хотя нехотя его отъ себя отпустить и

мы проводили его также съ сожалѣніемъ.

Какъ чрезъ отъѣздъ его генералъ нашъ остался безъ адъютанта, то дѣлано было мнѣ стороною предложеніе, не хочу ли я заступить его мѣсто; но я, не долго думая, на отрѣвъ отказался, ибо какъ я при таковой переимѣнѣ званія моего ничего не выигрывалъ, а оставался тѣмъ же подпоручикомъ, чѣмъ былъ, то не хотѣлось мнѣ самопроизвольно и безъ всякой себѣ пользы наложить на себя весьма тяжкія оковы, и не только убытчатъ и разоряться, дѣлая для себя и лучшее платье и наряды, но и быть ежедневно бранену отъ нашего бѣшенаго генерала. «Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! сказалъ я прямо то мнѣ предлагавшимъ. Я благодарю покорно за честь, мнѣ предлагаемую, но уступаю ее всѣмъ сердцемъ и душою другимъ, а самъ хочу остаться въ прежнемъ своемъ армейскомъ чинѣ и мѣстѣ, адъютантскую же должность, буде угодно генералу, могу отправление и не будучи адъютантомъ».

Но онъ, ожидая уже такого отъ меня отказа, не хотѣлъ отягощать меня и несеніемъ сей должности, а истребовалъ себѣ другого, и къ нему присланъ былъ нѣкто господинъ Балабинъ, по имени Иванъ Тимофеевичъ, человекъ хотя низкаго происхожденія, но весьма хорошихъ свойствъ и такого характера, что мы его всѣ очень скоро и много полюбили. Въ особенности же, и всѣхъ прочихъ скорѣе, сладилъ я съ нимъ и сдружился, такъ, что мы навсегда сдѣлались хорошими друзьями. Онъ не разумѣлъ хотя языковъ, но охотникъ былъ до чтенія книгъ и читалъ отменно хорошо, и сего было довольно уже къ тому, чтобъ ему меня, а мнѣ его полюбить. Впрочемъ, какъ онъ способенъ былъ отправлять по канцеляріи письменныя дѣла, нежели чины строить при генералѣ, то и посаженъ онъ былъ къ намъ въ канцелярію, и сидѣлъ отъ меня шага только на два за дощатою перегородкою, а сіе и подало намъ поводъ къ скорѣйшему сведенію знакомства и дружбы.

Впрочемъ, въ мѣсяцѣ іюлѣ сего года, обрадовавъ я былъ присылкою ко мнѣ

изъ деревни нарочнаго человѣка съ письмами и деньгами. Отъ меня давно уже писано было туда, чтобъ прислали ко мнѣ доходы и я съ самаго вступленія въ Пруссію не получалъ оттуда ничего; а потому и присланы они были ко мнѣ въ сіе время. Но, о! какое огромное количество получилъ я тогда съ деревень своихъ доходовъ! Они были хотя тѣже или еще множайшія передъ нынѣшними, но вмѣсто нынѣшнихъ тысячъ привезли ко мнѣ тогда не болѣе двухъ сотъ рублей изъ собранныхъ въ цѣлые два года доходовъ: видно, что была въ нихъ хорошая экономія. Но правду сказать, что и времена тогдашнія весьма отиѣнны были отъ нынѣшнихъ и мы не получали тогда съ деревень своихъ и пятой доли доходовъ противъ нынѣшнихъ, слѣдовательно много и требовать было не можно.

Но какъ бы то ни было, но и сіи деньги, по неимѣнію тогда еще ассигнацій, доставить ко мнѣ было трудно и крестьянинъ мой, боясь, чтобъ дорогою у него ихъ не отняли и не украли, спрятали оныя въ выдолбленную заднюю ось своей телеги, и самъ принялъ на себя почти нищенскій образъ.

Поманутая привезенная тогда ко мнѣ сумма какъ была ни мала, но для меня составляла тогда довольно важную, ибо денегъ было у меня и тамъ немного. Жалованье получалъ я самое маленькое, подпоручичье, а побочныхъ доходовъ не имѣлъ никакихъ, или имѣлъ, но очень малые и ничего незначущіе. Съ однихъ только прусскихъ фурманщиковъ, возившихъ на фурахъ своихъ разныхъ людей и товары изъ Кѣнигсберга въ Мемель, въ Эльбингъ и въ Данцигъ дозволено было мнѣ изъ-подъ руки отъ самого генерала брать по бездѣлѣ за переводъ паспортовъ. Паспорты сіи получали они нѣмецкіе, печатные, за генеральскою рукою и печатью и выписываемы въ нихъ были имена ихъ товарищами моими нѣмецкими канцеляристами. Но какъ фурманщикамъ симъ нуженъ былъ для нашихъ русскихъ и переводъ сихъ паспортовъ на оборотъ, я же сіе, какъ совсѣмъ

не казенное, а партикулярное дѣло, не обязанъ былъ производить и надъ переводомъ симъ трудиться, то и дозволено было и мнѣ и товарищамъ моимъ получать отъ фурманщиковъ сихъ небольшую акциденцію, которую они для скорѣйшаго ихъ отправленія намъ охотно и давали.

Но всего того и вмѣстѣ съ жалованьемъ и раціонами едва доставало мнѣ на снабженіе себя платьемъ и обувью и на покупку книгъ, мнѣ нужныхъ, ибо всѣ почти излишки употреблялъ я на оныя, нимало о томъ не жалѣя; когда же привезли ко мнѣ помянутое количество изъ дома, то почиталъ я себя уже богатымъ человекомъ и, употребивъ нѣсколько изъ нихъ на покупку давно желаемыхъ книгъ, всѣ прочія положилъ впрокъ для сбереженія на черный день.

Какъ сему присланному надлежало ѣхать ко мнѣ чрезъ Новгородъ и Псковскую провинцію, то въ сей послѣдней заѣхалъ онъ и къ старшей сестрѣ моей, жившей, какъ прежде упоминаемо было, въ Островскомъ уѣздѣ, и верстъ за восемьдесятъ отъ Пскова, и привезъ мнѣ объ ней извѣстіе. Въ сіе время находился уже и зять мой, господинъ Цеключовъ, съ нею въ деревнѣ, ибо ему удалось какъ-то выбиться изъ военной службы, къ которой онъ былъ неспособенъ, и получить чистую отставку; итакъ, жилъ онъ тогда уже дома, и оба они съ сестрой моей занимались только воспитаніемъ сына своего, который у нихъ одинъ только и былъ, и тогда, будучи уже мальчикомъ изряднымъ, учился языкамъ.

Я очень радъ былъ, узнавъ о сихъ ближнихъ и лучшихъ родныхъ, и отпуская обратно присланнаго, написалъ къ сестрѣ своей предлинное письмо и наговорился съ нею заочно до сыта. Я рассказывалъ ей о себѣ все и вся, а наконецъ предлагалъ ей совѣты, какъ бы лучше имъ воспитать и чему обучать моего племянника. Между прочимъ, сколько помнится мнѣ, совѣтовалъ я ей достать для него бывшія тогда въ величайшей у насъ славѣ и только что вышедшія книги, «Дѣтское училище» на-

звѣщанія. Но мальчикъ сей не рожденъ былъ къ наукамъ и къ сожалѣнію такъ извѣженъ и избалованъ, что вышелъ изъ него превеликій лѣнivecъ.

Впрочемъ, при отправленіи крестьянина моего въ деревню, не преминулъ я помислить и о деревнѣ и сколько-нибудь о сельской экономіи, изъ которой я тогда хотя и ничего не разумѣлъ, да и надѣяться было не можно, чтобъ я могъ вскорѣ увидѣть свою деревню, однако мнѣ хотѣлось по-крайней-мѣрѣ показать домашнимъ своимъ, что я не совсѣмъ ихъ забываю, и какъ у меня находился тамъ старинный мой дядька Артамонъ, о способностяхъ котораго я былъ довольно увѣренъ, то вздумалось мнѣ велѣть ему расширить одинъ изъ моихъ садовъ, заведенный и основанный покойною моею матерью, и превратить оный изъ простаго въ регулярный. Я нарисовалъ ему порядочный планъ, раскрасилъ его красками, сдѣлалъ подробнѣйшее описаніе и наставленіе, гдѣ и что ему садить, и какія гдѣ деревья и кустарники, и отправилъ къ нему сіе предписаніе. Сіе было первоначальное мое съ садами предпріятіе и садикъ сей хотя и не точъ въ точъ такъ, какъ я начертилъ, однако посаженъ былъ имъ довольно порядочно и послужилъ потомъ основаніемъ большому саду. Нѣкоторыя деревья, а особливо вишни и сливы растутъ еще и понинѣ въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тогда имъ посажены были, и служатъ ему нѣкоторымъ памятникомъ.

Отпустивъ мужичка своего обратно въ деревню, пересталъ я объ ней мыслить, и обратилъ пакъ всѣ свои помышленія къ службѣ и тогдашнимъ моимъ упражненіямъ. Мнѣ поручена была около сего времени особая комиссія. На всю армію строили тогда у насъ въ Кѣнигсбергѣ новыя знамены, и работа сія производилась подъ смотрѣніемъ капитана Кемецкаго; но какъ онъ не разумѣлъ живописи и рисованья, а на знаменахъ должно было малевать всѣхъ полковъ гербы, то надсматриваніе надъ живописцами поручено было мнѣ, и я долженъ былъ хо-

дить къ нимъ всякій день и поправлять ихъ ошибки. Прочее время дѣлилъ я между чтеніемъ книгъ и рисованьемъ, а нерѣдко въ лѣтнее время хаживалъ по прежнему и гулять по садамъ, а особливо въ Сатургусовѣ, который почитался наилучшимъ и первѣйшимъ изъ садовъ во всемъ Кѣнигсбергѣ, и дѣйствительно былъ зрѣнія и хвалы достоинъ. Купецъ, которому онъ принадлежалъ, познакомившись со мною, далъ мнѣ дозволеніе ходить въ садъ его когда мнѣ угодно, и я не упускалъ пользоваться симъ его дозволеніемъ.

Но всѣ сіи гулянья, равно какъ танцваніе на балахъ и на свадьбахъ, которыя по прежнему обыкновенію не оставляли мы посѣщать, не могли меня никакъ совратить съ того хорошаго пути, по которому пошелъ я съ самаго того времени, какъ опредѣлился въ камору и къ генералу и получилъ охоту читать книги. Я старался часть отъ часу дѣлаться постояннѣйшимъ и вмѣсто того, чтобъ по примѣру прочихъ молодыхъ моихъ сверстниковъ и сотоварищей, гоняться за женщинами, посѣщать всякій день трактиры и шататься изъ гостей въ гости, я старался волико можно отъ того удалиться и вести жизнь совсѣмъ не по лѣтамъ моимъ, а прямо философичскую; но мое особенное счастье было то, что изъ всего того великаго множества молодыхъ женщинъ, которыя къ намъ еженедѣльно на балы съѣзжались да и изъ всѣхъ прочихъ, живущихъ въ городѣ семъ, конхъ видать удавалось мнѣ, также въ киркахъ, на свадьбахъ и на гуляньяхъ и между которыми много было и хорошихъ, не случилось однако ни одной таковой, которая бы въ особенности плѣнила меня своими прелестями и въ которую бы я могъ страстно влюбиться. Сіе обстоятельство, которому я самъ довольно не надивлюсь, могло мнѣ въ особенности спастись отъ сей заразы, которая могла-бъ произвестъ великія дѣйствія и всѣ мои тогдашнія хорошія намѣренія разрушить; но я хотя часто видалъ женщинъ, но сматривалъ на нихъ на всѣхъ равнодушно, а будучи

отъ природы застѣнчивъ и несмѣль, не имѣлъ никакого близкаго обхожденія и съ самыми знакомѣйшими изъ нихъ, а ежедневно только помышлялъ о томъ, какъ бы себя отъ всего того дурного отучить, что находилъ я самъ въ себѣ при читаніи книгъ правоучительныхъ. Сіи заставили меня самого себя разсматривать и примѣчать все свои душевныя движенія и страсти, и какъ изъ нихъ приходилъ я въ себѣ особливую наклонность къ гнѣву и вспыльчивости, то и старался я въ особливости себя отъ того отучить и наблюдать въ семъ случаѣ самыя тѣ правила, какія въ книгахъ были предписаны, и могу сказать, что я нарочито въ томъ и успѣлъ и въ одно сіе лѣто такъ много себя передѣлалъ, что не сталъ почти походить самъ на себя и многіе не могли тому довольно надивиться.

Въ доказательство, какъ много успѣлъ я въ наукѣ обладать самимъ собою и страстями своими, расскажу я два происшествія, случившіяся со мною въ сіе лѣто. Въ одинъ день, понадобилось мнѣ, не помню зачѣмъ, сходить изъ канцелярій въ необыкновенное время на свою квартиру; кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней обыкновенно просиживалъ я съ утра до вечера въ канцелярїи и на квартиру прихаживалъ только почевать, но въ сей день пришелъ я неожиданнымъ образомъ туда вскорѣ послѣ обѣда. Вхожу въ большую мою комнату, которая была вкупѣ и моя спальня, и не нашедъ въ ней никого, думаю, что слуга мой Абрамъ, который одинъ со мною тутъ жилъ, куда-нибудь вышелъ. Но маленькій шумъ, услышанный мною въ комнатѣ, побудилъ меня туда заглянуть. Но чтожь я тутъ увидѣлъ? Слуга мой изволилъ трудиться надъ моею шкатулкою и, отперши ее прибраннымъ ключемъ въ самую ту минуту, выдвигалъ потайныя ящики и доставалъ изъ нихъ серебряныя деньги. Усердіе его въ сей работѣ было такъ велико, что онъ и не слышалъ, какъ я вошелъ и не прежде меня увидѣлъ, какъ я ему сказалъ: «Э! братъ, что такое это ты дѣлаешь?»—

Слова сіи и неожиданное имя мое пришествіе такъ его поразило, что онъ остолбенѣлъ и не въ состояніи былъ встать на ноги; но рубли посыпался у него изъ рукъ, и онъ, устремя глаза свои на меня, разинулъ ротъ и не въ состояніи былъ выговорить ни единого слова.— Явленію такому натурально должно ствовало воспалить всю кровь мою огнемъ и пламенемъ и привести меня въ бѣшенство, но произошло противное тому. Я успѣлъ опомниться и такъ много себя одолѣлъ, что ниже малѣйшему гнѣву не далъ въ сердцѣ своемъ мѣста, но съ спокойнымъ духомъ, пожавъ только плечами, сказалъ ему: «Ну, хорошо это?»—Виновать, сударь, отвѣчалъ онъ, и что ужъ говорить, виноватъ какъ собака, простите меня. Вотъ вамъ Богъ, впередъ этого не будетъ и буду служить вамъ вѣрно.— «Ну, хорошо, сказалъ я, посмотримъ, только сдержи свое слово». — Изволь сударь.— Онъ и подлинно устоялъ въ своемъ словѣ и во все прочіе годы пребыванія его при мнѣ не примѣтилъ я въ немъ ни малѣйшей невѣрности.

Нельзя изобразить, какое истинное душевное удовольствіе имѣлъ я во весь остатокъ того дня и многіе послѣдующіе за тѣмъ дни о сей самимъ надъ собою побѣдѣ, которая такъ легка мнѣ показалась, что я не могъ тому довольно надивиться, и благодарилъ Бога, что онъ помогъ мнѣ такъ много въ стараніяхъ своихъ о исправленіи своемъ.

Другое происшествіе было слѣдующее: въ самый тотъ день, когда былъ у насъ феерверкъ, случилось мнѣ въ ожиданіи зажженія онаго находиться посреди безчисленной толпы шедшагося смотрѣть оный народа и стоять въ кучкѣ собравшихся для того же нашей братьи офицеровъ. Было тутъ насъ человекъ десятокъ и болѣе, и на большую часть знакомыхъ другъ другу и все они, въ ожиданіи приѣзда губернаторскаго, провожали время свое тутъ отъ скуки по обыкновенію своему въ разныхъ шуточныхъ разговорахъ, смѣхахъ и дружескихъ издѣвкахъ другъ на другомъ. Но ни надъ кѣмъ такъ много

они тутъ не трунили и не смѣялись, какъ надъ однимъ сотоварщикомъ своимъ, который былъ родомъ изъ Лифляндіи, слѣдовательно нѣмецъ, и по прозвищу г. Кульбарсъ. Какъ всѣ нѣмцы обыкновенно одѣвались чище и убрались лучше нашихъ русскихъ офицеровъ, то случилось такъ, что сей г. Кульбарсъ убранный, разчесанный и распудренный былъ въ сей день отъменно какъ-то уже предъ обыкновеннымъ, и даже такъ, что всѣмъ онъ казался смѣшнымъ и всѣ они надъ нимъ трунили до одинаго, а особливо за то, что онъ, убранный симъ образомъ почти по-дурачки, вздумалъ тѣмъ еще кичиться, и не только не хотѣлъ почти ни съ кѣмъ говорить слова, но еще и сердился и досадовалъ, для чего надъ нимъ смѣялись; а сіе, какъ извѣстно, уже и бѣда между молодыми офицерами. Они сдѣлали вокругъ его кружокъ и чѣмъ болѣе онъ сердился, тѣмъ болѣе надъ нимъ трунили и смѣялись. Мнѣ случилось въ самое то время войти къ нимъ въ кружокъ, когда они наиболѣе его раззадорили и дошли даже до того, что кто-то изъ нихъ, будучи наглѣе всѣхъ прочихъ, дернулъ даже его за плечо за толстую его прусскую и внизу закорючившуюся косу. Г. Кульбарсъ тотчасъ оборачивается назадъ и не говоря ни слова, вдругъ опрокидывается на меня, нимало въ томъ не участвовавшаго, а только въ самую ту минуту туда и по несчастію сзади къ нему подошедшаго. Какъ было сіе въ самыя уже сумерки, то хотя не только онъ, но и самъ я истинно не видалъ кто его за косу дернулъ, но онъ счелъ, что это былъ я, и, вспыхнувъ какъ порохъ, началъ меня немилосерднымъ образомъ и такъ бранить и ругать такъ что другой бы, будучи на моемъ мѣстѣ, никакъ не утерпѣлъ, но его бы вѣрно сдѣлалъ въ рожу и готовъ бы съ нимъ хоть рѣзаться и драться. Но я имѣлъ столько духа, что будучи совсѣмъ невиненъ, глупости его только усмѣхался и въ соотвѣтствіе на все его лаганіе только ему сказалъ: «Слушайте, г. Кульбарсъ, я васъ, какъ честный человѣкъ, увѣряю, что я васъ не тро-

галъ и не замалъ, и что вы меня ругаете напрасно! А кто васъ трогалъ, того не видалъ и не знаю; а таковъ ли я или нѣтъ, какимъ вы меня называете, это отдаю на судъ вотъ всѣмъ здѣсь присутствующимъ! Вы, государи мои, знаете меня всѣ и можете сему господину сказать, достоинъ ли я такихъ наименованій».—Сказавъ сіе хладнокровнѣйшимъ образомъ, пошелъ я отъ нихъ прочь, и симъ самымъ произвелъ то, что вмѣсто того, чтобъ мнѣ съ нимъ перебраниваться, напали на него всѣ тутъ бывшіе и начали, защищая меня единогласно, всячески самого его не только осуждать, но ругать и бранить, какъ напрасно меня обидившаго. Не могу изобразить, съ какимъ истиннымъ и душевнымъ удовольствіемъ слушалъ я издалека сіи дѣлаемые ото всѣхъ ему тазанія, которыя даже до того простирались, что они для увѣренія его о моей невинности объявили ему и о самомъ томъ, кто его за косу дернулъ и всѣмъ тѣмъ довели его до того, что онъ отъ стыда принужденъ былъ уйтись и въ толпѣ народа скрыться отъ нихъ. Тогда подошелъ я опять къ нимъ и благодарилъ ихъ, что они за меня такъ вступились. «Да какъ, братецъ, не вступиться, говорили они мнѣ:—мы не можемъ надивиться, что ты имѣлъ столько духа и этого нѣмчуру не сдѣлалъ въ рожу. Мы бы всѣ тебѣ помогли проучить этого невольника».—«Добро, добро, сказалъ я имъ, оставимъ его съ покоемъ: какъ опомнится, такъ и самъ почувствуетъ, что онъ дурно сдѣлалъ». Сіе дѣйствительно и воспо- слѣдовало и г. Кульбарсу было такъ передо мною послѣ совѣстно, что онъ, не отмыкавъ меня въ тотъ вечеръ, поутру на другой день отыскалъ мою квартиру, и пришедъ ко мнѣ, приносилъ тысячу извиненій, и просилъ, чтобъ я ему отпустилъ его глупости и сдѣланный имъ отъ вспыльчивости и горячности предо мною непростительный проступокъ. Меня сіе такъ тронуло, что я со слезою на глазахъ подалъ ему мою руку, и пожавъ ею его, сказалъ, что я ему отпущаю все охотно и вмѣсто досады прошу только его знать меня короче и быть мнѣ лучше другомъ.

Онѣ и былъ съ того времени дѣйствительно таковымъ и всегда изъяслялъ ко мнѣ отиѣвное почтеніе. Мнѣ же побѣда сія сто разъ пріятнѣе была, нежели-бъ я его приколотилъ палкою.

Симъ образомъ кончилось сіе дѣло и оно было мнѣ долго памятно, а удовольствіе полученное отъ того побуждало меня и впредь симъ образомъ отчасти болѣе обладать самимъ собою и обуздывать всѣ мои страсти; а симъ окончу и н сіе письмо мое, достигшее уже давно до своихъ предѣловъ, и скажу, что я есмь навсегда вашъ и прочее.

Письмо 81-е *).

Любезный пріятель! Въ предслѣдующемъ моемъ къ вамъ письмѣ остановился я на рассказываніи вамъ о томъ, какой успѣхъ имѣлъ я въ исправленіи своемъ и въ отученіи себя отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ и страстей, натурѣ человеческой свойственныхъ; а теперь, продолжая ту же матерію, скажу, что ко всему тому побуждали меня болѣе правоучительныя книги, до чтенія которыхъ сдѣлался я такимъ же охотникомъ, какимъ былъ до того до чтенія романовъ, и какъ я имѣлъ тогда наилучшій и наиболее дѣлнѣйшій случай къ доставанію себѣ оныхъ, потому что помянутая бібліотека, изъ которой бралъ я себѣ для чтенія книги, наполнена была не одними только романами, но и всѣхъ родовъ сочиненіями и между прочимъ и самими философическими и наилучшими правоучительными, и я могъ получать изъ ней, какія только мнѣ хотѣлось, то и читалъ я почти непрерывно оныя и наполнялъ умъ свой отъ-часу множайшими и важнѣйшими познаніями. Не могу изобразить, сколь великую пользу онѣ мнѣ привнесли и какъ много распространили всѣ мои свѣдѣнія и званія. Словомъ, чрезъ нихъ узналъ я не только самъ себя, но и все нужнѣйшее, что знать человѣку въ жизни надобно; а что всего лучше, спознакомился гораздо со всѣмъ ученымъ свѣтомъ и безъ всякихъ учителей и наставниковъ

узналъ многое такое, чего многіе иные не узнаютъ, учась порядочнымъ образомъ въ академіяхъ и университетахъ и имѣя у себя многихъ учителей и наставниковъ. Словомъ, онѣ были наилучшіе мои друзья, наставники, учителя и совѣтники и помогали невѣдомо какъ мнѣ въ моемъ исправленіи и образованіи моего сердца и духа. И сколь блаженно было для меня тогдашнее время. Я со всякимъ днемъ получалъ новыя знанія и со всякимъ днемъ дѣлался лучшимъ; но можно сказать, что много помогали къ тому и важныя размышленія, въ какихъ я нерѣдко упражнялся и которыя побудили меня предпринять тогда одно особое и такое дѣло, какое рѣдко дѣлаютъ люди такихъ лѣтъ, въ какихъ я тогда находился; а именно: я положилъ всякую хорошую попадавшуюся мнѣ мысль и всякое хорошее чувствіе души своей записывать на особыхъ лоскуткахъ бумаги, и всякій день предписывать самому себѣ что-нибудь нужное либо къ исполненію, либо къ незабвенію чего-нибудь. И какъ я въ томъ упражнялся почти цѣлое годичное время, то и набралось сихъ исписанныхъ лоскутковъ бумаги такое множество, что, по переписаніи всѣхъ оныхъ на-бѣло, могъ я изъ всѣхъ ихъ составить и велѣть переплестъ цѣлую книгу, содержащую въ себѣ столько же самому себѣ предписанныхъ правилъ, сколько дней въ году. Книжка, которая и понынѣ у меня цѣла и которую храню я, какъ цѣкаго монументъ тогдашнихъ моихъ занятій и упражненій, а вкупѣ и первый слабѣйшій опытъ правоучительныхъ своихъ сочиненій, и которой, всходствіе названія моего, и не придалъ я никакого иного особаго названія, а назвалъ ее просто только памятною книжкою.

Но всего для меня полезнѣе и достопамятнѣе было то, что я въ теченіи сего года началъ учиться и порядочно штудировать философію. Произошло сіе совсѣмъ нечаяннымъ и неварочнымъ почти образомъ и такъ, что я и сей случай отношу къ особымъ дѣйствіямъ и понеченіямъ объ истинномъ благѣ моемъ божескаго Про-

*) Сверхъ письма надписано: «ноябрь 4 д. 1800».

мысли. И какъ произшествіе сіе имѣло вліяніе на всю жизнь мою, то и расскажу я о томъ пространнѣе.

Между многими и разными книгами, читанными мною въ тогдашнее время, хотя и читалъ я нѣкоторыя и философическія, и чрезъ то получилъ и о сей важнѣйшей части учености нѣкоторое уже понятіе, однако все мое по сей части знаніе было весьма еще несовершенно; а сверхъ того и еще таково, что могло-бы мнѣ и въ неописанный еще вредъ обратиться, еслибъ благодѣтельная судьба моя помянутымъ произшествіемъ не положила тому преграды и чрезъ самое то не спасла меня отъ погибели совершенной, какъ о томъ упомяну я послѣ пространнѣе.

Изъ всѣхъ читанныхъ мною до того времени философическихкихъ книгъ, ни которая такъ мнѣ не нравилась, какъ Готшедовы начальныя основанія всей философіи. Книга сія содержала въ себѣ краткое изображеніе или сокращеніе всей такъ-называемой вольфіанской философіи, которая была въ тогдашнее время во всеобщемъ вездѣ употребленіи и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, почиталась тогда наилучшею. Почему и въ Кеннигсбергѣ всѣ профессора и учителя юношества обучали оной, такъ какъ, къ сожалѣнію, переселясь и къ намъ, господствуетъ она и у насъ еще и понинѣ. И какъ помянутыя книжки, по краткости и ясности своей, мнѣ такъ, полюбились, что я не преминулъ даже купить оныя, то, прочитавъ ихъ нѣсколько разъ отъ доски до доски и получивъ о философіи сей нарочитое уже и такое понятіе, что могъ съ разумнѣемъ читать и другія подобныя тому книги, а чрезъ то нечувствительно наполнился я и мнѣніями, обо всемъ съ философіею сею подобными.

Но мнѣ всего меньше извѣстно было тогда то, что философія сія имѣла многіе недостатки и несовершенства: что самыя основанія, на которыхъ все зданіе оной воздвигнуто, были слабы и ненадежны и что вообще была она такого свойства, что до того, покуда человекъ, прилѣпившій къ оной, будетъ только вскользь

оной держаться и оставаться довольнымъ тѣмъ, что въ ней содержится, онъ можетъ быть и добрымъ и безопаснымъ, а какъ скоро изъ послѣдователей оной кто-нибудь похочетъ далѣе простирать свои мысли и углубляться болѣе въ существо вещей всѣхъ, то всего и скорѣе можетъ сбиться съ правой тропы и заблудиться до того, что сдѣлается наконецъ дестомъ, вольнодумомъ и самымъ даже безбожникомъ, и что весьма многіе, преразумные впрочемъ люди, дѣйствительно отъ ней таковыми негодяями сдѣлались и, вмѣсто искомой пользы, крайній себѣ вредъ приобрѣли и въ невозвратную впали пагубу, такъ какъ тоже самое едва-было и со мною не случилось, какъ о томъ упомяну я послѣ въ своемъ мѣстѣ.

А сколь мало было мнѣ сіе извѣстно, столь же мало зналъ я и о томъ, что за нѣсколько до того лѣтъ проявилась въ свѣтѣ новая и несравненно сей лучшая, основательнѣйшая и не только ни мало не вредная, но и то особенное предъ всѣми бывшими до того философіями преимущество имѣющая философія, что она всякаго прилѣпившагося къ ней человека, хотя бы онъ и не хотѣлъ, но по неволѣ почти сдѣлаетъ добрымъ христіаниномъ, такъ какъ, напротивъ того, вольфіанская и хорошаго христіанина превращала почти всегда въ худого или паче въ самаго дестана и мловѣра, и что сія новая и крайне человѣческому роду полезная философія, основанная въ Лейпцигѣ однимъ изъ тамошнихъ ученѣйшихъ людей, по имени Христіаномъ Августомъ Крузіемъ, начинала уже гремѣть въ свѣтѣ, получать многіхъ себѣ послѣдователей и мало-по-малу распространяться въ Европѣ и между прочимъ въ самомъ томъ городѣ, гдѣ я тогда находился. Тутъ преподавалъ уже или училъ публично одинъ изъ университетскихъ магистровъ, по имени Вейманъ; но какъ всѣ прочіе профессора были еще вольфіанцы и послѣдователями помянутой прежней и несовершенной философіи, то и терпѣлъ онъ еще отъ нихъ за то нѣкоторое себѣ гоненіе и недобротство, а особливо потому, что многіе

изъ студирующихъ въ Кёнигсбергѣ, отставая отъ прежнихъ учителей, приглылялись къ оному и, научившись лучшимъ правиламъ, основаніямъ и мыслямъ, дѣлались имъ такими противниками, которыхъ они никакъ преоборать были не въ состояніи на обыкновенныхъ своихъ препіяхъ.

Всего того я еще не зналъ и не узналъ бы, можетъ быть, никогда, еслибъ не случилось присланнымъ быть къ намъ изъ Москвы вышеупомянутымъ десяти студентамъ и мнѣ съ двумя изъ нихъ покороче познакомиться. Оба они были наилучшенкые изъ всѣхъ и самыя тѣ, которые назначались для занятія моего мѣста и для исправленія моей должности. Одинъ изъ нихъ прозывается Садовскимъ, а другой Малиновскимъ. Оба они были московскіе уроженцы, оба тамошнихъ поповъ дѣти, но оба весьма хорошихъ характеровъ, хорошаго и смирнаго поведенія; оба охотники до наукъ и хорошо въ университетѣ учившіеся и довольныя уже свѣдѣнія обо всемъ имѣвше, а притомъ съ хорошими чувствіями люди. Какъ обоимъ имъ велѣно до того времени, покуда понавикнутъ они болѣе нѣмецкому языку и къ переводамъ сдѣлаются способнѣйшими, принесть себѣ учителей изъ тамошнихъ профессоровъ и продолжать у нихъ прежнія свои науки, то, учась еще въ университетѣ философіи, избрали они и тутъ сей самый факультетъ и, приговоривъ одного изъ тамошнихъ профессоровъ, стали продолжать слушать у нихъ лекціи, такъ какъ дѣлывали то, будучи еще въ московскомъ университетѣ.

Такъ случилось, что профессоръ тотъ былъ хотя, какъ и всѣ прочіе, вольфіанецъ, но изъ учениковъ его, тамошнихъ студентовъ, были нѣкоторые, учившіеся тайно и у помянутаго магистра Веймана той новой крузіанской философіи, о которой упоминалъ я выше, и что сіи, спознакомившись и сдружившись съ обоими нашими студентами, насаждали имъ столь много добраго какъ о сей новой философіи, такъ и о Вейманѣ, что возбуждали и у нихъ охоту поучиться сей новой

и толико лучшей и преимущественной философіи. Они, при помощи оныхъ, и познакомились тотчасъ съ симъ магистромъ, и какъ сей таковымъ новымъ охотникамъ учиться его философіи очень былъ радъ, то и пригласилъ онъ ихъ ходить къ себѣ по вечерамъ, и взялся охотно преподавать имъ приватно лекціи, а хотѣлъ только, чтобъ дѣло сіе производимо было тайно и такъ, чтобъ не узналъ того до времени тотъ профессоръ, у котораго они до того учились, и чтобъ онъ не могъ за то претерпѣть отъ него какого-нибудь себѣ злодѣйства, на что они и сами охотно согласились.

Но не успѣли они у него нѣсколько разъ побывать и лекціевъ его послушать, какъ и плѣнились они столь сильно сею новою философіею, что восхотѣлось имъ и мнѣ сообщить свое удовольствіе. Со мною имѣли они уже время не только познакомиться, но даже и сдружиться, ибо какъ имъ приказано было отъ времени до времени приходить къ намъ и въ канцелярію, то, узнавъ обо мнѣ и объ отчужденной моей охотѣ до книгъ и до наукъ, тотчасъ со мною познакомились короче и полюбили меня чрезвычайно, а не менѣе полюбили тотчасъ и я обоихъ ихъ, и у насъ всегда, какъ ни прихаживали они къ намъ, бывали съ ними обо всемъ и обо всемъ, касающемся до книгъ и до наукъ, непрерывныя и для меня отчужденно пріятныя разговоры, а сіе и подружило насъ между собою очень скоро неразрывною почти дружбою.

Не могу изобразить, какъ удивился я, услышавъ отъ нихъ о помянутой новой и совсѣмъ для меня еще неизвѣстной философіи, и о преимуществахъ ея предъ прежней и мнѣ знакомой, и какъ заохотили они самого меня узнать короче объ оной и слышать, какъ преподаются объ ней имъ лекціи. Они услышали желаніе мое и не преминули поговорить о томъ съ своимъ магистромъ Вейманомъ и спросить его, не дозволить ли онъ имъ привести меня когда-нибудь съ собою, дабы могъ я хоть одинъ разъ присутствовать при преподаваніи имъ его лек-

цій: и какъ неописанно обрадовали они меня, принеся извѣстіе ко мнѣ, что онъ не только имъ то дозволялъ, но поставялъ себя за особливую честь и будетъ очень радъ, если удостою я его своимъ посѣщеніемъ.

Мы условились еще въ тотъ же день итти къ нему всѣ вмѣстѣ. Вечеръ случился тогда, какъ теперь помню, очень темный, осенній и притомъ ненастный, и хотя итти намъ было очень дурно и хотя прохлѣдъ многія улицы и тѣсныя переулки по скользкимъ мостовымъ, но я не шелъ, а лѣгъ, ногъ подъ собою не слыша, вслѣдъ за моими проводниками. Я не инако думалъ, что найду порядочный и хорошо убранный домъ; но какъ удивился я, нашедъ сущую хибарочку, во второмъ этажѣ одного посредственнаго домика, и въ ней повсюду единныя слѣды совершенной бѣдности. Иному не могла бы она ничего иного впередъ, кромѣ одного презрѣнія, но у меня не то было на умѣ. Я искалъ въ ней мудрости, и былъ столь счастливъ, что и нашелъ оную.

Господинъ Вейманъ принялъ меня съ отмиѣнною ласкою, и посадивъ насъ, тотчасъ началъ свое дѣло. Матерія, о которой по порядку имъ тогда говорить слѣдовало, была нѣтъначайшая и самая еаживѣйшая изъ всей метафизики; какъ теперь помню, о времени и мѣстѣ, и онъ, несмотря на всю ея тонкость, трактовалъ ее такъ хорошо, такъ внятно и украшалъ ее толь многими до обѣихъ философій относящимися побочностями, что я слушалъ ее съ неописаннымъ удовольствіемъ, и пользуясь дозволеніемъ его, не уставалъ его то о томъ, то о другомъ, для лучшаго понятія себя, разспрашивать. И какъ отмиѣннымъ вниманіемъ своимъ, такъ и пониманіемъ всего того, что онъ сказывалъ, равно какъ и совершеннымъ разумѣніемъ нѣмецкаго языка я ему такъ угождалъ, что онъ при отшествіи нашемъ и при дѣлаемыхъ ему благодареніяхъ мнѣ сказалъ, что если мнѣ только угодно будетъ, то онъ за особливое удовольствие почтетъ, если я къ нему и

впредь всегда ходить и лекціи его слушать буду, и что онъ не только ничего за то не потребуетъ, но за особливую честь себя поставитъ учить меня философіи, которая такъ мнѣ полюбилась.

Я очень доволенъ былъ симъ его приглашеніемъ, и не преминулъ воспользоваться даннымъ отъ него мнѣ дозволеніемъ, и съ самаго того времени не пропускалъ ни одного раза, чтобъ вмѣстѣ съ товарищами моими къ нему не ходить, и всегда располагалъ дѣла свои такъ, чтобъ мнѣ на весь седьмой часъ послѣ обѣда можно было изъ канцеляріи къ нему отлучаться. И г. Вейманъ такъ меня полюбилъ, что изъ всѣхъ своихъ учениковъ почиталъ наилучшимъ и всѣхъ скорѣе и совершеннѣе все понимающимъ и о просвѣщеніи разума моего такъ много старался, что я могу сказать, что обязанъ сему человѣку очень много въ моей жизни.

Симъ образомъ началъ я съ сего времени порядочно студировать и слушать философическія лекціи и производилъ сіе такъ сокровенно, что долгое время никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ. Но какъ наконецъ частныя и всегда въ одно время бываемыя отлучки мои изъ канцеляріи сдѣлались примѣтны, и нѣкоторые изъ нашихъ канцелярскихъ стали подозрѣвать меня и толковать оныя въ худую сторону, то принужденъ я былъ наконецъ открыться въ томъ г. Чонжинъ и у него выпросить формальное уже для отлучекъ сихъ себя дозволеніе. И тогда имѣлъ я удовольствіе видѣть, что обратилось мнѣ сіе не въ предосужденіе, но въ особливую честь и похвалу. Г. Чонжинъ не только разславилъ и разсказалъ о томъ всѣмъ съ превеликою мнѣ похвалою; но сказалъ даже и самому генералу, и такимъ тономъ, что и тотъ не преминулъ меня за то публично похвалить и при многихъ случаяхъ приводить меня въ примѣръ и образецъ молодымъ людямъ, особливо распутнымъ офицерамъ.

Но при семъ одномъ не осталось; но какъ около самаго сего времени приславъ

былъ къ нему изъ Петербурга одинъ изъ дальнихъ родственниковъ его, изъ фамиліи Чогловыхъ, для отдавія его въ тамошній университетъ учиться языкамъ и наукамъ, и онъ жилъ у одного изъ первыхъ тамошнихъ профессоровъ г. Ковалевскаго, такъ, какъ въ пансіонѣ, но молодой человѣкъ сей былъ такого характера, что потребенъ былъ за нимъ присмотръ: то генералъ нашъ не нашелъ никого, кромѣ меня, кому-бъ могъ препоручить сію комисію. Почему и принужденъ былъ я отъ времени до времени ходить въ тамошній университетъ, и въ домъ къ помянутому г. Ковалевскому, и не только свидѣтельствовать успѣхи сего его родственника, но освѣдомляться о его поведеніи и поступкахъ; а какъ вскорѣ послѣ того и другой изъ нашихъ армейскихъ и тутъ бывшихъ генераловъ, а именно господинъ Хомуто въ, по рекомендаціи отъ нашего генерала, усиленнымъ образомъ просилъ меня принять подъ присмотръ свой и его сына, учившагося тутъ же въ университетѣ, то все сіе сдѣлало меня и въ университетѣ извѣстнымъ и приобрѣло мнѣ и отъ всѣхъ тамошнихъ профессоровъ честь и особенное уваженіе, простиравшееся даже до того, что они при каждомъ университетскомъ торжествѣ и праздествѣ не упускали никогда приглашать и меня вмѣстѣ съ прочими знаменитѣйшими людьми къ присутствованію при оныхъ, и всѣ оказывали мнѣ, какъ бы уже ученому человѣку, особенную вѣжливость и учтивство.

Теперь легко можно всякому заключить, что для меня все сіе не могло быть противно, но было въ особенности пріятно, и польза, проистекшая отъ того мнѣ была та, что я чрезъ то имѣлъ случай видѣть всѣ университетскіе обряды и обыкновенія и получить какъ о родѣ ученія, такъ и обо всемъ ближайшее понятіе. Что-жъ касается до помянутаго профессора Ковалевскаго, славившагося въ особенности тѣмъ, что живали у него въ домѣ всегда и учивались многіе пансіонеры и не рѣдко изъ самыхъ зна-

менитѣйшихъ прусскихъ и другихъ земель фамилій, то хотя бывалъ я у него и часто, но кромѣ одного холоднаго учтивства не видалъ отъ него ничего; да и находилъ, что онъ болѣе былъ славенъ, нежели того достоинъ. Все ученіе его не имѣло въ себѣ ничего чрезвычайнаго и особеннаго, а и самое смотрѣніе за учениками и стараніе о просвѣщеніи ихъ было весьма посредственное; а единую рѣдкость и особенность въ его домѣ нашелъ я только ту, что у него со всѣхъ бывавшихъ до того и тогда бывшихъ учениковъ списаны были живописные портреты и ими установлена цѣлая комната: но и сіе происходило ни отъ чего иного, какъ отъ единаго любославія сего надменнаго и княщагося тѣмъ человѣка; а впрочемъ нельзя сказать, чтобъ всѣ учащіеся у него получали отъ него многую пользу.

Другая достопамятность, случившаяся со мною около сего времени, была та, что я повышенъ былъ рангомъ и пожалованъ изъ подпоручиковъ въ поручики. Сей чинъ давно-бъ я имѣть могъ, ежели-бъ производство мое зависѣло отъ нашего генерала, но какъ я считался по арміи и все еще въ полку, то не можно было генералу ничего въ пользу мою сдѣлать и долженъ былъ ожидать всего отъ главныхъ командировъ арміи и ждать, когда по линіи и по старшинству мнѣ въ поручики достанется. Но какъ находился я отъ полку въ отлучкѣ и не состоялъ на лицѣ въ арміи, то и не ожидалъ ни мало себѣ повышенія, и всего меньше онаго добивался, но какъ новый нашъ старичекъ фельдмаршалъ, будучи самъ за побѣды отъ императрицы награжденъ и повышенъ чиномъ, восхотѣлъ по возвращеніи своемъ изъ похода въ Польшу оказать благодареніе и всѣмъ бывшимъ съ нимъ въ походѣ армейскимъ офицерамъ и обрадовать ихъ сдѣланіемъ генеральнаго, общаго всѣмъ и большого произвожденія, то при самомъ семъ случаѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія моего досталось и мнѣ въ поручики. И сообщено, было о томъ во извѣстіе отъ полку къ

нашему генералу съ повторительнымъ опять требованіемъ и просьбою объ отпускѣ меня и отправленіи къ полку.

Повышеніе сіе было хотя посему не чрезвычайное какое и не важное, но какъ чины давались тогда очень туго, да и я всего меньше онаго ожидалъ, то и былъ я тѣмъ чрезвычайно обрадованъ. Г. Чонжинъ не преминулъ и при семъ случаѣ сыграть со мною шутку. Онъ узналъ о томъ всѣхъ прежде, но какъ генералъ запретилъ ему о томъ мнѣ сказывать, желая самъ обрадовать меня въ послѣдующее утро, то и восхотѣлось г. Чонжину надо мною позабавиться и приготовить меня къ тому страхомъ и напуганіемъ. Итакъ, не успѣлъ я въ послѣдующее утро приттись въ канцелярію, какъ притворился онъ не только ничего о томъ незнающимъ, но еще сердитымъ и угрюмымъ, и призвавъ меня къ себѣ въ судейскую, сердитымъ голосомъ и видомъ мнѣ сказалъ: «Что ты тамъ надѣлалъ? генералъ невѣдомо какъ на тебя сердится. Дошла на тебя къ нему какая-то отъ нѣмчуровъ просьба; а теперь только у него въ покояхъ былъ и онъ рветъ и мечетъ, и посмотри, что тебѣ отъ него будетъ». Я остолевлъ, сіе услышавъ, и какъ за собою ничего не вѣдалъ, то и отвѣчалъ ему, что его превосходительству вольно со мною дѣлать, что ему угодно, но я по-крайней-мѣрѣ ничего такого за собою не знаю, чѣмъ бы могъ заслужить гнѣвъ его.—«Совсѣмъ тѣмъ, подхватилъ онъ, подана на тебя какая-то бумага. Я самъ ее видѣлъ и писана она по-нѣмецки. Не знаешь ли ты чего за собою?»—Не знаю, сказалъ я, а развѣ вздумалось какому-нибудь бездѣльнику что-нибудь ложное на меня наклепать!—«Ну, вотъ посмотримъ, генералъ скоро сюда придетъ и ты готовься только отвѣчать; а мнѣ досадно только, что случилось сіе не къ портѣ и не ко времени. Ты того не знаешь, что со вчерашнимъ курьеромъ получено между прочимъ вновь требованіе тебя въ полкъ, и я истинно теперь уже не знаю, какъ намъ тебя удержать; и боюсь, чтобъ гене-

ралъ въ теперешней досадѣ на тебя не рѣшился наконецъ отпустить тебя, такъ какъ онъ уже и намекалъ мнѣ о томъ».—Воля его! сказалъ я; но признаться надобно, что сіе послѣднее встревожило духъ мой еще больше и, по пословицѣ говоря, на сердцѣ у меня начали скрестъ тогда сильно кошки. Не имѣлъ я охоты и до того ѣхать въ армию, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ и подавно не хотѣлось мнѣ никакъ разстаться съ Кенгсбергомъ.

Въ самую сію минуту вошли въ судейскую наши совѣтники и г. Чонжинъ далъ мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ вонъ. Я пошелъ, повѣся голову, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и съ такимъ разстроеннымъ и смущеннымъ видомъ, что всѣ сотоварищи мои тотчасъ сіе примѣтили и, окруживъ меня, стали спрашивать, что такое сдѣлалось со мною?—«Что, братцы, съ досадою сказалъ я имъ, какая-то бестія, сказываютъ, подала на меня какую-то жалобу генералу, хотя я ничего за собою не знаю, не вѣдаю, а съ другой стороны требуютъ опять въ полкъ, и Тимошеей Ивановичъ сказалъ мнѣ, что генералъ, будучи теперь въ превеликихъ сердцахъ на меня, болѣе и удерживать меня не хочетъ и рѣшился отпустить».—«Что вы говорите? закричали всѣ въ одинъ голосъ, сіе услышавъ, и сдѣлавши вокругъ меня кружокъ, начали всѣ тужить и горевать обо мнѣ; ибо надобно знать, что вся канцелярія меня искренно любила и всѣ до одинаго брали въ горести и досадѣ моей живѣйшее соучастіе. Но не успѣли они другъ передъ другомъ наперывъ начать разспрашивать меня о томъ подробнѣе, какъ вдругъ зашумѣли въ судейской и сторожъ выбѣжалъ къ намъ оттуда съ извѣстіемъ, что генералъ идетъ.—Въ мигъ тогда рассыпались всѣ, какъ дождь, отъ меня и, усѣвшись по мѣстамъ своимъ, замолчали. Я пошелъ также на свое, за перегородку, но едва успѣлъ усѣсться и начать рассказывать о горѣ своемъ сотоварищамъ своимъ нѣмцамъ, также о томъ любопытствующимъ, какъ загремѣлъ въ судейской колокольчикъ

и чрезъ минуту потомъ выбѣгаетъ опять сторожъ, бѣжитъ прямо ко мнѣ и говоритъ: «Извольте, сударь, къ генералу!»— Я помертвѣлъ сіе услышавъ и сердце мое во мнѣ такъ забилось, и кровь взволновалась во всемъ тѣлѣ, что я едва въ состояніи былъ встать съ мѣста и, сколько въ скорости можно было, пооправиться и изготавиться къ отвѣту. Съ трепещущимъ сердцемъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и съ подгибающимися колѣнами пошелъ я куда меня звали, и какъ, при раствореніи дверей, издали уже увидѣлъ я генерала, держащаго въ рукахъ бумагу и меня ожидающагося: то не сомнѣваясь нисколько, что была то самая поданная просьба, о которой сказывалъ мнѣ г. Чонжинъ, еще болѣе отъ того встревожился духомъ, и въ неопысанномъ будучи смущеніи, едва былъ въ силахъ войти въ судейскую и генералу поклониться. Я другого не ожидалъ, какъ того, что онъ въ тотъ же мигъ на меня, по обыкновенію своему, запылитъ огнемъ и пламенемъ и смѣшаетъ меня совсѣмъ съ грязью: но какъ удивился я, увидѣвъ тому противное, и что генералъ безъ всякаго сердитаго вида, а только протянувъ ко мнѣ руку съ бумагою, и власно какъ еще съ нѣкакимъ сожалѣніемъ, сказалъ: «Что дѣлать, Болотовъ! требуютъ тебя опять въ полкъ, и требованія сіи, чортъ ихъ поberi, ужъ такъ мнѣ надоѣли, что я не знаю уже что мнѣ дѣлать и рѣшаюсь почти отпустить тебя; вотъ возьми прочти самъ!»—«Воля ваша въ томъ, ваше превосходительство, въ полкъ такъ въ полкъ», — отвѣчалъ я, и сталъ подходить для принятія бумаги. Но какъ генералъ, взглянувъ пристальнѣе на меня, увидѣлъ, что я съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и крайне съ безпокойнымъ духомъ едва въ состояніи былъ переступать ногами, то принявъ на себя веселый видъ и усмѣхнувшись, сказалъ мнѣ далѣе: «Ну, добро, добро, господинъ, Болотовъ, не безпокойтесь и не смущайтесь духомъ. Требовать васъ хотя и требуютъ, однако мы и въ сей разъ васъ никакъ не отпустимъ, вы и здѣсь не бавъ-

лущъ бьете, а столько-жъ государынѣ своей или еще болѣе служите, нежели другіе многіе; а сверхъ того похвальнымъ образомъ дѣлаетесь еще и съ другой стороны отечеству полезнымъ».—Слова сіи влили какъ нѣкакой живительный бальзамъ въ смущенное мое сердце, и меня столько ободрили, что я, сдѣлавъ генералу пренизкой поклонъ, не хотѣлъ-было и читать уже принятой отъ него бумаги; но онъ тотчасъ подхватилъ: «Однако прочтите, прочтите бумагу-то и прочтите ее въ слухъ намъ; можетъ быть нѣтъ ли въ ней чего-нибудь еще иного».

Приказаніе сіе меня удивило; но сколь удивленіе сіе безконечно увеличилось, когда, развернувъ бумагу и начавъ читать, увидѣлъ я, что это было извѣщеніе о пожалованіи меня поручикомъ, и требованіе, чтобъ я на сей чинъ приведенъ былъ къ присягѣ. Я остолбѣлъ почти также отъ нечаянной и неожиданной сей радости, какъ сперва отъ смущенія, и досады, и состояніе мое въ сію минуту было таково, что я оною никакъ описать не въ состояніи, а скажу только, что происшедшее вновь во мнѣ, но пріятное уже смущеніе духа, произвело то, что я читать остановился, онѣмѣлъ, стоялъ дуракъ дуракомъ и не зналъ что мнѣ дѣлать; а особливо когда увидѣлъ, что генералъ, развеселившись вдругъ такъ, что таковымъ я давно его не видывалъ, началъ меня поздравлять съ чиномъ и увѣряя, что онъ тому очень радъ, желать мнѣ и дальнѣйшаго еще повышенія. А не успѣли услышать того оба сидѣвшіе съ нимъ за столомъ и меня любимшіе совѣтники, какъ послѣдовали его примѣру и наперывъ другъ предъ другомъ меня поздравляли, говоря, что я того давно уже достоинъ и передостойнъ. Словомъ, со всѣхъ сторонъ были дѣланы мнѣ поздравленія, а особливо когда вышелъ я изъ судейской. Тутъ, въ одинъ мигъ облѣпили меня со всѣхъ сторонъ всѣ канцелярскіе, отъ вышняго до нижняго, всѣ брали въ радости моей искреннее соучастіе, всѣ желали мнѣ дослужиться до генеральскаго чина, и я едва успѣвалъ только всѣмъ откланываться, и охотъ-

но простилъ напужавшему меня г. Чонжини за выдуманную имъ надо мною шутку, въ чемъ признавался онъ, надеялся со смѣха, а особливо когда узналъ, что генералъ хотѣлъ-было сначала дѣйствительно меня уже отпустить, и что сей господинъ Чонжинъ убѣдилъ его и въ сей разъ меня не отпустить, чему не только я, но и всѣ наши канцелярскіе были очень рады. Впрочемъ тотчасъ послано было за майоромъ и въ тотъ же часъ велико меня привезъ къ присягѣ, а генералъ столько былъ ко мнѣ милостивъ, что пригласилъ меня въ сей день обѣдать за собственнымъ своимъ столомъ и въ продолженіе онаго удостоилъ выпить рюмку вина за мое здоровье и поздравить меня съ чиномъ.

Смѣ кончилось тогда сіе пріятное для меня происшествіе; а поелю письмо мое уже сдѣлалось довольно велико, то окончу я и оное на семъ мѣстѣ, сказавъ вамъ что я емь навсегда вашъ и прочее.

Письмо 82-е *).

Любезный пріятель! Продолжая повѣствованіе мое о бывшихъ со мною въ теченіи 1760 года происшествіяхъ, и о томъ, что у насъ въ Кѣнигсбергѣ въ сей годъ происходило, скажу, что къ числу первыхъ относится и особая дружба, основанная у меня съ однимъ изъ нашихъ морскихъ офицеровъ, по имени Николаемъ Еремѣвичемъ Тулубьевымъ, — дружба, которая и понынѣ мнѣ памятна и которую я никогда не позабуду. Онъ былъ лейтенантомъ на одномъ изъ нашихъ морскихъ судовъ, и жилъ у насъ въ сіе гдѣто въ Кѣнигсбергѣ для исправленія нѣкоторыхъ порученныхъ ему комисій. Какъ ему по поводу самыхъ оныхъ часто приходило имѣть дѣло съ нашимъ генераломъ и онъ нерѣдко для того прихаживалъ къ намъ въ канцелярію и проводилъ въ ней и въ самой моей комнатѣ иногда по нѣскольку часовъ сряду, то самый сей случай и познакомилъ меня съ нимъ коротче. Онъ былъ человекъ еще молодой, однако нѣсколькими годами меня старѣе,

и какъ всякому морскому офицеру свойственно, нарочито учонъ и во многомъ столь свѣдущъ, что можно было съ нимъ всегда о многихъ вещахъ съ удовольствіемъ говорить. Но все сіе не сдружилъ бы насъ съ нимъ такъ много и такъ скоро, еслибъ не случилось у обонхъ насъ нравъ и склонности во всемъ почти одинакіе и такая между обоними нами натуральная симпатія, что мы съ перваго почти свиданія полюбили другъ друга, а чрезъ нѣсколько дней такъ сдружились и такъ сдѣлались коротки, какъ бы ближніе родные. И могу сказать, что ощущенія имѣлъ я къ сему человекѣу прямо дружескія и въ каждый разъ былъ въ особености радъ, когда прихаживалъ онъ къ намъ въ канцелярію. Я покидалъ тогда всѣ свои дѣла и упражненія и занимался разговорами съ симъ любезнымъ человекѣомъ, и о чемъ и о чемъ, неговаривали мы съ нимъ и сколько пріятныхъ и неоцѣненныхъ минутъ не препроводили въ сихъ дружескихъ собесѣдованіяхъ съ нимъ. Словомъ, я не уставалъ никогда говорить съ нимъ, а онъ со мною, и изъ всѣхъ, бывшихъ у меня въ жизни друзей, ни къ кому не пріятнѣе я былъ такимъ нѣжнымъ и искреннимъ дружествомъ, какъ къ сему человекѣу. А сіе и было тому причиною, что мы не только во все время пребыванія его у насъ въ Кѣнигсбергѣ видались очень часто и вмѣстѣ съ нимъ сжились въ канцеляріи, вмѣстѣ гуливали по лучшимъ и пріятнѣйшимъ мѣстамъ города и его окрестностямъ; вмѣстѣ увеселялись красотами и прелестностями природы, до чего онъ такой же былъ охотникъ какъ и я; вмѣстѣ читывали наилучшія и пріятнѣйшія книги; вмѣстѣ занимались разными и о разныхъ матеріяхъ разсужденіями. Но какъ наконецъ надлежало ему отъ насъ отбыть и отправиться жить въ Мемель, гдѣ находилось его судно, то при отъѣздѣ его условились мы продолжать и заочно наши свиданія и разговоры и имѣть съ нимъ частую и ежедневную переписку.

Переписка сія была между нами и дѣйствительно. Я первый ее началъ и захотѣлъ друга моего такъ, что продолжа-

* Ноябрь 6 д. 1800 г. Пошѣта А. Т. Волкова.

лась она непрерывно нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и какъ была она особаго и такого рода, какая рѣдко у кого бываетъ, то и доставляла обоемъ намъ безчисленное множество минутъ пріятныхъ и неоцѣненныхъ въ жизни. Я не могу и нынѣ еще позабыть, съ какою нетерпѣливостію всякій разъ дожидался я тогда почты, съ какою жадностію распечатывалъ друга моего пакеты, и съ какимъ удовольствіемъ читывалъ пространныя и дружескія его къ себѣ письма. Онъ описывалъ мнѣ все, что происходило съ нимъ въ Мемель; а я ему сообщалъ то, что у насъ дѣлалось въ Кѣнигсбергѣ, и мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, присовокупялъ къ тому разныя шутки и другія побочныя и такія матеріи, о которыхъ зналъ, что онъ будутъ другу моему пріятны, а онъ самое тоже дѣлалъ и въ своихъ письмахъ. Словомъ, переписка сія была у насъ примѣрная и не только частая, но и столь пространная, что мы посылавали иногда другъ къ другу цѣлыя почти тетрадки и я проводилъ иногда по нѣсколькимъ часамъ сряду въ писаніи и одного письма къ нему. Всѣ сіи минуты были для меня всегда не только утѣшны, но и крайне увеселительны, а какъ и ему столь же пріятно было писать и ко мнѣ, то все сіе увеличивало еще болѣе наше дружество, которое продолжалось до самаго того времени, какъ онъ отлучился наконецъ въ море, гдѣ вскорѣ послѣ того, къ превеликому моему сожалѣнію, лишился онъ жизни, приказавъ доставить ко мнѣ вкупѣ съ извѣстіемъ о его смерти и всѣ присланныя къ нему мои письма. Письма сія и нынѣ еще хранятся у меня въ цѣлости; и какъ онѣ писаны были всѣ въ одну форму, то велѣлъ я ихъ тогда же еще переплести и храню ихъ какъ нѣкакой памятникъ тогдашнимъ моимъ чувствованіямъ и упражненіямъ, а вкупѣ и тогдашней моей способности къ писанію и великому еще несовершенству моего слога. Но какъ бы то ни было, но сей случай доказалъ мнѣ самую опытностію, что повѣренная и прямо дружеская и такая переписка, какую имѣлъ тогда я съ симъ человѣкомъ,

можетъ быть не только крайне пріятна но доставлять обоемъ друзьямъ несмѣтное множество минутъ, неоцѣненныхъ въ жизни.

Кстати къ сему упомяну я, что къ числу бывшихъ со мною въ теченіе сего года происшествій, принадлежитъ также и то, что я однажды чуть-было не сжогъ самъ себя и со всею квартирою своею, и не подвергся крайней опасности. Произошло сіе отъ непомѣрной охоты моею до чтенія книгъ. Я занимался тѣмъ не только во всѣ праздные часы дня и самыхъ вечеровъ, но сдѣлалъ какъ-то глупую привычку читать ихъ со свѣчкою и легши уже спать въ постелю и продолжать оное до тѣхъ поръ, покуда сонъ начнетъ сжимать мои вѣжды и покуда я совсѣмъ забудусь. Тогда чрезъ минуту просыпался я опять, погашалъ свою свѣчку и предавался уже сну. Такимъ образомъ читывалъ я по вечерамъ книги уже нѣсколько времени и привычка сдѣлалась такъ сильна, что въ каждый разъ бывало то, что чрезъ минуту послѣ того, какъ я забудусь, власно какъ кто меня нарочно для потушенія свѣчки разбудить и я, сдѣлавъ сіе, засыпалъ уже спокойно. Но какъ смертельно испужался я однажды, когда проснувшись помянутымъ образомъ, для погашенія своей свѣчки, увидѣлъ себя вдругъ объятаго всего огнемъ и поломемъ, ибо въ теченіи помянутой минуты свѣчка моя была такъ неосторожна, что загла повиснувшій, какъ-то близко къ ней, пологъ моей кровати, и онъ уже пылалъ весь въ то время, какъ я очнулся. Не могу изобразить, какимъ ужасомъ и страхомъ я тогда поразился. Я вспрыгнулъ безъ памяти съ кровати и началъ тушить, пережогъ и перемаралъ себѣ всѣ руки, и по особливому счастью пламя не достигло еще до потолка, и что мнѣ хотя съ трудомъ, но потушить было еще можно. Какъ совѣстился я тогда предъ добродушными стариками, моими хозяевами, которыхъ всѣхъ сей случай перестрадалъ до чрезвычайности, и которые черезъ сожженіе полога претерпѣли отъ меня токъ. Я охотно брался за

вдвое противъ того, чего онъ стѣялъ, но они никакъ на то не согласились, но были довольны общаніемъ мнѣ не читать никогда уже болѣе въ постелѣ со свѣчкою книги, которое обѣщаніе и постарался я дѣйствительно выполнить; да и самого меня случай сей такъ настрадалъ, что я съ того времени, во всю жизнь мою, никогда уже по вечерамъ книгъ въ постелѣ со свѣчкою не читывалъ, да и другимъ того дѣлать не совѣтую.

Что касается до постороннихъ знаменитѣйшихъ происшествій, бывшихъ около сего времени въ Кёнигсбергѣ, то памяты мнѣ только два, а именно освященіе нашей церкви и смерть генерала Языкова. Относительно до церкви скажу вамъ, что до того времени довольствовались мы только маленькою, полковою, поставленною въ одномъ домѣ; но какъ Кёнигсбергъ мы себѣ прочли на должайшее время и можетъ быть на вѣкъ, то во все минувшее время помышляемо было уже о томъ, гдѣ-бы можно было намъ сдѣлать порядочную для всѣхъ россіянъ церковь, которая и нужна была какъ по множеству нашего народа, такъ и потому, что императрицѣ угодно было прислать къ намъ туда для служенія и архимандрита съ свитою, пѣвчими и со всѣмъ приборомъ. Сперва думали-было достраивать находившуюся на парадномъ мѣстѣ огромную кирку, начатую давно уже строить, но которой строеніе за чѣмъ-то остановилось; но какъ оказалось, что къ отдѣлкѣ сей потребна была великая сумма, а построенныя стѣны не слишкомъ были прочны и надежны, то рѣшились наконецъ велѣть пруссакамъ опростать одну изъ ихъ кирокъ, и сію-то кирку надобно намъ было тогда освятить и превратить изъ лютеранской въ греческую. Избрана и назначена была къ тому одна изъ древнѣйшихъ кёнигсбергскихъ кирокъ, довольно хотя просторная, но самой старинной готической архитектуры, съ высокою и остроконечною башнею или шпицемъ, а именно та, которая находилась у нихъ въ Штейндамскомъ форштатѣ, не далеко отъ замка.

Главнѣйшее затрудненіе при семъ дѣлѣ было хотя то, чтобъ снять съ поманутаго высокаго шпица обыкновеннаго ихъ пѣтуха и поставить вмѣсто того крестъ на оный; однако мы произвели и сіе. Отмыкали были люди, отважившіеся взлѣсть на самый верхъ оной башни и снять не только пѣтуха, но и вынуть изъ самаго яблока тотъ свернутый трубою мѣдный листъ, который есть у иностранныхъ обыкновеніе полагать въ яблоко на каждой церкви, и на которомъ листѣ вырѣзываютъ они письмена, означающія исторію той церкви. Какъ, напримѣръ, когда она? по какому случаю? кѣмъ? какимъ коштомъ? какими мастерами и при какомъ владѣтелѣ построена и освящена, и такъ далѣе. Мнѣ случилось самому видѣть оный вынутый старинный листъ, по которому означилось, что церковь та построена была болѣе, нежели за двѣсти лѣтъ до того. И мы положили его опять туда, присовокупивъ къ тому другой и новый, съ вырѣзанными также нанемъ латинскими письменами, означающими поманутое превращеніе оной изъ лютеранской въ греческую, съ означеніемъ времени, когда, по чьему повелѣнію и кѣмъ сіе произведено. А посему и остался теперь въ Кёнигсбергѣ на вѣки монументъ, означающій, что мы, россіяне, нѣкогда имъ владѣли и что управлялъ имъ нашъ генералъ Корфъ и производилъ сіе превращеніе. Что касается до иконостаса, то присланъ оный былъ изъ Петербурга, написанный прекрасно на камнѣ и довольно великолѣпный; а прислана была также оттуда и вся прочая церковная утварь и ризницай на славу, очень богатая и великолѣпная. Самый архимандритъ присланъ былъ уже другой, по имени Тихонъ, и мужъ прямо благочестивый, кроткій, ученый и такой, который не дѣлалъ стыда нашимъ россіянамъ, но всѣмъ поведеніемъ своимъ приобрѣлъ почтеніе и отъ самыхъ прусскихъ духовныхъ. Сей-то самый архимандритъ освятилъ тогда сію церковь: и какъ церемонія сдѣлана была при семъ случаѣ самая пышная, то привлекла она безчисленное множество зрителей, и всѣ пруссаки не могли духовнымъ

обрядамъ нашимъ, а особливо муропомазанію самыхъ церковныхъ стѣнъ, которое и намъ случилось тутъ впервые видѣть, довольно надивиться. И какъ въ сей церкви и служеніе производилось всегда на пышной ногѣ, съ прекрасными пѣвчими, и какъ архимандритомъ, такъ и бывшими съ нимъ іеромонахами сказываны были всегда разумныя проповѣди, то все сіе тамошнимъ жителямъ такъ полюбилось, что не было ни одной почти обѣдни, въ которую не приходило-бъ по нѣскольку человекъ изъ тамошнихъ зрителей для смотрѣнія.

Чтожь касается до второго происшествія или смерти и погребенія генерала Языкова, то былъ онъ самый тотъ, который, будучи еще полковникомъ, съ гренадерскимъ своимъ полкомъ такъ храбро защищалъ на Егерсдорфской или Апраксинской баталіи интервалъ между обоими лагерь нашей арміи прикрывающими лѣсами, и который, будучи при семъ

случаѣ весь израненъ, приобрѣлъ себѣ тѣмъ великую славу и пожалованъ за то генераломъ. Отъ сихъ-то ранъ не могъ онъ съ самаго того времени еще оправиться, но они свели его во гробъ, несмотря хотя и старались ему помочь всѣ наилучшіе какъ наши, такъ и кѣнигсбергскіе медики. Мы погребли его тогда со всею должною по чину его и по славѣ честію, и какъ и сія церемонія была одна изъ великолѣпнѣйшихъ и пышныхъ, то обратила и она на себя вниманіе всѣхъ кѣнигсбергскихъ жителей и произведена была при стеченіи безчисленнаго множества народа.

Вотъ все, что я могу упомянуть относительно до происшествій тогдашняго времени, и какъ чрезъ описаніе ихъ и сіе письмо нарочито увеличилось, то симъ окончу я и оное, сказавъ вамъ, что я есмь и пребуду навсегда вашъ и прочая.

Конецъ
седьмой части.

Vertical line of text or a scanning artifact on the left side of the page.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

ЧАСТИ: I, II, III, IV, V, VI и VII

съ XVI столѣтія по 1760 годъ.

	стр.		стр.
Предисловіе отъ редакціи «Русской Старины» I—X		Внутреннее расположеніе домовъ у псковскихъ помѣщиковъ.—Полковая жизнь. — Приданое невѣстѣ.— Обученіе письму и рисованію.— Крещеніе татарина въ проруби.— Пущечная пальба на праздникахъ.— Учителя-иноземцы.— Русскіе нѣмцы въ военной службѣ. 1747 г.	42
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.			
XIV ст.—1750 г.			
Предисловіе. Предъувѣдомленіе 1		VII. Въ лагерѣ и во Псковѣ.—Фельд-маршалъ Лессій.— Охота за зайцами.— Петербургъ.— Наводненіе.— Лейбъ-компанія.— Дворецъ.— Педагогическіе приемы нѣмца-учителя. 1747 г.	55
Исторія моихъ предковъ и первѣйшихъ дѣтъ моей жизни.		VIII. Въ Курляндіи.— Походъ русскаго вспомогательнаго корпуса въ Австрію.— Вожабулы и розги.— Курляндское гостепрѣимство.— Поступленіе въ военную службу солдатомъ на 10-мъ году отъ роду.— Воинскія потѣхи.— Производство въ подпрапорщикъ и каптенармусы. 1748 г.	70
I. Происхожденіе фамиліи Болотовыхъ — Родословіе ихъ. — Пожалованіе предковъ имѣніями (XVI—XVII стол.).	3	IX. Въ имѣѣ Падѣ.— Воспитаніе въ семействѣ курляндскаго помѣщика.— Учитель Лейпцигскаго университета.— Дядька Артамонъ.— Производство въ сержанты. 1748 г.	79
II. Исторія Еремія Гавриловича Болотова.— Битва съ татарами.— Пленъ у татаръ.— Бѣгство.— Возвратъ на родину (XVII ст.).	8	X. Походъ въ Петербургъ.— Поединокъ.— Первый день въ строю.— Нарвскій комендантъ Штейнъ.— Пансіонъ Ферре, при Сухонутномъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1749 г.	98
III. Исторія ближнихъ предковъ.— Воспитаніе дѣтей въ рижской нѣмецкой школѣ.— Гвардіи капитанъ Тимошей Болотовъ, любимецъ Вирона.— Письмо Петра Великаго къ подпоручику Волотову объ отвозѣ нѣмецкихъ жнецовъ въ русскія степи. 1700—1738 гг.	22		
IV. Исторія моего младенчества.— Миръ Россіи съ Турціею.— Жизнь при полку. 1738—1744 гг.	28		
V. При ревизіи во Псковѣ.— Обученіе грамотѣ.— Дѣтскія шалости.— Викторіальные дни. 1744 — 1746 гг.	35		
VI. Домъ Удряхъ и Лай Миза.—			

XI. Жизнь въ пансіонѣ.—Товарищи.—
Учебныя занятія.—Чтеніе книгъ.—
Уроки рисованія. 1750 г. 104

XII. Въ Выборгѣ.—Чтеніе.—Стрѣль-
ба.—Городъ и крѣпость.—Смерть
отца.—Характеристика покойнаго.
1750 г. 112

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія моего малолѣтства.

1750—1755.

XIII. Отъѣздъ изъ поля.—Прибы-
тіе въ Петербургъ.—Оберъ-гофмар-
шалъ Шепелевъ.—Хлопоты объ от-
пускѣ въ деревню. 1750 г. 130

XIV. Ызда.—Поѣздка изъ Петер-
бурга въ деревню. 1750 г. 139

XV. Въ деревнѣ Дворяниновъ.—Со-
сѣди.—Пошны.—Суевѣрія.—Само-
обученіе.—Обстановка помѣщичьяго
дома.—Храмовые праздники.—Про-
винціальное дворянство.—Посылка
дядьки Артамона въ столицу. 1750 г. 147

XVI. Увольненіе отъ службы, для окон-
чанія наукъ.—Исковая челобитная.—
Шалости.—Отправка въ ученье въ
Петербургъ. 1751 г. 159

XVII. Приѣздъ въ Петербургъ.—Е. А.
Масловъ.—Отдача въ ученье къ фран-
цузу.—Выработка крѣпостнымъ че-
ловѣкомъ платы за воспитаніе барчу-
ка.—Жизнь въ свѣтлицахъ конной
гвардіи.—Смерть матери. 1752 г. . . 177

XVIII. Замыслы о потѣздѣ въ де-
ревню.—Празднованіе дня именинъ
императрицы Елисаветы Петровны.—
Иллюминація.—Балъ въ лѣтнемъ
дворцѣ.—Полиція.—Результаты обу-
ченія наукамъ. 1752 г. 187

XIX. Ызда во Псковъ и прибытіе
въ деревню Опанино.—Суевѣрія.—
Псковскіе помѣщики и помѣщичьи.—
Пиршества.—Охота на звѣрей съ те-
нетами. 1752 г. 200

XX. Въ Опанинѣ.—Рыбная ловля зи-
мой.—Обученіе ремесламъ и художе-
ствамъ.—Игра на гусяхъ.—Ленъ
и его обработка.—Надворныя уве-
селенія и забавы. 1753 г. 209

XXI. Приѣздъ въ Дворяниново.—
Матвѣй Петровичъ Болотовъ и его
семья.—Водвореніе въ родитель-
скомъ домѣ.—Воспоминаніе о Ми-
нихѣ.—Чтеніе книгъ: «Камень Вѣры»
и «Четинъ Миней». — Изученіе гео-
метріи и фортификаціи.—Страсть
къ письму. 1753 г. 22

XXII. Самообученіе.—Постройка
крѣпостцы.—Народная игра «кля-
ка». — Игра въ мячъ.—Святочныя
игрища.—Новый товарищъ.—Ша-
лости. 1754 г. 23

XXIII. Въ деревнѣ.—Лунализмъ.—
Таинственный голосъ.—Сосѣди.—
Ловля перепеловъ ястребами.—Нѣм-
цы-заводчики.—Дворянскій учи-
тель. 1754 г. 24

XXIV. Сборы къ возвращенію въ
полю.—Достопамятности Москвы.—
Путь во Псковъ.—Пробываніе у
сестры въ Опанинѣ.—Прибытіе въ
полю. 1755 г. 26

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія моей военной службы.

1755—1757.

XXV. Полковое начальство и штабъ.—
Мартыновна.—Военный постой въ
Лифляндіи.—Уроки нѣмецкаго язы-
ка.—Офицеры-иноземцы.—Сверст-
ники и товарищи. 1755 г. 27

XXVI. Походъ въ Ревель.—Ловъ
рыбы кокулями.—Первая командир-
овка.—Ночь въ лѣсу.—Покупка
лошади. 1755 г. 28

XXVII. Ревель и Рогервикъ.—Не-
приятныя послѣдствія покупки ло-
шади.—Русскій генералъ изъ нѣм-
цевъ, баронъ Ливенъ.—Первыя на-
пасти.—Обходъ чинкомъ. 1755 г. . . 29

XXVIII. Потѣзда въ Петербургъ.—
Хлопоты объ отпускѣ для ходатай-
ства о производствѣ въ офицеры.—
Дорога по берегу моря.—Яковлевъ,
фаворитъ графа П. И. Шувалова.
1755 г. 30

XXIX. Пробываніе въ Петербургѣ.—
Пріемная сильнаго человѣка.—Уроки

набожности. — Покупка книгъ. — По- сѣщеніе родственника. — Производ- ство въ подпоручики. — «Аргенида» и «Жилблязь». 1755 г.	314	стр.	синимъ. — Выѣздъ его изъ Риги. — Шувадовскія гаубицы	411	стр.
XXX. Рогервинъ. — Жизнь съ ро- той на квартирахъ въ деревняхъ. — Быть эстляндскихъ крестьянъ. — Болѣзнь и выздоровленіе. 1755 г.	328		XXXVIII. Походъ Литвою. — Распо- ряженія Фридриха II къ отпору не- приятелей. — Разгромъ австрійцевъ подъ Прагою. — Смерть фельдмарша- ла графа Шверина. — Походъ рус- ской арміи чрезъ Курляндію и Лит- ву. — Назначеніе полковымъ квар- тирмейстеромъ.	422	
XXXI. Въ Рогервинѣ. — Караульная служба. — Предположеніе Петра Ве- ликаго объ устройствѣ порта. — По- стройка мули (мола). — Каторж- ные. — «Христоръ» — Андреюшка. — Товаршескія шутки. — Запой до чортиковъ. 1755 г.	338		XXXIX. Стоянiе въ Мовнахъ. — Раз- бивка лагеря. — Арестъ. — Польскій медъ. — Фридрихъ II подъ Прагою. — Бой прусскаго короля съ арміею фельдмаршала Дауна. — Разбитіе прус- саковъ. — Учрежденіе ордена Маріи- Терезіи. — Пиръ русской арміи въ Ковнѣ.	433	
XXXII. Экзерцированіе. — Коман- дировка въ Ревель. — Переводъ «Хи- романти». — Изученіе гокусь-поку- совъ. — Трагедія «Хоревъ». — При- готовленія къ войнѣ съ Пруссіею. — Успѣхи въ обученіи солдатъ новой экзерциціи. — Опасная переправа. 1756 г.	350		XL. О походѣ въ Пруссію. — Смерть и похороны товарищей. — Генераль- ный смотръ арміи. — Взятіе Меме- ля. — Торжество по сему случаю. — Предосторожности противъ неприя- теля. — Поимка шпіона	450	
XXXIII. Лагерь при Ригѣ. — По- ходъ изъ Ревеля въ Ригу. — Лагер- ныя стоянки. — Опасенія перевода въ гренадерскій полкъ. 1756 г.	363		XLI. Вступленіе въ Пруссію и трево- га. — Распоряженія фельдмаршала Левальда къ отпору русской ар- міи. — Оплошность де-ла-Рюи, маю- ра русской службы. — Тревога. — Приводъ пруссаковъ къ присягѣ въ вѣрность русской императрицѣ. — Первая стычка	460	
XXXIV. На калтониръ-квартирахъ. — Нѣмецкія книги. — Первое командо- ваніе ротого. — Женское общество. 1756 г.	376		XLII. Походъ Пруссіею. — Дѣйствія казаковъ и калмыковъ. — Одежда, пи- ща и богослуженіе калмыковъ. — На- казаніе прусскихъ поселянъ. — Успѣ- хи казаковъ. — Соединеніе съ арміею корпуса генераль-аншефа Фермора. — Списочное и наличное состояніе рус- ской арміи	475	
XXXV. Въ мызѣ Кальтебрунъ. — Пере- водъ нѣмецкаго романа. — Фейерве- рочныя потѣхи. 1756 г.	390		XLIII. Походъ Пруссіею къ Преге- лю. — Фуражировки. — Картофель. — Нѣмецкія извѣстія о варварствѣ рус- скихъ фуражировъ. — Русская армія за рѣкою Прегелемъ	487	
XXXVI. Приготовленіе къ походу. — Болѣзнь. — Голодъ, какъ лекарство отъ лихорадки. — Выступленіе въ по- ходъ. — Масляная мельница. — При- казъ по арміи объ уничтоженіи лиш- нихъ вещей въ обозѣ офицеровъ. 1757 г.	400		XLIV. Первая тревога. — Располо- женіе русской арміи на Эгерсдорф- скомъ полѣ. — Двукратная тревога	497	
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.			XLV. Вторая тревога. — Выѣздъ ге- нераль-фельдмаршала предъ армію. —		
Продолженіе исторіи моея военной служ- бы и прусскіе походы.					
1757.					
XXXVII. Начало похода. — Причины войны съ Пруссіею. — Русская армія подъ Ригю. — Смотръ арміи гене- раль-фельдмаршаломъ С. Ѳ. Апрак-					

Ожиданіе неприятеля. — Канунъ генеральной баталіи 506

XLVI. Тревога. — Распоряженія въ битвѣ русскихъ военачальниковъ. — Атака пруссаковъ. — Чувства при началѣ битвы. — Начало Грос-Эгерсдорфскаго боя 19 августа 1757 года. 514

XLVII. Баталія. — Ходъ сраженія. — Атака донскихъ казаковъ. — Дѣйствія прусской кавалеріи нафлангѣ. — Бой въ центрѣ. — Геройская смерть генерала Лопухина. — Разбитіе первой линіи русской арміи. — Удачное вступленіе въ бой двухъ полковъ изъ задней линіи. — Бѣгство неприятеля . 530

XLVIII. Походъ изъ Велавѣ. — Общій видъ мѣста побойща. — Ограбленіе труповъ. — Уронъ обѣихъ армій. — Торжество побѣдителей. — Погребеніе мертвыхъ. — Реляція Апраксина прусскія извѣстія о сраженіи 19 августа 1757 года. — Положеніе Фридриха II послѣ грос-эгерсдорфскаго пораженія. . . 542

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и прусской войны.

1757—1758.

XLIX. Походъ изъ Велавѣ. — Ропотъ въ арміи на медленность и трусость военачальниковъ. — Сожженіе артиллеріею деревни при рѣкѣ Аалѣ. — Тревога отъ коровъ. — Удачство калмыковъ. — Препятствіе въ передвижѣ. 555

L. При Аленбургѣ. — Удача военной хитрости пруссаковъ. — Подозрѣніе на генерала Ливена. — Ловля карпиевъ. — Рѣшеніе русскихъ военачальниковъ уйти съ арміею изъ Пруссіи. — Генералъ-аншефъ Сибильскій. — Промахъ французскаго маршала Ринелье. — Поворотъ счастья въ пользу прусскаго короля. 1757 г. 567

LI. Обратный походъ. — Лишенія русской арміи. — Погоня пруссаковъ за русскою арміею. — Въ Тильзитѣ и переходъ черезъ рѣку Мемель . . . 575

LII. При Тильзитѣ. — Занятіе Тильзита пруссаками и стрѣльба по рус-

скому лагерю. — Прекращеніе прусской погони. — Бѣдствіе русской арміи при отступленіи къ предѣламъ отечества. — С. Ф. Апраксинъ. — Расположеніе полковъ по зимнимъ квартирамъ 1757 г. 589

LIII. Жизнь въ Курляндіи. — Чтеніе и письмо. — Знакомство съ латышскимъ языкомъ. — Переводъ въ гренадерскую роту. — Дѣйствія на театрѣ войны: побѣды Фридриха II надъ союзниками въ концѣ 1757 г. . . . 606

LIV. Занятіе Кенигсберга. — Отозваніе Апраксина. — Назначеніе графа Фермора начальникомъ арміи. — Быстрота его дѣйствій. — Зимній походъ въ Пруссію. — Занятіе Тильзита и Кенигсберга. — Выступленіе въ походъ полковъ, зимовавшихъ въ Курляндіи. 1758 г. 619

LV. Вторичный походъ въ Пруссію. — Легкость похода. — Католическія часовни въ Литвѣ. — Синагоги. — Висѣльцы съ казненными ворами. — Польская уха. — Игра въ карты. — Зальцбургскіе эмигранты. — Городъ Гумбиннъ. — Мелкій католическій государь-епископъ. — Самообичеваніе фанатиковъ-католиковъ. — Трудность конца похода 1758 г. 631

LVI. Стояніе при Торунѣ. — Жулавы — образцово-благоустроенныя селенія на Вислѣ. — Городъ Торунь. — Нѣмецкій журналъ. — Панорама. — Нежность офицеровъ къ чтенію. — Политическія обстоятельства и интриги. — Тайное соглашеніе короля прусскаго съ наследникомъ російскаго престола. — Паденіе Бестужева. — Приготовленіе союзниковъ и короля прусскаго къ продолженію войны и новыя успѣхи пруссаковъ . 646

LVII. Походъ въ Кенигсбергъ. . . . 661

LVIII. Входъ въ Кенигсбергъ. — Квартира. — Покупка и разрисовка картинъ. — Приключеніе въ караулѣ. . 672

LIX. Въ Кенигсбергѣ. — Новая квартира. — Панорама. — Знакомство съ оптикомъ и приобретеніе камеръ-об-

скуры. — Увлечение офицеров распутством. — Назначение Волотова къ письменнымъ дѣламъ. — Неприязнь нѣмцевъ къ русскимъ. 1758 г. 683

LX. Описание Кѣнигсберга. Рѣка Прегель. — Крѣпость. — Замокъ. — Портреты Лютера и его жены. — Публичная библіотека. — Улицы, площади, церкви и гробницы. — Садъ купца Сатургуса. — Водяная колокольная игра. — Устройство домовъ. — Нравы, обычаи, образъ жизни кѣнигсбергцевъ. 1758 г. 700

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и пребыванія моего въ Кѣнигсбергѣ.

1758—1759.

LXI. Пребываніе въ Кѣнигсбергѣ. — Ярмарка. — Польскіе жиды. — Даровой площадной театръ, для сбыта народу шарлатанскихъ лекарствъ. — Волокитства офицеровъ. 1758 г. 715

LXII. Приѣздъ Корфа. — Обстоятельства возвышенія Н. А. Корфа. — Назначеніе его губернаторомъ, управляющимъ Пруссією. — Определеніе Волотова переводчикомъ въ канцелярію губернатора. 1758 г. 726

LXIII. При Корфѣ. — Причина назначенія Волотова переводчикомъ. — Характеристика лицъ служащихъ при губернаторѣ и въ его канцеляріи . 739

LXIV. Характеръ Корфа. — Образъ его жизни въ Кѣнигсбергѣ. — Балы. — Дворецъ въ Кѣнигсбергѣ. — Книга графа Оксенштирна. 1758 г. 750

LXV. Исторія войны. — Побѣды пруссаковъ надъ французами. — Взятіе прусскимъ королемъ крѣпости Швейдница. — Безуспѣшная осада крѣпости Ольмица. — Дѣйствія принца Брауншвейгскаго. — Движенія и дѣйствія русскихъ войскъ. — Сожженіе города Кюстрина. 1758 г. 764

LXVI. Битва Цорндорфская. — Живость нѣмецкихъ извѣстій. — Быстрота дѣйствій короля прусскаго. — Военное построеніе русской арміи. —

Дѣйствія прусскаго генерала Зейдлица. — Пьянство солдатъ во время сраженія. — Потери обѣихъ сторонъ. — Нерѣшительность генерала Фермора. — Жестокость прусскаго короля съ плѣнными русскими генералами. — Дѣйствія австрійцевъ и французовъ противъ пруссаковъ . . . 780

LXVII. Извѣстія военныя. — Чрезвычайная убыль офицеровъ въ русской арміи. — Полковникъ князь Долгоруковъ. — Призывъ въ полкъ. — Выступление полка изъ Кѣнигсберга . . . 797

LXVIII. Покупна книга. — Библіотека для чтенія 812

LXIX. Забавы и развлечения. — Романы. — Танцы. — Еврейская свадьба. — Балъ для званыхъ и незваныхъ. — Первые танцы въ обществѣ 822

LXX. Губернаторскіе балы. — Любовь Корфа къ графинѣ Кейзерлингъ. — Флигель-адъютантъ короля прусскаго графъ Шверинъ. — Григорій Григорьевичъ Орловъ. — Театръ. — Маскарады. — Ярмарка 836

LXXI. Политич. извѣстія. — Фроловъ-Багреевъ. — Опасенія за армію. — Свидѣтельствованіе артиллеріи. — Единороги. — Безуспѣшныя старанія Англіи и прусскаго короля о склоненіи Россіи къ нейтралитету. — Пруссія и французскія интриги и подкупы въ Турціи. — Политика Англіи. — Союзъ Россіи съ Швецією и Данією. — Приготовленія прусскаго короля къ продолженію войны. — Требованіе Волотова въ полкъ и оставленіе въ губернаторской канцеляріи. 1759 г. 847

LXXII. Увеселительные сады. — Гулянья. — Книга Зульцера о природѣ. — Стихотворство. — Художества. — Устройство фонтана. — Шалости 858

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и пребыванія моего въ Кѣнигсбергѣ.

1759—1760.

LXXIII. Въ Кѣнигсбергѣ. — Новый

главнокомандующій П. С. Салтыковъ. — Старичофъ - полковникъ - любитель наукъ. — Поручикъ Пассекъ. — Капитанъ Писаревъ. — Приготовленія къ открытію русскихъ любительскихъ спектаклей. — Еврейская синагога. 1759 г. 869

LXXIV. Новая квартира. — Хозяйства. — Книга Гофмана. — Лекарственное свойство куренья табуку при питьѣ чая. — Книжные аукціоны. — Архимандритъ Ефремъ. — Чеканка русской монеты въ Кёнигсбергѣ. 1759 г. 887

LXXV. Исторія войны. — Разбитіе пруссаковъ французами. — Насильственная вербовка поляковъ въ прусскую армію. — Генераль Ферморъ, по передачѣ командованія армію графу Салтыкову, поступаетъ подъ его начальство. — Письмо прусскаго короля къ графу Дона о передачѣ командованія армію генералу Веделю. — Побѣда русскихъ надъ пруссаками при Одерѣ. — Присоединеніе австрійцевъ къ русской арміи. — Расположеніе русскихъ и австрійскихъ войскъ предъ Кунесдорфской битвой. 1759 г. 900

LXXVI. Кунесдорфская баталія. — Атака короля прусскаго. — Критическое положеніе русской арміи. — Отчаяніе главнокомандующаго. — Увлеченіе прусскаго короля и послѣдованіе совѣту генерала Веделя. — Дѣйствія австрійскаго генерала Лаудона. — Гибель прусской арміи. — Опасность для жизни и свободы Фридриха II и спасеніе его ротмистромъ Притвицомъ. — Потери обѣихъ сражавшихся сторонъ. 1759 г. . . . 912

LXXVII. Всеобщая утѣренность въ возможности взятія у пруссаковъ Берлина. — Бездѣйствіе и взаимныя неудовольствія русскихъ и австрійцевъ. — Награды за Кунесдорфскую побѣду. — Недоставка австрійцами провіанта для русскихъ войскъ. —

Дѣятельность прусскаго короля. — Положеніе воюющихъ. 1759 г. . . . 92

LXXVIII. Жизнь въ Кёнигсбергѣ. — Маскарады въ театрѣ. — Балансёръ. — Бранчивость Корфа. — Студенты изъ Московскаго университета въ Кёнигсбергѣ. — Любовная шашня секретаря Чонжина. — Братья Олины. — Пожаръ на монетномъ дворѣ. — Пожаръ въ канцеляріи Корфа. — Ссора Корфа съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. — Женскія нагрѣвательницы. — Фальшивая тревога въ киркѣ о пожарѣ. 1759 г. 93

LXXIX. Кёнигсбергъ. — Иллюминація въ день новаго 1760 года. — Гишпанскій посолъ. — Попытка нейтральныхъ дворовъ къ восстановленію мира. — Новыя приготовленія воюющихъ сторонъ. — Прусскія вербовки. — Науки, чтеніе книгъ, знакомство со студентами. — Увеселенія. — Каташе въ шляпкѣ. 1760 г. 951

LXXX. Отдѣла новыхъ покоевъ въ замкѣ для губернатора. — Празднества. — Пресыщеніе танцами. — Свадьба совѣтника Баумана. — Фейерверкъ. — Проѣздъ графа П. Г. Чернышова въ Испанію, въ качествѣ посла. — Предложеніе Волотову званія адъютанта при Корфѣ. — Полученіе доходовъ изъ деревни. — Изготовленіе новыхъ знаменъ для арміи. — Выработка характера. 1760 г. 966

LXXXI. Продолженіе самообученія по книгамъ. — Памятная книжка. — Познаніе превосходства крузіанской философіи предъ вольфіанскою. — Лекціи магистра крузіанской философіи Веймана. — Пансіонъ Ковалевскаго. — Производство въ поручики. 1760 г. 981

LXXXII. Дружба съ лейтенантомъ Тулубовымъ. — Переписка. — Опасность отъ свѣчи. — Освященіе кирки въ православную церковь. — Смерть и погребеніе генерала Языкова. 1760 г. 995

Примѣчаніе. Къ первому тому „Записокъ Болотова“ приложенъ портретъ автора, имъ самимъ нарисованный; гравир. академикъ Л. А. Оѣряковъ. Въ текстѣ записокъ помѣщено двадцать четыре рисунка, Болотовымъ же исполненныхъ и г. Сѣряковымъ гравированныхъ. Подробный алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ автобіографіи Болотова смотри въ концѣ послѣдняго тома его сочиненія.

Stanford University Libraries

3 6105 013 547 943

DK
161
B6
A33
V.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

AUG - 3 1975

MAY 13 1991-ILL